

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ГРАММАТИКА
СОВРЕМЕННОГО
БАШКИРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1981

В монографии дано систематическое описание грамматического строя башкирского литературного языка — его фонетики, морфологии и синтаксиса. Книга содержит разделы об аллофонах, фонеморфологии, синтаксисе словосочетаний, связанном сказуемом и т. д. Грамматика носит нормативный характер.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. А. ЮЛДАШЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача создания грамматики современного башкирского литературного языка назрела сравнительно давно и становится все более актуальной по мере развития башкирского и тюркского языкознания.

Со времени публикации широко известной первой академической «Грамматики башкирского языка» чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева (М.—Л., 1948), давно ставшей библиографической редкостью, прошло уже более 30 лет (она была написана еще в 1940 г.). За это время башкирское языкознание обогатилось монографическими исследованиями докторов филологических наук Дж. Г. Киекбаева, К. З. Ахмерова, Г. Г. Саитбатталова, А. А. Юлдашева, З. Г. Ураксина, Т. М. Гарипова, П. Х. Ишбулатова и кандидатов филологических наук Т. Г. Баишева, М. В. Зайнуллина, В. Ш. Псянчина, А. Г. Биешева, Х. Г. Юсупова, К. З. Ишмухаметова, Н. Х. Максютовой, А. Х. Фатыхова, А. М. Азнабаева, З. З. Абсалямова, Р. Х. Халиковой, М. Х. Ахтямова, С. Ф. Миржановой, А. А. Камалова, Р. З. Шакурова, Т. Х. Кусимовой, Э. Ф. Ишбердина, И. Г. Галаяутдинова, Р. Ф. Зарипова, К. Г. Ишбаева и др., новыми учебными грамматиками, множеством содержательных статей по самым различным вопросам башкирского языкознания.

В трудах башкирских ученых получили дальнейшее развитие плодотворные идеи Н. К. Дмитриева о звуковом и грамматическом строе башкирского языка, впервые отмечены и описаны очель многие явления башкирской фонетики, фонологии и грамматики, ранее остававшиеся незамеченными. Кроме того, за истекшие годы, особенно за последние десятилетия, расширились и углубились наши общетюркологические познания в области грамматики и фонологии. Появились новые разделы тюркского языкознания: фонология, морфонология, грамматическая синонимия и стилистика, структурно-семантический анализ морфологических и синтаксических единиц, актуальное членение и др., достижения в которых побуждают по-новому взглянуть на многие явления башкирской фонологии и грамматики. Накопилось значительное число работ, посвященных общим вопросам теории тюркского слова и синтаксиса. Выявлены новые фактические материалы, идущие в разрез с существующим толкованием служебных имен, принципов выделения второстепенных членов предложения, способов формального выражения грамматических значений и многие другие. В их свете с полным основанием пересматриваются многие традиционные положения, предлагаются новые решения.

Результаты теоретических поисков и многочисленных специальных исследований в области башкирского и тюркского языкознания, выполненных за истекшие годы, настолько значительны, что их использование при создании академической грамматики составляет самостоятельную задачу, без осуществления которой уже невозможно создать такой труд на подлинно научной основе. Да и сама практика составления академической грамматики не стоит на месте, совершенствуется ее методика, разрабатываются все более строгие принципы показа явлений языка в их живой системе.

Настоящая грамматика ставит своей целью возможно более полное научно обоснованное систематическое изложение грамматического строя современного литературного башкирского языка с учетом всего того ценного, что сделано и делается в этой области по башкирскому и другим тюркским языкам после выхода в свет названной грамматики Н. К. Дмитриева. Авторы стремились к наибольшей полноте охвата морфологии и синтаксиса, к точ-

ности его грамматической характеристики на уровне достижений тюркской лингвистической мысли.

Замысел этот удался, к сожалению, далеко не во всем. Это объясняется главным образом неравномерной изученностью многих разделов грамматики, в частности недостаточной разработанностью простого и отчасти сложного предложения и отсутствием единства в теоретическом осмыслении и грамматической квалификации ряда явлений тюркского синтаксиса и морфологии не только в башкирском, но и в тюркском языкознании — деепричастных и причастных конструкций, границ придаточных предложений и обстоятельственных оборотов, природы предложений с прямой речью, категории залога и вида, категориальной принадлежности имени действия на *-уу/-еу* и некоторых глобальных словообразовательных форм, например на *-лы/-ле*, *-дай/-дэй* и т. п. Отсутствие однозначного решения этих и других сходных сложных вопросов, естественно, не могло не отразиться в настоящей грамматике.

Грамматика рассчитана на широкий круг специалистов не только по башкирскому, но и по другим тюркским языкам, а также для аспирантов и студентов профилирующих кафедр вузов тюркоязычных республик и областей.

Она составлена коллективом башкирских лингвистов Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Башкирского государственного университета при участии старшего научного сотрудника Института языкознания АН СССР доктора филологических наук А. А. Юлдашева (руководитель темы) по разработанному им проспекту¹.

Авторами разделов предлагаемой грамматики являются:

Абсалямов З. З. — Наречие;

Ахтямов М. Х., Гарипов Т. М. — Словообразование существительных, Словообразование прилагательных;

Зайнуллин М. В. — Формы модальности глагола, Категория наклонения, Изъявительное наклонение, Модальные слова, Причастие;

Ишбаев К. Г., Ураксин З. Г. — Инфинитивные формы глагола, Имя действия;

Ишбулатов Н. Х. — Изменение гласных в потоке речи (ассимиляция, диссимиляция, метатеза);

Ишмухаметов З. К. — Подражательные слова;

Максютова Н. Х. — Послелог, Частицы, Союзы;

Пеянчин В. Ш. — Местоимение, Имя числительное;

Саитбатталов Г. Г. — Предложение, Периоды, Прямая и косвенная речь;

Ураксин З. Г. — Имя существительное, Грамматические категории имени существительного, Имя прилагательное (Вводные замечания), Степени сравнения, Формы выражения усиления и ослабления признака, Междометия, Звательные слова, Связи слов, Словосочетание;

Юлдашев А. А. — Введение, Звуковой строй башкирского литературного языка, Башкирский алфавит и орфография, Сведения по фономорфологии, Морфология (Вводные замечания), Глагол (Вводные замечания), Словообразование глагола, Категория отрицания, Категория переходности/непереходности, Категория залога, Повелительное наклонение, Желательное наклонение, Условное наклонение, Сослагательное наклонение, Наклонение намерения, Деепричастие), Синтаксис (Вводные замечания, Связанное сказуемое).

¹ Проспект грамматики современного башкирского литературного языка. Уфа, 1974.

ВВЕДЕНИЕ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык — национальный язык башкирского народа (по переписи 1979 г. 1371 тыс. чел.), населяющего Башкирскую АССР и частично отдельные районы Челябинской, Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской, Курганской, Пермской и Свердловской областей РСФСР¹. Он относится к кыпчакской группе тюркских языков, среди которых ближе всего стоит к татарскому языку, отличаясь от него преимущественно консонантизмом и лексикой.

Современный башкирский национальный язык представлен двумя основными формами — литературной и народно-разговорной.

Литературная форма современного башкирского языка сложилась фактически после образования Башкирской АССР, когда благодаря осуществлению ленинской национальной политики для этого были созданы все необходимые предпосылки и условия. Представленный ранее в основном довольно обширными рукописными и печатными башкирскими текстами XVI—XX вв.² литературный язык вплоть до 30-х годов нашего столетия не имел единых норм — своего наиболее существенного признака. К тому же, будучи письменным, он был достоянием только грамотного населения, главным образом духовенства. В устном общении им не пользовались, ибо он резко отличался от народно-разговорного башкирского языка, развивався в отрыве от него.

Все дошедшие до нас письменные источники XVI—XIX вв., исключая в известной мере наиболее ранние деловые бумаги и отдельные шежере, по языку ориентированы в целом на поволжский вариант «тюрки». В более поздний период — на рубеже XIX—XX вв. — письменный язык башкир развивается под влиянием татарского литературного языка. Благодаря усилиям башкирских просветителей конца XIX в. М. М. Бикчурина, М. И. Уметбаева и прогрессивных башкирских писателей уже в начале XX в. намети-

¹ Население СССР. М., Политиздат, 1980, с. 24. — Подробные сведения о расселении башкир см.: Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Башкиры: (историко-этнографический очерк). Уфа, 1963.

² Наиболее ранними текстами на башкирском языке являются копии шежере, относящиеся к XVI в. (Башкирские шежере. Сост. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1960), затем — деловые бумаги (челобитные, купчие записи, официальные письма чиновников и т. п.) XVII—XVIII вв., написанные преимущественно на «тюрки», хранящиеся в ЦГАДА и большей частью опубликованные в «Материалах по истории Башкирской АССР», т. 3 (М.—Л., 1946), т. 4 (М.—Л., 1956), а также в кн.: Добромыслов А. И. Материалы по истории России. Оренбург, 1900, т. 1—2. — Из текстов последующего периода, наряду с деловыми бумагами, хранящимися в архивах, уцелело немало рукописных литературных произведений, в том числе ряд объемистых книг (см.: Харисов Э. Башкорт халкының әзеби мирасы: XVIII—XIX быуаттар. Өфө, 1965), не говоря уже о произведениях религиозно-клерикальных писателей — их создано особенно много после образования в Уфе Центрального духовного управления мусульман (1788 г.). С середины XIX в. на башкирском языке начинают появляться и печатные произведения. Среди них самыми значительными по языку являются фольклорные записи В. Юматова, М. В. Лосиевского, С. Кукляшева, М. Бикчурина, И. Н. Березипа, А. Г. Бессонова, С. С. Рыбакова и др.

лось сближение письменного языка башкир с устным. Однако влияние «тюрки» и татарского литературного языка на письменный язык башкир было настолько устойчивым и глубоким, а поддержка, которой пользовался этот традиционный письменный язык со стороны реакционного слоя башкирской интеллигенции и духовенства, чуждающегося всего народного, была настолько сильной, что в тех условиях этот процесс не мог получить широкого развития.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и осуществления ленинской национальной политики демократизация башкирского письменного языка получила реальную основу и стала одной из важнейших и неотложных задач всей общественности Башкирской АССР³. Именно в этот период — в 20-е годы — началась постепенная замена прежнего письменного языка подлинно народным языком и широкое его внедрение во все сферы общения, оживившиеся в то время: в печать, школьное обучение, радиовещание, делопроизводство, в разветвленную сеть культурно-просветительских мероприятий.

В связи с быстрым развитием общественных функций башкирского языка требовалось обновление его литературной формы. Сначала оно протекало во многом стихийно и поэтому при отсутствии единых норм вскоре привело к большому разнообразию в правописании, орфоэпии и, в особенности, в употреблении коммуникативно необходимой лексики. Актуальной задачей стало неотложное решение сложной проблемы нормализации национальных основ литературного языка, которая широко обсуждалась в печати⁴.

После оживленных споров было принято решение в целях нормализации литературного языка и упрочения его национальных черт положить в его основу куваканский диалект⁵, именуемый ныне восточным. Однако осуществление этого решения при всем старании его сторонников не дало ожидаемых результатов. Литературный письменный язык во всех сферах его функционирования в течение 1921—1924 гг. стал действительно близким к народно-разговорной форме башкирского языка, впитав в себя его общенародный фонд, многие черты восточного диалекта и весьма разнородных его говоров. Однако он не приобрел необходимого единообразия (особенно в публицистике, где по-прежнему наблюдался большой разноразбой в употреблении национальной лексики, отчасти в орфоэпии и правописании).

Многие локальные черты восточного диалекта и его говоров, широким потоком влившиеся в то время в печатную литературу, рассчитанную на массового читателя, не вошли в широкий обиход, оставшись достоянием преимущественно самих посетителей этого диалекта, составляющих всего не-

³ Вопрос о демократизации башкирского языка рассматривался в мае 1918 г. на специальном совещании Народного Комиссариата по делам национальностей в Москве. В соответствии с его решением в том же году была организована Центральная комиссия по реализации башкирского языка во главе с видным государственным и общественным деятелем Ш. А. Худайбердиным. Эта комиссия на протяжении ряда лет целеустремленно занималась всеми практическими вопросами языкового строительства: созданием полиграфической базы и национального издательства, усовершенствованием письменности и орфографии, внедрением башкирского языка в школах, театре, печати, подготовке учебников, сводов орфографических правил и т. п.

В июне 1921 г. на II съезде Советов Башкирии было принято постановление об общественной функции башкирского языка. См. об этом более подробно: Закондар кораманы: (Башкорт телен тормошка индереу тураһында). Өфө, 1926; Башкортостапта ерле телде дәүләтләштерәү. Өфө, 1928; Яңы әлепбизе тормошка узарыу юлында. Өфө, 1928; Мәғазов Р. Башкортостап беренсе яңалиф конференцияһының материал һәм қарарлары. Өфө, 1928; Башкорт телен бойомға атқарыу тураһында закондар кораманы. Өфө, 1930; Яңы әлеп тураһында хөкүмәт директивалары. Өфө, 1930; Башкорт яңы әлепбейе тураһында Башкортостап үзәк башкарманы: ӘКН халық комиссарлары контроль комиссия, Башпрофсовет һәм Башкорт әлеп үзәк комитетенең қарар, бойороқ һәм циркулярлары йыйынтығы. Өфө, 1931.

⁴ См.: Башкортостапта рәсми һәм әдәби тел мәсьәләләре. — Башкортостан хәбәрләре (Стерлетамақ), 1925, 26 апр.; Башкортостап, 1922, 30 нояб.; Кузиев Р. У. Шәһит Хөзайбирзин. Өфө, 1961.

⁵ Башкортостап хәбәрләре (Стерлетамақ), 1921, 2 апр.

многим более 200 тыс. чел.⁶. Фонетические и лексические диалектизмы, характерные для восточного диалекта, оказались противопоставленными особенностям остальных башкирских диалектов и говоров (носители которых насчитывают более 70% всего башкирского населения), в том числе и южного диалекта, имеющего, как и восточный диалект, наряду с общенародными чертами башкирского языка и свою диалектную специфику. Восточный диалект при таких условиях не смог приобрести общенародную значимость (тем более что он и поныне не отличается единообразием⁷), не смог втянуть ни свои основные говоры, ни тем более остальные говоры башкир в общее русло развития литературного языка.

Эту важнейшую роль, которую и должен выполнять опорный диалект при языковом строительстве, могли сыграть вместе восточный и южный башкирские диалекты. Именно на их базе давно наметились и по мере интенсификации междиалектных связей, обусловленной социально-экономическими факторами⁸, естественным путем шли консолидация и расширение предшествующего процесса объединения всех разновидностей башкирского разговорного языка, формирование и укрепление его национальных основ, о чем свидетельствует богатейший многовековой фольклор, наиболее полно отражающий становление единой народно-разговорной формы башкирского языка.

Общность восточного и южного диалектов, носители которых и составляют основную массу башкирского народа, при существенных различиях этих диалектов в области фонетики и лексики всегда была и остается главным фактором в развитии единого разговорного общенародного башкирского языка, а различительные черты диалектов служили и могут служить в дальнейшем базой обогащения национальных основ и выразительных средств всех форм башкирского языка. Литературный язык, вбирая в себя все накопленное богатство существующих разновидностей народно-разговорной формы языка, должен был упрочить и расширить свой общенародный фонд за счет ресурсов именно этих двух диалектов, на которые и стало всецело ориентироваться языковое строительство в Башкирии, начиная с 1925 г.

Вовлечение в литературную норму общенародного фонда разговорного башкирского языка и, в особенности, различительных черт восточного и южного диалектов было ввиду их противопоставленности длительным и чрезвычайно трудным, хотя оно и протекало в благоприятных социальных условиях. Уже в середине 20-х годов были разработаны многие принципы нормализации литературного языка⁹, которые из года в год совершенствовались, дополнялись практическими рекомендациями, установками в виде свода правил, орфографических словарей и т. п.¹⁰. Однако необходимо было осуществить нормализацию в более широких масштабах, ибо в связи с неуклонным ростом общественных функций литературного языка стал наблюдаться разноречие, особенно в терминологии и отчасти фонетике¹¹.

С одной стороны, было совершенно необходимо очистить литературный язык, во-первых, от многочисленных чуждых терминов арабского и персидского происхождения, которыми была наводнена общественно-политическая, научно-популярная и отчасти учебная литература того времени, во-

⁶ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, с. 5.

⁷ Там же, с. 13—287.

⁸ Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М., 1952, с. 59 и сл. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 481—491 и сл.

⁹ Вилданов Ф. Башкорт шиуәһендә язуу, һәйләшәү өсөн белдергә тәйшле булган төп кағизәләр. — Белем, 1924, № 1, 2; Фабитов Х., Таһиров Н. Башкортса язуу коралы. Өфө, 1924; Фабитов Х., Алпаров Ф. Башкорт теленең имләһе. Өфө, 1925.

¹⁰ Дәүләтшин Ф. Башкорт теле һәм улы дәрәҗә язуу кағизәләре. Өфө, 1929; Он же. Башкорт теленең имлә һүзләге. Өфө, 1930; Он же. Башкорт теленең имләһе. Өфө, 1930; Башкорт теле орфографияһы. Өфө, 1934; Әхмәр К. Башкорт телендә тыныш билдәләре. Өфө, 1936; и др.

¹¹ К тому же ранее предложенные нормы с учетом особенностей восточного диалекта во многом шли в разрез с новыми установками, ориентированными одновременно на два основных башкирских диалекта.

вторых, от явных татаризмов, по инерции бытующих в письменной речи, несмотря на наличие их эквивалентов в общенародном башкирском языке, а также от некоторых норм прежнего правописания, по традиции соблюдаемых в периодической печати; в-третьих, от сугубо локальных фонетических, фонетико-морфологических и, в особенности, от лексических диалектизмов не только восточного диалекта, но и говоров, которые без всякого ограничения бытовали в прессе того времени ¹², в-четвертых, от неприемлемых архаизмов и элементов пуризма типа *аланкорт* 'сталь', *ором* 'род', *маңыз*, *истилах* 'термин', которые засоряли печать из-за отсутствия научно обоснованных принципов терминоведения ¹³.

С другой стороны, нужно было взамен этого огромного наносного слоя отобрать на разумной основе и по возможности как можно быстрее вовлечь в литературную норму, во-первых, общенародные элементы существующих разновидностей народно-разговорного языка с учетом всех башкирских говоров, во-вторых, его междиалектные элементы, представленные главным образом в опорных диалектах башкирского языка, в-третьих (что самое трудное), элементы, являющиеся различительными признаками опорных диалектов, имеющие взаимоисключающий характер, и, наконец, в-четвертых, значительную часть коммуникативно необходимой вновь создаваемой терминологии, в том числе калек с русского языка и прямых заимствований.

Естественно, что столь сложную и чрезвычайно актуальную в то время задачу можно было успешно и сравнительно быстро осуществить только на научной основе, привлекая для этого лучших знатоков башкирского языка. Это предполагало трудоемкую предварительную работу по выяснению всех наличных и потенциальных ресурсов башкирского языка (а не только его опорных диалектов), которую и развернули башкирские языковеды еще в конце 20-х годов при деятельном участии Н. К. Дмитриева, организовав планомерные диалектологические экспедиции ¹⁴.

Одновременно началось обновление и обогащение башкирской терминологической лексики ¹⁵, которое особенно плодотворным стало в 30-х годах ¹⁶, когда в соответствии с возрастающими запросами национального издательства и широкой сети учебных заведений один за другим стали появляться необходимые терминологические словари, созданием и усовершенствованием которых вначале занималась Центральная комиссия по реализации башкирского языка при Народном комиссариате Башкирской АССР, а впоследствии Научно-исследовательский институт языка и литературы им. М. Гафури и Постоянная терминологическая комиссия при Президиуме Верховного Совета Башкирской АССР, образованная в 40-е годы и успешно работающая поныне.

¹² См. более подробно: Юлдашев А. А. Башкирский язык. — Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М., 1969, с. 129 и сл.

¹³ Юлдашев А. А. Формирование единых норм башкирского языка. — Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960, с. 289 и сл. (Тр. Ин-та языкознания АН СССР; Т. 10).

¹⁴ Дмитриев Н. К. Краткий отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда экспедиции Академии наук. — Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения. Уфа, 1928, № 3. Әхмәр Ж. Фөндәр Академияһының Башкортостан экспедицияһы өтрөгөрөнөң 1928 йылдың йөйөндө эшләгән эштәре. — Башкорт аймағы, 1927, № 7; Шакиров З. 1929-ның йылдың йөйөндө Башкортостанды өйрөнөү йөмғиәте тарафынан Арғаяш кантонында тел һәм фольклор байкауҙар яһау өсөн өбөрөлгән өтрөгөтөң кыскаса хисабы. — Белом, 1930, № 2.

¹⁵ Уже в середине 20-х годов языковеды занимались разработкой принципов терминологии и отраслевых специальных словарей: Фабидов Х. Маңыз (терминдәр) ҙар тикшерүҙә тоғкап юлыбыз. — Башкорт аймағы, 1926, № 2; Вильданов Ф. Әһ ата-малары (терминдәре). Офө, 1927; Зоология һәм анатомияһан истилахтар. — Белом, 1924, № 1, 2; Физика истилахтары. — Белом, 1924, № 1, 2; Физика терминдәре. — Белом, 1925, № 11, 12 и др.

¹⁶ В этот период появилась первая серия терминологических словарей по химии, математике, физике, языкознанию, медицине и другим отраслям науки, в 40-х и начале 50-х годов последовала вторая, более полная и усовершенствованная серия терминологических словарей (см.: Словари, издаваемые в СССР. М., 1966, с. 138 и сл.).

Наряду с разработкой терминологии первой необходимости и ее внедрением в обиход в условиях большого разнобоя в этой области шла регламентация и обогащение остальной лексики литературного языка. Сознательное вмешательство языковедов и общественных организаций, занимавшихся языковым строительством, в этот сложный и длительный процесс, в конечном итоге регулируемый самой жизнью языка, неуклонным ростом его общественной значимости в сфере массовой коммуникации, не могло быть эффективным. Тем более что лексические ресурсы башкирских диалектов в то время еще не были выявлены. Усилия языковедов и вообще нормализаторская деятельность в этой области сводилась лишь к разработке некоторых общих и частных принципов отбора лексики из оморных диалектов и к практическому отбору крайне незначительного круга слов, по которым отличались эти диалекты¹⁷.

Сама нормализация литературного башкирского языка и пополнение его необходимой лексикой за счет ресурсов башкирских диалектов и других источников (как и употребление в качестве литературной нормы сознательно отобранных слов, по которым противопоставлены друг другу восточный и южный диалекты башкирского языка) практически протекала в сфере массовой коммуникации, по мере развития национальной публицистики и многожанровой художественной литературы. Они постепенно вбирали в себя накопленное богатство башкирской народной лексики, все более расширяя ее состав за счет устоявшихся популярных лексических ресурсов прежней литературной традиции, заимствований из русского языка и новой терминологии, более или менее активно применяемой до этого лишь в учебной и специальной литературе, предназначенной для ограниченного круга читателей.

Литературный язык постепенно включал в себя общую лексику местных диалектов и говоров и незначительную часть специфических башкирских слов, в том числе и диалектизмов, восточного и отчасти южного диалектов, но не представленных в северо-западных говорах башкир и в татарском языке, под влиянием которого развивались эти говоры. Когда в основу литературного языка было решено положить восточный диалект, из него широким потоком в печать влились без всякого ограничения диалектизмы, непонятные большинству башкирских читателей.

Письменный литературный язык в начальный период своего формирования наряду с названным основным источником — народно-разговорным языком и диалектами — широко пользовался также и традиционной лексикой, которая ранее не входила в активный запас слов даже грамотного слоя башкирского населения. Большую часть этого лексического наследия, бытовавшего в то время в печати, составляли заимствованные в свое время слова арабского и персидского происхождения, недоступные для массового читателя. Такова была, в частности, общественно-политическая, научно-техническая и учебная терминология, без которой невозможно обойтись и которая из-за отсутствия ее эквивалентов в народном башкирском языке использовалась почти неограниченно.

Впоследствии, в 30-х годах, многие арабизмы и фарсизмы, бытовавшие по сути лишь в печати, равно как и не вошедшие в обиход предложенные вместо них неологизмы и архаизмы, постепенно были вытеснены башкирскими словами, в том числе и привившимися новообразованиями типа *уҡытыусы* 'учитель' (вм. *мәғаллим*), *һынау* 'испытание', *һүҙлек* 'словарь' (вм. *лөғәт*), *көнбайыш* 'запад' (вм. *ғәрәп*) и заимствованиями из русского языка типа *экзамен* (вм. *имтихан*), орфография (вм. *имлә*), *культура* (вм. *мәҙәниәт*). Однако в целом и традиционное лексическое наследие, почерп-

¹⁷ *Ғабитов Х.* Маңыҙзар (терминдәр) тикшерүҙе тоткан юлыбыҙ. — Башкорт аймағы, 1926, № 2; Башкорт ғәҙәби телде терминологияһының принциптары тураһындағы доклад буйынса резолюция. Өфө, 1940; *Ваишев Т. Ғ.* Ғәҙәби телдә лексика норманы билдәләү принциптарына карата. — Ҡызыл Башкортостан, 1940, 17 окт.; *Әлмәр К.* Башкорт ғәҙәби телендә лексик норманы һәм терминология мәсьәләләре. — Октябрь (Өфө), 1948, № 7; *Ваишев Т. Ғ.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1951, с. 30, 112 и сл.

нутое главным образом из татарского литературного языка, также получило в Башкирии широкое распространение, особенно в северо-западных ее районах. Поэтому весьма большой пласт таких слов прочно вошел в литературную норму, хотя они и имели полные лексические соответствия как в самом народно-разговорном башкирском языке, так и в его литературной форме. Благодаря этому нормативная башкирская лексика обогатилась синонимами, и тем самым расширились ее стилистические возможности.

Комплектование необходимого состава башкирской нормативной лексики, ее регламентация и стилистическое развитие на протяжении всей истории башкирского языка сопровождались значительным притоком лексических диалектизмов. Это послужило и продолжает служить и ныне самым значительным источником стилистической дифференциации и пополнения синонимических рядов башкирской нормативной лексики, в современном своем состоянии характеризующейся достаточной развитостью, чтобы удовлетворять возрастающие запросы коммуникации на родном языке.

Сложившаяся в результате многовекового самобытного развития древнетюркского, общетюркского и межтюркского наследия башкирская лексика выделяется в целом большим своеобразием, во многом резко отличающимся от других тюркских языков, в том числе и от татарского, хотя ее наиболее устойчивая и общеупотребительная часть и состоит в основном из исконно тюркских слов и производных лексических единиц, образованных на их базе исконно тюркскими способами словообразования.

Сравнительно быстро сформировались и устоялись нормы башкирской фонетики и орфоэпии.

По составу фонем, по их основным различительным признакам и аллофонам, по распределению гласных в корневых и аффиксальных морфемах, по употреблению согласных в корнях и не в инициале аффиксов, кроме /h, /z/, /ç/ и начальных этимологических *л, *д, *б, *п, *т, и вообще по наиболее существенным специфическим чертам, составляющим национальную основу башкирской фонетики, отличающей ее от других тюркских языков, разговорный башкирский язык во всех его разновидностях представляет достаточно большое и прочное единство, наглядно отражаясь в богатейшем разножанровом и необычайно популярном фольклоре башкирского народа. Об этом, помимо зафиксированных обширных фольклорных и некоторых других уцелевших письменных источников, со всей очевидностью свидетельствует сохранение основной природы башкирской фонетики в говорах башкир Саратовской, Курганской и Куйбышевской областей, веками развивавшихся в отрыве от основных башкирских говоров, представленных в самой Башкирии. Эти инотерриториальные говоры, насчитывающие в целом более 30 тыс. носителей, на общих основаниях органически входят по своим фонетическим и другим особенностям в состав либо восточного (например, башкирские говоры Курганской области, 13 тыс. чел.), либо южного (говоры башкир Саратовской и Куйбышевской областей, более 25 тыс. чел.)¹⁸, объединяясь с их говорами во всем основном и отличаясь от них примерно в той мере, в какой они сами различаются между собой.

Вполне закономерно, что столь большая общность башкирских диалектов и говоров в области фонетики¹⁹ послужила централизующей основой при становлении нормативной фонетики, учитывающей те черты, по которым опорные башкирские диалекты и их говоры отличаются друг от друга. Но нормирование фонетики требовало сознательного вмешательства: во-первых, отбора фонетических диалектизмов, представленных в опорных диалек-

¹⁸ Максютова Н. Х. Указ. соч., с. 5.

¹⁹ Таково, например, употребление начального й вм. ж или ж других тюркских языков кыпчакской группы, которым башкирские диалекты объединяются с диалектом мишарей, являющимся наиболее древним диалектом татарского языка. Таково, очевидно, и сравнительно последовательная эволюция древнетюркского вокализма, в остальных тюркских языках отраженная лишь рудиментарно, исключая лишь татарский, в этом отношении мало чем отличающийся от башкирского.

тах башкирского языка взаимоисключающими вариантами, во-вторых, внедрения результатов этого отбора в широкий обиход через печать, радио, театры, школы и другие каналы массовой коммуникации, которые в нормализации всех уровней языка и в его дальнейшем развитии сыграли самую решающую роль. Первой задачей занимались главным образом лингвисты, и второй — широкая общественность в лице писателей, журналистов, учителей и др. В результате постепенно, с большим трудом в литературный язык в качестве орфоэпической нормы вошли (главным образом в 30-е годы) многие фонетические явления обоих опорных диалектов, по которым они отличаются друг от друга до сих пор.

Особенно большие затруднения вызвало освоение норм фонетики, ориентированных главным образом на восточный диалект, поскольку, во-первых, носители его составляют всего примерно одну пятую часть башкирского населения (немногим более 201 тыс. чел., из которых половина представлена за пределами самой Башкирской АССР²⁰), во-вторых, эта довольно значительная часть фонетических норм характеризуется большой непоследовательностью и практически не имеет реальной опоры в диалектах, лишь частично соответствуя их специфике. Таковы, в частности: 1) ассимиляция и диссимиляция начальных аффиксальных этимологических *л, *д и *н, проявляющиеся в одних аффиксах по закономерностям восточного диалекта (например, варьирование л в аффиксе множественности -лар/-лар), а в других — в соответствии с особенностями южного диалекта и остальных башкирских говоров (ср. аффиксы -лы/-ле, -лыж/-лек, -лаж/-лак, -лата/-латэ, -лай/-лэй, -ла/-лэ и т. п.), и то далеко не последовательно (ср., например, изменения начального аффиксального н в восточном и южном диалектах; 2) распределение һ, ҫ и җ, в одних случаях отражающее особенности восточного диалекта, в других — южного; 3) распределение ж, ориентированное главным образом на восточный диалект; 4) большое число лексически крайне ограниченных (типа бутка 'каша', бута- 'перемешивать, тасовать', карлуғас 'ласточка' вм. ботка, бота-, карлығас во многих башкирских говорах) или полностью лексикализованных единичных диалектных оппозиций фонем (типа менән 'с' вм. белән в большинстве башкирских говоров), составляющих специфику башкирской фонетики, сохранившуюся лишь в одном из опорных диалектов.

По всем вопросам языкового строительства, вызвавшим долгие и оживленные споры и требующим неотложного решения, были постепенно разработаны достаточно приемлемые практические рекомендации и принципиальные установки, впоследствии проведенные в жизнь. Хотя многие из этих установок страдают явной непоследовательностью (ср. вышеприведенные примеры) и содержат искусственное смешение особенностей двух различных опорных диалектов, их осуществление в целом способствовало становлению литературной нормы на основе национальной специфики башкирской фонетики.

Важнейшей предпосылкой в создании норм литературного языка, особенно фонетики, послужила демократизация и усовершенствование национальной письменности. В 1923 г. в арабский алфавит башкирского языка был внесен ряд изменений, учитывающих его фонетические особенности. Одновременно были разработаны новые правила башкирского правописания, опубликованные в начале 1924 г.²¹ И хотя эти правила впоследствии были во многом усовершенствованы²², постичь систему письма было нелегко, в частности, изучить правописание гласных, не имеющих отдельного однозначного буквенного выражения. В 1930 г. был принят алфавит на базе латинской графики, позволивший построить правописание на фонетическом

²⁰ Максимова Н. Х. Указ. соч., с. 5.

²¹ Алфавит һәм орфография комиссияһы. Башҡорт һиүәләрендә яҙыу, һойләшөү әсәһе тейешле булған кәһиҙәләр. — Беләм, 1924, № 1, 2.

²² Ғәбитов Х., Таһиров Н. Башҡортса яҙыу коралы; Ғәбитов Х., Алһаров Ғ. Башҡорт телеһең имләһе.

принципе²³. К этому времени основные нормы фонетики, в том числе и орфоэпии, уже вполне сложились и это обстоятельство сыграло существенную роль в ускоренном усвоении не только нового правописания, но и норм фонетики, в которых, как было отмечено выше, еще наблюдался значительный разноречивый. Это было тем более важно, что стабилизация норм фонетики и усвоение нового правописания протекали в 30-х годах в условиях невиданного роста культурного уровня всего башкирского населения, когда необычайно расширились общественные функции литературного языка, ставшего, именно благодаря расцвету национальной культуры, достоянием самых широких масс.

В 1940 г. был принят русский алфавит с дополнительными знаками *ҕ, җ, ҙ, ҫ, һ, ң, ө, ү, ә* для обозначения специфических башкирских фонем. Научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы им. М. Гафури был разработан ныне действующий свод правил башкирского правописания²⁴, в основе которого за небольшим исключением также лежит фонетический принцип, обеспечивший сравнительно легкое и быстрое усвоение правописания широкими массами²⁵.

Из всех уровней языка наименьших усилий потребовала нормализация грамматического строя, поскольку в этой области, исключая известную долю словообразовательной морфологии и состава послелогов, союзов и сложных предложений с союзной связью, все разновидности башкирского языка обнаруживают в целом самую большую общность. Становление единых норм морфологии и синтаксиса завершилось гораздо раньше, чем регламентация фонетики и лексики. Еще в 30-е годы была постепенно устранена естественная двойственность морфологической структуры многих слов типа (*биләүсе // биләгес* >) *биләүсе* 'владелец', (*йыйынтыҡ // йыйынды* >) *йыйынтыҡ* 'сборник', (*тегәһйеп // тегәһйеп* >) *тегәһйеп* 'суровая нитка', (*тирәлә // тирәләй* >) *тирәлә* 'около, вокруг', обусловленная национальной спецификой опорных диалектов. В те же годы наместилось обогащение башкирской грамматики необходимыми словообразовательными формами и синтаксическими конструкциями с союзной связью и др. за счет ресурсов прежней литературной традиции, потенциальных возможностей устного башкирского языка и т. д. с ориентацией на развитие других литературных тюркских языков. На этот процесс, получивший особенно большое развитие в последующие десятилетия, благотворное влияние оказали, помимо родственных литературных языков, многочисленные переводы политической, публицистической, учебной и художественной литературы с русского языка, равно как и массовое непосредственное приобщение башкир к русскому языку — языку межнационального общения²⁶.

Становление и стабилизация единых литературных норм фонетики, грамматики и лексики явились необходимыми факторами для дальнейшего успешного развития современного башкирского национального языка. Нормы эти определили основу его единства, создали условия для интенсивного взаимодействия и обогащения всех его разновидностей, для их постепенной унификации под возрастающим влиянием литературного языка, который ныне благодаря густой сети школ, культурно-просветительских учреждений, осуществлению всеобщего среднего образования, развитию науки, нацио-

²³ Яңы башҡорт әлифбаһы (Проект). Өфө, 1927; *Ғәбитов Х.* Яңы башҡорт әлифбаһының имләһе тураһында. — Башҡорт аймағы, 1927, № 3; *Дәүләтшин Ғ.* Яңы әлеп имләһе. — Башҡортостан, 1927, 7 июль; *Он же.* Яңы әлеп имләһе. — Яңылыҡ, 1929, № 7, 8, 9, 10; *Он же.* Башҡорт телендә һәм уны дәрәҫ язғыу ҡағиҙәләре; *Он же.* Башҡорт теленең имлә һүҙләге.

²⁴ Башҡорт әҙәби теленең алфавите һәм орфографияһы / Нуаплы ред. Т. Ғ. Байшев. Өфө, 1940; Башҡорт әҙәби теленең алфавите һәм орфографияһы / Ред. А. Ш. Кутушев, Ғ. И. Ишбулатов. Өфө, 1942; Башҡорт әҙәби теленең алфавите һәм орфографияһы. Өфө, 1951; *Әлмәр Ғ.* Башҡорт әҙәби теленең орфография һүҙләге. Дәрәҫ язғыу ҡағиҙәләре. М., 1952, с. 9—37.

²⁵ *Юлдашев А. А.* Орфография башкирского языка. — В кн.: Орфография тюркских литературных языков. М., 1973, с. 76—90.

²⁶ См. ниже, раздел «Об изучении башкирского языка».

нальной литературы и искусства, радиовещания и телевидения и т. п. проникает во все сферы общения на родном языке и вызывает существенные сдвиги в развитии разговорного башкирского языка и всех его территориальных диалектов и говоров.

Заметное благотворное влияние литературного языка претерпевают ныне все диалекты и говоры башкир, представленные в самой Башкирской АССР, кроме северо-западных говоров (Туймазинский, Белебеевский и другие районы), которые по-прежнему подвержены сильному воздействию татарского литературного языка и в связи с этим настолько изменились²⁷, что вопрос об их принадлежности к современному башкирскому национальному языку, несмотря на всякие обоснования, является крайне спорным²⁸. Однако отдельные из этих говоров находятся в сфере влияния башкирского литературного языка, что в конечном итоге приведет их, очевидно, как и остальные башкирские говоры и диалекты, к их слиянию с башкирским языком²⁹.

По мере того, как нормализованный литературный язык становится достоянием всего башкирского населения, пользующегося родным языком, он сам в своем дальнейшем развитии испытывает по-прежнему благотворное влияние разговорного языка башкир, все более широко вбирая в себя его богатейшие ресурсы в области лексики и синтаксиса и тем самым обогащая свои выразительные возможности и их стилистическое развитие. Значительным источником обогащения и укрепления жизнеспособности современного башкирского литературного языка служат родственные тюркские языки и стимулирующее влияние русского языка, через посредство которого широким потоком вливаются международная терминология и устоявшиеся во многих языках мира синтаксические и терминологические кальки с латинского, французского, английского, немецкого и других индоевропейских языков, а также прямые лексические заимствования из самого русского языка.

ОБ ИЗУЧЕНИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык в сферу научного изучения вошел по существу лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Имевшиеся до этого печатные сведения о нем были в целом очень скудны³⁰. К тому же часть их не отличается достоверностью, ибо была почерпнута В. Прёле, Н. Ф. Катановым и др. из отатарившихся говоров башкир и не отражает поэтому природы башкирского языка³¹. Отдельные неточности вкрались и в сравнительную фонетику северных тюркских языков В. В. Радлова, поль-

²⁷ Делопроизводство, преподавание в школах и в педагогических училищах ведется на территории этих говоров на татарском языке. В Уфе выходит республиканская газета «Кызыл таң» (ранее «Коммуна»), предназначенная главным образом для посетителей данных говоров. Кроме того, на этой территории выходит на татарском языке более двадцати районных газет, не говоря уже о том, что население здесь широко пользуется всеми видами печатной продукции, выпускаемой на татарском языке в Татарской АССР.

²⁸ Многие считают данную группу говоров татарской. Некоторые же башкироведы, исходя из наличия в ней отдельных особенностей башкирской фонетики (широкое использование межзубного *з* вм. исконных *з* и *д*) и морфологии (аффт. *-ай/-эй* с широким гласным вм. тат. *-ый/-и*), склонны квалифицировать ее как особый периферийный смешанный переходный диалект, не отрицая, конечно, очевидную близость этих говоров к татарскому языку.

²⁹ Сравнительно давно и интенсивно в башкирских диалектах и говорах идет замена диалектизмов соответствующими эквивалентами из литературного башкирского языка, которые одинаково хорошо известны всем носителям данного диалекта или говора, но далеко не одинаково употребляются ими. Диалектные дублиеты стойко удерживаются лишь в речи старшего поколения, главным образом в речи женщин, молодежь же применяет их, как правило, спорадически в устном общении, и то в зависимости от уровня своего образования и культуры.

³⁰ Гарипов Т. М. Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — В кн.: Вопросы башкирской филологии. М., 1959.

³¹ Дмитриев Н. К. К вопросу об изучении башкирского языка. — Там же, с. 17—18; Гарипов Т. М. Указ. соч., с. 41.

зовавшегося материалами по башкирскому языку из вторых рук и считавшего не без связи с этим башкирский язык одним из диалектов татарского языка, на этом основании обделив его вниманием даже в своих «Образцах народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866—1907, ч. 1—9).

В дореволюционных источниках башкирский язык в качестве самостоятельной единицы среди тюркских языков рассматривался, как это ни парадоксально, главным образом в наиболее ранних работах, в частности в знаменитом компендиуме-словаре «Дивану-лугат-ат турк» М. Кашгарского, в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» Г. Георги (СПб., 1799, с. 93) и др., где подчеркивается своеобразие башкирского языка по сравнению с наиболее близкими к нему тюркскими языками. В период зарождения тюркской филологии среди ученых относительно башкирского языка утвердилось мнение В. В. Радлова. Этим во многом объясняется тот очевидный факт, что мало кто всерьез интересовался из тюркологов башкирским языком вплоть до Октябрьской революции, исключая лишь отдельных энтузиастов, в частности А. Г. Бессонова, В. В. Катаринского, М. Бикчурина, М. Куватова, С. Г. Рыбакова и др.

Природу башкирского языка как одного из самостоятельных и равноправных тюркских языков на убедительном материале наиболее полно и ясно впервые охарактеризовал Н. К. Дмитриев, которому башкирское языкознание обязано своим становлением, успешным развитием и наиболее значительными достижениями, а тюркское отечественное языкознание — теорией грамматических описаний, разработанной им главным образом на базе башкирского языка.

Н. К. Дмитриев еще в 1927 г. предложил вниманию тюркологов сжатую общую характеристику башкирского языка и первое полное описание системы башкирской фонетики³², во многом резко отличающейся от фонетики остальных тюркских языков, в том числе и татарского. В 1928 г. Н. К. Дмитриев выступил в печати с обстоятельной программой по научному изучению башкирского языка³³ и, начиная с этого времени до конца своей жизни, отдал много труда и времени ее осуществлению, поддерживая тесный контакт со всеми башкирскими лингвистами, в том числе со своими учениками. Наряду с этим Н. К. Дмитриев принимал самое деятельное участие в решении практических вопросов языкового строительства в Башкирии и в подготовке национальных кадров башкирских лингвистов.

В 1928—1929 гг. появились очерки по башкирской фонетике М. Билялова, М. А. Кулаева и М. Муратова³⁴. В последующий период в описание фонетики башкирского языка самый весомый вклад внесли Н. К. Дмитриев и Д. Г. Киекбаев.

Обобщая свои изыскания и накопленные сведения по башкирской фонетике, Н. К. Дмитриев в «Грамматике башкирского языка» установил состав башкирских фонем, включая в их число вновь освоенные гласные *e* (*метр, техник*) и *o* (*мотор, завод*), а также согласные *v* (*вагон, завод*), *ч* (*тачанка, Чапаев*), *ц* (*революция, цех*) и *щ* (*щетка, Щорс*), представленные в заимствованиях из русского языка. Он создал классификацию системы гласных и согласных по их основным различительным признакам, в ряде случаев особо подчеркивая их артикуляционно-акустическое своеобразие, в частности специфику /a/, /o/, /d/, /t/, /k/, /m/, /ч/ и некоторых других фонем. Большое

³² *Dmitriev N.* Etude sur la phonétique bachkirc. — Journal Asiatique (Paris), 1927, 210, N 2. Эта работа Н. К. Дмитриева легла в основу характеристики башкирской фонетики, которую впоследствии он разработал в своей «Грамматике башкирского языка» (М.; Л., 1948). До нее по фонетике башкирского языка были обнародованы лишь отрывочные и во многом неточные сведения в известных трудах В. В. Радлова, Н. Ф. Катарина и В. Преле. Гораздо более надежные и полные сведения содержала статья Г. Вильданова «Башкорт шиүәһенә фонетика төңгәленә тезистар» («Башкорт аймағы», 1926, № 2), остававшаяся незамеченной широким кругом тюркологов.

³³ Башкорт телен әйрәненү мәсьәләһенә карата. — Белем, 1928, № 7, 8, 9.

³⁴ *Билялов М.* Таблицы по фонетике башкирского языка. — Зап. Коллегии востоковедов. Л., 1928, т. 3, вып. 2; *Кулаев М. А.* О звуках башкирского языка. Казань, 1928; *Мурат М.* Башкорт телендә һузынғы өндөр хақында. — Белем, 1929, № 6, 7.

внимание уделил Н. К. Дмитриев позиционным изменениям фонем — редукции, протезе и элизии гласных, ассимиляции и диссимиляции согласных и т. п. Он вкратце охарактеризовал сингармонизм и систему башкирского ударения. Кроме того, Н. К. Дмитриев широко изложил свои взгляды на историю так называемых вторичных гласных /o/, /ə/, /e/, /и/, /y/, /y/ и согласных /h/, /ʒ/, /ç/ ³⁵.

Дальнейшую углубленную разработку основных вопросов башкирской фонетики представляют работы Д. Г. Киекбаева. Основную его заслугу составляет монографическое описание артикуляционно-акустических свойств башкирских гласных и согласных ³⁶, более полное рассмотрение башкирской акцентологии и позиционных изменений фонем в зависимости от типичных условий их употребления и основанное на этом выяснение состава аллофонов гласных и некоторых согласных, выявление соотношения ряда согласных и некоторых гласных по их распределению в той или иной позиции ³⁷. Д. Г. Киекбаев занимался также рядом вопросов, имеющих общетюркологическую значимость, в том числе проблемой сингармонического варьирования слова ³⁸, привлекая внимание многих тюркологов. Большое место в работах Д. Г. Киекбаева занимает история специфики башкирской фонетики, в частности вокализма и согласных /h/, /ʒ/, /ç/ ³⁹. При ее изложении Д. Г. Киекбаев, в отличие от своих предшественников, широко пользуется сравнительными материалами не только других тюркских языков, но и башкирских диалектов и говоров.

Описывая башкирскую фонетику, Д. Г. Киекбаев, Н. К. Дмитриев, М. А. Билялов и др. сравнивают ее с фонетической системой татарского языка. В свою очередь, фонетические описания по татарскому языку А. Г. Бессонова, В. А. Богородицкого, Ф. Г. Исхакова и др. содержат сравнительные материалы башкирского языка.

Продолжая и углубляя сравнение башкирского и татарского языков на уровне фонетики, Т. М. Гарипов вовлек в свое исследование «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» (Докт. дис. Уфа, 1974) материалы башкирских и татарских диалектов и с возможной полнотой установил соотношение фонетических систем башкирского и татарского языков, предварительно уточнив, какими разновидностями представлена та или иная фонема в рамках говоров, диалектов и литературной формы обоих сравниваемых национальных языков.

Систематическое сопоставление языков позволило Т. М. Гарипову со всей очевидностью лишней раз доказать правомерность тезиса советских тюркологов, что звуковая система башкирского языка при всей своей близости к татарской фонетике являет собой в целом принципиально иную эволюцию

³⁵ Проблемам башкирской фонетики Н. К. Дмитриев посвятил две свои статьи в «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков» (Ч. 1. Фонетика. М., 1955): 1) «Ассимиляция и диссимиляция согласных в башкирском языке» (с. 303—306); 2) «Согласные ç и ʒ в тюркских языках» (с. 249—253).

³⁶ Наиболее полную артикуляционно-акустическую характеристику получили башкирские гласные и согласные в его монографиях: *Киекбаев Ж. Ф.* Башкорт теленең фонетикаһы (Тасури һәм сағыштырма-тарихи тикшеренеү төҗрибәһе). Өфө, 1958; *Он же.* Башкорт ғәҙәби теленең дәрәҗәһе әйтелешә. Өфө, 1964; *Он же.* Орфоэпия башкирского литературного языка. Канд. дис. Уфа, 1947. — В этих работах Д. Г. Киекбаев обобщает результаты своих долготелних изысканий, частично опубликованных в многочисленных статьях (см.: Библиография по башкирскому языкознанию. 1917—1967. Сост. Т. М. Гарипов, М. Л. Рафиков, З. Г. Уракип. Уфа, 1969).

³⁷ *Киекбаев Ж. Г.* Башкорт теленең фонетикаһы.

³⁸ Там же. — Кроме того см.: *Киекбаев Дж. Г.* Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы в башкирском языке. — Учен. зап. Башк. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева, 1955, вып. 5. Сер. филол., № 1.

³⁹ *Киекбаев Ж.* Башкорт теленең фонетикаһы; *Он же.* О передвижении гласных в башкирском языке. — Учен. зап. Башк. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева, 1956, вып. 8. Сер. филол., № 2; *Он же.* Башкорт теленең тарыхы һәм системалы һәм тарыхы өндәрең тарихи үсеше. — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, 1957, вып. 5. Сер. филол., № 4; *Он же.* О звуках ç, ʒ, h и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках. — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, 1958, вып. 6. Сер. филол., № 5; *Он же.* О согласных к—к, ғ—ғ в начале слова в башкирском и других тюркских языках. — Там же.

древнетюркского наследия, чем это представляли себе В. В. Радлов и др., считая на этом основании башкирский язык одним из диалектов татарского языка.

Не менее значительным результатом исследования Т. М. Гарипова «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» можно считать фонологическое осмысление накопленных материалов по башкирской и татарской фонетике, начатое Д. Г. Клекбаевым, в частности установление состава и соотношения основных аллофонов многих фонем башкирского и татарского языков. К числу аллофонов фонемы данного языка Т. М. Гарипов относит дистрибутивные особенности ее реализации не только в его литературной форме, но и в диалектах и говорах, хотя национальные башкирский и татарские языки не являются на фонологическом уровне гомогенными единицами, а членятся на относительно автономные взаимодействующие разновидности — на литературную форму и диалекты, — каждая из которых пока что обладает своей звуковой системой, отнюдь не совпадающей даже по составу фонем, соответственно по их распределению в корневых и, в особенности, аффиксальных морфемах.

Одним из самых плодотворных направлений в разработке вопросов башкирской фонетики является выяснение соотношения звуковой системы литературной формы башкирского языка и его диалектов и говоров. Можно с удовлетворением отметить, что благодаря усилиям целого коллектива башкирских диалектологов, в частности, Т. Г. Баишева, Н. Х. Ипбулатова, Х. Г. Юсупова, Н. Х. Максютовой, С. Ф. Миржановой, У. М. Яруллиной, Р. Г. Азнагулова и др. в настоящее время уже зафиксированы все основные расхождения между литературным языком и башкирскими говорами и диалектами на уровне фонетики как по составу фонем, так и, в особенности, по их распределению в корнях и аффиксах. Эти довольно четкие расхождения наряду с особенностями башкирских говоров и диалектов в области лексики и отчасти в словообразовательной морфологии и составляют основу диалектного членения башкирского языка, которое при всем активном воздействии нормализованного литературного языка наиболее стойко сохраняет свою силу именно на уровне фонетики.

Особое направление в изучении башкирской фонетики составляет ее сопоставление с русским языком, начатое М. А. Кулаевым⁴⁰ и значительно более обстоятельно выполненное в первой «Сравнительной грамматике русского и башкирского языков» Р. Н. Терегуловой и К. З. Ахмерова (Под ред. Н. К. Дмитриева. Уфа, 1953).

Недавно начато изучение башкирской фонетики, в частности, консонантизма, современными инструментальными методами, которое требует расширения и продолжения.

Специфика башкирской фонетики, ее история привлекают внимание и специалистов по другим языкам. Интересные мысли высказали Б. А. Серебренников (по истории модификации инициального аффиксального *л*)⁴¹, А. М. Щербак и Г. П. Мельников (об эволюции башкирского вокализма)⁴².

Более или менее систематическое описание грамматического строя башкирского языка началось в 30-х годах при составлении учебных грамматик⁴³, сыгравших большую роль в становлении, популяризации и стабили-

⁴⁰ Кулаев М. А. Указ. соч.

⁴¹ Серебренников Б. А. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов. — В кн.: Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959.

⁴² Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1970; Мельников Г. П. Геометрические модели вокализма и причины перебора башкирско-татарских гласных. — В кн.: Проблемы лингвистического анализа: Фонология, грамматика, лексикология. М., 1966.

⁴³ Башкорт теленең сарыфы / Төзөүселәр Х. Гөбитов, Н. Таһиров, В. Хангильдин, Г. Вильданов. Өфө, 1925; Шакиров З., Чураев Ш. Ғәмәли башкорт теле дәреслеге. Өфө, 1928, 1 китап; Сәғди Ф., Хосни Ф., Дәүләтшин Ф. Өсө теленән эш китабы. Өфө, 1930; Мансур Ә. Грамматика. 1 китеп. Морфология: Урта мәктәп өсөн дәреслек. Өфө, 1933; Әхмәр К. Грамматика. Синтаксис: Урта мәктәп өсөн дәреслек.

зации единых норм башкирской морфологии и синтаксиса и впоследствии существенно дополненных и уточненных по своему содержанию по мере развития башкирского языкознания⁴⁴. До этого в периодической печати публиковались лишь небольшие очерки по башкирскому словообразованию⁴⁵.

Отдельные содержательные статьи по другим грамматическим темам стали появляться в конце 30-х и в начале 40-х годов⁴⁶, когда Н. К. Дмитриев и его ученики стали интенсивно исследовать вопросы башкирской морфологии и синтаксиса. Результатом этих исследований явились основополагающие монографии, в том числе получившая широкое признание «Грамматика башкирского языка» Н. К. Дмитриева.

В 1944 г. в Уфе вышла в свет книга А. И. Харисова «Категория глагольных видов в башкирском языке» (под ред. Н. К. Дмитриева), послужившая стимулирующим образцом в монографическом описании так называемой видовой модификации глагольной лексики в узбекском, азербайджанском и некоторых других языках⁴⁷.

А. И. Харисовым выявлен почти весь состав видообразующих аналитических и синтетических форм и подробно описаны их основные значения и степень продуктивности. Все эти формы отнюдь не составляют единой грамматической категории, а представляют более или менее грамматикализованную словообразовательную модификацию глагола, при которой их видовое значение законченности или незаконченности, типологически сходное с категорией совершенного или несовершенного вида русского глагола, вытекает из самого их лексического значения и не может быть выделено в отрыве от него⁴⁸.

Общей характеристике частей речи в башкирском языке и их грамматической природы посвятил свою кандидатскую диссертацию «Современный башкирский язык. Ч. 1. Слово, части речи» (Уфа, 1946) К. З. Ахмеров. А. И. Чанышев в монографическом плане изложил «Категорию прилагательного в башкирском языке» (Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1948).

Өфө, 1933, 2 кысак; *Дәүләтшин Ф.* Башкорт дәүләт пед. институтының ситтән торып укыусылары өсөн башкорт теленәп дәреслек. Өфө, 1934; *Ғәлиев С.* Грамматика. 2 кысак. Синтаксис: Тулы булмаган урта мәктәп өсөн дәреслек. Өфө, 1938; *Зиннатуллина Х.* Баплангыс мәктәп өсөн башкорт теле дәреслеге. Өфө, 1939.

⁴⁴ С возможно полным учетом достижений в разработке грамматики башкирского языка составлены действующие учебники по морфологии и синтаксису для средней башкирской школы: *Киекбаев Ж. Ф., Фәритов Х. С., Ғәләмов А. А.* Башкорт теле дәреслеге. 1 кысак. Фонетика, морфология. Өфө, 1965; *Әлмәр К., Сәйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теле дәреслеге. 2 кысак. Синтаксис. Өфө, 1965. — Этим же характеризуются и учебные пособия по башкирской фонетике и морфологии для студентов кафедры башкирского языка в вузах: *Киекбаев Ж. Ф.* Хәзерге башкорт теле: (Башкорт дәүләт университетенең ситтәге студентлары өсөн лекциялар). Өфө, 1961, где по информативности особенно выделяется описание башкирского глагола; *Ишбулатов Н. Х.* Хәзерге башкорт теле. Өфө, 1962, где в разделе морфологии основное внимание направлено на принципы выделения частей речи; Хәзерге башкорт әзәби теленәп морфологияны: (Юғары укыу йорттарының филология факультете студентләре өсөн дәреслек). Редакторлары: М. В. Зейнуллин, Р. Ф. Зарипов. Өфө, 1978, 1 кысак.

⁴⁵ *Вильданов Ф.* Башкорт теледәпә ялгаулар кушып исем һүз яһау. — Башкорт аймағы, 1927, № 4; *Хангильдин В.* Башкорт теледәпә исем яһаусы ялгауларҙы төркөмлөу. — Башкорт аймағы, 1928, № 5; *Дмитриев Н. К.* О парных словосочетаниях в башкирском языке. — Изв. АН СССР. Отд. гуман. наук. Л., 1930, № 7.

⁴⁶ Среди них: *Әлмәр К.* Башкорт теле грамматикаһының кайһы бер мәсьәләләре. — Башкортостан укытыусыһы, 1939, № 6, 8, 9, где рассматривается категория залога и некоторые другие вопросы морфологии; *Харисов Ә.* Рәүеш һәм стабил дәреслектер. — Башкортостан укытыусыһы, 1937, № 3; *Буранғолов К.* Башкорт әзәби теле грамматикаһынан кайһы бер мәсьәләләр. — Башкортостан укытыусыһы, 1937, № 5.

⁴⁷ Ср.: *Шарипов Г. Ш.* Категория глагольного вида в современном узбекском языке. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1945; *Әлиева З. И.* Азербайжан дилидә фе'лин терз категориясы. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1953; и др., где в основном использована рубрикация материала в его описании, предложенные А. И. Харисовым в его книге «Категория глагольных видов в башкирском языке» (Уфа, 1944).

⁴⁸ Не менее явную натяжку представляет попытка автора увязать истоки видовой модификации глагола с «новым учением» П. Я. Марра. См.: *Кудашев А.* Быстрее исправить ошибки в области языкознания. — Красная Башкирия, 1950, 28 окт.

Грамматический строй башкирского литературного языка, в особенности части речи, грамматические категории имени существительного и глагола, разряды местоимений и числительных, основные словообразовательные формы знаменательных частей речи, наиболее употребительные структурные типы простых и сложных предложений и их членов и т. п. — свою первую полную и четкую характеристику на надлежащем научном уровне получили в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, где он также обобщил свои теоретические воззрения по таким существенным и сложным вопросам, как принципы выделения частей речи, придаточных предложений, соотношение форм времен и наклонений глагола, категория определенности и неопределенности, служебные имена и т. п.

Этот основополагающий труд Н. К. Дмитриева, ставший настольной книгой каждого тюрколога, послужил важнейшим стимулом в дальнейшей разработке вопросов башкирской грамматики, которая особенно оживилась и стала плодотворной во всех своих основных отраслях после лингвистической дискуссии 1950 г.

Предметом специальных монографических исследований стал целый ряд вопросов морфологии и синтаксиса башкирского языка. Так, А. Х. Фатыхов, продолжая и углубляя описание залога башкирского глагола, предложенное К. З. Ахмеровым и Н. К. Дмитриевым, подробно охарактеризовал управление залогов и залоговую изменяемость глаголов, а также выявил с исчерпывающей полнотой сочетаемость залоговых форм⁴⁹.

А. А. Юлдашев обратил внимание грамматистов на двойной характер залоговых форм и неправомочность их квалификации как категории залога, когда данные формы, лишившись собственно залогового значения, выступают исключительно в словообразовательных целях. Соответственно исследователь относит их к основному залогу и предлагает выделять взаимный, понудительный, страдательный и возвратные залогов только в том случае, если их форма действительно выражает значение залога. Причем в рамках взаимного, понудительного и отчасти страдательного залога он отмечает их разновидности, обусловленные характером лексического значения глагольной основы⁵⁰.

В связи с наметившимся противоречием в трактовке залога в тюркских языках, она стала предметом оживленной дискуссии, проведенной в 1957 г. в Уфе с участием видных языковедов⁵¹.

Значительное внимание уделено и другим вопросам изучения башкирского глагола в монографических исследованиях А. А. Юлдашева и М. В. Зайнуллина, где восполнены пробелы в описании глагольного словообразования, видовая модуляция глагола и десемантизированные формы косвенных залогов отнесены к внутривлагольному словообразованию, в число временных форм индикатива включены аналитическая конструкция на *-ған/-ған бар (юк)*, имеющая особое спряжение, впервые выделены наклонения намерения, долженствования и сослагательное, расширен состав форм повелительного и условного наклонений за счет производных сложных конструкций⁵², уточнены значения и соотношение форм прошедшего и будущего времени индикатива и т. п.⁵³ В целом немало ценных наблюдений и свежего матери-

⁴⁹ Фатыхов А. Х. Категория залога в башкирском языке. Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1952.

⁵⁰ Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1956, с. 13—16; *Он же*. Принципы выделения и трактовки категории залога в башкирском языке. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.

⁵¹ Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1957. — В докладе Б. А. Серебрянникова и в ряде выступлений на конференции говорилось, что формы залога в тюркских языках не составляют сложившейся единой грамматической категории, а скорее всего представляют модификацию глагола по залоговому значению, граничащую со словообразованием.

⁵² Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.

⁵³ Зайнуллин М. В. Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке. Канд. дис. Уфа, 1963. — См. также его публикации на данную

ала содержит большая серия статей по банкирскому глаголу, написанных К. З. Ахмеровым (о видах и залогах), Д. Г. Кнекбаевым (о видах), Х. Г. Юсуповым (о причастиях), А. Г. Бишевым (о форме времени на *-ғайны/-ғәйне*), Ф. Г. Биккуловой (о деепричастиях) и др.⁵⁴

Монографически описаны, наконец, неличные формы башкирского глагола — инфинитив, имена действия и деепричастия⁵⁵, причем последние охарактеризованы как особые формы бинопредикативности.

Словообразование имен существительных и прилагательных обстоятельно разработал Т. М. Гарицов в своей монографии «Башкирское именное словообразование» (Уфа, 1959), впервые отметив целый ряд словосложительных типов и деривационных моделей, а также инновации в образовании прилагательных за счет ипоязычных заимствований.

Р. Ф. Зарипов в кандидатской диссертации «Категория падежа в банкирском языке» (Уфа, 1971) восполнил пробелы в описании частных значений дательного, исходного и местного падежей и управления послелогов, углубил разработку винительного и родительного падежей, увязав ее с категорией определенности и неопределенности. Кроме того, он высказал мнение о возможности увеличения числа падежей до 16 за счет словообразовательных (формы на *-лы/-ле*, *-һыҙ/-һез* и т. п.), некоторых грамматических (форма притяжательности на *-һыҡы/-һеке*), лексико-грамматических (форма обращения на *-й*) и отдельных форм типа *ҡалалағы* 'находящийся в городе', которые склоняются и уже по этой причине не могут быть квалифицированы как падеж (один падеж не может быть внутри другого) и часть которых служит для словообразования наречий (формы на *-са/-сә*, *-дай/-дәй*) и прилагательных (формы на *-лы/-ле*, *-һыҙ/-һез*, *-дағы/-дәге*).

В монографии Б. С. Саяргалиева «Служебные слова в башкирском языке» (Канд. дис. Уфа, 1955) дополнен перечень частных значений послелогов *менән* 'с', *өсөн* 'за', *ҡаршы* 'против', *арҡыры* 'через' и описана сфера употребления союза *ки* 'что', послелога *табан* 'к' и др. Там же уточнена классификация частиц и союзов и впервые в башкироведческой литературе отмечены союзы *тик* 'лишь', *исмаһа* 'хотя бы' и т. п.⁵⁶

Предметом монографического изучения стали звукоподражания и образноподражания, составляющие многочисленный пласт башкирской эмоционально-экспрессивной лексики. З. К. Ишмухаметов в работе «Звукоподражательные слова башкирского языка» (Дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1970) детально характеризует фономорфологическую и морфологическую структуру этих слов, их лексико-семантическое своеобразие и основные синтаксические функции, позволяющие поставить вопрос о правомерности выделения звукоподражаний и образноподражаний как особой части речи. О том же свидетельствуют и результаты исследования Х. Г. Юсупова⁵⁷, в котором основное внимание направлено на синтаксическое назначение данного класса слов и их использование в качестве производящих основ в словообразовании глагола, существительного и прилагательного, предварительно описав их главнейшие фонетические особенности и основные семантические разряды.

Н. К. Дмитриев, А. И. Харисов, К. З. Ахмеров, Н. Х. Ишбулатов и др. выступили с содержательными статьями по спорным вопросам наречия как части речи⁵⁸. З. З. Абсалямов монографически исследовал башкирское

тему, отмеченные в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)», п. 51, 268—269, 527—529.

⁵⁴ Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967), п. 447, 606, 321, 287, 297, 301, 215.

⁵⁵ Ишбаев К. Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке. Дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1975; Юлдашев А. А. Деепричастие на *-н* в башкирском языке. — Тюркологические исследования. М., 1976; Он же. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977 (здесь фактический материал приводится в основном из башкирского языка).

⁵⁶ Саяргалиев Б. С. Башкорт телендә ирзамсы һүҙҙәр. Өфө, 1961.

⁵⁷ Юсупов Х. Ф. Башкорт телендә окпатыу һүҙҙөрө. Өфө, 1971.

⁵⁸ Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967), п. 524, 445, 276.

наречие именно как часть речи, сосредоточив поэтому свое внимание (главным образом на степени его морфологической дифференцированности и на возможно полном выявлении состава корневых наречий, представленных в других тюркских и некоторых монгольских языках, а также в древнетюркских памятниках⁵⁹.

М. В. Зайнуллин монографически разработал сложную проблему модальности и средств ее выражения в башкирском языке с учетом обширной библиографии по этой теме в общем и тюркском языкознании⁶⁰.

Паряду с интенсивной разработкой башкирской морфологии в современном ее состоянии, оказавшейся наиболее плодотворной в области словообразования и словоизменения именных частей речи и глагола, Д. Г. Клекбаев и его ученики начали исследование целого ряда вопросов исторической морфологии в широком сравнительно-историческом плане с привлечением материалов из самых различных алтайских языков. Первые результаты поисков в этой области опубликованы в виде отдельных статей⁶¹. Вслед за ними в 1976 г. вышла в свет интересная книга А. М. Азнабаева и В. Ш. Псянчина по исторической морфологии башкирского языка⁶², где в сравнительно-историческом плане рассматривается развитие падежных форм и аффиксов множественности, история основных числительных и ряда местоимений, форм интенсива, а также форм настоящего и будущего времени, форм прошедшего времени на *-ды* и на *-ған*, основных форм условного и повелительно-желательного наклонений и отдельных форм причастий.

Историческая морфология, равно как и историческая фонетика башкирского языка, разрабатывается и по письменным памятникам башкирского языка⁶³, собирание, текстологическая обработка и филологическое изучение которых ныне планомерно ведется Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР⁶⁴.

Много сделано в области башкирского синтаксиса, теоретическими вопросами которого занимался Н. К. Дмитриев. Основываясь на его учении, Г. Г. Саитбатталов значительно продвинул исследование и монографическое описание синтаксиса сложного предложения, особенно сложноподчиненного, отметив впервые целый ряд его структурно-семантических типов с придаточными подлежащим, сказуемым, следствия, условия и определения. Он заметно расширил и углубил характеристику ранее зафиксированных

⁵⁹ Абсалямов Э. З. Наречия в башкирском языке. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1974.

⁶⁰ Основные результаты этого многолетнего исследования, представляющие весомый вклад не только в башкирское, но и в тюркское языкознание, он опубликовал в своей монографии «Хәзәрге Башкорт телендә модаллек категорияһы» (Өфө, 1975).

⁶¹ Клекбаев Д. Г. О генетическом родстве формы определенности в сфере имени и глагола в урало-алтайских языках. — В кн.: Вопросы методики и методологии лингвистических исследований. Уфа, 1966; *Он же*. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности и неопределенности. — Там же; *Он же*. Личные формы глагола в урало-алтайских языках. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1973. — Д. Г. Клекбаев много занимался также и общими вопросами алтайского и урало-алтайского языкознания. Обобщая всю основную литературу по этой сложной проблематике, он написал книгу «Введение в урало-алтайское языкознание» (Уфа, 1972), где представил результаты своих изысканий по категории определенности и неопределенности и некоторым другим вопросам.

⁶² Азнабаев Э. М., Псянчин В. Ш. Башкорт теленең тарихи морфологияһы. Өфө, 1976. — К исторической морфологии башкирского языка имеет отношение исследование М. А. Ахметова «Глагол в языке орхон-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком)» (Уфа, 1978), восполняющие многие проблемы в описании глагола по этим памятникам.

⁶³ Халикова Р. Х. Язык башкирских исторических, юридических и деловых документов XVIII в. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1963; Галляутдинов И. Г. «Тарих һәм и булгар» Таджеудина Ялсыгулова. (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология). Дис. . . канд. филол. наук. М., 1977.

⁶⁴ Вся огромная работа в области языкового строительства, создания и усовершенствования национальной письменности, разработки орфографии, терминологии, учебных грамматик, словарей, нормализации всех уровней языка, исследования опорных диалектов башкирского языка и др. (библиографию см. в списках настоящего раздела) выполнена фактически при самом деятельном участии этого института, ранее именовавшегося Научно-исследовательским ин-том языка и лит-ры им. М. Гафури.

структурно-семантических типов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений с союзной и бессоюзной связью в семантико-синтаксическом плане.

Достаточно полно описав наиболее употребительные структурно-семантические типы и разновидности сложных предложений, Г. Г. Сайтбатталов создал их классификацию с учетом принятых в современном тюркском языкознании принципов их рубрикации. Кроме того, автор дал первое полное описание самых разных типов усложненных сложных предложений, в которых комбинируются сочинение с подчинением, первую развернутую характеристику вводных словосочетаний и предложений, периодов и предложений с прямой и косвенной речью, а также обобщение принятой практики применения знаков препинания в сложных предложениях ⁶⁵.

По регистрации и описанию ряда структурно-семантических типов сложносочиненных предложений значительное место занимают труды К. З. Ахмерова ⁶⁶. Структурно-семантические типы условных и других сложноподчиненных предложений и периодов впервые отмечены и охарактеризованы в содержательных статьях А. А. Юлдашева и А. М. Азнабаева ⁶⁷.

В целом обстоятельное освещение получило за последние десятилетия и простое предложение, прежде всего благодаря усилиям К. З. Ахмерова и Г. Г. Сайтбатталова.

К. З. Ахмеровым намного шире и подробнее, чем Н. К. Дмитриевым, описаны основные типы простого предложения по цели высказывания и по составу (особенно разновидности односоставных предложений), структурные типы главных и второстепенных членов предложений и их местоположение, обособление второстепенных предложений, прежде всего определений. Кроме того, он подробно охарактеризовал обращение и разные типы вводных слов, предложения с однородными членами и т. п. ⁶⁸.

Г. Г. Сайтбатталов подробно остановился на недостаточно разработанной проблеме обстоятельственных оборотов и впервые в бакироведческой литературе довольно широко описал синтагму и наиболее употребительные типы словосочетаний ⁶⁹.

Интересные мысли о синтаксической интонации (Д. Г. Киекбаев), обстоятельных оборотах (К. Ахмеров, У. Хусни), обособлении второстепенных членов предложений (А. М. Азнабаев) и т. п. высказаны в ряде статей, опубликованных за последнее время ⁷⁰.

Одной из самых плодотворных отраслей бакирского языкознания является лексикография и лексикология.

Еще в дореволюционное время накопились значительные источники по башкирской лексике ⁷¹, из которых наиболее ценным является «Башкирско-русский словарь» В. Катаринского (Оренбург, 1899), содержащий много слов башкирской национальной лексики, отличающих бакирский язык

⁶⁵ Сайтбатталов Г. Г. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961; *Он же*. Виды придаточных предложений в башкирском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1954; *Он же*. Күп эйерсенле кушма һөйләмдәр. — Башкортостан укытыусыһы, 1957, № 4; *Он же*. Башкорт теленде шарт һөйләм менән кире һөйләм. — Башкортостан укытыусыһы, 1959, № 11.

⁶⁶ Әхмәр К. Башкорт теленде тәзмә кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1960; *Он же*. Кушма һөйләм төрҙәре. — Башкортостан укытыусыһы, 1956, № 7.

⁶⁷ Юлдашев А. А. Сложные предложения с придаточными условными в башкирском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962; Азнабаев Ә. М. Аныкlausы һөйләмле эйертеүле кушма һөйләмдәр. — Башкортостан укытыусыһы, 1962, № 2; и др.

⁶⁸ Әхмәр К. З. Башкорт теленде ябай һөйләм синтаксисе. Өфө, 1958; *Он же*. Башкорт теле грамматикаһы. Синтаксис. Өфө, 1964, 2 китеп. — См. также его статьи, отмеченные в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)», п. 476, 479, 494 и 607.

⁶⁹ Сайтбатталов Г. Г. Башкорт теленең ябай һөйләм синтаксисе. Өфө, 1972. — См. также его статьи, отмеченные в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)», п. 385—387, 391—393, 570—574.

⁷⁰ Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967), п. 307, 315, 545, 450, 182, 184 и др.

⁷¹ Гарипов Т. М. Указ. соч., с. 36—39.

от татарского. В первые годы после создания Башкирской АССР усилия башкирских лингвистов были направлены на выявление именно этого слоя башкирской лексики, на ее демократизацию, нормализацию и пополнение необходимой терминологией самого различного профиля⁷². В 1926 г. вышел в свет первый небольшой словарь башкирского языка нормативного назначения⁷³.

Развертывание массовой коммуникации и обучения в школе на родном языке поставило лингвистов перед необходимостью неотложного создания отраслевых словарей башкирского языка, которые один за другим стали появляться в конце 20-х годов. В первую очередь вышел в свет терминологический словарь по делопроизводству (1927 г.)⁷⁴, затем башкирско-русский словарь общественно-политической терминологии (1931 г.). Удовлетворяя запросы школ, в 1932—1935 гг. появилась и первая серия терминологических словарей учебного назначения — по ботанике, математике, языку и литературе, химии, физике, из которых первые три словаря, изданные в 1932 г., после их апробирования на практике значительно были дополнены и переработаны во втором издании 1934—1935 гг. В 1949—1952 гг. Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы им. М. Гафури издал вторую серию терминологических словарей по ботанике, математике, физике, химии, географии, зоологии, астрономии, лесному делу, юриспруденции и сельскому хозяйству⁷⁵.

В последующие годы разработкой терминологии самого различного профиля и ее внедрением в практику через периодическую печать занимается Постоянная правительственная терминологическая комиссия, состоящая из сведущих специалистов, главным образом из башкирских лингвистов.

Как и терминологические словари, большую практическую значимость приобрели три орфографических словаря башкирского языка, поскольку все варианты свода орфографических правил, в том числе и ныне действующий самый большой из них⁷⁶, далеко не полно отражают сложившуюся практику башкирского правописания. Первые два из них (1923, 1930 гг.) к тому же сыграли определенную положительную роль в становлении и стабилизации норм фонетики и лексики.

Возрастающая степень употребления широкими слоями башкирского населения русского языка как средства межнационального общения и приобщения народа к достижениям мировой культуры вызвала необходимость разработки русско-башкирских словарей. Обязательное изучение русского языка в башкирской школе обусловило создание в первую очередь учебного русско-башкирского словаря, который в первом издании под ред. Н. К. Дмитриева появился в 1942 г. в Уфе, а во втором дополненном и улучшенном издании — в Москве (1948 г.).

Первый сравнительно полный «Русско-башкирский словарь» (40 тыс. слов, под ред. Н. К. Дмитриева), как и второй (46 тыс. слов)⁷⁷, были составлены и изданы Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Включающие в себя всю активно употребляемую основную русскую лексику и фразеологию с хорошими в целом переводами на башкирский язык, эти словари представляют одно из главных и ценных достижений коллектива башкирских лексикографов ИИЯЛ.

Другая их заслуга состоит в создании первого сравнительно полного «Башкирско-русского словаря» (М., 1958), получившего высокую оценку,

⁷² Это отражает башкирский словарь Г. Вильданова (Башкорт лоғәте. — Белем, 1924, № 3, 4), где приводятся национальная лексика именно народного языка, собранная им специально.

⁷³ Таһиров Н. Башкорт лоғәте. Өфө, 1926, 1 бүлек.

⁷⁴ Выходные данные, точные наименования словарей до 1962 г. см.: Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель (1962). М., 1966, с. 138—139.

⁷⁵ Среди отраслевых словарей по своей практической и научной значимости особое место занимает большая работа Н. К. Дмитриева «Грамматическая терминология в учебниках родного языка» (М., 1955).

⁷⁶ Әлмәр Ж. Башкорт ғәзәби теленең орфография һүзләге. М., 1952.

⁷⁷ Русско-башкирский словарь. М., 1948; Русско-башкирский словарь. М., 1964.

благодаря своей практической полезности не только у массового читателя, но и у специалистов по тюркским языкам. Подытоживающий многолетний кропотливый труд целого коллектива, этот словарь, содержащий около 22 тыс. башкирских слов и основную башкирскую фразеологию, отражает жизнеспособность и развитость башкирской национальной лексики, результаты проделанной колоссальной работы по ее обогащению новой терминологией, наглядно демонстрирует самобытность башкирской лексики по сравнению с лексикой других тюркских языков. По решению вопросов словника, размещения сложных слов и фразеологических единиц с отдельным написанием компонентов, по рубрикации значений полисемантических и полифункциональных слов, а также по нормативной квалификации лексики и в других отношениях данный словарь не уступает другим тюркско-русским словарям такого объема и типа. В нем учтены их лучшие лексикографические достоинства.

При всей своей большой практической и научной полезности этот словарь как первый опыт лексикографирования далеко неполно охватывает лексику литературного башкирского языка в ее современном чрезвычайно развитом состоянии и по этой причине не может в достаточной степени удовлетворять возрастающие потребности в полном объеме. Широкие слои башкирской интеллигенции, в первую очередь переводчики, учительство, студенчество, писатели и научные работники нуждаются в более полном лексикографическом справочнике с более детально разработанной семасиологической и стилистической характеристикой современной нормативной башкирской лексики.

Еще в прошлом десятилетии ИИЯЛ развернул работу над созданием толкового словаря, одновременно служащего и практическим и научным целям. В настоящее время авторская работа над ним уже завершена и первый его том находится в печати. Судя по итогам предварительного широкого обсуждения этого тома словаря, авторский коллектив во главе с многоопытным лингвистом-энтузиастом А. Г. Бишевым успешно справился со своей трудоемкой задачей.

На базе толкового словаря башкирского языка со временем будет создан и качественно новый полный башкирско-русский словарь, в котором давно ощущается острая потребность.

За последнее десятилетие оживилась лексикографическая работа и в других направлениях.

Появился первый полный двухтомный диалектологический словарь башкирского языка ⁷⁸, представляющий итог многолетней работы коллектива башкирских диалектологов по фронтальному монографическому исследованию диалектов и говоров башкирского языка на всей территории их распространения. Этот словарь служит неоценимым источником для широкого круга специалистов по истории тюркских языков.

Большую практическую и научную значимость имеют специальные словари башкирской фразеологии, синонимии, омонимии, и антонимии ⁷⁹, выполненные на материале башкирского языка впервые.

Новое направление башкирской лексикографии представляет также изучение ономастики, в частности составление первого словаря топонимов башкирского языка в объеме 20 ав. л. и первичное регистрирование башкирских антропонимов, развернутое за последнее десятилетие Т. Х. Кусимовой и А. Шайхуловым ⁸⁰.

⁷⁸ Башкорт Һойләштөрөң һүзлегө. 2 томда. Т. 1. Көнсығыш диалект [Ред. Максютова Н. Х., Ишбулатов Н. Х. Өфө, 1967]; Т. 2. Көнъяк диалект [Ред. Максютова Н. Х. Өфө, 1970].

⁷⁹ Уражсин З. Ф. Башкорт теленең синонимдәр һүзлегө. Өфө, 1966; Әхтәмов М. Х. Башкорт теленең омонимдәр һүзлегө. Өфө, 1966; Уражсин З. Ф., Падришина Ф. А., Йосопов Х. Ф. Башкортса-русса фразеологик һүзлек. Өфө, 1973; Әхтәмов М. Х. Башкорт теленең антонимдәр һүзлегө. Өфө, 1973.

⁸⁰ Юлдашев А. А. Личные имена башкир. — В кн.: Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965. — Этот краткий перечень наиболее распространенных современных имен башкир дополнила Т. Х. Кусимова (канд. дис.), а А. Г. Шайхулов составил впо-

Недавно наметилось еще одно новое направление башкирской лексикографии — М. Х. Ахтямовым завершено составление обратного словаря башкирского языка, с успехом использованного при описании словообразования именных частей речи в данной грамматике и имеющего важное практическое и научное значение для углубленной разработки других проблем морфологии, морфонологии и фонологии.

Плодотворные результаты проделанной огромной работы по составлению перечисленных словарей, в своей совокупности отражающих лексику национального башкирского языка, представленную в литературном языке и в диалектах, позволили перейти к разработке самых различных вопросов башкирской лексикологии. Если еще совсем недавно в этой области можно было назвать лишь известные публикации Н. К. Дмитриева о сложных именах и иноязычных заимствованиях, в частности об арабизмах⁸¹, то теперь появились ценные монографии и многочисленные статьи других авторов.

Оживилось изучение восточных иноязычных заимствований, начатое Н. К. Дмитриевым. Продолжая его начин, Т. М. и Н. Д. Гариповы значительно расширили наши познания об ориентализмах в башкирской лексике⁸². Р. Н. Терегулова посвятила свою небольшую книгу лексикологической характеристике заимствований из русского языка⁸³, заслуживающей углубленного исследования.

Д. Г. Киекбаев в 1966 г. издал учебное пособие по башкирской лексикологии, содержащее общую характеристику лексики и фразеологии современного башкирского литературного языка⁸⁴.

Х. Г. Юсупов впервые дал описание фразеологии башкирского языка в виде учебного пособия для вузов⁸⁵. Он проанализировал башкирскую фразеологию в структурном и семантико-функциональном аспекте. Дальнейшую углубленную разработку башкирская фразеология получила в кандидатской (1966 г.) и докторской (1976 г.) диссертациях З. Г. Ураксина. Первая его диссертация посвящена фразеологической синонимии, ранее вообще не рассматривавшейся на материале тюркских языков⁸⁶. Вторая диссертация включает в себя сжатое описание и квалификацию основных типов фразеологических единиц башкирского языка в значительно более узком и вместе с тем в более точном научном понимании тюркской фразеологии, чем это было принято. Кроме того, в ней содержится критический обзор существующих весьма противоречивых воззрений на природу тюркской фразеологии, структурно близко стоящей к сложным словам, но отличающейся от них эмоционально-экспрессивными свойствами, накладывающими на ее применение стилистические и жанровые ограничения. Важнейшим результатом данного исследования является дальнейшее развитие автором во многом новых принципов выделения тюркской фразеологии, выдвинутых на основе ее эмоционально-экспрессивного назначения⁸⁷.

следствии наиболее полный справочник личных имен башкир и татар (см.: Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1979).

⁸¹ Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи. — Зап. Коллегии востоковедов. Л., 1929, № 4; Он же. О парных словосочетаниях в башкирском языке. — Изв. АН СССР, 1930. Отд. гуман. наук, № 7; Он же. Арабские элементы в башкирском языке. — Тезисы Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930, т. 5.

⁸² Гарипова Н. Д., Гарипов Т. М. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии. — В кн.: Топонимика Востока: Новые исследования. М., 1964; Гарипова Н. Д. К лексико-грамматической характеристике персидских заимствований в башкирском языке. — В кн.: Башкирская лексика. Уфа, 1966; Гарипов Т. М., Гарипова Н. Д. Ориентализмы в языке башкирской повести «Куз-Курьяч». — В кн.: Народный эпос «Кузы-Курпес и Маяпхылу». Уфа, 1964. — К этой серии примыкает работа Э. Ф. Ишбердина о лексической общности башкирского и монгольских языков: Ишбирзин Э. Ф. Башкорт һәм монгол телдәренң лексик мөнәсәбәттәре. — В кн.: Башкорт филологияһы. Стәрлетамак, 1972.

⁸³ Терегулова Р. Н. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957.

⁸⁴ Киекбаев Ж. Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966.

⁸⁵ Юсупов Х. Башкорт теленең фразеологияһы. Өфө, 1963.

⁸⁶ Ураксин З. Г. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке. Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1966.

⁸⁷ Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М., 1976.

Первое монографическое описание получили наиболее распространенные типы лексической омонимии в кандидатской диссертации М. Х. Ахтямова «Проблемы омонимии в современном башкирском языке» (Уфа, 1966), с большим энтузиазмом работающего также над лексической антонимией⁸⁸.

В широком лексикологическом плане описана башкирская ономастика в четырех кандидатских диссертациях «Гидронимия Башкирии» А. А. Камалова (Уфа, 1969); «Топонимия бассейна реки Демы» Р. З. Шакурова (М., 1973), в которой основное внимание сосредоточено на словообразовательной структуре и истории топонимов, «Древнебашкирские антропонимы» Т. Х. Кусимовой (Уфа, 1975) — в работе впервые дан полный лексикологический анализ антропонимов, при этом особое место отведено их морфологической структуре и лексико-семантической классификации в целях воссоздания принципов номинации; «Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения» А. Шайхулова (М., 1978), в которой дается сравнительно-типологическая характеристика башкирской и татарской антропонимии с элементами истории.

Началось изучение лексики письменных памятников башкирского языка⁸⁹. Башкирские языковеды стали интересоваться также историей и этимологией отдельных слов⁹⁰. Широко развернулось изучение лексики башкирских диалектов в самых различных аспектах⁹¹. Кроме интересных статей башкирских диалектологов по вопросам диалектной лексикологии можно назвать и монографические исследования: Э. Ф. Ишбердин разработал тему «Названия животных и птиц в башкирских говорах» (Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1970); У. М. Яруллина завершила работу над лексическими диалектизмами демского говора (Дис. . . канд. филол. наук). Так, постепенно закладывались основы для разработки исторической лексикологии башкирского языка.

Планомерно развивается башкирская диалектология, ставшая особенно продуктивной за последние десятилетия.

Первичные сведения о составе и характере башкирских диалектов, которые оставил А. Г. Бессонов⁹², в самых общих чертах восполнили в конце 20-х годов, в период языкового строительства, Г. Давлетшин и др.⁹³ Более подробные данные об отдельных башкирских диалектах и говорах стали появляться в печати только в начале 30-х годов по мере их непосредственного изучения путем экспедиционных выездов по почину П. К. Дмитриева, возглавившего в 1928—1929 гг. фольклорно-лингвистический подотряд комплексной экспедиции АН СССР в составе К. К. Юдахина, О. Шацкой и др. при участии местных языковедов К. З. Ахмерова, З. Ш. Шакирова и др. За сравнительно небольшой срок под руководством Т. Г. Баишева было проведено 15 диалектологических экспедиций в самые различные районы Башкирии и собран обширный фактический материал по специфике основных башкирских говоров и диалектов в области фонетики и грамматики, оформленный в виде отчетов, хранящихся в архиве ИИЯЛ и лишь частично опубликованных в ряде статей.

⁸⁸ Ахтямов М. Х. Аптитеза төҙөүҙә антонимдәр. — В кн.: Башкорт филологияһы.

⁸⁹ Ахмеров К. З. К вопросу о характере и лексическом составе ранних письменных памятников Башкирии. — В кн.: Башкирская лексика/Под ред. Т. М. Гарипова. Уфа, 1966; Халикова Р. Х. К изучению башкирских деловых, исторических и юридических документов XVIII в. — Там же; и др.

⁹⁰ Киембаев Ж. Г. Башкорт телендә «асә» һүҙенең килеп сығышы тураһында. — Башкортостан уҡытыусыһы, 1960, № 6; Гәрәй Й. Был һүҙҙәр кайҙан килә. — Өҙәби Башкортостан, 1960, № 8; и др.

⁹¹ Максимова Н. Х. Материалы по лексике айских башкир. — Башкирская лексика; Миржанова С. Ф. Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка — Там же; и др.

⁹² Бессонов А. Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам. — Журнал Министерства народного просвещения, 1881, т. 216, стр. 2.

⁹³ Дәүләтшин Ғ. Башкорт телендә ләһжәләр. — Башкорт аймағы, 1928, № 6; Ол же. Өҙәби телдә булған ҡәбиләселек хосуслыҡтәре. — Белем, 1928, № 5, 6.

Подытоживая накопленный материал, Т. Г. Байшев в книге «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» (Под ред. П. К. Дмитриева. М., 1949) рассмотрел диалектное членение башкирского языка главным образом на фонетическом уровне и предложил на этой основе новую классификацию башкирских говоров и диалектов с характеристикой их основных особенностей.

Направленная главным образом на выяснение соотношения между литературным языком и территориальными диалектами, эта книга, как, впрочем, и отчеты диалектологических экспедиций, лишь частично отражает накопленные сведения о природе башкирских говоров даже на уровне фонетики и весьма фрагментарно характеризует их с точки зрения лексики и грамматики, тем более что первые диалектологические экспедиции основной своей целью ставили решение вопросов языкового строительства и нормализации фонетики.

В связи с этим дальнейшее изучение башкирских говоров и диалектов, начиная с середины 50-х годов, было нацелено на возможно полное выявление их специфики на всех уровнях, особенно на уровне фонетики и фономорфологии, связанной с характерной вариативностью аффиксов с начальными этимологическими *л* и *д*, а также лексики, где обнаруживаются значительные диалектные расхождения. Назрела большая задача более углубленного фронтального монографического описания всех башкирских говоров и диалектов по единой программе, которую в виде конкретного вопросника разработали башкирские диалектологи, особо выделив обширный вопросник по собиранию лексических диалектизмов⁹⁴.

Этот новый этап в изучении башкирских диалектов ознаменовали в порядке первого опыта монографии Н. Х. Ишбулатова и Х. Г. Юсупова, посвященные всесторонней характеристике специфики говора башкир двух деревень, представляющих соответствующие говоры Восточного диалекта⁹⁵. Вслед за ними появилось монографическое описание особенностей двух типичных говоров восточного диалекта — айского и кубаякского⁹⁶. Монографическое описание получили затем говоры башкир Оренбургской области⁹⁷.

Одновременно шло сплошное обследование башкирских говоров по новой программе. В результате основные их различительные признаки в области фонетики, морфологии и лексики выявлены и уже описаны в трех обобщающих монографиях — Н. Х. Максютевой «Восточный диалект башкирского языка» (М., 1976), С. Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» (М., 1979) и Н. Х. Ишбулатова «Диалектная система башкирского языка в сравнительно-историческом освещении» (Дис. . . . докт. филол. наук. Уфа, 1979)⁹⁸. В первых двух монографиях дано полное описание специфики двух основных башкирских диалектов и входящих в них говоров в сравнении с литературным языком и предложена во многом новая классификация основных башкирских говоров. Диссертация Н. Х. Ишбулатова посвящена систематическому описанию состава фонетических, фономорфо-

⁹⁴ Анкета. Башкорт теле һойләштәрелән материалдар йыйыу осөн (Төзөүселәр: Н. Х. Ишбулатов, Н. Х. Максютөва, С. Ф. Миржанова. Яуаплы ред. Н. Х. Ишбулатов. Өфө, 1961); Башкорт теле һейләштөрөнөң һүзлек составын йыйыу осөн һораулык (Төзөүселәр: Н. Х. Ишбулатов, З. К. Ишмухаметов, С. Ф. Миржанова, У. М. Яруллина. Өфө, 1959). — Эти вопросники по своей целенаправленности и охвату объекта исследования более совершенны, чем первая диалектологическая инструкция, составленная Т. Г. Байшевым (Байшев Т. Тел материалы йыйыу осөн кыскаса куллашма. Өфө, 1936).

⁹⁵ Ишбулатов Н. Х. Говор деревни Казмашево Абзелдоловского района Башкирской АССР. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1955; Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1955.

⁹⁶ Баева Н. Х. Говор айских башкир. Дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1963; Миржанова С. Ф. Кубаякский говор башкирского языка. Дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1967.

⁹⁷ Азнагулов Р. Г. Языковые особенности оренбургских башкир. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1972.

⁹⁸ По уточнению классификации башкирских говоров и выявлению их специфики немало сделал также и Д. Г. Кукбаев.

логических и морфологических диалектизмов башкирского языка в их отношении к башкирскому литературному языку и к некоторым другим тюркским языкам. Одновременно она содержит основные общие сведения по фонетике и отчасти морфологии современного литературного башкирского языка.

Накопленные ценнейшие фактические материалы и интересные обобщения позволили башкирским диалектологам перейти к исследованию отмеченных ими наиболее интересных особенностей башкирских диалектов методами лингвистической географии с последующим составлением диалектологического атласа башкирского языка, преследующего своей целью воссоздание истории как самих диалектизмов, так и башкирских говоров и диалектов, т. е. самого народно-разговорного языка башкир. В настоящее время ведется собирание материалов для атласа по единой программе⁹⁹ и предварительное картографирование.

Внимание башкирских языковедов давно привлекает проблема культуры речи. Тесно связанная с нормализацией и функционально-стилистическим развитием литературного языка, она всегда была предметом их внимания, особенно в период становления и стабилизации лексических и синтаксических норм¹⁰⁰. Значительный вклад в разработку проблем культуры речи внес Т. Г. Башшев, выступая в периодической печати с анализом достоинств и недостатков языка ряда газет, учебников и переводных произведений. Д. Г. Киекбаев выступил с практическими рекомендациями по вопросам орфоэпии и стилистики. О языке и стиле художественной прозы на основании анализа конкретных произведений содержательные статьи опубликовали Г. Г. Сайтбатталов, Н. Х. Ишбулатов, А. Г. Бишев и В. Ш. Исянчин. А. И. Харисов обратил внимание широкой общественности на необходимость улучшения переводов с русского языка, повышения культуры устной речи (даже в литературной форме во многом разительно отличающейся от действующих норм лексики и отчасти синтаксиса), культуры речи публицистики и т. п.

Вопросы башкирской стилистики и пунктуации исследовал в своей работе Г. Г. Сайтбатталов¹⁰¹. Предметом специальных изысканий стала история формирования литературного письменного языка, разрабатываемая на основе изучения письменной традиции башкир и роли фольклора в становлении единого башкирского языка; большое внимание уделено вопросам нормализации литературного языка, правописания¹⁰².

Специальная монография посвящена филологическому анализу всего дошедшего до нас литературного наследия башкирского народа (XVIII—XIX вв.)¹⁰³. По почину Н. К. Дмитриева Т. М. Гарипов и З. Г. Ураксин разрабатывают историю изучения башкирского языка¹⁰⁴. Наряду с составлением библиографии по башкирскому языкознанию, насчитывающей ныне около 2000 названий, почти во всех монографиях дается ее критический обзор по темам. В ряде обобщающих работ содержится оценка современного состояния башкирского языкознания¹⁰⁵.

⁹⁹ Башкорт теленең диалектологик атласы осөн мәғлүмәт йиһыу программаһы. Тәҙеүсө. Н. Х. Максүтова. Өфө, 1973.

¹⁰⁰ По этой тематике написано множество статей, отмеченных в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)». Ряд из них, в частности работы перечисленных ниже авторов, написаны на основе анализа обширного материала публицистики, художественных произведений, фольклора и др.

¹⁰¹ Сайтбатталов Г. Г. Башкорт теленең стилистикаһы менән пунктуацияһы. Өфө, 1973, 1 китап.

¹⁰² См.: Исянчин В. Ш. История формирования башкирского литературного письменного языка. Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1965; Ахмеров К. З. Формирование и развитие башкирского литературного языка. М., 1948; Әхмәр К. Башкорт ғәзеби теленең формалашыу һәм үсөү юлдары. — Өзәби Башкортостан, 1967, № 4; Әхмәров К. З. Башкорт язуы тарихы. Өфө, 1972.

¹⁰³ Харисов Ә. Башкорт халкының ғәзеби мираһы: (XVIII—XIX быуаттар). Өфө, 1965.

¹⁰⁴ Дмитриев Н. К. Библиография по башкирскому языку и фольклору. Уфа, 1936; Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967).

¹⁰⁵ Дмитриев Н. К. Предисловие. — Русско-башкирский словарь. Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1948; Гарипов Т. М. Указ. соч.; Он же. Н. К. Дмитриев и советское баш-

Из вышеизложенного видно, что все разделы башкирского языкознания испытывают подъем; разработка лингвистических проблем никогда еще не проводилась с таким широким размахом, полнотой охвата объекта исследования, неуклонной систематичностью и так организованно, как в наше время.

Все это, с учетом успешной подготовки научных кадров, позволяет надеяться, что башкирские языковеды выполнят большие задачи, которые самой жизнью выдвигаются по мере развития отечественного языкознания.

Одной из таких задач, назревшей давно, и было создание общими усилиями академической грамматики современного башкирского литературного языка с учетом результатов теоретических поисков, новых наблюдений и материалов, накопленных по звуковому и грамматическому строю современного башкирского литературного и других тюркских языков со времени написания первой академической «Грамматики башкирского языка» Н. К. Дмитриева (М.—Л., 1948).

Предлагаемая грамматика, будучи по своему характеру строго нормативной, ставит своей задачей также отразить с возможной полнотой те изменения, которые произошли в самом литературном языке в сороковых годах и позже. За этот период заметно изменился и сам национальный башкирский язык по функциональному соотношению с его литературной формой и народно-разговорными разновидностями. Да и по структуре на уровне лексики, словообразовательной морфологии и синтаксиса он претерпел значительные изменения во всех своих разновидностях¹⁰⁶. Это, естественно, не было отражено в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, ориентированной главным образом на общенародный фонд звуковой и грамматической структуры литературного языка, выявленный в период ее написания далеко неполно.

В предлагаемой грамматике башкирского языка ставится также задача посильно разработать некоторые спорные и недостаточно исследованные сложные проблемы грамматики, не имеющие до сих пор однозначного решения. Авторами новой грамматики предпринята попытка их дополнительного изучения и решения. Результаты их исследования, представляющие интерес не только для башкирского языкознания, по необходимости изложены в грамматике значительно более полно, чем этого требует соблюдение пропорции ее разделов. Так, например, большое место уделено рассмотрению деепричастий, составу и природе аллофонов гласных и некоторых согласных, фонеморфологическим изменениям основы слова при агглютинации, сложении и редупликации, типологии синтаксической связи слов, особенностям группового морфологического оформления однородных членов предложения, квалификации соотношения значений и функций полифункциональных и полисемантических грамматических форм существительного и глагола и т. п.

Решая эти сложные вопросы, авторский коллектив руководствовался убеждением, что информативность грамматического описания данного рода важнее, чем его стройность и равномерность по разделам. Этим объясняется и стремление более полно отразить в грамматике положительные результаты ранее проведенных исследований в области словообразования, формообразования и т. п. Бросающаяся в глаза диспропорция в изложении звукового и грамматического строя вызвана наличием вполне удовлетворитель-

кирование. — Там же; *Он же*. Труды русских ученых в области башкирского языкознания. — В кн.: 400-летие присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958; *Гарипов Т. М., Ураксин Э. Г.* Башкирское языкознание за 50 лет. — В кн.: Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969; *Ураксин Э. Г.* Развитие башкирского языкознания за годы Советской власти. — Советская тюркология, 1972, № 2; *Алжеров К. З.* Языкознание в Башкирии. — ВЯ, 1953, № 3; *Юлдашев А. А.* Башкирский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М., 1959.

¹⁰⁶ *Юлдашев А. А.* Башкирский язык. — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: (Тюркские, финно-угорские и монгольские языки). М., 1969, с. 141—168.

ного монографического описания башкирской фонетики, выполненного сравнительно недавно Дж. Г. Кисебаевым¹⁰⁷.

В грамматике звуковой строй башкирского языка рассматривается лишь в его функциональном (фонологическом) аспекте, имеющем непосредственное отношение к собственно грамматике, где, строго говоря, неправомерно излагать его вообще, хотя это и принято. По сравнению с морфологией, охватывающей все словообразовательные и словоизменительные формы слова, синтаксису башкирского языка отведено меньше места, поскольку по синтаксису также имеются монографические описания Г. Г. Саятбатталова и К. З. Ахмерова, отразить которые более полно здесь не представляется возможным без ущерба для описания морфологии, ранее недостаточно охарактеризованной как по составу форм слова, так и, в особенности, по выявлению их значений.

Наряду с неравномерностью рассмотрения вопросов грамматики башкирского языка в предлагаемом труде, выполненном различными авторами, естественно нет абсолютного единства, что в известной мере отражает лингвистическую ситуацию в понимании того или иного рассматриваемого вопроса в тюркологии. Это объясняется также и степенью разработанности вопросов грамматики на материале тюркских языков и в общем языкознании. Так, не удалось устранить весьма заметный разрыв в описании и истолковании отдельных словоизменительных форм синтаксического назначения на уровне морфологии и синтаксиса; например, Деепричастия в морфологии квалифицируются как особые формы бинопредикативности, в синтаксисе — как обстоятельство или ведущий член так называемых обстоятельственных оборотов.

Однако названные недостатки данной грамматики компенсируются ее информативностью по составу словообразовательных и словоизменительных форм и структурно-семантическим типам словосочетаний и предложений. Авторский коллектив стремился охватить и осветить все нормативные единицы словообразовательной и словоизменительной морфологии и наиболее распространенные структурно-семантические типы словосочетаний и предложений, уделив особое внимание типологии структур сообразно их живой системе.

¹⁰⁷ Кисебаев Ж. Г. Башкорт теленең фонетикаһы (тасуири һәм сағыштырма-тарихи тикшеренәү тәҗрибәһе). Өфө, 1958.

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Звуковой строй современного башкирского литературного языка характеризуется в целом нормализованностью и единством, особенно в письменной его форме. В устной же форме долгое время — вплоть до конца 30-х годов — шел процесс унификации фонетических вариантов многих исконно башкирских слов — замена региональных или узкодialeктальных фонетических вариантов, проникших в литературный язык в начале 20-х годов, более распространенными вариантами. Этот процесс оставил заметный след и в письменном языке того времени¹.

Большой разницей наблюдался в фонетическом освоении лексических заимствований из русского языка², который не устранен и ныне. Так, по степени освоения русских фонем /o/, /e/, /щ/, /ц/ и по произношению остальных фонем в составе заимствований из русского языка нормы орфоэпии соблюдаются на деле лишь в речи артистов, дикторов радио и телевидения и других слоев башкирской интеллигенции (и то редко; кто, например, правильно произносит русские /г/, /ч/ с должной смычкой?). Остальное же башкирское население в зависимости от степени овладения русским языком так или иначе приспособляет произношение заимствований из русского языка, занимающих в современной нормативной лексике башкирского языка большое место, к артикуляции башкирских гласных и согласных.

Устный литературный язык характеризуется единым составом исконно башкирских фонем и их аллофонов. В официальной речи нет фонетического разнообразия в исконно башкирских корневых и аффиксальных морфемах. Но в обиходно-бытовой речи, отнюдь не отличающейся единством, в зависимости от уровня овладения нормами языка все еще наблюдаются нарушения орфоэпии по употреблению специфических башкирских фонем /h/, /ç/, /ʒ/ в отдельных словах и по варьированию инициальных аффиксальных этимологических согласных /л/ и /д/. В остальном и здесь вполне устоялись литературные нормы башкирской орфоэпии.

Предлагаемые сведения по фонологии, акцентологии, слогаделению и фономорфологии ориентированы, естественно, на стабилизовавшиеся нормы звукового строя литературного языка и в основном почерпнуты из существующих лингвистических источников. В то же время часть их представляет собой результат новых наблюдений в этой области.

¹ Юлдашев А. А. Башкирский язык. — Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М., 1969, с. 152 и сл.

² Там же, с. 150—151.

ВОКАЛИЗМ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ

В современном башкирском литературном языке девять гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /ы/, /e/, /и/, /ə/, /ə/, /ү/.

Т а б л и ц а 1

Классификация гласных фонем

	Передне-рядные		Заднерядные			Передне-рядные		Заднерядные	
	негубные	губные	негубные	губные		негубные	губные	негубные	губные
Широкие Полушарокие	/ə/	/o/	/a/	/o/	Полуузкие Узкие	/e/ /и/	/ү/	/ы/	/y/

Гласные башкирского языка в соответствии с законами небного сингармонизма разделяются на две последовательно противопоставленные фонетические группы; передние /и/, /ү/, /o/, /e(ə)/, /ə/ и задние /y/, /o/, /ы/, /a¹/. При этом они образуют корреляты, попарно отличаясь друг от друга главным образом по ряду: /a/ — /o/, /ы/ — /e/, /o/ — /ə/, /y/ — /ү/.

В этом отношении особняком стоит лишь непарная передняя фонема /и/, основная разновидность которой среди передних гласных является самой передней, а ее аллофон, бытующий в одном ряду с гласными заднего ряда в немногих словах типа *ижау* 'половник', напротив, занимает промежуточное положение между задними и передними гласными. Другую особенность башкирских гласных по ряду составляет их отодвинутость назад, особенно передних, из которых /e/ и /ə/ с полным основанием могут быть выделены как гласные среднего ряда. Фонетически действительно передними могут считаться лишь аллофоны фонем /и/ и /ү/, отчасти /o/, представленные в окружении губных согласных: ср. *бит* 'лицо', *тимер* 'железо', где *и* стоит близко к русск. *эти*; *тумэр* 'чурбан', *бускэ* 'неполный', *тон* 'пень', *бетмер* 'аккуратный, расторопный'.

В зависимости от условий реализации характеристики гласных по ряду в целом имеют весьма резкие колебания, особенно под влиянием губных, межзубных и увулярных согласных. Но эти колебания укладываются в рамки четкого фонематического противопоставления передних гласных задним, не нарушая их распределения в соответствии с незыблемыми законами сингармонизма, которые не соблюдаются лишь в иноязычных заимствованиях и некоторых сложных словах типа *билбау* 'кушак', как это имеет место и в остальных тюркских языках, исключая узбекский.

По подъему гласные отличаются друг от друга в рамках небольшой, но по сравнению с другими тюркскими языками относительно широкой амплитуды: /и/, /ү/, /y/, /e/, /ы/, /o/, /o/, /ə/, /a/. Обращает на себя внимание отсутствие сверхузких и абсолютно узких гласных, за исключением лишь позиционно обусловленных действительно узких аллофонов фонем /и/ и /ү/, а также поляризация между довольно четко выделяемыми широкими /a/ и /ə/ и сравнительно узкими /и/ и /ү/, /y/, по отношению к которым /e/ и /ы/,

¹ В литературном башкирском языке, кроме того, постепенно осваиваются артикуляционно удобные для башкир русск. /o/ и /ə/ в составе заимствований типа *кино*, *орден*, *эпос*, *экзамен*. Но опп. как и остальные русские гласные в заимствованиях, вопреки правилам орфоэпии за редким исключением обычно претерпевают полную фонетическую адаптацию — переходят в соответствующие башкирские исконные гласные: ср.: *калуз*, *директыр*, *электер* / *илектер* 'электричество', *тырақтыр*, *пуйыз*, *музыкы*.

отчасти /o/ и /o/ занимают в принципе промежуточное положение, позволяющее квалифицировать их как гласные среднего ряда. Эти ориентировочные характеристики гласных по подъему в зависимости от своеобразия артикуляции окружающих их согласных, конечно, тоже имеют гамму колебаний, установить которые, хотя бы в общих чертах, пока что не представляется возможным. Ясно лишь, что по подъему самые большие колебания дает /и/ и что при всех своих колебаниях в целом губные и /e/ — /ы/ сохраняют свое соотношение по подъему.

В непосредственной связи с координатами гласных по подъему стоит их открытость и закрытость, предопределяемая степенью подъема, но не сводимая к ней, как это принято считать. Под открытостью или закрытостью следует понимать не столько максимальное сужение или расширение гласного по подъему, сколько изменение характера резонирования при средней фазе артикуляции гласного, а именно — сосредоточенность звучания в самом резонаторе, не обеспечивающая его направленности на слушателя, т. е. целенаправленного свободного выхода звучания наружу (закрытые гласные) или, напротив, коммуникативно направленное звучание через полость рта наружу, при котором ротовой резонатор как бы превращается в источник звучания (открытые гласные с чистым тоном, сопровождаемым обертонами, образуемыми в самом резонаторе). Открытыми гласными в этом понимании являются лишь башкирские /ə/ и отчасти /a/. Звучание остальных гласных сосредоточено главным образом в надгортанной полости, хотя при этом одновременно и используется ротовой резонатор. Все эти гласные, в том числе и /a/, произносятся при небольшом растворе. Это, как и заметная отодвинутость гласных назад, отнюдь не способствует ясному проявлению их качества.

В различении гласных, помимо их соотношения по ряду и подъему, существенную роль играет участие губ в образовании /ү/, /у/, /ə/, и /o/ и противопоставленность этих губных гласных по данному их признаку негубным /и/, /e/, /ы/, /a/, /ə/. Башкирские губные гласные по сравнению с соответствующими губными других тюркских языков, исключая татарский и отчасти чувашский, значительно (кроме /o/ и /ə/), отодвинуты по ряду назад и к тому же имеют сравнительно меньшую длительность произношения. В силу этого их огубление выражено крайне слабо. Напряжение губ при образовании ү и у в целом очень слабое, а ə и o произносятся по сути при вялом состоянии губ, минимально собранных для их артикуляции. Только в сочетании с /б/, /м/, /п/, /т/, /д/, /з/ и /ç/ губные гласные приобретают сравнительно ясно выраженную лабиальную окраску при относительно активном участии губ: ср. *буз* 'сизый', *боз* 'лед', *уп-* 'целовать', *бет-* 'кончать'. Хотя огубленность /e/ и /o/ еще более слабая, чем огубленность /ү/ и /у/, именно она, как, впрочем, и заметная их расширенность, отличает эти фонемы соответственно от /e(ə)/ и /ы/, по ряду и длительности очень близко стоящих к ним. Больше того, именно благодаря огублению и связанному с ним увеличению длительности башкирские /o/ и /o/ являются относительно сильными фонемами, способными ассимилировать последующие /e(ə)/ и /ы/ по законам губной гармонии гласных: *тормыш* > *тормои* 'жизнь', *көмеш* > *көмөш* 'серебро'.

По длительности, обусловленной самим качеством данного звука, гласные делятся на две неравные группы: краткие /e(ə)/ и /ы/ и «нормальные» /ə/, /o/, /и/, /ү/, /у/, /ə/, /a/, приведенные здесь в порядке восходящей градации их долготы. Длительность гласных, обусловленная их природой, находится в большой зависимости от конкретных условий их употребления в речи и поэтому резко колеблется. Достаточно сказать, что в зависимости от структуры слога, особенно от его открытости или закрытости, от ударения, от количества неударных слогов в словоформе и характера соседних согласных длительность гласных может быть увеличена или, напротив, сокращена почти вдвое². Если к тому же учесть резкие колебания и общей

² Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных. — Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928, № 8, с. 201, 210, 227.

длительности слова в зависимости от занимаемой им синтаксической позиции и степени актуализированности его содержания (одно дело, например, интонационно выделенное ведущее слово словосочетания, совершенно другое — ледомое, ударный слог которого по длительности мало чем отличается от неударных слогов ведущего слова), то этот разрыв может быть увеличен еще вдвое.

Соответственно столь же резко колеблется и ясность гласного, обусловленная прежде всего его длительностью. Гласные проявляют свои различительные признаки настолько ясно, насколько они располагают для этого необходимой длительностью. Чем гласный короче, тем менее ясно звучит и претерпевает, как говорил В. А. Богородицкий, ослабление, приобретая фонетическую неопределенность³, приводящую нередко к существенным его позиционным изменениям. Гласные нормальной долготы при резком сокращении их длительности в окружении соответствующих согласных в первых неударных слогах многосложных словоформ, нейтрализуя свои различительные признаки, фонетически сближаются с краткими /e/ (передний) или /ы/ (задний), характеризующимися как раз неопределенностью звучания. Краткие гласные в этой позиции, как правило, выпадают, в лучшем случае становясь сверхкраткими: ср. *себ(е)шке* 'чаша', *к(е)ше* (*килмане*) 'никто (не приходил)', *к(ы)шын-азын* 'зимой и весной'. Утрату длительности и четкости гласного в какой-то мере компенсирует изменение музыкального тона, позволяющее натренированному слуху уловить его на психолингвистической основе. Но в целом фонематическую опознаваемость гласных в первую очередь обеспечивает, конечно, длительность их произношения, тем более что башкирские гласные произносятся обычно вяло, во всяком случае без заметного напряжения.

За исключением случаев нейтрализации гласных, их длительность даже при резком сокращении выдерживается в целом в пределах, вполне достаточных для восприятия самими носителями языка с автоматизированными навыками.

Как и минимальная длительность, приводящая к нейтрализации гласных или к их выпадению, известную фонетическую значимость имеет для башкирского вокализма и максимальная длительность, характерная для гласных в открытом ударном слоге: в исконно тюркских словах в этой позиции в первом слоге башкирские губные /y/ и /у/, отличающиеся от сходных губных других тюркских языков краткостью, вследствие их удлинения деформировались — перешли в бифонемное сочетание фонетически близко стоящего к ним губно-губного сонанта /y/ — /y(w)/ с эпентетическим гласным э—ы, т. е. соответственно в /eу(ew)/ и /ыу/ (ыw): *буғ > бу > быу 'пар', др.-тюрк. *келиг > килу > килеу 'приход, приходит', *Бануу* (имя собств.). Удвоения длительности в первом открытом конечном ударном слоге не имеет также и относительно краткое башкирское /и/, которое в исконно тюркских словах в этой позиции не представлено вообще в связи с последовательным переходом этимологического */и/ в /e/, как в татарском, казахском и некоторых других тюркских языках: *Ғалий*, *Ғилмий* 'научный' (орф. *Ғали*, *Ғилми*), *эбей* (<эби) 'бабка, бабушка'.

В рассмотренной позиции предоставлена возможность для наиболее полного и четкого проявления различительных признаков башкирских /a/, /ә/, /e/, /ы/, /ө/, /о/: *таба* 'сковорода', *бәлә* 'беда', *әсе* 'кислый', *тары* 'просо', *ошо* 'этот', *сәсә* 'пресный'. Поскольку, однако, в этой позиции в исконно тюркских словах не представлены и, у и у, а ө и о выступают лишь на правах позиционного заместителя /e/ и /ы/, она, очевидно, не может считаться сильной позицией для всех башкирских гласных. Сильной позицией для них не может служить и открытый слог односложных слов, хотя здесь тоже имеются благоприятные условия для проявления качества гласных. Ибо, во-первых, здесь не представлены губные, а /и/ встречается едва ли

³ Богородицкий В. А. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте. — Там же, с. 113.

не в единственном слове *ти* 'сказать', и то на деле являет собой бифонемное сочетание *ей* или *ий*. Во-вторых, что самое главное, полнозначных слов, состоящих из одного открытого слога крайне мало, а в морфемах-частицах с таким слогом происходит нейтрализация оппозиции гласных (ср. вопросительную частицу *мы/ме*, *мо/мо*, усилительную частицу *та/тэ* и т. п.), в междометиях типа *мэ!* 'на!' гласный теряет естественное звучание в силу их особой интонации.

В тюркских языках не так уж много и односложных слов, состоящих из одного закрытого слога, чтобы считать их типичными условиями для употребления гласных. Тем более что практически их преобладающее большинство употребляется в агглютинированном виде. А главное — в этой позиции рекурсия гласного и экскурсия последующего согласного сливаются, и гласный неизбежно испытывает влияние согласного. В прикрытых закрытых слогах типа СГС гласный ощущает влияние также и предшествующего согласного, не говоря уже о слогах типа СГСС (*дурт* 'четыре', *кирт-* 'сделать зарубку', *көрт* 'сугроб', *корт* 'червь', *кырк* 'сорок', *халк* 'народ', *терт ит-* 'вздрыгнуть'), где это влияние усугубляется вследствие неизбежной редукции гласного. К тому же в этой позиции в служебных морфемах-частицах и т. п. происходит нейтрализация оппозиции гласных (ср. модальную частицу *дыр/дер*, *дор/дөр*, выражающую неуверенное предложение).

Наименее обусловленным представляется употребление гласного в первом открытом слоге, особенно неприкрытом, в составе двусложных и трехсложных слов, где все гласные оказываются в принципе в одинаковых сравнительно благоприятных условиях, обеспечивающих достаточную их фонологическую опознаваемость: *э-лек* 'ранес', *э-ре* 'крупный', *ы-зан* 'меха', *ы-сын* 'истый, настоящий', *ө-мөт* 'надежда', *ө-мэ* 'помощь коллективная', *о-са* 'круп', *а-та* 'отец', *а-ра* 'расстояние', *э-ле* 'теперь, ныне, сейчас', *э-сэ* 'мать', *у-тын* 'дрова', *у-рак* 'сердце', *ү-тэ* 'насквозь, сквозь', *ү-гез* 'бык'⁴.

В первом неударном слоге тюркские корневые гласные реализуются всегда гораздо более ясно, чем в любом другом неударном слоге, возникающем при осложнении сходных двусложных и трехсложных слов аффиксами словообразования или формообразования. В этих самых типичных условиях функционирования тюркских корневых гласных их длительность в предударных слогах резко сокращается, а в первом неударном слоге сохраняется благодаря компенсирующему увеличению их длительности за счет паузы перед ним и возникающему в связи с этим побочному ударению именно на первом слоге, особенно когда словоформа становится многосложной.

Правомерность истолкования первого открытого неударного слога в двух- и трехсложных словах как сильной фонетической позиции для башкирских гласных подтверждается и подкрепляется фонологически ведущим положением гласного первого слога любого тюркского слова в его фонемном строении. Именно гласный первого слога предопределяет появление в последующих слогах гласных исключительно переднего или заднего ряда и соответственно только палатального или веларного варианта данного согласного.

Гласный первого слога независимо от ударения в фонемном строении слова играет конституирующую роль также и в другом отношении. По нему можно предсказать возможность или невозможность появления в последующих слогах гласных лишь определенного типа. Так, за *и* первого слога следует чаще всего *е*, реже — *э*, контрастирующий по подъему, *а*, *и*, *ү* и *ө* в исконно тюркских словах после него совершенно недопустимы. За *ү* первого слога могут следовать только *е* и *э*, появление *и* и *ө* здесь в исконно тюркских словах исключено. Способностью возглавлять определенный фонемный ряд обладают и другие гласные, как это показано ниже при их отдельном описа-

⁴ Правда, в прикрытых открытых слогах типа *ба-ла* 'ребенок', *ти-шек* 'дыра', *са-ма* 'мера, размер', *се-йэ* 'вишня', *сы-бар* 'пестрый', *ко-рал* 'оружие', *кө-шөл* 'ворох, куча' не исключено влияние начального согласного на проявление различительных признаков гласного. Но их можно не брать в расчет, тем более что взаимовлияние смежных согласного и гласного достаточно еще не изучено. Ясно лишь, что на гласный в рамках слога большее влияние оказывает последующий согласный, чем предыдущий.

нии. Отсюда вытекает еще одна особенность башкирского вокализма: открытая возможность реализации гласных в первом слоге при сравнительно ограниченном, и даже закрытом их распределении в последующих слогах.

В исконно тюркских словах гласные /и/, /ү/, /у/ оказались по сути позиционно закрепленными. У остальных гласных определенную позиционную закрепленность имеют только основные разновидности, представленные главным образом в первом открытом неударном слоге двусложных слов, состоящем из одного гласного, и в ударном открытом слоге, замыкающем словоформу. Их же аллофоны возникают, исключая эти две позиции, независимо от местоположения гласного в слове, возникают в полной зависимости от характера соседних согласных, распределение которых в исконно тюркских словах, за небольшим исключением, не регламентировано.

В образовании аллофонов гласных есть, безусловно, определенные общие закономерности, которые, к сожалению, еще не выявлены ни для одного из тюркских языков. Так, перед /к/, /г/ и /х/, а иногда и после них все гласные заднего ряда предельно отодвигаются назад и неизбежно приобретают гортанную окраску, обуславливающую максимальное использование надгортанного резонатора. Наибольшие отклонения от обычных норм артикуляции и звучания дает в башкирском языке здесь *a*, особенно в диалектах, где этот звук суживается и приобретает тем не менее открытый характер, свойственный киргизскому *a* перед *к* в словах типа *как* — 'стучать'. Губные, межзубные и переднеязычные *m* и *ð* способствуют, напротив, опереднению всех соседних гласных, которые при достаточном изменении степени их подъема (а это уже находится в зависимости от характера другого соседнего согласного в пределах закрытого слога) и длительности (это зависит от местоположения слога по отношению к ударению) порождает более или менее типичные аллофоны задних и отчасти передних гласных. Губные и отчасти межзубные согласные усиливают лабиализацию губных гласных, которая при резком опереднении гласных довольно сильно видоизменяет их качество.

В образовании и стабилизации аллофонов нередко существенную роль играет влияние одного гласного на другой. Так, под прогрессивным ассимилирующим влиянием губных /ə/ и /o/ возникли и закрепились в башкирском языке фонетически совпадающие с ними аллофоны негубных *e* и *ы*: *све* 'пресный', *ошо* 'этот'. Расширенные аллофоны предударных *e* и *и*, возникшие под регрессивным ассимилирующим влиянием ударного сильного *e*, впоследствии в целом ряде слов необратимо перешли в /o/, ср.:

Тат. язык	Баш. язык	
<i>кибэк</i>	<i>кэбэк</i>	'отруби'
<i>кибэн</i>	<i>кэбэн</i>	'стог'
<i>кимэ</i>	<i>кэмэ</i>	'лодка'
<i>киңәш</i>	<i>кәңәш</i>	'совет'
<i>кирэк</i>	<i>кэрэк</i>	'нужно'
<i>киртә</i>	<i>кэртә</i>	'оглобля, жердь'
<i>киштә</i>	<i>кэштә</i>	'полка'
<i>тирән</i>	<i>тэрән</i>	'глубокий' ⁵ .

Гласные имеют весьма различный состав аллофонов, отличающихся друг от друга чаще всего незначительно, но иногда очень сильно. Наиболее разнообразными аллофонами представлена фонема /и/; мало различающимися аллофонами — фонемы /e/, /ы/, /ə/, /o/, /ү/, /у/. Аллофоны фонемы /a/ в этом отношении занимают как бы промежуточное положение.

Дистрибуция гласных морфологически ограничена. В корневых морфемах представлены все гласные. Но не во всех позициях. В аффиксах не мо-

⁵ Это явление прослеживается также и в некоторых иноязычных заимствованиях (ср. баш. *жәрәбә* 'жребий', *тәкәр* 'сахар' и соответственно тат. *жирәбә*, *тикәр*; баш., тат. *тәрәзә* 'окно', баш. *сәбәп* 'причина', *жәңгәт* 'удовлетворение'), особенно в диалектах (ср. баш. диал. *тәстә* 'десяток').

жет быть *и* и губных *у* и *у*. К тому же идентификация гласных фонем с точки зрения смысловозначительной производится здесь на принципиально иных началах, чем в корнях: *э* и *а* предстают как передний и задний варианты единой широкой фонемы (*кил-э* 'приходит', *бар-а* 'идет'), противопоставленной средней по подъему полифонеме */ы/*, которая, помимо приведенных основных ее вариантов, может быть представлена аллофонами *ө/о* (*бай-ы* 'обогащаться', *кэм-ө* 'убавляться'; *йот-лок* 'захлебываться', *өз-лөк* 'заболеть повторно').

Наряду со смысловозначением, составляющим основное назначение фонем, гласные осуществляют также слогаобразующую функцию, представляя вершину любого слога и тем самым являясь опорой в акцентно-ритмическом строении слова. Ведущее положение гласных в слоговой и акцентно-ритмической структуре слова усиливает фонематическую опознаваемость не только их самих, но и соседних согласных даже в фонетически невыгодных для них позициях.

По употребительности среди гласных на первом месте стоит */е/* и */ы/*, на втором */а/*, на третьем — */ө/* и */о/*, на четвертом — */ә/*, на последнем — */и/*, на пятом, предпоследнем — */ү/* и */у/*.

Исторически наибольшую устойчивость имеют лишь *а* и *ы*, за небольшим исключением совпадающие по распределению в исконно тюркских словах с общетюркскими нормами их употребления. Остальные корневые гласные в преобладающем большинстве своего употребления, особенно в односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных корневых словах довольно последовательно отражают, как в татарском и отчасти чувашском языках, эволюцию древнетюркского вокализма — расширение узких **/и/ > /е/*, **/ү/ > /ө/*, **/у/ > /о/*, **/е/ > /ә/* и сужение относительно широких **/е/ > /и/*, **/ө/ > /ү/*, **/о/ > /у/*. Эта эволюция, еще более последовательная в татарском языке и отчасти имевшая место в чувашском, хакасском, якутском, тувинском, туркменском, турецком, казахском, ногайском, каракалпакском и некоторых других языках, происходила в глубокой древности, как об этом позволяет судить общность ее следов в составе одних и тех же слов не только в названных языках, но и в некоторых монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

ГЛАСНЫЕ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

Фонема */и/* является самой передней из всех передних и наиболее узкой среди узких гласных, по подъему и ряду полярно противопоставленной широкой фонеме */ә/*, которая тесно взаимодействует с ней в рамках одного и того же слова: *итәк* 'модол', *инә* 'самка'. Из всех передних гласных она ближе всего стоит к */е/*, и чаще всего сочетается с ней, находясь в коррелятивном противопоставлении главным образом по подъему и отчасти по ряду: *иш* 'пара, чета' — *эш* 'работа', *биз* 'железа́' — *без* 'мы́'.

Фонема */и/* в исконно тюркских словах более или менее широко представлена лишь в анлауте и инлауте, в частности во всех типах первого слога, составляющего в том числе и корневую морфему: *и-ре-* 'таять', *ки-ре* 'обратно', *ир-тә* 'утро, рано', *мин* 'я', *ирк* 'свобода', *милк* 'достояние, имущество'. При этом */и/* несовместима с губными гласными. Характерна для *и* также и невозможность ее употребления в других позициях, т. е. в перервом слоге, в том числе и в аффиксах.

В иноязычных заимствованиях */и/* может быть в любой позиции, включая ауслаут: *нәтижә* 'результат', *табиғи* 'естественный', *магнит*. В нарушение неизбежного правила сочетаемости гласных только через посредство согласных, */и/* в иноязычных именах может стоять непосредственно перед */ә/*, находясь, однако, в разных слогах: *Фәниә*, *тәрбиә* 'воспитание', *киәфәт* 'облик', *ниәт* 'намерение' (по в разговорном языке здесь *и > ей*: *Фәнейә* и т. д.)

Исконная фонема */и/* сохранилась в первом слоге лишь немногих общетюркских слов типа *илек* 'косуля', *ике* 'два', *ишет-* 'слышать'. В остальных

случаях башкирская корневая фонема *и* обычно восходит к этимологической **е*.

Фонема /и/ характеризуется сравнительно большой устойчивостью, хотя в некоторых своих нетипичных случаях употребления и обнаруживает необычайно большие отклонения от описанных ее основных характеристик, в основном по ряду и отчасти по длительности произношения.

Предельно отличается от основной разновидности фонемы /и/ ее веляризованный аллофон, занимающий промежуточное положение между передними и задними гласными, а по подъему приближающийся к сравнительно широкой фонеме /е/. Этот аллофон обусловлен регрессивным влиянием последующего гласного заднего ряда, в частности *а* и, реже, *ы*: *ила-* 'плакать', *ижау* 'поварешка', *ихата* 'изгородь', плетень', *сирак* 'голень', *сират* 'очередь', *шигыр* 'стихотворение', *сихыр* 'колдовство'. По своему характеру к нему примыкают два более частных аллофона: 1) веляризованный (несколько суженный и опередженный) вариант, возникающий в соседстве с заднеязычными *к* и *г*: *киэфэт* 'облик', *филем* 'знание', *игтибар* 'внимание', 2) еще более веляризованный дифтонгоидный вариант, регулярно встречающийся под влиянием предыдущего заднего гласного в ударном слоге, в предударном же слоге возникающий под влиянием соседнего согласного и последующего ударного заднего гласного: *Фатих*, *гашик* 'влюбленный', *финуар* 'январь', *сифат* 'качество', *мәғариф* 'образование, просвещение', *Фатима*. В последнем случае /и/ являет собой по существу бифонемное сочетание *ы* с сонантом *й*.

Самостоятельный аллофон фонемы /и/ представляет бифонемное сочетание основной ее разновидности с сонантом *й* в исходе иноязычных слов под ударением: *мәжбури* 'обязательный', *филми* 'научный', *тәбиғи* 'естественный', *Фели*, *Вэли*.

Малозаметное отклонение от основной разновидности фонемы /и/ имеет ее суженный и опередженный аллофон, обусловленный влиянием губных, межзубных и переднеязычных *т*, *д*: ср. *тиз* 'быстро', *бит* 'лицо', *нимэ* 'что', *дим* 'увещевание', *типтәр* 'тепляр'.

Редуцированный вариант фонемы /и/ мало чем отличается от основной ее разновидности и едва ли может быть квалифицирован как самостоятельный ее аллофон: ср. *шишмэ* 'ручей', *кишер* 'морковь', *ширбэт* 'сладкий напиток', *киртлэс* 'зазубрина', *сирт-* 'щелкать'.

Фонема /е/ шире /и/, но уже всех остальных передних гласных; по ряду она занимает, в отличие от /и/, устойчивое положение, среднее между основными разновидностями /и/ и /е/. Характеризуется, как и /ы/, акустической неопределенностью, неясностью, вызванной ее звучанием одновременно в полости рта и в надгортанном резонаторе. Этим она резко отличается от сравнительно чистой фонемы /и/, пользующейся в основном ротовым резонатором, направленным не столько в надгортанную полость, сколько наружу. Различие между /е/ и /и/, которые по сравнению с остальными передними гласными довольно близко стоят друг к другу, углубляет отсутствие всякого напряжения при произношении *е*, чего нельзя сказать относительно артикуляции *и*, по степени допустимой (в соответствии с нормами башкирской фонетики) напряженности занимающей третье место после *у* и *о*.

Акустическо-артикуляционное своеобразие фонемы /е/ заметно сглаживает различие между ее артикуляционными фазами (экскурсией, вершиной и рекурсией) и, как бы удлиняя ее, усиливает ее фонематическую опознаваемость даже при минимальной ее длительности. Этому способствует также и то, что рекурсия предыдущего и экскурсия последующего согласного содержат элемент *е*, представляющий произвольный вокал при исходном состоянии артикуляционных органов⁶. Фактически первая и третья фазы артикуляции *е* во многом поглощают рекурсию предыдущего и экскурсию последующего согласного, компенсируя в какой-то мере максимальную ут-

⁶ Согласные немислимы без участия голоса в этих двух фазах своей артикуляции, акустически сводящихся неизбежно к произвольному *е* (в словах с палатальным фонемным строением) или *ы* (в словах с велярным составом фонем).

рату длительности в закрытых неударных слогах: *бергә* 'вместе', *һелк-трасти*, *керт-* 'ввести, занести', *шеһә* 'бутылка', *кишер* 'морковь'. Вот почему фонема *e* при всей своей краткости, акустической невнятности в целом обнаруживает всюду полное образование, сохраняет свою устойчивость, исключая лишь случаи закономерной редкой редукции типа *бурек* > *бурк* 'шапка' и регулярной ассимиляции под влиянием предыдущей губной фонемы /o/ (ср. *тәтен* > *тәтән* 'дым').

В открытых слогах, особенно в ауслaute под ударением /e/ по длительности мало чем отличается от остальных гласных с нормальной долготой, хотя и считается по сравнению с ними краткой: ср. *әре* 'крупный', *әсе* 'кислый', *мәйе* 'мозг'.

В отличие от остальных гласных переднего ряда, фонема /e/ не имеет позиционных, морфологических и дистрибутивных ограничений и употребляется в целом необычайно широко.

Это вызвано, очевидно, прежде всего и главным образом удобством самой артикуляции /e/, требующей минимальных усилий и именно в силу этого оптимально близкой к редуцированному произношению всех остальных гласных переднего ряда, особенно /i/, /y/, скрадывающему их различительные признаки, акустически предельно сближая их с /e/. Только фонемизацией артикуляционно неудобных фонетически близких к /e/ аллофонов других фонем переднего ряда, особенно при их редукции в составе многосложных словоформ можно объяснить тот факт, что во всех позициях, где ныне в исконно тюркских словах вовсе недопустимы /i/ и /y/, баш. /e/ восходит к ним: ср. др.-тюрк. *ешик* 'дверь', *елиз* 'пятьдесят', *амты* 'теперь', *кирү* 'назад', *окуз* 'бык' и соответственно баш. *ишек*, *илле*, *инде*, *кире*, *үгез*.

Расширение /i/ в первом слоге двусложных слов типа *киши* > *кеше* 'человек', *ини* > *әне* 'младший брат', *тириг* > *тере* 'живой' скорее всего вызвано его редукцией и ослаблением, нейтрализацией. Конечно, здесь, как и в других позициях, происхождение вторичного /e/ может быть связано и с иными закономерностями, в частности с общей эволюцией корневого **и* > *e*, особенно последовательной в односложных словах и в первом слоге двусложных слов (ср. др.-тюрк. *бир* 'один', *инжу* 'жемчуг', *илик* 'раньше' и соответственно баш. *бер*, *ыйы*, *элек*)⁷. Но при всем этом в расширении этимологических узких *и* и *у* на почве башкирского языка вне всякого сомнения большое место занимает фонемизация их аллофонов на чисто артикуляционно-акустической основе.

Артикуляционное удобство фонемы /e/ выгодно сказалось не только на расширении сферы ее применения, но и на значительной сохранности исконного ее распределения в тюркских корнях и корневых словах. Она из всех гласных переднего ряда сохранилась в значительном числе исконно тюркских слов, особенно в первом их слоге, где в татарском и некоторых других тюркских языках произошла эволюция **e* > *и*: *бейә* 'кобыла', *бейек* 'высокий', *эйә* 'владелец', *эйәр* 'седло', *эйәр-* 'следовать за кем-л.', *йебәр-* 'посылать', *йез* 'медь', *йек-* 'запрягать', *йел* 'ветер', *йеләж* 'ягода', *йелек* 'костный мозг', *йелем* 'клей', *йелкә* 'плечо', *йем* 'корм', *йемеш* 'фрукт', *йемер-* 'разрушать', *йең* 'рукав', *йең-* 'победить', *йеңгә* 'невестка', *йеңел* 'легкий', *йер* 'земля', *йерән* 'рыжий', *йерек* 'ольха', *йет-* 'достигать, созревать, хватать', *йете* 'семь', *йетен* 'лен', *йетмеш* 'семьдесят', *кей-* 'одевать', *кейек* 'дичь', *кейер-* 'натягивать', *кейез* 'войлок', *мәйе* 'мозг', *сей* 'сырой', *тей-* 'прикасаться, трогать' и т. п.

Фонема /e/ в зависимости от природы соседних согласных дает резкие колебания по месту своего образования и отчасти по подъему. В большинстве случаев своего употребления она характеризуется предельной краткостью. Но акустически в целом она единообразна. Лишь после заднеязычных ж

⁷ Истоком вторичного *e* послужили также другие фонетические тенденции и закономерности, например эпентеза при коассимиляции конечного *y* в именах действия на **-из* > *y* (**келиг* > *килу* > *килеу* 'приходить', **кетиу* > *китү* > *китеу* 'уходить'); палатализация фонемного состава ряда слов с **ы* (**быш-* > *беш-* 'свариться', **бың* > *мең* 'тысяча', **йыл* > *йеп* 'нитка', **ыз* > *эз* 'след') и т. п.

и г она приобретает веляризованную окраску, сильно меняющую ее звучание: *кәүәт* 'сила, мощь', *бәгер* 'душа'. Кроме того, она имеет и ярко выраженный огубленный аллофон, возникающий регулярно по дистактной прогрессивной ассимиляции под влиянием предыдущей губной *ө*, которой может противостоять лишь при условии, если их разобщает негубная широкая фонема /*ə*/ или сонант /*ʏ*/ (*w*): *көрөм* > *көрөм* 'копоть', *көрөшсө* 'борец', *котоусө* 'пастух'.

Фонема /*ə*/ шире /*e*/, но намного уже широкой негубной фонемы /*ə*/. По ряду она занимает несколько более переднее положение, чем /*e*/, и в силу относительно широкого подъема имеет слабое огубление, значительно более ясно выраженное при узкой губной фонеме /*ʏ*/, резко противостоящей ей по подъему. Фонема /*o*/ характеризуется в целом открытостью, хотя звучание ее и сосредоточено главным образом в надгортанном резонаторе. В этом отношении она из всех гласных переднего ряда, как и по подъему, уступает только широкой открытой сильной фонеме /*ə*/.

Фонема /*o*/, как и все губные башкирские гласные, позиционно и морфонологически ограничена в своем употреблении. Она представлена главным образом в анлауте и инлауте односложных корней (*көрт* 'сугроб', *оп* 'звук', *төн* 'ночь') и в первом слоге двусложных и многосложных слов (*ойөр* 'табун', *бөжәк* 'насекомое', *көлтә* 'сноп'). В первом слоге, в том числе в аффиксах, фонема /*o*/ не встречается. С ней в последующих слогах сочетаются в исконно тюркских словах лишь /*ə*/ и /*e*/, из которых вторая ассимилируется: *көйә* 'моль', *көрәш* 'борьба', *төрлө* > *төрлө* 'разный, различный'. В иноязычных заимствованиях /*ə*/ может сочетаться с последующей узкой фонемой /*i*/: *мөҗизә* 'чудо', *Мөһиһә* (жен. имя).

Фонема /*ə*/ характеризуется в целом артикуляционно-акустическим единообразием, хотя по длительности и обнаруживает очень резкие колебания. В зависимости от дистрибуции она дает два аллофона, акустически весьма близкие к основной ее разновидности: 1) значительно более передний суженный и нормально лабиализованный, обусловленный влиянием губных, межзубных и переднеязычных /*d*/, /*t*/: *бөтә* 'весь', *топ* 'основной', *төз* 'прямой', *мөҗкин* 'можно', 2) сильно отодвинутый назад более расширенный, возникающий в крайне редком соседстве с заднеязычными *к* и *г*: *көзрәт* 'мощь, сила', *көргән* 'коран', *шөгәллән-* 'пользоваться, заниматься', *ғөрөф* 'обычай', *ғәүми* 'вообще', *ғозәр* 'причина'.

В односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных исконно тюркских слов баш. *ө*, как правило, восходит к этимологической корневой фонеме */*ʏ*/: **күн* > *көн* 'день', **үн* > *өн* 'звук'. В этой позиции исконная корневая /*ə*/, как и /*ʏ*/, сохранилась лишь в немногих словах типа *өгәт* 'совет', *бок-* 'гнуть', *һөйлә-* 'говорить', *йүгер-* 'бежать', *йүгән* 'узда'⁸.

Фонема /*ʏ*/ — самая передняя из всех губных гласных; она шире /*i*/, но значительно уже всех остальных гласных, по ряду занимает промежуточное положение между /*i*/ и /*e*/, но совокупности своих различительных признаков /*ʏ*/ резко противопоставлена всем гласным переднего ряда, в том числе и /*ə*/, от которой отличается главным образом своей узостью и значительно более заметным огублением.

Фонема /*ʏ*/ представлена главным образом в односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных исконно тюркских слов, где она за небольшим исключением восходит к этимологической */*ə*/ (**өт* > *үт* 'желчь', **сөз* > *һүз* 'слово'): *үз* 'свой', *күз* 'глаза', *үзәк* 'центр', *үлән* 'трава'. В исконно тюркских словоформах она совершенно не допускается в аффиксах и в открытом конечном слоге, а также в соседстве с заднеязыч-

⁸ Из-за отсутствия убедительных доказательств пока что остается спорным вопрос о первичности или вторичности губных гласных переднего ряда во многих словах типа *һөйлә* (алт., кирг., тув., хак. *сөйәк*) 'кость', *үңрәй-* (каз. *үңерей-*, кирг. *үңүрей-*) 'зипигь', *бөйөр* (туркм. *бөвүр*) 'почка', *һөйәл* (кирг. *сө.л*, тат. *сөйәл*) 'бородавка', *һөйә-* (тат. *сөйә*, туркм. *сөйө-*) 'подпирать, прислонять', *өрк-* (сюг., ав-диал., тур. диал. *өрк-*, каз. *ерек-*) 'испугаться, встрепетаться'.

ными *ж* и *г*, не может быть употреблена в слове дважды и не допускает после себя *и* и *о*. Чаще всего /*ү*/ выступает в сочетании с последующими /*е*/ и /*ә*/: *кубә* 'кошна', *күкрәк* 'грудь', *күмер* 'уголь'. В иноязычных заимствованиях может быть в первом закрытом слове: *мәглүм* 'известно', *мәллүк* 'тварь', *Мәхмүт*, а в первом слове может стоять перед *е*: *ғүмер* 'жизнь'.

В зависимости от характера соседних согласных фонема /*ү*/ обнаруживает значительную подвижность по ряду без заметного ущерба для ее акустического единообразия, обеспечиваемого главным образом стабильным ее положением по подъему и степени огубления. Достаточно ясно выраженные артикуляционно-акустические отклонения от обычных ее описанных характеристик фонема /*ү*/ дает лишь в окружении губных, межзубных и отдельных переднеязычных согласных /*д*/, /*т*/: ср. *дүрт* 'четыре', *түбә* 'крыша, вершина, макушка', *сүбәк* 'пакля', *бүрк* 'шапка', *мүк* 'мох', *күп* 'много', где с полным основанием можно выделить значительно более узкий, передний и довольно сильно огубленный аллофон, характеризующийся регулярностью и устойчивостью. В единичных словах типа *ғүмер*, *Ғүмәр* (имя собств.), *мәглүм* после /*ғ*/ можно выделить сильно отодвинутый назад и значительно расширенный ее аллофон.

Фонема /*ү*/ в целом характеризуется весьма ограниченным употреблением. Это объясняется прежде всего ее деформацией в первых слогах исконно тюркских слов и крайне ограниченной сохранностью в остальных позициях, где она чаще всего носит вторичный характер — восходит, как и в татарском языке, к этимологической корневой фонеме **ө*.

Ф о н е м а /*ө*/, будучи самой широкой и открытой из всех гласных переднего ряда, занимает среди них по ряду замыкающее их заднее положение, входя в полярное противопоставление с наиболее узкими передними /*и*/ и /*ү*/.

Фонема /*ө*/ не имеет ни позиционного, ни морфологического, ни дистрибутивного ограничения в своем очень широком употреблении: *ә* — противительный союз, 'эсә' мать, *иптәш* 'товарищ', *ниңә* 'почему', *мәкәлә* 'статья', *кәнәғәт* 'удовлетворен', *ғәйен* 'вина'.

Находясь с остальными фонемами переднего ряда в отношениях полярности по основным своим различительным признакам, фонема /*ө*/ обладает в целом четкой фонематической опознаваемостью независимо от условий своего употребления, хотя под их влиянием и образует позиционно обусловленные четко очерченные аллофоны, артикуляционно-акустически заметно отличающиеся от основной ее разновидности. Среди ее аллофонов прежде всего обращает на себя внимание суженный, опередненный и значительно более чистый вариант, регулярно возникающий под влиянием соседних согласных — губных, межзубных и переднеязычных /*д*/, /*т*/: *тәм* 'вкус', *тән* 'тело', *бәндә* 'человек', *әгәм* 'человек', *бәбәй* 'ребенок, младенец', *бәс* 'иней', *бәгес* 'мальш, дитя', *дәрт* 'душевный подъем', *дәфтәр* 'тетрадь', *мәк* 'мак'.

Противоположный рассмотренному аллофону — наиболее задний и широкий аллофон с гортанной окраской, обусловленной соседством с заднеязычными *ж* и *г* и гортанным *һ*: *мәгәнә* 'смысл, значение', *мәкәлә* 'статья', *мәшкәт* 'хлопоты', *Ғәши*, *кәрәши* 'родственник', *кәһәр* 'проклятие', *кәлгә* уст. 'крепость', *кәйнә* 'свекровь', *ғәжәп* 'изумительный, поразительный', *ғәрәп* 'араб', *әһә!* 'ага!'. Значительно реже встречаются: 1) назализованный аллофон, обусловленный влиянием носового согласного /*ң*/: *тәңкит* 'критика', *мәңге* 'вечно', *тәңкә* 'монета, рубль', 2) редуцированный аллофон, обусловленный предударным положением перед сонорными /*р*/ и /*л*/ и скрадывающий ясность звучания /*ө*/, особенно в средних слогах в быстром темпе речи: *кәртә* 'жердь; изгородь', *кәрәк* 'нужно', *кәштә* 'полка', *тәртә* 'оглобля', *кәшәнә* 'гробница', *рәүеш* 'образ; наречие'.

Фонема /*ө*/ характеризуется очень широкой употребительностью, свойственной также татарскому, азербайджанскому и уйгурскому языкам. Как и в названных языках, исторически она восходит, как правило, к этимологическим **е* и, отчасти, **и*, что прослеживается уже в памятниках руниче-

ского письма (ср. др.-тюрк. *äshä* 'приятель, друг', *йүрәк* 'сердце', *кишән* 'пути', *курәш* 'борьба', *төбән* 'вниз', *кәрәк* ~ *керәк* ~ *кирәк* 'нужно', *әмгәк* 'труд', *бәләк* 'подарок' и соответственно баш. *әшнә*, *йөрәк*, *кешән*, *корәш*, *түбән*, *кәрәк*, *имгәк* ('обуза, время'), *бүләк* и мн. др. В ряде случаев баш. /ә/ является следствием сингармонической палатализации слов с велярным фонемным строением: ср. др.-тюрк. *айлан*- 'кружиться', *айт*- 'сказать', *багла*- 'завязывать', *йай* 'лето', *сач* 'волосы' и соответственно баш. *айлан*-, *айт*-, *бәйлә*-, *йәй*, *сәс* и т. п.

В силу того, что /ә/ как фонема возникла и развивалась на почве фонемизации позиционно обусловленных расширенных аллофонов негубных гласных переднего ряда, сфера ее распределения по языкам, естественно, не совпадает (ср. между собой азербайджанский, уйгурский и туркменский языки), исключая незначительное число слов. Особую общность в этом отношении имеют лишь башкирский и татарский языки. И то не во всем: ср. баш. *кәм* 'меньше', *кәмә* 'лодка', *кәбәк* 'отруби', *кәбән* 'стог', *кәрәк* 'нужно', *кәштә* 'полка' и соответственно тат. *ким*, *кимә*, *кибән*, *кибәк*, *кирәк*, *киштә*.

ГЛАСНЫЕ ЗАДНЕГО РЯДА

Гласные заднего ряда, хотя и выделяются как самостоятельные фонемы, акустически противостоят соответствующим гласным переднего ряда, образуя с ними коррелятивные сингармонические пары, один компонент которой отличается от другого главным образом полярной противопоставленностью по ряду: ср. *жарт* 'старый' — *кәрт* 'карта', *он* 'мука' — *ән* 'звук', *утын* 'дрова' — *үтен* 'умолять, упрасивать', *тыш* 'наружная сторона' — *теш* 'зуб'. В силу этого свойства в сингармонических вариантах слов и аффиксов парные гласные находятся в отношениях нейтрализации, превращаясь, таким образом, в два аллофона единой фонемы: ср. *аз* / *әз* 'мало', *ғына* / *генә* — ограничительная частица, *ук* / *үк* — усилительная частица, *төз* 'соль' и *төз* 'прямой'. Это, возможно, отражает далекую предысторию фонемизации коррелирующих палатальных и велярных аллофонов некогда единой фонемы в противоположность устойчивому бытованию велярных и палатальных разновидностей согласных на правах равнозначных, последовательно различающихся их аллофонов.

От попарного деления гласных на палатальные и велярные корреляты отклонилась на почве башкирского вокализма только фонема *и*, допускающая сочетание с гласными не только переднего, но и заднего ряда (см. выше).

Фонема /а/ противопоставлена остальным гласным заднего ряда как самая широкая и наиболее задняя гласная, полярная по отношению к узкой и относительно передней /у/. По подъему к ней ближе всего стоит из гласных заднего ряда только /о/, а по ряду — /ы/. Несмотря на широкий растрвор рта при произношении, звучание /а/ не отличается открытостью. В наиболее чистом виде (т. е. как ротовая гласная, звучание которой направлено наружу, а не в надгортанный резонатор) фонема /а/ реализуется только в ауслауте под ударением: ср. *сана* 'сани', *һауа* 'воздух', *кала* 'город'. В остальных позициях она характеризуется акустической невнятностью, вызванной неизменным усложнением основного звука обертонами в надгортанном резонаторе, создающим иллюзию ее «округления», огубления наподобие *о*.

Фонема /а/ обладает очень высокой употребительностью, независимо от позиций, характера соседних согласных и гласных и фонеморфологических условий: *ай* 'месяц', *ант* 'клятва', *бар* 'есть', *жарт* 'старик', *шарт* 'условие', *халк* 'народ', *ала* 'пестрый', *бала* 'ребенок', *балта* 'топор', *максат* 'цель'. В многосложных словах после *а* чаще всего следуют *а* и *ы*: *кала* 'город', *йаңы* 'новый', *саңғы* 'лыжи'. С губными гласными *а* сочетается в исконно тюркских словах лишь постпозитивно: *борсак* 'горох', *бутка* 'каша'. Широко употребляется она также и после /ы/ в первом слоге: *кыраһай* 'дикий', *сыбар* 'пестрый', *тымау* 'насморк', *ыза* 'мучение'.

Из артикуляционно-акустических разновидностей фонемы /a/ наиболее распространенной и устойчивой является ее относительно открытый, чистый аллофон, регулярно возникающий в ауслауте под ударением в результате увеличения ее длительности⁹: *кара* 'черный', *дана* 'штука, экземпляр', *ара* 'расстояние', *тайса* 'участок, усадьба, дача, хижина'. После /t/, /d/ и губных согласных /a/ и в этой позиции может иметь «округленность»¹⁰: *арба* 'телега', *балта* 'топор'. Перед ними под ударением эта фонема, напротив, приобретает относительно чистое звучание, мало чем отличающее ее от описанного ее аллофона: ср. *талап* 'требование', *халам* 'солома', *канат* 'крыло', *таркау* 'разбросанный, несобранный'.

Второй аллофон фонемы /a/ представляет собой суженный и самый передний по ряду ее заметно огубленный вариант, обусловленный предшествующим /t/, /d/ и губным или межазубным согласным: *баз* 'погреб', *таба* 'сковорода', *бау* 'веревка', *тау* 'гора', *басма* 'мостки, перекладина через реку'. В качестве частного аллофона фонемы /a/ может быть выделена ее назализованная и несколько отодвинутая разновидность, регулярно возникающая в соседстве с /ɟ/: *яцак* 'щека', *каңҕак* 'летняя безветренная солнечная погода', *саңғы* 'лыжи', *таң* 'заря', *аң* 'сознание', *маңлай* 'лоб'.

Фонема /a/ в целом обнаруживает свою этимологическую сохранность, исключая ее опереднение /a/ > /ə/ в словах типа **йаш* 'молодой' и изменение артикуляционно-акустических характеристик, по которым она резко отличается от /a/ остальных тюркских языков (кроме татарского).

Ф о н е м а /ы/ уже /o/, но шире /y/, по ряду стоит ближе к /o/, чем к /a/. Характеризуется акустической нейтральностью, свойственной переднерядной фонеме /e/. Из задних гласных она более или менее близка к /o/, резко противостоящей ей своей лабиализованностью и относительно широким подъемом. Если /o/, как и /ə/, носит прикрытый характер, вызванный использованием одновременно и ротового и надгортанного резонатора, то /ы/, как и /e/, по звучанию является сравнительно более чистой фонемой, обусловленной использованием в качестве резонатора главным образом полости рта.

Среди гласных заднего ряда /ы/ обладает самой высокой употребительностью, не ограниченной ни позиционно, ни дистрибутивно, ни морфологически: *ыс* 'копоть', *кыш* 'зима', *кырк* 'сорок', *ызан* 'межа', *ылау* 'обоз, подвода', *быжыр* 'зыбь, рябь', *быйма* 'валенки', *кышыл* 'зимой', *якшы* 'хороший'. Это вызвано прежде всего ее этимологической устойчивостью во всех позициях, исключая лишь лексически крайне ограниченные частные случаи ее эволюции типа **бың* > *мең* 'тысяча'. Другую причину составляет сильное расширение сферы ее применения за счет: 1) широко проведенной делябиализации и расширения этимологических, а частично и вторичных губных гласных заднего ряда: ср. **алтын* > *алтын* 'золото', **ашук* > *ашык* 'спешить', **орун* > *урун* 'место' и др.; др.-тюрк. **бу* > *был* 'этот', **бузағ* > *бызау* 'теленок', **бурағ* > *бырау* 'сверло' и т. п. 2) эпентезы при консонантизации /y/ в открытом слове (y > *ыў*): ср. *йуан* > *йыўан* 'толстый', *буаз* > *быўаз* 'стельная', *тату* > *татыў* 'дружный', *бару* > *барыў* 'идти'; 3) вокализации бифонемного сочетания *уғ* в ауслауте: **торуғ* > *туры* 'гнедой', **йарлуғ* > *йарлы* 'бедный'; 4) многочисленных частных случаев сужения этимологического */a/: **йазуқла-* 'уличать в проступке, обвинять', *ызала-* 'мучить', 5) протезы перед инициальными *л* и *р*, особенно в иноязычных заимствованиях: *ыласын* 'сокол', *ысмала* 'смола'.

Ф о н е м а /o/ — наиболее широкая и задняя, наименее огубленная, относительно краткая гласная среди губных, противопоставленная негубным

⁹ Открытая, но значительно суженная фонема /a/ с гортальной окраской, характерной для казахского, киргизского и некоторых других кыпчакских языков, широко представлена во многих говорах восточного и в отдельных говорах южного диалектов, как это давно отмечено башкирскими диалектологами.

¹⁰ Как известно, любая гласная фонема по мере ее опереднения и сужения приобретает чистое звучание, а при расширении и отодвижении назад — невнятное, нечистое звучание.

по лабиализованности и подъему (значительно шире /ы/, но уже /а/), а узкому и относительно переднему губному /у/ — по подъему, ряду, характеризующая также слабой лабиализованностью и сравнительной краткостью.

Фонема /о/ не совместима в одном слове с узким /у/ (совершенно не сочетается) и сравнительно узким /ы/ (неизбежно ассимилирует его по закону губной гармонии, если перед ним нет широкого /а/ или губно-губного сонанта /у/: *тормышыбыз* > *тормошобоз* 'наша жизнь', *колагым* 'мое ухо', *осыусы* > *осоусы* 'летчик'). Другую особенность функционирования /о/ составляет ограниченность сферы ее распространения — она представлена в односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных исконно тюркских слов, где за небольшим исключением восходит к этимологическому корневому *у: *ос* 'копье, острие, вершина', *ол* 'мука', *ком* 'песок', *корт* 'пчела, червь'; *олак* 'долго', *коза* 'сват', *торлак* 'жилище'. В непервых слогах фонема /о/ выступает лишь на правах позиционного заместителя (аллофона) негубного гласного /ы/, в сочетании с которым чаще всего встречается в двусложных и многосложных словоформах. В составе последних она значительно реже предшествует широкой фонеме /а/: *корал* 'оружие', *ола* 'гнездо'.

Фонема /о/ имеет в основном три аллофона: 1) продвинутый вперед сравнительно суженный и заметно более огубленный вариант, обусловленный окружением губных, межзубных и переднеязычных /д/ и /т/: *бот* 'бедро', *боз* 'лед', *тоз* 'соль', *томан* 'туман', 2) несколько суженный, сильно отодвинутый назад вариант, возникающий под воздействием предшествующих заднеязычных /к/ и /г/: *горур* 'гордый', *кол* 'раб', 3) назализованный продвинутый назад вариант, вызванный влиянием последующего носового *н*: *шоңгар* 'кречет', *коңгор* 'коричневый; соловый'.

Этимологическое *о сохранилось лишь в немногих словах типа *боғаз* 'горло, глотка', *йожа* 'тонкий', *оба* 'курган'¹¹.

Фонема /у/ самая узкая передняя и долгая из всех гласных заднего ряда, по подъему и ряду полярно противостоящая широкой фонеме /а/. По подъему контрастирует также и губной задней фонеме /о/, имеющей предельно широкий для нее раствор и слабое огубление.

Фонема /у/ ограничена в своем употреблении: встречается за редким исключением в односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных исконно тюркских слов, где она обычно соответствует общетюркской этимологической фонеме *о: *ун* 'десять', *тун* 'шуба', *курк-* 'испугаться', *туры* 'прямой', *урман* 'лес', *урак* 'серп', *хукмак* 'тропа'. За /у/ в последующих слогах чаще всего выступают /ы/ и /а/, совершенно не допускаются губные. Фонема /у/ лишена возможности употребления в аффиксах (этимологическое *у здесь, как и вообще в непервом слоге довольно последовательно перешло в /ы/, отчасти в губно-губной сонант /у/, которому предшествует в этом случае эпентеза *ы*).

Артикуляционно-акустическая модификация фонемы /у/ в зависимости от характера соседних гласных, места ударения в слове и структуры слога в целом не имеет существенных отклонений от ее основной разновидности. Можно отметить лишь три более или менее четко различающихся ее аллофона: 1) наиболее узкий, самый передний и значительно более сильно огубленный ее вариант, возникающий благодаря влиянию соседних /т/, /д/, губных и межзубных согласных: *туп* 'пушка, ядро', *бумала* 'помело'; *тузан* 'пыль', *дус* 'друг', 2) сильно отодвинутый расширенный вариант, обусловленный соседством /н/ и заднеязычных /к/ и /г/: *хука* 'соха', *хуган* 'лук', *ук* 'стрела', 3) очень близкий к нему более задний вариант после /н/, /к/ и /г/ перед /д/: *хуңыр* 'бурый', *хуңыз* 'жук', *хуңгы* 'последний', *хуңалтак* 'на босую ногу'.

¹¹ Представляется весьма спорным вопрос о первичности *о* в составе многих слов типа *һора-* 'спросить' (ср. туркм. *со* : *ра-*, ДТС *сор-*); *олтан* 'подметки, подошва, сырцовая кожа' (ср. каз. *олтан*, туркм., тур. диал., кбал. *олтан*, алт. *ылтан*, кум. диал. *ортан*); *хоңгор* 'коричневый, соловый' (ср. туркм. *гоңур*, як. *хоңор*); *онот-* 'забывать' (ср. каз. *онит-*, уйг. диал. *онут-*).

КОНСОНАНТИЗМ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОГЛАСНЫХ

В современном башкирском литературном языке 26 согласных фонем: /б/, /г/, /ґ/, /д/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /к/, /к/, /л/, /м/, /н/, /ң/, /ш/, /р/, /с/, /ҫ/, /т/, /й̣ (в, у, ү)¹, /ш/, /ф/, /х/, /һ/, /ч/, /в/. Кроме того, в заимствованиях из русского языка представлены аффрикаты /ц/ и /щ/, которые в отличие от /ч/ и отчасти /в/ (*Волга, вулкан*), вошедших в башкирский язык из русского, еще не освоены в масштабах общепародного языка, где они обычно претерпевают полную фонетическую адаптацию в соответствии с исконной системой башкирского консонантизма².

Башкирские согласные различаются главным образом по участию шума и голоса в их звучании (соответственно по глухости и звонкости), по месту и способу образования.

По способу артикуляции согласные делятся на смычные /б/, /г/, /д/, /к/, /к/, /м/, /н/, /ң/, /п/, /ч/, характеризующиеся в целом слабой смычкой, щелевые /г/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /л/, /с/, /ҫ/, /й̣, /ш/, /х/, /ф/, /һ/ и вибрانت /р/.

Среди смычных нет ярко выраженных взрывных; /г/, /к/, /к/ и /ч/ по способу артикуляции близко стоят к щелевым. Фокус всех смычных сосредоточен в ротовом резонаторе, исключая носовых /м/, /н/, /ң/, которые произносятся при опущенном положении нёбной занавески, преграждающей доступ воздушной струи в полость рта.

Среди щелевых по способу артикуляции различаются срединные /г/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /с/, /ҫ/, /й̣, /ш/, /х/, /ф/, /һ/ и плавная боковая фонема /л/, при произнесении которой кончик языка производит смычку с альвеолами, при последующем же размыкании этой смычки воздушная струя проходит через щель, образуемую благодаря опущению боковой части языка. При произнесении /ш/ и /ж/ средняя и передняя части языка находятся в приподнятом положении, значительно удлиняющем их фокусную щель, которая в силу этого приобретает характер двуфокусности. В артикуляции /г/ прослеживается ослабленная гортанная смычка, характерная для ее глухой пары /к/.

По способу артикуляции вибрانت /р/ отличается от щелевых лишь незначительной вибрацией звучания, вызванной дрожанием кончика или передней части слегка приподнятого языка.

По участию голоса и шума согласные распадаются — на шумные /б/, /г/, /ґ/, /д/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /к/, /к/, /л/, /с/, /ҫ/, /й̣, /ш/, /ф/, /х/, /һ/,

¹ Это единственная согласная фонема, не имеющая своего буквенного обозначения. В начале слова она передается графемой *в*, применяемой также и для обозначения русск. *в*, а в середине и конце слова ее палатальный вариант обозначается буквой *у*, веларный — *у* (ср. *важыт* 'время', *ауыл* 'деревня', *әүәл* 'раньше', *укуу* 'учеба', *килеу* 'приходить, прибытие'), принятыми для обозначения узких губных гласных.

² Русск. фонема /щ/, представленная в башкирском языке пемпоггми заимствованиями, обычно замещается баш. *ч* или удвоенным его вариантом, а русск. /ц/ на почве башкирского языка в анлауте и ауслауте переходит в *с*, в инлауте же — в бифономное сочетание *тс*: *щетка* > *чотка/чоткы/чоткы*; *Щорс* > *Чорс*; *цех* > *сех*, *цемент* > *семент*, *больница* > *бальнитса/бальнитсы*, *гостиница* > *гастинитса/гастинитсы*. Согласные *щ* и *ц* по правилам башкирской орфографии и орфоэпии пишутся и произносятся в соответствии с нормами русского языка, однако в устной речи они имеют так много вариантов, что вопрос об их включении в состав регулярных башкирских фонем представляется крайне спорным. Это положение правомерно и относительно гортанного отступа (*ь*), наблюдаемого только в арабизмах *тәьсир* 'вливание', *тәьмин ит-* 'обеспечивать', *кәрәп* 'коран', *Мәьминә* — уст. жен. имя, *Мәьминә* — уст. жен. имя и в отдельных звукоподражаниях типа *мәьелдә* 'блестеть'. Лишь в перечисленных словах гортанный отступ имеет всепародное освоение. В других арабизмах он не сохранился. К тому же в них по существу мы имеем дело с осложнением конечного гласного /ә, ө/ или сонанта *р* первого слога слова лишь гортанным отступом-смычкой, не сопровождаемой каким-либо самостоятельным звуком, без нарушения слогаделения, характерного для башкирского языка. Почти таким же гортанным отступом поделен в конце первого слова в арабизмах *ж*: ср. *тәждим* 'предложение', *тәждир* 'судьба, рок'.

/ч/, /в/ и сонанты /л/, /м/, /н/, /ц/, /р/, из которых /л/ и /р/ характеризуются в целом полнозвонкостью, а шумные /й/ и /у/ — близостью к сонантам, хотя и отличаются от всех остальных согласных краткостью, отнюдь не достаточной для проявления их сонорности. Именно краткость предопределяет их шумную природу и консонантный характер, не позволяющие усматривать в них полугласные, а в их сочетаниях с гласными — дифтонги вроде *ау* (*тау* 'гора'), *уа* (*һауа* 'воздух'), *ай* (*малай* 'мальчик'), *йа* (*бая* 'давеча') и т. п., которые на деле представляют бифонемные сочетания (это доказывает также вхождение их и сочетающего с ними гласного в состав двух смежных слогов при аффиксации (ср. *Урал та-йы* 'гора Урал', *Әхмәт малайы* 'сын Ахмета').

Для башкирских шумных гласных характерно отсутствие напряжения при их произнесении, а также, особенно для звонких шумных, плавность, в частности в анлауте. Этим вызвано озвончение в данной позиции этимологического *п и комбинаторное озвончение глухих к и ж.

По степени участия голоса и плавности шумные согласные попарно делятся на звонкие (преобладание голоса над шумом и плавность) и глухие (преобладание шума над голосом, без участия которого невозможна ни одна согласная фонема). Последовательно противопоставлены друг другу корреляты: 1) /б/ : /п/, /г/ : /к/, /г/ : /к/, /д/ : /т/, /з/ : /ц/, /з/ : /с/, отчасти /ж/ : /ш/; 2) /й/ : /ф/, /в/ : /ф/. Для первой группы шумных признак звонкости/глухости релевантен. На его основе возникают фонологические оппозиции: *бар* 'есть' — *пар* 'шара, пар'; *гөл* 'цветы' — *көл* 'зола', *ағай* 'дядя, старший брат' — *ағай-* 'выпучиться, вытаращиться, выкатываться (о глазах), уставиться на кого-, что-л.'; *дары* 'порох' — *тары* 'просо'; *баз* 'подпол' — *баз-* 'стунать, вставать, давить'; *боҫ* 'таняться, притаиться' — *боз-* 'испортить', *кәзә* 'коза': *кәсә* диал. 'чаша, чашечка': *зыңла-* 'лязгать, звенеть' — *сыңла-* 'издавать звон, звенеть (о хрустале и т. п.)'; *таж* 'корона' — *таш* 'камень'. Для остальных согласных признак глухости и звонкости не является релевантным. Тем более что многие из них по данному признаку имеют модификации: звонкая по существу /в/ в ауслауте оглушается (*Аюпов* > *Аюпоф*). В этой позиции заметно оглушаются и назализованные /м/, /н/, /ң/ (ср. *әйтәм* 'поговорка, гимн', *тин* 'копейка', *жиң* 'широкий'), характеризующиеся звонкостью. В интервокальной позиции по существу глухие ф и ч значительно озвончаются (ср. *Өфө* 'Уфа', *дача*, *Учалы*).

На признаке звонкости/глухости зиждется целый ряд закономерностей башкирского консонантизма.

1. В конце слова недопустимы звонкие шумные согласные /б/, /д/, /г/, /г/. Поэтому они в иноязычных заимствованиях либо переходят в соответствующие глухие согласные (1), либо орфоэпически реализуются в глухом варианте (2): 1) *Мәхмүд* > *Мәхмүт*, *Мәхмүтөз* (но: *Мәхмүдә* — жен. имя), *Хәбиб* > *Хәбил*, *тамүҫ* > *тамүк* 'преисподня' (но: *бәлиғ* 'совершеннолетний'); 2) *Ленинград* > *Ленингра́т*, *митинг* > *митинк*.

2. Конечные глухие /п/, /к/ и /к/ при осложнении основы аффиксальной или корневой морфемой с начальным гласным обычно озвончаются: *күп* 'много' — *күб-еһе* 'многие', *бик* 'очень' — *биг-ерәк* 'особенно, слишком', *тоҡ* 'мешок' — *тоғ-ом* 'мой мешок', *Ағ-изел* (ак *Изел*) 'Белая', *кырг-аяк* (*кырыж аяк*) 'мокрица' (но иноязычные заимствования и отдельные слова с выпавшим гласным в конечном слове типа *бүрк* 'шапка' этому правилу не подчиняются: *бүрк* — *бүрке* 'его, ее шапка', *халк* 'народ' — *халкым* 'мой народ').

3. В зависимости от характера конечного согласного и гласного основы по признаку глухости/звонкости модифицируется начальный согласный аффикса или компонента сложного слова и аналитической формы.

4. Начальные /к/ и /к/ под прогрессивным воздействием конечного гласного или конечных согласных /р/, /л/, /к/, /з/, /ж/, /й/ предыдущего слова в интонационно объединенной синтагме в потоке речи регулярно озвончаются (1); почти столь же закономерно озвончаются в такой синтагме и конечные глухие /п/, /к/, /к/ под регрессивным влиянием начального гласного после-

дующего слова (2), что, однако, как и первый процесс, на письме отражается лишь в слитных сложных словах (1а): 1) *ике гитан* (*ике китан*) 'две книги', *ике җуллап* (*ике куллап*) 'двумя руками', *жыр җазы* (*жазы*) 'дикий гусь', *йэй гөнө* (*көнө*) 'летом', *яз гөнө* (*көнө*) 'весной', *гыж-гыж гил* (*кил*) 'хрипеть, сипеть', *дыу геше* (*кеше*) 'сумасброд'; 1а) *терегөмош* (*тере комөш*) 'ртуть'; 2) *куб* (*кун*) *ашаным* 'я ем много', *һайлаб* (*һайлап*) *ал* 'выбирать', *күз* (*кук*) *ат* 'серая лошадь', *вар* (*вак*) *алма* 'мелкие яблоки'.

5. По признаку звонкости/глухости осуществляется также частная прогрессивная (1) и регрессивная (2) ассимиляция согласных: 1) *алып пар* (*бар*) 'взять с собой, отвезти, отнести'; 2) *алыб* (*алып*) *булманы* 'не смог взять'.

6. В силу перечисленных закономерностей в башкирском консонантизме произошло немало частных, лексикализованных замен этимологических глухих звонкими согласными и, напротив, исконных звонких глухими: *де* > *ти* 'сказать, говорить', *секиз* > *һигез* 'восемь', *илтиз* > *йелтиз* > *йондоз* 'звезда', *яжа* > *яга* 'воротник', *екиз* > *икиз* > *игез* 'близнецы'. Этимологический конечный *р* в связи с недопустимостью звонких в конце слова либо выпадает (1), либо переходит в *й* (2): 1) *сарыҫ* > *һары* 'желтый', *улуҫ* > *оло* 'большой, великий'; 2) *таҫ* > *тау* 'гора', *сасыҫ* > *һасыж* 'вонючий'.

Релевантным различительным признаком башкирских согласных является их деление по активному органу произношения и месту образования. Выделяются: 1) губные: а) билабиальные /б/, /п/, /м/, /ғ/, б) губно-зубные /ф/, /в/; 2) переднеязычные: /д/, /т/, /л/, /р/, /н/, /с/, /з/, /з/, /ҫ/, /ч/, /ж/, /ш/; 3) среднеязычные /г/, /к/, /й/; 4) заднеязычная /х/; 5) увулярные /ң/, /т/, /к/; 6) фарингальная /һ/.

Различение согласных по месту образования и местоположению фокуса значительно колеблется в зависимости от сингармонизма, последовательно распространяющегося не только на вокализм, но и на консонантизм, однако проявляющегося в нем совсем иначе. Если сингармонические корреляты парных гласных получили фонемизацию, исключая лишь фонему /и/, способную сочетаться с гласными среднего и заднего ряда, не распадаясь на две фонемы, то модификация согласных по сингармонизму производится в рамках единой фонемы — она реализуется либо в велярном, либо в палатальном вариантах.

При веляризации каждая согласная фонема предельно отодвигается назад. Соответственно губные в этом случае по месту образования и звучания становятся надзубными или альвеолярными, переднеязычные альвеолярные — палато-альвеолярными, переднетвердотвёрдые занимают по своему фокусу положение среднетвердотвёрдых, а /ж/ и /ш/ отодвигаются еще более назад, заднеязычные /х/ и /ң/ приобретают характер увулярных. Палатальный вариант согласных оптимально опередняется по месту образования и звучания, /һ/ стоит близко к увулярным, увулярные — к заднеязычным, заднеязычные располагают свой фокус в области твердого нёба и т. д. Место фокуса согласных зависит и от характера звукового окружения, особенно от качества гласных.

Помимо рассмотренных основных различительных признаков каждая согласная фонема наделена индивидуальными и межконсонантными чертами, каждая обладает характерной лишь для нее фонацией, особенно по способу артикуляции, адекватное описание которой да и всей ее фонации пока не представляется возможным.

Но артикуляционно-акустическим признакам все согласные характеризуются в целом ясной и четкой фонологической опознаваемостью, хотя многие из них и представлены весьма разнородными в этом отношении аллофонами, в том числе фонетически совпадающими с основной разновидностью какой-либо другой фонемы. Это последнее свойство консонантизма значительно менее характерно для вокализма, где такое совпадение аллофона одной фонемы с основной разновидностью другой фонемы имеет место лишь в силу закона губной гармонии гласных.

Наиболее благоприятным условием для оптимального проявления различительных признаков согласных фонем принято считать позицию перед гласным в корневой морфеме, где в целом менее всего влияет на качество согласного звуковое окружение: *бар* 'есть', *бер* 'один', *мал* 'скот', *жан* 'кровь', *көн* 'день', *ағас* 'дерево', *һан* 'число'. Но в здесь в зависимости от характера последующего гласного согласная фонема претерпевает значительные модификации: ср. *бал* 'мед', *бил* 'пояс, талия', *бул-* 'делить'; *һин* 'ты', *һан* 'число'. Билабиальные согласные испытывают в данной позиции сильное влияние губных гласных, особенно /у/ и /ү/: ср. *баз* 'погреб', *боз* 'лед', *бөгөн* 'сегодня', *бөрө* 'почка' бот., *бул-* 'быть', *бүтән* 'другой'. Перед /ы/, /ө/ и /с/ звонкая /б/ слегка оглушается: ср. *был* 'этот', *бэй* 'привязь, завязка'. Модификацию согласной фонемы вызывает также и влияние последующего согласного: ср. *бер* 'один', *саңғы* 'лыжи'. Определенную роль играет в полном или неполном проявлении качества согласной фонемы длительность ее произношения, предопределяемая также составом слога и его местоположением по отношению к ударению: ср. *дүрт* 'четыре', *жарт* 'старик, старый', *тимер* 'железо', *тамыр* 'корень' и т. п.

При всех возможных модификациях согласных фонем каждая из них имеет основную разновидность, идентифицируемую в положении перед гласными, и определенные позиционно обусловленные регулярно проявляющиеся аллофоны.

Сравнительно большое и устойчивое акустическое единство во всех своих позициях и проявлениях обнаруживают в современном башкирском языке глухие смычные /т/, /ч/, межзубные /з/, /с/, среднеязычная щелевая /й/ и билабиальные /м/, /ң/, которые значительно видоизменяются лишь по закону сингармонизма.

Наиболее сильно видоизменяются в зависимости от условий своей реализации глухие смычные согласные /к/, /к/ и /п/ в конце слова при его агглютинации аффиксами с начальным гласным (в этом случае все три согласных на общих основаниях реализуются в звонком варианте, совпадающем фонетически со звонкими коррелятами этих трех фонем). В модификациях других согласных также обнаруживается определенная общность при создании позиционно обусловленных аллофонов того или иного разряда согласных. Так, /б/, /г/, /к/ и /ч/ имеют ослабленную смычку, а щелевые, в особенности /з/, /з/, /җ/, /й/, /ң/, — сравнительно слабый напор воздушной струи. В связи с этим /б/, /з/, /з/, /г/, /г/ в интервокальном положении обнаруживают заметную сонантизацию (особенно /б/); /ң/ и /й/, сонантизуясь, предельно приближаются к гласным: *баб'ай* 'дед', *бөгөн* 'сегодня', *кәзә* 'коза', *озак* 'долго', *мәғәнә* 'смысл', *тауар* 'товар', *кеүек* 'подобно', *кейем* 'одежда'); /ч/ последовательно спирантизируется в интервокальном положении (*дача*, *сдача*); в силу названной причины в интервокальном положении этимологический *ж иногда необратимо переходит в /җ/ (*яға* 'воротник'); /җ/ после /ң/ напоминает /х/, становится полувонким (*саңғы* 'лыжи') и т. п.

Билабиальные согласные, произносимые путем размыкания губ, перед губными гласными /у/ или /ү/ приобретают напряженное произношение, производимое без размыкания губ, и удлиненный конусообразный фокус. Такое изменение их фонации, естественно, сказывается и на самом их звучании, образуя соответствующую артикуляционно-акустическую разновидность или аллофон данной фонемы: ср., с одной стороны, *баш* 'голова', *был* 'этот', *бәс* 'иней', *мал* 'скот', *мәл* 'пора, промежуток времени', *моң* 'мелодия, печальная мелодия', с другой — *буй* 'длина, рост', *буз* 'сизый, серый', *бумала* 'помело', *бута* 'верблюжонок', *бүтән* 'иной, другой', *бүҙәнә* 'перенел', *бүрк* 'шапка', *мул* 'обильный', *мут* 'хитрый', *мүк* 'мох', *мүлдергә* 'телмяк'. Эти же согласные перед /ы/ и /ө/ в рекурсии усиливают размыкание губ, приближаясь к слабо выраженным взрывным согласным: ср. *мыр* 'мор', *мышы* 'лось', *мең* 'тысяча', *мен-* 'подниматься', *быжмыр* 'неторопливый', *был* 'этот', *бындай* 'такой', *бырау* 'сверло', *быу* 'пар', *бет* 'вошь', *бер* 'один'.

Эти и сходные с ними общие тенденции в модификации, разумеется, для каждой согласной фонемы индивидуализируются сообразно с ее качеством. В одних фонемах лишь незначительно видоизменяются их артикуляционно-акустические характеристики, в других образуются вполне устойчивые аллофоны, регулярно возникающие в определенных условиях их реализации.

Предлагаемая характеристика согласных ориентирована на корневую морфему и корневые слова, не осложненные живыми аффиксами. Ибо фонология аффиксальных морфем в башкирском языке, как и в остальных тюркских языках, принципиально иная, чем в корневых морфемах. Она, по существу, является объектом фонемологии, где в основном и описана, за исключением крайне спорных вопросов идентификации полифоном, реализующихся более чем двумя аллофонами, фонетически тождественными с соответствующими корневыми согласными фонемами³.

Из основных различительных признаков согласных фонем универсальным и стабильным является их различие по активному органу произношения, что применительно ко многим согласным одновременно означает и различие по месту их образования. Поэтому в основу последующего описания каждой согласной фонемы в отдельности положена их характеристика именно по активному органу. По этому признаку согласные делятся на губные, дорсальные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные. Внутри данных разделов приводятся и остальные различительные признаки согласных фонем — по способу образования и акустическому эффекту (см. табл. 2).

ГУБНЫЕ

Фонема /б/ произносится без напряжения плавным размыканием сомкнутых губ с приподнятым мягким небом и во всех отношениях ближе всего стоит к /м/, отличаясь от нее только отсутствием назализации. Значительно более существенно /б/ отличается от своего глухого коррелята /п/ с четко выраженной мгновенной смычкой, граничащей с собственно взрывными смычными, но совпадает с ним по месту образования и звучания (обе фонемы относятся к чистым, имеют надзубное звучание с использованием передней части надгортанного резонатора).

Фонема /б/ представлена в аялауте и иялауте (*бик* 'очень', *бар* 'есть', *таба* 'сковорода', *абай* 'осторожный', *коба* 'светло-желтый', *уба* 'курган', *эбей* 'бабушка, бабка'), но чаще она встречается в аялауте, где характеризуется устойчивостью и артикуляционно-акустическим единством. В ауслауте фонема /б/ представлена лишь в составе иноязычных заимствований из русского и через русский язык: *клуб*, *куб*.

Палатальный сингармонический вариант фонемы /б/, как и всех губно-губных, характеризуется усилением смычки и значительно более опереденным фокусом: ср. *бар* 'иди' и *бир* 'дай', *бар* 'ударь', *бәк* 'сгибай', *бет* 'кончай'.

Смычка при произнесении палатального и веллярного вариантов /б/ заметно усиливается перед губными гласными /у/ и /ү/. В данном случае изменяется также и конфигурация фокуса. На этом основании в позиции перед /у/ и /ү/ можно выделить аллофон фонемы /б/, при произнесении которого размыкания губ, характерного для основной ее разновидности, не происходит: ср. *буш* 'пустой', *буға* 'бык', *бутжа* 'каша', *булә* 'правнук', *бурт-* 'набухать'.

³ С точки зрения смысловоразличительной, очевидно, как одна полифонема должны быть квалифицированы образования с многими консонантными аллофонами не только типа /л/ с аллофонами /д/, /т/, /з/ (*бала-лар* 'дети', *мал-дар* 'скот', *ат-тар* 'кони', *малай-зар* 'мальчики'), но и типа /а ~ ә/ с аллофоном /й/ (*ала* 'берет', *ила* 'идет', *бирмәй* 'не дает').

Таблица 2

Классификация согласных фонем

по способу образования		По активному органу						
		губные		дор-саль-ные	переднеязычные			
		губно-губные	губно-зубные		межзуб-ные	апикаль-ные	передне-небные	средне-небные
Смычные	чистые	/б/ /п/		/т/		/д/		/ч/
	носовые	/м/						
Щелевые	срединные	двуфокусные					/п/	/ж/
		однофокусные		/ф/, /в/	/з/	/з/, /с/	/с/	
	/у/							
	боковые						/л/	
Вибрант							/р/	

Таблица 2 (окончание)

по способу образования		По активному органу				
		средне-язычные	задне-язычные	увуляр-ные	фарингал-ные	по акустиче-скому эффекту (сила шума)
Смычные	чистые	/т/, /к/		/к/		шумные
	носовые	/п/	/ц/			сонанты
Щелевые	срединные	двуфокусные				шумные
		однофокусные		/х/	/г/	/н/
	/й/					сонанты
	боковые					сонанты
Вибрант						сонанты

* Таблица отражает основные различительные признаки фонем без учета отклонений, которые обнаруживают позиционно обусловленные аллофоны согласных.

Значительно более своеобразную модификацию фонемы /б/ представляет ее спирантизированный аллофон, регулярно возникающий в интервокальном положении (1), кроме слов с начальным /к/ или /т/ (2): 1) *бабча* рел. 'человек, совершающий обряд обрезания', *баб'ай* 'дед, старик'; 2) *жабак* 'тыква', *жабул ит-* 'принимать', *жабык* 'кора' (но: *жаб'алан-* 'торопиться', *жабат/жаб'ат* 'снова'), *таба* 'сковорода', *табын* 'накрытый стол', *табут* 'гроб'.

Еще более отличается от основной разновидности фонемы /б/ ее глухой аллофон, представленный в ауслауте заимствований из русского языка: *клуб* > *клул*, *куб* > *куп*. Однако в фонетически благоприятных условиях, в частности после полнозвонкой /м/, фонема /б/ сохраняет свои основные различительные признаки: ср. *Колумб*, *тробл*.

Минимальное, но типичное регулярное артикуляционно-акустическое отклонение от основной разновидности фонемы /б/ является собой ее слегка оглушенная разновидность, появляющаяся в первом слове перед гласными /ы/ и /е/: *быжы* 'увядать', *быжыр* 'зять', *быгау* 'оковы, кандалы', *бызау* 'теленки', *былт-былт ит-* 'булькать', *бына* 'вог', *бышжыр-* 'фыркать', *бес-бес* 'кис-кис', *бесэн* 'сено', *беше* 'плотный, крепкий'.

Этимологический */б/ в анлауте и инлауте исконно тюркских слов сохранился, за исключением немногих слов, где он перешел в /м/: *менэн* 'с', *к'быз/кумыз* — щипковый губной музыкальный инструмент кубыз⁴. На почве башкирского языка сфера распространения /б/ значительно расширилась за счет озвончения начального этимологического *п, особенно в составе иноязычных заимствований типа *батша* 'царь', *бумала* 'помело'.

Фонема /п/ отличается от своей звонкой пары /б/ не только фонологически релевантным признаком глухости, сводимой к возобладанию шума над голосом, но и артикуляционно-акустическим своеобразием: образуется путем энергичного мгновенного размыкания сомкнутых губ при значительном мышечном их напряжении, при этом воздушная струя с силой вырывается наружу, создавая взрывоподобный шум, который, как и при /б/, образуется над зубами и одновременно в «маске» (в надгортанном резонаторе, вернее — в наиболее передней его части, без носовой окраски).

Фонема /п/ представлена в современном языке во всех позициях (анлауте, инлауте и ауслауте). Исторически она была характерна главным образом для инлаута и ауслаута: *анай* 'тетя, старшая сестра', *анан* 'яма от разрушенного колодца', *еп* 'питка', *ип* 'аккуратность', *опто* 'язь', *упкын* 'пропасть, бездна', *упкэ* 'легкие'. В анлауте она встречается в редких словах типа *пыр туз-* 'прийти в крайнее возбуждение', *пыран-заран кыл-* 'разнести в пух и прах, все промотать'. В остальных случаях анлаутный этимологический *п, как и в иноязычных прежних заимствованиях, последовательно представлял собой оглушенный /б/. Ныне же в иноязычных заимствованиях п со всеми характерными для него различительными признаками употребляется в начале слова: *пар* 'пара, пар', *пальто*, *папирос*, *парикмахер*, *паркет*, *пароход*, *партизан*, *партия*, *патрон*, *пенсия*, *печать*, *пионер*, *плен*, *плац*, *плита*, *поезд*, *полк* и т. п.

Велярный вариант фонемы /п/ по месту образования и звучанию близко стоит к палато-альвеолярным согласным и имеет значительно ослабленную смычку, тогда как палатальный ее вариант, подобно малатальным вариантам всех губных, сосредоточен по месту образования и звучания над зубами, но может быть и перемещен в переднюю часть нёба в зависимости от характера последующего гласного: ср., с одной стороны, *паспорт*, *план*, *посылка*, *почта*, *апһын* 'жены родных братьев', *аптыраш* 'растерянность, замешательство', *кылан* 'непоседа, вертун, кокетка', с другой, — *пэрзэ* 'занавес, шторы', *пэрей* 'нечистая сила' (миф.), *күп* 'много', *тәп* 'основной; корень', *иптәш* 'товарищ', *күм-* 'зарыть'.

⁴ Переход б в м вызван их максимальной близостью в тюркских языках, где по сути /м/ представляет назализованный вариант /б/, а /б/, напротив, — частный вариант фонемы /м/, что подтверждается множеством лексикализованных случаев их взаимозамены, начиная с древнейших времен (ср. *бин/мин* 'я' и т. п.)

В обоих своих вариантах фонема /п/ характеризуется в целом артикуляционно-акустическим единством.

В ауслауте фонема /п/ перед аффиксами с начальным гласным реализуется в озвонченном варианте, фонетически тождественном с б^б: *тап*- 'найти' — *таб-ам* 'найду', *куп* 'много' — *кубеһе* 'многие', *һап* 'древко, рукоятка' — *һаб-ы* 'его древко, рукоятка'. Это правило распространяется также и на иноязычные заимствования (1), исключения составляют лишь отдельные односложные сравнительно новые слова (2): 1) *китап* 'книга' — *китаб-ым* 'моя книга', *тип* — *ике тиб-ы ла* 'оба типа'; 2) *темп* — *темп-ы* 'его темп'.

Фонема /п/ исторически устойчива в ауслауте и инлауте. Лишь в анлауте исконно тюркских слов она на почве башкирского языка во многих случаях заменена фонемой /б/, представлявшей в свое время звонкий ее аллофон, постепенно претерпевший фонемизацию.

Ф о н е м а /м/ — билабиальный смычный носовой сонант, образуемый размыканием свободно сомкнутых губ, обуславливающим ее шумность, которая, как и непосредственно следующая за шумом ее вокалическая рекурсия, неизменно имеет носовой резонанс. Вокальная рекурсия фонемы /м/ сливается с экскурсией последующего гласного: *урман* 'лес', *олмә* 'коллективная помощь', *көмөш* 'серебро'. Сонантную ее природу несколько скрадывает лишь ауслаут (1), особенно после кратких гласных, которым предшествуют /к/, /г/ (2): 1) *һум* 'рубль', *ем* 'корм', *йәм* 'уют, прелесть, красота (природы)'; 2) *төркөм* 'группа', *ағым* 'течение'.

Фонема /м/ представлена во всех позициях: *мейе* 'мозг', *май* 'масло', *көм* 'песок', *тәм* 'вкус', *тамыр* 'корень', *йөмөш* 'поручение, дело'. В исконно тюркских словах она всюду обнаруживает устойчивость, исключая лишь лексикализованное ее чередование с /б/ и отчасти п в анлауте и инлауте отдельных слов типа *морон* 'нос', *кумыз/кубыз* 'кубыз'.

Велярная и палатальная разновидности фонемы /м/, как и других сонантов, по месту своего образования весьма далеки друг от друга, поскольку этот разряд согласных произносится с более заметным участием голоса, чем остальные согласные. Вокалический элемент, естественно, здесь более четко распадается на переднерядный и заднерядный варианты. Это особенно заметно при ее произнесении перед узкими /ү/ и /и/, где с полным основанием можно выделить узкий аллофон фонемы /м/, вызывающий мышечное напряжение губ: ср. *мук* 'мох', *мин* 'я'.

В остальных случаях позиционные модификации фонемы /м/ значительных отклонений от описанной ее основной разновидности не имеют. Этим, очевидно, и объясняется ее этимологическая сохранность не только в корневых морфемах, но и в аффиксах, где она видоизменяется в рамках одного звука.

Ф о н е м а /й/ — билабиальная сонантизированная шумная согласная, образуемая плавным размыканием губ, подготовленных для произнесения /у/ и /ү/, от которых она отличается смычностью и обусловленной ею шумом. Именно в силу своей артикуляционно-акустической близости к этим двум гласным фонема /й/ в отличие от всех остальных согласных имеет раздельное буквенное обозначение своих велярного и палатального вариантов — в инлауте и ауслауте, где /й/ встречается чаще всего, она передается знаками у и ү: *тауык* 'курица', *тау* 'гора', *кейек* 'подобно', *сеу* 'тише'.

Палатальный и велярный варианты фонемы /й/ отличаются друг от друга артикуляционно-акустически почти так же, как и гласные /у/ и /ү/, к которым они особенно близко стоят в ауслауте после кратких /м/ и /е/ или их аллофонов о и ө (*быу* 'пар', *тыу-* 'родиться', *жыу-* 'гнать', *йыу-* 'мыть', *сеу* 'тише, перестань').

^б В соответствии с этой закономерностью конечный п озвончается также и в потоке речи, оказавшись в интервокальном положении перед гласным последующего слова, интонационно объединенного с предыдущим словом: *сүб (сүн) үләне* 'сорная трава', *куб (күн) ике* 'было много'. Это явление на стыке сложных слов носит регулярный характер. Соответственно здесь на общих основаниях выделяется озвонченный аллофон фонемы /п/: *ашаб (ашап) ал-* 'закусить', *һатыб (һатып) ал-* 'купить'.

Фонема /ʏ/ представлена во всех позициях обязательно в соседстве с гласным: *ʏак* 'мелкий', *ʏат*- 'сломать, разбить', *сэʏкэ* 'галка', *йеʏеш* 'мокрый', *яʏап* 'ответ', *яʏ* 'битва, бой', *тэʏ* 'первый'.

В ауслaute после широких гласных она ярче всего обнаруживает свой шумный характер; ср. *баʏ* 'веревка', *тэʏ* 'первый', где она восходит к этимологическим *ʀ или *б (**таʀ* > *таʏ* 'гора', **баʀ* > *баʏ* 'веревка', **суб* > *һыʏ* 'вода'). В анлауте и инлауте, особенно в интервокальном положении, напротив, фонема /ʏ/ сонантизируется: *ʏаба* 'холера', *ʏэкил* 'представитель, поверенный, уполномоченный', *таʏыж* 'курица', *таʏыш* 'звук, шум, голос', *кеʏэт* 'мощь'. В этой позиции она восходит к этимологическим *б, *в, *п: **кэбук* > *кэпук* > *кеʏек* 'подобно', *ʏэгэгэ* 'обещание', *ʏэлук* 'валек (в экипаже)'.

Позиционные модификации фонемы /ʏ/, исключая ее видоизменение по сингармонизму, особых отклонений от артикуляционно-акустических свойств основной ее разновидности не имеют. В целом эта фонема в современном языке единообразна и устойчива. В аффиксальных морфемах фонема /ʏ/ также модифицируется в рамках описанных ее позиционных изменений.

Ф о н е м а /ф/ — губно-зубная глухая щелевая согласная, сравнительно недавно освоенная благодаря иноязычным заимствованиям, прочно вошедшим в стабильный фонд общенародной лексики: *дэфтэр* 'тетрадь', *хэреф* 'буква', *файза* 'польза', *фэн* 'наука', *картуф* 'картошка', *Фатима* (жен. имя), *ифрат* 'очень', *Сафа* (муж. имя), *Сафар* (муж. имя), *флаг*, *кофта*, *фабрика*, *фронт*, *шкаф*. В исконно башкирских словах фонема /ф/ встречается лишь в междометии *уф!* 'ох!', производном глаголе *уфтан* 'охать, каясь' и т. п.

Представленная во всех позициях, фонема /ф/, помимо ее модификации по сингармонизму, имеет два основных аллофона: 1) в составе сравнительно новых заимствований из русского языка типа *фронт*, *фабрика* и в ауслaute остальных слов реализуется в губно-зубном варианте: *саф* 'чистый', *шкаф*; 2) в прочих условиях реализуется в губно-губной разновидности с еле заметным озвончением, особенно в интервокальном положении: *яфа* 'мука, страдание', *Өфө* 'Уфа', *сэфэр* 'путешествие', *фэжир* 'бедный, бедняк'.

Ф о н е м а /в/ — губно-зубная звонкая щелевая согласная, артикуляционно-акустически отличающаяся от своего русского соответствия ослаблением смычки и плавным звучанием, очень близким к /ʏ/. Она освоена лишь в немногих заимствованиях типа *Волга*, *вагон*, *завод*, *велосипед*, *витамин*, *вулкан*, *пиво*. В ауслaute эта фонема реализуется в оглушенном варианте, фонетически тождественном с /ф/: *Котдосов* > *Котдософ* (но: *Котдосова*), *Филманов* > *Филмановф* (но: *Филманова*). Этот ее аллофон менее ясно представлен в редких словах типа *Киев*, где чаще слышится нечто близкое к палатальному варианту фонемы /ʏ/.

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ

Ф о н е м а /д/, выступающая как звонкий коррелят фонемы /т/, — переднеязычная апикулярная смычная. Образуется она плавным размыканием слабо выраженной смычки, создаваемой прижиманием кончика языка вместе с передней его частью к задней стороне основания передних верхних зубов.

Фонема /д/ в исконно башкирских корневых морфемах представлена лишь в анлауте: *дурт* 'четыре', *дым* 'влага', *дары* 'просо', *дау* 'ссора', *дун* 'разубеждаться'. В инлауте она встречается лишь в немногих исконных производных словах типа *күлдэк* 'рубашка, платье' и в новых заимствованиях из русского языка (*ударник*, *сода*). В этой позиции фонема /д/ в исконных корневых морфемах и в ранее освоенных иноязычных заимствованиях перешла в /з/ (1), а в отдельных исконных производных словах — в /т/ или /й/ (2): 1) *коза* 'сват', *каза*- 'вопить, воткнуть', *бөзрә* 'кудрявый, курчавый', *эзәм* 'человек', *назан* 'неграмотный', *бизрә* 'ведро', *биза* 'беда'; 2) *ете* 'семь', *йэтэс* 'душка', *айыу* 'медведь', *бейек* 'высокий'. Исключения составляют

лишь отдельные устаревшие иноязычные заимствования вроде *бәндә* 'человек', *йәдит* 'джадит'.

В ауслaute фонема *ð* практически не допустима. Она представлена лишь в составе вновь освоенных иноязычных заимствований, да и то, как правило, в оглушенном варианте: *экскурсовод*, *электрод*, *завод*. В этой позиции она в старых иноязычных заимствованиях последовательно оглушается, что отражает также их правописание; *Мәхмүт*, *Фәрит*. В конце исконно тюркских слов фонема /д/ претерпела эволюцию: либо выпадает (**алд* > *ал* 'передняя сторона, часть'), либо переходит в *й*: (*буй* 'стан, рост, длина') и т. п.

В соседстве с /и/ и губными /у/ и /ү/, фонема /д/ неизменно приобретает дорсальный характер, свойственный русской фонеме /д/, которая произносится значительно более напряженно, чем баш. *ð*: *дус* 'друг', *дунән* 'трехгодовалый жеребец', *дим* 'уговаривание', *дилбегә* 'возжики'. При этом в анлауте она теряет плавность и заметно оглушается (в инлауте иноязычных слов, в интервокальном положении, напротив, ее звонкость усиливается: ср. *идара* 'правление, управление', *одеколон*, *градус*).

Глухой аллофон фонемы /д/ регулярно встречается в конце иноязычных заимствований: *Ленинград*.

Фонема /д/ имеет в целом сравнительно ограниченную употребительность, вызванную ее эволюцией в инлауте и ауслaute исконно тюркских слов.

Ф о н е м а /т/, представляющая собой глухой коррелят смычной звонкой фонемы /д/, отличается от нее не только последовательно выраженной глухостью, но и своим дорсальным характером и широкой употребительностью во всех позициях слова: *туй* 'свадьба, пиршество', *тир* 'пот', *үтә* 'слишком, насквозь, через', *утиз* 'тридцать', *ит* 'мясо', *һөт* 'молоко'. Образуется мгновенным ненапряженным устранением смычки, которую создает передняя часть или кончик языка, прижатый к задней стороне передних верхних зубов.

Фонема /т/ имеет лишь один основной аллофон — апикальный, который регулярно возникает в соседстве с /а/ и /о/, а также после /ы/, /у/, /ә/, /е/: *ата* 'самец, отец', *ат* 'лошадь', *тот-* 'ловить, держать', *отош* 'выигрыш', *корт* 'червь, пчела', *һырт* 'спина, хребет', *әйт-* 'сказать'. Остальные позиционные модификации этой фонемы заметных артикуляционно-акустических отклонений от основной ее разновидности не обнаруживают.

Фонема /т/ характеризуется этимологической сохранностью. В анлауте сфера ее употребления значительно расширена за счет оглушения этимологического звонкого ее коррелята /д/: *де-* > *ти* 'сказать, говорить', *димгел* > *тимгел* 'пятно, сыпь'.

Ф о н е м а /з/ — межзубный шумный звонкий спирант, артикуляционно близко стоящий к звонкой целевой фонеме /з/, от которой отличается главным образом ясно выраженным межзубным произношением. По своим артикуляционно-акустическим характеристикам фонема /з/ представляет коррелят межзубного спиранта /ç/, отличающегося от нее только глухостью.

Ф о н е м а /з/ представлена во всех позициях исконно башкирских слов и ранее освоенных иноязычных заимствований, очень широко употребляется в ауслaute (*без* 'мы', *тиз* 'быстро') и инлауте (*азак* 'конец', *озон* 'длинный'). В анлауте она встречается лишь в составе корневой морфемы *зур* 'большой' и производных слов, образованных от нее: *зурлык* 'величина', *зурзар* 'взрослые' и др. Кроме того, фонема /з/ представлена в начале частиц *за*, *заһаһа*, *-зер* на правах аллофона полифонем, представленных в аффиксальных морфемах.

Во всех позициях в велярном и палатальном вариантах фонема /з/ обнаруживает независимо от характера звукового окружения сравнительно единообразную и устойчивую артикуляционно-акустическую природу: ср. *баз* 'подпол', *буз* 'серый, сизый', *биз* 'железа', *һез* 'вы', *изел* 'большая река', *азау* 'коренной (зуб)', *тазрә* 'окно', *изән* 'пол'.

Представляя одну из специфических фонем башкирского консонантизма, межзубной спирант /з/ выступает вместо этимологических общетюркских

**ð* и **з* (1), в отдельных же словах восходит к этимологическому **т* (2): 1) **биз* > *без* 'мы', *када* > *каза*- 'вонзить, воткнуть'; 2) **ат-на* > *азна* 'неделя'.

Фонема /*ç*/ — коррелят межзубного шумного спиранта *з*, отличающегося от него только по признаку глухости. Из других согласных фонетически /*ç*/ ближе всего стоит к /*с*/, но последовательно и четко отличается от него межзубным произношением и звучанием.

Фонема /*ç*/ представлена в инлауте и ауслауте исконно башкирских слов вместо этимологического общетюркского **с*: *аç*- 'вешать', *баça* 'посконь', *усал* 'злой', *үç*- 'расти', *эсе* 'жарко, жаркий, горячий'. Соответственно и в ранее освоенных заимствованиях она выступает вместо /*с*/: *оста* 'мастер', *мәҫәлән* 'например', *өҫтәл* 'стол'. В отличие от своего звонкого коррелята *з*, фонема /*ç*/ не представлена в аффиксальных морфемах.

Фонема /*ç*/ во всех позициях независимо от природы звукового окружения характеризуется артикуляционно-акустическим единообразием и устойчивостью. При всем своем вялом произношении она всюду имеет четкую фонологическую опознаваемость. Это обусловлено ее межзубным произношением, резко отличающим ее от других артикуляционно-акустически близких фонем. От своего звонкого коррелята /*з*/ фонема /*ç*/ отличается тоже четко, образуя нередко фонологические оппозиции типа *иçән* 'здоровый' — *изән* 'пол'.

Фонема /*з*/ — переднеязычный дорсальный звонкий щелевой согласный, представляющий коррелят глухой аналогичной фонемы /*с*/ . Она имеет в целом вялое произношение, предельно сближающее ее с межзубной /*з*/ . Лишь палатальный ее вариант характеризуется артикуляционно-акустической четкостью; ср., с одной стороны, *зык жуп*- 'поднять шум, гвалт', *зыңла*- 'звенеть', *зыржыут* 'дупель' (зоол.), *зырылдак* 'волчок', *зырылда*- 'крутиться с жужжанием', с другой, — *кәзә* 'коза', *изге* 'добрый, священный, святой'.

Фонема /*з*/ представлена лишь в редких исконно башкирских словах приведенного рода. Сфера ее употребления расширилась за счет иноязычных заимствований типа *заман* 'время', *риза* 'согласен', *завод*, *зал*, *газ*, где, однако, в народно-разговорном языке она по-прежнему преимущественно заменяется межзубным *з* (чаще всего произносят *заман*, *риза*, *зауут*). Благодаря тому, что количество таких заимствований довольно-таки велико, фонема /*з*/ в литературном языке освоена достаточно широко. Не употребляется она в аффиксальных морфемах.

Фонема /*с*/ — переднеязычная зубно-нёбная щелевая согласная, составляющая глухой коррелят фонемы /*з*/ . Произносится вяло, но значительно более напряженно, чем /*ç*/ .

Фонема /*с*/ широко представлена во всех позициях как в исконных, так и в иноязычных словах: *саң* 'пыль', *әсә* 'мать', *ас* 'голодный', *саф* 'чистый', *срок*, *термос*. В исконно башкирских словах она за редким исключением восходит к этимологическому общетюркскому **ч*: **ағач* > *ағас* 'дерево', **чап* > *сап*- 'косить, хлестать, скакать', **кач* > *кас* 'прятаться'⁶.

Палатальный вариант фонемы /*с*/ является дорсальным (1), исключая положение после *ә* и *ө*, где он носит апикальный характер (2): 1) *күс* 'рой', *әс* 'живот, внутренность', *исем* 'имя'; 2) *әсе* 'кислый', *өсөн* 'для'.

В соседстве с /*и*/ и /*ү*/ фонема /*с*/ приобретает свистящий оттенок, особенно в ауслауте: *үс* 'месть', *кис* 'вечер'.

В остальных условиях своей реализации фонема /*с*/ обнаруживает артикуляционно-акустическое единообразие. От межзубного *ç* она отличается сравнительно более четко, чем ее звонкий коррелят /*з*/ от межзубного /*з*/ .

Фонема /*ж*/ — твердотнёбная щелевая звонкая согласная, произносимая плавно, без напряжения, с удлинённым фокусом.

⁶ В нескольких словах баш. *с* соответствует согласным *с*, *ш* и *т* других тюркских языков: ср. баш. *сәс* 'волосы', *сәсә* 'сыпать, сеять' — др.-тюрк. *сач*, *сач*-; баш. *сис*- 'развязать', *сосө* 'пресный', *сөскөр*- 'чихать' — тат. *чиш*-, *точе*, *точкер*-.

Она представлена в середине и конце немногих исконно башкирских слов, где обычно соответствует аффрикате /кк/ татарского и некоторых других кыпчакских языков: *бажа* 'свояк', *гыж-гыж кил* 'хрипеть, сипеть'. Сфера ее функционирования расширилась за счет освоения иноязычных заимствований из арабского и русского языков: *ижад* 'творчество', *журнал*, *дежур* 'дежурный'. Соответственно появился палатальный вариант фонемы /ж/, которая ранее сочеталась лишь с гласными заднего ряда, исключая отдельные слова типа *ижәу* 'половник', где она лишь незначительно палатализируется: *ижек* 'слог', *жираф*, *жюри*, *жилет*. Палатальный вариант фонемы /ж/, представленный в крайне ограниченном числе слов, носит апикальный характер, тогда как велярный является твердотонным согласным, очень близким к среднеязычным.

Фонема /ж/ характеризуется ясной опознаваемостью и очень ограниченной употребительностью.

Ф о н е м а /ш/ — длиннофокусная твердотонная щелевая глухая согласная, образуемая без напряжения и взрыва. По артикуляционно-акустическим свойствам она ближе всего к /ж/, отличаясь от нее главным образом своей глухостью и несколько опередненным фокусом.

Фонема /ш/ относится к числу немногих широкоупотребительных и устойчивых согласных, наиболее полно сохранивших свое первоначальное распределение в исконно тюркских корневых морфемах и аффиксах. Сфера употребления фонемы /ш/ на почве башкирского языка значительно расширена за счет частного, лексикализованного чередования ее с /с/ (*шышж* 'жидкий') и /ч/ (*шишмә* 'ручей') и т. п.

Случаи преобразования этимологической фонемы /ш/ единичны: ср. *сис-* 'развязать', *һурпа* 'бульон'.

Фонема /ш/ широко представлена во всех позициях и независимо от характера звукового окружения и других условий своей реализации всюду сохраняет четкую фонологическую опознаваемость: *шау* 'шум', *таш* 'камень', *кеше* 'человек'.

Палатальный вариант фонемы /ш/ относится к разряду апикальных согласных: *биш* 'пять', *түш* 'грудь', *төш* 'сновидение', *шеш* 'опухоль, нарыв', *шәм* 'свеча', *шәп* 'хорошо, быстро'. Велярный же вариант в зависимости от звукового окружения по месту образования обнаруживает довольно значительную подвижность: в соседстве с узким гласным /у/ и губными согласными он мало отличается от палатального варианта (ср. *буш* 'порожний, свободный', *шыма* 'гладкий'), а рядом с *a* и *o* приближается к среднеязычным, особенно под влиянием предыдущего или последующего увулярного согласного (ср. *каш* 'бровь', *ошо* 'этот', *Шағалий* — муж. имя, *кош* 'птица', *ашхана* 'столовая', *якшы* 'хороший'); в прочих случаях ее велярный вариант образуется в области твердого нёба: *аша* 'через', *тышау* 'путы'.

В остальном модификация фонемы /ш/ зависит от условий ее употребления, носит частный характер и не имеет заметных отклонений от ее основных характеристик. Таково, в частности, ее незначительное озвончение в интервокальном положении в словах типа *өшө-* 'мерзнуть' (в этом случае фонема /ш/ сохраняет свой релевантный различительный признак по глухости: ср. *ижек* 'слог' и *ишек* 'дверь'), усиление шипящего оттенка в ауслауте после губных /у/ и /ү/ в словах вроде *һуш* 'чувство, сознание', *хуш* 'хороший', *түш* 'грудь', усиление оглушения в ауслауте и т. п.

Ф о н е м а /р/ — переднеязычный сонант, произносимый без напряжения, при сближении слегка приподнятого кончика языка с альвеолами или передней частью твердого нёба благодаря еще уловимому колебанию кончика языка под давлением воздушной струи.

Палатальный вариант фонемы /р/ после губных согласных и в соседстве с /ү/ и /и/ относится к разряду надзубных, в остальных случаях имеет апикальный характер: ср., с одной стороны, *бер* 'один', *бире* 'сюда', *тур* 'почетное место в комнате, горнице', *буре* 'волк', с другой, — *кер* 'белье, грязь', *йәр-* 'ходить', *ер* 'земля', *һөрөм* 'копоть', *һәр* 'каждый', *әрйә* 'ларь, ящик'.

Велярный же ее вариант образуется в области твердого нёба или его передней части в зависимости от характера соседнего гласного: в соседстве с /a/ и /o/ является средненёбным, рядом с /y/ — передненёбным, при /ы/ занимает промежуточное положение. Ср. *ара* 'расстояние', *оран* 'клич, призыв', *урман* 'лес', *ырыу* 'род, племя'. Это колебание усугубляется в зависимости от качества предыдущего или последующего согласного. Так, например, под влиянием /к/, /г/ и /h/ велярный вариант фонемы /р/ отодвигается еще более назад: ср. *жарак* 'вор', *хары* 'желтый', *богарзак* 'дыхательное горло'.

В исконно тюркских корневых морфемах фонема /р/, сохраняя свое первоначальное распределение, представлена в ауслауте и инлауте: *бар* 'есть', *жара* 'черный', *эре* 'крупный', *бер* 'один'. В иноязычных заимствованиях и производных словах, образованных на их основе, она, кроме того, может быть также и в анлауте: ср. *раç* 'верный, верно', *риза* 'согласен', *рагэт* 'удовольствие, наслаждение', *расла-* 'подтвердить, утвердить', *рамла-* 'вставить раму', *рус* 'русский', *революция*.

/р/ — во всех позициях полнозвонкая фонема, за исключением ауслаута, где она заметно оглушается: *жар* 'снег', *тар* 'узкий'. Фонема /р/ характеризуется устойчивостью не только в корневых, но и в аффиксальных морфемах. Лишь в отдельных словах и аффиксах она обнаруживает следы прежнего чередования с /л/ и /з/: *хурна* 'бульон', *аркыры* 'поперек, через', *сизэм* 'целина', *ятжыр-* (*ятжыз-* 'уложить').

Ф о н е м а /л/ — щелевой альвеолярно-нёбный сонант, произносимый плавно, без напряжения.

Палатальный ее вариант является апикальным и переднеязычным: *ил* 'страна', *эл-* 'вешать', *көл* 'зола', *күл* 'озеро'. Велярный же вариант относится к разряду среднеязычных согласных: *бала* 'ребенок', *оло* 'большой', *кул* 'рука', *йыл* 'год'. При всех своих артикуляционных расхождениях палатальный и велярный варианты фонемы /л/ акустически отличаются друг от друга мало, поскольку первый из них характеризуется не столько собственно палатальностью, сколько опередненностью по сравнению со вторым. Только в соседстве с губными согласными и гласными /и/ и /ү/ палатализация усиливается, однако, не достигая степени мягкости русск. л, ср. *бил* 'поясница', *бүл-* 'делить'. Артикуляционно-акустически заметную веляризацию претерпевает /л/ под влиянием увулярных /к/, /х/, /h/ после /a/ и /o/: ср. *һол* 'способность, сноровка', *һоло* 'овес', *көл* 'раб', *һакал* 'борода', *халк* 'народ'. Эти две крайние разновидности фонемы /л/ с основанием могут быть квалифицированы как ее аллофоны. Исключая их, фонема /л/ имеет в целом единообразное звучание.

Фонема /л/ характеризуется четкой фонологической различимостью во всех позициях и вызванной этим устойчивостью своего распределения в исконно тюркских корневых морфемах (но в инициале аффиксальных морфем она претерпевает самые радикальные модификации — см. раздел «Сведения по фономорфологии»). Только в отдельных словах типа *хурна* 'бульон', *йондоз* 'звезда', *аркыры* 'поперек, через' она изменилась и в некоторых словах при их агглютинации выпала в ауслауте (ср. *ул* 'он, она', — *уга* 'ему, ей', *шул* 'той' — *шунан* 'оттуда' и т. п.).

В исконно башкирских словах фонема /л/ представлена главным образом в инлауте и ауслауте, значительно реже встречается в анлауте: *бал* 'мед', *ала* 'пестрый', *лапы* 'валезник', *лаçбыр* 'лохматый'.

Ф о н е м а /н/ — смычно-щелевой альвеолярно-нёбный носовой сонант, произносимый без напряжения, плавно. В палатальном варианте она представляет переднеязычный апикальный согласный, особенно в соседстве с узкими гласными переднего ряда /и/ и /ү/: *ни* 'что', *ниж* 'почему', *дүн-* 'разубеждаться', *көн* 'день', *мен-* 'подниматься', *тән* 'тело'. Ее велярный вариант образуется в области среднего нёба и примыкает к среднеязычным, в окружении же широкого /a/ и полуширокого /o/, особенно под влиянием заднеязычных согласных /к/, /г/, /х/ и увулярного /h/ относится к среднеязычным согласным: *ана* 'вот, вон', *кан* 'кровь', *хан* 'хан', *көн* 'месть', *жө-*

нан 'жеребец от двух до трех лет', *һон*- 'протянуть', *һын* 'телосложение, стан', *һунар* 'охота'.

Фонема /н/ чаще всего встречается в ауслауте, реже — в инлауте и еще реже — в анлауте исконно башкирских слов: *һан* 'число', *һин* 'ты', *һиде* 'уже, еще', *әнә* 'игла', *һыж* 'крепкий', *һәмә* 'вещь, предмет'. Она обнаруживает этимологическую устойчивость и сравнительно большое акустическое единообразие независимо от условий своей реализации. Лишь перед /к/, /г/, /к/ и /ғ/ в ряде слов типа *һараңғы* 'темно', /н/ перешла в /ң/. Это явление, характерное не только для тюркских языков, спорадически наблюдается также в некоторых других производных словах вроде *боронго/боронго* 'древний', *иртәңге / иртәнге* 'утренний', где *ң* условно может быть выделен как позиционно обусловленный аллофон фонемы /н/. В отличие от своего употребления в корневых морфемах фонема /н/ имеет существенные модификации в начале аффиксов (см. ниже, «Сведения по фонеморфологии»). Модификации фонемы /н/ в зависимости от прочих условий ее реализации существенных отклонений от приведенных ее характеристик не имеет.

Фонема /ч/ в большинстве случаев своей реализации представляет глухой слабосмычный твердонебный передне-среднеязычный согласный звук, образуемый без взрыва и напряжения. Характеризуется он, как и /к/ и /г/, отсутствием сильной смычки, свойственной русск. /ч/ и /г/. Фонема /ч/ освоена сравнительно недавно благодаря заимствованиям из русского языка. В исконно башкирских словах не употребляется.

В соответствии с законом сингармонизма фонема /ч/ распадается на палатальный и велярный варианты. Из них первый является переднеязычным и апикальным: *чек, чех, член*. Второй образуется в области твердого неба при участии средней части спинки языка: *Чапаев, чашка, чума*.

Фонема /ч/ в русских заимствованиях употребляется не только по исконному назначению, но и замещает русск. *щ*: *плащ > плач, плащ, щетка > > чотки/чотка, щи > ччи*.

СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ

Фонема /й/ — среднеязычный щелевой полусонант, образуемый при сближении средней части спинки языка с твердым небом. В палатальном варианте, произносимом при более узкой щели и продвинутой значительно вперед спинки языка, она тяготеет к шумным, ее сонорность в этом случае исчезает, особенно в соседстве с узкой гласной /ү/ и полуузким /е/: *йун* (орф. *юнь*) 'толк, способность', *йутал* (орф. *ютал*) 'каниель', *йем* (орф. *ем*) 'корм', *кой* 'мотив', *йэй* 'лето'. В велярном варианте щель заметно расширяется и отодвигается назад, произношение становится плавным и соответственно значительно более ясно проступает сонорность фонемы /й/: *йар* (орф. *яр*) 'берег', *йон* 'шерсть', *йыл* 'год', *йул* (орф. *юл*) 'дорога'. Сонорность наиболее четко проявляется в интервокальном положении: *айак* (орф. *аяк*) 'нога', *койо* 'колодец', *уйын* 'игра'. Только в ауслауте фонема /й/ резко сокращается и приобретает шумный характер, лишаясь сонорности: *бай* 'богатый', *уй* 'мысль', *кой-* 'лить', *тый-* 'усмирить', *кей-* 'одевать', *сей* 'сырой', *сой* 'шпиль, шпц, клин, гвоздь'.

Как видно из примеров, фонема /й/ представлена во всех позициях. Она сочетается со всеми гласными, кроме /и/.

Широко употребляясь в анлауте вместо тат. *ж* и аналогичного звука некоторых других тюркских языков, фонема /й/ представляет одну из ярких особенностей башкирского консонантизма. Она характеризуется устойчивостью по своему исконному распределению в собственно тюркских корневых морфемах и выпала лишь в инлауте в отдельных словах типа *һасан* 'когда'. В этой позиции фонема /й/ возникла на почве *д (ср. др.-тюрк. *адак, бадрук бедук, бугдай* и соответственно баш. *аяк* 'нога', *байрак* 'знамя', *бейек* 'высокий', *бойзай* 'пиеница'), *з и *в (ср. др.-тюрк. *тегиң* 'соболь', *тевй* 'верблюд' и баш. *тейен* 'белка', *дөйә* 'верблюд'). В ауслауте /й/ тоже нередко

восходит к этимологическим *d и *g: ср. др.-тюрк. *тег-*, *кед-* и баш. *тей* 'касаться, трогать', *кей-* 'одевать'. *Й*, очень широко употребляемый во всех позициях в корневых морфемах, представлен также и в аффиксах, где он часто являет собой эпентезу или субститут гласного *a/ə* (ср. *бар-а-саң* 'пойдет' — *барма-й-асаң* 'не пойдет').

Ф о н е м а /г/ — среднеязычная звонкая смычная согласная, характеризующаяся крайне слабо выраженной смычкой и плавным произношением без напряжения.

Ранее она была представлена лишь в палатальном варианте, т. е. в соседстве с гласным переднего ряда, и только в анлауте и инлауте: *гел* 'постоянно', *гөл* 'цветы (комнатные)', *гор кил-* 'галдеть', *үгәй* 'перодной', *игез* 'двойня, близнецы', *игэт* 'приданое' (в соседстве с узкими гласными /ү/ и /и/ фонема /г/ реализуется в предельно опередненном и суженном аллофоне).

По мере освоения иноязычных заимствований фонема /г/ стала употребляться и в велярном варианте: ср. *газ*, *гараж*, *гармун* 'гармонь', *горчица*, *гудок*, *агроном* (в соседстве с /a/ она реализуется в заднеязычном аллофоне).

За исключением названных двух своих поляризованных разновидностей фонема /г/ имеет в целом единообразное звучание. Она характеризуется последовательной противопоставленностью заднеязычной звонкой /г/ по месту и отчасти способу образования и своему глухому корреляту /к/ по признаку звонкости.

Ф о н е м а /к/ — глухая среднеязычная слабосмычная согласная, произносимая плавно, без взрыва и напряжения. В исконно башкирских словах она представлена лишь в сочетании с гласными переднего ряда. В отличие от /г/ широко употребляется не только в анлауте и инлауте, но и в ауслауте: *күз* 'глаз', *ике* 'два', *күк* 'небо'. Как и /г/, фонема /к/ характеризуется устойчивостью распределения в исконно тюркских корнях.

Велярный вариант фонемы /к/, отличающийся от палатального варианта главным образом отодвинутостью назад, представлен во всех позициях только в иноязычных заимствованиях: *Камал* (муж. имя), *квас*, *квартира*, *клуб*, *колхоз*, *закон*, *указ*, *барак*, *батрак*. В соседстве с широкой /a/ он приобретает заднеязычную окраску: *карап* 'корабль'.

Фонема /к/ в ауслауте при присоединении к слову аффикса с начальным гласным реализуется в звонком аллофоне: *күк* 'синий, голубой' — *күг-әр* 'синеть, посинеть, плесневеть', *түк-* 'вылить' — *түг-ел-* 'вылиться', *срок* — *срок-ы* 'его срок'.

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ

Ф о н е м а /ғ/ — щелевая звонкая увулярная согласная, произносимая без напряжения, плавно при опущенном мягком нёбе почти смыкающемся с поднятой вверх задней частью спинки языка, где образуется щель. При ее артикуляции задняя часть спинки языка и язычок смыкаются и размыкаются, создавая конусообразную восходящую щель.

Фонема /ғ/ представлена в анлауте и инлауте исконно башкирских слов в соседстве с гласными только заднего ряда: *ғауға* 'шум, гам', *ғырла-* 'хрипеть', *ағай* 'старший брат; дядя'. Но в арабизмах и фарсизмах она широко освоена также и в сочетании с гласными переднего ряда: *ғилем* 'знание, наука', *ғөрөф* 'обычай', *ғүмер* 'жизнь', *иғлан* 'объявление', *иғтибар* 'внимание', *мәғәнә* 'смысл, значение', *Тәғзимә* (жен. имя), *ғәлүмән* 'вообще, в общем', *ғәзәт* 'привычка', *ғишыҡ* 'любовь', *ғүмер* 'жизнь'. В этом случае при произнесении /ғ/ щель на выходе резко сужается, благодаря чему звучание опередняется и артикуляция приобретает заметную напряженность. В соседстве с узкими передними гласными /и/ и /ү/ с полным основанием можно выделить предельно опередненный аллофон.

Фонема /ғ/ во всех случаях своей реализации обнаруживает четко выраженную фонологическую опознаваемость, чем, должно быть, и объясня-

ется ее устойчивость. Лишь в ауслауте по нормам башкирского консонантизма она не допустима. В силу этого *ʁ в данной позиции выпал (ср. *улуғ > мо 'большой', *саруғ > һары 'желтый', *туғ- > тыу- 'родиться') или оглушился (*балығ > балык 'рыба'), *тағығ > тауык 'курица'. В современном башкирском языке этимологический *ʁ существенные модификации имеет лишь в аффиксах (см. ниже «Сведения по фонеморфологии»).

Ф о н е м а /к/ — коррелирует звонкой фонемой /г/, отличающийся от нее слабо выраженной смычностью и последовательной глухостью. Она произносится значительно менее напряженно, чем соответствующий согласный киргизского, алтайского, казахского и других тюркских языков. Это особенно заметно в инглауте в интервокальном положении, где смычка может быть предельно ослаблена. Отмечено даже озвончение /к/ в слове яға 'воротник'. За исключением этого случая фонема /к/ обнаруживает в корневых морфемах большую устойчивость во всех позициях: кыш 'зима', аҡ 'белый', бакыр 'красная медь', бака 'лягушка', һаҡал 'борода'.

Перед начальным аффиксальным гласным фонема /к/ в ауслауте при аглутинации регулярно озвончается: юк 'нет' — юғ-ал- 'потеряться', кунак 'гость' — кунак-ым 'мой гость'. Это, как и озвончение конечного к в той же позиции, отражается на письме. В потоке речи при отсутствии паузы в рамках интонационно объединенной синтагмы ж и к спорадически озвончаются на стыке слов в соседстве с гласным: кунак өйө 'горница' (орф. кунак), сүз ат 'серый конь', ике җуллап 'обеими руками', ике геше (кеше) 'два человека'. Применительно к этому случаю правомерно выделять озвонченный аллофон обеих фонем, который регулярен в ауслауте при наличии последующего аффикса с начальным гласным.

Фонема /к/, как правило, употребляется в исконно башкирских словах в сочетании с гласными заднего ряда. Из гласных переднего ряда она сочетается только с /ə/ и /и/, и то лишь в единичных словах: кәйнә 'свекровь', җәрҙәш 'родственник', сикан 'чирей', сирак 'голень'. В последних двух примерах артикуляционно-акустическая природа звука ж не меняется, поскольку узкий и входит в другой слог. В непосредственном же соседстве с /ə/ палатальный вариант /к/ получает предельное ошеренение и заметно напряженное звучание. Этот сдвиг еще более усугубляется в соседстве с узким и в иноязычных заимствованиях типа киммәт 'дорогой, ценный', кибла 'направление к Каабе (в Мекке) (рел.), киәфәт 'облик, выражение лица'. В этом и сходных условиях смычка при образовании ж усиливается и переходит в узкую щель, особенно перед и, а само звучание перемещается вперед в область среднего неба. Сфера употребления этого аллофона фонемы /к/ расширилась за счет прочно вошедших в обиход арабизмов и фарсизмов типа җәләм 'карандаш', җәзәр 'почет, честь', җәбер 'могила', җәһәр 'проклятие'. В других иноязычных заимствованиях, в частности русизмах и заимствованиях через русский язык, фонема /к/ не употребляется. В исконно тюркских корневых морфемах ее распределение в целом стабильно. Можно отметить лишь случаи озвончения на стыке компонентов сложных слов вроде җарағош 'орел', җырғаяк 'мокрица' и появление ж вместо заднеязычного увулярного /х/, например в словах катыл 'жена, женщина', аҗшы 'хороший, хорошо'. Согласный ж устойчиво применяется в аффиксах, обычно как субститут этимологического *ʁ: бат-как 'топь', кайт-кан 'он вернулся'.

Ф о н е м а /х/ — щелевая глухая заднеязычная увулярная согласная, употребляется преимущественно в англауте, в ауслауте и инглауте встречается редко: халк 'народ', юха 'очень хитрый, корыстный, лизоблюд', тарих 'история', ухылда- 'пыхтеть, охать', ух! 'ах!'.

В исконно башкирских словах фонема /х/ преимущественно выступает в велярном варианте (т. е. в сочетании с гласными заднего ряда), характеризующемся ясно выраженной увулярной окраской. В этом варианте она широко освоена и в иноязычных заимствованиях: олмак 'рай', һамак 'несправедливый', һикак 'религиозный обряд бракосочетания', һокук 'право', ашхана 'столовая', характер, хор, колхоз. В велярном варианте увулярный оттенок фонемы /х/ сглаживается или даже исчезает лишь в сочетании с губ-

ным *y*, когда благодаря его влиянию ее звучание намного опередняется: *кузня*, *художник*, *хурла*- 'поносить'.

В палатальном варианте фонема /x/ чаще всего встречается в иноязычных заимствованиях, особенно в арабизмах и фарсизмах: *хикэйэ* 'рассказ', *хокем* 'приговор, решение', *хөрмэт* 'уважение', *химия*, *хирург*. Этот вариант /x/ произносится при сильном дополнительном подъеме средней части спинки языка и при очень узкой щели, образуемой между всей задней частью спинки языка и твердого нёба. Хотя и в этом случае *x* имеет заднеязычное образование, он получает как бы дополнительную артикуляцию в области средней части спинки языка, во всяком случае — очень опередненное звучание. Более переднее звучание *x* возникает особенно перед узким гласным *i*: *хис* 'чувство', *химия* (но после *i* это не столь заметно: ср. *ихата* 'изгородь', *ихтимал* 'возможно', *ихтияр* 'воля, желание', *ихтирам* 'уважение').

/x/ относится к числу сравнительно устойчивых фонем. Лишь в отдельных словах типа *хатын* 'жена, женщина', *якшы* 'хороший, хорошо' ее велярный вариант необратимо перешел в *ж*. /x/ не употребляется в аффиксах.

Ф о н е м а /ц/ — заднеязычный носовой смичной сонант, характеризующийся слабой напряженностью и очень незначительной шумностью. Образуется смыканием задней части спинки языка с мягким нёбом в момент его ощущения путем его краткой вибрации. Встречается только в середине и конце слова. По месту звучания *ц* значительно колеблется в зависимости от характера соседнего гласного.

Велярный вариант фонемы /ц/ имеет обычно ослабленную смычку. Исключение составляет вариант /ц/ в положении рядом с узкой /y/, где он и по звучанию приближается к среднеязычным: *уц* 'правый', *туц* 'мерзлый' (но если *y* стоит после увулярного *ж* или фарингального *h*, то /ц/ сохраняет заднеязычную природу: *жуцыз* 'жук', *жуцыр* 'бурый', *хуц* 'поздно'). В соседстве с /a/ велярный вариант /ц/ реализуется в увулярном аллофоне: *ац* 'сознание', *ацкы*- 'благоухать', *ацкау* 'небо' и др. Этот аллофон встречается также после /ы/ в окружении увулярных согласных: *кыцгырау* 'колокол'.

Палатальный вариант фонемы /ц/ образуется при более ясно выраженной смычке, переходящей перед гласными в щель. Он выделяется опередненностью своего звучания, а при узких передних гласных, кроме того, — значительной напряженностью артикуляции и усилением шумности, особенно в ауслауте и перед последующим согласным: ср. *киц* 'широкий', *тиц* 'равный', *миц* 'родинка', *куцел* 'душа', *уц* 'эмаль', *уцер* 'передняя часть шеи', *уцэз* 'плесень, грибок', где фактически представлен апикулярный от среднеязычного до заднеязычного аллофон фонемы /ц/. После *e* местоположение фокуса /ц/ колеблется в зависимости от характера предыдущего согласного: *мец* 'тысяча', *хец*- 'впитываться'. После *e* палатальный вариант фонемы /ц/ становится обычно среднеязычным: *өц* 'берлога', *өцөш* 'проходка' (горн.), а после *ə* он сближается с заднеязычными: *эцгэмэ* 'беседа', *тэцкэ* 'рубль', *кацши* 'совет'.

Во всех своих разновидностях фонемы /ц/ обнаруживает четкую фонологическую опознаваемость и устойчивость. Она в исконно тюркских словах сохранилась в тех же позициях, что и в большинстве тюркских языков. Сфера ее употребления значительно расширилась в результате фонемизации фонетически сходного с ней аллофона фонемы /н/, широко употребляемого перед *к*, *ж*, *г* и *р*: *һөңгө* 'копье' (от *һон*- 'протянуть'), *төңгө* 'ночной', *төшөңкө* 'присущенный', *иртэңге* 'утренний', *бороңго* 'древний'.

В аффиксальных морфемах согласный *ц* тоже характеризуется устойчивостью: *без-зец* 'наш'.

ФАРИНГАЛЬНЫЕ

Ф о н е м а /һ/ — плавный гортанный глухой спирант, представленный на месте широкоупотребительного этимологического *с в анлауте и инлауте исконно тюркских корней перед гласным в начале слога: *һан* 'число', *һин* 'ты', *анһат* 'легкий, нетрудный'. В арабизмах и фарсизмах она встречается

также и в ауслауте: *мәһим* 'важный', *ғонаһ* 'грех', *һәр* 'каждый'. Фонема /h/ произносится без всякого напряжения и на слух воспринимается как легкий произвольный выдох через суженную глотку с еле заметным участием голоса, непосредственно переходящим в экскурсию последующего гласного.

В начале слова, как и в конце его, *h* — глухой согласный. В интервокальном положении *h* озвончается: *һаһа* 'делать', *әһәмәт* 'значение', *кәһәр* 'проклятие'.

Велярный и палатальный варианты фонемы /h/ довольно четко отличаются друг от друга и артикуляционно, и акустически. В велярном варианте она представляет плавный гортанный спирант, легко образуемый глубоко в глотке или даже ниже ее: *һак* 'пост', *һағыз* 'сера', *һоғалан* 'есть торопливо', *һыж* 'выжимать, сжимать'. Только перед губным *у* гортанный оттенок несколько сглаживается, поскольку в этом случае и сам звук образуется выше глотки: *һул* 'левый', *һум* 'рубль', *һут* 'сок'.

В палатальном варианте *h* произносится также плавно в виде произвольного выдоха перед произнесением последующего гласного, образуется над гортанью при суженном резонаторе в полости рта. Сужение его, производимое поднятием средней или передней части спинки языка, зависит от характера последующего гласного. Например, при широком *ә* сужение резонатора происходит минимально, при полушироком *о* — больше, а при узких *ү* и *и* — максимально: ср. *һәм* 'и', *һәпәк* 'вилы', *һөт* 'молоко', *һөйәк* 'кость', *һипкел* 'веснушки', *һис* 'отнюдь', *һүз* 'слово', *һул* 'сукровица', *һут* 'распороть, разбирать'. Соответственно происходит и опереднение /h/: перед узкими *ү* и *и* /h/ локализуется примерно в области передней части твердого нёба, перед *ә* — в задней его части, перед *ө* — в средней, перед *е* — между передней и средней его частью (ср. *һер* 'тайна', *һез* 'вы' и *һиз* 'чувствовать', *һөр* 'пахать').

В палатальном варианте к основной артикуляции присоединяется, таким образом, дополнительная артикуляция средней или передней части спинки языка. Это значительно меняет и акустический эффект — в данном случае заметно увеличивается шумность *h*, тогда как во всех остальных условиях *h* характеризуется придыханием, в том числе и в аслауте. В известной мере меняется также степень напряженности произносительных органов — она более заметна перед узкими *и* и *ү* и в нисходящем порядке убывает при *е*, *ө*, *ә*, *ы*, *у*, *о*, *а*.

Фонема /h/ относится к числу самых устойчивых и широкоупотребительных согласных, составляющих национальную специфику башкирского консонантизма. Лишь в отдельных регионах просторечия и в некоторых говорах она выпадает в аслауте: *һауа* > *ауа* 'воздух', *һәр* > *әр* 'каждый', *һаман* > *аман* 'все еще'. Это объясняется упомянутой ее легкостью, плавностью⁷, граничащей с обычным произвольным выдохом почти без участия голоса перед произнесением последующего гласного, на артикуляцию которого настроены произносительные органы при его образовании.

ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В ПОТОКЕ РЕЧИ

А С С И М И Л Я Ц И Я

Ассимиляцией называется уподобление одного звука другому. В тюркологии этим термином чаще всего обозначается изменение согласных в речевом потоке. Согласные могут уподобляться полностью или частично. Подвергаются изменению последующие или предыдущие согласные, происходит также взаимовлияние согласных. В соответствии с этим различают следующие виды ассимиляций: полная, частичная, прогрессивная, регрессивная, взаимная.

⁷ В некоторых южных говорах представлен увулярно-ларингальный велярный *h* с элементом увулярного *x* в словах типа *тах*тамал* 'полотенце'.

Ассимиляция согласных чаще всего происходит на стыке корня или основы и аффикса или частицы, а также в условиях сандхи, если между словами отсутствует пауза.

ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

При прогрессивной ассимиляции последующий звук подвергается воздействию предыдущего.

После глухих согласных начальный *д* аффиксов и частиц оглушается, а после согласных *р, з, й* и *у /в/, ү /в/* переходит в *з*, например: *тыш-та* 'на улице', *кош-тор* 'наверное, птица', *яр-зан* 'с берега', *тау-за* 'на горе', *бар-зы* 'ходил', *айыу-зай* 'как медведь'. Начальный *л* аффикса мн. числа *-лар* переходит в *т* после глухих согласных, в *д* после *л, м, н, ң, з, ж*, в *з* после *р, й, з, у /в/, ү /в/*: *таш-тар* 'камни', *кис-тэр* 'вечера', *урам-дар* 'улицы', *кул-дар* 'руки', *кор-зар* 'тотерева', *кой-зэр* 'мелодии', *утрау-зар* 'острова'.

Прогрессивная ассимиляция может быть 1) полной или 2) частичной, например: 1) *ат-тар* 'кони', *каз-зар* 'гуси', *кайт-ты* 'вернулся', *яз-зы* 'написал', *күк-кә* 'в небо', *йык-кан* 'свалил'; *с, з, ш* в диалектах и просторечии ассимилируют последующие *һ, ҫ, ҙ*: *эс-сез* < *эс-һез* 'без живота', *ас-саң* < *ас-һаң* 'если откровенно', *калмаҫ-ҫың* < *калмаҫ-һың* 'не останешься', *баш-шыз* < *баш-һыз* 'без головы'; 2) *яп-ты* 'закрыл', *кош-ка* 'к птице', *баш-та* 'на голове', *там-ды* 'капнул'.

В башкирском языке установились следующие типы ассимилятивного варьирования аффиксов мн. числа, падежей, очевидного прошедшего времени, *-дай* и др., имеющих в начале *л* (за исключением словообразовательных *-лык, -лы, -ла, -лай* и т. п.), *н* и *д*:

1) после глухих согласных корня или основы аффиксы начинаются с *т*: *ипташ-тең* (< *-нең*) 'у товарища', *хат-тар* (< *-лар*) 'письма';

2) после *л, м, н, ң, з, ж*, выступающих в конце корня или основы слова, данные аффиксы начинаются с *д*: *мал-дың* (< *-ның*) 'у скота', *тал-дар* (< *-лар*) 'ивы'.

3) после согласных *р, й, з, у /в/, ү /в/*, выступающих в конце корня или основы слова, данные аффиксы начинаются с *з* (< *н*): *боз-зоң* (< *-ның*) 'у льда', *кыз-зар* (< *-лар*) 'девочки, девушки', *каз-зы* (< *-ды*) 'конал', *тау-зай* (< *-дай*) 'с горы'.

В восточном диалекте четырехтишное варьирование *л* в аффиксах проводится наиболее последовательно.

РЕГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

Изменение предшествующего звука под воздействием последующего называется регрессивной ассимиляцией. Этот вид ассимиляции в башкирском языке менее распространен по сравнению с русским.

Регрессивная ассимиляция может быть частичной (*теңгә* < *төнгө* 'ночной'; предыдущий *н* переходит в *ң* под влиянием последующего *г*; уподобление по месту артикуляции) и полной (*алғаммын* < *алғанмын* 'я взял', предыдущий *н* полностью переходит в *м* под влиянием последующего *м*).

Можно отметить следующие явления регрессивной ассимиляции:

1) межзубные *з* и *ҫ* в диалектах и разговорной речи полностью уподобляются последующему *с*: *кыргызса* < *кыргыз-са* 'по-киргизски', *килегесе* < *килегез-се* 'приходите же', *һүссән* < *һүз-сән* 'словоохотливый', *төссө* < *төҫ-сө* 'цвет же';

2) небно-зубный сонорный *н* переходит в заднеязычный сонорный *ң* в позиции перед *к, ҕ, ғ, г*: *алдыңғы* < *алдын-ғы* 'передовой', *бөгөңгө* < *бөгөн-гө* 'сегодняшний', *иртәңгә* < *иртән-гә* 'утренний'; это явление может быть и на стыке слов, между которыми отсутствует пауза: *һиң* (*һин*) *кайза* 'Где ты?'; *Кайзаң* (*кайзан*) *килгән?* 'Откуда он пришел?'; *Болаң* (*болан*) *кеүек елә* 'Несется как олень'; *уң* (*ун*) *кыз* 'десять девушек';

3) нёбно-зубный *н* переходит в губно-губной *м* в положении перед шумным губно-губным *б*: *ум бер* < *ун бер* 'одиннадцать', *хикһәм биш* < *хикһән биш* 'восемьдесят пять', *тум бир* < *тун бир* 'дай шубу', *Бурамбай* < *Буранбай* (имя собств.), *кәмбағыш* < *кәнбағыш* 'подсолнечник', *комбайыш* < *көнбайыш* 'запад', *кайымбика* < *кайынбикә* 'старшая сестра жены';

4) Сонорный *н* в разговорной речи часто полностью уподобляется последующему *м*: *кабаламма* < *кабаламма* 'не торопиться', *иреммә* < *иренмә* 'не лениться', *уйыммы был* < *уйынмы был* 'разве это игра';

5) в народно-разговорном языке аналутный *с* может полностью уподобиться ауслутному *ш*: *шукыш* < *сукыш* 'клюв', *шукеш* < *сукеш* 'молоток', *шатраш* < *сатраш* 'клетка', *шебеш* < *себеш* 'цыпленок', *шырыш* < *сырыш* 'морщинистый'.

ДИССИМИЛЯЦИЯ

Диссимиляция, или расподобление — явление обратное ассимиляции.

Случаи диссимиляции мало представлены в башкирском литературном языке. Примером может служить оформление глаголов аффиксами страдательного залога *-н*, *-ын/-ен*, *-он/-өн* вм. *-л*, *-ыл/-ел*, *-ол/-өл*, если в основе глагола имеется звук *л*: *каплан* 'закрывается', *тышлан* 'быть облицованным', *һаплан* 'быть насаженным', *алын* 'быть взитым', *һалын* 'быть положенным'; ср. *ябыл* 'закрывается', *сәсел* 'быть засеянным', *укыл* 'быть прочитанным'. В восточном диалекте страдательный залог оформляется афф. *-н* чаще, так как здесь глаголообразующий *-ла* дает варианты с начальным *т*, *д*, *з* (*-та*, *-да*, *-за*): *каптал* 'закрывается', *тыштал* 'облицовываться', *һаптал* 'быть насаженным'.

В связи с этим можно отметить сохранение глухих согласных *т*, *к*, *к*, *п* и др. в позиции после сонорных согласных:

1) в корнях или основах: *ярты* 'половина', *ярка* 'половина', *алты* 'шесть', *иркен* 'свободный', *төлкө* 'лиса', *талкыу* 'мять', *йылкы* 'лошади', *ялкын* 'пламя', *күркә* 'индюк', *алтын* 'золото', *бүлкә* 'раздел', *ялкау* 'лентяй', *йолк* 'сорвать', *карта* 'кишка', *урта* 'средний', *буртә* 'карий', *көйәнтә* 'коромысло', *йөнтәс* 'волосатый', *толпар* 'пегас', *өлкәр* 'Малая медведица', *һулһән* 'медленный', *һурпа* 'бульон', *арпа* 'ячмень', *керпек* 'ресница', *күрпә* 'шуба из шкур овец' и др.;

2) в формантах: *һөр-өнтә* 'пахота', *үр-енте* 'поросль', *куш-ымта* 'добавка', *һығ-ымта* 'заключение', *эл-емтә* 'связь'.

В среднем говоре южного диалекта регулярно выступают глухие *т*, *к*, *к* после сонорных во всех морфемных частях слова, например: *контоз* 'бобер' (лит. *контоз*), *юлташ* 'спутник' (*юлдаш*), *тантыр* 'теплый' (*тандыр*), *ямкыр* 'дождь' (*ямғыр*), *еңкә* 'сноха' (*еңгә*), *дамка* 'знак, тавро' (*тамға*), *урамтан* 'с улицы' (*урамдан*), *таңка* 'к рассвету' (*таңға*), *иртәңке* 'утренний' (*иртәңге*), *туңкан* 'замерз' (*туңған*), *алтым* 'взял' (*алдым*), *уңты* 'уродился' (*уңды*), *тамты* 'капнул' (*тамды*), *антай* 'такой' (*ундай*), *ул та һин тә* 'я он и ты', *барғандыр* 'может быть ходил' (*барғандыр*), *һин кенә* 'только ты' (*һин генә*), *язған жына* 'ну и написал' (*язған ғына*).

МЕТАТЕЗА

Взаимное перемещение звуков в составе ряда слов на ассимилятивной и диссимилятивной основе более всего характерно для согласных. Явления метатезы обнаруживаются обычно при сравнении исторических, территориальных и других вариантов слов, например:

1) смежная метатеза: *тирбәл* — *тибрәл* 'колебаться', *темекһен* — *темекһен* 'рыскать', *ажһа* — *аска* 'хромать', *ышкы* — *ыкшы* 'тереть';

2) метатеза на расстоянии: *кымырһа* — *кырмыһа* 'муравей', *боларт* — *боралт* 'вносить беспорядок', *илгәзәк* — *изгәзәк* 'ласковый', *һығғыр* — *һыйғыр* 'длинный (о дереве)', *балауыз* — *базауыл* 'воск'.

Могут перемещаться гласные и согласные, а также части слов: *ярлыка* — *ярлыкка* 'прощать', *алдығызмы* — *алдымығыз* (сев.-вост. говоры) 'взяли ли вы'.

СЛОГ И СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Слово распадается на столько слогов, сколько гласных звуков в нем представлено. Каждый слог включает в себя один гласный. Являясь обязательным конституирующим элементом слога, гласный звук составляет его вершину независимо от состава и качества входящих в него согласных и своего местоположения в слого.

Слог может состоять и из одного гласного. Но чаще всего он включает в себя, кроме гласного, от одного до четырех согласных, расположенных в строго определенной последовательности, обусловленной правилами сочетаемости согласных в пределах слога.

По фонемному составу различаются следующие структурные типы слогов, характерные для башкирского и других тюркских языков.

1. Одна гласная (Г): *а-як* 'нога', *э-се* 'кислый', *ы-шык* 'укрытое, защищенное место', *эйэк* 'подбородок', *о-йок* 'чулок', *ө-рө* 'навар', *у-сак* 'осина', *у-зэн* 'долина', *и-ген* 'хлеб, злаки'. Этот тип слога, представленный всеми девятью исконными башкирскими гласными, чаще всего наблюдается в начале двусложных и многосложных тюркских слов. В немногих иноязычных именах он может быть, однако, в конце и в середине слова, не нарушая его границы, т. е. не образуя дифтонга: *киэ-фэт* 'облик', *тэрби-э* 'воспитание, уход'. Самостоятельную морфему представляет собой данный тип слога лишь в междометиях *э!* 'а! и!' (первое означает догадку, второе — удивление, изумление) и в противительном союзе *э*. Кроме того, в качестве условной корневой морфемы данный тип слога используется в названиях гласных букв.

Рассматриваемый тип слога, представленный главным образом в начале исконно тюркских слов и в середине имен арабского происхождения, характеризуется устойчивостью независимо от последующей их агглютинации. Лишь в конце имен арабского происхождения при их осложнении аффиксами с начальным согласным он деформируется: *Фэни-э* — *Фэни-э+н* > *Фэни-эн* 'твоя Фания'.

2. Согласная и гласная (СГ): *ал-ты* 'шесть', *ба-ла* 'ребенок', *кэ-мэ* 'лодка', *ко-ро* 'сухой', *сө-сө* 'пресный', *бы-уа* 'пруд', *ке-ше* 'человек', *бу-ға* 'бык', *ту-бэ* 'вершина, холм, крыша, кровля', *ти-ре* 'шкура'. Это один из наиболее распространенных типов слогов, характеризующийся прежде всего позиционной незакрепленностью и стабильностью своей структуры, исключая конечную позицию в немногих корневых морфемах и некоторых словоформ, где он деформируется при их наращении аффиксом с начальным гласным (ср. *ка-ра-* 'смотри', *ка-ра-й* > *ка-рай* 'смотрит', *бар-ма-й* > *бар-май* 'не ходит').

Данный структурный тип слога, как и предыдущий, крайне редко совпадает со структурой корневой морфемы; *ти-* 'сказать', *мэ!* 'на!' *йэ!* 'ну! ну-ка!', *йэ* (союз) 'или, либо'. Зато он часто представляет собой аффиксальную морфему: *ал-ма* 'не бери', *ал-ды* 'взял', *без-зэ* 'у нас', *без-зе* 'нас', *без-гэ* 'нам'. Тем не менее чаще всего он встречается не в конце, а в начале и в середине словоформы, в том числе в начале неодносложных корней. Согласные в интервокальном положении, представляющем наиболее типичные условия их реализации в инлауте тюркского слова, при слогоделении обязательно тяготеют к последующему гласному. Этим объясняется высокая употребительность описанного типа слога в середине слова, тем более, что в башкирском языке исключено непосредственное сочетание двух гласных подряд не только в пределах слога, но и на стыке слогов.

Как и в остальных тюркских языках, оба рассмотренных типа открытого слога широко представлены в начале исконно тюркских слов, в том числе и в корневых морфемах.

3. Гласная и согласная (ГС) — кратчайший тип закрытого слога, характеризующийся позиционной закрепленностью, представлен значительным числом односложных исконных корней типа *аж* 'белый', *ай* 'луна', *ал-* 'брат', *аң* 'сознание', *ат-* 'стрелять, кидать, бросать', *ат* 'имя', *ат* 'лошадь', *аш* 'пища, суп', *ит* 'мясо', *ил* 'страна', *ил* 'лекарство', *ин-* 'войти', *ир* 'мужчина', *иç* 'чувство, сознание', *иш* 'пара, ровня', *он* 'мука', *ой* 'дом', *өң* 'берлога', *он* 'звук', *өс* 'три', *ут* 'огонь', *үз* 'свой', *ул-* 'умирать', *үң* 'эмаль', *үн-* 'целовать', *ут* 'желчь', *ус* 'месть', *эз* 'след', *эс* 'живот', *эт* 'собака', *зи* 'работа', *эз* 'мало' и в начале многих двусложных и многосложных слов типа *инде* 'теперь', *иңкеш* 'пчель', *урта* 'середина', *иçке* 'старый', *иртә* 'рано, утро', *иркә* 'изпеженный', *өлгө* 'пример, образец, модель', *өлгөр* 'проворный, ловкий'.

В остальных позициях этот тип слога не может быть представлен. К тому же он, как и всякий закрытый слог, в односложных корнях при их осложнении аффиксом с начальным гласным неизбежно деформируется — конечная согласная переходит в состав последующего слога, превращая тем самым закрытый слог в открытый: *ат* 'лошадь', — *а-ты* 'его, ее лошадь', *ал-* 'брат' — *а-ла* 'берет', *ак* 'белый' — *а-тырак* 'белее', *эз* 'мало' — *э-зәрәк* 'меньше'. Структура данного типа слога стабильна лишь в единичных морфологически неизменяемых корневых морфемах типа *эй!* 'эй! уф! ох!', *аһ!* 'эх!, ох!'

4. Гласная, сонант и шумная глухая согласная (ГСС) — сравнительно редкий морфологически строго ограниченный тип закрытого слога (предполагает сочетаемость исключительно названных двух типов согласных), закрепленный за немногими корневыми морфемами типа *арт* 'задний, тыл, задняя сторона', *ант* 'клятва', *эйт-* 'сказать', *илт-* 'доставить (туда)', *ирк* 'свобода', *орк-* 'встрепануться, шарахнуться в сторону, испугавшись (о животных, обычно о лошади)', *урт* 'десна, мышцы щеки, примыкающие к десне', *урт* 'пал', при осложнении которых соответствующими аффиксами деформируется, превращаясь в предыдущий тип закрытого слога (ср. *арт* 'задняя сторона' — *ар-ты* 'его, ее задняя сторона', *эйт-* — *эйт-тә* 'он говорит', *илт-* 'доставлять' — *ил-теп бир* 'доставь туда и вручи').

5. Согласная, гласная, согласная (СГС) — один из наиболее распространенных типов закрытого слога, структурно совпадающий с самым значительным числом корневых морфем типа *баш* 'голова', *бар* 'есть', *бир-* 'дай', *бер* 'один'. Характеризуется позиционной незакрепленностью. В конце слова при его осложнении аффиксом с начальным гласным деформируется: *биш* 'пять' — *би-шен-се* 'пятый', *кил-* 'приходить' — *ки-лә* 'он, она приходит', *бар-мак* 'палец' — *бар-ма-тым* 'мой палец'.

6. Согласная, гласная, сонант и глухая согласная (СГСС) — один из редко встречающихся типов закрытого слога, в котором представлены немногие корни: *бирт-* 'повредить что-л.', *бурк* 'шапка', *бурт-* 'набухать', *дурт* 'четыре', *дәрт* 'душевный подъем', *жарт* 'старый', *корт* 'сугроб', *кайт-* 'возвращаться', *жорт* 'червь, пчела', *курк-* 'испугаться', *кырк* 'сорок', *мурт* 'хрупкий', *мәрт* 'летаргия', *тарт-* 'тянуть', *төрт-* 'тыкать', *һырт* 'спина', *һорт-* 'вытереть' и довольно многочисленный состав звукоподражательных слов типа *шарт* 'трах', *гөрç* 'бух' и некоторые образоподражательные слова подобно *йалт-йолт* 'сверкая'. Включая в себя конечные согласные строго определенного характера, этот тип слога позиционно закреплен в корневых морфемах. При их осложнении аффиксом с начальным гласным он деформируется — замыкающая его согласная переходит в последующий слог: *дурт* 'четыре' — *дур-те* 'четвертое число', *төрт-* 'тыкать' — *төрт-тә* 'тыкает'.

Таким образом, структурной устойчивостью характеризуются в башкирском языке лишь открытые слоги. Все типы закрытых слогов в процессе агглютинации преобразуют свою структуру как в односложных корнях, так и в конце двусложных и многосложных слов. Они стабильны лишь в составе морфологически неизменяемых слов, в частности в междометиях, зву-

коподражаниях, образоподражаниях и служебных частях речи, частицах, послелогах, союзах, модальных словах. Таких слов со стабильным составом слоговой структуры в целом не очень много. И, напротив, слова с подвижным слогоделением занимают доминирующее положение. Соответственно возрастает удельный вес производных слогов, возникающих на стыке корневой морфемы и аффикса в результате перехода замыкающего ее согласного в последующий вновь образуемый слог во главе с инициальным гласным аффиксальным. Это касается особенно открытого слога типа СГ (за счет преобразования закрытых слогов типа ГС, ГСС и СГС), получившего в речи самое широкое распространение. Но употребительности за ним следует закрытый слог типа СГС. Самую меньшую сферу распространения имеет закрытый слог типа ГСС. Предпоследнее место по употребительности занимает закрытый слог типа СГСС.

В конце слога допускается сочетаемость двух согласных лишь в случае, если первая из них является сонантом, а вторая глухой (см. п. 4, 6). Во всех остальных случаях смежные согласные внутри слова распределяются по разным слогам: *ал-ма* 'яблоко', *таш-баш* 'пескарь', *кыр-рын* 'мор', *тук-һан* 'девятисто'. При стечении трех согласных на стыке слова и аффикса слоговая граница проходит перед конечным из них: *карт-тар* 'старик', *әйт-тек* 'мы сказали', *кырк-лап* 'около сорока'. В начале слога не допускается стечение двух согласных, исключая лишь окказиональные слоги типа *к(е)ше* 'человек', возникающие в беглой речи в определенных синтаксических позициях.

За последние десятилетия в связи с неуклонным расширением состава заимствований из русского языка по мере массового их освоения в условиях возрастающего двуязычия постепенно стали осваиваться новые структурные типы слогов, ранее подвергавшиеся адаптации в соответствии с описанными основными нормами башкирского слогоделения:

1) согласная, согласная и гласная (ССГ): *шла-гат*, *шли-он*, *ста-нок*;

2) согласная, согласная, гласная и согласная (ССГС): *шкаф*, *срок*, *стаж*, *трак-тор*, *трам-вай*, *шнур*, *шлак*, *клуб*;

3) согласная, согласная, согласная, гласная, согласная (СССГС): *шпрот*, *штраф*.

В иноязычных заимствованиях в конце слога может быть две согласных фонемы, независимо от их качества: *кокс*, *митинг*, *ленинизм*, *акт*, *факт*, *спирт*, *штурм*.

Слогоделение с морфемным членением не совпадает. Поэтому конечные закрытые слоги в иноязычных заимствованиях при их агглютинации деформируются на общих основаниях — замыкающая их согласная переходит в состав вновь образуемого слога во главе с инициальным аффиксальным гласным на общих основаниях: *тракторист* — *тракторист-ы* > *тракторис-ты* 'тракториста' (вин. п.). Закрытые конечные слоги при агглютинации деформируются и в двух других случаях, когда аффикс не имеет аллофона с начальным гласным: 1) из двух одинаковых конечных согласных одна выпадает: *клас-һыз* 'бесклассовый', *грам-ға* 'грамму', *метал-лы* 'содержащий металл', 2) конечные *д* и *т* из звукосочетания *эд*, *ст*, замыкающего иноязычное слово, при агглютинации выпадают: *поез-да* 'в поезде', *халк артист-е* 'народный артист'.

Слоговая структура слова составляет основу его акцентно-ритмического строения, находящегося с ней в единстве и взаимодействии. Слог является предельной составляющей в акцентно-ритмической структуре слова, характеризующейся акситонностью. Слогоделение, сопровождаемое интонационным членением слова по слогам при резком выделении ударного слога в ущерб акцентно-ритмическим характеристикам неударных слогов, сохраняется в любом случае реализации данного слова, хотя в зависимости от его синтаксических позиций общее интонационное соотношение слов внутри синтагмы и предложения и обнаруживает резкие колебания. Акцентно-ритмическое соотношение ударного и неударных слогов, как и вообще их инто-

национная градация, остается при этом неизменным. В зависимости от синтаксической позиции слово в синтагме и предложении меняется лишь количественно: когда слово занимает зависимое синтаксическое положение, его общий интонационный облик резко ослабевает; когда же оно стоит в синтаксически ведущем положении и актуализируется, напротив, получает оптимальную просодическую характеристику, предельно увеличивая свою общую длительность и акустическую четкость. И в том, и в другом случае соблюдается одно и то же общее исходное акцентно-ритмическое соотношение слогов.

Корни преимущественно односложны. Но из них лишь очень немногие функционируют вне сочетания с аффиксами как на уровне лексическом, так и, в особенности, на уровне словоизменительной морфологии. Соответственно даже лексические основы башкирских слов в целом характеризуются многосложностью, не говоря уже об их грамматических формах, особенно глаголы и имена существительные, из которых первые при словоизменении могут получить до пяти и более дополнительных слогов (ср. *эш-ләт-мә-гән-һе-гез* 'вы не заставили работать'). Особенной многосложностью отличаются, естественно, сложные слова, занимающие в башкирской лексике значительное место (1), а также производные лексические единицы, созданные способом редупликации (2). Ср.: 1) *аткош* 'лебедь', *алабалык* 'сиг', *алабуга* 'окунь', *алъяпкыс* 'фартук, передник', *ашказан* 'желудок', *ашъяулык* 'скатерть', *баш-баштаклык* 'самоуправство', *башваткыс* 'головоломка', *башкисәр* 'головорез', *баштубән* 'головой вниз', *гәлйемеш* 'шиповник', *йыланбалык* 'угорь', *карабойзай* 'гречиха', *карағанат* 'подлецник', *кулъяулык* 'носовой платок', *кызылғанат* 'красноперка', *терегөмөш* 'ртуть', *урынбасар* 'заместитель', *улбасар* 'разбойник', 2) *аркыры-торжоро* 'крестнакрест; как поцало', *ашык-бошок* 'наспех, торопливо', *берәм-һарәм* 'порознь', *иске-мошко* 'старье, рухлядь, ветошь, хлам', *кап-кара* 'черный-пречерный', *кып-кызыл* 'красный-красный', *сожор-сажыр* 'ухабистый', *тишек-тошок* 'изрешеченный дырами', *урык-һурык* 'урывками'.

Многосложностью характеризуются также и некоторые производные слова аффиксального происхождения: ср. *баксасылык* 'садоводство', *купселек* 'большинство', *какшаткыс* 'расшатывающий', *котжарыусы* 'спаситель', *тәмһезләндер-* 'обезвкусить, сделать невкусным', где производящая основа обрастает рядом слогов, из односложной лексемы превращается сразу в трехсложное слово (*куп-селек*). При этом обращает на себя внимание наличие целого ряда двусложных деривационных аффиксов: ср. *дүртәү-ләшеп* 'четвером', *кумәк-ләшеп* 'совместно', *йом-оро* 'круглый', *бөк-өрө* 'горбатый', *борол-малы* 'извилистый', *йыйыл-малы* 'складной', *тай-ғалак* 'скользящий', *кой-гәләк* 'беспокойный', где это особенно бросается в глаза при односложных производящих основах-корнях. При аффиксальном способе словообразования иногда происходит сокращение последнего слога двусложной или многосложной производящей основы: ср. *соскәлтәм* 'пресноватый' от *сөсө* 'пресный', *һаргай-* 'желтеть' от *һары* 'желтый'.

Слоговая структура слова, обусловленная составом гласных в нем, находится в тесном взаимодействии с акцентно-ритмическим его строением.

УДАРЕНИЕ

Ударение в башкирском языке, которое принято считать обычно экспираторным¹, по существу является экспираторно-квантативным: оно заключается не только в резком усилении экспирации ударного слога по сравнению с неударным, но и в одновременном увеличении его длительности чуть ли не вдвое, как в этом можно убедиться хотя бы на основании экспериментальных данных².

Ударение падает на последний слог слова и характеризуется подвижностью — при аффиксации последовательно переходит на вновь образующий слог, замыкающий словоформу: *балá* 'ребенок', *балалáр* 'дети', *балаларга* 'детям'.

Исключения.

1. Неподвижное ударение на первом слоге имеют морфологически неизменяемые слова следующего рода:

1) сложные наречия типа *бары бер* 'все равно', *көнө-төнө* 'днем и ночью', *көнө буйы* 'весь день', простые наречия *яңы* 'только что', *тамам* 'окончательно', *хәзер* 'сейчас', *һаман* 'все еще', *күпме* 'сколько ни' и прилагательные, например *барлык* 'весь';

2) вопросительные местоимения *күпме* 'сколько', *кайза* 'где', *кайһы* 'который', *калай* 'как, каким образом', *касан* 'когда', *нисә* 'сколько', *нисек* 'как, каким образом', *ниндәй* 'какой', *нимә* 'что', *кемдәр* 'кто', *кемегез* 'кто из вас' и т. п., а также производные формы, образованные от них типа *кайзан* 'откуда', *кайзағы* 'находящийся где', *кайһыныһы* 'который из них', *касанға* 'на какое время', *касанғы* 'к какому времени относящийся', *касанаң* 'с каких пор', *нисәнсе* 'который по счету', *нисәһе* 'сколько из них', *нисегерәк* 'приблизительно как', *ниндәйерәк* 'какой примерно', *кемдәргә* 'кому', *кемдәрегеҙ* 'кто из вас';

3) союзы *тағы* 'еще', *берсә* 'то', *балки* 'но', *йәғни* 'то есть', *хатта* 'даже', *сөнки* 'потому что', *ләкин* 'но', *гәрсә* 'хотя', *гүйә* 'будто, как будто';

4) усилительная частица *лабаһа* / *ләбаһа* (*дабаһа* / *дәбаһа*, *забаһа* / *зәбаһа*, *табаһа* / *тәбаһа*).

2. На первый слог ударение ставится для придания слову большей выразительности:

1) для усиления значения формы 2-го лица повелительного наклонения: *Баһшала!* 'Начинай!', *Ултырығыз!* 'Садитесь!', *Таһшлагыз!* 'Бросьте!';

2) для выражения перечисления с соответствующей интонацией: а) при счете в двусложных количественных числительных: *бер, ике, өс, дүрт, биш, алты, ете, һигез, түғыз...* 'раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять...'; б) в однородных членах, сопровождаемых обычно обобщающим словом: *бәрәнсе, икенсе, өсөнсә, дүртенсе класс укыусылары* 'ученики первого, второго, третьего, четвертого классов';

3) для усиления значения кратности или длительности действия при повторении спрягаемых форм глагола: *Бөгөлөп, бөгөлөп көлөләр* 'Сильно (букв.: то и дело пагибаясь) смеются'; *Укыным, укыным, бер нәмә лә аңламаным* 'Я читал, читал, но ничего не понял'; *Эзләнем, эзләнем, ләкин таба алманым* 'Я искал, искал, но не нашел'.

3. Неподвижное ударение на предпоследнем слоге имеют:

1) производные наречия на *-са/-сә* и *-дай/-дәй*, *-тай/-тәй*, *-зай/-зәй*, *-лай/-ләй*: *башкортса* 'по-башкирски', *ауылса* 'по-деревенски', *әүлгесә* 'по-прежнему', *буреләй* 'как волк', *аттай* 'как лошадь';

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 40; Киекбаев Ж. Ф. Башкорт өзәби теленең дәрәҗә әйтепеше. Өфө, 1964, с. 62.

² Шараф Г. Соворная длительность татарских гласных. — Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928, № 8, с. 201—227.

2) производные прилагательные-исологизмы на *-ик*, образуемые от иноязычных основ путем отсечения их окончаний и аффиксации: *социалистик* 'социалистический', *практик* 'практический', *экономик* 'экономический'.

4. Неподвижное ударение не на последнем слогe сохраняют вновь освоенные заимствования из русского языка независимо от возможности расширения состава их слогов за счет аффиксации: *газэ́та* — *газэ́тала* 'в газете', *ра́дио* — *ра́дионап* 'по радио', *тра́ктор* — *тра́кторзар* 'трактора'. Из ранее освоенных иноязычных заимствований этим свойством обладают лишь отдельные фарсизмы типа *һэммэ* 'весь' (ср. *һэммәһе* 'каждый', *һэммәгез* 'каждый из вас', *һэммәбез* 'каждый из нас').

5. Неподвижное ударение на последнем слогe своего первого компонента имеют двухкомпонентные слова и грамматические формы с полуслитным написанием:

1) все типы повторов со стабильной слоговой структурой: а) звукоподражания и образоподражания типа *шау-шыу* 'галдеж, шум, гам', *шылыр-шылыр* (*аһ-*) '(течь) журча', *шыптыр-шыптыр* 'шурша, шелестя', *ялт-йолт* 'сверкая с переливами'; б) наречия и прилагательные, образованные путем простой или морфологизированной и морфонологизированной редупликации типа *илке-һалкы* 'лениво', *урык-һурык* 'урывками', *аңда-һаңда* 'там-сям', *аз-маз* 'понемногу, мало-помалу', *урыплы-урыпһыз* 'невпопад', *күзмә-күз* 'не взирая ни на что', *көпә-көндөз* 'среди белого дня', *түмер-түмергә* 'во веки веков', *борон-борондан* 'издавна, издревле, испокон веков', *туйыр-туймас* 'ни сыт, ни голоден, недоедая', *ашар-ашамас* 'есть, едва прикасаясь к пище', *эсер-эсмәс* 'нить, едва пригубивая', *ашык-бошож* 'наспех, торопливо, кос-как', *арҗыры-торҗоро* 'крест-накрест, вкось и вкривь', *берәм-һәрәм* 'порознь, поодиночке, по одному', *борма-борма* 'изгибами, изгибистый', *буй-буй* 'полосатый, в полоску', *тишек-тошок* 'дырявый, ветхий', *булыр-булмаҫ* 'сомнительный'; в) формы интенсификации прилагательных, представляющие редупликацию первого их слога с вставкой структурной морфемы *n, m*: *кып-кызыл* 'красный-красный', *һап-һара* 'черный-пречерный', *йәм-йәшел* 'зеленый-презеленый'; г) редулицированные формы деепричастия на *-а/-ә/-й*: *ашыга-ашыга* 'торопясь', *эшләй-эшләй* 'работая', д) синтаксический интенсификатор прилагательных типа *оло-оло* (*өйзәр*) 'большие-большие (дома)';

2) копулятивные сложные слова: а) деепричастия с полуслитным написанием их компонентов типа *йөгорә-атлай* 'почти бегом', *бата-сума* 'погружаясь', *этеп-төртөп* 'расталкивая', *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом'; б) наречия и прилагательные типа *аллы-артлы* 'гуськом', *арлы-бирле* 'туда-сюда', *аллы-гөллө* 'цветастый', *бөтмәс-төкәнмәс* 'нескончаемый', *эзме-күпме* 'более или менее'.

6. В своей словарной (нулевой) форме ударение на последнем слогe первого компонента имеют также и следующие типы двухкомпонентных слов, в которых, однако, оно на общих основаниях переносится на последний слог при увеличении состава слогов в результате аффиксации:

1) копулятивные сложные существительные с полуслитным написанием их компонентов, именуемые обычно парными словами: *ағай-эне* 'родня', *азык-түлек* 'провизия, еда (всякая)', *алым-һалым* 'налоги', *атай-эсәй* 'родители', *бала-саға* 'детвора', *бәлә-һаза* 'бедствие', *һатын-һыз* 'женщины';

2) существительные с собирательным ироническим значением, образованные путем морфонологизированной редупликации с полуслитным написанием их компонентов: *аһһак-тукһак* 'разные хромяе', *һарт-һоро* 'старикае всякие', *һарсык-һорсок* 'старухи всякие', *һалай-һалай* 'мальчишки', *һожор-һажыр* 'рытвины и ухабы', *һимер-һомор* 'железные изделия всякие';

3) сложные существительные: а) в основе которых лежит сочетание прямого дополнения с глаголом: *һөзәтһис* 'ледокол', *һалһасар* 'разбойник', *һурыпһасар* 'заместитель'; б) первый компонент которых выражен количественным определением: *һиһбарһак* — название национального блюда, *һөһөйөһ* 'треугольник', *һурыпһөһ* 'многоугольник' (но: *һурыпһөһ* 'мокрица');

в) второй компонент которых представляет архаичную форму имени действия на *-ыш/-еш*: *консыгыш* 'восток', *конбайыш* 'запад', *конбагыш* 'подсолнух';

4) значительная часть определительных сложных существительных типа *билбау* 'кушак', *ташаяк* 'глиняная посуда', *алабалык* 'сиг', структурно организованные по образцу слов типа *табагас* 'сковородник'; *акһакал* 'аксакал', *акжош* 'лебедь', *гөлийемеш* 'шиповник', имеющих ударение на последнем слоге на общих основаниях.

7. Всегда безударны: 1) аффиксы сказуемости, при наличии которых имя сохраняет свое исходное ударение: а) на последнем слоге: *языусымын* 'я писатель', *бахетләнең* 'ты счастлив', *танышыгыз* 'вы знакомы', *укытыусыбыз/укытыусыларбыз* 'мы учителя', б) не на последнем слоге: *урьинбасарһыгыз* 'вы заместитель', *акһакалһыгыз* 'вы аксакалы', *клубасарһың* 'ты разбойник';

2) аффиксы категории лица при спрягаемых формах глагола, замыкающие его словоформу и занимающие заударное положение: *барғанһың* 'ты ходил', *йоклаганмын* 'я оказывается спал', *укыныгыз* 'вы читали', *барасакһыгыз* 'вы пойдете', *барырмын* 'я пойду', *килһәгез* 'если придете';

3) заударные деепричастные аффиксы (*-ғансы/-гәнсе*, *-қансы/-кәнсе* и *-ғанса/-гәнсә*, *-қанса/-кәнсә*), выражающие ограничительное предшествование или сравнение (первый) и образ действия с элементами сравнения (второй), замыкающие словоформу глагола: *туйғансы* (*-аша-*) '(есть) досыта', (*мин*) *әйткәнсә* (*әшлә*) '(работай) так, как это предложил (я)';

4) заударные аффиксы повелительного (*-һың/-һең*, *-һындар/-һендәр*, *-ыгыз/-егез*) и желательного (*-йым/-йем*, *-айым/-әйем*; *-йык/-йек*, *-айык/-әйек*) наклонений, замыкающие словоформу глагола: *укыһын* 'пусть читает', *караһындар* 'пусть посмотрят', *барыгыз* 'идите', *башлайым* 'начну-ка', *барайык* 'пойдемте-ка', 'давайте пойдем';

5) заударный отрицательный афф. *-ма/-мә*, после которого могут быть аффиксы с гласными, в других случаях несущие с собой ударение: *укыма* 'не читай', *укыманык* 'мы не читали', *тыңламағанһыгыз* 'вы не слушали', *килмәһәгез* 'если не придете'.

Односложные знаменательные слова по ударению приравниваются к ударному слогу двусложных и многосложных слов.

Ударный и неударный слоги слова просодически поляризованы.

На первом слоге многосложных словоформ, особенно открытом, проследживается второстепенное ударение³; *ба-ла-лар-зы-кы* 'принадлежащий детям', *а-сык-кап-лык-тан* 'из-за голода'.

Безударные слоги многосложного слова имеют восходящую просодическую градацию, в том числе и по длительности произношения. По мере удаления от места ударения они получают все менее четкую просодическую характеристику, исключая лишь первый слог со второстепенным ударением. В этом отношении особняком стоят сложные слова и повторы, в которых ударение падает на последний слог их первого компонента: последний слог второго их компонента имеет второстепенное ударение, просодически мало чем отличающее его от неударного слога первого компонента; неударный же слог второго компонента имеет самую минимальную просодическую характеристику. Ср. *ка-ра-гус-кыл* 'темного оттенка', *кап-ма-кар-шы* 'полярно противоположный', *йәшел-зәңгәр* 'медный купорос'. С точки зрения акцентно-ритмической все эти и сходные слова обнаруживают полный изоморфизм с синтагмой, включающей в себя синтаксически ведущее и зависимое слово, в частности сочетание знаменательного слова с двусложным последологом или частицей: ср. *һинең өсөн* 'ради тебя', *килдә ләбаһа* 'пришел же'.

В сложных глагольных формах с отдельным написанием компонентов наблюдается такое же акцентно-ритмическое строение: *бара инем* 'я шел; пошел бы', *барғайным* 'я ходил', *бара торғайнык* 'мы бывало ходили'.

В сложных словах и повторах с ударением на конечном их слоге второстепенное ударение возникает на последнем слоге первого их компонента:

³ Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 41.

егерме биш 'двадцать пять', *алабуға* 'окунь'. В этом случае минимальную просодическую характеристику получает неударный слог первого компонента. Ударный же его слог приравнивается в этом отношении к неударному слогу второго компонента, несущего в себе словесное ударение.

Данный тип акцентологии в свою очередь находит полный изоморфизм с интонационной иерархией, характерной для двухкомпонентных определительных словосочетаний с окситонным выделением ударного слога определяемого слова. Интонационное соотношение компонентов сложных слов, аналитических грамматических форм и повторов, как и вообще неударных слогов тюркской многосложной словоформы во многом являет собой своеобразную сложную систему, не отраженную в существующей специальной литературе.

Централизующее ударение, которое падает на один из компонентов сложного слова, влияет на интонационную природу другого компонента по-разному, в зависимости от общего числа слогов сложного слова и характера фонем на стыке слагаемых компонентов. Так, односложные производящие основы, расположенные перед компонентом, который несет с собой централизующее ударение, обычно сливаются с ним таким образом, что сложное слово в принципе ничем не отличается с точки зрения своей интонации от «простого» двусложного или многосложного слова, особенно если на стыке компонентов возникают благоприятные морфонологические условия для их интонационного слияния в единое слово, в частности сочетание гласного с согласным или наоборот, сочетание сонорного согласного с шумным согласным и т. п.: *Ағизел* 'Белая' (название реки), *аръяк* 'та, противоположная сторона', *алъянҡыс* 'фартук', *ашъяулык* 'скатерть', *берауык* 'немного, некоторое время', *бербыуыи* (мат.) 'одночлен', *бергауым* 'немного, несколько', *бөгөн* 'сегодня', *бийыл* 'в этом году', *зурат* 'продолговатая большая копна снопов в поле', *елгыуар* 'ветрогон', *уз-ара* 'между собой, обоюднo', *үзйөрөшлө* 'самоходный', *кулбаш* 'плечo', *кушаға* 'собрat, приятель'. Лишь при появлении на стыке компонентов сложного слова необычного сочетания согласных типа *арт һан* 'задняя часть' (туши), *башҡоҙа* 'главный сват', *ташбаш* 'пескарь' ощущается заметная пауза между двумя производящими основами.

Двусложные и многосложные производящие основы под влиянием централизующего ударения, падающего на другую производящую основу, резко сокращают свою длительность, сохраняя, однако, свое обычное интонационное членение (1), но при наличии названного рода благоприятных фонеморфологических условий и в данном случае нередко наблюдается интонационное слияние компонентов (2): 1) *ташбака* 'черепаха', *коштабак* 'деревянная миска', *азыҡтамыр* 'корнеплод', 2) *алмағас* 'яблоня', *Каризел* 'название реки', *алабуға* 'лебедя', *табағас* 'сковородник'.

Описанное интонационное соотношение компонентов обнаруживают и аналитические формы: ср. *кылә инек* 'мы шли (скуда)', *алыр инеж* 'я бы взял', *кайтаны ине өйгә* 'вернуться бы домой'.

Производные слова и формы слов, образованные способом редупликации, обычно имеют централизующее ударение на первом компоненте, при этом другой компонент неизменно сохраняет свое интонационное членение по слогам и отграничивается от первого ударного компонента заметной паузой. Такое своеобразие интонационного рисунка вызвано, очевидно, фонеморфологическим противопоставлением ведущего компонента другому компоненту: ср. *аппак* 'белый-пребелый', *йәм-йәшел* 'зеленый-презеленый', *тимер-томор* 'всякие железные изделия', *аз-маз* 'понемногу, мало-по-малу', *ажһак-тукһак* 'всякие хромые и другие калски', *берәм-һәрәм* 'порознь', *тишек-тошок* 'дырявый, ветхий'.

В зависимости от синтаксической роли слова его ударный слог может стать носителем логического ударения в рамках предложения или словосочетания: *Мин бәрманым ул көндө* 'В тот день я не ходил', *ситтән өсөнсө* 'третий с краю'.

БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ И ОРФОГРАФИЯ

Письменность башкир до 1930 г. основывалась на арабском алфавите, который в 1930 г. был заменен латинским, а с 1940 г. — русским, дополненным буквами *ґ, ж, ҙ, ҫ, һ, ң, о, у, э* для обозначения специфических башкирских фонем.

СОВРЕМЕННЫЙ БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ

Таблица 3

Буквы	Название букв	Буквы	Название букв	Буквы	Название букв	Буквы	Название букв
А а	а	Й й	кыҫка «и»	Р р	эр	Шш	ша
Б б	бә	К к	ка	С с	эс	Щщ	ща
В в	вә	Ҙ Ҙ	кы	Ҙ Ҙ	җә	Ъъ	калышлык
Г г	гә	Л л	эль	Т т	тә		билдәһе
Ғ ғ	ғы	М м	эм	У у	у	Ыы	ы
Д д	дә			Ү ү	ү	Ьь	йомшаклык
З ҙ	ҙе	Н н	эн	Ф ф	эф		билдәһе
Ё ё	е	Ң ң	эң	Х х	ха	Әә	ә
Ё ё	ё	О о	о	Һ һ	һа	Өө	ө
Ж ж	жә	Ө ө	ө	Ц ц	цә	Юю	ю
З з	зә	П п	пә	Ч ч	чә	Яя	я
И и	и						

Буквы *ё, ц, щ* употребляются лишь в заимствованиях из русского языка в соответствии с нормами русской орфографии.

Буквами *а, б, ҙ, ж, з, и, й, к, л, м, н, ң, п, р, с, ҫ, т, ф, х, һ, ч, ш, э* обозначаются строго определенные отдельные фонемы (в этом случае в основе правописания лежит последовательно проводимый фонологический принцип). Буквы *б, г, ғ* также соотносятся с определенными фонемами: *бабай* 'дед', *гол* 'цветы (комнатные)', *ағас* 'дерево'. Но они используются и для обозначения звонких аллофонов соответствующих конечных корневых глухих согласных: *шәп* 'хорошо, быстро' — *шәб-ерәк* 'лучше, быстрее', *түк-* 'вылить' — *түк-ел-* 'вылиться', *ак* 'белый' — *ағ-ырак* 'белее'. Отражая, таким образом, фонетическое совпадение фонемы с аллофоном другой фонемы, правописание в данном случае строится на чисто фонетическом принципе — за буквой в конечном итоге оказывается закрепленным определенный звук, а не фонема. Буква оказывается однозначной лишь на фонетическом уровне и двужаночной на фонологическом.

Буквами *е, е, о, у, ү, э, ы, ю, я* обозначаются две разные фонемы, отнюдь не совпадающие также и на фонетическом уровне.

в в анлауте исконно башкирских слов обозначает губно-губной среднеязычный веларный (*вак* 'мелкий') или палатальный (*вәғәзә* 'обещание') сонант, передаваемый в других позициях соответственно буквами *у* и *ү* (*кауыл*

'дыня', *кеужек* 'подобно, похоже', *арыу* 'сносный', неплохой', *килеу* 'приход, прибытие'), а в заимствованиях соответствует русск. *в* (*вагон, Волга*).

е в анлауте исконно башкирских слов обозначает йотированное сочетание *й+е* (*ел* 'ветер'), в остальных позициях — полуузкий передний неогубленный краткий гласный (*кеше* 'человек'), передаваемый в анлауте буквой *э* (*эш* 'работа'), исключая русские заимствования, где соответствует русск. *е* (*кремль, орден*).

о обозначает в исконно башкирских словах слабоогубленный полуширокий гласный заднего ряда (*оло* 'большой'), а в русских заимствованиях русск. *о* (*колхоз, комсомол*).

у в интервокальном положении и в ауслауте после *а, ы* и *о* соответствует губно-губному среднеязычному веллярному сонанту (*һауа* 'воздух', *азау теш* 'коренной зуб', *байы-* 'богатеть', *ос-* 'летать'), в остальных позициях обозначает полуузкий слабоогубленный гласный заднего ряда (*ут* 'огонь', *туң* 'мерзлый').

ү в интервокальном положении и в ауслауте после *э, ө*, и *е* соответствует палатальному варианту губно-губного среднеязычного сонанта (*сеү* 'тише, перестань', *сеүэтэ* 'деревянная чаша'), в остальных позициях обозначает слабоогубленный гласный переднего ряда (*ус* 'месть', *күз* 'глаз').

э в анлауте исконно башкирских слов обозначает негубной полуузкий краткий гласный переднего ряда, который в середине и конце слова передается буквой *е* (*эре*), а в заимствованиях из русского языка сохраняет свое исконное значение (*жэамен, электр, электричество*).

ы обозначает в исконно башкирских словах полуузкий негубной краткий гласный заднего ряда (*ырзын* 'гумно', *асы* 'кислый'), а в русских заимствованиях сохраняет свое исходное значение, но воспринимается и произносится как сочетание башкирского гласного *ы* с последующим *й* (пишется: *музыка*, произносится: *музыйка / музыйки*).

ю в зависимости от сингармонизма обозначает либо *й+у* (*юк* 'пег'), либо *й+ү* (*юкэ* 'липа'). В исконно башкирских словах и словоформах *ю* употребляется, как правило, в первом из этих двух значений; в заимствованиях из русского языка применяется в соответствии с русским правописанием (*июль, июнь, юбилей*).

я обычно обозначает *й+а* (*ял* 'грива', *таяк* 'палка', *картаямын* 'старую'), и лишь в иноязычных заимствованиях типа *ясле* 'ясли', *Суфия* (жен. имя) соответствует йотированному сочетанию *й+э*.

Не однозначны по своему употреблению мягкий (*ь*) и твердый (*ъ*) знаки. Они выполняют три функции: 1) в заимствованиях из русского языка используются по своему исконному назначению в соответствии с нормами русского правописания: *большевик, адъютант*; 2) после конечного согласного первого компонента сложного слова перед йотированным гласным *я* второго его компонента выполняют разделительную функцию — отграничивают чаще всего сингармонически разные компоненты друг от друга: *алъяпкыс* 'фартук', *ашъяулык* 'скатерть', *жульязма* 'рукопись', *көнъяк* 'юг', *төнъяк* 'север'; 3) в арабизмах *тэьмин* 'снабжение', *тэьсир* 'влияние', *Мэьмүнэ* (жен. имя), *Мэьминэ* (жен. имя), и отдельных словах звукоподражательного происхождения типа *маъмай* 'собака' (в языке детей), *мэьелдэ-* 'блеять' обозначают гортанную смычку-отступ (гамзу) после первого открытого слога, четко отграничивая его от последующего слога (например, *мэьсэлэ* 'задача, проблема', где такой смычки нет и мягкий знак применяется по старой орфографической традиции для графического выделения гамзы).

ХАРАКТЕР И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПИСЬМА

В 1940—1941 гг. на основании указа Президиума Верховного Совета Башкирской АССР от 23 ноября 1939 г. одновременно с новым алфавитом был введен в обиход свод правил правописания¹, который впоследствии был

¹ Башкорт ғәзәби теленәң алфавиты һәм орфографияһы. Яуаплы ред. Т. Ғ. Баишев. Өфө, 1940.

постепенно расширен и уточнен с учетом сложившейся практики башкирского правописания².

Современная башкирская орфография в целом основана на небольшом исключении на фонетическом принципе, максимально сближающем ее с давно установившимися нормами литературного произношения³. Это обеспечивает сравнительно точное и легко доступное усвоению отражение фонематической системы башкирского языка, поскольку почти за каждой фонемой закреплена отдельная буква, последовательно выражающая все разновидности ее реализации.

Отклонений от фонетического принципа письма в целом немного, и они касаются главным образом вновь освоенного большого пласта заимствований из русского языка, которые, в отличие от старых заимствований, претерпевших фонетическую адаптацию, пишутся в соответствии с нормами русской орфографии. Исключения же применительно к исконно башкирским словам сводятся в основном к следующему.

1. Прогрессивная и регрессивная ассимиляция согласных, довольно часто наблюдаемая в потоке речи на стыке двух слов в рамках одной синтагмы, на письме не отражается: *көн буйы* (> *көм буйы*) 'целый день, в течение всего дня', *ун биш* (> *ум биш*) 'пятнадцать', *ете кеше* (> *ете кеше*) 'семь человек'.

2. Элизия гласных на стыке слов в потоке речи, объединенных интонационно в одну синтагму-словосочетание, на письме тоже не обозначается: *кара урман* (> *карурман*) 'дремучий лес', *коро утын* (> *корутын*) 'сухие дрова'. На стыке компонентов сложных слов, где элизия носит необратимый характер, она обозначается по фонетическому (а не фонологическому) принципу: *олатай* (< *оло атай*) 'дед', *олэсэй* (< *оло эсэй*) 'бабушка', *алмағас* (< *алма ағас*) 'яблоня', *жушамат* (< *жушама ат*) 'прозвище', *иртук* (< *иртэ ук*) 'спозаранку'.

3. Переход конечного *в* в *ф* на письме не обозначается: *Якупов* (> *Якупоф*), *Аюпов* (> *Аюпоф*).

4. В ряде корневых морфем типа *бур(е)к* 'шапка', *кыр(ы)к* 'сорок', *ир(е)к* 'свобода', *мил(е)к* 'имущество', *хал(ы)к* 'народ', *хол(о)к* 'нрав, характер' редуцированные гласные *ы, е, о, ө* после сонантов *р, м, н, ң, л* не пишутся⁴, в то время как в сходных остальных фонематических условиях они последовательно обозначаются (ср. *бигерэк* 'особенно', *урыны* 'его место'). В настоящее время эти правила пересматриваются.

5. Позиционные модификации фонем /и/, /б/ и др., граничащие с переходом в другие звуки (ср. *бабай* > *бауай* 'дед', *Ғали* > *Ғалий*, *эзэби* > *эзэбий* 'литературный') в правописании не отражаются.

Почти во всех перечисленных случаях правописание строится на фонологическом принципе.

Правописание гласных производится в соответствии с законами сингармонизма, исключая лишь иноязычные и сложные слова типа *китап* 'книга', *кино*, *билбау* 'кушак', *Ағизел* 'Белая', в которых этот закон не соблюдается. Аффиксальные гласные в этом последнем случае уподобляются конечному гласному основы: *китабым* 'моя книга', *киноға* 'в кино', *билбауым* 'мой кушак', *партиялы* 'партийный', *Ғалигә* 'Галии' (дат. п.). В однословных иноязычных словах типа *литр* с гласным переднего ряда характер

² Башкорт эзэби теленең алфавите һәм орфографияһы. Өфө, 1951. — Существующая практика башкирского правописания наиболее полно отражена в орфографическом словаре К. З. Ахмерова, к которому приложен самый полный свод правил, разработанный во многом автором этого словаря (Әлмәр К. Башкорт эзэби теленең орфография һүзлеге. М., 1952, с. 9—37).

³ Кисебаев Ж. Ғ. Башкорт эзэби теленең дорос эйтелеше. Өфө, 1964; *Он же*. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958.

⁴ При наращении аффиксов с начальным согласным в указанных словах происходит стечение трех согласных (ср. *халкка* 'народу', *журкты* 'он испугался', *ирктә* 'на свободе'), что мало свойственно башкирскому языку и отрицательно сказывается на стихосложении.

аффиксального гласного обуславливается природой конечного согласного по признаку твердости/мягкости, но в целом здесь, как правило, пишутся гласные заднего ряда: *тип-тар* 'типы', *цифр-лы* 'содержащий цифры'.

Правописание не отражает варьирование согласных по законам сингармонизма. Исключение составляет лишь губно-губная сонорная фонема /ʏ/, которая в начале слова в обоих сингармонических вариантах обозначается буквой *ө* (*вак* 'мелкий', *вағэзэ* 'обещание'), в инлауте и ауслауте в велярном варианте передается буквой *у*, а в палатальном сингармоническом варианте — буквой *ү* (*тауык* 'курица', *кеүек* 'подобно, наподобие', *бау* 'веревка', *тәу* 'первый').

Исконно башкирские многосложные слова и производные словоформы с *о* и *ө* в первом слоге пишутся с соблюдением закона губной гармонии гласных (1), который в последующих слогах нарушается лишь после *а*, *э*, *у*, *ү* (2): 1) *тормош-о-боҙ-зоң* 'нашей жизни', *көмөш-өм* 'мое серебро', *йөр-ө-нө-м* 'я ходил', 2) *йөрөмә-нем* 'я не ходил', *колағым* 'мое ухо', *осоу-сы* 'летчик', *көтөү-се* 'пастух', *бетә-без* 'мы все'.

Как и в русских заимствованиях, фонема /й/ в сочетании с последующим гласным *у* и *а* в башкирских словах и производных словоформах передается соответственно через *ю* и *я*: *юл* 'дорога', *яз* 'весна', *таяк* 'палка', *бармаясак* 'не пойдет'. Сочетание *й* с *е* пишется через *е* лишь в начале башкирских слов: *йеләк* > *еләк* 'ягода', *йете* > *ете* 'семь'; в середине и в конце слова и производной словоформы оно передается аналитически: *кейем* 'одежда', *әйе* 'да'.

Иноязычные заимствования, освоённые в общенародном языке до установления современной литературной нормы, пишутся в адаптированной форме, характерной для разговорного языка. В соответствии с установившимся в целом единообразным произношением правописание старых заимствований из русского языка отражает, в частности: 1) нарушение слоговой структуры слова: а) добавление протетического гласного перед звукосочетанием *ск*, *ст*, *шт*, *см* в начале слова: *өстәл* 'стол', *әскерт* 'скирда', *ыштан* 'штаны', *ысмала* 'смола', б) вставку протетического гласного между звукосочетанием *бр* в начале слова: *бурәнә* 'бревно', в) добавление протетического гласного перед начальным *р*: *арыш* 'рожь', г) отпадение конечного неударного *а*: *пар* 'пара', *жар* 'жара', *кәрт* 'карта', *минут* 'минута', *секунд* 'секунда', *һалам* 'солома'; 2) палатализацию слова по законам сингармонизма: *валук* 'валёк', *кәңфит* 'конфета', *кәбестә* 'капуста', *сәйнук* 'чайник', *әнис* 'анис', *биҙрә* 'ведро', *мискә* 'бочка', *тәрилкә* 'тарелка', *көршәк* 'горшок', *бархәт* 'бархат'; 3) выпадение отдельных звуков: *сират* 'очередь', *әйәз* 'уезд'; 4) прочее приспособление звукового состава заимствования к фонетической системе башкирского языка: *кәрән* 'хреп', *күстәнәс* 'гостиница', *күсән* 'кочан', *мөгәрәп* 'погреб', *кирбес* 'кирпич', *бур* 'вор', *самауыр* 'самовар', *лум* 'лом', *йәллә* 'жалеть', *суйын* 'чугун', *үжым* 'озимь', *жамыт* 'хомут' и т. п.

Русские заимствования послеоктябрьского периода, мощным потоком влившись в башкирскую лексику, в большинстве случаев оседают, не подвергаясь столь значительным фонетическим преобразованиям, нередко входят в обиход в звуковом оформлении, не свойственном артикуляционным навыкам носителей башкирского языка. В связи с этим данный пласт заимствований пишется в исходной форме согласно нормам русского правописания: *автомашина*, *коммунист*, *ударник*, *елка*, *орден*.

Когда в заимствованиях при их агглютинации на стыке основы и аффикса возникает звукосочетание, непривычное для башкирского языка, в правописании допускаются известные отклонения от этого общего правила: 1) обозначается озвончение конечного *п* и *к* в положении между гласными: *принцип-е* 'его принцип', *тип-ы* 'его тип', *техник-е* 'его техник', 2) при стечении трех одинаковых согласных на границе основы и аффикса пишутся только два: *металл* — *метал-лы* 'содержащий металл', 3) перед аффиксом с начальным согласным опускается один из одинаковых конечных согласных основы: *клас-һыҙ* 'бесклассовый', *грамм* — дат. п. *грам-ға*, из конечного звукосочетания основы на *ст*, *зд* перед аффиксом выпадают *т* и *д*: *поез-да* 'в поезде', *(халк) артис-е* '(народный) артист', 4) во избежание сте-

чения более двух согласных в заимствованиях на *нг, ск, нк, ам* и т. п., исключая слова на *мп, кт* (*темп, продукт*), перед аффиксом с начальным согласным вставляется соединительный гласный *ы, е* или *и*: *лозунг-ы-лар* 'лозунги', *митинг-е-нэн* 'с митинга', *киоск-ы-ла* 'в киоске', *Магнитогорск-и-гә* 'в Магнитогорск', *банк-ы-га* 'в банк', *штамп-ы-һыз* 'без штампа' (но: *Горькийебез* 'наш Горький', *Горькийгә* и т. п.).

Иногда, в случае существования двух фонетических (1), фономорфологических (2) или морфологических (3) вариантов слова, имеющих одинаковое распространение, допускается обозначение обоих вариантов: 1) *козок / коток* 'колодец', *тиклем / тикле* 'до', 2) *уткен / уткер* 'острый', *асы / әсе* 'кислый', *әзрәк / азрак* 'немного, поменьше, маловато', *ажрын / әкрен* 'медленно', 3) *һеззәсә / һеззекенсә* 'по-вашему', *докладчик / докладсы*, *ударник / ударсы*, *колхозник / колхозсы*, *австралиец / австралиялы*.

Частицы пишутся раздельно, кроме гипотетической частицы *дыр / тыр*, *дер / тер*, *дор / тор*, *дөр / төр*, выражающей неуверенное предположение, вопросительной частицы *мы / ме*, *мо / мо*, усилительной частицы *сы / се*, *со / со*, которые наравне с аффиксами пишутся слитно, замыкая словоформу: *бирсе* 'дай-ка, дай, пожалуйста', *килдеме?* 'пришел ли он?', *алғандыр* 'наверное, он взял'.

Сложные слова пишутся слитно, полуслитно (через дефис) и раздельно.

Практика слитного и раздельного их написания не отличается последовательностью, носит в целом традиционный характер, очень трудно поддается по этой причине научному обоснованию и обобщению в виде определенных правил. Более или менее ясно вырисовываются здесь лишь немногие правила.

Последовательно проводится полуслитное написание сложных слов. Полуслитно пишутся все так называемые парные слова: 1) копулятивное сочетание семантически близких или синонимичных компонентов: *дус-иш* 'друзья-приятели', *бәлә-каза* 'бедствие', *арымай-талмай* 'неустанно', 2) копулятивное сочетание семантически контрастирующих или противопоставленных компонентов: *атай-әсәй* 'родители', *юк-бар* 'оплетня, вздор, чунь', *ағай-әне* 'родня', *катын-кыз* 'женщины, представительницы женского пола', *ир-ат* 'мужчины', *алыш-биреш* 'торговля', *килде-китте* 'всякие посетители, пришельцы', *аслы-туклы* 'впроголодь', *урынлы-урынһыз* 'неуместно, неуместно', *улай-былай* 'так-сяк', 3) копулятивные сочетания компонентов типа *йәшел-зәңгәр* 'железный купорос', *азык-тулек* 'провизия', *әс-баиш* 'одежда'.

Полуслитно пишутся, кроме того, все повторы; 1) слова, образованные способом полной редупликации: *буй-буй* 'полосатый', *борма-борма* 'изгибистый, изгибами', *бәу-бәу* 'бай-бай', *айырым-айырым* 'врозь, порознь', *ашыға-ашыға* 'спешно, торопливо', 2) повторы с самыми различными фономорфологическими изменениями редупликата-второго компонента: *ажһак-туһак* 'разные хромые', *аз-маз* 'понекому, мало-помалу, немного', *алжы-һалжы* 'лениво, неохотно', *урык-һурык* 'урывками, редко', *тимер-томор* 'железо всякое, железные изделия вообще', *малай-һалай* 'мальчишки', *сокор-сақыр* 'ямы, рытвины, ухабы', *алыж-бошок* 'наспех, торопливо', *тишек-тошок* 'дырявый', *арқыры-торжоро* 'крест-накрест, вкось и вкривь, как попало', *берәм-һәрәм* 'поодиночке, по одному, порознь', 3) форма превосходной степени прилагательных и наречий, представляющая повторение первого слога или части основы с добавлением структурной морфемы *-п* или (очень редко) *-м*: *кып-кызыл* 'красный-красный', *кап-жара* 'черный-пречерный', *йәм-йәшел* 'зеленый-презеленый', *тип-тын* 'тихо-тихо', *тып-тыныс* 'очень спокойно, тихо', 4) повторы, представляющие две различные аффиксальные словоформы слова: а) объединенно грамматически противопоставленных парадигм: *ашар-ашамас* 'есть, едва прикасаясь к пище', *әсәр-әсмәс* 'пить, едва пригубливая', *туйыр-туймас* 'ни сыт, ни голоден, недоедая', б) повторы, содержащие грамматические архаизмы, не соответствующие живым нормам современного языка: *кәпә-кәндәз* 'среди белого дня', *күзмә-күз* 'не взирая ни на что', *борон-борондан* 'издавна', *ғүмер-ғүмергә* 'во веки веков'.

Слитно пишется значительная часть сложных существительных: 1) сложные слова, один из компонентов которых ныне не имеет в башкирском языке самостоятельного употребления: *торомбаш* 'головешка, брус, чурка', *һарут* 'пырей', *алабута* 'лебедь', 2) сложные слова, компоненты которых необратимо скреплены фонетическим или фонеморфологическим преобразованием одного из них: а) видоизменением по закону сингармонизма: *бөгөн* 'сегодня', б) элизией на стыке компонентов: *алмағас* 'яблоня', *кашаяж* 'посуда', *ҡайнаға* 'шурин', в) ассимиляцией согласных на стыке компонентов: *ҡарағош* 'орел', *терегөмөш* 'ртуть', *һороғорт* 'трутень', 3) сложные слова, где первый компонент указывает на цель, которой служит второй: *ашхана* 'столовая', *китапхана* 'библиотека', *билбау* 'поис, кушак', 4) сложные слова, состоящие из названия производителя действия (агенса) и зависящего от него прямого дополнения: *бозватҡыс* 'ледокол', *урынбағар* 'заместитель', *илбағар* 'разбойник'.

По традиции слитно пишется, кроме того, значительная часть копулятивных сложных существительных типа *ғолйөмөш* 'шиповник', *иңбаш* 'плечо', *ташбаш* 'пескарь', *ташбаҡа* 'черепаха', *тәлмәрйен* 'лягушка', *тукранбаш* 'клевер' и многие детерминативные существительные типа *аҡһаҡал* 'аксакал', *аҡҡош* 'лебедь', *бишбармаҡ* (название национального мясного блюда), *өсмөйөш* 'треугольник', *көнсығыш* 'восток', *көнбайыш* 'запад'.

Однако в целом самая многочисленная часть имен существительных, в основе которых лежат модели определительных словосочетаний, пишется раздельно: *аҗ кейеме* 'обувь', *бәнес бармак* 'мизинец', *ҡурай еләге* 'малина', *кейез итек* 'валенки', *күн итек* 'сапоги', *тимер һәнәж* 'вилы', *ҡайын еләге* 'земляника'.

Сложные прилагательные и наречия пишутся раздельно, исключая перечисленные случаи их полуслитного написания и некоторые композиты типа *ҡарағусҡыл* 'темного оттенка', *яланаяж* 'босиком', *баштубән* 'вниз головой', которые имеют слитное написание по традиции.

Все сложные числительные пишутся раздельно: *ун ике* 'двенадцать', *егерме биш* 'двадцать пять'.

Раздельно пишутся все спрягаемые сложные глаголы (1) и аналитические формы глагола (2): 1) а) глаголы, образованные за счет имен и других частей речи (*ял ит-* 'отдыхать', *йөкө кил-* 'хотеть спать', *асыу кил-* 'сердиться', *юк ит-* 'уничтожить', *тап бул-* 'встретиться', *доға кыл-* 'читать молитву, соблюдая обряд', *ялт ит-* 'блеснуть', *дыу кил-* 'поднять шум, гвалт'), б) многочисленный пласт сложных глаголов внутривлагольного происхождения, именуемых обычно формами глагольного вида (*ужып сыж-* 'прочитать', *буялып бөт-* 'измазаться, запачкаться', *язып ҡуй-* 'записать', *ашап ал-* 'закусить слегка'), в) сложные глаголы, первый компонент которых представляет форму инфинитива, заимствованную из русского языка: *буксовать ит* 'буксовать', *заправить ит-* 'заправить', *танцевать ит-* 'танцевать', г) формы модальности, граничащие с категорией наклонения типа *барғым килә* 'хочу идти, ехать', *барыра ҡуй-* 'поручить, предложить ехать, идти', *үлә язғым* 'я чуть не умер', *эшләгән бул-* 'делать вид, что работаешь', 2) сложные формы: а) формы прошедшего времени изъявительного наклонения типа *бара инем* 'я шел', *бара торғайлыҡ* 'мы бывало ходили, ездили', *барғаным бар* 'я ездил, ходил', б) формы наклонения намерения (*бармаксы ине* 'он был намерен пойти, поехать'), условного наклонения (*барған булһа* 'если ходил', *бара калһа* 'если вздумает пойти, поехать' и т. п.), сослагательного наклонения (*барыр ине* 'пошел бы, поехал бы' и т. п.), повелительного наклонения (*бара күрмә* 'смотри, не ходи', и т. п.) и др.

Из всех сложных глаголов пишутся не раздельно, а через дефис только парные слова типа *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом', *югерә-атлай* 'чуть не бегом', *бата-сума* 'погружаясь в грязь', бытующие лишь в форме деепричастия.

В целом в башкирском языке преобладающее большинство сложных слов пишется раздельно. Раздельно пишутся все фразеологические единицы:

йозо кара 'проклятый', *баш аша* 'погубить', *һанга һужма* 'пренебрегать, игнорировать', *йән кишәк* 'душечка', *һамыт аяҡ* 'кривоногий', *эрам тамак* 'дармод, нахлебник'.

Действующие правила башкирского правописания близки к нормам литературного произношения, хорошо и полно отражают специфику национальной фонетики и легко доступны как пониманию, так и усвоению. Они, следовательно, вполне удовлетворяют необходимым требованиям письма. Вместе с тем существующая практика башкирского правописания во многом нуждается в улучшении: она могла бы быть более единообразной и последовательной. С этой точки зрения необходимо, например, упорядочить правила относительно слитного и раздельного написания частиц (одни из них — *-һана/-һәһә*; *-сы/-се*, *-со/-сә*; *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, *-тор/-төр*, *-зыр/-зер*, *-зор/-зөр*, *-лыр/-лер*, *-лор/-лөр*, пишутся слитно, наравне с аффиксами, а другие, в частности *да/дә*, *уҗ/үҗ*, *ғына/генә*, *лаһа/ләһә* и т. п., — раздельно, на правах полнозначного слова) и сложных слов с одинаковым строением (типа *кунжыр* мат. 'многогранник', *кубаяҗ* зоол. 'многоножка', *кун мейош* 'многоугольник', *кун быуын* 'многочлен').

В соответствии с наметившейся сравнительно недавно практикой написания редуцированных гласных в словах типа *һалыҗ* 'народ', *һырыҗ* 'сорок', *бурек* 'шапка' (вм. *һалҗ*, *һырҗ*, *бурк* по своду правил орфографии) следовало бы упорядочить их отражение на письме также и в остальных случаях (ср. *бигерәк* 'особенно' и *күк(е)рәк* 'грудь'). В исконно башкирских сложных словах типа *алъяпҡыс* 'фартук' без всякой нужды пишется по традиции твердый знак. Его употребление могло быть ограничено в соответствии с нормами русского правописания только иноязычными заимствованиями типа *адъютант*. Представляется столь же избыточным употребление букв *я* и *ю* для обозначения йотированных сочетаний *й+а*, возникающих на стыке основы слова и аффикса при словообразовании и словоизменении (*бармай+асаҗ* > *бармайасаҗ* 'не пойдет'), тем более что оно заслоняет структуру и тем самым отрицательно сказывается в школьной практике при анализе структуры слов.

Написание некоторых заимствований из арабского и персидского языков типа *сифат* 'качество', *Фатима* (женское имя) не согласовано с укоренившимся их произношением с соблюдением законов сингармонизма (*сыйфат*, *Фатыйма*). Сложившуюся практику произношения недостаточно полно отражает также существующий опыт написания личных имен типа *Фәһиә* (*Фәһейә*).

Насущную задачу составляет обобщение сложившейся практики письма на предмет расширения и улучшения существующего свода правил башкирской орфоэпии. В прямой связи с этим стоит давно назревшая задача составления возможно полного орфографического словаря башкирского языка, включающего в себя и ономастику.

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОМОРФОЛОГИИ

Изменение фонетической природы основы и аффикса при агглютинации и производящих основ при сложении и редупликации, составляющее предмет тюркской фонеморфологии, и, в особенности, фонологическое использование звуковых изменений при редупликации и отчасти при сложении до сих пор не отражены достаточно полно и ясно ни в одной из существующих грамматик тюркских языков. В лучшем случае частично описываются лишь чисто фонетические явления на стыке морфем. В частности, как спорадические фонетические изменения эти явления отмечаются в разделах фонетики, посвященных вообще всякой частной ассимиляции, диссимиляции, элизии и т. п., тогда как они происходят исключительно на уровне словообразовательной и словоизменительной морфологии и к тому же в очень многих случаях представляют одно из дополнительных, а иногда и совершенно необходимых средств формального выражения и уже по одной этой причине подлежат рассмотрению под иным углом зрения.

Звуковое варьирование морфем и слов, когда они вовлекаются в сферу словообразования и формообразования, фонетические изменения на стыке морфем производного слова и словоформы, преобразование акцентно-ритмической и отчасти слоговой структуры объединяемых морфем с централизованным ударением — широко распространенные явления, имеющие примеры о одинаковом отношении и к фонетике и к морфологии. Они заслуживают специального исследования и теоретического обобщения как с практической, так и с научной точки зрения. Предлагаемый первый опыт их отдельного описания, естественно, нуждается в расширении и углублении.

ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ АГГЛЮТИНАЦИИ

В тюркской морфемике едва ли не самые многочисленные и разнообразные фонеморфологические процессы наблюдаются в сфере аффиксальных морфем, варьирование которых в зависимости от условий реализации носит в целом закономерный характер, составляющий объект не столько собственно фонетики, сколько именно морфонологии.

Вариативность аффиксов вызвана общими и частными законами специфического звукового строения тюркского слова.

В соответствии с законами сингармонизма все аффиксы и их морфонологические разновидности представлены двумя последовательно противопоставленными универсальными вариантами — переднерядным и заднерядным. Соответственно аффиксальные гласные по принципу дихотомического противопоставления объединяются в следующие сингармонические пары: $a : \text{э}$, $и : e$, $o : \text{о}$ ¹. Согласные же при этом варьируются не меняя своего качества, т. е. выступают либо в велирном варианте (после основ, содержащих гласные заднего ряда), либо в палатальном (после основ, содержащих гласные перед-

¹ В башкирском языке в исконных аффиксах фонемы /п/, /у/ и /ү/ вообще не представлены.

него ряда): *бар-зым* 'я ходил, ездил', *күр-зем* 'я видел', *бар-ма* 'не ходи', *кил-мә* 'не приходи'; *тор-һон* 'пусть стоит', *кол-һон* 'пусть смеется'. Исключения составляют лишь согласные, объединяемые в противопоставленные сингармонические варианты единой фонемы: $\kappa \sim \kappa$, $\tau \sim \tau$, $\gamma \sim \gamma$. Примеры: *ат-ка* 'коню', *эт-кә* 'собаке', *бар-ғанһың* 'ты ходил (туда)', *күр-ғанһең* 'ты видел', *бар-ыу* 'ходить (туда)', *кил-еү* 'приходить'.

Широкие аффиксальные гласные *a* и *ə* варьируются лишь по сингармонизму и объединяются в единую фонему /*a* ~ *ə*/ с аллофоном *й*, который регулярно выступает после основ с конечным гласным, когда эта фонема представляет самостоятельную аффиксальную морфему: *ал-а* '(он) берет', *ал-ма-й* '(он) не берет', *кил-ə* '(он) идет (сюда)', *кил-мә-й* 'не идет (сюда), не приходит'.

Аффиксальные гласные *ы* и *е*, составляющие единую фонему /*ы* ~ *е*/, варьируют не только по сингармонизму, но и по закону башкирской губной гармонии гласных: после основ с *o* в м. *ы* следует *o* (*тор-мош* 'жизнь'), с *ə* в м. *е* появляется соответственно *ə* (*көн-дөз* 'днем'), если этому не препятствуют гласные *a* и *ə* и согласные *й* и *й̣*, после которых губная гармония прекращается. Губные аффиксальные *o* и *ə* в их отношении к фонеме /*ы* ~ *е*/ предстают как ее позиционно обусловленные аллофоны.

В синхронном плане из аффиксальных согласных стабильны только *m*, *n*, *s*, *ʃ*, *h*, *ш* и *p*², которые варьируют лишь по сингармонизму, сохраняя свои основные различительные признаки (велярные и палатальные). Остальные же аффиксальные согласные, в частности *ð*, *t*, *ʒ*, *l*, *h*, *к*, *ʁ*, *к*, *g*, стабильны исключительно в середине и в конце аффиксов, неизменно замыкающих словоформу: *үс-енте* 'росток', *куш-ымта* 'окончание, приложение', *сүз-әл* 'приседать', *күзәлдерек* 'очки', *сөй-әлдөрөк* 'супонь'.

В начале и отчасти в конце аффиксов глухие *к*, *к* и *т* в зависимости от характера соседнего согласного и в интервокальном положении варьируют, помимо сингармонизма, по признаку звонкости и глухости, а инициальные этимологические **л*, **н* и **ð*, кроме того, имеют в начале аффикса и более разительные видоизменения. Так, чистые переднеязычные и увулярные смычные, распадающиеся на сингармонические пары $\tau : \tau$, $\kappa : \kappa$, по признаку глухости и звонкости объединяются в единую фонему и распределяются следующим образом: в начале аффикса после глухих согласных выступают на правах вариантов фонемы (ее аллофоны) сингармоническая пара κ (после велярных основ) и κ (после палатальных основ), а сингармоническая пара τ (после велярных основ) и τ (после палатальных основ) на тех же началах употребляется после остальных согласных и гласных³: *кыр-гыс* 'скребок, скребница', *кыҫ-кыс* 'щипцы', *әл-гес* 'вешалка'; *ян-гын* 'пожар', *ос-жон* 'искра'. Полную парадигму этой модификации имеют, однако, лишь продуктивные аффиксы приведенного рода. Непродуктивные и древние аффиксы находятся нередко вне этой закономерной модификации, отражающей, очевидно, былую стройную систему смычных данной группы, характерную для того или иного диалекта: ср. *ел-кен* 'рваться, порываться, стремиться', *иң-кәй-* 'наклоняться, нагибаться', *күр-кә* 'индюк', *һер-кә* 'гнида' и т. п., где глухой аффиксальный *к* вопреки общему правилу следует за сонорным согласным.

Вариативность переднеязычных чистых смычных *ð* и *t* и сонорных *л* и *н* в начале аффикса идет еще дальше и имеет в целом еще более пеструю картину, связанную, очевидно, со сменением на уровне литературного языка фонеморфологических особенностей разных территориальных диалектов и говоров.

1. Этимологический **ð* в начале аффикса: 1) сохраняется обычно лишь после сонорных *л*, *м*, *н*, *ң*: *ал-дыҫ* 'мы взяли', *кум-дек* '(мы) зарыли', *миндә*

² Однако в отдельных аффиксах *p* чередуется с *z*, рудиментарно отражая их былое соответствие: ср. *мен-гер-* ~ *менгез-* 'доставить вверх'.

³ В форме дательного падежа от личных местоимений конечный *н* в сочетании с последующим аффиксальным *g* в соответствии с общей фонетической закономерностью, характерной не только для тюркских языков, переходит в *ң*: *мин* + *-гә* > *миңә* 'мне', *һин* + *-гә* > *һиңә* 'тебе'.

'у меня', *таң-дан* 'с зари'; 2) после глухих согласных оглушается: *тап-тым* 'я нашел', *зитә* 'на работе', *арт-тан* 'сзади'; 3) после *р, ʒ, й, ў, Ы* переходит в межзубные *ʒ*: *бар-ʒы* 'он ходил (туда)', *без-ʒә* 'у нас', *кай-за* 'где', *тау-за* 'на горе', *тәу-ʒә* 'в начале'; 4) после гласных переходит в аффиксах прошедшего времени *-ды/-де*, исходного падежа *-дан/-дән* в *н*, а в аффиксах именного словообразования *-даш*, местного падежа *-да/-дә*, в частицах *да/дә*, *-дыр/-дер* в *л*: *кара-нык* 'мы смотрели', *кала-нан* 'от города', *кала-ла* 'в городе', *үзе лә* 'и сам', *бала-лыр* 'наверное, ребенок', *фамилия-лаш* 'однофамилец'. Начальный *д* полную модификацию имеет лишь в части аффиксов. В ряде случаев он чередуется лишь с глухим *т* (обычно после глухих согласных, но далеко не всегда), а иногда также и с *ʒ* (после *ʒ, р, й, ў, Ы*): ср. *йогон-то* 'впечатление, влияние', *кисен-де* 'отрезок', *кисен-те* 'вырезка', *үрен-де* 'росток', *сыгын-ты* 'выступ', *йыйын-тык* 'сборник', *ян-тык* 'наклонный', *табыл-дык* 'найденный; находка', *кул-тык* 'подмышка', *урын-дык* 'табурет', где нет определенной закономерности в соотношении *д ~ т*.

2. Начальный этимологический аффиксальный **л* обычно сохраняется: ср. *акыл-лы* 'умный', *буш-лай* 'бесплатно', *умарта-лык* 'посека', *урман-лык* 'лес, лесистое место', *урмансы-лык* 'лесоводство', *тор-лак* 'жилище', *йомар-лак* 'ком, комок', *эш-лә* 'работать', *акса-лата* 'деньгами'. Но в аффиксе мн. числа *л* сохраняется лишь после гласных (*бала-лар* 'дети', *кешеләр* 'люди'), а в остальных случаях модифицируется в соответствии с закономерностями восточного диалекта башкирского языка: 1) после глухих согласных переходит в *т* (*жарт-тар* 'старички', *йәш-тәр* 'молодежь', *иптәш-тәр* 'товарищи'), 2) после *л, м, н, ң, ж* переходит в *д* (*мал-дар* 'скот', *кейем-дәр* 'одежда', *көн-дәр* 'дни', *ең-дәр* 'рукава, таж-дар 'короны, веницы'), 3) после *р, ʒ, й, у, ү* переходит в *ʒ* (*жар-зар* 'снега', *кыз-зар* 'девушки', *ой-зәр* 'дома', *тау-зар* 'горы', *берәү-зәр* 'одни'⁴).

3. Начальный *н* в аффиксах винительного и родительного падежей и в аффиксе принадлежности *-ныкы/-неке* сохраняется лишь после гласных (*бала-ны* 'ребенка', *бала-ның* 'ребенка', *бала-ныкы* 'принадлежащий ребенку'). В остальных позициях *н* видоизменяется согласно особенностям восточного диалекта башкирского языка: 1) после глухих согласных дает *т* (*китап-ты* 'книгу', *ағас-тың* 'дерева', *калак-ты* 'ложку', *эсәк-тең* 'из кишки', *иптәштеке* 'принадлежащий товарищу'); 2) после *л, м, н, ң* переходит в *д* (*бал-ды* 'меда', *жәләм-де* 'карандаша', *Мәрйәм-деке* 'принадлежащий Марьям', *он-до* 'муку', *улың-ды* 'сына твоего'); 3) после *р, ʒ, й, у, ү* переходит в *ʒ* (*һыйыр-зы* 'корову', *бар-зың* 'погребя', *бай-зы* 'богача', *бау-зы* 'веревку', *кыз-зыкы* 'принадлежащий девушке', *белеү-зең* 'знания'). Такую модификацию имеет начальный *н*, однако, лишь в составе названных трех аффиксов. В остальных же случаях в начале аффикса *н* сохраняется: *бир-нә* 'приданое', *ау-на* 'валяться', *мыш-на* 'пыхтеть'.

Многие аффиксы варьируют по наличию и отсутствию начального неширокого соединительного гласного *ы/е*, появление которого обусловлено невозможностью сочетания в пределах одного слога последующего аффиксального согласного непосредственно с предшествующим согласным, замыкающим агглютинируемую основу. Выбор соединительного гласного регулируется законами сянгармонизма и губной гармонии гласных: если последний слог основы возглавляет гласный заднего ряда, то появляется *ы* или его позиционно обусловленный вариант *о* (при наличии *о* в предшествующем слоге); если же вершиной последнего слога основы является гласный переднего ряда, то в качестве соединительного гласного выступает *е* или его разновидность *ө* по губной гармонии (при наличии *ө* в последнем слоге основы).

Четырем фонеморфологическим вариантам аффикса противостоит в данном случае его вариант с начальным согласным, характеризующимся устой-

⁴ В восточном диалекте сходную модификацию имеет начальное *л* в составе и других аффиксов (см.: *Максютова И. Х.* Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, с. 44).

чивостью независимо от своего качества (он варьирует лишь по сингармонизму, сохраняя при этом свои различительные признаки, т. е. выступает либо в веллярной, либо в палатальной своей разновидности). Большинство аффиксов этого типа содержит всего один согласный, составляющий морфему, по отношению к которой четыре вокализованные ее разновидности представляют собой по существу алломорфы, хотя из их состава можно выделить за редким исключением соединительный гласный в качестве чисто структурной морфемы, не имеющей прямого отношения ни к агглютинируемой основе, ни к последующему аффиксу. Среди них: *-ык/-ек* с возможными аллофонами *-ок/-өк*: *к/к* (*бул-ек* 'отдел', *һыз-ык* 'линия', *яр-ык* 'дыра'); *-ыш/-еш*, *-ош/-өш*: *-ш* (*бар-ыш* 'ход, течение', *улыр-ыш* 'заседание', *куреш* 'вид, явление', *от-ош* 'выигрывать', *жара-ш* 'взгляд'); *-ыт/-ет*, *-от/-өт*: *-т* (*йылы-т* 'согреть', *ныр-ыт* 'укрепить', *жоро-т* 'сушить'), *-ыл/-ел*, *-ол/-өл*: *-л* (*яз-ыл* 'записаться', *бир-ел* 'отдаваться', *жор-ол* 'быть построенным', *бөг-өл* 'согнуться', *яһа-л* 'быть сделанным, сделаться') и т. п.

Значительную группу составляют двусложные аффиксы с соединительными гласными, которые, как правило, образованы из двух аффиксов путем сложения: ср. *-ы(-о)м-та/-е(-ө)м-тә* (*куш-ым-та* 'приложение, окончание', *сере-м-тә* 'пересгой', *өз-өм-тә* 'отрывок'); *-ы(-о)у-сы(-со)/-е(-ө)у-се(-сө)* (*уҡ-ыу-сы* 'ученик', *көт-оу-се* 'пастух'); *-ы(-о)л-(да)-е(-ө)л-дә* (*ғыр-ыл-да* 'храпеть', *һөр-өл-дә* 'шуметь, гудеть') и т. п. Этот структурный тип аффиксов, помимо своей модификации по составу соединительного гласного, осуществляемой на общих основаниях, варьирует по характеру второго своего гласного таким же образом, что и обычный аффикс, составляющий слог: аффиксы с широким гласным распадаются на два сингармонических варианта (*кызыр-ырак* 'интереснее', *йәш-ерәк* 'моложе'), аффиксы же с неширокими гласными имеют к тому же вариант с губным гласным (*баҫ-ытҡы* 'тихий, кроткий', *кутәр-енке* 'приподнятый', *төш-өнкө* 'прижатый, низкий'). Говоря иначе, варьирование такого аффикса по начальному (соединительному) и второму гласному производится на общих основаниях модификации аффиксального гласного.

Вне описанной общей системы модификации аффиксальных гласных находится лишь видоизменение инициальных гласных в отдельных древних аффиксах типа *-а(-ә)р* (*ағ-ар* 'белеть, бледнеть', *күг-әр* 'плесневеть, синеть')/*-ы(-е)р* (*иҫ-ер* 'опышеть')/*-р* (*иҫке-р* 'устареть', *жуйы-р* 'сгущаться'), варианты которых с широкими начальными гласными *а/ә* представлены в башкирском языке, очевидно, как древнее наследие, отражающее принципиально иное соотношение широких и нешироких аффиксальных гласных, в частности прежнее соответствие *ы ~ а*, *е ~ ә* и т. д. Полная парадигма модификации такого аффикса в башкирском языке состоит теоретически из семи вариантов: *-ар/әр*, *-ыр/ер*, *-ор/өр* и *-р* (*-ор/өр* и *-ыр* практически не отмечены).

Остальные аффиксы с инициальными широкими гласными *а* и *ә* не имеют вариантов с неширокими гласными. Они противопоставлены третьему их варианту с опущенным начальным широким гласным: ср. *ят-аҡ* 'общезнание', *илә-к* 'сито', *көрә-к* 'лопата', *ур-аҡ* 'серп'; *баш-аҡ* 'колос', *үз-әк* 'центр', *быс-аҡ* 'нож', *киҫ-әк* 'кусочек', *буш-ат* 'освободить', *төз-әт* 'наладить', *уя-т* 'разбудить'; *калын-ай* 'толстеть, становиться толстым', *киң-эй* 'расширяться', *жара-й* 'чернеть, пачкаться'; *бар-асаҡ* 'непременно пойдет', *күрә-сәк* 'обязательно увидит', *кил-әсәк* 'обязательно придет'⁵.

Опущение начального широкого аффиксального гласного после основы с конечным гласным, который в целом характеризуется устойчивостью не только в ударном, но и в предупредительном положении, вызвано абсолютной несочетаемостью в исконно башкирских словах двух гласных подряд. В силу этого обстоятельства при стечении двух гласных на стыке основы и аффикса

⁵ Однако после отрицательного аффикса *-ма/-мә* в м. ожидался вариант с опущенным начальным гласным *-саж/-сәк* выступает как исключение уникальный вариант *-ясаж/-йәсәк* (*килмәйәсәк* 'не придет', *бармайсаж* 'не пойдет').

в отдельных случаях во избежание зияния между ними появляется эпентеза *й* (1), которая при аффиксах, состоящих из одного широкого гласного, вытеснив этот гласный, выступает в качестве их равнозначного третьего морфологического варианта (2): 1) *эшлэ-й-эсэж* 'будет работать', *эшлэ-мэ-й-эсэж* 'не будет работать', *нора-й-асаж* 'будет спрашивать', 2) *бара-бара* 'идя (туда)', *кара-й-кара-й* 'оглядываясь', *эшлэ-й-эшлэ-й* 'работая', *кил-э-кил-э* 'идя (сюда)'; *бар-а-м* 'иду', *уки-й-ым* 'читаю', *кур-энең* 'видишь', *эшлэ-й-без* 'работаем'. В первом случае эпентеза является чистой структурной морфемой фонеморфологического уровня, во втором же она превратилась в полнозначную аффиксальную морфему.

Гораздо труднее сколько-либо убедительно и однозначно решить вопрос о том, является ли эпентеза *-й-* структурной морфемой применительно ко всем аффиксам с начальными неширокими гласными, противопоставленными их варианту с инициальным согласным. Ясно лишь, что в большинстве случаев гласный перед конечным согласным данного аффикса представляет собой тоже структурную морфему, возникшую в силу несочетаемости двух согласных на границе основы и аффикса в пределах слога, возглавляемого ударным гласным основы. Но при каких именно аффиксах начальный неширокий гласный является такой эпентезой, а при каких — этимологическим, пока что ясного ответа нет.

Аффиксы, составляющие прикрытый слог, обычно эпентезы не требуют, ср. например: *эш-лэ* 'работать', *теш-лэ* 'кусать', *тор-мош* 'жизнь', *мин-дэ* 'у меня', *кил-тер* 'принести', *как-ша* 'распатываться', *кил-һэ* 'придет', *бар-гас* 'когда пришли (туда)', *кан-сыж* 'мешок', *бер-гә* 'вместе', *тот-ка* 'ручка', *көс-кә* 'насилу, с трудом'. Исключение составляют лишь аффиксы принадлежности *-быз/-без*, *-гыз/-гез* и аффикс повелительного склонения *-гыз/-гез*, которые после основ с конечным согласным употребляются с соединительными гласными *ы* или *е*, вместо которых выступают соответственно *о* или *ө*, когда в последнем слоге содержатся губные *о* и *ө*, ассимилирующие их по закону губной гармонии: ср., с одной стороны, *китаб-ы-быз* 'наша книга', *мәктәб-е-гез* 'ваша школа'; *кил-е-гез* 'приходите', *тор-о-ғоз* 'встаньте', с другой — *барасажбыз* 'мы непременно пойдем', *килер-без* 'мы придем', *шатбыз* 'мы рады', *алган-быз* 'мы взяли (оказывается)', где омонимичный аффикс присоединяется к любой основе без эпентезы независимо от характера последнего ее согласного.

Своеобразную эпентезу, связанную с исторической морфологией, представляет *-н-* перед аффиксом дательного падежа, которая появляется: 1) после аффикса принадлежности 3-го лица ед. числа: *баш-ы-н-да* 'на его голове', *көсә-һе-н-дә* 'в его кармане', 2) после отдельных местоимений: *бы-н-да* 'здесь' (от *был* 'этот'), *ошо-н-да* 'тут' (от *ошо* 'этот'), *ун-да* 'там' (от *ул* 'тот').

Наряду с описанными регулярными видоизменениями внешней формы аффиксов можно указать на отдельные частные модуляции аффиксальных морфем типа *-ы* (аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа после велярных основ с конечным согласным): *-һы* (тот же аффикс после велярных основ с конечным гласным), *-е*; *-һе*, *-о*; *-һо*, *-ө*; *-һө*, граничащие с супплетивизмом. Есть и явно супплетивные варианты-омонимы отдельных аффиксов. Таковы, например, формы каузатива: ср. *эс-ер-* 'поить', *аша-т-* 'кормить' и т. п.

Изменение конечных звуков аффиксов производится на общих основаниях модификации конца слова при агглютинации: конечные глухие *п*, *к* и *к* аффикса озвончаются, если последующий аффикс содержит начальный гласный — *кыкыр-ыб-ырак* (*уки*) 'читай громче', *тара-г-ым* 'моя расческа', *ус-ег-еү* 'озлобляться'. Специфична здесь лишь рудиментарная вариативность тиша *мен-гер-/мен-гез-* 'доставить наверх', спорадически отражающая этимологическое чередование **р ~ *з*.

Что касается модификации начала аффикса в зависимости от фонетической природы предыдущего аффикса, то она производится на общих основаниях варьирования аффиксальных морфем, описанных выше. Иными словами, на стыке смежных аффиксов происходят точно такие же фонеморфологические изменения, что и на границе основы и аффикса.

Так же варьируют и частицы — по сингармонизму и начальном: согласному, за исключением лишь частиц *эле* (ср. *бар эле* 'иди-ка', *жит эле* 'уходи-ка') и *бит* (*ул бит* 'он же', *мин бит* 'я же'), бытующие лишь в приведенном варианте. Гласные в их составе делятся на сингармонические пары *а/э*, *ы/е* (*о/ө*), *у/ү*, из которых *о* и *ө* представляют собой лишь аллофоны единой фонемы *ы/е*, регулярно появляющиеся в силу губной гармонии гласных (когда в последнем слове предыдущего слова есть губные *о* или *ө*). Гласный *и* при этом сочетается и с веллярным, и с палатальным вариантами: *ул мы ни* 'разве это он', *ошо мо ни* 'это ли', *мөжкин ме ни* 'разве можно'.

Начальные *ғ*, *к*, *г* и *к*, составляющие одну фонему, и *д*, *т*, *з*, *л*, объединяемые в другую единую фонему, распределяются в составе частиц точно таким же образом, что и соответствующие инициальные согласные аффикса. Остальные согласные частиц варьируют только по сингармонизму, при этом *ж* и *к* являются единой фонемой не только в начале частицы: ср. (*бегон*) *ук* '(сегодня) же', (*бая*) *ук* 'еще (давеча)'.⁶

Как и в аффиксах, максимально допустимая вариативность частиц 16 алломорфов. минимальная — 2: ср., с одной стороны, *ук/ук* (ограничительная частица — *хэзер ук* 'сейчас же', *шул ук* 'тот же'), с другой, — *дыр/дер*, *дор/дөр*, *тор/төр*, *тыр/тер*, *зыр/зер*, *зор/зөр*, *лыр/лер*, *лор/лөр* (модальная частица со значением неуверенного предположения — *ошо-лор* 'наверное, это', *килгэн дер* 'наверное, пришел'). Усилительная частица *дабаһа* 'ведь', составленная, очевидно, из двух морфем, варьирует лишь по первому своему компоненту: *дабаһа/дэбаһа*, *табаһа/тэбаһа*, *забаһа/зэбаһа*, *лабаһа/лэбаһа* (*был таньши табаһа* 'это же знакомый', *был таньши кеше лэбаһа* 'это же знакомый человек').

От сочетания с частицей предыдущее полнозначное слово никаких фонеморфологических изменений не претерпевает, исключая разве варьирование синтаксической интонации при модальных частицах *мы* (вопросительная частица), *ук/ук* (усилительная частица), *сы/се эле*, *сы/се* (выражает просьбу при форме императива: *бар сы*, *бар сы эле* 'иди-ка, пожалуйста'): ср. *мин генэ* 'только я', *жишы лыр* 'наверное, хорошо', *эйттем бит* 'я же говорил', *кайткан дыр* 'наверное, вернулся'.

Этого нельзя сказать применительно к основе слова, когда она осложняется аффиксом, хотя и принято считать, что при агглютинации корень или основа никаких звуковых изменений не претерпевает⁶. При агглютинации существенно меняется акцентно-ритмическая структура слова и соответственно длительность слогов и звуков, особенно гласных, от которой в первую очередь зависит степень полноты проявления их различительных признаков: ударение переносится с последнего слога основы на аффикс и происходит перераспределение восходящей интонационной градации слогов. И это неизменно повторяется с прибавлением к данной словоформе с аффиксом каждого последующего аффикса, за исключением лишь нескольких безударных аффиксов: *ябай* 'простой', *ябай-лаш-* 'упрощаться' — *ябайлаш-тыр-* 'упрощать' — *ябайлаштыр-ыл-* 'упроститься' — *ябайлаштырыл-ган* 'упрощенный' — *ябайлаштырылган-лыктан* 'из-за упрощенности'. Напротив, с устранием каждого аффикса с конца словоформы ударение опять восстанавливается в нисходящей последовательности. Вне этой закономерности стоят лишь иноязычные заимствования с неподвижным ударением не на последнем слове. Кроме того, некоторые отклонения от общего принципа акцентно-ритмической структуры слова имеют сложные слова с ударением на последнем слове первого их компонента.

При агглютинации за редким исключением происходит преобразование конечного закрытого слога основы, оказавшегося перед последующим аффиксальным или эпентетическим соединительным гласным — замыкающий согласный последнего слога как в корне, так и в производной основе, обра-

⁶ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967, с. 270; Турсунов Д., Хасенова Б., Исламов А., Бейсенбаева К., Ишанов К. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1967, с. 48.

зованной с помощью аффикса, неизменно переходит в этом случае в состав производного слога, возглавляемого инициальным аффиксальным гласным или элентезой *ы/е (о/о)*: *дурт* 'четыре' — *дур-тен-се* 'четвертый', *баш* 'голова' — *ба-шым* 'моя голова', *ал* 'брат', *а-лым* 'прием', 'способ'. Конечные согласные *п, к* и *к* агглютинируемой основы, независимо от того, является ли она корнем или производной аффиксальной словоформой, закономерно озвончаются: *китап* 'книга' — *кита-бым* 'моя книга', *срок* — *сро-гында* 'в срок', *бармак* 'палец' — *бар-ма-ғым* 'мой палец'.

В ряде случаев аффиксация вызывает также и изменения фонемного состава агглютинируемой основы: 1) в винительном и родительном падежах в местоимениях регулярно выпадают конечные *л* и *м*: *мин* + *не* > *мине* 'меня', *мин* + *нең* > *минең* 'моя', *һин* 'ты' — *һин* + *не* > *һине* 'тебя', *һин* + *нең* > *һинең* 'твоя', *ул* 'он' — *ул* + *ны* > *уны* 'его', *ул* + *ның* > *уның* 'его' (ср., кроме того, *у-лар* 'они', *у-лай* 'так'); 2) при осложнении прилагательных аффиксом *-кыл(т)/-кел(т)/-ғыл(т)/-гел(т)* выпадает их конечный слог: *кызыл* 'красный' — *кыз-ғылт* 'красноватый', *һары* 'желтый' — *һар-ғылт* 'желтоватый', *һоро* 'коричневый' — *һор-ғолт* 'коричневатый', *йәшел* 'зеленый' — *йәш-келт* 'зеленоватый', *дымлы* 'влажный' — *дым-кыл* 'влажноватый', *жаты* 'твердый' — *жат-кыл* 'твердоватый', *сөсө* 'пресный' — *сөс-көлтөм* 'пресноватый'; 3) в ряде случаев, особенно перед аффиксами с широкими гласными, выпадают конечные ударные гласные *ы* и *е*: *урны* 'место' — *урн-аш-* 'разместиться, поместиться', *уйны* 'игра' — *уйн-а-* 'играть', *жыйын* 'трудно' — *жыйн-а-* 'бить', *һары(р)* 'желтый' — *һаргай-* 'желтеть', *коро(р)* 'сухой' — *жоргаж-һы-* 'рассыхаться', *ғилем* 'наука' — *ғилми* 'научный', *тыу-* 'родиться' — *туған* 'родственник', 4) имеется немало частных случаев изменения фонемного строения слов при их агглютинации типа *ат* 'имя' — *а-ҙаи* 'тезка', *ир-* 'быть' — *ир + де* > *ине* 'был'; из состава иноязычных заимствований на *-ст, -эд, -сс* и т. п. перед аффиксами выпадает их конечный согласный: *артист* — (*халк*) *артис-е* '(народный) артист', *поезд* — *поезда* 'в поезде', *класс* — *класа* 'в классе'.

Особый случай фонеморфологии простого (несложного) тюркского слова представляет нередкое варьирование его по сингармонизму типа *аз/әз* 'мало', *асы/әсе* 'кислый', *акрын/әкрән* 'медленно, тихо'⁷, оставившее в тюркских языках значительные следы (во-первых, во многих языках на одинаковых началах до сих пор бытуют оба сингармонических варианта ряда слов, во-вторых, очень многие слова в одном из тюркских языков представлены в веллярном варианте, в другом — в палатальном).

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИ СЛОВОСЛОЖЕНИИ И АНАЛИТИЧЕСКОМ ФОРМООБРАЗОВАНИИ

При сложении слов ударение обычно размещается на последнем слоге замыкающего компонента: *акһакал* (< *ак-һакал*) 'аксакал', *билбау* (< *бил-бау*) 'кушак'. Иными словами, ударение на втором компоненте в сложном слове превращается в так называемое централизирующее ударение, интонационно объединяющее оба компонента. При этом ударение первого компонента сложного слова становится по значимости второстепенным, мало чем отличающимся по своему качеству от интонационной характеристики предударного слога второго компонента. Соответственно меняется вся интонационная градация неударных слогов, следовательно — их длительность, обуславливающая ясность звучания каждого гласного и согласного звука: ср. *егермә* 'двадцать' и *егерме биш* 'двадцать пять', *айырым* 'отдельный' и *айырым-асык* 'предельно четко, ясно', *ала* 'пестрый' и *алабуға* 'окунь'.

Такая цельность акцентно-ритмической структуры сложного слова вызывает нередко значительные фонеморфологические изменения на стыке

⁷ См. об этом более подробно: *Киекбаев Д. Г.* Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского пед. ин-та им. А. К. Тимирязева, 1955, вып. 5. Сер. филол., № 1.

его компонентов, особенно если на их границе возникает звукосочетание, не соответствующее нормам фонемного и слогового строения слова в башкирском языке. Во-первых, в большинстве случаев, особенно в часто употребляющихся словах, совсем исчезает пауза между компонентами: ср. *аккош* 'лебедь', *ун биш* 'пятнадцать', *берүк* 'пожалуйста', *Миннәхмәт* (муж. имя), *Ғалиәбану* (жен. имя), *Ишембай* (название города), *карабойҙай* 'гречиха', *тулранбай* 'клевер', *яланаяк* 'босиком'. Во-вторых, именно в силу этого иногда происходит необратимое озвончение начальных и конечных глухих *к* и *к* в интервокальном положении или в соседстве с гласным и сонантом (1), элизия (2), сингармоническое выравнивание первого компонента по фонемному строению второго (3) и другие частные фонематические изменения (4): 1) *Ағиҙел* 'р. Белая', *алағарға* 'ворона', *алағанат* прон. 'летун', *байғош* 'поясать', *дөяғош* 'страус', *карағалпак* 'каракалпак', *карағанат* 'подлецик', *карағош* 'стервятник', *карағускыл* 'темного оттенка', *кызылғанат* 'красношерка', *кызылгойроҡ* 'горихвостка', *терегөмөш* 'ртуть', *тутыйғош* 'павлин', *ярганат* 'летучая мышь'; 2) *алмағас* 'яблоня', *табағас* 'сковородник', *Кариҙел* — название реки, *олатай* 'дед', *өләсәй* 'бабушка', *кушамат* 'прозвище', *кырғаяк* 'мокрица', 3) *бөгөн* 'сегодня', *кәйенбижә* 'свояченица', *кәйенһензә* 'родственница по браку', *ғомбағаш* (диал.) 'подсолнух', 4) *бийыл* 'в этом году', *кәйенһендә* 'золовка', *байгура* (уст.) 'буржуа', *аяғурә* 'стоя', *беләзек* 'браслет', *карағаморош* 'плоскогубцы', *былтыр* 'в прошлом году', *кашмау* — женский головной убор.

Описанное акцентно-ритмическое преобразование претерпевают и компоненты аналитических грамматических форм (1), в отдельных случаях также приводящее к изменениям фонематического порядка (2): 1) *бар(а) алманым* 'я не смог пойти', *барғаным бар* 'я ходил', *бара күрмә* 'смотри, не ходи', 2) *барғайным* (*барған инем*) 'я ходил', *эшләгәйнек* (*эшләгән инек*) 'мы работали', *эшләй торғайны* (*торған ине*) 'он бывало работал'.

Значительный пласт сложных слов имеет принципиально иную акцентно-ритмическую структуру. Их цементирующее ударение совпадает с ударением первого компонента, второстепенное ударение совпадает с ударением второго компонента и соответственно меняется вся интонационная градация неударных слогов. И хотя при этом неизменно исчезает пауза между компонентами, фонемное их строение сохраняется, т. е. в данном случае морфологических явлений описанного рода не бывает.

Таким акцентно-ритмическим строением наделены копулятивные сложные слова, в частности: 1) морфологически неизменяемые слова: а) деепричастия типа *йөгөрә-атлай* 'почти бегом' и типа *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом', б) наречия и прилагательные типа *аллы-артлы* 'гуськом', *аллы-гөллө* 'цветастый'; 2) морфологически изменяемые существительные: а) с копулятивным сочетанием компонентов типа *атай-әсәй* 'родители', *катын-кыз* 'женщины', б) со вторым отлагательным компонентом типа *бозваткыс* 'ледокол', и *конбайыш* 'запад', в) с детерминативным сочетанием компонентов типа *осмөйөш* 'треугольник' и *алабалык* 'сиг'. Вторая группа сложных слов по акцентно-ритмической и слоговой структуре выравнивается при агглютинации по аналогии с обычными словами с подвижным ударением на последнем слове: ср. *катын-кыздар* 'женщины' — *катын-кыздарға* 'женщинам', *катын-кыздарығыҙ* 'ваши женщины'.

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВА ПРИ РЕДУПЛИКАЦИИ

При всякой редупликации общее (цементирующее) ударение падает на последний слог первого компонента, а второстепенное (побочное) ударение на последний слог второго компонента. Однако при агглютинируемых словах и словоформах оно переносится обычно на вновь образуемый аффиксальный слог, замыкающий словоформу: *сожор-сажыр-лы* (*урын*) 'ухабистое (место)', *иске-мошқоларығыҙ* 'ваше всякое старье', *малай-шалайҙарға* 'всяким мальчишкам'. В этом случае носителем цементирующего, т. е. основ-

ного, словесного ударения становится редупликат с обнужденным фонемным строением, лишенный признаков самостоятельного слова. Исходное же слово фактически теряет его — становится носителем лишь побочного ударения, характерного для первого слога обычного многосложного слова.

Редупликация, исключая полную, сопровождается значительными фонеморфологическими процессами — редупликат частично, иногда и радикально изменяет фонемное строение исходного слова, лишая его возможности самостоятельного употребления. Самое радикальное фонеморфологическое изменение претерпевает препозитивный редупликат, представляющий форму интенсива прилагательных и наречий: повторяется лишь первый их слог (или его часть), который получает централизующее ударение. После него неизбежно появляется чисто структурная морфема *-n-* (или ее алломорфы *-nn-*, *-m-*, фактически закрепленные лишь за отдельными словами); основное слово лишается словесного ударения, которое преобразуется в побочное, не являющееся характерным признаком для самостоятельного слова. Ср. *кызыл* 'красный' — *кы-n-кызыл* 'красный-красный', *кара* 'черный' — *ка-n-кара* 'черный-черный', *тиз* 'быстро' — *ти-n-тиз* 'очень быстро', *аж* 'белый' — *а-nn-аж* 'белый-белый', *йэшел* 'зеленый' — *йэ-м-йэшел* 'зеленый-зеленый'.

В постпозитивных редупликатах, имеющих в целом слабоцентрализующее ударение на последнем слоге первого компонента, наблюдаются главным образом следующие фонеморфологические преобразования: 1) вставка перед ними структурных морфем *-m-*, *-h-*: *агас* 'дерево' — *агас-м-агас* 'всякие деревья' (ирон.), *имеи* 'якобы' — *имеи-м-имеи* 'всякие слухи, сплетни' (ирон.), *урык* (самостоятельно не употребляется) — *урык-h-урык* 'урывками', *ит* 'мясо' — *ит-м-ит* 'всякое мясо' и т. п. (ирон.); 2) замена инициального согласного исходного слова: *хирэж* 'редко' — *хирэж-мирэж* 'изредка', *кыйык* 'кривой' — *кыйык-мыйык* 'вкривь и вкось'; 3) замена первого гласного исходного слова фонемой того же ряда: *сокор* 'яма, рытвина' — *сокор-сакыр* 'ухабистое место', *жаты* 'твердый' — *жаты-жото* 'сухомытка', *шау* — звукоподражание — *шау-шыу* 'гвалт, шум'; 4) присоединение сингармонически противопоставленного варианта слова с частным изменением его фонемного состава, в частности гласных и некоторых согласных: *тимер* 'железо' — *тимер-томор* 'всякие железные изделия, лом', *иске* 'старый' — *иске-моско* 'всякое старье'; 5) более частные (не поддающиеся обобщению) преобразования фонемного строения исходного слова типа *ажнак-тужнак* 'всякие хромые' от *ажнак* 'хромой', *эпен-тэпон* '(посесть) кое-как' от *эпен*, которое самостоятельно не употребляется.

МОРФОЛОГИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Структура слова и его форм, составляющая основной предмет морфологии, представляет слово в двух принципиально различных аспектах: как лексическую единицу и как грамматическую единицу.

По своей морфологической структуре слово как единица словаря является корневой морфемой или иноязычным заимствованием либо представляет собой один из основных типов производных лексических единиц. Эти типы следующие:

1) производное слово, образованное путем прибавления деривационного аффикса: а) к корневой морфеме: *баш* 'голова' — *баш-ла-* 'начинать', *биш* 'пять' — *биш-лек* 'пятерка'; б) к производной лексеме предыдущего типа и сходного строения: *башла-н-* 'начинаться', *башлан-гыс* 'начальный'; в) к сложным словам: *бөгөн* 'сегодня' — *бөгөн-гө* 'сегодняшний', *бийыл* 'в этом году' — *бийыл-гы* 'этого года', *аң-белем* 'образование, знание' — *аң-белем-ле* 'образованный', *ата-эсә* 'родители' — *ата-эсә-һез* 'круглый сирота', *бер катлы* 'наивный' — *бер катлы-лык* 'наивность'; г) к производным словам, образованным способом редупликации: *сокор-сақыр* 'ухабистое место' — *сокор-сақыр-лы* 'ухабистый'; *шау-шыу* 'шум, гам' — *шау-шыу-һыз* 'без шума'; д) к звукоподражаниям: *шыж-ла* 'шипеть', *ғыр-ла-* 'хрипеть', *терт-лә-* 'вздрыгнуть', *шығыр-за-* 'скрипеть';

2) сложное слово, в котором в качестве производящих основ могут быть использованы корневые морфемы (*билбау* 'кушак') и производные слова аффиксального происхождения (*көнбайыш* 'запад'), и иные типы производных лексем: *ялт ит-* 'сверкать', *ялт-йолт ит-* 'сверкать с переливами';

3) производное слово, образованное способом редупликации: *кыйыж-мыйык* 'вкривь и вкось', *тимер-томор* 'всякие железные изделия, железный лом';

4) звукоподражания: *доңк!* 'бац!';

5) производное слово, созданное комбинациями различных способов словообразования, в частности: а) сложения и аффиксации: *аталы-уалы* 'отец с сыном', *ирле-катынлы* 'супруги (оба)', *эрле-бирле* 'туда-сюда, взад-вперед', *һатып ал-* 'купить', *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом'; б) звукоподражания и редупликации: *сылтыр-сылтыр* 'журча', *шыпырт-шыпырт* 'тихоходько, втихомолку'; в) звукоподражания, редупликации и сложения: *ығы-зығы кил-* 'суетиться, поднимая шум', *ыж-мыж ит-* (реже: *ыж-мыж кил-*) 'запинаться, мяться (не найдя нужного слова)';

6) производное слово иноязычного происхождения, созданное путем деаффиксации: *революцион* 'революционный', *пролетар* 'пролетарский' и т. п.

Хотя все эти структурные типы слов на собственно грамматическом уровне и выступают в принципе на одинаковых правах не только как словарные, но и как морфологические единицы¹, их морфемное членение, морфологическое строение и т. д. не могут не быть предметом морфологии. Во-первых, и сло-

¹ Часть из них объединяют слова с самой различной морфологической структурой, которые независимо пользуются формобразованием и синтаксическими функциями, характерными для данной части речи (например, существительные, глаголы, наречия и др.).

вообразование и формобразование осуществляются в принципе одними и теми же способами формального выражения — аффиксацией, сложением и редупликацией; во-вторых, словообразовательные формы слова за очень небольшим исключением сами по себе характеризуют его с точки зрения категориальной принадлежности, составляющей один из необходимых признаков слова как основной единицы грамматики, что применительно к тюркской морфологии в силу известных причин приобретает особо важную значимость; в-третьих, словообразовательный процесс производится в основном в грамматически организованном порядке, имеющем прямое отношение к морфологии хотя бы по сущности морфемного членения производной лексемы и производных грамматических форм, образованных от нее; в-четвертых, как это наглядно подтверждают процессы лексикализации собственно грамматических форм² и нередко встречающиеся явления грамматикализации некоторых словообразовательных форм³, между словообразованием и формобразованием применительно к ряду ярко выраженных категорий глагола (формы залога, формы возможности типа *бара ал* — 'мочь пойти' и т. п.), и имен (степени сравнения прилагательных и наречий, в какой-то мере уменьшительные формы имен существительных и т. п.) нет четких границ. К тому же грамматическая квалификация производных форм числительных (особенно порядковых, приблизительных, неопределенных и т. п.) и местоимений до сих пор продолжает оставаться неясной, хотя их словообразовательный характер и представляется совершенно очевидным хотя бы по выполняемой ими синтаксической функции.

Вместе с тем ясно, что морфологическая структура слова как единицы словаря составляет лишь особый, отнюдь не основной предмет морфологии, а именно словообразовательную морфологию, тогда как структура слова и его форм как единиц грамматики занимает в морфологии центральное место.

Все слова как грамматические единицы по своей структуре делятся на два морфологических разряда: 1) морфологически изменяемые слова, представленные более чем одной формой при одном и том же лексическом значении, закрепленном за их лексической основой — словарной формой, 2) морфологически неизменяемые слова.

В морфологически неизменяемом слове, словарная форма которого представляет его единственную словоформу как единицу морфологии, морфемное членение производится, естественно, на общих основаниях лишь на уровне словообразовательной морфологии.

В морфологически изменяемом слове словарная форма, независимо от своей структуры, представляет лишь одну из возможных его словоформ, именуемую обычно нулевой, как это имеет место, например, при склонении имени существительного или при его изменении по числам. И то не всегда: ни одна из словоформ глагола, в том числе и форма 2-го лица ед. числа императива, представляющая собственно лексическую основу, которая обязательно сопровождается соответствующей модальной интонацией, полностью не совпадает с глаголом как с лексической единицей. Глагол как лексема в так называемой нулевой форме выделяется поэтому весьма условно. Фактически эта его форма представляет отнюдь не словоформу — парадигму, а всего лишь лексическую основу, от которой образуются соответствующие глагольные словоформы. Говоря иными словами, все словоформы глагола по своему характеру являются производными от его лексической основы, тогда как одна из словоформ других изменяемых частей речи, в частности существительного, прилагательного и наречия, является исходной, полностью совпадающей со словом как с лексемой, а все остальные — факти-

² Юлдашев А. А. Лексикализация тюркских грамматических форм. — ВУ, 1977, № 1.

³ Например, словообразовательная форма на *-лык/-лек* в причастиях на *-ыр/-ер* приобрела по сути особое значение причастия: *барырлык* 'способный ходить', *танырлык* 'представляющий возможность узнать'. Далеко за пределы собственно словообразования выходит значение отыменных форм на *-лы, -лез*, именно поэтому нередко трактуемых как особые формы падежей.

чески производными от нее, хотя в их составе она и выделяется отнюдь не как словоформа, а лишь в качестве их лексической основы.

Производные словоформы образуются от лексической основы слова независимо от ее морфологической структуры тремя способами формального выражения: 1) с помощью аффиксов или их сочетаний, 2) аналитическим путем, 3) редупликацией.

Аффиксация была и остается основным средством образования грамматических форм слова, особенно в создании словоформ имен существительных. Аффиксальные словоформы обладают двойкой природой: одни из них образуются непосредственно от лексической основы (например, форма мн. числа имен на *-лар/-лэр*, форма интенсива прилагательных и наречий на *-рак/-рэк*, формы императива на *-һын/-һен* и т. п.), другие же — только от соответствующей грамматической формы слова (например, формы лица и числа в индикативе, обязательно предполагающие аффиксы категории времени, и т. п.), третьи могут быть образованы на одинаковых началах и непосредственно от лексической основы (ср. формы падежа) и от соответствующих словоформ (ср. те же формы падежа, образованные от формы мн. числа на *-лар/-лэр* или от форм принадлежности). Это предопределяется соотношением и сочетаемостью грамматических категорий данной части речи в пределах одной и той же словоформы⁴.

Существует строгая последовательность расположения аффиксов в рамках словоформы, обусловленная главным образом степенью абстрагированности грамматической категории, которую представляет тот или иной аффикс. Так, аффиксы лица в глагольных словоформах всегда замыкают их, аффиксы же склонения и времени неизменно становятся перед ними (ср. *бар-һа-м* 'если я пойду'). Аффиксы падежей тоже неизменно замыкают словоформу существительного, которая может содержать аффиксы категории принадлежности, занимающие в ней предпоследнее место, и аффикс множественности, обязательно расположенный перед аффиксом принадлежности (*бала-лар-ым-ды* 'моих детей').

Многморфемные словоформы последовательно делятся на два члена, из которых правый — аффиксальный компонент уточняет левый в его отношении к определенной грамматической категории. Соответственно с устранением правого члена мы всякий раз получаем новую словоформу вплоть до нулевой формы данной части речи, совпадающей с лексической основой слова: ср. *балаларығыҙға* 'вашим детям' — *балаларығыҙ* 'ваши дети' — *балалар* 'дети' — *бала* 'ребенок'. По такому же строго дихотомическому принципу строится и многморфемная лексема, возглавляемая одной корневой морфемой. Она тоже последовательно делится справа налево на два члена, из которых левый является производящей основой, а правый деривационным аффиксом. Устраняя правый член, мы последовательно получаем новую лексическую единицу: ср. *балыҡсылыҡ* 'рыболовство' — *балыҡсы* 'рыболов', *балыҡ* 'рыба'; *башҡарыусы* 'исполнитель' — *башҡар-* 'исполнять' — *баш* 'голова'.

В принципиальном строении лексемы агглютинативного происхождения и производной грамматической формы, образованной от нее с помощью аффикса, при всем изоморфизме есть и существенная разница: если в первом случае сочетание морфем дает в принципе семантически цельную качественно новую лексическую единицу, в рамках которой возможность осмысления этих морфем в отрыве друг от друга очень затруднена или вовсе исключается, то во втором случае каждая из сочетающихся морфем несет с собой строго определенное и к тому же самостоятельное, принципиально отличное от другого значения — лексическая основа выделяется как носитель лексического содержания словоформы, а аффикс как носитель ее грамматического

⁴ Чем меньше абстрагирована категория, которую представляет данный аффикс, тем ближе к лексической основе расположен ее показатель. Таковы, например, категория числа имени, категория глагольного отрицания, бытующие в морфемике на правах словообразовательной формы.

значения, наслаиваемого на лексическое значение слова без ущерба для него. Морфемное членение аффиксальной словоформы поэтому обычно совпадает с ее семантическим членением, чего нельзя сказать в целом о структуре лексемы, образованной путем аффиксации⁵. Значение аффикса, представляющего ту или иную грамматическую категорию характеризуется не только ясностью и четкой отдельной формальной выраженностью, но и независимостью от лексического значения основы. И лишь некоторые периферийные грамматические категории, в частности категории числа имен, пространственные падежи существительных и т. п., в нарушение данного общего правила, в известной мере видоизменяют свои типичные грамматические значения в зависимости от характера лексического значения основы, от которой они образуются.

Аффиксы, с помощью которых образуются производные грамматические формы слов, принято считать обычно однозначными. Но по меньшей мере половина таких аффиксов имеют по два и более значений, каждое из которых реализуется в зависимости от определенных условий применения аффикса. Причем среди них немало и таких аффиксов, которые, вопреки утвердившемуся явно априорному мнению, выражают одновременно два или более принципиально различных грамматических значения. Так, например, аффиксы, выражающие категорию лица, сказуемости и принадлежности, одновременно представляют и категорию числа, исключая лишь аффикс *-лар/-лэр*, который, напротив, выражает категорию числа и одновременно представляет и категорию 3-го лица мн. числа. Аффиксы повелительного наклонения *-һын/-һен*, *-ығыз/-егез*, как и нулевая форма этого наклонения, несут с собой одновременно значение данного наклонения, лица и числа.

Формообразующие аффиксы характеризуются в целом не только полисемантической, но и полифункциональностью. За исключением аффиксов, выражающих сугубо частные грамматические категории (интенсив прилагательных и наречий на *-рак/-рәк*, категория числа, залог и т. п.), все формообразующие аффиксы не только выражают ту или иную грамматическую категорию (падеж, наклонение, время, лицо и т. п.), но и служат средством формального выражения синтаксических отношений слов, в частности синтаксической соотнесенности слова со словоизменительным аффиксом с другими словами. Причем многие аффиксы и в случае выражения синтаксических отношений несут одновременно две нагрузки: оформляют связь данного слова с другим и служат определяющим (конституирующим) элементом структуры соответствующей синтаксической конструкции. Таковы, например, аффиксы условного наклонения, которые уточняют глагол с точки зрения наклонения, указывают на его зависимость от последующего сказуемого, а тем самым и на зависимость всей предшествующей части предложения от последующей, и служат наиболее ярким формальным признаком условного периода, являясь фактически конструирующим его необходимым структурным элементом. Таковы, далее, вообще все многочисленные словоформы имен (падежные аффиксы) и глаголов (формы дееспричастия, некоторые формы причастия и т. п.), оформляющие так называемые синтетические придаточные предложения и принципиально сходные изоморфные конструкции, являясь их обязательным организующим структурным компонентом — зависимым сказуемым.

Все словоизменительные ударные аффиксы, замыкающие словоформу, используются как сигнал для интонационного выделения соответствующих

⁵ Правда, и в словообразовательных формах диахронически выделяются типовые словообразовательные значения вроде 'занимающийся тем, что обозначено производящей основой' (*умартасы* 'пчеловод', *балыксы* 'рыбак'), на базе которого создается индивидуальное лексическое значение вновь образуемого слова. Но оно не может быть соотнесено только с аффиксом или производящей основой в отдельности, поскольку возникает как значение всей формы в зависимости от характера лексического значения производящей основы. Поэтому один и тот же деривационный аффикс при производящих основах данного семантического разряда приобретает одно такое типовое словообразовательное значение, при других производящих основах — другое.

частей предложения. Многие грамматические категории слов являются достоянием лишь данной части речи. Соответственно их аффиксальные показатели служат дополнительным средством формального выражения категориальной принадлежности данного слова.

Однозначно осмыслить значение смежных морфем помогает порядок следования аффиксов. Например, аффиксы лица в глаголе уточняют находящуюся слева словоформу целиком, указывая на соотнесенность ее содержания со строго определенным действующим лицом; одновременно эти аффиксы способствуют только однозначному осмыслению содержания предыдущего аффикса склонения или времени, который в той же позиции вне сочетания с личными аффиксами является вовсе не показателем временной формы, а собственно причастием или деепричастием.

При всей строгой закреплённости за каждым аффиксом определенной формообразующей функции между смежными аффиксами в зависимости от характера выражаемых ими грамматических значений возникают иногда частные смысловые связи, не предусмотренные законами их сочетаемости в словоформе и обусловленные чаще всего спецификой лексического значения основы. Так, например, деепричастный аффикс *-рас/-гас*, выражающий обычно ограничительное предшествование как условие, при котором совершается последующее действие, после аффикса глагольного отрицания *-ма/-мә* неизменно выражает причинно-следственные отношения, тогда как предыдущий аффикс выступает в своем обычном значении. Очень много сходных модификаций значений имеют аффиксы пространственных падежей в зависимости от аффиксального оформления лексической основы типа *алғанға, алғанлыктан* 'из-за того, что взял', *алыу-ға* 'к тому времени, когда взял'. Сами пространственные падежи, в свою очередь, могут входить в частные словообразовательные отношения с деривационными аффиксами: ср. *анда* 'там' — *андағы* 'находящийся там', *беззә* 'у нас' — *беззәге* 'находящийся у нас'.

На базе сходных частных смысловых связей между смежными аффиксами происходят иногда и необратимые семантические сдвиги, приводящие к образованию качественно нового цельного сложного аффикса, представляющего сложение двух аффиксов. Именно таким путем возникли, например, аффикс целевого инфинитива на *-(ы)рға/-(е)ргә*, исторически представляющий сложение аффикса причастия *-ыр/-ар* и аффикса дательного падежа *-ға/-гә*, аффикс склонения намерения *-максы/-максе*, восходящий к слиянию аффикса имени действия *-мак/-мак* с аффиксом имен деятеля *-сы/-се*.

Монолитных сложных аффиксов, в рамках которых их составляющие части лишены самостоятельного осмысления в отрыве друг от друга, особенно много в области словообразования как современного (1), так и древнего (2): 1) *-лат/-ләт* (< *-ла+т/-лә+т*), *-лан/-лән* (< *-ла/-лә+н*), *-лаш/-ләш* (< *-ла/-лә+ш*) и т. п., где слагаемые аффиксы, взятые отдельно, несут в себе взаимоисключающие значения (переходность/непереходность, активность/неактивность, действие/состояние), которые унифицируются значением замыкающего компонента, нейтрализующего, таким образом, взаимоисключающее значение предыдущего компонента; 2) *-елдерек* (ср. *куз-елдерек* 'очки', *сой-өлдөрөк* 'супонь'), *-ала/-әлә* (*жыуала* 'гонять, погонять', *ыуала* 'порошить, мять', *сүгәлә* 'приседать'), *-арла/-әрлә* (ср. *йомарла* 'скатывать', *бөгәрлә* 'мять', *ботарла* 'разламывать'), *-енте* (*һоронтө ер* 'пашня', *һүренте ер* 'питка, выдернутая из ткани'), *-декле* (*белдекле* 'знаток, знающий свое дело', *булдыклы* 'способный') и т. п.⁶ Несмотря на очевидный производный характер, такие аффиксы в современном языке воспринимаются и функционируют как неделимые аффиксальные морфемы⁷. Соответственно при

⁶ Эти аффиксы выделяются на том основании, что образуют глаголы непосредственно от именных основ: ср. *ярлы-лан* 'обеднеть', *урын-лаш* 'устраиваться' (нет глаголов *ярлы-ла-*, *урын-ла-*).

⁷ Часть сложных аффиксов сходного рода возникла в результате потери продуктивности деривационного аффикса, предполагавшего производящую основу определенной структуры: ср. *ары-м-тал* (*кеше*) 'легко утомляющийся (человек)', *йөрө-м-тәл* (*ат*) 'ходкий'

морфемном членении слова они выделяются как одна морфема, дальнейшее членение которой значимо лишь в исторической морфологии и в исторической лексикологии.

Для аффиксов в историческом плане характерна в известной мере и эволюция их значений. Так, аффиксы, выражающие ныне категорию времени индикатива, почти все восходят к формантам причастий или деепричастий, бытующим ныне с ними в одном ряду на правах совершенно изолированных омонимов. Аффиксальная омонимия еще чаще прослеживается в области словообразования. Немало аффиксов, которые в одном из своих значений бытуют в сфере формообразования, в другом — в словообразовании, представляя собой также лишь омонимы. Таковы, в частности, аффиксы деепричастий, широко используемые в словообразовании глагола в совершенно ином качестве — лишь как структурная морфема, лишенная всякого значения⁸.

Для аффиксальных морфем характерна также и синонимия, особенно для деривационных аффиксов. В этом отношении очень показательна система отыменного аффиксального образования глаголов состояния с единым типовым словообразовательным значением 'приобрести свойство, названное производящей основой', в котором выделяется целая серия аффиксов, вовлекающих в словообразование названия качества, в частности прилагательное и т. п. В результате появляются абсолютные синонимы вроде *насарлан-/насарай-* 'ухудшаться', расширяющие стилистические возможности языка.

По внешнему строению аффиксы характеризуются большой вариативностью. Причем их фономорфологические модификации в башкирском языке в целом как по вокализму, так и, в особенности, по инициальному согласному *д, н, л* гораздо шире, чем в большинстве тюркских языков. Достаточно сказать, что один и тот же аффикс в зависимости от условий своего употребления может иметь до 16 алломорфов, в их числе четыре алломорфа только по составу гласных. При аффиксации некоторые фономорфологические вариации допускает и основа слова. Но в этом отношении как раз башкирский язык мало отличается от остальных тюркских языков.

Аффиксация как способ формального выражения широко применяется в образовании аналитических форм и отчасти при редупликации.

Аналитические формы по своей природе бывают двух видов:

1) большинство их исторически представляет сложение соответствующей аффиксальной формы слова, в частности деепричастия, со служебным словом, которое, семантически сливаясь с предыдущим аффиксом, замыкающим лексическую основу (ядро) данного слова, выделяется и существует вместе с ним как одна сложная морфема аффиксального характера, регулярно прибавляемая к основе слова в одном и том же значении: ср. *бар-а инек* 'мы шли', *бар-ыр инек* 'я бы пошел', *бар-а торғас* 'идя (туда)', где выделяются сложные аффиксоподобные формативы *-а ине*, *-ыр ине*, *-а торғас* как устойчивые показатели соответствующей грамматической категории (первая морфема выражает прошедшее незаконченное время индикатива, вторая — составительное наклонение, третья — деепричастие со значением следствия);

2) многие аналитические формы предстают как устойчивые, но в принципе свободные сочетания одной из словоформ слова со служебным словом, уточняющим ее в отношении какой-либо грамматической категории: ср. *бармаксы* 'он намерен идти' и *бармаксы ине* 'он был намерен идти', а также нулевые формы сказуемости имен типа *кызык* 'интересный', *артист* в их отношении к синтаксическому индикативу типа *кызык ине* 'было интересно', *кызык булманы* 'было не интересно', *артист булды* 'он стал артистом'.

(копь)', *ошо-м-тэл (кеше)* 'мерзлячка', где производящей основой служила рудиментарная форма имени действия на *-ым/-ем*, аффикс которого слился со словообразующим аффиксом *-тал/-тэл* по мере потери его продуктивности.

⁸ Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 86—133; Алтымов М. Х. Образование лексико-грамматических омонимов (омоформ) в башкирском языке. — В кн.: Башкирская лексика. Уфа, 1966, с. 24; Джурбаев М. А. Аффиксальная омонимия в узбекском языке. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Ташкент, 1975.]

В первом случае непосредственно составляющие элементы аналитической формы фактически лишены характера значащей морфемы, в ее рамках они не могут быть даже осмыслены в отрыве друг от друга, представляя лишь в своей совокупности как одна сложная семантически цельная морфема аффиксального типа. Во втором случае служебное слово выделяется в относительно автономном грамматическом значении, которое обычно передается аффиксом. Первый случай перекидывает мостик к аффиксации, как об этом наглядно свидетельствует принципиальная возможность превращения аффиксоподобного сходного форманта в собственно сложный производный аффикс типа *(бар)ғайны* < *(бар)ған ине* 'он ходил', *(кил)ғэйне* < *(кил)ған ине* 'он приходил'. Во втором же случае обнаруживается в принципе полный изоморфизм с сочетанием полнозначного имени с послелогом, от которого аналитические формы отличаются, однако, своим сугубо грамматическим значением и вхождением в этом значении в бинарное противопоставление с нулевой формой слова.

Нулевая форма представляет значимое отсутствие служебного слова — ср. формы на *-максы/-максе* и *-максы ине/-максе ине*, где первая форма сама по себе не имеет положительного содержания настоящего времени и не выражает его, а получает это содержание лишь постольку, поскольку положительное содержание времени, в частности значение прошедшего, однозначного выражено формально в составе отмеченного члена противопоставления на *-максы ине*, по отношению к которому неотмеченный член *-максы/-максе* и воспринимается как непрошедшее время наклонения намерения⁹.

Первая группа аналитических форм характерна главным образом для парадигматики и словообразования глагола, вторая — преимущественно для имен в позиции сказуемого со связкой.

Аналитические формы в целом особенно большое место занимают в системе глагола, где они прочно стали в одном ряду со словообразовательными и собственно грамматическими аффиксальными формами.

Редупликация, необычайно широко используемая как продуктивный способ создания эмоционально-экспрессивной лексики, в частности звукоподражаний, образоподражаний, существительных и отчасти наречий с собирательным ироническим значением, представлена в башкирском языке следующими основными разновидностями:

1) полная редупликация: а) звукоподражательных или образоподражательных комплексов, обычно не имеющих самостоятельного употребления (*шыптыр-шыптыр* 'шурша, шелестя, с шумом', *шыпын-шыпын* 'тихонько, втихомолку'), б) словарных форм слов, в частности прилагательных типа *оло-оло өйзәр* 'большие-большие дома', в) аффиксальных форм слова типа редуплицированной регулярной формы деепричастия типа *бара-бара* 'идя', *укый-укый* 'читая', представляющей одну из парадигм глагола;

2) повторение лишь первого слога слова с добавлением структурной морфемы *-n-* (в отдельных случаях *-nл-, -m-*) и с перенесением ударения на редупликацию типа *кып-кызыл* 'красный-красный', *кап-кара* 'черный-черный';

3) повторение с изменением фонемного строения слова: а) фонеморфологическое контрастирующее варьирование по признаку сингармонизма типа *тимер-томор* 'разное железо, железный лом', *иске-мошко* 'всякое старье', б) замена первого гласного или начального согласного слова типа *һирәк-мирәк* 'изредка', *кыйык-мыйык* 'вкривь и вкось', *сокор-сақыр* 'ухабищенное место', *каты-кото* 'сухомятка', в) вставка структурной морфемы типа *-m-, -h-*; *ағас-мағас* 'деревья всякие', *имеш-мимеш* 'слухи всякие', *урык-һурык* 'урывками', г) более частные, но не менее существенные изменения фонемного состава слова типа *ажһак-туһак* 'всякие хромые', *әпен-тәпән* 'кое-как (поест)'. Из этих структурных типов повторов в целом наиболее широкое

⁹ Более подробно о природе аналитических форм см.: Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965; Оралбаева Н. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. Автореф. дис. . . д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1971.

применение имеют первый и последний. В формообразовании участвуют лишь второй и отчасти первый (повторение формы деепричастия) структурные типы.

Грамматические формы слов независимо от того, каким из рассмотренных трех основных способов формального выражения они образованы, представляют соответствующие категории, существующие в принципе на одинаковых правах. Так, деепричастия представлены главным образом аффиксальными словоформами, в одном ряду с ними бытуют отдельные аналитические формы деепричастия типа *-a торғас* и редуцированная регулярная форма деепричастия на *-а/-э, -й*. Формы прошедшего времени индикатива в большинстве случаев образуются аналитическим способом, и лишь две из них образуются с помощью аффиксов. Оба структурных типа форм являются совершенно равноправными парадигмами глагола.

Как и в других тюркских языках, в башкирском языке более или менее разветвленную систему словоформ имеют лишь имена существительные и глаголы, поляризованные по категориальному значению, парадигматике и синтаксическим функциям. Кроме них, в формообразовании участвуют лишь имена прилагательные и наречия, образуя две разновидности интенсификации, или степеней сравнения. Местоимения и имена числительные в необходимых случаях пользуются на общих основаниях грамматическими формами, характерными для имени существительного.

В словоизменительной морфологии по сравнению с другими тюркскими языками во многом своеобразной представляется только лишь парадигматика глагола, почти полностью совпадающая лишь с парадигматикой глагола в татарском языке. Словообразовательная же морфология имеет в целом гораздо более значительные особенности как по составу словообразовательных типов и форм, так и, в особенности, по степени их продуктивности. В этом отношении башкирская морфология во многом существенно отличается даже от татарской.

Кроме того, в морфологии современного башкирского литературного языка обращает на себя внимание наличие синонимичных форм типа *барғым килэ/барғым килэ* 'хочу идти', а также очень близких по значению форм вроде *бармаксы* 'он намерен идти', *барырга итэ/барырга итэплай/барырга уйлай* 'он собирается идти', *барырга булды* 'он решил пойти' и т. п.

Все слова современного башкирского литературного языка как единицы грамматики сообразно со своим категориальным значением, морфологической изменяемостью или неизменяемостью и по синтаксическим функциям делятся на 12 частей речи: существительное, местоимение, числительное, прилагательное, наречие, глагол, подражательные слова, модальные слова, междометия, послелоги, союзы, частицы.

По степени лексико-семантической однозначности и самостоятельности и по способности выступать на уровне синтаксиса в качестве отдельного члена предложения или словосочетания части речи объединяются в два разряда: первые девять частей речи составляют знаменательные слова, последние три — служебные слова, противопоставленные знаменательным частям речи главным образом своей неспособностью выполнять функцию отдельного члена предложения и своим назначением для выражения семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами или частями предложения.

Среди знаменательных частей речи по своей грамматической значимости выделяются две поляризованные части речи — существительное и глагол, составляющие основу грамматического строя тюркских языков. Противопоставленные друг другу и парадигматически, и синтагматически, они генерализуют вокруг себя почти все остальные части речи. Да и по коммуникативной значимости существительное и глагол занимают в речи ведущее положение, представляя субъект и предикат всякого суждения. Соответственно они доминируют и в словаре — существительные составляют в целом половину лексики, далее по численности следует глагол, насчитывающий примерно более 15 тыс. стабильных основ. Остальные части речи, вернее ста-

бильный их лексический состав, в сумме составляют немногим более четверти всего словаря.

Существительное и глагол уже на лексико-семантическом уровне характеризуются четкой и последовательной дифференцированностью и противопоставляются друг другу по своим категориальным значениям и синтаксическим потенциям, не говоря о дифференцированности разветвленной системы их словообразовательных и словоизменительных форм, однозначно определяющих их категориальную принадлежность и одновременно отличающих их как друг от друга, так и от остальных частей речи.

Из всех частей речи и существительное и глагол обладают самой многочисленной системой словоформ, которые и представляют их грамматические категории, исключая использование одной из них в роли другой, тогда как любые другие части речи могут быть осмыслены как существительные. Даже общие для них обоих грамматические категории представлены разными формами (ср. предикативные формы глагола и существительного), в том числе и принципиально разными способами формального выражения (ср. отрицание, выражаемое при существительном лексико-синтаксически, а в глаголе специальным аффиксом), исключая множественное число, выражаемое главным образом афф. *-лар/-лэр*.

Четко распределены роли существительного и глагола в синтаксисе, где они в своих основных словоформах, составляющих их сущность как части речи (основной падеж существительного и личные формы глагола), тоже противопоставлены друг другу по выполняемой синтаксической функции, исключая функцию сказуемого, где существительное выравнивается по аналогии с глаголом, принимая формы сказуемости. Глагол неизменно управляет существительным и в предложении выступает, будучи сказуемым, ведущим конституирующим структурным элементом всего предложения, соотносящимся с подлежащим-существительным.

Существительное генерализует все остальные именные части речи, послелоги и частицы: прилагательное, послелоги и частицы взаимодействуют с ним на разных началах как зависимые, подчиненные ему слова, предназначенные для уточнения его содержания, а местоимения и числительные по существу распадаются на лексико-семантические разновидности существительного (личные местоимения, часть всех остальных разрядов местоимений; количественные и собирательные числительные) и прилагательного (часть указательных, вопросительных, определительных и неопределенных местоимений, порядковые, разделительные, приблизительные числительные), которые по морфологической изменямости, синтаксическим функциям и категориальному значению мало чем отличаются от собственно существительных и прилагательных, по аналогии с которыми они выравниваются в каждом данном своем употреблении. (Среди самих общепризнанных существительных также есть разряды, например собственные имена определенного профиля, которые в сфере формообразования и по синтаксическому использованию обнаруживают значительные отклонения от общих правил функционирования остальных существительных.)

Из именных частей речи по степени своей лексико-семантической, морфологической и синтаксической дифференцированности и обособленности после существительного можно назвать, таким образом, только прилагательное, выражающее признак предмета. Местоимения и числительные как в свободном, так и, в особенности, в связанном употреблении так или иначе в конечном итоге функционируют либо как существительные, либо как прилагательные, а часть их в зависимости от условий реализации может быть и в том, и в другом качестве, однако, преимущественно лишь в одном из них¹⁰.

По категориальному значению и морфологической изменямости к прилагательному ближе всего стоит наречие, предназначенное, однако, для выражения не признака предмета, а признака самого признака, причем пре-

¹⁰ Значительная часть вопросительных местоимений по сути бытует на правах наречий (ср. *жасан килэр?* 'когда придет?').

имущественно признака живого действия как его определенного параметра в пространстве и времени (этим и объясняется принципиальная возможность использования одной и той же лексемы и как прилагательного, и как наречия не только в тюркских языках, но и в языках иных семей). При всей естественной лексико-семантической близости к прилагательному наречие на собственно грамматическом уровне входит в сферу принципиально иного синтаксического полюса — глагола, подчиняется ему, зависит от него, характеризуя его как часть речи.

По категориальному значению к наречию сравнительно близко стоит большинство модальных слов. Но они, в отличие от наречий и прилагательных, не связаны с определенной частью речи и характеризуют обычно не столько определенный член предложения, сколько все предложение или его часть. Более того, многие модальные слова имеют преимущественно предикативное употребление и в этом отношении сближаются с глаголом (а слова типа *кэрэж* 'нужно, надо', *тейеш* 'должен' даже частично пользуются формобразованием глагола). Некоторые же модальные слова функционально весьма близки к частицам. Будучи в целом разнородными семаснологически и синтаксически, модальные слова тем не менее не совпадают полностью ни с одним другим классом слов. Это и позволяет выделить их как самостоятельную часть речи.

По сравнению с остальными частями речи особняком стоит междометия, которые на синтаксическом уровне тоже характеризуются обособленностью: находятся, по существу, вне структурной схемы предложения, появляются в нем лишь сообразно с коммуникативными запросами; нередко выступают и как самостоятельное высказывание, особенно в диалогической речи. Из всех частей речи известную общность на морфологическом и синтаксическом уровнях междометия имеют лишь с некоторыми модальными словами, а также с отдельными предикативно употребляемыми звукоподражаниями и образоподражаниями. Среди междометий особый по назначению класс слов составляют вокативы-императивы, в частности, особые звательные лексические единицы, предназначенные для отгона и подзыва животных и т. п. Отдельные из таких вокативов выделяются также и по фонемному составу. Так, вокатив *трррр*, предназначенный для остановки лошади, содержит губно-губной *р*, радикально отличающийся от обычного *р* и представленный только в этом единственном слове. Междометные звательные слова в целом функционально близки к глагольным императивам типа *айзук!* 'проходите!'; *йагез!* 'давайте!'

Морфонологически к междометиям близко стоят звукоподражания и образоподражания, которые в свободном употреблении имеют преимущественно предикативное назначение, наподобие глагола. Одни звукоподражания и образоподражания имеют устойчивое фонемное строение и обладают регулярной воспроизводимостью в одном и том же значении во всех нужных случаях, т. е. наделены всеми необходимыми признаками полнозначного слова, а другие в определенных пределах и случаях допускают без ущерба для их значения замену одного звука другим и к тому же нередко создаются непосредственно в момент речи для данного высказывания по определенным типовым образцам и после их единичного употребления как бы «рассыпаются» и в качестве готовой стабильной лексической единицы больше не существуют. В словарях регистрируются, естественно, лишь регулярно воссоздаваемые более или менее стабильные звукоподражания и образоподражания. Мобильный состав звукоподражательных слов большей частью представляет предмет специальных морфологических описаний, где и дано их строение по выработанным типовым моделям.

Другую характерную особенность звукоподражаний и образоподражаний составляет их преимущественно связанное употребление с глаголом *ит-* 'делать' или в составе производной глагольной основы, образованной с помощью деривационного аффикса. Свободным же употреблением обладает в целом лишь часть звукоподражательных и образоподражательных слов.

При этом они обычно выполняют функцию сказуемого или же представляют даже самостоятельное высказывание.

Среди служебных частей речи высокой развитостью и большей значимостью на грамматическом уровне выделяются послелогои, предназначенные главным образом для выражения синтаксических отношений при имени, а при глаголе, в частности, при имени действия, и причастии употребляемые постольку, поскольку эти формы по категориальному значению выравниваются по аналогии с существительным (при этом причастия принимают даже формы соответствующих падежей, тем самым на общих основаниях подчиняясь падежному управлению данного послелогоа).

Послелогои весьма разнородны по сфере своего употребления, значениям и функциям, а также по управлению падежами. Одни из них, в частности, *арҡыры*, *аша* 'через', *утә* 'сквозь', *хакта*, *турала* 'о', употребляются только при имени. Другие, например *күрә* 'благодаря', *сәбәтле* 'по причине, благодаря' и т. п., преимущественно выступают при глаголе. Послелогои *һуң* 'после', *борон* 'до', *алын* 'начиная', *айжанлы* 'из-за' и т. п. представляют лексико-грамматические омонимы соответствующих знаменательных слов и образуют послелогожно-глагольные конструкции для выражения целого ряда структурных типов связанного сказуемого.

подавляющее же большинство послелогогов выступает преимущественно при имени и отчасти при разных формах глагола, как правило, в одном и том же значении (таковы, в частности, сравнительные послелогои *кеуек*, *шикелле*, *һымак* 'как, подобно', причинные послелогои *өсөн* 'для', *сәбәтле* 'по причине, благодаря', послелогои с временным или пространственным значением типа *бирле* 'начиная', *тиклем* 'до', а также послелогои *хакында*, *тураһында* 'о'). Отдельные послелогои при имени обнаруживают одно значение, при глаголе — другое. Таков, например, послелог *менән*, который при существительном имеет орудное или совместное значение (*балта менән* 'топором', *кыздар менән* 'вместе с девушками'), а при имени действия выражает ограничительно-временное значение (*килеү менән* 'как только прибыл').

Послелогои *өсөн*, *кеуек*, *шикелле*, *һымак*, *һайын*, *бирле*, *тиклем*, *саҡлы*, *хәтлем*, *кәзәре* широко применяются в значении подчинительного союза в составе придаточной части сложноподчиненных предложений.

В предлагаемом ниже очерке о послелогогах охарактеризованы по традиции далеко не все из них, как в этом можно легко убедиться, ознакомившись с соответствующими разделами синтаксиса, восполняющими этот традиционный пробел.

Очерк о послелогогах не включает в себя также и обзор так называемых служебных имен, которые принято описывать в одном ряду с послелогогами. Это вызвано принципиальными соображениями, которые обоснованы на уровне как башкирского, так и общетюркского языкознания¹¹.

Служебные имена как таковые могут быть выделены только с точки зрения их переводимости на русский язык действительно служебной частью речи — предлогами. Из них служебную функцию, сходную с назначением послелогогов, выполняют лишь лексикализованные формы *арҡаһында* 'вследствие, по причине' и, отчасти, *өст(өндә)*, *буй(ы, -ына)*, *арт(ынан)*, *алд(ында)*, когда они, теряя категориальное свойство существительного, после названий абстрактных понятий выражают отвлеченные пространственные и временные отношения.

Слово *өстөндә* в сочетании с абстрактным названием *тема*, *проблема* приобретает служебное значение 'над' (1), а при названии действия типа *эш* 'дело, работа', лексикализуется (2): 1) *Была тема өстөндә ике йыл эшләнем* 'Я работал над этой темой два года'; 2) *эш өстө* 'страда', *ураж өстө* 'жатва, период жатвы', *бесән өстө* 'сенокос, период сенокоса'. Лексикализованная форма *буйы* (*буй* 'рост, длина'), сочетаясь с названиями времени типа *сәғәт*

¹¹ См.: Юлдашев А. А. К характеристике служебных имен в башкирском языке. — Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972, с. 39—51; Он же. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, с. 304—325.

'час', *көн* 'день', означает 'на протяжении времени, названном предыдущим именем': *йыл буйына* 'в течение года', *ике ай буйы* 'в течение двух месяцев'. В сочетании с существительными, выражающими неопределенное множество предметов, абстрагируется и по своему положению напоминает послелог *араһында* (*ара* 'промежуток'): *халыҡ араһында* 'среди народа', *япраҡ араһында* 'среди листвы'. Форма *артынан* (*арт* 'задняя сторона'), находясь после дополнения перед глаголами движения типа *бар-* 'идти', *кил-* 'прийти', в зависимости от контекста может означать 'за кем-л./чем-л. (цель)' или 'следом за кем-л./чем-л.': *справка артынан килдем* 'я пришел за справкой', *машина артынан барҙыҡ* 'мы шли (ехали) вслед за машиной' и 'мы ходили, ездили за машиной (цель)'; *артындан килдем* 'я пришел за тобой (чтобы увести тебя)' и 'я шел за тобой (следом)'. В известной мере абстрагируется в зависимости от условий своего употребления форма *алдында* (*алд* 'передняя сторона'), *халыҡ алдында оят* 'стыдно перед народом'.

В остальных же случаях эти существительные, как и все так называемые служебные имена, выступают в своем обычном лексическом значении в качестве существительных: ср. *һыу өстөндә* 'на поверхности воды', *тау башында* 'на вершине горы', *тау битендә* 'на склоне горы', *тау борононда* 'на выступе горы', *тау аҫтында* 'у подножья горы', *күл йөзөндә* 'на глади озера', *күл тирәһендә* 'вокруг озера', *күл янында* 'около озера', *урам уртаһында* 'на середине улицы', *мәктәп эргәһендә* 'около, вокруг школы', *алдында* 'передо мною', *артында* 'за мною', *өй эсендә* 'внутри дома' и т. п.

Обозначая синтаксические отношения между именами или между именем и глаголом, собственно послелог функционально ближе всего стоит к союзам. Этим и вызвано широкое использование ряда послелогов в роли союзов.

Собственно союзов в башкирском языке в целом немного. Они характеризуются четкостью своих значений и функций. Наряду с ними необычайно широко употребляются союзные слова *тип* 'для; чтобы; с тем, чтобы', *тигән* 'такой'. Кроме того, говоря о союзах, нельзя обойти молчанием широко употребительные в составе сложных предложений одиночные и парные относительные слова, как и союзы, предопределяющие структуру и семантику ряда так называемых аналитических сложноподчиненных предложений.

В функции союзов выступают некоторые послелог и усилительная частица *да/дә, та/тә, за/зә, ла/лә*. Союзы, в целом не получившие в башкирском языке значительного развития, тесно взаимодействуют с остальными средствами выражения синтаксической связи слов, членов и частей предложения, особенно со специальными словоформами такого назначения, которые доминируют над ними на уровне усложненного простого предложения и в синтаксисе сложного предложения. Нередко союзная связь без ущерба для нее может быть заменена словоформой сказуемого. В ряде случаев употребление союза носит факультативный характер (в частности, союзы *әгәр* 'если' при условном наклонении глагола, *һәм* 'и', значение которого может передаваться интонацией и местоположением членов и частей предложения). Вместе с тем, многие союзы составляют необходимый конституирующий элемент ряда структурно-семантических типов сложных предложений (см., например, раздел «Сложносочиненное предложение с союзами»).

Самый малочисленный, но очень разнородный класс слов составляют частицы, большинство из которых функционирует на правах аффиксов, хотя за небольшим исключением и имеет отдельное написание, отражающее возможность интонационного выделения частиц. Одни из них по назначению близки к модальным словам (таковы все модальные частицы, например частица *дыр/дер*, выражающая неуверенное предположение), другие — к наречиям (такова частица *әле*, обозначающая преимущественно временные отношения), третьи мало чем отличаются от аффиксов (такова вопросительная частица *мы/ме*, которая может быть представлена перед замыкающим аффиксом словоформы: *һаумыһығыҙ* 'здравствуйте').

Большинство частиц в одинаковом значении употребляется и при именах и при глаголе. Однако отдельные частицы по значению в этих двух случаях не совпадают: ср. *ул сы* 'он же' и *кил се* 'иди-ка', *без зә* 'мы тоже' и *килгәс тә*

‘как только явились’, *без генә* ‘только мы’ и *килгәс кенә* ‘лишь после прихода’. Частицы *сы/се* и *эле* модифицируют свое значение также в зависимости от формы глагола: ср. *белмәйем се* ‘я ведь не знаю’ и *бир се* ‘дай, пожалуйста’; *кил эле* ‘иди-ка’ и *килмәне эле* ‘еще не явился’.

Усилительная частица *да/дә* характеризуется полифункциональностью. Помимо своего исходного назначения она употребляется в функции соединительного союза и, кроме того, участвует в создании аналитической формы уступительности на *-һа/-һә*, *-ла/-лә* (*барһа ла* ‘хотя и ходил, несмотря на то, что ходил’), аналитической формы деспричастия типа на *-ғас та* (*килгәс та* ‘как только явился’), *-п та* (*йәй етеп та кон йылынмай* ‘хотя и наступило лето, дни не потеплели’).

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное — часть речи со значением предметности в ее статике. Им обозначаются живые существа, предметы, явления реальной действительности, их отношения и состояния, абстрактные понятия.

Имя существительное в башкирском языке выступает в грамматических категориях падежа, числа, принадлежности, сказуемости.

На синтаксическом уровне имя существительное является одной из наиболее широкоупотребительных частей речи, выполняющих чаще всего функцию подлежащего и дополнения, значительно реже — сказуемого, определения и обстоятельства.

В лексико-семантическом аспекте существительные делятся на имена собственные и нарицательные. К первой группе относятся имена людей, названия местностей, единичных предметов, прозвища и т. п. Имена нарицательные, составляющие половину лексики, являются обобщенными названиями множества однородных предметов, явлений, их отношений и состояний.

Одушевленность / неодушевленность в башкирском языке морфологически не выражена. Оставаясь на семантическом уровне, она в тюркских языках отчасти получает отражение в категориальной противопоставленности «личность / неличность», контролируемой подстановкой местоимения *кем* ‘кто’ только для наименования человека и местоимений *ни*, *нимә* ‘что’ — для названий всех остальных живых существ, предметов и явлений.

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, нет грамматической категории рода. Существуют только лексические средства обозначения признаков пола.

Существительные, противопоставленные по обозначению мужского и женского пола, различаются лексически: *бабай* ‘дедушка’ — *әбей* ‘бабушка’, *үгез* ‘бык’ — *һыйыр* ‘корова’, *этәс* ‘петух’ — *тауыҡ* ‘курица’ и т. д. При отдельных названиях лиц, животных и птиц, не охарактеризованных по полу, в целях выражения этого признака употребляются слова-определители — *ир* ‘мужчина’, *кыз* ‘девочка’, *ата* ‘самец’, *инә* ‘самка’: *ир бала* ‘мальчик’ (букв. ‘мужчина-ребенок’) — *кыз бала* ‘девочка’ (букв. ‘девочка-ребенок’); *ата бесәй* ‘кот’ (букв. ‘самец-кошка’) — *инә бесәй* ‘кошка’ (букв. ‘самка-кошка’); *ата җаз* ‘гусак’, — *инә җаз* ‘гусыня’ и т. д.

В немногих названиях лица, особенно в личных именах арабского происхождения выделяется афф. -ә, который служит для различения лиц женского пола: *шағир* ‘поэт’, *шағирә* ‘поэтесса’, *Ғәлим* (муж. имя) — *Ғәлимә* (жен. имя), *Йәмил* — *Йәмилә*, *Кәрим* — *Кәримә* и т. п.

В личных именах персидского происхождения такого морфологического противопоставления нет, поэтому отдельные из них даются лицам мужского и женского пола: *Маруәр*, *Сәруәр*, *Фирзәуес* и др. В последнее время наблюдается усиление тенденции к наращиванию заимствованных женских имен, оканчивающихся обычно на согласные, финалями на гласные *-(и)ә*: *Ғәмбә-*

риэ в.м. *Ғәмбәр*, *Гүзәлиә* в.м. *Гүзәл*, *Дилбәрә* в.м. *Дилбәр*, *Ғәүһәриә* в.м. *Ғәүһәр* и т. д.

Следы обозначения пола морфологическими средствами имеются в зоонимах монгольского происхождения: *кюнан* 'жеребец-трехлетка' — *кюнажын* 'кобыла-трехлетка', *дунэн* 'жеребец-четырёхлетка' — *дунэжен* 'кобыла-четырёхлетка'. В некоторых терминах родства и свойства сохранились специфические древнетюркские аффиксы для обозначения лиц женского пола *-са*, *-сә*: *козаса* 'сваха (молодая)', от *коза* 'сват', *бисә* 'жена, женщина' от *бей* 'бей'; *-ым*, *-эм*: *ханым* 'ханша' от *хан*, *бикәм* 'старшие сестры мужа (по отношению к невесте, снохе)' от *бик*, *бәк* 'бек'; *-сар*, *-сәр*: *ейәнсәр* 'внучка' от *ейән* 'внук', *бүләсәр* 'правнучка' от *бүлә* 'правнук'.

Морфологическое различие пола в названиях лиц наблюдается и в новых заимствованиях из русского языка, в частности, в словах, обозначающих профессию, род занятий, звание и т. п.: *артист* — *артистка*, *комсомолец* — *комсомолка*, *санитар* — *санитарка*, *официант* — *официантка* и т. д. Однако такая дифференциация не проводится последовательно по всем разрядам заимствованных слов. И, наконец, под влиянием русского языка развились окончания мужского и женского рода в фамилиях и отчествах *-ов(а)*, *-ев(а)*, *-ин(а)*; *-ович*, *-евич*, *-ич*, *-евна*, *-овна*; *Галимов* — *Галимова*, *Мухтарович* — *Мухтаровна* и т. д.

Все приведенные средства обозначения пола в основном остаются на лексико-семантическом и лексико-синтаксическом уровнях; они так и не грамматикализовались, благодаря чему согласование по роду между определением и определяемым, подлежащим и сказуемым отсутствует.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

А Ф Ф И К С А Ц И Я

ВЫСОКОПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Афф. *-лык/-лек*, *-лок/-лөк*

Среди именных словообразующих формантов афф. *-лык* в современном башкирском языке является самым продуктивным. Им образовано более 15% всех имен существительных. При этом из четырех фонетических вариантов данного аффикса неогубленные *-лык* и *-лек* значительно преобладают над огубленными *-лок* и *-лөк*. Достаточно отметить, что с первыми в «Башкирско-русском словаре» (М., 1958) зарегистрировано 1150 слов, а с последними 90.

Семантика слов, образованных с помощью афф. *-лык* очень широка и многообразна. Поэтому есть мнение, что правомерно рассматривать отдельные формы с этим аффиксом как омонимичные образования. Однако материалы современного башкирского языка подтверждают правильность другого, высказанного проф. Н. К. Дмитриевым, определения сущности этого показателя: «Несомненно, что при всем разнообразии функций природа аффикса *-лык* едина»¹. Исходя из этого положения, Н. К. Дмитриев выделил четыре основных значения афф. *-лык*: 1) концентрация отдельных конкретных предметов в каком-либо месте; 2) обозначение абстрактных понятий; 3) название прибора, инструмента или приспособления; 4) значение известной целеустремленности или направленности².

Позднее, на материале ряда других тюркских языков были отмечены еще два значения *-лык*: название местохранилища и название положения, состояния или обязанности лица³.

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 67.

² Там же, с. 66—67.

³ Севортян Э. В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 314.

Все шесть значений характерны для афф. *-лык* в современном башкирском языке. Последующий материал приводится для раскрытия этих значений, их конкретизации и большей дифференциации.

1. От названий различных предметов и явлений природы *-лык* образует имена существительные со значением 'местность, изобилующая или характеризующаяся тем, что выражено производящей основой': *ағаслык* 'роща, лесок', *баткаклык* 'топь', *бозлок* 'ледник', *болонлок* 'луга', *ерлек* (перен.) 'почва, основание', *иңкеулек* 'склон', *калкыулык* 'возвышенность', *комлок* 'пески', *кыуаклык* 'кустарник', *сабылык* 'покосы', *сокорлок* 'овражистая, изрытая местность', *сәскәлек* 'цветник', *текалек* 'крутизна', *уйһыулык* 'низменность', *урманлык* 'лесистое место', *эрамәлек* 'полесье' и т. д.

По мнению Н. К. Дмитриева именно эта функция афф. *-лык* легла в основу всей многозначной и чрезвычайно емкой семантики данного аффикса, что подтверждается и тем, что многие из приведенных слов относятся к категории так называемых собирательных имен существительных, а, как известно из истории развития человеческого познания, понятия о собирании или объединении каких-либо предметов и их качеств предшествовали возникновению идей, обобщающих или абстрагирующих эти реалии и их свойства.

Любопытно, что в условиях горно-лесной Башкирии многие (если не все) названия пород деревьев и т. п. дали в сочетании с афф. *-лык* обозначения собирательных понятий 'лес', 'заросли': *имәнлек* 'дубняк', *йүкәлек* 'липовая роща', *кайынылык* 'березняк', *камышлык* 'заросли камыша', *карағайлык* 'сосняк', *карамалык* 'вяз(ов)ник', *сейәлек* 'вишеник', *таллык* 'ивняк', *туһыралык* 'дубнячок'.

2. От некоторых основ, обозначающих природные объекты, обработанные человеком, афф. *-лык* образует названия места действия и хранилищ: *бесәнлек* 'сеновал', *сүплек* 'свалка мусора', *тимерлек* 'кузница', *утынылык* 'дровяник'.

3. Присоединяясь к названиям лиц по свойству, афф. *-лык* образует имена существительные с отвлеченным значением. При этом в качестве основ могут выступать не только имена существительные, но и прилагательные, числительные, причастия и т. п. Так, от имен существительных образованы: *батырлык* 'героизм', *егетлек* 'джигитовка', *кешелек* 'человечность', *коллок* 'рабство', *мактансыклык* 'хвастовство', *торғонлок* 'застой, депрессия', *хаталык* 'ошибочность', *йәшлек* 'молодость', *картылык* 'старость', *куржаклык* 'трусость' и т. д.

От качественных и относительных имен прилагательных *-лык* образует опредмеченное качество: *баш-баштаклык* 'своеволие', *бейеклек* 'высота', *бөйөклөк* 'величие', *йышлык* 'частота', *калынылык* 'толщина', *караңғылык* 'темнота', *катылык* 'твердость', *комағайлык* 'жадность', *оқишаилык* 'подобие', *сибәрлек* 'красота', *тәрәнлек* 'глубина', *яңылык* 'новость', *матурлык* 'красота', *туҡлык* 'сытость' и др.

Афф. *-лык* легко соединяется с заимствованными словами, ср. новообразования: *агрессивлек* 'агрессивность', *актуаллек* 'актуальность', *вульгарлык* 'вульгарность', *гуманлык* 'гуманность', *объективлек* 'объективность', *реаллек* 'реальность', *простойлык* (разг.) 'простота'.

К этой же рубрике могут быть отнесены многочисленные случаи, когда *-лык* присоединяется к основам имен на *-лы* и на *-һыз*:

бер баишыклылык 'единоначалие', *болотлолок* 'облачность', *булдыклылык* 'предприимчивость', *ике йөزلөк* 'двуличие, двурушничество', *идеялылык* 'идейность', *куңеллек* 'веселость', *нәтижәлек* 'результативность', *образлылык* 'образность', *партиялылык* 'партийность', *планлылык* 'плановость', *радиоактивлек* 'радиоактивность', *эзмә-эзлек* 'последовательность', *яуаплылык* 'ответственность', *Үз һүҙлек* 'своенравие';

гонимһызлык 'посвиновность', *игелекһезлек* 'бесполезность', *кешелекһезлек* 'бесчеловечность', *көсһөҙлек* 'бессилие', *мәғәнәһезлек* 'бессмысленность', *оһозлоҡ* 'дешевизна', *ризаһызлык* 'несогласие', *тәртипһезлек* 'безобразие, не-

устроенность', *унайһыҙлыҡ* 'пseudобство', *оятһыҙлыҡ* 'бесстыдство', *шиһезлек* 'безработица'.

От имен числительных афф. *-лыҡ* образовано небольшое количество слов, в том числе *берлек* 'единство', *беренселек* 'первенство'.

От паречий могут быть образованы имена типа *бергәлек* 'общность, сообщество', *берҙәйлек* 'тождество', *үзенсәлек* 'особенность' и т. д.

4. От имен — названий человека по его деятельности, профессии, положению и т. п. *-лыҡ* образует имена существительные со значением положения, состояния, профессии, занятий или должности данного лица: *авторлыҡ* 'авторство', *банкротлыҡ* 'банкротство', *инвалидлек* 'инвалидность', *инженерлек* 'профессия инженера', *лауреатлыҡ* 'звание лауреата', *сәһнлек* 'искусство сказителя'.

Сюда же относятся и образования с *-лыҡ* от основ, не называющих лиц, а лишь указывающих на них; чаще всего в их роли выступают личные местоимения, реже — другие части речи: *Караһаҡалдың кемлеген белер өсөн үз янына саҡырҙы* (фолькл.) 'Чтобы узнать, кто такой Карасакал, он позвал его к себе'; *Ажырған башлыҡ түгел, ажылы бар башлыҡ* (посл.) 'Не тот вождь, кто кричит, а тот кто мыслит'.

Особо следует выделить случаи, когда основой, к которой присоединяется афф. *-лыҡ*, является имя деятеля на *-сы*. Так образуются названия отвлеченного понятия профессии, круга обязанностей лица и т. д.: *баҡсасылыҡ* 'садоводство', *игенселек* 'хлебопашество', *илселек* 'посольство', *йәшелсәселек* 'овощеводство', *малсылыҡ* 'животноводство', *ударсылыҡ* 'ударничество', *уҡытыусылыҡ* 'учительство', *хәйерселек* 'нищенство' и др.

Имеется целый ряд образований на *-лыҡ* от основ с афф. *-сы*, самостоятельно не употребляющихся. Так, при существующем *азсылыҡ* 'меньшинство' не существует *азсы*, при *арзансылыҡ* 'дешевизна' — *арзансы*, *батырсылыҡ* 'богатство' — *батырсы*, *кустарсылыҡ* 'кустарничество' — *кустарсы*, *күпселек* 'большинство' — *күпсе*, *кәмселек* 'недостаток' — *кәмсе*, *түбәнселек* 'смирение' — *түбәнсе* и др. Ср. также *аңлашмаусылыҡ* 'недоразумение' (но *аңлашмаусы?*), *килешалмаусылыҡ* 'непримиримость' (но *килешалмаусы?*) и т. д.

Происхождение подобных форм объясняется, очевидно, словообразованием по аналогии. Но здесь правомерно считать, что в современном башкирском языке складывается новый аффикс *-сылыҡ*, *-селек*, *-солоҡ*, *-сөлөк*.

5. От имен числительных и других именных частей речи, содержащих в своей семантике количественное значение, афф. *-лыҡ* образует существительные со значением конкретной единицы меры, расчета или исчисляемости этой субстанции, которая выражена в основе: *ун йыллыҡ* 'десятилетка', *беркөнлөк* (зоол.) 'однодневка, поденка', *15 тиңлек* '15-копеечная монета', *өс тәүлек тулыуға* 'на исходе третьих суток' и др.

Возможны также исключения, т. е. случаи опущения числового определения при образовании на *-лыҡ*. Сюда, прежде всего, относятся те слова, в которых *-лыҡ* сочетается непосредственно с количественными числительными: *берлек* 'рублевка', *өслөк* 'трешка', *бишлек* 'пятерка', *унлыҡ* 'десятка', *иллелек* 'пятидесятирублевка', *йөزلөк* 'сотенная купюра' и др.

6. От названий некоторых предметов афф. *-лыҡ* образует имена существительные со значением целевой направленности: названия пищи и продуктов: *казылыҡ* (анат.) 'сальник', *ашамлыҡ* 'еда, кушанье', *ашлыҡ* 'хлеба', *эсемлек* 'напиток', *орлоҡ* 'семена'; названия предметов одежды: *кейемлек* 'материя на костюм', *яулыҡ* 'головной платок' и др.; названия приборов и приспособлений различного характера и назначения (часть из них образована от названий органов тела): *арҡалыҡ* 'чересседельник', *ауызлыҡ* 'удила', *башлыҡ* 'башлык, капюшон', *битлек* 'маска', *күзлек* 'очки', *буйлыҡ* 'основа (ткани)', *дәрәслек* 'учебник', *еллек* 'поддувало', *ситлек* 'клетка', *төнлөк* 'дымоход', *һүзлек* 'словарь, лексикон' и др. Сюда же относятся слова с различными оттенками значений, наиболее важными из которых остаются все же целевые: *көтөүлек* 'пастбище', *сәйлек* (уст.) 'чайные', *яғыулыҡ* 'топливо'; *Улар юллыҡ һәм ашарлыҡ эшләгәндәр* (М. Гафури) 'Они заработали на дорогу и еду'.

Иногда в качестве основы образований на *-лык* выступает отрицательная форма причастия на *-мас* / *-мәс*. На русский язык слова на *-маслык* переводятся как обычные причастия настоящего времени, реже — как прилагательные с приставкой *не-*: *алмаслык* 'неберущийся', *кажиамаслык* 'неувядаемый', *омотолмаслык* 'незабываемый', *туймаслык* 'ненасытный', *һунмәслек* 'неугасимый'.

Афф. *-лык* образует слова от имен существительных в местном падеже: *истәлек* 'воспоминание, память', *көндәлек* 'дневник', *эстәлек* 'содержание'; *Яйык аша кисеүзең кайзалығын күрергә барган, ти* (фолькл.) 'Он пошел посмотреть, где находится брод через Яйк'; *Кәс кемдәлеген бар донъя белһен* (М. Гафури) 'Пусть узнает весь мир, у кого сила'.

Формант *-далык* нельзя рассматривать как сложный словообразующий аффикс, однако он существенно отличается от составных аффиксов *-ырлык* или *-маслык*. Сочетаясь с падежной формой имени (иногда окаменевшей и превратившейся в наречие *кайза* или послелог *алда*), афф. *-лык* сохраняет свои словообразовательные свойства, в то время как в составе причастия он лишь придает всему комплексу значение большей абстрактности, не создавая при этом нового самостоятельного слова (иначе говоря, он выступает в формообразующей роли).

Многофункциональная природа афф. *-лык*, его полисемия являются причиной возникновения омонимов на *-лык*.

Так, в зависимости от контекста *төшлөк* может быть понято и как 'подник' и как 'юг, южная сторона'; *емешлек* — 'фруктовая местность' и (бот.) 'пестик', *башлык* — 1) 'руководство, главенство'; 'глава' и 2) 'башлык' (часть одежды).

В отличие от большинства других аффиксов башкирского языка *-лык* может неограниченно образовывать новые слова от разных частей речи, с легкостью присоединяясь как к именным, так и глагольным основам. Выше уже были приведены примеры на подобное словообразование (главным образом, от имен существительных), поэтому здесь можно ограничиться немногими примерами:

от имен прилагательных: *емереклек* 'руины', *тәрәнлек* 'глубина';

от имен числительных: *Берлектә тереклек* (посл.) 'В единении — жизнь';

от местоимений — *мин-минлек* 'ячество (прославление себя)', *нилектән?* 'отчего, почему?'; *Кемлегендә белдек инде* 'Теперь уж мы узнали, кто ты есть';

от модальных слов: *кәрәклек* 'необходимость', *мөмкинлек* 'возможность', *тейешлек* 'долженствование';

от глагольных основ: *тоткарлык* 'задержка';

от послелогов: *баһу ашалык* 'чересполосица'.

Интересны образования на *-лык* от модальных слов *бар* и *юк*. *Юклык* означает 'отсутствие, небытие' (*Өйҙә бүтән пероһы юклығын белә торон, Миңлебай, эләнәргә керешкән кеше булды* («Пионер») 'Миңлебай, хотя и знал, что дома у него нет другого пера, сделал вид человека, занятого поисками'), а слово *барлык* — 'наличие, присутствие' (*барлыҡта килеү* 'появиться, возникнуть'). Ср. также философский термин *ысынбарлык* 'действительность'.

Афф. *-лык* свободно сочетается с любой заимствованной, обычно именной, основой, давая на башкирской почве многочисленные, весьма интересные, а иногда и неожиданные результаты.

Так, от различных арабских основ в башкирском языке образованы следующие слова: *әжиллек* 'представительство' (от ар. *вакил* 'представитель, депутат'), *ғәриплек* 'уродство' (*ғариб* 'чужестранец'), *ғорурык* 'гордость' (*ғурур* 'высокомерие'), *сабырлык* 'терпение' (*сабр* 'терпение'), *сафлык* 'моральная чистота' (*саф* 'чистый, ровный'), *мәһрумлек* 'обездоленность' (*маһрум* 'лишенный чего-либо'), *раһәтлек* 'радость' (*раһәт* 'благоденствие'), *факирлек* 'бедность' (*факир* 'бедный') и др.

От некоторых основ, заимствованных из персидского языка, произведены следующие башкирские слова: *азатлык* 'свобода' (перс. *азад* 'свободный'), *дуслык* 'дружба' (*дост* 'друг'), *дошманлык* 'вражда' (*дошман* 'враг'), *назанлык* 'невежество, неграмотность' (*надан* 'невежда'), *насарлык* 'дурное' (*начар*

‘вынужденный, беспомощный’), *осталык* ‘мастерство’ (*остад* ‘искусный, мастер’), *шатлык* ‘радость, веселье’ (*шад* ‘веселый, радостный’), *батшалык* ‘царство’ (*падишаһ* ‘падинах’), *паклык* ‘нравственная чистота’ (*пак* ‘чистый, непорочный’). Во всех этих случаях *-лык* соответствует персидскому суффиксу, образующему имена существительные абстрактного значения (так называемого «*йай-е мэсдэри*») и арабскому показателю *-ийат*.

Имеется незначительное количество слов, образованных афф. *-лык* от заимствованных дооктябрьского периода.

Однако особенно широко используется афф. *-лык* для новообразований от русских и интернациональных (также через русский язык) заимствований в последние десятилетия: *активлык* ‘активность’, *бюрократлык* ‘бюрократизм’, *валентлык* ‘валентность’, *дежурлык* ‘дежурство’, *дилетантлык* ‘дилетанство’, *интенсивлык* ‘интенсивность’, *конкретлык* ‘конкретность’, *народниклык* ‘народничество’, *пассивлык* ‘пассивность’, *членлык* ‘членство’, *шефлык* ‘шефство’ и мн. др.

В заключение отметим, что в силу своей полисемантической специфики афф. *-лык* способствует эффективному пополнению башкирского словаря все новыми и новыми терминами из самых различных сфер науки и техники. Приведем некоторые примеры из философской терминологии: *мөмкинлек* ‘возможность’, *кәрәклек* ‘необходимость’, *осраҡлылык* ‘случайность’; общественно-политической терминологии: *агрессивлек* ‘агрессивность’, *эшһезлек* ‘безработица’; исторической терминологии: *крепостнойлык* ‘крепостничество’, *йәрлек* (от монг. *дзар* ‘известие, воззвание’) ‘ханский ярлык’; языкознания: *ымлык* ‘междометие’, *ярҙамлык һуҙ төркөмдәре* ‘вспомогательные служебные части речи’; зоологии: *кыуышлык* ‘полость’; ботаники: *үсөмлек* ‘растение’; геологии: *руда яткылыктары* ‘рудные месторождения’ (букв. ‘залежи руды’).

Многозначность афф. *-лык*, его легкая сочетаемость с различными частями речи, различными семантическими группами слов обуславливают высокую продуктивность афф. *-лык* в современном башкирском языке.

Афф. *-сы/се, -со/-сө*

В «Башкирско-русском словаре» (М., 1958) зарегистрировано 537 имен существительных, образованных данным аффиксом, причем 521 — с неогубленными вариантами этого аффикса (312 с афф. *-сы* и 209 с афф. *-се*) и лишь 9 слов с афф. *-со* и 7 с афф. *-сө*. Как и в других аналогичных ситуациях, причина подобного распределения алломорфов с губными и негубными гласными зависит не столько от малого числа основ с лабиальным гласным в последнем слоге, сколько от принятого в современном башкирском языкознании принципа оформления всех заимствованных основ исключительно нелабиальными парадигмами.

Основные значения афф. *-сы* сводятся к образованию названий деятеля (субъекта действия), которые в зависимости от характера лексического значения производящей основы имеют следующие модификации.

1. От именных основ образуются названия лиц по их свойству или профессии, по роду деятельности, связанной или предопределяемой тем, что выражено производящей основой. От названий объекта приложения действия или от наименования результата действия образуются следующие имена деятеля: *көмөшсө* ‘серебряных дел мастер’, *көршәксө* ‘горшечник, гончар’, *ташсы* ‘каменщик’, *телсе* ‘лингвист’, *умартасы* ‘пасечник’, *эшсе* ‘рабочий’, *юасы* ‘путник’, *һалсы* ‘плотовщик’, ‘плотогон’, а также *докладсы* ‘докладчик’, *заказсы* ‘заказчик’, *монтажсы* ‘монтажник’, *нефтсе* ‘нефтяник’. Как видно, в качестве производящих основ здесь могут быть названия различных реальных, конкретных предметов, материала, вещества и т. п., представляющие так или иначе объект действия в его широком смысле.

Положение не изменяется, когда в основе заключено какое-либо название одушевленного предмета, который может быть объектом приложения действия: *балыксы* ‘рыбак’, *көйөксө* ‘зверолов’, *малсы* ‘скотовод’, *төлкөсө* ‘охотник на лис’ и др.

2. Многочисленны названия лиц по свойству, образованные от наименований характера их деятельности, специализации, постоянных занятий или увлечений: *етәксе* 'предводитель, руководитель', *йомошсо* 'посыльный', *кәңәшсе* 'советник', *юлбашсы* 'вождь' (первоначально, видимо, и 'вожак, проводник'), *ялсы* 'наемный (работник)'; *законсы* 'законовед', *нәрәтсе* 'нарядчик', *пейзажсы* 'пейзажист', *подрядсы* 'подрядчик', *сихырсы* 'колдун', *футболсы* 'футболист', *шахматсы* 'шахматист'; *димсе* 'увещеватель' и т. д.

3. От названий различных орудий труда образованы названия деятеля типа: *балтасы* 'плотник', *шикәксе* 'гребец', *уксы* 'стрелок из лука', *моторсы* 'моторист', *тракторсы* 'тракторист', *комбайнсы* 'комбайнер', *экскаваторсы* 'экскаваторщик' и др. Сюда же относятся профессиональные названия музыкантов типа: *курайсы* 'кураист', *гармунсы* 'гармонист', *барабансы* 'барабанщик', *скрипкасы* 'скрипач', *флейтасы* 'флейтист' и др.

4. От названий мест, а также учреждений, предприятий или коллективов образуются наименования лиц по роду занятий: *йәшеләсәсе* 'овощевод, зеленщик', *буфетсе* 'буфетчик', *гардеробсы* 'гардеробщик', *китапханасы* 'библиотекарь', *колхозсы* 'колхозник', *заводсы* (уст.) 'заводчик', *хорсы* 'хорист' и др. К этому же разряду слов относятся *курортсы* 'курортник', *фатирсе* 'квартирант'.

2. С помощью афф. *-сы* образуются также наименования лиц по их отношению к какому-либо социально-политическому направлению или течению, массовой организации, памятной событию или общественному деятелю. Почти все слова этого разряда созданы и создаются на базе заимствованных основ: *йәзитсе* (ист.) 'джадидист', *мәғрифәтсе* 'просветитель', *республикасы* 'республиканец', *ватансы* 'патриот'.

В советскую эпоху в башкирском языке развились названия лиц с афф. *-сы*, которые образуются от собственных имен и характеризуют человека по его принадлежности к какому-либо идейному направлению, массовому движению, научному течению, в качестве последователя того или иного общественного деятеля, ученого, возглавляющего данное направление, движение и т. п.: *ленинсе* 'ленинец', *стахановсы* 'стахановец', *челюскинселәр* 'челюскинцы', *гегәлсе* 'тетельянец', *дарвинсе* 'дарвинист'. Ср. также кальки типа: *искрасы* 'искровец'; *ударсы* 'ударник'.

3. Немногочисленную группу производных на *-сы* составляют обозначения лиц по какой-либо черте их характера, склонности, страсти (большей частью отрицательной), выраженной производящей основой: *алдаксы* 'обманщик, плут', *баҫкынсы* 'налетчик', *биләмсе* 'праздношатающийся', *боласы* 'смутьян', *енәйтсе* 'преступник', *фетнәсе* 'мятежник, путчист', *хәйерсе* 'нищий', *яңъялсы* 'скандалист, дебошир'. Особняком стоит тяготеющее к прилагательным слово *көнсө* в двух значениях: 'ревнивец' и 'завистник'.

От отдельных основ со значением меры могут быть созданы названия лиц типа *көнләксө* 'поденщик' (*көнләк* 'рассчитанный на определенный срок').

В исключительных случаях афф. *-сы* может образовать слово со значением не имени деятеля (т. е. субъекта действия), а названия предмета (т. е. объекта действия), например, довольно редкое слово *һөйөнсө* 'радостная весть, подарок, вознаграждение за радостную весть', образованное от глагольной основы глагола *һөйөн-* '(об)радоваться'; ср. также *тамсы* 'капля' (от *там-* 'капать').

4. Особый и самый многочисленный разряд имени деятеля составляет глобальная по охвату глагольной лексики форма имени действия на *-ыу/-еу*, *-оу/-өү*, наращенная афф. *-сы/-се*. Варианты *-со/-сө* здесь не встречаются, ибо неслоговой элемент (графич. *-у/-ү*) прерывает гармонию гласных по лабиализации. В имеющихся грамматиках башкирского языка не совсем последовательно относят все подобные дериваты к «причастиям настоящего времени», хотя и с оговоркой о частоте и легкости перехода их в существительные⁴. В действительности же субстантивы типа *йөзәүсе* 'пловец', *тегеүсе* 'шортной',

⁴ См.: Киекбаев Ж. Ф. Башкорт теле. Педагогия училищеләре осон дәреслек. Өфө, 1976, б. 246—247.

языкусы 'писатель', попадая в предложения на место определения, осмысливаются как причастия и прилагательные, хотя в целом выступают преимущественно как имена существительные.

По-видимому, для башкирского языка рано еще говорить о наличии особого монолитного афф. *-ыусы/-еусе, -оусы/-оусе, -усы/-усе*, как самостоятельного словообразовательного дериватора существительных.

Основная функция афф. *-сы* в сочетании с основами на *-ыу* заключается в назывании производителя действия, обозначенного основой: *атыусы* 'стрелок', *агартыусы* 'белильщик, просветитель', *башкарыусы* 'исполнитель', *бейеусе* 'танцор, плясун', *билэусе* 'владелец', *якклаусы* 'сторонник, защитник'. Многие слова, созданные по данной модели, относятся к терминам различных сфер знания: *ғәйепләүсе* 'обвинитель' и *ғәйепләнеүсе* 'обвиняемый' (юр.), *булеусе* 'делитель', *вакклаусы* 'знаменатель', *кабатлаусы* 'множитель', *кабатлануусы* 'множимое' (матем.), *имезеусе* 'млекопитающее', *кимереусе* 'грызун', *көйшәүсе* 'жвачное' (зоол.).

Иногда данный аффикс присоединяется к сочетанию двух, реже трех слов, из которых последнее является именем действия на *-ыу*: *башып алыусы* 'захватчик', *взятка алыусы* 'взяточник', *ижад итеусе* 'творец, создатель', *уйлап сығарыусы* 'изобретатель'.

Форма на *-ыу* помимо упомянутых именных свойств обладает и рядом собственно глагольных характеристик: способностью принимать аффикс отрицания *-ма/-мә* (*әйтмәусе* 'тот, кто не говорит', *тыңламаусы* 'тот, кто не слушает'), возможностью залогоизменения (*белеүсе* 'знающий' — *беленеүсе* 'тот, которого узнают' — *белешеүсе* 'тот, кто осведомляется' — *белдереүсе* 'осведомитель', *белдертеүсе* 'глашатай') и т. д.

Но для афф. *-сы* совершенно безразлично, как выглядит основа: *коткарыу* 'спасать' или *коткарылыу* 'спасаться', *укыу* 'читать, учиться' или *укытыу* 'учить других', ибо не эти второстепенные (в данном случае) оттенки значений в итоге определяют семантику образований типа *коткарыусы* 'спаситель', *коткарылыусы* 'спасенный', *укыусы* 'ученик; читатель' и *укытыусы* 'учитель'. В основе грамматического значения этих слов лежит категориальная соотношенность с именем существительным, формальным выразителем которой как раз и выступает афф. *-сы*, однозначно характеризующая имя действующего лица как данную часть речи.

Таким образом, словообразующий формант *-сы* вовлекает в словообразование довольно разнообразные по своему лексическому содержанию типы основ и, вступая с ними во взаимодействие, образует новое слово с весьма различными типовыми словообразовательными значениями, располагая их по соответствующим ступеням грамматической (а значит, и словообразовательной) абстракции.

Правда, из этого отнюдь не следует, что сами производящие основы никак не организованы и любая из них может сочетаться с рассматриваемым аффиксом. Факты говорят о том, что афф. *-сы* может присоединяться лишь к таким основам, которые представляют или название самого действия, как это имеет место с формой на *-ыу* или, по крайней мере, его результатов, а то и отдельных его элементов (предмет, место и т. п.). Поэтому нельзя, например, образовать такое слово, как *жояшсы*, ибо его основа *жояш* 'солнце' не содержит указание на действие, зависящее от субъекта.

В этом динамика словообразовательного процесса, где грамматические и лексические акты находятся в тесном взаимодействии.

5. Особое место занимают случаи, когда афф. *-сы* присоединяется к форме на *-маж/-мәж*, которая для башкирского языка является пережиточной и образуется от весьма ограниченного круга глагольных основ. Однако достаточно к морфеме *-маж* присоединить показатель *-сы*, как вновь полученный сложный афф. *-мажсы/-мәксе* может образовать от любого глагольного корня новые слова со значением намерения субъекта выполнить действие, названное основой.

Но при этой широте (почти глобальной) возможностей афф. *-мажсы* производства новых форм и кроется опасность для него как словообразующего

форманта, ибо неправомерно рассматривать возникающие образования в качестве новых самостоятельных слов, употребляющихся передко лишь при вспомогательных глаголах *бул-* 'быть, сделаться, стать' и *и-* 'быть', не претерпевая при этом коренных смысловых изменений: *Ул минең менән тигеҙләшкәс, ярышып та карамаксы булғайным* («Пионер») 'Когда он поравнялся со мной, я хотел было даже попробовать потягаться с ним'; *Шулай куржытмаксы була улар, башка эмәл-сара калмағас.* . (М. Гафури) 'Так они хотят запугать, поскольку исчерпаны другие возможности'.

В тех случаях, когда вспомогательный глагол формально отсутствует, его функцию выполняет показатель (хотя бы и нулевой) категории сказуемости: *Айсыуакты бөгөн Кусәрбайҙар баструкка тотоп ялмаксылар* (К. Даян) 'Кусярбай и его приятели собираются сегодня поймать Айсуака и посадить его в острог'; *Бәй, шәпләгә сыкмаксы был эш!* (Д. Исламов) 'Ба, да это дело как-будто идет к лучшему!'

Все это доказывает, что афф. *-максы* утратил черты словообразующего форманта и перешел в разряд формообразующих средств — явление, не столь уже редкое в языке: достаточно указать на словообразующий аффикс имен прилагательных *-һыз*, который может выступать и в роли формообразующего элемента прилагательных.

Форма на *-максы* собственно словообразовательную природу обнаруживает лишь в слове *урмәксә* 'паук', образованном, по всей видимости, от ныне мертвой формы **урмәк* 'вить, плести', так что по существу мы имеем здесь дело не с корнем *ур-* 'вить, плести' и сложным афф. *-мәксә*, а с основой *урмәк* и паразитизмом *-сә* (ср. тат. *урмәкүч* 'паук' из *урмә* 'завиток' и *-күч/-кәч* или *-күчә*)⁵.

Таким образом, афф. *-сы* . . . выступает в качестве одного из наиболее продуктивных словообразующих формантов башкирского языка.

Производные слова на *-сы* широко представлены во всех стилях и жанрах письменной и устной речи, в фольклоре: *Иң яхшы көрәшселәр, йырсылар, журайсылар, бейеүселәр, сәсәндәр йыйылған бында* (З. Бишпева) 'Здесь собрались самые лучшие борцы, певцы, кураисты и сказители'; *Безең лагерҙән төрлө һөнәр осталарын табып була: йәш фотосымы, оста сигеүсеме, радио һөйүсеме, йәш художник тиһеңме, сәхнә мастерҙары тиһеңме — барыһы ла бар* («Пионер») 'В нашем лагере можно найти мастеров на все руки: и юных фотолюбителей, и искусных вышивальщиц, и радиолюбителей, и юных художников, и артистов сцены — у нас все есть'.

Изо дня в день растет, как это видно из приведенных примеров, и число неологизмов (большей частью от основ, заимствованных из русского языка) со словообразующим афф. *-сы*. Некоторые из них создаются от основ, не совпадающих с аналогичными русскими: *мотоциклетсе* 'мотоциклист', а не *мотоциклсы* — из-за недопустимости стыка трех согласных в инлауте.

Афф. *-ыш/-еш, -ош/-өш, -иш*

С данным аффиксом в «Башкирско-русском словаре» представлено 158 слов, из которых 53 оканчиваются на *-ыш*, 46 на *-еш*, 45 на *-иш* после основ с гласным исходом, 9 на *-ош* и 5 на *-өш*. Число дериватов постепенно пополняется за счет свежих неологизмов типа *магнитләнеш* 'намагниченность', *нурландырыш* 'облучение'; *нурланыш* 'излучение', *төртолөш* 'столкновение'; *суд башкарылышы* 'судопроизводство', *йылы биреш* 'теплоотдача', *артык йөкләнеш* 'перегрузка', *алға китеш* 'развитие' и др., не отмеченных в указанном словаре.

Основное назначение афф. *-ыш* — образовывать от глагольных основ имена существительные с отвлеченным значением способа, формы, манеры, а передко и результата действия или процесса. Таковы, например, *ағыш* 'течение (о времени)', *әйтеш* 'произношение', *әйтеш* 'словесное состязание народных сказителей-импровизаторов', *инеш* 'вступление', *бәйләнеш*

⁵ См. также: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 545.

‘связь, взаимосвязь’, *юнәлеш* ‘направление’, *йыйылыш* ‘собрание’, *курәнеш* ‘явление, вид’, *казаныш* ‘достижение, успех’, *жоролош, тозолеш* ‘стройка, строительство, строй’, *отош* ‘выигрыш’, *отторош* ‘проигрыш’, *сыуалыш* ‘волнение’, *талаш* ‘ссора, бунт’, *уңыш* ‘успех’, *һуғыш* ‘война, сражение, битва’; *Алыш бармы, корәш бармы?* (З. Бишева) ‘Схватка или борьба?’; *Ертыңлар батыр, ергә ятып тыңлап, ярыштың барышы тураһында иптәштәренә хәбәр итеп торған* (Там же) ‘Богатырь-слухач лег на землю и, прислушавшись, стал передавать своим товарищам сообщения о ходе состязания’; *Алыш та бар, һатыш та бар* (Т. Арслан) ‘И купля есть, и продажа есть’; *Ул миңең төртөн ебәреүемдә аңланы һәм миңә үкенесле қарап таңланан* (Ә. Вәли) ‘Он понял мой толчок и бросил на меня досадливый взгляд’.

Иногда этим аффиксом образуются имена существительные с конкретным значением: *артылыш* ‘перевал’, *артыш* ‘можжевелик’, *кереш* ‘тетива’, *сүңыш* ‘клюв’, *сүкеш* ‘молот’.

В отдельных случаях афф. -ыш образует и названия качеств людей (субстантивированные формы имен прилагательных): *Ай-һай, йолқош тимә, һылыузы ошо егет алып жуймаһын* (К. Мәргән) ‘Э, не говори «оборванец», как бы этот паренёк не отхватил красавицу’.

Обращает на себя внимание легкость присоединения афф. -ыш не только к корневым словам, но и к основам, осложненным залоговыми показателями: *сығарылыш* ‘выпуск’, *тизләнеш* ‘ускорение’, *һелтәнеш* ‘размах’ и т. д.

Изредка в основе дериватов на -ыш . . . лежат заимствования: *рәһиеш* ‘обида’ (из арабск.).

Афф. -ма/-мә

В «Башкирско-русском словаре» отмечено 76 слов на -ма и 60 на -мә. Этот аффикс образует от глаголов (преимущественно переходных) отвлеченные имена существительные — названия различных процессов или результатов действия: *искәрмә* ‘примечание, ремарка’, *йөкләмә* ‘обязательство’, *кәңәшмә* ‘совещание’, *жулланма* ‘руководство’, *нығытма* ‘(у)крепление’, *ойошма* ‘организация’, *өстәмә* ‘надбавка’, *сарыштырма* ‘сравнение’, *танытма* ‘свидетельство’, *язма* ‘запись, надпись’. С помощью афф. -ма/-мә создаются наименования многих конкретных реалий: *ашлама* ‘удобрение’, *базма* ‘приступок, моток’, *булма* ‘комната’, *быума* ‘родимчик’, *курғәзмә* ‘выставка’, *кутәрмә* ‘крыльцо’, *жаралама* ‘черновик’, *тартма* ‘ящик (выдвижной)’. Особый разряд составляют названия некоторых кушаний и продуктов питания: *кабартма* ‘пышка’, *катлама* ‘слойка’, *жуллама* — род мясной лапши, *һалма* ‘салма’, *ярма* ‘крупа’ (и, возможно, *торма* ‘редька’).

Отдельные реликты употребления так называемого усеченного инфинитива на -ма/-мә (по сравнению с «полным» инфинитивом на -мак/-мәк, -мок в огузских и уйгурском языках) обнаруживаются в башкирском устном творчестве: *Барзым, барзым, бакмаға, фашист башын какмаға* (фолькл.) ‘Ходил я, ходил я в дозор, чтобы пристукнуть фашиста’. Подчас этимологический состав образований на -ма. . . представляется нерасчленимым: *көйма* ‘забор’, *төймә* ‘пуговица’ и т. д., хотя их корни исторически известны⁶.

Афф. -ма/-мә образует имена как от корневых слов, так и от основ с наращенными залоговыми оформителями: *сәсәтмә* ‘коклюш’, *әретмә* ‘раствор’, *аңлатма* ‘объяснение’, *төшөрмә* ‘сноска’, *жаптырма* ‘крючок одежный’, *жушылма* ‘смесь’, *тағылма* ‘прицеп, придаток’, *күрһәтмә* ‘указание’. Ср. также неологизмы *изәлмә* ‘ящур’, *тушәлмә* ‘гать’ и пр.

Афф. -кыс/-кес, -ғыс/-гес, -җос/-җос, -көс/-көс

По данным «Башкирско-русского словаря» этим восьмивариантным аффиксом образовано 107 слов (статистически они соотносятся как 38 : 24 : 15 : 15 : 6 : 4 : 3 : 2). Подавляющее большинство их — это производные

⁶ *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969, S. 297; Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 264—265.*

от переходных глаголов. В основном они обозначают различные орудия действия, инструменты и приспособления: *аскыс* 'ключ', *аткыс* 'самострел', *баскыс* 'лестница', *башваткыс* 'головоломка', *бэргес* 'боек', *бозваткыс* 'ледокол', *болғаткыс* 'мутовка', *йыуғыс* 'мочалка для мытья', *сэскес* 'сеялка', *тамызғыс* 'пипетка', *төйгес* 'пестик', *улытығыс* 'стул', *һойзоргес* 'привораживающий (букв.: влюбляющий) талисман', *һөзгес* 'шумовка, фильтр', *элгес* 'вешалка'.

В немногих случаях этот аффикс образует имена деятеля: *белгес* 'зна-ток', *йырткыс* 'хищник' (букв. 'рвач'), *жоротжос* 'вредитель' (букв. 'засушиватель').

От осложненных залоговых основ образованы: *имезгес* 'сосок, соска', *йылыткыс* 'грелка', *йыуынғыс* 'умывальник', *киптергес* 'промокашка, суш-илка', *кайлаткыс* 'кипятильник', *жырккыс* 'резец' и др.

Неологизмы: *батыргыс* 'грузило' (букв. 'утопитель'), *һизгес* 'щупальце' (букв. 'осязатель, чувствователь'), *һоҗкос* 'совок' и пр. Заимствования в основах не отмечены.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПУТЕМ СЛОЖЕНИЯ

Большое место в словообразовании имен существительных в современном башкирском литературном языке занимает основосложение.

По синтаксической структуре сложные существительные соотносительны со словосочетаниями, различаясь по типу подчинения и сочинения. Тем не менее, их нельзя отождествлять с синтаксическими словосочетаниями. Между компонентами сложного слова существуют только словообразовательные отношения и отсутствуют синтаксические.

По характеру словообразовательных отношений своих компонентов сложные существительные разделяются на два основных типа: 1) копулятивные сложения с соединительной связью компонентов (или парные слова), 2) детерминативные сложения с подчинительной связью компонентов.

ПАРНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Парные имена существительные образуются путем сложения двух автономных основ. Поэтому компоненты парных имен существительных соотносительны со словосочетаниями сочинительного типа, хотя между их компонентами нет даже перечислительной интонации.

Парные имена существительные могут состоять: а) из двух самостоятельных основ, б) из самостоятельной и несамостоятельной основ. Сочетаются основы либо как антонимы, либо как синонимы. В обоих случаях обычно создается название обобщенного понятия с собирательным значением, нередко сопровождаемым ироническим или юмористическим оттенком.

Парные имена существительные, образованные из двух самостоятельных основ, могут быть трех типов.

1. Антонимичные: *алыш-биреш* 'купля-продажа', *керем-сығым* 'приход-расход', *килгән-киткән* 'заезжие' (букв. 'прибывший-убывший'), *килем-китем* 'приход-расход', *һатыу-алыу* 'купля-продажа' и др.

К рассматриваемому типу парных слов можно отнести такие образования, как: *ата-ана*, *ата-эсә* 'родители', *ашамлык-эсемлек* 'еда и питье', *аш-һыу* 'кушанье, угощение' (букв. 'еда и вода'), *баш-аяк (-тояк)* 'рожки да ножки' (букв. 'голова и ноги'), *ер-һыу* 'земля-вода', *ир-ҡатын* 'супруги', *жоҙа-жоҙағыйлык* 'кумовство, семейственность', *урман-дала* 'лессостепь', *юк-бар* 'чуть, вздор, ерунда, дребедень, безделица' (букв. 'нет-есть'), где в основе подбора компонентов лежит тот же принцип антонимии, хотя их смысловое отношение не отвечает полностью этому принципу.

Тип продуктивен.

2. Синонимичные: *аш-һый* 'угощение', *буй-һын* 'облик, внешность, стан, телосложение' (букв. 'рост и фигура'), *бәлә-каза* 'горе, несчастье, беда',

зар-моң 'горе-печаль', зат-ырыу 'род, родословная', исәп-хисап 'учет, взаимные расчеты', кайғы-хәсрәт 'горе-печаль', җәрҙәш-ырыу 'родня', нәсел-нәсәп 'родственники', табаҗ-һауыт 'кухонная посуда', тауыш-ғауға 'крик-шум', туғал-ырыу 'родные, родичи' и т. п.

Сюда же можно отнести образования типа: ата-баба 'предки' (букв. 'отец и дед'), катын-кыз 'женщины и девушки', хотя смысловое соотношение компонентов строится здесь не на началах полной синонимии.

Тип весьма продуктивен.

3. Особую разновидность парных слов составляют существительные с собирательным значением, компоненты которых семантически близки по тематике, разряду, классу, роду и т. п., но не имеют синонимических отношений: алтын-көмөш 'всякое золото и серебро', аяк-кул 'конечности', бит-кул 'лицо и руки', болон-кыр 'луга и поля', еләк-емеш 'фрукты и плоды-ягоды (вообще)', йорт-ил 'дом и край родной', йорт-йыһаз 'дом и утварь', кәзә-һарык 'мелкий скот' (букв. 'коза-овца'), упкә-бауыр 'ливер' (букв. 'легкие и печень'), һөт-катык 'молочные продукты' (букв. 'молоко и кислое молоко'), һый-хөрмәт 'угощение и почет', эс-карын 'нутро, внутренности' и др.

Тип весьма продуктивен. Парные слова данного рода активно употребляются в фольклоре, устной речи, художественной литературе и публицистике.

Компоненты парных имен существительных, состоящих из двух самостоятельных основ, могут быть:

1) по составу: а) корневыми: бәлә-каза 'горе, несчастье, беда', буй-һын 'фигура, стан, телосложение', дуҫ-иш 'друзья-приятели', ир-ат 'мужчины', еҫ-баш 'всякая одежда', эс-бауыр 'потроха, требуха'; б) производными: белеш-таныш (таныш-белеш) 'знакомые', җарындаш-ырыу 'родственники'; в) корневыми и производными: йәш-елкенсәк 'молодежь', коза-козағыйлыҡ 'кумовство, семейственность';

2) по смысловому значению: а) конкретными: ел-дауыл 'буря с ветром', тау-урман 'горы и леса', һарык-кәзә 'мелкий скот', һөт-катык 'молочные продукты', эсәк-карын 'потроха, требуха'; б) абстрактными: зар-моң 'горе', иҫ-аҡыл 'сознание, разум', кайғы-хәсрәт 'горести-печали', җәзәр-хөрмәт 'почет и уважение';

3) по происхождению: а) исконно башкирскими: ағас-таш 'деревья и камни', ауыз-морон 'часть лица ниже глаз' (букв. 'рот и нос'), бөрө-ботак 'отводок', ел-ямғыр 'ненастье' (букв. 'ветер с дождем'), емеш-еләк 'фрукты-ягоды и плоды (вообще)', тау-таш 'горы', тирә-як 'окрестность' и др.; б) заимствованными (преимущественно из арабского или персидского языка): бәлә-каза 'горе, несчастье, беда', газета-журнал 'газеты и журналы', зар-моң 'горе', исәп-хисап 'учет', 'взаимные расчеты', кәйеф-сафа 'веселье и потеха', кәм-хур 'позор', йәбер-золот 'притеснение, иго', мал-тыуар 'скот', сахра-дала 'степи и долины', хәйер-сазажа 'подавание, пожертвование', хәйер-фатиха 'благословение' и др.

Компонентами парных существительных, образованных из двух самостоятельных основ, обычно выступают сами же имена существительные, но могут быть субстантивированные прилагательные и причастия: тапкан-тапкан 'все приобретенное, нажитое', уҙған-барған 'всякий прохожий, проезжий'.

Существует твердый порядок расположения компонентов у преобладающего большинства парных имен существительных, образованных из двух самостоятельных основ. Например, компоненты парных имен существительных ағай-эне 'родственники мужчины', ағас-таш 'деревья и камни (в значении стройматериала)', аң-белем 'знание, образование', дуҫ-иш 'друзья-приятели', ер-һыу 'земля-вода', ир-ат 'мужчины', эс-карын 'нутро, внутренности', эсәк-карын 'потроха, требуха' и т. п. располагаются только в таком порядке, а не наоборот: эне-ағай, таш-ағас и т. д. Однако у некоторых парных существительных порядок расположения компонентов допускает вариантность: аяк-кул и кул-аяк 'конечности человека', буй-һын и һын-буй 'фигура, стан, телосложение', таныш-белеш и белеш-таныш 'знакомые', еләк-емеш и емеш-еләк 'фрукты, ягоды и плоды (вообще)', зар-моң и моң-зар

'горе', *һарык-кээ* и *кээ-һарык* 'мелкий скот', *һатык-һот* и *һот-һатык* 'молочные продукты' и т. п. Из этих пар вторые употребляются редко, 'предпочтение отдается первым.

Особую разновидность парных имен существительных составляют сложения самостоятельной и несамостоятельной основы. Вторыми, не имеющими самостоятельного употребления компонентами подобных парных имен существительных могут быть следующие основы.

1. Основы *-мазар* и *-фэлэн* 'что-либо подобное тому, что названо первым компонентом': *ағас-мазар (-фэлэн)* 'дерево и что-либо подобное', *картуф-мазар (-фэлэн)* 'картофель и что-либо подобное', *кеше-мазар (-фэлэн)* 'кто-нибудь', *китап-мазар (-фэлэн)* 'книга и что-либо подобное', *һайғы-мазар (-фэлэн)* 'горе и что-либо подобное', *тоқ-мазар (-фэлэн)* 'мешок и что-либо подобное', *эт-мазар (-фэлэн)* 'собака или что-либо похожее на нее', *эйбер-мазар (-фэлэн)* 'какие-либо предметы (вещи)'.

Тип чрезвычайно высокопродуктивен.

Парные имена существительные с основами *-мазар* и *-фэлэн* 'что-либо подобное тому, что названо первым компонентом', могут образовываться теоретически от всех имен существительных.

2. Устаревшие или вышедшие из употребления основы: *бала-саға* 'детвора', *ғалим-ғоләмә* 'ученые, ученый мир', *йылан-саян* 'змеи', *кейем-һалым* 'одежда, одеяние', *кэйеф-саға* 'веселье, утеха', *ут-күз* 'бедствия', *фәкир-фәкара* 'беднота', *хәл-хуәл* 'жизнь-бытьё, состояние здоровья', *һауыт-һаба* 'посуда'.

Тип малопродуктивен.

Следует отметить, что первыми компонентами парных имен существительных, образованных от самостоятельных и несамостоятельных основ, выступают обычно имена существительные: *им-том* 'заговор, заклинание болезни', *кеше-һара* 'кто-нибудь', *һый-һай* 'отбросы, мусор', *үлем-етем* 'смертность'. Однако в качестве первых компонентов таких парных имен существительных могут выступать субстантивированные прилагательные и причастия: *вак-төйәк* 'всякая мелочь', *һалған-боһқан* 'остатки, остаток', *тиң-тош* 'ровесники, ровня'.

Крайне редко встречаются парные имена существительные, оба компонента которых не имеют ныне самостоятельного употребления: *үкән-төкән* 'мошки', *ығы-зығы* 'суматоха, сумятица, переполох, сутолока'.

Все парные имена существительные имеют значение собирательности, и первый тип образования парных имен существительных является самым продуктивным.

ДЕТЕРМИНАТИВНЫЕ СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Детерминативные сложные существительные (с подчинительными отношениями компонентов основ) бывают сращенными и составными.

Сращенные существительные

1. Сращенные имена существительные содержат опорный второй компонент — существительное (простое или наращенное аффиксом) — и предшествующую ему основу определительного, уточнительного, конкретизирующего характера. В основе большинства их лежат атрибутивные отношения. Реже встречаются существительные, созданные из управляемого существительного и управляющего отглагольного имени типа *һашватһыс* 'головоломка', *һозватһыс* 'ледокол', *алһяһһыс* 'передник, фартук', еще реже — иные типы подчинительной связи между компонентами сложных существительных рассматриваемого вида.

В качестве первого компонента выступают основы следующих частей речи.

1. Существительные: *айһалта* 'секира', *айһалык* 'луна-рыба', *айыубалан* 'жимолость обыкновенная', *айыуһорт* 'медведка, рак земляной', *айыуһабан*

'аконист высокий', *альяпкыс* 'передник, фартук', *ашъяулык* 'скатерть', *балауыз* 'воск, вощенка', *башваткыс* 'головоломка', *баш-кала* 'столица', *безсуькыш* 'пило-клюв', *белзуташ* 'сланец', *билбау* 'кушак', *бозваткыс* 'ледокол', *дойзгош* 'страус', *йыланбалык* 'угорь', *көнбағыш* 'подсолнечник', *көнбайыш* 'запад', *көнсығыш* 'восток', *көнъяк* 'юг' и др.

Иногда компоненты сращенных имен существительных теряют свои отдельные морфологические показатели, в частности аффиксы принадлежности: *алмағас* 'яблоня' (< *алма агасы* букв. 'дерево яблока'), *ашказан* 'желудок' (< *аш казаны* букв. 'котел пищи'), *кулбаш* 'плечо' (< *кул башы* букв. 'голова руки'), *култамға* 'подпись' (< *кул тамғаһы* букв. 'метка руки'), *ойожбаш* 'носки' (< *ойож башы* букв. 'голова чулков'), *тамакбау* 'супонь' (< *тамак бауы* букв. 'веревка горла') и т. д.

Довольно часто оба члена основосложения на стыке подвергаются фонетическим изменениям (озвончению глухих, выпадению гласных и т. п.): *балкалак* 'чайная ложка' (< *бал калагы* букв. 'ложка для меда'), *кылройрок* 'шилохвост' (< *кыл койрок* букв. 'волосяной хвост'), *мөгезгойрок* 'рогохвост' (< *мөгез койрок* 'роговой хвост', *ярганат* 'летучая мышь' (< *яры канат* 'перепончатое крыло').

Очень часто компоненты сращенных имен существительных теряют и свой прямой смысл, т. е. новое понятие, выраженное сращенным именем существительным, не является простой суммой значений компонентов: *ағастъяңак* 'жерех, шереспер' (букв. 'деревянная челюсть'), *айғолак* 'жабры' (букв. 'лунообразное ухо'), *гөллөмеш* 'шиповник' (букв. 'цветастый плод', 'фрукт'), *кәпәсбаш* 'груздь' (букв. 'шапкообразная голова'), *жуянтубык* 'дикая морковь' (букв. 'заячье колено'), *салмабаш* 'одуванчик' (букв. 'клецковидная голова'), *сүмесбаш* 'головастик' (букв. 'ковшевидная голова'), *сыбыктымер* 'провода' (букв. 'прутовидное железо'), *ташбаш* 'лескарь, бычок' (букв. 'каменная голова'), *ташжабак* 'кабачки' (букв. 'каменная тыква'), *торбатомшоқ* 'хобот' (букв. 'трубовидная морда'), *уқбаш* 'севрюга' (букв. 'стреловидная голова').

Некоторые сращенные имена существительные настолько изменились, что их первоначальное значение восстанавливается с трудом: *белзек* 'браслет' (< *белзк йезоге* 'шерстень запястья'), *кузгалак* 'щавель' (< *кузы колагы* 'ягнячье ухо') и др.

Рассмотренные имена существительные по своему внешнему строению восходят чаще всего к так называемым первому или второму типам изафета, однако в современном башкирском языке они не соотносятся со структурой омоформных словосочетаний и связаны с ней только генетически.

Тип продуктивен.

2. В качестве первого компонента выступает основа прилагательных (простых или аффиксальных): *ажбалык* 'белорыбица', *ажкош* 'лебедь', *актамыр* 'пырей', *аһнакал* 'старейшина', *алабалык* 'сиг', *Алатау* 'Алатау (гора)', *алғышарт* 'предпосылка', *аръяк* 'противоположная сторона', *Асылкүл* 'Асли-куль (озеро)', *байтирәк* 'многолетняя высокая ветвистая ива', *бирьяк* 'эта сторона', *бушбоғаз* 'фразер, пустослов', *кесазна* 'четверг', *кузлут* 'пикульник', *күкбаш* 'синеголовник', *карабалык* 'линь', *карабойзай* 'гречиха', *карағанат* 'подлецик', *Каратау* 'Каратау' (гора), *кушамат* 'прозвище', *кушбаш* 'голавль', *кушкөбәк* 'двухстволка', *кушъяулык* 'двойной платок', *кызылғанат* 'красноперка' и т. п.

Компоненты данного типа сращенных имен существительных при слиянии также подвергаются фонетическим изменениям: *Ағизел* 'Белая' (< *ағ изел* 'белая река'), *карағас* 'лиственница' (< *кара ағас* 'черное дерево'), *карагош* 'стервятник' (< *кара кош* 'черная птица'), *Каризел* 'Каридель' (башкирское название реки Уфимки; < *кара изел* 'черная река') и т. п.

Значения отдельных компонентов при слиянии изменились настолько, что сложные некогда слова воспринимаются как простые: *күмәс* 'хлеб из кислого теста' (< *күммә аш* 'зарытое кушанье'), *ситек* 'вчиги' (< *эске итек* 'внутренний сапог').

Тип высокопродуктивен.

3. В качестве первого компонента выступают причастия: *жалырлана* 'последний санный путь весной', *Илгантау* — название курорта.

4. Первый компонент выражен именем числительным: *бербыуын* 'одночлен', *бишбармак* 'бишбармак' (кушанье), *бишбүләк* 'Бишбүляк' (село), *кырғаяк* 'мокрица', *кыржбыуын* 'хвощ', *өсмөйөш* 'треугольник', *һигезаяк* 'осьминог, спрут', *һигезгүз* 'крестик'.

5. Первым компонентом является наречие: *күпбыуын* 'многочлен', *күпкыр* 'многогранник', *күпмөйөш* 'многоугольник', *эрамтамак* 'дармод'.
6. Первый компонент представляет повторяющийся определительное местоимение *үз* 'сам': *үзәғас* 'древесина', *үзәғыш* 'самотек', *үзәң* 'самосознание', *үзидара* 'самоуправление', *үзтымт* 'себестоимость', *үзмаксат* 'самоцель'.

7. Первый компонент выражен словом *ярым* 'полу-', повторяется как словообразующий элемент: *ярымколония* 'полуколония', *ярымкүсәр* 'полуось', *ярымсумма* 'полусумма', *ярымсул* 'полупустыня', *ярымтура* 'полу-прямая', *ярымтурау* 'полуостров', *ярымшар* 'полушарие', *ярымъясылык* 'полуплоскость'.

II. В сращенных именах существительных с опорным вторым компонентом — субстантивированным причастием на *-(а)р* — в качестве первой основы могут выступать следующие части речи:

1. Существительные: *башкисәр* 'головорез', *елғыуар* 'ветрогон', *илбасар* 'захватчик', *Илгизәр* 'Илгизар' (собств. имя), *Илһөйәр* 'Илсуяр' (собств. имя), *Кулйотар* 'Кульютар' (сказочное имя), *урынбасар* 'заместитель', *юлбасар* 'разбойник'.

2. Числительные: *алтатар* 'револьвер' (букв. 'шестистрелка'), *меңяпрак* 'тысячелистник'.

3. Деепричастия: *алынһатар* 'перекупщик'.

III. Особое место среди сращенных имен существительных занимают сложения со связанными опорными повторяющимися компонентами (преимущественно персидского происхождения), не употребляющимися в качестве корней простых слов. Такие повторяющиеся компоненты используются только в сложениях данной структуры и самостоятельно в башкирском языке не функционируют. Поэтому они по аналогии со словообразующими аффиксами воспринимаются как аффиксальные морфемы.

Наиболее употребительны тишы со следующими опорными компонентами: 1) *-намә* в архаичных названиях некоторых письменных документов — *әкәләтнамә* 'доверенность, верительные грамоты', *мөрәжәғәтнамә* 'воззвание, письменное обращение', *рәхсәтнамә* 'письменное разрешение, виза', *иһәдәтнамә* 'свидетельство, удостоверение, диплом, аттестат', 2) *-(о)стан* в названиях республик, стран, государств, населенных определенной национальностью — *Аджарстан* 'Аджария', *Афғанстан* 'Афганистан', *Башкортостан* 'Башкирия', *Ғәрәбстан* 'Аравия', *Дағстан* 'Дагестан', *Қазақстан* 'Казахстан', *Қырғызстан* 'Киргизия', *Татарстан* 'Татария', *Һиндостан* 'Индия' и т. п.; 3) *-хана* в названиях некоторых предприятий специального назначения и помещений, ими занимаемых: *ашхана* 'столовая', *жунакхана* 'гостиница', *сәйхана* 'чайная', *һыраhana* 'пивная' и др.

Составные существительные

В составных именах существительных с опорным компонентом-существительным, наращенным аффиксом категории принадлежности 3-го лица, в качестве первой уточняющей и конкретизирующей основы используются основы существительных: *ажыл теше* 'зуб мудрости', *дейгеү пәрейе* 'демон, див', *дойз қошо* 'страус', *ер еләге* 'клубника', *йорт куяны* 'кролик', *күр караһы* 'зрачок', *курай еләге* 'малина', *тел белеме* 'языкознание', *уртажлык юнәләше* 'взаимный залог', *эш көнө* 'трудодень'.

В составных именах существительных с опорным компонентом-существительным в форме основного падежа в качестве первого компонента выступают: 1) существительные в функции определения: *баш жоza* 'сват', *таш күмер* 'каменный уголь', *тәп килеш* 'именительный падеж'; 2) прилагательные:

кесе тел 'язычок', *кара бойзай* 'гречиха', *кызыл борлоган* 'костяника', *кызыл якут* 'рубли', *матур әзәбиәт* 'художественная литература', *тунмай* 'сало'.

Сложносокращенные существительные (аббревиатуры)

При аббревиации производное слово создается на базе сочетания нескольких слов, которые входят в него не целиком, а частями, сокращенно. В башкирском языке имеется несколько разновидностей образования аббревиатур. Наиболее распространены следующие.

1. Производное состоит из начальных звуков каждого слова: *ӨК* (*Өлкә комитете*) 'ОК (Областной комитет)', *ПХР* (*Польша Халык Республикаһы*) 'ПНР (Польская Народная Республика)', *ҮК* (*Үзәк Комитет*) 'ЦК (Центральный комитет)'.

2. Производное состоит из названий начальных букв каждого слова: *БДНИ* (*Башкорт дәүләт педагогия институты*) 'БГПИ (Башкирский государственный педагогический институт)', *БДУ* (*Башкорт дәүләт университеты*) 'БГУ (Башкирский государственный университет)', *ГДР* (*Германия Демократик Республикаһы*) 'ГДР', *РСФСР* (*Россия Совет Федератив Социалистик Республикаһы*) 'РСФСР'.

3. Производное состоит из начальных частей слов: *завком* (*завод комитете*), *партком* (*партия комитете*), *райком* (*район комитете*).

4. Производное состоит из начальной части первого слова и целой основы второго: *драмтунцәрәж* (*драматик тунцәрәж*) 'драмкружок (драматический кружок)'.

5. Производное состоит из начальной части первого слова и основы второго слова: *партойошма* (*партия ойошмаһы*) 'парторганизация (партийная организация)', *райсовет* (*район совете*).

6. В башкирском языке существуют аббревиатуры и усечения инициального типа: 1) образования из сочетаний начального звука фамилии с целым именем: *Ғ. Сәләм* (*Ғәлимов Сәләм*) 'Г. Салям'; 2) образования из сочетаний начального звука имени с усеченной фамилией: *М. Тажи* (*Мөхәтдин Тәжетдинов*) 'М. Тажи'; 3) образования из сочетаний усеченного имени и фамилии с частичным изменением первого: *Мостай Кәрим* (*Мостафа Кәримов*) 'Мостай Карим'; 4) образования из сочетаний целого имени с усеченной фамилией: *Баязит Бикбай* (*Баязит Бикбаев*) 'Баязит Бикбай', *Сәләх Кулибай* (*Сәләх Кулибаев*), *Шәриф Биккол* (*Шәриф Бикколов*); 5) образования из сочетаний целого имени с усеченной фамилией: *Назар Нәжми* (*Назар Нәжметдинов*); 6) образования из сочетаний целого имени с усеченной и измененной фамилией *Ғәйнан Әмири* (*Ғәйнан Әмиров*), *Мәжит Ғафури* (*Мәжит Ғафуров*).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПУТЕМ РЕДУПЛИКАЦИИ

Способом редупликации образован широкий круг эмоционально-экспрессивной лексики существительных с собирательным значением, обычно дополненным юмористическим или ироническим оттенком типа *тимер-томор* 'всякие железные изделия', *малай-шалай* 'всякие мальчишки'.

При этом редупликация сопровождается значительными фонеморфологическими изменениями двоякого характера.

1. Фонетически измененные варианты первого, полнозначного компонента основы: *ағас-мағас* 'всякие деревья', *ботак-сатак* 'всякие ветки, сучки, коряги', *карсык-корсок*, *әбей-һәбей* 'разные старухи', *малай-шалай* 'всякие мальчишки', *сыбык-сабык* (*сытыр-сатыр*) 'хворост', *тамыр-томор* 'разные коренья' и др.

2. Основы, фонетически отдаленные от первого, полнозначного компонента: *егет-елән* 'парни', *етем-еҫер* 'сирота', *кеше-кара* 'кто-нибудь', *күрше-*

кулән 'соседи', мал-тыуар 'скот и птица (домашние)', мулла-монтағай 'служащие культа у мусульман', сун-сар 'мусор, рухлядь, утиль, отбросы, хлам, заваль', тай-тулак 'молодняк (о лошадях)' и т. п.

СУБСТАНТИВАЦИЯ

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Субстантивированные прилагательные в словообразовательной системе существительных занимают значительное место.

Следует выделить две категории субстантивированных имен прилагательных.

1. Существительные, возникшие в результате субстантивации простых прилагательных: *аж* 'молочные продукты' (от *аж* 'белый'), *бай* 'богач' (от *бай* 'богатый, состоятельный'), *батыр* 'герой, храбрец' (от *батыр* 'храбрый, смелый'), *вак* 'мелочь' (от *вак* 'мелкий'), *фәрип* 'урод, калека' (от *фәрип* 'уродливый, увечный'), *ирмәк* 'забава, потеха' (от *ирмәк* 'забавный', 'потешный'), *иртә* 'утро' (от *иртә* 'ранний'), *йылы* 'тепло' (от *йылы* 'теплый'), *күк* 'небо', (от *күк* 'синий, голубой'), *кара* 'чернила' (от *кара* 'черный'), *карт* 'старик', (от *карт* 'старый'), *карун* 'скряга, скупец' (от *карун* 'скупой, жадный'), *макау* 'тушица' (от *макау* 'неспособный'), *матур* 'красавец' (от *матур* 'красивый'), *оят* 'стыд, совесть' (от *оят* 'постыдный, неприличный'), *рахәт* 'удовольствие, наслаждение, блаженство' (от *рахәт* 'благодатный, приятный, блаженный'), *сит* 'край, сторона, чужбина' (от *сит* 'чужой, чуждый'), *таз* 'парша' (от *таз* 'паршивый'), *тинтәк* 'глупец, дурень' (от *тинтәк* 'бестолковый, глупец'), *тура* 'прямая' (от *тура* 'прямой'), *һак* 'пост' (от *һак* 'осторожный, бдительный'), *һалкын* 'холод, мороз' (от *һалкын* 'холодный, морозный'), *һары* 'желтуха' (от *һары* 'желтый'), *һыбай* 'всадник, верховой' (от *һыбай* 'верховой'), *һыуык* 'мороз, холод' (от *һыуык* 'холодный, морозный'), *ысын* 'правда' (от *ысын* 'правильный, истинный'), *юләр* 'глупец, дурак' (от *юләр* 'глухой'), *ярлы* 'бедняк' (от *ярлы* 'бедный'), *яуыз* 'злодей' (от *яуыз* 'злой') и т. п.

2. Существительные, возникшие в результате субстантивации отдельных аффиксальных форм прилагательных: *ажылы* 'умница' (от *ажылы* 'умный'), *аңра* 'глупец, тушица' (от *аңра* 'глупый, несообразительный'), *артык* 'излишек, избыток' (от *артык* 'излишний, избыточный, лишний'), *бысрак* 'грязь' (от *бысрак* 'грязный'), *илак* 'плакса' (от *илак* 'плаксивый') *инсафлы* 'скромник' (от *инсафлы* 'воспитанный, скромный'), *иҫәр* 'глупец' (от *иҫәр* 'глупый'), *көлкө* 'смех, потеха' (от *көлкө* 'смешной, забавный'), *караңғы* 'темнота' (от *караңғы* 'темный'), *кызык* 'потеха, забава', (от *кызык* 'интересный, забавный'), *кылансык* 'кокетка' (от *кылансык* 'кокетливый'), *кәрзәш* 'родственник' (от *кәрзәш* 'единокровный'), *оятһыз* 'бесстыдник, наглец, нахал' (от *оятһыз* 'бесстыдный, нахальный, наглый'), *партиялы* 'партиец' (от *партиялы* 'партийный').

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ

В башкирском языке могут субстантивироваться причастия настоящего и будущего времени: *бирәсәк* 'долг, задолженность', букв. 'то, что нужно отдать' (*бир-* 'давать'), *килер* 'приход, доход' (*кил-* 'приходить'), *киләсәк* 'будущее, будущность' (*кил-* 'приходить'), *озатыусы* 'сновалка, сновальщик' (*озат-* 'сновать'), *тегеүсе* 'портной' (*тек-* 'шить'), *укыусы* 'ученик' (*укы-* 'читать'), *языусы* 'писатель' (*яз-* 'писать').

СУБСТАНТИВИРОВАНИЕ ДРУГИХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ

Субстантивируются глагольные основы, что исторически перекликается с первичной нерасчлененностью именных и глагольных корней: *алмаш* 'смена' (от *алмаш-* 'обменивать'), *атыш* 'перестрелка' (от *атыш-* 'перестре-

ливаться'), *ауыш* 'наклон' (от *ауыш-* 'наклоняться'), *буталыш* 'путаница, суматоха' (от *буталыш-* 'перемешиваться'), *көрәш* 'борьба' (от *көрәш-* 'бороться'), *кус* 'рой' (от *кус-* 'перемешаться'), *корот* 'курут' (от *корот-* 'сушить'), *өй* 'дом' (от *өй-* 'складывать'), *өң* 'берлога' (от *өң-* 'рыть'), *табыш* 'находка' (от *табыш-* 'находить друг друга'), *талаш* 'ссора' (от *талаш-* 'ссориться'), *талкы* 'мялка' (от *талкы-* 'мять'), *тартыш* 'ссора, спор' (от *тартыш-* 'ссориться'), *тибеш* 'биение' (от *тибеш-* 'пинаться, лягаться'), *туй* 'свадьба' (от *туй-* 'наедаться'), *тырма* 'грабли' (от *тырма-* 'сгребать'), *узыш* 'состязание в беге' (от *узыш-* 'обгонять друг друга'), *уй* 'долина' (от *уй-* 'вырезать'), *убеш* 'поцелуй' (от *убеш-* 'целоваться'), *һал* 'плот' (от *һал-* 'класть'), *һикереш* 'прыжок' (от *һикереш-* 'состязаться в прыжках'), *шеш* 'нарыв' (от *шеш-* 'нарывать'), *ызғыш* 'ссора' (от *ызғыш-* 'ссориться'), *ярыш* 'соревнование' (от *ярыш-* 'соревноваться').

Субстантивизируются имена действия: *асырау* 'прислуга' (букв. 'содержание'; *асыра-* 'содержать'), *белдереу* 'объявление' (*белдер-* 'извещать'), *буяу* 'краска' (*буя-* 'красить'), *изәу* 'напильник' (*изә-* 'точить'), *йәйләу* 'летняя стоянка' (*йәйлә-* 'жить на летней стоянке'), *көтөу* 'стадо' (*көт-* 'пасти'), *кышлау* 'зимовка', (*кышла-* 'зимовать'), *һайлау* 'выборы' (*һайла-* 'выбирать').

3. Исторический инфинитив на *-маж* дал в современном башкирском языке немногочисленные существительные конкретного и отвлеченного значения: *артмаж* 'вьюк' (*арт-* 'вьючить'), *базмаж* 'клавиша' (*баз-* 'давить'), *йырмаж* 'каява, прорытая водой' (*йыр-* 'прорывать'), *жатмаж* 'верхний обмеденелый стог или скирды' (*жат-* 'затвердевать'), *коймаж* 'оладьи' (*кой-* 'лить'), *табырмаж* 'загадка' (*табыш-* 'находить друг друга').

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Грамматическая категория числа является одной из наиболее общих. Она охватывает почти все существительные. В ее основе лежит противопоставление понятий единичности и множественности. Полного соответствия между логическим и лингвистическим понятием числа нет, хотя в принципе они совпадают. Различие заключается в том, что грамматические формы числа в ряде случаев могут не выражать соответствующие им количественные значения.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Ед. число не имеет специального морфологического показателя. Слово в ед. числе формально совпадает со словом как лексической единицей: *ат* 'конь', *болон* 'луг', *өстәл* 'стол', *һазлык* 'болото' и т. д. Соотнесенность нулевой формы с реальной единичностью зависит от характера лексического значения существительных. Имена, фамилии, прозвища, названия географических объектов, планет и т. п. имеют только форму ед. числа⁷, совпадающую с реальным числом.

Нулевая форма многих нарицательных существительных нейтральна по отношению к числу. Например, словосочетание *ат көтөу* может быть понято как 'пасти одну лошадь', так и 'пасти нескольких лошадей'; *ағас япрак яра* 'дерево распускает // деревья распускают листья', *сәс ағарған* 'волос поседел' // 'волосы поседели' и т. п. Актуализация числового значения нулевой формы в данном случае зависит от наличия количественных, качественных и других определителей. Так, единичность в следующих примерах выявляется только при оформлении слов аффиксами принадлежности

⁷ Аффиксы мн. числа сохранились лишь в отдельных названиях населенных пунктов, которые имеют этнонимическое происхождение и сейчас воспринимаются в значении ед. числа как цельные названия, а не расчлененные множества: *Оҙонлар* (поселенный пункт в Архангельском р-не БАССР), *Бишәүзәр* (населенный пункт в Салаватском р-не), *Күлләр* (населенный пункт в Кармаскалинском р-не) и др.

и в сочетании с определительными словами: *атымды көтәм* 'пасу свою (одну) лошадь', *баксалағы ағас япрак яра* 'дерево, которое в саду, распускает листья', *бер сәс ағарған* 'один волос поседел', *куңелле кеше* 'веселый человек' и т. п.

Определенная группа существительных, особенно названия абстрактных понятий, в силу специфики своего лексического значения употребляется преимущественно без аффиксов мн. числа:

1) названия отвлеченных понятий типа *аң* 'сознание', *эхлак* 'нравственность', *арауыж* 'пространство', *йәшәйеш* 'бытие'; сюда же можно отнести обозначения стран света: *тошлок*, *көнъяк* 'юг', *төнъяк* 'север' и др.;

2) имена существительные с отвлеченным значением, оформленные афф. -лык: *бөйөклөк* 'величие', *донъялык* 'этот свет, бытие', *именлек* 'безопасность', *кызыллык* 'краснота', *муллык* 'обилие', *тыныслык* 'мир, спокойствие', *юклык* 'отсутствие' и др.;

3) имена существительные со сложным афф. -сылык, обозначающие профессии, род занятий, круг единомышленников как абстрактное понятие: *азсылык* 'меньшинство', *күпселек* 'большинство', *йәзитселек* 'джадидизм', *малсылык* 'животноводство', *милләтселек* 'национализм', *ударсылык* 'ударничество', *умартасылык* 'пчеловодство', *һөнәрселек* 'занятие ремеслом' и т. п.;

4) названия с собирательным значением, обозначающие несчитаемые вещества: *бал* 'мед', *бесән* 'сено', *йөн* 'шерсть', *жом* 'песок', *һөт* 'молоко', *он* 'мука', *шәкәр* 'сахар'; образование форм мн. числа от таких существительных возможно лишь при обозначении совокупности видов, сортов этих вещей или употреблении их для выражения дополнительных значений с эмоциональным оттенком преувеличения, подчеркивания множества;

5) названия парных частей тела, выражающие в контексте идею парности: *аяктан йығылыу* 'свалиться с ног' (букв. 'свалиться с ног'), *күзән языу* 'лишиться глаз', *кулдан зәғифләнеу* 'искалечить руки', *колакка каты туг на уши*.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Мн. число имен существительных, а также прилагательных, местоимений, отдельных разрядов числительных, отглагольных имен и глаголов в форме 3-го лица выражается афф. -лар и его алломорфами -ләр, -тар/-тәр, -дар/-дәр, -зар/-зәр⁸.

-лар присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные -а, -о, -ы: *балалар* 'дети', *борғолар* 'горны', *бысылар* 'цели'.

-ләр наращивает основы на -ә, -ө, -е: *бәләләр* 'беды', *бөйөләр* 'тарантулы', *бүреләр* 'волки'.

-тар/-тәр образует мн. число от слов с конечным глухим согласным: *ағастар* 'деревья', *беснәктәр* 'синицы'; после звонких финалий заимствованных основ -б, -д, -г, -в также принято употреблять глухие варианты аффиксов, поскольку орфоэпически конкретные согласные оглушаются: *клубтар* — в произношении [клубтáр], *парадтар* [параттáр] и др.

-дар/-дәр присоединяется к основам, оканчивающимся на сонорные -л, -м, -н, -ң: *колдар* 'рабы', *урамдар* 'улицы', *меңдәр* 'тысячи'.

-зар/-зәр прибавляется к основам, оканчивающимся на гласный -и, полугласные -й, -у, -ү, согласные -р, -з: *конькизәр* 'коньки', *өйзәр* 'дома', *айыу-зар* 'медведи', *жарзар* 'снега', *кыззар* 'девушки' и т. п.

В говорах южного диалекта башкирского языка после сонорных -л, -н, -ң употребляется афф. -нар/-нәр: *колоннар* 'жеребята', *каләмдәр* 'карандаши', *таңнар* 'зори' и т. д.

⁸ В башкирском языке сохранилось несколько архаичных слов преимущественно заимствованных в форме мн. числа, например: *халайыж* 'народ', *фожара* 'бедняк' (из арабского языка), *у(р)лан* 'сып', *яран* 'приближенный' (из персидского языка). Такие слова воспринимаются в значении ед. числа и соответственно могут принимать аффикс мн. числа: *халайыжтар* 'народы', *фожаралар* 'бедняки', *ярандар* уст. 'сподвижники', *уландарым* 'дети мои'.

Аффиксы мн. числа присоединяются большей частью непосредственно к основе слова, т. е. располагаются перед аффиксами падежа, сказуемости и принадлежности: *кала-лар-за* 'в городах', *бала-лар-зы* 'детей', *күрше-лар-зе-же-н* 'того, что у соседей' и т. п.

В терминах родства показатель числа следует после аффикса принадлежности: *агай-ым-дар-за* 'у моих братьев', *өлэсэй-ем-дар-гэ* 'к моим бабушкам'.

Аффиксы ласкательности-уменьшительности ставятся перед показателем числа: *бала-жай-зар* 'детки', *колон-сак-тар* 'жеребятки' и т. п.

Основным (контекстуально и ситуативно наименее обусловленным) значением формы мн. числа является выражение неопределенного множества неопределенных предметов, живых существ и т. д.⁹ *балыктар* 'рыбы', *өйзэр* 'дома', *таштар* 'камни', *кешелэр* 'люди', *коштар* 'птицы'.

Оттенки значений форм мн. числа обусловлены лексико-семантическим своеобразием существительных и характером контекстуального окружения.

Существительные, семантически выражающие неразделимое множество веществ, материала и т. п., в форме мн. числа приобретают значение совокупного множества видов, сортов данного продукта или вещества: *майзар* 'разные масла', *иттэр* 'разное мясо'; обозначают повторяющиеся или имеющие протяженность во времени явления природы: *көндэр* 'дни', *һууыктар* 'холода', *ямгырзар* 'дожди', *яззар* 'весны'; в абстрактных словах появляется значение интенсива: *һағыштар* 'сильная тоска', *уғаллыктар* 'злоупыхательство', *этлектэр* 'козни, мытарства' и т. п.

Присоединяясь к именам собственным, а также к терминам родства и свойства, аффиксы числа выражают коллективное множество, характеризуя данное лицо как представителя неуточненного множества, т. е. служат обозначением лица и его окружающих, составляющих единое целое (семью, круг друзей, близких и т. д.): *Ғәрифүллалар бөгөн жырза тары уралар ине* (М. Гафури) 'Гарифулла и его семья сегодня на поле жали просо'; *Гилмияр-зарзан бик эсем бошон кайттым* (С. Агиш) 'Я пришел от Гилмияра очень огорченным'; *Бибеш апайымдар кайтмаймы? Байрастар килмәйме?* (З. Бишева) 'Не возвращаются ли моя сестра Бибеш со своими? Не придут ли Байрас и его друзья?'; *Ана атайымдар за буран тил тормаған, . . . бесэнгә киткән* (СБ) 'Вон мой отец и его товарищи, несмотря на буран, выехали за сеном'.

Аффикс мн. числа придает некоторым собственным именам оттенок обобщения, уподобления данным предметам, явлениям и лицам: [*Шәрәф:*] *Мин ябай укытыусы ғына тугел, мин мәғрифәтсе. Миндә Чернышевскийзәр җаны* (С. Агиш): 'Я не простой учитель, я просветитель. Во мне кровь Чернышевских'; *Яуап бирзе һаҗмар, Ағизелдәр, мең йәшәгән оһпат сал таузар* (ЙК) 'Ответили Сакмары, Агидели, тысячелетние седые горы'.

Употребляясь в названиях населенных пунктов, районов и т. д., аффикс мн. числа обозначает коллектив людей, жителей, население данной местности: *баймактар* 'баймаковцы' (представители г. Баймака и Баймакского р-на), *бөйрәндәр* 'бурзянцы' (жители Бурзянского р-на); *Шулай итеп, был аслык илсеһолдарға ла . . . ғәмһез йәшәргә тырышыузың аҗылһыҙмык икәнән яҗшы аңлатты* (З. Бишева) 'Таким образом, этот голод хорошо дал понять илсеһульдам (жителям деревни Ильсеһул), что, оказывается, попытка прожить беспечно есть безрассудство'; *Өмөтбайзар, был кәмселектәргә сик куйылыр, тил өмөтләнә* (СБ) 'Уметбаевцы надеются, что будет положен конец этим беспорядкам, недочетам'.

Некоторые из таких образований могут иметь вариативное оформление: *бөйрәндәр* — *бөйрәнлеләр* 'бурзянцы', *мәскәүзәр* — *мәскәүлеләр* 'москвичи' и т. п.

Существительные со значением времени, возраста и места в форме мн. числа в сочетании с аффиксами падежей и принадлежности выражают при-

⁹ Иногда оно называется разделительным множеством. См.: *Колонов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956, с. 67.

близительность¹⁰: *ай баштарында* 'примерно в начале месяца', *йыл азактарында* 'примерно в конце года', *йэй урталарында* 'примерно в середине лета', *сәғәт ундарза* 'примерно около десяти часов'; *Бер мең туғыз йөз егерменсе йыл. Июнь айының баштары* (С. Агиш) 'Тысяча девятьсот двадцатый год. Первые числа июня'.

Форма мн. числа в сочетании с формой принадлежности может выражать не количество данных предметов, лиц, а множество или неопределенное число субъектов, обладающих этими единичными предметами и т. п.¹¹: *Аталары һаман кайтмаған, әсәләре генә өйҙә* 'Отец их еще не вернулся, только мать их дома'; *Гөлйөмеш өйҙәренә беренсе тапкыр ингән укытыусынан тәүҙә тартыһа ла, азақ тиз үк әйәләште* (Н. Дәүләтшина) 'Гульемеш, хотя вначале очень стеснялась учительницы, вошедшей впервые в их дом, затем довольно быстро свыклась'; *Өләсәймәдрәҙен капкаларын шығырзатмай ғына асып индем дә туктаным* (Н. Мусин) 'Я без скрипа отворил ворота дома своих бабушек, вошел и остановился'.

В песенном фольклоре очень часто имена собственные и некоторые названия единичных предметов употребляются в форме мн. числа, которая усиливает экспрессивно-эмоциональную окрашенность текста и создает полноту рифмованных слогов, но не имеет числового значения: *Ағизләкәйҙәрҙе ай кискәндә, Бер йырланым шикәж шикәндә* 'Переправляясь, эх, через Агидель, Запел я как-то раз, гребя веслами'; *Өфөләрҙән Мәскәүҙәргә саклы Саҡрым менән юлдар иҫәплә* 'От Уфы до Москвы дороги верстами измерены'; *Һауаларҙа оскан ай һар микән, Ҡанат оскайҙарын күргәи бар микән* 'В небе (букв.: в небесах) не сарыч ли летает, Довелось ли кому видеть кончики его крыльев'; *Урамдарҙан узып бара, Күҙенән ҡашы ҡара* 'По улице проходит, Брови его темнее очей'; *Йәндәрәмде өзөп бирер инем, Йәндиң башка йөрөр хәләм юк* 'Душу свою бы вырвав, отдал бы, Да ходить без души нет мочи'.

Формы местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа, принимая аффиксы мн. числа, выражают подчеркнутую вежливость и почтительность. Они употребительны преимущественно в фольклоре и старописьменных памятниках, в современной же литературе встречаются лишь в особых речевых ситуациях: *Әй, туғандар, туғандар, хуш, иҫән-һау булығыз, Оңотмағыз безҙәрҙе, иҫкә алып тороғоз* (фольк.) 'Эй, родные, родные прощайте, будьте живы-здоровы, Не забывайте нас, вспоминайте иногда'; «*Йософ ҡитабы*» *көйө менән көйләйем мин, Үз хәләмде һөҙҙәргә һойләйем мин* (фольк.) 'Напеваю я на мелодии «Книги Юсуфа», О себе я рассказываю Вам'; *Безгә хәсрәт индениһә, һөҙҙәр яһай йәрминкә!* (Ш. Бабич) 'Когда к нам приходит горе, Вы устраиваете ярмарку!'

Аффиксы мн. числа, присоединяясь к основам отдельных прилагательных, числительных и существительных, образуют новые слова: *аҡтар* 'белые', *кызылдар* 'красные', *йәшелдәр* 'зеленые', *йәштәр* 'молодежь' и др.

Аффикс мн. числа является конструирующим элементом при калькировании русских определительных словосочетаний терминологического характера. Русские прилагательные в таких конструкциях переводятся на башкирский язык в форме мн. числа существительных: *балалар баҡсаһы* 'детский сад' (букв. 'сад детей'); *граждандар һуғышы* 'гражданская война' (букв. 'война граждан'); *иптәштәр суды* 'товарищеский суд' (букв. 'суд товарищей') и др.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

В тюркских языках, в том числе и в башкирском, широко представлены парные слова, которые наряду с лексическим значением выражают и соби-

¹⁰ Аффикс мн. числа при вопросительных местоимениях и выражениях времени выражают предположительность, приблизительность: *ҡасандары* 'примерно когда', *кай-зарҙа* 'где-то, в каких-то краях', *иртәғәләре* 'во сколько-то завтра', *бөгөндәре* 'во сколько-то сегодня'.

¹¹ *Киекбаев Ж. Ф.* Хөҙөргө башкорт теле. Өфө, 1966, с. 63.

рательное множество без его оформления показателями числа: *ата-эсэ* 'родители' (букв. 'отец-мать'), *бала-сага* 'детвора', *егет-елэн* 'парни', *кеше-кара* 'всякий люд', *кош-корт* 'птицы', *эс-карын* 'внутренности', *туган-тумаса* 'родственники', *ярлы-ябагай* 'бедняки' и т. д.

Парные слова всегда выражают собирательное множество, поэтому в нулевой форме они не противопоставляются по признаку единичности / множественности. В то же время к ним могут присоединяться и аффиксы мн. числа. При этом усиливается идея множественности и подчеркивается совокупность разных типов предметов, явлений, лиц и т. п.: *ата-эсэлэр* 'разные (там) родители', *науыт-набалар* 'разная посуда', *мил-тыуарзар* 'всякий скот'; *Тауга сыккан кыз-кыркындар бер кондо. Язы мактай, йырын йырай һәр кеме* 'На горку вышли девушки. Весну восхваляет, песню поет каждая' (фольк.); *Кыззың эдһе лә, агай-энеләре лә бар* (Г. Дәүләтшина) 'У девушки есть и мать, и много родни'.

Парные слова на *-лы/-ле* в сочетании с фамилиями употребляются только в форме мн. числа: *аталы-уалы Ишбаевтар* 'отец и сын Ишбаевы'; *ағалы-энеле Газизовтар* 'братья Газизовы'; *Апалы-һеңелле Рәйсә һәм Кафия Гиләжевәларзың эштәрен һәр сәт мактап бөтә алмайзар* (СБ) 'Работой сестер Райсы и Кафии Гиләжевых каждый раз не могут нахвалиться'.

В словах, обозначающих часть чего-либо или местоположение, идея множества может передаваться повторами с одновременным оформлением редуциката аффиксами принадлежности 3-го лица (морфолого-синтаксический способ выражения числа): *ос-осо* 'концы', *баиш-баишы* 'начала', *сит-сите* 'края'; *Айырым механизаторзар үз бурыстарына яуапкыз карай: һөргән сакта ерзең баиш-баишында сей калдыралар* (СБ) 'Отдельные механизаторы к своим обязанностям относятся безответственно: при вспашке по краям клена оставляют огрехи'; *Заятулак як-ягына карай* (фольк.) 'Заятулак оглядывается по сторонам'; *Як-ягында кин, ялан йоклап ята тын-тынгына* (Ш. Бабич) 'Вокруг меня тихо, как во сне, лежит широкая равнина'.

Слова-повторы в целях усиления значения обилия чего-либо могут принимать и аффиксы мн. числа.

Категория числа непосредственно связана с идеей определенности / неопределенности. Это особенно ярко проявляется при лексико-синтаксическом способе выражения числового значения.

Сочетание существительного с количественным определением исключает морфологическое выражение мн. числа: 1) при наличии количественного числительного: *биш бот* 'пять пудов' (букв. 'пять пуд'), *ун бала* 'десять детей', *өс бурһә* 'три бревна', *утыз йыл* 'тридцать лет', *кырк көн* 'сорок дней' и т. д.; 2) при наличии разделительного и приблизительного числительного: *ун бишләп ойрәк* 'около пятнадцати уток', *бишәр күлдәк* 'по пять рубашек', *егермешәр бот игән* 'по двадцати пудов зерна'; 3) при наличии слов, выражающих неопределенное количество, неуточненное множество: *байтак халык* 'значительное число людей', *байтак игән* 'значительное количество зерна', *хәтһез вақыт* 'достаточно большое время', *күп укыусы* 'множество учащихся', *бер нисә кеше* 'несколько человек', *күпме дәфтәр* 'сколько тетрадей', *нисәмә кәләм* 'сколько карандашей' *канса йыл* 'сколько лет' и т. д.

Однако при выражении части целого некоторые из существительных с количественным определением принимают аффикс мн. числа: *Дәүләтхан поселканы халкының күп кенә кеше ләре бигерәк тә көз көндәрен кис мәнән станция буйына сығырға яраталар* 'Многие и з ж и л ь ц о в поселка Давлетхан любят, особенно осенними вечерами, выходить на пристанционную площадь' (С. Атиш); *Күп тәзрә лә р з ә уттар янмайзар* 'В большинстве о к о н огни не светятся' (Д. Юлтый).

Одним из способов выражения множественности является употребление перед существительными в нулевой форме определений-повторов с семантикой меры, счета и т. п.; так обозначают обобщенное множество, исключаящее оформление существительных афф. *-лар/-ләр*. : *кәтөү-кәтөү һарык* 'несколько отар овец', досл. 'отары-отары овец'; *өйөр-өйөр йылкы* 'несколько

табунов лошадей', *кәштә-кәштә китап* 'несколько полок книг', *полк-полк һалдат* 'несколько полков солдат', *тәнән-тәнән һары май* 'несколько боченков топленого масла', *казан-казан ит* 'несколько котлов мяса'; *Ямгыр апай, яу-яу, иген үшән тау-тау* (фолькл.) 'Тетья дождик, лей-лей, пусть родится хлеб гора-горой'.

Употребление повторов-прилагательных требует постановки определяемого слова в форме мн. числа. В данном случае с помощью определения-повтора выражается собирательное множество: *борма-борма юлдар* 'извилистые-извилистые дороги', *оло-оло ойҙәр* 'большие-пребольшие дома'.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Сущность категории принадлежности, наиболее точно определенная Н. К. Дмитриевым, заключается в выражении данной категорией одновременно и предмета обладания, и одного из трех лиц его обладателя¹². При этом необходимо иметь в виду, что не во всех случаях грамматическое значение формы совпадает с лицом реального обладателя¹³. Ср.: *буркем* 'моя шапка' (шапка принадлежит мне), но *илем* 'моя страна', *ауылым* 'моя деревня', *мәктәбем* 'моя школа'.

Принадлежность в тюркских языках является общей морфологической категорией, охватывающей существительные, субстантивированные прилагательные, числительные, местоимения, имена действия, причастия. Ведущим ее грамматическим значением является выражение принадлежности чего-либо или кого-либо к лицу, обозначенному аффиксами принадлежности.

Категория принадлежности выражается специфическими аффиксами с фонетическими вариантами, которые распределяются в зависимости от абсолютного конца слова и огласовки слова в целом.

В башкирском языке употребляются следующие аффиксы.

После основ, оканчивающихся на гласные:

Ед. число

- 1 л. -м: *балам* 'мой ребенок', *кәмам* 'моя лодка'
- 2 л. -ң: *балаң* 'твой ребенок', *кәмаң* 'твоя лодка'
- 3 л. -һы, -һе, -һо, -һө: *балаһы* 'его ребенок', *кәмаһе* 'его лодка'.

Мн. число

- 1 л. -быҙ, -без, -боз, -бөҙ: *балабыҙ* 'наш ребенок', *кәмәбез* 'наша лодка'.
- 2 л. -ғыҙ, -геҙ, -ғоз, -гөҙ: *балағыҙ* 'ваш ребенок', *кәмәгеҙ* 'ваша лодка'.
- 3 л. -лары, -ләре: *балалары* 'их ребенок', или 'их дети', *кәмәләре* 'их лодка' или 'их лодки'.

После основ, оканчивающихся на согласные:

Ед. число

- 1 л. -ым, -ем, -ом, -өм: *кылысым* 'моя сабля', *ойөм* 'мой дом'.
- 2 л. -ың, -ең, -оң, -өң: *кылысың* 'твоя сабля', *ойөң* 'твой дом'.
- 3 л. -ы, -е, -о, -ө: *кылысы* 'его или их сабля', *ойө* 'его или их дом'.

Мн. число

- 1 л. -ыбыҙ, -ебез, -обоз, -өбоз: *кылысыбыҙ* 'наша сабля', *ойөбоз* 'наш дом'.
- 2 л. -ығыҙ, -егеҙ, -оғоз, -өгөҙ: *кылысығыҙ* 'ваша сабля', *ойөгөҙ* 'ваш дом'.
- 3 л. -тары, -тәре, -дары, -дәре, -ҙары, -ҙәре: *кылыстары* 'их сабля // сабли', *ойҙәре* 'их дом // дома'.

Аффиксы принадлежности¹⁴ присоединяются к основе слова, а при наличии показателей мн. числа — после них. Падежные аффиксы распола-

¹² Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 54.

¹³ Севортян Э. В. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, т. 2, с. 43.

¹⁴ Н. К. Дмитриев к категории принадлежности относил также афф. -лы (см.: Дмитриев Н. К. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, т. 2, с. 24). Такую точку зрения нельзя считать правомерной потому, что существительные с данным аффиксом безотносительно к лицу, и выступают только в форме ед. числа. Этот показатель следует

гаются в слове после форм принадлежности: *игендәр-е-без-зе* 'наших хлебов', *дуҫ-тар-ы-тыҙ-зан* 'от ваших друзей' и т. п.¹⁵

В формах 1-го и 2-го лица принадлежность однозначно выражена исчерпывающим образом, тем не менее при существительном в форме принадлежности 1-го и 2-го лица может быть представлено имя обладателя — личное местоимение в родительном падеже: *минең илем* 'моя страна', *һинең илең* 'твоя страна'.

Понятие принадлежности выражается и лексико-синтаксическим способом, т. е. личными местоимениями в родительном падеже ед. и мн. числа: *минең малай* 'мой мальчик', *һинең малай* 'твой мальчик', *безең малай* 'наш мальчик', *һезең малай* 'ваш мальчик'.

Употребление личных местоимений в форме родительного падежа в сочетании с существительными с аффиксами принадлежности создает особую эмоциональную насыщенность, подчеркивая принадлежность предмета именно тому лицу, о котором идет речь: *Был күл минең һарайым*, *Көн дә коштай койонам* (фольк.) 'Это озеро — мой дворец, каждый день я, как птица, купаюсь'; *Күжә ашкан Уралым*, — *Минең изге той эгем*, *һезе һөйә йөрәгем* (С. Юлаев) 'Урал мой, возвысившийся до небес, мое святое пристанище, Вас любит мое сердце'; *Была, хәҙрәт, безең кызыбыз үсте, төрлө яктан яусылай башланьлар* (Н. Дәүләтшина) 'Вот, хазрет, наша дочь, выросла, стали ее сватать отовсюду'.

В 3-м лице, в отличие от форм 1-го и 2-го лица, обязательное оформление существительного аффиксами принадлежности независимо от наличия или отсутствия имени обладателя: *уның атаһы* 'его отец', *уларҙың атаһы* 'их отец'; *ысынлап та бит ошо көндә Ғаяз бай за, уның балалары ла ауылда тыныс яталар* (Д. Юлтый). 'В самом деле, ведь в эти дни и в Ғаяз-бай, и его дети спокойно отлеживаются в деревне'; *Борон заманда бер карт менән карсыҡ булған, ти. Уларҙың бер генә ир балалары донъяға килгән* (фольк.) 'В давние времена жили, говорят, старик со старухой. У них родился один единственный сын'.

Формы 1-го и 2-го лица ед. числа допускают инверсию в местоположении членов притяжательной конструкции. Тем самым достигается выражение эмоциональности¹⁶, усиливается интонационное выделение группы принадлежности: *Йөрәккәйем минең эллә нишләй*, *Асын карар инем, аскыс юк* 'Что-то с сердечком моим неладно, посмотрел бы, открыв, — да ключа нет' (фольк.), *Бер бит ең — ай һинең*, *Бер бит ең — нурлы көн* 'Одна щечка твоя — луна, другая — светлое солнце' (фольк.).

Особенности функционирования форм принадлежности заключаются еще и в том, что 1-е и 2-е лицо могут употребляться в речи независимо от наличия или отсутствия названия самого обладателя, поскольку сама форма исчерпывающе выражает и лицо обладателя, и предмет обладания. В 3-м же лице название обладателя обязательно хотя бы в предыдущем контексте. Ср.: *Бына һиңә ҡурайымды ҡалдырам* (фольк.) 'Вот тебе с вой курай оставляю'; *Истәрәмдән сыҡмай Урал ҡайым, шишмәләре, сәхрә, тугайы* (фольк.) 'В памяти моей Урал мой, его родники, раздолья, луга'.

Употребление формы принадлежности и лица обладателя может быть контактным и дистантным, однако во всех случаях отношения принадлежности сохраняются: *Минең ситкә китеп уҡырға теләүемә эсәйем* *риза булһа ла, атаһым бик үк күнөп етмәне* (Т. Йәнәби) 'Хотя моя

огнести к словообразовательным формантам существительного и прилагательного, выражающим наличие, а не принадлежность.

¹⁵ В словах с конечной гласной 1-е лицо мн. числа категории принадлежности совпадает с формой 1-го лица мн. числа сказуемости, но отличается по месту ударения. Аффикс принадлежности всегда составляет ударный слог, аффикс сказуемости безударен. Ср.: *балабыз* 'наш ребенок', но *балабыз* 'мы — дети', *кешебез* 'наш человек', *кешебез* 'мы — люди' и т. п.

¹⁶ *Дмитрисев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 58.

м а т ь и была согласна с моим желанием учиться на стороне, м о й о т е ц еще не очень-то соглашался'; *Беззек большевистик я рз ам уларга, караңгы төндө яктырткан факел Һымак, кэрэк* (Г. Дөүләтшина) 'Н а ш а большевистская п о м о щ ь нужна им как факел, освещающий темную ночь'; *Уның балауызған койоп эилэнгән һын шикелле, һығылма зифа аяк т а р ы н диңгез тулжындары һаҡ жына һыйһап йыуа.* . (З. Бишева) 'Е е стройные, упругие п о г и, словно отлитые из воска, осторожно омы-вают морские волны. '.

Форма 3-го лица ед. числа категории принадлежности весьма активно функционирует как средство связи между двумя существительными, составляя одну из продуктивных моделей словосочетаний — изафетную конструкцию. Оформленность или неоформленность управляющего существительного аффиксами родительного падежа зависит от степени лексикализованности словосочетания, а также от наличия определительных слов при управляющем слове: первый компонент сочетания *күгәрсен күзе* в терминологическом значении 'незабудка' не может принять аффикса родительного падежа, в значении же 'глаза голубя' это возможно: *миһең күгәрсендең күзе* 'глаза моего голубя' и т. п.

Существительные с пространственным и временным значением, а также названия конкретных предметов и некоторые другие активно выступают в конструкциях с аффиксами принадлежности 3-го лица.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Форма 1-го лица ед. числа в составе ласкательных и уменьшительных слов уже не обозначает конкретную принадлежность, а выражает ласковое обращение: *ажылым* 'умница мой', *иркәм* 'ласковый мой', *кәзерлем* 'дорогой мой', *йөрәкәйем* 'сердечко мое', *туғаным* 'родной мой' и т. п.

Некоторые из таких словоформ лексикализуются и без аффиксов принадлежности в данном значении уже не употребляются: *аппағым* букв. 'беленький мой' (ласк.), *күз нурым* 'свет моих очей'; слова-обращения друг к другу близких подруг: *былбылым* 'соловей мой' (ласк.), *күгәрсеһем* 'голубь мой', *ажыным* 'близкая моя', *сәсәгем* 'цветок мой' и т. п.

Форма 2-го лица ед. числа в зависимости от контекста может быть употреблена в целях выражения восхищения, восхваления: *Баға бит е г е т е ң, э, өзә генә!* 'Как отплясывает т в о й п а р е ң - т о , как отбивает!'; *А ғ а й ы ң үзе тотонһа, жуямы ни ул* 'Д я д я т в о й, если сам примется, то уж не бросит'; *Шәп көргәшә к а р т ы ң, — тинем мин укытыусы иптәшкә* (С. Агиш) 'Здорово борется с т а р я к т в о й, — сказал я учителю'.

Форма 3-го лица ед. числа определенных типов слов выражает некоторые частные значения:

1) в отдельных терминах родства — почтительность при обращении родителей друг к другу в присутствии детей: *атаһы* букв. 'отец его', *әһә* букв. 'мать его' и т. д.;

2) в названиях предметов, вещей и т. п. при наличии усилительных частиц подчеркивается обилие названного: *Оло Эйек буйында й ы у а һ ы л а, күз ғ а л а ғ ы л а, жуянтубығы л а етерлек* (З. Бишева) 'В долине Большого Ика достаточно и д и к о г о л у к а, и щ а в е л я, и д и к о й м о р к о в и'.

3) в собственных именах, названиях должностей — пренебрежительно-осуждающее значение: *Ғәйнүлла һы нишләгән була тағы?* 'Чего еще замышляет этот Г а й н у л л а?'; *Иреге ни тигән була инде?* 'Что еще там говорит И р и к?'; *Губернаторы ла жанәскес. . . уғал бәндә булып сықты* (Г. Дөүләтшина) 'И г у б е р н а т о р - т о оказался таким же жестоким кровопийцей'.

4) при повторах, первые компоненты которых оформляются аффиксами родительного падежа, а вторые имеют аффикс принадлежности, выражается уничижительное или одобрительное отношение к данному лицу или пред-

мету: *Йәш булуға карамастан, Ғум әр рәң Ғум әре хәрби инженер булуға әзерләнгә* (С. Агиш) 'Несмотря на то, что молод, даже Г у м е р и т о т готовится стать военным инженером' (С. Агиш); *А т т и ң а т ы дүрт аяклы булға ла һөрәнә түгәлме ни!* (СБ) 'К о н ь и т о т, хоть и о четырех ногах, — спотыкается!'

В ряде тюркских языков принадлежность выражается также и аффикс *-ныкы/-неке*, который не содержит указания на сам предмет обладания. В тюркологии принято называть эту форму абстрактной принадлежностью¹⁷.

В башкирском языке в зависимости от основы слова этот аффикс выступает в следующих фонетических вариантах: *-ныкы/-неке*, *-ноко/-поке* (после гласных), *-тыкы/-теке*, *-токо/-токо* (после глухих согласных), *-дыкы/-деке*, *-доко/-дәкә* (после звонких согласных), *-зыкы/-зеке*, *зоко/зәкә* (после сонорных *p, ʁ*).

Отличие данной формы от форм конкретной принадлежности заключается не только в том, что предмет обладания выражается здесь отдельно (т. е. лексически), но и в синтаксической позиции лица-обладателя. Форма принадлежности на *-ныкы* всегда находится в постпозиции по отношению к предмету обладания и выполняет роль сказуемого: *әй беззеке* 'дом наш', *балта уныкы* 'топор его', *йозак шкафтыкы* 'замок шкафа' и т. п.

Форма же принадлежности на *-(ы)м* (с вариантами аффикса принадлежности) выражает атрибутивные отношения и имеет восходящую интонацию, в то время как образования с *-ныкы* характеризуются нисходящей интонацией.

Возможно и совместное употребление обеих форм, при этом достигается акцентированное выражение идеи принадлежности: *мылтык атайымдыкы* 'ружье моего отца' ('ружье принадлежит моему отцу'); *бүрек һиненә ағайыңдыкы* 'шапка твоего брата' ('шапка принадлежит твоему брату').

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Определенность/неопределенность основана на конкретизации или отвлеченности названия предмета-существительного¹⁸. Она находит отражение в формах числа, принадлежности, падежа, а также выражается лексико-синтаксическими средствами и их комбинациями.

Актуализация категории определенности/неопределенности происходит в зависимости от цели и задач коммуникации и затрагивает глубинную структуру языка.

Универсальным показателем неопределенности имени существительного в башкирском языке является слово *бер* в значении 'некий, некоторый, какой-то', соответствующий по функции неопределенному артиклю в индоевропейских языках. В сочетании с разными разрядами имен *бер* может выражать различные оттенки понятия неопределенности¹⁹.

При названиях поддающихся счету предметов, лиц и т. д. *бер* выражает общую неопределенность единичного предмета: *бер кеше* 'какой-то человек',

¹⁷ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 55.

¹⁸ В тюркологии еще не выработано единого понимания сущности и форм проявления категории определенности/неопределенности. Отдельные авторы и сейчас не выделяют ее в самостоятельный раздел грамматики, хотя Н. К. Дмитриев еще в 40-е годы рассматривал эту категорию как самостоятельную (см., например, его «Синтаксис балкарского языка» в кн.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 362—365). Дж. Г. Клекбаев применил теорию определенности/неопределенности в диакронном аспекте исследования морфологии и на ее основе объяснил происхождение некоторых форм имени и глагола в башкирском языке, а также в ряде урало-алтайских языков (см.: Клекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языковедение. Уфа, 1972; Он же. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности-неопределенности. — В кн.: Вопросы методики и методологии лингвистических исследований. Уфа, 1966; и др.).

¹⁹ Сочетаясь со словами, обозначающими меру, *бер* выступает только в своем числовом значении «один», а неопределенность выражается его синонимом *берәй*, который, однако, здесь одновременно обозначает и неопределенное количество. Ср. *бер бот ашык* 'один пуд зерна' — *берәй бот ашык* 'около пуда зерна', *бер сынак сәй* 'одна чашка чая' — *берәй сынак сәй* 'одна или несколько чашек чая' и т. п.

бер китап 'какая-то книга'; *Бер көндө Әбэйлил, ана шул кабыктарзы күтәрәп, бер кул ягына барган* (фольк.) 'Однажды Абзелил, прихватив эти дубки, пошел в сторону какого-то озера'; *Офогә якин бер ауылга ебәрһәгез, балки, барырман* (М. Тажи) 'Если направите в какую-нибудь деревню поближе к Уфе, может быть, и поеду'; *Мин бара торған магазин алдында бер милиционер баһып тора* (С. Агиш) 'Возле магазина, в который я иду, стоит какой-то милиционер'.

В той же функции со значением 'какой-то, какой-нибудь' выступают и *берэй, берэр*, производные от слова *бер*: *Берэй батыр егет килеп сығып, мине жотқарыр әле тигэйнем, шул егет һин будаһың икән* (фольк.) 'Так и полагала, что появится какой-нибудь смелый джигит и вызволит меня, это значит — ты'; *Берэй урынға барып эшкә имергә кәрәж* (Д. Юлтый) 'Надо где-то устроиться на работу'; *Йә, Корманбай кусты, старшинаға арнап берэр нәмә һөйләһәнсе.* . (Т. Хәйбуллин) 'Ну, браток Курманбай, расскажи-ка что-нибудь о старшине'.

Бер при количественных числительных выражает приблизительное число предметов, связанное с неопределенностью: *Бер биш килограмм шәкәр кәрәж иле* 'Нужно было около пяти килограммов сахара'; . . . *һин китәп, бер ун көн узғас* (Т. Йәнәби) 'Дней через десять после того, как ты уехал. . .'

Своеобразно употребление слова *бер* с личными именами. В речи собственные имена обычно обозначают определенное (известное) для собеседников лицо. Но когда впервые упоминается только имя, а его обладатель — нет, употребляется особая конструкция со словами *тигән бер* и *тигән берәү* 'некто, какой-то': *Вакытлы хөкүмәттән Гучков тигән берәү ошо турала сығып һөйләгән икән* (Н. Дәүләтшина) 'От Временного правительства, оказывается, выступал об этом некий Гучков'; *Яратышып йөрөгәндәр булыр кәрәж. Юдин тигән берәүзе бик йыш хәтергә ала ул* (С. Агиш) 'Наверно, они любили друг друга. Очень часто она вспоминает какого-то Юдина'.

Неопределенность, выраженная словом *бер*, может несколько усиливаться в ограниченном круге слов уменьшительно-ласкательным афф. *-кай/-кәй* и модальной частицей *-дыр/-дер*, выражающей неуверенное предположение: *бер кешекәй* 'какой-то человек', *бер ирекәй* 'какой-то мужчина', *бер кызыккай* 'какая-то девушка', *бер йәнлектер инде* 'наверно, какой-нибудь зверь'.

Общему значению неопределенности имени, выраженному словом *бер*, противопоставляется определенность, однозначно конкретизируемая указательными местоимениями *был, ошо* 'этот', *анау, теге* 'тот' и различными определениями (особенно — причастными) при существительном: *Тейен . . . ергә төшкән һап-һары сәтләүектәрзе ауызына йыйып йөрөй* (А. Карнай) 'Белка собирает в рот упавшие на землю желтенькие орехи'; *Килен, ошо күлдәкте мин һиңә бирәм* (Н. Нәжми) 'Сноха, я это платье тебе даю'; *Сәми карт үзенең тотқан балыктарын йөкмәп базарға китте* (Д. Юлтый) 'Старик Самей пошел на базар, взвалив на спину свой улов'.

Категория определенности/неопределенности соприкасается с категорией числа, что в свое время было отмечено и Н. К. Дмитриевым²⁰. Взаимопроникновение этих и ряда других категорий наиболее отчетливо показал С. Н. Иванов²¹ на материале тюркоязычного памятника XVII в. Выявленное им соотношение разных грамматических значений и форм является общей для многих современных тюркских языков — во всяком случае, это можно определенно сказать относительно башкирского языка.

Определенность/неопределенность существительных в форме ед. числа проявляется в позиции прямого дополнения. Форма мн. числа также может в зависимости от семантики существительного и структуры сочетания выражать определенность или неопределенность (см. раздел о категории числа). Существительные противопоставляются по определенной единичности (*был китап* 'эта книга') — определенной множественности (*был китаптар* 'эти

²⁰ Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. М.; Л., 1939, с. 44—45.

²¹ Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1975, ч. 1, с. 44—49.

книги'), неопределенной единичности (*бер китап* 'какая-то книга') — неопределенной множественности (*китаптар* 'книги').

В функции сказуемого существительное во мн. числе также может выражать определенную множественность: *Хэсэн менэн Хөсдин* — *игез балалар* 'Хасан и Хусанн — близнецы'.

Мн. число существительного в сочетании с количественными числительными выражает неопределенность: *миллион йыл* 'миллион лет' — *миллион йылдар* 'миллионы лет', букв. 'миллион годов'; *ун биш сәгәт* 'пятнадцать часов' — *ун биш сәгәттәр* 'около пятнадцати часов' и т. п.

Дифференциация форм существительных по линии определенности/неопределенности последовательно проявляется также в винительном и родительном падежах, формам которых, выражающим наряду со своим падежным значением определенность, противопоставляется нулевая форма существительных в значении этих же падежей, характеризующая их как неопределенность.

Аффиксом винительного падежа, выражающим определенность в функции прямого дополнения, как правило, оформляются имена собственные, существительные, имеющие аффиксы принадлежности, производные имена с отвлеченно-предметным значением.

Топонимы являются названиями единичных объектов (1), а личные имена — конкретных лиц (2), поэтому они, как и вообще собственные имена, конкретны по своему значению и в роли прямого дополнения обязательно оформляются аффиксами винительного падежа: 1) *Ленинградты күрзек* 'мы видели Ленинград', *Өфөнө яратам* 'я люблю Уфу' и др.; 2) *Хэсәнде күрзек* 'видел Хасана', *Зөһрәне көтәбез* 'ждем Зухру'; *Баләкәй генә торғас, Аҗйегет менән Дәкәйзе алып инделәр* (Г. Дәүләтшин) 'Немного погодя, ввели Акзигита с Апекаем'; *Муратшин Зөлфәкәрзе беләм. Беззек күршегә төшөп йөрөй* (С. Агиш) 'Я знаю Муратшина Зульфакара. Он останавливается у наших соседей'.

Форманты винительного падежа обязательны также для существительных, осложненных аффиксом принадлежности, который в данном случае конкретизирует имена в аспекте определенности. При этом для существительных с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица в качестве показателей определенности выступают аффиксы винительного падежа *-ды/-де* (с фонетическими вариантами), а для 3-го лица — аффиксы принадлежности *-ы/-е* и определенности *-н*: *атымды* 'мою лошадь', *атыңды* 'твою лошадь', *атын* 'его лошадь', *атыбыззы* 'нашу лошадь', *атығыззы* 'вашу лошадь', *атын* 'их лошадь'; *Атам белде серемде, мин һөйләгән уйымды* (фольк.) 'Отец разгадал тайну мою, мысли мои, что я тебе говорила'; *Һаубуллашкан сакта килә минек кайыныңды жосоп илағым* (Ө. Таһирова) 'Когда прощаюсь, мне хочется плакать, обняв березу твою'; *Ғәлимә апай Үтәева ла һәр сак балалары кеше булһын тип йәшәй. Был изге максат өсөн ул көсөн дә, һаулығын да йәлләмәне* (СБ) 'Галима-апа Утяева живет, чтобы вырастить детей настоящими людьми. Ради этой святой цели она не жалела ни сил, ни здоровья'.

Однако в функции прямого дополнения существительные с аффиксами принадлежности могут факультативно оформляться винительным падежом. Существительные, имеющие аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица, могут выступать и без аффиксов винительного падежа, в форме же 3-го лица это недопустимо. Данное положение можно объяснить лишь тем, что 1-е и 2-е лица более определены по самой своей сути, а форма 3-го лица менее определена, поэтому последняя не может допускать нулевой формы. Ср. *Дошмандан илең һакла, ярамһактан серең һакла* (посл.) 'От врага страну береги, от подхалима — тайну'; *Сәсэн барза телең тый, оста барза кулың тый* (посл.) букв. 'При сказителе язык придержи, при мастере — руки' (т. е. 'Не хвастайся своим красноречием при сказителе, а уменьем при мастере'); *Хафиз. . . әйләнен караһа — буркен, яғаһын, хатта мыйығын да баҗ каплаған Төхфәт баһын тора* (С. Агиш) 'Обернулся Хафиз — а перед ним Тухват, у которого шапка, воротник и даже усы покрыты пнеем'.

Показатель определенности *-н* сохраняется также и в местно-временном падеже у сочетаний существительных типа изафетов II и III: *Ватан кугуш-ы-н-да* 'В Отечественной войне', *өй баш-ы-н-да* 'на крыше дома', *тау итэг-е-н-дэ* 'у подножия горы', *кыш урта-ны-н-да* 'в середине зимы'; *туңдэрж күлдең төбө-н-дэ* 'на дне круглого озера' и т. п.

Показатели принадлежности 3-го лица, в именах существительных, оформленных винительным падежом, в некоторых случаях могут терять свое грамматическое значение и употребляться в целях усиления экспрессивности и эмоциональности речи: *Донъя гиззем, Рәсәй буйлап та — Балтиген дә күрзәм, Байкалын* (Н. Нәжми) 'Изъездил свет, Россию тоже — видел и Балтику, и Байкал'; *Инде, — тинем, — мөззин агай, бесәнен дә салтым, игенен дә иктәм. Мине эшләмәне, бушка икмәк ашаны тимәсһең* (С. Агиш) 'Вот, — сказал я, — муэдзин-ага, я и сено косил, и хлеба жал. Пикак не скажешь, что я не работал и даром хлеб ел'.

На оформленность существительного показателем определенности оказывает влияние и его местоположение в предложении: *Тимерзе кызыбында һук* (посл.) 'Куй железо пока горячо'; *Кешене эштә һынайзар* (посл.) 'Человека испытывают в труде'; *Кошто аңгармастан тотток* 'Птицу мы поймали неожиданно'.

В данной позиции возможно употребление существительного только в винительном падеже, при изменении местоположения слова оформленность существительного аффиксами винительного падежа со значением определенности оказывается не нужной. Ср.: *Батырзы яуза һынайзар* 'Батыра испытывают в бою' — *Яуза батыр һынайзар* (посл.) 'В бою испытывают батыра'.

Производные слова на *-лык* с отвлеченно-предметным значением в силу специфики своей семантики в функции прямого дополнения обязательно принимают аффиксы винительного падежа: *етеһезлектәрзе ботөрөү* 'ликвидировать недостатки', *матурлыҡты һаҡлау* 'беречь красоту', *ойошканлыҡты көсәйтеү* 'поднять организованность'; *Малсылыҡты үстөрөү азык муллығына һәм торлактарҙың йылы булығына бәйләнгән* (СБ) 'Развитие животноводства связано с обилием кормов и теплым состоянием помещений'.

Оформленность или неформленность существительных по линии определенности/неопределенности в пределах родительного падежа зависит от характера связи между компонентами словосочетания, имеющих конструкцию изафета «существительное + существительное».

Преппозитивное существительное может иметь двойное оформление. При актуализации его атрибутивной функции оно выступает без аффикса родительного падежа: *ағас тамыры* 'корень дерева', *һыйыр һөтө* 'молоко коровы', *өй кыйығы* 'крыша дома' и т. п. Однако при акцентировании внимания на принадлежности предмета, первый компонент конструкции получает аффикс родительного падежа и выражает определенность с помощью соответствующего определения: *теге ағастың тамыры* 'корень того дерева', *ала һыйырҙың һөтө* 'молоко цестрой коровы', *ауыл ситендәге өйҙөң кыйығы* 'крыша дома, находящегося на краю деревни'; *Әсәй шул байзарҙың аштарын беһерә, кәрзәрән йуа.* . (М. Гафури) 'Мать готовит еду для тех баев, стирает белье. . '.

Такая перестройка невозможна для словосочетаний, которые не могут выражать принадлежность: *таң еле* 'утренний ветер', но не *тандың еле*; *күкрәк һөтө* 'грудное молоко', но не *күкрәктең һөтө* и т. п. Здесь играет роль также лексикализация словосочетаний.

Обязательно оформление аффиксом родительного падежа первого компонента конструкции при наличии определений (иногда выраженных указательными местоимениями) у второго компонента: *завод эһсәһе* 'рабочий завода' — *заводтың алдығы эһсәһе* 'передовой рабочий завода', *партия съезы* 'съезд партии' — *партияның егерме бишенсе съезы* 'двадцать пятый съезд', *колхоз председателе* 'председатель колхоза' — *колхоздың яңы председателе* 'новый председатель колхоза'.

Когда конструкция выражает часть целого, первый компонент также оформляется аффиксом родительного падежа со значением определенности:

ашлыктың центнеры 'центнер зерна', ситсаның метры 'метр ситца', майзың жазағы 'фунт масла', шәжәрзең килограммы 'килограмм сахара'.

При выражении принадлежности предмета конкретному лицу компонент — собственное имя обязательно получает форму родительного падежа: *Хайҙарзең сәғәте* 'часы Хайдара', *Зиннәттең язмышы* 'судьба Зинната' и т. п.

При именах собственных термины родства и свойства в формах принадлежности могут выражать не принадлежность, а отношение говорящего (чаще пренебрежительное) к называемому лицу; в таких случаях имя собственное выступает в форме основного падежа: *Хәсәндең балаһы* 'дитя Хасана' — *Хәсән балаһы* 'Хасанов ребенок' (пренебрежительно).

Таким образом, охарактеризованность существительных по категории определенности/неопределенности зависит от характера лексического значения слова, структуры конструкции, акцентирования внимания на определенном члене словосочетания и экспрессивно-эмоционального содержания словосочетания.

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

Сказуемость является специфической категорией, представляющей морфологически и лицо, и его признак, одновременно соотносимый с временем и наклонением. Слово в форме сказуемости можно расчленить на субъект и предикат, логически же оно имеет структуру предложения. Поэтому синтетические и аналитические формы сказуемости вне контекста взаимозаменяемы: *эшсемен* — *мин эшсе* 'я рабочий'; *йырсыһың* — *һин йырсы* 'ты певец' и т. п. Форма сказуемости одновременно выражает и значение числа, т. е. каждой форме лица соответствует и определенное числовое значение.

В современном башкирском языке сказуемость в 1-м и 2-м лице ед. и мн. числа выражается специальными аффиксами²², которыми оформляются не только именные части речи, но и некоторые разряды служебных слов (последлоги, частицы). В зависимости от огласовки слова варьируется и состав гласных в аффиксах. Для 3-го лица специальных аффиксов нет.

Ед. число

- 1 л. *-мын// -мен// -мон// -мөн*: *ташсымын* 'я каменщик'
- 2 л. *-һың// -һең// -һоң// -һөң*: *ташсыһың* 'ты каменщик'

Мн. число

- 1 л. *-быҙ// -без// -боҙ// -бөҙ*: *ташсыбыҙ* 'мы каменщики'
- 2 л. *-һығыҙ// -һеҫеҙ// -һоҫоҙ// -һөҫөҙ*: *ташсыһығыҙ* 'вы каменщики'

Аффиксы сказуемости всегда находятся в абсолютном конце слова и не имеют ударения: *Үҙ дәрәжәмде, урынымды яҡшы беләмен — мин кендек әбейеңең улымын* (М. Кәрим) 'Хорошо знаю себе цену, свое место — я сын повивальной бабки'; *Башҡортостан сикһеҙ Гүзәлһең һин, Уралтаукай һилдәй мөһабәт!* (Б. Нөгөманов) 'Башкирия, ты безгранично прекрасна, как величавы горы Урала!'

Аффиксы сказуемости могут присоединяться не ко всем семантическим разрядам существительных, а лишь к существительным, характеризующим лицо, обозначающим лицо по свойству. Эти ограничения определяются семантикой слова. Так, отвлеченные понятия и предметы безотносительны к лицу, поэтому слова, обозначающие их, не принимают аффиксов сказуемости.

Категорией сказуемости охватываются порядковые и собирательные числительные: *беренсемен* 'я первый', *икенсеһең* 'ты второй', *унһысыбыҙ* 'мы десятые', *егерменсеһеҫеҙ* 'вы двадцатые'; *берәүмен* 'я один', *бишәүһеҫеҙ* 'вас пятеро', *алтаузар* 'их шестеро' и т. п.

Аспект отрицания категории сказуемости в башкирском языке выражается словом *түгел* 'не', к которому и присоединяются аффиксы сказуе-

²² В тюркологии принято возводить аффиксы сказуемости к личным местоимениям. См.: Дмитриев П. К. К истории аффиксов сказуемости. — ИСГТЯ, ч. 2, с. 5.

мости: *Рус түгелмен, ләкин Россиянымын* (М. Кәрим) 'Не русский я, но Россиянин'; *Безгә булыр йәр түгелһең, йоромә йорәк яндырып* (фолькл.) 'Не пом ты достанешься, не тревожь сердце'.

Как уже было отмечено, параллельно с формой сказуемости в современном башкирском литературном языке употребляется синтаксически синонимичная с ней конструкция «личное местоимение + имя»: *Языусымын — мин языусы* 'я писатель', *бәләкәйһең әле — һин бәләкәй әле* 'ты еще мал', *өсәүбәз — без өсәү* 'нас трое' и т. п.

Возможно и сочетание морфологически выраженной сказуемости и двусоставных предложений с местоимениями в одной конструкции, что характерно преимущественно для поэзии, фольклора и — в целом — для возвышенного стиля художественной и официально-деловой речи²³: *Мин бер батша кызымын, Кыздарының зурымын* («Урал») 'Я — дочь одного царя, самая старшая из его дочерей'; *Мин — ташсымын, Таузы яра сабам* (Ғ. Дәүләтов) 'Я — каменщик, разрубаю гору пополам'; *Һауһа, байраҡ! Еңеү байрағы! . . . һин ябайһың . . . Ябай тукыма* (Ш. Нәжми) 'Здравствуй, знамя! Знамя победы! . . . Простое ты . . . Простая ткань'.

Аффиксы сказуемости одновременно категориальны и по числу: *ужыусымын* 'я ученик' — *ужыусыбыз* 'мы ученики', хотя здесь возможно и употребление форм множественности: *ужыусыларбыз* 'мы ученики'.

Формы сказуемости могут сочетаться с аффиксами пространственных падежей. При этом форманты сказуемости всегда располагаются после падежных аффиксов.

Аффиксы сказуемости в сочетании с исходным падежом: *ауылданмын* 'я родом из деревни' или 'я — деревенский', *ярлыларҙанһың* 'ты из бедняков', *алыҫ яктарҙанбыз* 'мы из дальних краев', *кайһы илдәрҙәнһегеҙ?* 'из каких вы стран?' и т. п.

Аффиксы сказуемости в сочетании с местным падежом: *өйҙәмен* 'я дома', *алыштабыз* 'мы находимся далеко', *юлдаһығыз* 'вы в дороге', *кунакталар* 'они в гостях', *Йылмая ата: — Үзең өсөнсө кластаһың, Ә уйың хита* (Р. Ниғмәти) 'Улыбается отец: — Сама ты в третьем классе, а мысли твои не верны'.

С формами других косвенных падежей аффиксы сказуемости не употребляются.

Аффиксы сказуемости сочетаются также с аффиксами принадлежности: *баламһың* 'ты мой ребенок' (1-е лицо принадлежности и 2-е лицо сказуемости), *балаңмын* 'я твой ребенок' (2-е лицо принадлежности и 1-е лицо сказуемости), *балаһымын* 'я его ребенок' (3-е лицо принадлежности и 1-е лицо сказуемости), *балаһыһың* 'ты его ребенок', *баламһығыз* 'вы мои дети', *балаларығызбыз* 'мы ваши дети'; *Хәҙер ана, Раис, з в е н о б а ш л ы ғ ы м ы н т и г ән булып, кайһылай купрайып йөрөй* (Н. Мусин) 'Сейчас вон Раис, ходит гоголем, от того что он вожатый звена'; *Икегез ҙә баламһыҙ, Күзөбөзгә ҡарамһыҙ, Теһәр сағығыҙ утмәгән, Быуынығыҙ катмаған* («Акбузат») 'Вы оба — дети мои, свет очей моих, вы еще не окрепли, вы еще не выросли'; *Тере ҡалдыҡ . . . Ә мин шуларҙың — Тере ҡалғандарҙың берһемен* (Ш. Нәжми) 'Остались живы. . . А я один из оставшихся в живых'.

Аффиксы сказуемости присоединяются иногда к существительным (1) и местоимениям (2), осложненным аффиксом принадлежности -*дыҡы/-деке*, -*ныҡы/-неке*, -*зыҡы/-зеке* и т. п.: 1) *партияныҡымын* 'я принадлежу партии', *атайыңдыҡыһың* 'ты принадлежишь своему отцу', *илегезкеһегеҙ* 'вы принадлежите своей стране' и т. д. 2) *минекеһең* 'ты мой', *һинекемән* 'я твой', *үзөбөзгекеһегеҙ* 'вы наш', *кемдекеләр?* 'они чьи?' и т. д.

Таким образом, формы сказуемости, принадлежности и числа, а отчасти и падежа сочетаются в одном слове и составляют сложную словоформу существительных. Форма сказуемости 1-го лица мн. числа в словах, оканчи-

²³ Кукбаев Ж. Ғ. Хәҙерге башҡорт теле, с. 66.

вающихся на гласный звук, совпадает с формой принадлежности 1-го лица мн. числа, но различаются они по ударению.

Аффикс принадлежности принимает ударение, однако при оформлении слова аффиксом сказуемости ударение падает на предыдущий слог: *кәтәүсәбәз* 'наш пастух' — *кәтәүсәбәз* 'мы пастухи', *әсәбәз* 'наша мать' — *әсәбәз* 'мы матери', *балабыз* 'наш ребенок' — *балабыз* 'мы дети' и т. д.

При стечении в одной словоформе различных грамматических показателей аффиксы сказуемости, как обычно, замыкают словоформу: *якындағыһымын* 'я тот из них, который находится близко', *жалалағыһыһың* 'ты тот из них, который находится в городе', *өйҙәгеләребез* 'мы те из нас, которые находятся дома', *тәүгеләреһегез* 'вы те из ваших, которые являются первыми' и т. п.

Все перечисленные формы сказуемости соотносятся с глаголом настоящего времени изъявительного наклонения. Кроме того, функционируют синтаксические формы выражения категории сказуемости со служебным глаголом *бул-* 'быть', констатирующие состояние в настоящем времени. Ср., например, конструкции: *ағайыңмын* 'я твой брат' — *мин һинең ағайың булам* 'я есть твой брат'; *жарауылыһың* 'ты сторож' — *һин жарауылы булығың* 'ты есть сторож'; *мин киленегез булам* 'я буду (в значении 'есть') ваша сноха' — *мин һезҙең киленегез* 'я ваша сноха'; *һин һандуғас буһаң, мин карлуғас, һайрашырбыҙ икәү пар булғас* (фольк.) 'Если ты соловей, то я ласточка, запоем, когда станем парой'; *Эт әйтә: — минме? — ти, — мин Бәлә булырмын* (фольк.) 'Собака говорит: — Я? Я и есть Беда'.

Значение сказуемости может соотноситься и с прошедшим временем, при этом оно выражается сочетанием существительного со вспомогательным глаголом-связкой *ине* 'был': *уҡытыусы инем* 'я был учителем', *балыҡсы иһең* 'ты был рыбаком'; *Горький язған дауыл қошо кеүек, Берәү яуға уҡтай атылды. Был — Кусимов иһе, батыр улы, һөйгән улы башкорт халҡының. . .* (Р. Ниғмәти) 'Как буреветник, описанный Горьким, кто-то ринулся стрелой в битву. Это был Кусимов, храбрый сын, любимый сын башкирского народа'.

В прошедшем и будущем времени категория сказуемости выражается только синтаксически, т. е. конструкцией «имя + вспомогательный глагол *ине* или *бул-*»²⁴.

Сочетание имени с глагольной связкой *бул-* может выражать значение будущего времени индикатива: *һин уҡытыусы булырһың* 'ты будешь учителем', *без журналистәр буласаҡбыҙ* 'мы будем журналистами'. Формами вспомогательного глагола *бул-* могут выражаться значения условного, желательного наклонений и наклонения намерения: *бригадир буһаң* 'если буду бригадиром', *уҡытыусылар булайыҡ* 'будем учителями', *артист буһаң иһе* 'быть бы артистом', *тракторист булмаҡсымын* 'намерен стать трактористом', *студент булмаҡсы инем* 'был намерен стать студентом'.

Такие словосочетания следует рассматривать как составные именные сказуемые, содержащие в себе признаки имени и глагола. В отрыве от имен-

²⁴ П р и м е ч а н и е р е д. Категория сказуемости обнаруживает полный изоморфизм с категорией времени, наклонения, лица и числа глагола, поскольку позиция сказуемого закреплена за глаголом как за частью речи. Соответственно она представлена не только морфологическим (с помощью аффиксов сказуемости) и синтаксическим (с помощью связки *ине* в форме прошедшего времени) индикативом, но и аналитическим составительным, желательным наклонением и пол.: *Үҙең килһәң, яһшы булыр иһе* 'Было бы хорошо, если бы пришел ты сам'; *Кәрим инженер булыр иһе, дипломы юҡ* 'Карим стал бы инженером, (но) у него нет диплома'; *(һин) артист буһаң иһе, кызык булыр иһе* 'Было бы интересно, если бы (ты) стал артистом'; *Кыш йылы булығы иһе* 'Была бы зима теплой' и т. п. Да и в индикативе категория сказуемости представлена рядом аналитических форм: *Быйыл һин депутат буласаҡһың (булырһың)* 'В этом году депутатом станешь ты'; *Лекциялар элеккәк жәһәттә була торғайны* 'Лекции раньше были интересными' и т. п.

По отношению к этой разветвленной системе аналитических форм аффиксально выраженная сказуемость, не содержащая указания на время и наклонение, предстает как нулевая форма сказуемости в настоящем времени индикатива. Стало быть, и в ней имя адаптируется по аналогии с глаголом, за которым позиция сказуемого закреплена как за частью речи. Вот почему в этой позиции выступает далеко не всякое имя, а только названья лиц и их свойства.

ной части глагольная связка не выражает предметность, а имеет совершенно другое лексико-грамматическое значение.

Категория сказуемости охватывает не только имена, но и модальные слова. Имена существительные в сочетании с модальным словом *икән* 'оказывается' выражают значение сказуемости с модальным оттенком опосредованного узнавания, догадки: *һэйбәт кеше икәнһең* 'ты, оказывается, хороший человек', *апайың һауынсы икән* 'твоя сестра, оказывается, доярка', *һунарсы икәнһеһез* 'вы, оказывается, охотники' и т. п.

Модальное слово отрицания *түгел* 'не', принимая аффиксы сказуемости, способно сочетаться с именами: *ул дуҫ түгел* 'он не друг', *һил һиңә комсомолец түгелһең?* 'ты почему не комсомолец?', *ғалимдәр түгелһез* 'мы не ученые', *һез күрше түгелһеһез* 'вы не соседи' и др.

Однако не все модальные слова, принимающие аффиксы сказуемости, могут сочетаться с именами и функционировать как составные сказуемые. В частности, такой возможностью не обладают модальные слова *ярай* 'можно', *ярамай* 'нельзя', *юк* 'нет' и некоторые другие.

Категория сказуемости не охватывает также такие разновидности существительных, как собственные названия местностей, наименования единичных предметов, учреждений и т. д., в то время как имена людей пользуются этой категорией в полной мере. Это, видимо, обусловлено тем, что категория сказуемости имеет отношение прежде всего к лицу, т. е. связано с категорией одушевленности.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Падеж — это грамматическая категория имени, обозначающая с помощью специальных аффиксов или их сочетания с послелогом синтаксическое отношение данного существительного к другому существительному, наречию или глаголу. Это отношение может определяться характером лексического значения подчиняющего слова, его формой, принадлежностью к определенной части речи или семантикой зависимого существительного. Падежные значения реализуются только в словосочетании и предложении.

В башкирском языке, как и во всех тюркских языках, падежные формы в основе своей едины для именных частей речи во мн. и ед. числа. Система значений падежей, их соотношение и взаимозаменяемость довольно сложна и трактуется в учебной и научной литературе по башкирскому языку по-разному²⁵.

В определении количественного состава падежей мы исходим из установленной в тюркском языкознании и единой для большинства тюркских языков (кроме якутского, чувашского и хакасского) шестипадежной системы: основной, родительный, дательный, винительный, исходный, местный.

Основной падеж не имеет грамматических показателей и совпадает с корнем или производной лексической основой (идром) слова. Для падежных аффиксов башкирского языка характерна многовариантность, возникающая в зависимости от огласовки слова и качества конечного согласного основы.

Род. п.: *-дың/-дең*, *-доң/-дөң* после согласных *з, ж, л, м, н, ң*: *колхоздың* 'колхоза', *гараждың* 'гаража', *күлдең* 'озера' и др.; *-тың/-тең*, *тоң/-төң* после всех глухих согласных: *аттың* 'лошади', *икмәктең* 'хлеба' и т. п.; *-зың/-зең*, *-зоң/-зөң* после согласных *з, р, у, ү, й*: *каззың* 'гуся', *ерзең* 'земли' и др.; *-ның/-нең*, *-ноң/-нөң* после всех гласных: *каланың* 'города', *кешенең* 'человека' и т. п.

Соответственно оформляются винительный, исходный и местный падежи.

Вин. п.: *-ды/-де*, *-до/-дө*, *-ты/-те*, *-то/-тө*, *-зы/-зе*, *-зо/-зо*, *-ны/-не*, *-но/-нө*.

²⁵ В учебнике для башкирских педучилищ выделено два винительных падежа — определенный и неопределенный (см.: Башкорт тел. Педучилищеләр өсөн дәреслек. Өфө, 1968, с. 166). Р. Ф. Зарипов в своей кандидатской диссертации доводит число падежей до 19, причисляя к данной категории ряд словообразовательных аффиксов (Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1974, с. 12).

Исх. п.: *-дан/-дэн, -тан/-тэн, -зан/-зэн, -нан/-нэн.*

Местн. п.: *-да/-дэ, -та/-тэ, -за/-зэ; -ла/-лэ.*

Дат. п.: *-га/-гэ* (после гласных и звонких согласных), *-жа/-жэ* (после глухих согласных).

Существительные с аффиксами принадлежности имеют некоторое отличие в склонении. В дательном падеже к существительным в форме принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа присоединяется афф. *-а/-э*: *атайыма* 'отцу', *асыйма* 'матери', *дусыңа* 'твоему другу', *ойёңа* 'твоему дому' и т. п.

Существительные же с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица мн. числа оформляются типичными формами дательного падежа на *-га/-гэ*: *колхозыбызга* 'нашему колхозу', *танышыгызга* 'вашему знакомому', *кешебезге* 'нашему человеку'.

Существительные в форме принадлежности 3-го лица в дательном падеже имеют окончание *-на/-нэ*: *баксаһына* 'его саду', *куршеһенэ* 'его соседу', *ужытыусыларына* 'их учителям', *ейёндэрэнэ* 'их внукам', в винительном падеже — *-н*: *атын* 'его коня', *аттары* 'его коней', *рәсемн* 'его рисунка', *рәсемдәрен* 'его рисунков'; в местном падеже — *-нда/-ндэ* (т. е. с добавлением элемента *-н*, который отсутствует при склонении существительных без аффиксов принадлежности): *бүлмәһендә* 'в его комнате', *куршеһендә* 'у его соседа', *эһендә* 'в его работе' и т. п.

Падежные показатели в слове занимают место, как правило, после аффиксов словообразования, числа и принадлежности, но не всегда находятся в абсолютном конце слова, как это принято считать. Существительные в форме исходного и местного падежей способны принимать аффиксы сказуемости 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа: *ауылданмын* 'я из деревни', *жунактаның* 'ты из гостей', *куршеләбез* 'мы в соседях', *ойҙәһегеҙ* 'вы дома', *китапханаламын* 'я в библиотеке' и т. п.

После падежных форм к слову могут присоединяться: афф. *-дыр/-дер* (в его фонетических вариантах), выражающий сомнение, неуверенное предположение: *атайыңдыңдыр* 'наверное, твоего отца', *беззелер* 'наверное, нас', *кемдәңдер* 'что-то', *каланандыр* 'наверное, из города', *куршеләрҙәлер* 'наверное, в соседях', *дачағалыр* 'наверное, на дачу' и т. п.; вопросительный афф. *-мы/-ме*: *калағамы?* 'в город что-ли?', *ойҙәһеме?* 'из дома, что-ли?', *эштәме?* 'на работе ли?' и т. п.

К некоторым падежным формам присоединяются морфемы *-ғы/-ге, -са/-се* и др., образуя сложные аффиксы: *бүлмәләге* 'находящийся в комнате', *безреңсә* 'по-нашему', *урындағыса* 'по местному' и т. п.

Падежные формы выражают сложный комплекс значений, противопоставляемых или взаимозаменяемых по функции.

ОСНОВНОЙ ПАДЕЖ

Основной падеж представляет собой исходную форму слова и как прямой падеж противопоставит всем другим, так называемым косвенным, падежам не только по отсутствию аффиксов, но и по своему значению и грамматической роли, как падеж подлежащего, хотя эта его функция не является единственной. Существительное в форме основного падежа отвечает на вопросы: *кем?* 'кто?' (по отношению к человеку), *нима?* 'что?' (по отношению ко всем одушевленным существам, а также к предметам и явлениям). Существительные в основном падеже имеют как независимую (самостоятельную), так и зависимую позицию. Независимая позиция показывает отсутствие синтаксических отношений. Этой позицией основной падеж противопоставляется всем остальным падежам, выступающим в большинстве случаев в зависимой позиции.

В самостоятельном употреблении имя в основном падеже выполняет функцию подлежащего, обозначая предмет, явление и процесс: *Кояш байыуға тартым* (Г. Гүмәр) 'Солнце склоняется к закату'; *Кешеләр, әйелер, аяҡ астарынан һиндәйҙер дүрткел қағыз киҙәктәре алалар* (Ф. Иҫәнғолов) 'Люди, нагибаясь, достают из-под ног какие-то четырехугольные клочки бумаги'.

Имена в основном падеже могут выступать в качестве назывного предложения и обращения: *Вокзал. Шау-шыу. Йэшел вагондар* (Х. Кәрим) 'Вокзал. Шум-гам. Зеленые вагоны'; *Бөгөн һилең тыуған көнөң, һеңлем* (Р. Бикбаев) 'Сегодня день твоего рождения, сестра моя'.

Все остальные значения и функции существительного в основном падеже являются зависимыми и обусловлены его позицией, контекстом и характером значения сочетающегося с ним слова.

Основной падеж выступает в функции простого (1), составного именного (2) и составного глагольно-именного сказуемого (3): 1) *Амайым—укытыусы* 'мой отец учитель', *Ғәли — бригадир* 'Гали — бригадир'; *Әйткән һүз — атқан уҡ* (посл.) 'Слово сказанное — стрела вынужденная'; *Бер ҡунаҡ — шатлыҡ, ике ҡунаҡ — артыҡ, өс ҡунаҡ — йөк* (посл.) 'Один гость — радость, два — излишек, три — тягость'; 2) *Мәкәл — һүз күрке* (посл.) 'Пословица — краса речи'; *Ауызың да уймаҡ, тешең — ынйы, телең генә оймаҡ аҫкысы* (фолькл.) 'Рот твой наперсток, зубы — жемчужины, речь же твоя — райские ключи'; *Ғәйкәлдәр — тереләр өсөн* (Ф. Исәнғолов) 'Памятники — для живых'; — *Һин, Зөлхизә, язғы ҡояш һымаҡһың* (З. Бишшева) 'Ты, Зулхиза, как веселее солнце'; 3) *Мин уҡытыусы булам* 'Я буду учителем' и т. п.

Имя в роли сказуемого имеет характеризующее значение, показывая кем или чем был, является или станет названное лицо, предмет и т. п., т. е. типологически сближается с глаголом состояния. В силу этого в данной позиции выступают не всякие имена, а лишь те, которые способны выражать состояние субъекта как его признака.

Основной падеж является одной из распространенных форм определения. В непритяжательных словосочетаниях существительное-определение во многих случаях аналогично прилагательному: *алтын алка* 'золотые серьги', *ағас көрәк* 'деревянная лопата'; *кан ҡызыл* 'крово-красный', *Безҙең өй такта ҡойма менән уратып алынған* (М. Кәрим) 'Наш дом окружен дощатым забором'. В данном случае преимущественно используются названия вещества, материала и т. п., воспринимаемые как названия признака.

Выступая определением в притяжательной конструкции, существительное в основном падеже соотносится с родительным падежом в той же позиции. Существительное-определение в этой конструкции может приобретать и показатель родительного падежа, образуя грамматическую вариантность типа *Кәрим малайы — Кәримдең малайы* 'сын Карима'.

Именное определение в основном падеже (изафет II) непосредственно примыкает к имени с притяжательным аффиксом, тогда как форма родительного падежа имени допускает вставку других определений: *ҡалаһың иң зур бакһаны* 'самый большой сад города', *әсәйемдең аҡыллы ҡәңҙәштәре* 'мудрые советы моей матери'.

Есть самостоятельные типы изафета II, где постановка определения в форме родительного падежа не допускается²⁶:

1) когда существительное в основном падеже выступает в составе географического названия, или цельного наименования чего-либо: *Өфө ҡалаһы* 'город Уфа', *Кугарсен районы* 'Кугарчинский район', *«Ырғыз» романы* 'роман «Ирғыз»', *«Зифа» магазины* 'магазин «Зифа»', *«Ағидель» колхозы* 'колхоз «Агидель»', и т. п.;

2) когда существительное в форме основного падежа определяет название родового, а существительное с притяжательным аффиксом — видового понятия: *ҡыр ҡазы* 'дикий гусь', *осрашыу шатлығы* 'радость встречи', *эш булмәһе* 'рабочая комната', *языу өстәле* 'письменный стол' и т. п.

Основной падеж широко употребляется в функции прямого дополнения, соотносясь при этом с формой винительного падежа, всегда выражающей определенный объект. Основной же падеж показывает неопределенность объекта действия и располагается в контексте в отличие от дополнения в форме винительного падежа непосредственно перед глаголом: *хат язды*

²⁶ См. также: *Иванов С. Н.* Указ. соч., с. 19—21.

‘писать письмо’; *Кояш сығыр алдынан бисләр, күн әктәр тотоп, һыйыр һауырға сықтылар* (С. Агиш) ‘Перед восходом солнца женщины, прихватив ведра, вышли доить коров’; *Ул арала Арысланғәленең эһеһе Усманғәлә ат эсереп ҡайтып килде* (Ғ. Дәүләтшин) ‘Тем временем, вернулся, напоив коня. братишка Арысланғәлә Усманғәлей’; *Торналар шул ҙубаларға йыл һайын осоп килеп, йомортҡа һалып, бала сығарған* (И. Солтанов) ‘Журавли, каждый год прилетая к тем курганам, клали яйца, выводили детенышей’.

В народно-разговорном языке, фольклоре и произведениях башкирских авторов XIX в. зафиксировано довольно частое употребление основного падежа вместо дательного: *базар сығыу* ‘выехать на базар’, *Уфа китеу* ‘уехать в Уфу’; *Бер уйлайым Бохар китергә, бер уйлайым донъя көтөргә* (фолькл.) ‘То думаю уехать в Бухару, то думаю (здесь) жить да поживать’; *Которған эт һауа ҡарап өргән менән аманда торған айзың нуры китмәҫ* (М. Аҡмулла) ‘Оттого, что бешеная собака будет лаять, здрав пасть к небу, не померкнет свет луны на небосклоне’. Однако в современном башкирском литературном языке данное употребление не стало нормой.

При сочетании существительных, обозначающих время, с указательными местоимениями основной падеж конкурирует с местным: *шул көн(дә)* ‘в тот день’, *теге йыл(да)* ‘в тот год’, *анау ваҡыт(та)* ‘в то время’ и т. п.

Основной падеж широко сочетается с послелогам. Эти сочетания в разных своих значениях функционально могут заменять формы других падежей, тем самым образуя разветвленную систему морфолого-синтаксических средств выражения одних и тех же грамматических значений.

Основной падеж с полисемантическим послелогом *менән* ‘с’ обозначает:

1) совместность, соучастие (функция косвенного дополнения): *Мәскәүҙән һуң пионерҙәр менән бер вагонда барҙы Сәйзәлдәр* (Ғ. Сөләм) ‘После Москвы Сайдели ехали в одном вагоне с пионерами’; *Һыяҙгол менән килешкәнең яҡшы булыр* (Ғ. Дәүләтшина) ‘Для тебя хорошо помириться с Пиязгулом’;

2) лицо, на которое распространяется действие другого лица (косвенное дополнение, являющееся логическим субъектом): *кеше менән иҫәнләшеу* ‘поздороваться с человеком’, *ҡыҙ менән танышыу* ‘познакомиться с девушкой’; *Карт кеше менән шаярырға ярамай* (С. Агиш) ‘Нельзя шутить с пожилым человеком’;

3) орудие, материал и предмет действия (функция дополнения): *балта менән сабыу* ‘рубить топором’, *шифер менән ябыу* ‘покрыть шифером’, *сәғәт менән бүләкләу* ‘наградить часами’, *лимон менән сәй эсеу* ‘пить чай с лимоном’, *документ менән танышыу* ‘ознакомиться с документом’; *Кәртә башын һалам менән яптым* (Б. Бикбай) ‘Крышу сарая покрыл я соломой’;

4) способ действия (функция обстоятельства образа действия): *аҡыл менән йәшәу* ‘жить с умом’, *иғтибар менән тыңлау* ‘слушать с вниманием’, *тирышлыҡ менән еңеу* ‘победить старательностью’, *хөрмәт менән өндәшеу* ‘обращаться с уважением’, *түбәнселек менән иҫәнләшеу* ‘здороваться с почтением’; *Кайғыны ла, шатлыҡты ла кешеләр йыр менән аңлата* (Б. Бикбай) ‘И горе, и радость люди выражают песней’; *хәйлә менән алдырыу* ‘взять хитростью’, *ҡатылыҡ менән тотоп* ‘держат в строгости’;

5) способ передвижения (функция обстоятельства образа действия): *самолет менән осоу* ‘полететь самолетом’, *автобус менән ҡайтыу* ‘возвращаться автобусом’, *поезд менән барыу* ‘поехать на поезде’, *ат менән йөрөү* ‘ездить на лошади’; данная конструкция может заменяться формой местного падежа: *самолетта осоу* ‘полететь на самолете’, *автобуста ҡайтыу* ‘возвращаться на автобусе’ и т. д.; место, направление действия: *юл менән барыу* ‘идти дорогой’, *урман менән атлау* ‘шагать лесом’; *Әйтсе бурыла, эһуң йәшәр өсөн ҡайһы һуҡмаҡ менән баралар* (Ғ. Сөләм) ‘Скажи же, чалый, по какой тропе идти, чтобы жить’; соответствует исходному падежу: *Юлдан атлау* ‘шагать дорогой’, *һуҡмаҡтан барыу* ‘идти тропой’;

6) цель действия (функция обстоятельства цели): *эш менән йөрөү* ‘ходить по делу’, *уй менән ҡайтыу* ‘вернуться с мыслью’, *йомош менән килеу* ‘прийти за чем-либо’;

7) время действия (функция обстоятельства времени): *таң менэн* 'с зари', *яз менэн* 'с весны'; *Иртэ менэн ораган матур мыйыклы милиционер ээ килеп етте* (С. Агип) 'Подожел и милиционер с красивыми усами, встретившийся утром'; *Кояш менэн яткан малайзар этэс менэн бергэ торалар* (Ғ. Амангай) 'Мальчики, ложась спать с закатом, встают с петухами'; данная конструкция функционально соответствует исходному падежу со значением времени; ср.: *таң менэн — таңдан* 'с зари', *иртэ менэн — иртэнэн* 'с утра';

8) логический субъект действия (косвенное дополнение): *Котлоярзың бөлжэс кенэ кирбес ойо. . . халык менэн тулган* (Ғ. Дәүләтшина) 'Маленький кирпичный домик Кутлуяра наполнил пародом'; *Ауыл инде күптэн уяңған, урамдар ығы-зығы менэн тулған* (Ф. Рәхимғолова) 'Деревня давно уже проснулась, улицы полны движения'; *Күп тэ үтмэй, киң болонлоқ бэсэн бакуйзары менэн каплана* (СБ) 'Проходит немного времени и широкий луг заполняется скошенным сеном'; *Сокорзар, оңолған урындар һыу мэнэн тула* (К. Мәргән) 'Ямы и выбоины заполняются водой';

9) средство, источник жизни (функция косвенного дополнения): *малсылык менэн көн күреү* 'жить скотоводством', *корт менэн шәғәлләнәү* 'заниматься пчеловодством', *иген менэн аякка баһу* 'встать на ноги благодаря хлебу';

10) характеристику лица (функция дополнения): *халко менэн тас олатаһы* 'характером вылитый дедушка', *ир эше менэн таныла* 'мужчина делом прославляется';

11) разновидность болезни (функция косвенного дополнения): *аппендицит менэн ауырыу* 'болеть аппендицитом', *тапма менэн ятыу* 'лежать с малярией', *үпкә менэн яфаланыу* 'мучиться болезнью легких', *йөрәк менэн больницаға инеү* 'лечь в больницу с больным сердцем'; *Тиф менэн ауырыған берһе тигәндэй һаңраулана ла тәзәлә* (Ғ. Дәүләтшина) 'Чуть ли не каждый, заболевший тифом, становится глухим и поправляется';

12) в сочетании со словом *баш* 'голова' в притяжательной форме выражает модально-оценочное значение с отрицательным оттенком, образуя синтаксический фразеологизм: *ир башың менэн* 'будучи мужчиной' (не считаюсь с этим, несмотря на это); *профессор башың менэн* 'будучи профессором (не считаюсь с этим)'; *Комсомол башың менэн һинен палто өсөн һатыулашың йөрөргә!* (С. Агипш) 'Будучи комсомольцем, стану я еще торговаться за твоё пальто!';

Основной падеж в сочетании с послелогом *өсөн* 'для, за' означает:

1) цель действия (функция обстоятельства цели): *тыныслык өсөн көрәш* 'борьба за мир'; *Эшлекле норма өсөн йөрөр, эшлекһез форма өсөн йөрөр* (посл.) 'Трудолюбивый работает ради нормы, лентяй ради формы'; *Арымай-талмай йәштән ойрәтәмен ирек өсөн көрәш юлдарын* (Ғ. Амангай) 'Учу смолоду безустанно (идти) путем борьбы за свободу'; *КПСС халык өсөн йәшәй һәм халыкка хезмәт итә* (СБ) 'КПСС существует для народа и служит народу';

2) назначение предмета, цель действия (функция обстоятельства цели): *уғыу өсөн түләү* 'плата за обучение', *Ир-егет үзе өсөн тыуа, иле өсөн үлә* (посл.) 'Джигит рождается для себя, погибает за свой народ'; *Был йыр-зарзы күкрәп үскән йәштәр өсөн язамын* (Ғ. Сәләм) 'Эти песни я пишу для процветающей молодежи'; *Һәм һанымдың һуңғы тамсыһын илем, халкым өсөн бирермен* (Х. Кунакбай) 'И последнюю каплю крови отдаю за Родину свою, за народ мой';

3) направленность действия (функция косвенного дополнения): *бала өсөн хафаланыу* 'беспокоиться о ребенке'; *уңған кеше өсөн көн дә урақ өстә* (посл.) 'Для трудолюбивого каждый день — страда'; *Үзгән Айзақайзарын был хәлдә ташлап китеү Айбулат өсөн бик кыйын ине* (Ғ. Дәүләтшина) 'Покинуть свое Айдакаево в таком положении было очень трудно для Айбулата'; *Етәксе өсөн беләү генә аз, үтә һизгер булыу за кәрәк* (Б. Бикбай) 'Для руководителя мало знать, надо еще быть очень прозорливым'; в этих случаях основной падеж, сочетаясь с послелогом, соответствует по функции дательному падежу;

4) причину действия (функция обстоятельства причины): *ғәйеп өсөн әрләү* 'ругать за провинность', *тәҗкит өсөн әзәрләү* 'преследовать за кри-

тику'; *Балыксылар Бураншаны ла ошо кылыктары осон яраттылар* (З. Бишева) 'Рыбаки и Бураншу полюбили за эти привычки'.

Основной падеж с послелогом *буйынса* 'по' означает:

1) соответствие действия, предмета и т. п. чему-либо (функция обстоятельства образа действия): *Закон буйынса хэл итеү* 'решить по закону', *курһатмә буйынса эшләү* 'работать согласно указанию'; *план буйынса* 'по плану';

2) отношение к действию, предмету и т. д. (функция косвенного дополнения): *доклад буйынса фекер алышыу* 'обмениваться мнениями по докладу'; *Мурзин, Григорий, Вася. . ошо резолюция буйынса бик күп кенә фекер алыштылар* (Г. Дәүләтшина) 'Мурзин, Григорий, Вася. . долго обменивались мнениями по этой резолюции';

3) род профессиональной деятельности, область занятий (функция определения): *укуу буйынса урынбасар* 'заместитель по учебе', *төзөлөш буйынса йөкләмә* 'обязательство по строительству', *медицина буйынса белгес* 'специалист по медицине'; *Анна Константиновнаның ире . . сауза эштәре буйынса бэләкәй генә китаптар язған* (С. Агиш) 'Муж Анны Константиновны . . . писал брошюры по вопросам торговли';

4) пространственные и временные отношения (функция обстоятельства места и времени): *район буйынса планды үтәү* 'выполнение плана по району', *ике-өс сәғәт буйынса эшләү* 'работа в течение двух-трех часов'; *Яңы кешеләр, яңы картиналар юл буйынса күзгән үтәләр* (Г. Саләм). 'Новые люди, новые картины всю дорогу стоят перед глазами'.

Основной падеж с послелогом *кеүек*, *һымак*, *шикелле*²⁷ 'как, подобно' означает качественное и количественное сравнение, уподобление, выполняя функции:

1) определения: *көзгө кеүек боз* 'лед как зеркало', *мамык кеүек жар* 'снег как пух'; *Ат шикелле таза ир* (Б. Бикбай) 'Мужик здоровый как лошадь'; *Мин был төш кеүек булған вакиғанан аптырап калдым* (С. Агиш) 'Я растерялся от этого события, случившегося как во сне';

2) сказуемого: *Кайнарлыкта кояш — йөрәк кеүек, йөрәк кайнар, кояш шикелле* (Р. Ниғмәти) 'Солнце — как сердце, а сердце как солнце горячо'; *Һин миңә ямғыр кеүекһең, ә мин — дым көткән ағас* (М. Ғәли) 'Ты для меня как дождь, а я как жаждущее влаги дерево';

3) обстоятельства образа действия: *балык кеүек йөз* 'плыть как рыба', *кош кеүек һайра* 'петь как птица', *колон шикелле сан* 'скакать как жеребенок'. При этом основной падеж может быть осложнен определением в форме родительного падежа: *Халыктың кымырһа кеүек кайнаған еренә, буфеткә табанырак, барғайнык* (Т. Йәнәби) 'Пошли было туда, к буфету, где народу, как в муравейнике'.

Основной падеж с послелогом *хакында*, *тураһында* 'о, об' означает предмет мысли или разговора, выполняя функцию дополнения: *Ватан матурлығы тураһында Стальский шашып йырланы* (Р. Ниғмәти) 'Стальский вдохновенно пел о красоте Отчизны'; *Хафиз карт һуғыш тураһында үзенең карашын белдерҙе* (М. Тажи) 'Старик Хафиз высказал свои взгляды о войне'; *Тәүҙә егет һүзгән кемдәр хакында барғанын да төшөнмәй торҙо* (Ф. Иҫәнғолов) 'Сначала парень никак не мог понять, о ком же идет речь'.

Обычно управляющие дательным падежом послелог *хәтле(м)*, *саҡлы*, *тикле(м)*, *кәҙәр(ле)* 'величиной с', сочетаясь с существительными в форме основного падежа, выражают сравнение по величине и количеству. В этом случае основной падеж с послелогом выполняет функции:

1) определения: *өй хәтлем таш* 'камень с дом', *баймак хәтле буре* 'волк как бычок', *балаһ саҡлы болот* 'туча величиной с палас'; 2) сказуемого: *Эшләр эштәр, ана, йондоз хәтле* (Ө. Вахитов) 'Дел как звезд на небе'; *Табылмаған мал тау хәтле* (посл.) 'Не приобретенное богатство (кажется величиной) с гору'.

²⁷ Послелог *шикелле* выражает также модальное значение сомнения, предположения: *теге килгән атайым шикелле* 'тот, идущий, кажется, мой отец'.

Данные послелогов, находясь между повторяющимися именами, имеют эмоциональный оттенок восторженности: *Мәскәү тиклем Мәскәүҙә уҡ йомошто бар итеп тә тукталаның инде ул* (Г. Гүмәр) 'В Москве-то уж как останешься, то хоть и делать нечего, а находишь дела'.

Основной падеж с послелогом *һайын*, 'еже-, каждый' выражает что-либо периодически повторяющееся и выполняет функцию обстоятельства времени: *йыл һайын килә* 'приезжает ежегодно', *көн һайын эшләй* 'работает ежедневно'; *Без Новиковтың Аликсакин эргәһенә сакырлыуын минут һайын көтә башланьык* (Д. Юлтый) 'Мы стали ждать каждую минуту вызова Новикова к Аликсакину'. Данная конструкция означает также ряд лиц, предметов, на который распространяется действие, распределяется что-либо поровну (функция дополнения): *Һалдат һайын тейеп кала берәр кашык буткаһы* (фольк.) 'Каждому солдату достается по ложке каши'; *Бригада һайын берәр трактор* (Б. Бикбай) 'В каждой бригаде по одному трактору'; *Кулдарыңда — алтын йөзөк бармак һайын* (Ш. Бабич) 'На руках — золотые кольца на каждом пальце'.

Послелог *аржаһында* 'из-за', употребленный с основным падежом, означает причину совершения или несовершения действия: *Бер куй аржаһында мең куй һыу эскән* (посл.) 'Где (если) попьет одна овца, напьется тысяча'.

Послелог *айканлы* 'по, по случаю' с основным падежом означает повод действия: *байрам айкалы* 'по случаю праздника', *тууран көн айкалы* 'по поводу дня рождения', *туй айкалы* 'по случаю свадьбы' и т. п.

Имя в основном падеже с послелогом *тарафынан*²⁸ выражает логический субъект действия, при этом глагол употребляется в форме страдательного залога: *Был приют шиндәйҙер бер тол бай катын тарафынан һалынған* (Д. Юлтый) 'Этот приют построен какой-то богатой вдовой'; *Партиябыз ораны һәр ваҡыттағы кеүек халыҡ тарафынан ишетелде һәм кабул ителде* (Р. Ниғмәти) 'Клич партии, как всегда, был услышан и воспринят нашим народом'.

Сравнительно реже с именем в основном падеже употребляется послелог *сәбәпле* 'по, по причине'. Обычно он сочетается с именами действия и указательными местоимениями: *Көндөң королюго, аттарзың егәрлелеге, тамактарының һыйлылығы сәбәпле, көн һайын Зильскийҙең дүрт десятина ере сабыла* (Г. Дәүләтшин) 'Потому, что погода сухая и лошади выкормлены, с Зильского (участка) скашивается по четыре десятины (земли) ежедневно'.

Послелогов *менән*, *өсөн*, *кеүек*, *хәтле*, *саҡлы*, *буйынса*, *турала*, управляя родительным падежом личных и указательных местоимений, имеют те же значения, что и в сочетании с основным падежом.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

(аффикс. *-ны/-не*, *ғы/-ге*, *-ты/-те*, *-ды/-де*)

Основным значением винительного падежа является обозначение прямого объекта, на который распространяется действие. Винительный падеж выполняет функцию прямого дополнения и в этой позиции соотносится с основным падежом, отличаясь, однако, от него по выражению категории определенности/неопределенности. Винительный падеж, как и родительный, употребляется без послелогов.

Существительные и субстантивированные части речи, выступая в функции прямого дополнения, принимают аффикс винительного падежа в зависимости от характера своего лексического значения, сочетающегося с ним глагола и контекстуального выражения определенности.

1. Винительный падеж в функции прямого дополнения управляется переходными глаголами: *А у ы л д ы у з ҫ а с та, матур-матур туғайҙар*

²⁸ Послелог *аржаһында* (от *аржа* 'спина'), *тураһында* (от *тура* 'напротив'), *тарафынан* (от *тараф* 'сторона') Н. К. Дмитриев рассматривает как переходный тип между служебными именами и послелогов (Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 233).

китэ (Ж. Кюкбасв) 'Как только пройдешь деревню, начинаются красивые луга с кустарниками'; Шунда гына Зыя Гимадиев Ишмурат то вты танын, жосаклап алды (Ф. Ифэнголов) 'Только тогда Зия Гимадиев, узнав, обнял Ишмуратова'; Айырылганды айыу ашар, бүленгэнде бүре ашар (посл.) 'Отколовшегося медведь съест, отделившегося волк съест'.

Форма винительного падежа обязательна, если прямое дополнение отделено от управляющего глагола другими словами; прямое дополнение в форме основного падежа может выступать только непосредственно примыкая к глаголу: *Һэнэктэ көрөккө һаплама* (посл.) 'Не насаживай вилы на лопату'; *Сабатаны бабай базарға илтеш һата* (фольк.) 'Старик лопату несет на базар и продает'; *Бажырзы күмө йыш һаң да алтын булмаҕ* (посл.) 'Сколько ни три медь, она золотом не станет'.

2. Существительные с временным значением в форме винительного падежа ед. числа (мн. число неупотребительно) выполняют функцию обстоятельства времени, управляются переходными и непереходными глаголами²⁹, при этом конструкции с винительным падежом синонимичны конструкциям с местным падежом: *Фатхи һалдат ошо ук кисте* (можно — *кистэ*) *үзенең һойгәне Зөлхизне. . . күрешергә сакирзы* (С. Агини) 'Фатхи-солдат в этот же вечер пригласил на свидание свою возлюбленную Зульхизу'; *Катыны бала табыр төндө* (или *төндэ*) *шул батша төш күргән* (фольк.) 'В ночь, когда должна была родить его жена, тот царь увидел сон'; *Бийылгы йылы бесән алтындан кәзерле* (СБ) 'В нынешнем году сено дороже золота'.

3. Винительный падеж в некоторых конструкциях косвенной речи выступает в функции логического субъекта действия: *Ата-йыңды бөгөн китэ тинеләр* 'Сказали, что твой отец уезжает сегодня'; *Ғәзизде кәйткан тип ишеттем* 'Слышал, что Газиз приехал'. В таких конструкциях вместо винительного падежа без изменения содержания может употребляться и основной падеж.

Отдельные глаголы, обозначающие непосредственное воздействие на объект, имеют вариативное управление — винительным падежом и дательным, хотя между этими формами существует некоторое семантическое различие: в винительном падеже объект охватывается действием полностью, а в дательном — частично: Ср. *атты менеу* — *атка менеу* 'сесть на коня'; *Бер үрге менгәс, карт атын туктатып хәл алдырзы* (М. Тажи) 'Когда преодолели (один) подъем, старик, остановив лошадь, дал ей отдохнуть'; *Һөнәрле ир үргә менер, һөнәрһез ир гүргә инер* 'Сноровистый мужчина поднимется на высоту, несноровистый отправится на тот свет'; *Гәрәй бай гәрәйепләнеүсене һугын ебәрзе* (Б. Бикбай) 'Гарей-бай ударил обвиняемого'; *Үземдең атка берзе һуктым* (Д. Юлтый) 'Один раз ударил своего коня'; *Карт. . . атын һукты ла дилбәгәһен жузгатты. . .* (Ғ. Дәүләтшин) 'Старик. . . ударил коня и натянул вожжи'.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. *-ның/-нең, -тың/-тең, -дың/-дең, -зың/зең*)

Основным значением родительного падежа в тюркских языках является выражение принадлежности отношений. Этим значением он противопоставит всем остальным падежам и соотносится с основным падежом, отличаясь от последнего по категории определенности/неопределенности. Имена и местоимения в форме родительного падежа сочетаются только с существительными, именами действия на *-(ы)у* и причастиями, функционируют в составе особого типа определительных словосочетаний (изафет III), т. е. управ-

²⁹ В значении неопределенного времени в сказках употребляется конструкция «исх. падеж + *бер* 'один' + впр. падеж»: *көндәрҙән бер көндө* 'в один из дней', *төндәрҙән бер төндө* 'в одну из ночей'.

ляются именами, а не глаголами в отличие от всех остальных падежѣй. Слова, сочетающиеся с именем в родительном падежѣ, принимают форму соответствующего лица и числа.

Родительный падеж, выполняя функцию приименного определения, выражает:

1) определенную принадлежность предмета, свойства: *колхоздың тэзәуселәр бригадалы* 'строительная бригада колхоза', *хәзерге замандың иң мәһим вакигалы* 'самое важное событие современности'; *сәскәннең матурлығы* 'красота цветка'; *һыузың тазалығы* 'чистота воды'; *Балакайымдың һулышы жайнар, йөрәге күкрәгенән сығырзай булып дөпөлдәп тибә* (Ф. Рәхим-голова) 'У деточки моей дыхание горячее, сердце бьется, готово выскочить из груди'; *Дауыт Өтәтәриңде балалы бар* (СБ) 'У Давыта семеро детей'; *Алдаксының теле бер жолас* (посл.) 'У плута язык длинный';

2) часть целого (определение в форме родительного падежа показывает целое, а определяемое в форме лица — его часть): *көзгөң башы* 'начало осени', *күлдәктең еңе* 'рукав платья', *айзың һуңғы көнө* 'последний день месяца', *ойзөң кыйығы* 'крыша дома'; *Алмыштан артык бейә һарайзың тар коридорына килеп тулды* (СБ) 'Более шестидесяти кобыл набилось в тесном коридоре сарая'.

Родительный падеж имеет специфические значения, обусловленные особенностями его употребления.

1. В сочетании с последующим управляющим числительным, прилагательным и причастием родительный падеж имеет выделительное значение: *балаларзың олоһо* 'старший из детей', *китаптың кызыклыһы* 'интересное из книг', *сейәннең беһкәндәре* 'самые спелые вишни'; *Ғалкының көндәреҙең иретер ғәйрәтем, ярһыуым бар, һылыу* (Р. Бикбаев) 'Студеность дней способная расплавить сила есть у меня, красавица'; *Йәш һауынсы, комсомолка Фәниә Сайфуллина Салауат районының Хамматов исемендәге колхозда алдыңғы һауынсыларзың береһе* (СБ) 'Молодая доярка, комсомолка Фания Сайфуллина — одна из передовых в колхозе имени Хамматова Салаватского района'.

В данном значении родительный падеж синонимичен исходному, но последний здесь менее употребителен: *һауынсыларҙан береһе* 'одна из доярок'.

2. Родительный падеж, образуя словосочетания от однокорневых словоформ, имеет актуализированное, выделительное значение: *батырҙарзың батыры* 'батыр из батыров', *матурҙарзың матуры* 'красивый из красивых'; *Көндөң көнө буйы тышта егермеләп баш эре малды карарға кәрәк* (Г. Дәүләтшина) 'Целый день надо во дворе присматривать за крупным скотом — около двадцати голов'.

3. Родительный падеж в составе изафета обозначает логический субъект действия, если второй член изафета входит в глагольный фразеологизм (1) или выражен отглагольным именем (2): 1) *Жуялды бик асыуы килә быға* (фольк.) 'Заяц очень рассердился на это'; 2) *Халықтың асыуы рәуештә шулай кыскырыуҙарын күргәс, миндәге куржыу тағы ла артты* (М. Кәрим) 'Услышав гневные выкрики людей, я еще больше испугался'; *Безҙән һуң киләсәк быуындың да йәшәйһе бар бит* (СБ) 'Надо ведь жить и тому поколению, которое будет после нас'; *Бүренең комағай икәннен һәр кем белә* (посл.) 'Что волки жадны, всякий знает'.

4. Существительное в родительном падеже обозначает логический объект действия, когда второй член изафета выражен именем действия в страдательном залоге: *Ураҡ ваҡытында безҙең менән уракка барғанда ла, ул (Ғәлимә) үзенең уңғанлығы, шаянлығы менән бәтә ауырлықтың онотолоуына сәбәп була* (М. Гафури) 'Во время страды, когда с нами ходила на жатву (Галима), она своим трудолюбием и шутливостью заставляла забыть все тяготы'.

При сочетании имени в родительном падеже с притяжательным местоимением *үзе* 'сам', изменяющимся по категории падежа и принадлежности, подчеркиваются лицо, предмет, соотнесенные с ним: *директорзың үзәндә* 'у самого

директора', редакторзың үзэн 'самого редактора'; Хайуалдар был хакта арысландың үзэнә лә хәбәр иттеләр, ти (фольк.) 'Звери об этом сообщили самому льву'.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. -га/-гә, -ка/-кә)

Среди падежей, именуемых пространственными, дательный падеж по значению противопоставляется исходному (исходный пункт) и местному падежам (местонахождение), обозначая конечный пункт движения, направление, причину и цель действия. Он отличается от других падежей многозначностью и широкой сочетаемостью с именами, глаголами, модальными словами, послелогоми и др., имея самостоятельное и обусловленные значения.

1. Дательный падеж обозначает направленность действия к объекту (однонаправленность), отвечая на вопросы кемгә 'кому', нимгәгә 'чему'. Это «адресатное значение» является ведущим, менее всего обусловленным (функция косвенного дополнения): укытыусыга әйтеу 'сказать учителю', кешега ышаныу 'верить человеку', жарга батыу 'провалиться в снег', Зифага өйләнеу 'жениться на Зифе', машинага ултырыу 'сесть в машину', күршегә тапшырыу 'вручить соседу'; [Йәшитәр] якын киләсәктә йәмғиәткә җауапкер итеүгә үз кулына аласак быуын (СБ) 'Молодежь является тем поколением, которое в ближайшем будущем возьмет в свои руки управление обществом'; Бәт балыкка ла теймәгән, ары киткән (фольк.) 'Джигит не стал трогать и рыбу, пошел дальше'; Илсе итеп эт ебәрһәң, илеңә яу килтерер (посл.) 'Пошлешь собаку послом, приведет войско в страну'; Тыуған илгә күберәк иген бирәйек! (СБ) 'Дадим стране больше хлеба!'; Карама беләккә, жарг йөрәккә (посл.) 'Не суди по руке, суди по сердцу'.

2. Адресатно-целевое значение выражается дательным падежом, управляемым именами³⁰ с конкретным или отвлеченным значением: дуэска сәләм 'привет другу', әсәйгә хат 'письмо матери', Галигә бүләк 'подарок Галии', малга азык 'корм скоту', утынга ағас 'дерево на дрова', кешега ярдам 'помощь людям', йәмғиәткә файза 'польза обществу'.

3. Обстоятельно-целевое значение выражается при сочетании с глаголами абстрагированного действия: бурьска алыу 'взять в долг', тәрбиягә алыу 'взять на воспитание', кәтәсәккә биреу 'дать в долг', коллокка һатыу 'продать в рабство'; Юлай карттарзы үз янына кәңәшкә сакырзы (С. Злобин) 'Юлай пригласил стариков к себе на совет'.

Отдельные значения дательного падежа еще более заметно обусловлены характером лексического значения самого имени или сочетающихся с ним слов.

1. При сочетании с глаголами движения дательный падеж имеет собственно направительное значение, показывает пространственный предел, конечный пункт движения, отвечая на вопрос кайза? 'куда?' (функция обстоятельства места): Калага барыу 'поехать в город', тауга менеу 'взойти на гору', ауылга күсеу 'переехать в деревню'; Сәйер ямгыр был: ергә яумай, ерзән күккә һибелә (М. Кәрим) 'Станный этот дождь: льется не на землю, а с земли на небо'.

2. В зависимости от лексического значения существительного дательный падеж обозначает протяженность во времени, срок, или предел действия во времени (функция обстоятельства времени): айга китеу 'отправиться на месяц', йылга һузылыу 'затянуться на год', таңга кайтыу 'вернуться на заре', төшкә барып етеу 'добраться к обеду', йөз йәшкә етеу 'дожить до ста лет', кышка 'зимой', өсөнсә азнага китте 'пошла третья неделя'.

Очень часто существительное в данной форме адвербиализуется: иртәгә 'завтра', киләсәккә 'на будущее' и т. п.

³⁰ При управлении прилагательными дательный падеж теряет свое падежное значение и в составе словосочетания выступает в функции определения и сказуемого.

3. Формой дательного падежа выражается цель действия (обстоятельство цели): *балыкка барыу* 'пойти на рыбалку', *еләккә йөрөү* 'ходить за ягодами'; *Утынга, бесэнгә китһәм дә, йоклаһам да, торһам да, Ғәзизәнең төсө күңелдән, исеме тел осонан китмәй башлань* (С. Кулибай) 'Посуду ли за дровами или за сеном, сплю или бодрствую, облик Газизы всегда в моем сердце, а ее имя на языке'.

4. При сочетании с глаголами страдательного залога дательный падеж представляет объект действия (функция косвенного дополнения): *шәлгә ураныу* 'закутаться в шаль', *кормға буялыу* 'измазаться в саже', *тупракка күмеләү* 'зарыться в землю'; *Тирә-яктағы тигез ялан ап-аң карға каплаңған* (С. Агиш) 'Ровное поле вокруг белым-бело от снега'; [*Жыззарзың*] *икәүһе әллә шаршауға, әллә зур ашъяулыкка төрөлгән оло-оло төйөнсөктәрен беләктәренә асқан* (Ф. Иҗәнғолов) 'У двух девушек на руках большие узлы, завязанные то ли в занавески, то ли в скатерти'.

5. При сочетании с количественными числительными дательный падеж при некоторых глаголах показывает предел по счету (1) или меру (2): 1) *Һарык йөз башка артты* 'Поголовье овец увеличилось на сто'; *Европа экономик берләшмәһе илдәрендә эһнеззәр һаны 5,8 миллион кешегә етте* (СБ) 'В странах Европейского экономического сообщества число безработных достигло 5,8 миллионов человек'; 2) *биш һумға һатты* 'продал за 5 рублей'; *ике тингә һатып алдым* 'я купил за 2 копейки'.

6. Дательный падеж выражает объект, являющийся источником воздействия, влияния и т. п., а сочетающийся с ним глагол обозначает ответное действие или противодействие. В таких словосочетаниях действие характеризуется как разнонаправленное (от объекта к действию и от действия к объекту)³¹: *Җояш кыззыра, көп эе, акрып е л г э Днепр буйындағы карт ағастар шаулай* (Б. Дим) 'Солнце налит, день жаркий, старые деревья на берегу Днепра шелестят на легком ветру'; *Тауышка кеше лә уяңған* (Ө. Биколов) 'От шума проснулся и человек'; *Карсык был асык йөз, татлы һүззәргә кыуанып, йоклап китте* (С. Агиш) 'Старуха, обрадовавшись этому приветливому приему, приятным словам, уснула'.

В данном случае форма дательного падежа функционально соответствует исходному падежу: *донъяга зарланыу — донъянан зарланыу* 'обижаться на весь мир', *тауышка уяныу — тауыштан уяныу* 'проснуться от шума', *эсегә журылыу — эсенән журылыу* 'завянуть от жары', *һыуыкка шартлау — һыуыктан шартлау* 'треснуть от холода' и т. п. Такая заменяемость логически вполне объяснима, ибо действие, заключенное в глаголе, является ответной реакцией, или следствием того, что выражено именем, являющимся источником предшествующего действия.

При обозначении конечного пункта движения дательный падеж может заменяться местным падежом, обозначающим местонахождение: *Бер вакыт поезыбыз бер бәләкәй станцияга // станцияла туктаны* (А. Таһиров) 'Однажды наш поезд остановился на одной маленькой станции'.

В некоторых случаях возможна даже взаимозаменяемость дательного, исходного и местного падежей: *елдә елберзәү — елдән елберзәү — елдә елберзәү* 'колыхаться на ветру, колыхаться от ветра'.

7. В сочетании с глаголом абстрагированного значения дательный падеж указывает на полный охват объекта данным действием: *хыялға биреләү* 'предаться фантазии', *бәләгә тарыу* 'попасть в беду', *моңға күмеләү* 'быть охваченным мелодией', *ахмаклыкка төшөү* 'впасть в дурачество', *кайғыга калыу* 'впасть в горе', *һүзгә биреләү* 'увлечься разговором', *уйға батыу* 'впасть в раздумье', *йоккоға китеү* 'погрузиться в сон'.

8. Дательный падеж может обозначать логический субъект действия: *Маһираға, агроном булыузан бигерәк. бригадир хезмәтен башкарырға тура килде* (Х. Филәжев) 'Магире приходилось больше выполнять работу бригадира, нежели агронома'; *Жыззарға күптән өйзәренә таралырға вакыт* (СБ) 'Девушкам давно пора расходиться по домам'.

³¹ Иванов С. Н. Указ. соч., с. 81.

Дательным падежом управляют послелогои *карағанда* 'по сравнению', *карай*, *табан* 'в направлении', *курэ* 'согласно, соответственно', *карата*, *тиклем* 'до', *каришы* 'против, напротив', *бэйле* 'связанное с'.

Послелог *каришы* 'против, напротив, к', отличается своей многозначностью. С именем в дательном падеже он выражает:

1) расположение лица, предмета напротив (функция косвенного дополнения): *ишеккэ каришы тэзрэ бар* 'есть окно напротив двери', *кояшка каришы ултырыу* 'сесть напротив солнца'; *Өстэл эргэһендэ Юлияга каришы ултыргыска ултырзы ул* (Г. Дәүләтшина) 'Он сел на стул напротив Юлии, которая находилась около стола';

2) предшествующее время (функция обстоятельства времени): *базарга каришы кис* 'вечером накануне базара', *йэжиэмбегэ каришы юлга сыктык* 'выехали накануне воскресенья', *каникулга каришы кайтырбыз* 'вернемся ближе к каникулам', *тонгэ каришы* 'к ночи' (в этом значении *каришы* конкурирует с послелогом *карай*);

3) движение против, навстречу (функция косвенного дополнения): *елгэ каришы атлау* 'шагать против ветра', *Үзен-үзе онотоп, ажгырып яткан тулкындарга каришы йөзеп киткэн [Азнагол]* (З. Бишева) 'Не думая о себе, Азнагол пошел навстречу бушующим волнам';

4) ответное действие (функция косвенного дополнения): *йырга каришы йыр йырау* 'отвечать песней на песню', *һорауға каришы яуап биреу* 'ответить на вопрос'; *Тукта эле, китмэ, тороп тор, хатка каришы хат язайым* (Ш. Бабич) 'Постой-ка, не уходи, подожди, напишу-ка я ответное письмо';

5) противодействие (функция косвенного дополнения): *байзарга каришы күтәрелу* 'подняться против богачей', *дингэ каришы көрәш* 'борьба против религии'; *. . . Луғышка каришы восстание яһарга кәрәк* (Д. Юлтый) 'Надо поднять восстание против войны'; *Бәлки, был мәсьәлә буйынса Сыртлановка каришы эйтергә кәрәк булғандыр* (С. Агиш) 'Может быть, по этому вопросу надо было возразить Сыртланову'; *(Ғәзимә) үзенең иренә каришы . . . тел эйтмәскә өйрәнгән* (Г. Дәүләтшина) 'Газима научилась не перечить своему мужу'.

Дательный падеж с послелогом *карағанда* выражает сравнение одного предмета с другим и выполняет функцию косвенного дополнения: *Афзал Тохфәткә карағанда алты йәшкә олорак* (С. Агиш) 'Афзал старше Тухфата на шесть лет'; *Утын да, аш-һыу за, мал азығы ла башка йылдарга карағанда мул кәрәк* (Г. Дәүләтшина) 'И дров, и пищи, и кормов нужно больше, чем в другие годы'; *Сөгәлдөр еренә минераль ашламалар уҙған йыларға карағанда күберәк һибелде* (СБ) 'Минеральных удобрений на свекловичных полях внесено больше, чем в прошлые годы'. Данная конструкция может заменяться формой исходного падежа без послелога: *атаһы улына карағанда көслөрәк — атаһы улынан көслөрәк* 'отец сильнее сына' и т. п.

Послелог *карағанда* с дательным падежом может быть средством связи вводного предложения с главным, выражая при этом ссылку, аргументацию последующей мысли: *Хаттарға карағанда, әлдә лә безгең кескенә ауылдан күп кеше юк* (Д. Юлтый) 'Судя по письмам, не стало многих людей из нашей маленькой деревни'.

Дательный падеж с послелогоми *карай*, *табан* обозначает:

1) направление движения (функция обстоятельства места): *ауылға карай атлау* 'шагать по направлению к деревне'; *Бәтәһе лә йөзгәрен ишеккә карай борзолар* (М. Гафури) 'Все повернулись лицом к двери'; *[Айбулат] . . . тирмәләр короласак жалкыуга табан атлань* (Г. Дәүләтшина) '[Айбулат] . . . зашагал по направлению к возвышенности, где должны ставиться юрты';

2) направление во времени (функция обстоятельства времени): *кышка карай* 'к зиме', *йэйгә табан* 'к лету', *байрамға табан* 'к празднику'; *Кискә табанырак Сәмигулла ауылына кайтып китте* 'Самигулла к вечеру отправился домой в деревню'; *Тәшкә карай кымыз көтәбез, бесәнселәр эргәһенә барабыз* (СБ) 'К обеду ждем кумыс, едем к косцам'.

Послелог *карай* с дательным падежом имеет также значение соответствия, равноценности и в этом случае синонимичен послелогам *курэ*, *карата*. Конструкция характерна для пословиц и поговорок: *Эшенә курэ хакы* 'По ра-

боте и оплата'; *Сазакаһына карай доғаһы* 'По подаянию и молитва'; *Заманына карай көлкөһө, тауына карай төлкөһө* 'Каково время, такова и забава, какова гора, таково и зверье' и т. п. Послелог же *карата* с дательным падежом выражает, кроме того, направленность действия: *душка карата* 'по отношению к другу', *Ғалимзга карата* 'по отношению к Галиме'; *Фатимаға карата тыуа башлаған йәшерен мөхәббәтен бер кемгә әйтмай, үзе менән алып китте Хөсәйен* (Ж. Киекбаев) 'Хусаин никому не сказал о своей рождающейся любви к Фатиме, унес эту тайну с собой'.

Дательный падеж с синонимичными послелогом *тикле(м)*, *сажлы*, *хәтле(м)*, *кәзәр(е)* 'до, вплоть до' выражает предел в пространстве и во времени, выполняет функцию обстоятельства времени и места: *Бөгөн тағы таңға тиклем Хәйзәрзәң күзенә йөкө төйөлмәне* (Ф. Исәнғолов) 'Сегодня опять до зари Хайдар не мог заснуть'; *Көзрәттең атаһы Шәрифйән һуғышка т и к л е м әле Хайрулланың йәшлек дуһы булды* (М. Хәйзәрөв) 'Отец Кудрата Шарифьян еще до войны был другом молодого Хайруллы'; *Йәй көнө кара төнгә сажлы урамда уйнайһың* (Т. Йәнәби) 'Летом играешь на улице до глубокой ночи'.

Конструкция с *сажлы*, *хәтле* может быть заменена формой на *-ғаса*: *язға сажлы // язғаса* 'до весны', *урманға хәтле // урманғаса* 'до леса' и т. п.

Дательный падеж с приведенными выше послелогом выражает при некоторых глаголах крайний предел распространения действия в пространстве: *Өйзә байрам төсө, соландарға тиклем һаһ-һары итеп жырып йыуылған* (С. Агиш) 'В доме празднично, даже чуланы выскоблены, вымыты до желтизны'; *Йонсотҡос ямғырҙан ергенә түгел, өйзәр, кәртәж ураларға хәтле бурһыл, шешенеп бөткән* (З. Бишева) 'От надоедливового дождя не только земля, но и дома и постройки разбухли и заплесневели'. Данная конструкция употребляется иногда с модальным оттенком уничижительности, пренебрежения, конкурируя с именем, осложненным усилительными частицами *-ла/-лә*, *-да/-дә* или с синтаксическим фразеологизмом, представляющим редупликацию на основе III изафета: *Юлайға тиклем көрәшә — Юлай за көрәшә — Юлайзың Юлайы көрәшә* 'И даже Юлай борется' и т. п.]

Дательный падеж с послелогом *бәйле* показывает отношение зависимости, выступая в составе сложного сказуемого или определения: *(Юлияның) кисәге икеләнүе ошо бер зур мәсьәләгә бәйле ине* (Г. Дәүләтшина) 'Вчерашние сомнения Юлии были связаны с этим большим вопросом'; *Ансамблең уңыштары уның етәксене Салишан Нуриәхмәтов исеменә бәйле* (СБ) 'Успехи ансамбля связаны с именем его руководителя Салишана Нурияхметова'; *Мин уның тормошонда уның күзенә бәйле һиндәйзәр фажигә булғанын төшөндөм* (Ғ. Әмири) 'Я понял, что в его жизни произошла какая-то трагедия, связанная с глазами'.

Форма дательного падежа имен действия с послелогом *карамастан* 'несмотря на' связывает уступительные предложения с главным: *Ул, етмеш йәштән узыуға карамастан, мыкты ине әле* (Ә. Чаныш) 'Он, несмотря на то, что перешел за седьмой десяток, был еще крепок'.

ИСХОДНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. *-дан/-дән, -зан/-зән, -тан/-тән, -нан/-нән*)

Исходный падеж является одним из наиболее употребительных и многозначных падежей. Противопоставляясь дательному, он обозначает исходный момент, исходную точку, источник. Обширны его синтаксические функции — косвенное дополнение, различные типы обстоятельств, сказуемое и др. Актуализация всех значений и функций исходного падежа происходит только при сочетании с глаголами, именами и другими частями речи.

Синтаксически обусловленные значения исходного падежа, возникающие в зависимости от характера лексического значения управляющего слова, следующие.

1. Обозначение исходного пункта при глаголах движения, удаления от исходной точки (однонаправленное действие). В этом значении исходный падеж наиболее употребителен, наиболее обширен и охват слов, вовлекаемых в данный круг, например: *өйзэн сығуу* 'выйти из дома', *ерзэн күтәрелеу* 'подняться с земли', *таузан төшөү* 'спускаться с горы', *клубтан кайтыу* 'вернуться из клуба', *каланан китеу* 'уехать из города'; *Был булһын эше менән игенселәрҙең берлеге, туҙған ауылдан яңы ауылға күсеүҙең билгеһе* (Т. Йәнәби) 'Пусть это будет знаком единения хлеборобов с рабочими, перехода от нищей деревни к новой'.

2. При глаголах с семантикой чувственного восприятия, физического и психического состояния исходный падеж обозначает источник воздействия или состояния, побудительную причину: *һимезлектән котороу* 'беситься с жиру', *эһезлектән интегеу* 'мучиться от безделья', *эттән журкыу* 'пугаться собаки', *жыуаныстан илау* 'плакать от радости'; (*Әжәл*) *бәһлеуән Урал батырҙан, уның йәшен уты сығарыр жылысынан шөрләй икән* (из эпоса) 'Смерть, оказывается, бьется Урал-батыра, его огненного меча'; *Халык инде өсөсө йылға һузылған канлы һуғыштан бик нык йөзгән* (С. Агиш) 'Народ очень сильно устал от кровавой войны, которая тянется уже три года'; *Каскын асыктан, һуыктан, жызырып йөрөгән интеккәйне* (С. Злобин) 'Беглец измучился от голода, холода, от бродячего образа жизни'.

3. При сочетании с глаголами физического действия исходный падеж обозначает объект воздействия (действие одностороннее — направлено к объекту): *кулдан тотоу* 'держат за руку', *икмәктән топтоу* 'приниматься за хлеб', *майынан ашағыз* 'есть масло', *итәктән тартыу* 'тянуть за подол', *маңлайҙан үбеу* 'целовать в лоб'; (*Ғәйникамал инәй*) . . *килененең сал төшә баһлаган сәтәрәнән һыйпаны* (Я. Вәлиев) 'Бабушка Гәйникамал . . погладила седеющие волосы своей снохи'. Сюда же можно отнести сочетания исходного падежа с глаголами отвлеченного значения, превратившиеся в устойчивые словосочетания типа *аяктан йығылыу* 'свалиться с ног', *кулдан эғифләнеу* 'изувечить руку', *күзгән яҙу* 'потерять зрение', *телдән калыу* 'лишиться дара речи' и т. п.

4. При сочетании с глаголами, имеющими значение отделения, выделения, извлечения, исходный падеж указывает на источник этих действий: *күзгән йәш ағыу* 'слезы из глаз текут', *йөрәктән моң һаржа* 'мелодия исходит из сердца', *илдән айырылыу* 'расстаться с Родиной', *бәләһән жотолоу* 'избавиться от беды', *уҡытыусынан дәрес алыу* 'получить урок у преподавателя'; *Бер-беребезең йырым отоп алдың уҡыуҙарҙан бушап калғанда* (Р. Бикбаев) 'Песне учились друг у друга, когда были свободны от учебы'.

5. Количественно-отделительное значение выражается именами в исходном падеже, имеющими количественное определение и сочетающимися с глаголами отделения, изъятия, выделения: *институттан ике кеше* 'два человека из института', *агитаторҙарҙан бергәү зә юк* 'ни одного из агитаторов нет', *көтөгән биш һарык юғалған* 'из стада потерялось пять овец'.

6. Имя в исходном падеже выражает генетивное отношение при сочетании со словами соответствующей семантики: *якшы токомдан тыуған мал* 'скотина хорошего потомства', *тыумыштан егәрле* 'трудолюбивый с рождения', *нәселдән килгән ауырыу* 'болезнь, передаваемая по наследству'. Сюда же можно отнести словосочетания с отвлеченным значением типа *ирзән уңыу* 'быть удачливой в замужестве', *жатындан бәхетле* 'счастливый женой' и т. п.

7. При сочетании с прилагательным имя в исходном падеже выражает сравнительное значение: *Күк сәскәле сирендәрҙән безең йәшлек йәмләрәк* (К. Даян) 'Наша молодость красивее сирени синих цветов'; *һөйгәнгәлер һине, илем, барлыҡ йырым һинең хакта; Ғүмерҙән дә кәҙерләрең, тимәк, һиңә биргән ант та* (Ф. Соләйманова) 'Все песни мои о тебе, Родина моя, потому что люблю тебя, дороже жизни данная тебе клятва моя'.

8. При сочетании с глаголами в повелительном и страдательном залогах исходный падеж обозначает косвенный субъект действия: *кешенән макталыу* 'быть восхваляем людьми', *әсәйҙән эрләнеу* 'быть выруганным матерью',

Баланан ймузырыу 'заставить вымыть ребенка'; *Киленеңдән кызыу итеп мунса яктыр*, — тине *Баллыбанат* (М. Кәрим) 'Заставь споху жарко истощить баю, — сказала Баллыбанат'.

Значения исходного падежа, обусловленные лексико-грамматическим содержанием самого существительного:

1) название лица в форме исходного падежа при сочетании с глаголами действия типа *ал-* 'взять', *бел-* 'узнать' обозначают объект воздействия, источник: *укытыусынан белеу* 'узнать от учителя', *атайзан һорау* 'спросить у отца'; *Дәүләтшиндән мин дә шикләнем, ләкин паникаға бирелергә ярамай* (А. Карнай) 'Я тоже опасюсь Давлетшина, но нельзя предаваться панике'; *Дошмандан илең һакла, ярамһактан серең һакла* (посл.) 'От врага Родину береги, от угодливого — тайну'. При этом имя в форме исходного падежа выполняет функцию косвенного дополнения;

2) названия веществ, предметов и т. п. в форме исходного падежа предстают как материал для осуществления активного действия (при соответствующих глаголах) или как материал, из которого приготовлен данный предмет: *йөндән бэйлә* 'связать из шерсти', *таштан һалынған һарай* 'сарай, сложенный из камня', *талдан үр-* 'сплести из прутьев', *юкәнән иш-* 'скрутить из мочалки'; *Вокзалдың узәне цементтән катырылған* (Г. Хәйри) 'Пол вокзала залит цементом'; *Көсөктәрзең дә баштары алтындан, койроктары көмөштән, ти* (фольк.) 'Головы у щенков якобы из золота, а хвосты из серебра'; *Өйзең стеналары һайланһи йыйылған караһайзан боткән* (Г. Дәүләтшин) 'Стены дома сложены из отборной сосны'.

В зависимости от цели высказывания и структуры предложения данный тип словосочетания с исходным падежом может выполнять функции косвенного дополнения, сказуемого и определения.

Существительные в форме исходного падежа выступают в функции обстоятельств в следующих значениях:

1) названия пространства, места действия (при глаголах движения — функция обстоятельства места): *һауанан осоу* 'лететь по воздуху', *юлдан йөрөу* 'ходить по дороге', *урмандан үтеу* 'проходить по лесу'; *Кузьманың тәнненән эселе-һыуыкһы кан югерзе* (С. Агиш) 'По телу Кузьмы побежала горячая кровь';

2) существительные на *-лык* с отвлеченным значением выражают в исходном падеже причину, обусловленность действия (функция обстоятельства причины): *йәшлектән килә* 'происходит из-за молодости'; *Шул күлдә һыу юкһыктан суртан үлергә ята* (фольк.) 'В том озере из-за отсутствия воды щука издыхает'; *Минең бәтә тәнем эселектән журылды* (С. Агиш) 'Все мое тело высохло от жары';

3) названия места, из которого что-либо выделяется (при именах): *Ситтән килеүселәргә дәйәм ятактан урын бирелә* (СБ) 'Иногородним предоставляется место в общежитии';

4) названия единиц измерения в исходном падеже, сочетаясь с нумеративными словами, обозначают меру в пространстве и времени (функция сказуемого и обстоятельства времени): *Операция ун биш-егерме минуттан артык бармағандыр* (Г. Әмири) 'Операция шла, наверно, не более пятнадцати-двадцати минут'; *Ауылдың бер осонаһи икенсе осона тиклем биш километрҙан артык* (И. Абдуллин) 'От одного конца деревни до другого больше пяти километров';

5) в словосочетании с качественным определением исходный падеж при некоторых глаголах выражает способ, образ действия (функция обстоятельства образа действия): *саф күңелдән һой-* 'любить чистосердечно', *ысын йөрәктән әйт-* 'сказать от чистого сердца', *бер тауыштан һайла-* 'выбрать единогласно', *бер тәптән (тор-)* '(стоять, действовать) дружно';

6) в сочетании с количественным определением исходный падеж от названий единиц измерения обозначает при соответствующих глаголах меру, стоимость: *килоһын егерме тиндән алдык* 'покупали кило за двадцать копеек'; *өс һумдан һатыу* 'продать по три рубля' и т. п. В этом случае он со-

ответствует дательному падежу с некоторым оттенком в значении. Ср. *бер һумдан биреу* 'отдать по рублю' — *бер һумға биреу* 'отдать за рубль'.

В широко распространенных синтаксических фразеологизмах, в основе которых лежит редупликация, исходный падеж имеет выделительное значение, в котором может быть употреблен вместо него родительный падеж: *ябайзарзан ябай* — *ябайзарзың ябайы* 'простой из простых', *батырзарзан батыр* — *батырзарзың батыры* 'батыр из батыров' и т. п.

Послелогов, управляющих исходным падежом, в башкирском языке сравнительно немного, причем все они однозначны и сочетаются с ограниченным кругом слов: *бирле*, *бире* 'с момента, с', *башжа*, *бүтән* 'кроме', *һуң*, *азак* 'после', *алда*, *әүәл*, *элек* 'до', *тыш* 'кроме', *кире*, *түбән* 'с (этого)', *ала* 'по'.

Послелогои *һуң*, *азак*, *әүәл*, *алда* в зависимости от контекста выступают и как наречия, *башжа* и *бүтән* — как наречия и прилагательные.

Послелогои *бирле*, *бире* 'начиная с' в сочетании с формой исходного падежа имени означают продолжительность действия с какого-либо момента (функция обстоятельства времени): *бытырзан бире* 'с прошлого года', *бала сактан бирле* 'с детства', *иртәнән бирле* 'с утра', *Кисәнән бирле күземде лә йомғаным юк* (М. Гафури) 'Со вчерашнего дня глаз не смыкала'.

Исходный падеж с послелогоми *башжа*, *бүтән* 'кроме' имеет выделительно-ограничительное значение и выполняет функцию дополнения: *Өйөп киткән утын урынына көл өйөмонән башжа бер нәмә лә юк, ти* (фолькл.) 'На месте сложенных дров ничего не оказалось, кроме вороха золы'; *Азнағолдан башжа донъяла егет юк Зөлхизә өсөн* (З. Биишева) 'Для Зулхизы нет джигита на свете, кроме Азнагула'; *Ара-тирә генә өрөп калған эттәрҙән бүтән ауылдың тынлығын бозоусы булманы* (Б. Ишемғол) 'Кроме лая собак, раздававшегося время от времени, ничто не нарушало тишину деревни'.

В названиях результата действия или события исходный падеж с послелогоми *һуң*, *азак* 'после' приобретает ограничительно-временное значение — выражает предшествование как исходный момент, за которым следует действие, названное глаголом: *байрамдан һуң кил* 'прийти после праздника', *туйҙан азақ һөйләшербез* 'поговорим после свадьбы'; *Волком ултырышынан һуң Сәғидуллин . . . үзенең тыуған ауылы Тартышка кайтты* (А. Карнай) 'После заседания волкома Сагидуллин . . . вернулся в свою родную деревню Тартышено'; *Надия был һүзәрҙән һуң нык кына жаушап калды* (С. Агиш) 'Надия после этих слов изрядно растерялась'.

Послелогои *элек*, *алда*, *әүәл* (менее употребителен) 'перед' с исходным падежом характеризуют выражаемое именем событие, результат действия и т. п. как предшествующее действию, о котором идет речь: *йыйылыштан алда булды* 'состоялось перед собранием', *байрамдан элек ораным* 'я встретил перед праздником', *кешенән алда килде* 'явился раньше людей'. По значению здесь исходный падеж с послелогом близок дательному падежу с послелогом *тиклем* 'до': *туйҙан алда (элек)* 'перед свадьбой' — *туйға тиклем* 'до свадьбы'.

Кроме указанных послелогов исходным падежом управляют послелогои *тыш*, *ала*, *кире* обычно с ограничительным временным и пространственным значением, в котором они сочетаются лишь с немногими именами: *Бынан бер тәүлек элек булып үткән кайһы бер вақиғалар үз иркеңән тыш* (Фәһимдең) *башынан үтте* (Ф. Исәнғолов) 'Некоторые события, происшедшие за сутки до этого, приходили в голову Фәгима помимо его воли'; *Бынан кире гел яманһуу үтер инде көндәрәм* (фолькл.) 'После этого всегда тоскливо дни мои пойдут'; *Кеше кайғыһы төштән кире, үземдеке иртәнән бирле* (посл.) букв. 'Чужая нужда после обеда, своя — с утра', соотв. 'Своя рубаха ближе к телу'; *Билдән ала жарға баттым* 'Провалился в снег по пояс'.

МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. -да/-дэ, -за/-зэ, -та/-тэ, -на/-нэ, -ла/-лэ)

Местный падеж обозначает местонахождение предмета, действия, но не в плане направления к нему или, наоборот, удаления, как дательный и исходный падежи, а в плане пребывания, нахождения на данном месте. В названиях времени, имеющих количественное определение, он выражает протяженность действия в определенном промежутке времени безотносительно к начальному или исходному моменту действия.

Основным, наименее обусловленным значением местного падежа является обозначение места совершения действия, представительного управляющим глаголом (функция обстоятельства места): *ауылда үсөү* 'вырасти в деревне', *калала йэиэү* 'жить в городе', *санаторийдэ ял итэү* 'отдыхать в санатории'; *Яззы ауылда каршылы куңелле* (К. Мөргөң) 'Встречать восну во село в деревне'; *Нестэров бөгөн, үзэ эйткэнсэ, госпиталдэ түгел, э бер заводта булган* (Г. Әмири) 'Нестеров сегодня, как он говорил, был не в госпитале, а на каком-то заводе'; *Балалар йортонда үсэргэ тура килде миңэ* (Н. Мусин) 'Мне пришлось расти в детском доме'.

Ряд значений местного падежа обусловлен характером лексического содержания слов, принимающих форму данного падежа.

1) значение местонахождения у названий пространства и места (функция обстоятельства места): *алда* 'вперед', *артта* 'позади'; *Урамда артык кеше күренмэгэс кенэ, капкапан сыгып, мэзрэгэсэ карай югерзем* (М. Гафури) 'Когда на улице уже никого не было видно, я выпел из ворот и побегал в медросе'; *Аръякта ферма башы ябып матчижан тэвүселэр эргденэ сырып китэ карт* (Р. Солтангэрэев) 'Старик уходит к строителям, которые делают крышу фермы на той стороне';

2) значение протяженности во времени у названий времени, имеющих количественное определение (функция обстоятельства времени): *бер йылда* 'в течение года, за один год', *икэ арнала* 'за две недели', *кайһы көндэ* 'в какой день, иногда'; *Кайһы вақытта атыйым бик куңелкэгэ була тэргайым* (М. Гафури) 'Иногда отец мой бывал очень грустным'; *Тракторлар батты . . . Төндэ уларзы сыгарып булманы* (И. Физзатуллин) 'Тракторы застряли . . . Ночью их не смогли вывести'; *Кугыштан нууғы йылдарза ми, атый талһаң, камыты булмай, кзымыты буһа, арбһы ватык* (Д. Бүләков) 'В послевоенные же годы лошадь находишь — хомута нет, хомут есть — телега разбита';

3) значение состояния, положения, в котором находится субъект (функция сказуемого): *Көслө буран. Ауыл тын йокола* (Ж. Даян) 'Сильный буран. Деревня в спокойном сне'; *Кала хэрби хэлдэ* (Ф. Иҗәнғолов) 'Город в военном положении'; сюда можно отнести несколько абстрагированное обозначение местонахождения: *Акыл йэитэ түгел, башта* (посл.) 'Ум не в возрасте, а в голове'; *Һиндэ — Салауаттың яралары, миндэ — һызлаһуы Кийһәнең* (Р. Бикбаев) 'В тебе — раны Салавата, во мне — страдания Кинзи'.

4) обозначение объекта действия (функция косвенного дополнения): *Бер кемдең дә Зиннэттэ эше юк* (СБ) 'Никому нет дела до Зинната'.

В сочетании с предыдущим качественным определением местный падеж выражает обстоятельство-характеризующее значение (функция обстоятельства образа действия): *ауыр хэлдэ калыу* 'попасть в трудное положение', *кыйым шарттарза эшлэү* 'работать в трудных условиях'; *Кыз һуу һауалы киәфәтендэ аяғостө калды* (Ф. Иҗәнғолов) 'Девушка продолжала стоять с тем же высокомерным видом'.

При глаголах движения местный падеж, образованный от названий средств передвижения, обозначает способ передвижения (функция обстоятельства образа действия): *автобуста барыу* 'ехать автобусом', *атта сабыу* 'скакать на коне', *велосипедтэ йөрөү* 'ездить на велосипеде'; *Мин вокзалға төштөм каршыларға, э һин — самолетта килгәнһең* (Г. Сәләм) 'Я пошел встречать (тебя) на вокзал, а ты прилетел самолетом'; *Без вагонда барабыз. Тышта йэйге ямгыр яуа* (С. Агиш) 'Мы едем в вагоне. На дворе идет легкий дождь'.

Функционально данному значению соответствует конструкция осознанного падежа с послелогом *мәнән*: *самолетпи осоу* 'лететь на самолете' — *самолет мәнән осоу* 'лететь самолетом' и т. п.

Объектно-обстоятельственное значение выражается словосочетанием типа *изафет II*, где форма местного падежа, замыкающая его, осложнена в 1-м и 2-м лицах обычным аффиксом принадлежности, а в 3-м лице — аффиксом принадлежности и элементом *-н*, выражающим определенность: *уз телемдә язам* 'пишу на своем языке', *башкорт телендә укыу* 'учиться на башкирском языке', *эш оштендә хәл итәү* 'решить на месте работы', *уз гүмеремдә беренсе тәпкыр* 'впервые в своей жизни', *һүз уңайында әйтәп ебәрәү* 'сказать к слову' и т. п.

Принято считать, что местный падеж не управляется послелогам. Однако в современной башкирской литературе встречаются случаи употребления формы местного падежа с послелогом *кәйә*, *кәйәнсә* в значении 'нахождение в определенном состоянии, устойчивое неподвижное положение в пространстве': *Салауат әйәргә кәйә бәуеләп китте лә иҫенә килде* (С. Злобин) 'Салават качнулся в седле и пришел в себя'; *Ике сакрым самаһы осороп алып барғандан һуң, (аждаһа) баланы сәңгелдәгендә кәйә ергә тәшәрәп китә* (Д. Буракаев) 'После того, как дракон пронес ребенка на лету около двух километров, он опустил его в люльку на землю'; *(Әхмәт) күсергә кәйә капыл боралдо* (ӘБ) 'Ахмет, находясь на месте извозчика, резко повернулся'.

ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПАДЕЖЕЙ

Таблица 4

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
1. Основной падеж	1) обозначение субъекта, явления, процесса 2) определительно-характеризующее значение 3) неопределенный объект 4) характеризующее значение	независимая позиция синтаксическая обусловленность (типом словосочетания) категория неопределенности (прилагание непосредственно к управляющему глаголу) синтаксическая позиция и обозначение предмета как состояния субъекта	подлежащее, назывное предложение, обращение определение дополнение
с послелогом <i>мәнән</i> 'с'	1) совместность, соучастие 2) орудие, материал и предмет действия 3) способ действия 4) цель действия 5) время действия 6) лицо, на которое распространяется действие 7) логический субъект действия 8) способ передвижения 9) средство, источник жизни 10) характеристика лица	лексическое значение послелога лексическое значение сочетающихся слов и контекста » » » » лексическое значение основы имени » » »	косв. дополнение дополнение [обст. образа действия обст. цели обст. времени косв. дополнение » » »

Таблица 4 (продолжение)

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
	11) разновидность болезни	лексическое значение основы имени	косв. дополнение
	12) модально-оценочное значение с отрицательным оттенком	фразеологизированность самой конструкции	»
с послелогом <i>есен</i> 'за'	1) цель действия	лексическое значение послелога	»
	2) назначение предмета, лица и т. п.	»	»
	3) направленность действия на кого-л., что-л.	лексическое значение сочетающихся слов	»
	4) причина действия	»	обст. причины
с послелогом <i>буй-ынса</i> 'по'	1) соответствие действия, предмета чему-л.	»	косв. дополнение
	2) отношение к действию, предмету и т. п.	»	»
	3) род деятельности по профессии или область чего-л.	»	определение
	4) пространственные или временные отношения	»	обст. места и времени
с послелогом <i>кеук, һымаж, шикелле</i> 'как, подобно'	сравнение, уподобление по качеству и количеству	лексическое значение послелога	определение сказуемого
с послелогом <i>таһында, тураһында</i> 'о, об'	предмет мысли, разговора	»	дополнение
с послелогом <i>хәтле(м), тикле(м), саклы, кәзрәле</i> 'до, величиной с'	сравнение по величине и количеству	характер лексического значения сочетающихся слов	определение, сказуемое
с послелогом <i>сәбәпле</i> 'по, по причине'	причина действия	сочетание с производным именем на <i>-лыж</i>	обст. причины
2. Винительный падеж	1) определенный объект действия	управление переходными глаголами	прям. дополнение
	2) время действия	лексическое значение имени (при дистанционном расположении по отношению к глаголу)	обст. времени
	3) логический субъект действия	синтаксическая обусловленность	прям. дополнение
3. Родительный падеж	1) определенная принадлежность предмета, качества	имя в составе фета III	определение
	2) часть целого	»	»
	3) выделительное значение	сочетание с числительными, прилагательными, причастиями	»
	4) логический субъект действия	сочетание с глаголом или отглагольным именем	подлежащее
	5) объект действия	сочетание с глаголами в страд. залоге	прям. дополнение
	6) выделительное значение	повторение основы слова в фразеологизированной конструкции	определение
4. Дательный падеж	1) направленность действия к объекту	независимое положение	косв. дополнение

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
	(«адресатное значение»)		
	2) адресатно-целевое	именное управление	косв. дополнение
	3) обстоятельственно-целевое	сочетание с глаголами абстрагированного действия	»
	4) предел, конечный пункт движения	сочетание с глаголами движения	обст. места
	5) цель действия	»	обст. цели
	6) объект действия	глагол страдательного залога	косв. дополнение
	7) предел во времени, направление в пространстве	зависимость от значения существительного	обст. времени и места
	8) логический субъект действия	конструктивная обусловленность	подлежащее
	9) объект, являющийся источником воздействия	значение сочетающихся слов	косв. дополнение
	10) полный охват действия	значение сочетающегося глагола	составное сказуемое
	11) предел по счету	сочетание с числительным	
с послелогом <i>жаршы</i> 'против, напротив'	1) расположение предмета лицом к чему-л.	контекст	косв. дополнение
	2) время, предшествующее чему-л.	»	обст. времени
	3) движение навстречу чему-л., кому-л.	»	косв. дополнение
	4) ответное действие	»	»
	5) действие против воли, вопреки чему-л.	»	»
с послелогом <i>жаранда</i> 'по сравнению'	1) сравнение	»	косв. дополнение
	2) обоснование, аргументация	»	средство синтаксич. связи предложения
с послелогом <i>жарай, табан</i> 'по направлению'	1) направление движения	значение самого послелога	обст. места
	2) каун чего-л., предшествующее чему-л. время	контекст и лексическое значение самого существительного	обст. времени
с послелогом <i>жарай, кўрә, жарата</i> 'по'	соответствие, равноценность	контекст	косв. дополнение
с послелогом <i>жарата</i> 'по отношению к'	направленность действия	»	»
с послелогом <i>тиклем, саклы, хэтле, жазаре</i> 'до, вплоть до'	1) предел в пространстве и во времени	»	обст. времени и места
	2) крайний предел по охвату действием	»	косв. дополнение
с послелогом <i>байле</i> 'с'	зависимое отношение чего-л., кого-л. с чем-л.	»	составное сказуемое, определение
с послелогом <i>жарамстан</i> 'несмотря на'	средство связи усугубительного предложения с главным	»	»

Таблица 4 (продолжение)

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
5. Исходный падеж	1) исходный пункт движения	сочетание с глаголами движения	обст. места
	2) источник воздействия, возбуждения	сочетание с глаголами чувственного восприятия, психического состояния	косв. дополнение
	3) объект, подвергаемый действию	сочетание с глаголами физического действия	»
	4) источник, из которого что-л. извлекается	сочетание с глаголами с семантикой отделения, выделения	»
	5) количественно-отделительное значение	имена с количественным определением	косв. дополнение
	6) генетивное значение	у слов со сходной семантикой	»
	7) сравнительное значение	при сочетании с прилагательными	»
	8) логический субъект действия	сочетание с глаголами в страд. и повуд. залогах	»
	9) объект действия	существительные с семантикой лица в сочетании с глаголами	»
	10) обозначение материала	названия веществ в сочетании с глаголами	»
	11) пространство, место, через которое совершается движение	существительные с соответствующей семантикой	обст. места
	12) причина, обусловленность действия	отвлеченные существительные на <i>-лык</i>	обст. причины
	13) местонахождение	контекст	обст. места
	14) мера в пространстве и во времени	сочетание с нумеративами	обст. времени и места
	15) характеризует действие	словосочетания особой конструкции	обст. образа действия
	16) мера, цена, стоимость	сочетание с числительным и нумеративами	обст. меры
	17) выделительное значение	конструкции с повтором	косв. дополнение
с послелогами <i>бирле, бире</i> 'с'	продолжительность действия с какого-то момента	слова с семантикой времени	обст. времени
с послелогами <i>башка, бутэн</i> 'кроме'	выделительное значение	синтаксическая обусловленность	косв. дополнение
с послелогами <i>луң, азақ</i> 'по, после'	действие, совершаемое по истечении другого действия	»	обст. времени
с послелогами <i>злек, алда, әуэл</i> 'перед'	предшествие чему-л.	»	»
с послелогами <i>тыш, ала, кире</i>	пространственные и временные значения	»	обст. времени и места
6. Местный падеж	1) место действия вообще	позависимое положение	обст. места
	2) местонахождение	названия пространства и места	»
	3) время	слова с семантикой времени	обст. времени

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
	4) состояние, положение	синтаксическая обусловленность	сказуемое
	5) объект действия	»	косв. дополнение
	6) обстоятельство-по-характеризующее значение	»	обст. образа действия
	7) способ передвижения	сочетание с глаголами движения	косв. дополнение
	8) объектно-обстоятельное значение	словосочетание с аффиксом принадлежности	различные типы об-стоятельства
с послелогом <i>көйө</i> , положение <i>көйөңсө</i> 'в положении'	состояние в странстве	синтаксическая обусловленность	обст. места

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимение — часть речи, которой объединяются слова, заменяющие имена существительные, прилагательные, числительные и наречия. Тем самым местоимение противопоставляется другим знаменательным частям речи, которые выражают предметы, качества, признаки, числа. Например, под 1-м лицом личных местоимений *мин* 'я' понимается говорящий, под 2-м лицом *һин* 'ты' — собеседник, под 3-м лицом *ул* 'он' — лицо или предмет, не принимающее непосредственного участия в речи.

Местоимение характеризуется некоторыми свойственными ему одному морфологическими признаками. Например, если имена существительные и другие субстантивированные слова при склонении имеют полносоставные падежные аффиксы, то в отдельных местоимениях представлены неполные аффиксы. Ср. осн. п. *ат* 'конь' — род. п. *атһың* 'коня', осн. п. *бала* 'ребенок' — род. п. *баланың* 'ребенка', вин. п. *баланы* 'ребенка'; осн. п. *мин* 'я' — род. п. *минен* 'меня', вин. п. *минэ* 'меня', осн. п. *шул* 'тот' — род. п. *шуньың* 'того' и т. д.

По сравнению с существительными весьма своеобразно управление послелогов местоимениями.

Такие послелогии, как *өсөн* 'для', *һикәллә*, *кәүек*, *тәҗдә* 'как', *менән* 'с', управляющие основным падежом существительных, требуют постановки личных и некоторых указательных местоимений только в форме родительного падежа: *шуньың өсөн* 'за это', 'за то', *оһшәң һикәллә* 'как это самое', *ана шуньың өсөн* 'воп за то', *бының өсөн* 'за это', *уның өсөн* 'за него', и др.

Местоимения, выполняющие функции определения, не принимают никакого морфологического показателя.

Местоимение имеет особенности и в области словообразования, которые также отличают его от других именных частей речи. Например, местоименные основы типа *мин* 'я', *һин* 'ты', *шул* 'тот', *ул* 'он', *тот* и т. п. непосредственно не принимают словообразовательные аффиксы. Для того, чтобы к указанным местоимениям присоединился аффикс *-са/-сә*, образующий наречия от данных слов, эти местоимения должны иметь форму родительного падежа, например: *миненсә (һойлә)* '(говори) по-моему', *һиненсә (һойләмәйм)* '(я не буду говорить) по-твоему', *уныңса (әһлә)* '(делай) так, как он', *шуньыңса (ал)* '(бери) столько, сколько тот' и т. д.

В предложении местоимение обычно не может иметь при себе определяющего слова. Исключение составляют лишь отдельные словосочетания

типа *ана шуңда* 'вон там', *ана тегендә* 'вон там', *ана шул* 'вон тот', *улар үзҙәренең* 'они своих', *һин үзең* 'ты сам' и т. д.

В современном башкирском языке функционируют следующие разряды местоимений: 1) личные местоимения (лицо говорящего, лицо слушающего, лицо, которое является объектом в данной ситуации или речи); 2) указательные местоимения, которые указывают и на лицо, и на предмет; 3) вопросительные местоимения; 4) определительные местоимения; 5) неопределенные местоимения; 6) отрицательные местоимения и 7) притяжательные местоимения.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНА

Разряд личных местоимений составляют слова: *мин* 'я', *һин* 'ты', *ул* 'он', *без* 'мы', *һез* 'вы', *улар* 'они'. Местоимения *мин*, *без* обозначают говорящего, *һин*, *һез* — слушающего или собеседника, *ул*, *улар* выражают как человека, так и другие предметы — одушевленные и неодушевленные. 3-е лицо может присутствовать или отсутствовать в момент данной речевой ситуации, что отличает его от первых двух лиц. Тем самым 3-е лицо выступает в языке как лицо неопределенное. Личное местоимение в ед. числе выражает только одно лицо, личное местоимение во мн. числе обозначает множество лиц. В практике публицистической и научной речи местоимение 1-го лица мн. числа *без* довольно часто употребляется и относительно самого говорящего, например: *Ошо хат юлға саҡырҙы ла инде безҙе* (СБ) 'Вот это письмо и позвало нас в дорогу'.

Под влиянием русского литературного языка местоимение 2-го лица мн. числа *һез* регулярно употребляется вместо ед. числа, при этом выражается вежливость и уважение к собеседнику, например: *Белеүемсә, һез тәһеҙҙә һуғыш йәрәхәттәре генә тугел, ярыҡтар ҙа йөрөтәһеҙ* (М. Кәрим) 'Как я знаю, Вы на теле носите не только раны, но и осколки'.

Личные местоимения изменяются по падежам. Оформление падежными аффиксами местоимений ед. числа *мин*, *һин*, *ул* в некоторой степени отличается от оформления местоимений мн. числа *без*, *һез*, *улар*. Первые, за исключением местного падежа, в своей парадигме имеют неполные падежные аффиксы, вторые — полносоставные. В современном башкирском языке личные местоимения имеют следующую парадигму склонения.

	Ед. число	Мн. число
Осн.	<i>мин, һин, ул</i>	<i>без, һез, улар</i>
Род.	<i>миңең, һинең, уның</i>	<i>безең, һезең, уларҙың</i>
Дат.	<i>миңә, һиңә, уға</i>	<i>безгә, һезгә, уларға</i>
Вин.	<i>мине, һине, уны</i>	<i>безҙе, һезҙе, уларҙы</i>
Местн.	<i>миндә, һиндә, унда</i>	<i>безҙә, һезҙә, уларҙа</i>
Исх.	<i>минән, һинән, унан</i>	<i>безҙән, һезҙән, уларҙан</i>

Местоимения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа не могут принимать аффиксы принадлежности, тогда как местоимение 3-го лица *ул* принимает аффикс принадлежности *-һы*, присоединяющийся к основе *уны* 'его' (вин. п.): *уныһы дөрөс* 'это верно'; *уныһы миңең эш* 'это мое дело'.

Личные местоимения в родительном падеже употребляются в значении притяжательных местоимений: *миңең* 'мой', *һинең* 'твой', *уның* 'его', *безең* 'наш', *һезең* 'ваш', *уларҙың* 'их'. В местном падеже личные местоимения могут принимать афф. *-ғы/-ге* и в данном случае обозначают «находящийся у (меня, тебя и т. д.)»: *миндәге* 'находящийся у меня', *һиндәге* 'находящийся у тебя', *ундағы* 'находящийся у него', *безҙәге* 'находящийся у нас', *һезҙәге* 'находящийся у вас', *уларҙағы* 'находящийся у них'.

Личные местоимения всех трех лиц ед. и мн. числа в форме основного падежа принимают словообразовательный афф. *-һыз/-һез*: *минһез* 'без меня', *һинһез* 'без тебя', *уһыз* 'без него', *безһез* 'без нас', *һезһез* 'без вас', *уларһыз*

‘без них’, например: *Күзгә күренмәй, кеше уңһыз тора алмай* (загадка) ‘Глазам не видно, а человек без него не может существовать’.

Личные местоимения в предложении выступают в роли подлежащего, сказуемого, в форме родительного падежа выполняют функцию определения, а в других падежных формах употребляются как дополнение, обстоятельство. Ср. *Улар — минең олкән агаларым, Мин — уларзың тоғро вариҫе* (Г. Рамазанов) ‘Они — мои старшие братья, я — их верный наследник’; *Һин миңә миңә бәрелдең? Һин минең санам менән һуғыш!* (Г. Хәйри) ‘Зачем ты меня трогал? Ты дерись с моими санями!’.

Личные местоимения могут принимать некоторые словообразовательные аффиксы, среди которых особо выделяется афф. *-са/-сә*, образующий наречие от местоимения в родительном падеже, например: *Һыузы ташырга мөмкин, ул ғәйеп түгел, ләкин һ и н е ң с ә ташыу бик зур ғәйеп. — . . Шуның осөн дә без уныңса түгел, үзбездә шат булырга тейешбез, — тине Вахит. — Һырк беренсе силәкте эсергә, — тине Ғәли, — м и н е ң с ә, мөмкин. .* (Г. Хәйри) ‘Можно таскать воду, это нельзя ставить в вину, и о т в о е м у таскать — эта большая вина. — . . Поэтому и мы по - с в о е м у, не как он, должны быть радостными, — говорил Вахит. — Сорок первое ведро воды, — говорил Ғәли, — п о - м о е м у, можно пить. .’.

Личные местоимения, принимающие афф. *-са/-сә*, в предложении выступают в функции обстоятельства образа действия и вводного слова.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Указательные местоимения в современном башкирском языке включают в свой состав следующие слова: *был* ‘это’, *теге* ‘тот’, *шул* ‘тот’, *ошо* ‘это самое’, *ул* ‘тот’, *бынау* ‘это’, *анау* ‘тот’; *бындай* ‘такой’, *ундай*, *тегендәй*, *шундай* ‘этакий’, *былай*, *ошолдай*, *улай* ‘эдак’ и др. Последние местоимения классифицируются также по заменяемой ими части речи: а) *бындай*, *тегендәй*, *шундай*, *ошондай*, *ундай* употребляются вместо имен прилагательных, б) *былай*, *тегелдәй*, *шулай*, *ошолдай*, *улай*, *шунса* — вместо наречий. Указательные местоимения заменяют прилагательные: *Баварияның гүзәл тау юдары аша үткәндә, ошондай һокландыргыс алтын ямгырзарга йыш тап булдык* (М. Кәрим) ‘Когда мы ехали по красивым горным дорогам Баварии, нам очень часто встречались такие удивительные золотые дожди’; *Әйе, шундай уңдырышлы ине был Илсегөл ере. Шундай йомарт еренең ярҙамына таяндылар* (З. Бишшева) ‘Да, такая плодородная была земля Илсегуловская. Они опирались на помощь такой щедрой земли’.

Указательные местоимения в башкирском языке, как и в остальных тюркских, по их семантике можно разделить на две группы.

Был, *ошо*, *бынау* указывают на предметы, расположенные перед глазами говорящего или находящиеся на близком расстоянии: *был урам* ‘эта улица’, *ошо кеше* ‘этот человек’ и др.

Теге, *шул*, *анау*, *ул* указывают на более удаленные предметы, знакомые до момента данной речевой ситуации: *Шул болала юғалып, азашып калмаһа ине* (З. Бишшева) ‘Буюсь, как бы он не потерялся, не заблудился в той суматохе’; *Ана тегендә, Рәхмәйзәрҙең ауылында, төнгө уттар йымылдаша* (Ф. Мәксүтов) ‘Вон там, в деревне Рахмаевых, мелькают ночные огни’.

Благодаря названной семантической особенности указательных местоимений второй тип местоимений почти всегда выступает в роли обобщающего слова — *шул*, *ул*, *теге* и производные от них *шуның*, *шуга*, *шундай*, *ундай*, *унда* и т. д.: *Карасәс әбейзәр тәңгәлендә Һатыбал, Хөснөлхак, Әхмәтша карак, Собхан старшиналар Тимербайзы тукмайзар . . Тимербай, тегеләр һуғып йыжкан һайын . . торорға тырыша* (З. Бишшева) ‘Сатыбал, Хуснулхак, копокрад Ахметша и старшина Субхан бьют Тимербая против дома старушки Карасяс. Тимербай каждый раз старается подняться, когда те ударом сваливают его’. Нельзя сказать: *Тимербай, былар һуғып йыжкан һайын, торорға тырыша*, ибо до установления другого факта, как следствия

названных, образуется промежуток во времени и пространстве, что обуславливает употребление указательных местоимений второй группы.

Необходимость постановки указательных местоимений *шул, ул, теге* и т. п. весьма ярко обнаруживается в сложноподчиненных предложениях: *Ижад итеп йәшәү генә якшы — матурлыгы шу н да кешенең* (Р. Гәрипов) 'Хороша та жизнь, когда живешь и творишь — красота человека в э т о м'; *Безең, эштәр бик мәшкәл бит әле — шу ны үзең беләңме икән? . . .* (фолькл.) 'Ты знаешь о т о м, что неважны наши дела'; *Кемдәр иген игә, йорттар хала — һәр сак шу л а р менән булырга* («Ленинсе») 'Нужно быть всегда с т е м и, кто хлеб вырацывает, строит дома' и т. д.

Местоимения *бына, бынау* 'вот' и *ана, анау* 'вон' различаются по своей семантике. *Бына, бынау* указывают на более близкий предмет, а *ана, анау* — на более дальний предмет: *Бына, олатай, сибыж булды! — тине ул ярамнаклы тауыш менән* (З. Бишева) 'Вот, дедушка, есть пруттик! — сказал он вкрадчиво'; *Карасәле, апай, бик йөзәнем дэбаһа бынау малайзан* (Г. Дәүләтшина) 'Тетя, уж очень я замучилась с этим мальчиком'. Указанными семантическими особенностями связана и определяется сочетаемость этих местоимений с другими местоимениями. Местоимение *бына* может предшествовать только местоименному слову *ошо, ана* — слову *шул*: *Бына ошо мизгелһез сакта взводын жабул итте Әхтәм* (Ө. Хәкимов) 'Вот в такое неурочное время принял Ахтәм свой взвод'; *Ана шул дөйләргә лә берәй малай кеше буһа ине. . .* (Г. Дәүләтшина) 'Падо было бы какого-нибудь мальчика, который мог бы присматривать вон за теми верблюдами'.

Местоимения *бына, ана, бынау, анау* не соотносятся с какой-либо определенной частью речи. *Бына, ана* не принимают никакого морфологического показателя, тогда как *бынау, анау* могут принимать аффикс принадлежности, ср. *Әй һармак та инде бынауы!* (Г. Дәүләтшина), букв. 'Ой, а чудак же вот этот [Айбулат]!'

Бына, ана, по-видимому, образовались как формы дательного падежа местоимений *бы/бу* 'это' и *о/у* 'он, тот'.

Указательные местоимения, употребляясь без определяемого слова, субстантивируются и изменяются по падежам. В системе склонения данного разряда местоимений обнаруживаются следующие особенности: 1) местоимения *был, ул, шул* изменяют свою основу, т. е. при склонении элемент *-л* переходит в *-н* и *-ғ*; 2) местоименные слова *ошо, теге, бынау, анау* полностью сохраняют свою основу:

Осн.	<i>был</i>	<i>теге</i>	<i>бынау</i>
Род.	<i>бының</i>	<i>тегенең</i>	<i>бынаузың</i>
Дат.	<i>быға</i>	<i>тегегә</i>	<i>бынауға</i>
Вин.	<i>быны</i>	<i>тегене</i>	<i>бынаузы</i>
Местн.	<i>бында</i>	<i>тегендә</i>	<i>бынауза</i>
Исх.	<i>бынан</i>	<i>тегенән</i>	<i>бынаузан</i>

При субстантивации данные местоимения принимают аффикс мн. числа *-лар*. У местоимений *был, шул, ул* аффиксом мн. числа выступает показатель *-ар*, который довольно часто встречается и в других тюркских языках и диалектах. При этом парадигма их склонения ничем не отличается от парадигмы склонения имени существительного. Ср. осн. п. *былар* 'эти', род. п. *быларзың*, дат. п. *быларға*, вин. п. *быларзы*, местн. п. *быларза*, исх. п. *быларзан*.

Форма местного падежа местоимений *был, шул* может употребляться в значении дательного. Ср. *Уның [Гөлйөземдөң] артынан Хәлимә менән Разифа ла шу н да ыңгайланылар* (Г. Дәүләтшина) 'Следом за ней [Гульюзум] с ю д а направились и Халима с Разифой'. Отдельные указательные местоимения принимают осложненный афф. *-ғаса/-гәсә*: *Бығаса өшөү жайғыһы булдымы ни? — тине Айһылыу уйсан ғына* (З. Бишева) 'Разве до с и х п о р было до озноба? — задумчиво сказала Айсылу'.

Форма местного падежа указательных местоимений может принимать афф. -ғы/-ге, при помощи которого образуется относительное имя прилагательное: *бындағы (кешеләр)* 'находящиеся здесь (люди)', *шундағы (ялан)* 'находящаяся там (поляна)', и т. д.

Указательные местоимения в предложении прежде всего выступают в роли определения: *О ш о н д а й ямғырға кайға кайтаһың?* . . . *Мин — яҡын. Был йорттоң ишегенән сыҡтың иһә, безең ишек* (Г. Хәйри) 'В т а к о й дождь куда ты идешь? . . . Мне близко. Как только выйдешь из двери этого дома, напая дверь'.

Субстантивированные местоимения, как и другие именные части речи, в предложении могут выступать в функции различных членов предложения — подлежащего, сказуемого, обстоятельства, дополнения, например: *К е м д э р бөгөн һынауға килгән и у л а р кулдарын күтәрһендәр!* (С. Агиш) 'Т е, к т о сегодня пришел сдавать экзамены, пусть поднимут руку'; *Бурыс и у л а й: алты эш коһондә бойҙай, һоло сәсеп бөтөргә!* (З. Бишшева) 'Задача т а к о в а: закончить сев шпеницы и овса за шесть рабочих дней'; *Мин үзем өсөн комиссар түгел, ярлы халыҡ өсөн — аңла һин и у н ы!* (А. Карнай) 'Я не для себя комиссар, а для бедных — пойми ты э т о!' и т. д.

Указательные местоимения довольно часто выступают и в роли союзов в сложноподчиненных предложениях. При этом они получают различное морфологическое оформление, могут сочетаться с отдельными послелогам, например: *шуга күрә* 'поэтому', *шунның өсөн* 'из-за этого', *шунның һөҙөмтәһендә* 'в результате этого', *шунлыктан* 'из-за того', *шул арҡала, шунның арҡаһында* 'из-за того', *шул сәбәпле* 'по причине того' и др.; *Вахиттең бәтә планы емерелгәйне, и у н л ы к т а н ул артыҡ күп һойләшимәне* (М. Гафури) 'Все планы Вахита рухнузи, и о э т о м у он ничего не говорил лишнего'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Вопросительные местоимения в современном башкирском языке представлены *кем* 'кто', *нимә* 'что', *ни* 'что', *кайһы* 'который', *нисә* 'сколько', *һиндәй* 'какой', *кайға* 'где, куда', *күпме* 'сколько' и т. д. Отдельные местоимения имеют несколько форм, в основе которых лежит одна общая морфема. Например, от корневой морфемы *кай* образовались *кайһы* 'который', *кайға* 'где, куда', *кайсан* (лит. *касан*) 'когда', *калай* < *кайһылай* 'какой', *кайһыһы* 'который'; от *ни* — *нимә* 'что', *һиндәй* 'какой', *нисә* 'сколько', *һишләу* < *ни эшләу* 'что делать', *һи саклы* 'сколько' и т. д.

Вопросительные местоимения в предложении выступают чаще всего в качестве оформителей вопроса: — *Әйт, улым, эйт, һи м ә булды?* — *тине, Шәйхи бабай* (Г. Хәйри) 'Говори, сын мой, говори, ч т о случилось? — спрашивал дедушка Шайхи'; *Әйт, к а й ға ул кыз? Мин уны һи с е к белмәйем?* (З. Бишшева) 'Сказки, г д е эта девушка? К а к, и ее не знаю?'

В сложноподчиненных предложениях данные местоимения функционируют и как относительные слова, связывающие придаточные предложения: *К е м д э к е м уға, и у л зур байрамға безең өҗил булып барыр* (А. Карнай) 'К т о летит быстрее, т о т пойдет нашим представителем на большой праздник'; *К а й ға ауырыҡ, к а й ға эште рәтләргә, к а й ға еңеу ойшторорға кәрәк, и у л ергә коммунистарға ебәрәләр* (Ә. Ихсан) 'Г д е трудно, г д е нужно налаживать работу, г д е надо организовать победу, т у д а направляют коммунистов'.

Местоимение *һи* в башкирском языке встречается в нескольких значениях: 1) в предметном значении: *һи кәрәк һиңә?* 'что тебе нужно?'; 2) в значении неопределенной частицы: *Уны мин түләйемме һи?* (Л. Дәүләтшина) 'Что, это я должна платить?'; 3) в функции усилительной частицы: *Һи нәләһе шул Сәлимә буралкының эте менән һойләшеп тораһың, атай, кыуға сығар!* (Б. Дәүләтшина) 'Ч т о, ты, отец, разговариваешь с этой собакой Салимы. выгони вон!' и т. д. Многозначность и полифункциональность местоимения *һи* обусловлена, видимо, тем, что оно более употребительно по отно-

шению к абстрактным, психологическим понятиям. Ср., например: *Был ни эш был, был ни эш?* — *тип жыжырып ебэргэн Үмэрзэн оялып, Айбулат сығып югерзе* (Г. Дәүләтшина) 'Степясь крика Умара «Что это такое, что это?», Айбулат выбежал из дома'.

Местоимение *ниндэй*, кроме употребления в значении вопросительного слова, довольно активно выполняет роль усилителя выражения эмоции в восклицательных предложениях, ср. *Рус түгелмен, ләкин россиян мин, Россиян мин — ниндэй ғорурлык!* (М. Кәрим) 'Не русский я, но россиянин. Россиянин — какая (эта) гордость!'

Местоимение *кем* в башкирском языке, как и в других тюркских, употребляется в отношении человека. Для других одушевленных и неодушевленных предметов выступают слова *ни*, *нимә*.

Вопросительные местоимения довольно часто субстантивируются, при этом они изменяются по падежам, принимают форму принадлежности и показатель мн. числа *-лар/-ләр*.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

В современном башкирском языке разряд определительных местоимений составляют слова: а) *һәр*, *һәр кем*, *һәр бер* 'каждый'; б) *ботә* (*ботәһе*, *ботөнөһө*), *бары* (*барлык*, *барлыгы*), *көллө* (*көллөһө*), *һәммә* (*һәммәһе*) 'весь', *үз* 'сам'. Местоимения, образованные путем сочетания *һәр* 'каждый' со словами *кем* 'кто', *бер* 'один, некий', указывают на единичные предметы; *ботә*, *бары* (*-һы*), *көллө*, *һәммә* 'весь' указывают на обобщенные предметы, *үз* 'сам' — на индивидуальный.

Местоимение *һәр* заимствовано из персидского языка, употребляется в роли определения к имени существительному, морфологически неизменяемо. Чаще всего оно определяет имя существительное, обозначающее человека, и слова с семантикой времени и пространства: *һәр кеше* 'каждый человек', *һәр ваҡыт* 'всегда', *һәр сәк* 'каждый момент', *һәр көн* 'каждый день', *һәр кис* 'каждый вечер', *һәр аҙым* 'каждый шаг'.

Местоимение *һәммә* арабского происхождения, употребляется как синоним собственно башкирских слов *ботә(һе)*, *көллө*, *бары* 'весь'. Местоимению *һәммә* и его синонимы в предложении выступают в роли определения: *Ботә ер дерелдэй* (Г. Әмири) 'Вся земля дрожит'. При субстантивации они принимают аффиксы принадлежности и падежа и в предложении могут функционировать как подлежащее, сказуемое, дополнение, например: *Өс йөз егет — бер ауылдан к ө л л ө б ө з — Өс йөз ат эйәрләпек иң дандарын* (М. Кәрим) 'Триста джигитов — все мы из одной деревни — оседлали триста самых хороших коней'.

Местоимения *һәммә*, *бары*, *ботә*, принимая аффикс принадлежности, очень часто выступают в предложении в роли обобщающего слова при однородных членах. При этом за ними следует частица *ла/лә*, например: *Ер, һыу, урман, фабрик-завод — Барыһы ла үзөбөҙөкө* (фолькл.) 'Земля, вода, лес, заводы и фабрики — все свои'; *Тугайзарзағы көтөүҙәр, йомшак елгә тулҡынланһыуы иген баһуҙары, сәскәнән сәскәгә күсеп шәрбәт эзләүсе бал жорттары — һәммәһе лә Билаловты канатландырҙы, һыуандырҙы* (Д. Юлтый) 'Стада, пасущиеся на лугах, колыхающиеся на мягком ветру хлебные поля, пчелы, собирающие мед из цветов, — все окрыляло и радовало Билалова'.

Определительное (или возвратное) местоимение *үз* 'сам' получает свое конкретное содержание при помощи аффиксов принадлежности: ед. ч. — 1 л. *үзем* 'я сам', 2 л. *үзең*, 3 л. *үзе*; мн. чл. — 1 л. *үзөбөҙ*, 2 л. *үзегеҙ*, 3 л. *үзәре*. Они могут сочетаться с личными местоимениями: *мин үзем*, *һин үзең*, *ул үзе*, *без үзөбөҙ*, *һеҙ үзегеҙ*, *улар үзәре*; *Без үзөбөҙ Дим буйынан, Без үзөбөҙ шишимәләр* (М. Кәрим) 'Мы сами из долины Демы, Мы сами — чилимцы'. При этом местоимение *үз* выполняет функцию не только определения, но и выступает членом предложения, выражающим отношение предмета к субъекту, например: *... Һеҙ үзегеҙ бер көтөү ялсы*

була торон, шул кэртэне лэ бөтмэйһегез. . . (Г. Дөүләтшина) 'Вас так много, словно целая группа поденщиков, а до сих пор не можете закончить изгородь'; Ул үзе бэләжэй булһа ла, Хаяттың эшләгән ғәзелһезлеген яҡшы аңлай (Г. Дөүләтшина) 'Она сама хотя и маленькая, но хорошо понимает несправедливость Хаят' и т. д. В аналогичных конструкциях личные местоимения могут заменяться именами существительными: Мәғфүрә, улай за жайнаға үзе килмәгән икән әле, — тине (Г. Дөүләтшина) 'Мағфура сказала: — Выходит, что деверь сам не приехал'.

В современном башкирском языке, хотя очень редко, *үз* сочетается с существительным в основном падеже: *Үз күңелең таза булһа — булды* (Г. Дөүләтшина) 'Если твоя душа чиста — это хорошо'; *Үз һүҙен Сәлимә һүз итте* (Г. Дөүләтшина) 'Салима настаивала на своем'. Данный тип сочетания с местоимением *үз*, несмотря на редкость употребления в современных тюркских языках, имеет свою долгую историю. Ср. др.-тюрк. *Бу бизнің өз киши ол* (ДЭТ, 1, с. 80) 'Это наш, свой близкий человек'; *Тэгмә киши өз болмас* (Там же, с. 406) 'Каждый человек не станет своим'.

Местоимение *үз* 'сам', оформленное аффиксом принадлежности, изменяется по падежам: осн. п. *Үзем*, род. п. *Үземдең*, дат. п. *Үземә*, вып. п. *Үземде*, местн. п. *Үземдә*, исх. п. *Үземдән* и т. д.

Местоимение *үз* с аффиксами принадлежности иногда может принимать словообразующий афф. *-сә*, переходя при этом в наречие: *Шуның өсөн дә без уның са түгел, үз е без сә шат булырға тейешбез, — тине Вахит* (Г. Хәйри) 'Поэтому мы не должны быть как они, а должны быть рады по-своему, — сказал Вахит'.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

В разряд неопределенных местоимений входят *әллә кем* 'кто-то', *әллә нимә*, *әллә ни* 'что-то', *әллә ниндәй* 'какой-то', *әллә нисек* 'как-то', *әллә қасан* 'давно, давным-давно', *әллә қайза* 'где-то', 'куда-то', *әллә нисә* 'неизвестно сколько', а также сочетания слов *қайһы бер* 'некоторые', *теләһә кем* 'кто хочет, хоть кто', *теләһә қасан* 'хоть когда' и т. д.

Как видно, данные местоимения образованы путем сочетания неопределенной частицы *әллә* с вопросительными местоимениями. Заменяя различные части речи, неопределенные местоимения принимают словоизменительные аффиксы. Неопределенные местоимения указывают на неопределенность предметов и их признаков, на неопределенность различных обстоятельств, в которых протекает действие и т. п.: *Үзе кеҫәләренән әллә нигәр эзләй* (Г. Дөүләтшина) 'Сам что-то ищет в карманах'; *Март айының урталары яҡынлашқас, әллә қайзан һалдаттар қилә башлань* (Г. Дөүләтшина) 'К середине марта откуда-то начали прибывать солдаты' и т. д.

Значение неопределенности данных местоимений также достигается путем присоединения к ним модальной частицы *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, *-зыр/-зер*, *-лыр/-лер*, выражающий сомнение: *қасандыр* 'когда-то', *қайзалыр* 'где-то, куда-то', *кемдер* 'кто-то', или *әллә кемдер* 'кто-то'. Частица *-дыр/-дер*. . . присоединяется после аффиксов принадлежности, падежа и мн. числа: *кемелер* 'кто-то из них', *кемдеңдер* 'у кого-то из них', *кемдәрҙер* 'кто-то', *кемдәрҙеңдер* 'у кого-то', *кемдәргәлер* 'кому-то', *нимәләрҙелер* 'что-то', *кемдәрҙелер* 'у кого-то', *нимәләрҙәлер* 'у чего-то', *кемдәрҙәндер* 'от кого-то' и т. д.

Неопределенные местоимения с частицей *әллә*, которые обозначают место или время, указывают на более удаленные предметы или давно происшедшие события и явления: *Әллә ниндәй зығар уйға қалған* (Г. Дөүләтшина) 'В этот час им овладели каккие-то думы'. Ср. в том же значении *Әллә ниндәй зығар уйға қалған*; *Әллә қайзан қилеп еттеләр зә, яралыларҙы ла, үлгәндәрҙе лә тейән, әллә қайза алып қитә башланьлар* (Г. Дөүләтшина) 'Откуда-то сразу же приехали и, погрузив раненых и уби-

тых, повезли их куда-то'; ср. *Кайзандыр килеп еттелэр зә, яралларзыла, үлгәндәрзе лә тейәп, кайзалыр алып китә башланьлар.*

В современном башкирском языке некоторые неопределенные местоимения образуются при помощи слов *бер* 'один, некий, нечто', *берәй* 'какое-то': *бер кеше* 'какой-то человек', *берәй эш* 'какое-то дело'.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Отрицательные местоимения образуются путем сочетания вопросительных местоимений с частицей *һис* 'ничто, нисколько', а также с числительным *бер* 'один, нечто, некий': *һис кем* 'никто', *һис нәмә* 'ничто', *һис һиндәй* 'никакой', *һис һисек* 'никоим образом', *һис һасан* 'никогда', *һис һайза* 'нигде, куда', *һис бер һи (һимә, кем)* 'ничто, никто'; *бер зә* 'нисколько', *бер һимә лә, бер һи зә* 'ничто', *бер кем дә* 'никто', *бер кем* 'никто', *бер һимә, бер һи* 'ничто'. Некоторые отрицательные местоимения образуются от имени существительного вместо ожидаемого вопросительного местоимения, например: *Ул [Шаһизә] үзенең, һундай батыр үлеге менән үлгән улының хөрмәтен бер ваҡытта ла илап, зарланьп көһөтмәккә һүз биргән* (Г. Дәүләтшина) 'Она [Шагида] дала себе слово, и н к о г д а не плакать и не горевать, чтобы не унижать славное имя своего сына, который погиб смертью храбрых'.

В современном башкирском языке некоторые образования синонимичны: *бер кем* — *бер кеше*, *бер эҙәм* 'никто', *бер һайза* — *бер ерзә, бер урын да* 'нигде' и т. д. Иногда первый компонент может состоять из двух слов, например: *һис бер һасан* — *һис бер ваҡыт та* 'никогда'.

Отрицательные местоимения *һис кем, һис һимә, һис һиндәй* принимают аффикс принадлежности: *һис кемә, һис һимәһе, һис һиндәйе*; первые два из них могут иметь формы *һис кемем, һис һимәм, һис кемәң, һис һимәң*.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Местоимения, называемые притяжательными, образуются путем присоединения афф. *-һыкы/-һеке, -зыкы/-зеке, -дыкы/-деке* к личным и другим местоимениям, например: *һинеке* 'мой, принадлежащий мне', *һинеке* 'твой, принадлежащий тебе', *уһыкы* 'его, принадлежащий ему', *һезеке* 'наш, принадлежащий нам', *һезеке* 'ваш, принадлежащий вам', *уларҙыкы* 'их, принадлежащий им'; *һыһыкы* 'этого, принадлежащий этому', *һуһыкы* 'того, принадлежащий тому', *һемдеке* 'чей' и т. д.

Этот разряд местоимений всегда находится в постпозитивном положении в отношении существительного, обозначающего предмет обладания: *һитәп һинеке* 'книга моя, книга принадлежит мне', *һитәп һинеке* 'книга твоя, книга принадлежит тебе' и т. д. В силу постпозитивного расположения эти местоимения в предложении довольно часто выступают в роли сказуемого: *Һыйыр кемдеке буһа, бызау — уһыкы* (посл.) 'Чья корова, того п теленок'; *Ер, һыу, урман, фабрик-завод — барыһы ла үзәбезҙеке* (Х. Кәрим) 'Земля, вода, лес, фабрики и заводы — все это наше'.

Притяжательные местоимения изменяются по падежам.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное, как часть речи, характеризуется особой семантикой: оно обозначает количество предметов или их количественный признак. В современном башкирском языке представлены следующие разряды числительных: количественные, порядковые, разделительные, собирательные, приближительные, дробные и числительные меры.

Среди числительных насчитывается немногим более 20 базовых слов: а) названия единиц: *бер* 'один', *ике* 'два', *өс* 'три', *дүрт* 'четыре', *биш* 'пять', *алты* 'шесть', *ете* 'семь', *һигез* 'восемь', *туғыз* 'девять'; б) названия десятков: *ун* 'десять', *егерме* 'двадцать', *утыз* 'тридцать', *кырк* 'сорок', *илле* 'пятьдесят', *алтмыш* 'шестьдесят', *етмеш* 'семьдесят', *һикһән* 'восемьдесят', *тукһан*¹ 'девяносто'; в) названия сотни, тысячи и др.: *йөз* 'сто', *мең* 'тысяча' и др. Они служат основой для образования сложных количественных числительных и производных разрядов числительных типа *бишенсе* 'пятый', *бишәр* 'по пяти', *бишәү* 'впятером', *бишләп* 'около пяти', *биштәрҙә* 'около пяти (часов)', *биштән ике* 'две пятых', *бишле (галош)* '(галоши) пятого размера' и др.

Числительные обычно обозначают количественный признак какого-нибудь предмета, название которого представлено либо в позиции определяемого слова, либо в качестве подлежащего (в последнем случае они являются сказуемым). Вне этого контекста числительные указывают лишь на абсолютные и отвлеченные количественные величины. В таких случаях они, выступая на правах существительного, принимают падежные формы, аффиксы принадлежности, форму мн. числа на общих основаниях: *Ир булган ир — егерме биштә баш булыр, ир булмаган ир — иллелә лә йәш булыр* 'Мужественный мужчина в двадцать пять станет главой, немужественный мужчина и в пятьдесят будет недорослем'; *Береһе айткәнде икенсәһе ярты һүҙҙән аңлап тора* (Н. Мусин) 'То, что один из них говорит, второй понимает с полуслова'; *Берәүҙәр уны яманлар, икенселәре мактар, өсөнселәре шомланар* (З. Бишсва) 'Одни его станут хаять, другие — хвалить третьи — опасаться'.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Простые и сложные количественные числительные представлены базовыми словами (см. их перечень выше) или их сочетаниями.

Сложные количественные числительные начинаются с названий второго десятка. В них числа высшего порядка предшествуют числам низшего порядка: *ун ике* 'двенадцать', *егерме ике* 'двадцать два', *бер йөз кырк бер* 'сто сорок один' и т. д. В пределах тысячи, сотни тысяч и далее сложные количественные начинаются с названий единиц: *ике йөз илле биш* 'двести пятьдесят пять', *өс йөз алтмыш мең ике йөз илле биш* 'триста шестьдесят тысяч двести пятьдесят пять' и т. д.

Количественные числительные, находясь в составе определительных словосочетаний типа *алты китап* 'шесть книг', имеют ударение на последнем слоге. Для того, чтобы придать эмоционально-экспрессивную окраску акту счета, числительные первого десятка могут иметь ударение на первом слоге, при этом числительные в предложении выступают без определяемых слов и произносятся с перечислительной интонацией, характерной для нераспространенных однородных членов предложения. Эмоционально-экспрессивный оттенок при счете получают также числительные, которые имеют

¹ Определенный интерес вызывает способ образования таких слов, как *һигез* 'восемь', *туғыз* 'девять', *утыз* 'тридцать', *алтмыш* 'шестьдесят' и т. д. В них *һиг(к)-*, *туғ(к)-*, по всей вероятности, представляют собой корневую морфему, а *-ез*, *-ыз* восходят к аффиксу мн. числа (ср. показатели мн. числа в именном и глагольном спряжении). Слово *утыз* 'тридцать' также состоит из двух частей: *ут* (< *от*) + *ыз*. Слова *алтмыш* (< *алтмыш*), *етмеш* (< *етмеш*), видимо, состоят из двух частей: *алты*, *ете* — корневые морфемы, *-мыш*, *-меш* — аффиксальные морфемы. В формантах *-мыш*, *-меш*, должно быть, фузировано несколько элементов, каждый из которых в древности функционировал как показатель определенной грамматической категории. По своему морфологическому составу слова *һикһән*, *тукһан* представляют результат сращения *һигез* и *туғыз* со словом *ун*. При этом согласный *з* превратился в *һ*, гласный же *у* стал произноситься как *а/э*.

при себе афф. -ау, -әу: *беррәу, иккәу, оссәу, дурттәу, бишишәу, алттау, еттәу, киггез, тугғыз* 'в одиночку, вдвоем' и т. д.

Данная особенность в употреблении количественных числительных показывает, что они обозначают не только количество исчисляемых предметов, но и отвлеченные понятия числа. Последние могут употребляться самостоятельно и независимо от других слов. Тем самым они близки к категории существительного, хотя и выражают идею числа.

При обозначении количества исчисляемых предметов числительные в предложении выступают в роли определения: *Григорийҙең алыҫ Нарымский крайға һөргөнгә озатылыуына ла оҙакламай дурт йыл тула* (Г. Дәүләтшина) 'Скоро исполняется четыре года, как Григорий был отправлен на каторгу в далекий Нарымский край'.

Количественные числительные, выражая отвлеченное количество и приближаясь к имени существительному, принимают аффиксы падежа принадлежности, числа и выполняют функции различных членов предложения — 1) подлежащего: *Утыҙ оскә буленә* 'Тридцать делится на три'; *Балағына эл. Уникеһе аңы тулып килә* (М. Кәрим) 'Дитя еще. Ему двенадцать только исполняется'; 2) дополнения: *Беләге йыуан б е р ҙ е йыккан, беләге булған меңде йыккан* (посл.) 'У кого рука сильна, тот одного победит, у кого знание есть, тот тысячу победит'; 3) обстоятельства: *Йөҙ йәшә, йөҙ йыл уҡы* (посл.) 'Сто лет живи, сто лет учись'.

Часто между количественным числительным и определяемым им словом вставляется поясняющее слово, так называемый нумератив. Нумеративы соотносятся с качеством исчисляемых предметов и употребляются избирательно по отношению к определенным лексико-семантическим категориям. Так, *баш* 'голова' чаще всего применяется для исчисления скота: *ун баш һарык* 'десять голов овец', *егерме баш ат* 'двадцать голов лошадей', *өс баш һыйыр* 'три коровы'. Этот же нумератив нередко встречается со словами, обозначающими штучные предметы: *биш баш һуған* 'пять головок лука', *өс баш жорот* 'три головки курута'.

По своему происхождению нумеративные слова подразделяются на 1) исконно башкирские (многие из которых являются общетюркскими): *ағас* 'дерево', *ая* 'ширина в четыре пальца', *бөртөк* 'крупинка', *буй* 'длина', *бәйләм* 'вязанка, тюк, пучок, моток', *йомарлам* 'комок', *йомгак* 'клубок', *йотом* 'глоток', *өймә* 'куча', *өйөр* 'табун, косяк лошадей', *табак* 'чаша' (обеденная) и 2) заимствованные: *гектар, метр, минут* 'минута', *секунд* 'секунда', *центнер* и т. д.

При указании времени в часах само слово 'час' может опускаться: *йыйылыш (сәғәт) алтыла башлана* 'собрание начинается в шесть (часов)'. Эта конструкция с точки зрения структуры башкирского предложения является правильной. Однако в литературном языке встречаются и конструкции типа *йыйылыш алты сәғәттә башлана* в том же значении. Словосочетание *алты сәғәттә* употребляется при акцентировании внимания на определенном отрезке времени, в которое происходило то или иное действие: *Без алты сәғәттә ауылға кайтып еттек* 'Мы вернулись в деревню за шесть часов'.

Особого внимания заслуживает употребление числительного *бер* 'один'. Оно характеризуется многозначностью и различными синтаксическими функциями.

Числительное *бер* выступает в качестве конкретного количественного определителя предмета: *бер дәфтәр* 'одна тетрадь', *бер китап* 'одна книга'; *Бер ағастан өй булмаҫ* 'из одного дерева дом не будет'; *Бер тиренән тун булмаҫ* (посл.) 'Из одной шкуры шубы не будет'.

Бер функционирует в роли неопределенного артикля. При этом оно стоит непосредственно перед определяемым словом: *Борон-борон заманда булған, ти бер бабай менән бер әбей* (фолькл.) 'Давным-давно жили-были, говорят, старик со старухой'. *Бер* может стоять между определением, выраженным собственным именем или прилагательным, и определяемым: *Әлек Кушлак исемле бер батыр булған, һунарға сыткан һайын ул ете өйрәк,*

ете торна, ете каз, ете боландан да кэм алмай торған булған (фольк.) 'Был один батыр по имени Кушлак, который каждый раз, выходя на охоту, брал не меньше семи уток, семи журавлей, семи гусей и семи оленей'.

В близком значении используется и слово *берэй* 'какой-нибудь': *Әллә берэй асыу һаклай микән?* (Б. Бикбай) 'Может хранит он какой-нибудь гнев?'. Оно может употребляться и в функции имени существительного, принимая присущие последнему аффиксы: *Үслек менән берэйһе тоткан да булғандыр* (Б. Бикбай) 'Со злобы кто-то один из них взял да и выкрасил, на-верное'.

Числительное *бер* участвует в образовании фразеологических единиц типа *бер фекерҙән* 'единодушно', *бер һуҙҙән* 'единогласно', *бер һуҙһез* 'безоговорочно, без всяких возражений', *бер ыңғай* 'обычно, обыкновенно, своим чередом', *бер ыңғайҙан* 'заодно, попутно', *бер юлы* 'заодно, сразу', *бер ары* 'в одно место, куда-нибудь' и т. д.

В современном башкирском языке довольно часто встречаются фразеологические единицы, поговорки и пословицы, в которых сакраментальные числительные *биш* 'пять', *ете* 'семь', *кырк* 'сорок', *илле* 'пятьдесят', *алтмыш* 'шестьдесят', *етмеш* 'семьдесят', *туғһан туғыз* 'девяносто девять', *йөз* 'сто' и *мең* 'тысяча' обозначают не столько конкретные числа, сколько неопределенную множественность: *бит һыуын биш түгеу* 'унижать себя перед кем-л. много раз', *биш былтыр* 'давным-давно', *бишкә арылырҙай булыу* 'готов разорваться на части', *биш (ете) кат тиреһен тунау* 'содрать семь шкур', *ете кат үлсә, бер кат киҫ* 'семь раз отмерь, один раз отрежь', *кырк кабат* 'сорок раз', *кырк жорама* 'сорок заплаток', *егет кешегә етмеш төрлө һөнәр ҙә аз* 'доброму молодцу и семидесяти ремесел мало', *йөз һум аксаң булғансы, йөз дуҫың булһын* 'не имей сто рублей, имей сто друзей'.

Сочетание числительного в исходном падеже с той же основой в нулевой форме подчеркивает наличие или отсутствие последующего предмета: *Әй карт, бер ҙән - бер балабыҙ ниткән яманлыҡ уйлаһын* (Б. Бикбай) 'Эй, старик, он же один единственный наш ребенок, как же он замыслит дурное'. Ср. также *икәүҙән-икәү* 'только вдвоем'.

При описании действий нескольких лиц, а также при последовательной характеристике явлений первое числительное в предложении бывает количественным, второе же получает форму другого разряда (обычно — порядковое числительное): *Бер еһе элләгәндә икенсәһе кул қаушырып карап тороусан булғандар* (фольк.) 'На то, что делал один из них, второй взирал сложа руки'.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Порядковые числительные образуются от соответствующих количественных путем присоединения к их основам афф. *-(е)нсе-(ы)нсы/-(ө)нсө*: *алтынсы* 'шестой', *етенсә* 'седьмой', *туғызынсы* 'девятый', *һигезенсә* 'восьмой', *өсөнсә* 'третий' и т. д. В сложных числительных этот аффикс принимается конечным компонентом: *мең туғыз йөз етмеш дүртенсә йыл* 'тысяча девятьсот семьдесят четвертый год'.

Порядковые числительные выражают идею числа как естественной последовательности предметов, осознаваемой в качестве их признака. Эта особенность сближает порядковые числительные с именами прилагательными.

Синтаксически порядковые числительные функционируют как определение: *Комбайндар икенсә бригада баһуына күскән* (Ө. Вәли) 'Комбайны перешли на поля второй бригады'.

Порядковые числительные в предложении могут употребляться и без определяемого слова — в этом случае они принимают показатели имен существительных и выступают в функции 1) подлежащего: *Икенсә отряд Казакқол тиреһендә, өсөнсәһө Тирлән йәки Уразаһ ауылында булырға тейеш* (Я. Хамматов) 'Второй отряд должен находиться около Казаккулово, третий в Тирляне или в деревне Уразаево'; 2) сказуемого: *миң — беренсә*

'я первый', *һин* — икенсе 'ты второй'; *Бишенсе кластарҙың командаһы беренсе ине, безрекеләр икенсе булды* (СБ) 'Команда пятых классов была первой, наши стали вторыми'; 3) дополнения: *Бер мәсьәләне бөтөрөп, икенсеген тикшерә башлағанда, Ниғмәтулла килеп инде* (Я. Хамматов) 'Когда закончили обсуждать один вопрос и начали второй, вошел Нигматулла'; 4) обстоятельства: *Без был тауға беренсе күтәрелдек* (Ш. Янбаев) 'Мы впервые поднялись на эту гору'.

Порядковые числительные в форме исходного падежа в последовательном порядке, начиная с первого числа, выступают в роли вводного слова: *Икенсенән, унда эшселәрҙең, комсомол ойошмаһының башланғысына коләк һалмағаны өсөн Назарғолов иптәшкә искәртеү аһап китергә кәрәк булыр. Шулаймы? Өсөнсөнән, миңеңсә, без бынау һуңғы фактты ла аша атлап үтергә тейеш түгелбез* (К. Мәргән) 'Во-вторых, за невнимательность к начинанию рабочих и комсомольской организации товарищу Назаргулову надо будет сделать предупреждение. Так? В-третьих, по-моему, мы не должны пройти мимо и этого последнего факта'.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Разделительные числительные — производные основы от количественных числительных, образующиеся присоединением к ним афф. *-(ш)ар/-(ш)әр*: *икешәр* 'по два', *алтышар* 'по шести', *етешәр* 'по семи', *берәр* 'по одному', *өсәр* 'по три', *бишәр* 'по пяти', *туғышар* 'по девяти', *унар* 'по десяти'. Эта группа числительных использует идею абстрактных чисел для разбивки предметов по однородным группам².

Разделительные числительные в предложении употребляются в качестве определения: *Без эшләгән ошо дүртәр катлы ике йорт аңы ойләнешкән кешеләр өсөн һалынғайны* (З. Бишева) 'Эти два четырехэтажных дома, построенные нами, были предназначены для молодоженов'; *Икешәр, өсәр кешегә бүленеп, старателдәр төрлө урындан шурф каздылар* (Я. Хамматов) 'Разделившись по два, по три человека, старатели копали шурфы в разных местах'. Разделительное числительное иногда может употребляться перед глаголом: *икешәр-икешәр киттеләр* 'ушли по два'.

При отсутствии определяемого разделительное числительное само принимает показатели существительных: *Дйзә, Борис Касимович, сығып берәр рәзә көйрәтәйек, — тине генерал.* (Д. Исламов) 'Выйдем, Борис Касимович, закурим по одной, — сказал генерал . . '.

Разделительные числительные образуются и путем повторения своих основ. При этом могут повторяться и одинаковые, и разные основы: *икешәр-икешәр* 'по двое', *өсәр-өсәр* 'по трое', *дүртәр-бишәр* 'по четыре-пять', *унар-ун бишәр* 'по десяти — пятнадцати'.

Сочетание, состоящее из двух одинаковых разделительных числительных, указывает на равномерное разделение количества: *Дүрт якка һәр попка и кешәр-икешәр кеше, элементә өсөн бер кеше куйығыз* (Б. Дәүләтшина) 'Поставьте по два человека на каждый пост с четырех сторон и одного человека для связи'. Вторая разновидность парных разделительных числительных выражает распределение предметов по группам, показывающим на неравное или неконкретное количество единиц: *Ун-ун икешәр сәғәт таш күмер ақтарғанда ла бирешмәне* (Д. Исламов) 'Он не поддавался и тогда, когда работал по десяти-двенадцати часов на разработках каменного угля'.

Встречаются и разделительные числительные, содержащие по два аффикса, первый из которых восходит к показателю принадлежности 3-го лица, а второй совпадает с уже известным *-шар/-шәр*: *Дәфтәрҙәрҙе бүлделәр, укыусы һайын һигезешәр дәфтәр тейзе* 'Разделили тетради, на каждого ученика пришло по восемь тетрадей'.

² Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 95.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Собирательные числительные образуются от основ количественных числительных от единицы до семи и отдельно от десяти преимущественно при помощи афф. -*ау/-эу*: *берэу* 'в одиночку', *икэу* 'двое', *өсэу* 'трое', *дүртэу* 'четверо', *бишэу* 'пятеро', *алтау* 'шестеро', *етэу* 'семеро' и *унау* 'десятеро', очень редко *йозэу* 'сто': *Без күп инек — йозэу инек* 'нас было много — сто было'.

Семантика собирательных числительных — концентрация отдельных единиц. Эти числительные более предметны и поэтому довольно часто употребляются как имена существительные: *Ит бешеп сыжжас кына, берэу ишек тукылдаткан* (фольк.) 'Только сварилось мясо, и кто-то постучал в дверь'; *Кемдэн алғаныңды берэу гә лә йтмә* (фольк.) 'У кого брал, ни кому не говори'; *Егәрленең кулы етэу, укыгандың теле икэу* (посл.) 'У расторопного семь рук, у образованного два языка'.

Собирательные числительные типа *икэу* 'двое' в пределах десятка, кроме *һигез* и *туғыз*, очень часто употребляются при счете предметов, они заменяют в этом случае количественные числительные и выступают без определяемых слов.

Собирательные числительные могут выступать в роли приложения: *Ул хужаларының икэу һенен дә жулдарын жыжас, санаһына ййлап ултырып алып, дилбегәнән какты* (Б. Бикбай) 'Он пожал руки обоим хозяевам, степенно уселся в свои сани и дернул вожжи'.

Собирательные числительные в форме родительного падежа (иногда с аффиксами принадлежности) служат определениями: *Берэу һенен аты үтә каты баҫа* (М. Кәрим) 'У одного лошадь очень тяжело ступает'; *Берэу зең итәге жыжса, еңе озон, берэу зең еңе жыжса, кулы озон* (посл.) 'У одного полы короткие, рукава длинные, у другого рукава короткие, руки длинные'.

Собирательное числительное *берэу* вместе с частицей *зә* и в форме *берәһенә лә* 'никому' может быть использовано в качестве местоимения, например: *Хисмәтулла прииск кнтораһында берэу һен дә осрата алманы* (Я. Хамматов) 'Хисматулла ни одного человека не мог застать в конторе прииска'.

Собирательные числительные могут принимать дополнительные аффиксы: *-лашып/-ләшеп* и *лап/-ләп*. Осложненные этими аффиксами, они выступают в предложении как обстоятельства: *Улар дүртәүләшеп өстәлдә уратып ултырып, әңгәмәләшә-әңгәмәләшә, ашап-эсергә тотондолар* (Г. Дәүләтшина) 'Они вчетвером сели вокруг стола, и, беседуя между собой, начали есть и пить'; *Улар икәүләшеп, укыуыларга төрлә һораулар биреп, русса һөйләштерергә тырыштылар* (Г. Дәүләтшина) 'Они вдвоем, задавая учащимся разные вопросы, старались говорить по-русски'.

При обозначении действий, совершенных представителями однородных групп, употребляются собирательные числительные на правах существительных во мн. числе с факультативным присоединением аффикса принадлежности 3-го лица: *Ат ярыштыра берэүзәр, берэүзәр һөйләй бүре, берэүзәр «күргәндәрәм» тип, борсақты яра эре* (М. Кәрим) 'Одни устраивают состязание копей, другие рассказывают про волков, третьи плетут лебеду о том, что они «видели»; *Берэүзәре түбәндә бүрәләргә ыргакка эләктереп торзо, икенселәре, остә уны ыкындырып алып, тейешле якка ййлап һала барзылар* (Ә. Вәли) 'Одни внизу крюком подцепляли бревна, вторые наверху отцепляли их и складывали по порядку'.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Приблизительные числительные обозначают неточное, примерное количество предметов. В отличие от других разрядов числительных они характеризуются различными способами образования — морфологическим и лексико-синтаксическим.

При морфологическом способе образования к количественному числительному присоединяются:

1) афф. *-лан/-лэн* (< *-ла+n/-лэ+n*): *ун бишлэн* 'примерно пятнадцать'; *Самат, яз етеу менэн, коммунаға язылған утызлап кеше менэн сәсеугә әзерләнергә тотондо* (И. Мусин) 'Самат с приближением весны примерно с тридцатью человеками, записавшимися в коммуны, начал готовиться к севу';

2) афф. *-лаган/-лэгэн* (< *-ла+ган/-лэ+гэн*), где последний компонент восходит к причастной форме: *унлаган* 'около десяти', *утызлаган* 'около тридцати', *йөзлэгэн* 'около ста' и др.; этот сложный аффикс более употребителен с большими числами, нежели с единицами: *Мең әрләгән кош, бөжәктәр, хайуандар тауышы озләкһөз ишетелә* (Я. Хамматов) 'Беспрерывно слышен голос тысяч птиц, насекомых и животных; *Ошо гүзәл йорттарға йәшәгән бәхетле кешеләр менән бергә һин дә, миллионлаған исемһез геройҙарҙың береһе булып, киләсәккә, коммунизмгә барып етерһең* (З. Бишева) 'Вместе со счастливыми людьми, которые живут в этих прекрасных домах, и ты, став одним из миллионов безымянных героев, доживешь до будущего, до коммунизма'.

В реальной речи не приняты образования вроде *өсләгән* 'около трех', *бишләгән* 'около пяти', ибо в пределах немногих единиц трудно подчеркнуть неопределенность количества. Зато вполне допустимо употребление *өс-дүртләгән* 'около трех-четырёх', *биш-алтылаган* 'около пяти-шести' именно по причине усиления неопределенности множества благодаря повтору числительных, из которых второе количественно превосходит первое.

С тем же наращением от основ разделительных числительных на *-ар/-эр* образуются приблизительные числительные типа *унарлаган* 'примерно десять', *Инеу менэн, орайһың һин унда йөзәрләгән катын-кыздарға* (М. Гафури) 'При входе встречашь ты с отни женщин'; *Тағы ла меңәрләгәндәрҙе коткарыр* (И. Мусин) 'Еще спасет тысячи'.

В современном башкирском языке ограниченно представлены приблизительные числительные, образованные путем присоединения афф. *-дарса/-дәрсә, -зәрсә*: *ундарса* 'десятки', *йөззәрсә* 'сотни', *меңдәрсә* 'тысячи'; *Берзән-бер көндә «Куштирәк» - тең ундарса мунсалары аяз июль күгөн зәңгәр төтөнгә күмә баһланьлар* (Д. Исламов) 'В один из дней десятки бань «Куштиряка» начали покрывать голубым дымом ясное июльское небо'.

Если приблизительные числительные стоят перед нумеративами, то аффиксы, выражающие приблизительность количества, присоединяются к нумеративным словам: *Мең башлап һыйыр малы ғына бар, һарыктар за байтаҡ. Көтөүсәһе, һауынсыһы-фәләһе алтымышлап булып килә* (М. Мусин) 'У него (колхоза) около тысячи голов коров и овец довольно много. А пастухов, доярок и других около шестидесяти человек'.

С помощью аффикса мн. числа *-лар/-ләр* в форме местного падежа на *-да/-дә* от количественных числительных образуются приблизительные числительные, обозначающие примерную точку отсчета во времени: *Сәғәт дүрттәрҙә ауырыуҙар янына килеүселәрҙе ишдерә баһланьлар* (С. Агиш) 'Примерно в четыре часа к больным начали нускать посетителей'; *Майҙың биштәрәндә генә кабул ителәһе ителеп, йыйылаһы йыйылып бөткәндәй булды* (Ш. Янбаев) 'Только к пятым числам мая как будто бы закончился прием и собрание того, что должно было быть принятым и собранным'. Ср. также употребление в этом значении нумеративов и близких к ним слов: *бынан бер нисә йылдар элек* 'несколько лет тому назад', *ноябрь баһтарына тиклем* 'до начала ноября'.

Лексико-синтаксический способ образования приблизительных числи-

тельных сводится к парному сочетанию количественных числительных по восходящей линии, т. е. числительное, обозначающее меньшее количество, предшествует большему: *ике-өс* 'два—три', *ос-дүрт* 'три—четыре', *һигез-туғыз* 'восемь—девять'. С увеличением чисел, составляющих парные сочетания, разница между ними резко увеличивается: *ун-ун биш* 'десять—пятнадцать', *егерме-егерме биш* 'двадцать—двадцать пять', *утыз-қырк* 'тридцать—сорок', *йөз-йөз илле* 'сто—сто пятьдесят'.

Лексико-семантический способ образования приблизительных числительных может быть осуществлен с использованием слов типа *ашыу* 'более', *самаһы* 'приблизительно', *тиклем* 'до', *тирәһе* 'около', *яһын* 'близко' вместе с названиями чисел и нумеративами: *Ул өс ай самаһы больницада дауаланһын кайткан* (Я. Хамматов) 'Он вернулся, примерно месяца три пролежав в больнице'.

Довольно часто наблюдается лексико-грамматический способ образования приблизительных числительных, который сводится к сочетанию количественных числительных в форме исходного или дательного падежа со словами типа *яһын* 'около': *егермеһе яһын* 'до двадцати'; *Без иллеләп кенә кеше, улар йөззән ашыу ине* (Б. Бикбай) 'Нас всего примерно пятьдесят человек, а их было более ста'; *Бармак башындай үзе, йөззән артыҡтыр күзе* (загадка) 'Сам с кончик пальца, а глаз более ста'.

При этом числительные, предшествующие словам *артыҡ*, *ашыу*, *күберәк* 'более, сверх, свыше' ставятся в исходном падеже: *ундан артыҡ* 'сверх десяти', *йөззән ашыу* 'свыше ста', *илленән күберәк* 'более пятидесяти'.

Приблизительные числительные в предложении чаще всего выступают в роли определения и предшествуют определяемым именам существительным: *Медсанбатта ике йөззән ашыу ауыр яралы йыйылды* (Д. Исламов) 'В медсанбате собралось более двухсот тяжело раненных'; *Шулай итеп, без бер барыуза иллеләп бүҙәнә алып кайттыҡ* (Д. Юлтый) 'Стало быть, мы за одну охоту привезли около пятидесяти перепелов'.

ДРОБНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Данный разряд числительных образуется синтаксическим способом. При этом знаменатель ставится на первом месте в форме исходного падежа, а числитель, следующий за ним, в именительном падеже: *дүрттән өс* 'три четвертых' (букв. 'из четырех три'), *биштән дүрт* 'четыре пятых'. В устной речи наблюдается и употребление конструкции *дүрттән өс өлөш* 'три четверти' (букв. 'из четырех три части'), *биштән дүрт өлөш* 'четыре пятых' (букв. 'из пяти четыре доли').

Количественные числительные вместе со словами *ярым* 'половина' относятся к разряду дробных числительных: *бер ярым* 'один с половиной', *ике ярым* 'два с половиной', *ете ярым* 'семь с половиной'.

Слово *ярты* 'половина' может сочетаться с числительными *мең* 'тысяча' и *тиштә* 'десяток': *ярты мең* 'половина тысячи', *ярты тиштә* 'половина десятка'.

Слово *сирек* 'четверть' функционирует большей частью самостоятельно, но: *беренсе сирек* 'первая четверть', *икенсе сирек* 'вторая четверть'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Путем присоединения афф. *-лы/-ле/-лә* к количественным числительным образуются числительные меры, которые синтаксически являются определениями: *өслө галош* 'галопи третьего размера'; *етеле лампа* 'семилинейная лампа', *утызлы лампа* 'тридцативаттная лампа'. В последнее время количество подобных числительных заметно возрастает: *қырк алтылы күлдәк* 'рубашка сорок шестого размера', *утыз һигезле ботинка* 'ботинки тридцать восьмого размера'.

Числительные в предложении сочетаются с различными частями речи, чаще всего с именными (особенно с существительными в качестве стержневых слов), а также с глаголами.

В именованном словосочетании количественное числительное выражает точное количество предметов, обозначенных главенствующим именем: *Егерме бер телдэ нойлзикэн егерме бер миллэт халкы вэжилдаренэн ун меңгэ якын ғәскәр ине был* (Я. Хамматов) 'Это было войско, состоящее примерно из десяти тысяч солдат, представителей двадцати одной нации, говорящих на двадцати одном языке'.

В роли зависимого компонента выступает и порядковое числительное: *Икенсе партаға күсел ултырзым* 'Я пересел за другую парту'.

Конкретизирующий компонент из парных числительных выражает приблизительное количество предметов или лиц, обозначенных стержневым именем: *егерме-егерме биш аршынга тиклем барып етте* 'дошло до двадцати-двадцати пяти аршин'.

Разделительное числительное в составе именованных словосочетаний — *ун бишәр һыйыр* 'по пятнадцать коров', *өсәр кеше* 'по три человека'.

Гораздо реже подчиняющим словом оказывается само числительное. Порядковые числительные подчиняют имена существительные в исходном падеже и выражают начало отсчета: *баштан беренсе* 'первый с начала', *остан өсөнсө* 'третий с конца', *тубэндән бишенсе (юл)* 'пятая строка снизу'.

Имена существительные, подчиненные количественному или собирательному числительному, обозначают предметы, а также лица, из состава которых выделяется столько, сколько указано подчиняющим числительным: *Таусыларзан биш эу коммунистик хезмэт ударниге исеме алды* 'П я т е р о и з горняков получили звание ударника коммунистического труда'; *Ғыбайлыларзың бер еһе атын һуға индерергә ни тиклем генә тырышһа ла булдыра алмань* (Ө. Бикчәнтәев) 'О д и н и з всадников, как ни старался, не смог ввести своего коня в воду'.

Употребительны и такие словосочетания, в которых имена существительные подчиняются числительным посредством послелога *менән* 'с': *бәтәгез менән ун* 'со всеми вами десять', *был кәбән менән туғыз* 'с этим стогаом девять'.

Весьма разнообразно представлены глагольные словосочетания с числительными. Вот их наиболее распространенные типы: *өскә бүлеу* 'разделить на три', *алтыға җабатлау* 'умножить на шесть', *ос тапкыр кайттым* 'я три раза возвращался', *өсөнсө тапкыр китте* 'третий раз ушел', *Ике ятып, бер төшәмә инмәй* (погов.) 'Два раза спал, ни разу во сне не видел', *өсәр-өсәр ултыруу* 'садиться по три', *икешәр-икешәр үткәреу* 'пропускать по два', *өсәү киттеләр* 'ушли трое', *дүртәүләп югерзеләр* 'побежали четвергом', *икенсе төрлө* 'по-другому говорить'.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное обозначает статический признак предмета, его качество, свойство, присущие или приписываемые ему, и противопоставляется, с одной стороны, наречию, выражающему динамический и статический признак действия, с другой стороны — существительному, как обозначению самого предмета.

В количественном отношении прилагательные уступают только существительным и глаголам.

В морфологическом отношении имя прилагательное чаще всего выступает, как и в других тюркских языках, в словарной (нулевой) форме —

ауыр 'тяжелый', бейек 'высокий', етер 'быстрый', ецел 'легкий', кук 'синий', тере 'живой' и др. и в формах степеней сравнения — йэшкелт 'зеленоватый', кослорэк 'сильнее', олорак 'старше' и т. п.

Прилагательные имеют специфические аффиксы словообразования, например: -гы/-жы (алгы рэт 'передний ряд', жыжы юл 'зимняя дорога'), -дагы/-дэге (алдагы йыл 'будущий год'), -и (синфи көрәш 'классовая борьба', тарихи жарар 'историческое постановление'), -гак/-гәк (тайгак юл 'скользящая дорога', һөзгәк һыйыр 'бодливая корова') и др. (подробнее об этом см. ниже, в разделе о словообразовании).

Основной синтаксической функцией прилагательных является функция определения, закрепленная за ним как за частью речи, чему и соответствует его категориальное значение и назначение. Прилагательное может быть определением при существительном, другом прилагательном и некоторых разрядах числительных. Сочетается оно с определяемым словом без оформления какими-либо грамматическими показателями, т. е. исключительно способом примыкания: ак һары төс 'светло-желтый цвет', елбәзәк кар 'пушистый снег', етди йөзлө кеше 'человек с серьезным лицом', һомгол егет 'стройный парень'; Лампалар һүнде. Экранга зәңгәр нур боркөлдө (С. Кудаш) 'Свет погас. На экран направились голубые лучи'; Ул урта йәштәрҙә, шаһрараж битле, кара мыйжлы балараж кына кара һакаллы кеше (Г. Хәйри) 'Он человек средних лет, с рябоватым лицом, с черными усами, с небольшой черной бородой'.

Прилагательное активно функционирует также в качестве сказуемого, выступая в нулевой форме (1) или принимая показатели числа и сказуемости (2): 1) Бала музыкаға һәләтле 'Ребенок способен к музыке'; Халыктары безең Ватандың күп һанлы, төрлө-төрлө, берәүһе — аҡ, берәһе — ҡара, берәүһе — һары йөзлө (Р. Нигмәти) 'Народов у нашей Родины много, они разные, разные, одни — белые, другие — чернокожие, третьи — желтолицые'; 2) Күгәрсендәр зә түгел, ҡарғалар ылар, шулай за һөйкөмлөләр (С. Агиш) 'Не голуби они, а грачи, но все равно такие милые'; Көн дә урманга барып, ҡош ояһы гөжгөргә бик шәп һегез бит (Ж. Кнекбаев) 'Очень уж прытки вы каждый день разорять в лесу птичьи гнезда'.

Аффиксами сказуемости могут оформляться не все прилагательные. Ограничения здесь обусловлены лексическими значениями прилагательных. Категория сказуемости относится к лицу, поэтому ее аффиксами оформляются прилагательные, характеризующие лицо, исключая в известной мере лишь форму 3-го лица.

Функция сказуемого предполагает модально-временную охарактеризованность прилагательного, как и других имен, в частности его вхождение в сферу синтаксического наклонения и времени. Обычно прилагательное входит в сферу настоящего времени синтаксического индикатива, не принимая для этого специфических форм: Көн йылы 'День теплый'; Аш эйәһе менән татлы (погов.) 'Еда вкусна в присутствии хозяина'; [Мәғфурә] Кешеһең алсаң, һүҙең ипле . . (И. Дәүләтшина) '[Мағфура] приветлива к людям, сдержанная в разговоре. . .'. В сочетании с вспомогательным глаголом ине оно имеет значение прошедшего времени синтаксического индикатива: Былар ботәһе лә миңең өсөн төнгө ҡара урман эсе кәүек серле һәм ҡараңғы ине (Д. Исламов) 'Все это для меня было таинственным и покрыто мраком, как темный лес ночью'; Без ул сақта йәш инек 'Мы тогда были еще молоды'; Күжкә ҡараным, йондоҙҙар атылғанын күҙәттем. Кис бик матур ине (С. Агиш) 'Смотрел на небо, наблюдал, как падали звезды. Вечер был очень красивым'.

В сочетании с вспомогательным глаголом бул- в зависимости от его формы прилагательное может иметь значение будущего, настоящего или прошедшего времени синтаксического индикатива (1), условного наклонения (2), повелительно-желательного наклонения (3) и сослагательного наклонения (4): 1) Зәйнәп, бәлкәм, анау шыршы кәүек, һәр саң йәшел булмак булалыр (Г. Сәләм) 'Зайнап, быть может, как вон та ель, хочет всегда быть молодой

(букв.: зеленой)', *Алама ағаста ботаж йыуан була* (посл.) 'На плохом дереве сучки толсты'; *Нинаның төсө күм-күк булған* (Ф. Ифәнголов) 'У Нины был бледный вид'; 2) *Кис болотло булһа, иртән аяз булмаҫ* (посл.) 'Если вечер облачный, то утро не будет ясным'; *Ял итеү кондәрендә көн матур, сыуаклы булһа, айырыуса күңелле була бит ул* (Т. Йәнәби) 'В дни отдыха, если погода выдается хорошая, солнечная, бывает особенно радостно'; 3) *Бер булһын, берәгәйле булһын* (посл.) 'Пусть будет единственным, да удалим'; *Түрә булһаң, башлы бул, йыйырылмаҫ кашлы бул* (посл.) 'Если ты начальник, то будь умным, будь добрым'; 4) *Көн йылы булһын ине* 'Был бы день теплый'.

Прилагательные в башкирском языке при употреблении без определяемого существительного субстантивизируются, принимая окончания числа, падежа, принадлежности и выступая в функции подлежащего (1) и дополнения (2): 1) *Т ә у ә к к э л таш ярыр, бу л ды к һ ы з баш ярыр* (посл.) 'С мел ы й камень расколет, растяпа голову сломит'; *Я ң ғ ы з з ы ң йәйәһе лә юғалыр, кү м ә к т е ң уғы ла юғалмаҫ* (посл.) 'У о д и и о к о г о даже лук потеряется, а в к о л л е к т и в е уделест и стрела'; 2) *Иртән аяз буласағы тураһында хәбәр биреп, күкте ҡызылға буяп, ҡояш байыны* (К. Мөргән) 'Закатилось солнце, обогрив небосклон и предвещая на завтра ясную погоду'; *А ҡ ы л һ ы з з а н макталғансы, а ҡ ы л ы н а н әрлән* (посл.) 'Чем похвалу о т д у р а к а получить, лучше о т у м н о г о замечание'.

Часто прилагательные без изменения формы выступают в функции обстоятельства: *аҡыллы* 'умный' — *аҡыллы (һөйләш-)* 'умно (говорить)', *ауыр* 'тяжелый' — *ауыр (күтәр-)* 'тяжело (поднимать)', *ауыр (йәшә-)* 'тяжело (жить)', *ауыр (һула-)* 'тяжело (дышать)', *йомшак* 'мягкий' — *йомшак (өндәш-)* 'мягко (говорить)' и т. д.

Определенная часть корневых прилагательных совмещает в себе признаки прилагательного и существительного или прилагательного и наречия, а) находясь при этом в омонимичных отношениях: *аҡ (таш)* 'белый (камень)' — *аҡ* 'молочные продукты', *түңәрәк (күл)* 'круглое озеро' — *түңәрәк* 'кружок', *яҡшы ат* 'хороший (конь)' — *яҡшы (эшлә-)* 'хорошо (работать)', б) либо оставаясь на уровне лексико-грамматической связанности: *алама (кейем)* 'изношенная (одежда)' — *алама (йый-)* 'собирать (тряпье)', *китек (калаҡ)* 'отломленная (ложка)' — *китек* 'отлом' и т. п.

Некоторые производные прилагательные в изафетных конструкциях также приобретают значение существительных: *азналыҡ (эш)* 'недельная (работа)' — *китап азналығы* 'неделя книги', *айлыҡ (журнал)* 'ежемесячный журнал' — *урман айлығы* 'месячник леса', *ақтыҡ өмөт* 'последняя одежда' — *ондоң ақтығы* 'остатки муки'.

Многие существительные, обозначающие материал, вещество и т. п., в свою очередь, могут употребляться в функции прилагательного, т. е. в роли приименного определения: *ағас* 'дерево' — *ағас көрәк* 'деревянная лопата', *таш* 'камень' — *таш күпер* 'каменный мост'. В таких случаях прилагательное и существительное формально не различимы.

Отдельные разряды местоимений и числительных также могут выступать в качестве определения при имени: *бөтән (халыҡ)* 'весь (народ)', *беренсе (азна)* 'первая (неделя)' и др.

По лексико-грамматическому значению прилагательные делятся на качественные и относительные. Эти два разряда прилагательных противопоставлены по лексико-грамматическому значению, отчасти по форме и функциям, хотя данное противопоставление и проявляется не всегда последовательно.

Качественные прилагательные, составляющие многочисленную группу данной части речи, характеризуют признаки, присущие самой природе предметов, явлений, живых существ и т. д. Они могут быть корневыми — *кызыл байраҡ* 'красное знамя', *матур кыз* 'красивая девушка', *һыуыҡ һыу* 'холодная вода' и производными — *тәмле аш* 'вкусный суп', *тайғаҡ юл* 'скользящая дорога' и т. п.

Относительные прилагательные, занимающие в лексике в целом небольшое место, выражают признаки 1) через отношение одного предмета к другому предмету по принадлежности: *машиналы кеше* 'человек, имеющий машину', *салбарлы кыз* 'девушка в брюках', *аталы бала* 'ребенок, имеющий отца' и др., по местоположению: *баксалагы сәскә* 'цветок, находящийся в саду', *куктәгә йондоzzар* 'звезды на небе', *урындагы вақыт* 'местное время'; по времени: *былтырғы бесән* 'прошлогоднее сено', *иртәнге һауа* 'утренний воздух', *йыллыҡ план* 'годовой план', *язғы ел* 'весенний ветер', 2) через действие к предмету: *емерек койма* 'разрушенный забор', *ташландык өй* 'заброшенный дом', *ватык тәзрә* 'разбитое окно' и др. Относительные прилагательные всегда производны.

Качественные прилагательные в большинстве своем имеют степени сравнения и интелсива, относительные прилагательные не обладают этой категорией. Качественные прилагательные употребляются в функции обстоятельств чаще, чем относительные.

Безусловно, взаимопереходность между указанными двумя разрядами прилагательных существует, поэтому не всегда удается их четко разграничить.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

АФФИКСАЦИЯ

Деривативные прилагательные в современном башкирском языке составляют более 80%.

Ведущим способом деривации выступает аффиксация (приблизительно 2300 производных), которой заметно уступает деаффиксация (свыше 200 так называемых усеченных слов) и смешанные аффиксально-деаффиксальные типы (около 200 единиц). Оба последних способа образования башкирских прилагательных связаны с процессами заимствования.

Исконный пласт прилагательных может быть рассмотрен с различных точек зрения: по характеру производных основ, по формальной простоте или сложности аффиксов, по семантической характеристике, по фузурованности/нефузурованности с корнем и, наконец, по продуктивности/непродуктивности дериваторов.

Материал исследования убеждает в том, что традиционная в описательных грамматиках отыменная либо отглагольная направленность сцепления аффиксов со своими основами оказывается сплошь и рядом недостаточно веской и в то же время довольно противоречивой в отношении многих группировок прилагательных. К глагольным основам присоединяется свыше 15 аффиксов: *-ан*, *-ар*, *-гер*, *-гес*, *-ғай*, *-ғын*, *-дыж*, *-ез*, *-еш*, *-кеу*, *-ма*, *-наж*, *-пы*, *-сек*, *-ый* с их вариантами и немногие другие. Около 10 аффиксов избирательно присоединяется к именным основам: *-а*, *-даш*, *-са*, *-сел*, *-тык*, *-һел*, *-шел*, *-эм* с их алломорфами и ряд других. Подавляющее же большинство остальных словообразовательных типов, в том числе самых продуктивных в кругу прилагательных (*-ле*, *-һез*, *-сан*, *-ге*, *-лек*, *-һеу*, *-аж*, а также *-ғас*, *-кел*, *-дәм*, *-мек* с модификациями и еще несколько десятков показателей), является одновременно и отыменным, и отглагольным или относится к таким разрядам слов, лексико-грамматический характер которых окончательно не ясен. Следовательно, значимость настоящего критерия значительно уменьшается.

ПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Из 19 продуктивных аффиксов наиболее продуктивными являются *-лы*, *-һез*, *-сан* и *-ғы* (каждый с соответствующими фонетическими вариантами). *-лы/-ле*, *-ло/-ло*. В составе четырехалломорфной парадигмы ведущими по продуктивности вариантами являются *-лы/-ле*, тогда как *-ло/-ло* менее продуктивны. Из 942 дериватов с данным аффиксом 500 на *-лы*, 374 на *-ле*

42 на -ло и 26 на -ло¹. Эта неравномерность объясняется по преимуществу вовлечением в башкирское словообразование все возрастающего количества заимствованных основ, допускающих парацения аффиксами лишь с пегубными гласными².

Генетическая связь -лы с -лык, отмечаемая большинством тюркологов, косвенно подтверждается и материалами современного башкирского языка, в котором насчитывается несколько десятков прилагательных на -лык.

Имена абстрактные на -лык с присоединением афф. -лы образуют новые слова со значением окачественной предметности: *иззелекле* 'доброжелательный' (*иззелек* 'добро, благодеяние'), *кешелекле* 'человечный' (*кешелек* 'человечество'), *туклыклы* 'питательная' (*туклык* 'сыт(н)ость'), *эзмэ-эзлекле* 'последовательный' (*эзмэ-эзлек* 'последовательность').

Присоединяясь к определительным сочетаниям имен, афф.-лы создает сложные прилагательные: *бер катлы* 'бесхитростный, наивный' (*бер кат* 'один слой'), *кун милләтле* 'многонациональный' (*кун милләт* 'много наций'), *тиң хокуклы* 'равноправный' (*тиң хокук* 'равные права').

Гораздо реже -лы присоединяется к именам действия на -(ы)у/-(е)у. Возникающие при этом производные сохраняют в своем значении оттенок глагольности, не растворяющейся в общей семантике статической качественности, что сближает их по несколько противоречивой смысловой характеристике с причастиями: *егеуле* 'запряженный' — от *егеу* 'запрягание', *коршаулы* 'с обручем' — от *коршау* 'обтягивание обручем', *мактаулы* 'почетный' — от *мактау* 'хвала, восхваление'.

Весьма незначительно число производящих основ, в роли которых выступают названия цветов спектра, являющиеся древнейшими прилагательными в башкирском и других тюркских языках. В подобных случаях в значение новообразований с -лы привносятся не столько качественные, сколько количественные характеристики: *кукле-йәшелле* 'сине-зеленый' (*кук-йәшел* 'сине-зеленый'), *каралы* 'с черным фоном, с преобладанием черного цвета, темная материя' (*кара* 'черный'), *караңғылы-яктылы* 'сумеречный' (*караңғы* 'темный' и *якты* 'светлый'); *Ажлы ситса күлдәж кейзем* 'Я надела платье из светлого ситца' (*аж* 'белый').

Чисто количественную и даже числовую характеристику приобретают прилагательные с -лы, в основе которых лежат имена числительные, придающие всему комплексу значение точно определенной меры: *икеле* (*каса*) бот. 'двойная (чашечка)' — от *ике* 'два', *өсло* (*кагизә*) 'тройное (правило)' (мат.) — от *өс* 'три', *етеле галон* 'седьмой номер галон' — от *ете* 'семь'.

Редки случаи образования прилагательных от наречия: *йәйәуле* 'пеший' — от *йәйәу* 'пешком'.

Древний афф. -лы в современном башкирском языке является высокопродуктивным дериватором, с помощью которого создаются все новые и новые имена прилагательные.

В связи с относительной бедностью собственно прилагательных в тюркских языках, довольно медленным расширением круга их основ, необходимых для создания новых слов, и (может быть, главным образом) потому, что во многие тюркские языки вошло большое число заимствований (в основном именных), афф. -лы стал с исключительной легкостью вовлекать в словообразование иноязычные основы. В результате этого очень интересного

¹ Здесь и далее цифровые данные об аффиксах приводятся по «Башкирско-русскому словарю» (М., 1958; далее — БРС).

² Сходную картину наблюдаем в близкородственном татарском языке, где по данным «Татарско-русского словаря» (М., 1966; далее — ТРС) 63% исконных основ образуют прилагательные с -лы/-ле, алломорфы же -ла/-ло по литературным канонам эксплицитно не актуализированы; 24% основ формируются за счет заимствований из русского языка и через русский, а 13% представляют собой арабизмы и фарсизмы. Ср. несколько иные подсчеты в кн.: Ганиев Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, с. 160.

процесса в башкирском языке устоялись целые пласты слов, образованных от иноязычных основ при посредстве афф. *-лы*. . .

Так, от арабских основ образованы прилагательные: *вакытлы* 'временный' (араб. *вакыт* 'время'), *дәрәжәле* 'остепененный' (*дәрәжә* 'степень'), *кәзерле* 'дорогой' (*кәзер* 'почет, честь'), *нигезле* 'обоснованный' (*нигез* 'основа'), *серле* 'секретный' (*сер* 'секрет'), *хәйерле* 'счастливый' (*хәйер* 'милость'), *шартлы* 'условный' (*шарт* 'условие') и др.

От персидских имен образованы следующие прилагательные на *-лы*: *абруйлы* 'авторитетный' (от перс. *абруй* 'авторитет'), *данлы* 'славный' (*дан* 'слава') и т. д.

Примеры на прилагательные с афф. *-лы*, образованные от других заимствований родственных и неродственных языков: *бикле* 'запертый' (монг. *бик* 'запор (дверной)'), *буранлы* 'вьюжный' (монг. *буран* 'вьюга, буря'), *ныклы* 'твердый' (монг. *нык* 'твердый, прочный'); *дымлы* 'влажный' (фин. *дым* 'влага, сырость'), *ылыслы* 'хвойный' (удм. *ылыс* 'хвоя'); *боросло* 'перченый' (инд. *борос* 'перец'), *күперле* тех. 'мостовой' (гр. *күпер* 'мост'); *кәрәзле* 'сотовый' (и.-е. *кәрәз* 'соты'), *ыныйлы* 'распчатый жемчугом' (кит. *ыный* 'жемчуг').

Пайболее широко представлены дериваты от основ, заимствованных из русского языка. Так, еще задолго до революции в башкирские говоры проникли и стали производящими основами такие слова, как: *мүкле* 'мшистый' (*мүк* 'мох'), *парлы* 'парная' (*пар* 'пара'), *рәтле* 'порядочный' (*рәт* 'ряд, порядок').

Особенно многочисленны послеоктябрьские образования на *-лы*. . .: *автономиялы* 'автономная', *авторитетле* 'авторитетный', *гарантиялы* 'гарантийный' и др.

Общая семантика всех прилагательных на *-лы* — «обладающий тем, что мотивировано основой»³.

-hez/-hыз, -hoz/-hөз. Из 308 прилагательных, образованных данным аффиксом, отмечено 139 слов на *-hez*, 136 слов на *-hыз*, 18 слов на *-hoz* и 15 слов на *-hөз*. Здесь, как и в случае с афф. *-лы*, имеет место та же тенденция присоединения первой пары вариантов аффиксов к большему количеству основ, включая почти все заимствованные.

Функция *-hez* в основном одина и сводится к обозначению отсутствия свойства или качества, названного основой, реже — неполноты его проявления. Таким образом, прилагательные с афф. *-hez* оказываются почти всегда антонимами по отношению к словам, произведенным от аналогичных основ при посредстве афф. *-лы*. . . Ср. *керhez* 'чистый, безупречный, невинный' (*кер* 'грязь'), *юнhez* 'бестолковый, непристойный' (*юнь* 'толк'); *Сикhez зәңгәр күктән әле ул, әле был ерендә, шаян күзәр кеүек бызылдашып, яқты йондозгар жалктылар* (Ғ. Дәүләтшина) 'То в том, то в другом месте безграничного голубого неба, церемигиваясь как шаловливые глаза, появлялись светлые звезды' (*сикhez* от *сик* 'гранца'). Данный аффикс присоединяется большей частью к именным основам, образуя прилагательные со значением привативности.

Однако в редких случаях он присоединяется и к глагольным основам: *аяуһыз* 'беспощадный' (*ая* 'жалеть'), *яраһыз* 'непригодный' (*яраһ* 'соответствовать'); ср. также *булдыкһыз* 'беспомощный' от архаического имени действия *булдык* 'бытие, патура'⁴, *тоткарһыз* 'бесперебойный' (*тоткар* 'препятствие')⁵.

В качестве основ для образования прилагательного с афф. *-hez* могут выступать и местоимения: *Дуҫтар, hezhez йәшәү күңелhez* (М. Хөй) 'Друзья, без вас житье безрадостно'.

³ Псянчин В. Ш. Обладательный падеж. — Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1975, с. 41—42; Ганиев Ф. А. Указ. соч., с. 160; ср.: Проспект «Грамматика современного башкирского литературного языка». Уфа, 1974, с. 35.

⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1914, т. 4, с. 1852 (далее — РСл.).

⁵ М. Ряснен считает это слово монголизмом: *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969, S. 502.*

Прилагательные с данным аффиксом довольно широко участвуют в создании парных слов (как и их аналоги с *-лы*): *йортһоз-ерһез* 'бездомный', *оһоз-кырыйһыз* 'бескрайний' и т. п.

Производные прилагательные с иноязычными основами: *асфальтһез* 'без асфальта, неасфальтированный' (фр. *асфальт*), *келәймәһез* 'неклеяемый' (сканд. *келәймә* 'клеимо'), *рәхимһез* 'безжалостный, беспощадный' (ар. *рәхим* 'милость'), *абруйһыз* 'неавторитетный' (перс. *абруй* 'авторитет'), *намыһыз* 'бесчестный' (перс. *намыһ* 'честь') и т. п.

Неологизмы на *-һез* не столь многочисленны в сопоставлении с терминами на *-лы*, да и то речь идет скорее о новых значениях — переосмыслении свободных словосочетаний, фразеологических выражений, чем о ранее не существовавших лексических единицах: *билдәһез* 'неопределенный', *шаһитһез* лингв. 'неочевидное' (время).

Афф. *-сан/-сән*. Из 120 прилагательных с данным аффиксом 75 оформлены вариантом *-сан*, а 45 — *-сән*. Прилагательные на *-сан* обозначают склонность предмета (часто одушевленного) к действию, либо к другому предмету, мотивированному основой. Они образуются преимущественно от глаголов: *оялсан* 'застенчивый' (*оял-* 'стыдиться'), *эйәрсән һөйләм* лингв. 'придаточное предложение' (*эйәр-* 'следовать, присоединяться'). Причем более продуктивно образование от имен действия на *-(ы)у/-(е)ү*, особенно путем калькирования: *мауығыусан* 'увлекающийся' (*мауығыу* 'увлечение'), *ыуалыусан* 'рассыпчатый' (*ыуалуу* 'рассыпание, крошение'), *ышанмаусан* 'недоверчивый' (*ышанмау* 'недоверие') и др.

Прилагательные на *-сан/-сән*, образованные от имен: *талымсан* 'разборчивый в еде' (*талым* 'привередничество'), *уйсан* 'задумчивый' (*уй* 'дума'), *һугышсан* 'боевой' (*һугыш* 'бой'), *һүзсән* 'словоохотливый' (*һүз* 'слово'), *эшсән* 'трудолюбивый' (*эш* 'работа').

Иногда в качестве основ фигурируют заимствованные имена: *талапсан* 'требовательный' (ар. *талап* 'требование'), *хезмәтсән* 'трудолюбивый' (ар. *хезмәт* 'труд').

Афф. *-ғы/-ге, -го/-гө, -кы/-ке, -ко/-кө*. В «Башкирско-русском словаре» отмечено 107 прилагательных с указанным аффиксом (на *-ғы* — 37, *-ге* — 25, *-кы* — 19, *-ке* — 13, *-ко* — 6, *-гө* — 4, *-кө* — 2, *-го* — 1).

Присоединяясь к разнообразным основам, этот восьмивариантный аффикс образует относительные (*nomina relativa*) имена прилагательные, характеризующие признак предмета с точки зрения его положения в пространстве и времени. Отсюда функционирование данного аффикса со значением: 1) обладание пространственно-временной характеристикой, названной в основе; 2) нахождение внутри, либо в пределах объекта основы; 3) результат действия, мотивированного основой.

В первом значении им образованы прилагательные от имен, наречий и глагольных форм: *һуңғы* 'последний' (*һуң* 'конец, поздно'), *түбәнге* 'нижний', *йәйге* 'летний', *арткы* 'задний', *кышкы* 'зимний', *азаккы* 'последний', *киске* 'вечерний', *ситке* 'крайний', *өскө кейем* 'верхняя одежда', *төшкө* 'полуденный', *бөгөнгө* 'сегодняшний', *төнгө* 'ночной', *көзгө* 'осенний', *борһо* 'древний' и т. п.

Второе — инессивное — значение всему комплексу придает аффикс местного падежа *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә* в сочетании с афф. *-ғы*: *ағымдағы* 'текущий' (*ағымда* 'в течении'), *бындағы* 'здешний' (*бында* 'здесь'), *һыузағы* 'находящийся в воде' (*һыуза* 'в воде'), *тирә-яктағы* 'окрестный' (*тирә-якта* 'в окрестности'), *йөрәктәге* 'находящийся в сердце' (*йөрәктә* 'в сердце'), *күктәге* 'находящийся в небе' (*күктә* 'в небе').

В языке сохранились пережиточные случаи присоединения рассматриваемого аффикса к форманту древнего аллатива — дательного-направительного падежа — *-(ға)ры* с элизией финального гласного основы: *элгәре* (*йыл*) 'прошлый (год)' (*элгәре* 'прежде'), *юғарғы* (*жат*) 'верхний (этаж)' (*юғары* 'высоко').

Как и от падежных словоформ, прилагательные на *-ғы* способны образоваться и от основ, представляющих собой косвенные формы глагольного

залога, прежде всего возвратного на *-ын/-ен, -он/-он*. В этом случае они получают такие значения, как «свойство характера», «результат действия», «потенция к акту» и т. п.: *кабарынкы* 'пышный' (*кабарын-* 'пушиться'), *налынкы* 'отвисший' (*налын-* 'опуститься, обвиснуть').

Когда же залоговые формы актуализируют свои не столько грамматические, сколько лексические значения, становится возможным выделять автономный афф. *-ынкы*. . (о нем см. ниже, «Сложные аффиксы»).

Встречаются и прилагательные, образованные непосредственно от «чистых» глагольных корней (т. е. от прямого залога): *менге* (*ат*) 'верховая (лошадь)' (*мен-* 'сесть верхом'), *хоҫко* (*көрәк*) 'совковая (лопата)' (*хоҫ-* 'черпать').

Посредством афф. *-ғы* образованы немногие неологизмы: *ахырғы* (юрид.) 'окончательный' (ар. *ахыр* 'конец'), *йәйенке* (*мойош*) (мат.) 'тупой (угол)' (*йәйен-* от *йәй-* 'развернуть').

Афф. *-дай/-дәй, -зай/-зәй, -лай/-ләй, -тай/-тәй*. Этот по существу наречный аффикс, иногда квалифицируемый и как формант уподобительного падежа имен существительных, может конверсироваться в показатель прилагательных, единственным условием чего выступает синтаксическая позиция определения, в которой оказывается форма на *-дай*: *башмактай* 'с годовалую телку' (*башмак* 'годовалая телка'), *имәндәй* 'как дуб' (*имән* 'дуб'), *тауҙай* 'как гора, с гору' (*тау* 'гора'), *төймәләй* 'с пуговицу' (*төймә* 'пуговица'). Этот аффикс способен присоединяться практически к любым основам существительных, семантика которых допускает сравнение.

Рассмотренные пять аффиксов обладают наиболее развернутыми парадигмами алломорфов — в среднем по пяти на один словообразовательный тип. Что же касается структурно-схематических моделей, то их только две: СГС (54% всего материала) и СГ (46%). 10 аффиксальных модификаций варьируют лишь по линии гласных (две по их рядности и восемь еще и по лабиализации), 16 учитывают и консонантные различия (поровну между передне- и заднеязычными согласными).

Всего посредством небольшого числа высокопродуктивных показателей в башкирском языке образовано свыше 1500 слов, что составляет почти половину прилагательных, представленных в «Башкирско-русском словаре».

Афф. *-лык/-лек, -лөк/-лок*. В БРС представлено три варианта этого аффикса: *-лык* (38 слов), *-лек* (21), *-лок* (3). Ср., однако, *хоҫколок* (*һан*) 'рукоятка, предназначенная для совка' (от *хоҫко* 'совок').

Основы прилагательных с этим показателем относятся преимущественно к именным и, в меньшей мере, глагольным и наречным формам.

Общая смысловая структура прилагательных на *-лык* включает в себя почти всегда обязательную схему «рассчитанный на то, что выражено основой». Внешним оформителем подобных конструкций выступает обычно числовое определение перед прилагательным: (*бер*) *кабымлык* (*ит*) '(один) кусок (мяса)', букв. 'рассчитанный, чтобы откусить один раз' (от *кабым* 'откусывание'); (*кырк*) *сакрымлык* (*ара*) 'сорокаверстное расстояние' от *сакрым* 'верста').

Прилагательные, мотивированные временными основами, числового определения могут не принимать: *азналык* (*запас*) 'недельный (запас)', *айлык* (*журнал*) 'ежемесячный (журнал)', *йыллык* (*дүңгәләк*) 'годовое кольцо (дерева)', *мәңгелек* (*дан*) 'вечная (слава)'.

Афф. *-лык* придает словам значение направленности и приспособленности: *кейемлек* (*материя*) 'материя для одежды' (*кейем* 'одежда'), *эйәлек килеш* (грам.) 'притяжательный падеж' (*эйә* 'хозяин'); *Мәһәрлек мал табырмын*, *Таңсулпан* (К. Даян) 'Я добуду состояние для выкупа невесты, Тансулпан'.

К этой функции весьма близки конструкции типа «причастие будущего времени на *-ыр/-лык*» в значении «способный, годный для выполнения действия, обозначенного основой»: (*бер*) *яғырлык* (*утын*) 'дрова на (одну) растопку' — от *як-* 'топить (печку)'; *Уның ҡалған ғүмеренә етерлек наград бирерҙәр* (М. Гафури) 'Ему дадут награду, достаточную на всю оставшуюся

жизнь' (етерлек от *ет-* 'хватать, доставать'). Ср. также отрицательную форму на *-маз*: *онотолмазлык* (*важиға*) 'незабываемое (событие)' — от *онотол-* 'быть забытым'.

Достаточно продуктивно в последние десятилетия афф. *-лык* образует прилагательные от заимствованных основ: *докторлык* (*диссертация*) 'докторская (диссертация)', *ярзамлык* (*һүҙ*) 'служебное (слово)' — от перс. *ярзам* 'помощь'.

Афф. *-к/-к, -ык/-ек, -ок/-ок*. Этим аффиксом образовано свыше 60 прилагательных — около 30 слов на *-к*, до 15 на *-ык*, 5—6 на *-ок*, *-ек* и одно слово на *-ок*: *өтөк демократия* (полит.) 'урезанная демократия' (от *өт-* 'палить', перен. 'урезать').

Присоединяясь к глагольным основам, этот аффикс дает производное большей частью пассивного значения — результат действия, выраженного основой: *Тымык* (*океан*) 'Тихий (океан)' — от *тым-* 'утихать', *бозок* 'испорченный' — от *боз-* 'портить', *йомок* (*фигура*) (матем.) 'замкнутая (фигура)' — от *йом-* 'смежить, сомкнуть', *тонок* 'прозрачный' — от *тон-* 'отстояться (о жидкости)'.

Особую группу составляют прилагательные, образованные от вторичных глагольных основ со значением звуко- и образноподражания: *ғырылдак* (*тауыш*) 'хриплый (голос)' — от *ғырылда-* 'храпеть', *сыйылдак* (*бала*) 'писклявый (ребенок)' — от *сыйылда-* 'пищать', *серелдәк* (*қош*) 'щебетливая (птица)' — от *серелдә-* 'щебетать'.

Изредка в качестве словообразующих основ выступают имена, в том числе и глагольные: диал. *йокак* 'тоненький' — от *йока* 'тонкий', *кыскак* 'совсем короткий' — от *кыска* 'короткий'.

Афф. *-сыл/-сел, -сел*. Первые два алломорфа образуют по 16 прилагательных, афф. *-сел* лишь два: уст. *кәлсәл тупрак* 'подзолистая почва' — от *кәл* 'зола' и *кәңсәл катын* 'ревнивая женщина' — *кәңлә-* 'ревновать'. Данный аффикс присоединяется к именным основам и образует прилагательные со значением склонности к тому, что выражено основой, чаще всего с указанием на душевные свойства человека, свойства его характера: *ваксыл* (*кеше*) 'мелочный (человек)' — от *вак* 'мелочь', *изгелкәсел* 'благочестивый' — от *изгелек* 'благоденствие', *кунаксыл* 'гостеприимный' — от *кунак* 'гость'. Ср. также *иртәсел* (*әтәс*) 'ранний петух' — от *иртә* 'утро, рано'.

Характерно, что в башкирском языке, а также в татарском третья часть всех слов с этим аффиксом составляют производные иноязычного происхождения: *бизасыл* 'капризный' — от русск. *биза* 'беда', *бәләсел* 'бедовый, скандальный' — от перс. *бәлә* 'беда', *дәғүәсел булмаған* 'неспритизательный' — от ар. *дәғүә* 'тяжба', *енәйтсәл* (*элемент*) 'преступный (элемент)' — от ар. *енәйт* 'преступление', *жыйбатсыл* (*һатыусы*) '(продавец) запрашивающий повышенную цену' — от араб. *жыйбат* 'дорогой', *хыянатсыл* (*рәүештә*) 'предательским (образом)' — от араб. *хыянат* 'предательство, измена'.

К числу неологизмов относятся *ленинсел* (*милли политика*) 'ленинская (национальная политика)' — от имени собственного *Ленин*.

Афф. *-ғыс/-гес, -кыс/-кес, -гәс/-кос*. С помощью этого аффикса образовано свыше 30 прилагательных: на *-ғыс* — 15 слов, *-кес* — 7, *-кыс* — 6, *-гәс* — 4, *-гес* — 1. В речи встречаются варианты с *-гәс* и *-кәс* (в БРС они не отмечены): *тонсокторғос* (*газ*) 'удушливый (газ)', от *тонсоктор-* 'удушить', *отқос* (*кеше*) 'придиричивый, дотошный (человек)' — от *өт-* 'ошалить', *йонсоққос* 'изпурительный' — от *йонсоқ-* 'изпурять'.

Прилагательные на *-ғыс* образуются от глагольных основ и выражают свойство, связанное с действием, обозначенным основой: *башланғыс* 'начальный' — от *башлан-* 'начаться', *кәр йууғыс* (*машина*) 'стиральная (машина)' — от *йуу-* 'мыть', *ял(ы)ктырғыс* 'утомительный, нудный', от *ял(ы)ктыр-* 'утомить', *исерткес* 'опьяняющий' — от *исерт-* 'пьянить', *сереткес* (*бактериялар*) 'гнилостные (бактерии)' — от *серет-* 'гниотить', *әсеткес* (*матдәләр*) 'дубильные (вещества)' — от *әсет-* 'квасить' и др.

Афф. *-ма/-мә*. На каждый вариант данного аффикса в БРС дается более 20 образованных от глаголов прилагательных со значением признака процесса или результата действия: *башкарма* 'исполнительный' — от *башкар* 'исполнять', *йыйылма (команда)* 'сборная (команда)' — от *йыйыл* 'собирается', *койма (ямгыр)* 'проливной (дождь)' — от *кой* 'лечь', *өстәмә (сығымдар)* 'накладные (расходы)' — от *өстә* 'добавить', *һайланма (әсәрҙәр)* 'избранные (произведения)' — от *һайлан* 'избираться', *яһалма* 'искусственный' — от *яһал* 'делаться'.

Афф. *-жак/-кәк, -гак/-гәк*. Около 20 прилагательных с этим аффиксом употребляются в значениях «склонный к тому, что мотивировано глагольной основой»: *осжак* 'летучий' — от *ос* 'лететь', *йәбешкәк* 'липкий' — от *йәбеш* 'липнуть', *һөзгәк* 'бодливая' — от *һөз* 'бодать', *тузгак* 'растрепанный, непричесанный' — от *туз* 'растрепаться'. Он присоединяется преимущественно к глаголам, но изредка и к именным основам: *асжак (кеше)* 'ненасытный (человек)' — от *ас* 'голодный'.

Афф. *-сак/-сәк*. Более 10 прилагательных с этим аффиксом образуется как от именных, так и от глагольных основ со значением склонности к проявлению того, что выражено производящей основой: *уйысак (бала)* 'игривое (дитя)' — от *уйын* 'играть', *елкенсәк (табиғәт)* 'порывистая (натура)' — от *елкен* 'порываться'; *оронсак (ат)* 'игривая лошадь'.

Афф. *-сык/-сек*. Этот аффикс, вероятно, связан с предыдущим, что подтверждается близостью формы и семантики. Однако он образует не более 10 прилагательных от глагольных основ исключительно возвратного залога: *өйрәнсек (малай)* 'мальчик-подмастерье' — от *өйрән* 'учиться', *буталсык* 'запутанный' — от *бутал* 'запутаться', *болғансык* 'мутный' — от *болған* 'мутиться'.

Афф. *-һыу/-һоу*. Присоединяясь к основам имен существительных, этот аффикс образует прилагательные со значением признака, соотношенного с предметной семантикой основы: *көлһыу (тупрак)* 'подзолистая (почва)' — от *көл* 'озеро', *жомһоу (ер)* 'песчаная (земля)' — от *жом* 'песок', *яманһыу* 'грустный' — от *яман* 'зло'. Образованные от названий цветов спектра и их оттенков прилагательные имеют значение «обладающий в уменьшенной степени качеством мотивирующей основы»: *акһыу* 'беловатый' — от *ак* 'белый', *алһыу* 'румяный' — от *ал* 'алый', *зәңгәрһыу* 'голубоватый' — от *зәңгәр* 'голубой', *көрәнһыу (күз)* 'карий (глаз)' от *көрән* 'бурый'.

Этот аффикс насчитывает всего 11 производных. Ср. его диалектный вариант *-һеу*: *киңерһеу (аш)* 'плохая на вкус (еда)'.

Афф. *-са/-сә*. Присоединяясь к именным основам, этот аффикс образует около 10 прилагательных со значением ограниченности качества, выраженного основой: *какса* 'сухопарый' — от *как* 'сухой, худой', *озонса* 'продолговатый' — от *озон* 'длинный', *уртаса буйлы кеше* 'человек среднего роста' — от *урта* 'середина', *һалкынса (ел)* 'прохладный (ветер)' — от *һалкын* 'холодный'.

Благодаря некоторой контаминации *-са/-сә* с оморфным дериватором наречий, башкирский язык пополняется относительными прилагательными типа *башкортса* — *русса (һуҙлек)* 'башкирско-русский (словарь)' — от *башкорт* 'башкир' и *рус* 'русский', *геологтарса (таҫыллыҡ)* 'геологическая (споровка)' — от *геологтар* 'геологи', *коммунистәрса (ҡараһ)* 'коммунистическое (воззрение)' — от *коммунистәр* 'коммунисты', *каһармандарса (кәрәһ)* 'героическая (борьба)' — от *каһарман* 'герой', *мөйөшсә (тиҙлек)* физ. 'угловая (скорость)' — от *мөйөш* 'угол'.

Афф. *-аҡ/-әк*. Фонетически и семантически этот аффикс близок аффиксу *-к*, однако согласно тюркологической традиции он рассматривается отдельно. В башкирском языке он образует около 10 прилагательных со значением ослабленного конечного результата действия, мотивированного глагольной либо именной основой: *бажыраҡ (һыйыр)* 'мычащая (корова)', от *бажыр* 'орать', *бушаҡ (тығын)* 'слабая (пробка)' — от *буш* 'пустой, свободный', *еңмешәк (бала)* 'неуступчивый (ребенок)' — ср. *ең* 'побеждать', *өркәк* 'пугливый' — от *орк* 'пугаться' (о животных), *тәпәшәк* 'приземистый' — ср.

тәтәй 'ножка', 'лапка', *ултырак (тормош)* 'оседлая (жизнь)' — от *ултыр* 'сесть', *шешәк (кәзә)* 'дважды окотившаяся (коза)' — от *шеш* 'опухать', *куркак* 'пугливый, трусливый' — от *курк* 'бояться'.

Аффикс. *-даш/-дәш*, *-заш/зәш*, *-лаш/-ләш*, *-таш/-тәш*. Этот аффикс образуется от исконных либо заимствованных именных основ, преимущественно от существительных, прилагательные (в том числе и неологизмы) со значением общности, сходства или подобия с семантикой производящей основы: *билдәш (кәзә)* '(коза) с пояском шерсти другого цвета вокруг живота' — от *бил* 'поясница', *оялаш (һүзәр)* (лингв.) 'одногпездные (слова)' — от *оя* 'гнездо', *системалаш (телдәр)* 'односистемные (языки)', *союздаш (республикалар)* 'союзные (республики)', *үзәктәш (түңәрәктәр)* (матем.) 'концентрические (круги)' — от *үзәк* 'центр'. Ср. также *яртылаш йөн (костюм)* 'полушерстяной (костюм)' — от *ярты* 'половина'.

Аффикс. *-(и)у*. Омоморфен аффиксу отглагольных имен, переходящих в существительные и прилагательные: *арыу (егет)* 'неплохой (парень)' — от **ар* 'чистить'⁶ (ср. *әрсе* 'обчищать'), *йонсоу (көн)* 'пасмурный (день)' — от *йонсо* 'утомиться', *макау (кеше)* 'неспособный (человек)' — ср. диал. *макаһын* 'не уважать', лит. *макта* 'хвалить', *сағыу (кыңғырау)* 'звонкий (колокольчик)' — от *сак* 'жалить', *татыу (йәшәу)* 'дружное (житье)' — от *тат* 'сладость', *һаркыу (юл)* 'покатая (дорога)' — от *һарк* 'клониться'.

Аффикс. *-ыр/-ер*, *-ор/-өр*, *-р*. Этимологически причастные формы с этим аффиксом, утратив процессуальность, образуют отглагольные прилагательные, постепенно утрачивающие связь с мотивирующей основой: *алтмыш йәшәр (карт)* 'шестидесятилетний (старик)' — от *йәшә* 'жить', *ауыр* 'тяжелый' — от *ау* 'валиться' (?)⁷, *кайнар (һыу)* 'кипящая (вода)' — от *кайна* 'кипеть', *кумыр (малай)* 'неугомонный (мальчуган)' — ср. *кумар* 'выкорчевать', *куңыр* 'бурый' — ср. *куңыз* 'жук', *куныр (егет)* 'чванливый (джигит)' — от *кун* 'лопнуть', *кысыр (аш)* 'постный суп' — от *кыс* 'жать, теснить', *мөтөр (колак)* 'корноухий' — ср. чаг. *мут* 'клоп' (?)⁸, *сағыр* (диал. *сәгер*) (*күз*) 'водянистые (глаза)' — ср. *сағыу* 'яркий', *сыбар* 'пестрый' — ср. *сыба* 'домотканый халат', этн. *токор ойок* 'короткий чулок, носок' — ср. *тоқ* 'мешок' и *тоқан* 'узел, петля', *шағыр (йылан)* 'серая (змея)', ср. выше *сағыр*; *һукыр* 'слепой'.

Аффикс. *-ай/-әй*. Преимущественно отыменный аффикс, не отмеченный в специальной литературе по башкирскому и татарскому словообразованию. Формально и семантически сближается с наречными и отчасти глагольными дериватами: *вакай (ир)* 'пунктуальный (мужчина)' — от *вак* 'мелкий', диал. *колакай (карт)* 'глухой (старик)' — от *колак* 'ухо', *кулай (әш)* 'сподручное (дело)' — от *кул* 'рука', ирон. *самаһыз-сапатай (тел биштәһе)* 'познающий меры (говорун)', *сатай-ботай* 'корявый' — от *сат* 'развилка', *ситай* 'белобрысый' — от *сит* 'чужой' с примечательным нарушением переднерядного сингармонизма, что свидетельствует об инновационном характере самой реалии, *тикәй (көн)* 'будничный (день)' — от *тик* 'просто', *уңай* 'удобный' — от *уң* 'правый, выгодный', *ямакай (бишмәт)* 'заплатанный (бешмет)' — от *ямак* 'заплата', диал. *яндырай (егет)* 'пылкий (джигит)' — ср. *яндыр* 'сжечь, спалить'. Ср. также *мөтрәй (әт)* 'корноухий (исс).

Постоянным признаком продуктивности всех рассмотренных аффиксов является их регулярная воспроизводимость по четырем сингармоническим каналам, причем во всех без исключения случаях ведущим оказывается принцип рядности. В половине словообразовательных моделей учитывается лабиальность; менее типичным выглядит использование вариативности по тоновости и сопорности. В трех аффиксах использован вокалический нуль.

Самым распространенным морфологическим составом продуктивных аффиксов выступает трехлитеральный — СГС (59%), за которым следует

⁶ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974, с. 185.

⁷ См. также: Севортян Э. В. Указ. соч., с. 85—86.

⁸ Räsänen M. Op. cit., p. 348.

два двойных оформителя — СГ (20%) и ГС (16%), замыкается же ряд моноконсонантным аффиксом — С 5%.

Количество слов, образованных последними 15 аффиксами, вряд ли превышает 300, однако вместе с первыми четырьмя оно достигает едва ли не двух третей общего числа прилагательных в современном башкирском языке.

МАЛОПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Афф. *-ыс/-ес*. Производящими основами для него служат глаголы главным образом в форме возвратного залога. Небольшое количество образуемых им прилагательных, выражает главным образом эмоциональные признаки: *ерәнес* 'отвратительный, омерзительный' — от *ерән*- 'брезговать', *журкыныс* 'страшный' — от *журкын*- 'страшиться заранее', *кызганыс* 'жалкий, жалобный' — от *кызган*- 'жалеть'.

В следующих словах представлены глагольные основы нулевой залоговости: *ашығыс* 'скорый' — от *ашык*- 'спешить' и *тыныс* 'спокойный' — от *тын*- 'утихать'.

Афф. *-ыш/-еш, -ош, -и* — отглагольный, с признаковым значением результата действия или процесса, обозначенного основой: *белеш* 'знакомый' — от *бел*- 'знать', *борош* (*ағас*) 'закрученное (дерево)' — от *бор*- 'крутить', *салыш* 'кривой' — от *сал*- 'резать; захлестывать', *таныш* (*журенеш*) 'знакомый (вид)' — от *тан(ы)*- 'узнавать', *ығыш* (*кеше*) 'медлительный (человек)' — от *ык*- 'клониться', *йыуаш* 'смирный' — *йыуан*- 'утешаться'.

Неологизмы: *өпөкшаш һәм һынокшаш һүзгәр* 'звуко- и образоподражательные слова' — от *өкшә*- 'быть похожим'.

Афф. *-кыр/-кер, -көр, -ғыр/-гер*. От глагольных основ этим аффиксом образованы немногие прилагательные со значением повышенной способности, моментальной реакции на мотивированное действие: *откөр* 'сметливый' — от *от*- 'выиграть, уловить', *тапкыр* (*һүз*) 'меткое, находчивое слово' — от *тап*- 'найти', *һүзгәр* (*әсә*) 'чуткая (мать)' — от *һүз*- 'чувать', *алгыр* 'проворный' — от *ал* 'брать, взять', *үткәр* (*һүз*) 'острое (слово)' — от *үт*- 'проходить', *йылгыр* 'подвижный, пронырливый' — от *йыл* 'ползать, вертеться'⁹, ср. *йылан* 'змея'.

Афф. *-ым/-ем, -өм* образует названия качеств и свойств по действиям или состояниям, обозначенным основами, в роли которых выступают глаголы, а также образные и звукоподражательные слова: *айырым* 'отдельная' — от *айыр*- 'отделять', *бер бешерем* (*ит*) '(мясо) на одну варку' — от *бешер*- 'варить', *өзәрәм* (*юл*) 'заброшенная (дорога)' — от *өз*- 'прерывать'.

Афф. *-һак/-һәк* — отыменный, близкий по форме и значению к рассмотренному ранее *-сак/-сәк*: *ашамһак* (*кеше*) 'любящий поесть (человек)' — ср. *ашамлык* 'провизия', *карһак* (*төлкө*) 'степная (лисица)' — от *кар* 'снег' (?)¹⁰.

Афф. *-кыл/-кел, -көл* наблюдается в нескольких прилагательных отыменного и отглагольного происхождения: *баткыл* (*урын*) 'топкое (место)' — от *бат*- 'тонуть', *өскөл* (*хат*) 'треугольное (письмо)' — от *өс* 'три', *сөскөл* (*тәм*) 'пресноватый (вкус)' — ср. *сөсө* 'пресный', *төпкөл* 'глубокий' — от *төп* 'дно'.

Афф. *-дык/-дек* сохраняется как пережиточное (огузско-кыпчакское?) явление в немногих именах прилагательных с пассивным значением. В качестве производящей основы выступают преимущественно глагольные (косвенно-залоговые) формы: *табылдык* 'найденный' — от *табыл*- 'найтись', *ташландык* 'заброшенный'.

Афф. *-ғылт/-келт, -ғолт* — отыменный, придает прилагательным главным образом со значением цветов спектра оттенки уменьшения или смяг-

⁹ Räsänen M. Op. cit., p. 200.

¹⁰ Ср.: Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 135; Немет Ю. Два кыпчакских географических названия в Венгрии. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 26—29.

чения: *йэшкелт* 'зеленоватый' — от *йэш* 'молодой; зеленый', *жызгылт* (эналек) бот. 'крово-красный боярышник' — от *жыз* 'горячий, красный', *эскелт* 'горьковатый' — от *эсе* 'горький'.

Афф. *-ан/-эн* — отглагольный, обнаруживается в нескольких прилагательных со значением характеристики действия, названного в основе: *исэн* 'здоровый' — от *ис-* 'дуть', *жыс* (*ан*) (*ер*) 'тесный (участок)' — от *жыс-* 'сжать, теснить', *сабан* (*ат*) 'ленивая (лошадь)' — от *сап-* 'скакать', *һүрэн* 'сыроватый, недопеченный', перен. 'нерадивый' — ср. *һурел-* 'охлаждаться'.

Афф. *-һыл/-һел* — отыменный показатель прилагательных со значением ослабления качества: *аһһыл* 'белокурый, беловатый' — от *аж* 'белый', *күһел* 'синеватый' — от *күк* 'синий', *уйһыл* 'низменная местность' — от *уй* 'дол', *һуһыл* (*емеи*) 'водянистый (плод)' — от *һуу* 'вода'.

Афф. *-ғыс/-кас/-кэс* образует прилагательные от имен: *атакас* (*малай*) 'похожий на отца (мальчик)' — от *ата* 'отец', *яланғас* 'голый, не одетый тепло' — от *ялан* 'открытый', *жыйғас* 'кривой, угловатый', ср. *жыйык* 'кошой'.

Афф. *-ын/-ен, -өн* — отглагольный, часто спаянный с непроизводной основой: *ағын* (*һуу*) 'проточная (вода)' — от *аж-* 'течь', *бөтөн* (*алма*) 'целое (яблоко)' — от *бөт-* 'кончать', *йәшерен* (*урын*) 'потайное (место)' — от *йәшер-* 'прятать', *һауын* (*һыйырзар*) 'дойные (коровы)'. Ср. также неразложимые ныне *ажрын* 'медленный', *озон* 'длинный' и др.

Афф. *-ар/-эр* — отглагольный, близкий по значению (а в говорах — и омоформный) форманту причастия будущего времени на *-ыр/-ер, -ор/-ор, -р* (ср. выше): *ағар* (*күл*) 'сточное (озеро)' — от *аж-* 'течь', *быуар* (*йылан*) 'удав (змея)' — от *быу-* 'душить', *исэр* 'глупый' — ср. *исер-* 'пьянеть', *янар* (*газ*) 'горючий (газ)' — от *ян-* 'гореть'; *ужар* (*кеше*) 'свирепый (человек)', *сибэр* 'симпатичный, красивый'.

Неологизм: *кушар* (*һуззэр*) лингв. 'парные (слова)' — от *куш-* 'соединять'.

Афф. *-л* встречается редко, присоединяется к именным основам, оканчивающимся на *-(е)нсе*, поэтому его иногда сменивают с *-сел*: *беренсел* (*материал*) 'первичный (материал)' — от *беренсе* 'первый', *икенсел* (*осор*) 'вторичный (период)' — от *икенсе* 'второй'. Ср. также *марксистик-ленинсел* 'марксистско-ленинский'.

Афф. *-меш*, присоединяясь к глагольным основам положительного и отрицательного аспектов, образует названия человеческих качеств: *йәшәмеш* (*карт*) 'живучий, жизнестойкий (старик)' — от *йәшә-* 'жить', *беләмеш* (*кеше*) 'несведущий (человек)'.

Афф. *-ғын/-ген* — отглагольный, генетически связанный с формантом причастия прошедшего времени *-ған/-гән, -жан/-кән*: *азғын* 'избалованный' — от *аз-* 'озорничать, вести себя вызывающе', *киҗкен* 'резкий' — от *киҗ-* 'резать', *жыугын* (*малсылык*) 'отгонное (животноводство)' — от *жыу-* 'гнать', *талғын* 'умеренный' — от *тал-* 'утомиться'.

Афф. *-дэр/-тар* встречается в прилагательных *саптар* (*ат*) 'игреневая (лошадь)' (по М. Рясянецу, — монголизм в значении 'белая лисица'¹¹), диал. *телдэр* (*бала*) 'говорливый (ребенок)' — от *тел* 'язык'.

Афф. *-дам/-дәм, -зәм* сочетается с основами — мотивированными глаголами и числительными: *йылдам* (*егет*) 'проворный (парень)' — от *йыл* 'ползать, вертеться', *күндәм* 'школастый' — от *күн-* 'соглашаться', *берзәм* 'дружная, сплоченная' — от *бер* 'один'.

Афф. *-аҗ/-әҗ* (имеет фонетические варианты *-әз/-әс, -җ*, не всегда канонизируемые литературным языком и потому рассматриваемые как непродуктивные формативы): *еләҗ* 'прохладный' — от *ел* 'ветер', *тунаҗ* 'грубый' — ср. *тунай-* 'выдаваться шишкой'.

Афф. *-мак/-мәк* содержится в отглагольных прилагательных, конверсированных из общетюркских инфинитивов(?): *һалмак* 'неторопливый' — от *һал-* 'класть' и *кәйелтмәк* (*юл*) 'раскатистая (дорога)' — от *кәйелт-* 'заставить скользить'.

¹¹ Räsänen M. Op. cit., p. 94.

Афф. *-жа/-кэ* присоединяется не только к глагольным, но и к именным основам: *башка* 'другой' — от *баш* 'голова'¹², *бүскэ* (*күнэж*) 'неполная (вадка)' — от диал. *бүс-* 'обвалить, продавить, разорвать', *кыска* 'короткий' — от *кыс-* 'жать', *сөңкэ* (*казан*) 'глубокий (котел)' — ср. *сөм* 'глубокий (о посуде)'. Ср. также *пескэ* 'тонкий' и диал. *сомжа* (*жойрок*) 'куцый (хвост)'

Афф. *-шы* присоединяется к глагольным и именным основам: *калма-каршы* 'контрастный, диаметрально противоположный', — от *кар-* 'кончиться, смешаться'¹³, *күпшы* 'щеголеватый' — от *күп-* 'подняться'¹⁴, *кытыршы* 'шероховатый' — от *кытыр* 'шероховатость', *шакшы* 'поганый, крайне грязный' — ср. диал. *шакай* 'глупый, бестолковый', *якшы* 'хороший', от *як-* 'соединять, приближать'¹⁵.

Афф. *-а/-э* — отыменный, выражающий качество, представленное производящей основой как стабильный признак предмета: *ала* 'пегий, пестрый' — от *ал* 'алый' (ср. тюрк. 'оранжевый' и — по Г. Вамбери — просто 'окрашенный')¹⁶, *бөзрэ* 'кудрявый, вьющийся' — от *бөз(ө)р* 'рябой', *иркэ* 'изнеженный' от *ир(е)к* 'свобода, воля'; ср. *жола* (*ялан*) 'голая, пустынная (степь)' и диал. *коба* (*каз*) 'дикий (гусь)'

Афф. *-ыл/-ел* присоединяется к непроизводным ныне основам: *йәшел* 'зеленый' — от *йәш* 'зеленый, незрелый'; *кызыл* 'красный'. Ср. *еңел* 'легкий'.

Афф. *-ны* — отглагольный, обнаруживаемый в *ялны* (*халык*) 'бедный (народ)' — от *ял* (?), *йылыны* (*катын*) 'вертлявая (женщина)' — от *йыл-* 'вертеться, ползать', *һалны* (*колаж*) 'вислоухий' — от *һал-* 'класть, опускать'. Ср. диал. *салны* (*кеше*) 'злой (человек)'

Афф. *-шак/-шэж* образует прилагательные от разных частей речи: *көп-шэж* (*кар*) 'рыхлый (снег)' — ср. *көплә-* 'покрыть сверху', *шапшак* 'неряшливый' — от *шап-* 'хлоп' (?).

Афф. *-мек/-мык* образует от имен пазвания конкретные качества: *тере-мек* (*жарт*) 'бодрый (старик)' — от *тере* 'живой', *һаз(ла)мык* (*болон*) 'болотистый (луг)', ср. *һазлан-* 'становиться болотом'. Ср. также диал. *маймык* (*тал*) 'молодая гибкая (ива)' — ср. *маймы/маймак* 'малек'.

Афф. *-кай/-кэй* оморфен показателю уменьшительности-ласкательности, но расходится с ним по значению, будучи лишен диминутивной семантики: *аумакай* 'неустойчивый' — от *аума* 'опрокидывание', ср. диал. *эүмәкэй* 'непостоянный'.

Афф. *-кыш* образует негативно-уничтожительные наименования человеческих качеств: *тыңкыш* (*танау*) 'курносый (нос)' — ср. *тыңла-* 'слушать', *тыркыш* (*кеше*) 'печистоплотный (человек)' — ср. *тырна-* 'царапать, чесать'.

Афф. *-ләс* образует прилагательные со значением повышенного качества, мотивированного именной, либо глагольной основой: *берләс* (*бэрэн*) 'единственный (баран), баран из пары' — от *бер* 'один', *киртләс* 'зазубренный, с зубьями' — от *кирт-* 'зарубать'.

Афф. *-тык* придает значению именной основы оттенок ограничительности, ослабленности: *йыуантык* 'толстоватый' — от *йыуан* 'толстый', *янтык* (*кеше*) 'кривобокий (человек)' — от *ян* 'лук' (оружие).

Афф. *-эү* встречается в отыменных прилагательных в ограничительно-временном значении качества: *кисэү* (*һыйыр*) 'поздно отелившаяся (корова)' — от *кис* 'вечер' и *тешэү* (*һарык*) 'двухлетняя (овца)' — от *теш* 'зуб', ср. еще диал. *тешэү* (*теш*) 'молочный (зуб)'

Афф. *-ыс/-ес* — отыменный: *кырыс* 'одичалый, дикий, неуравновешенный' — от *кыр* 'полоса, грань', *тирес* (*як*) 'северная сторона' — ср. *тискәре* 'обратный', диал. *бүрес* (*эт*) 'зловредная (собака)' — от *бүре* 'волк' (?).

Афф. *-эл* выявляется в прилагательных *гузэл* 'прекрасный, красивый' — ср. *күз* 'глаз' (?), и, возможно, в *теүэл* (*важыт*) 'точное (время)'

¹² Räsänen M. Op. cit., p. 65.

¹³ Там же, с. 235.

¹⁴ Там же, с. 281.

¹⁵ Там же, с. 180.

¹⁶ Севортян Э. В. Указ. соч., с. 130.

Афф. *-ез/-ыз* преимущественно отглагольный: *етез* 'проворный' — от *ет-* 'достичь', *тыгыз* 'тесный' — от *тыж-* 'втыкать', *нимез* 'жирный' — ср. *нимер-* 'жиреть', *тигез* 'ровный' — ср. *тик* 'только, просто' (?) ¹⁷.

Афф. *-ра/-рэ* трудно выделить из основы: *аңра* 'глухой' — от *аң-* 'сознание' — ср. монг. *аңгар* 'смеющийся с открытым ртом' ¹⁸, *тура* 'прямой' — из ср.-тюрк. *тоғра* 'прямой' ¹⁹, *һәпрә* (*катын*) 'неряшливая (женщина)' — ср. *һәптән* 'чуждой, чужак'; возможно, сюда же относится и *шазра* 'рябой' — если это не связано с монгольским *шатара* из перс. *шатрандж* 'шахматы' (?) ²⁰.

Афф. *-таж/-тэж* зафиксирован как отыменный показатель: *баиш-баишак* (*кеше*) 'своевольный (человек)' — от *баиш* 'голова', *йыуантаж* (*кәүзә*) 'толстоватое (туловище)' — от *йыуан* 'толстый', *тинтэж* 'бестолковый' — ср. монг. *тэнэ* в том же значении ²¹, *яурынтаж* (*бәһләүән*) 'плечистый (силач)' — от *яурын* 'заплечье'.

Афф. *-дыр/-тыр, -тор/-төр* выделяется в звуко- и образноподражательных прилагательных: *былдыр* (*кеше*) 'быстро и невнятно говорящий (человек)' — ср. *былт-былт ит-* 'булькать', *йылытыр* (*күз*) 'с блестящими (глазами)' — ср. монг. *йыл-* 'сиять в отдалении' ²². См. также *сомтор* (*пальто*) 'короткое, не по росту (пальто)' и диал. *сомтор* (*койрок*) 'куцый (хвост)'.

Афф. *-шыж/-шек, -шок*: *боршок* (*йылмайыу*) 'кривая (улыбка)' — от *бор-* 'свернуть', *епшек* 'слякотный, мокрый' — ср. *ебе-* 'мокнуть', *йәмшек* 'сплюснутый, вогнутый' — ср. *йәм* 'красота' и ее антоним *яман* 'дурной' (?), диал. *жыйшыж* 'кривой' — от *жый-* 'косо срезать'.

Афф. *-быр*, присоединяясь к образным основам, образует прилагательные: *лаҫбыр* (*сәс*) 'косматые (волосы)', *һалбыр* (*эт*) 'лохматый (пес)' — от *һал-* 'опускать' (?), *ялбыр* (*Алабай*) 'мохнатый (Алабай — собачья кличка)' — ср. *ял* 'грива'.

Афф. *-гай* — отглагольный, выделяемый в прилагательных: диал. *салгай* (*күз*) 'косой (глаз)' — от *сал-* 'заплетать' ср. *салғы* 'коса', *ыңгай* 'попутный, удобный, положительный' — от *уң-* 'быть удачным' (с переогласовкой по делабиализации) ²³, *ялагай* 'льстивый, заискивающий' — от *яла-* 'лизать'.

Афф. *-нак* образует прилагательные от глагольных основ: *аунак* 'неустойчивый' — от *ау-* 'опрокинуться', *йыйнак* 'уютный, собранный' — от *йый-* 'собрать', *тыйнак* 'послушный' — от *тый-* 'унять'.

Афф. *-най* встречается преимущественно в разговорной речи: *ыспай* 'опрятный, элегантный' — от *еҫ* 'дух' (?) с переогласовкой по ряду ²⁴, диал. *һумнай* (*азымдар*) 'тяжеловесные (шаги)' — ср. *һум ит* 'мякоть', *торнай* (*һүз*) 'грубое (слово)' — от *тор-* 'стоять (торчком?)'.

Афф. *-пак* выделяется в составе сросшихся основ: *кырпак* (*жар*) 'пушистый (снег)' — ср. *кырау* 'заморозки', *тырпак* (*мыйык*) 'торчащие (усы)' — ср. *тырна-* 'царапать, чесать', *ялпак* (*таш*) 'плоский (камень)' — ср. *ял* 'отдых' (?) ²⁵.

Афф. *-ый* — отглагольный формант в *бысый* (*икмәк*) 'недопеченый (хлеб)' — от звукоподражания *быс*, *кылый* (*күз*) 'косой (глаз)' — ср. *кылан-* 'кривляться', *һырый* (*бәндә*) 'живучий (человек)' — от *һыр-* 'облепить'.

Афф. *-тын/-тен* — отглагольный по происхождению, сохраняющийся при двусложных основах: *йәшертен* 'секретный' — от *йәшер-* 'таить', диал. *урытын* (*ер*) 'укромное (место)' — ср. *урын* 'место' ²⁶; *ақтырын* 'скрытный'.

¹⁷ См. также: Räsänen M. Op. cit., p. 470.

¹⁸ Räsänen M. Op. cit., p. 21.

¹⁹ Там же, с. 484.

²⁰ Там же, с. 440.

²¹ Räsänen M. Op. cit., p. 473.

²² Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения юстратических языков. М., 1971, с. 230.

²³ Севортян Э. В. Указ. соч., с. 457.

²⁴ Там же, с. 381.

²⁵ Räsänen M. Op. cit., p. 183.

²⁶ См.: Севортян Э. В. Указ. соч., с. 477—479.

Афф. *-лэк* — диалектный: *мүклэк* 'безрогий' — ср. в монг. *моку* 'недостаток'²⁷, *сәүсәләк* 'привередливый' — ср. *сәүжә* 'галка' (?)²⁸.

Афф. *-с* от названий родителей образует прилагательные со значением 'похожий, весь в . . .': *атас* (*малай*) '(мальчик вылитый отец' — от *ата* 'отец', *инәс* (*кыз*) 'дочка вылитая мать' — от *инә* 'мать'.

Афф. *-аз* иногда рассматривается как вариант *-ез/-ыз* (см. выше): *быуаз* (*һарык*) 'суягная овца' — от *быу-* 'затягивать'; *аяз* 'ясный (о погоде)' — от *ай-* 'становиться ясным (как месяц)' (ср. *айык* 'трезвый').

Афф. *-бей/-бий*: *кылымбий* (*катын*) 'обидчивая (женщина)' — от *кылым* — тжк и *үтембей* (*ир*) 'пропырливый (мужчина)' — ср. *үтемле* 'ходкий'.

Афф. *-мөр/-мыр*: *бөтмөр* (*эшсе*) 'аккуратный (работник)' — от *бөт-* 'кончать', *быжмыр* (*кеше*) 'медлительный (человек)' — ср. *быжы-* 'увядать, преть'.

Афф. *-пан/-пән*. Формы с этим аффиксом семантически разошлись с самостоятельными однокорневыми словами: *карпан* (*колак*) 'лопоухий' — ср. *карпы-* 'плескаться (в воде), ловить на лету', *һулпән* 'перасторопный' — ср. *һул* 'сукровица', а также *һулы* 'вянуть'.

Афф. *-тай* представляет омонимичную морфему одного из вариантов сравнительного афф. *-дай*: *һакалтай* 'бородатый' — от *һакал* 'борода', диал. *һумалтай* (*кеше*) 'грубый (человек)' — ср. *һумалак* 'ком глины'.

Афф. *-һыр/-һәр* от одной и той же основы в разных говорах образовал морфонемиические модификации с характерным нарушением рядноподъемного сингармонизма: *аумаһыр* и *аумәһәр* (*кеше*) 'непостоянный, легко подверженный влиянию (человек)' — от уст. *аума* 'опрокидывание'.

*

Данный подраздел — самый многочисленный по словообразовательным типам (54) и их разновидностям (106). Однако в отличие от продуктивных групп аффиксов здесь обнаруживается гораздо меньше сингармонических парадигм — собственно, ни одной полной, если не считать бинарных оппозиций *а/э*. Появляется новый тип дериватов-одинок (—*аз*, —*быр*, —*гай*, —*кыш*, —*л*, —*меш*, —*нак*, —*пай*, —*с*, —*тай*, —*шы*, —*эл* и др. — всего 19, т. е. более трети).

Как и в прежних рубриках, ведущим структурным комплексом является СГС (59% всего материала), далее следует ГС (28%), С (5%), СГ и СГСС (по 3%), Г (2%). Кстати, две последние схемы представляют собой новые морфонемиические модификации.

Среднее же количество слов, образованных внутри каждой модели, не превышает двух, часто совпадая с наличием у нее алломорф.

Явная узость круга непродуктивных прилагательных, усугубляемая к тому же довольно ограниченной семантикой, — это, как правило, названия разных черт психического склада или внешности живых существ (большей частью негативного свойства), несколько компенсируется значительной пестротой самих дериваторов, так что общее количество слов подобного разряда в башкирском языке никак не менее 250—300 (до 10% всех прилагательных).

НЕПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Здесь рассматриваются разрозненные форманты, встречающиеся каждый лишь в одном прилагательном, причем именные и глагольные основы могут быть как непроеводными, так и производными, а сами аффиксы — простыми и сложными: *йомарт* 'щедрый, радунный' — от *йом-* 'сомкнуть', *елбәгәй* (*сарафан*) '(сарафан) разлетайка' — от *ел* 'ветер', *һыргый* (*урман*) 'корабельный (лес)' — от *һыр* 'грань, узор' (?), *иңкеу* 'покатый' — от диал. *иң-* 'нагнуться', *берләм* (*юл*) 'единственная (тропка)' (ср. также диал. *берләм* (*кәмә*) 'цельнодолбленная (лодка)' и лит. синоним

²⁷ Räsänen M. Op. cit., p. 347.

²⁸ РСл., 3, с. 1942.

берзам — от *бер* 'раз, один'), *итлэс* 'мясистый' — от *ит* 'мясо', *һазмат* (*ер*) 'кочковатая (земля)' — от *һаз* 'болото', *йылымсы* 'тепловатый' (ср. диалектную метатезу *йылымсы* 'тепленый', а также сложный аффикс в *йылымса* — см. ниже), *тоғро* 'верный' — ср. куман. *тоғру* 'прямой', а также *тура*, *жулсыр* (*һатыусы*) 'нечистый на руку' — от *жул* 'рука', *тылсыу* 'затхлый' — от *тын* 'дыхание', *илэс-милэс* 'шалной' — от *илэ* 'выделывать кожу'; *йонтэс* 'мохнатый' — от *йөн* 'шерсть' (см. также выше афф. *-лэс*), *танһыж* (*аш*) 'еда' пришедшая по вкусу из-за давнего ее употребления — от *тан* 'отказаться' (?), *акһым* (*матдә*) 'белковое (вещество)', *акшар* (*малай*) 'белобрысый (мальчик)' — от *ак* 'белый', *күжиел* 'синеватый' — от *күк* 'сизый', *емшеу* (*шыыйкса*) 'теплая (жидкость)' — от *ем* 'корм', *куркәм* 'прелестный' — от *курк* 'красота', *көлэс* 'любящий смеяться' (жизнерадостный) — от *көл* 'смеяться', *яңрыз* 'одинокый', — от общеалт. *йал/йан* 'одинокый'²⁹.

Среди диалектных дериватов отметим *һазберек* 'привередливый' — от перс. *һаз* 'нега', *һиңмай* (*кеше*) 'тупой (человек)' — ср. *һиңке-* 'трястись', *елэз* (*кон*) 'ветренный (день)', ср. также лит. *елэс* — от *ел* 'ветер'.

Из прилагательных со сложными аффиксами представлены одиночные производные *алабарман* и его синоним *алаңжуһар* (*кеше*) 'опрометчивый (человек)' — от *ал* 'обман, хитрость'³⁰, *йо(л)макай* (*буйһоноусы*) 'подхалимствующий (подчиненный)' — ср. *йол-* 'спасать', *жуңалтак* 'нищенский' — ср. *жуңыс* 'голевище', *кылымһыр* 'своеправный' — от *кыл-* 'делать', *һумалтыр* 'неуклюжий' — ср. диал. *һум* 'карбункул', *тилэскәу* (*һыйыр*) 'блудливая (корова)' — ср. диал. *тил-* 'приучать сосать другую матку' и др.; *карағускыл* 'темного оттенка' — от *кара* 'черный' (ср. тат. *кучкыл* 'черноватый').

В данном подразделе количество аффиксальных типов равно числу их вариантов (по 32 единицы). В то же время здесь представлены наиболее разнообразные структурные схемы аффиксов: от четырех уже известных -ГС (52%), -ГС (10%), -С и -СГ (по 3%) до 6 новых — большей частью двух- и даже трехсложных (всего 32%).

Общее количество слов, образованных по непродуктивным моделям, может быть увеличено в несколько раз за счет привлечения диалектизмов, сохранивших немало уникальных дериватов.

СЛОЖНЫЕ АФФИКСЫ

Определяющую роль в решении вопроса, какой аффикс считать сложным, призван сыграть семантико-грамматический критерий, а именно возможность реального функционирования связанных основ в речи. Например, аффиксы, представленные в словах *йыуынты* (*һыу*) 'помойная, букв. обмывочная (вода)' и *һөрөнтө* (*ер*) 'пахотная (земля)', квалифицируются по-разному: в первом случае — простой афф. *-ты* при сложной основе *йыуын-* 'умыться', во втором — сложная морфема *-өнтө* при корне *һөр-* 'пахать'. Иное понимание затруднено из-за смысловых ограничений: *-ынты* при нейтральном корне *йыу-* 'мыть', не способствует негативной семантической окраске всего комплекса, а *-тө* практически не приложим к основе *һөрөн-* 'споткнуться', поскольку последняя уже существенно отделилась от всей исходной семантики — 'пахота'.

Ниже рассматриваются некоторые типические проявления сложных аффиксов прилагательных, находящихся в стадии становления и упрочения.

С внешней стороны почти все они состоят из двух слогов. Продуктивность рассматриваемых типов очень мала, колеблясь от шести до двух (одиночные образования приведены выше).

Афф. *-малы/-мәле*. Не все производные с данным окончанием считаются содержащими сложный аффикс. Если в языке существует соответственно именная база на *-ма*, то она может быть осложнена простым формантом

²⁹ Räsänen M. Op. cit., p. 187.

³⁰ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 193.

-лы: так образована *боролмалы* 'извилистый' — от *боролма* 'извилина, изгиб'. Но, например, *асмалы* (*шэм*) 'висячая (лампа)' может связываться с *ас-* 'вешать' и/или *асма* 'отвес'.

Приведем бесспорные примеры на *-малы*: *йыйылмалы* 'складной' — от *йыйыл-* 'собраться (при *йыйылма* 'совокупность'), *һыгылмалы* (*пружина*) 'гибкая (пружина)' — от *һыгыл-* 'прогнуться', *ябылмалы* (*бысак*) 'складной (пож)' — от *ябыл-* 'быть крытым', *һутелмале* 'разборный' — от *һутел-* 'быть разобранным'.

Афф. *-ыры/-ере, -оро/-орө*. Часть основ этимологически затемнена и определяется с помощью внешней реконструкции: *йоморо* 'круглый' — от *йом-* 'сжать в комок', *оторо* 'идуций наперекор' — от *от-* 'выиграть', *бөкөрө* 'горбатый' — от *бөк-* 'гнуть', *көмөрө* (*күпер*) 'горбатый (мост)' — метатеза от *бөкөрө, кәкере* 'кривой' — от ср.-тюрк. *кәк* 'ненависть'³¹.

Афф. *-ымһак/-мһәк* присоединяется к основе глагола: *йөрөмһәк* (*ағай*) проп. 'непоседливый (дядя)' — от *йөрө-* 'ходить, ездить', *кайтымһак* (*уку-усы*) 'непоследовательный ученик' — от *кайт-* 'вернуться', *тартымһак* (*туған*) 'стеснительный (родственник)' — от *тарт-* 'тянуть' (не нужно смешивать с омонимом *тартымһак* 'тянущийся к родне' — от *тартым* 'тяга, склонность, притяжение'). Ср. также малопродуктивный афф. *-һак/-һәк*.

Афф. *-калак/-гәләк, -ғалак* — отыменно-отглагольный, имеющий тенденцию к смешению с простым афф. *-к*, нарацивающим глагольные основы на *-кала*: *аскалак* (*зат*) 'прожорливое (существо)' — от *ас* 'голодный', *көйгәләк* 'беспокойный' — от *көй-* 'горевать', *каскалак* (*һыйыр*) 'выбивающаяся из стада (корова)' — от *кас-* 'убегать', *тайғалак* 'скользящий' — от *тай-* 'скользить' (ср. диал. перен. *тайкала-* 'обмануть').

Афф. *-онкә/-ынкы* отглагольный, имеющий аналог *-ке*, присоединяемый к основе возвратного залога: *төшөнкә* (*рух*) 'подавленное (настроение)' — от *тош-* 'опускаться, падать', *кысынкы* 'узкий' от *кыс-* 'жать, теснить'.

Афф. *-мтәл/-мтал* присоединяется к «чистым» глагольным основам, в случае же, если есть афф. *-м*, он трансформируется в *-тәл*. : *арымтал* 'легко утомляющийся' — от *ары-* 'уставать', *йөрөмтәл* (*ат*) 'ходкий (конь)' — от *йөрө-* 'ходить, ездить', *өшөмтәл* (*йән әйһе*) 'быстро мерзнущее (существо)' — от *өшө-* 'мерзнуть'.

Афф. *-ағай/-әгәй* — отыменный показатель в *берәгәй* (*һүз*) 'настоящее (слово)' — от *бер* 'один раз' и *кырагай* 'дикий' — от *кыр* 'поле, край'.

Афф. *-ака/-әкә* обнаруживается как отглагольный аффикс в *һалака* (*уку-усы*) 'нерасторопный (ученик)' — от *һал-* 'класть, положить' (?), возможно, *мәркә* 'забавный', если это не рефлекс ар. *маррака* 'петь'.

Афф. *-ғары/-кәре* исторически представляет собой формант адитива в именах, возводящихся к позднечатюркским основам: *тискәре* 'обратный, противоположный, упрямый' — от *тирес* 'вывороченный' с эвфонической диерезой одного из двух одинаковых слогов *-ре*, *юғары* 'высокий' — от ср.-тюрк. *йок* 'поднятие', т. е. из *йок-кару*³².

Афф. *-ғырау* встречается в межтюркских производных от именных либо звукоподражательных основ: *кыңғырау* (*сәскә*) бот. 'колокольчиковый (цветок)' — от **кың-* (подражание звону?)³³. См. также *миңрәу* (**миңгерәу?*) 'глухой' — ср. *миңрәт-* 'оглушить'.

Афф. *-дыклы/-декле* состоит из двух простых аффиксов — отглагольного *-дык* и отыменного *-лы*: *белдекле* 'сведущий, знающий' — от *бел-* 'знать', *булдыклы* 'способный' — от *бул-* 'быть, стать'.

Афф. *-енте/-өнтө* — отглагольный: *һөрөнтө* (*ер*) 'пахотная (земля)', *һурөнтө* (*еп*) 'выдернутые из ткани (нитки)' — ср. диал. *һур-* 'дергать (нитки из ткани)', а также *һур-* 'вытягивать' (?).

Афф. *-әйем/-ыйым* образует прилагательные от названий цвета со значением ослабления качества: *ағыыйым* 'белесый' — от *аж* 'белый', *күгәйем* 'сизый' — от *күк* 'синий'.

³¹ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

³² Räsänen M. Op. cit., p. 205, 476.

³³ См. РСЛ., 4, с. 286—288.

Афф. *-закай/-тэкэй* — пережиточная форма с неполной парадигмой: *елтэкэй* (*егет*) 'ветренный, легкомысленный (парень)' — от *ел* 'ветер', *тарзакай* (*ағас*) 'ветвистое (дерево)' — ср. *тара-* 'расчесать', *тарал-* 'расходиться'.

Афф. *-келтем/-келтом* диминутивный аффикс при названиях вкусовых качеств: *сөскелтем* 'пресноватый' — ср. *сөсө* 'пресный'; *эскелтем* 'кисловатый, горьковатый' — ср. *эсе* 'кислый, горький'. Ср. также малопродуктивный афф. *-ғылт/-келт, -голт*.

Афф. *-мса/-мсә* не типичен для сложных аффиксов, поскольку состоит из одного слога. Присоединяется к именным основам, смягчая их семантические признаки: *йылымса* 'тепленький' — от *йылы* 'теплый', диал. *тилемсә* (*кеше*) 'придурковатый (человек)' — от *тиле* 'шалый, дурной'. Ср. также его простые формы *-мыс* и диал. *-мсы* (см. выше, «Непродуктивные аффиксы»).

Афф. *-уыж* от образных и звукоподражательных глаголов с основами на *-а* образует прилагательные на *-ыж*, получающие во избежание хиатуса вставной гласный *-у* неслоговой. Формально может быть представлен и как наращение имени действия на *-дау*. . . : *дыңғырзауыж* (*арба*) 'громыхающая (телега)' — от *дыңғырза-* 'громыхать', *сытырауыж* (*шишмә*) 'журчащий (ручей)' — от *сытыра-* 'журчать', *ғырылдауыж* (*тауыш*) 'хриплый (голос)' — от *ғырылда-* 'хрипеть', *ятырауыж* (*жуңыззар*) зоол. 'блестянки (жуки)'.

Здесь рассмотрено 17 сложных аффиксов с их 35 вариантами по рядности, увулярности (заднеязычности), лабиальности и т. д. (всего 7 оппозиций), в совокупности составляющих 11 структурно-схематических моделей: 3-СГСГС, по 2-ГСГ, -ГССГ, -ГССГС, -СГСГ, -ССГ и -ССГС, по 1-ГСГС, -СГС, -СГССГ и -СГССГС.

Всего с помощью данных конструктивных типов образовано около 50 прилагательных.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ АФФИКСЫ

В связи со все возрастающими потребностями в номинации отношений между предметами и явлениями действительности в башкирском языке постепенно развивается ранее практически отсутствующая категория относительных прилагательных³⁴. Значительную роль в этом процессе играют заимствования.

Суф. *-и*. Еще с дореволюционной поры и главным образом через посредство языка «тюрки» и старотатарского башкирский язык заимствовал несколько десятков арабо-персидских прилагательных с суффиксом относительности *-и* («йа-е нисби»): *ғилми* 'научный, ученый', *даими* 'постоянный', *кәтғи* (*бойорок*) 'категорический (приказ)', *матди* (*ярзам*) 'материальная (помощь)', *синғи* 'классовый', *тәбиғи* 'естественный', *фани* (*донъя*) 'бренный (мир)', *хосуси* (*милек*) 'частная (собственность)' и др. Все они появились первоначально не на башкирской языковой почве и должны рассматриваться как обычные лексические (а не «морфологические»³⁵) заимствования.

Однако благодаря одновременному освоению в башкирском связанных основ (преимущественно арабских имен существительных) современное языковое сознание вычлепляет приблизительно в 20 единицах суффикс *-и*: *ғәскәри* 'воинский' (ар.-перс. *ғәскәр* 'войско'), *дили* 'религиозный' (ар.-перс. *дил* 'религия'), *ижади* 'творческий' (ар.-перс. *ижад* 'творчество'), *мәжбүри* 'обязательный' (ар.-перс. *мәжбүри* 'обязательный'), *рухи* 'духовный' (ар. *рух* 'дух'), *тарихи* 'исторический' (ар. *тарих* 'история').

Между основами, оканчивающимися на гласные, и показателями относительных имен во избежание зияния вставляется билабиальный *у/ү* (неслоговой), также являющийся фактом арабского языка³⁶: *мәғәнәүи* (*төҙөлөш*) 'смысловое (строение)' (ар.-перс. *мәғәнә* 'смысл'), *тәрбиәүи* (*әһәмиәт*) 'воспитательное (значение)' (ар.-перс. *тәрбиә* 'воспитание').

³⁴ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 79—81.

³⁵ Киекбаев Ж. Ф. Башкорт теленең фонетикаһы. Оҫо, 1958, с. 108.

³⁶ См.: Ковалев А. А., Шарбатова Г. Ш. Учебник арабского языка. М., 1960, с. 92.)

От арабо-персидского этимона *фәһн* 'наука' образовано прилагательное *фәһни* (*хезмәт*) 'научный (труд)', а не *фәһи*, как это кажется при сопоставлении с *фәһ*.

Лишь в псевдонимах национальной писательско-художественной интеллигенции, знакомой с элементами арабского словообразования, можно усмотреть наличие некоего заимствованного аффиксоида *-(ү)и*, указывающего на прозвище (локальное, этническое и т. п.), образованное от местных антропонимических основ: *Ғафури* 'Гафури' (букв. 'Гафурский'), *Нигмәти* 'Нигмати', *Ғажи* 'Ғажи', *Әмири* 'Амири' и др.

Ср. также дореволюционные образования от комонимов и этнонимов Урало-Поволжья: *Бакыргани* 'Бакыргани' (букв. 'Бакырганский, из Бакыргана'), *Ғәйнәүи* 'Ғәйнави' (букв. 'Ғәйнинский, из племени гәйна'), *Соқорой* 'Соқорой' (букв. 'Соқорский, из аула Соқор'), *Әл-Башқурди* 'Ал-Башқурди' (букв. 'Башкирский, из башкир') и др.

А ф ф и к с о и д ы *-евой/-овой*, *-евый/-овый*, *-ный*, *-ский*. В башкирском языке значительное количество относительных прилагательных заимствовано из русского языка. Более 20 из них употребляется в русской грамматической форме: *актовый* (*зал*), 'актовый (зал)', *БАССР Верховный Совете* 'Верховный Совет БАССР', *земский* (*собор*) 'земский (собор)' и др.

Заимствованные прилагательные всегда имеют форму мужского рода, ср.: *строевой* (*часть*) 'строевая (часть)', *крепостной* (*право*) 'крепостное (право)', *камерный* (*музыка*) 'камерная (музыка)', *учредительный* (*собрание*) 'учредительное (собрание)', *штатский* (*кейем*) 'штатская (одежда)' и пр.

Суф. *-ик* (французского происхождения, в башкирский вошел довольно поздно. Особенно интенсивно прилагательные с суф. *-ик* начали заимствоваться из русского языка во время и после латинизации. В последние десятилетия по мере роста башкирско-русского двуязычия эти же прилагательные, образованные от интернациональных основ (встречающихся и как заимствованные существительные), стали осмысляться в башкирском языке как содержащие новый «суффикс», субституировавший русское окончание *-ический*: *дипломатик* 'дипломатический' — от *дипломат*, *туристик* 'туристический' — от *турист* и т. д.

Ныне в башкирском языке это единственный высокопродуктивный заимствованный формант (в БРС насчитывается до 200 слов на *-ик*): *ботаник* 'ботанический', *математик* 'математический', *политик* 'политический', *техник* 'технический'.

ДЕЗАФФИКСАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НУЛЕВЫЕ АФФИКСЫ) ▬

В башкирский язык интернациональные основы относительных прилагательных проникли либо в неизменном виде, либо в усеченной форме, без русского окончания *-ный*. И в том, и в другом случае это привело к тому, что современный башкирский язык располагает ныне до 150 прилагательных, основы которых оканчиваются на *-аль* (свыше 80 слов), *-ион* (около 40), *-ар* (примерно 10), *-яр* и *-ель* (по 2—4) и *-иль*, *-ор*, *-юр*, *-яль* (по 1). Примеры: *-аль* — *коллегиаль* 'коллегияльный', *материаль* 'материальный', *социаль* 'социальный', *формаль* 'формальный'; *-ион* — *агитацион* 'агитационный', *реакцион* 'реакционный', *традицион* 'традиционный'; *-ар* — *элементар* (*киҗәксәләр*) 'элементарные (частицы)'; *популяр* 'популярный'; *-иль* — *стабиль* 'стабильный' и т. д.

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

К сложным прилагательным относятся парные прилагательные, составные прилагательные, прилагательные-сращения и прилагательные-повторы.

Они образуются синтаксическим и морфолого-синтаксическим способами с сочинительными и подчинительными отношениями основ. Сложения

с сочинительным отношением основ представлены парными прилагательными, все же другие сложные прилагательные характеризуются подчинительным отношением их компонентов.

ПАРНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Парные прилагательные образуются путем сложения двух самостоятельных прилагательных. Они обозначают единый признак, который в своей обобщенной совокупности семантически представляют слагаемые их основы. В свою очередь, основы подобных прилагательных могут быть как простыми, так и осложненными аффиксами.

1. В роли производящих основ выступают самостоятельные прилагательные и причастия, относящиеся друг к другу как антонимы: *аклы-каралы* 'белым-черным', *алай-былай эштар* 'такие-сякие дела', *сейле-беиле* 'недопеченный', *уйынылы-ысынылы (һүз)* 'полушутливо-полуправдиво (сказанное)', *барлы-юклы* 'пустяковый, ничтожный', *килгән-киткән (кеше)* 'презжие люди', *эреде-вакылы (сумазандар)* 'большие и маленькие чемоданы', *калынылы-назекле (тауыштар)* 'низкие и высокие голоса'.

2. В качестве основ выступают самостоятельные прилагательные и причастия, относящиеся друг к другу по значению как синонимы: *озон-узама (быскак ямгырзар)* 'продолжительный (накрапывающий дождь)', *осһоз-жырыйһыз* 'бескрайний-бесконечный', *тәмле-татлы (азык)* 'вкусная-превкусная (еда)'; *озон-озак (йылдар)* 'долгие-долгие (годы)'.

3. Примыкают друг к другу два не состоящих между собой в синонимических или антонимических отношениях самостоятельных аффиксальных прилагательных, причем самым употребительным аффиксом выступает *-лы*: *аклы-күкле* 'бело-голубой', *аклы-кызылы* 'бело-красный', *күкле-йәшелле* 'синева-зеленоватый', *карлы-ямгырлы* 'снежно-дождливый'.

4. Парные прилагательные образуются из парных существительных путем аффиксации: *ата-эсәле — аталы-эсәле (балалар)* 'имеющие родителей (дети)', *ел-дауыллы — елле-дауыллы (көн)* '(день) с ветром и бурей', *ел-ямгырлы — елле-ямгырлы (төн)* 'дождливо-ветреная (ночь)'.

При всей сложности и противоречивости толкования семантической структуры парных прилагательных, затрудняющих буквальный перевод на другие языки, все же могут быть выделены два значения: 1) разнообразие признаков, лежащих в основе обоих компонентов, 2) оттенок пренебрежительности, иронии или юмора по отношению к называемым качествам, свойствам.

В отличие от прилагательных-повторов оба компонента парных прилагательных имеют как бы равнозначное ударение³⁷: *кәкере-бөкөрө (саған)* 'весь искривленный (корявый клен)', *эреде-вакылы (алмалар)* 'крупные вперемешку с мелкими (яблоки)'.

5. Калькируются сложные прилагательные русского языка: *башкортса-русса (һүзлек)* 'башкирско-русский (словарь)', *ижтимағи-политик* 'общественно-политический', *марксистик-ленинсе* 'марксистско-ленинский', *фәһми-техник* 'научно-технический', *электронлы-исәпләү (машинаһы)* 'электронно-вычислительная (машина)'.

Парные прилагательные образуются также от существительных с помощью повторяющегося первого (*үз* 'свой') или второго (*ара* 'меж, между') компонента: *вуз-ара* 'межвузовский', *завод-ара* 'межзаводской', *континент-ара (ракета)* 'межконтинентальная (ракета)', *кала-ара (телефон)* 'междугородный телефон', *өлкә-ара* 'межобластной', *район-ара* 'межрайонный', *Үз-ара* 'взаимный'.

³⁷ Ср.: Кукеева Ж. Ф. Указ. соч., с. 189.

1. В прилагательных с опорным компонентом — производным прилагательным в качестве первой, уточняющей, производящей основы выступают:

1) прилагательные в своей исходной форме: *ал кызыл* (сәскә) 'ало-красный, розовый (цветок)', *асыж кызыл (кара)* 'ярко-красные (чернила)', *ерән ала (айғыр)* 'рыже-пегий (жеребец)', *зәңгәр йәшел (күлдәк)* 'синевато-зеленое (платье)', *зәңгәр күк (яулык)* 'небесно-голубой, сине-голубой (платок)', *күк ала (бейә)* 'сизо-пегая (кобыла)', *кара ала (колон)* 'черно-пегий (жеребенок)', *кара күк (сумка)* 'темно-синяя (сумка)', *кара йәшел (костюм)* 'темно-зеленый (костюм)', *кара көрән (пальто)* 'темно-коричневое (пальто)', *кара туры (тай)* 'каре-гнедой, темно-гнедой (жеребенок-двухлетка)' и др.; тип продуктивен;

2) прилагательные в форме уменьшительной степени: *ажһыл зәңгәр* 'беловато-синий', *ажһыл күк* 'светло-голубой', *ажһыл йәшел* 'беловато-зеленый', *ажһыл көрән* 'бежевый', *алһыу зәңгәр* 'ало-голубой (лиловый)', *зәңгәрһыу кызыл* 'синевато-красный', *йәшкелт һары* 'зеленовато-желтый', *күгелһем кара* 'синевато-черный (сизый)', *карагускы йәшел, караһыу йәшел* 'темно-зеленый', *карагускы күк* 'темно-синий'; тип продуктивен (написание составных прилагательных в башкирском языке до сих пор не урегулировано, они пишутся то отдельно, то через дефис);

3) производные прилагательные на *-һыз*: *карағыһыз яқты* 'светлый до того, что невозможно смотреть', *сикһез зур* 'безгранично большой'; *алуһыз ҡаты* 'беспощадно суровый', *сикһез зур* 'непомерно большой'; тип продуктивен;

4) производные прилагательные на *-тай*: *буреләй зур* 'большой как волк', *йылдай озон* 'длинный как год', *өйрәктәй һимез* 'жирная как утка', *таштай ҡаты* 'твердый как камень', *имәндәй таза* 'здоровый как дуб'; тип продуктивен;

5) фразеологические сочетания: *иҫ китмәле матур* 'изумительно красивый', *иҫ киткес зур* 'поразительно большой', *көт өскөс ямак* 'ужасающе некрасивый', *үзәк өзгөс әсе* 'душераздирающе резкий'; тип продуктивен;

6) существительные в основном падеже: *тимер күк (бейә)* 'темно-синяя (кобыла)', *алма сыбар (юртаж)* 'серый в яблоках (рысак)'; тип этот непродуктивен, и подобные образования в башкирском языке встречаются редко;

7) сочетания существительного с прилагательным *төҫлө* 'цветной': *муйыл төҫлө кара* 'черный как черемуха', *сейә төҫлө кызыл* 'красный как вишня'. Тип продуктивен.

2. В прилагательных с опорным компонентом — аффиксальным прилагательным на *-лы* в качестве первой производящей основы выступают:

1) прилагательные в своей исходной форме: *ак ойокло* 'в белых чулках', *ак сәсле* 'седоволосый', *ауыр кәүҙәле* 'неуклюжий, грузный', *бейек табанлы* 'на высоких каблуках', *бөзрә сәсле* 'с кудрявыми волосами', *зиҫа буйлы* 'со стройной фигурой', *зәңгәр күҙле* 'голубоглазый', *иҫке модалы* 'старомодный', *киң күкрәкле* 'с широкой грудью', *кара күҙле* 'черноокий', *кара ҡашлы* 'чернобровый', *кара тәнле* 'чернокожий', *кызыл сырайлы* 'краснолицый', *куйы кара мыйыклы* 'с густыми черными усами', *куңыр йөзлө* 'с загорелым лицом', *куңыр күҙле* 'с темными глазами', *кыҫка куңсылы* 'с короткими голенищами', *озон буйлы* 'высокорослый' и др.; данный тип высокопродуктивен; он очень широко употребляется в художественной литературе, в устном народном творчестве, в разговорной речи;

2) производные прилагательные в исходной своей форме: *асыж йөзлө* 'с приветливым лицом', *асыж күңелле* 'добродушный', *баҫалҡы тәбиғәтле* 'со спокойным характером', *йәйенке битле* 'широколицый', *көслө елле* 'с сильным ветром', *йомшак тәбиғәтле* 'мягкосердечный', *көслө ихтиярлы* 'с сильной волей', *күтәрәнке рухлы* 'с приподнятым настроением', *кызыу канлы* 'вспыльчивый', *кырҡыу елле* 'с резким ветром', *кырлас танаулы* 'с продолговатым носом', *кыҫыж күҙле* 'узкоглазый', *осло моронло* 'узконосый', *сығыңкы*

яңаклы 'с выступающими скулами', *тынғыһыз тәбиғәтле* 'с беспокойным характером', *уйсан караиллы* 'с задумчивым взглядом', *үткер күзле* 'остроглазый', *һалкынса һауалы* 'с прохладной погодой'; тип высокопродуктивен (первые компоненты этого и предыдущего типов могут употребляться в формах сравнительной и превосходной степеней: *алһуу йөзлө* 'румянолицый', *ап-ап сәсле* 'с совершенно седыми волосами', *йәмшиегерәк танаулы* 'немного курносый носом', *кып-кыска пальтолы* 'в очень коротком пальто');

3) существительные в основном падеже: *ағас һаплы* 'с деревянной рукояткой', *алтын ужалы* 'вышитый золотым позументом', *бала йәнле* 'простодушный', *батыр йөрәкле* 'храбрый', *гәүһәр жаиллы* 'с вставленными бриллиантами', *көрәк һакаллы* 'с лопатообразной бородой', *тимер рәшиткәле* 'с железными решетками', *тимер табанлы* 'на железных полозьях', *һипкел битле* 'с веснушчатым лицом'; тип высокопродуктивен;

4) простые числительные — количественные и разделительные: *алты мөйөшлө* 'шестистенный', *алты тәзрәле* 'шестиоконный', *бер ижекле* 'одно-сложное (слово)', *бер шаршаулы (пьеса)* 'одноактная (пьеса)', *биш осло* 'пятиконечный', *егермешәр сажинле* 'длиною в двадцать саженей', *дүрт ишкәкле* 'четырёхвесельная', *ике асмалы* 'двухстворчатый', *ике этажлы* 'двухэтажный', *кырк градуслы* 'сорокоградусный'; тип продуктивен;

5) составные числительные: *ун биш сакрымлы (ара)* 'пятнадцатикилометровое (расстояние)', *ун дүрт катлы* 'четырнадцатэтажный'; тип продуктивен;

6) прилагательные-повторы: *зур-зур сумағанлы* 'с большими-большими чемоданами', *матур-матур күлдәкле* 'в красивых-красивых платьях', *озон-озон сәсле* 'с длинными-длинными волосами'; тип продуктивен;

7) наречия: *аз балалы* 'малодетный', *аз ерле* 'малоземельный', *аз тиражлы* 'малотиражный', *аз тәжрибәле* 'малоопытный', *аз һүзле* 'немного-словный', *күп милләтле* 'многонациональный', *күп катлы* 'многоэтажный'; тип продуктивен;

8) местоимения (указательные, определительные, неопределенные): *бер нисә кырлы* 'с несколькими гранями', *ошо төслө* 'такого цвета', *әллә нисә төрлө* 'многообразный'; тип малопродуктивен;

9) производные прилагательные на -лы: *осло япраклы* 'с остроконечными листьями', *һипкәлле битле* 'с веснушчатым лицом', *көслө куллы* 'с сильными руками'; тип малопродуктивен;

10) причастия на -ған: *акайған күзле* 'лупоглазый, с вытаращенными глазами', *күгәргән йөзлө* 'с синяками на лице'; тип малопродуктивен;

11) фразеологические сочетания: *Күзгә төртһәң күренмәслек караңғы төңлө (көз)* 'осень' с поразительно темными почвами', *иң киткес моңло (өндәр)* 'удивительно мелодичные (звуки)'; тип малопродуктивен.

3. В прилагательных с опорным компонентом — аффиксальным прилагательным на -ғы (образованным из формы местного падежа с аффиксом принадлежности или без него) в качестве первой основы могут выступать:

1) существительные в основном падеже: *бакса тирәһендәге (үлән)* '(трава) растущая около сада', *газ хәлендәге (матдә)* 'газообразное (вещество)', *кәртә әсендәге (мал)* 'находящийся за оградой (скот)', *өй эргәһендәге* 'находящийся рядом (с домом)', *юл ситендәге* 'находящийся около дороги'; тип продуктивен;

2) прилагательные простые и производные: *ауыр осорзағы (тормош)* '(жизнь) в трудный период', *зәңгәр төстәге (лампочка)* 'синего цвета (лампочка)', *урта йәштәрзәге (катын)* 'средних лет (женщина)'; тип продуктивен;

3) личные местоимения: *миңең яндағы (китап)* 'лежащая около меня (книга)', *улар эргәһендәге (бағана)* 'находящийся около них (столб)'; тип продуктивен;

4) числительные простые и сложные: *ун йәштәрзәге (малай)* '(мальчик) десяти лет'; тип непродуктивен;

5) составные прилагательные: *һарғылт кызыл төстәге* 'желто-красного цвета', *аһһыл күк төстәге* 'светло-голубого цвета'; тип непродуктивен.

4. В прилагательных с опорным компонентом — аффиксальным прилагательным на *-ғыс* в качестве первого компонента выступают существительные в винительном или дательном падеже: *баш(ты) катырғыс(зи)* 'головоломное (дело)', *баш(ты) әйләндергес (мәсәлә)* 'головокружительная (задача)', *иң киткес — иҗте китергес* 'изумительный', *йөрәк(те) әрнеткес* 'щемящий сердце', *йөрәк(те) ярғыс (өзгөс)* 'душераздирающий' и др.; тип продуктивен.

5. В прилагательных с опорным компонентом — прилагательным на *-лык*, образованных от основ существительных, прилагательных и причастий, в качестве первого компонента выступают:

1) числительные простые и усложненные разделительным аффиксом и составные: *бер ботлок (гер)* 'однопудовая (гиря)', *биш йыллык* 'пятилетний', *ете сәғәтлек* 'семичасовой', *илле йыллык* 'пятидесятилетний', *ике мең йыллык (тарих)* 'двухтысячелетняя (история)', *ике сакрымлык* 'двухверстное', *ун биш йәшлек* 'пятнадцатилетний', *бишәр сәғәтлек (зи)* 'пятичасовая (работа)', *икешәр көнлек (азык)* '(продукты) на два дня', *берәр йыллык (запас)* '(запасы) на один год'; тип продуктивен;

2) существительные в форме основного или направительного падежа: *бармак йыуанлык* 'толщиной с палец', *баш зурлык (өй)* 'величиной с голову (дом)', *иңкә алмашлык (һүз)* '(слово), которое не стоит вспоминать', *кеше ышанмашлык (хәбәр)* '(известие), которому люди не поверят', *кәйеф кырылырлык (һүз)* '(слово), которое способно испортить настроение', *камсы озонлок* 'длиною с хлыст'; тип продуктивен;

3) деепричастия на *-ып*: *ашап бөтөрлек (һымык)* '(кусочек), который можно скушать', *баһып торорлок (урын)* '(место) достаточное, чтобы стоять', *йоклап алырлык (вакыт)* '(время) достаточное для сна', *ырғып сығырлык (сокор)* '(рытвина), которую можно перепрыгнуть'; тип продуктивен;

4) сочетания существительных в форме второго изафета: *Таштуғайҙың буйы куй башы зурлык йоморо таштарҙан ғибәрәт* (Ғ. Дәүләтшин) 'Долина Таштугая состоит из круглых камней величиной с овечью голову'; тип непродуктивен.

6. В прилагательных с опорным компонентом — прилагательным на *-дай* (образованных от основ существительных) в качестве первой основы используются:

1) существительное в основном падеже: *бала карлуғастай* 'величиною с детеныша ласточки', *бармак баһындай* 'величиною с палец', *ой зурлығындай* 'величиною с дом', *тал сыбыжтай (кыз бала)* 'тонкая как ивовый прут (девочка)'; тип продуктивен;

2) прилагательные: *куш табактай (бит)* '(лицо) величиною с две тарелки'; тип непродуктивен.

7. В прилагательных с опорным компонентом — нумеративным словом в качестве первой основы выступают простые или составные числительные (количественные, разделительные или приблизительные): *бер иң (тақта)* '(доска) шириною в один палец', *бер-ике казак (май)* 'весом в один-два фунта (масло)', *бер-ике бөртөк (кеше)* 'один-два (человека)', *бер кабым (ит)* '(мясо) достаточное, чтобы взять в рот в один прием', *ете баш (һыйыр)* 'семь голов (коров)', *ике арба (бесән)* 'две телеги (сена)', *кырк һаба (кымыз)* 'сорок посуды (кумыса)', *есәр бот (арыш)* 'по три цуда (ржи)', *ун биш-егерме сакрым (ер)* 'расстояние в пятнадцать-двадцать (верст)'. Тип продуктивен.

8. В прилагательных с опорным компонентом — прилагательным *самаһы* 'приблизительный' в качестве первого компонента выступают сочетания нумеративного слова (существительного) и числительного (простого или составного, количественного или разделительного): *бер йөк самаһы (бесән)* '(сено), которого будет примерно один воз', *егерме гектар самаһы (ер)* '(земля), которой будет примерно двадцать гектаров', *ике йөк самаһы (утын)* '(дрова), которых будет примерно два воза'. Тип продуктивен.

9. Особое место занимают прилагательные с опорными компонентами:

1) *валентле* '-валентный' (в химических терминах), т. е. способный соединяться с атомами другого элемента в пропорции, названной в первой основе: *бер (ике, өс, күп) валентле (элемент)* '(двух- трех-, поли-) одновалентный (элемент)';

2) *сортлы* '-сортный' (о товарах, изделиях), т. е. того или иного сорта *беренсе* (*икенсе, өсөнсө*) *сортлы* (*саңгы*) '(лыжи) первого (второго, третьего) сорта';

3) *сызамлы* '-упорный', '-стойкий', '-выносливый', т. е. не поддающийся воздействию того, что указано в первой части: *ауырлыкка сызамлы* (*кеше*) 'выносливый (человек)', *кышка сызамлы* (*арыш*) 'зимостойкая (рожь)', *утка сызамлы* (*жирбес*) 'огнеупорный (кирпич)', *эсегэ сызамлы* (*металл*) 'жаростойкий (металл)'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ-СРАЩЕНИЯ

1. В прилагательных-сращениях с опорным компонентом — прилагательным уточнительный компонент выражается:

1) местоимением *үз* 'сам': *үзгышлы* (*һугарыу*) 'самотечное (орошение)', *үзаллы* (*дәүләт*) 'самостоятельное (государство)', *үзйөрөшлө* (*комбайн*) 'самходный (комбайн)'; *Уны. . . үзһүзле кешекәй тип йөрөгән булдылар* (Б. Бикбай) 'Его считали своевольным человеком';

2) существительным в основном падеже: *эскерле* (*кеше*) 'коварный (человек)', *эскерһез* 'добродушный, доверчивый';

3) прилагательным: *акбуз* (*ат*) 'светло-серая (лошадь)'.

2. В прилагательных-сращениях с опорным компонентом — причастием уточнительный компонент выражается существительным: *атказанған* (*артист*) 'заслуженный (артист)', *елгыуар* (*эзәм*) 'ветренный (человек)'.

3. Прилагательные-сращения образуются калькированием сложных прилагательных, заимствованных из русского языка: *үзешмәкәр* (*түңәрәк*) 'самодеятельный (кружок)'; *Европала иҗенлек һәм хезмәттәшлек өсөн Халык-ара комитете* 'Международный комитет за европейскую безопасность и сотрудничество'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ-ПОВТОРЫ (РЕДУПЛИКАЦИЯ)

Прилагательные-повторы образуются прежде всего путем удвоения простых основ: *баләкәй-баләкәй* (*йылғалар*) 'маленькие-маленькие (реки)', *вак-вак* (*таштар*) 'мелкие-мелкие (камни)', *озон-озон* (*эскерттәр*) 'длинные-длинные (скирды)', *якшы-якшы* (*аттар*) 'хорошие-хорошие (лошади)' и т. п.

Удваиваются на таких же началах и аффиксальные прилагательные: *ашығыс-ашығыс* (*эштәр*) 'срочные-срочные (работы)', *көслө-көслө* (*егеттәр*) 'сильные-сильные (парни)', *төрлө-төрлө* (*тасмалар*) 'разные-разные (ленты)', *тынгыһыз-тынгыһыз* (*кешеләр*) 'беспокойные-беспокойные (люди)', *уткер-уткер* (*бысактар*) 'острые-острые (ножи)' и т. п.

Существительные при таких прилагательных-повторах обычно употребляются во мн. числе: *матур-матур* (*күлдәктәр*) 'красивые-красивые (платья)', *журкыныс-журкыныс* (*тәштәр*) 'страшные-страшные (сны)', *төрлө-төрлө* (*буяулар*) 'разные-разные (краски)'.

Однако бывают случаи, когда существительное представлено в форме ед. числа, хотя выражает по существу мн. число: *буйлы-буйлы* (*тукыма*) 'полосатая-полосатая (ткань)', *тәмле-тәмле* (*аштар*) 'вкусная-вкусная (пища)'. Обе разновидности прилагательных-повторов очень продуктивны. Не могут удваиваться лишь прилагательные с афф. -кы: невозможны повторы типа *кисеге-кисеге* (*вакыгалар*) 'вчерашние-вчерашние (события)', *кышкы-кышкы* (*көндәр*) 'зимние-зимние (дни)' и т. д.

Прилагательные-повторы широко образуются путем фонеморфологического изменения редупликата, представляющего собой как бы эхо. Редупликат не имеет автономного значения, но усиливает семантику основного прилагательного: *ала-сола* (*изән*) 'пятнистый (пол)', *салым-солым* (*имән*) 'весь перекошенный (дуб)', *һары-һары* (*үлән*) 'неровно-желтая (трава)'; *Артык-борток аксаңды йыя бар* (Г. Дәүләтшина) 'Накапливай свои лишние и прочие деньги'.

Редупликат стоит обычно после самостоятельного прилагательного: *каты-кото (икмәк кишәктәре)* 'твердые-засохшие (куски хлеба)'; *Минен алдымда батмус тултырып тәмле-томло аштар куйылған* (М. Кәрим) 'Передо мной поставлен поднос, полный вкусной-превкусной еды'.

Однако редупликат может изредка располагаться и перед самостоятельным прилагательным: *Йә без икәүләшен икһез-сикһез дала буйлап этәкләшен атлайбыз* (Ф. Исәнғолов) 'Или же мы вдвоем, взявшись за руки, шагаем по безграничной-бескрайней степи'.

Оба члена в повторах-прилагательных несамостоятельны, причем второй из них является морфонологическим вариантом первого: *арҡыс-торҡос (утын)* 'беспорядочно сложенные (дрова)', *иләс-миләс (ел)* 'шалной (ветер)', *такы-тоҫо (бесән)* 'кое-какое (сено)', *урыҫ-һурыҫ (эштәр)* '(работа) урывками', *ыбыр-сыбыр (балалар)* 'маленькие (дети), мелюзга'.

К прилагательным-повторам могут быть отнесены случаи морфологизированного удвоения основ, из которых первая наращивается аффиксом исходного падежа и получает основное ударение, а вторая остается неизменной: *зурзан-зур (йорт)* 'большое-пребольшое (здание)', *көсләнән-көсло (ир)* 'сильный-пресильный (мужчина)', *яңылан-яңы (эш)* 'новая-преновая (работа)'.

Сюда же относится прилагательное-фразеологизм *берзән-бер* 'единственный', представляющее собой одно и то же существительное *бер* 'один' в исходном и основном падежах: *берзән-бер малай* 'единственный мальчик'.

Логическое ударение при прилагательных-повторах падает на первый компонент: *йыуан-йыуан (бүрәнәләр)* 'толстые-толстые (бревна)', *зурзан-зур (йорттар)* 'большие-пребольшие (здания)', *озон-озон (хаттар)* 'длинные-длинные (письма)', *осло-осло (кәләмдәр)* 'острые-острые (карандаши)', *оялсан-оялсан (кыздар)* 'застенчивые-застенчивые (девушки)'.

Прилагательные-повторы могут быть образованы от повторов-существительных путем осложнения их афф. -лы/-ле: *тишек-тошоҫло// тишекле-тошоҫло (кыйыҫ)* 'изрешеченная дырами (крыша)'; *Башкортостандың көпбайыш яғында, соҡорло-саҡырлы һәм ваҫ таулы Туймазы далаһында яңы кала тыйуы* (К. Мәргән) 'На западе Башкирии в овражестой и холмистой степи возник новый город'; *Ул шау-шыулы көндәрҙе бик ярата ине* (Б. Ишемғолов) 'Она очень любила шумные дни'.

А Д Ь Е К Т И В А Ц И Я

АДЪЕКТИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Особенно часто в разряд прилагательных переходят причастия на -ған.

В настоящее время многие причастия на -ған в башкирском языке, лишившись своего грамматического значения, перешли в ряды прилагательных с обозначением постоянного качества: *ашалған (яр)* 'размытый (берег)', *журған (балыҫ)* 'жареная (рыба)', *танылған (артист)* 'известный (артист)', *тутлаған (бысаҫ)* 'заржавленный (нож)', *һырылған (юрған)* 'стеганое (одеяло)', *шымарған (таш)* 'гладкий, стертый (камень)'; *көйгән (икмәк)* 'подгорелый (хлеб)', *күмһегән (һөт)* 'подгорелое (молоко)', *өшөгән (картуф)* 'мороженный (картофель)', *серегән (тиреҫ)* 'перепрелый (перегной)', *һөрһөгән (ит)* 'тухлое (мясо)'; *ауыртқан (кул)* 'больная (рука)', *кабыҫқан (бесән)* 'прелое (сено)', *жатқан (ер)* 'затвердевшая (земля)', *жомоҫқан (бал)* 'засахарившийся (мед)', *журышқан (кулдар)* 'заскорузлые (руки)', *тутыҫқан (бысаҫ)* 'заржавленный (нож)', *килкән (жер)* 'высохшее (белье)', *киптерелгән (еләж)* 'сушеные (ягоды)', *кисеҫкән (юлсы)* 'запоздалый (путник)', *үткән (йыл)* 'прошлый (год)'.

Процесс активного перехода причастий на -ған в разряд прилагательных известен в башкирском языке с давних времен.

Переход причастия на -(ы)р в прилагательные встречается гораздо реже. В «Башкирско-русском словаре» зарегистрировано, например, единственное причастие на -р, которое перешло в разряд прилагательных: *кайнар (һыу)* 'кипяченая (вода)'.

Переход причастий на *-ыусы* в прилагательные в словаре не зафиксирован.

В разряд прилагательных переходят и другие глагольные формы, например основы глаголов: *алмаш (бригада)* 'сменная (бригада)' — от *алмаш-* 'менять', *аралаш (һан)* 'смешанное (число)' — от *аралаш-* 'смешиваться', *ауыш (ясылыҡ)* 'наклонная (плоскость)' — от *ауыш-* 'наклоняться', *белеш (кеше)* 'знакомый (человек)' — от *белеш-* 'узнавать, справляться', *бойок (кыз)* 'печальная, грустная (девушка)' — от *бойок-* 'быть забитым, опечалиться, грустить', *береш (ауыз)* 'сморщенный (рот)' — от *береш-* 'сморщиться', *етеш (кеше)* 'проворный (человек)' — от *етеш-* 'быть обеспеченным', *йылы (һыу)* 'теплая (вода)' — от *йылы-* 'стать теплым', *йәшерен (урын)* 'потайное (место)' — от *йәшерен-* 'прятаться, укрываться, таиться', *кабалаң (эш)* 'спешная (работа)' — от *кабалаң-* 'снешить', *куш сәтләүек* 'двойной орех' — от *куш-* 'соединять, сливать', *кызык (уйын)* 'интересная (игра)' — от *кызык-* 'интересоваться', *ныкыш (егет)* 'настойчивый (парень)' — от *ныкыш-* 'упорствовать', *ойкаш (исемдәр)* 'сходные (имена)' — от *ойкаш-* 'скучиваться', *өлгөр (малай)* 'приткий, рыжий (мальчик)' — от *өлгөр-* 'успевать', *ошән (ат)* 'ленивая (лошадь)' — от *ошән-* 'утомляться', *серәш (ишәк)* 'упрямый (осел)' — от *серәш-* 'упрямиться', *сөрөш (бит)* 'морщинистое (лицо)' — от *сөрөш-* 'морщиться', *таныш (кеше)* 'знакомый (человек)' — от *таныш-* 'знакомиться', *туң (ер)* 'мерзлая (земля)' — ср. *туң-* 'мерзнуть', *тырыш (ужыусы)* 'прилежный (ученик)' — от *тырыш-* 'стараться', *шым (урын)* 'укромное (место)' — от *шым-* 'умолкать', *ығыш (кеше)* 'медлительный (человек)' — от *ығыш-* 'копаться, медлить', *ябык (һыйыр)* 'тощая (корова)' — ср. *ябык-* 'худеть, истощаться', *яңылыш (караш)* 'ошибочный (взгляд)' — от *яңылыш-* 'ошибаться'.

Адъективизируются и имена действия на *-у/-еу*: *бөркөү (көн)* 'душный (день)', *иреу (ит)* 'мясо, которое начало таять', *йонсоу (мал)* 'утомленный, изнуренный (скот)', *кызыу (вакыт)* 'горячее (время)'; *Й о н с о у* аттар... *ауыл ягына ыңғайланьлар*... (Б. Бикбай) 'И з и у р е н н ы е лошади... направились в сторону деревни'.

АДЪЕКТИВАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

Семантически и функционально к прилагательным тяготеют многие указательные и некоторые неопределенные местоимения: *анауындай (күлдәк)* 'такое (платье)', *бындай (кағыз)* 'такая (бумага)', *бынауындай (китап)* 'такая (книга)', *ошондай (оҫтал)* 'такой (стол)', *тегендәй (урын)* 'такое (место)', *ундай (һыйыр)* 'такая (корова)', *шундай (сәскә)* 'такой (цветок)', *әллә ниндәй (кешеләр)* 'какие-то (люди)'.

Переход местоимений в прилагательные сопровождается приобретением ими некоторых категориальных признаков прилагательных, в частности степеней сравнения: *ошондайыраҡ (оҫтал)* 'вот такой примерно (стол)', *шундайыраҡ (сәскә)* 'вот такой примерно (цветок)', *әллә ниндәйерәк (кеше)* 'какой-то не такой (человек)'.

АДЪЕКТИВАЦИЯ НАРЕЧИЙ

Некоторые наречия в башкирском языке перешли в разряд прилагательных: *акрын (темп)* 'медленный (темп)', *алыҫ (ара)* 'далекое (расстояние)', *аһһат (эш)* 'легкая (работа)', *арыу (кеше)* 'неплохой (человек)', *йыраҡ (ауыл)* 'дальняя (деревня)', *һулһән (кеше)* 'вялый, медлительный, неповоротливый (человек)'.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Степени сравнения прилагательных показывают различия в полноте проявления одного и того же признака в разных предметах и выражаются специфическими грамматическими показателями, отчасти же — лексическими средствами.

Нулевая, или исходная форма прилагательного, называемая положительной степенью, выражает качество, признак безотносительно к свойству дру-

гих предметов: *йэшел үлән* 'зеленая трава', *киң урам* 'широкая улица', *алдынгы эшсе* 'передовой рабочий', *кискен көрәш* 'острая борьба', *уйсан караш* 'задумчивый взгляд' и др.

Сравнительная степень выражает признак предмета большей или меньшей интенсивности, чем признак другого предмета.

Сравнительная степень в башкирском языке образуется с помощью афф. *-рак/-рәк* (после основ на гласный звук): *әсе* 'горький' — *әсерәк* 'более горький', *-ырак/-ерәк*, *-орақ/-орәк* после основ на согласный: *йыуан* 'толстый' — *йыуанырак* 'толще', *бейек* 'высокий' — *бейегерәк* 'выше', *озон* 'длинный' — *озонорақ* 'длиннее', *сөм* 'глубокий' — *сөмөрәк* 'глубже'.

Прилагательные с данными аффиксами выступают в следующих синтаксических функциях:

1) как предикат, обозначающий более сильный признак имени существительного в основном падеже, сравниваемого с именем в исходном падеже *Ағидәл Димдән озонорақ* 'Агидель длиннее Демы'; *Дөрөслөк кояштан яҡтырак* (посл.) 'Правда светлее солнца'; *Һүз яраһы һөңгө яраһынан катырак* (посл.) 'Рана нанесенная словом, сильнее, чем нанесенная копьем';

2) как определение при другом определении — прилагательном, подчиненном имени существительному в форме основного падежа; формы на *-рак* в данном случае выражает несколько ослабленный признак по сравнению с основным значением³⁸: *шазрарақ битлә кеше* 'человек с рябоватым лицом', *моңһоуырақ караһлы кыз* 'девушка с грустноватым взглядом'; *Киске һалакыһыһаһақ йомшақ һауа ерҙе койондорған, паклаған* (Д. Юлтый) 'Вечерний мягкий прохладный воздух увлажнил и освежил землю'; *Хәләһезерәк ағастар, карзың ауырлығын күтәрә алмай, һәҙек озон кәүҙәләрен бөгөп ултыралар* (Г. Дәүләтшин) 'Тонкие деревья, не вынося тяжести снега, наклонили свои длинные стволы'; в этой же позиции прилагательное с афф. *-рак* может выражать и усиление признака сравниваемого предмета: *Миңә кызыгырақ китап бирегез әле* 'Дайте-ка мне книгу поинтереснее'; *Шунда ла күңелдең көслөрәк яғы был кыздан алыслашыу яғында иһе* (Т. Йәнәби) 'Все же что-то более сильное в душе было за отдаление от этой девушки'; *Һин кем?* — *тип тағы ла катырак тауыш менән һораны теге малай* (Ф. Иҫәнғолов) 'Кто ты? — спросил тот мальчик погромче'.

В сходных конструкциях прилагательное может употребляться и без афф. *-рак*, при этом выражается не усиление или ослабление, а значительное преобладание в степени качества сравниваемых предметов³⁹. *Бала балдан татлы* (посл.) 'Дитя слаще меда'; *Һүз кылыстан үткер* (посл.) 'Слово острее сабли'; *Камыр батыр . . . донъяла минән дә көслөрәк кеше бармы икән, тип уйлай, ти* (фолькл.) 'Камыр-батыр думает: есть ли на свете человек сильнее меня'.

Конструкции с прилагательным на *-рак* и существительным в исходном падеже имеют морфолого-синтаксические синонимы с послелогоми *карағанда* 'в сравнении', *сағыштырғанда* 'по сравнению': *Курғаш тиммерзән ауырырак* 'Олово тяжелее железа' — *Курғаш тиммерзә карағанда ауырырак* — *Курғаш тиммер менән сағыштырғанда ауырырак* 'Олово тяжелее по сравнению с железом' и т. п.

Афф. *-рак* употребляется не только с прилагательными. Он присоединяется: 1) к наречиям (*арырак* 'подальше', *тиҙерәк* 'побыстрее', *иртәрәк* 'пораньше'); 2) к деепричастиям на *-а/-ә*, *-й* (*етәрәк* 'приближаясь', *йэшәйерәк* 'поживя', *торарақ* 'погодя'), на *-ғас/-гәс*, *-кас/-кәс* (*тынғасырақ* 'когда станет потише', *үткәсерәк* 'немного пройдя'); 3) к деепричастиям на *-п* (*абайлабырақ* 'повнимательнее', *көтөбөрәк* 'погодя'); 4) к существительным в про-

³⁸ Н. К. Дмитриев правильно отмечает, что афф. *-рак* может усиливать основное понятие и ослаблять его, как в туркменском и других тюркских языках. См.: *Дмитриев Н. К.* Указ. соч., с. 87.

³⁹ *Исхаков Ф. Г.* Имя прилагательное. — ИСГТЯ, ч. 2, с. 163.

странственных падежах и послелогам с пространственным значением (*ситкэрэж* 'темного в сторону', *ақтарак* 'чуть пониже', *үргэ табанырак* 'вверх').

Сравнительную степень с афф. -*рак* не имеют относительные прилагательные, некоторые прилагательные, обозначающие масти животных (*бурыл бейэ* 'чамая кобыла', *саптар ат* 'игренивый конь' и т. п.), слова со значением физического состояния живых существ типа *тере* 'живой', *үле* 'мертвый'.

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ УСИЛЕНИЯ И ОСЛАБЛЕНИЯ ПРИЗНАКА

Исходной форме прилагательного в лексико-грамматическом плане противопоставляются формы усиления интенсива и ослабления признака предмета. Они проявляются менее последовательно, чем сравнительная степень.

Интенсивность признака выражается редупликацией первого слога прилагательного с вставкой структурной морфемы -*н*, а в единичных случаях — -*м*. При этом ударение переходит на редупликат: *еп-еңел маьсалэ* 'легонькая задача', *кап-кара каш* 'черные-пречерные брови', *коп-коро ел* 'очень сухой ветер', *сын-сыбар тауык* 'очень пестрая курица', *сөп-сөсө камыр* 'очень пресное тесто', *йэм-йәшел үлән* 'презеленая трава', *күн-күк һауа* 'синий-пресиний воздух'.

Особую форму интенсива образуют прилагательные *яңғыз* 'одинокий', *яңы* 'новый', где редупликат имеет несколько вариантов: *өр-яңы*, *яп-яңы*, *оп-өр-яңы* 'совершенно новый' (в последнем примере выступает двойной редупликат), *яп-яңғыз*, *япаяңғыз* 'совершенно одинокий', *тинэ-тин* 'совершенно равный'⁴⁰.

Значение интенсива признака может выражаться и способом редупликации прилагательного. При этом определяемое всегда употребляется во мн. числе: *бейек-бейек таузар* 'высокие-превысокие горы', *көлкөлө-көлкөлө хәбарзәр* 'смешные-пресмешные вести', *матур-матур сәскәләр* 'красивые-прекрасивые цветы', *тәмле-тәмле аштар* 'вкусные-превкусные кушанья', *эре-эре балыктар* 'крупные-крупные рыбы' и др. Редуплицированные прилагательные имеют еще дополнительные семантические оттенки — они подчеркивают неодинаковость, разнообразие признаков предмета. Данная форма прилагательных не употребительна в функции сказуемого.

Формы усиления признака не образуются от относительных прилагательных.

Формы ослабления качества в ряде исследований по грамматике тюркских языков рассматриваются в разделе словообразования прилагательных⁴¹. Представляется, что эти формы тяготеют больше к грамматическому уровню, нежели словообразовательному как по семантике, так и по функционированию, хотя они могут присоединяться не ко всем прилагательным.

Формы проявления качества в меньшей степени, чем в исходной, охватывают прилагательные, обозначающие признаки цвета, вкуса, физического состояния. Каждая из них распространяется не более чем на четыре-пять слов. При оформлении прилагательных аффиксами -*кыл(т)*, -*кел(т)*, -*ғыл(т)*, -*гел(т)*, отбрасывается конечный слог слова или его часть: *кызыл* 'красный' — *кызғыл(т)* 'красноватый', *һары* 'желтый' — *һарғыл(т)* 'желтоватый', *һоро* 'бурый' — *һорғол(т)* 'буроватый', *йәшел* 'зеленый' — *йәшкел(т)* 'зеленоватый'; *каты* 'твердый' — *каткыл* 'твердоватый', *сөсө* 'пресный', *сөскөл(т-өм)* 'пресноватый', *әсе* 'кислый, горький' — *әскөл(т-ем)* 'кисловатый'.

⁴⁰ Употребление существительных, наречий и других слов в функции усилителей признака типа *сейд кызыл* 'красный, цвета вишни', *ут йәшел* 'зеленый, цвета травы', *дож караңгы* 'совсем темный', *шоморт кара* 'черный, цвета черемухи', *салт аяз* 'совершенно ясный', *тома һужыр* 'совершенно слепой' или аналитических конструкций *биһ һәй бәт (кеше)* 'очень хороший (человек)', *ғәжәп зур (пароход)* 'удивительно большой (пароход)' и т. п. представляет собой скорее лексико-синтаксическое явление, нежели грамматическое, и подлежит описанию в других разделах.

⁴¹ Исмаков Ф. Г. Указ. соч., с. 147 и сл.

Афф. *-һыл/-һел, -һыу/-һеу*⁴², *-шел, -шин* образуют прилагательные ослабленного качества без изменения основы слова: *аж* 'белый' — *ажһыл* 'беловатый', *ажшин* 'беловатый', *күк* 'синий' — *күкһел* 'синеватый', *күкһел* 'синеватый', *ал* 'алый' — *алһыу* 'аловатый', *зәңгәр* 'голубой' — *зәңгәрһыу* 'голубоватый', *кара* 'черный' — *караһыу* 'черноватый'.

На грани словообразовательного уровня находится аффикс *-са/-сә*, имеющий значение ослабленности качества: *озон* 'длинный' — *озонса* 'продолговатый', *еңел* 'легкий' — *еңелсә* 'легонький', *һалкын* 'холодный' — *һалкынса* 'прохладный'.

Некоторые аффиксы, выражающие ослабление качества, присоединяются лишь к одному или двум прилагательным: *аж* 'белый' — *аж-ыл-йым* 'беловатый', *күк* 'синий' — *күг-ел-йем* 'синеватый', *кара* 'черный' — *кара-ғус-кыл* 'черноватый'.

К прилагательным с ослабленной степенью качества может присоединяться афф. *-рак*, образующий от них форму сравнительной степени: *корәнһыуырак* 'буроватый', *зәңгәрһыуырак* 'голубоватый', *әкелтемерәк* 'кисловатый' и т. п.

Из перечисленных форм в функции словообразовательных аффиксов выступают *-һыу/-һеу, -һыл/-һел, -са/-сә*, придавая производным прилагательным значения неполноты признака: *һыуһыл* 'водянистый', *алтынһыу* 'золотистый' и т. п., другие же не имеют такой функции.

НАРЕЧИЕ

В современном башкирском языке наречие выделяется как особая часть речи, получившая свое лексическое и грамматическое выражение. Семантически и структурно наречие ближе всего стоит к прилагательному. Специфика заключается в том, что прилагательное указывает на признак предмета, а наречие главным образом на признак действия и лишь отчасти на признак признака. Наречие иногда может выражать и признак предмета, т. е. выступать в качестве определителя имени существительного. Однако атрибутивную функцию могут выполнять не все наречия: в башкирском языке этой способностью обладают лишь единичные наречия, главным образом отдельные наречия на *-са*.

В морфологическом плане наречия отличаются от других частей речи прежде всего словообразованием: они характеризуются такими специальными аффиксами, как *-са/-сә, -лай/-ләй, -лата/-ләтә*. Одной из особенностей словообразовательной структуры наречий в башкирском языке, как и в других тюркских языках, является наличие довольно значительной группы изолированных и лексикализированных древних и живых надежных форм имен, а также некоторых деспричастных форм. Очень продуктивными являются словосложительные типы наречий, как, например, парные наречия (*азмы-күпме* 'более или менее', *тора-бара* 'со временем'), сложные наречия, образованные по моделям словосочетаний (*бийһыл* 'в этом году', *ошо арала* 'в ближайшее время', *берғауым* 'некоторое количество') и др. Среди наречий выделяется также небольшая группа лексико-грамматических омонимов типа *яҡшы* 'хороший', 'хорошо', *буш* 'пустой', 'даром, бесплатно', которые одинаково регулярно функционируют в рядах и прилагательных и наречий.

С точки зрения формообразования наречия близко стоят к качественным прилагательным, с которыми обнаруживают значительную общность, и те и другие одинаково пользуются: 1) формой сравнительной степени на

⁴² В языке башкир Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей, относящемся к южному диалекту башкирского языка, для передачи меньшей интенсивности качества употребляется афф. *-лау/-ләу*: *каралау* 'черноватый', *һарылау* 'желтоватый', *йәшелләу* 'зеленоватый' и др.

-рак, например: *ак* 'белый' — *ағырак* 'более белый', *көслө* 'сильный' — *көслөрәк* 'более сильный' (прилагательные); *һуң* 'поздно' — *һуңырак* 'позднее', *элек* 'рано' — *элегерәк* 'ранее' (наречия); 2) формой интенсификации типа *кып-кызыл* 'красный-красный' (прилагательное) и *эп-эз* 'мало-премало', *кәпә-кәндәз* 'середь бела дня' (наречия).

В предложении наречие функционирует как обстоятельство или определение при прилагательном или наречии.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАРЕЧИЙ

Наречие, как и другие знаменательные части речи, является довольно древней языковой категорией, возникшей как одно из средств речевого общения.

Сопоставляя лексику башкирского и других тюркских, а также алтайских языков, можно обнаружить значительное количество соответствий в области наречий. Большая часть этих совпадений обнаруживается в пределах корневых наречий: баш. *кун*, *күмәк*, др.-тюрк. *камағ*, др.-монг. *қаһуу* 'много'; баш. *қаршы*, др.-тюрк. *qarşı*, монг. *харш* 'против, навстречу'; баш. *кәм*, монг. *гэм* 'меньше'; баш. *мәңге*, др.-тюрк. *menğü*, монг. *мөнх* 'вечно'; баш. *бик*, др.-тюрк. *бек*, монг. *бэх* 'очень, сильно'; баш. *иң*, др.-тюрк. *en*, монг. *эн* 'самый'; баш. *юрый*, нанайск. *яро*, ненецк. *сюри* 'нарочно'; баш. *иртә*, др.-тюрк. *ertä*, монг. *эрт*, нанайск. *эрдэ* 'рано'; баш. *эле*, нанайск. *элэ* 'пока, только что'; баш. *кинәт*, калм. *гәнтәһи*, монг. *гэнәт* 'неожиданно' и др.

Значительное количество лексических совпадений представляет собой застывшие, омертвелые формы других частей речи, в основном имени существительного в двух падежах — древнего направительного с аффиксом *-ғары/-гәре* и древнего творительного с аффиксом *-ын/-ен*, а также другие лексикализованные формы, употреблявшиеся ранее, как и в современных тюркских языках, только в качестве наречий: баш. *көзөн*, др.-тюрк. *küzün* 'осенью'; баш. *элгәре*, др.-тюрк. *ilgäri* 'раньше'; баш. *ирекһеззән*, др.-тюрк. *erksizin* 'поневоле'; баш. *тегәндә*, др.-монг. *tente*, маньчж. *terede, tede* 'там'.

Лексические соответствия имеются и среди некоторых словообразовательных форм наречий — как аффиксальных, так и аналитических: баш. *ботөнләй*, тунг. *бутунну* 'весь, целиком'; баш. *аңғанса*, др.-тюрк. *ançanısca* 'между тем, в это время'; баш. *минәңсә*, нанайск. *миняңчи* 'по-моему'; баш. *һинәңсә*, нанайск. *синяңчи* 'по-твоему'; баш. *арқыры-торқоро*, др.-тюрк. *arquru-turquru* 'вдоль и поперек, как попало' и др.

Все это говорит о том, что наречия как особая группа слов, выражающих отвлеченное обстоятельственное значение, бытовали еще на ранней стадии развития тюркских и алтайских языков.

Дальнейшее пополнение и совершенствование лексической и грамматической структуры наречий связано с расширением сферы их употребления. Кроме корневых наречий появились многочисленные образования, которые выделились из общего фонда лексики башкирского языка только в значении признака действия или признака признаков. Примерно пятая часть из них образовалась при помощи специальных аффиксов от других частей речи и отчасти от самих наречий, ср. *тотошлай* 'целиком', *элеккесә* 'по-прежнему', *яңыса* 'по-новому', *ақсалата* 'деньгами', *урталай* 'пополам', около трети возникло путем лексикализации некоторых падежных и иных словоизменяемых форм имен и деепричастных форм глагола в обстоятельственной функции: *баштан* 'сначала', *қаршыға* 'навстречу', *қырқа* 'резко', *ысынлап* 'всерьез', *аңғармастан* 'незначай', более четверти образовано аналитическим способом путем сложения слов: *артабан* 'в дальнейшем', *бийыл* 'в этом году', *яланаяк* 'босиком', *ара-тирә* 'изредка', *өзөп-йыртып* 'кое-как', *дөбөр-шатыр* 'с грохотом', *бермә-бер* 'точь-в-точь' и др. Именно эти перечисленные структурные типы и представляют в основном стабильный состав наречий современного башкирского языка. Большинство подобных

наречий встречается во многих тюркских языках, т. е. они являются межтюркскими, а отдельные корневые наречия — общеалтайскими.

Небольшая группа наречий башкирского языка представляет собой заимствованные слова из арабского и персидского языков. Как свидетельствуют памятники, в состав лексики тюркских языков они вошли еще в древнюю эпоху, а теперь освоены и считаются «своими», тем более что полностью подчинены фонетическим законам заимствовавших языков. Таковы *тамам* 'совсем, окончательно', *ғайәт* 'очень', *хәзер* 'сейчас', *әүәле* 'раньше', *мәжиббән* 'с усердием', *фаҡәт* 'лишь, исключительно' — из арабского языка; *һаман* 'все еще', *дәррәү* 'тотчас' — из персидского.

РАЗРЯДЫ НАРЕЧИЙ

По лексико-грамматическому значению наречия принято делить на две группы — определительные и обстоятельственные наречия.

Определительные наречия, выражая признак признака или действия, дают им качественную или количественную характеристику и могут сочетаться как с глагольными формами, так и с прилагательными и наречиями, а некоторые из них — даже с существительными. К определительным наречиям относятся: 1) наречия образа действия: *аксалата* 'деньгами', *аллыартлы* 'гуськом', *йәйәү* 'пешком', *кушкуллап* 'обеими руками', *әзмә-әз* 'последовательно'; 2) наречия уподобления: *байрамса* 'по-праздничному', *башкаса* 'по-иному', *йәштәрсә* 'по-юношески', *әлеккесә* 'по-прежнему'; 3) наречия меры и степени: *аз-маз* 'мало-мальски', *байтаж* 'значительно', *бөтөнләй* 'окончательно', *икеләтә* 'вдвойне', *кәскә-кәскә* 'еле-еле'.

Обстоятельные наречия выражают пространственные и временные отношения, мотивы действия. К ним относятся: 1) наречия времени: *бая* 'давеча', *иртәләрән* 'по утрам', *кышын* 'зимой', *ошоҗаса* 'до сих пор', *капылда* 'пока', *әүәл-әүәлдән* 'исстари'; 2) наречия места: *алда* 'впереди', *йәнәшлә* 'рядом', *унда-һанда* 'там и сям, кое-где', *бында* 'здесь'; 3) наречия причины и цели: *аңғармастан* 'невзначай', *күрәлтә* 'явно, заведомо', *топ-топалға* 'ни с того, ни с сего', *юрмал* 'нарочно'.

Некоторые наречия имеют полисемантический характер. Их конкретное значение можно определить лишь в контексте. Так, наречие *артабан* употребляется в значениях 'туда, дальше' и 'в дальнейшем', т. е. может обозначать как место, так и время действия, наречия *ары-бире* 'туда-сюда', 'кое-как', *өйбөрәнсә* 'в каждом доме', 'из дома в дом' совмещают в себе значения места и образа действия, а наречие *башкаса* 'по-иному', 'в другой раз' — уподобления и времени и т. д. Все это говорит об условности деления наречия на семантические разряды.

КОРНЕВЫЕ НАРЕЧИЯ

В башкирском языке функционирует около 90 наречий, которые с точки зрения современного языка воспринимаются как непроизводные. Все они осознаются только как наречия и составляют ядро собственно наречий. Среди них выделяются: 1) бесспорные корневые морфемы типа *аз* 'мало', *бая* 'давеча', *бик* 'очень', *гел* 'всегда', *йәһәт* 'проворно', *кинәт* 'вдруг', *кәм* 'меньше', *нәж* 'точь-в-точь', *теүәл* 'ровно' и др.; 2) наречия, не поддающиеся морфемному членению в рамках современного башкирского языка, но исторически представляющие, быть может, производные слова: *ары* 'дальше', *бире* 'сюда', *гомумән* 'в общем', *елбәгәй* 'нараспашку', *инде* 'теперь', *иртә* 'рано', *йәйәү* 'пешком', *кире* 'обратно', *капыл* 'внезапно', *куңалтаж* 'на босу ногу', *салжан* 'навзничь', *әлек* 'раньше', *угата* 'очень, слишком', *юғары* 'высоко' и др. В результате специальных этимологических исследований в ряде случаев удастся установить производный характер некоторых из них. Так, наречия *юғары* 'высоко', *әлгәре* 'сперва', по общему

мнению тюркологов, образовались при помощи аффиксов древнего направительного падежа *-ғары/-ғәре*. Ср. др.-тюрк. *joqarı ügärü* уйг. *илгири*, *жукири* в тех же значениях. По Н. Ю. Дмитриеву и А. И. Исканову, производными являются также наречия *ары*, *бире*, *кире*, в которых элементы *-ры*, *-ре* — показатели древнего направительного падежа, а элементы *а-*, *би-*, *ки-* — рефлекссы первоначальных корневых морфем, подвергшихся фонетическим изменениям. Производящие основы таких наречий в свое время употреблялись как самостоятельные лексические единицы и, естественно, легко выделялись как исходные корни. Однако в процессе исторического развития языка они слились с аффиксальными элементами и лишились самостоятельного функционирования. Установлению морфемного состава таких наречий способствует наличие их первых элементов в ряде слов и их наличие в родственных языках. Так, элементы *эл*, *ир*, *йу(к)* входят в наречия *элгәре*, *элэк* 'перед', *иртә* 'рано' *юғары* 'высоко'. Ср.: баш. *иртә*, чув. *ир*, турк. *ир* 'рано'; баш. *юғары* 'высоко', др.-тюрк. *joq*, туркм. *йок* 'возвышенность', азерб., узб. *јуксәк* 'высокий', тур. *уокуш* 'подъем'; баш. *элгәре*, тур. *ilegi* 'вперед', *ilk* 'первый', узб. *илғари* 'раньше' и т. д.

Корневые наречия относятся к числу древнейших пластов в составе лексики башкирского языка. Многие современные корневые наречия почти в неизменном виде встречаются в древнетюркских письменных памятниках.

Особое место среди корневых наречий занимают наречия интенсивности, усиления признака, или так называемые усилительные слова. В башкирском языке их насчитывается около тридцати: *бик*, *утә*, *гәйт*, *угата*, *ифрат* 'очень, слишком', 'чересчур', *иң* 'самый', *тап*, *тас*, *нәк* 'точь-в-точь', *тамам* 'окончательно', *бойтом*, *шактай*, *байтак* 'значительно, довольно', *шыр*, *шау*, *шар*, *лыс*, *лыжа*, *манма*, *тома* 'весь, полностью, совершенно' и др.

Усилительные наречия обычно сочетаются с прилагательными, наречиями, глаголами и служат для интенсификации их значения; в пределах словосочетания они принимают основное логическое ударение: *Сания апай һүзгә би к аз кысыла* 'Сания-апа очень редко вмешивается в разговор' (С. Агип); *Шактай арыган Моразымдың күңеле күтәрелен китте* 'У сильно уставшего Мурадыма настроение поднялось' (Г. Амири).

Однако сфера употребления усилительных наречий типа *шыр*, *шау*, *лыс*, *лыжа*, *манма* и т. д. очень узка, многие из них выступают лишь при одном-двух определяемых. Так, наречия *шыбыр*, *лыс*, *лыжа* сочетаются исключительно с перечисленными словами: *шыбыр тир (бул-)* 'сильно вспомнить', *лыс һыу* 'совсем мокрый', *лыжа тулы* 'полный, битком набит'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

В современном башкирском языке словообразование наречий осуществляется с помощью аффиксации, редупликации, словосложения, адвербиализации: а) конверсии, б) изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи.

АФФИКСАЦИЯ

1. Наречия на *-са/-сә* являются наиболее продуктивными из всех аффиксальных форм. В словообразовательном отношении среди них можно выделить ряд разновидностей, которые определяются характером производящих основ, профилем типового значения и продуктивностью.

Продуктивной является модель, образующая от имен существительных наречия уподобления и образа действия. Данная модель представлена двумя структурными разновидностями: 1) производящая основа — имя существительное в форме ед. числа: *ауылса* 'по-деревенски', *байрамса* 'по-праздничному', *заманса* 'по-современному', *татарса* 'по-татарски'; 2) в большинстве же случаев производящая основа — имя существительное — выступает

в форме мн. числа: *балаларса* 'по-детски', *дустарса* 'по-дружески', *йэштэрсэ* 'по-юпошески', *хужаларса* 'по-хозяйски' и др.

По своей словообразовательной структуре ко второй разновидности при-
мыкают наречия типа *азналарса* 'неделями', *йылдарса* 'годами' и т. п., обра-
зованные от существительных, обозначающих определенный отрезок вре-
мени, в форме мн. числа и указывающие на длительность протекания дейст-
вия.

От основ имен прилагательных наречия с афф. *-са/-сэ* образуются по двум
моделям: а) в качестве производящей основы выступает лишь несколько
качественных прилагательных, от которых образуются наречия образа дей-
ствия: *вакытлыса* 'временно', *еңелсэ* 'слегка', *иркенсэ* 'вольготно', *кыскаса*
'вкратце', *төрлөсэ* 'по-разному'; б) в качестве производящей основы высту-
пают относительные прилагательные на *-ғы/-ге*, *-кы/-ке*, а производимые
наречия обозначают сравнение, сходство с тем, что обозначено исходной
основой: *боронғоса* 'по-старому', *богонғосэ* 'по-сегодняшнему', *бытырғыса*
'как в прошлом году', *көндөгесэ* 'как повседневно', *кәзимгесэ* 'по-обыкновен-
ному', *элеккесэ* 'по-прежнему' и др.

Выделяется своей специфичностью, хотя и является малопродуктивной,
модель, образующая наречия уподобления от притяжательных местоимений
типа *минеке*, а также от единичных существительных, прилагательных и мо-
далных слов, оформленных аффиксами принадлежности 3-го лица и вини-
тельного падежа: *беззекенсэ* 'по-нашему', *үззәренсэ* 'по-своему', *киреһенсэ*
'наоборот', *тейешенсэ* 'как следует' и т. д.

Другая разновидность этой модели, производящая наречия со значением
меры и степени действия, представлена лишь несколькими словами типа
барылса 'по-возможности', *кубәһенсэ* 'преимущественно'; к ним близко стоят
наречия *һәүетемсэ* 'мирно, по-дружески', *хәләмсэ* 'по мере возможности',
образованные от именных основ с аффиксом принадлежности 1-го лица без
падежного оформления.

От форм родительного падежа личных местоимений афф. *-са/-сэ* образует
наречия со значением сходства, уподобления с тем, что выражено исходной
основой: *минәңсэ* 'по-моему', *һинәңсэ* 'по-твоему', *уныңса* 'как он', *беззәңсэ*
'по-нашему' и т. д.

Малопродуктивной является модель, производящая при помощи афф.
-са/-сэ наречия со значением предела во времени. В качестве производящей
основы она использует: а) формы дательного падежа некоторых указатель-
ных местоимений: *бығаса* 'до сих пор'; б) наречия типа *хәзәргә*, *әлегә*: *хәзәр-
гәсэ*, *әлегәсэ* 'до сих пор, доньше', *ғүмергәсэ* 'навечно'.

Кроме указанных типов наречий с афф. *-са/-сэ*, бытуют еще единичные
формы типа *айырыуса* 'особенно', *бүтәнсэ* 'в другой раз, по-иному', *сағыш-
тырмаса* 'сравнительно', которые по отношению к перечисленным моделям
стоят особняком.

2. Афф. *-лай/-ләй* — один из самых специфических аффиксов наречий.
В современном башкирском языке насчитываются около 50 наречий с этим
аффиксом, образованных от различных основ.

Довольно распространенной является модель, производящая от имен
прилагательных наречия образа действия с типовым значением «сохранить
то качество, тот вид, какой обозначает исходная основа»: *бушлай* 'бесплатно',
йәшләй 'сызмала', *сейләй* 'в сыром виде', *тереләй* 'живьем' и т. д.

С рассмотренной моделью сближаются в известной мере следующие
четыре наречия образа действия, образованные посредством афф. *-лай/-ләй*
от существительных, выражающих пространственные отношения и меру:
буйлай 'вдоль', *тирәләй* 'вокруг', *урталай*, *яртылай* 'пополам'.

Другая модель в качестве производящей основы вовлекает относительные
прилагательные на *-ғы/-ге* и образует наречия со значением уподобления,
сходства с тем, что характерно для исходной основы: *боронғолай* 'как в бы-
лые времена', *бөгөнгөләй* 'как сегодня, по-сегодняшнему', *ундағылай* 'как
там', 'по-тамошнему' и др.

Среди образований с афф. *-лай/-лэй* особое место занимают наречия со значением времени, момента действия, выраженного исходной основой, и образованные от: 1) некоторых отглагольных имен существительных на *-(ы)ш/-(е)ш*: *барышлай* 'мимоходом, по пути', *кайтышлай* 'при возвращении', *үтешлэй* 'мимоходом, попутно'; 2) имен существительных — названий времени года или частей суток: *кышлай* 'зимой', *караңгылай* 'затемно', *яктылай* 'засветло, до сумерек'; 3) наречий *башкаса*, *бүтэнсэ* и числительного *икенсе*: *башкасалай*, *бүтэнсэлэй*, *икенселэй* 'в другой раз, вторично'.

От слов *бөтөн*, *тотош*, *үтэ* афф. *-лай/-лэй* образует наречия со значением образа, меры и степени действия: *бөтөнлэй* 'совсем, целиком, вовсе', *тотошлай* 'целиком', *үтэлэй* 'насквозь'.

Малопродуктивной является модель, образующая от некоторых указательных местоимений наречия со значением уподобления и образа действия: *былай*, *ошолай*, *тегелэй*, *улай*, *шулай* 'так, таким образом'.

3. Наречия с афф. *-лата/-лэтэ* образуются от существительных, имеющих конкретно-вещественное значение, от некоторых количественных числительных и отдельных качественных прилагательных: *ажсалата* 'деньгами', *ашлыкмата* 'хлебом', *игенлэтэ* 'зерном, хлебом', *натуралата* 'натурой', *онлата* 'мукой', *эйберлэтэ* 'вещами, патурой'; *сейлэтэ* 'в сыром виде', *терелэтэ* 'живьем'; *икелэтэ* 'вдвойне', *өслэтэ* 'втройне'. Наречие *күрэлэтэ* 'заведомо, нарочно' — единственный случай, когда *-лата* в словообразование вовлекает глагол.

4. Наречия на *-лап/-лэп* типа *азлап* 'пошемногу', *азналап* 'неделями', *берэмлэп* 'поодиночке', *деталлэп* 'детально', *күмэртэлэп* 'оптом', *тэулэп* 'впервые' образуются по аналогии с деепричастными формами, но минуя стадию глагола, путем непосредственного присоединения афф. *-лап/-лэп*. В отличие от деепричастий на *-лап* типа *уйлап* 'обдумывая', *һуңлап* 'опаздывая', *эшлап* 'работая', они не содержат никакого глагольного оттенка в значении, а в предложении всегда служат лишь обстоятельством. Поэтому их иногда называют ложнодеепричастными формами.

РЕДУПЛИКАЦИЯ

Наречия, образованные путем редупликации, или так называемые наречия-повторы, составляют довольно значительную часть производных наречий.

С точки зрения словообразовательной структуры можно выделить следующие типы наречий-повторов.

1. Наречия — полные повторы, образуемые от: а) некоторых имен существительных: *вакыт-вакыт* 'временами', *кат-кат* 'многократно', *өйкөм-өйкөм* 'кучами, группами', *тимгел-тимгел* 'пятнами', б) разделительных числительных: *берэр-берэр* 'по одному', *бишэр-бишэр* 'по пяти' и т. д., в) некоторых наречий: *аз-аз* 'пошемногу', *кабат-кабат* 'неоднократно', *башка-башка* 'в отдельности', *көскэ-көскэ* 'еле-еле, насилу', *эзлэт-эзлэт* 'пошемногу', г) звукоподражательных слов: *быш-быш* 'шепотом', *сылтыр-сылтыр* 'журча'. Большинство наречий-повторов выражает образ действия.

2. Наречия-повторы с фонеморфологическим изменением редупликата — второго компонента. Этот способ образования наречий является очень продуктивным. Особенностью наречий-повторов данного типа является то, что второй компонент в силу фонеморфологического изменения служит своеобразной рифмой к первому компоненту, является как бы его отзвуком. Этот тип наречий иначе именуют парно-повторным. По характеру производящей основы и особенности изменения второго компонента можно выделить следующие разновидности парно-повторных наречий:

1) первый компонент имеет самостоятельное значение, а второй, в силу фонеморфологического изменения, никакой семантикой не обладает: *аз-маз* 'мало-помалу', *алмаш-тилмаш* 'впережку', *ашык-бошук* 'наспех, торопливо', *өстэн-мөстэн* 'поверхностно' и т. д.;

2) оба компонента не обладают самостоятельным значением и употреблением: *алпан-толпан* 'вразвалку', *илке-һалкы* 'кое-как, спустя рукава', *урыж-һурыж* 'урывками', *эпен-төпөн* 'кое-как' и др.; характер изменения второго компонента у обеих рассмотренных разновидностей аналогичен: начальный согласный звук заменяется при втором компоненте другим согласным звуком; если слово начинается с гласного, перед ним добавляется при втором компоненте согласный звук;

3) в качестве производящей основы выступают только подражательные слова, а второй компонент образуется от первого путем замены гласных звуков, главным образом *а* на *о*, *э* на *ө*: *даһыр-доһор* 'с грохотом', *шалтыр-шолтор* 'гремя' и пр.

Парно-повторные наречия относятся к эмоционально-экспрессивной лексике.

3. Повторы с различным морфологическим оформлением компонентов. В качестве производящей основы чаще выступают имена существительные и прилагательные, реже — наречия, местоимения и числительные. В зависимости от характера изменения компонентов этот тип наречий-повторов имеет несколько структурных разновидностей:

1) первый компонент стоит в форме основного падежа, а второй — дательного: *ғүмер-ғүмергә* 'навечно', *як-якка* 'по сторонам, вокруг'; компоненты могут быть осложнены аффиксом притяжательности: *алды-алдына* 'порознь, вразброд', *өстө-өстөнә* 'один на другой';

2) первый компонент стоит в форме основного, а второй — исходного падежа: *борон-борондан* 'издавна', *үз-үзенән* 'самопроизвольно', *ысын-ысындан* 'по-настоящему';

3) первый компонент стоит в форме дательного, а второй — основного падежа: *бергә-бер* 'один на один', *йөзгә-йөз* 'лицом к лицу';

4) первый компонент стоит в форме исходного, а второй — в форме основного падежа: *асыктан-асык* 'откровенно', *йылдан-йыл* 'из года в год', *туранан-тура* 'прямо, непосредственно', *әлдән-әле* 'то и дело';

5) первый компонент стоит в исходном, а второй — в дательном падеже: *буйған-буйға* 'во всю длину', *буштан-бушка* 'впустую, зря', *телдән-телгә* 'из уст в уста';

6) первый компонент имеет афф. *-ма/-мә*, второй стоит в форме основного падежа: *бермә-бер* 'точь-в-точь', *һүзмә-һүз* 'дословно', *әзмә-әз* 'последовательно'.

Кроме рассмотренных форм к повторам этого типа относятся также отдельные образования, как *йылдың-йыл* 'ежегодно', *үзле-үзенә* 'каждый сам по себе', *тейешле-тейешһезгә* 'без надобности', стоящие особняком по отношению к перечисленным типам.

С Л О В О С Л О Ж Е Н И Е

Более четверти всех производных наречий современного башкирского языка образовано путем словосложения. В зависимости от морфологических и лексико-семантических особенностей компонентов, характера отношений между ними можно выделить следующие структурные типы сложных наречий.

1. Копулятивные сложные наречия. Наиболее многочисленными среди них являются так называемые парные наречия, которые образуются:

1) путем сложения близких, синонимичных по значению слов, главным образом деспричастий: *ауа-түнә* 'пошатываясь', *каса-боҫа* 'скрытно', *этә-төртә* 'кое-как', *алгә-тәгәрәй* 'торопливо', *тартып-һузып* 'с натяжкой'; случаи использования других частей речи в качестве синонимичных компонентов парных наречий единичны: *дөбөр-шатыр* 'с грохотом', *ғүмер-бакый* 'испокон веков';

2) путем соединения противоположных по смыслу слов; в качестве коррелятивных пар здесь выступают некоторые имена существительные: *аллы-артлы* 'гуськом', *аслы-өслө* 'слоями', *ара-тирә* 'изредка'; прилагательные: *аслы-туҡлы* 'впроголодь', *әселе-һууыҡлы* 'то в жар, то в холод'; местоиме-

ния: *унан-бынан* 'коо-как', *тегендэ-бында* 'там и сям'; наречия: *ййен-кышын* 'летом и зимой', *көнөн-тонөн* 'днем и ночью'.

Парные наречия второго типа различаются также по внешнему оформлению компонентов, т. е. оба компонента могут быть корневыми: *ары-бире* 'туда-сюда', *көн-төн* 'днем и ночью', или иметь форму одного из пространственных падежей: *унда-бында* 'там и сям', *уңға-һулға* 'направо и налево', или же — афф. -лы/-ле: *ирле-бисәле* 'совместно с мужем и женой', *уйынлы-ысынлы* 'и в шутку и всерьез'.

Остальные типы копулятивных сложных наречий представлены немногими словами типа *конозон* 'целыми днями', *юлыңгай* 'пошутно' (сущ. + прилаг.), *баштүбән* 'вниз головой', *көнләгәре* 'заранее' (сущ. + наречие), а также словами *икәү-ара* 'наедине', *үз-ара* 'между собой'.

2. Сложные наречия, образованные по моделям словосочетаний. Самая большая группа этих наречий структурно организована по моделям атрибутивных словосочетаний.

В качестве первого компонента сложных детерминативных наречий регулярно выступают местоимения *был, шул, ошо, һәр, һис* и *кайһы*, второго компонента — чаще всего слова, обозначающие абстрактное время: *вакыт, заман, сак* 'время, период, пора', *йыл* 'год', *көн* 'день' и т. д. или вопросительные местоимения *касан* 'когда', *кайза* 'где', *кайзан* 'откуда': *быйыл* 'в этом году', *шул заман* 'тогда, в то время', *һәр вакыт* 'всегда', *һәр кайза* 'везде', *һис вакыт* 'никогда', *кайһы вакыт* 'иногда, временами'.

Имена существительные *юл* 'путь, способ, средство' в основном падеже и *як* 'сторона' в дательном падеже, оформленные аффиксом принадлежности, сочетаясь с указательным местоимением *был* 'этот', образуют сложные наречия времени: *был юлы* 'на этот раз', *был ягына* 'отпыне'.

Продуктивными являются сложные наречия, в качестве первого компонента которых выступает числительное *бер* 'один'. Среди них выделяются два типа:

1) сложные наречия, в которых *бер* функционирует лишь в качестве неопределенного члена (артикля), а вторым компонентом выступают: а) имена существительные, обозначающие абстрактное время: *бер вакыт* 'однажды, как-то раз', *бер сак* 'однажды'; б) слова, выражающие количество, степень чего-либо: *бергауым, бер талай* 'несколько, некоторое количество', *бер аз* 'немного' и т. д.; наречия этого типа выражают время, меру и степень действия;

2) сложные наречия, в которых *бер* сочетается со вторым компонентом как именная основа; в качестве второго компонента выступают: а) некоторые существительные в форме исходного падежа: *бер ауыздан* 'единогласно', *бер күңелдән* 'единодушно', *бер уңғайзан* 'заодно'; б) некоторые прилагательные на *-һыҙ/-һез*: *бер туктауһыҙ* 'беспрерывно', *бер һүҙһез* 'безоговорочно'; наречия, образованные по этой модели, выражают образ действия; в) вопросительные местоимения *касан, кайза, нисек*: *бер касан* 'когда-нибудь', *бер кайза* 'где-нибудь', *бер нисек* 'как-нибудь'; некоторые из этих наречий могут иметь в своем составе частицу, которая служит для усиления или ограничения их значения: *бер үк вакытта* 'одновременно', *бер ни кәзәр* 'немного, несколько', *бер нисек тә* 'никак, никоим образом'.

Сложные наречия, восходящие к другим типам словосочетаний, единичны: *аяғөстө* 'стоя' (*аяк* 'нога' + *өстө* 'верх его' — II тип изафета), *тәп күтәрә* (дополнение + управляющий глагол), *тәү башлап* 'сначала' (обстоятельство + управляющий глагол), *көмузарзан* 'наперегонки' образовано по модели двусоставного предложения.

3. Сложные наречия, образованные при помощи частиц и послелогов.

1) наречия с послелогоми *һуң, ары, бирле*, выражающие время действия; первым компонентом таких наречий выступают в основном некоторые наречия и указательные местоимения, оформленные аффиксом исходного падежа: *байтактан бирле* 'порядочно (по времени), довольно', *куптән бирле* 'издавна', *бынан һуң* 'отныне', *бынан ары* 'отныне, в дальнейшем'.

2) наречия с послелогом *тиклем*, *сажлы*, *жәзәр*, *хәтле(м)*; данная модель имеет две структурные разновидности: а) в качестве первого компонента вовлекаются указательные местоимения в форме дательного падежа ед. числа, а образованные сложные наречия обозначают предел во времени: *ошоға тиклем* 'до сих пор, доныне', *ошоға хәтлем* 'до сих пор'; б) первым компонентом выступают указательные местоимения *был*, *шул* в форме основного падежа ед. числа, а образованные сложные наречия выражают меру и степень действия, признака: *шул тиклем*, *шул жәзәр*, *был хәтлем* 'так, настолько, до такой степени';

3) наречия с послелогом *һайын*, выражающие регулярную повторяемость во времени; в качестве первого компонента выступают имена существительные, обозначающие определенные отрезки времени, в форме основного падежа ед. числа: *көн һайын* 'ежедневно', *йыл һайын* 'ежегодно', *азна һайын* 'еженедельно', *сәғәт һайын* 'ежечасно';

4) наречия с послелогом *менән*, выражающие время действия; в качестве первого их компонента выступают имена существительные, обозначающие части суток: *таң менән* 'очень рано, с зарей', *иртә менән* 'рано утром', *кис менән* 'вечером'; особую разновидность рассматриваемой модели представляют собой сложные наречия типа *төнә менән* 'ночью', *важыты менән* 'со временем', образованные путем сочетания послелога *менән* с существительными, оформленными аффиксом принадлежности;

5) незначительная часть сложных наречий современного башкирского языка образуется путем прибавления к некоторым именам и наречиям частиц *да/дә*, *ла/лә*, *за/зә*, *ук/ук*: *көн дә* 'ежедневно, каждый день', *йыл да* 'ежегодно', *бер зә* 'совсем, несколько', *эле лә* 'все еще', *бауҡ (бал + ук)* 'давно, порядком', *шундук (шунда + ук)* 'тотчас'.

4. Сложные наречия, представляющие собой фразеологические единицы: *күз асыл йомғансы* 'в мгновение ока', *ете төн уртаһында* 'глубокой ночью', *башы-тояғы менән* 'полностью, целиком', *һә тигәнсә* 'моментаально' и др. Отличительной чертой таких наречий является, как и у всех фразеологических единиц, их образность, экспрессивность.

АДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ

Адвербиализация, т. е. переход других частей речи в наречие, является одним из продуктивных способов пополнения состава наречий в башкирском языке. Она осуществляется в основном двумя способами: 1) путем конверсии, когда слово, не меняя своей исходной формы, приобретает наречное значение в определенном контексте; 2) путем изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи.

1. Наречия, образованные путем конверсии.

В башкирском языке функционирует около 70 лексико-грамматических омонимов типа *алыс* 'далеко' и 'далекий', *аһнат* 'легкий, нетрудный' и 'легко, нетрудно', *йәтеш* 'удобный' и 'удобно', *кыйын* 'трудный' и 'трудно', *һирәк* 'редко' и 'редкий', *якшы* 'хороший' и 'хорошо' и т. д., которые в зависимости от контекста, не меняя своей формы, функционируют и как прилагательные, и как наречия. Эти слова, выступая одинаково регулярно и как прилагательные, и как наречия, занимают как бы промежуточное положение между данными частями речи. Такая двойная сущность этих слов ставит их в зависимость от условий функционирования. Условия реализации слова заслоняют все его значения, кроме одного — актуального для данного случая. Поэтому когда названные слова обозначают качество предметов и употребляются как определения к существительным, являются прилагательными, а когда эти слова обозначают качество действия и сочетаются с глаголом, они являются наречием: *Якшы һүз ташты иретә* 'Хорошее слово и камень плавит' (посл.), но *Көн якшы ук йылыткан* 'Значительно потеплело' (БРС, 717); *Йылға аръяғынан һирәк кенә урман башлана* 'За рекой начинается редкий лес', но *Картофты һирәк ултырткандар* 'Картофель посадили редко'.

2. Наречия, образованные путем изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи.

Эта форма адвербиализации в башкирском языке является наиболее продуктивной. Большинство наречий, образованных этим путем, составляют изолированные падежные формы имен. Среди них обнаруживаются два класса: древние и современные.

Архаические падежные формы представляют: 1) наречия на *-н, -ын/-ен*, восходящие к древнему творительному падежу; эта форма сохранилась в основном в словах, образованных от существительных, выражающих названия времен года или частей суток: *йэйен* 'летом', *кисен* 'вечером', *төнөн* 'ночью', а также в словах *кырын* 'бокком' и *оштөн* 'выше'. В памятниках древнетюркской письменности афф. *-ын/-ен* представлен как живой морфологический показатель с орудийным значением: *qanatin* 'крыльями', *atın* 'конем': *quş qanatin, er atın* 'птица — крыльями, мужчина — конем' (МК, I, 34); 2) два наречия на *-тын/-тен*, восходящие к древнему исходному падежу: *ақтыртын* 'исподтишка', *йәшертен* 'тайком, скрытно'.

Из современных падежных форм в качестве наречия изолируются формы пространственных падежей.

В форме дательного падежа изолируются: 1) существительные: *ғүмергә* 'навекы', *заяға* 'напрасно, бесполезно', *көскә* 'насилу', *мәңгелеккә* 'навечно', *өскә* 'наверх'; сюда же относятся наречия *көнөнә* 'за день', *иртәгеленә* 'назавтра', у которых падежный аффикс следует за аффиксом принадлежности 3-го лица; 2) прилагательные: *бушка* 'зря, напрасно', *назакка* 'несправедливо', *кәрәкһезгә* 'зря', *тейешһезгә* 'незаслуженно', *файзаһызға* 'бестолку, тщетно', *һулаға* 'налево'; 3) числительное *бер* 'один'; модальное слово *юж* 'нет': *бергә* 'вместе, совместно', *юкка* 'зря, попусту'.

В форме исходного падежа изолируются: 1) существительные: *алдан* 'заранее, впереди', *баштап* 'сначала', *йәшлектән* 'по молодости', *телдән* 'устно', *яттан* 'наизусть'; 2) прилагательные: *уңдан* 'справа', *яңынан* 'снова, заново', *аңһыҙҙан* 'печально', *ирекһезҙән* 'невольной', *сараһыҙҙан* 'позволе, вынужденно'; 3) указательные местоимения: *бынан*, *ошонан* 'отсюда', *шунан* 'потом'; 4) некоторые слова с аффиксом принадлежности 3-го лица: *күтараһынан* 'сильно, чрезмерно', *һуңынан* 'после, впоследствии'.

В форме местного падежа изолируются: 1) существительные: *алда* 'впереди', *ахырға* 'наконец', *башта* 'сначала, сперва', *ғәмәлдә* 'в действительности', *төндә* 'ночью'; 2) прилагательные: *аулакта* 'наедине', *уңда* 'на правой стороне'; 3) указательные местоимения: *бында* 'здесь, тут', *шунда* 'там', *тегәндә* 'там'; 4) существительные *вакыт* 'время' и *заман* 'время' с аффиксом принадлежности 3-го лица: *вакытында* 'вовремя, своевременно', *заманында* 'в свое время, когда-то'; 5) причастия *көтмәгән* 'нежданный' и *көтөлмәгән* 'не ожидаемый', которые, субстантивирываясь, принимают аффиксы местного падежа: *көтмәгәндә* 'нежданно-негаданно', *көтөлмәгәндә* 'неожиданно, нежданно-негаданно'.

В дальнейшем по аналогии с наречиями — изолированными падежными формами имен образовались другие наречия, минуя процесс изоляции собственно падежной формы. В этих наречиях падежный аффикс выступает уже как словообразующий элемент. В качестве производящей основы здесь выступают в основном сами наречия: *борондан* 'издавна', *бөтөнләйгә* 'навсегда, совсем', *кайттан* 'заново', *капылда* 'пока', *хәзергә* 'покуда'. Образованы, минуя процесс изоляции, также наречия типа *абайламастан* 'печально', *аңғармастан* 'невзначай', *искәрмәстән* 'внезапно', *кисекмәстән* 'немедленно', *уйламастан* 'неожиданно', в качестве производящей основы которых выступает отрицательная форма некоторых причастий 3-го лица будущего времени. В этих словах аффикс исходного падежа тесно связан с предыдущим аффиксом основы *-мас/-мәс* и составляет вместе с ним как бы единую морфему, предназначенную для образования наречий.

Небольшая группа наречий образована путем изоляции и лексикализации деепричастий, главным образом деепричастий с афф. *-(ы)н/-(е)п*, образованных от отыменных глаголов на *-лаш/-ләш*: *бергәләшеп* 'совместно,

сообща', *икәүләшеп* 'вдвоем', *кумәкләшеп* 'коллективно, сообща', *сиратлашып* 'поочередно'. Формы деепричастий на *-а*, изолированные в значении наречия, ограничиваются словами *кайта* 'наоборот', *кырка* 'резко', *кутара* 'сильно, помногу', *үтә* 'слишком', *яза* 'мимо, неточно', ср. др.-тюрк. *jaz* 'ошибаться, допускать промах' — ДТС, 250. Эти формы настолько изолировались от деепричастий на *-а*, что по аналогии с наречиями—изолированными надежными формами имен некоторые из них принимают даже надежные окончания: *кайтанап* 'заново', *үтәнен-үтәгә* 'насквозь'.

Некоторые наречия образовались путем изоляции и постепенной лексикализации редких форм типа *өзлөкһез* 'беспрерывно', *хәтһез* 'изрядно, довольно много', *әһез* 'бесследно', *яртылаш* 'наполовину', *кулдәксән* 'в одной рубашке'. Адвербиализовались также некоторые имена с аффиксом принадлежности 3-го лица: *ғумере* 'никогда', *йыйыныһы* 'всего, итого', *барлығы* 'всего, в общем'. Этот же аффикс, присоединяясь уже к наречию, совместно с аффиксом множественности придает ему значение приблизительности: *иртәгә* 'завтра' — *иртәгәләре* 'примерно завтра', *былтыр* 'в прошлом году' — *былтырҙары* 'примерно в прошлом году'.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ НАРЕЧИЙ

В башкирском языке прилагательные и наречия одинаково пользуются: 1) формой сравнительной степени и 2) формой интенсива.

Форма сравнительной степени наречий, как и прилагательных, образуется при помощи афф. *-рак/-рәк* после гласных и *-ырак/-ерәк*, *-орак/-өрәк* после согласных: *аз* 'мало' — *азырак* 'меньше', *иртә* 'рано' — *иртәрәк* 'пораньше', *тиз* 'быстро' — *тизерәк* 'быстрее', *озак* 'долго' — *озағырак* 'дольше'.

Однако форма сравнительной степени на *-рак* менее характерна для наречий, чем для прилагательных; если она образуется от всех качественных прилагательных, то по крайней мере половина наречий не может иметь эту форму. Так, подавляющее большинство наречий меры и степени, причины и цели, многие наречия времени, половина такой многочисленной группы наречий, как наречия образа действия, некоторые наречия уподобления не допускают формы на *-рак*. Лишь наречия места все без исключения могут образовать форму сравнительной степени.

Возможность или невозможность образования формы на *-рак* у наречий трудно подвести под какое-либо правило, это зависит от семантических особенностей каждого из них.

Сравнительная степень наречий в предложении конкретно реализуется в следующих двух случаях: 1) название предмета, с действием которого сравнивается действие основного предмета, находится в позиции косвенного дополнения в форме исходного падежа, а наречие, управляя этим падежом, следует за ним: *Ул һинән тизерәк килде* 'Он пришел быстрее тебя'; 2) название сравниваемого предмета стоит в форме дательного падежа, но в этом случае за ним следует послелог *жарағанда*, управляющий этим падежом, и только после него идет наречие: *Ул һиңә жарағанда тизерәк килде* 'Он пришел быстрее, чем ты'.

Но если прилагательное в таких сравнительных конструкциях в основном выполняет функцию сказуемого, то наречие выступает в своей обычной функции — в функции обстоятельства. Это связано с категориальными значениями данных частей речи. Прилагательное показывает признак предмета, и поэтому в сравнительных конструкциях типа *буре эттән зурырак* 'волк больше собаки' оно, выражая качественное отношение между сравниваемыми предметами, выполняет функцию сказуемого. Наречие же обозначает признак действия или признака и поэтому в сравнительных конструкциях типа *Ул һинән иртәрәк торҙо* 'Он встал раньше тебя' показывает отношение не между исполнителями, а между их действиями, выполняя функцию обстоятельства. Лишь наречия *аз*, *күн*, а также наречия типа *алда*, *өстә*, представляющие собой изолированные формы местного падежа имен, могут высту-

пать, подобно прилагательным, в функции сказуемого вышеуказанных сравнительных конструкций: *Улар безгә караганда азыраҡ* 'По сравнению с нами их меньше', *Һин эйткән урын бынан алдараҡ* 'Место, о котором ты говорил, несколько впереди'.

Форма интенсива, или усиления качества, выражает оптимальную меру, полноту качества, признака.

Интенсивная форма наречий в башкирском языке, как и у прилагательных, образуется путем частичной редупликации: к началу наречия добавляется первый его слог, на который наращивается структурная морфема *n*, если слог этот открытый: *ары* 'дальше' — *ан-ары* 'значительно дальше', *капыл* 'внезапно' — *кан-капыл* 'совершенно внезапно', *күмәк* 'много' — *күп-күмәк* 'много-премного'; если слог закрытый, то его конечный согласный заменяется структурным элементом *n*: *аз* 'мало' — *ан-аз* 'мало-премало', *бушжа* 'зря, ни за что' — *бун-бушжа* 'ни за что, ни про что', *иртә* 'рано' — *ип-иртә* 'довольно рано, рано-прерано'.

Количество наречий, пользующихся формой интенсива, в башкирском языке не превышает сорока (тогда как среди качественных прилагательных она носит глобальный характер). Большинство из них составляют корневые наречия.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НАРЕЧИЙ

Обычной функцией наречия является роль обстоятельства при глаголе, а также роль определения при глаголе, прилагательном и наречии. В следующих предложениях наречия в зависимости от их семантики выступают в качестве различных обстоятельств: 1) образа действия: *Ошо урында һүҙҙе кырка еҙҙө* 'Тут он резко оборвал разговор' (С. Агиш); 2) времени: *Тизҙән теге яр ситендә каты бәрелеш тоҡанып китте* 'Вскоре на том берегу началось ожесточенное сражение' (Р. Хакимов); 3) места: *Әтүбән дә тауыш-тынһыз ғына Агидел ағып ята* 'А внизу бесшумно течет Агидель' (М. Тажи); 4) меры и степени: *Һәүбән көзгөлө һарайза тыуған уҫкән ерҙәрҙән күргәс, урта ашҡынған* 'Увидев в зеркальном дворце свои родные места, Хаубан очень разволновался' (фолькл.); 5) цели: *Егеттәр уға юрый юл бирмәс өсөн кузғалманылар* 'Чтобы нарочно не дать ему дорогу, парни не двинулись' (Х. Давлетшина).

Синтаксическая функция наречий не ограничивается выражением различных обстоятельств совершения действия. Показывая признак признака, наречие сочетается с прилагательными и наречиями, т. е. выступает в качестве их определителя, усиливая или ослабляя их значение. В качестве признака признака могут выступать наречия меры и степени, в том числе все так называемые усилительные слова типа *байтаж* 'значительно', *бик* 'очень', *үтә*, *ифрат* 'слишком', а также некоторые наречия уподобления: *Көн ғәҙәттән тыш сасқау булғанлыҡтан, мин өшөп кайтып ингәйнем* 'День был чрезвычайно холодным, поэтому я вернулся очень замерзшим' (С. Кулибай); *Ул минән байтаж көслө* 'Он гораздо сильнее меня'; *Политбүлек начальниге үҙенсә кәнәғәт* 'Начальник политотдела по-своему доволен' (Ф. Иҫәнғолов). Наречия, выступающие в роли определителя при прилагательных и наречиях, ни одна другая часть речи не может заменить.

В редких случаях наречие может употребляться в атрибутивной позиции, т. е. выполнять роль определения при существительном. В этой функции употребляются в основном некоторые наречия уподобления на *-са/-сә*, а также отдельные наречия меры и степени типа *күп* 'много', *байтаж* 'значительно', *бер талай*, *бер килке*, *бер ни тиклем* 'некоторое количество', *әз* 'мало', *әз-мәз* 'мало-помалу, чуточку', имеющие чисто количественное значение: *иркенсә тормош* 'жизнь в достатке', *жаласа кейем* 'одежда по-городски', *яңыса җараш* 'взгляд по-новому'; *байтаж иген* 'значительное количество хлеба', *бер ни тиклем утын* 'некоторое количество дров'.

Некоторые наречия могут выступать в качестве самостоятельного сказуемого и принимать предикативные показатели. В этой позиции наречие как главный член предложения оказывается одним из носителей основного понятия высказывания и может иметь при себе зависимые слова и управлять ими, т. е. образует группу сказуемого: *Исәһезҙең малы теүәл* 'У того, кто не умеет считать, все налицо' (погов.); *Без һәр сәж бергә без* 'Мы всегда вместе'; *Шоморт кара күҙҙәре генә үзгәрмәгән, элеккесә* 'Только черные глаза не изменились, как и прежде' (Н. Мусин); *Ә бында эш бөтөнләй киреһенсә* 'А тут дело обстоит совсем наоборот' (З. Бишева).

Как известно, в башкирском языке при именном сказуемом могут употребляться модальные слова *икән*, *имеш*, которые придают высказыванию соответствующий их значению модальный оттенок; *Кыуыш тигәнем көбән имеш* 'То, что я принял за шалаш, оказывается, стог'. Точно так же и наречия, выступая в позиции сказуемого, могут принимать указанные модальные слова: *Бында еләк күп икән* 'Тут ягод много, оказывается' (фольк.); *Тышта һалжыһса, имеш* 'На улице, оказывается, прохладно'. В этих предложениях модальные слова *икән* и *имеш*, входя в состав наречного сказуемого, осложняют его значение оттенками внезапного умозаключения или удивления. Слово *имеш* может внести также оттенок сомнения: *Уға барыбер, имеш* 'Ему якобы безразлично'.

Для передачи отрицания, как и при именах, употребляется слово *түгел*: *Халыҡ күп түгел* 'Народу немного'; *Бына шулай, ә киреһенсә түгел* 'Вот так, а не наоборот'.

ГЛАГОЛ

Категориальное значение глагола как части речи составляет обозначение действия в его процессуальности. В лексико-семантической основе глагола наряду с номинацией процессуального действия заложены определенные параметры, характеризующие именно живое действие: соотношенность с его производителем, а в ряде глаголов с определенным объектом в его обобщенном представлении. Так, глагол *йом-* 1) 'смыкать, зажмурить', 2) 'закрывать, сомкнуть' по своей семантике предполагает соотношенность со строго определенным субъектом, наделенным уже заданным объектом — глазами (в первом своем значении), ртом и ладонью (во втором значении). Эти и сходные синтаксические потенции однозначно вытекают из самого лексического значения глагола, имплицитно «записаны» в нем таким образом, что носитель языка, осмысливая содержание глагола на собственно лексико-семантическом уровне, одновременно воспроизводит и их.

Процессуальность несовместима с предметностью, составляющей категориальное значение имени существительного. Соответственно осмысление действия как процесса, характерное для глагола, уже само по себе исключает возможность его понимания как предмета, и наоборот. В силу этого глагол без соответствующего оформления даже как лексема не может стать именем существительным (и наоборот), хотя действие в принципе может быть осмыслено не только как процесс, но и как предмет¹ (ср. *уйын* 'игра' и *уйна-* 'играть', *улем* 'смерть' и *ул-* 'умирать', а также *шау-шыу* 'гвалт, шум' и т. п.). Эти две части речи полярно противопоставлены друг другу даже на уровне лексико-семантическом, в том числе и в виде корневых морфем². Поэтому собственно глагольная лексема (а не имя действия, образованное от нее), в отличие от всех остальных частей речи, не субстантивируется, тем более

¹ Обозначением действия без указания на его процессуальность может быть в принципе и местоимение типа *был* 'это', *ошо* 'это'.

² Наличие единичных синкретических корней типа *шеш-* 'парывать', *шеш* 'нарыв', представляющих, по всей вероятности, неэтимологическую омонимию в результате метафорического переноса значения действия на его результат, не противоречит этому.

в своих спрягаемых грамматических формах, являющихся морфологическими разграничителями.

Действие, выражаемое глаголом, в известном смысле может быть рассмотрено как признак предмета. Но его процессуальность, динамичность не совместима с номинацией признака, передаваемого другими частями речи, в частности именем прилагательным, характеризующим статический признак. Соответственно глагольная лексема противопоставлена и частям речи, выражающим признак предмета³. Противопоставлена она и всем остальным частям речи. В данном случае также обоюдно исключена возможность конверсии. Таким образом, глагольная лексика вообще непроницаема. Правда, глагол необычайно широко не используется для образования других частей речи, как и наоборот. Но это возможно исключительно при условии, если он принимает соответствующую словообразовательную форму. Другие части речи вовлекаются в ряды глагола при таком же строгом условии, однозначно характеризующем производное слово только как глагол.

В отличие от других частей речи глагольная лексика непроницаема и для прямых иноязычных заимствований, в том числе и глаголов, которые в необходимых случаях используются лишь в качестве производящей основы, неизбежно принимающей глагольную словообразовательную форму. И это вовсе не потому, что глагол не нуждается в них, а исключительно по неизбежным законам глагольной морфологии.

Морфологически не охарактеризованы лишь корневые глаголы, насчитывающие максимум 600 морфем, и производные сложные глаголы, образованные с их помощью за счет других частей речи и иноязычных заимствований. Все остальные глагольные лексемы, составляющие половину глагольной лексики, насчитывающей минимум 15 000 стабильных слов, уже в своей словарной форме отмечены глагольными словообразовательными морфемами, однозначно характеризующими их с точки зрения категориальной принадлежности.

Независимо от того, имеет ли лексическая основа глагола словообразовательную форму глагола или нет, она немыслима вне грамматической системы глагола. Глагол, как лексема, выделяется, собственно, лишь теоретически. И то весьма условно. Правда, лексическая основа глагола внешне, т. е. графически, совпадает с формой 2-го лица ед. числа повелительного наклонения, которая, однако, на деле немыслима без формального выражения — императивной интонации, местоположения глагола в предложении⁴, структуру и семантику которого она предопределяет, элипсиса подлежащего. Это совпадение, по существу, является лишь омографическим. Глагольная лексема принципиально не может быть вне системы словоизменения. Это и естественно. В глагольной лексеме обозначаемое действие представлено лишь в крайне абстрагированном его выражении, вне пространства и времени. Между тем, живое действие, как бы оно ни было абстрагировано от неисчислимого множества его конкретных разновидностей и проявлений, не может быть вне этого измерения, вносимого как раз грамматическими категориями глагола, специально предназначенными для уточнения конкретных условий его проявления.

Глагольная лексема включает в себя лишь то, что обще всем глагольным словоформам, которые можно образовать от нее, тогда как каждая слово-

³ В отличие от предыдущего случая здесь, естественно, гораздо больше синкретических корней (но не более десятка) типа *жоро* 'сухой' — *жоро-* 'сохнуть', *туң* 'мерзлый' — *туң-* 'мерзнуть', *ылы* 'теплый' — *ылы-* 'согреться', *эсе* 'кислый' — *эсе-* 'киснуть'. Большинство их возникло в результате отпадения этимологического конечного *r* или *ʁ* от глагольных прилагательных типа *һарыҥ* 'воющий' (ср. тат. *сасы-* 'тухпуть' и *сасы-* 'воющий'). Происхождение остальных омонимов типа *туң* может быть объяснено семантическим способом словообразования — метафорическим переносом значения по общности какого-либо его компонента.

⁴ Предупреждая возможное возражение, заметим, что позиционная закрепленность морфемы и словоформы составляет один из распространенных (ср., к примеру, морфологию китайского языка) способов формального выражения грамматических категорий. См. об этом: Юлдашев А. А. К проблеме аналитизма в тюркских языках. — ВЯ, 1965, № 1.

форма по-своему уточняет и конкретизирует это применительно к данным условиям. Именно грамматическая система глагола, его собственно грамматические категории «оживляют» действие, названное лексической основой глагола в самых общих чертах. Формальное выражение действия как действия по существу достигается именно этим, хотя носителем собственно лексического значения и продолжает оставаться только лексема, за которой оно закреплено на общих основаниях, характерных для всех частей речи. С этой точки зрения глагольная лексема обнаруживает изоморфизм с содержанием корня в составе однокорневых производных слов, объединенных тоже высокоабстрагированным константным компонентом значения.

Из всех частей речи глагол обладает самой разветвленной системой категорий, чрезвычайно разнородных по степени своей грамматикализованности и сфере охвата его лексического состава, характеризующегося вполне достаточной развитостью сообразно с современными коммуникативными запросами⁵.

Каждая из этих категорий по своему уточняет и дополняет лексическое содержание глагола применительно к данному его употреблению, благодаря чему глагол приобретает способность выразить отдельное действие в конкретном его проявлении с указанием даже конкретного его исполнителя (я, ты, он, мы, вы, они), его реальности, нереальности, времени совершения по отношению к моменту речи и т. д.

Еще до поступления в распоряжение собственно грамматической системы глагола его лексическая основа может быть уточнена по содержанию с самых разных точек зрения, характерных для глагола. При этом ее константное значение наподобие содержания корня в составе однокорневых производных слов не меняется сколько-либо существенно, а лишь модифицируется на том же лексико-семантическом, а не грамматическом уровне, хотя и производится в грамматически организованном порядке, т. е. с помощью специальных форм. Примерно такую же модификацию допускают частично и существительные, принимая определенную лексико-грамматическую форму, ср. *брат* — *братик*, *братец*, *братва*; *друг* — *дружок*, *дружище*; *дом* — *домик*, *домище*; *сила* — *силаща*, *силенки*, а также прилагательные, изменяясь по степеням сравнения: *умный* — *умнее*, *умнейший*; *главный* — *главнее*, (*наи*)*главнейший*.

Лексико-семантическая модификация глагольной лексемы характеризуется чрезвычайной разветвленностью, не укладывающейся ни в какие схемы глагола (вроде аспектов или способов глагольного действия) языков иных систем. Вне зависимости от своей разнородности их объединяет одно: исходная глагольная лексема при всякой ее модификации в конечном итоге удерживает свое константное лексическое значение, лишь видоизменяет его. В то же время любое это видоизменение, как бы оно ни было минимальным, в конечном итоге нарушает тождество глагола как лексемы.

Модификация каждый раз так или иначе дает относительно автономную производную лексему, не говоря уже о том, что она нередко приводит к резким семантическим сдвигам, когда между исходной основой и обновленной ее разновидностью смысловая связь угадывается лишь с трудом: ср. *ау-* 'валиться, опрокидываться' и *ауыр-* 'болеть'; арх. *һор-* 'гнать' и *һорт-* 'вытереть', *һөрөн-* 'спотыкаться' и т. п. Иными словами, здесь мы имеем дело так или иначе со своеобразным внутриглагольным словообразованием, если даже в некоторых случаях (типа *ак-* 'течь', *ағып ят-* 'течь', *ағып ултыр-* 'течь') трудно говорить о сколько-нибудь существенном изменении именно самого лексического значения исходной глагольной основы. Такова, в частности, модификация исходной глагольной лексемы аналитическим способом, именуемая обычно видообразованием. К ней примыкает по характеру ныне

⁵ Достаточность глагольной лексики в башкирском языке подтверждается хотя бы тем, что в ней так или иначе более или менее точные или по крайней мере близкие эквиваленты находят едва ли не каждый русский глагол, исключая их видовые и родовые модификации, а также отдельные фразеологизмы типа *пожимать плечами*, передаваемые на башкирский язык не лексически, а лишь описательным путем.

непродуктивная по сути аффиксация типа *көлөмкөрө* 'улыбаться', *йокм-һора* 'испытывать сонливость', *караштыр* 'посматривать', *укыштыр* 'читать время от времени'.

По своей сущности сводится к внутриглагольному словообразованию и вся система залоговой модификации исходной лексической основы глагола, исключая разве формы страдательного залога, образуемые от исходной основы глагола в рамках ее же лексического значения (ср. ал- 'взять' и *алын*- 'быть взятым' и т. п.). Во всяком случае, значительное большинство форм косвенных залогов в их отношении к лексическому значению своей производящей основы являет собой относительно автономные производные лексические единицы, как это косвенно подтверждает давно устоявшаяся традиция включения их в словари в качестве заглавных слов на общих основаниях.

Особую модификацию глагольной лексемы представляет образование от нее форм модальности типа *бара ал*- 'мочь пойти', *барын бул*- 'быть в состоянии пойти', *баргым кил*- 'хотеть пойти'. В этом случае действие, выражаемое модифицируемой лексемой, становится всего лишь объектом другого действия (мочь, хотеть и т. п.), составляющего всуцущее содержание образуемой формы, которая лишь в целом выступает в грамматической системе глагола на правах единой лексической основы глагола, принимая грамматические формы наклонений, времени, лица и числа, деепричастий, причастий и даже имен действия на общих основаниях: *бар*- 'идти' — *бара ал*- 'мочь идти': *бара алманым* 'я не мог идти', *бара ала инем* 'я бы мог идти', *бара алабыз* 'мы можем идти', *бара алһак* 'если сможем пойти', *бара алмагас* 'поскольку не мог идти', *бара алмайынса* 'не будучи в состоянии идти', *бара алмаған (кеше)* '(люди) не сумевшие идти', *бара алыу* — имя действия, *бара алыусы* — имя деятеля.

Таким образом, происходит своеобразное сложение, характеризующееся высокой организованностью на собственно грамматических началах с ясно выраженным модальным содержанием и тем не менее не имеющее прямого отношения к грамматической категории наклонения. Об этом со всей очевидностью свидетельствует сочетаемость рассматриваемых форм с формами как изъявительного, так и косвенных наклонений. Не менее интересна возможность образования форм модальности чуть ли не от всякой исходной глагольной лексемы и от огромного числа вторичных глагольных основ, созданных при так называемом видообразовании и залогообразовании.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Словообразование глагола, представляющее очень разветвленную систему, осуществляется путем аффиксации и сложения лексем, из которых в современном языке наиболее продуктивным является способ словосложения.

С Л О В О С Л О Ж Е Н И Е

В современном словообразовании глагола самое большое место занимает сложение двух глагольных основ, т. е. внутриглагольное сложение, которое к тому же производится в серийном (организованном) порядке, составляющем объект деривационной морфологии. Образование же глагола за счет других частей речи, в частности их использование в качестве первой производящей основы, объединяемой с последующей глагольной основой, имеет место ныне несравненно реже. Причем, такие отыменные сложные глаголы создаются обычно в индивидуальном (не серийном, или организованном) порядке без использования определенных словосложительных стереотипных моделей, что делает их объектом не столько словообразования, сколько словаря и исторической лексикологии, а отчасти — фразеологии и фразеологического словаря.

Внутриглагольное сложение сводится главным образом к так называемому видообразованию, под которым ныне уже принято, наконец, понимать словообразование, а не собственно грамматическую категорию вида, в конечном итоге связанную со словообразованием даже в русском языке, где она получила наибольшее развитие и грамматикализацию. Кроме того, сюда относится очень продуктивное сложение спрягаемого глагола *ит-* 'делать' с предыдущим русским инфинитивом типа *танцевать ит-* 'танцевать', которые объединяются, однако, с множеством отыменных глаголов вроде *ялт ит-* 'сверкать', в свою очередь, находящихся в системных отношениях с отыменными глаголами активного действия на *-ла/-лэ* (ср. *терт ит-* / *тертлэ* 'вздрогнуть').

Во внутриглагольном словообразовании ранее участвовала также и аффиксация. В частности, многие производные глаголы созданы с помощью аффт. *-ш*, *-л*, *-н*, *-т*, *-тыр* и т. п., которые впоследствии стали показателями взаимного, страдательного, возвратного и повелительного залогов, лишившись своей прежней словообразовательной функции.

В свое время довольно продуктивным было также образование производных глаголов с аффиксами, выражающими характер протекания действия: различные оттенки интенсификации или, напротив, ослабления, неполного проявления действия (1), эпизодическую повторяемость или раздробленность действия во времени, совершаемого без усердия, как бы мимоходом (2): ср. 1) *аб-ыл-* 'спотыкаться' (*аб-* > *ау-* 'унасть, свалиться'), *бок-лэ* 'загибать, сгибать' (*бок-* 'гнуть'), *көллэ-ш-* 'ревновать, завидовать' (*көллэ* 'ревновать'), *жыу-ала-* 'погонять' (*жыу-* 'гнать'), *жыс-та-* 'торопить, погонять' (в работе), 'упрашивать поест' (*жыс-* 'жать, прижимать, теснить'), *жызык-һыл-* 'заинтересоваться' (*жызык-* 'интересоваться'), *көлөм-һорэ-* 'улыбаться' (*көл-* 'смеяться'), 2) *тэрт-көлэ-* 'подталкивать' (*тэрт-* 'толкать'), *югер-гелэ-* 'побегать' (*югер-* 'бегать'), *жара-штыр-* 'посматривать, поглядывать' (*жара-* 'смотреть'), *жара-штыр-ғыла-* 'посматривать, поглядывать время от времени', *уқы-штыр-* 'почитывать' (*уқы-* 'читать'), *уқыштыр-ғыла-* 'почитывать время от времени', *кил-гелэ-* 'приходить время от времени' (*кил-* 'прийти, приехать, прибыть') и т. п. Из этих словообразовательных форм в современном языке свою продуктивность более или менее сохранили, однако, лишь формы на *-штыр/-штыр* и на *-ғыла/-гелэ*, выражающие эпизодическую повторяемость или раздробленность во времени неинтенсивного действия.

За этим небольшим исключением современное внутриглагольное словообразование производится аналитическим путем: 1) по сложившимся стереотипным моделям, отдельные из которых переросли, по существу, в регулярные словосложительные формы аффиксального характера, 2) способом сложения десемантизированной формы деепричастия на *-н* или на *-а/-э*, *-й* со спрягаемым глаголом, при этом оба компонента лишены раздельного осмысления.

В первом случае словообразование осуществляется в организованном порядке — глагол имеет словообразовательную структуру, составляющую объект словообразовательной морфологии. Во втором — в индивидуальном порядке, не имеющем прямого отношения к морфологии, поскольку здесь не приходится говорить о создании одного производного слова по образцу другого. Ко второму разряду сложных глаголов, составляющих объект словаря и отчасти исторической лексикологии, относятся также и производные глаголы, унаследованные в башкирском языке от общетюркского языка-основы и, быть может, созданные по определенным моделям, уже не участвующим в современном башкирском словообразовании. И в том, и в другом случае первый компонент сложного глагола выступает в форме деепричастия, лишённого всякого значения и синтаксической функции. Во всем остальном сложный глагол выделяется по общим критериям сложного слова; исключение составляет лишь раздельное написание его компонентов.

Многие сложные глаголы второго разряда структурно совпадают с первым разрядом: ср. *тартып ал-* 'вырвать (из рук), отнять, отобрать силой' в его отношении к модельному сложению типа *ашап ал-* 'закусить слегка', *йоклап ал-* 'поспать'. Нередко одна и та же форма в одном контексте выступает как глагол первого разряда, в другом — как второго: ср. *ул укып тора* 'он стоит и читает' и *ул килгэн бер газетаны укып тора* 'он читает всякую газету, которая поступает'. Поскольку, к тому же, модельное сложение исторически в конечном итоге формируется на базе отдельных сложных слов, созданных в индивидуальном порядке, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть оба эти способа сложения, сосредоточив внимание, однако, на первом из них. Тем более, что и при организованном сложении производный глагол нередко обнаруживает значительное отклонение от типового значения данной словообразовательной модели, по которой он образуется, как это наблюдается, впрочем, и при аффиксальном словообразовании.

Организованное сложение

Организованное внутриглагольное сложение производится либо по стереотипной деривационной модели, где компоненты, претерпевая частичную или сильную десемантизацию, принимают в создании нового лексического значения примерно одинаковое доленое участие, либо с помощью сложной словообразовательной формы, в составе которой деепричастный аффикс в сочетании с последующим спрягаемым глаголом, лишенным своего исходного значения, выделяется как сложный формант с необратимым словообразовательным значением наподобие аффикса: ср. *язып бир-* 'написать для кого-л.' и *кыскырып ебар-* 'закричать', *йырлап ебар-* 'запеть' и т. п.

В большинстве случаев словообразование производится по второму способу, при котором многие формы в зависимости от характера лексического значения производящей основы выступают, однако, и в качестве словосложительной модели: ср., с одной стороны, *тороп тор-* 'постоять пока, подождать', *ултырып тор-* 'посидеть, сидеть пока', *йөрөп тор-* 'походить, ходить пока', с другой стороны — *язып тор-* 'записывать', *карап тор-* 'наблюдать' и т. п., где *тор-* в первом случае полностью десемантизован и выделяется лишь как компонент сложного форманта *-п тор-*, а во втором выступает в качестве одной из двух производящих основ, на паритетных началах, мотивирующих вновь создаваемое лексическое значение, как это наблюдается во всяком сложном слове.

В сложной словообразовательной форме выделяется лишь одна производящая основа, которая мотивирует производимое значение в совокупности со сложным формативом: ср. *тор-оп тор-* 'в ожидании кого-/чего-л. некоторое время выполнять действие, названное производящей основой'. Здесь новое слово создается по существу отнюдь не путем собственно сложения, а по принципу аффиксации.

Ни к словосложительным моделям, ни тем более к сложным словообразовательным формам не имеют прямого отношения так называемые формы на *-а/-э, -й башла-, -п бот-* и т. п., в существующих источниках рассматриваемые обычно в одном ряду с ними. Ибо глаголы *башла-* 'начинать, приступать' и *бот-* 'кончать, заканчивать' реализуются здесь в своем обычном лексическом значении, предполагающем прямой объект, в качестве которого и выступает предыдущее деепричастие, рудиментарно отражая свое бывшее употребление в функции инфинитива: ср. *укыу башланды* 'учеба началась' и *укый башландык* 'мы начали учиться'; *эш боттө* 'работа закончена' и *эшлэп боттом* 'я закончил работу'⁶. Это подтверждается возможностью замены

⁶ Другое дело, когда глагол *бот-* десемантизируется и в сочетании с предыдущим деепричастием, тоже лишенным своего значения, создает производные слова с типовым значением вроде *арып бот-* 'крайне устать', *буялып бот-* 'измазаться, вымазаться', *иртегеп бот-* 'известись, измучиться', *сатнап бот-* 'растрескаться' и т. п.: *Бөтөнләй күзгәрем талып боттө* (К. Мөргәп) 'Глаза мои очень утомились'; *Юнле күз таба алмай*

деепричастия при глаголе *башла-* инфинитивом на *-ра/-ргә*⁷: *Бер оратор сығып һойләргә башлань* (Д. Юлтый) 'Вышел какой-то оратор и начал выступать'; *Юлда арып, туңып кылған кешеләр, кайныһы стенаға һойәлеп, кайныһы чемодандарына баштарып һойәп, хырылдарға башланьлар* (Д. Юлтый) 'Изможденные и окоченевшие в пути люди по прибытии захрапели, кто прислонившись к стене, кто положив голову на свой чемодан'; *Ғилажи калай кружканан бер нисә йотом сәй һемерзе лә һөйләшергә башлань* (А. Таһиров) 'Ғилажи, выпив несколько глотков чая из жестяной кружки, начал говорить'.

К образованным собственно сложением композитам не могут быть отнесены также и обстоятельственно-копулятивные глагольные словосочетания типа *югереп сыж-* 'выбежать', в которых компоненты тоже реализуются в своих обычных значениях, первое действие, представленное деепричастием, выражает способ совершения второго действия, производимого одновременно с ним одним и тем же лицом. Способ или образ действия выражен здесь грамматически в полном соответствии с одним из основных синтаксических назначений деепричастия на *-п* без всякого ущерба для лексического значения обоих глаголов, сочетающихся друг с другом по структурной схеме синтаксиса.

Нельзя без оговорок включать в число словообразовательных форм также и чрезвычайно распространенные в башкирском языке копулятивные словосочетания типа *барып (килеп, сығып, менеп, тошөп* и т. п.) *ултыр-* 'пойти (выйти, прийти, взобраться, спуститься) и усесться', *кереп (килеп, менеп* и т. п.) *ят-* 'зайти (прийти, взобраться) и улечься', предназначенные для выражения двух самостоятельных последовательно совершаемых действий с заметной актуализацией последнего из них. Здесь деепричастие на *-п* выполняет другую свою функцию — присоединительную, противопоставляя предшествующее действие последующему точно таким же образом, что и союз *да/дә* (ср. *барзым да ултырзым* 'я пошел и уселся'). Оба глагола реализуются в своих значениях, соотносенных друг с другом на названных началах благодаря форме деепричастия и ее местоположению.

По данной структурной схеме копулятивного глагольного словосочетания нередко создаются и сложные глаголы промежуточного характера с относительно цельным лексическим значением, отнюдь не во всем совпадающим с исходными лексическими значениями своих производящих основ: ср. *күрешеп сыж-* 'зайти, поздороваться и выйти', *һөйләшеп сыж-* 'зайти, поговорить и выйти'. Среди них встречаются и бесспорные композиты типа *алып кайт-* 'привезти', *алып кит-* 'увезти, унести'. Но все эти производные глаголы, образуемые обычно в индивидуальном порядке благодаря специфике лексической сочетаемости двух глаголов, не могут быть поставлены в один ряд с названными свободными копулятивными словосочетаниями, составляющими типологическое свойство тюркских языков⁸.

Словосложительные модели и деривационные сложные формы обнаруживают общность с перечисленными тремя типами свободных глагольных сочетаний — объектные, обстоятельственнокопулятивные, копулятивные — лишь внешне, как это свойственно и всем остальным типам и разновидностям свободных глагольных словосочетаний, первый компонент которых выражен деепричастием.

тирләп бөттәм (Т. Йәнәби) 'Не найдя нужных слов, я даже вспотел'. Сходную функцию выполняет в сочетании с деепричастием на *-п* и производный глагол *бөтөр-*: *Шунда инде эллә нисәр уйлап бөтөрҙәм, әй* (Т. Йәнәби) 'О чем только не подумал я тогда'.

⁷ В таком свободном словосочетании с инфинитивом на *-ра/-ргә* может быть заменен и сам глагол *башла-* синонимом *тотон-* 'начинать, приступать': *Улар иккесе һөйләшергә тотондолар* (Т. Йәнәби) 'Они вдвоем начали говорить'; *Һуңынан был үкһеп-үкһеп аларға тотондо* (З. Хисмәтуллин) 'Потом она стала горько плакать'. В отдельных тюркских языках, например турецком и чувашском, и при глаголе *башла-* употребляется не деепричастие, а только инфинитив, как это имеет место в данном случае.

⁸ Как это давно замечено, из двух совершаемых одно за другим действий первое должно быть обозначено деепричастием на *-п* (*Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казах-киргизского языка, ч. II. Синтаксис. СПб., 1897, с. 36).

По степени своей грамматикализованности, по характеру лексического значения производимых глаголов, по градации мотивированности этого значения и по продуктивности словосложительные модели и сложные словообразовательные формы очень разнородны. Поэтому каждая модель или форма рассматривается ниже отдельно, как это и должно быть при описании всякой словообразовательной формы.

Форма на *-н ят-*

Форма на *-н ят-*, выражающая процессуальность при полной десемантизации своих компонентов и представляющая собой необратимый сложный формант аффиксального типа, вовлекает в словообразование сравнительно широкий круг глаголов состояния типа *йэшэ* 'жить', *ак-* 'течь', *ян-* 'гореть' и некоторые глаголы активного действия вроде *эшлэ* 'работать', *яз-* 'писать': *Был ауылдарга халк ботөнләй каласа тил эйтерлек йэшэп ята* (К. Мөргән) 'В этих деревнях народ живет, можно сказать, совсем по-городскому'; *Шәп кенә эшләп яталар* (Ғ. Әмири) 'Они довольно хорошо работают', где действие, выраженное производящей основой, представлено как находящееся в процессе его совершения.

При глаголах активного действия, совершаемого субъектом в лежачем положении, оба компонента этой формы (деепричастие на *-н* и полнозначное слово *ят-* 'лежать') выступают в своем обычном значении, исключая возможность ставить их сочетание в один ряд с монолитной формой на *-н ят*: ср. *ужып ята* 'лежит и читает', где без нарушения структурной схемы свободного обстоятельственно-копулятивного словосочетания оба компонента могут быть свободно заменены (ср. *ужып ултыра* 'он сидит и читает' и *карап, шаярып, келәп, һөйләшеп, ғырылдап* и т. п. *ята* 'он лежит и наблюдает, балуется, смеется, разговаривает, храпит') или осложнены зависимым словом (ср. *газета ужнып ята* 'лежит и читает газету', *бик жаты ғырылдап ята* 'лежит и очень сильно храпит', *минәң менән һөйләшеп ята* 'лежит и разговаривает со мной', *шаркылдап келәп ята* 'лежит и громко смеется').

Форма на *-н ултыр-*

Форма на *-н ултыр-* во всех отношениях стоит очень близко к форме на *-н ят*. Семантически она отличается от нее только тем, что выражает процессуальность, протекающую на глазах говорящего, тогда как в форме на *-н ят-* некоторые глаголы типа *йэшэ* 'жить' обнаруживают значение длительности, не допустимой при форме на *-н ултыр*. Образуется она от небольшого числа глаголов состояния типа *үс-* 'расти', *ян-* 'гореть', *ак-* 'течь': *Кайһы бер ағастар, шәм кеүек, төп-төз, зифа буйлы булып үсеп ултыралар* (Ғ. Әмири) 'Некоторые деревья растут так стройно, что напоминают свечу'.

От глаголов активного действия, соотнесенного с названием лица, *-н ултыр-* образует свободные обстоятельственные словосочетания, в которых все их компоненты, в том числе и деепричастие на *-н*, реализуются в своих значениях, не имеющих отношения к рассмотренной монолитной форме на *-н ултыр*: ср. *касып ултыра* 'сидит и прячется', *һүгенеп ултыра* 'сидит и ругается', *төкорәп ултыра* 'сидит и плюется', *карап ултыра* 'сидит и наблюдает, смотрит' и т. п. Деепричастный компонент при этом свободно пользуется своими синтаксическими потенциями и морфологической изменяемостью, допустимой в рамках данного словосочетания: ср. *телен күрһәтәп ултыра* 'сидит и показывает свой язык', *хат язып ултыра* 'сидит и пишет письмо', *һинән келәп ултыра* 'сидит и смеется над тобой', *көлмәй ултыра* 'сидит и не смеется', *һөйләшә алмай ултыра* 'сидит, не будучи в состоянии говорить' и т. п. Это лишний раз доказывает неправомочность рассмотрения *ултыр* как компонента сложного глагола. В этом случае он выступает как полнокровная синтаксическая единица.

Форма на *-п тор-*, характеризующаяся грамматикализованностью и высокой продуктивностью, выступает в четырех основных значениях, обусловленных характером лексического значения производящей основы.

1. В непереходных глаголах состояния форма на *-п тор-* выражает процессуальность либо как постоянное свойство (а), либо как необычное новое свойство (б) подлежащего, проявляемое в данный момент: а) *Төндө жала өстө бөтө тирэ якжа нур хибеп тора* (К. Мөргөн) 'Ночью зарево над городом освещает всю окрестность'; *ел өрөп тора* (Д. Юлтый) 'дует ветер'; *асылынып тора* 'висит'; *келкенеп тора* 'шатается, трясется'; б) *Кул ницалер бөгөн тулкынланып тора* (С. Агиш) 'Озеро сегодня что-то волнуется'; *ямгыр ауып тора* 'пошел дождь'; *калкынайтып тора* 'что-то погода стала холодной'.

2. В переходных и некоторых непереходных глаголах, выражающих обычно законченное действие, форма на *-п тор-* характеризует его как эпизодически или регулярно повторяющийся процесс: *Фронт хэбэрзэрен белеп торабыз* (Д. Юлтый) 'Фронтные вести слышим регулярно'; *Һэйлэп киткэк, ундай хэлдэр булып жына тора инде ул* (З. Хисмәтуллин) 'Если уж говорить без обиняков, такие случаи бывают нередко'; *Ул көп һайын иренек кайгыһын, шатлыгын уртатлашып тора* (К. Мөргөн) 'Она каждый день разделяет и радость и горе, переживаемое ее мужем'.

3. В непереходных глаголах состояния типа *ултырып тор-* 'посидеть, сидеть некоторое время', *тороп тор-* 'постоять, стоять некоторое время; подождать' и в отдельных непереходных глаголах действия типа *йөрөп тор-* 'походить, ходить некоторое время', выражающих обычно незаконченное действие, форма на *-п тор-* обозначает процессуальность как непродолжительный предварительный акт, совершаемый, как правило, в ожидании кого/чего-л.: *Без уны-быны карамайынса стена буйына сумкаларзы һалдык та, шуларзың өстөнә ултырып торзоң* (Д. Юлтый) 'Мы, не обращая внимания ни на что, сложили свои сумки вдоль стены и посидели на них некоторое время'.

4. В некоторых глаголах активного действия форма на *-п тор-* означает 'заниматься тем, что выражено производящей основой', ср. *Мин һөйләйем, эһин азып тор* 'Я буду говорить, а ты записывай'.

В третьем значении дееспричастный компонент формы может быть представлен в отрицательном аспекте: *Мин тәүзә аңламай торзом* (Ә. Вәли) 'Вначале я не понял (букв.: некоторое время находился в таком состоянии)'; *Был бик һылыу, мөһабәт кыз, миңә илтифат итмәс тип күңел ишанмай торзо* (Т. Йәнәби) 'Мне некоторое время не верилось, что такая красивая, обаятельная девушка может удостоить меня вниманием'⁹. Когда второй компонент формы ставится в отрицательном аспекте (*-п торма-*), она приобретает самостоятельный характер с регулярным типовым значением 'не стоит заниматься тем, что обозначено производящей основой': *Уныһын һөйләп тормаймын* (Т. Йәнәби) 'Об этом я не стану говорить'; *Алып торма* 'Не бери, не стоит брать'.

С помощью формы на *-п тор-* сложные глаголы создаются в одном из названных четырех значений в серийном порядке по стереотипным моделям. Некоторые сложные глаголы на *-п тор-* по своей словообразовательной природе не укладываются в эти модели. Созданные, по всей вероятности, в индивидуальном порядке, они стоят особняком: ср. *биреп тор-* 'дать взаймы на время', *хизеп тор-* 'предчувствовать, знать заранее', *үлеп тор-* 'души не чаять'. Среди них можно указать на ясно мотивированные сложные глаголы типа *басып тор-* 'стоять' (букв. 'стоять, стоя'), близкое к свободным словосочетаниям.

⁹ На базе отрицательного варианта рассмотренной формы сложилась самостоятельная форма дееспричастия на *-май/-мэй тороп* с ограничительно-временным обстоятельственным значением: *Сәлмәнде үз кулы менән ултыртып ебәрмэй тороп, урынынан күзгалманы* (К. Мөргөн) 'Пока не проводил Сальмана, усадив его своими собственными руками, не сдвинулся с места'.

Во всех случаях, когда глагол *тор-* реализуется в своем обычном значении, предыдущее деепричастие на *-п* выражает либо способ совершения действия, обозначенного им, или же информативно второстепенное действие, совершаемое одновременно с другим действием, представленным последующим глаголом *тор-* 'стоять, жить': *Ошонда һугыш бөткәс килеп, иркеләп рәхәтләнеп торорға ине* (Д. Юлтый) 'Вернуться бы сюда после войны и пожить, наслаждаясь вволю'; *Моталов урынынан һикереп үк торзо* (Ә. Вәли) 'Муталов мгновенно соскочил со своего места'; *Мин тамгае тоқандырып, тәэрәнән карап торам* (Д. Юлтый) 'Я, закурив, стою и наблюдаю из окна', где *тор-* является ведущим компонентом свободного глагольного словосочетания.

Форма на *-п йөр-*

Форма на *-п йөр-*, семантически примыкающая к рассмотренным трем формам выражения процессуальности, образует сложные глаголы по двум моделям:

1) в глаголах состояния, в частности в глаголах чувственного восприятия, соотнесенных с названием лица, она имеет единое типовое значение 'находиться в состоянии, обозначенном производящей основой': *асыуланп йөрөй* 'он сердится', *кайгырып йөрөй* 'он печалится';

2) в непереходных глаголах активного действия обнаруживает объединяющее их типовое значение 'заниматься тем, что обозначено производящей основой': *килеп йөрөй* 'он приходит', *уқып йөрөй* 'он учится, занимается учебой', (лекция) *уқып йөрөй* 'он занимается чтением (лекций)', *эшләп йөрөй* 'он работает', *кайтып йөрөй* 'возвращается регулярно'.

Оба типовых значения формы на *-ып йөр-* заметно мотивированы лексическим содержанием глагола *йөр-*, который, однако, в составе этой формы отдельно не осмысливается. Этим форма на *-п йөр-* отличается от предыдущих трех форм, где компоненты *ят-*, *уатыр-*, *тор-* полностью десемантизированы.

Отрицательный эквивалент ее *-п йөрәмә-* выступает как самостоятельная довольно продуктивная словообразовательная форма с типовым значением 'не стоит заниматься тем, что обозначено производящей основой.' Она вовлекает в словообразование главным образом непереходные глаголы активного действия: *барып йөрәмә* 'не ходи, не стоит ходить', *кереп йөрәмә* 'не заходи, не стоит заходить'.

Когда глагол *йөрө-* 'ходить' выступает в своем обычном значении, то предыдущее деепричастие используется по своему назначению как член свободного словосочетания, выражающий чаще всего способ действия или его цель (реже): ср. *һанан йөрөй* 'он ходит и считает', (дәфтәр) *өләшеп йөрөй* 'он ходит и раздает (тетради)', *һине эزلәп йөрөй* 'он ходит, разыскивая тебя'.

Форма на *-п бар-* (*кил-*)

Оба варианта этой формы (*-п бар-/ -п кил-*) совершенно одинаково выражают процессуальность как постепенное приближение конечного ее этапа, если производящая основа выражена непереходным глаголом состояния: *Кеҗәбеззә сәтләүек тә эз әй е п б а р а* (Г. Йәнәби) 'Постепенно кончатся и орехи в кармане'; *бөтөп бара (килә)* 'кончается', *бозолоп бара (килә)* 'портится', *бешеп бара (килә)* 'дозревает', 'доваривается'. В глаголах же активного действия она выступает обычно в первом своем варианте и означает 'регулярно заниматься время от времени тем, что обозначено производящей основой': *уқып бар-* 'прочитать', *язып бар-* 'записывать', *тикшереп бар-* 'систематически проверять'. В некоторых подобных переходных глаголах форма на *-п бар* не имеет значения повторяемости, выражает длительное действие как единый процесс: *Ә беззәң иптәшитәр, һорау була жалһа, аранан һис кемде бирмәу тураһында агитация алып баралар* (Д. Юлтый) 'А наши товарищи ведут агитацию о том, чтобы в случае проявления любопытства никого из нас не выдать'.

В отдельных глаголах движения форма на *-п бар* обозначает внезапную исчерпанность действия, его законченность: *Ул баш эйзә лә китеп тә барзы*

(С. Агиш) 'Он поклонился и был таков'. Но в форме настоящего времени изъявительного наклонения она в глаголах движения выражает, напротив, процессуальность, протекающую на глазах, что мотивировано лексическим значением глагола *бар-* 'идти, ехать' (туда), частично реализуемым наряду со значением предыдущего глагола: *сыгып бара* 'он выходит (туда)', *үтөп бара* 'проходит мимо', *китеп бара* 'уходит', *төшөп бара* 'спускается (туда)', *менеп бара* 'поднимается (туда)'. Точно на таких же началах выступает в глаголах движения и форма на *-п кил-*, выражающая направленность совершающегося на глазах говорящего действия в его сторону: *сыгып килэ* 'выходит (сюда)', *менеп килэ* 'поднимается (сюда)'.

В составе обеих форм в мотивации их профилирующего значения, помимо двух производящих основ, определенное доленое участие принимает также и деепричастный афф. *-п*, характеризующий первое действие как способ совершения второго. Тем не менее вновь создаваемое значение представляется в принципе цельным, не позволяющим раздельно осмысливать производящие основы. В силу этого все перечисленные типы образования на *-п бар-/п кил-* могут быть квалифицированы как сложные глаголы, образуемые по единой модели сложения (а не с помощью монолитной формы, поскольку здесь ни один из компонентов сложного глагола полностью не десемантирован).

Отдельные сложные глаголы, образованные по данной модели, бытуют на правах омонима свободного словосочетания: ср. *кайттып кил-* 1) 'возвращаться (в данный момент)', 2) 'съездить домой и вернуться'.

Форма на *-а/-э, -й бар-*

Эта форма активно употребляется для выражения нарастания процесса, обозначенного производящей основой глагола состояния: *Ике донъя араһында көрөш артабан да бер генэ минутка ла туктаманы, киреһенсэ, ул көсәйэ, аяуһызлыгы арттыра барзы* (Ғ. Әмири) 'Борьба между двумя мирами и в дальнейшем не прекратилась ни на минуту, она, напротив, усиливалась, становилась все более ожесточенной'; *Ә ул һаман алыслаша, кырыслаша, ботә эйләнә тирәһе бизеү, ситһенеү тойғоһона бирелә генә бара* (З. Бишева) 'А он постоянно избегал людей, все более дичал и становился чужим и замкнутым'. В зависимости от контекста при некоторых глаголах эта форма выражает регулярную повторяемость определенного процесса: *Нефтселәр көн һайын һиндәйзәр уңышка ирешә барзылар* (К. Мәргән) 'Нефтяники каждый день добивались какого-нибудь успеха'.

Форма на *-а/-э, -й төш-*

Данная продуктивная форма выражает незначительную интенсификацию процесса или реже действия, обозначенного производящей основой: *Сәлмәндең асыуы бер аз баҫыла төштө* (К. Мәргән) 'Гнев Сальмана несколько остыл'; *Уларҙы күргәс, Ғаяз бай җаушай төштө буғай* (Д. Юлтый) 'Увидев их, Ғаяз бай, кажется, несколько растерялся'.

Форма на *-а/-э, -й тор-*

Образуемая от очень широкого круга глаголов действия и некоторых глаголов состояния, эта форма выражает непродолжительную процессуальность как предварительный акт в ожидании кого-либо или чего-либо: *Сәтләүек ашай тор* (Т. Йәнәби) 'Ешь пока орехи'. В некоторых глаголах движения она выражает поступательное нарастание действия: *Яңынан-яңы егеттәр килә торалар* (Т. Йәнәби) 'Парни все прибывают и прибывают'.

Форма на *-а/-э, -й бир-*

Эта форма выражает преимущественно продолжение действия (1) или состояния (2) как процесса, протекающего в данный момент: 1) *Ғәйшә Муталова сәғәтенә лә карап тормай эшләй бирә* (Ә. Вәли) 'Гайша Муталова продолжает работать, даже не глядя на свои часы'; *Үзәрәненң заманы шулай бит инде, йөрөй бирһен* (һ. Дәүләтшина) 'Таково уже их время, пусть про-

должает ходить'; 2) *Кояш кызыра бирэ* (Ө. Бикчәнтәев) 'Солнце все печет и печет'. В императиве глагол активного действия выражает, кроме того, нарастающие процессуальности перед конечным ее этапом: *кайната бир* 'покипяти еще немного', *йылыта бир* 'подогрей еще'.

Форма на -н ебәр-

В отличие от предыдущей группы форм, выражающих ту или иную разновидность процессуальности, эта форма, как и многие последующие формы, обозначает, напротив, исчерпанность определенной фазы действия, а именно — внезапной интенсивной его завязки применительно к глаголам типа *кысқыр-* 'кричать', *йырла-* 'петь', *кол-* 'смеяться, хохотать', отражающим обычно реакцию в виде издания звука. Для нее характерно употребление в прошедшем времени на -ды и реже в императиве. Причем в сфере прошедшего времени на -ды с ней широко конкурирует ее стилистический вариант на -ды ла ебәрзе: ср. *Кугыштан куркып кайза барайык?* — *тине лә, шаркылдап коләп ебәрзе* (Д. Юлтый) 'Куда же нам деваться, если бояться войны?' — сказал он и громко захохотал'; *Шулай килә торгас, Зобәйзә туташ шыркылдап колдә лә ебәрзе* (Т. Йәнәби) 'Пока мы шли так, барышня (моя) Зубайда не выдержала — взяла да громко засмеялась'.

В глаголах действия, не связанных с выражением звучания, форма на -н ебәр- выражает исчерпанность его совершения в один прием и результативность: *Вот, безең компание хәзер офицерской!* — *тин, папиросты токандырып ебәрзе* (Д. Юлтый) 'Вот, наша компания теперь офицерская! — сказал он и закурил папиросу'; *Байгужа менән Буранбаев кайзандыр алама септә табып ингәндәр. Уны асқа тушәп ебәрзек* (Д. Юлтый) 'Байгужа с Буранбаевым где-то нашли и притащили ветхую рогожу. Мы ее постелили под себя'. Глагол *ебәр-* 'отпустить, послать', частично реализуя свое исходное значение, нередко выступает также в качестве замыкающей производящей основы сложных глаголов типа *кыуып ебәр-* 'прогнать, отогнать, отпугнуть', *кайтарып ебәр-* 'отпустить домой', отдельные из которых вроде *сығарып ебәр-* 'выпустить' (букв. 'отпустить, выпустив') с ясно мотивированным значением, вытекающим из их структуры, близко стоят к свободным словосочетаниям.

Форма на -н ал-

Эта форма выражает, как правило, исчерпанность энергичного проявления активного одноактного действия: *Ул гәзәт буйынса безең кемдәр икә-небезе, кайзан килеүебезе һорашып алды* (М. Гафури) 'Он по привычке расспросил нас, кто и откуда мы'. В некоторых глаголах типа *ашап ал-* 'поесть', *йоклап ал-* 'поспать' она характеризует частичное проявление такого действия. В зависимости от характера лексического значения производящей основы она выражает также и более частные оттенки законченного действия, не отличающиеся такой типизированностью: *беләп ал-* 'разнюхать, узнать (неожиданно)'; *язып ал-* 'записать (для себя)', *күреп ал-* 'замечать, увидеть вопреки ожиданиям', *тотоп ал-* 'схватить, поймать'.

Во всех случаях, где глагол *ал-* 'взять' выступает в своем обычном значении, предыдущее деепричастие на -н выделяется как синтаксическая единица, чаще всего выражая способ совершения действия: *һорап ал-* 'взять с разрешения', *кереп ал-* 'зайти и взять', *йыйып ал-* 'собрать (и взять)', *тартып ал-* 'отобрать, вырвать' (букв. 'взять, вырвав, притянув к себе').

Форма на -н ташла-

Эта форма выражает главным образом исчерпанность энергичного совершения действия в один прием: *Уйламаған бер эш эшләп ташланым бит* (Д. Юлтый) 'Я же неожиданно совершил один поступок'. При этом она чаще всего привносит субъективную оценку пренебрежения, особенно в глаголах типа *язып ташла* — 'написать', *яһап ташла-* 'сделать, смастерить'.

В сочетании с предыдущим деепричастием типа *сығарып*, выражающим способ совершения действия и сохраняющим исходное лексическое значе-

ние глагола, *ташла-* 'бросать, кидать' реализуется в своем обычном значении как ведущий компонент свободного словосочетания: *сыгарып ташла-* 'выбросить, выкинуть' (букв. 'вынести и выбросить, выкинуть'), *алып ташла-* 'выбросить, выкинуть' (букв. 'взять и выбросить, выкинуть'). Это подтверждается возможностью замены такого деепричастия спрягаемой формой глагола в сочетании с союзом: ср. *сыгар за ташла, ал да ташла*.

Форма на *-п ет-*

Данная форма менее идиоматична, чем предыдущие. В ее составе *ет-* заметно реализует свое исходное значение 'достигать'. Она выражает достижение предела состояния или действия: *Бик ауыр сэгэт килеп етте* (Ө. Бикчәнтәев) 'Настал очень трудный час'; *Паркка барып еттек* (Т. Йәнәби) 'Мы дошли до парка'. Тем не менее глагол *ет-*, как и предшествующее деепричастие, лишен раздельного осмысления. Это и позволяет считать его тизнированным (повторяющимся в одном и том же качестве при ряде глаголов) компонентом сложившейся словообразовательной модели (не формы, ибо здесь нет полной десемантизации).

В прошедшем очевидном времени *-п ет-* свободно может быть заменена стилистическим эквивалентом *-ды- ла етте-*: *Морат илтәш минең арттан килеп тә етте* (Т. Йәнәби) 'За мной пришел товарищ Мурат'.

Значительно более идиоматичен (менее ясно мотивирован по своему значению) отрицательный эквивалент этой модели — *-п етмә-*, всегда выражающий недосовершенство действия или состояния: *Уныһының мәғәнәһен мин аңлап етмәнем* (Ө. Бикчәнтәев) 'Его смысл я не понял до конца'; *Ул миңә оҡшап етмәне* 'Он не совсем понравился мне'. С ним конкурирует на началах стилистического варианта форма на *-п еткermә-*: *Мин әле ул сағында был һүҙең мәғәнәһен дә аңлап еткermәй инем* (Н. Ғотдосов) 'В то время я еще недопонимал даже смысла этого слова'. В отличие от положительного аспекта оба отрицательных эквивалента данной формы с полным основанием могут быть квалифицированы как самостоятельные словообразовательные формы, отличающиеся сравнительно высокой продуктивностью.

Форма на *-п сыж-*

Эта форма выражает законченное действие с исчерпывающим охватом его объекта: *Сәлмән былларҙың барыһын да берәм-берәм хәтерләп сыжты* (К. Мәргән) 'Сальман одно за другим вспомнил каждое из этих событий'; *Таз фәҡирҙәргә алтын, байҙарға көмөш таратып сыжты* (фолькл.) 'Таз (прозвище — Паршивец) раздал бедным и калекам золото, богачам — серебро'. Форме на *-п сыж-* омоимичны: 1) сложные глаголы типа *булып сыж-* 'оказаться, получиться', *барып сыж-* 'получиться; приходиться как-нибудь', *кайнап сыж-* 'закипеть', *алып сыж-* 'вынести, вывести, выйти, захватив кого/что-л.', *һөйләшеп сыж-* 'зайти, поговорить и выйти', *күрешеп сыж-* 'зайти, поздороваться и выйти' и т. п., в которых при отсутствии названного типового значения формы в известной мере так или иначе реализуется исходное лексическое содержание глагола *сыж-*, 2) устойчивые словосочетания типа *югереп сыж-* 'выбскачать', где первый компонент выражает способ совершения действия, представленного вторым компонентом.

Форма на *-п кит-*

Эта форма во множестве глаголов состояния типа *батырланып кит-* 'осмелеть', *дәртләнеп кит-* 'вдохновиться', *жартайып кит-* 'постареть', *кызырып кит-* 'раскраснеться', *кызып кит-* 'разгорячиться', *тулжыңланып кит-* 'взволноваться' выражает внезапную интенсификацию процесса как законченного акта: *Приказ алғас, Новиков йәнләнен китте* (Д. Юлтый) 'Получив приказ, Новиков оживился'; *Минең йөрәк шыу итеп китте* (Т. Йәнәби) 'У меня защемило сердце'.

В зависимости от характера лексического значения производящей основы форма на *-п кит-* иногда выражает внезапное проявление и законченность действия (1) или просто его исчерпанность, необратимость (2):

1) *Эллэ кыззар искэ төшөп киттеме?* (Т. Йәнәби) 'Уж не вспомнил ли ты де-вушек?', 2) *Йәшлек үтөп китте* (Д. Юлтый) 'Молодость прошла (безвозвратно)'. В первом предложении из названных частных значений описанная форма может быть заменена стилистическим ее эквивалентом на *-дыла китте-*: *Тейәдделәр зә, сыктылар зә киттеләр* (А. Таһиров) 'Погрузили вещи и уехали'; *Көрән ат өстондә малай тотмай, йыгыла ла китә* (Д. Юлтый) 'Игреновый конь не дает мальчика ездить верхом, — падают, и все'.

Сочетание деспричастия с глаголом *кит-* 'отправиться, уйти, уехать' используется также в создании сложных слов в индивидуальном порядке, которые обычно характеризуются ясной мотивированностью своего значения, лексическим содержанием обеих производящих основ: *Ауылдың тирә-яғы баксалык, ауылдың артынан урман һузылып киткән* (Д. Юлтый) 'Вся околица в огородах, за деревней простирается лес'; *Ғәтиә апай хушлашып кайтып китте* (Т. Йәнәби) 'Тетя Гатия распростилась и пошла домой'.

Форма на *-п куй-*

Образуемая от широкого круга глаголов типа *яз-* 'писать', *ал-* 'брать', *ас-* 'открыть', *яп-* 'закрывать', *һал-* 'положить', эта форма выражает исчерпанность и результативность действия, совершаемого обычно энергично, в один прием: *Үзе рәтләп куйзы Зәдәйхә туташ* (Т. Йәнәби) 'Барышня Зулейха п а л а д и л а сама'; *Ә Янтимер агай инде алдан ук үзе хәстәрәп күрәп куйзы* (К. Мәргән) 'А дядя Янтимир уже заранее сам п р и н и я л необходимые меры'. С глаголами же состояния она чаще всего выражает частичное или непродолжительное проявление процесса как законченного акта: *«Чистый шаянланганһың икән, малай!» тип көлөп куйзы* (Т. Йәнәби) '«Ты, оказывается, превратился в настоящего озорника, парень!» — сказала она и улыбнулась'; *Йәндәй күргән кешеләнен, исеме сыккас, Зөбәйзә сак жына кызарып куйзы* (Г. Әмири) 'Услышав имя человека, в котором она души не чаяла, Зубайда слегка покраснела', *Бабай минән қолак какты, тип йылмайып куйзым* (Ә. Бикчәнтәев) 'Я улыбнулся, подумав, что дед проворонил меня'.

В первом значении форма на *-п куй-* может быть заменена ее стилистическим эквивалентом, оба компонента которого спрягаются: *Ултыра торғас, мин теге кеҗәләге сәтләүекте бөтөргәнмен дә куйганмын* (Т. Йәнәби) 'Пока мы так сидели, я, оказывается, израсходовала все орехи, которые были в кармане'.

Форма на *-а/-ә, -й һал-*

С глаголами типа *әйт-* 'сказать', *ал-* 'взять', *һора-* 'спрашивать' эта форма выражает внезапную совершенность действия: *Һүз ошо тәңгәләгә килеп еткәс тә ул йомошон әйтә һалды* (Ә. Вәли) 'Как только речь зашла об этом, он тотчас же изложил свою просьбу'; *Шәйхи карт тулы, киң йөзөн оскә күтәрәп ғәжәһенәү менән һорай һалды: «Һез нисек?»* 'Старик Шәйхи, приподняв свое широкое и полное лицо, с удивлением спросил: «А почему вы?»'.

В этом же значении с данной формой конкурирует вариант на *-п һал-*: *Янтимер агай уны-быны һизмәй, Маратка икенсе вахтага күсереләүен шунда ук әйтеп һалды* (К. Мәргән) 'Дядя Янтимир, ничего не подозревая, тут же выложил Марату, что он переведен на другую вахту'; *Ул йөрәгендә ни бар, бөтәһен дә әйтеп һалды* (К. Мәргән) 'Он высказал все, что наболело на сердце'.

Форма на *-а яз-*

В отличие от предыдущих форм, выражающих определенную разновидность незаконченности, незавершенности или, напротив, законченности действия и процесса, эта форма, как и последующие три, связана с обозначением модальности: она характеризует произвольное действие или состояние как несостоявшийся акт, чуть не совершившийся помимо вмешательства субъекта, например: *Аягымды һиндыра яздым* (Д. Юлтый) 'Я чуть не сломал себе ногу'; *кәрә яззы* 'чуть не вошел', *һунә яззы* 'чуть не погас'. Она характеризуется высокой употребительностью и образуется от широкого круга глаголов.

Форма на *-н кара-*

Форма на *-н кара-* выражает пробную завязку действия как законченного интенсивного акта: *Ә һин һейләшеп кара* (Г. Әмири) 'А ты попробуй поговорить'; *Янтимер агайзан ни булғанын һораһып караны* (К. Мөргән) 'Он попытался выведать у дяди Янтимира, что случилось'. В том же значении, но очень редко употребляется ее отрицательный эквивалент на *-май/ -май кара*: *Хәзер бирелгән бойороктарҙы эшләмәй кара әле* (Г. Дәүләтшин) 'А ты попробуй-ка не выполнить приказы, отданные сейчас'.

Когда нужно выразить повторяемость пробной завязки действия, первый компонент формы редуцируется: *Уйлап-уйлап карайым, бер ҙә ки-лештереп булмаҫ кеүек тойола* (Г. Йәнеби) 'Я по всякому пробую думать, но мне кажется, что не смогу придумать ничего подходящего'.

Форма на *-н маташ-*

По своей природе эта форма носит промежуточный характер — близко стоит к свободным словосочетаниям: в ее составе глагол *маташ-* реализуется в своем значении, а предшествующее деепричастие выступает в роли инфинитива, занимающего позицию дополнения.

По значению она очень близка к предыдущей форме. Если форма на *-н кара-* означает 'попробовать совершить действие, представленное производящей основой', то форма на *-н маташ-* регулярно выступает в типовом значении 'пытаться, силиться совершить действие, выраженное производящей основой': ср. *Башта мин жарыһып маташтым, улар ихтияр бир-мәңеләр; һуңынан карышманым* (Д. Юлтый) 'Вначале я сопротивлялся, но они принуждали меня и в конце концов я не стал противиться'.

Отрицательный эквивалент данной формы означает 'не стоит заниматься тем, что выражено производящей основой': *язып маташма* 'не пиши, не стоит писать'. В диалектах в том же значении выступает и форма на *-н булышма*: *язып булышма* 'не пиши, не возись с письмом'.

Форма на *-н күрһәт-*

Эта форма означает 'показать на деле, как нужно совершить действие, выраженное производящей основой': *Укып күрһәт әле* (С. Агиш) 'Ну-ка почитай'. Значение ее мотивировано главным образом исходным лексическим содержанием глагола *күрһәт-* 'показать'. Как и предыдущая, она являет собой словосложительную модель с двумя производящими основами, а не сочетание производящей основы со сложным формативом, как это имеет место во всех остальных формах, описанных выше. Более того, она и по своей словообразовательной структуре напоминает свободное сочетание глагола *күрһәт-* с деепричастием, отличаясь от него по сути лишь десемантизованностью деепричастного афф. *-н*, лишаящего производящие основы раздельного осмысления.

Форма на *-н бир-*

Эта форма тоже не отличается достаточной грамматикализованностью. Выделяется как словосложительная модель с типовым значением 'совершить для кого-л. действие, названное производящей основой': *ғариза язып бир-* 'написать заявление для кого-л.', *балаға курсаж яһап бир-* 'смастерить для ребенка куклу'. Это ее типичное значение, ясно мотивированное формой деепричастия и глаголом *бир-* 'дать', несколько ослабевает в глаголах типа *һейләп бир-* 'рассказать (присутствующим)', *укып бир-* 'прочитать (присутствующим)', где предполагается совершение одноактного действия в один прием на глазах присутствующих.

Наряду с образованием сложных глаголов в серийном порядке по единой модели *-н бир* она также участвует в создании разрозненных сложных глаголов типа *алып бир-* 'достать и вручить', где в формировании нового лексического значения одинаковое участие принимают обе производящие основы.

В современном бакирском языке часто наблюдается сочетание одной из описанных словообразовательных форм с другой в пределах одной и той же глагольной основы. Поскольку при этом обе сочетающиеся формы выступают обычно в своем типичном значении, их сочетание отнюдь не являет собой качественно новую словообразовательную единицу, как это часто бывает при аффиксации (ср. *тэмһез-лэ* 'сделать невкусным', *тэмһез-лэ-н-* 'сделаться невкусным', *тэмһез-лэн-дер-* 'сделать невкусным'). В этом случае первая словообразовательная сложная форма выступает в принципе как одна производящая основа, к которой прибавляется новый сложный формант в порядке обычной аффиксации: *Юлбаев һикереп урынман жузгалды, аяк урә басты һәм егеттәрзең икелен дә беишеп алып китте* (К. Мәргән) 'Юлбаев мгновенно вскочил, встал на ноги и стал бить обоих царней'; *Уны һутеп алалар һәм бер аяка һөйәп жуя баралар* (К. Мәргән) 'Они разбирают его и столбы' ставят стоймя в стороне', где в первом случае форма на *-п ал-* осложнена формой на *-п кит-*, а во втором форма на *-п жуй-* выступает как производящая основа формы на *-а бар-*.

Среди сходных комбинаций удалось отметить только одну, а именно форму на *-п килә ят-*, второй компонент которой (форма на *-а ят-*), по значению соответствующий форме на *-п ят-*, структурно организован иначе, чем описанные выше формы: *Кис менән балта күтәрәп урмандан кайтып килә ятканда, караңгы төшкән сакта, элге яңы килгән ике унтер-офицер урман эргәһендә һөйләшәп утыралар* (Д. Юлтый) 'В сумерках, когда я возвращался из леса с топором в руках, эти два вновь прибывших унтер-офицера сидели на опушке леса и разговаривали'.

Нсорганизованное сложение

Создание сложных глаголов в индивидуальном порядке на базе уникальной лексической сочетаемости двух глагольных основ (а не по стереотипным сложившимся моделям) занимает в целом большое место. Оно структурно осуществляется двойко: 1) как и при организованном сложении, первая глагольная основа берется в десемантизированной форме деепричастия, а вторая — в спрягаемой форме: *батыра һук-* 'сразить ударом', 2) обе слагаемые основы морфологически оформляются одинаково: *өндәшимэй-нитмэй* 'не проронив ни слова, молча'.

Доминирующее положение по своей продуктивности занимает первый структурный тип, который по соотношению своих компонентов распадается на три основные разновидности: 1) как и при организованном сложении, вновь создаваемое лексическое значение мотивировано главным образом первым компонентом, второй же компонент лишь уточняет его семантический взнос: *әйтәп ыскындыр-* 'ляпнуть, сказать неожиданно для себя, проговориться', *сығып тай-* (*сығып һыҙ-*) 'удрать', *килеп төш-* 'прибыть неожиданно', *әйтәп ебәр-* 'предупредить, известить через кого-л.', *әйләндерәп ал-* 'окружить', *булып сыж-* 'оказаться'; 2) семантической опорой создаваемого глагола служит, напротив, второй его компонент: *һалып йыж-* 'свалить ударом', *тибеп осор-* 'отбросить, толкнув ногой', *бәрәп сыж-* 'пробиться', *бағып ин-* 'вторгаться, оккупировать', *һатып ал-* 'купить', *яттып йожла-* 'спать, лечь спать'; 3) в создании нового значения компоненты принимают примерно одинаковое участие: *тулып ят-* 'изобиловать чем-л.', *кәреп сыж-* 'зайти не надолго и выйти', *барып кайт-* 'сходить, съездить' (букв. 'пойти, поехать туда и вернуться обратно').

Первая группа сложных глаголов обычно характеризуется идиоматичностью и образностью своего содержания, свойственной собственно фразеологическим единицам, а последующие две — ясной мотивированностью лексического значения вновь создаваемого глагола и многочисленностью. Ко второй и третьей группам примыкают многие спорные образования типа *килтәрәп яп-* 'привести и закрыть', *килеп кәр-* 'забрести', *барып жушыл-* 'слиться (пойти и слиться)', *сажырып ал-* 'пригласить, позвать', *алып кит-*

‘унести, увезти’, *хайлап ал* ‘выбрать’, близко стоящие к свободным словосочетаниям.

Второй структурный тип представляет собой адитивное соположение синонимичных, во всяком случае, семантически очень близких друг другу основ, чем и вызвано их одинаковое морфологическое оформление: *Золэйха туташым кызарынды-буртенде, ыж-мык итте* (Г. Пепеби) ‘Барышня моя Зулэйха, смутившись, покраснела, замялась’; *Гилметдин бабай шул кагыззарзы өндөшмэй-тынмай ғына өстэлгэ куя* (Н. Готдосов) ‘Дед Гильмутдин положил эти документы на стол, не проронив ни слова’; *Тиз генэ тукмэй-сэмэй һөйлэ* (Д. Исламов) ‘Быстренько расскажи, не утаивая ничего’.

Самое значительное число сходных глаголов создается и функционирует исключительно в форме деепричастия: *ауа-тунэ* ‘шатаюсь, пошатаиваясь’, *бата-сума* ‘утоная, погружаясь (в грязь, воду)’, *инэлэ-ялбара* ‘умоляя, упрашивая’, *каса-боца* ‘скрываясь’, *этэ-төртэ* ‘толкаясь’, *югерэ-атлай* ‘идя почти бегом’, *кейенеп-яһанып* ‘наряжаясь’, *илап-һыктап* ‘плача горькими слезами’, *өшөп-туңуып* ‘замерзая’, *тирлэп-бешеп* ‘обливаясь потом’, *һөйлэшмэй-нитмэй* ‘даже не поговорив’, *күтэренеп-тейэнеп* ‘нагрузив поклажу на себя’. Большинство таких деепричастий носит стабильный характер. Многие же создаются «прямо на глазах»: *Ул этешэ-төртөшэ вагонга күтэрелде* (Ш. Янбаев) ‘Расталкивая (других), он поднялся в вагон’; *Загира һаман шулай һөзөп карап, һөйлэшмэй-өндөшмэй генэ бер сынаж сэй эсте, унан, килгәндөгө кеүек үк, хушлашмай-һаулашмай за сығып китте* (З. Бишинева) ‘Загира выпила чашку чая, по-прежнему глядя в упор, затем молча покинула нас, не прощаясь — также, как пришла, не поздоровавшись’.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ ЗА СЧЕТ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В глагольной лексике большое место занимают сложные глаголы, второй компонент которых выражен спрягаемой формой глагола, а первый другой частью речи.

Одни из таких глаголов создаются по образцу, т. е. по определенным моделям, серийно. Другие возникают в индивидуальном порядке на базе уникальной лексической сочетаемости двух слов в рамках той или иной структурной схемы свободного глагольного словосочетания. В первом случае второй компонент повторяется в составе целого ряда сложных глаголов, объединяя их единым типовым значением наподобие глаголообразующего аффикса.

В качестве такого повторяющегося компонента чаще всего выступают глагол *ит-* ‘сделать, совершить, поступить’. Функционально сближаясь с глаголообразующим аффиксом *-ла/-лә*, вовлекая подобно ему в словообразование самые различные разряды производящих основ, он образует следующие вполне сложившиеся модели:

1) от звукоподражательных и образных слов глаголы состояния (т. е. непереходные) с типовым значением ‘произнести то, что обозначено производящей основой, что напоминает эту основу по звучанию или образу, впечатлению’ по следующим образцам: а) *голт ит-* ‘вспыхнуть с шумом’, *йылт ит-* ‘сверкнуть’, *шап ит-* ‘произвести хлопающий звук’; б) *ялт-йолт ит-* ‘сперкать с перебивками’, *гөп-гөп ит-* ‘грохотать, издавать глухой шум’;

2) переходные, отчасти и непереходные глаголы от русских заимствований в форме инфинитива типа: а) *заправить ит-* ‘заправить’, *паять ит-* ‘запаять, припаять’ с типовым значением ‘подвергнуть (реже — подвергать) тому, что обозначено производящей основой’, б) *буксовать ит-* ‘буксовать’ с типовым значением ‘проявлять свойство по основе’; 3) глаголы активного действия (следовательно, переходные) от именных основ по образцам типа: а) *хур ит-* ‘осрамить, скомпрометировать, сконфузить’, *харап ит-* ‘загубить, погубить’, *юк ит-* ‘уничтожить’ с типовым значением ‘возбудить, вызвать свойство, названное производящей основой’, б) *тәһсир ит-* ‘влиять, повлиять’, *мәжрүм ит-* ‘лишить’, *мысжыл ит-* ‘глумиться, издеваться’, *ғәфү ит-* про-

щать' с типовым значением 'подвергать (подвергнуть) тому, что обозначено производящей основой';

4) непереходные глаголы действия типа *байрам ит-* 'праздновать', *хезмэт ит-* 'служить', *ял ит-* 'отдыхать' с типовым значением 'заниматься тем, что названо производящей основой';

5) непереходные глаголы состояния вроде *сабыр ит-* 'ждать терпеливо, проявить терпимость', с типовым значением 'проявлять свойство по основе'.

Из этих моделей первые две ныне наиболее продуктивны.

Отдельные отыменные глаголы, образованные с помощью служебного глагола *ит-*, идиоматичны, по отношению к описанным моделям стоят особняком: ср. *ауыз ит-* 'пробовать, дегустировать', *серем ит-* 'поспать'.

Кроме *ит-* в отыменном сложении в качестве повторяющегося глагола-образующего компонента участвуют *бул-* 'быть', становиться', *кил-* 'приходить, приезжать, прибывать', *бир-* 'дать', *һал-* 'положить', *сыж-* 'выйти', *сығар-* 'вывести, вынести' и т. п. Но они встречаются в считанном числе сложных глаголов и не представляют собственно модельного, серийного словообразования с единым типовым значением. В этом случае приходится говорить лишь об определенной тенденции к становлению модели или же об образовании одного сложного глагола по образцу другого: ср. *һуштан яз-* 'потерять сознание', *истән яз-* 'потерять сознание', *акылдан яз-* 'лишиться разума'; *дежур тор-* 'дежурить', *карауыл тор-* 'караулить, нести караульную службу'; *ашляж һук-* 'молотить', *киндер һук-* 'ткать холст'; *уйға бат-* (*сум-*, *һал-*) 'задуматься, приуныть'; *иргә (кейәүгә) бар-* 'выйти замуж', *кейәүгә сыж-* 'выйти замуж'; *йөз (сырай) һыт-* 'хмуриться, морщиться' и т. п.

Непродуктивную модель отыменного сложения представляют глаголы с *бул-* типа *алыйрыш бул-* 'спутаться (о путях)', *аймылыш бул-* 'разминуться, разойтись в пути', *бәлиг бул-* 'стать совершеннолетним', *һашиж бул-* 'влюбиться', *һарап бул-* 'пропасть', *һәләк бул-* 'погибнуть', *юк бул-* 'потеряться, исчезнуть' с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой'. По этой модели возникают лишь единичные новообразования вроде *контужен бул-* 'быть контуженным'.

Целый ряд глаголов типа *тап бул-* 'встретиться неожиданно', *тиз бул-* 'поторопиться, ускорить', *кәрәк бул-* 'понадобиться', *һасип бул-* 'выпасть на долю', не имеет названного типового значения и по своей словообразовательной природе стоит особняком. Среди них можно отметить и идиомы типа *күз һалак бул-* 'присмотреть; быть бдительным' с образным значением.

С исторической точки зрения словосложительную модель с типовым значением 'хотеть того, что выражено производящей основой' представляют глаголы *асыу кил-* 'злиться', *йөкә* 'кил- хотеть спать', на базе которых с названным типовым значением возникла специальная высокопродуктивная оптативная форма глагола на *-ғы/-ге (-һы/-һе) кил-*.

Другие образцы отыменного сложения, представленные двумя или более сложными глаголами, стереотипного характера не приобрели. Таковы, в частности: 1) *ау һал-* 'ловить рыбу сетями', *һармак һал-* 'удить', *тамға һал-* 'тавить, клеймить', *боғал һал-* 'арканить'; *һалог һал-* 'обложить налогом', *һтраф һал-* 'штрафовать', *һан һау-* 'наливаться кровью' (обычно о глазах), *күз һал-* 'присмотреть'; 2) *вәғәзә бир-* 'согласиться, дать согласие', *һүз бир-* 'дать слово', *һиз бир-* 'выдать замуж (девушку)', *сер бирмә-* 'не подавать виду', *күңел бир-* 'оказать расположение чему-л.', *диһкәт бир-* 'внимать', *апелляция бир-* 'апеллировать'; *сәләм бир-* 'приветствовать', *һестә бир-* 'козырять, приветствовать', *һоманда бир-* 'дать команду, командовать', *һуап бир-* 'отвечать'; 3) *тауыш сығар-* 'учинить скандал, шум', *һуғыш сығар-* 'учинить драку, бой', *һут сығар-* 'устроить пожар', *һаһон сығар-* 'издать закон, постановить', *һисап сығар-* 'решить задачу'; 4) *һыу кил-* 'поднять гвалт, шум', *һығы-һығы кил-* 'галдеть', *һыс-һыс кил-* 'шуметь'; 5) *һуңға һал-* 'опоздать', *көһкәһә һал-* 'стать посмешищем', *йөкә һал-* 'бегают'; 6) *һут ал-* 'зажечь огонь, свет', *һус ал-* 'отомстить', *һот ал-* 'исчезать', *һибрәт ал-* 'подражать достойному примеру'; 7) *һатака һаһа-* 'атаковать', *һаһаһа һаһа-* 'декларировать', *һаһаһа һаһа-* 'ассоциировать' и т. п.

Очень многие отыменные сложные глаголы созданы вообще без всякого образца, индивидуально, в результате необычной сочетаемости лексических значений управляемого имени и глагола или, реже, подлежащего и сказуемого. Причем, самое большое их число образовано на основе уникальной смысловой связи прямого дополнения и управляющего глагола вследствие их семантического слияния: *ауыз ас-* 'разговляться, начать есть в конце дня во время поста', *аяж сал-* 'дать подножку, чинить препятствия'; *бала тап-* 'родить', *баш кутәр-* 'восстать', *баш тарт-* 'отказаться, не повиноваться', *баш төзәт-* 'опохмеляться', *баш һапла-* 'придѣлывать головку к поношенным сапогам', *җазап сик- (кур-)* 'мытариться', *җүмер һәр- (көн кур-)* 'существовать, жить', *күз кыс-* 'подмигивать', *күз буя-* 'заниматься очковитательством, делать видимость', *күңел ас-* 'развлекаться', *күңел йыуат-* 'тошить, успокоить', *кул куй-* 'подписаться', *ләтлит һат-* 'сплетничать', *май яз-* 'сбивать масло', *теңкәне корот-* 'донимать, надоедать', *тын ал-* 'дышать', *ут төрт-* 'поджечь', *хәл ал- (йый-)* 'отдохнуть', *һыу ин-* 'купаться (в реке и т. п.)'

Среди приведенных глаголов немало фразеологических единиц с образным значением, относящимся к определенным стилистическим условиям употребления: *баш аша-* 'погубить кого-л.', *көн күрһәтмә-* 'травить, преследовать кого-л.', *тауыш кутар- (кутәр-, сығар-)* 'учинить скандал, ссору', *җүмер һәр-* — 'существовать, влачить существование'.

Следующей по численности группой являются сложные глаголы, представляющие смысловое слияние:

1) косвенного дополнения в дательном падеже с управляющим глаголом; *акылға уалтыр-* 'стать разумным, рассудительным', *барлыкка кил-* 'зародиться, возникнуть, сформироваться', *башка сыж-* 'выделиться из семьи родных, обзаводясь своей семьей', *бракка сыж-* 'быть забракованным', *вальска бейе-* 'вальсировать', *искә ал-* 'вспоминать', *искә төш-* 'вспомнить неожиданно для себя', *йөккә кал-* 'забеременеть', *йөкөгә тал-* 'погружаться в сон, испытывать сонливость', *йөкөгә кит-* 'уснуть', *көлкөгә кал-* 'оказаться в смешном положении, стать посмешищем', *кулға ал-* 'арестовать', *тауышка куй-* 'голосовать, ставить на голосование', *телгә һалыш-* 'пререкаться, препираться', *телгә ал-* 'упомянуть', *тормошка аш-* 'осуществиться', *төшкә кер-* 'присниться', *тупка тот- (утка тот-)* 'бомбить', *тәртипкә индер-* 'приводить в порядок', *хәрәкәткә кил-* 'прийти в движение', *һанға һукма-* 'игнорировать', *һуңға кал-* 'опоздать';

2) подлежащего и сказуемого в целях обозначения чувственного восприятия, физиологических процессов, явлений природы и т. п.: *асыу кил-* 'злиться', *баш ейләп-* 'испытывать головокружение', *баш ет-* 'уразуметь, додуматься, догадаться', *еҗ кил-* 'пахнуть', *еҗ тей-* 'угореть', *иҗ кит-* 'поразиться, удивиться', *ит үр-* 'зажить (о ране)', *йөкө баҗ-* 'испытывать сонливость', *йөкө асыл-* 'прийти в бодрое состояние после сна, проснуться ранее обычного времени', *йөкө кил-* 'хотеть спать', *йәшән һук-* 'пострадать от молнии', *көзән йыйыр-* 'сводить судорогами', *күз бәйлән-* 'смеркаться', *күз тей-* 'сглазить', *күз тош-* 'приглянуться, понравиться с виду', *күңел болған-* 'испытывать тошноту', *күңел бул-* 'удовлетвориться', *күңел кырыл-* 'расстроиться, впасть в уныние', *жараңғы төш-* 'смеркаться', *жарып (корһак) ас-* 'проголодаться', *жомары төш-* 'войти в азарт', *таң ат-* 'рассветать', *таң һызыл- (белен-)* 'брезжить', *төҗ кит-* 'побледнеть', *ут сыж-* 'загореться (о пожаре)', *хәтер кал-* 'обижаться', *эс бош-* 'хандрить, тосковать', *эс кит-* 'страдать поносом' и т. п.;

3) косвенного дополнения в исходном падеже и управляющего глагола: *акылдан яз-* 'лишиться разума, сойти с ума', *баштан үткәр-* 'пережить, перенести', *исән сыж-* 'забыть', *кулдан кил-* 'быть в состоянии сделать, суметь сделать посылно', *учеттан төш-* 'сняться с учета', *эштән сыж-* 'выбиться из сил, изнуряться';

4) обстоятельства и глагольного сказуемого: *шак кат-* 'поразиться', *зыж куп-* 'поднять гвалт, шум, переполох', *жаршы ал-* 'встречать', *ауыр һула-* 'тяжело дышать', *тура кил-* 'попасться, встретиться', *рәт кит-* 'разладиться' и т. п.

Как и в организованном сложении, производимом по моделям, в индивидуальном сложении в качестве первого компонента производного слова выступают главным образом имена существительные, реже всего — наречия и звукоподражательные слова.

А Ф Ф И К С А Ц И Я

Образование глаголов от других частей речи с помощью аффиксов представляло собой в свое время разветвленную систему, состоявшую из продуктивных, малопродуктивных и непродуктивных аффиксов. Но, за исключением *-ла*, *-лан-*, *-лаш*, *-ылда/-ырза* и отчасти *-ай*, аффиксы на почве башкирского языка развития не получили, в современном словообразовании фактически не участвуют и новых образований более не дают.

Преобладающее большинство таких форм представлено считанными производными глаголами состояния (следовательно, непереходными) с единым типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой' (следовательно, производящие их основы являют собой названия свойств, выраженных преимущественно прилагательными и их аналогами).

Форма на *-ай/-эй* была среди них наиболее продуктивной: *азай-* 'уменьшаться', *арзанай-* 'удешевляться, подешеветь', *бөкөр(ө)эй-* 'сгорбиться', *вагай-* 'мельчать', *иркенэй-* 'стать просторным, свободным', *ишэй-* 'множиться, возрастать численно', *киңэй-* 'расширяться', *корэй-* 'становиться упитанным', *көсэй-* 'усиливаться', 'стать сильным', *кубай-* 'множиться, возрастать численно', *кәкр(е)эй-* 'скривиться', *кар(а)ай-* 'чернеть, грязнеть', *картай-* 'стареть', *кый(ы)ғай-* 'скривиться, покоситься', *кый(ы)шай-* 'накрениваться, покоситься, стоптаться', *кырысай-* 'дичать, становиться дерзким, резким, жестоким', *моңай-* 'печалиться, унывать', *озонай-* 'удлиняться', *олоғай-* 'стареть, становиться пожилым', *салышай-* 'перекашиваться', *тажырай-* 'становиться гладким, укатанным', *тарай* 'суживаться', *һар(ы)ғай-* 'желтеть', перен. 'сильно переживать', *юнал-* 'улучшаться, поправиться после болезни' и т. п.

Форма на *-р*, *-ар/-эр*, *-ыр/-ер*, *-ор/-өр* преимущественно выступала в том же значении: *ағар-* 'белеть, стать чистым, седеть', *исер-* 'пьянеть', *искер-* 'устаревать, ветшать', *йөкар-* 'стать тоньше', *йәшәр-* 'молодеть, зеленеть', *күгәр-* 'сипеть, плесневеть, ржаветь, появиться (о синяке)', *жуйыр-* 'сгущаться', *жызар-* 'краснеть, раздумиваться', *жыскар-* 'укорачиваться', *нескәр-* 'уточаться, становиться тоньше', *оғтар-* 'стать мастером своего дела, наловчиться в чем-л.', *тазар-* 'стать чистым, выздороветь, поправляться, свежеть', *тилер-* 'беситься, дурачиться, шалить, взбеситься, сойти с ума', *шымар-* 'становиться гладким, отшлифоваться', *һимер-* 'полнеть, жиреть, поправляться', *яктыр-* 'светлеть, светать', *якшыр-* 'улучшаться', *яңыр-* 'обновляться'.

Данная форма участвовала также в образовании отдельных глаголов чувственного восприятия типа *кайгыр-* 'печалиться, горевать' и многих глаголов активного действия типа *ким-ер-* 'глодать', *кайыр-* 'вывертывать, сворачивать, заворачивать в сторону, повернуть назад', *котор-* 'беситься', *эйәр-* 'следовать за кем-л.', в том числе отглагольных производных лексических единиц типа *ауыр-* 'болеть', *ашыр-* 'осуществить', *кейер-* 'растягивать, паять, вынуждать', *күнер-* 'лениться, вздыматься', *күсер-* 'переместить, переписать, списать' и т. п.

Остальные формы отыменного словообразования, в частности формы на *-ал/-эл*, *-л* (1), *-ан/-эн*, *-н* (2), *-ык/-ек*, *-к* (3), *-ы/-е* (4), *-на/-нэ* (5), в рассматриваемом значении оставили еще менее заметный след: 1) *жарал-* 'грязнеть', *терел-* 'выздороветь', *тоғал-* 'исправиться, поправиться, заживать (о ране и т. п.)', *юғал-* 'потеряться, исчезнуть', *юнал-* 'поправиться, улучшаться', 2) *йылын-* 'согреться', *һыуын-* 'остыть, охладиться', *уйан-* 'проснуться', 3) *асык-* 'проголодаться', *тутык-* 'ржаветь', *канык-* 'пристраститься', 4) *байы* 'обогащаться', *ныгы-* 'крепнуть', *кәме-* 'убавляться', 5) *сатна-* 'треснуть, дать трещину'. Эти формы, как и предыдущая форма, не отличались к тому же однозначностью — в составе остальных глаголов обнаруживают иную словообразовательную природу: ср. 1) *йәйел-* 'раски-

путься, простираться', *тарал*- 'расходиться' и т. п., 2) *көсән*- 'тужиться, силиться, напрягаться', *шешен*- 'опухать, распухать', *тартын*- 'стесняться', *тошон*- 'понять, постичь', *һизен*- 'чувять', *һөрөн*- 'спотыкаться' и т. п., 3) *ашык*- 'спешить', *күнек*- 'освоиться, привыкать', *кызык*- 'заинтересоваться', *һырык*- 'ласкаться', 4) *таты*- 'пробовать на вкус', 5) *ауна*- 'валяться', *сырна*- 'облепить, окружить', *тырна*- 'царапать', *һына*- 'испытывать'.

Наряду с рассмотренным основным типом с характерным для него общим значением 'приобрести свойство, выраженное производящей именной основой' глаголы состояния создавались также и с иной словообразовательной природой с помощью ряда аффиксальных форм, ставших ныне непродуктивными. Среди таких форм по характеру производимого глагола выделяются малопродуктивная форма на *-һын/-һен* и непродуктивная на *-(ым)һыра* *-(ем)һерә*, оставившие целый ряд глаголов чувственного восприятия.

Первая из них означала 'испытывать чувство неудовлетворенности тем, что названо производящей основой': *азһын*- 'считать недостаточным, не удовлетворяться из-за количественной недостаточности', *күпһен*- 'тяготиться количественной избыточностью, считать излишним то, что предоставлено', *кәмһен*- 'тяготиться, считая себя ниже других, терзаться самоуничижением', *тарһын*- 'тяготиться ограниченностью, считать себя недостаточно широким', *ятһын*- 'тяготиться незнакомым обществом или отдельным незнакомым человеком, стесняться в присутствии незнакомого человека'.

Помимо этой типичной модели данная форма использовалась также и для создания несколько иного типа глаголов чувственного восприятия: ср., с одной стороны, *кәрәкһен*- 'почувствовать надобность, считать нужным, необходимым', с другой — *кызыкһын*- 'интересоваться, проявлять интерес', *ымһын*- 'соблазняться чем-л. (обычно едой), не имея возможности удовлетворить этот соблазн', *юкһын* 'скучать, тосковать по ком-л., томиться'.

Вторая форма составила всего несколько глаголов типа *көлөмһөрә* 'улыбаться', *йөкөмһора*- 'испытывать сонливость' с общим значением 'испытывать проявление признаков того, что названо производящей основой'. Остальные деривационные формы данной группы, имеющие иные типовые значения, представлены единичными производными глаголами вроде *йонсо*- 'изнуряться, умориться, известить', *һыһа*- 'испытывать жажду', *изерә*- 'размякнуть, протираться, обветшать, обессилеть, раскисать', *сәсерә*- 'брызгать, распыляться в виде брызг', *йотлок*- 'захлебываться', *атлык*- 'ринуться, рваться, стремительно соскочить с места', *озлок*- 'заболеть повторно (не оправившись после первой болезни)' и т. п.

Состав непродуктивных, как и, впрочем, живых, деривационных форм глаголов активного действия крайне ограничен. К тому же все эти формы представлены всего несколькими производными глаголами, не имеющими единого типового значения. Сравнительно значительное число семантически разнородных глаголов образовано лишь формой на *-а/-ә*: а) глаголы действия типа *ата*- 'именовать, называть', *аша*- 'купать', *кый (ы)на*- 'бить', *остә*- 'добавить', *телә*- 'желать', *тозә*- 'целиться, нацеливаться', *уй(ы)на*- 'играть', *ут-а*- 'полоть', *һана*- 'считать', *һына*- 'испытывать', *һора*- 'спрашивать', *уртә*- 'палить, изводить', б) глаголы состояния вроде *буша*- 'освободиться, ослабляться', *һана*- 'кровоточить', *йәшә*- 'жить, существовать, бытовать'. Эта форма во второй своей функции сохранила продуктивность лишь применительно к звукоподражаниям и образоподражаниям на *-ыр/-ер*, при этом произошла ее контаминация с тематическим замыкающим согласным *р*: *ялт(ы)ра*- 'блестеть, сверкать', *шалтыра*- 'гремять, звякать, лязгать, бряцать', *балтерә*- перен. 'раскисать, ветшать', *мәйерә*- 'дрихлеть', *ылдыра*- 'истрепаться' и т. п., по образцу которых могут быть созданы новые глаголы.

По своей продуктивности далее идет форма на *-кыр/-кер* с типовым значением 'произвести действие, названное производящей основой (1) или напоминающее по звучанию, впечатлению то, что выражает производящая основа' (2): 1) *еткер*- 'доводить (до конца, до места), дотянуть до предела во времени или пространстве', *яткыр*- 'уложить, привести в лежащее по-

ложение' и т. п., 2) *ажыр-|бакыр-* 'орать, вопить', *бышкыр-* 'фыркать (о животных)', *кикер-* 'рыгать', *жакыр-* 'харкать', *кыкыр-* 'кричать', *сакыр-* 'звать', *сөскөр-* 'чихать', *төкөр-* 'плевать', *укер-* 'выть', *һеңгер-* 'высморгаться', *һығыр-* 'свистеть'. Во втором случае данная форма вовлекает в словообразование звукоподражания и образоподражания для выражения различных физиологических процессов-действий, связанных обычно с определенным звучанием.

Преобладающее большинство глаголов действия образовано непродуктивными формами с общим типовым значением 'проявить или вызвать свойство, названное производящим именем': ср. *алда-* 'обманывать', *макта-* 'хвалить', *онта-* 'толочь (превращая в муку), размельчать', *тап(т)а-* 'топтать, давить, травить' (но: *өндә-* 'звать, уговаривать'); *кәмет-* 'убавлять, уменьшать', *йылыт-* 'согреть', *һуыт-* 'охладить, остудить', *нығыт-* 'укреплять'; *кәмһет-* 'унижать', *үрсет-* 'расплодить, разводить (животных, птиц и т. п.)'; *озат-* 'проводить', *төзәт-* 'наладить, отремонтировать'; *быктыр-кулинарн.* 'морить, томить', *ылыктыр-* 'вовлекать, втягивать', *сағыштыр-* 'сравнивать, сопоставлять', где представлены афф. *-та/-тә, -ыт/-ет, -ат/-әт, -һет,-тыр*. Гораздо реже встречаются производные глаголы действия с типовым значением 'воздействовать тем, что обозначено производящей основой: *елгәр-* 'веять что-л.', *һуғар-* 'орошать', *елле-* 'опахивать, обмахивать кого-л.', еще реже — в других значениях: *еҫкә-* 'нюхать', *сайжа-* 'полоскать', *ялга-* 'присоединять'.

Хотя перечисленные формы в современном словообразовании и не участвуют, многие из них, а именно все деривационные формы с единым ясным типовым значением, воспринимаются как живые структуры в силу своей словообразовательной мотивированности.

Аффиксальных форм, сохранивших свою продуктивность и ныне, немного. Из них наиболее активной была и остается форма на *-ла/-лә*. С ее помощью образовано более 600 производных глаголов самого различного семантического профиля. Многие из этих глаголов являются наследием далекого прошлого, не играющим роли в современном словообразовании. Сюда относятся прежде всего более 50 глаголов типа *битәрлә-* 'ругать в лицо', *ботарла-* 'разламывать', *дембәслә-* 'колотить, лупить, дубасить', *тәғәйенлә-* 'назначить', производящие основы которых в современном языке как лексические единицы вовсе не представлены. Далее идет значительный пласт словообразовательно немотивированных слов типа *жушарла-* 'распределить или привязать попарно' (*жушар* 'предплечье'), *көнлә-* 'ревновать' (*көн-* 'день'), *ташла-* 'бросать' (*таш* 'камень'). Затем следуют словообразовательно вполне понятные глаголы с производящими основами в архаичном морфологическом оформлении, затемняющем их структуру, типа *битәрлә* 'ругать в лицо', *ботарла-* 'разламывать', *йомарла-* 'скатывать (в комок)', *бешеклә-* 'ошпаривать, обваривать', *туракла-* 'разрезать, разрубить на части'. Замыкают список омертвевших структур на *-ла* глаголы типа *һөйлә-/(һүзлә)* 'говорить', словообразовательная природа которых затемнена вследствие фонетических изменений производящей основы.

К современному словообразованию не имеют прямого отношения многие ясные структурные типы глаголов на *-ла*, поскольку их образование на почве башкирского языка прекратилось. Таков, в частности, довольно многочисленный состав отыменных глаголов состояния, связанных с выражением чувственного восприятия, мышления и т. п. (1), явлений природы (2), рождения детенышей (3) и некоторые другие семантические разряды (4): 1) *аскакла-* 'проголодаться, нуждаться в питании', *аңла-* 'понимать', *ислә-* 'помнить, примечать', *тымаула-* 'схватить насморк', *үтлә-* 'переесть', *үпкәлә-* 'обижаться', 2) *буранла-* 'мести (о буране)', *йәшенлә-* 'сверкать (о молнии)', 3) *балала-* 'родить', *бәбәйлә-* 'родить', *бәрәслә-* 'родить (об овце, козе), обьягниться, окотиться', 4) *бетлә-* 'завшиветь', *жортла-* 'очервиветь, покрыться червями'; *зыянла-* 'издыхать (о домашних животных)', *йәйлә-* 'жить на летней стоянке', *сатанла-* 'хромать', *эйлә-* 'приживаться' и т. п. Ряды глаголов состояния на *-ла* в известной мере пополняются в разговорной речи исклю-

чительно за счет звукоподражаний и образоподражаний по устоявшимся образцам типа *сымырла*- 'чувствовать мурашки (на теле)', *тертлэ*- 'вздрыгнуть', *шаңла*- 'испытывать шум в ушах', *шартла*- 'взрываться, лопаться', трескаться с шумом', *шорлэ*- 'труситься' и т. п.

В современном словотворчестве практически не участвуют также и те глаголы на *-ла*, которые созданы за счет глагольных основ (1), наречий и модальных слов (2), поскольку их образование давно прекратилось: 1) *боклэ*- 'загибать, сгибать, перегибать', *кыуала*- 'погонять', *илаула*- 'плакаться, горько жаловаться', *усеклэ*- 'дразнить, травить', и т. п., 2) *ирталэ*- 'делать что-л. раньше обычного времени', *йэйәулэ*- 'идти пешком', *һакла*- 'сторожить, беречь', *барла*- 'проверять, поверять' и т. н. Словообразование ныне не производится также по образцам типа *билэ*- 'владеть', *козала*- 'сватать', *аркала*- 'выгораживать, заступиться', *башила*- 'начинать', *буйла*- 'измерять, проверять глубину ростом', *сарбайла*- 'поднимать крик, визжать' и т. п., в качестве производящих основ которых выступают названия лиц по профессии, ремеслу, должности и чину, названия и клички животных (например: *Сарбай* — кличка собаки), названия частей тела. Глаголы на *-ла* с перечисленного рода производящими основами с точки зрения современного языка являются обычно словообразовательно немотивированными.

Современное словообразование на *-ла* сводится лишь к созданию отыменных переходных глаголов активного действия. И то их образование по ряду ранее продуктивных моделей ныне либо прекратилось, либо резко сократилось. Так, все более непродуктивной становится древняя и широко распространенная в тюркских языках модель создания переходных глаголов активного действия от названий инструментов, по которой ранее было образовано множество глаголов. Особенно резко сократилось образование глаголов типа *аржанла*- 'привязать веревкой', *аяла*- 'расчесывать козий пух особым гребнем', *бығаула*- 'заковать в кандалы', *бысажла*- 'резать, колоть, ударить пожом', *ихатала*- 'обносить оградой', *кэртэлэ*- 'обносить оградой из жердей.'

Новые глаголы, возникшие по образцу этих слов, исчисляются единицами: *тормозла*- 'тормозить', *торпедала*- 'торпедировать', *утеклэ*- 'утюжить', *штампала*- 'штамповать', из которых прочно утвердился в глагольной лексике только предпоследний глагол, остальные же всеобщего признания и употребления так и не получили. По существу до сих пор не привились и новые образования типа *шөрәп-лә*- 'ввинтить, закрепить шурупом', *винт-лә*- 'привинтить', предложенные в терминологических и общих словарях. Ибо модель эта на почве башкирского языка уже не представляется живой, хотя она и дала ранее немало глаголов приведенного рода.

В башкирском языке самое широкое развитие получила древняя общетюркская модель с типовым значением 'вызвать свойство, названное производящей основой'. Она представлена несколькими разновидностями, имеющими различную продуктивность при едином типовом значении: 1) в качестве производящей основы выступает сравнительно ограниченный круг прилагательных или их аналоги: *акла*- 'побелить, реабилитировать', *болғансыкла*- 'замутить', *караңғыла*- 'затемнять, темнить, производить светомаскировку', *лайыжла*- 'сделать достойным, приемлемым', *кәзерһезлә*- 'опонять', 2) в качестве производящей основы вовлекаются в словообразование существительные, обозначающие свойство, средство, материал: *алтынла*- 'позолотить, вызолотить', *бальзамла*- 'бальзамировать', *бронзала*- 'покрывать бронзой', *броняла*- 'бронировать, покрывать бронью'; *бизәклэ*- 'отделать узорами, украшать, разрисовать', *бормәлә*- 'сделать оборки'; *валсыкла*- 'превратить в крошки, искрошить, накрошить', *лайлала*- 'покрыть слизью, превратить в слизь', *баррикадала*- 'забаррикадировать', *гербарийла*- 'поместить в гербарий', *брошюрала*- 'сброшюровать' и т. п., где в отличие от предыдущей разновидности общее типовое значение представлено в вариантах 'сделать таким, как обозначает производящая основа', 'возбудить свойство по основе', 'сообщить объекту свойство, названное производящей основой'. На базе второй разновидности модели возникла и ныне развивает

свою активность самостоятельная словообразовательная модель с типовым значением 'подвергать тому, что названо производящей основой'; ср., с одной стороны, более ранние образования типа *ағыула-* 'отравить, протравить', одурманить', *дарыула-* 'лечить', *һыйла-* 'угощать', *арала-* 'разнять, выгородить кого-л.', *биклә-* 'запереть', *иркәлә-* 'нежить, баловать, ласкать', *иркәзлә-* 'неволить', *мазаһызла* 'беспокоить', *тынышызла-* 'беспокоить, тревожить, волновать', *багауылла-* 'контролировать' и т. п., с другой — сравнительно новые и новейшие производные глаголы типа *карауылла-* 'караулить', *ғәйеплә-* 'обвинять', *кәзерлә-* 'почитать, дорожить, нежить', *шелтәлә-* 'упрекать', *тәнжитлә-* 'критиковать', *кәһәрлә-* 'проклинать', *вальцовкала-* 'вальцевать', *инсценировкакала-* 'инсценировать' и т. п.

Эта модель вовлекает в словообразование широкий круг названий средств, свойств, в том числе и отвлеченных понятий о действии и его результатах вроде *тәнжит* 'критика', *шелтә* 'упрек'. Последний разряд производящих основ послужил базой для новой разновидности данной модели, пользующейся уже непосредственно названиями действия: ср. *дегазациялла-* 'дегазировать', *изоляциялла-* 'изолировать', *нейтрализациялла-* 'нейтрализовать', *реабилитациялла-* 'реабилитировать' и т. п. В этом случае определенную роль сыграла, очевидно, ранее существовавшая продуктивная общетюркская модель образования непереходных глаголов действия, вовлекавшая в словообразование звукоподражания и образоподражания, типа *шаула-* 'шуметь', *гөжлә-* 'жужжать', *ғыжла-* 'хрипеть, сипеть, клокотать', *ғызла-* 'шипеть', *ғырла-* 'хрипеть', *мыраула-* 'урчать (о кошке)' с характерным для них общим значением 'произвести звучание, напоминающее производящую основу' (по этой модели образованы также единичные отыменные глаголы типа *йырла-* 'петь', *көйлә-* 'напевать, настраивать (музыкальный инструмент), регулировать, уговаривать' (с производящими основами, выражающими звуко- и образоподражания, результат действия).

Древняя модель на *-ла*, ставшая ныне малопродуктивной, легла в основу самостоятельной продуктивной модели образования непереходных глаголов действия от звукоподражаний и образоподражаний на *-ыл/-ел* и *-(ы)р/-(е)р*, при которых начальный *-л* в афф. *-ла/-лә* перешел в *-д/-з*: ср. *ғыжла-/ғыжылда-* 'хрипеть, сипеть, клокотать', *ғырла-* 'хрипеть' и *ғырылда-* 'хрипеть', *безлә-/безелдә-* 'жужжать (о насекомых)', *шыжла-/шыжылда-* 'шипеть', где прослеживается полная изоморфность двух рассматриваемых моделей. Названные тематические звуки, замыкающие звукоподражание или образоподражание, слились с афф. *-да/-дә*, *-за/-зә* в единый форматив — сложный аффикс. И модель переросла в самостоятельную словообразовательную форму, хотя она по значению ничем не отличается от предыдущей модели: ср. *ахылда-* 'ахать, охать', *аһылда-* 'запыхаться, охать, ахать', *быжкылда-* 'крякать', *быжкылда-* 'быть дряблым, рыхлым', *бызылда-* 'стрекотать', *быштырза-* 'комошиться, работать медленно', *бышылда-* 'шипеть, шептаться', *гөлтөлдә-* 'вспыхивать', *горөлдә-* 'шуметь, гудеть', *горһөлдә-* 'грохотать, рокотать', *дөбөрзә-* 'гремять, громыкать', *дөпөлдә-* 'издавать глухой шум', *дырылда-* 'дребезжать', *зырылда-* 'крутиться быстро с жужжанием', *мыжкылда-* 'трястись тучным телом при движении', *мыжкылда-* 'хрюкать', *мышкылда-* 'всхлипывать', *лығырза-* 'тараторить', *кетерзә*, 'хрустеть', *кеткелдә-* 'хихикать', *каңғылда-* 'гоготать', *пырылда-* 'тарахтеть, фыркать (о моторе)', *серелдә-* 'щебетать', *серкелдә-* 'чирикать', *сыңғырза-* 'звенеть, лязгать', *сыржылда-* 'чирикать, стрекотать', *сырылда-* 'пищать, визжать', *сытырза-* 'трещать, хрустеть', *сәңкелдә-* 'тявкать', *сәпелдә-* 'плескаться', *сәркелдә-* 'орать, визжать, вопить', *уфылда-* 'охать', *ухылда-* 'пыхтеть, охать', *хихылда-* 'хихикать', *шапылда-* 'шлепать, хлопать', *шаржылда-* 'громко раскатисто смеяться', *шыбырза-* 'шуршать, шептаться', *шығырза-* 'скрипеть', *шылтырза-* 'шуршать', *ыжылда-* 'свистеть (о ветре)', *ырылда-* 'рычать' и т. п.

Образованная от глаголов типа *йырла-* 'петь', *шаула-* 'шуметь' форма на *-ылда* по своему значению полностью совпадает с формой на *-ла* также и по выражению значения незаконченности, которого, однако, она может лишиться в зависимости от контекста. По значению незаконченности она

противопоставлена форме на *-ла*, в преобладающем большинстве глаголов выражающей обычно законченное действие, но нередко нейтрализующей это противопоставление, выражая незаконченное действие: ср., с одной стороны, *шартла-* 'взорваться', *бызаула-* 'отелиться', *балала-* 'родить', *боросла-* 'наперчить', *ташла-* 'бросить, кинуть', *тертла-* 'вздогнуть', *эйэрлэ-* 'оседлать' и т. п., с другой — *дөңгөрзэ-* 'грохотать', *тыпырза-* 'выбивать дробь ногами' и т. п. С формой на *-ла* по выражению значения законченности смыкается отыменная сложная форма на *-ит*, тоже преимущественно характеризующая действие как законченный акт: ср. *хур ит-* 'осрамить', *харап ит-* 'погубить', *заправит ит-* 'заправить', *дөп ит-* 'издать глухой шум' и т. п., которые могут выражать незаконченное действие лишь в зависимости от контекста (а звукоподражательные глаголы — с помощью редупликации: ср. *дөп-дөп ит-* 'грохотать'). Эти две формы в своем преимущественном употреблении изоморфны. Иногда они создают даже синонимичные параллели типа *брошюрала-* // *брошюровать ит-* 'брошюровать', *мобилизацияла-* // *мобилизовать ит-* 'мобилизовать', *шнурла* // *шнуровать ит-* 'шнуровать', *эксплуатацияла-* // *эксплуатировать ит-* 'эксплуатировать'. Обе формы занимают в современном отыменном образовании глаголов действия ведущее положение, постепенно вытесняя остальные словообразовательные формы данного назначения. При этом большее число новых отыменных глаголов действия создано и создается с помощью сложной формы на *ит-*.

Форма на *-лан/-лэн* в отыменной аффиксации по своей продуктивности занимает второе место после формы на *-ла*. С ее помощью создано более 200 непереходных глаголов по двум основным моделям¹⁰, сохранившим свою продуктивность и ныне. Самая многочисленная часть этих глаголов образована по единой модели с профилирующим значением 'приобрести свойство, названное производящей основой, превратиться в то, что выражено производящей основой, стать таким, каким обозначает производящая основа'. Эта модель, постепенно вытеснявшая деривационные формы того же профиля, в частности формы на *-ай*, *-ар*, *-ыж*, *-ы(-е)*, *-ал* и т. п., вовлекает в словообразование главным образом названия признака, свойства, т. е. прилагательные (1) и их субстантивные аналоги (2): 1) *алалан-* 'стать пестрым, пятнистым', *аламалан-* 'стать плохим, дурным', *аллан-* 'порозоветь, стать алым', *анхатлан-* 'облегчиться, сделаться нетрудным', *арыулан-* 'улучшиться, выздороветь', *башкалан-* 'измениться, сделаться иным, принять иной облик', *бешелэн-* 'уплотняться, сделаться плотным, крепким', *балэжэйлэн-* 'уменьшаться (в объеме, размере)', *елэслэн-* 'посвежеть (о погоде)', *етеэслэн-* 'стать расторопным, проворным', *зэжифлэн-* 'искалечиться, изувечиться', *зэңгэрлэн-* 'голубеть, стать голубым, сизым, синим', *йэшеллэн-* 'стать зеленым, зеленеть', *кызыллан-* 'стать красным, раскраснеться', *кызыулан-* 'ускориться (о работе)', *кыйбатлан-* 'подорожать', *кыркыулан-* 'перекинуть, перебродить, стать резким', *сабанлан-* 'обленился, стать ленивым', *сафлан-* 'стать частым, очиститься', *сэлэмэтлэн-* 'выздороветь', *тоноклан-* 'потускнеть', *тулылан-* 'пополняться, полнеть', *тэрэнлэн-* 'стать глубоким, углубиться', *һалмаклан-* 'сделаться медлительным, неторопливым', *һулпэмлэн-* 'стать вялым', *һурэнлэн-* 'охладеть, остыть, стать вялым, неторопливым' и т. п.; 2) *баткаклан-* 'стать топким', *гэйрэтлэн-* 'стать мужественным, отважным', *дымлан-* 'отсыреть, увлажниться', *йэмлен-* 'стать уютным, красивым', *йэнлэн-* 'ожить, оживиться', *рухлан-* 'стать бодрым, приободриться', *кейезлэн-* 'свалиться, приобретая свойство войлока', *камырлан-* 'превратиться в тесто', *мамыклан-* 'сделаться пушистым, выпшным', *үңгезлэн-* 'плесневеть', *хэллэн-* 'окрепнуть', *рахимлэн-* 'подобреть', *рухлан-* 'стать бодрым, приободриться', *шыялан-* 'осклизнуть, сделаться слизистым', *ярмалан-* 'сделаться зернистым, рассыпчатым' и т. п.

¹⁰ Эта форма ранее давала также отдельные переходные глаголы действия типа *куллан-* 'пользоваться', по образцу которых возникли в порядке редкого исключения лишь отдельные переходные глаголы типа *файзалан-* 'пользоваться'. Ныне же она создает только непереходные глаголы.

Модель с афф. — *-лан/-лэн* в целом очень активна и семантически стройна. Отклонений от общего типового значения немного. В частности, можно отметить две ее разновидности:

1) от существительных, обозначающих результат действия или состояния, образуются непереходные глаголы состояния с типовым значением 'приобрести частично то свойство, которое названо производящей основой': *бозлан* — 'обледенеть', *быулан* — 'запотеть, отпотеть (о предметах)', *бэслэн* — 'покрыться инеем, плесенью', *керлэн* — 'загрязниться (о теле и белье)', *кубеклэн* — 'вспениться', *карлан* — 'покрыться снегом', *кайышлан* — 'засалиться, замусолиться, залосниться' (перен. 'обтесаться, став таким, которого ничем не проймешь'), *йөнлэн* — 'обрасти шерстью, покрыться перьями, опериться', *канатлан* — 'опериться, научиться летать' (перен. 'окрылиться'), *туллэн* — 'набирать яичник, жиреть (о птицах)', *могозлэн* — 'обрасти рогами, обрести рога', *һөтлэн* — 'прибавить молока' (перен. 'налиться' — о хлебных злаках) и т. п.;

2) от названий плодов, листы и т. под. форма на *-лан* образует непереходные глаголы состояния, выражающие появление признаков того, что названо производящей основой, т. е. превращение завязи в плод, зачатка в цветок, почек в листву и т. п.: *башаклан* — 'выколоситься', *быуыллан* — 'образоваться', *емешлэн* — 'завязаться (о превращении завязи фруктовых деревьев в плод)', *көпшэлэн* — 'пойти в трубку (о растениях)', *жауынлан* — 'завязаться (о дынях)', *кыярлан* — 'завязаться (об огурцах)', *миллешлэн* — 'завязаться (о ягодах рябины)', *мэклэн* — 'завязаться (о маке)', *сэскэлэн* — 'зацвести', *тамырлан* — 'пустить корни (о растениях)', *төймэлэн* — 'завязаться (о превращении пестика в завязь)', *тэлгэшлэн* — 'появиться (о гроздьях, кистях)', *һеркэлэн* — 'зацвести (о злаках), опыляться', *япраклан* — 'появиться (о первоначальном этапе развития листы деревьев и т. под.)' и т. д.

Особую частную разновидность рассмотренной модели представляют глаголы *ойлэн* — 'жениться', *жораллан* — 'вооружаться', *эйэлэн* — 'приобрести хозяина; выйти замуж, жениться', *тасыллан* — 'приобрести навык, сноровку, ловкость', *ғәзәтлэн* — 'обрести привычку' с объединяющим их типовым значением 'приобрести то, что названо производящей основой'.

Хотя все эти три разновидности первой модели и воспринимаются как живые словообразовательные стереотипы, они, особенно вторая из них, ныне продуктивностью не отличаются. Основная же модель, напротив, была и остается самой продуктивной из всех словообразовательных форм, имеющих типовое значение 'приобрести свойство, названное именной производящей основой'. Она постепенно вытеснила фактически все остальные конкурирующие с ней формы (на *-ай*, *-(а)р*, *-(а)л*, *-(а)н*), оставив следы своей эволюции в виде параллелизмов типа *такырай/-такырлан* — 'утопиться, сделаться гладким', *якшыр/-якшылан* — 'улучшаться', *насарай/-насарлан* — 'ухудшаться'. По ней создано в целом около 150 производных глаголов состояния с непереходным значением.

Вторая словообразовательная модель на *-лан*, охватывающая всего около 50 непереходных глаголов, характеризуется типовым значением 'проявлять свойство, названное производящей основой'. Она вовлекает в словообразование главным образом названия свойства, одновременно употребляемые обычно и как названия лица по его свойству: *аумакайлан* — 'проявлять непоостоянство', *кирелэн* — 'упрямиться, артачиться, упираться', *күпшыллан* — 'щеголять', *кылансыккан* — 'кривляться, кокетничать', *үзһүзлэн* — 'упорствовать', *һомһөзлэн* — 'нахальничать, проявлять наглость', *йүләрлэн* — 'дурить', *якшатлан* — 'лебезить' и т. п.

Эти же названия свойства в большинстве случаев служат производящей основой одновременно и для первой деривационной модели на *-лан*, создающей глаголы с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой': *алйотлан* — 'дурить, поглупеть', *диуаналан* — 'дурчиться, помешаться', *наянлан* — 'лукавить, стать лукавым, хитрым'. Таковы в особенности почти все названия свойства на *-һыҙ/-һез*, употребляющиеся, как правило, и как названия лица по его свойству: *жомһозлан* — 'жадничать'

и 'стать жадным', *оятһыҙлан*- 'нахальничать, проявлять беззастенчивость' и 'стать бессовестным', *тыйнаҡһыҙлан*- 'озорничать, шалить, проявлять непослушание' и 'стать непослушным', *туҙемһезлән*- 'проявлять нетерпение' и 'стать нетерпеливым', *холоҡһоҙлан*- 'обнаруживать дурной характер' и 'испортиться (о характере)', *әзәһезлән*- 'поступать безнравственно' и 'стать безнравственным', *әрһезлән*- 'проявлять беззастенчивость, наглость' и 'обнаглеть' и т. п.

Значительно реже пользуется вторая модель на *-лан* в качестве производящей основы названиями одушевленных предметов по их свойству и названиями животных в переносном значении, характеризующем лицо: *енлән*- 'бесноваться', *иблеслән*- 'двурушничать', *йомакайлан*- 'подлизываться', *кәзлән*- 'упрямиться', *төлкөлән*- 'хитрить', *этәслән*- 'петушиться', *ярамһаҡлан*- 'заискивать, угодничать' и т. п. Еще реже используются названия результата действия или состояния: *бизалан*- 'капризничать', *ғорурлан*- 'гордиться', *дәртлән*- 'воодушевляться', *зарлан*- 'жаловаться, роптать', *нафрәтлән*- 'негодовать', *рыялан*- 'лицемерить', *тауышлан*- 'шуметь', *омәтлән*- 'надеяться', *рәхәтлән*- 'блаженствовать, наслаждаться', *хафалан*- 'беспокоиться', *хозурлан*- 'блаженствовать', *хыяллан*- 'мечтать, фантазировать, грезить', *тәҫсирлән*- 'расчувствоваться' и т. п.

Эта группа глаголов по словообразовательной структуре близко стоит к особой разновидности второй модели на *-лан*, которая наряду с типовым значением второй модели обнаруживает в известной мере типовое значение первой модели: ср. *асыулан*- 'сердиться (проявлять сердитость)' и 'рассердиться' (т. е. приобрести свойство, названное основой *асыу*), *ғажәтлән*- 'удивляться' и 'удивиться', *шатлан*- 'радоваться' и 'обрадоваться' и т. п., которые составляют промежуточное звено между первой и второй моделью на *-лан*.

По отношению к описанным моделям и их разновидностям несколько особняком стоят лишь отдельные глаголы типа *атлан*- 'сесть верхом' (на лошадь), *азыклан*- 'питаться', *аржалан*- 'полагаться', *аяклан*- 'стать на ноги', *тезлән* // *тубыккан*- 'встать на колени', имеющие своеобразную словообразовательную структуру. Все же остальные глаголы на *-лан* образованы по одной из описанных моделей с ясно выраженным типовым значением.

Форма на *-лан* обнаруживает полный изоморфизм с формой на *-ла*, осложненной афф. *-н* и послужившей базой для ее зарождения. Последняя также распадается на две модели, синонимичные с соответствующими моделями на *-лан*: ср. 1) *турылан*- (от *турыла*-) 'сделаться прямым', *тигезлән*- (от *тигезлә*-) 'сделаться ровным' и т. п., которые объединяются типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой', 2) *азалан*- (от *азала*-) 'возиться, мучиться', *этлән*- 'мучиться' (от *этлә*-), *ызалан*- (от *ызала*-) 'исстрадаться', *яфалан*- (от *яфала*-) 'терзаться' и т. п., которые имеют типовое значение 'подвергаться тому, что названо производящей основой'.

По составу моделей и их природе форма на *-лан* синонимична также и форме на *-лаш*, отличающейся от нее лишь гораздо меньшей продуктивностью и использованием в качестве производящих основ главным образом заимствованных русских имен.

Форма на *-лаш*, производящая непереходные глаголы, представлена тоже двумя основными моделями.

Первая из них, характеризующаяся наибольшей продуктивностью, образует глаголы состояния с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой — прилагательным (1) или существительным (2)'. Она используется как исконно тюркским (а), так и, в особенности, заимствованными (б) именными основами:

1а) *йоплаш*- 'распределиться попарно, сделаться парными', *киҫкенләш*- 'обостряться', *жыйынлаш*- 'сделаться трудным', *ситләш*- 'удалиться, отколотиться', *татыулаш*- 'помириться', б) *активләш*- 'активизироваться', *үзләш*- 'освоиться', *вульгарлаш*- 'вульгаризироваться', *камилләш*- 'усовершенствоваться', *коллективләш*- 'коллективизироваться', *легальләш*- 'легализоваться', *популярләш*- 'популяризоваться', *пролетарлаш*- 'пролетаризи-

роваться', *революционлаш*- 'революционизироваться', *специальлаш*- 'специализироваться', *стабильлаш*- 'стабилизироваться', *стандартлаш*- 'стандартизироваться';

2а) *берлаш*- 'объединиться, сплотиться', *иреплаш*- 'лабиализоваться', *дошманлаш*- 'стать врагом', *туғанлаш*- 'сродниться', *автоматлаш*- 'автоматизироваться', *демократиялаш*- 'демократизироваться', *душлаш*- 'подружиться', *дифтонглаш*- 'дифтонгизироваться', *законлаш*- 'узакониться, принять силу закона', *ионлаш*- 'ионизироваться', *кристаллаш*- 'кристаллизироваться'.

Вторая модель на *-лаш* производит глаголы активного действия с типовым значением 'проявлять свойство по основе': *даулаш*- 'скандалить, добиваясь своего', *каршылаш*- 'перечить', *мутлаш*- 'плутовать, хитрить', *этлаш*- 'настойчиво добиваться своего, причинять неприятности', *усләш*- 'проявлять злобу', *кәсләш*- 'насиловать', *судлаш*- 'сутяжничать', *телләш*- 'пререкаться'. К этой модели, ныне непродуктивной, примыкают глаголы действия типа *аралаш*- 'общаться', *бәхилләш*- 'прощаться', *гәпләш*- 'разговаривать, беседовать', *вәғәзәләш*- 'уговориться, условиться', *кәңәшләш*- 'советоваться', *сәкәләш*- 'драться, перекидываться колкостями', *узмаклаш*- 'драться на кулаках', *әрепләш*- 'пререкаться, препираться' с характерным для них значением 'заниматься совместно с кем-л. тем, что обозначено производящей основой'. Из них только *бәхилләш*- и *вәғәзәләш*- употребляются преимущественно в значении совершенного вида. Остальные глаголы, как и все глаголы второй модели, напротив, имеют значение несовершенного вида, которое может быть нейтрализовано, однако, с помощью контекста. Первая же модель производит глаголы состояния в значении совершенного вида, тоже поддающиеся нейтрализации в зависимости от контекста.

При всей своей синонимичности формы на *-лаш* и *-лан* дают редко параллели типа *уңайлаш*- // *уңайлан*- 'сделаться удобным', *якынлаш*- // *якынлан*- 'приблизиться', *сәмләш*- // *сәмлән*- 'раззадориться'. Они ныне дифференцированы по вовлечению в словообразование исконно тюркских (форма на *-лан*) и заимствованных имен (форма на *-лаш*).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ

В грамматической системе глагола особое место занимает форма отрицания на *-ма/-мә*, образуемая за небольшим исключением от любой глагольной лексемы в рамках ее спрягаемых и неспрягаемых парадигм, вне которых она практически немыслима. Хотя отрицательный аффикс *-ма/-мә* и следует всегда непосредственно за лексической основой глагола, он отрицательно характеризует содержание не столько данной основы, сколько всей словоформы. Соответственно форма на *-ма/-мә* представляет отрицательный эквивалент не самой глагольной лексемы, а соответствующей грамматической формы, которая от нее образована. Отрицательный и неотрицательный варианты спрягаемых и неспрягаемых форм на лексико-семантическом уровне тождественны. Они противопоставлены друг другу на морфологическом уровне и по структуре и по характеру значения, вносимого формой на *ма/-мә*, которая и выступает в качестве маркированного члена этого бинарного и последовательного противопоставления: ср. *бар!* 'иди!' — *барма!* 'не ходи!', *барзык* 'мы ходили' — *барманык* 'мы не ходили', *барайык* 'идемте-ка', 'давайте пойдём' — *бармайык* 'давайте не пойдём', *барған* (*кеше*) 'ходивший (человек)' — *бармаған* (*кеше*) '(человек) который не ходил', *укып* 'читаю' — *укымай* 'не читаю' и т. п.

Все это позволяет квалифицировать форму на *-ма/-мә* в соотношении с нулевой формой, противопоставленной ей, как грамматическую категорию глагола, имеющую универсальный характер: она представлена в рамках и спря-

гасмых и неспрягаемых парадигм глагола. Вместе с тем она функционирует исключительно в пределах грамматических форм глагола.

Форма на *-ма/-мэ* из всех глагольных форм имеет в целом самую широкую сферу распространения. Тем не менее она может быть образована далеко не от всякой глагольной лексемы. Да и не во всех парадигмах глагола она может быть представлена. Многие глагольные лексемы и некоторые грамматические формы по своему содержанию совершенно невозможны в отрицательной форме. Так, форма на *-ма/-мэ* логически не совместима с множеством производных отглагольных лексем, характеризующих действие в определенном, собственно глагольном измерении, которое принято считать видовой модификацией основного глагола.

В частности *-ма/-мэ* не присоединяют словообразовательные формы на: 1) *-штыр/-штер*, *-гыла/-гелэ*, *-штыргыла/-штергелэ*, выражающие эпизодическую повторяемость или кратность действия, типа *килгелэ* 'приходить время от времени', *караштыр*-, *караштыргыла*- 'посматривать время от времени'; 2) *-п тор*, *-п ултыр*, *-п ят*-, выражающие действие в его течении, типа (*ел*) *өрөп тора* '(ветер) дует', *агып ултыра* // *агып ята* 'течет'; 3) *-а/-э(-й) бир*, выражающие продолжение совершаемого действия: *эшлэй бир*- 'продолжать работать' или незначительную добавочную его интенсификацию перед завершением: *кайната бир*- 'покипятить еще немного'; 4) *-п бар*, *-п кил*, выражающие постепенное приближение результата состояния: *бозолоп бар*- 'портиться' или действия: *кереп бар*- 'входить'; 5) *-а/-э(-й) төш*, выражающие интенсификацию действия типа *тизлэтэ төш*- 'ускорять еще более'; 6) *-а/-э(-й) тор*, выражающие предварительное действие в ожидании кого-, чего-л. типа *бара тор*- 'идти пока'; 7) *-п ебар* типа *йырлап ебар*- 'запеть', выражающие внезапную завязку действия как исчерпанный акт; 8) *-п ал* типа *ашап ал*- 'закусить', выражающие исчерпанность частичного проявления энергичного действия; 9) *-п ташла* типа *эшлэп ташла*- 'сделать', выражающие исчерпанность быстрого осуществления действия в один прием; 10) *-п сык* типа *ужып сык*- 'прочитать', выражающие исчерпывающий охват объекта действия; 11) *-п кит* типа *кызып кит*- 'разгорячиться', выражающие внезапную интенсификацию законченного действия; 12) *-п жуй* типа *язып жуй*- 'записать', выражающие исчерпанность и результативность одноактного действия; 13) *-п һал* типа *эйтөп һал*- 'ляпнуть, высказать внезапно', выражающие быструю развязку действия; 14) *-п бөт* типа *буялып бөт*- 'измазаться, вымазаться', *арып бөт*- 'крайне устать', *сатнап бөт*- 'растрескаться', выражающие переходное законченное действие. Кроме того, в отрицательной форме на *-ма/-мэ* практически не употребляются многие производные образования типа *ялт-йолт ит*- 'сверкать с переливами', *серем ит*- 'вздremнуть', *каса-боца* 'скрываясь', а также глагольные фразеологические единицы типа *эйтөп ыскындыр*- 'выдать, ляпнуть неожиданно', *сыгып тай*- 'удрать', *килеп төш*- 'свалиться как снег на голову'.

Глаголы, по своему лексическому значению совместимые со значением формы на *-ма/-мэ*, принципиально не допускают ее в следующих своих словоформах: 1) в редуцированной форме деепричастия на *-а/-э, (-й)* типа *бара-бара* 'идя', а также в малоупотребительном исходном ее варианте в сочетании с афф. *-рак/-рэк* типа *барып етэрэк* 'доезжая, доходя'; 2) в форме деепричастия на *-гансы/-гәнсе*, выражающей ограничительно-временные, ограничительно-пространственные и обстоятельственно-сравнительные отношения типа *барып еткәнсе* 'до самого приезда, прибытия (туда)'; 3) в форме деепричастия на *-ганса/-гәнсә*, выражающей образ действия с элементами сравнения типа *мин эйткәнсә* 'как я говорил'; 4) в спрягаемых формах на *-максы/-мәксе*, *-максы/-мәксе ине*, *-максы бул*-типа *мин бармаксы* 'я намерен пойти', выражающих намерение; 5) в формах условного наклонения на *-а калһа*, *-а/-э, -й торған булһа*, *-дымы/-деме* типа *барзымы* 'как только пойдет', *бара калһа* 'если вздумает пойти', *бара торған булһа* 'в случае, если пойдет'; 6) в форме повелительного наклонения на *-п кал*, выражающей увещание типа *типтөреп кал* 'воспользуйся возможностью погулять'; 7) в форме деепричастия на *-һас/-гәс*, в сочетании с частицей *та/тә* или

кына/кенэ, выражающей ограничительное предшествование типа *баргас та* 'как только пришел', *биргэс кенэ* 'лишь после того, как отдал, вручил'; 8) в сложной форме деепричастия на *-а/-э, -й торгас*, выражающей ограничительное предшествование как предпосылку для другого действия в виде его следствия или результата: *укий торгас арып беттэм* 'Я читал столько, что устал'; 9) в форме деепричастия на *-ышлай*, выражающей действие, совершаемое по пути типа *жайтышлай* 'возвращаясь домой'; 10) в сложной форме долженствования на *-аһы (-һе) бар* типа *бараһым бар* 'мне надлежит идти, мне нужно идти'. В остальных словоформах этих глаголов категория отрицания может быть представлена свободно. Ее аффиксальный показатель *-ма/-мэ* неизменно следует непосредственно за лексической основой. Аффиксы же спрягаемых и неспрягаемых форм глагола ставятся после него: *укыманым* 'я не читал', *бармаһын* 'пусть не пойдет', *кылмайэсэж* 'не придет'.

Форма на *-ма/-мэ* характеризуется в целом моносемантической. Лишь при отдельных формах глагола она приобретает позиционно обусловленные значения, не свойственные ей:

1) в словообразовательных формах на *-п тор, -п йөр*, образованных от глаголов активного действия, она означает 'не стоит заниматься тем, что выражено производящей основой': *кереп торма, кереп йөрэмэ* 'не заходи, не стоит заходить';

2) при деепричастии на *-гас/-гэс*, выражающем ограничительное предшествование, а в зависимости от контекста и причину, форма на *-ма/-мэ*, наряду со своим обычным значением выражает в совокупности с названным аффиксом причинно-следственные отношения: *Һин бармагас, мин дә барманым* 'поскольку не ходил ты, не ходил и я';

3) в сочетании с деепричастным афф. *-й* отрицательный афф. *-ма/-мэ* представляет по существу самостоятельную форму деепричастия на *-май/-мэй*, выступающую в двух значениях: а) в значении образа действия как отрицательный эквивалент многозначной формы деепричастия на *-п* (а не деепричастия на *-а/-э, -й* и редуцированного его варианта, как это должно быть по структуре), реализованной только в значении образа действия: *асып* 'открывая' — *асмай* 'не открывая'; б) в контекстно обусловленном значении ограничительного предшествования как условия для совершения другого действия: *яз етмэй көп йылынмай* 'пока не наступит весна, дни не становятся теплыми';

4) в обоих значениях, названных в предыдущем пункте, на одинаковых началах бытует и другая самостоятельная производная форма деепричастия — на *-майынса/-мэйенсэ*: *Апай, бер һүз өндәшмэйенсэ, икенсе ишекте асты* (Р. Габдрахманов) 'Тетя, не проронив ни слова, открыла другую дверь'; *Һин кылмэйенсэ башламайбыз* 'Не начнем, пока ты не придешь';

5) в составе самостоятельной сложной формы деепричастия на *-май/-мэй тороп* с помощью отрицательного аффикса выражена причинно-следственная и ограничительно-временная обусловленность двух действий: *Ә ул пулеметты кем дә буһа дәмәктөрмэй тороп, исэн калыуға өмәтләнеү биж ситен* (Д. Исламов) 'А пока кто-нибудь не заглушит тот пулемет, очень трудно рассчитывать остаться в живых';

6) с помощью отрицательного аффикса самостоятельная форма на *-маганды/-мэгәнде* выражает определенную разновидность условного наклонения: *Ана һөтө менән кермэгәнде, тана һөтө менән кермәс* (погов.) 'Если уж молоко матери не впрок, то коровье молоко и подавно' (т. е. 'если уж не воспитали родители, то потом не перевоспитаешь');

7) форма на *-ма/-мэ*, теряя свое обычное значение, широко применяется в качестве необходимого структурного компонента копулятивных сложных глаголов-деепричастий типа *өндәшмэй-тынмай* 'не проронив ни слова', *һейләшмэй-нитмэй* 'не поговорив', *түкмэй-сәсмэй* 'не утаив ничего'.

За исключением перечисленных случаев форма на *-ма/-мэ* выступает в одном и том же значении, отрицательно характеризуя содержание той словоформы, в рамках которой она представлена как ее отрицательный эквивалент.

Отрицание при будущем времени на *-сак/-сэж* может быть представлена и формой на *-ма/-мэ* и модальным словом *тугел* 'не', отражающим именное ее происхождение: *бармаясакмын — барасак тугелмен* 'не пойду ни за что'.

В сложной форме прошедшего времени на *-ган/-гэн бар* отрицание представлено модальным словом *юк* 'нет', заменяющим названный их замыкающий компонент: *барганым бар* 'я ходил' — *барганым юк* 'я не ходил'.

КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ/НЕПЕРЕХОДНОСТИ

Переходность / непереходность — одна из специфических характеристик глагольной лексики, вытекающая из ее содержания, уточняя и дополняя его.

По той роли, которую переходность / непереходность играет в функционировании глагола, она относится к сфере синтаксиса, где получает конкретное выражение. Вне синтаксиса же эта роль сводится к имплицитному выражению определенных синтаксических потенций глагольной лексики, представляя одну из разновидностей глагольного управления. С этой точки зрения переходность / непереходность, обуславливающая соответствующую структуру объектного глагольного словосочетания, представляет собой категорию грамматического характера, тем более что глагольная лексика по данному признаку без остатка четко и последовательно делится на два противопоставленных разряда.

Однако значение переходности / непереходности выделяется так или иначе лишь на лексико-семантической основе. Выделяется весьма условно, ибо такое значение в конечном итоге немыслимо в отрыве от лексического значения глагола, вытекает из него как неотъемлемый его компонент. А главное — это значение по существу своему сводится к уточнению содержания глагольной основы на лексико-семантическом уровне.

В непрямых глаголах, как и в сложных отыменных глаголах, образованных с их помощью, переходное или непереходное значение представлено на таких же началах, что и их собственно лексическое значение без особого формального выражения. В производных же глагольных лексемах, исключая лишь небольшую их часть, переходное или непереходное значение, можно сказать, представлено их словообразовательными формами, действительно однозначно характеризующими их с этой точки зрения. Но и здесь оно обусловлено характером лексического значения основы, предопределяемым самой словообразовательной формой. Его и здесь невозможно и неправомерно выделять в отрыве от лексического значения производимой лексики, вернее — от того его существенного компонента, который содержится во всех производных глаголах с данной словообразовательной структурой в виде типового значения последней. Так, многие отыменные словообразовательные формы образуются с объединяющим их типовым значением 'приобрести свойство, названное именной основой', которое само по себе характеризует глагол как непереходный: *арай-* 'белеть', *наррай-* 'жестеть', *тыскаар-* 'укоротиться', *тутык-* 'ржаветь', *буша-* 'освободиться, ослабить', *каме-* 'умешляться', *кипше-* 'подсохнуть'. Словообразовательные же формы с типовым значением 'вызвать, проявлять свойство, выраженное производящей основой', напротив, уже в самом их словообразовательном значении включают указание на переходность и активность обозначаемого ими действия: ср. *һирэклэ-* 'разрядить', *һыгыт-* 'укреплять', *тезэт-* 'исправить', *йүнэт-* 'поправить, привести в порядок' и т. п.

Даже в тех нередких случаях, когда сама сущность словообразования сводится на первый взгляд к превращению переходного глагола в непереходный или наоборот, значение переходности / непереходности лишь сопутствует их словообразовательному значению: ср. *күбэй-* 'умножиться' и *күбэйт-* 'умножить', *яжынлаш-* 'приблизиться' и *яжынлат-* 'приблизить', *ябайлаш-* 'упрощаться' и *ябайлаштыр-* 'упрощать', которые содержат одно из двух названных выше типовых словообразовательных значений и находятся в одном ряду с отыменным словообразованием типа *йылын-* 'согреться' — *йылыт-* 'согреть',

һыуын- 'остыть' — *һыуыт*- 'охладить, остудить', *төзәл*- 'поправиться' — *төзәт*- 'исправить'.

Обусловленность значения переходности/непереходности смыслом самой словообразовательной формы наглядно подтверждают полисемантические деривационные формы, которые в одном из своих словообразовательных значений дают переходные глаголы, в другом — непереходные; например, форма на *-ла/-лә*, во всех своих основных значениях образующая переходные глаголы типа *эшлә* 'работать', *ремонтла*- 'ремонтировать' (совершать действие, названное основой), *быраула*- 'бурить', *тырмала*- 'боронить' (воздействовать орудием, названным основой), *үткерлә*- 'заострить', 'точить', *тигезлә*- 'разровнять' (вызвать свойство по основе), и лишь в отдельных значениях производящая непереходные глаголы типа *шартла*- 'взорваться', *шаула*- 'шуметь', *балала*- 'родить'; форма на *-ра/-рә* (ср. *осра*- 'встретить' и *изрә*- 'размякать'), форма на *-а/-ә* (ср. *кана*- 'кровоточить' и *һана*- 'считать'), форма на *-ы/-е* (ср. *байы*- 'обогатиться' и *төзә*- 'строить') и т. п. Здесь прослеживается полный изоморфизм с многозначными непроезводными глаголами типа *кер*- 'входить' (но: *һыу кер*- 'купаться', *мунса кер*- 'мыться в бане'), *мен*- 'подниматься' (но: *ат мен*- 'сесть на коня'), которые в своих основных значениях являются непереходными, а в частных — переходными. И в том и в другом случае значение переходности / непереходности выделяется, собственно говоря, не столько на лексическом, сколько на собственно семантическом уровне в пределах лексемы. И выделяется постольку, поскольку выделяется лексическое значение как относительно автономная элементарная смысловая единица. Выделяется к тому же в неразрывной связи с ним, а не как сколько-нибудь самостоятельный его компонент. Значение переходности и непереходности немыслимо в отрыве от лексического значения слова. Оно органически вытекает из него и сопутствует ему неизменно.

По своей сути значением переходности или непереходности обладает глагольная лексема постольку, поскольку оно является свойством самого действия, выраженного ею. Ведь направленность действия на прямой объект даже в самом ее абстрактном понимании есть отнюдь не глобальный признак всякого глагола, а свойство лишь определенного разряда действий, обозначаемых глаголом. Оно представлено в глаголе отнюдь не абстрактно, как мы это устанавливаем умозрительным путем, тем же способом противопоставляя переходное значение непереходному в своем стремлении увидеть здесь собственно грамматическую бинарную оппозицию, а в вполне конкретном выражении, угадываемом по смысловому содержанию глагола. Подобно тому, как не всякое действие может быть направлено на прямой объект, последним может служить при переходном глаголе отнюдь не всякий предмет, а лишь строго определенный тип предметов, причем считанное их множество (ср. *зәжмурить* — глагол, предполагающий в качестве прямого объекта только глаза и т. п.).

Выражая переходное действие лексемой, мы одновременно отражаем так или иначе и его индивидуальное свойство быть направленным на какой-либо один тип предметов, его соотносительность с ними (иначе его нельзя отграничить от сходных в определенных отношениях действий). Соответственно, воспроизведя его по глагольной лексеме, мы одновременно воспроизводим и его имплицитную и тем не менее обязательную соотносительность с заранее определенным разрядом прямых объектов, получающих реальное выражение на синтаксическом уровне (иначе мы не можем верно понять лексему, как в этом убеждает четкая отграниченность одного лексического значения от другого одновременно и по их соотносительности с определенными объектами в многозначных глаголах типа *уҡы*- 'читать, учиться'). Сфера дополнений специфична не только для каждого переходного глагола, но и для каждого его отдельного лексического значения, предполагающего заранее заданную лексическую сочетаемость. И эта специфика в конечном итоге есть свойство самого действия, выраженного лексемой.

Переходное значение наряду с имплицитным выражением соотносительности действия с определенным кругом прямых объектов включает в себя также и указание на активный характер действия, больше того — на его соотносен-

ность отнюдь не со всяким субъектом, а лишь с названиями одушевленных предметов, способных осуществлять данное действие. Соответственно непереходное значение, за исключением непереходных глаголов с внутренним объектом типа *ултыр-* 'садиться' (т. е. 'посадить себя'), связано обычно с выражением состояния, носителем, а не производителем которого является субъект. Эти смысловые отношения, тоже представляющие имплицитно выраженные синтаксические потенции глагола, органически вытекают и из самого лексического значения основы, обусловлены им и в конечном итоге тоже являются собой индивидуальное свойство самого обозначаемого действия.

Правда, соотносительность с субъектом, вернее с подлежащим, предполагает любая глагольная лексема как часть речи. Но она в данном случае конкретизирована, что уже выходит за пределы собственно грамматики и является достоянием лексико-семантического уровня, поскольку представлена в рамках самой лексемы. Глагольная лексема заранее предопределяет состав не только возможных объектов-дополнений, но и субъектов-подлежащих. Уже в самом ее лексическом значении заключен их потенциальный состав, т. е. пределы лексической сочетаемости данного глагола.

Значение переходности/непереходности, представляющее, таким образом, синтаксические потенции глагола двоякого рода, находится в теснейшем взаимодействии с его собственно лексическим значением, из которого оно вытекает в порядке производного его компонента, совершенно необходимого для его полноты и возможной точности. В зависимости от состава и характера прямых объектов, а иногда и потенциально возможных субъектов нередко резко меняется само лексическое значение глагола. Так, лексема *тот-* 'держать, поймать', реализующая эти свои значения в соотношении с бесчисленным множеством самых разнообразных объектов-прямых дополнений при относительно ограниченном и вполне определенном составе субъектов-подлежащих, в применении к *балык-* 'рыба' означает 'заниматься ловлей (рыбы)', в частности, 'удить'. Лексема *тор-* 'стоять' только в применении к названиям одушевленных предметов-субъектов, вернее названиям лиц означает 'встать' (т. е. 'поднять себя'). Лексема *аша-* в соотношении с подлежащим — названием одушевленных предметов означает 'есть, кушать', а в сочетании с подлежащим *кояш* 'солнце' выражает 'выцветать', с подлежащим же типа *тут* 'ржавчина' — 'разъедать' (*тут тимерзе ашай* 'ржавчина разъедает железо'). Сходных примеров можно привести бесчисленное множество. И все они свидетельствуют об изменяемости лексического значения глагола в зависимости от его взаимодействия со значением переходности в конкретном его проявлении, каким оно только и может быть при каждом лексическом значении глагола.

Об этом же говорит и тот очевидный факт, что одно и то же действие в применении к различным объектам-дополнениям выражается нередко разными глагольными лексемами: ср. *яп-* в значении 'закрывать' с необычайно широким кругом возможных объектов-дополнений в его отношении к *йом-* 'закрывать' (только глаза, рот и т. п.), *ур-* 'плести' (косу, корзину и т. п.) в его отношении к (*селтар*) *бэйлэ-* 'плести (кружева)' и т. п.

Переходность/непереходность в известной мере обуславливает также степень полноты и ясности выражения лексического значения глагола, его очерченность и объем. Переходные глаголы, как это давно замечено, характеризуются в целом емкостью и гибкостью своего лексического значения в ущерб его конкретности, точности, которую оно получает обычно лишь по мере охарактеризованности объекта обозначаемого действия, т. е. в речи: ср. лексему *яһа-* 'делать' с непомерно широким и разнородным составом объектов, только в конкретном соотношении с которыми приобретающую необходимую очерченность своего значения (*остэл яһа-* 'смастерить стол', *бунт яһа-* 'бунтовать', *атака яһа-* 'атаковать', *мылтыкты яһа-* 'заряжать винтовку'), *ал-* 'брать' с более или менее ясно очерченным, но очень широким лексическим значением, уточняемым в речи в зависимости от конкретных объектов обозначаемого действия.

В переходных глаголах, соотношенных с широким и не вполне ясно очерченным кругом объектов-дополнений, явно ощущается недостаточная выраженность обозначаемого ими действия в их пределах, незаконченность его характеристики в самой лексеме, требующей поэтому конкретизации с помощью прямого дополнения. Чем менее узок и ясен состав объектов, на которые может быть направлено данное действие, тем полнее оно отражается в лексеме: ср. *йырла-* 'петь', *йом-* 'закрыть (глаза, рот, ладонь)', *имез-* 'кормить (грудью)' и т. п.

Непереходные глаголы по сравнению с переходными имеют в целом более ясно очерченное лексическое значение, с возможной полнотой выраженное в их пределах, т. е. не требующее уточнения с помощью дополнений-объектов. Исключения составляют лишь отдельные глаголы типа *ит-* 'делать', *бул-* 'быть, стать' с сверхабстрагированным лексическим значением, охватывающим подобно местоимению содержание всякого другого глагола данного семантического профиля.

Особенной полнотой и конкретностью характеризуются непереходные глаголы действия с внутренним объектом: ср. *сук-* 'стать на колени', *ултыр-* 'садиться', *бас-* 'встать', *тор-* 'вставить' и т. п.

Как это вытекает из изложенного, переходность/непереходность, как и все другие синтаксические потенции глагола, является достоянием самой глагольной лексемы и поэтому в лучшем случае может быть квалифицирована как лексико-грамматическая категория глагола.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Залог — особая лексико-грамматическая категория глагола, выражающая отношение действия к агенсу-подлежащему как его производителю, если оно даже не является реальным исполнителем действия.

По содержанию и функции формы залога составляют грамматическую категорию, поскольку они предназначены для выражения в пределах самого глагола его определенных синтаксических потенций, обуславливающих появление подлежащего, прямого и косвенного дополнения, т. е. управляемого глаголом слова в определенной грамматической форме. Но по формальному выражению своего значения, сфере охвата глагольной лексики и по соотношению залоговых форм между собой эта категория далеко не удовлетворяет критериям выделения собственно грамматических категорий словоизменительного типа:

1) основной залог, в отличие от остальных залогов, охватывает глагольную лексику глобально, по своей употребительности занимает преимущественное положение, но характеризуется, во-первых, многозначностью (соответствует и действительному залогу и среднему, выражающему состояние, носителем, а не производителем которого является подлежащее), во-вторых, отсутствием единой формы — в его сферу входят глаголы не только в своей исходной форме, но и в формах всех остальных залогов, лишенных их собственно залогового значения и играющих чисто словообразовательную роль, в-третьих, отсутствием сколько-нибудь существенного и последовательного противопоставления основного залога остальным залогам, исключая лишь страдательный, с которым в принципе он взаимодействует аналогично тому, как в индоевропейских языках, правда не столь последовательно и не всегда на чисто грамматической основе (нередко страдательный залог от основного в тюркских языках отличается и лексически);

2) страдательный залог по своей природе в целом действительно противопоставлен основному, но в отличие от него: а) образуется от весьма ограниченного и строго определенного круга глаголов в полной зависимости от характера их лексического значения, образуется к тому же по двум разным формам, одна из которых совпадает с возвратным залогом, по значению близко стоящему к нему, но фактически входящему в сферу основного залога-актива как его разновидность; употребление страдательного залога обусловлено не столько коммуникативными, сколько чисто стилистическими

причинами как синтаксического эквивалента основного залога; коммуникативная же роль страдательного залога, в далеком прошлом отражающего обожествление субъекта, ныне сводится к актуализации направленности действия на объект без ущерба его соотнесенности с реальным субъектом, которая в данном случае лишается лишь информативности;

3) остальные залого — понудительный, взаимный, возвратный — по существу являются собой лишь определенную разновидность действительного залога; образуются от строго ограниченного состава глаголов в полной зависимости от профиля их лексического значения и имеют в целом весьма ограниченную сферу употребления, особенно возвратный;

4) формы всех четырех названных косвенных залогов в очень многих случаях играют чисто словообразовательную роль, отличную от значения данного залога; при этом производные лексические единицы внутрислагольного происхождения входят в сферу основного залога;

5) в собственно залоговом значении эти формы также нередко приводят к изменению исходного лексического значения глагольной основы;

6) грамматические значения форм косвенных залогов не отличаются единством: все они многозначны;

7) понудительный и страдательный залого образуются с помощью разных аффиксов, а взаимный, образуемый посредством единого аффикса, имеет совершенно различные грамматические значения, не укладывающиеся в рамках единого залога;

8) косвенные залого даже в собственно залоговом их значении не обладают сколько-либо ясно выраженной и последовательной залоговой противопоставленностью, что неоспоримо доказывается давно замеченной и общепризнанной совместимостью одного из них с другим в пределах одного и того же глагола;

9) все залого тесно и неразрывно переплетаются с лексикограмматической категорией переходности и непереходности, не имеющей единого и последовательно проводимого формального выражения, преимущественно базирующейся на лексическом значении самого глагола и тем не менее обладающей бинарным последовательно проводимым коррелятивным противопоставлением, характерным для собственно грамматической категории, обслуживающей синтаксис (в нашем случае — способностью или неспособностью глагола управлять прямым объектом);

10) хотя формы косвенных залогов все до единой последовательно и однозначно выражают категорию переходности или непереходности, трансформируя безобъектный глагол в объектный или наоборот и тем самым осуществляя внутрислагольное словообразование¹¹, однако это их свойство тоже не составляет их сущности и даже прямого их назначения: во-первых, выражение переходности и непереходности формами косвенных залогов при всей своей последовательности есть, так сказать, побочный результат либо реализации собственно словообразовательной функции этих форм (в данном случае последние ничем не отличаются от остальных словообразовательных форм глагола, которые тоже неизменно выражают либо переходность, либо непереходность, хотя и предназначены для преобразования лексического значения производящей основы), либо залогообразования, стоящего на ином уровне, чем чистое словообразование; во-вторых, что самое главное, категория переходности/непереходности при всей своей тесной связи с залогом отличается от него тем, что залог обозначает субъектные отношения, а данная категория выражает исключительно объектные отношения на основе лексического значения глагола независимо от его морфологической структуры.

В непроизводных глаголах значение переходности/непереходности вообще не имеет никакого формального выражения. В производных, в том числе и глаголах, созданных с помощью залоговых аффиксов, последние

¹¹ Как это справедливо замечено грамматистами, изменение значения переходности/непереходности глагола, связанное с залогом, входит в сферу словообразования также и потому, что это значение для каждого глагола специфично (*Иванов С. Н.* Родословное древо тюрков Абу-Гази-хана. Ташкент, 1969, с. 121—122).

являются неотъемлемым элементом их лексической структуры и в силу этого — показателем значения переходности или непереходности, неразрывно связанного с лексическим значением данного глагола, обуславливающим его (но не наоборот).

Все эти противоречивые свойства тюркского залога, порождающие нескончаемые споры в отношении его грамматической квалификации, вызваны тем, что залог как грамматическая категория формировался на базе словообразовательных форм и именно поэтому не получил сколько-либо стройного и последовательного развития.

ОСНОВНОЙ ЗАЛОГ

Основной залог — это универсальная лексико-грамматическая категория, в которой прежде всего и главным образом бытует любой глагол. Значение основного залога по своему существу есть одно из категориальных свойств всякого глагола как части речи, а именно — неизменная имплицитная или (отчасти) эксплицитная соотнесенность глагола с грамматическим субъектом-подлежащим, которое в отличие от логического субъекта вовсе необязательно должно быть производителем данного действия или состояния, хотя в целом, за небольшим исключением, и является им.

Совпадение значения основного залога с категориальным значением глагола как части речи и обуславливает отсутствие его специального морфологического выражения. (В этом отношении не составляет исключения и довольно многочисленный пласт производных глаголов, образованных с помощью десемантизированных залогообразующих аффиксов, поскольку они как лексические единицы немыслимы без этих аффиксов, органически входящих в их структуру).

Бытующий в исходной форме глагола как лексическая единица, основной залог синтаксически реализуется в двух разновидностях: объектный (переходные глаголы) и безобъектный (непереходные). Морфологически это различие выражено косвенно лишь в части глаголов, образованных с помощью деривационных аффиксов, которые, однако не всегда обозначают только переходность или непереходность (ср., например, глаголы на *-ла/-лэ*, обладающее большинство которых переходны, но значительная часть непереходны, а отдельные глаголы в одном своем значении переходны, в другом — непереходны). В остальных глаголах (в непроизводных и сложных, в своей совокупности составляющих едва ли не половину глагольной лексики) данная их синтаксическая потенция целиком обусловлена лишь их семантической основой. Тем не менее различие глаголов по переходности и непереходности проводится глобально, включая каждое значение многозначного глагола.

Семантически, а в меру своей формальной выраженности и морфологически (производные глаголы с аффиксами, однозначно представляющими категорию переходности/непереходности) основной залог имеет две разновидности: 1) действительный залог, при котором подлежащее обозначает реального производителя данного действия или состояния и который обычно различается и контролируется синтаксически (наличие или отсутствие, недопустимость прямого объекта), например: *Мин ул турала кўптэн бойорек бирзем* (Ғ. Ғүмәр) 'Об этом я давно приказал'; *Мин кайтам!* (Ф. Исғанголов) 'Я ухожу домой!' и 2) средний залог, при котором подлежащее является носителем, а не производителем состояния или (реже) действия: *Көн озак утте* (А. Ағиш) 'День тянулся долго'; *Бөгөнгө норма шуның менен ботто* (С. Кулибай) 'Сегодняшняя норма этим закончена'.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Страдательный залог — это грамматически организованная трансформация объекта действия в позицию подлежащего без ущерба для его логического содержания, как и для субъекта, теряющего, однако, при этом свою информативность. Суть его заключается не в субъектно-объектной обрати-

мости, как это принято считать, а в актуализации объекта действия путем выдвижения в позицию подлежащего, отчего он не перестает быть логическим объектом, подобно тому, как логический субъект тоже сохраняет свою соотнесенность с действием, хотя они оба в этом случае и оформлены иначе, чем обычно и в соответствии с этим занимают не свойственные им синтаксические позиции. Говоря иными словами, глагол в собственно страдательном залоге сохраняет свою имплицитную соотнесенность как с реальным субъектом, так и с объектом действия, несмотря на их формальную взаимозаменяемость в целях актуализации действия в его отношении к объекту. В то же время по своим формальным признакам страдательный залог, заслоняя роль субъекта, не укладывается в рамках какого бы то ни было другого залога и противостоит им, в частности действительному залогу как особая форма выражения субъектно-объектных отношений, а именно — как инверсия действительного залога, по смыслу близкого к среднему залогу, особенно когда субъект не назван в данном высказывании (ср. *хат язылды* 'письмо написано' и *ағас үсә* 'дерево растет').

Страдательный залог образуется от основы глагола с помощью афф. $-(y/e, o/ə)л$ и отчасти афф. $-(y/e, o/ə)н$.

Афф. $-(y/e, o/ə)н$ употребляется при основах с конечным (*ал-ын* 'быть взятым', *эл-ен* 'быть повешанным') или предпоследним (*башла-н* 'начинаться', *шылә-н* 'быть сделанным') этимологическим $*-л$, а также после двусложных основ, первый слог которых замыкает $-л$, а последующий — $-а$ или $-ə$ (*алда-н* 'быть обманутым'). В остальных случаях выступает афф. $-(y/e, o/ə)л$. Страдательный залог образуется от широкого круга переходных глаголов, а также от некоторых непереходных глаголов действия с внутренним объектом типа *ултыр-* 'садиться' (т. е. 'посадить себя').

Описанная природа страдательного залога наиболее ярко проявляется в переходных глаголах — в данном случае субъект чаще всего устраняется из высказывания и в связи с этим глагол, лишаясь соотнесенности с ним, превращается в неопределенно-личный, хотя формально по категории лица он и согласован с подлежащим-объектом: *Бәзәр Юсупованың халық алдында хезмәттәре бик күп тапқыр искә алынды* (С. Агиш) 'Заслуги Бәзәр Юсуповой перед народом упоминались очень много раз'.

Многие глаголы в форме страдательного залога не допускают субъекта обозначаемого им действия, неизменно представляют действие как самопроизвольный безличный акт. Таковы, например, *асыл-* 'открываться', *башлан-* 'начинаться', *бозол-* 'портиться', *ватыл-* 'сломаться, разбиться', *емерел-* 'разрушаться, развалиться, обвалиться', *озәл-* 'оборваться, оторваться', *сисел-* 'развязаться, отвязаться', *табыл-* 'найтись', *һүтел-* 'распороться, расшлетаться', *һытыл-* 'раздавиться' и т. п. Хотя это правило остальных страдательных форм и не касается, они обычно быгуют тоже без субъекта, выражая активное действие в отвлечении от его исполнителя и тем самым характеризуя его как неопределенно-личный акт: *Ошо көндән алып донъя иккә бүленде — капитализм һәм социализм донъяларына* (Ғ. Әмири) 'С этого дня мир разделился надвое — на социалистический и капиталистический'; *Тугыз катлы йорт һалына башлань* (Ә. Бикчәнтәев) 'Началось строительство девятиэтажного дома'.

Правда, в коммуникативно необходимых случаях при некоторых глаголах данного вида субъект может быть представлен в форме родительного падежа (когда он выражен личным местоимением) или основного падежа (когда он выражен существительным), выполняющего по сути роль эргатива, в сопровождении послелогов *тарафынан* (если субъект — название лица) или *менән* (если он представлен названием неодушевленного предмета): ср. *Приказ командир тарафынан бирелде* 'Приказ дан командиром'; *Почта самолет менән килтерелә* 'Почта доставляется самолетом', где имеется возможность трансформации в действительный залог (ср. *Командир приказ бирзе* 'Командир дал приказ'; *Самолет почта килтерә* 'Самолет доставляет почту', где актуализируется роль субъекта как подлежащего; *Приказды командир бирзе* 'Приказ дал командир'; *Почтаны самолет килтерә*

‘Почту доставляет самолет’, где в отличие от предыдущего случая актуализирован объект как прямое дополнение в его отношении к действию почти таким же образом, что и в страдательной конструкции). По эти страдательные конструкции, зародившиеся на почве тюркских языков, очевидно, под иноязычным влиянием, представляются несколько искусственными, а иногда и надуманными и, вероятно, по этой причине широкого распространения в общенародном башкирском языке не получили, закрепившись более или менее прочно главным образом за книжным стилем письменного языка, и то сохранив свою калькированную природу, особенно в переводах с русского языка. Во всяком случае, они представляют наименее употребительную разновидность страдательного залога, зато наиболее грамматикализованную, т. е. не затрагивающую ни лексического значения глагола, ни его способности управлять прямым объектом.

Собственно грамматический характер, не связанный с изменением лексического значения и синтаксической потенции глагола по переходности/непереходности, носит и предыдущая разновидность страдательного залога, поскольку она сводится к изменению лишь обычных субъектных отношений, превращая личный глагол, соотношенный с определенным лицом в соответствии с показателем грамматического лица, в неопределенно личный: ср *Бер төрлө сәскәләр иртән асыла, икенсе төрлөләре — кендәз, өсөнсәләре — кис* (Ө. Вәли) ‘Одни цветы раскрывают свои лепестки утром, другие — днем, третьи — вечером’; *Кәңәшмә йыйылды* (Ғ. Әмири) ‘Совещание созвано’; *Ошо вақыттан башлап укытыусы Бәзәр Юсупова өсөн сәхнә пәрәдһе бер вақытта ла ябылмаз өсөн асыла* (С. Агиш) ‘После этого события занавес сцены для учительницы Бәзәр Юсуповой открылся навсегда’.

Лишь отдельные глаголы при этом претерпевают изменение своего исходного лексического значения: *Иштугандың кәйефе кырылды* (З. Бишева) ‘Настроение Иштугана испортилось’ (*кыр-* ‘скоблить, брить, точить, истребить, разбить’, из которых лишь последнее значение отдаленно связано с приведенным видоизменением содержания данного глагола). В составе же некоторых глаголов сходного рода форма на *-л* в одном случае своего употребления имеет описанное чисто залоговое значение, в другом — собственно словообразовательное, совершенно не связанное со страдательным залогом: ср. *яз-* ‘писать’ — *языл-* а) ‘быть написанным’, б) ‘записаться’; *сәтс-* ‘колоть, вонзать’ — *сәтсел-* а) (быть воткнутом, вонзиться, втыкаться), б) ‘издохнуть’.

Периферийную разновидность страдательного залога, граничащую, с одной стороны, с возвратным залогом, с другой — со словообразованием, представляют возвратно-страдательные формы, совмещающие объект и субъект действия, образованные от переходных глаголов; производителем обозначаемого ими действия является одушевленный предмет, чаще всего название лица: ср. *айырыл-* ‘разъединяться, разлучаться, расставаться, разводиться’, *бөгәл-* ‘сгибаться’, *эйәл-* ‘наклоняться’, *йыйыл-* ‘собираться’, *тарал-* ‘расходиться’, *тезел-* ‘строиться’, *туктал-* ‘остановиться’, *кушыл-* ‘присоединиться’ и т. п., которые применительно к названиям лица выражают направленность действия на него как на объект (‘разлучить себя, сгибать себя, наклонять себя, собирать себя и других лиц, ставить себя и других в строй, остановить себя, присоединить себя к кому-л.’).

Страдательный залог, образованный от непереходных глаголов, формально обозначает неопределенно-личное, вернее — неличное действие, как бы привнесенное извне. На деле же действие здесь соотносится с первым лицом как с говорящим, который в порядке умозаключения постфактум приходит к выводу, что, оказывается, он как бы невольно совершил его. В связи с этим последним обстоятельством страдательный залог в этом случае обычно функционирует в прошедшем времени на *-ған*, в применении к 1-му лицу, выражающему именно такое действие, а в остальных лицах — прошедшее действие, очевидцем которого говорящий не был: *кисә биә куп йорелгән, ултырылған, йокланған* и т. п. ‘вчера, оказывается, много ходил, (долго) сидел, спал’ и т. под. В форме же прошедшего очевидного на *-ды* действие чаще всего соотносится с 1-м лицом мн. числа.

В последнем из описанных значеий страдательный залог чаще всего выступает в переходных глаголах типа *аша-* 'есть, кушать', *эс-* 'пить': *кисэ бик куп эселгэл* 'вчера, оказывается, очень много пил'. Но в целом в данном частном своем значении он бытует реже всего.

В очень многих случаях форма на *-л* выделяется исключительно как чисто словообразовательная, давно лишенная, однако, продуктивности, хотя в свое время с помощью афф. *-л* создавались даже отыменные глаголы типа *тере-л* 'ожить, выздороветь' (от *тере* 'живой'), *басыл-* 'затихать, стихать; успокоиться (о боли)' (*бас-* 'заглушать, усмирять; давить, нажать; вставать; ступать'), *бозол-* 'испортиться' (*боз-* 'портить, парушать; извращать'), *борсол-* 'беспокоиться' тревожиться, волноваться; заботиться' (*борсо-* 'беспокоить; утруждать'), *бутал-* 'запутаться, сбиться; путаться с кем-л.; перемешаться' (*бута-* 'размешать, перемешать; тасовать; зацутать'), *бэрел-* 'удариться (обо что-л.), задеть (при движении)' (*бэр-* 'бить, ударить'), *кагыл-* 'трогать, коснуться, касаться' (*как-* 'забить, заколотить; выколачивать, встряхивать, выбивать; стучать; звонить; притеснять') *отол-* 'проиграть, прогадать, оказаться в убытке' (*от-* 'выиграть, выгадать; уловить, запомнить'), *хугыл-* 'заходить, заехать по пути' (*хук-* 'ударить, бить'), *тарал-* 'расходиться, рассыпаться, распространиться' (*тарат-* 'раздавать, рассеивать'), *тезел-* 'строиться' (*тез-* 'панизовать, выстраивать') и т. п.

Передко одна и та же форма выступает и как страдательный залог (а) и как производная лексическая единица, из состава которой афф. *-л* не может быть устранен (б): *айырыл-* а) 'быть разлученным', б) 'расторгнуть брак'; *асыл-* а) 'открыться', б) 'проясниться, очиститься; раскрыться, разоблачить'. *буял-* а) 'быть покрашенным', б) 'вымазаться (краской), пачкаться (грязью)', *быуыл-* а) 'быть запруженным, быть затянутым (перевязавшись)', б) 'давиться, удавиться, задыхаться'; *бирел-* а) 'быть данным', б) 'сдаться, пасть; увлекаться'; *эзел-* а) 'оборваться, быть прерванным, сорванным', б) 'страдать по кому-л., переживать; радушно принять кого-л.; умереть' и т. п.

Это обстоятельство крайне затрудняет квалификацию страдательного залога как грамматической категории, хотя он за исключением этих редких случаев, где можно усмотреть омоимию, и дает для этого веские основания. Можно отметить отдельные формы на *-л*, в пределах одного и того же лексического значения бытующие в зависимости от контекста и как страдательный залог (а) и как производная лексема, из состава которой афф. *-л* не может быть устранен (б): а) *хокумэт тарафынан демократиялаштырыл-, документлаштырел-* 'демократизироваться, документироваться правительством', б) *демократиялаштырыл-* 'демократизироваться', *документлаштырел-* 'приобрести документированность'.

В целом форма на *-л* чаще всего служит для трансформации переходного глагола в непереходный без существенного изменения его лексического содержания, лишь модифицируя его синтаксические потенции: ср. *һэйрэл-* 'тащиться, волочиться' (*һэйрэ-* 'тащить, волочить'), *һэйэл-* 'прислоняться, привалиться; опираться' (*һэйэ-* 'прислонять, приставлять'), *тойол-* 'ощущаться, казаться' (*той-* 'ощущать, чувствовать'), *тугел-* 'выливаться, пролиться; просыпаться, рассыпаться; истратиться, затратиться' (*тук-* 'вылить, пролить, высыпать'), *урал-* 'мотаться, наматываться, накручиваться; виться, клубиться; крутиться около кого-л.', (*ура-* 'мотать, наматывать, накручивать; обертывать, завертывать, укутывать; ходить, ездить окольным путем'); *өстэл-* 'набавляться, надбавляться, добавляться' (*өстэ-* 'добавить, прибавить, набавить, дополнить') и т. п., которые имеют со страдательным залогом лишь отдаленную смысловую связь, заслоненную значением непереходности, тесно переплетающимся с лексическим содержанием этих производных глаголов. Говоря иными словами, в составе данного многочисленного пласта глаголов форма страдательного залога тоже имеет словообразовательное назначение, хотя изменяет исходное лексическое содержание производящей основы минимально.

Ее словообразовательную природу подтверждает наличие отыменных глаголов вроде *терел-* 'ожить, выздороветь' (от *тере* 'живой'), *ка-*

рал- 'загрязняться' (от *жара* 'черный'), *оял-* 'стыдиться, стесняться' (от арх. *уя* или *уй* со значением 'стыдливый, застенчивый, робкий', представленным не только в тюркских языках¹²), *юғал-* 'теряться, пропасть, исчезнуть' (от *юк* 'нет'), *теғал-* 'исправиться' (от *теғ* 'прямой, точный, меткий, в названном отношении 'исправный', ср. также *теғек* 'исправный'), *юнал-* 'исправиться' (восстановиться в прежнем качестве); поправиться (после болезни) (от *юнь* 'толк, способность, состоятельность'), *һурел-* 'остыть, затихать' (ср. *һурән* 'вялый, неживой, недостаточно истопленный, испеченный'), а также слова (с утратившими свою самостоятельность корнями), существующие в двух формах — со словообразовательным аффиксом — показателем непереходности *-л*, и с таким же деривационным аффиксом — показателем переходности *-т*: *жуғал-* 'прийти в движение, трогаться, шевелиться, сдвинуться, возобновиться, возбудиться' — *жуғат-* (то же самое в переходном значении); *тарал-* 'расходиться, рассеиваться, рассыпаться, распространяться' — *тарат-* (то же самое в переходном значении), *таржал-* 'распасться, разрозниться, разлагаться' — *таржат-* 'приводить в такое же состояние или в упадок', *ярал-* 'зарождаться и *ярат-* арх. 'создать, обеспечить бытование' и т. п.

О том же свидетельствуют некоторые этимологически затемненные явно производные образования на *-л* со значением непереходности и приобретения определенного свойства, характерным для собственно словообразовательной формы на *-л*: *таушал-* 'мяться, изнашиваться'; *тайпыл-* 'уклоняться в сторону, увертываться'; *сыуал-* 'путаться, суесться, мутиться (о сознании)'; *тирбал-* 'колебаться, качаться, колыхаться'; *өйөрөл-* 'вихриться, клубиться' (должно быть, от *өйөр-* 'сгонять в кучу', например стадо, в частности лошадей), *үрел-* 'тянуться, потянуться' (обычно вверх или в сторону для того, чтобы достать что-л. (здесь можно усмотреть корень *үр* 'возвышенность, подъем' в каком-л. ином его прежнем значении¹³).

Во всех рассмотренных типичных случаях использования формы на *-л* для образования совершенно нового или семантически лишь частично обновленного производного глагола она входит в сферу среднего залога, представляющего широко распространенную разновидность основного залога.

В значении же собственно страдательного залога, характеризующемся по сравнению с остальными залогами относительным единством, форма на *-л*, как и ее эквивалент на *-н*, носит в целом грамматический характер, в том числе и в рамках рассмотренных выше не очень многих полисемантических глаголов, где залогообразование производится лишь на уровне лексемы, т. е. залог образуется только от одного из лексических значений данного многозначного глагола без ущерба для значения как такового, не затрагивая остальных лексических значений этого слова. Тем более, что противопоставление страдательного залога действительному проводится последовательно в рамках одной и той же лексической единицы.

Противопоставление осуществляется двояко: 1) в порядке корреляции с действительным залогом по бинарному принципу глагол в одном и том же лексическом значении может быть либо в одном, либо в другом из этих двух взаимоисключающих залогов в зависимости от своей формы и коммуникативных условий, 2) глагол вообще не допускает одного из этих залогов, находясь неизменно в сфере другого, таковы, например, формы с собственно повелительным залоговым значением, входящим, в принципе, в состав действительного залога, как это будет показано ниже.

Из всех собственно залоговых форм, кроме основного, совпадающего со словарной формой глагола, страдательный залог может сочетаться лишь с взаимным, и то очень редко. При этом показатель взаимного залога ставится перед аффиксом страдательного залога, выступающего в своем значении. Взаимный залог сохраняет свое значение, но лишается характерного для него залогового управления, т. е. своей синтаксической потенции:

¹² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 576.

¹³ См.: Севортян Э. В. Указ. соч., с. 542 и сл.

нойлэи- 'разговаривать с кем-л.' — *нойлэиелэ* 'бывает, что разговор имеет место'; *талаиш*- 'ссориться с кем-л.' — *талаишыла* 'бывает так, что приходится ссориться'. Обратная сочетаемость форм этих залогов приводит к созданию новой или обновленной лексической единицы, входящей в сферу основного залога: ср. *айырыл*- 'быть разлученным; расставаться, разделяться' — *айырылыш*- 'разводиться, расторгнуть брак, разлучаться'; *языл*- 'быть написанным; записаться' — *язылыш*- 'оформить брак, расписаться'; *йыйыл*- 'быть собранным; собираться' — *йыйылыш* — 'собираться (о многих)', где форма взаимного залога образуется отнюдь не от страдательного залога, а от лексикализованной его формы.

ВЗАИМНЫЙ ЗАЛОГ

Форма с афф. *-ш* после гласных и *-ыш/-еш*, *-ош/-өш* после согласных, образуемая от широкого круга глагольных основ, характеризуется многозначностью и полифункциональностью, не укладывающейся в рамках единой лексико-грамматической категории. При всей своей высокой употребительности она меньше всего выступает в значении взаимного залога в принятом его довольно определенном узком понимании: 1) осуществление активного действия двумя или более (реже) исполнителями на паритетных началах, предполагающих обычно направленность этого совместного действия на них же как на объект, 2) соучастие данного лица как активное переходное действие, основным исполнителем которого является другое лицо при актуализации первого из них путем выдвижения его названия в позицию подлежащего и отнесения второго в позицию косвенного дополнения в форме дательного падежа и тем самым превращения его в своеобразный (вторичный) объект независимо от наличия или отсутствия в данном высказывании прямого дополнения-объекта (первичного).

Форма на *-ш* в обоих названных значениях по своему существу с точки зрения как типологической, так и собственно грамматической (по оформлению субъектных и объектных отношений) представляет одну из структурно-семантических разновидностей действительного залога, отличаясь от него наличием своего аффиксального выражения, не имеющего, однако, однозначного осмысления, как того требует всякая собственно категориальная форма. Оба значения угадываются лишь на лексико-семантической (главным образом) и семантико-синтаксической (отчасти) основе, из коих первая обуславливает вторую, по которой можно контролировать ее косвенным путем.

Первое значение, находящееся, как и второе, в полной зависимости от характера лексического значения и вытекающих из него синтаксических потенций данного глагола, обнаруживают немногие формы на *-ш*, образованные от переходных глаголов активного действия типа *осра*- 'встретить', *косажла*- 'обнимать', *ул*- 'целовать' и лишенные своего исконного грамматического значения переходности. Оно выражается обычно с помощью послелога *менэн* 'с', выполняющего роль соединительного союза между двумя однородными подлежащими: *Кез Владимир Ильич менэн осраша алдыгызмы?* (Ә. Бикчэнтөев) 'Вы смогли встретиться с Владимиром Ильичем?'. Непереходные глаголы в данном значении встречаются крайне редко. В форме на *-ш* они приобретают значение направленности совместного действия на самих его исполнителей, т. е. признаки переходности, одинаково характерные и для первой группы форм на *-ш*: *Мэзин менэн кунатка йорощэ* (З. Бишева) ('Оя) и муэдзин ходят друг к другу в гости'.

Хотя в приведенных и всех подобных им примерах рассматриваемое значение по своей природе не без влияния наших укоренившихся в силу традиции представлений и кажется на первый взгляд грамматическим, свойственным словоизменению, оно органически перешлетается с исходным лексическим содержанием глагольной основы таким образом, что афф. *-ш* фактически превращается в замыкающую морфему лексической основы (ядра) глагола, от которой образуются не только последующие собственно грамматические формы глагола (форма отрицания на *-ма/-мэ*, формы времени и наклонений, лица и числа), но и имя действия на *-(ы)у/-(е)у*, выступающее за

редким исключением как собственно существительное: *Ошонда ул атаһы менән Никитаның осрашыуын күрзе, тап ошо майҙанда синьфтар бәрелешенә юлыҡты* (З. Бишпева) 'Здесь он наблюдал встречу своего отца с Никитой, именно на этой площади он столкнулся с классовой борьбой'; *Лениш менән осрашыу хакында һөйләне* (Ө. Бикчентөев) '(Он) рассказал о встрече с Лениным'. От такого имени действия свободно образуется имя деятеля: *осрашыусы* 'встречающийся', 'встречающиеся'; *бәрелешеүсе* 'тот, те кто сталкиваются друг с другом', *һөйләшеүсе* 'тот, те, кто разговаривает' и т. п.

Вхождение формы на *-иш* в рассматриваемом ее значении в лексическую основу глагола особенно наглядно прослеживается, когда ее образование сопровождается трансформацией переходного глагола в непереходный, при которой субъекты совместного действия одновременно оказываются и его объектом (а), не говоря уже о том, что это нередко приводит и к заметным семантическим сдвигам производящей основы (б): ср. *күр-* 'видеть' и *күреш-* а) 'видеться с кем-л.', б) встречаться с кем-л.; здороваться за руку с кем-л.; *һөйлә-* 'говорить' и *һөйләш-* а) 'говорить с кем-л. о чем-л.', б) разговаривать, переговариваться с кем-л.; договориться с кем-л.'

О словообразовательном характере взаимного залога не менее убедительно говорят еще три доказательных факта.

1. В ряде глаголов помимо изменения их значения непереходности, всегда связанного со словообразованием, форма на *-иш* одновременно выражает и рассматриваемое значение взаимного залога с определенными синтаксическими характеристиками (наличие двух названий лиц-субъектов, их морфологическое оформление, появление послелога *менән*) и новое (либо обновленное) лексическое значение — *таныш-* 'узнать, опознать, признать; разбирать (почерк) — *таныш-* 'познакомиться с кем-л.'; *талаш-* 'грабить, насиловать; кусать (о насекомых)' — *талаш-* 'ссориться с кем-л., драться (о зверях); *тарт-* 'тянуть, дергать' — *тартыш-* 'тягаться с кем-л., состязаться, перетягивая друг друга; ссориться'; *уз-* 'пройти, проехать' — *узыш-* 'состязаться в беге' и т. п., — что приводит к несовпадению численного состава значений формы на *-иш* и ее производящей основы и что, в свою очередь, тоже характерно лишь для словообразовательных форм.

2. Совместимость формы на *-иш* в рассмотренном ее значении с некоторыми глаголами в их же пределах: а) с формой понудительного залога в ее типичном значении: *таныштыр-* 'познакомить кого с кем', *талаштыр-* 'устроить драку (собак), бой (петухов)', *косажлаштыр-* 'позволить кому-л. обниматься с кем-л.' и т. д.; б) с формой страдательного залога, употребленной в своем залоговом значении или примененной для создания новой лексической единицы при сохранении оттенка залогового значения.

3. Отсутствие единого залогового управления. Во-первых, не все глаголы в форме на *-иш* являются непереходными, как того требует взаимный залог в изложенном его понимании, на одинаковых основаниях образуемый и от переходных (преимущественно), и от непереходных (лишь от некоторых) глаголов типа *һугыш-* 'драться', *йөрөш-* 'ходить друг к другу') глаголов: ср. *Куян дусы менән төлкө бергәләшен, кайын төбөндә торалар сер һөйләшен* (С. Кулибай) 'Лиса вместе со своим другом зайцем стоит под березой, секретничая'; *Без уның менән башта ике йыл буйы хат алыштык* (или: *языштык*), *тик һуңынан ғына күрешеп таныштык* 'Мы с ним сначала на протяжении двух лет переписывались и только затем встретились и познакомились', где *һөйләш-*, обычно выступающий в непереходном значении, представлен в переходном, а *алыш-* — в своем неизменном переходном значении. Во-вторых, что самое главное, описанное залоговое значение формы на *-иш* на синтаксическом уровне по усмотрению говорящего, т. е. в зависимости от цели высказывания, реализуется по-разному:

1) данное значение, предполагает чаще всего раздельное лексическое выражение названий взаимодействующих двух лиц, из коих первое независимо от категориальной принадлежности обозначающего его имени всегда является субъектом — подлежащим в форме основного падежа, а название 2-го лица оформляется двойко и соответственно выступает либо как однород-

ное подлежащее, соединенное с предыдущим подлежащим послелогом *менэн* 'с' или союзом *һәм* 'и' (реже), либо как косвенное дополнение в родительном падеже, сопровождаемом послелогом *менэн*, что зависит только от того, выражено ли второе действующее лицо существительным (первый случай) или местоимением (второй): ср. *Ужытыусылар ужыусылар менэн* (или: *ужытыусылар менэн ужыусылар*) *осрашты(лар)* 'Состоялась встреча учителей с учениками (или: учителей и учеников)'; *Улар ужыусылар менэн дә, минең менэн дә танышты(лар)* 'Они познакомились и с учениками, и со мной'; *Без уның менэн* (но: *улар менэн*) *һөйләштек* 'Мы с ним (но: с ними) разговаривали', где показано варьирование оформления подлежащего и сказуемого по категории числа и лица;

2) действующие лица могут быть выражены лексически лишь одним словом, обязательно содержащим указание на их число (множественность): *Без күрештек* 'Мы встретились'; *Эттәр бик каты талашты(лар), ә эйләре затта һуғыша яззылар* 'Собаки грызлись ожесточенно, а их хозяева чуть не подрались друг с другом';

3) действующие лица, однозначно названные в составе самого глагола-сказуемого, вообще могут быть не представлены в данном высказывании: *Бөгөн осрашып кәңәшербез улай булғас* 'В таком случае встретимся сегодня и посоветуемся, где одним взаимодействующим лицом является говорящий, другим — его собеседник; *Килешһәгез ине!* 'Помирились бы вы!' (с лицом, названным в предыдущем высказывании);

4) название действующего лица может быть осложнено аффиксом принадлежности и усилительной частицей: *Ғиләжи атлыларзың барыһы менэн дә кул бирешеп күреште* (А. Таһиров) 'Гилажи поздоровался за руку со всеми кавалеристами'.

Таким образом, форма на *-и* в рассмотренном своем довольно распространенном лексически обусловленном значении даже в его чистом виде, не затрагивающем ни исходного лексического содержания глагольной основы, ни ее грамматического значения непереходности может быть квалифицирована как взаимный залог крайне условно. Фактически мы здесь имеем дело с сравнительно продуктивным грамматически организованным серийным внутривлагольным словообразованием, составляющим одну из его живых моделей, как об этом, помимо изложенного позволяет судить рудиментарное параллельное образование глагола и имени типа *кәңәш-* 'советоваться' и *кәңәш* 'совет', *таныш-* 'знакомиться' и *таныш* 'знакомый', *һөйләш-* 'разговаривать, говорить' и *һөйләш* 'говор', *тартыш-* 'ссориться' и *тартыш* 'ссора', *талаш-* 'ссориться' и *талаш* 'ссора, распря, раздор', *көрәш-* 'бороться' и *көрәш* 'борьба' и т. п.

Еще более очевиден словообразовательный характер второго из названных выше значений формы на *-и*, относимых обычно к сфере взаимного залога, а именно — значения соучастия данного лица в осуществлении действия, производимого другим лицом. Его соучастие сводится к оказанию помощи, изображается как частичное проявление действия, находящееся в центре внимания, заслоняя доленое участие другого лица в его осуществлении. Актуализация частичного проявления действия, его выдвигание во главе данной информации в ущерб реализации обычного значения глагола достигается постановкой названия основного исполнителя действия в позицию косвенного дополнения в форме дательного падежа: *Вахта вахта менэн ярыша, алдыңғыһы арттағыһына булыша* (К. Мәргән) 'Вахта соревнуется с вахтой, передовая вахта помогает отстающей'; *Кисә мин эсәймә бәрәңге җыштым* 'Я вчера помогал матери убирать картошку'. Это явно обновленное лексическое значение, обогащенное резким изменением синтаксической валентности производящей основы, обнаруживают в целом немногие переходные глаголы вроде *айыр-* 'разнимать, отделить, отграничить, разъединять', *эрсә-* 'очистить, облупить, вышелушить, чистить (картошку)', *бизәклә-* 'украсить', *ботарла-* 'разломать, разорвать на части', *буя-* 'красить', *эй-* 'гнуть', *кантила-* 'окантовать', *классификацияла-* 'классифицировать', *күм-* 'зарыть', *күтәр-* 'поднять', *һуғар-* 'орошать', *тура-* 'крошить, разре-

зять, изрубить (на кусочки)', *сайжа-* 'полоскать', *сожо-* 'ковырять, копать', *йыу-* 'мыть', *йый-* 'собирать', которые в сочетании с *-и*, не изменяя своего значения переходности, представляют семантически единообразную грамматически организованную живую словообразовательную модификацию глагола, вовлекающую в свою сферу в качестве производящей основы и неологизмы на *-ла* типа *бинтла-* 'забинтовать', *штукатурла-* 'штукатурить'. По отношению к этой модели семантически особняком стоит лишь отдельные немотивированные образования типа *булыш-* (от *бул-* 'быть, становиться').

Действительно грамматический характер носит форма на *-и* лишь в составе многочисленного пласта глагольной лексики — в непореходных глаголах действия, в частности в звукоподражаниях, да и вообще в глаголах, отражающих звучание типа *ажыр-* 'орать', *йырла-* 'петь' и проявление чувственного восприятия типа *ила-* 'плакать', *кол-* 'смеяться', а также в глаголах движения типа *югер-* 'бежать', *һикер-* 'прыгать', где она выражает категорию мн. числа, т. е. просто соотносительность обозначаемого активного действия с неопределенным множеством его исполнителей, подчеркивая, в отличие от обычной формы множественности на *-лар*, одновременность раздельно производимого ими действия: *ажыр(ыш)-* 'орать, вопить (о многих)', *бажылда(ш)-* 'квакать (о многих)', *безелдә(ш)-* 'жужжать (о многих)', *ила(ш)-* 'плакать (о многих)', *йырла(ш)-* 'петь (о многих)', *кол(ыш)-* 'смеяться (о многих)', *мырау-ла(ш)-* 'мурлыкать (о многих кошках)', *сунырза(ш)-* 'плескаться (о многих утках и др.)', *сыркылда(ш)-* 'чирикать (о многих воробьях и др.)'. Но и в этом своем наиболее распространенном значении, трактуемом отдельными тюркологами как разновидность взаимного залога, форма на *-и*, собственно говоря, семантически с этим залогом не имеет ничего общего и вне всякого сомнения относится к сфере действительного залога.

Лишь по выражению множественности, не имеющей отношения к собственно залого, форма на *-и* в данном и первом из описанных ее трех значений мало чем отличается от действительного залога, особенно при благоприятных условиях контекста: *Аттар кешнәшеп, кешеләр һойләшеп таньшалар* (А. Таһиров) 'Лошади знакомятся друг с другом, издавая ржание, люди — разговаривая', где в первом глаголе это значение проявляется на грамматической основе, не затрагивая его лексического значения, в последующих двух глаголах, в составе которых форма на *-и* обнаруживает значение взаимного залога в изложенном его понимании, частично изменяя их лексическое содержание, явного указания на множественность лет — ее значение вытекает из контекста, поскольку оба эти глагола в соответствии со своими лексическими значениями в зависимости от контекста могут быть и при одном единственном действующем лице-подлежащем (*мин һойләшә беләм* 'я умею разговаривать', *һульһамаң менән таньштым* 'я ознакомился с твоей рукописью'), и при двух и более, как в данном случае.

Хотя форма на *-и* в данном, третьем из своих регулярных значений и покрывает собой по существу обычную форму множественности на *-лар* и может вполне заменять ее, эти две формы свободной взаимозаменяемостью не обладают, поскольку первая из них, в отличие от второй, содержит добавочный оттенок значения одновременности и интенсивности разрозненных действий. Правда, при наличии первой вторая во избежание плеоназма чаще всего опускается: *Каргалар жаркылдаша* 'Вороны каркают'; *Балалар илаша* 'Дети плачут'. Но это правило, вызванное, очевидно, нормами исконно тюркского синтаксиса (говорят *Балалар укый* 'Дети учатся', а не *Балалар укыйзар*, как это ныне нередко наблюдается под иноязычным влиянием), для современного языка, пожалуй, нормативной силы не имеет: ср. *Бакса артындагы сирәмдә балжәс кәзәр һаңһылдаштылар* (К. Мәргән) 'Гусята, находившиеся за огородом на (целинной) траве, гоготали'; *Бисәләр көләшәп ебарзәләр* (Н. Дәүләтшина) 'Бабы дружно засмеялись'.

Как и форма на *-лар*, форма на *-и* в данном ее значении несколько не изменяет ни лексического содержания производящей основы, ни ее синтаксических характеристик.

Находясь по своему грамматическому существу в синонимических отношениях с формой на *-лар*, форма на *-ш*, хотя она в данном своем значении и охватывает глагольную лексику гораздо шире, чем во всех остальных своих значениях, взятых вместе, намного уступает ей по своей продуктивности: первая относится к разряду глобальных грамматических форм, вторая — к числу лексически ограниченных, что вызвано спецификой ее значения, с которой совместима далеко не всякая глагольная основа. Тем не менее в этом случае мы имеем дело с формообразованием, а не со словообразованием, как в предыдущих двух, где форма на *-ш* разве только с точки зрения грамматически организованного изменения синтаксической валентности глагола выходит за пределы словообразования и поэтому может быть условно квалифицирована как своеобразная лексико-грамматическая модификация глагола, граничащая со словоизменением, входя в сферу основного залога как одна из его разновидностей.

Во всех остальных случаях, т. е. при отсутствии одного из трех рассмотренных значений форма на *-ш* выделяется исключительно как структурный тип неорганизованного и отчасти модельного внутрглагольного словообразования.

Организованно деривация производится по двум ясно очерченным моделям, из которых более или менее продуктивна лишь первая, а вторая, исчерпав себя переросла в активную самостоятельную производную модель отыменного словообразования на *-лаш*.

1. От переходных и отчасти непереходных глаголов активного действия форма на *-ш* в зависимости от характера их лексического значения образует непереходные глаголы активного действия, которое изображается как занятие, ремесло или свойство его производителя или как одно из проявлений этого типичного свойства: *алдаш*- 'иметь обыкновение врать, обманывать' от *алда*- 'обманывать', *юныш*- 'заниматься обтесыванием ножом, иметь обыкновение делать это, заниматься этим в данный момент' от *юн*- 'тесать, обточить ножом', *ялганлаш*- 'заниматься обманом, обманывать' от *ялганла*- 'обманывать', *көнләш*- 'ревновать, проявлять ревность как типичное свойство' от *көнлә*- 'ревновать, проявить ревность', *языш*- 'заниматься письмом' от *яз*- 'писать', *этләш*- 'проявлять пронырливость, изворотливость; одурачивать' от *этлә*- 'мучить, измучить', *даулаш*- 'сутяжничать, добиваться своего, поднимая скандал' от *даула*- 'претендовать, притязать, требовать настойчиво', *урлаш*- 'воровать, заниматься воровством' от *урла*- 'украсть, похитить', *хэйләш*- 'ухищряться, проявлять хитрость, изворотливость' от *хэйлә*- 'хитрить', *дауайлаш*- 'настойчиво добиваться своего', *һораш*- 'расспрашивать' от *һора*- 'спросить'.

Отдельные глаголы в одном своем значении примыкают к этой модели, в другом — к одной из двух предыдущих, связанных с выражением взаимности или соучастия: *һөйләш*- 'обладать способностью говорить (*ауырыу һөйләшә башланы* 'больной стал говорить')'; разговоривать, переговорить с кем-л.', *һатыш*- 'заниматься торговлей; помочь торговать'.

2. В свое время форма на *-ш* служила для образования непереходных глаголов состояния от переходных глаголов на *-ла* с профилирующим значением 'приобрести свойство, названное (их) производящей именной основой' (1); впоследствии это словообразовательное значение закрепилось за самим сочетанием аффиксов *-ла-ш*, переросшим в самостоятельную активную деривационную морфему (2): 1) *уңайлаш*- 'стать удобным' от *уңайла*- 'сделать удобным', *ябайлаш*- 'упрощаться' от *ябайла*- 'упростить', *яйлаш*- 'сделаться удобным, наладиться' от *яйла*- 'налаживать, приспособить', *краммаллаш*- 'частично превратиться в крахмал, крахмализоваться; помочь крахмалить', *бронзалаш*- 'приобрести свойства бронзы' от *бронзала*- 'покрыть бронзой'; 2) *алыслаш*- 'отдаляться' от *алыс* 'далекий', *якынлаш*- 'сближаться, приближаться' от *якын* 'близкий', *кискенләш*- 'обостряться' от *кискен* 'резкий, ожесточенный', *берләш*- 'объединяться' от *бер* 'один', *туғанлаш*- 'сродниться' от *туған* 'родственник, родной', *активләш*- 'ак-

тивизироваться' от *актив* 'активно', *стабиллаш*- 'стабилизироваться' от *стабил* 'стабильный'.

С помощью афф. *-лаш* отыменное словообразование производится также и по другой модели, не получившей развития и семантически примыкающей к первой модели организованного внутриглагольного словообразования на *-ш*, описанной выше: ср. *мутлаш*- 'плутовать, хитрить', от *мут* 'хитрый, плутоватый', *жарылаш*- 'перечить кому-л.' от *жары* 'против, наперекор, встречный, противоположный'.

Остальные довольно многочисленные производные глаголы на *-ш*, образованные от глагольных основ, по своей словообразовательной природе стоят особняком и к тому же большей частью характеризуются немотивированностью: *аушш*- 'накрениться', от *ау*- 'свалиться, опрокинуться', *алышш*- 'обменять, поменять' от *ал*- 'брать', *белеш*- 'узнавать, наводить справки' от *бел*- 'знать, узнать', *биреш*- 'уступить, сдать (в борьбе, состязании)' от *бир*- 'дать', *булыш*- 'возиться, копошиться; приставать'; 'помогать' от *бул*- 'быть, становиться', *бөрөш*- 'сморщиться' от *бөр*- 'сделать сборки', *ваклаш*- 'проявлять мелочность'; 'помочь размельчать' от *вакла*- 'размельчать, разменять (монету)', *жалыш*- 'отстать в чем-л. от кого-л.' от *жал*- 'оставаться', *жатыш*- 'присоединиться' от *жат*- 'заправить чем-л. (суп)', *кереш*- 'приступить', от *кер*- 'войти', *килеш*- 'прийтись по душе, по вкусу, быть к лицу, подходить, подойти кому-л.' от *кил*- 'прибыть', *жорош*- 'сжегиться' от *жоро*- 'сохнуть', *орош*- 'отчитать, отругать' от *ор*- 'ударить', *ойош*- 'слепляться, сбиться в комок, свернуться (о крови); сплотиться, организоваться' от *ойо*- 'киснуть, свернуться (о молоке и под.)'; *һалыш*- 'притворяться, предаваться чему-л.' от *һал*- 'класть', *етеш*- 'созреть, поспеть; быть в достатке' от *ет*- 'достигать; поспевать'; *һырыш*- 'жаться, лнуть' от *һыр*- 'облеплять'; *ондәш*- 'окликать' от *ондә*- 'уговаривать, агитировать' и т. п.

Как это вытекает из вышеизложенного, образования на *-ш* слишком разнородны по своим значениям, чтобы включить их в какую бы то ни было единую грамматическую или лексикограмматическую категорию. Единственно, что их действительно объединяет с точки зрения собственно залоговой — это их принадлежность к основному залогу в качестве своеобразной его разновидности, семантически отличающейся от остальных его форм лишь в пределах двух первых регулярных значений формы на *-ш*.

ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Сюда относится целый ряд суплетивных внутриглагольных форм, обычно без всяких оговорок трактуемых как понудительный залог, в частности высокопродуктивные формы на *-т*, *-ыт/-ет*, *-от/-өт* и на *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, *-тор/-төр*, *-дор/-дөр* и непродуктивные формы на (*-ы/-е*, *-о/-е*, *-а/-ә*)р; *-жыр/-жер*, *-жор/-жер*, *-жар/-жәр*, *-каз/-кәз*; *-кыз/-көз*, *-гыз/-гөз*, *-гоз/-гөз*; *-ыз/-ез*, *-оз/-өз*; *-һат/-һәт*. Примеры: *бөтөр* 'кончать' от *бөт*- 'кончаться', *бешер*- 'варить, печь' от *беш*- 'свариться, испечься', *осор*- 'дать улететь, осуществить полет' от *ос*- 'летать', *кайтар*- 'вернуть, завернуть назад' от *кайт*- 'возвращаться', *ятжыр*- 'уложить, укладывать кого-л.' от *ят*- 'лежать', *үткәр*- 'проводить, пропускать, пронести, переносить, пережить' от *үт*- 'пройти, проходить, проникать', *ағыз*- 'дать возможность течь, вызвать течение, лить, слить, пролить, сплавлять по воде (лес и т. под.)' от *ағ*- 'течь', *менгез*- 'доставить вверх' от *мен*- 'подниматься', *күрһәт*- 'показывать' от *күр*- 'видеть'.

Все эти формы разнородны не только по структуре и продуктивности, но и по значениям. Их объединяет лишь то, что они в преобладающем большинстве случаев своего употребления служат грамматически организованным средством превращения непереходных глаголов состояния и отчасти действия в переходный, не имеющий отношения к понудительному залогу в общепринятом его понимании.

В самом деле, что общего между типичными собственно понудительными формами вроде (*Хатты улыңдан*) *укыт* 'Пусть прочтает (письмо твой сын)',

(*баланы*) *ашат-* 'кормить (ребенка)', образуемыми от узкого круга глагольных основ с своеобразным залоговым значением, и многочисленными образованиями типа *агарт-* 'белить, почистить, вычистить (от *агар-* 'белеть, побелеть, сделаться белым, чистым'), *арзанландыр-* 'удешевлять (от *арзанлан*) 'удешевиться'), *аңлат-* 'объяснять (от *аңла-* 'пойять'), *тамыз-* 'наливать кашлями' (от *там-* 'капать'), в принципе не отличающимися от любого переходного глагола данного семантического профиля?

Указанная основная функция, которую в современном языке особенно активно развивают формы на *-т* и на *-дыр*, целиком и полностью входит в сферу внутриглагольного словообразования. Превращение непереходного глагола в переходный влечет за собой коренное изменение его синтаксических потенций, неразрывно связанных с лексическим содержанием этого глагола и во многом обуславливающих его содержание. Если при непереходном глаголе подлежащее является всего лишь носителем, а не производителем процесса, не направленного на объект и в связи с этим выраженного в нем, глаголе, исчерпывающим образом, то при переходном глаголе подлежащим может быть только реальный субъект (как правило, название лица), а производимое им действие обязательно должно быть направлено на объект — прямое дополнение, которое в зависимости от характера своего лексического значения очень часто существенно уточняет или видоизменяет лексическое содержание переходного глагола, выраженное в нем самом (как это давно замечено) недостаточно полно и четко, во всяком случае, отнюдь не исчерпывающим образом.

Например, *сыгар-* (от *сыж-* 'выйти') по отношению к живым существам означает 'выводить' (т. е. 'сделать так, чтобы они сами вышли'), в применении же к неодушевленным предметам — 'вынести, вывезти'. Ср. также *аж-* 'течь' и *ағыз-* 'предоставить возможность течь, лить, слить, пускать (воду и т. п.); сплавлять по воде (лес и т. п.); проливать (слезы)'. Лексическое значение меняется также и в зависимости от соотносительности глагола с подлежащим: ср. *бешерэм* 'я варю, пеку' и *жояш бешерэ* 'солнце печет'; ср. также *беш-* 'вариться, печься' в его отношении к 'обжигаться, обвариться, ошпариться (о пальцах), зреть (о плодах)'.¹

Уже это само по себе есть создание относительно автономной лексической единицы (1), не говоря уже о многочисленных неоспоримых семантических сдвигах, которыми слово и рядом сопровождается трансформация непереходного глагола состояния или действия в переходный глагол активного действия (2):

1) *арзанайт-* 'удешевить' (*арзанай-* 'удешевиться'), *балкыт-* 'вызвать сияние, излучение' (*балкы-* 'сиять, излучать свет'), *батыр-* 'топить, погружать' (*бат-* 'тонуть, погружаться, вязнуть'), *ботор-* 'кончать, заканчивать, заключать, устранять, изжить' (*бот-* 'кончаться, завершаться, израсходоваться, выйти'), *бейегэйт-* 'сделать высоким' (*бейегэй-* 'становиться высоким'), *бушат-* 'разгружать, выгружать, опоражнивать; ослаблять; освобождать' (*буша-* 'разгружаться, пустеть; слабнуть; освобождаться'), *бушайт-* 'ослаблять' (*бушай-* 'слабнуть'), *бөкөрэйт-* 'горбить что-л.' (*бөкөрэй-* 'горбиться, сутулиться'), *вагайт-* 'размельчать' (*вагай-* 'размельчаться'), *ябайлаштыр-* 'упрощать' (*ябайлаш-* 'упрощаться'), *ишэйт-* 'множить, увеличивать (в числе), размножать' (*ишэй-* 'множиться численно, размножаться'), *йомшарт-* 'смягчать, делать мягким, разрыхлять; ослабить' (*йомшар-* 'сделаться мягким, размякнуться, размякнуть'), *карайт-* 'чернить, очернить, окрашивать в черный цвет; грязнить' (*карай-* 'чернеть, темнеть; загрязняться'), *кубэйт-* 'множить, умножать, размножать' (*кубэй-* 'множиться, размножаться'), *турайт-* 'выпрямить' (*турай-* 'выпрямиться'), *төзэйт-* 'выпрямить, сделать прямым' (*төзэй-* 'сделаться прямым, выпрямиться'), *тубэнэйт-* 'снижать, понижать' (*тубэнэй-* 'снижаться, понижаться'), *тынысландыр-* 'успокоить' (*тыныслан-* 'успокоиться'), *уңайлаштыр-* 'сделать удобным, приспособлять' (*уңайлаш-* 'стать удобным, приносить пользу'), *тамыз-* 'капать, наливать, проливать каплями' (*там-* 'капать') и т. д., среди которых самая многочисленная часть образована и ныне образуется по единой высокопродуктив-

ной словообразовательной модели с профилирующим значением 'придать, вызвать то свойство, которое выражено именной основой';

2) *ауурт*- 'испытывать боль, болеть (о частях тела)' (*ауур*- 'болеть'), *арттыр*- 'увеличивать, прибавлять; повышать, превышать; мат. умножать, усиливать, усугублять; пересаливать; хватить через край' (*арт*- 'увеличиваться, множиться; прибывать'), *эсет*- 'саднить, есть; квасить тесто' (*эс*- 'киснуть, прокисать, бродить, перебродить'), *бақтыр*- 'травить (зверя на охоте и т. п.), гнаться, преследовать бегом; придавить' (*бақ*- 'встать, ступать, давить'), *бушат*- 'разгружать, ослаблять, освободить (от работы и под.)' (*буша*- 'пустеть, слабнуть, расшатываться; освобождаться'), *булдыр*- 'справляться с чем-л., приобретать, создавать, предоставить возможность, учреждать' (*бул*- 'быть, становиться'), *йэбейтер*- 'заклеивать, приклеивать, прилеплять, залеплять' (*йэбей*- 'прилипать, приклеиваться; цепляться, приставать, привязаться, хвататься; приниматься за что-л.), *йөрөт*- 'водить, носить, возить; 'заставить ходить' (*йөр*- 'ходить, ездить; циркулировать; быть в обращении'), *жабыз*- 'зажигать (огонь, свет), вздувать огонь, включать свет; прикуривать' (*ут жап*- 'загораться, зажигаться, воспламениться'), *жайтар*- 'возвращать, вернуть назад; позволять уйти, уехать домой; *отворачивать* (воротник и т. п.); дать (сдачу)' (*жайт*- 'возвращаться домой; убывать (о воде и т. п.); рассасываться'), *биззер*- 'надоедать, приедаться; отучать (*биз*- 'охладевать к кому-, чему-л.; надоедать, приедаться'), *жайгырт*- 'заботиться; печалить, огорчать' (*жайгыр*- 'горевать, тужить, сокрушаться, печалиться, грустить, унывать, беспокоиться'), *йозэт*- 'надоедать, докучать кому-л.; дергать, изводить, изматывать, мучить, изнурять, досаждают' (*йозэ*- 'мучиться, изнуряться'), *жатыр*- 'сделать твердым; пачкать' (*жат*- 'затвердеть, стать твердым; засыхать, черстветь; грубеть, заскорузнуть; костенеть (от холода); замирать (от испуга)'), *керт*- 'вводить, впускать, заводить, вносить, ввозить, заносить, завозить; включать (в число и т. п.); внедрять; проводить (электричество и т. п.)' (*кер*- 'входить, заходить, въезжать, заезжать; вступать, поступать'), *камет*- 'убавлять, отбавлять, сбавлять, уменьшать; умалить' (*каме*- 'уменьшаться, убавляться, убывать, спадать'), *килтер*- 'доставлять (сюда), приносить, приводить, привозить (сюда); причинять (убыток), наносить (ущерб); приводить (пример и т. п.); привести к чему-л.'. (*кил*- 'прибыть, прийти, приехать'), *кисер*- 'прощать, извинять; переносить (тяготы), переживать' (*кис*- 'идти по воде; переправляться (через брод и т. п.)'), *күсер*- 'перемещать, переносить, перетаскивать, перевозить, перебрасывать; переключать; списывать, переписывать' (*күс*- 'переселиться, перемещаться, переезжать, перебираться, переходить'), *мендер*- 'доставить наверх; помочь влезть наверх; позволить подниматься' (*мен*- 'взбираться, всходить, подниматься'), *ныгыт*- 'чинить; крестить, укреплять' (*ныгы*- 'крепнуть'), *окишат*- 'полюбить что-л., понравиться, прийти по вкусу, принимать за кого-, что-л.' (*окиша*- 'походить, быть похожим, подобным; нравиться'), *тондор*- разг. 'сильно ударить кого-л.' (*тон*- 'закладывать уши, гложуть от шума; потемнеть в глазах'), *торгоз*- 'поднимать, поднять кого-, что-л. на ноги или стоймя' (*тор*- 'стоять; жить; вставать; держаться; состоять; стоит'), *сыгар*- 'выносить, вывозить, выводить; выпускать (наружу), издавать, выпускать в свет; выносить решение и т. п.; решать задачу и т. п., добывать нефть и т. п.; исключать, увольнять; вызвать пожар и т. п.; высиживать (птенцов); переправлять' (*сык*- 'выйти, выехать; выступать наружу; вскакивать; пробиваться, показаться'), *ыргыт*- 'бросать, кидать, метать' (*ыргы*- 'прыгать'), *ярат*- 'любить' (*яра*- 'быть пригодным, годиться, подойти по какому-л. признаку'), *үлтер*- 'убить' (*үл*- 'умирать'), *үсектер*- 'дразнить кого-л.' (*үсек*- 'приставать, придирается, привязываться; обнаружить злобу, иметь зуб на кого-л., обижаться'), *үстөр*- 'растить, выращивать; воспитывать; повышать знания и т. п.; отращивать' (*үс*- 'расти, вырастать'), *еллэт*- 'проветривать' (*еллэ*- 'проветриваться, выветриваться; высыхать на ветру; становиться ветренным (о погоде)'), *тазарт*- 'чистить, очищать, вычищать; оздоравливать' (*тазар*- 'становиться чистым; поправляться, выздороветь, свежеть').

Многие формы, образованные от переходных глаголов, тоже обнаруживают ясно выраженную неоспоримую словообразовательную природу, не имеющую никакого отношения ни к повелительному залогу, ни к каузативу: ср. *айырт* — 'сепарировать молоко' (*айыр* — 'отделить, разделять, разъединять, разобщать, разлучать, изолировать; разнимать; размыкать; отучать, отнимать ребенка от груди; развести мужа с женой; роиться'); *аңлат* — 'объяснять, толковать, трактовать, освещать' (*аңла* — 'понимать, уяснять, осмысливать, осознавать'), *болгат* — 'мутить; мешать, помешивать, размешивать' (*болга* — 'махать, помахивать'), *белдер* — 'дать знать, извещать, уведомлять, оповещать, осведомлять, информировать; заявлять, объявлять; знаменовать; оказывать; извешивать' (*бел* — 'знать'), *йырт* — 'рвать, разорвать' (*йыр* — 'прорывать, например пруд'), *курһат* — 'показывать, демонстрировать; указывать; проявлять, обнаруживать, выказывать; представлять, предъявлять документы и т. п., (*кур* — 'видеть; замечать'), *кыстыр* — 'вкладывать, всовывать; прищемлять палец и т. п.' (*кыс* — 'жать, прижимать, сжимать, теснить, притеснять, угнетать, тиранить; зажать, т. е. присвоить чужое'), *кисер* — 'прощать, извинять; переносить тяготы, переживать, выстрадать' (*кис* — 'идти по воде; переправляться, переплыть'), *осрат* — 'натолкнуться, наткнуться; встретить, увидиться с кем-л., застать кого-л.' (*осра* — 'попадаться навстречу, встречаться; претерпевать, подвергаться чему-л.'), *төзөт* — 'исправлять; чинить, ремонтировать, починить' (*төзө* — 'целить, нацеливать, целиться'), *үткэр* — 'проводить; пропускать, дать дорогу; переносить; продевать' (*үт* — 'пройти, проехать, проникать'), *укыт* — 'учить, обучать, преподавать; проучить', но: 'заставить читать, позволять, предоставить возможность учиться' (*уки* — 'читать, учиться'), *таныт* — 'заркомендовать себя, неожиданно показать себя с отрицательной стороны, выдать себя' (*таны* — 'узнавать, опознавать; познавать, угадывать; разбираться в письме, знать грамоту'), *һелкет* — 'трясти, шатать; шевелить' (*һелк* — 'махать, качать'), *һиззэр* — 'дать почувствовать, дать знать' (*һиз* — 'чувствовать, чують; замечать; ощущать'; ср. также *һиззэрмә* — 'сделать что-л. втихомолку, втайне, украдкой' и т. п.).

Основная функция суплетивных форм, без всяких оговорок относимых к повелительному залогу, не сводима к созданию лишь грамматического значения переходности, тем более, что среди них немало непереходных глаголов типа *ошөт* — 'знобить'.

В своем преимущественном употреблении все эти формы выступают в целом как словообразовательные, объединяющиеся не столько по значению переходности, сколько по принадлежности к разряду глаголов активного действия, входящего в сферу действительного залога. Помимо изложенного, их словообразовательную сущность наглядно подтверждает необратимость целого ряда форм на *-т*, *-кар* и т. п., невозможность функционирования их производящих основ в качестве самостоятельной лексической единицы вне сочетания с одним из так называемых каузативных аффиксов, выступающих в описанном значении актива и входящих в противопоставление с соответствующим непереходным глаголом, образованным от той же производящей основы с помощью афф. *-л* или *-н*, обычно выражающего пассивное состояние или действие: ср. *йыуат* — 'утешать, успокаивать; забавлять, занимать' — *йыуан* — 'утешаться, находить утешение, забаву, отраду'; *имгөт* — 'калечить, увечить; надрываться' — *имгән* — 'калечиться, увечиться'; *көткар* — 'спасти, освободить, избавить, выручить' — *көтол* — 'спастись; освободиться, избавиться'; *кузгат* — 'сдвинуть с места, трогать с места, смещать, подвинуть; шевелить, тормошить, колебать; привести в движение; возбуждать, затрагивать, разбередить' — *кузгал* — 'трогаться с места, двигаться; прийти в движение; шевелиться, пошевеливаться; возобновляться, повторяться'; *өйрөт* — 'обучать, учить' — *өйрән* — 'научиться, обучаться, изучать; приучаться, привыкнуть'; *сылат* — 'мочить, промочить, — *сылан* — 'промокать, намочать'; *тарат* — 'раздавать, распространять; распускать' — *тарап* — 'расходиться, разбредаться, рассыпаться; распространяться'; *тирбәл* — 'колебаться, колыхаться' — *тирбәт* — 'качать, баюкать, раскачивать; колыхать, колебать'; *уят* — 'будить, пробуждать; возбуждать' — *уян* — 'просыпаться,

пробуждаться'; *юэт-* 'палаживать, исправлять, обзавестись чем-л.' — *юэл-* 'улучшаться, наладиться, исправляться, поправиться'.

Большинство этих глаголов образовано, очевидно, непосредственно от именных основ. Об этом позволяют судить отыменные глаголы с тем же строе-нием и объединяющим их значением переходности и актива типа *башжар-* 'исполнять' (*баш* 'голова'), *куэт-* 'наблюдать' (*куз* 'глаз'), *эжкэрт-* 'обра-ботать' (*эж* 'работа'), *искэрт-* 'предупредить' (*ис* 'чувство, память'), *һуугар-* 'орошать' (*һуу* 'вода'), *озат-* 'проводить' (*озон* 'длинный', *озак* 'долго') и т. п.

К словообразованию не имеют отношения рассматриваемые формы, в частности формы на *-т* и на *-дыр*, лишь в случаях, когда они служат для выражения неопределенно-личного действия, формально соотносенного с 3-м лицом ед. числа, фактически же являющегося безличным: ср. *һалкынайт-* 'похолодать (о погоде)' от *һалкынай-* 'охладиться', *туңдыр-* 'морозить (о явлении природы)' от *туң-* 'замерзнуть', *өшөт-/өшөттөр-* 'знобить, испытывать озноб' от *өшө-* 'зябнуть', *укишит-* 'тошнить, испыты-вать тошноту' от *укишы-* с тем же значением, соотносенным с определенным лицом, *кикерт-* 'рыгать, испытывать отрыжку' от *кикер-* с тем же значением, *костор-* 'блевать' от *кос-* с тем же значением и т. п.¹⁴, которые за редким исключением значением собственно понудительного залога вовсе не обла-дают.

Перечисленные типичные случаи употребления рассматриваемых форм составляют минимум 80% от общей сферы их функционирования. В осталь-ных случаях своего бытования они действительно обнаруживают одно из двух общепризнанных основных значений понудительного залога при условии, если обозначаемое ими активное действие осуществляется при уча-стии двух субъектов — одушевленных предметов, из которых один должен быть обязательно подлежащим (обычно названием лица), соотносенным с глаголом-сказуемым по нормам действительного залога, а другой незави-симо от своей роли в исполнении данного действия лишается информатив-ности и именно по этой причине грамматически оформляется исключительно лишь как объект действия — как прямое или косвенное дополнение, а то и устраняется из высказывания:

1) выражают реальное действие субъекта-подлежащего, обязательно обращенное на такой объект — прямое дополнение (типа *бала ашат-* 'кор-мить ребенка', *баланы кейендер-* 'одевать ребенка' или косвенное типа *балага һуу эсер-* 'поить ребенка водой'), который, испытывая стимулирующее воз-действие подлежащего, по возможности содействует ему в осуществлении этого, как правило, переходного действия: *ашат-* 'кормить' от *аша-* 'кушать', *имез-* 'кормить грудью' от *им-* 'сосать', *йыуындыр-* 'мыть, купать' от *йыуын-* 'мыться, купаться', *һуу индер-* 'купать' от *һуу ин-* 'купаться', *яткыр-* 'уло-жить' от *ят-* 'ложиться' и т. п.;

2) выражают осуществление активного действия (обычно переходного) не самим подлежащим при возможном участии другого лица (на которое обра-щено это действие), как это имеет место в предыдущем случае, а обязательно другим лицом по инициативе или воле (побуждению, принуждению, позво-лению) подлежащего, обеспечивающего или допускающего это действие и на этом основании охарактеризованного как его субъект — ответственный исполнитель, хотя оно и не принимает в нем непосредственного участия: *һөйлэт-* 'заставить говорить' от *һөйлэ-* 'говорить', *яззыр-* 'заставить писать'

¹⁴ Список таких форм в целом обширный. Но большинство их безличное действие выра-жает лишь при отсутствии (не эллипсисе!) подлежащего: *Бөгөн бик өшөттөрә* 'Сегодня озноб ощущается очень сильно'. В противном же случае они соотносятся с подлежащим на общих основаниях, характеризуя его как источник или причину порождения дан-ного состояния или действия: *Эш кайгыны оюттора, куңелде тынысландыра торгайны* (Ө. Вали) 'Работа бывало отвлекала от горя, успокаивала душу'. Ср. *Бик һууһатты бит эле* 'Что-то очень захотелось пить' и *Эсе һууһата* 'Жара вызывает жажду'. К числу сходных двойко функционирующих форм относятся широкоупотребительные *һағын-дыр-* от *һағын-* 'скушать, истосковаться', *асыктыр-* от *асык-* 'голодать, проголодаться' и др.

от *яз-* 'писать', *яһат-* 'заставить сделать' от *яһа-* 'делать, строить', *атлат-* 'заставить шагать, идти пешком' от *атла-* 'шагать', *тектер-* 'шить у кого-л.' от *тек-* 'шить', *унтер-* 'позволить целовать себя' от *ун-* 'целовать', *жундыр-* 'дозволить переночевать' от *жун-* 'почевать, переночевать', *тукмат-* 'побудить кого-л. побить; дозволить, дать себя побить, не будучи в состоянии противостоять этому' от *тукма-* 'бить', *каузырма-* 'не дать доить' от *хаума-* 'не доить' и т. п.

Первое значение свойственно всем рассматриваемым формам, которые обнаруживают его, однако лишь в зависимости от характера лексического содержания глагольных основ в составе весьма ограниченного их круга. Второе же могут выражать только формы на *-т* и на *-тыр*, если оно совместимо с лексическим содержанием глагола (в этом значении их допускают тоже немногие основы приведенного рода).

Все формы понудительного залога в первом его значении, помимо названного своего семантического своеобразия, характеризуются переходностью независимо от того, образованы они от переходного или непереходного глагола. В последнем случае они управляют только винительным или основным падежом, выступающим исключительно как прямое дополнение: *кейендер-* 'одевать кого-л.' от *кейен-* 'одеваться'. Понудительный залог от переходного глагола имеет вариативное двойное управление и предполагает двойной объект: исходный, обусловленный лексическим значением глагола (ср. *һыу эс-* 'пить воду' и соответственно *һыу эсер-* 'поить водой'), и вторичный, характерный для самой каузативной формы и частично выполняющий роль субъекта (*атты* или *ат эсер-* 'поить лошадь').

Когда в высказывании представлен только один из объектов, он неизменно занимает позицию дополнения в соответствующем оформлении. Когда же при каузативной форме коммуникативно необходимо выразить оба объекта, то позицию прямого дополнения занимает исходный объект, а вторичный обязательно ставится в позиции косвенного дополнения в форме дательного падежа, которую он может занимать также и при отсутствии исходного объекта: *балаға һыу эсер-* 'поить ребенка водой'. Это и понятно — подлежащее в понудительном залоге в рассматриваемом его первом значении предстает не столько как побуждающее лицо, сколько как непосредственный исполнитель данного действия, заслоня роль вторичного объекта в его исполнении, которая угадывается лишь на логической основе и в лучшем случае сводится к соучастию, а главное — не имеет информативности, чем и обусловлено названное своеобразное грамматическое оформление вторичного объекта, обеспечивающее его восприятие лишь как объекта описываемого действия. Это особенно ясно прослеживается в отрицательном аспекте: ср. *һин уны ебэрмэ, ятқырма, кайтарма* 'ты не отпускай его, не дай ему ложиться, возвращаться'.

Глагол в понудительном залоге, таким образом, в корне меняет свою синтаксическую валентность: непереходный становится переходным, а переходный приобретает способность управлять двойным объектом. И то и другое производится в грамматически организованном порядке и отражает объективные отношения, неразрывно связанные с лексическим содержанием глагола, базирующиеся на нем и входящие в сферу словообразования¹⁵.

Говоря иначе, формы, выражающие понудительный залог в первом его значении, по своей природе относятся к основной массе форм, описанных выше и представляющих собой относительно новые лексические единицы. Среди них эти формы выделяются лишь на лексико-семантической основе как особая модель внутривербального словообразования. Это наглядно подтверждают глаголы типа *сығар-* (от *сығ-* 'выйти'), которые в соотношении с объектом-лицом имеют каузативное значение (*балаларҙы урамға сығар-* 'вывести детей на улицу'), а в отношении к объекту-неодушевленному предмету лишены его (*эйберҙәрҙе урамға сығарҙым* 'я вынес вещи на улицу'),

¹⁵ Иванюк С. Н. Указ. соч., с. 122—123; Коржушин И. В. О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах. — Тюркологический сборник, М., 1966, с. 70—71.

а также несовпадение состава лексических значений полисемантических производимой и производящей основ, наблюдаемое сплошь и рядом (ср., к примеру, *аша-* и *ашат-*, *эс-* и *эсер-*, *ят-* и *ятжыр-*).

Переходя к раздельному рассмотрению форм на *-т* и на *-тыр*, выражающих повелительный залог во втором его значении, нужно заметить, что они приводят к тем же существенным изменениям синтаксических характеристик глагольной основы, что и формы повелительного залога в первом его значении: непереходный глагол становится переходным, а переходный, сохраняя это свое грамматическое значение, приобретает способность управлять вторичным объектом, — косвенным дополнением, но в форме исходного падежа, выполняющего функцию эргатива, т. е. содержащего однозначное указание на реального исполнителя действия. Помимо этого в повелительном залоге во втором его значении исходная глагольная основа претерпевает гораздо более глубокое семантическое изменение — можно сказать, преобразование: принимая форму повелительного залога, она выражает в данном случае по существу два действия, производимых двумя субъектами, — 1) действие, названное производящей основой в обычном порядке, т. е. имплицитно соотношенное с реальным субъектом, 2) проявление инициативы, побуждения к нему, вернее выполнение роли ответственного его исполнителя (обычно путем привлечения действительного субъекта, имплицитно предполагаемого по исходному лексическому содержанию глагола). Второе действие тоже на общих основаниях имплицитно соотносено со своим производителем-субъектом. Кроме того, оно ясно охарактеризовано как способ совершения первого действия. Помимо двуактности и двусубъектности повелительный залог во втором его значении содержит четкое указание на соотношение как самих действий, так и, в особенности, их исполнителей — актуализирует второе действие (соответственно, и его субъект), сливая его со вторым и тем самым лишая информативности его реального исполнителя.

Все эти характеристики, по которым повелительный залог во втором его значении в целом резко отличается от первой своей разновидности¹⁶ и в известной мере сближается с взаимным и даже страдательным залогами¹⁷, возникают как неделимое синтезированное достояние всей формы на *-т* и на *-тыр* (а не самого залогообразующего аффикса). И именно поэтому эти характеристики устанавливаются на лексико-семантической основе по аналогии со сходными однотипными формами точно таким же образом, что и типовое лексическое значение словообразовательной модели. Индивидуальное лексическое значение предопределяется и угадывается по исходному содержанию глагольной основы, а описанное семантико-синтаксическое своеобразие формы устанавливается по ее структуре как типовое ее значение. Иначе говоря, повелительный залог в описанном его втором значении выделяется по существу лишь как своеобразная словообразовательная модификация глагола, семантико-синтаксически близко стоящая к словоизменению — к собственно залогу, по лексико-семантически и струк-

¹⁶ Доказательством этого, помимо изложенного, служит тот неоспоримый факт, что в коммуникативно необходимых случаях повелительный залог во втором его значении образуется от своей первой разновидности на общих основаниях, сохраняя свое типовое значение: *кэйендер-т-* 'заставить кого-л. одеть кого-л.' от *кэйендер-* 'одеть'; *эсер-т-* 'позволять, заставить пить' от *эсер-* 'пить'.

¹⁷ Как и во взаимном залоге, в обеих разновидностях повелительного залога выражается осуществление активного действия путем определенного взаимодействия двух субъектов. Но само взаимодействие во всех этих трех случаях производится на принципиально разных началах: соучастие в действии, фактически производимом основным субъектом-подлежащим (повелительный залог в первом его значении); взаимодействие субъектов на паритетных началах или оказание помощи одного субъекта другому (взаимный залог); субординативное взаимодействие двух субъектов с актуализацией одного из них и игнорированием другого (повелительный залог во втором его значении). По этому последнему признаку, заключающемуся в субъектно-объектной обратимости, повелительный залог напоминает страдательный залог, тем более, что при них в положении объекта ставится основной исполнитель действия.

турно-грамматически организованная как обычный переходный глагол действительного залога.

О словообразовательной сущности понудительного залога кроме изложенного, свидетельствуют также:

1) вариативность описанного наиболее характерного его значения, зависящая и обусловленная профилем лексического значения исходной основы глагола, что свойственно в первую очередь и главным образом деривационным формам — в ряде случаев форма выражает не принуждение, побуждение, а допущение, разрешение, позволение совершить действие (ср. *тоттор-* 'дать себя поймать', *жосаклат-* 'позволить обнимать себя', *ултырт-* 'разрешить сесть'), оказание помощи (ср. *атландыр-* 'помочь сесть на коня'), проявление попустительства (ср. *урлат-* 'дать себя обворовать', *тешилэт-* 'дать себя укусить'), небрежности (ср. *йоктор-* 'по небрежности подхватить заразную болезнь', *акһат-* 'из-за небрежного обращения вызвать у лошади и под. «хромание»), преднамеренной пассивности (ср. *кыстат-* 'заставлять упрашивать себя' и т. п.);

2) отсутствие единого и твердого залогового управления: во-первых, название одного и того же фактического исполнителя действия при переходных глаголах выступает как прямое дополнение в форме основного или винительного падежа, тогда как при переходных занимает позицию косвенного дополнения в форме исходного падежа, во-вторых, многие переходные глаголы типа *урлат-*, *акһат-*, *ултырт-*, *атландыр-* вовсе не обладают этим свойством, в-третьих, управление косвенным объектом, выполняющим роль субъекта, у переходных глаголов, как и вообще, является слабым — большинство глаголов типа *акбурлат-*, *аклат-*, *анализлат-*, *бизәклат-*, *бронзалат-*, *броньялат-*, *буят-*, *бөзрәлат-*, *жазыт-*, *калайлат-*, *курғаилат-*, *көмөшләт-*, *коршаулат-*, *быялалат-*, *йыузыр-*, *мукләт-*, *ремонтлат-*, *һаплат-*, несущие с собой собственно понудительное значение в наиболее типичном его виде, преимущественно употребляются без уточнения фактического исполнителя действия (т. е. вне сочетания с косвенным дополнением в форме исходного падежа) в силу того, что его роль попросту игнорируется и по существу приписывается номинальному субъекту действия, оформленному как подлежащее;

3) несовпадение лексических значений исходной основы и образованной от нее понудительной формы не только по профилю, но и по численному составу, которое наблюдается сплошь и рядом у многозначных основ: ср., к примеру, *кутәрт-* 'заставить поднять; дойти до крайнего истощения (о домашних животных)' и *кутәр-* 'поднимать, повышать, возводить (в чин и т. п.), заирать'; *ужыт-* 'заставить читать; обучать, преподавать; проучить (наказывать)' и *ужы-* 'учиться; читать'; *яззыр-* 'заставить писать; выписывать (газету и т. п.)' и *яз-* 'писать; записать'; *ултырт-* 'заставить сидеть, сесть; ставить, поставить (напр., столб); сажать (в тюрьму); сажать (овощи и т. п.); обмануть, падусть' и *ултыр-* 'сидеть; садиться; находиться в тюрьме; оседать, укоротиться' и т. п., где к тому же понудительное значение возникает лишь от части лексических значений исходной основы;

4) совместимость понудительного значения со значением взаимного и возвратного залогов, представленных в рамках одной и той же глагольной основы: ср. *һөйләштер-* 'заставить, вынудить разговаривать' от *һөйләш-* 'разговаривать с кем-л.'; *таныштыр-* 'познакомить кого-л. с кем-л.' от *таныш-* 'знакомиться с кем-л.'; *кейендәрт-* 'заставить кого-л. одеть кого-л.', *йыуындырт-* 'заставить кого-л. мыть кого-л.';

5) формы понудительного залога, сохраняя свое характерное значение, выступают производящей основой при дальнейшем аффиксальном словообразовании, в частности при образовании имени действия на *-(и)у*·*-(е)у*, бытующего на правах существительного: *атлатыу* 'заставлять идти пешком', *һөйләтеу* 'заставить разговаривать; побуждение к разговору' и т. д.

Словом, формы понудительного залога во втором его значении, как и первая разновидность понудительного залога, при всем их смысловом своеоб-

разии в лучшем случае могут быть истолкованы как особая разновидность действительного залога, и то лишь с точки зрения семантико-синтаксической, поскольку грамматически в соответствии со своим оформлением они выравниваются по аналогии с обычными переходными глаголами, имеющими морфологическое выражение своей соотношенности с прямым дополнением. Суть же их сводится к словообразованию, исключая лишь их использование для обозначения безличного действия и множественности.

ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ

Основным назначением данной формы, образуемой от широкого круга глагольных основ, является превращение переходного глагола в непереходный, сохраняя (1) или заметно, а то и в корне (2) изменяя сам профиль его лексического значения: 1) *тозлан-* 'солиться, стать соленым' от *тозла-* 'солить', *башлан-* 'начинаться' от *башла-* 'начинать'; 2) *һөйөн-* 'обрадоваться' от *һөй-* 'любить, ласкать', *тартын-* 'стесняться' от *тарт-* 'тянуть, дергать, прельщать'.

В первом случае формы на *-н* по своему значению чаще всего относятся к сфера страдательного залога: *һайла-* 'выбирать' — *һайлан-* 'быть избранным' (но: 'привередничать'), *ал-* 'взять, получать, вынимать, черпать', мат. 'отнять, вычитать' — *алын-* 'быть взятым'. И только в составе считанного числа глаголов она обнаруживает значение возвратного залога в принятом его понимании — выражает направленность действия на самого его производителя как на объекта, совпадение субъекта и объекта в одном лице: *бизә-* 'украшать, наряжать' — *бизән-* 'наряжаться, краситься', *бөркә-* 'покрыть с головой' — *бөркән-* 'покрыться с головой'.

Называя объект не синтаксическим, а морфологическим способом внутри самого глагола, в своей исходной форме предполагающего его синтаксическое обозначение и в силу этого испытывающего известную ущербность, неполноту своего лексического содержания, возвратная форма не только восполняет этот пробел, но и обогащает и обособляет свое содержание настолько существенно, что оно воспринимается как относительно автономное качественно новое образование, свойственное самостоятельной лексической единице. Этому способствует целый ряд обстоятельств:

1) обозначение объекта действия внутри самого непереходного глагола и лексическим способом — в так называемых глаголах с внутренним объектом, наглядно свидетельствующим о его вхождении в состав самого лексического значения глагола в качестве неотъемлемого его компонента: *мен-* 'подниматься', т. е. 'поднимать себя', *ултыр-* 'садиться', т. е. 'посадить себя', и т. д.;

2) структурное различие исходной основы и образованной от нее возвратной формы, выполняющей в преобладающем большинстве случаев неоспоримую явно словообразовательную функцию;

3) несовпадение основы и образованной от нее возвратной формы (имеющей описанное типовое залоговое значение) по составу их лексических значений, не позволяющее их считать одной и той же лексической единицей: ср. *кей-* 'надевать, носить' и *кейән-* 'одеваться, переодеваться'; *йыу-* 'мыть, помыть, умыть', перен. 'обмыть, отметить что-л. вышивкой; оmyвать (окружать водами)' и *йыуын-* 'умываться, мыться'; *буя-* 'красить, окрашивать, раскрашивать, пачкать, подкрашивать, подводить' и *буян-* 'краситься, подкрашиваться, мазаться', *ура-* 'мотать, наматывать, обертывать, укутывать; ходить окольным путем' и *уран-* 'кутаться, укутываться' и т. д.;

4) довольно часто наблюдаемое резкое изменение природы исходного лексического значения производящей основы: ср. *кырын-* 'бриться' от *кыр-* 'скоблить, скрести; тереть; истреблять'; *сабын-* 'париться, хлестать себя веником' от *сап-* 'хлестать, ударить со звоном; косить; рубить; скакать на лошади; мчаться, издавая топание'; *кысын-* 'чесаться' от *кысы-* 'зудеть';

5) использование возвратных форм в качестве производящих основ при образовании имени действия и имени деятеля, а также широкое их употреб-

ление в форме причастия, выполняющего функцию прилагательного: *кырыныу* 'бритье', *кырыныусы* 'бреющийся', *кырынган* (*жеше*) 'бреющийся (человек)', *кырыныр урын* 'место для бритья' и т. п.;

б) вхождение афф. *-н* в состав необратимых лексических единиц типа *тирбэн-* 'качаться', *имгэн-* 'калечиться, увечиться', *эйрэн-* 'научиться', противостоящих соответствующим переходным глаголам *тирбэт-*, *имгэт-*, *эйрэт-*, производящие основы которых тоже не могут быть выделены в современном языке как самостоятельные лексические единицы в отрыве от залоговых аффиксов.

Возвратные формы в принципе сходны с остальными непереходными глаголами активного действия с внутренним объектом типа *баҫ-* 'ветать' (т. е. 'поднять себя'), *төш-* 'спускаться' (т. е. 'спустить себя'), в совокупности с которыми они составляют особый лексико-семантический разряд переходных глаголов. Выделяемые лишь на лексико-семантической основе, с точки зрения своих грамматических характеристик, они входят в сферу действительного залога. Среди других форм на *-н*, образуемых от переходных глаголов, они предстают как семантически ясно очерченная малопродуктивная деривационная модель, вовлекающая в словообразование строго определенный состав производящих основ, предполагающих в качестве объекта лицо, которое в данной форме может стать субъектом того же самого действия.

Среди словообразовательных форм на *-н* тоже на лексико-семантической основе выделяется очень продуктивная модель с типовым значением 'приобрести свойство, названное именной производящей основой', вовлекающая в словообразование преимущественно отыменные глаголы на *-ла/-лэ*: *тәмһезлэн-* 'сделаться невкусным' от *тәмһезлә-* 'обезвкусить', *яралан-* 'получить ранение' от *ярала-* 'ранить', *шазралан-* 'стать рябым' от *шазрала-* 'шершавить', *хлорлан-* 'хлорироваться' от *хлорла-* 'хлорировать', *уңайһызлан-* 'сделаться неудобным; испытывать неудобство' от *уңайһызла-* 'сделать неудобным', *турылан-* 'выпрямиться, сделаться прямым' от *турыла-* 'выпрямить, сделать прямым', *тозлан-* 'просолиться' от *тозла-* 'солить', *тигезлэн-* 'выровняться, сделаться ровным; уравниваться' от *тигезлә-* 'ровнять, уравнивать, выравнивать, подровнять' и т. д.

По мере своей активизации и нормализации эта модель стала производить глаголы с тем же типовым значением непосредственно от именных основ: ср. *арзанлан-* 'подешеветь, удешевиться', *аламалан-* 'стать плохим, дурным', *бозлан-* 'обледенеть', *азғынлан-* 'развратиться', *кырыслан-* 'одичать', *ялкаулан-* 'облениваться' и т. п., где *-н* являет собой, собственно, лишь элемент сложного ныне неделимого афф. *-лан/-лэн*.

За этой моделью по своей продуктивности идет семантически тоже ясная и единообразная словообразовательная модель с типовым значением 'проявлять свойство по основе', по которой возникают обычно глаголы несовершенного вида, лишь благодаря контексту теряющие это свойство: *актарын-* 'шарить', разг. 'рыться, копаться' от *актар-* 'переворошить, шарить', *каран-* 'озираться, осмотреться' от *кара-* 'смотреть', *карман-* 'шарить вокруг себя' от *карма-* 'шунать, ощупывать', *осон-* 'кичиться, чваниться' от *ос-* 'летать', *һизен-* 'чувять, предчувствовать' от *һиз-* 'чувствовать', *һоран-* 'расспрашивать, разузнавать, побираться, попрошайничать' от *һора-* 'просить, спрашивать', *һызлан-* 'испытывать ноющую боль в костях, суставах' от *һызла-* 'ныть, ломить, разболеться', *һуген-* 'ругаться, браниться' от *һук-* 'ругать, обругать, бранить', *һөйлэн-* 'ворчать про себя, болтать' от *һөйлә-* 'говорить', *тартын-* 'стесняться' от *тарт-* 'тянуть, дергать, привлекать', *тапан-* 'топтаться на месте' от *тапа-* 'топтать, давить, месить ногами', *телэн-* 'клянчить' от *телә-* 'желать', *тығын-* разг. 'жрать' от *тык-* 'сунуть, втыкать', *ужын-* 'читать что-л. про себя' от *ужы-* 'читать', *сукын-* 'креститься; копошиться, заниматься копаньем' от *сожо-* 'копать, ковырять, долбить', *сәйнән-* 'охаивать кого-л. за глаза' от *сәйнә-* 'жевать', *этен-* 'возиться, копошиться напрасно' от *эт-* 'толкать', *ялан-* 'облизывать' от *яла-* 'лизать, лакать', *ярһын-* 'проявлять ярость, разъяряться' от *ярһы-* 'сильно

возбуждаться', *екерен*- 'раскричаться, орать' от *екер*- 'кричать, орать', *утен*- 'умолять' от *ут*- 'пройти' и т. д.

От этой модели впоследствии отделилась производная деривационная модель с тем же значением, в массовом порядке производящая глаголы непосредственно от именных основ: ср. *аумакайлан*- 'проявлять непостоянство', *кирелэн*- 'упрямиться, упираться', *енлэн*- 'бесноваться', *этэслэн*- 'петушиться', *ярамнаклан*- 'заискивать, угождать', *йомакайлан*- 'подлизываться', *кэзэлэн*- 'упрямствовать', *бизалан*- 'капризничать', *ғоруран*- 'гордиться', *тулкынлан*- 'волноваться' и т. д., где афф. -л слился с предыдущим словообразовательным афф. -ла/-лэ в монолитную сложную морфему того же рода.

Остальные словообразовательные формы на -н, образованные от переходных глаголов, стоят особняком, не имеют типовой словообразовательной структуры: ср. *тотон*- 'приступать' (от *тот*- 'держат, поймать'), *һөрөн*- 'спотыкаться' от *һөр*- 'устранить; выслать; пахать' (?), *һөйөн*- 'обрадоваться' от *һөй*- 'любить, ласкать' и т. п. Лишь глаголы *йылын*- 'греться, согреваться, нагреваться' (от *йылы*- с тем же значением) и *һыуын*- 'остыть, охладиться, остужаться; перен. охладеть, остывать' от *һыуы*- 'становиться холодным' созданы по единому образцу, примыкающему к описанной выше модели.

Формы на -н, образованные от непереходных глаголов, семантически вообще не имеют ничего общего ни с возвратным, ни со страдательным залогом. Они по отношению к исходной основе являют собой относительно автономные лексические единицы, возникшие в организованном порядке по определенной словообразовательной модели (1) или в индивидуальном порядке вне такой модели (2): 1) *шашын*- 'горячиться, проявлять горячность; бесноваться' от *шаш*- 'беситься', *шыңшын*- 'скулить', 'хныкать, ныть' (от *шыңшы*- с тем же лексическим значением, лишенным, однако, значения несовершенного вида), *һикерен*- 'подпрыгивать, припрыгивать' от *һикер*- 'прыгать' и т. п., которые возникли по описанному выше стереотипному образцу с объединяющим их групповым значением 'проявлять (не проявить) свойство по основе'; 2) *арын*- 'вырваться, освободиться' (от *ары*- 'устанавливать (?)'), *тошон*- 'поймать, постичь' от *тош*- 'спускаться, опускаться, слезать (?)', *сиген*- 'отступать' от *сик*- устар. 'терпеть, претерпевать; отступать', *шешен*- 'опухать, пухнуть, распухать (например, от голода)' (от *шеш*- 'опухать, распухать') и т. п.

Таким образом, формы на -н, за исключением тех из них, которые входят в сферу страдательного залога, имеют словообразовательную сущность. Самая многочисленная их часть распадается на семантически разнородные четко очерченные три модели, отличающиеся друг от друга как по типовому своему значению, так и по характеру лексического значения производящей основы, предопределяющего первое. Среди этих моделей лишь одна и к тому же наименее продуктивная обладает значением возвратного залога, которое, однако, не может быть выделено в отрыве от лексического значения глагола, обуславливающего его.

ФОРМЫ МОДАЛЬНОСТИ

В современном башкирском языке существуют специализированные аналитические конструкции модальности, где основным элементом является определенная глагольная форма, а в роли компонирующей части выступают служебные глаголы или модальные слова. В отличие от глагольных наклонений, представляющих чисто грамматические средства выражения модальности, аналитические сочетания можно квалифицировать в целом как лексико-грамматический способ выражения модальных значений. Степень грамматикализации аналитических конструкций весьма различна.

В современном башкирском языке активно употребляется ряд аналитических конструкций, выражающих разнообразные модальные значения.

КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ МОДАЛЬНОСТЬ

1. Гипотетическая конструкция, образованная сочетанием имени действия с аффиксами принадлежности и модального слова *бар* 'есть': *кайттыуым бар* 'может быть, приеду', *кайттыуың бар* 'может быть, приедешь', *кайттыуы бар* 'может быть, приедет'.

Данная аналитическая конструкция выражает потенциальную допустимость, вероятность совершения будущего действия с элементами предостережения или (реже) сомнения говорящего. Чаще всего эта конструкция употребляется в сочетании с предшествующим глагольным сказуемым, которое как бы представляет предпосылку для гипотетического действия: *Сураман карт, артыңды уйлап һәйлә, күпте белһең, Себер китеүең бар* (Б. Бикбай) 'Сураман, говори, да не заговаривайся, если очень много знаешь, могут и в Сибирь отправить'; *Куй, йөрәмәгез, көн болокһоп тора, ямғыр астында калыуығыз бар* (Б. Бикбай) 'Оставь, не ходите, погода начинает портиться, можете попасть под дождь'. В этих примерах предшествующее сказуемое с описываемой конструкцией выражают потенциально реальные причинно-следственные отношения.

2. Значение более или менее уверенного предположения передается сочетанием формы имени действия, осложненной аффиксами принадлежности, с модальным словом *мөмкин* 'можно': *кайттыуым мөмкин* 'возможно, приеду', *кайттыуың мөмкин* 'возможно, приедешь'. Например: *Был эштең бик насар барып бөтөүе мөмкин* (Д. Исламов) 'Это дело может закончиться очень скверно'; *Эйе, был хакта тик Маһикамалдың ғына һәйләүе мөмкин* (Ш. Насыров) 'Да, об этом может проговориться только Маһикамал'.

3. Значение чисто интуитивно-гипотетического представления о действии выражается аналитической конструкцией, образованной из сочетания причастия на *-ған/-гән*, осложненного афф. *-дай/-дәй*, и вспомогательного глагола *бул-* или *ит-*¹⁸. *һизенгәндәй була* 'кажется, догадывается', *алғандай итә* 'кажется, получает'. *Бара торғас, ҡыҙҙар бер-береһенә эйәләшә төшкәндәй булдылар* (Ф. Ғүмәр) 'Спусти некоторое время девушки, кажется, немного привыкли друг к другу'; *Йөрәгем бер зәурынында түгел, әллә нәмәне һизенгәндәй була* (Ф. Ғүмәр) 'Сердце мое не на месте, будто бы что-то предчувствует'; *Нык тулҡынланһам да, берәй нәмәне ауыр кисерһәм дә, йөрәгем туктап-туктап алғандай итә* (Д. Бүләков) 'Если сильно волнуюсь и тяжело переживаю, то мне кажется, что сердце вот-вот остановится'. Вместо вспомогательного глагола *бул-* может употребляться полнозначный глагол *куренеу*: *уҡығандай күренә* 'кажется, читает'; *Уны бизгәк тотҡандай күренә* (Б. Бикбай) 'Кажется, его лихорадит'.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ

Модальное значение возможности в современном башкирском языке передается несколькими аналитическими конструкциями.

1. Неделимое сочетание деепричастия на *-а/-ә*, *-й* и десемантированного вспомогательного глагола *ал-*: *бара ала* 'может пойти', *килә алам* 'могу прийти', *уҡый алаһың* 'можешь учиться'. Данная модальная конструкция выражает способность конкретного лица совершить данное действие. Эта форма модальности изменяется по лицам и временам.

¹⁸ Примечание от вет. ред. Конструкция на *-ған бул-*, как это отметил еще Н. К. Дмитриев, выражает притворно-показное действие: *эшләгән бул-* 'делать вид, что работаешь'. Отрицательный вариант такого действия представляет аналитическая конструкция на *-мәмешкә һалыш-*: *күрмәмешкә һалыш-* 'сделать вид, что не видишь'.

Парадигма спряжения

Прошедшее определенное время

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>укый алдым</i> 'я мог учиться'	<i>укый алдык</i> 'мы могли учиться'
2 л. <i>укый алдың</i> 'ты мог учиться'	<i>укый алдыгыз</i> 'вы могли учиться'
3 л. <i>укый алды</i> 'он мог учиться'	<i>укый алдылар</i> 'они могли учиться'

Настоящее время

1 л. <i>укый алам</i> 'я могу учиться'	<i>укый алабыз</i> 'мы можем учиться'
2 л. <i>укый алаһың</i> 'ты можешь учиться'	<i>укый алаһыгыз</i> 'вы можете учиться'
3 л. <i>укый ала</i> 'он может учиться'	<i>укый алалар</i> 'они могут учиться'

Будущее определенное время

1 л. <i>укый аласакмын</i> 'я непременно смогу учиться'	<i>укый аласакбыз</i> 'мы непременно сможем учиться'
2 л. <i>укый аласакһың</i> 'ты непременно сможешь учиться'	<i>укый аласакһыгыз</i> 'вы непременно сможете учиться'
3 л. <i>укый аласак</i> 'он непременно сможет учиться'	<i>укый аласактар</i> 'они непременно смогут учиться'

Будущее неопределенное время

1 л. <i>укый алырмын</i> 'я смогу учиться'	<i>укый алырбыз</i> 'мы сможем учиться'
2 л. <i>укый алырһың</i> 'ты сможешь учиться'	<i>укый алырһыгыз</i> 'вы сможете учиться'
3 л. <i>укый алыр</i> 'он сможет учиться'	<i>укый алырзар</i> 'они смогут учиться'

Модальность возможности может иметь формы давнопрошедшего времени, а также условного и сослагательного наклонений: *эшлэй ала торғайны* '(он) мог работать, был в состоянии работать', *эшлэй алһа* 'если сможет работать, если будет в состоянии работать', *эшлэй алһа ине* 'если бы был в состоянии работать, если бы мог работать'.

Отрицательная форма образуется при помощи афф. *-ма/-мә*: *укый алһа* — *укый алһаһа*, *укый ала* — *укый алмай*. Примеры: *Юмағужин был тишкәре атты кискә генә тотта алды* (СБ) 'Юмагузин смог поймать этого коня только к вечеру' *Билал калала жыылдарзан бер кешене лә оската алһаны* (А. Таһиров) 'В городе Билал не смог встретиться ни с одним красноармейцем'; *Юк, һугыш та, кайғы ла халықтың йырга, йәшәүгә булган мөхәббәтен һүндәрә алһаясак* (З. Бишшева) 'Нет, ни война, ни горе, не смогут погасить любовь народа к жизни, к песне'.

2. Деепричастная форма на *-ыл* в сочетании с вспомогательным глаголом *бул* 'быть'. Эта конструкция выражает потенциальную возможность осуществления действия при наличии определенных условий. Она является безличной, имеет все формы времени изъявительного, условного и сослагательного наклонений: *языл була* 'можно писать', *языл булды* 'удалось написать', *языл булыр* 'можно будет писать' — изъявительное наклонение; *языл булһа* 'если можно написать', *языл булһа ине* 'если можно было писать' — условное наклонение, *языл булыр ине* 'можно было бы писать' — сослагательное наклонение. Примеры: *һиңә үз йәшеңде түгел, бәлки егерменән ашыузы биреп була* (З. Бишшева) 'Тебе можно дать больше двадцати'; *Бисә-сәһәңең ауызына нулык каплап булмай* (Ә. Мирзахитов) 'Женщинам невозможно закрыть рот платком'.

3. Безличная аналитическая форма, образованная сочетанием инфинитива на *-(ы)рға/-(е)ргә* и вспомогательного глагола *бул*, как и предыдущая, обозначает возможность реализации действия в определенных обстоятельствах. Вспомогательный глагол *бул* здесь употребляется только в форме 3-го лица ед. числа настоящего и будущего времени индикатива: *эшләргә була*

‘можно делать’, *язьрга була* ‘можно писать’, *язьрга булыр* ‘можно будет писать’. Примеры: *Бындай якташтар менэн утжа ла, һыуға ла шнергә була* (С. Агиш) ‘С такими земляками можно пойти в огонь и в воду’; *Уяу баш менэн тотонмаһаң, бик тиз билде һындырып жуйьрга була* (З. Бишпева) ‘Если не взятыся за дело с ясной головой, то быстро можно сломать поясницу’. В отличие от предыдущей, данная аналитическая конструкция в соответствующем контексте может выражать и значение намерения, решения: *Бер йыл уткәс, Миңзифа тыуган иленә жасырга була* (Ф. Аллаяров) ‘Через год Минзифа собирается убежать на свою родину’.

Если вспомогательный глагол в составе данной конструкции принимает форму прошедшего времени, то она всегда выражает модальное значение намерения, решения совершить какое-либо действие: *Улар кәзерле кунактарзы боронғоса, туган тумасаны һәм күрше-тирәне сакьрып, һыйларға булдылар* (З. Бишпева) ‘Они решили угостить дорогих гостей по давнему обычаю, пригласив родственников и соседей’.

Прошедшее время данной конструкции образуется также при помощи вспомогательного глагола *ине*, который значительно видоизменяет ее значение: *альрга булыр ине* ‘можно было бы взять’, *язьрга булыр ине* ‘можно было бы писать’, где конструкция в целом выражает значение сослагательного наклонения.

4. Значение реальной возможности также передается посредством сочетания инфинитива на *-(ы)рға!-(е)ргә* и модального слова *можкин* ‘можно’: *Эште дәрәс ойошторғанда ғына, продукция сығарылышың байтақ арттырырга мөмкин* (СБ) ‘Выпуск продукции можно увеличить только при правильной организации труда’; *Уға Айбулат менән башкортса ла һойләшергә мөмкин* (Н. Дәүләтшина) ‘Ему с Айбулатом можно говорить и по-башкирски’.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ

В современном башкирском языке для выражения модального значения долженствования и необходимости существует целый комплекс лексико-грамматических средств, среди которых аналитические конструкции употребляются особенно активно. К ним относятся следующие.

1. Аналитическая конструкция, состоящая из инфинитива или имени действия и модального слова *кәрәк* ‘надо’, ‘необходимо’: *барьрга кәрәк, бармак кәрәк, барыу кәрәк* ‘необходимо идти’.

В семантическом плане эти формы почти идентичны: выражают обязательную необходимость совершения какого-либо действия, причем эта необходимость обусловлена объективными условиями, не зависящими от субъективного желания говорящего. Имеются различия только в сфере их употребления. Так, конструкция *барьрга кәрәк* наиболее часто употребляется в официальной речи и в публицистических произведениях, *барыу кәрәк* — в разговорной речи, *бармак кәрәк* — в произведениях устного народного творчества.

Отрицательная форма данной конструкции образуется при помощи афф. *-ма!/-мә*, который присоединяется к модальному слову *кәрәк*: *Миңә барьрга кәрәкмәй* ‘Мне не нужно идти’. Модальная конструкция на *-мак!/-мәк кәрәк* особенно употребительна в вопросительных предложениях: *Коралһыз ни эшләмәк кәрәк?* (З. Ихсанов) ‘Что можно делать без оружия?’; *Ят кешенән һиндәй мәрһәмәт көтмәк кәрәк?* (Ш. Насыров) ‘Что можно ожидать от чужого человека’; *Түрәне бында сакьрыу кәрәк* (Ф. Дәүләтшин) ‘Начальника надо пригласить сюда’; *Көн әсеп китмәс борон эшләп калыу кәрәк* (Т. Йәнәби) ‘Пока прохладно, надо поработать’.

Синтаксической особенностью данных конструкций является их употребление в функции сказуемого только в безличных предложениях.

Указанные конструкции с помощью вспомогательных глаголов *бул-, тор-, ине* выражают значения соответствующих наклонений и времен: *уқырга кәрәк ине* ‘надо было учиться’, *уқырга кәрәк булыр ине* ‘надо было бы

учиться', *уқырға кәрәк булһа* 'если необходимо будет учиться', *уқырға кәрәк булды* 'необходимо было учиться', *уқырға кәрәк буласак* 'необходимо будет учиться' и т. д.

2. Аналитическая конструкция, состоящая из инфинитива на *-рға/-рға* и модального слова *тейеш*. Она также имеет модальное значение долженствования и необходимости. В отличие от предыдущей модальной конструкции, в состав которой входит модальное слово *кәрәк*, данная конструкция выступает в качестве сказуемого только в личных предложениях. Модальная конструкция «инфинитив + *тейеш*» имеет все формы времени и наклонения, а также изменяется по лицам и числам.

Настоящее время

Ед. число		Мн. число	
1 л.	<i>уқырға тейешмен</i> 'я должен учиться'	<i>уқырға тейешбез</i> 'мы должны учиться'	
2 л.	<i>уқырға тейешһең</i> 'ты должен учиться'	<i>уқырға тейешһегез</i> 'вы должны учиться'	
3 л.	<i>уқырға тейеш</i> 'он должен учиться'	<i>уқырға тейештәр</i> 'они должны учиться'	

Значение будущего времени передается гораздо реже употребляемой трехчленной конструкцией, в которой спрягается только вспомогательный глагол *бул*: *мин уқырға тейеш булам* 'я должен буду учиться', *һин уқырға тейеш булаһың* 'ты должен будешь учиться', *ул уқырға тейеш була* 'он должен будет учиться', *без уқырға тейеш булабыз* 'мы должны будем учиться'.

Прошедшее определенное время употребляется тоже редко:

Ед. число		Мн. число	
1 л.	<i>уқырға тейеш булдым</i> 'я должен был учиться'	<i>уқырға тейеш булдык</i> 'мы должны были учиться'	
2 л.	<i>уқырға тейеш будың</i> 'ты должен был учиться'	<i>уқырға тейеш будыңыз</i> 'вы должны были учиться'	
3 л.	<i>уқырға тейеш булды</i> 'он должен был учиться'	<i>уқырға тейеш булдылар</i> 'они должны были учиться'	

Эта конструкция употребляется, как и предыдущая, редко.

Форма давнопрошедшего определенного времени, которая еще менее употребительна, образуется при помощи вспомогательных глаголов *бул* и *тор-*, располагающихся за модальной конструкцией «инфинитив + *тейеш*»: *мин уқырға тейеш була торғайным* 'я должен был систематически учиться', *без уқырға тейеш була торғайнык* 'мы должны были учиться' и т. д.

В аналитических конструкциях с модальным словом *тейеш* говорящий выражает свою убежденность в необходимости совершения действия: *Без үзбегәҙә үзбегә хужа булырға тейешбез* (Ш. Пасыров) 'Мы должны быть хозяевами своей судьбы'; *Һәштәрҙе коммунистик рухта тәрбиәләү өсөн бәтә көсөбөҙгә һалырға тейешбез* (Я. Хамматов) 'Мы должны отдать все силы для воспитания молодежи в коммунистическом духе'; *Үгәй ағай ғына, мин уға буйһонорға тейеш түгелмен* (И. Мостафин) 'Он мне не родной дядя, я не должен подчиняться ему'.

3. Аналитическая конструкция, образованная сочетанием причастной формы на *-аһы/-әһе* (после согласных основ) *-йһы, -йһе, -йһо/-йһө* (после гласных) и модального слова *бар*: *яҙа-һым бар* 'мне нужно писать', *уқы-йһым бар* 'мне нужно читать'. Она имеет значение долженствования.

Эта конструкция выражает необходимость совершения конкретным лицом какого-либо действия, как неизбежного: *Һисек әйтһәң дә туй мәшәкәтен үткәрәһе бар* (Я. Хамматов) 'Как ни говори, необходимо справить свадьбу'; *Аксәкәһең богөн кис юлға сығаһы бар* (Б. Бикбай) 'Аксак сө-

годня вечером должна отправиться в путь'; *Станциянан ашлама кайтараны бар* (Ө. Гәрәев) 'Необходимо вывезти удобрение со станции'.

Отрицательный аспект значения необходимости передается при помощи аналитической конструкции, состоящей из той же причастной формы на *-аны/-эне* и модального слова *юк*: *язаны юк* 'я не должен писать; нет, я не стану писать', *ужыйны юк* 'я не должен читать; нет, я не стану читать'. Данная конструкция выражает решительный отказ конкретного лица совершить какое-либо действие: — *Бынан ары кулдарыңа ирек бирәнем юк* (Ө. Бикчәнтәев) 'Нет, больше не дам волю рукам твоим'. Она очень часто употребляется в безличном значении: *Безең халықты урман эшенә ойрәтәне юк* (Н. Мусин) 'Нет необходимости обучать наш народ лесному делу'.

От положительной формы долженствования при помощи вспомогательного глагола *ине* образуется форма долженствования прошедшего времени: *язаны бар ине* 'я тогда должен был писать' или 'мне необходимо было писать', *язаны юк ине* 'я тогда не должен был писать'. Она выражает долженствование как несостоявшийся акт.

Парадигма спряжения модальной конструкции
-аны/-эне + бар

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>минең бараны бар (ине)</i> 'мне необходимо (было) идти'	<i>безең бараныбыз бар (ине)</i> 'нам необходимо (было) идти'
2 л. <i>һинең бараның бар (ине)</i> 'тебе необходимо (было) идти'	<i>һеҙең баранығыз бар (ине)</i> 'вам необходимо (было) идти'
3 л. <i>уның бараны бар (ине)</i> 'ему необходимо (было) идти'	<i>уларҙың баранылары бар (ине)</i> 'им необходимо (было) идти'

Значение долженствования и необходимости в современном башкирском языке очень часто передается модальной конструкцией «инфинитив + тура килә»: *безгә эшләргә тура килә* 'нам приходится работать'. Данная конструкция употребляется также в прошедшем и будущем временах: *безгә барырга тура килде* 'нам пришлось идти' (прошедшее определенное время); *безгә барырга тура килер* (киләсәк) 'нам придется идти' (будущее время); *безгә барырга килә торғайны* 'нам приходилось ходить' (давнопрошедшее определенное время).

Эта модальная конструкция обозначает необходимость совершения действия в силу сложившихся обстоятельств: *Кораллы һалдаттарға юл биреп, мойошһа озак көтөп торорға тура килде* (Ф. Исәнғолов) 'Чтобы пропустить через дорогу вооруженных солдат пришлось долго ждать на углу'; *Ә бына Байғилде ағайзарға бик етди үйләнгән тура килер* (З. Бишшева) 'А вот дяде Байгилде придется очень серьезно подумать'; *Касыузы әзерәк кенә кисектереп торорға тура килер һезгә* (Ф. Исәнғолов) 'Вам придется отложить побег на некоторое время'; *Колсобай отряден революцион тәртипкә һалыу осөн безгә күп көс һалырга тура киләсәк* (Я. Хамматов) 'Чтобы навести в отряде Колсобая революционный порядок, придется потратить немало сил'.

Значение прошедшего времени долженствования 'нужно было бы, следовало бы' передается аналитической конструкцией типа *аланы булған* 'нужно было взять'. Эта конструкция выражает долженствование как несовершившийся акт. Причем говорящий выражает сожаление по поводу несовершения данного действия: *Плац кейәһе булған да, ямғыр яуырын кем белгән* (Р. Солтангәрәев) 'Нужно было надеть плац, да кто знал, что пойдет дождь'; *Үз яныма сакыртып, берәйһенең башын әйләндертәһе булған икән* (Ш. Насыров) 'Надо было, пригласив к себе кому-нибудь вскружить голову'.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЖЕЛАНИЯ

Основным средством реализации оптатива в современном башкирском языке являются формы желательного наклонения глагола. Кроме них имеются специализированные формы, выражающие различные оттенки жела-

ния. К ним относится прежде всего аналитическая конструкция, представляющая монологическое сочетание архаичной формы имени действия на *-ғы/-ге* и спрягаемого десемантизированного глагола *кил-*.

Модальное значение этой формы, образуемой от многих глаголов, сводится к выражению произвольного желания. Примеры: *Атай, аңла мине, үз юлымдан й ө р ө г ө м к и л э* (И. Йомаголов) 'Отец, пойми меня, я хочу идти своей дорогой'; *Уларзы беззен бахетлерэк итеү өсөн корәшен й э ш э г ө м к и л э* (З. Бишшева) 'Хочу жить и бороться, чтобы они были счастливее нас'; *Хәзер үк халыкты й и й ғ ы һ ы к и л ө е уның* (Р. Солтангәрәев) 'Ему захотелось сейчас же обратиться к народу'.

Эта высокоупотребительная аналитическая конструкция спрягается с помощью аффиксов принадлежности. Причем аффиксы лица принимает только первый компонент, т. е. имя действия на *-ғы*, а служебный глагол *кил-* принимает аффиксы времен и некоторых склонений, а также аффикс отрицания.

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>минең барғым килә</i> 'мне хочется идти'	<i>беззен барғыбыз килә</i> 'нам хочется идти'
2 л. <i>һинең барғың килә</i> 'тебе хочется идти'	<i>һеззен барғығыз килә</i> 'вам хочется идти'
3 л. <i>уның барғыһы килә</i> 'ему хочется идти'	<i>уларзың барғылары килә</i> 'им хочется идти'

Наряду с формой *-ғы кил-* широко употребляется другая, синонимичная ей форма на *-һы кил-*: *бараһым килә* 'мне хочется идти', *бараһыбыз килә* 'нам хочется идти', *бараһығыз килә* 'вам хотелось идти'. Ср. *Уны кайза булһа ла, қасан булһа ла бер осратаһы килә* (Н. Мусин) 'Хочется встретить его где-нибудь и когда-нибудь'.

Значение желания с оттенком несбыточного мечтания передается сочетанием инфинитивной формы и вспомогательного глагола *ине*: *барырға ине* 'пойти бы', *язырға ине* 'написать бы', например: *Был сәскәләрге һеңләмдең тыуған көнөңә алып барырға ине* (СБ) 'Эти цветы хотелось бы приподнести сестре в день ее рождения'; *Әх, был һуғыштың азағына сығырға ине* (Ш. Биккол) 'Эх, хочется дойти до самого конца войны'.

Данная конструкция употребляется только в безличных предложениях и не имеет форм времени и склонений.

Различные оттенки желания в современном башкирском языке передаются так же аналитическими конструкциями типа *бараһы ине*, *бараһы икән*, *бараһы булған*, *бараһы қалған*, образованными из причастной формы на *-аһы/-әһе* и вспомогательных глаголов *ине*, *икән*, а также *бул-* и *қал-* в форме прошедшего неопределенного времени. Примеры: *Ерзе әйләһең өсөп сығаһы ине* (Ф. Исәһолов) 'Облететь бы весь земной шар'; *Тизерәк һөжүмгә күсәһе ине* (М. Кәрим) 'Скорее бы перейти в наступление'; *Быйыл йәйге ауылда үткәрәһе икән* (С. Ағыш) 'Надо было лето провести в деревне'; *Бер юлы уларға инең сығаһым қалған* (З. Бишшева) 'Желательно было зайти и к ним заодно'.

Сочетание глаголов *күр-*, *куй-* в отрицательной форме с деспричастной формой основного глагола выражает нежелание говорящего, чтобы определенное лицо совершило какое-либо действие, его опасение относительно возможности совершения этого действия: *Кара уны, Бикбулаттың башың албырғатып куймаһын* (Р. Низамов) 'Смотри, что бы она не вскружила голову Бикбулата'; *Кунактар бөгөн килеп төшә күрмәһен* (Ф. Дәүләтшин) 'Как бы гости не приехали сегодня'.

Значение желания с оттенком опасения передается также сочетанием формы условного склонения и модального слова *ярар ине* 'было бы хорошо': *килмәһә ярар ине* 'хорошо было бы, если бы он не пришел'; *Бахетһез генә булмаһа ярар ине* (З. Бишшева) 'Как бы не стал он несчастным человеком'; *Кала яғы тартып, сығып китмәһәң ярар ине* (З. Бишшева) 'Как бы не потянулся в город'.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАМЕРЕНИЯ

Кроме склонения намерения, которое является основным грамматическим средством выражения данного модального значения, в современном башкирском языке функционируют аналитические конструкции для выражения различных оттенков намерения совершить действие, представленное глагольной основой.

1. Значение намерения как решения передается посредством сочетания инфинитива на *-(ы)рға/-(е)ргә* и вспомогательного глагола *бул*. Эта конструкция имеет формы прошедшего и настоящего времени изъявительного склонения: *шиләргә булды* 'решил работать'; *Тура өйгә кайтмайынса, башта Кунакбай ауылына инеп сығырға булдым* (Ө. Чаныш) 'Сначала решил я заехать в деревню Кунакбаево, и только потом вернуться домой'; *Ныйкбай мәжлескә бер аз һуңлабыраҡ инергә була* (фольк.) 'Никбай решил зайти на вечер, хотя и опоздал на некоторое время'.

2. Решение говорящего совершить какое-либо действие после обдумывания передается сочетанием инфинитива на *-(ы)рға/-(е)ргә*, *-маға/-мәгә* и вспомогательных глаголов *ит-*, *тор-*, *уйла-*; *барырға тора* 'намеревается ехать', *барырға уйлай* 'думает поехать', *барырға итте* 'решил поехать'. Примеры: *Гәләү, был вакиғанан фәйзаланып, үз йомошон хәл итеп калырға уйланы* (Т. Йәнәби) 'Воспользовавшись этим событием, Галәү задумал решить свое дело'; *Хасбулат ағай ошо арала үзенең бәтә комарткыларын мәктәпкә бирергә тора* (З. Бишева) 'Дядя Хасбулат на днях намеревается передать школе все свои исторические реликвии'; *Зайнап егетте танырға итте, тик караңғыла уларзың йөзәрән танырлык түгел* (Д. Бүләков) 'Зайнап решила узнать парня, однако в темноте было трудно различить их лица'; *Сәй эсеп, йырлап ултырмаға итәһеңме әллә?* (Ж. Киекбаев) 'Ты намерен петь во время чаепития?'.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Грамматическая категория склонения глагола выражает отношение действия к действительности, и отношение говорящего к содержанию высказывания. Факты, события и явления, будучи содержанием нашей речи, могут мыслиться говорящим как реальность и нереальность, т. е. как действительное и возможное, необходимое, а также как желательное или должествующее, предполагаемое и т. д.

Категория склонения представлена специальными спрягаемыми формами. В современном башкирском языке различаются следующие склонения: изъявительное, повелительное, желательное, условное, сослагательное, склонение намерения.

Каждое склонение характеризуется, помимо специальной формы, своими грамматическими и семантическими особенностями. Так, для изъявительного склонения характерна категория времени. Другим склонениям грамматическая категория времени не свойственна. Однако каждое из них, в отличие от изъявительного склонения, имеет свои специальные грамматические характеристики.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное склонение не имеет специальных морфологических примет. Изъявительное склонение реализуется в спрягаемых формах времени, и аффиксы временных форм одновременно являются показателями изъявительного склонения.

Изъявительное склонение выражает реальный или достоверный факт, соответствующий объективной действительности.

Таким образом, модальным содержанием изъявительного склонения является выражение убеждения говорящего в реальности действия. Однако это основное модальное значение в речи может быть изменено в плане ослабления или усиления как самими формами времени, так и, в особенности, при

помощи лексических средств: ср. *Ул Мәскәүҙә институт бөтөргән* 'Он окончил институт в Москве', но *Ул Мәскәүҙә институт бөтөргән бит* 'Он же окончил институт в Москве', *Ул Мәскәүҙә институт бөтөргән булһа карәк* 'Он, кажется, окончил институт в Москве'. В первом предложении выражен реальный факт, без особого указания отношения говорящего к содержанию высказывания. Во втором же предложении представлен тоже реальный факт, однако подлинность, достоверность и несомненность его особо подчеркивается при помощи модальной частицы *бит* 'ведь'. В третьем предложении модальное значение реальности, выражено как предположение с помощью специального словосочетания *булһа карәк* 'видимо', 'кажется'.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

В современном башкирском языке грамматическая категория времени, наряду с категориями наклонения и лица, является наиболее важным и существенным признаком глагола как части речи. Именно эти категории пронизывают почти всю систему глагола и противопоставляют его всем остальным частям речи.

В строгом смысле грамматическая категория времени свойственна лишь изъявительному наклонению. Ибо в системе глагола только оно выражает реальное действие, обязательно соотношенное с определенной точкой отсчета — с моментом речи.

Категория времени глагола выражает время совершения действия в его отношении к моменту высказывания о нем или к моменту речи. Кроме того, она выражает в определенных случаях также и отношение между моментом давнего действия и моментом другого действия, т. е. соотношенность двух или более действий во времени в рамках единого предложения разными спрягаемыми формами.

Если время действия, выраженного глагольной формой, определяется по отношению к моменту речи, то употребление временных форм рассматривается как абсолютное. По отношению к моменту речи действие соотносится тройко: 1) предшествует моменту речи, 2) одновременно с моментом речи, 3) может произойти после момента речи. Соответственно различаются: 1) прошедшее время, 2) настоящее время, 3) будущее время. Каждое из них представлено специальными спрягаемыми грамматическими формами, в совокупности составляющими изъявительное наклонение.

Категория времени тесно связана с категорией модальности. Так, например, прошедшее время на *-ды* и прошедшее время на *-ған* различаются только по модальности: прошедшее на *-ды* выражает действие достоверное, очевидцем которого был говорящий, тогда как прошедшее на *-ған* выражает действие неопределенное, очевидцем которого говорящий не был.

Будущее на *-саң* выражает уверенность говорящего в том, что действие в будущем осуществится обязательно. Будущее на *-ыр*, напротив, передает действие, осуществление которого в будущем является для говорящего проблематичным, предположительным.

Таким образом, все формы прошедшего и будущего времени по модальности подразделяются на 1) временные формы, выражающие модальное значение определенности, или категоричности, 2) временные формы, выражающие модальное значение неопределенности, некатегоричности. Эти основные различительные модальные значения временных форм, в свою очередь, осложняются дополнительными оттенками модальности, особенно в сфере прошедшего времени, представленного целым рядом форм.

Прошедшее время

Формы прошедшего времени отличаются от других форм времени своей многочисленностью и весьма своеобразным соотношением между собой по значению, структуре и употреблению. По семантическому содержанию они подразделяются на определенные и неопределенные. По соотношенности времени совершения действия с моментом речи или с временем совершения другого действия формы прошедшего времени делятся на абсолютные и относи-

тельные. По структуре формы прошедшего времени бывают синтетическими (простыми) и аналитическими (сложными). Последние образуются сочетанием деепричастных и причастных форм со спрягаемыми вспомогательными глаголами *бул-, тор-, ине-*.

Простые формы:

- 1) прошедшее определенное: *алды* 'он взял', *килде* 'он пришел';
- 2) прошедшее неопределенное: *алган* 'он, оказывается, взял', *килгэн* 'он, оказывается, пришел'.

Сложные формы:

- 1) прошедшее незаконченное: *ала ине* 'он брал тогда', *килэ ине* 'он шел тогда';
- 2) предпрошедшее определенное: *алгайны* 'он уже взял', *килгэйне* 'он уже пришел';
- 3) предпрошедшее неопределенное: *алган булган* 'он, оказывается, уже взял', *килгэн булган* 'он, оказывается, уже пришел';
- 4) давнопрошедшее определенное время: *ала торгайны* 'он, бывало, брал', *алыр ине* 'он, бывало, постоянно брал';
- 5) давнопрошедшее неопределенное время: *ала торган булган* 'он бывало, систематически брал', *алыр булган* 'он, бывало, систематически брал'.

Прошедшее определенное время (форма на -ды)

Прошедшее определенное время образуется при помощи афф. *-ды* (и его фонетических вариантов), за которым следуют усеченные личные аффиксы.

Ед. число

1 л. <i>алдым</i> 'я взял'	<i>килдем</i> 'я пришел'
2 л. <i>алдың</i> 'ты взял'	<i>килдең</i> 'ты пришел'
3 л. <i>алды</i> 'он взял'	<i>килде</i> 'он пришел'

Мн. число

1 л. <i>алдык</i> 'мы взяли'	<i>килдек</i> 'мы пришли'
2 л. <i>алдыгыз</i> 'вы взяли'	<i>килдегез</i> 'вы пришли'
3 л. <i>алдылар</i> 'они взяли'	<i>килделэр</i> 'они пришли'

Основным грамматическим значением прошедшего определенного времени является выражение прошлых действий и событий, участником и очевидцем которых был сам говорящий. При его помощи передается подлинность, реальность и истинность действия или состояния в прошлом: *Ғәйнәтдин менән икәү урамға сықтык* (Б. Бикбай) 'Мы с Гайнетдином вышли на улицу'; *Билал губкомға илеу менән зур залда сыуалыусылар араһында Шакирҙе осратты* (А. Таһиров) 'Билал, как только вошел в губком, среди тех, кто находился в большом зале, увидел Шакира'.

Прошедшее определенное время может обозначать и такое действие, участником или очевидцем которого говорящий не был, но он вполне уверен в его подлинности, ибо знает о них из достоверных источников и поэтому не сомневается в их реальности и действительности. В данном значении прошедшее определенное обычно употребляется во всех жанрах повествовательной речи: *Был көндө Монасип узған көндәргә карағанда ла йожоһонан иртәрәк торҙо. Ул тышкы ишекте асып ебәрәүгә, ишек алдына шаҙра йөзлө, шешенгән иренле, күзлекле бер кеше килеп баһты* (А. Таһиров) 'В этот день Мунасип встал намного раньше обычного. Как только он открыл дверь, перед ним оказался человек в очках с рябым лицом и опухшими губами'.

Очень часто прошедшее определенное имеет результативное значение. Ср. *Безҙең илдә колхоз королошо еңеу менән ауылда яңы производство мәнәсәбәттәре расланды, социалистик ауыл хужалығы барлыкка килде һәм нығыны* (СБ) 'С победой колхозного строя в нашей стране в деревне утвердились новые производственные отношения, возникло и укрепилось социалистическое сельское хозяйство'; *Муллайән атаһының юғәнә ййлап күнегә*

төштө, мал кәзерен белер егет булып үсте (Ф. Иҫәнғолов) 'Муллаян постепенно стал прислушиваться к наставлениям отца и вырос человеком, который хорошо знал цену богатства'.

Прошедшее неопределенное время (форма на *-ған*)

Прошедшее неопределенное время образуется путем присоединения к глагольной основе афф. *-ған* (и его фонетических вариантов). Аффиксы лица следуют за показателем времени.

Ед. число

1 л. <i>алғанмын</i> 'я, оказывается, взял'	<i>килгәнмен</i> 'я, оказывается, пришел'
2 л. <i>алғанһың</i> 'ты, оказывается, взял'	<i>килгәнһең</i> 'ты, оказывается, пришел'
3 л. <i>алған</i> 'он, оказывается, взял'	<i>килгән</i> 'он, оказывается, пришел'

Мн. число

1 л. <i>алғанбыз</i> 'мы, оказывается, взяли'	<i>килгәнбез</i> 'мы, оказывается, пришли'
2 л. <i>алғанһығыз</i> 'вы, оказывается, взяли'	<i>килгәнһегеҙ</i> 'вы, оказывается, пришли'
3 л. <i>алғандар</i> 'они, оказывается, взяли'	<i>килгәндәр</i> 'они, оказывается, пришли'

Грамматическая природа данной формы прошедшего времени в современном башкирском языке двойка.

1. Применительно ко 2-му и 3-му лицу она употребляется для выражения действий, участником и очевидцем которых говорящий не был. По своему значению прошедшее неопределенное время как форма выражения неочевидного действия противопоставляется прошедшему определенному времени на *-ды/-де*, как форме, выражающей очевидные действия: *Заһитте күрә алманым, өйҙә юк, әллә кайҙа киткән* (Ф. Иҫәнғолов) 'С Захитом я не смог увидаться, не было дома, куда-то уехал'.

2. В зависимости от контекста в 1-м лице эта временная форма обозначает результативность, умозаключение говорящего *post factum*.

При помощи этой формы говорящий сообщает о событии, которое произошло в прошлом, однако, полной уверенности в том, что это событие действительно состоялось, у него нет, ибо действие совершалось не на глазах говорящего. Он знает об этом из других, косвенных источников, в достоверности которых не уверен, например: *Икенсе көндө полкты, бәләкәй генә ауылға күсереп, ялға куйғандар* (Ф. Иҫәнғолов) 'На другой день полк перевели в маленькую деревушку и дали отдых'; *Байғужа көндөз үк бында килгән, һуңынан уны тылға озатқандар* (Д. Юлтый) 'Байғужа пришел сюда еще днем, потом его отправили в тыл'; *Без һөйләшкән арала, йорт хужаһының кызы Нюра тауыш-тыһыҙ ғына сығып киткән* (Г. Хәйри) 'Пока мы говорили, хозяйская дочь Нюра бесшумно ушла из дома'.

Прошедшее неопределенное время очень часто встречается в значении перфекта: говорящий может удостовериться в подлинности фактов и явлений только по их результатам в настоящее время. Ср. *Бөтә ер һары, тау башындағы яңғыз кайыңдың да япрактары койолған* (Г. Хәйри) 'Все кругом пожелтело, и у одинокой березы на горе опали листья'; *Минең бөгөнгө көндө йәшәп яткан күп һанлы тугандарым, уларҙың балалары, өйәндәре ошо быуындан таралған* (Б. Бикбай) 'Все мои дожившие до сегодняшнего дня родственники, их дети и внуки вышли из этого рода'; *Ни тиклем кайғы-хәжрәт, ауырлыктар кисерһә лә, ул артык бирешмәгән* (Д. Юлтый) 'Несмотря на то, что он перенес столько невзгод, он выглядел не так уж плохо'.

Перфектное значение особенно рельефно проявляется в 1-м лице этой формы. Говорящий употребляет форму неопределенного прошедшего времени тогда, когда он свои прошлые действия может охарактеризовать только по их результату в порядке умозаключения, а не как очевидец: *Была эш*

менэн без оятка жалганбыз (Т. Йөнөби) 'Это поставило нас в неловкое положение'; *Гэфу ит, иптэи командир, мин яңылышканмын* (И. Насыри) 'Извини, товарищ командир, я ошибся'.

Формой прошедшего неопределенного времени выражается некатегорическое утверждение о том, состоялся или не состоялся тот или иной факт. Поэтому данная форма может сочетаться с модальными словами и частицами, выражающими сомнение, что несовместимо с формой на -ды: *Бейеугэ килгэндэ, могайын, уларзан да уззырыусылар булмағандыр* (Б. Бикбай) 'Если взять танцы, пожалуй, лучше их никто не плясал'; *Балкем, ул үзе лә тырышығының яқшы һөзөмтәһен күреп шатланғандыр, ауыр тормошон тойоп торғандыр* (Б. Бикбай) 'Возможно, он радовался, увидев результаты своего старательного труда, и забыл на время о своей трудной жизни'.

Прошедшее неопределенное время в соответствии со своим значением широко употребляется во всех жанрах речи как маркированный член последовательного противопоставления очевидности и неочевидности. Оно, как и другие формы прошедшего времени, выражающие неочевидное действие, является основной формой, закрепленной за повествовательной речью. Вместе с тем эта временная форма особенно активно употребляется в сказочном жанре. В сказках обычно рассказывается о событиях давно минувших времен, очевидцем которых говорящий не мог быть. Для передачи именно таких давнопрошедших действий как раз и используются преимущественно неопределенные формы прошедшего времени, среди которых форма на -ған/-гән занимает по употребительности самое большое место. Примеры: *Борон-борон заманда күрше булып ике хан йәшигән* (фольк.) 'В давние времена по соседству жили два хана'; *Элекке заманда һонтай тигән ауылда бер карт менән бер карсыҡ яры ғына кон иткән* (фольк.) 'В прежние времена в ауле Сунтай жили и бедствовали старик со старухой'; *Шулай итеп, комһоз саузағар бөтөнләй аҡсаһыз тороп жалған, ә крәстиән ете йөз һум аҡсаны кәсәһенә һалып, бик кәнәғәт булып кайтып киткән, ти* (фольк.) 'Таким образом, жадный купец совсем остался без денег, крестьянин, положив в свой карман семьсот рублей денег, очень довольный пошел домой'.

Прошедшее незаконченное время (форма на -а ине-)

Прошедшее незаконченное время образуется сочетанием формы деепричастия на -а/-ә, -й и спрягаемого вспомогательного глагола *ине-*.

Ед. число

Мн. число

- 1 л. *ала инем* 'я брал (тогда)'
- 2 л. *ала инең* 'ты брал (тогда)'
- 3 л. *ала ине* 'он брал (тогда)'

- ала инек* 'мы брали (тогда)'
- ала инегез* 'вы брали (тогда)'
- ала инеләр* 'они брали (тогда)'

Данная форма обозначает незаконченное действие в прошлом, которое соотносено с другим действием, представленным, как правило, в предыдущем контексте или в рамках одного и того же предложения в других формах времени. Примеры: *Без урамга сыкжанда, Хайрулла бабай, һис ашыкмай ғына, өйҙәренә кайтып килә ине* (С. Агиш) 'Когда мы выходили на улицу, Хайрулла бабай, не торопясь, шел домой'; *Ғалиәхмәт ағайҙар ул сақта ауыл уртаһындарак, оло урамга сыға торған тыжрыҡ мойшоһидә торалар ине* (Б. Бикбай) 'В то время Галиахмет агай со своей семьей жил тогда на середине деревни, у переулка, который выходил на большую улицу'; *Ул партияның район комитетенә килеп ингәндә, Ғашимов менән Дауытов һөйләшеп ултыралар ине* (Б. Бикбай) 'Когда он пришел в райком партии, там беседовали Ғашимов и Даутов'.

Предпрошедшее определенное время (форма на -тайны)

Предпрошедшее определенное время образуется при помощи афф. -тайны/-гәйне, который присоединяется к глагольной основе.

1 л. <i>алгайн</i> ым 'я уже (раньше) взял'	<i>алгайны</i> ж 'мы уже (раньше) взяли'
2 л. <i>алгайны</i> н 'ты уже (раньше) взял'	<i>алгайны</i> гыз 'вы уже (раньше) взяли'
3 л. <i>алгайны</i> 'он уже (раньше) взял'	<i>алгайны</i> лар 'они уже (раньше) взяли'

Данная форма относительного времени означает очевидное действие в прошлом, которое произошло раньше другого действия. Это другое действие может быть выражено по-разному: либо оно передается другими формами прошедшего времени, либо при помощи контекста, а также придаточными предложениями времени: *Сэгит сыхжанда, йылжысы, корогон эргэһенэ куйып, тэрэн йокога киткэйне* (А. Таһиров) 'Когда Сагит вышел во двор, коневод уже спал, положив рядом с собой свой аркан'; *Айбулат бөгөн да, Рэхимэ менэн һуз корэштереузең кэрэһең икэнен уйлап, өйзэн сығып китергэ уйларайны* (Н. Дәүләтшина) 'Айбулат, хорошо знавший бесполезность спора с Рахимой, решил выйти из дома'; *Айсувак килеп еткәндә, больница тирәһендә йән эсәре калмагайны* (Т. Килмохәмәтов) 'Когда Айсувак приехал в больницу, там уже не было ни одной живой души'; *Заһит ревкомдан сык жанда, буран көндөзгөгө караганда ла көсәйгәйне* (Я. Хамматов) 'Когда Загит вышел из ревкома, уже шел сильный буран'.

Предпрошедшее неопределенное время (форма на *-ган булган-*)

Предпрошедшее неопределенное время представлена аналитической спрягаемой формой на *-ган/-гән булган-*:

1 л. <i>алган булган</i> мын 'я уже (оказывается) взял'	<i>алган булган</i> быз 'мы уже (оказывается) взяли'
2 л. <i>алган булган</i> ның 'ты уже (оказывается) взял'	<i>алган булган</i> ныңыз 'вы уже (оказывается) взяли'
3 л. <i>алган булган</i> 'он уже (оказывается) взял'	<i>алган булган</i> дар 'они уже (оказывается) взяли'

Предпрошедшее неопределенное время выражает неочевидное однократное действие в прошлом, которое произошло раньше другого действия. Говорящий не знает, произошло событие в прошлом или оно не произошло, ему становится известно об этом только из косвенных источников информации. Эта форма времени, как относительное время, очень часто употребляется в сложноподчиненном предложении. Предпрошедшее неопределенное выполняет функцию сказуемого в главном предложении. Примеры: *Емеш тәр ойгә кайтып илгәндә, эңер төшөп, киске аш вакыты еткән булган* (З. Бишшева) 'Когда Емеш и ее подруги пришли домой, уже наступил вечер, пора было ужинать'; *Фәтхи һалдат Зөлхизәнең ботә йырын да белгән булган* (С. Агин) 'Солдат Фатхи знал все песни Зулхизы'.

Для выражения действия, которое систематически повторялось в прошлом, в современном башкирском языке употребляется аналитическая форма на *-ган була*. Здесь вспомогательный глагол *бул-* в отличие от временной формы на *-ган булган* употребляется в форме настоящего времени: *алган була*. Сравните: *Атайым кайтыуға төшкө аш беһкән булган* 'Когда отец пришел домой, обед был уже готов' (действие однократное) и *Атайым кайтыуға төшкө аш беһкән була* 'К приходу отца обед всегда бывает готовым' (действие многократное).

Формы давнопрошедшего определенного времени

Давнопрошедшее определенное время представлено тремя аналитическими формами, из которых самой употребительной является спрягаемая сложная форма на *-а/-ә, -й торғайны-*.

Е д. ч и с л о

- 1 л. *ала торғайным* 'я брал в то время (давно)'
 2 л. *ала торғайның* 'ты брал в то время (давно)'
 3 л. *ала торғайны* 'он брал в то время (давно)'
 1 л. *килә торғайным* 'я приходил тогда (давно)'
 2 л. *килә торғайның* 'ты приходил тогда (давно)'
 3 л. *килә торғайны* 'он приходил тогда (давно)'

М н. ч и с л о

- 1 л. *ала торғайнык* 'мы брали в то время (давно)'
 2 л. *ала торғайнығыз* 'вы брали в то время (давно)'
 3 л. *ала торғайнылар* 'они брали в то время (давно)'
 1 л. *килә торғайнык* 'мы приходили тогда (давно)'
 2 л. *килә торғайнығыз* 'вы приходили тогда (давно)'
 3 л. *килә торғайнылар* 'они приходили тогда (давно)'

Основное грамматическое значение этой формы давнопрошедшего определенного времени заключается в том, что она выражает в виде воспоминания действия, систематически повторявшиеся в прошлом. В отличие от прошедшего неопределенного времени эта форма обозначает действие, которое произошло в сравнительно далеком прошлом, но на глазах говорящего: *Йландә, . . . арбаға салқан тошоһ ятып, һауала аҗкан болоттарҙы сәғәттәр буйына күзәтә торғайным* (Б. Бикбай) 'Бывало, в поле, лежа на спине, я часами наблюдал за облаками'; *Халык ул сакта иртәнән кара кискә, кәрәк икән тәнән дә алһыз-ялһыз эшләй торғайны* (Ә. Вахитов) 'В то время народ неустанно работал с раннего утра до поздней ночи, если надо и ночью трудился'; *Заманында кар күзе асылыр-асылмастан туп һуғырға ялан аяк сығып югерә торғайнык* (Р. Нигмәти) 'В свое время мы с зари (букв.: когда снег еще не успел раскрыть свои глаза), босиком выходили играть в мяч'; *Күрше сабынсылар за кәбәндәрен күтәргәк, ослуу эшендә ярзамға мине сакыра торғайнылар* (Б. Бикбай) 'Соседи, работающие на сенокосе, приглашали меня, чтобы помочь им складывать стог'.

Вторая форма давнопрошедшего определенного времени образуется из причастия будущего времени на *-ыр/-ер, -ор/-өр, -р* и вспомогательного глагола *ине*: *алыр ине* 'он, бывало, брал', *килер ине* 'он, бывало, приходил'.

Данная форма давнопрошедшего определенного времени указывает на очень давние события, поэтому может употребляться только в 3 м лице, так как действия, выраженные формами времени в 1-м и 2-м лице, являются относительно близкими к моменту речи. Когда рассказчик (очевидец) рассказывает о чьей-либо жизни, о главных чертах характера человека, о его делах, с подчеркнутым уважением вспоминает о нем, то пользуется данной формой давнопрошедшего определенного времени, которая особенно активно употребляется в современной повествовательной прозе, а также в произведениях устного народного творчества: *Олатайым, етмеш йәштә булыуына карамастан, таң һарыһы менән торор ине, кистән калған мурзаларын карарға китер ине* (Б. Бикбай) 'Мой дедушка, несмотря на свои семьдесят лет вставал очень рано и уходил осматривать свои снасти'; *Ул, ашлыктар бешкәк, баһыузан кайтып килмәк ине* (Ш. Янбаев) 'Он, во время уборки урожая, вообще домой не приходил'; *Кешеләр менән тауышып күтәрмәй генә һөйләшер ине, уларҙың йомошон йомошларға тырышыр ине* (Н. Мусин) 'Он с людьми разговаривал очень спокойно, вежливо, старался выполнить их просьбы'.

Давнопрошедшее определенное время, помимо описанных двух форм, выражается следующими аналитическими формами: 1) формой на *-а/-ә, -й* торған булды: *ала торған булды* 'он, бывало, брал'; *килә торған булды* 'он, бывало, приходил', 2) формой на *-(ы)р* булды: *алыр булды* 'он, бывало, постоянно брал', 3) формой на *-а/-ә, -й* торған булған: *ала торған булған* 'он, оказывается, постоянно брал', 4) формой на *-(ы)р* (с названными вариантами) булған: *алыр булған* 'он, оказывается, постоянно брал'.

В отличие от формы на *-ыр/-ер ине*, все эти формы имеют полную парадигму спряжения:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>ала торған булдым</i> 'я, бывало, брал'	<i>ала торған булдык</i> 'мы, бывало, брали'
2 л. <i>ала торған булдың</i> 'ты, бывало, брал'	<i>ала торған булдығыз</i> 'вы, бывало, брали'
3 л. <i>ала торған булды</i> 'он, бывало, брал'	<i>ала торған булдылар</i> 'они, бывало, брали'

Данная форма прошедшего определенного времени обозначает действия, систематически повторявшиеся в сравнительно далеком прошлом. В отличие от форм типа *алыр ине* эта форма не передает подчеркнутого, особо уважительного отношения к тому лицу, о котором идет речь в предложении. Значение повторяемости действия в прошлом предстает в данном случае как типичное явление: *Һуңғы вақытта Закир ағайзың әсже безгә килеп кайғы-хәсрәттәрзе уртаклашып китә торған булды* (М. Гафури) 'В последнее время мать Закир агая часто (обычно) приходила к нам и выражала сочувствие нашему горю'; *Ул Хаматтың үзен күреү генә түгел, тауышын ишетһә лә қаушап кала торған булды* (З. Бишева) 'Она обычно терялась не только когда видела Хаммата, но и когда слышала его голос'.

Параллельно с формой на *-а/-ә, -й торған булды* для передачи давнопрошедших очевидных действий употребляется также форма на *-ыр/-ер булды*, которая функционально абсолютно тождественна первой. Обе формы имеют совершенно идентичное значение. Они одинаково образуют отрицательную форму: *ала торған булды — алмаҫ булды, алыр булды, — алмаҫ булды*. Примеры: *Атайым Рауилде, өйрәнһен, күнһен тип, кырза йөрөгәндә лә үзе менән алып сығыр булды* (К. Кийәбулатова) 'Отец мой обычно брал с собой в поле и Равиля, чтобы тот учился у него и приучался к делу'; *Шул замандан бирле Носрай карт ошо кәсебенән айырылмаҫ булды* (Н. Мусин) 'С этого времени старик не расставался со своей профессией'.

Давнопрошедшее неопределенное время

Давнопрошедшее неопределенное время представлено двумя аналитическими формами: 1) формой на *-(ы)р* (с фонстическими вариантами) *булған*: *алыр булған, барыр булған*; 2) формой на *-а/-ә, -й торған булған*: *ала торған булған* 'брал', *бара торған булған* 'ходил'.

Основным грамматическим значением обеих форм давнопрошедшего неопределенного времени является обозначение действия, которое неоднократно происходило в очень давние времена и свидетелем которого говорящий не был: *Салауат батыр, үзенә ғәскәрҙәрен һуғышка саҡырган сақта, ошо борғоно кыҫкырта торған булған* (З. Бишева) 'Салават батыр, когда звал свое войско на войну, играл на этом горне'; *Элегерәк ялан як казактары мал-тыуарҙары менән Урал буйҙарына йәйләүгә килер булғандар* (Ф. Алляров) 'В очень давние времена степные казахи со своим скотом обычно выезжали на Урал на летовку'.

По характеру временные формы подразделяются на абсолютные и относительные (релятивные).

В современном башкирском языке в определенном контексте и в определенных синтаксических конструкциях все абсолютные времена могут иметь относительное значение, но не все временные формы могут употребляться в абсолютном плане. Некоторые формы времени употребляются только как относительные, в частности: 1) прошедшее незаконченное на *-а ине-*, 2) предпрошедшее определенное на *-ғайны*, 3) предпрошедшее неопределенное на *-ған булған-*.

Настоящее время

Форма настоящего времени в башкирском языке образуется при помощи присоединения к лексической основе глагола афф. -й (после основы на гласный), -а/-э (после основы на согласный) и последующих аффиксов лица.

Положительная форма

С гласным в конце основы

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>уҡыйым</i> (-мын) 'читаю' <i>эшләйем</i> (-мен) 'работаю'	<i>уҡыйбыз</i> 'читаем' <i>эшләйбез</i> 'работаем'
2 л. <i>уҡыйһың</i> 'читаешь' <i>эшләйһең</i> 'работаешь'	<i>уҡыйһығыҙ</i> 'читаете' <i>эшләйһегеҙ</i> 'работаете'
3 л. <i>уҡый</i> 'читает' <i>эшләй</i> 'работает'	<i>уҡыйҙар</i> 'читают' <i>эшләйҙәр</i> 'работают'

С согласными в конце основы

1 л. <i>алам</i> (-мын) 'беру' <i>киләм</i> (-мен) 'иду'	1 л. <i>алабыз</i> 'берем' <i>киләбез</i> 'идем'
2 л. <i>алаһың</i> 'берешь' <i>киләһең</i> 'идешь'	2 л. <i>алаһығыҙ</i> 'берете' <i>киләһегеҙ</i> 'идете'
3 л. <i>ала</i> 'берет' <i>килә</i> 'идет'	3 л. <i>алалар</i> 'берут' <i>киләләр</i> 'идут'

Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>уҡымайым</i> 'не читаю' <i>эшләмәйем</i> 'не работаю' <i>аламайым</i> 'не беру' <i>киләмәйем</i> 'не иду'	<i>уҡымайбыз</i> 'не читаем' <i>эшләмәйбез</i> 'не работаем' <i>аламайбыз</i> 'не берем' <i>киләмәйбез</i> 'не идем'
2 л. <i>уҡымайһың</i> 'не читаешь' <i>эшләмәйһең</i> 'не работаешь' <i>аламайһың</i> 'не берешь' <i>киләмәйһең</i> 'не идешь'	<i>уҡымайһығыҙ</i> 'не читаете' <i>эшләмәйһегеҙ</i> 'не работаете' <i>аламайһығыҙ</i> 'не берете' <i>киләмәйһегеҙ</i> 'не идете'
3 л. <i>уҡымай</i> 'не читает' <i>эшләмәй</i> 'не работает' <i>аламай</i> 'не берет' <i>киләмәй</i> 'не идет'	<i>уҡымайҙар</i> 'не читают' <i>эшләмәйҙәр</i> 'не работают' <i>аламайҙар</i> 'не берут' <i>киләмәйҙәр</i> 'не идут'

Наиболее употребительной формой в 1-м лице является вариант типа *уҡыйым*, *язам*, вариант же типа *уҡыймын*, *язамын* в современном башкирском языке употребляется реже, и преимущественно в поэтических произведениях: *Кайза барма, һинең күгеңдәге Йондоҙҙарҙы жүрәм, табамын. Мин ғүмергә ҡапҡа асыусы малай һәм шул малай булып каламын* (Н. Пәжми) 'Где бы я ни был, всюду вижу Те звезды, что и пад тобою'; *Китәм, һылыу, китәмен, Үз илемә етәмен, Аты юкка ат булып, Батырға ҡоршап булып, Шунда ғүмер итәмен* (фольк.) 'Уезжаю, сестра, уезжаю, На свою родину уезжаю, Стану товарищем батыру, Сотрапезником тому, у кого нет коня, Буду жить на родине'.

Настоящее время в современном башкирском языке имеет широкий круг значений.

1. Форма настоящего времени обозначает действие, совпадающее с моментом высказывания¹⁹. В зависимости от лексического значения глаголь-

¹⁹ Это значение в лингвистической литературе часто квалифицируется как «актуальное настоящее». В башкирском языке данное значение передается полуграмматикализированной апалитической конструкцией, образованной сочетанием деспричастной формы и одного из вспомогательных глаголов — *ултыр-*, *йөрө-*, *тор-*, *ят-*, *кил-*, *бар-*,

ной основы продолжительность действия может быть предельно краткой или неопределенно длительной. Иначе говоря, настоящее время может включить часть будущего и прошедшего времени, т. е. момент высказывания может совпадать с протеканием действия только в одной точке: *Ауылымдың туғайзары аша Алыстарзан кайтып килэмен. Шишмэлэрзэн ятып һыузар эсэм һәм зйелеп өзәм еләген* (М. Кәрим) 'Возвращаюсь в родной аул издалека, По долинам родным иду, Пью воду из родников И землянику, нагнувшись, рву'; *Был йәһәттән колхоз агрономы Ө. Басыров зур оғталык һәм таһылык күрһәтә* (СБ) 'В этом деле большой сноровкой и умением отличается колхозный агроном'.

Значение актуального или конкретного настоящего времени может выражаться лексически. В этом случае конкретность действия подтверждается наличием в предложении слов со значением настоящего времени типа *хәзер, бөгөн, әле*: *Бөгөн беззек бәтә уйыбыз партияның буласаҡ съезына барып бәйләтә* («Ағизел») 'Все наши мысли сегодня связаны с предстоящим съездом партии'; *Әле калабызға капитал төзөлөштөң киң программаһы ғәмәлгә ашырыла* (СБ) 'Сейчас в нашем городе осуществляется широкая программа капитального строительства'; *Хәзер илдең экономик үсешенең һан күрһәткестәре менән бер рәттән беренсе планға уның сифат күрһәткестәре лә жуйыла* («Ленинсе») 'В экономическом развитии страны наряду с количественными показателями теперь на первый план выдвигаются и качественные показатели'.

2. **Формы настоящего времени** выражают действия, которые происходят всегда и являются обычно постоянными и повторяющимися. Эти значения особенно отчетливо выделяются, когда настоящее время употребляется для выражения постоянной характеристики лица или предмета: *Алыс юлга әйәрләйзәр Аттарзың иң ажишыһыл, зур йомошжа ебәрәләр Ирзәрзәң иң ажишыһын* (М. Кәрим) 'На дальнюю дорогу Принято седлать доброго коня, Важное поручение принято давать Самому лучшему мужчине'; *Катындары йорт хужалығын карарға калһалар, ирзәре аттарын егәләр зә төрлө ауылға изән буйарға, бизрә төпләргә һәм батмус бизәкләргә таралалар* (Х. Филәжев) 'Жены остаются дома, чтобы заняться хозяйством, а мужья запрягают коней и разъезжаются по деревням, чтобы лудить ведра, красить пол и разрисовывать подносы'.

Значение постоянности, вневременности событий особенно наглядно прослеживается в пословицах и поговорках, а также в сходных умозаключениях, представленных в произведениях публицистического и научного жанров. *Берәу туйып кикерә, берәу туңып һикерә* (посл.) 'Один прыгает от сытости, другой прыгает от холода'; *Күлдә камыш матурлай, ирзе намиҫ матурлай* (посл.) 'Озеро прекрасно камышом, мужчина честностью'.

В произведениях художественной литературы различных жанров, особенно в повествовательной прозе, форма настоящего времени активно используется в изобразительной функции для поэтического описания природы, явлений окружающей действительности: *Бына үзән буйлап әкрен генә кук томан һарыла. Офокта назланып, иркәләп кенә ал таң жағына. Елбәзәк ел сәскаләрзе һөйә, иркәләй, тыуасак таң юлына хушбуй бөркөп сыға. Гандугастар был аҗка ғына хас арыу дәрт менән урманды назлы йырга күмә* (З. Бишшева) 'Вот долина тихо застилается синим туманом. На горизонте ласково пробуждается заря. Легкий ветерок нежно ласкает цветы. Соловьи с особым задором поют, заполняя лес нежной песней'.

Форма настоящего времени нередко используется в функции прошедшего времени. Такое стилистическое употребление представляет действия и события, имевшие место в прошлом, как бы происходящими в момент высказывания. «Настоящее историческое» придает повествованию живость и образность. Это употребление имеет место в повествовательном стиле изложе-

например: *уҗып йөрөй* 'учится в данный момент', *уҗып ултыра*, *уҗып ята* 'учится в данное время', *китеп бара* 'идет в данный момент', *кайтып килә* 'возвращается в данный момент', *һойләп тора* 'рассказывает в данный момент'.

ния, в частности, в исторической прозе, в биографических описаниях, а также в языке сказок, фольклора, особенно, если план прошлого уже однозначно обозначен соответствующей формой прошедшего времени индикатива: *Халык шатлыгынан ни эшлэргә лә белмәй, тик саузагәрзәр менән обывателдәр генә, күззәрән-каштарын емереп, капкаларын бикләп йөрөйзәр. Урамдар буйлап йәйәулеләр, тунсылар, атлылар йырлап уталәр. Майзандарза митингеләр ойшторола, кешеләр үззәрә теләп кызылдарга язылып китәләр* (СБ) 'Народ от радости не знает что и делать, только купцы и обыватели закрывают свои ворота, по улицам идут с песнями, на площадях организуются митинги, люди добровольно записываются в Красную Армию'.

Обычно при этом употреблении в начале отрывка приводится одно или два предложения, где глагол имеет форму прошедшего времени, чтобы показать, что действие происходит в прошлом. Далее изложение ведется в формах настоящего времени.

В сказках для описания событий тоже очень часто употребляется форма настоящего времени: *Шунан һуң егет юлга сығып китә. Эй, бара был, эй бара, эт тә унан бер тотам калмай. Бара торғас, быллар эзәм аяк басмаған, коштар ғына осоп килә торған бер караңғы урманға килеп етәләр. Ул арала булмай, тон етә, койоп ямғыр яуа баиллай* 'После этого события джигит отправляется в путь. Идет он долго, очень долго. И собака ни на шаг не отстает от него. Потом, пройдя длинный путь, они подходят к лесу, где не ступала нога человека, сюда прилетали лишь птицы. Неожиданно наступает ночь, начинается сильный дождь'.

Форма настоящего времени может быть употреблена в значении будущего времени. Особенно часто употребляются в значении будущего времени глаголы движения. Они обозначают действия, которые с точки зрения говорящего могут быть осуществлены в ближайшем будущем: *Мин Мәскәүгә осам* 'Я лечу в Москву'; *Мин ауылға китәм* 'Я еду в деревню'. В таких предложениях обычно план будущего времени создают обстоятельства времени типа: *иртән* 'утром', *иртәгә* 'завтра', *иртәнсәк* 'завтра утром', *кисен* 'вечером', *тиззән* 'скоро', *төштән һуң* 'после обеда', *һуңынан*, *азак* 'после', *иртәнән һуң* 'послезавтра' и т. д.

Значение будущего времени форма настоящего времени выражает в главном предложении сложноподчиненного предложения, если придаточное предложение структурно организовано с помощью форм времени на *-ғас*. Например, значение будущего времени выражается при условии, если в роли сказуемого придаточного времени выступает деепричастие на *-ғас/-ғәс*, *-ғас/-кәс*: *Яз еткәс тә, яңы көстәр туплап, Уралға мин сығып китәм* (Б. Бикбай) 'С наступлением весны, собрав новое войско, уеду на Урал'.

Будущее время

В современном башкирском языке для выражения значения будущего времени используются две грамматические формы глагола изъявительного наклонения: будущее неопределенное и будущее определенное.

Будущее неопределенное время

Будущее неопределенное время образуется при помощи афф. *-ыр* (и его фонетических вариантов *-ер*, *-ор*, *-өр* — после согласных основ и *-р* — после гласных основ):

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>уҡырмын</i> 'буду читать'	<i>уҡырбыз</i> 'будем читать'
2 л. <i>уҡырһың</i> 'будешь читать'	<i>уҡырһығыз</i> 'будете читать'
3 л. <i>уҡыр</i> 'будет читать'	<i>уҡыр(зар)</i> 'будут читать'

Данный тип спряжения имеет преимущественное употребление в письменном литературном языке. В общепародном разговорном языке в ед. числе повсеместно употребляется усеченная форма, ср. 1 л. *уҡырмын* > *уҡырым*, 2 л. *уҡырһың* > *уҡырың*.

Отрицательные формы в 1-м лице также имеют ряд специфических особенностей спряжения в литературном и разговорном языке:

Литер. язык	Разгов. язык
Ед. ч.: 1 л. <i>бармам з</i>	<i>бармасмын, бармасым</i> 'не пойду'
Мн. ч.: 1 л. <i>бармабы</i>	<i>бармасбыз, бармасыбыз</i> 'не пойдём'

Грамматическим значением будущего неопределенного времени является обозначение неуверенного предположения говорящего о будущем действии. Действительно, в семантике будущего неопределенного времени преобладают модальные значения неопределенности, предположительности действий, а значение времени отодвигается на второй план, ибо сама форма будущего времени не указывает на конкретный момент будущего. Это и естественно, формы будущего времени в отличие от форм прошедшего и настоящего времени, обозначают события, которые еще не произошли и не происходят, поэтому в формах будущего времени темпоральное значение ослабевает, на первый план выступает модальное значение предположения.

В контексте это общее парадигматическое значение будущего неопределенного времени часто может быть нейтрализовано и тогда оно воспринимается читателем и слушателем как выражение уверенного предположения будущего действия. Не случайно, будущее неопределенное время весьма часто употребляется в различных жанрах литературного языка. Частотность употребления будущего неопределенного времени по сравнению с будущим определенным временем намного выше и в общенародном разговорном языке.

Неуверенность говорящего в совершении действия особенно отчетливо выражается в тех предложениях, где формы будущего неопределенного времени сочетаются с модальными словами, выражающими предположение, сомнение: *Исән булһак, бәлкәм, орашырбыз* (Ж. Кискбаев) 'Если будем живы, мы, возможно, встретимся'; *Мин, Гөйөндөктө күрһәм, ҡаушап ҡалырмын тәслә* (Б. Бикбай) 'Если увижу Суюндука, то, мне кажется, я разволнуюсь'; *Ҡарт кенәмдә әзәм көлкөһөнә ҡалырмын һымаҡ* (К. Даян) 'Мне кажется, что на старости лет я стану посмешищем'. Особый интонационный строй речи и контекст придают высказыванию оттенок уверенного предположения говорящего лица: *Айсыуағым минең йөрәгемдә тамыр йәйгән, уны һис кем, һис ваҡытта йөлкөп ала алмаҫ* (К. Даян) 'Айсуак — в моем сердце, никто никогда не сможет вырвать его из моего сердца'; *Былай бик шашына башлаһалар, күрһәтермен әле мин уларға* (Б. Бикбай) 'Если они так будут беситься, тогда я им покажу'; *Ҡараңғынан яқтыға сыкканбыз икән, түбәнгә таш яуһа ла кирегә боролоу булмаҫ* (З. Бишпева) 'Раз мы из темноты вышли на свет, пусть камень упадет с неба, к старому не возвратимся'.

Будущее определенное время

Будущее определенное время образуется путем присоединения к основе глагола афф. *-асаҫ/-әсәж* (после согласных), *-ясак/-йәсәж* (после гласных): *аласаҫ* 'он обязательно возьмет', *киләсәж* 'он обязательно придет', *укыласак* 'он обязательно прочитает', *йәшәйәсәж* 'он обязательно будет жить'. Отрицательные формы образуются при помощи афф. *-ма/-мә*: *аласаҫ — алмаясак, киләсәж — килмәйәсәж*. Параллельно с чисто глагольной формой отрицания одинаково активно употребляется и именная аналитическая форма отрицания, которая образуется путем сочетания формы будущего времени и спрягаемого модального слова түгел: *Мин аласаҫ түгелмен* 'Я не возьму (ни за что)'

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>аласаҫмын</i> 'возьму (обязательно)'	<i>аласаҫбыз</i> 'возьмем (обязательно)'

ный приказ или требование: *Бир һил улы* (Б. Бикбай) 'Дай ты это'; *Ярар шаярма, агай, Бир хатты!* (Б. Бикбай) 'Мадно, не шути, дядя, отдай письмо'; *Йокла, балакайым, йокла* (Ф. Әмири) 'Спи, дитя мое, спи'. Побуждение, сопровождаемое доводами, приобретает обычно значение совета или уговаривания: *Балам, китмә, китергә ярамай* (М. Фафури) 'Дитя мое, не уходи, нельзя уходить'; *Хәмизә сңгә, һин сабыр ит, Җәлимгә бер һүз әйтмә, ул гонаһһың* (М. Фафури) 'Тетья Хамида, прояви терпение, не говори Галиме ничего, она невинна'.

Глаголы, выражающие действие, исполнителем которого не может быть субъект-подлежащее, в частности глаголы чувственного восприятия и т. п., не совместимы с собственно императивом, при них формы повелительного наклонения, как правило, выражают совет в виде пожелания: *һау буһа, кайтыр әле. Кайғырма* (С. Мифтахов) 'Если он жив-здоров, вернется. Не горюй'; *Ултыр, кызым, тартынма* (И. Абдуллин) 'Садись, доченька, не стесняйся'.

В предложении, содержащем умозаключение в отношении обобщенного лица, повелительное наклонение приобретает назидательный смысл: *Юрганыңа карап аягыңды һон* (посл.) 'Протягивай ноги по размеру одеяла'; *Кеше ышанмаң һүзгә ысын буһа ла һөйләмә* (посл.) 'То, чему нельзя верить, не говори, если даже это правда'; *Тиләнән һорама, үзе әйтер* (посл.) 'Дурака не спрашивай, сам скажет'; *Аузың кыйык буһа, козгогә үпкәләмә* (посл.) 'Если рот крив, не пеняй на зеркало'.

Часто характер побуждения улавливается по общему контексту, отражающему речевую ситуацию: *Таралығыз хәзер үк урындарығызга!* (М. Фафури) 'Расходитесь сейчас же по местам!'; *Тере көйө алығыз!* 'Захватите живым!'; *Белмәһәгез, белегез: Әлтәф карт катыны менән богон күрше ауылға жунакка киткән* (Ф. Хәйри) 'Если еще не знаете, знайте: старик Альтаф сегодня со своей старухой отправился в гости в соседнюю деревню'; *Минең адресте алығыз, үлһәм минең семьяға хат язығыз* (Д. Юлтый) 'Запишите мой адрес, если погибну, сообщите моей семье'; *Олатайзар, агай-узамандар . . . Ат алығыз, корал тогоғоз. Безге яуға сакыра Салауат* (Б. Бикбай) 'Деды, братья, товарищи. . . На коней, за оружие. Нас зовет Салават к восстанию'. В первых двух примерах выражен приказ, в третьем — увещевание, в четвертом — просьба, в пятом — призыв.

Характер побуждения может быть уточнен также и некоторыми специализированными средствами формального выражения. Среди них самым распространенным является осложнение формы повелительного наклонения модальными частицами (-)сы/(-)се, (-)со/(-)со и (-)әле, представляющими побуждение в виде просьбы-призыва: *Ятып йоклагызсы, балалар, иртән бит байрам тугел* (Н. Доүләтшина) 'Ложитесь-ка спать, дети. Завтра же не праздник'; *Көлмә әле, йәнемде көйзөрөп* (Б. Бикбай) 'Пожалуйста, не смейся, причиняя мне боль'; *Уйна әле бер еңел генә көйзө* (С. Агиш) 'Сыграй-ка какую-нибудь веселенькую песню'. Эти частицы могут быть представлены также и одновременно как стилистический прием усиления: *Айһылыуым, әйтсәле* (фольк.) 'Айсылу моя, скажи-ка'; *Куйсәле, бисәкәй, юк өсөн кайғырма* (Б. Бикбай) 'Оставь-ка, женушка. Не волнуйся из-за пустяков'. Частица *әле* в том же значении широко употребляется также и в сочетании с формой 3-го лица повелительного наклонения, тогда как частица *-сы* здесь обычно не допускается.

Убедительная просьба-побуждение в виде увещевания передается самостоятельной аналитической формой *-а/-й күр* (ед. ч.) и *-а/-й күрегез* (мн. ч.), в том же значении образуемой также и от формы повелительного наклонения 3-го лица: *Ундай-бындай хәбәр буһа, безгә белдерә күр* (А. Таһиров) 'Дай знать, пожалуйста, если поступит какое-либо сообщение'; *Сәлмән күз-колак булыбырак, ярзам итештереберәк йөрөй күрһен инде* (К. Мәргән) 'Пусть Сальман присматривает, помогает время от времени'. В отрицательном аспекте эта форма выражает предостережение: *Зинһар тием, сыға күрмә* (М. Фафури) 'Ради бога прошу, не выходи'; *Әй, улыжайым, улы-*

кайым! Хазер китербез, тик хин бер үзең урамга сыга курмэ (Ө. Вали) 'О, сынок мой, сынок! сейчас уйдем. Но, ты не выходи на улицу один'.

Увещевание как совет воспользоваться данным случаем выражается аналитической формой на *-п кал* (ед. ч.) и *-п калыгыз* (мн. ч.), одинаково широко образуемой в том же значении и от формы 3-го лица повелительного наклонения: *Картайгастын үкөнерһең, Тинтереп кал йәшлектә* (фолькл.) 'Когда состаришься, пожалеешь, поэтому пользуйся возможностью погулять в молодости'.

Строгое повеление-запрет, исключаящуюся всякую возможность возражения со стороны адресата — 2-го лица, выражается специальной аналитической формой на *-һы/-һе булма* (ед. ч.), *-һы/-һе булмагыз* (мн. ч.): *Минең йортома кайтын иһәһе булма!* (М. Фафури) 'Не вздумай возвращаться в мой дом!'; *Ишетһеңме, кыззы үсекләйһе булма!* (Ө. Бикчәнтәев) 'Слышишь, не вздумай дразнить девочку!'; *Якшылап һорайым, кызга тейһе булма!* (Ө. Бикчәнтәев) 'Прошу по-хорошему, не вздумай трогать девочку!'; *Йылғаға иһәһе булмагыз!* (Ө. Бикчәнтәев) 'Ни в коем случае не лезьте в реку!'. Менее распространен вариант этой формы на *-а/-й торған булма*: *Бынан һуң ундай эш тураһында ауызыңды аса торған булма!* (А. Таһиров) 'Отныне не вздумай говорить о таких вещах!'; *Иллә мэгәр, бынан һуң минең алда Гөлнәфисә килеңгә һүз тейгезһе булма!* (К. Мәргән) 'Но отныне не вздумай при мне обижать сноху Гульнафису.'

Побуждение в виде безадресного приказа нередко выражается в применении ко 2-му лицу в форме настоящего времени изъявительного наклонения в виде стилистического приема: *Колой ағай, хин яланга с ы к м а й һ ы ң, хинең бригада барһы ла бында ж а л а* (С. Мифтахов) 'Дядя Кулай, ты не пойдешь в поле, Твоя бригада вся о с т а е т с я здесь'; *Тезелегез, хазер фатирзәргә б а р а б ы з!* — *тигән команда булды* (Д. Юлтый) 'Прозвучала команда: Смирно! Строиться! Сейчас о т п р а в и м с я по квартирам!'

Строгий приказ в адрес обобщенного 2-го лица регулярно выражается формой целевого инфинитива на *-(ы)рға/-(е)ргә*: *Батальон, дежурный һейләй: беренсе рота, тыңлайһыңмы? Батальонды тревога менән кузғатырға!* (Ғ. Әмири) 'Батальон, говорит дежурный: первая рота, слушаешь? Поднять батальон тревогой!'; *Сәскәләрҙе өзмәскә!* (Ө. Вали) 'Цветы не рвать!' При отсутствии императивной интонации эта форма в письменном литературном языке широко применяется для выражения приказа в заголовках газетных статей: *Комбайндар ремонтлауың темпын һәм сифатын күтәрергә* 'Повысить темп и качество ремонта комбайнов'.

Форма 3-го лица образуется с помощью афф. *-һын/-һен* (ед. ч.) и *-һын-дар/-һен дәр* (мн. ч.). Она во многом отличается по значению от формы 2-го лица и соответственно не во всем совпадает с ней по сфере своего употребления. В этом случае действие должно быть осуществлено по волеизъявлению говорящего 3-м лицом через посредство 2-го лица, которому как бы поручается передать ему распоряжение, повеление или категорическую просьбу от 1-го лица: *Улай булғас мәктәп директорына әйтегез. Ужыусыларҙы алып сикһын* (З. Хисмәтуллин) 'В таком случае передайте директору. Пусть выводит учеников'; *Хин дә была кызыңа әйтеп куй: минең улымды жараштыра йөрөһөн* (К. Мәргән) 'Ты тоже предупреди свою дочь: пусть присматривает время от времени за моим сыном'. Как бы ни был категоричен тон говорящего, ввиду отсутствия лица-исполнителя действия, требуемого говорящим, эта форма сугубо императивного значения не имеет. В зависимости от контекста она нередко обозначает разрешение, допущение: *Ғаяз әфәнде «Зөләйхән» килгән сборың бөтәһен дә ала икән, ала бирһен* (А. Таһиров) 'Если господин Гаяз присваивает себе весь сбор от «Зулейхи», пусть продолжает присваивать'; *Кем кейһә лә кейһен бирсәткәнде* (С. Кудаш) 'Пусть кто-угодно оденет мои перчатки'. Но чаще всего данная форма в глаголах действия обозначает опосредствованное распоряжение, требование. Благодаря контексту она здесь может выражать повеление в адрес 2-го лица: *Улай икәүләп һөйләмәгез, арағызған берегез генә һөйләһен* (М. Фафури) 'Да не говорите вы оба,

пусть расскажет один из вас'; *Кемдәр шаһит булһа. . . шулар алғараҡ сыжһындар* (М. Гафури) 'Пусть те, кто является свидетелями, выйдут чуть вперед'; *Байҙар килгәндә кулдарығыҙ эштә булһын* (М. Гафури) 'Когда подойдут богачи, будьте за работой'.

В пословицах с назидательным содержанием форма 3-го лица повелительного наклонения выражает увещевание и совет в адрес обобщенного лица: *Яман менән дуҫ булһаң, бысағың яныңда булһын* (погов.) 'Если подружишься с плохим (человеком), имей при себе позж'.

В применении к глаголам состояния форма 3-го лица повелительного наклонения выражает обычно пожелание, в том числе и зложелания: *Йәшәһен, дуҫтар, тыныслыҡ, Ҡупмаһын канлы дауыл* (Ф. Әмири) 'Да здравствует, друзья, мир. Пусть не разразится кровавая буря'; *Йәҙе ҡара булһын. Бәддоға һуҡһын* (М. Гафури) 'Пусть опозорится, Пусть будет проклят'. В зависимости от контекста пожелание тесно переплетается с уверенным предположением: *Тужта әле. Һөйләшербез әле. Өҙерәк кәйеф килһен* (Д. Юлтый) 'Подождь-ка. Поговорим еще. Пусть немного поднимется настроение'.

Форма повелительного наклонения от глаголов состояния чаще всего организует восклицательное предложение, тогда как при глаголах действия обычно является конституирующим элементом побудительных предложений: *Улай булһа ярай, башкаса булмаһын* (Ф. Әмири) 'Ладно, если так, пусть не будет иначе!'; *Инде хәҙер ҙә отмаһам, мине ер йотһон!* (Ә. Бикчәнтәев) 'Если и сейчас не выиграю, провалиться мне сквозь землю!'

В отдельных случаях форма повелительного наклонения претерпела лексикализацию: *Жуйсы, жуйсы! һиңә әйтһәң дә бер, әйтмәһәң дә бер* (Г. Дәүләтшина) 'О ст а в ь, о с т а в ы! Нет смысла тебе предупреждать'; *Т о р о п т о р, мин һөйләп бөтөрмәнем* (Б. Бикбай) 'П о д о ж д и, я еще не кончил говорить'; *Ҡ а р а с ы, бөтөнләй йәшәрәп, матурланһын киткән бит кайнағам, тфу-тфу, жүз теймәһен* (Б. Бикбай) 'С м о т р и - к а, совсем помолодел и похорошел старший брат моей жены, тфу-тфу, как бы не сглазить'.

Многие формы повелительного наклонения стали неотъемлемыми компонентами синтаксических фразеологизмов: *Шайтан белһен инде. Бә-лә!* (Б. Бикбай) 'Чорт его знает! Бе-да!'; *Ҡара һин уны, һалҡын алдырғандыр* (Б. Бикбай) 'Да что ты говоришь, видимо, простудился'; *Тыңлайым һеҙҙе. Рәхим итегеҙ, ағай кеһе* (Ә. Воли) 'Слушаю вас. Пожалуйста, уважаемый дядя'; *Жуй әле, Шәүәли!* (Б. Бикбай) 'Брось, Шавали!'

В уступительном предложении форма повелительного наклонения 3-го лица, теряя свое значение, выражает уступку: *Күпме генә замандар узмаһын, империализмдең асылы тәбиғәте шул килеш ҡалды* (Ф. Әмири) 'Сколько бы времени ни прошло, сущность, природа империализма осталась прежней.'

Отрицательная форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, осложненная замыкающим ее аффиксом *-й* и служебным глаголом *ҡалма* с отрицательным аффиксом, выражает, лишаясь отрицательного значения, убедительную просьбу как необходимость: *килмәй ҡалма, кил, иркәм* (из песни) 'Обязательно приходи, приходи, милая'.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ПАКЛОЕНИЕ

Желание совершить действие, представленное глагольной основой, в башкирском языке однозначно и регулярно выражается спрягаемой аналитической формой глагола на *-ғы/-ге, -һы/-һе кил*, которая сочетается с формой изъявительного и условного наклонений и поэтому не может быть квалифицирована как самостоятельное наклонение, хотя и выражает модальность, в языках иных семей рассматриваемую именно как желательное наклонение или оптатив.

В сферу желательного наклонения в башкирском языке входят структурно и семантически разнородные формы, связанные с выражением опре-

деленной разновидности опатива и противопоставленные остальным накло-
нениям.

Среди них широко распространенная в тюркских языках форма 1-го лица на *-ай/-эй*, которая в применении к ед. числу (с афф. лица -м) выражает побуждение-решение совершить данное действие (1), а в применении к мн. числу (с афф. лица *-ык/-ек*) — призыв совместно совершить действие, выра-
женное глаголом (2): 1) *Бир эле, тагы бер карайым* (О. Бикчентэев) 'Дай-ка, посмотрю еще раз'; *Мин hine шуның менэн таныштырайым* (Т. Йөнәби) 'Дай-ка я тебя познакомлю с ней'; 2) *Ултырыгыз, — тине комиссар йылмайып, — һойләшэйек* (Ф. Әмири) 'Садитесь, — сказал комиссар, улыбаясь, — давайте поговорим'; *Бәтәбез зә бер һүззә булайык* (Ә. Бикчентэев) 'Давайте будем последовательно единодушны'.

В зависимости от контекста форма ед. числа иногда выражает пожелание с оттенком намерения: *Кайгылы минуттарымда hineң менэн булайым* (из песни) 'Да буду я с тобою в грустные минуты'; *Ялан еркәйзәрзә, әй, туй-зырзы, үз Уралкайыма кайтайым* (из песни) 'Степь мне опостылела, вернуться бы мне на свой Урал'.

Форма мн. числа в целях актуализации значения призыва выполнить волеизъявление-желание говорящего сочетается с модальными частицами *ме, әйзә, әйзәгез* 'давайте': *Әйзә инәйек эле* (А. Таһиров) 'Давайте-ка зайдем'; *Әйзәгез, улай булһа, папирос тартып ебәрәйек* (Д. Юлтый) 'Давайте, в таком случае, закурим'; *Әйзәгез, ултырайык!* (Ф. Әмири) 'Давайте сядем!'; *Кана, сәй эсеп алайык эле* (Г. Дәүләтшина) 'Давайте-ка поьем чаю'; *Давай без шул заманды котәп торайык. Тотайык та үзәбеззәң әйзә балалар баксаһына бирәйек* (Ә. Вәли) 'Давайте дождемся этого времени. Возьмем и отдадим в детский сад в нашем доме'. С формой ед. числа из этих частиц более или менее часто сочетается лишь *эле*: *Мин шулай за барайым эле* (Ә. Вәли) 'И все-таки, давайте-ка, я пойду'.

Форма мн. числа *әйтәйек* выступает в двух значениях: 1) в обычном: *Шуга карамастан, әйтәйек, тыңлагыз* (Ф. Әмири) 'Несмотря на это, я скажу, слушайте'; 2) как вводное лексикализованное слово в значении 'допустим, скажем'.

Желание говорящего в виде мечтания, часто несбыточного, передается широко употребительной безличной аналитической формой на *-һы/-һе ине*: *Калайтып йорорзәр ине икән бынаузар! Күрәһе ине* (Ф. Дәүләтшин) 'Что бы стали делать они (букв. эти люди)! Увидеть бы!'; *Шуларзың атта уйнау зарын күрәһе ине* (Ф. Әмири) 'Посмотреть бы, как они будут играть на конях!'. Это модальное значение очень часто выражается также с помощью самостоятельного употребления спрягаемой аналитической формы условного наклонения на *-һал/-һә ине*: *Ой, Сәлмән, белһәң ине!* (К. Мөргән) 'О, Сальман, знал бы ты!'. ■

Мечтание в виде благого пожелания обычно выражается аналитической формой на *-һын/-һен ине*: *Улар булһын ине, булһын ине* (Ф. Хәйри) 'Были бы они!'; *һеңлем Зәйнәкә арнап бер шиғыр язһы ине, ул уны бер ишетәүзә ятлап алырлык булһын ине* (С. Агини) 'Написать бы стихотворение, посвятив его сестренке Зайнап. Как бы хотелось, чтобы оно запомнилось ей сразу, как только она его услышит'.

В том же модальном значении широко используется сочетание целевого инфинитива на *-ырға/-ергә* с неспрягаемым вспомогательным глаголом *ине*, представляющее собой самостоятельную аналитическую форму: *Аз ғына йоклап алырға ине* (Д. Юлтый) 'Поспать бы хотя бы немного'; *Сәй кайна тып алырға ине* (Д. Юлтый) 'Скипятить бы чаю'; *Барырға ине, күрергә ине* Әфлисундың үскәннен (фольк.) 'Поехать бы, увидеть бы, как растут апельсины'.

В чисто опативном значении (потенциальная возможность осуществления реального желания-действия) широко используется в своем самостоятельном употреблении (т. е. вне сочетания с формой условного наклонения) аналитическая спрягаемая форма сослагательного наклонения на *-ыр/-ер*

ине: *Мин шуларзың бөтәһен дә ойрәнер инем* (Д. Юлтый) 'Я бы изучил все это'²⁰.

Частную разновидность желательного наклонения представляет безличная рудиментарная форма на *-жыры/-кере/-гыры/-гере*, выражающая обычно зложелание: *Ни һойләйһең, хозай һужжыры!* (С. Кудаш) 'Что ты говоришь, порази тебя бог!'; *Кулың корғоро!* 'Отсохни у тебя руки!'; *Кәһәр һужжыры!* 'Пропади ты пропадом!'; *Аузыңды корт сакжыры!* 'Ужаль тебя пчела в рот!'; *Ер йоткоро!* 'Провались ты!'; *Тамағыңа һойәк казалгыры!* 'Подавился ты костью!'.
'

У С Л О В Н О Е Н А К Л О Н Е Н И Е

Условное наклонение характеризует данное действие как условие, вызывающее другое действие как его следствие, т. е. условно-следственную связь между двумя действиями.

Оно представлено рядом спрягаемых форм, которые выступают лишь как зависимое сказуемое, предполагающее наличие подчиняющего сказуемого в определенной форме. Форма условного наклонения предопределяет тем самым структуру и значение всего предложения в целом, являясь его конституирующим элементом.

Наиболее употребительная форма условного наклонения образуется с помощью афф. *-һа/-һә*, 1-е лицо представлено афф. *-м* (ед. ч.) и *-к/-к* (мн. ч.), 2-е лицо — *-ң* (ед. ч.) и *-гыз/-гез* (мн. ч.), 3-е лицо — нулевой формой (ед. ч.) и афф. *-лар/-ләр* (мн. ч.).

Форма на *-һа/-һә* многозначна. В зависимости от формы последующего сказуемого и контекста она может иметь следующие основные значения.

1. В сочетании с последующей формой настоящего времени индикатива выражает условно-следственную связь между двумя действиями как закономерность, действующую вне определенного времени. Форма на *-һа* в этом значении чаще всего употребляется в афоризмах, пословицах, поговорках и т. п., содержащих обобщающее условное суждение, в том числе в формулах и теоремах: *Кем санаһына ултырһаң, шуның йырын йырлайһың* 'С кем поведешься, от того и наберешься' (букв. 'В чьи сани сядешь, тому и подпоешь'), *Ысын дуҫ алға киткән яқты күрһә, китә йөзә айзай асылып* (М. Гафури) 'Если настоящий друг заметит, что ты идешь вперед, то лицо его засияет как луна'; *Әгәр кушылыусыларзың ниндәй зә буһа берһенә бер нисә берәмекте килтереп кушһак, ә икенсе кушылыусынан шул тиклем үк берәмекте алһак, ул сакта сумма үзгәрешһез кала* 'Если увеличить какое-либо из слагаемых на несколько единиц, а у другого слагаемого отнять столько же единиц, то сумма не изменяется'.

В зависимости от контекста условно-следственная связь может быть представлена и в конкретном ее проявлении: *Мин югерһәм — ул да саба, акрынлаһам — ажрынлаһа* (З. Хисмәтуллин) 'Когда я бегу, скачет и он, когда замедляю шаг, он — тоже'.

Единичное проявление условно-следственных отношений регулярно выражает форма на *-һа* в том случае, если последующая форма настоящего времени изъявительного наклонения выступает в значении будущего времени: *Улар һуғыш баһлаһалар, билләһи, баһлап үзәм китәм* (М. Гафури) 'Если они начнут войну, клянусь богом, первым пойду сам'.

Когда последующая форма настоящего времени индикатива выступает в своем обычном значении (соотносит данное конкретное действие с моментом речи), то форма на *-һа*, образованная от глаголов типа *бар-* 'идти', 'ехать', *һара-* 'смотреть', вовсе лишается названного своего типичного значения и вы-

²⁰ Эта форма в самостоятельном употреблении в современном языке, особенно в его книжном стиле, выступает также и как стилистический вариант формы настоящего времени индикатива: *Мин һезгә иртәрәк килгәгә тәҗдид итер инем* 'Я бы предложил Вам приходить пораньше'.

ражает ограничительно-временную обусловленность двух действий: *Керһә, катыны һаман изән уртаһында баһып тора* (О. Бикчәнтәев) 'Когда он вошел, его жена все еще стояла посреди комнаты'; *Әйләнен караһалар, баһын аҫка эйеп жулына кейемдәрен тоткан Рифҡат тора* (Н. Котдосов) 'Когда они обернулись, увидели: стоит Рифкат, склонив голову и держа свою одежду в руках'; *Караһам, артымда безең мастер тора* (З. Хисмәтуллин) 'Оглядываюсь и что же вижу: позади меня стоит наш мастер'. В этом ограничительно-временном значении выступает форма на *-һа* также и в сочетании с последующей формой прошедшего времени на *-а ине*, выражающей незаконченное действие: *Уяһып китһәк, тәһрәлә коһи балкый, ә коһитан да һағырак әһейемдең йөзө балкый ине* (Н. Котдосов) 'Когда мы проснулись, в окно сияло солнце, но ярче солнца сияло лицо моей мамы'.

2. В сочетании с последующей формой будущего времени индикатива форма на *-һа* выражает условно-следственную связь между двумя конкретными действиями как реальное предположение: *Курһәң, үзәң дә ғаһиһк булырһың* (Г. Хәйри) 'Если увидишь, то сам влюбишься'; *Исән булһаң, бергә бергә йәшәрбәз әле* (Н. Котдосов) 'Если будем живы, проживем еще вместе'; *Бурысты шулайүтәһәк, яһшы булыр* (Н. Дәүләтшина) 'Если задачу выполним таким способом, то будет хорошо'; *Тукмаһаң, бары бер кешегә әйтәһәк* (Ф. Дәүләтшин) 'Если его и побьешь, все равно выдаст'; *Кеше килеп сыһна, эһ харал, бәтә планыбыз юкка сыһасаһк* (Ә. Бикчәнтәев) 'Если кто-нибудь появится, дело примет опасный оборот: пропадут все наши планы'.

Если последующая форма будущего времени на *-р* имеет вневременное значение, относящееся к обобщенному лицу, то форма на *-һа* характеризует условно-следственную связь между двумя обобщенными действиями как закономерность: *Өйрәк бирһәң, каз алырһың* (погов.) 'Если утку дашь, то гуся получишь'; *Ауызың беһһә, орен кабарһың* (погов.) 'Если обожжешь рот, то впрямь будешь дуть'.

3. В сочетании с последующей формой сослагательного наклонения форма на *-һа* выражает потенциально возможное в прошлом условие, при котором могло бы иметь место потенциальное следствие: *Әһәр ошондай һүззәр иһетәһәген алдан белһә, Сәһмән бында аһк та баһмаған булыр ине* (К. Мәргән) 'Если бы Сальман заранее знал, что услышит такие слова, он ни за что не явился бы сюда'. Если при этом нужно актуализировать форму на *-һа*, она может быть представлена на правах самостоятельного сказуемого: *һа-а-ай, уһың атаһы, мәрхүм Сәләймән аһай, иһән булһа! Хәһәр иһде ул беренсе класһы мастер иһеме алған булыр ине* (К. Мәргән) 'Ой-ой, если бы был жив его отец, покойный дядя Сулейман! Теперь бы он добился звания первоклассного мастера'.

4. В сочетании с формой прошедшего незаконченного времени на *-а ине*, употребленной в воспоминаниях, форма на *-һа* выражает повторяющееся условие, при котором закономерно и регулярно совершалось другое действие как следствие: *Салауат батыр ир ине; Менгән аһы кир ине. Яуырыһына уһ тейһә, Себен теһләй тир ине, Күкрәгенән кан сыһна, тирем сыһа тир ине, Тирем сыһа тир ине* (из кубaira «Салауат батыр») 'Салават батыр был мужчиной; Ездил верхом на мухортом коне, Если в плечо попадала стрела, говорил, что муха укусила. Если из груди его сочилась кровь, говорил, что это льется пот'.

5. В сочетании с последующей формой повелительного наклонения форма на *-һа* выражает предпосылку, при наличии которой следует выполнить желание говорящего: *Бик аһыһы булһаң, өйрәтеһ кара!* (О. Бикчәнтәев) 'Если ты очень умен, то попробуй научить'; *Әйтер һүзәң булһа әйт* 'Если есть что сказать, говори'; *Яһан менән дуһ булһаң, бысағың һыһыңда булһың* (посл.) 'Если станешь другом плохому человеку, имей при себе нож'; *Ауызың кыйһы булһа, көзгөгә үпкәләмә* (посл.) 'Если рот крив, не пеняй на зеркало'.

6. В зависимости от лексической сочетаемости двух глаголов и общего контекста форма на *-һа* довольно часто выполняет роль противительного сочинительного союза, лишаясь своего обычного значения: *Тәһигәт, яз килеү менән, төрлө буһаға, төрлө моһға бизәһә, Сәһибәлә сибәрләнде* (Г. Хәйри)

‘С наступлением весны природа расцветала и наряжалась, хорошела и Сахиба’; *Бер аягы ерзэ булһа, икенсеһе — гурзэ* (Ф. Хэйри) ‘Если он одной ногой стоял в могиле, то другой — на земле’.

7. Лишаясь своего обычного значения, форма на *-һа* широко употребительна также в составе различных синтаксических фразеологизмов: *Көлһаләр көлһөндәр* (З. Хисмәтуллин) ‘Пусть смеются’; *Әш шулай китһә, китә бит ул* (Ә. Вәли) ‘Если работа спорится, то она и дальше пойдет хорошо’; *Юк, кеше үзгәрмәһә, үзгәрмәй икән* (З. Хисмәтуллин) ‘Удивительно, как это не изменяется человек’; *Булһа булыр, Камали менән иңнәшһең тороп булмаҫ* (Ф. Хэйри) ‘Пусть так, но с Камали здороваться не стану’; *Томаланған күззәре менән иренә караны, ләкин улы таныманы булһа кәрәк* (Ф. Әмири) ‘Туманными глазами она посмотрела на своего мужа, но, кажется, не узнала его’; *Сигенеү зә кемдең дә булһа жушыуы буйынса эшләп икән* (Ә. Бикчәнтаев) ‘Отступление, оказывается, тоже происходит по чьему-то указанию’; *Әле лә булһа килмәне* ‘Не явился до сих пор’; *Мин барманым, ни өсөн тикһәң, вақытым булманы* ‘Я не ходил, потому что у меня не было времени’.

Как видно из примеров, форма на *-һа* в своем значении оформляет не только условный период (см. шп. 4, 6 и др.). В каком-нибудь одном из своих типичных значений она выступает, кроме условного периода, в составе весьма различных сложноподчиненных предложений: *Көн артынан көн нисек үтһә, шулай үтә бирә ине* (Ә. Вәли) ‘Шел день за днем, как это было и раньше’; *Ауыл эз генә эһең булһа, унда ауылса кунаклашыу башлана* (Ф. Хэйри) ‘Стоит деревне освободится от работы, как начинают обычно ходить друг к другу в гости’; *Ә күпселек кем яғында булһа, шул еңсәк* (Х. Мохтар) ‘Победит же тот, на чьей стороне будет большинство’; *Кыш ни тиклем каты, ызғарлы һәм һалкын булһа, йылғалар кыштан ус алған кеүек, шул сажлы нык ташыусан булалар* (С. Кудаш) ‘Насколько зима сурова и холодна, настолько велик, как бы в отместку зиме, бывает разлив рек в период половодья’.

В диалоге форма на *-һа* в своем значении может возглавлять реплику — вопросительное предложение, которое, однако, имплицитно соотносено с определенным главным предложением на правах придаточного предложения, выражающего условно-следственные отношения:

— *Минеңсә, кемдең кесәһе калын булһа, шул кеше якшы кейәү була.*

— *Әгәр зә ул бай кеше ишәк булһа?*

‘— По-моему, хорош тот жених, у кого больше денег.

— А если этот богач — осел?’

От формы на *-һа*, не имеющей определенного временного значения, а приобретающей его в необходимых случаях исключительно в зависимости от временной охарактеризованности последующей спрягаемой формы глагола, образован ряд самостоятельных форм условного наклонения, каждая из которых по-своему дифференцирует его. Кроме того, от формы на *-һа* образована однозначная монологичная спрягаемая форма на *-һа ла/-һә лә*, по своему значению и функции соответствующая русскому союзу *хотя* и в составе уступительного сложноподчиненного предложения: *Бер нисә айға булһа ла калдырып торорға ине* (С. Агиш) ‘Приостановить хотя бы на несколько месяцев’; *Барыбер мин хат язһам да һилең бойороғоңдо үтәгән булмайым* (А. Таһиров) ‘Если я даже напишу письмо, все равно это не будет означать, что я выполнил твой приказ’.

Среди самостоятельных форм условного наклонения по своей специфике и употребительности особенно выделяются формы на *-ған/-гән булһа*, *-һа ине*, *-а/-ә*, *й калһа*, *-а/-ә торған булһа*. Форма на *-һа ине* выражает условие в виде неосуществимого желания, мечтания. Соответственно и следствие приобретает характер желания, относящегося к прошлому. Поэтому следствие и выражено формой сослагательного наклонения: *Их, бөгөн атайым менән эсәйем мине күрһаләр ине, нисек шатланьрзар ине улар* (Ә. Вәли) ‘Эх, если бы меня увидели сегодня мои родные, как обрадовались бы они’. В этом случае оптативное значение соотносенных форм по своей информативности

мало чем отличается друг от друга, стирая синтаксическую зависимость первой от второй.

В силу этого обстоятельства форма на *-һа иһе* передко употребляется также и в качестве самостоятельного сказуемого: *Ой, Сәләман, белһәң иһе!* (К. Мәргән) 'О, Сальман, знал бы ты!'; *Исмаһам, алдаһһа иһе йәһи хәйлә корһа иһе* 'Уж лучше обманывал бы, хитрил бы, по крайней мере'. В этом же оптативном значении как самостоятельное сказуемое, но гораздо реже выступает и форма на *-һа икән*: *Ул да бер аһыл, тик бирырға бер уһлап саңғы табыһһа икән* (А. Таһиров) 'И это дело, но найти бы с десяток пар для того, чтобы добраться'. Еще реже встречается в сходном оптативном значении с оттенком сожаления форма на *-һа* в сочетании с модальным словом *икән* или с частицей *сы*: *әйткән буһаңсы* 'о, если бы ты сказал, предупредил', *барһам икән* 'о, если бы я ходил'.

Если форма на *-һа иһе* дифференцирует условное наклонение с чисто модальной точки зрения, то форма на *-ған буһа* характеризует его соотнесенность с планом прошлого — выражает условие в виде потенциально возможного, но не состоявшегося условия, при котором могло бы быть следствие, представленное обычно последующей формой сослагательного наклонения: *Моратһа ваҡытында әйткән буһаһк, бәһки ул безҙе тыңлар иһе* (К. Мәргән) 'Если бы мы Мурата предупредили своевременно, он, возможно, послушался бы нас'; *Китаһ алған буһа, ваҡыт тизерәк үткән буһыр иһе* (З. Хисмәтуллин) 'Если бы он взял книгу, то время прошло бы быстрее'; *Әгәр үзе тураһында бер һүз ҙә әйтмәгән буһалар, үзен күрһәтмәгән буһалар, Сәләман, бәһки, аптыраһ калыр иһе* (К. Мәргән) 'Если бы ничего не сказали о нем, не упомянули его, Сальман, быть может, удивился бы'.

В данном значении условного наклонения употребляется также и форма на *-а/-ә, -й торған буһа*, которая, однако, отличается от предыдущей тем, что содержит заметный оттенок допущения, предположения: *Булмаһ, атмаһтар, мин ыһанмайым. Ата торған буһалар, комиссарҙары иһеп кәләкәлә һөйләһмәһ иһе* (А. Таһиров) 'Нет, не расстреляют, я не верю. Если бы они были намерены расстрелять, то их комиссар не заходил бы, не стал бы разговаривать, улыбаясь'. От формы на *-ған буһа* она отличается, кроме того, отсутствием в ее содержании указания на план прошедшего времени, с которым она соотносится только при условии, если последующий глагол стоит в сослагательном наклонении. Чаще же всего она сочетается с формой изъявительного наклонения или реже — с императивом, особенно когда нужно строить предположение — условное суждение в виде допущения: *Хәҙер без каланы ташлаһ китеһ, актар иһә торған буһалар, узған йылдағы кеүек кенә калмаһтар* (А. Таһиров) 'Если мы покинем город и его займут белые, они не ограничатся лишь тем, что делали в прошлом году'.

Другим типичным условием употребления формы на *-а торған буһа* является повторяемость обозначаемого действия или его длительная процессуальность: *Рәйсә, һинең бүтән бозоклоһтарың ғына етмәгәндәй, көн һайын былай ызғыһа, талаша торған буһаһң, безҙә артык бергә торорға тура килмәһ* (Н. Дәүләтшина) 'Райса, если вдобавок к остальным своим проступкам станешь каждый день так ссориться и устраивать скандалы, нам больше не придется жить вместе'; *Былай иһеп, безҙә эҙәм колһоһөнә калдырыһ йөрөй торған буһаһң, бер көн дә торма* (Н. Дәүләтшина) 'Если и впредь будешь так позорить нас, не оставайся с нами ни одного дня'.

Гораздо менее характерно для этой формы ее использование в сочетании с последующей формой будущего времени в ограничительно-условно-следственном значении типа *Әгәр ҙә башһа ваҡытта миңә куһ һуҙа торған буһаһң, теһтәрәңде кесәңә һалыһ кайтырһың* (Ф. Хәйри) 'Если в другой раз вздумаешь поднять на меня руку, домой вернешься, свои зубы положив в карман'. В этом случае форма на *-а торған буһа* по отношению к форме на *-һа* является идиографическим синонимом, мало чем отличающимся от формы на *-а калһа*. Иногда форма на *-а торған буһа*, теряя свое ограничительное

значение условного наклонения, выступает на правах стилистического эквивалента формы на *-һа*, ничем не отличаюсь от нее семантически: *Әгәр зә һин минән элек үлә торған буһаң, мин уны җартайғас та һөйләп йорормөн* (С. Агиш) 'Если ты умрешь раньше меня, я буду вспоминать об этом и в старости'.

Форма на *-а/-ә, -й калһа*, употребляемая чаще всего в 3-м лице ед. числа, в сочетании с последующей формой будущего времени индикатива выражает ограничительную условно-следственную зависимость двух действий в виде предусмотрительного предположения на ближайшее будущее: *Ундай-бындай хәл була калһа, безгә үпкәләмгез* (А. Таһиров) 'Если что-нибудь случится, то не обижайтесь на нас'; *Ошо минутта осрай калһа, йәнен алам* (О. Бикчәнтәев) 'Если в эту минуту он встретится мне, убью'; *Уның атаһы ары-бире һораша калһа, ни йозоң менән уға җарап, ауыз асып һүз әйтмәк кәрәк инде* (О. Бикчәнтәев) 'Если его отец надумает расспрашивать, что мне сказать в ответ, глядя ему в глаза'.

В названном своем типичном значении форма на *-а калһа* иногда выступает также в сочетании с последующей формой сослагательного наклонения, относящей условное суждение-предположение к прошлому: *Ундай хәл була калһа, һинең вахтаны таратырзар ине* (К. Мәргән) 'Если бы такое случилось, то твою вахту распустили бы'. Еще реже она употребляется, теряя свое профилирующее значение, на правах стилистического эквивалента формы на *-һа* в сочетании с последующей формой будущего времени индикатива: *Мин алдағы ял алдынан, осрай калһа, өйрәк йә булмаһа күркә алып кайтырмын әле* (С. Агиш) 'Перед следующим выходным, если встретится, принесу домой утку или же индюка'.

Форма на *-ды/-де- иһә* выражает стимулирующую ограничительно-временную и причинно-следственную обусловленность двух действий как закономерную связь между ними: *Шайтан алһын, аз ғына көндәр йылынды иһә, тотам да үзем китәм* (А. Таһиров) 'Черт побери, как только дни потеплеют, возьму да и сам отправлюсь'; *Ә кәсе җоп-җоро, җулға алдыниһәң, таралырға тора* (А. Таһиров) 'А дерн сухой-пресухой, возьмешь в руки, того и гляди рассыпится'.

В том же значении употребляется и форма условного наклонения на *-дымы*, противопоставляя стимулирующее ограничительное предшествование следованию: *Теге җыскырып ебәрземе, һәпәк менән уға кизәнәм* (З. Хисмәтуллин) 'Как только он начинает кричать, я грожу ему вилами'; *Фәҗир арттымы — бай байыға* (С. Агиш) 'Когда бедняков становится больше, богач богатеет'; *Кис булдымы, Байым кәмәлә бакен токандырып йөрөй* (З. Хисмәтуллин) 'Как только наступает вечер, Баим зажигает бакены'. Ограничительную причинно-следственную обусловленность двух действий вне временной их охарактеризованности эта форма может выражать лишь в редком контексте типа *Бисә татарзан булдымы, иң алдан өстәлгә һурпа килтереп җуя* (К. Мәргән) 'Если жена татарка, то она прежде всего ставит на стол суп'.

Форма на *-а/-ә, -й икән* характеризует обусловливающее действие как субъективное допущение или обоснование для совершения другого действия, оформленного в индикативе или императиве: *Бындай җаһиһамас берзәмлек йәшәй икән, беззең көрәш мотлаҗ еңеүгә ирешә, ә империализм һис шикһез сигенергә мәҗбүр була* (Ғ. Әмири) 'Раз существует такое непоколебимое единство, наша борьба увенчается справедливым успехом, а империализм вне всякого сомнения будет вынужден отступить'; *Квартира бирәләр икән, алайык. Ә өйзә һатайык* (Ә. Вәли) 'Раз дают квартиру, давай получим. А избу продадим'.

В соответствии с формой последующего глагола форма на *-а икән* выражает предшествование в пределах настоящего или будущего времени. Когда же обозначаемое ею действие нужно отнести в план прошедшего времени, вместо нее выступает форма на *-а/-ә, -й -ған/-гән икән*, имеющая в целом весьма ограниченное употребление: *Әгәр Сталинградты тәзәү эшенә*

бөтә кала халкы күтәрелеп сыккан икән, улларзың ошо олгоһе безге ле рухландырырға тейеш (К. Мәргән) 'Если на строительство Сталинграда вышло все городское население, то этот пример должен вдохновить и нас'; *Һез изге ниәттән Һиндостанға ярзам итәм тип, юлга сыкканһығыз икән, мин һезгә булышырға тейешмен* (Ә. Бикчәнтәев) 'Раз вы из благих намерений отправились в путь, чтобы оказать помощь Индии, я должен оказать вам содействие'.

Паряду с описанным наиболее характерным значением форма на *-а икән* в зависимости от контекста может выступать и в других значениях условного наклонения, регулярно выражаемых иными его формами, в частности формой на *-һа*: *Әгәр зә бер вахтала авария була икән, шул ук вахта уны төзәтергә тейеш* (К. Мәргән) 'Если в какой-либо вахте случается авария, то ее должна ликвидировать та же вахта'; *Әгәр зә вәгәзәнде бозорға уйлайһың икән, Һара! Вәгәзә тизәр уны* (Ф. Хәйри) 'Если вздумаешь нарушить свое обещание, смотри! Это же обещание'; *Әйзә кайтырға өлгөрөрһөң әле, Ғиләжи ағай, сәй эсеп кит, унан һуң, Һуржаһың икән, үзәбез озатып Һуйырбыз* (А. Таһиров) 'Еще успеешь домой, дядя Ғиләжи, давай попей чаю, а затем, если боишься, сами проводим тебя'. Кроме того, форма на *-а икән* употребляется в составе отдельных синтаксических фразеологизмов: *Ғаяз әфәнде «Зөләйха» нан килгән сборзың бөтәһен дә үзәнә ала икән, ала бирһен* (А. Таһиров) 'Если господин Ғаяз присваивает весь сбор от «Зуләйхи», пусть'.

Форма на *-ғанда/-гәндә* выражает потенциально возможное (1) или ирреальное, т. е. лишь предполагаемое, но уже неосуществимое (2) условие, влекущее за собой такое же следствие. В первом значении она сочетается обычно с настоящим или будущим временем индикатива, реже — с формой сослагательного наклонения: *Атам атын биргәндә ике Һуллап алырһың; Атам бысақ биргәндә уң Һул менән алырһың* (из эпоса «Акбуз ат») 'Если мой отец даст коня, возьми обеими руками; Если мой отец даст нож, возьми правой рукой', где наряду с условно-следственной связью между двумя действиями отражена ограничительно-временная обусловленность второго действия: *Шуны Һуйғанда һәйбәт булыр ине* (К. Мәргән) 'Было бы хорошо, если назначить его', где временное соотношение действий менее заметно, чем их причинно-следственная обусловленность. Во втором значении как предпосылка, так и вытекающее из нее следствие изображаются лишь мысленно с оттенком сожаления, что ни то, ни другое уже не осуществимо: *Шулайрақ Һорон ебәргәндә, без өс йөз метр менән генә Һалмаған булыр инек* (К. Мәргән) 'Если бы было организовано хоть вот так, то мы не ограничились бы тремястами метров'.

Особую модальную разновидность условного наклонения представляет редко употребительная форма на *-мағанды/-мәгәнде*, выражающая несостоятельное действие как субъективное обоснование для совершения другого действия, входящего обычно в сферу будущего времени индикатива: *Ана һәтә менән кермәгәнде, тана һәтә менән кермәс* (погов.) 'Если уж молоко матери не пошло впрок, то коровье молоко и подавно не пойдет впрок'.

Большинство форм условного наклонения помимо своего описанного собственно модального значения связано с выражением временного соотношения между условием и следствием — первое характеризуется как предшествование, второе — как следование. Как это отмечено выше, временное значение отдельных форм выдвинуто даже на передний план как стимулирующее ограничительное условие для совершения последующего действия (см. профилирующее значение форм на *-дымы*, *-а калһа* и др.).

Формы на *-һа*, *-ған буһа*, *-а торған буһа*, *-ғанда* объединяются также возможностью их осложнения ограничительной частицей *ғына/генә*, благодаря которой в соответствии с ее основным значением условие изображается как исключительный фактор, способный вызвать последующее действие-следствие: *Үзәң сақырһаң ғына барам* 'пойду лишь при условии, если позовешь сам'. В этом ограничительном значении форма на *-һа* с частицей *ғына* наиболее часто встречается в служебном глаголе-связке *буһа* при именном сказуемом: *Мин һойәрмен һине, ирһәм, Һүңелең саф буһа ғына, үзәң кеүек йәш илеңдең һойгәне буһаң ғына* (М. Хәй) 'Я буду любить тебя, мой милый,

если только твоя душа чиста, если ты любим страной, Такой же молодой, как и ты сам'.

Условное наклонение при именном сказуемом представлено главным образом формой на *-на* от служебного глагола *бул-* 'быть, становиться' в описанных ее обычных значениях: *Ат яжшы булна, сыбырткы кэрэкмэй* (погов.) 'Если конь хорош, то кнут не нужен'; *Ике кулым канат булна, барыр инем яныца* (фолькл.) 'Если бы мои руки были крыльями, полетел бы к тебе'; *Колхоз исэн булна, мин да, эсэйем да, Санияң да һинең һау булыр* (Р. Нигмәти) 'Если будет цел колхоз, то будем живы-здоровы и мы, и мать твоя, и твоя Сания'; *Һин кулыңа сүкеш тоткан эшсе булнаң, мин кулыма ураң тоткан игенсемен* (С. Кудаш) 'Если ты рабочий, с молотом в руках, то я — земледелец, с серпом в руках'; *Һеззәң йөрәк булна каты тимер, беззәң йөрәк каты коростан* (М. Фафури) 'Если ваше сердце — твердое железо, то наше сердце тверже стали'.

В других формах условного наклонения, характерных для собственно глагольного сказуемого, связка *бул-* при именном сказуемом ставится в целом весьма редко: *Әгәр зә берәй подразделениегә мастер кэрәк була икән, уны ғына, курайсы Әхмәтшинде генә сажыралар* (К. Мәргән) 'Если нужен мастер для какого-нибудь подразделения, то вызывают только его, мастера по кураю Ахметшина'. Когда условие, выраженное именем сказуемым, пужно отразить с оттенком пожелания, связка выступает в аналитической форме на *булып калһа*: *Һиндәй бәхет, әгәр булып калһа, был шыгырым уның бер ташы* (Б. Бикбай) 'Какое счастье, если этот стих мой составит один из его камней'. Особую форму условного наклонения именного сказуемого образует модальное слово *икән*: *Тауарзың баһаны бөгөн күтәрәнке икән, иртәгә төшөп китә* (Г. Хәйри) 'Если цены на товары сегодня высоки, то завтра неожиданно снижаются'.

От причастия на *-ырзай* со значением 'почти такой, что выражено производящей основой', условное наклонение образуется на правах именного сказуемого с помощью служебного глагола *булна*. Но по сути форма эта употребляется как стилистический вариант собственно глагольной формы на *-на* в ее обычном значении: *Акса етерзәй булна, барыһын да алырга тырышырмын* (Г. Дәүләтшин) 'Если хватит денег, то постараюсь купить все'.

На периферии условного наклонения, характеризующегося разветвленной системой активно употребляемых форм, особняком стоит моносемантическая продуктивная форма на *-на ла/һә лә* с ясно выраженным уступительным значением 'хотя и, несмотря на то, что', 'если даже', 'кто бы ни'. В противоположность условному наклонению, эта форма выражает отношения обратной стимулирующей обусловленности действия, обозначенного последующим глаголом, а именно — сообщает, что действие это совершается, совершится или совершилось вопреки условию-действию, выраженному ею: *Шәриф шул урында бер аз эш көтөп торһа ла, бер зә эш тура килмәне* (М. Фафури) 'Хотя Шариф и искал некоторое время на том месте работу, никакой работы не подвернулось'; *Кем генә килһә лә, һи: пәмәгә парамай һәжүм итәм* (Г. Әмири) 'Кто бы ни пришел, буду наступать, не считаясь ни с чем'; *Кем кейһә лә кейһен перчаткамды* (С. Кудаш) 'Пусть оденет мою перчатку кто угодно'. Поскольку к тому же форма на *-на ла* образует особую структуру уступительного сложноподчиненного предложения, близко стоящего к противительным сложносочиненным предложениям, она с вескими основаниями может быть истолкована как самостоятельное уступительное наклонение. Во втором случае ее нельзя отнести к собственно условному наклонению, как это принято.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Сослагательное наклонение характеризует действие как предположение или суждение говорящего о его вероятности при определенном условии, выраженном условным наклонением глагола, или желательности вне условия, т. е. вне соотносительности с ним. Соответственно сослагательное наклонение

может быть употреблено либо в условном периоде в сочетании с условным наклонением, либо самостоятельно. И в том, и в другом случае действие, выражаемое им, может быть локализовано во времени лишь условно. Исключение составляет в этом отношении лишь единственный случай, когда благодаря форме условного наклонения на *-ған булһа*, представляющей действие как нереализованную возможность в прошлом, действие, выраженное сослагательным наклонением, предстает тоже как нереализованная вероятность его совершения в прошлом в виде предположения говорящего: *Аяк каймыкмаған булһа, стенаға таяныр за күтәрелер инем* (З. Хисмәтуллин) 'Если бы не вывихнул ногу, я бы поднялся, опираясь на стену'; *Иәш вақытта укыу тейгән булһа, мин хәзер народный артист СССР булыр инем* (И. Абдуллин) 'Если бы мне удалось учиться в молодости, я бы теперь стал народным артистом СССР'.

Сослагательное наклонение представлено спрягаемыми аналитическими формами на *-р ине*, *-а/-ә*, *-й ине*, *-асақ/-әсәк*, *-ясақ/-йәсәк ине*, *-ған/-гән*, *-қан/-кән булыр ине*. При спряжении аффиксы лица и числа на общих основаниях принимает лишь замыкающий компонент *ине*: *инем*, *инең*, *ине*, *инек*, *инегез*, *ине (ләр)*. Из перечисленных форм наиболее употребительной является первая — форма на *-р ине*, — представляющая сослагательное наклонение в названном его характерном значении: *Атайым исән булһа, и кыуаныр ине* (С. Агиш) 'Если был бы жив отец, как бы он обрадовался'. В отличие от всех остальных форм сослагательного наклонения, рассматриваемая форма широко используется в оптативном значении вне условного периода в самостоятельных предложениях типа *Ә ул берәү иң, иң һойкәмләһе булып калыр ине йөрәктең* (Р. Ниәмәти) 'А она одна стала бы в сердце самой-самой любимой'; *Исмаһам шул кәһәр һужкырын кайнар һыу һибеп үлтерер инең* (Ф. Әмири) 'Убил бы ты, что ли, этого проклятого, облив кипятком'. Да и в условном периоде форма на *-р ине* нередко представляет действие тоже как желаемую возможность: *Осон барып күрер инем йәнем күбләк түгел* (фольк.) 'Полетел бы, посмотрел бы, да душа моя не бабочка'.

Другое свойство формы на *-р ине*, отличающее ее от остальных форм сослагательного наклонения, составляет возможность ее употребления в зависимости от контекста в побудительном значении применительно к 1-му лицу: *Мин уны больницаға һалырга кәүәш итер инем* (Б. Бикбай) 'Я бы посоветовал положить его в больницу'.

Форма на *-а/-ә*, *-й ине*, в отличие от предыдущей выражает обычно значительно более уверенное предположение о вероятности обозначаемого ею действия: ср. *Әгәр буровой вал менән уратылмаған булһа, ул да диңгез эсендә тороп кала ине* (К. Мәргән) 'Если бы буровая не была обнесена валом, она бы тоже осталась на дне моря'; *Кайтмаған булһам, катын бер ни зә белмәй зә, үзенең Сабитен дә қозаламай ине* (И. Абдуллин) 'Если бы я не вернулся домой, жена бы ничего не узнала, но и не стала бы сватать своего Сабита'.

Форма на *-асақ/-әсәк*, *-ясақ/-йәсәк ине*, характеризующая употреблением преимущественно в письменной речи, выражает тоже категоричное предположение о возможности данного действия в виде нереализованной вероятности его осуществления: *Юлға сығыу хакында алдан ук хәбәр иткән булһа, қаршы аласақ инем* 'Я бы (обязательно) встретил, если бы он заранее сообщил о своем выезде'. Эта форма в том же значении может быть представлена и вне условного периода: ср. *Пианино алыр өсөн эле яңынан бер-ике айһыз акса арттыра алмаясақ ине* (К. Мәргән) 'Раньше одного—двух месяцев он бы не смог добавить денег на покупку пианино'.

Форма на *-ған/-гән*, *-қан/-кән булыр ине*, в отличие от всех остальных форм сослагательного наклонения, представляет действие как нереализованную и уже неосуществимую возможность в прошлом: *Әгәр юкты һөйләһәләр, мин уларҙы судға биреп телдәрен қыскартқан булыр инем* (С. Агиш) 'Если бы они рассказали небылицу, я бы укоротил их язык, подав в суд'; *Ундай хәл килеп сыға қалһа, Сәлмән үзен гәйепләгән булыр ине. Иптәштәренең ишанысы булмауына үкенгән булыр ине* (К. Мәргән) 'Если бы такое случилось,

то Сальман обвинял бы себя. Сожалел бы, что нет доверия со стороны товарищей'.

Сослагательное наклонение при именном сказуемом представлено соответствующей формой служебного глагола-связки: *Өйгә инеп сэй куйып килһәң, якшырак булыр ине* (Ә. Бикчәнтәев) 'Было бы лучше, если бы ты даже зашел домой и поставил самовар'; *Тик һуңламаһа ғына ярар ине* (Н. Ғотдосов) 'Хорошо было бы, только бы не опоздал'.

НАКЛОНЕНИЕ НАМЕРЕНИЯ

Намерение совершить действие, выраженное глагольной основой, регулярно и однозначно представляют специализированные спрягаемые формы глагола, возникшие в результате переосмысления архаичной формы имени деятеля на *-максы* или архаичной формы имени действия на *-мак*.

Основной из них является форма на *-максы*:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-максымын / мәксемен</i>	<i>-максыбыз / -мәксебез</i>
2 л. <i>-максыһың / мәксеһең</i>	<i>-максыһығыз / -мәксеһеһеҙ</i>
3 л. <i>-максы / мәксе</i>	<i>-максылар / -мәкселәр</i>

Образуемая от любого глагола активного действия, эта форма преимущественно употребляется в 3-м лице в названном значении как планируемое реальное предположение на ближайшее будущее: *Улар еңмәкселәр, Җол итеп безге һаман измәкселәр* (М. Ғафури) 'Они намерены победить и превратить нас в рабов, снова угнетать нас'.

Когда намерение относится к плану прошлого как нереализованный факт, форма осложняется вспомогательным глаголом *ине*: *Новиков тағы нәмәлер һойләмәксе ине* (Д. Юлтый) 'Новиков намеревался сказать еще что-то'; *Ул ике аралагы эшлекле, иптәштәрсә ябай аралашыу аша килеп тыуған мөнәсәбәтте, зурайтыбыраҡ, тәрәнәйтеберәк ебәрмәксе ине* (К. Мәргән) 'Он намеревался расширить, углубить отношения, зародившиеся в результате делового и по-товарищески простого общения между двумя сторонами'; *Без уның үзен күрөп эш һорамаксы инек* (М. Ғафури) 'Мы были намерены увидеть его самого и попросить работу'; *Тағы ла нығыраҡ биреп, тештәрен һындырмаксы инем* (М. Ғафури) 'Я хотел ударить еще сильнее, выбить ему зубы'.

В целом разновидность формы с *ине* употребляется гораздо шире, чем предыдущая. Это объясняется все большей активизацией в современном языке ряда специализированных аналитических форм, выражающих намерение совершить данное действие в ближайшем будущем. Среди них прежде всего обращает на себя внимание форма на *-максы бул*, которая выражает намерение не столько как волеизъявление, сколько как принятое решение совершить данное действие по мотивам, остающимся неизвестными.

Форма на *-максы бул* сильно отличается от предыдущих двух по своей структуре и соотношению с другими наклонениями. Если форма на *-максы*, *-максы ине* принципиально несовместима с формами других наклонений и на этом основании выделяется как самостоятельное наклонение с достаточно специфическим модальным значением, то данная форма намерения представлена с аффиксом настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения, сохраняющим свое значение.

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-максы / -мәксе булам, булдым</i>	<i>-максы / -мәксе булабыз, булдык</i>
2 л. <i>-максы / -мәксе булаһың, булдың</i>	<i>-максы / -мәксе булаһығыз, булдығыз</i>
3 л. <i>-максы / -мәксе була, булды</i>	<i>-максы / -мәксе булалар, булдылар</i>

Более того, в названном значении эта форма может быть представлена даже в сфере условного наклонения: ср. *бармаксы булһаң* 'если решишь,

надумаешь пойти', *бармаксы була* 'если он вздумает пойти' и т. п. Это делает проблематичным выделение ее как самостоятельного наклонения. Однако поскольку, она взаимодействует с наклонением намерения на *-максы*, *-максы ине*, дифференцируя его значение, ее условно можно рассматривать как одну из форм описываемого наклонения.

Форма на *-максы бул-*, образуемая от всех глаголов активного действия, обладает высокой употребительностью, особенно в прошедшем времени на *-ды*. При этом намерение предстает отнюдь не как нереализованный акт, а как принятое твердое решение, сохраняющее свою силу и в настоящее время. Когда же форма на *-максы бул-* осложняется аффиксом настоящего времени изъявительного наклонения, она констатирует решение как благое намерение субъекта. Ср. *Мин кулымды алып, шул йылы тәнде капшамаксы булам* (Д. Юлтый) 'Я хочу, освободив руку, поцунать это теплое тело'; *Әһә, беззе ултыртмаксы булаһың икән!* (Ә. Бикчәнтәев) 'Ага, ты, оказывается, собираешься надуть нас!'; *Әхмәзи асыуынан үзенең билдәләрен һызып ташламаксы булды* (Ә. Бикчәнтәев) 'Ахмади, обозлившись, решил зачеркнуть свои знаки'. Менее употребителен вариант этой формы на *-мак бул*, по значению полностью совпадает с ней: *Мин инде, күрше, Сәлмәнде үземдең бригадала алмак булам* (К. Мәргән) 'Я, сосед, собираюсь взять Сальмана в свою бригаду'.

С формой на *-максы бул-* в современном языке активно конкурирует вполне сложившаяся спрягаемая аналитическая форма на *-(ы)рға* *-(е)ргә бул-*, означающая принять или прийти к решению совершить данное действие. Она тоже представлена в тех же двух вариантах, что и форма на *-максы бул-*:

Ед. число

Мн. число

1 л. <i>-(ы)рға</i> / <i>-(е)ргә булам, булдым</i>	<i>-(ы)рға</i> / <i>-(е)ргә булабыз, булдык</i>
2 л. <i>-(ы)рға</i> / <i>-(е)ргә булаһың, булдың</i>	<i>-(ы)рға</i> / <i>-(е)ргә булаһығыз булдығыз</i>
3 л. <i>-(ы)рға</i> / <i>-(е)ргә була, булды</i>	<i>-(ы)рға</i> / <i>-(е)ргә булалар, булдылар</i>

Из них практически употребляется преимущественно вариант на *-(ы)рға*/*-(е)ргә булды*. Примеры: *Шул байлығыңа ла кәнәгәт итә алмайһың, берзәнбер кыз балаңды бер батрактың посубиеһенә ташламаксы булаһың* (А. Таһиров) 'Не можешь удовлетвориться таким своим богатством, единственную дочь собираешься отдать на иждивение какого-то батрака'; *Без земляккаға кайтырға булдык* (Д. Юлтый) 'Мы решили вернуться в землянку'; *Тегеләр үз-ара кәңәшләшкәндән һуң, тупты Хәмәтов тибергә булды* (Н. Котдосов) 'После того, как они между собой посоветовались, мяч решил подать Хаматов'; *Азағында, бер башкорт көйөн йырларға булдым* (Д. Юлтый) 'В конце я решил спеть одну башкирскую песню'; *Финуар аҙактарында колхоздың отчет-һайлау йыйылышында колхозсылар күрше ауылдарҙы берләштергән бәлкәй артель менән кушылырға булдылар* (Ә. Вәли) 'В конце января на отчетно-выборном колхозном собрании колхозники решили слиться с маленькой артелью, объединяющей соседние деревни'; *Йәйге отпускыны мин Өфөлә иптәшем Сабит менән үткәргәргә булдым* (З. Хисмәтуллин) 'Я собрался провести свой летний отпуск в Уфе с моим товарищем Сабитом'; *Ул башкаларҙан алда килеп эшләп қарарға булды* (К. Мәргән) 'Он решил явиться раньше других и попробовать поработать'.

Форма на *-(ы) рға*/*-(е) ргә бул-* иногда встречается также в сфере других форм прошедшего времени: *Бәхеткә юл табыр осөн егет укырға булған* (Ф. Әмири) 'Чтобы пробить дорогу к счастью, парень решил учиться'; *Мин уны күптән һорарға булғайным* (Ф. Хәйри) 'Я это давно собирался спросить', где каждая из двух сочетающихся форм выступает в своем типичном значении.

В применении ко 2-му лицу как стилистический эквивалент форм на *-максы булдың*, *-(ы)рға булдың* выступает иногда форма на *-(ы)һе иттең*: *Һисек былай киләһе иттең?* (С. Ағиш) 'Как это ты так решил прийти?'.

Паряду с описанными специализированными сложившимися формами намерение и желание может быть выражено свободным сочетанием инфинитива на *-(u)rǵa/-(e)rǵə* с глаголом *телэ* 'желать' и *уйла-* 'думать, намереваться': *Сэми Хикмэт һалдат шикелле халыкка табан эйлэнен тағы колорғә телэне* (Г. Хәйри) 'Сами хотел, как и солдат Хикмет, повернуться лицом к народу и еще посмеяться'; *Балалар, бөгөн торорға уйлайһығыҙмы, юкмы?* (Н. Ҡотдосов) 'Дети, вы думаете сегодня встать, или нет?'

НЕСПРЯГАЕМЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие — это неспрягаемая грамматическая форма глагола, обозначающая действие в его отношении к другому глагольному действию.

Действие, обозначенное деепричастием, характеризуется процессуальностью, присущей глаголу как части речи, и однозначной соотносительностью не только со своим агенсом-подлежащим, наличие которого является обязательным условием функционирования всякого деепричастия²¹, но и с определенным модально-временным планом: оно неизменно входит в сферу того же грамматического времени и наклонения, что и связанное с ним другое действие, выраженное последующим глаголом-сказуемым, имеющим соответствующую форму времени и наклонения²². Это объединяет деепричастие со спрягаемым глаголом, которому оно, однако, как особая, экстраординарная соотносительная форма глагольного сказуемого противостоит обычным, ординарным глагольным (абсолютным) монопредикативным формам, выступающим в сочетании с деепричастием, замыкая данное предложение: *Кеүәтов, дилбегәһен еңә генә тартып, атын туктатты* (Ә. Вәли) 'Куватов, легонько натянув вожжи, остановил свою лошадь'. Кроме того, деепричастное сказуемое отличается от спрягаемых форм и противопоставляется им следующими своими особенностями.

1. Если спрягаемые формы глагола структурно организованы как законченные предикативные единицы, по содержанию соответствующие двусоставному глагольному простому предложению и в силу этого способные реализоваться в этом качестве без подлежащего, то деепричастное сказуемое осуществляет предикацию не само по себе, а лишь на синтаксическом уровне, но осуществляет ее неизбежно: с его появлением обязательно наличие соотносительного с ним подлежащего, благодаря чему оно уточняет свое содержание по категории лица; столь же неминуемым становится и появление соотносительного с ним последующего сказуемого в личной форме глагола, с помощью которого оно тоже синтаксическим путем приобретает и остаточные необходимые признаки предикативности — грамматическое значение времени и наклонения.

2. Предикация, создаваемая личными формами глагола, по своему характеру является свободной и к тому же не закрепленной за определенной структурой предложения (она может быть представлена как в простом, так и сложном предложении, причем в любой его части), тогда как деепричастное сказуемое порождает связанную предикацию в единстве и с помощью свободной предикации. Это лишает связанную предикацию возможности реализоваться в виде отдельного предложения в отрыве от свободной предикации и фактически делает первую закрепленной либо за позицией первого

²¹ И с к л ю ч е н и е: контекстуальный эллипсис подлежащего допускается лишь при условии, если оно представлено в предыдущем предложении, в частности при вынесении деепричастия за пределы предложения в качестве самостоятельного высказывания — при его парцелляции.

²² В тех крайне редких случаях, когда соотносительное с деепричастием сказуемое выражено модальным словом или именем, оба сказуемых входят в сферу настоящего или прошедшего времени синтаксического предикатива, формально выраженного наличием или отсутствием связки *иңе* при именном сказуемом, реже — в сферу императива или оптатива с помощью служебного глагола *буһын* 'пусть будет' при именном сказуемом.

из соподчиненных сказуемых слитного предложения, либо за позицией сказуемого первого компонента сложного предложения, в том числе и сложно-сочиненного.

3. Деепричастное сказуемое предопределяет структурную схему и характер предложения, в состав которого оно входит, является ее ведущим конституирующим элементом, тем более, если его связь с последующим сказуемым строится на началах подчинения. Этим свойством обладают лишь формы императива и условного наклонения, да и то не всегда.

4. Деепричастное сказуемое за редким исключением являет собой грамматически организованное средство актуализации соотношенного с ним сказуемого в личной форме глагола в ущерб своей информативности, особенно, когда оно синтаксически подчинено сказуемому.

5. Указанная специфика деепричастного сказуемого, которой лишены личные формы глагола, вызвана тем, что оно (сказуемое) на предикативной основе и без всякого ущерба для нее в зависимости от своей формы (такова лишь моносемантическая форма на *-гансал-ганса*) и типичных условий ее применения (таковы все остальные формы, особенно общетюркская самая употребительная форма на *-п*) выражает по отношению к последующему сказуемому в личной форме глагола определенные собственно глагольные обстоятельственные (1) или (реже) обстоятельственно-характеризующие (2) значения. Деепричастное сказуемое синтаксически зависимо от сказуемого в личной форме точно так же, как сказуемое придаточного предложения зависит от сказуемого главной части любого сложноподчиненного предложения, где первое, как и деепричастное сказуемое, при всей своей синтаксической подчиненности второму и информативной второстепенности, прежде всего и главным образом выступает именно как сказуемое, если даже при этом само по себе или с помощью контекста и выражает чисто обстоятельственные отношения, сходные со следующими: 1) ограничительное предшествование или следование (реже) как фон, на котором разворачивается другое действие, или как условие, а то и причина совершения другого действия; 2) одновременность как цель совершения другого действия (реже) или как обстоятельство, при котором совершается другое действие; 3) одновременность или предшествование (реже) как образ или способ совершения другого действия²³.

6. Тем или иным обстоятельственным значением, наслаиваемым на неоспоримую предикативную функцию деепричастного сказуемого, обладают все его формы, кроме формы на *-п*, по своей коммуникативной значимости и употребительности занимающей среди них доминирующее положение и приобретающей обстоятельственное значение обычно лишь с помощью контекста. Это практически означает, что все формы деепричастного сказуемого, в том числе и форма на *-п*, когда она при некоторых глаголах состояния в зависимости от контекста приобретает соответствующее обстоятельственное значение, вступают с последующим сказуемым в личной форме глагола в тесную и необратимую подчинительную синтаксическую связь, характерную для сказуемых придаточной и главной частей сложноподчиненного предложения. Однако при этом деепричастие не превращается в легко устранимый придаток сказуемого, не играющий существенной роли в строении предложения — в притягательное определение или обстоятельство образа действия в принятом его понимании.

Соответственно деепричастное сказуемое при наличии своего отдельно выраженного подлежащего организует определенный структурно-семанти-

²³ Это последнее значение деепричастия, которое принято неправомерно возводить к обстоятельству образа действия в синтаксическом его понимании, является в лучшем случае сопутствующим значением и к тому же по своему профилю входит в сферу собственно глагольной семантики, как в этом убеждает его типологическое сходство с профилирующим значением необычайно разветвленной системы так называемых видовых форм глагола, специально предназначенных для выражения способа или образа действия самого глагола на уровне собственно глагольной морфологии, где, как и в данном случае, пользоваться названным синтаксическим термином в принятом его осмыслении неправомерно.

ческий тип сложноподчиненного предложения или его разновидность по общей структурной схеме. Когда же деепричастное сказуемое связано с тем же подлежащим, что и подчиняющее сказуемое в личной форме глагола, оно выступает в качестве конституирующего элемента двусоставного слитного предложения с единым предикативным ядром, обуславливающим взаимодействие соподчиненных сказуемых на уровне членов простого предложения. Деепричастное сказуемое и в том, и в другом случае проявляет по отношению к последующему сказуемому в личной форме глагола одно и то же обстоятельственное значение, соответственно — одну и ту же степень синтаксической зависимости от него; в этом плане здесь прослеживается полный изоморфизм. Меняется лишь состав предикативного ядра (в первом случае их два, во втором — только одно), соответственно — статус предложения (в первом случае оно являет собой сложение двух предикаций в целях создания цельной коммуникативной единицы высшего разряда — сложного предложения, во втором — особую разновидность простого предложения, близко стоящую к сложному) и уровень взаимодействия сказуемых: если во втором случае в предложении рассматривается соотношение сказуемых как таковых, то в первом — не столько это, сколько соотношение частей предложения, которые они возглавляют. Говоря иначе, меняется лишь предикативная основа, на которой деепричастное сказуемое выражает то или иное обстоятельственное значение.

7. В зависимости от характера обстоятельственного значения степень синтаксической подчиненности деепричастного сказуемого последующему сказуемому в личной форме глагола резко колеблется: наибольшая зависимость обнаруживается, когда оно выражает способ, образ действия, наименьшая, граничащая с сочинительной синтаксической связью — при обозначении цели действия, промежуточная — при обозначении остальных обстоятельственных значений. Помимо самого профиля обстоятельственного значения, здесь немалую роль играет и то, насколько четко оно выражено: чем менее ясно оно проступает, тем ближе связь между деепричастием и другим глаголом к ее сочинительному типу, и наоборот. Это особенно касается значения способа, причины и цели действия, выражаемого формой деепричастия на *-н* в зависимости от характера лексического значения глагольной основы и контекста.

8. При отсутствии собственно обстоятельственного значения деепричастное сказуемое, в частности, его форма на *-н* по своему синтаксическому положению в принципе не отличается от соотнесенного с ним последующего глагольного сказуемого. В этом случае связь между ними соединительная, свойственная сочинительному союзу *да* (*дэ, та/тэ, за/зэ, ла/лэ*). В силу этого деепричастная форма на *-н* здесь может быть свободно заменена соответствующей личной формой глагола с союзом или без него. Эта, как и обратная, замена широко практикуется и регламентируется только стилистическими причинами.

Деепричастие на *-н* в данном случае выступает в позиции однородного сказуемого или сказуемого первого компонента сложносочиненного предложения. При этом она обычно выражает относительное время в рамках одного и того же грамматического времени, обозначенного формой абсолютного времени последующего глагольного сказуемого, — предшествование как хронологическую последовательность двух действий. В меру этого форма на *-н* актуализирует последующее сказуемое в ущерб своей информативности.

По всем названным различительным признакам, в том числе и по своей морфологической структуре деепричастие противопоставлено личным формам глагола, с которыми оно связано также и отношением общности по категориальному значению и выполнению предикативной функции. Это взаимодействие и противопоставление, в котором деепричастие выступает как отмеченный его член в рамках единого предложения, и составляет сущность всякого деепричастия. Поэтому деепричастие и употребляется, как правило, лишь в сочетании с личной формой глагола. Его соотносительное

употребление с другим деепричастием, причастием и именем действия производно. И в этом случае деепричастие вызывает появление личной формы глагола, с которой оно соотносится через посредство связанной с ним спрягаемой формы глагола, благодаря чему деепричастие приобретает соответствующее значение времени и наклонения.

В отличие от спрягаемых форм глагола, деепричастие не может обозначать безличное действие. Будучи (за исключением этого случая) своеобразным синтаксическим эквивалентом личных форм глагола, деепричастие, естественно, не может быть субстантивировано, что составляет его дополнительную характеристику, вытекающую из его собственно глагольных свойств и подтверждающую еще раз их достоверность.

Во всех случаях своего употребления глагол в форме деепричастия полностью сохраняет свою синтаксическую валентность и лексическую сочетаемость и проявляет эти свойства в зависимости от цели и задач коммуникации. Деепричастие образует те же структурные типы глагольных словосочетаний и в том же лексическом их наполнении, что и в личной форме. Это делает излишним отдельное рассмотрение деепричастия на уровне словосочетания, в частности, изложение структурных типов так называемых деепричастных оборотов.

Объединяясь в описанном аспекте, банкирские формы деепричастия обнаруживают большую разнородность по составу и характеру своих значений и функций, а также по своей употребительности и числу глагольных основ, от которых они могут быть образованы.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -II

Аффиксальный компонент этой формы представлен пятью алломорфами: *-ыл/-еп* (после согласных, следующих за *a, э, ы, e, и, у, ү*), *-оп/-оп* (после согласных, следующих за *o* и *о*) и *-н* (после гласных).

Данная форма может быть образована далеко не от всех глагольных основ. Ее не допускает многочисленный пласт сложных глаголов, первый компонент которых выражен той же формой деепричастия, в частности:

1) глаголы со значением незаконченности, процессуальности типа *агып тор-* (*ят-, ултыр-*) 'течь', *янып ултыр-* (*тор-*) 'гореть', *балкып тор-* 'сиять' *кекенең тор-* 'качаться, шататься', *язып ят-* 'писать', *үсеп ултыр-* 'расти', в составе которых второй компонент полностью десемантизован;

2) глаголы со значением совершения действия в ожидании другого действия типа *тороп тор-* 'подождать', *йөрөп тор-* 'ходить, походить пока';

3) глаголы со значением нарастающего приближения конечного этапа процесса типа *ботоп бар-* (*кил-*) 'кончатся', *бешеп бар-* (*кил-*) 'дозревать, довариваться', *бозолоп бар-* (*кил-*) 'портиться';

4) глаголы действия (движения) со сходным видовым значением типа *менеп бар-* 'подниматься (туда)', *менеп кил-* 'подниматься (сюда)', *кереп бар-* 'заходить (туда)', *кереп кил-* 'заходить сюда', *китеп бар-* 'уходить';

5) глаголы, выражающие движение к определенному пункту и обратно, типа *жарап кил-* 'сходить и посмотреть', *кайтып кил-* 'сходить, съездить домой и вернуться';

6) глаголы, выражающие нарастание действия перед его завершением, типа *һойләй бир-* 'продолжать говорить', *бара бир-* 'продолжать идти, ехать', *ашай бир-* 'продолжать кушать';

7) глаголы с ограничительным временным значением типа *бара тор-* 'идти пока', *ужый тор-* 'читать пока';

8) глаголы со значением внезапности совершения одноактного действия типа *ала һал-* 'быстро взять', *сыга һал-* 'быстро выйти' и т. п. С деепричастием на *-н* не совместны также формы возможности на *-а -э/-й ал-* (*бара ал-* 'мочь пойти, поехать') и на *-п бул-* (*эшлэп була* 'работать можно').

Форма на *-н* не может быть образована и от многих простых (однословных) глаголов, в том числе от отдельных лексем ряда многозначных глаголов (например, невозможно образовать деепричастие на *-н* от глагола *тор-*

в значении 'держаться', 'стоять'; от глагола *тарт-* — в значении 'весить', 'быть похожим на кого-л.', 'вовлекать, привлечь к участию в чем-л.'; от глагола *еллэ-* — в значении 'становиться ветренным', от глагола *ерлэштер-* — в значении 'акклиматизировать').

Тем не менее по полноте охвата глагольной лексики форма на *-п* из всех деепричастных форм уступает только форме на *-ғас*, имеющей почти глобальный характер.

Форма на *-п* не имеет единого значения, характерного для всех глаголов, от которых она образуется. Она многозначна: в зависимости от контекста выражает предшествование или реже одновременность, а в зависимости от характера лексического значения основы глагола — значение способа, причины и цели действия, и то большей частью с помощью контекста. Из этих значений лишь первое — выражение относительного времени пронизывает все формы деепричастия на *-п*. В большинстве случаев оно сопровождается более или менее ясно выраженным обстоятельственным значением, причем сравнительно широкое распространение имеет первое (способ действия), закрепленное главным образом за определенным кругом глаголов, связанных с подлежащим лишь условно (оно является здесь носителем, а не производителем состояния или действия), в остальных же случаях зависящее обычно от условий контекста и к тому же проявляемое не совсем ясно. Соотношение между собственно обстоятельственным значением и значением относительного времени бывает разным: чем ярче выражено первое, тем менее заметно второе, и наоборот²⁴. Соответственно колеблется и степень синтаксической зависимости деепричастного сказуемого от подчиняющего его последующего глагольного сказуемого, особенно при обозначении им наиболее яркого обстоятельственного значения — способа или образа действия.

Значение способа, образа действия, которое сопровождается значением одновременности, позволяющим контролировать первое, имеют в форме на *-п*:

1) сложные звукоподражательные глаголы с нулевой валентностью типа *шарт ит-* 'издать звук, напоминающий взрыв': *Иштуған, сэмләп, үз маңлайына үзе шап иттереп һуғып алды* (З. Бишева) 'Раззадорившись, Иштуған сильно хлопнул себя по лбу';

2) некоторые глаголы состояния с нулевой валентностью и ослабленным категориальным значением глагольности, способным, однако, противостоять адвербиализации, типа *рэхтлән-* 'испытывать удовольствие, наслаждение', *ирен-* 'лениться', *сэмләп-* 'раззадориться'²⁵: *Ул рэхтләнп кәлдә* (Ә. Вәли) 'Он с удовольствием посмеялся'; *Кыз аптырап, атаһына кайтып әйтте* (фольк.) 'Девушка, озадачась, вернулась домой и доложила своему отцу'; *Кызарып, матур булып март көяшы күтәрелде* (Д. Юлтый) 'Заалев,

²⁴ При отсутствии этого условия глаголы состояния полностью сохраняют здесь свое категориальное значение и в силу этого выражают значение способа или образа действия недостаточно ясно, ср. *Фәрзәнә, журкып, артына сизендә* (Ф. Әсәпов) 'Фарзана, испугавшись, отступила', где помимо слабо выраженного значения способа действия прослеживается значение причины.

²⁵ Сходные формы частично (1) или полностью (2) адвербиализуются лишь при условии, если обрастают каким-либо наречным значением, не содержащимся в их лексической основе и заслоняющим их связь с подлежащим, т. е. их значение глагольности: ср. 1) *акрылла-* 'замедлить, затихать' и *акрыллап а)* 'постепенно, потихоньку', б) 'не торопясь, замедляясь'; 2) *әйбәтлә-* 'привести в хорошее состояние, в порядок' и *әйбәтлән* 'хорошенько, толком, как следует'. На базе и по образцу сходных адвербиализованных деепричастий возникли, а частично создаются в ныне наречия, лишь этимологически связанные с глаголами на *-ла*: ср. *Кыз яшыйлап кына тары онлата. Яшыйлап коймак изә* (фольк.) 'Девушка добросовестно готовит муку из пшена. Добросовестно месит тесто для оладьев'; *Мин инде Шакиров тураһында очерк яздымга ныклап ишандым* (Ә. Вәли) 'Теперь я уже твердо знал, что напишу очерк о Шакирове'; *Ә еңдәгез ысыллап та кызып китте* (Ә. Вәли) 'А тетя ваша и в самом деле развервничалась'; *Бажсабыз, үткәндә кыздар, куш есен күпләп сәсә* (Ш. Бабич) 'Когда проходят девушки мимо сада, он благоухает еще больше'; *Ауырыу аслап һауыга башланы* 'Большой стал постепенно выздоравливать' (*Яшыйлап, ныклап, ысыллап, күпләп, аслап* образованы непосредственно от основ *яшы* 'хорошо', *нык* 'крепкий', *ысын* 'настоящий', *күп* 'много', *аз* 'мало').

красуясь, взойшло мартовское солнце'; *Аргынбай каушабырак яуап бирзе* (С. Агиш) 'Аргынбай ответил, несколько растерявшись';

3) отдельные глаголы непроизвольного действия типа *йылмай-* 'улыбаться', *көл-* 'смеяться': *Касим Шакиров мине йылмайып каршы алды* (Ө. Воли) 'Касим Шакиров встретил меня, улыбаясь';

4) некоторые глаголы действия типа *һойләш-* 'разговаривать', *атла-* 'шагать', *тырыш-* 'стараться', *ашык-* 'торопиться', в которых заложено определенное характеризующее значение (*атла-* 'передвигаться шагом', *һойләш-* 'осуществить разговор сообщая'; глаголы *тырыш-* и *ашык-*), содержат указание на способ достижения определенной цели: *Ике туган көрмәкләшеп, богазға богаз килеп, һуғыша башланьлар* (А. Таһиров) 'Два брата, столкнувшись и хватая друг друга за горло, начали драться'; *Салауат һәр вақыттағы кеүек, бөгөн дә ашығып, взводтан взводка йөрөй, айырым кызылармеецтарҙен ат, эйәрҙәрен карай* (А. Таһиров) 'Салават, как и всегда сегодня, спеша, ходит из взвода в взвод, проверяет коней и седла отдельных красноармейцев'.

В остальных случаях значение образа или способа действия обусловлено контекстом, а не характером лексического значения самой формы на *-п*, ср. *Таң яжынлашыуын хәбәр итеп, офоҡ сите ағарҙы* (Я. Хамматов) 'Край горизонта просветлел, предвещая приближение зари'; *Тайфа инэй ейәнсәренә карап, һокланьп бөтә алмань* (Д. Юлтый) 'Бабушка Тайфа не может налюбоваться, глядя на своего внука'.

В целом обстоятельственным значением способа, образа действия обладают (или допускают его с помощью контекста), относительно небольшое число форм на *-п*. Независимо от того, представлено ли это значение самой формой на *-п* или посредством контекста, выражено ли при этом ярко или слабо, его наличие подтверждается и контролируется, во-первых, наличием значения одновременности, во-вторых (что характерно только для данной формы деепричастия, и то лишь в описываемом ее значении), невозможностью при ней раздельно выраженного подлежащего.

Итак, деепричастное сказуемое на *-п*, осложненное значением способа или образа действия, функционирует лишь в составе слитного предложения, занимая в нем позицию соподчиненного сказуемого. В позиции сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения оно, судя по имеющимся материалам, выступает только в синтаксических кальках типа *Кем автомобилгә, кем һауа таксигә ултырып, пассажирҙәр калаға юнәлделәр*²⁶ 'Пассажиры направились в город, кто на автомобиле, кто на воздушном такси', где подлежащим является фактически одно лицо (*пассажирҙәр*), расчлененное по русскому образцу с помощью повторения местоимения (*кем* 'кто').

В значении способа, образа действия форма на *-п* может быть осложнена афф. *-ыраң/-ерәк*, выражающим недостаточно полное проявление действия или состояния: *Аргынбай каушабырак яуап бирзе* (С. Агиш) 'Аргынбай ответил, несколько робей'; *Ул хәзер кыза төшөбөрәк һөйләргә тотондо* (Ө. Воли) 'Теперь он начал говорить, немного нервничая'.

Обстоятельное значение причины, сопровождаемое значением предшествования, устанавливается на логической основе — возникает при ограниченном числе глаголов типа *журк-* 'испугаться', *өрк-* 'испугавшись, шарахнуться в сторону (о лошади)', *ишет-* 'услышать', *кур-* 'увидеть' лишь в соответствующем контексте. Поскольку в данном случае причина и вытекающее из нее следствие рассматриваются как обоюдно обусловленное явление, синтаксические отношения между двумя сказуемыми выходят за пределы обычной подчинительной связи, во всяком случае, находятся на границе с сочинительным типом связи. Это подтверждается возможностью замены деепричастного сказуемого на *-п* соответствующей спрягаемой формой глагола в сочетании с сочинительным союзом, выражающей с помощью

²⁶ Пример взят из кн.: *Сәйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисы. Өфө, 1961, с. 137.

контекста те же самые причинно-следственные отношения, ср. *Ас торон* (или: *торган да.* — А. Ю.) *йоззэре һарғайған* (М. Гафури) 'Ее лицо пожелтело от голода'; *Мин Ғабдуллань атына рэтлэн жарай алманым* (М. Гафури) 'Позарившись на лошадь Ғабдуллы, я толком не разглядел остальные вещи, находящиеся дома'.

В целях обозначения причинно-следственных отношений деепричастное сказуемое на *-n* одинаково активно употребляется как в слитном (1), так и сложноподчиненном (2) предложениях, являясь их ведущим конституирующим элементом: 1) *Әлек бәләкәй генә бүлмәлә торон, бик штеккәйлек* (Ә. Вәли) 'Раньше, живя в маленькой комнате, мы мучались'; 2) *Ул ғына етмәгән, көбгәндә гильза арылып, берзән-бер пулемет атыузан туктаны* (Ф. Иҗәнҗолов) 'Мало того, в стволе разорвалась гильза, и единственный пулемет перестал стрелять', где вместо *арылып* без ущерба для передаваемого им содержания может быть употреблена форма *арылды ла*.

Обстоятельное значение цели форма на *-n* обнаруживает более или менее регулярно при некоторых глаголах типа *эздә* 'искать', *телә* 'желать', если эти глаголы выступают в роли зависимого сказуемого слитного предложения (1) или главной части сложноподчиненного предложения (2): 1) *Мин, уны эздәп, яр буйлап киттем* (Ғ. Әмири) 'Я пошел искать его вдоль берега'; 2) *Ауыл күренгәс, Әкрәм Йомранин, тағы атлап барырга теләп, тая тошто* (А. Таһиров) 'Когда стала виднеться деревня, Акрам, желая схватить шагом, стал сдерживать своего Юмарап'. Во втором примере, в отличие от первого, целевое значение деепричастия на *-n* создается лексико-синтаксическим путем: благодаря свободному сочетанию глагола *телә* 'желать' с целевым инфинитивом на *-(ы)рға/-(е)ргә* лексическая основа инфинитива может быть заменена любым глаголом активного действия. Значение цели у деепричастия на *-n* создается также и чисто морфологическим путем — благодаря аналитической форме намерения на *-максы булып*, образуемый от широкого круга глагольных основ; но деепричастие в этом значении употребляется преимущественно в диалектной речи: *Һине күрмәксе булып, ул эллә қасан ук қайтып китте* 'Намереваясь встретить тебя, он давно ушел домой'.

В описанном значении деепричастие на *-n* близко стоит к целевому инфинитиву на *-рға, -(ы)рға/-(е)ргә*²⁷, который без особого ущерба для передаваемого ею смысла иногда может ее заменять: *Балаларымды алып, малымды эздәп* (или: *эздәргә.* — А. Ю.), *Урал эсенә китәм* (Ф. Иҗәнҗолов) 'Взяв с собой детей, пойду на Урал искать свой скот'. Различие между ними сводится к тому, что первое выражает одновременность, а второй — следование.

В соединении с усилительной частицей *та/тә* форма на *-n* многих глаголов выражает уступительное значение, выполняя функцию соподчинения сказуемого уступительного слитного предложения (1) или сказуемого придаточной части уступительного сложноподчиненного предложения (2): 1) *Ауылға барып та ял итеп булмань* (Ш. Янбаев) 'Не пришлось отдохнуть и в деревне, куда я ездил'; 2) *Йәй етеп тә, көндәр һамап йылынмай* (Ә. Вәли) 'Хотя уже и наступило лето, дни все еще не потептели'.

По значению к форме на *-n та/тә* близко стоит широко употребительная монолитная аналитическая форма деепричастия на *-а/-ә, -й торон*, функционирующая, в отличие от первой, только как соподчиненное сказуемое слитного предложения: *Тимәк, һин дә курқып, ошоларзы белә торон, әйтмәйһеңме?* (З. Бишева) 'Значит, и ты, испугавшись, не говоришь, несмотря на то, что знаешь все это?'; *Уның хәле көндән көн ауырлашканын күрә торон*

²⁷ В сочетании с императивом на *-һан/һен* и формой будущего времени на *-р, -ыр/-ер* грамматикализованная полифункциональная форма деепричастия *тип*, способная организовать придаточную часть целевого сложноподчиненного предложения, имеет регулярное целевое значение: *Һиңә килдем ә й т е р м е н т и н зур һуҙ* (М. Кәрим) 'Я к тебе пришел, чтобы сказать веское слово'; *Мин был кооператив квартирамды, балаларым ошонда иркәнләп йәшәһен т и н, һатып алғайтым* 'Я эту кооперативную квартиру купил с тем, чтобы дети мои жили в ней, не испытывая тесноты'.

his бер ярзам итмэйһегез? 'Хотя и видите, что ее состояние ухудшается изо дня в день, не оказывайте ей никакой помощи'; Белә торон эйтмэйһегез 'Хотя и знаете, не говорите'.

Некоторые формы на *-n*, выражающие способ действия типа *сунылдап* (*тама*) 'капает издавая плеск', употребляются в редуцированном виде, означая повторяемость действия, подчеркивая тем самым чисто глагольный характер этих форм: *тамсы сунылдап-сунылдап тама* 'капель падает, издавая повторяющийся плеск'. Ср.: *Улар за эстәрен тотоп, бөгөлөп-бөгөлөп колләр* (С. Агин) 'Они тоже смеются, хватаясь за животы и то и дело пагибаясь'; *Ул асылып-асылып жызы хакында уйланы* (Ә. Вәли) 'Испытывая горечь, он думал о своей дочери'. В отдельных случаях редупликация изменяет лексическое значение основы, ср. *ул сумып йөзә* 'он плывет ныряя' (или: 'погружая голову в воду') и *ул сумып-сумып йөзә* 'он плывет, время от времени погружая голову в воду'²⁸.

В значении способа, образа действия (1), равно как и при обозначении последовательности совершения двух «равноправных» действий (2), форма на *-n* нередко обнаруживает стремление к семантическому слиянию с соответствующим с ней последующим глаголом: 1) *Уйлап эшләгез* (Ф. Әмири) 'Поступайте обдуманно'; *Йзы боркоу тондәрзең берендә куржып уяндым* (Ф. Әмири) 'В одну из весенних душевных ночей я проснулся от испуга'; 2) *Сәсемде тарап үрзәм* (Ә. Бикчәнтәев) 'Я причесалась и заплела косы'. Семантическая тяга деепричастия и последующего глагола друг к другу зависит от сочетаемости и соотношения их лексических значений, от коммуникативной роли этих сочетаний и обусловленной этим частотности употребления последнего. Определенную роль играет здесь, конечно, и соотношенность обоих глаголов-сказуемых с одним и тем же подлежащим.

Вместе с тем, благодаря своей непосредственной связи с подлежащим, деепричастие сохраняет и проявляет свою синтаксическую валентность и в силу этого не сливается с последующим глаголом, если даже для этого имеются все названные предпосылки — частные лексико-семантические связи с последующим глаголом, характерные для компонентов сложных глаголов, именуемых обычно глагольными видами. Ср. *Куян дусы менән төлкө бергәләшеп, кайып тобондә торалар сер һойләшеп* (С. Кулибай) 'Лиса со своим другом зайцем стоит под берсзой, секретничая', где *һойләшеп торалар*, при всей своей близости к сложным лексическим единицам названного рода, является принадлежностью синтаксиса.

И только там, где между деепричастием и последующим глаголом нет каких бы то ни было синтаксических отношений, действительно происходит их полное слияние в необратимую лексическую единицу: *Кайһылай акыллы план уйлап сығарған бит!* 'Какой разумный план и придумал, а!'; *Улым, йәһәт кенә яңы һепертке алып кил әле* (Ә. Бикчәнтәев) 'Сынок, принеси — ка побыстрее новый веник'; *Хужа бер нисә көндән һуң базарга тағы ишәк һатып алып бары* (А. Таһиров) 'Ходжа через несколько дней опять ездил на базар, чтобы купить ишака'. Но здесь деепричастие, лишаясь своего значения и синтаксической функции, не может быть квалифицировано как таковое — его аффиксальный показатель являет собой чисто структурную (а не значащую) морфему, в принципе сходную с *о* в составе русских сложных слов типа *паровоз*, *пароход*. Поэтому о собственно словообразовательной функции деепричастия на *-n* в составе так называемых видовых форм говорить было бы так же неуместно,

²⁸ В известной мере редупликация связана со словосложением, а именно — с соединением синонимичных форм на *-n*, или семантически близких двух форм на *-n* в целях создания образных глаголов, функционирующих исключительно как деепричастия: *көйенеп-аканып* 'наряжаясь', *илап-һыжтап* 'плача горькими слезами', *өшөп-туңып* 'замерзая как суслик', *тирләп-бешеп* 'доходя до седьмого пота'. Ср. *Нарат штабта тирләп-бешеп мәсәлә сисеп уатыра ине* (Ф. Осәнов) 'Нарат, обливаясь потом, сидел в штабе и решал задачу'; *Улар бер аз һуңрак, күтәрелеп-тейәнеп . . . ауыл уржылан атланылар* (Д. Исламов) 'Несколько позже они, нагрузившись поклажей. . . , шагали по деревенской улице'.

как и об его использовании в качестве показателя прошедшего времени в некоторых других тюркских языках.

Помимо описанных значений и функций, обусловленных либо характером лексического значения глагольных основ, либо синтаксическим контекстом, либо и тем и другим, деепричастие на *-н* широко используется просто в целях выражения относительного времени — предшествования, а то и без этого значения. В этом случае деепричастие выполняет три синтаксических функции.

1. Организует второстепенное придаточное предложение со значением ограничительного предшествования, примыкающее к основному придаточному предложению сложноподчиненного предложения временной обусловленности с конституирующим деепричастным сказуемым на *-ғас* или *-ғас та*, осуществляющим двустороннюю синтаксическую связь с остальными его двумя сказуемыми: *Малдар йорттарға таралмыш, урмандағы саң бағыла төшкәс, өй алдарында бизрәләр шалтырай* (Ф. Әсәнов) 'Когда скот разбредется по домам и в лесу оседает пыль, во дворах раздается звон ведер'; *Иртән кояш сығып, көн бер ни кәзәре йылынғас та, улар юк булалар ине* (Г. Хәйри) 'Утром, как только начинало всходить солнце и воздух несколько прогрелся, они исчезли тотчас же'; *Тик, көй бөтөп, халык алкышлай башлагас кына, иҗемә килдем* (Г. Локманов) 'Я пришел в себя только после того, как перестала звучать мелодия и народ начал аплодировать' (первая придаточная часть предложения синтаксически связана лишь со второй его частью и в совокупности с ней, через ее посредство соотносится с главным предложением в модально-временном плане).

2. Форма на *-н*, лишенная всякого собственно обстоятельственного значения, выступает в позиции однородного сказуемого, выражая предшествование, логически вытекающее из последовательности действий. Являясь формально избыточным, оно используется как грамматическое средство актуализации последующего глагола (1) или же для выражения ограничительного предшествования, противопоставленного с помощью синтаксической интонации значению следования (2):

1) ср. *Ул армия сафынан кайтып, нәширәттә эшләй башланы* (С. Кулибай) 'Вернувшись из рядов армии, он начал работать в издательстве' — деепричастие можно заменить личной формой *кайтты* и соединительным союзом *һәм* 'и', который при такой трансформации ряда однородных сказуемых на *-н* ставится лишь перед актуализируемым — замыкающим сказуемым как сигнал о том, что перечисление кончается и что за ним следует информативно более важное сказуемое: ср. *Теге кыз Шаһизәнен каршыһына ултырып* (или: *ултырзы. — А. Ю.*), *өстәлдән осо һынған утмәс бысақты алып* (или: *алды һәм. — А. Ю.*), *тәзрә төбөнән туңған боззарзы сокой башланы* (Г. Хәйри) 'Усевшись напротив Шагиды и взяв со стола тупой нож с отломленным концом, та девушка принялась счищать лед с подокопника'; *Нәсимә эшен куйып* (или: *куйзы. — А. Ю.*), *урынынан тороп* (или: *торзо. — А. Ю.*), *аласыктан сыкты* (Г. Дәүләтшина) 'Насима отложила свою работу, встала с места и вышла из лачуги';

2) *Бында сәй эсеп* (или: *эстек. — А. Ю.*), *тағы юлга сығып* (или: *сыктык һәм. — А. Ю.*), *кибла ягына юнәлдек* (А. Таһиров) 'Попив здесь чай, мы снова отправились в путь по направлению к югу' — любое из деепричастных сказуемых по усмотрению говорящего может быть свободно заменено личной формой на *-дык/-дек* в сопровождении противительного-соединительного союза *та/тә*, и наоборот — личная форма с этим союзом без ущерба для передаваемого смысла свободно может быть заменена формой деепричастия на *-н*: *Михаил Иванович урынынан торзо ла* (или: *тороп. — А. Ю.*), *ситтәге кескәй өстәлдә торган графинанан һыу койоп* (или: *койзо ла. — А. Ю.*), *уны Гөлнәзирә еңгәзә һондо* (Г. Әмири) 'Михаил Иванович встал со своего места и, налив в стакан воду из графина, находящегося на маленьком столе в стороне, протянул его тете Гульназире'; *Бөркөт капыл югарыға күтәрелде лә* (или: *күтәрелен. — А. Ю.*), *куяндың алдына төшөп* (или:

тошто лә), контракага атылды (А. Таһиров) 'Орел вдруг взмыл выше, опустился перед зайцем и пакинулся на него'.

Когда семантико-синтаксическое соотношение однородных сказуемых, свойственное второй группе примеров, само по себе вытекает из контекста, оно чаще всего передается одной лишь формой на *-п*: *Ул жулына тоткам шиккәнен өстәлгә куйып, маңлайындагы тирзәрен һыпырып, урындығын Новиковка якынырак куйып, бәхәсләшергә кереште* (Д. Юлтый) 'Он начал спорить, положив саблю, которую он держал в руках, на стол, вытерев пот со лба и пододвинув свою табуретку ближе к Новикову'. Здесь перечисление последовательно совершаемых одно за другим действий вплоть до предпоследнего производится без особого выделения значения предшествования, которое акцентирует и противопоставляет его значению следования лишь предпоследнее сказуемое, отграничивая одновременно пределы этого противопоставления, т. е. всю предыдущую группу сказуемых от замыкающего.

3. При отсутствии всякого обстоятельственного значения форма на *-п* регулярно выступает в позиции сказуемого первой части соединительного сложносочиненного предложения с закрытой структурой, распадающегося на две семантические разновидности: 1) предложения следования: *Кыш үттеп, яз етте* (М. Ғафури) 'Прошла зима, и наступила весна'; *Йөрүзән буйзарына егерме кабат яз килеп, егерме кабат боззар китте* (Ф. Әсәнов) 'На Юрюзань двадцать раз приходила весна, двадцать раз трогался на ней лед';

2) предложения одновременности: *Ямгыры ла вакытында булып, еле лә вакытында иҗеп торзо* (Р. Ханнанов) 'Своевременными были и дожди и ветра'; *Мустафа үзенең полкын кыуып еткәндә, Степан да һауығып әйләнеп кайтып, улар Днепр ярларында торалар ине инде* (Д. Исламов) 'Когда Мустафа догнал свой полк, Степан, выздоровев, тоже вернулся, и они уже находились на берегах Днепра'; *Баһау менән икенсе тапкыр осорашыу кала театрында булып, Шәмсигә бер ни тиклем уның менән һөйләшеп йөрөргә тура килде* (Ғ. Хәйри) 'Вторая встреча с Багавом состоялась в городском театре, и Шамси должен был некоторое время ходить с ним и разговаривать'.

Особняком стоят два типичных случая самостоятельного употребления деепричастия на *-п*, когда оптимально выражены его предикативные возможности.

1. Авторские ремарки в пьесах оформляются в скобках с помощью формы на *-п* в виде вставочной синтаксической конструкции на правах самостоятельного высказывания с контекстуальным эллипсисом подлежащего без последующего глагола в личной форме, с которой оно обычно сочетается:

Әхмәтша. (Тыңлап). Пулемет тауышы бар (А. Таһиров) 'Ахметша. (Прислушиваясь). Слышен треск пулемета'.

Ишһылыу (үсекләп). Кәрәк, кәрәк имеш (М. Хәйзәров) 'Ишсылу (дразня). Дескать, надо, надо'.

На первый взгляд представляется, что в этом случае в авторской речи, состоящей якобы из названия персонажа-подлежащего, деепричастия в скобках и заключающего ее, как и прямую речь (реплику персонажа), глагола *ди* 'говорить', последний просто опущен и что он подразумевается. Однако глагол здесь не опущен и не подразумевается: деепричастие соотносится не с глаголом, как это обычно бывает, а с самой «прямой» речью персонажа в целом как с неким действием, производимым агенсом-подлежащим (названием персонажа), которое одновременно связано также и с деепричастием (они разобщены лишь знаками препинания — скобками с точкой или без нее).

Вставочная конструкция, возглавляемая деепричастием, обычно лаконична. Но она может быть и развернутой: *Фәрзәнә (Бер аз Шигалжа жарал тора ла, башын һелкәп). Бар икән, раббым, кешеләр!* (А. Таһиров) 'Фарзана (Некоторое время стоит и смотрит на Шигапа, затем, качая головой). Бывают же люди, боже мой!', где как с точки зрения информативности, так и синтаксически главенствует отнюдь не первое, а второе сказуемое, хотя в остальных сходных «нормальных» случаях и наблюдается обратное соотношение.

Подобные примеры, равно как и все последующие, наглядно подтверждают предикативную сущность всякого деепричастия вообще, рассматриваемой его формы — особенности.

2. Деепричастие на *-н*, как впрочем и на *-ғас*²⁹, может возглавлять присоединительную конструкцию, дистантно или контактно соотносительную с личной формой глагола, представленной в предыдущем предложении:

— *Мин бит инде мезинлекте лә ташланым . . . — тил ялыныслы тауышка уж күсеп китте мезин. Ул кешәһенән газета алып, Иштуғанга һондо.*

— *Мә, ышанмаһаң, укып Һара! Һайһы берәүзәр кешек күз буяу өсөн түгел . . . Т е л ә н, тин хокуклы гражданин бу л ғ ы м к и л е н* (З. Бишева).

— Я же бросил должность муэдзина . . . — сказал муэдзин, переходя даже на жалобный тон. Он вынул из своего кармана газету и передал ее Иштуғану.

— На, если не веришь, читай! Не ради очковтирательства, как это делают некоторые . . . Д о б р о в о л ь н о, ж е л а я с т а т ь р а в н о п р а в н ы м г р а ж д а н и н о м'.

Ташланым 'бросил' и соотносенная с ним присоединительная конструкция с двумя деепричастиями разобщены авторской речью, несколько осложняющей их связь.

В устной речи более регулярны присоединительные конструкции, контактно (а не дистантно, как в предыдущем случае) расположенные по отношению к предложению, со сказуемым которого они соотносены. Говорящий с их помощью оформляет детали высказанной им мысли, вслушивающиеся в его сознании после ее изложения: *Туйзы бик һэйбәт итеп уткәреп ебәрергә ине, еңгә. Үсеп килгән йәштәрзәң хәтерендә ж а л ы р л ы к и т е п. Б ы н а н а р ы йәштәр һәр Һайһыһы шулай. яңыса Һызыл туй менән өйләнергә т е л ә р л е к и т е п* (З. Бишева) 'Свадьбу хотелось бы организовать, уважаемая тетя, как можно лучше. Ч т о б ы у подрастающей молодежи з а п е ч а т л е л о с ь это в памяти. Ч т о б ы отныне каждый из них, вступая в брак, п р и д е р ж и в а л с я нового (перерелигиозного) обряда свадьбы'.

3. Деепричастия на *-н* (правда, это связано с иноязычным влиянием) широко употребляются в заголовках газетных статей и художественных произведений (1), в дарственных надписях (2): 1) *Алыс ерзәрзе якын итеп* («Ағизел», 1974, № 5, с. 107) 'Считая далекие места близкими'; *Бөгөнгөнө уйлап, киләсәкте байкап* («Ағизел», 1974, № 1, с. 4) 'Учитывая современность, обозревая будущее'; *Һайлаузарзы Һарыллап* («Совет Башкортостаны», 1975 4 апр.) 'Встречая выборы'; 2) *Туғаным Мансурга бер иштәлек итеп* 'Брату Мансуру на память'.

Исконная отрицательная форма на *-ма/-мә* от деепричастия на *-н* в башкирском языке не сохранилась, ср. азерб. *дурмайыб* 'не вставая', *охумайыб* 'не читая'. Вместо нее используется форма на *-май/-мәй* или *-майынса/-мәйенсә*, образованная от рудиментарной формы деепричастия на *-а/-ә*, *-й* со значением образа или способа действия, сопровождаемым значением одновременности: *Ул уйлап та тормай яуап Һайтарзы* (О. Вәли) 'Он ответил, даже не задумываясь'; *Хәмит уны тын да алмайынса, керпек тә какмайынса тыңлаһы* (Р. Ғабдрахманов) 'Хамит слушал его, затаив дыхание и даже не шелухнувшись'. В этом значении оба варианта отрицательной формы сходны, образуются от широкого круга основ и не могут иметь своего отдельно выраженного подлежащего, т. е. бытуют лишь в слитном предложении, нередко заменяя друг друга: *Ямал Һарсыт, ни эшләргә белмәй, өйгә инде* (Ф. Хәйри) 'Бабушка Ямал, не зная что делать, вошла в дом'; *Фәрзәнә, ни эшләргә белмәйенсә, аптырап калды* (Ф. Әсанов) 'Фарзана, не зная что делать, озадачилась'.

В соединении с формами, обозначающими будущее время, равно как и с императивом, формы на *-майынса* и на *-май* (реже) выражают стимулирующую причинно-следственную и временную (ограничительное предшест-

²⁹ Ср.: *Азактан алырһығыз. Әс-бауыр бушағансы һойләшкәс, кәңәшнәс* (Я. Хамматов) 'Возьмете после. Когда спокойно поговоримся вдоволь, посоветуемся'.

вание как условие) обусловленность двух действий: *Ошоно укып бәтәр-мәйенсә (бәтмәйенсә) бармайым (барма)* 'Пока не прочту (прочтешь) это, не пойду (не ходи)'; *Әшеңде тамамламай, кайтырға уйлап та бирмә* 'Даже и не думай идти домой, пока не завершишь свою работу'; *Йокоһо туймайынса (туймай) уяңмас* 'Пока не выспится, наверное, не проснется'.

В названном значении обе формы чаще всего выступают в качестве сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения, причем вторая из них — не только самостоятельно, но и в составе активной аналитической формы деепричастия на *-май/-мәй тороп*: *Ә ул пулеметты кем дә булһа дөмөктөрмәй тороп, исән калыуға өмөтләнеү бик ситен* (Д. Исламов) 'А пока кто-нибудь не заглушит этот пулемет, очень трудно рассчитывать остаться в живых'; *Ул үзе килмәйенсә, бер нәмә лә әйтә алмайым* 'Пока он сам не придет, ничего не могу сказать'; *Кояш сыкмай, көн йылыммай* 'Пока не взойдет солнце, днем не станет теплее'. Как это видно и из первого примера, сказуемое главной части предложения может быть выражено не только глаголом: *ултырыш бәтмәйенсә, таралырға ярамай* 'Пока не кончится заседание, расходиться нельзя'.

С помощью рассмотренной формы путем сложения семантически близких или синонимичных словоформ созданы отдельные необратимые сложные глаголы, функционирующие исключительно как деепричастия, типа *әйтмәй-нитмәй* 'ничего не говоря', *түкмәй-сәсмәй* 'не пропуская никакие подробности', *арымай-талмай* 'не уставая', функционально близко стоящие к наречиям.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-а/-ә, -й*

Деепричастная форма на *-а/-ә, -й*, образуемая ныне лишь от отдельных глаголов типа *озат-* 'проводить', имела, очевидно, значение цели, в котором в современном языке употребляется инфинитив на *-ырға/-ергә*, сформировавшийся позже нее: *Мөнирә Назифәне машинаға тиклем озата барзы* (Г. Локманов) 'Мунира ходила проводить Назифу до машины'; *Рахман Банузы озата сыжманы* (Ә. Вәли) 'Рахман не вышел проводить Бану'. Обе формы вполне могут заменять друг друга (*Рахман Банузы озатырға сыжманы*).

Рассматриваемая форма в сочетании с афф. *-рак/-рәк*, выражающим ограничительное проявление признака, функционирует в башкирском языке в качестве самостоятельной формы деепричастия со значением ограничительного предшествования, не доведенного до конца, которая не может иметь своего раздельно выраженного подлежащего и образуется лишь от некоторых сложных глаголов типа *барып ет-* 'доехать, дойти', выражающих конечный этап действия: *Ауылға барып етәрәк, Юмран юртыуынан туктапты* (А. Таһиров) 'Приближаясь к деревне, Юмран перестал двигаться иноходью'³⁰; *Хат таратып бәтәрәк Фәһимдән кәзе ауылдашы Низайға тошты* (Ф. Исәнғолов) 'Заканчивая раздачу писем, Фахим заметил своего односельчанина Низая'.

Отдельную, хотя и производную, морфологическую единицу составляет и редуцированная форма деепричастия на *-а/-ә, -й*, образуемая в целом от весьма ограниченного круга глагольных основ, не совместимая, к примеру, с множественством глаголов, выражающих законченное одноактное действие вроде *бәт-* 'кончать', *ашап ал-* 'закусить слегка', *сатнап бәт-* 'растрескаться', *куркып кит-* 'испугаться', *укып сык-* 'прочитать', *кереш-* 'приступать', *кител-* 'отколоться'. Неизменным ее значением является незаконченность длительного многоактного или повторяющегося действия или процесса. На это значение, характерное для самой редупликации, в зависимости от характера лексического значения глагольной основы или от синтаксического контекста, частично обусловленного им, наслаиваются еще два, свой-

³⁰ Сюда не относится широко употребительная лексикализованная форма *буларак* 'будучи, как, в качестве, в должности': *Һез, Эмма Тенисовна, коммунистик хезмәт ударниге буларак, бында өлкән һауынсы булып эшләйәсәкһегез* (Р. Ханпанов) 'Вы, Эмма Тенисовна, как ударник коммунистического труда будете работать здесь в должности старшей доярки'.

ственные уже природе именно данной редуцированной формы — деепричастью³¹.

1. Значение способа совершения другого действия или процесса, одновременно производимого одним и тем же лицом. В глаголах состояния это значение доминирует над чисто глагольным значением одновременности (1), в глаголах действия — наоборот (2); тем не менее оно и в последнем случае накладывает синтаксическое ограничение — деепричастие лишается возможности иметь свое отдельно выраженное подлежащее: 1) *Шунда ук ашыга-ашыга кейенэ башланы* (Ө. Бикчәнтәев) 'Он тут же начал торопливо одеваться'; 2) *Кыз куржа-куржа гына карсык янына инэ* (фолькл.) 'Девушка со страхом заходит к старухе'; 3) *Шулай бер-берehen йыуата-йыуата атланьлар улар* (Ө. Бикчәнтәев) 'Они шагали так, утешая друг друга'; 4) *Рауил һөйләнэ-һөйләнэ сисенде* (Ф. Әсәнов) 'Равил, болтая, разделся'.

2. Значение причинно-следственной обусловленности предшествования и следования, из коих первое обнаруживают только глаголы активного действия, а второе — обычно глаголы состояния: *Уны тазарта-тазарта йөзеп ботэ торғайнык* (Ө. Вәли) 'Очищая его, мы бывало испытывали мучение'; *Егет бара-бара бер тимерсегэ осорай* (фолькл.) 'Парень идет, идет и встречает одного кузнеца'; *Малайзар уны көтэ-көтэ арып бөттөлэр* (Ф. Әсәнов) 'Ребята, ожидая его, вконец устали'. В этом случае предшествование-причина противопоставляется следованию-следствию, что подтверждается возможностью трансформаций деепричастия в личную форму: ср. *Малайзар уны көттөлэр көттөлэр зә арып бөттөлэр*; *Егет бара бара ла бер тимерсегэ осорай* (или: *Егет барзы барзы ла бер тимерсегэ осораны* 'Парень шел, шел и встретил одного кузнеца'). Правда, такую трансформацию допускают не все формы деепричастия. Но ее принципиальная возможность достаточно ясно говорит о близости рассмотренного деепричастия в этом его значении к личным формам глагола.

С помощью формы на *-а/-э, -й* нередко производится сложение синонимичных или близких по значению словоформ в целях создания необратимых лексических единиц с образным значением, бытующих только как деепричастия: *Ул этешэ-төртөшэ вагонга күтәрелде* (Ш. Янбаев) 'Он, расталкивая других, пробрался в вагон'; *Яппар карт бата-сума уның артынан югерзи* (Ф. Локманов) 'Дед Яппар, увязая в грязи, побежал за ним'. Хотя эти сложные глаголы-деепричастия, как и сходные деепричастия на *-н*, и несут с собой ярко выраженное значение способа, образа действия, над этим их значением неизменно доминирует категориальное значение глагольности обуславливающее их сильную связь с подлежащим.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ҒАС/-ҒЭС*

Данная форма деепричастия в отличие от всех остальных может быть образована от любой глагольной основы.

Форма на *-ғас/-ғэс* обычно выражает предшествование как условие, при котором совершается последующее действие в рамках одного и того же грамматического времени. В этом значении она активно употребляется как в слитном (1), так и сложноподчиненном предложении временной обусловленности (2): 1) *Ғалдатжа алынғас, һәр вақыт бергә булдык* (Д. Юлтый) 'Когда называли в армию, мы все время были вместе'; 2) *Концерт бөткәс, улар ишек алдына сықты* (Ф. Исәнғолов) 'Когда закончился концерт, они вышли во двор'. Форма на *-н* и другие формы деепричастия, стоящие перед деепричастием на *-ғас/-ғэс*, синтаксически подчиняются ему и только через его посредство соотносятся со сказуемым в личной форме глагола, с которым сама форма на *-ғас* неизменно имеет прямую связь, если даже они разобщены по

³¹ Ср.: *Ләкин бына мин кайһы вақытта уйлайым-уйлайым да аптырайым* (Ф. Хәйри) 'Но вот я иногда думаю, думаю и прихожу в недоумение'; *Нина йөрөнө-йөрөнө л артык түзә алмань* (Р. Ғабдрахманов) 'Нина ходила, ходила, но больше не выдержала', где прослеживается прямая связь со вторым из описанных ниже значений

следующим деепричастием: *Шулай һөйләнә-һөйләнә икешәрме-өсәрме рюмка бушаткас, ул диванда яткан иске генә аккордеонга урелде* (Д. Исламов) 'Когда, разговаривая таким образом, мы вышли не то две, не то три рюмки, он потянулся к старенькому аккордеону, лежащему на диване'; *Без кейенеп, тоқсайзарыбыззы асып, рэхмәт әйтәп күрешкәс. улар безгә юл өйрәтәп ебәрзәләр* (М. Гафури) 'Когда мы оделись, нагрузили на себя котомки и, поблагодарив хозяев, распростылись с ними, они показали нам дорогу, по которой мы пошли'.

В зависимости от контекста значение предшествования часто осложняется более или менее ясно выраженным оттенком причинно-следственного значения: *Был хәбәрзе ишеткәс, Петро Иосифовичтең йөзөн кара һором капланы* (Г. Әмири) 'Услышав это известие, Петро Иосифович помрачнел'; *Иренең һәләк булуы тураһында хәбәр ишеткәс, Рауфәнең эсәһе бик иланы* (Ә. Вәли) 'Получив известие о гибели своего мужа, мать Рауфы горько плакала'.

Причинно-следственную обусловленность предшествующего и последующего действий форма на *-ғас/-гәс* однозначно выражает обычно лишь в зависимости от характера лексического значения глагольной основы, в частности, при всех основах на *-ма/-мә* и в отдельных глаголах типа *бул* 'быть, стать', *аптыра* 'озадачиться': *Кеүәтов башка һүз әйтмәгәс, Флюра тағы уа өндәште* (Ә. Вәли) 'Поскольку Куватов больше ничего не сказал, Флюра снова обратилась к нему'; *Һин риза булғас, бригадир зә һүз әйтмәс* (Ф. Әәнов) 'Раз ты согласен, то и бригадир не станет возражать'; *Һағышы эс бошоуын еңә алмаймыса аптырағас, асыж тәзрә әргәһенә киләп урамға бакты* (Д. Исламов) 'Озадаченный тем, что не может одолеть свою гнетущую тоску, он подошел к открытому окну и посмотрел на улицу'.

В данном своем комбинаторном значении афф. *-ғас* лег в основу широко употребительной монолитной аналитической формы деепричастия на *-а/-ә, -й торғас*, характеризующей обозначаемое ею действие как длительный акт, в конечном итоге приводящий к результату, описанному последующим глаголом в личной форме в составе слитного (1) или сложноподчиненного предложения причинно-следственной и временной обусловленности (2): 1) *Шулай үз алдына үзе зәһәр сәсеп ултыра торғас, бер көндө ул баштан түзмәй ауырып китте* (З. Бишшева) 'Сидя и, злясь, он в конце концов однажды не выдержал — заболел'; 2) *Буш быуага һыузар төшә торғас, Бер мән ташып, һапыл йырланы* (К. Даян) 'Вода, стекая в пустую плотину, однажды заполнила ее, стала переливаться через край, и плотина вдруг зацела'; *Без шулай һөйләшә торғас, мәсьәлә асыжланды* 'В результате нашего длительного разговора вопрос стал ясным'; *Шулай һөйләшә-һайраша торғас, Ағиҙәдең текә ярына терәп ултырған тыуған-үскән ауыл да күренде* (З. Хисмәтуллин) 'Увлеченные разговором мы в конце концов дошли до места, откуда увидели свою родную деревню, расположенную на отвесном берегу Белой'.

Форма на *-ғас/-гәс* в сочетании с усилительной частицей *та/тә* составляет самостоятельную морфологическую единицу того же назначения с двумя регулярными значениями: 1) акцентированное ограничительное предшествование, противопоставленное следованию как временное условие его совершения, 2) ограничительное предшествование как препятствующее условие, вопреки которому совершается последующее действие. В обоих значениях форма на *-ғас та* выступает как в слитном, так и сложноподчиненном предложениях, причем чаще всего в первом из них, которое помимо изложенного содержит указание на отсутствие стыка между предшествованием и следованием: *Һүз ошо тәңгәлгә киләп еткәс тә, ул йомошон әйтә һалды* (Ә. Вәли) 'Как только речь дошла до этого момента, он сразу изложил свою просьбу'; *Ә без һеззән сигнал алғас та, мулла өйөн уратабыз* (Я. Хамматов) 'А мы, как только последует сигнал от вас, окружим дом муллы'. Во втором своем значении, находящемся в зависимости от контекста, форма на *-ғас та* встречается гораздо реже, чем в первом.

В сочетании с ограничительной частицей *жына/кенэ* форма на *-ғас/-ғәс* реализуется в значении ограничительного предшествования, обуславливающего проявление следования: *Бер ун биш көнләп самаһы үткәс кенэ очерк донъя күрзе* (Ә. Вәли) 'Очерк вышел в свет лишь по истечении дней пятнадцати'; *Атайым Тандон ағай менән байтаҡ һөйләшкәс кенэ, ул бер аз йомшара төштө бугай* (Ә. Бикчәнтәев) 'Он, кажется, несколько смягчился лишь после того, как отец мой довольно долго говорил с дядей Тандоном'.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ҒАНСЫ

Форма на *-ғансы/-ғансе* после глухих согласных, *-ғансы/-ғансе* после остальных звуков выражает главным образом ограничительные временные отношения, а именно:

1) ограничительное следование, с наступлением которого прекращается или прерывается другое действие: *Ғалдаттар патрондары бөткәнсе аттылар* (А. Таһиров) 'Солдаты стреляли до тех пор, пока у них не кончились патроны'; *Вахит туйғансы ашаны* (Р. Ханнанов) 'Вахит ел до тех пор, пока не наелся';

2) несостоявшееся следование, устраненное с наступлением предшествующего действия: *Егет нимәлер әйткәнә олгәргәнсе* (т. е. *өлгәргәнсе*. — А. Ю.), *Мәстүрә югерә-атлай төн караңгылыгында эрегәйне инде* (Д. Исламов) 'Не успел парень промолвить и слово, как Мастура исчезла в ночной темноте', где это значение возникает в зависимости от контекста;

3) ограничительную одновременность, что тоже зависит от контекста: *Ватан һугышы башлангандан алып, һугыш бөткәнсе, безең юлдар тағы айырылып торзо* (С. Кулибай) 'С начала Отечественной войны до ее окончания наши дороги вновь разошлись'.

Форма на *-ғансы* с последующим глаголом в императиве или желательном наклонении широко употребляется в целях сопоставления двух действий, из которых второе в сравнении с первым является предпочтительным: *Бынау бәлжәй булмаһа т о р ғ а н с ы, безгә с ы ж, безгә күңелле* (Г. Хәйри) 'Чем жить в такой маленькой комнате, переходим к нам, у нас весело'; *Тик ул т ы р ғ а н с ы, хат яз ы п а л а й ы м әл* 'Чем сидеть без дела, напишу - ка лучше я письмо'. В этом значении она чаще всего выражает неопределенно-личное обобщенное действие, обусловленное тем, что предложение в целом носит обычно характер умозаключения, адресованного ко всем трем грамматическим лицам: *Мең тапкыр и ш е т к ә н с е, бер тапкыр күрәү яшый, тизәр бит* (З. Хисмәтуллин) 'Говорят же: лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать'.

Как видно из примеров, форма на *-ғас* и в данном своем значении может быть представлена как в слитном, так и в сложноподчиненном предложениях

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ҒАНСА

Форма на *-ғанса/-ғанса* (после глухих согласных), *-ғанса/-ғанса* (после остальных звуков) в отличие от предыдущей образуется от ограниченного числа основ. Она выражает способ или образ действия с оттенком сравнения: *Эмма Тенисовна әйткәнә эшләне* (Р. Ханнанов) 'Эмма Тенисовна работала так, как это было предложено'; *Үзезгә тор, теләгәнә аша, теләгәнә йөрө* (С. Агит) 'Живи у нас, ешь, сколько хочешь, ходи, куда хочешь'; *Җырым һин уны, эсәң өйрәткәнә, әйбәтләп эсен дә, тышың да йыу* (Ә. Вәли) 'Дошенька, ты вымой его тщательно и внутри, и снаружи, как учила твою мать'.

В отличие от всех остальных деепричастий форма на *-ғанса* широко употребляется также в вводных предложениях (1), конкурируя с формой на *-уыңса/-еүенсә*, возникшей тоже с помощью наречного афф. *-са/-сә*, и с лексикализованной формой деепричастия *әйтмешләй* 'как говорит кто-то' (2): 1) *Ә бына, үзегез әйткәнә, «көнсөл егет» булып барып, ыгы-зыгы кутарзыгыз* (Ф. Исәпғолов) 'А вот, появившись там, как Вы сами выразились, в качестве «равнивого парня», Вы подняли скандал'; *Уның һөйләүенсә, эш*

былай була (Ф. Хэйри) 'По его рассказу, дело обстояло следующим образом';
2) Ул, шагирээр эйтмешлэй, уйзар диңгезендэ йозэ баишлай ине (Ф. Хэйри)
'Он, как бы выразился поэт, начал погружаться в мир грез'.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ЫШЛАЙ

Форма на -(ы, о)шлай/-(е, ө)шлэй носит рудиментарный характер. Она представлена только глаголами движения *барышлай* 'идя (туда)', *килешлэй* 'идя (сюда)', *китешлэй* 'уходя', *жайтышлай* 'возвращаясь', *узгышлай* 'проходя мимо', *үтешлэй* 'проходя мимо' с общим профилирующим значением 'находясь в движении по направлению', в котором она бытует исключительно в функции сказуемого слитного предложения: *Сэжибэ, кире жайтышлай, Мэхмүттө остратты* (Ф. Хэйри) 'Сабиha на обратном пути, возвращаясь домой, встретила Махмута'; *Кис менэн эштэн жайтышлай шоферзар, берэр кружка һыра эсеп сыгырга тип, трест ашханаһына инделэр* (Д. Исламов) 'Вечером, возвращаясь с работы, шоферы зашли в столовую, чтобы выпить по кружке пива'.

ПРИЧАСТИЕ

Причастие — особая неспрягаемая глагольная форма, имеющая грамматические свойства глагола и прилагательного. Обозначая действие предмета или лица как признак, протекающий во времени, причастие, подобно глаголу, имеет формы прошедшего, настоящего и будущего времени. Ему также свойственны следующие грамматические категории и формы глагола:

1) переходность/непереходность: а) *дэрсен эзерлэгэн укыусы* 'ученик, приготовивший уроки'; б) *театрга барасак Халим* 'Халим, идущий в театр'; в первом примере глагол изъявительного наклонения и причастие *эзерлэгэн* являются переходными и обозначают действие, переходящее на прямой объект. Во втором примере глагол изъявительного наклонения и причастие *барасак* являются непереходными;

2) залог: *язылган шиғыр* 'написанное стихотворение', *йылы кейенгэн кеше* 'человек, одетый тепло', *бесэн сабышжан агай* 'дядя, помогавший косить сено';

3) видовые формы: *безгэ килеп йорогэн кеше* 'человек, приходящий к нам', *һөйлэй башлаган докладсы* 'заговоривший докладчик', *укып сыккан китап* 'прочитанная книга', *жараштырған журнал* 'мельком просмотренный журнал', *ял итеп алған эшселэр* 'немного отдохнувшие рабочие';

4) формы возможности и невозможности: *жайта алган кеше* 'человек, который смог возвратиться', *жайта алмаган кеше* 'человек, который не смог возвратиться';

5) отрицательная форма на -ма/-мэ: *эшкэ китеусе иптэштэр* 'товарищи, идущие на работу' — *эшкэ китмэусе иптэштэр* 'товарищи, не идущие на работу', *жайнаган һыу* 'кипяченая вода' — *жайнамаган һыу* 'некипяченая вода';

6) управление надеждами: *калага жайтыусы турист* 'турист, возвращающийся в город', *жаланан килгэн жунак* 'гость, приехавший из города', *ауылда калыусы йэштэр* 'молодежь, остающаяся в деревне' и т. д.

Причастие в отличие от спрягаемых форм глагола не имеет категории наклонения, лица и числа.

Причастие имеет следующие грамматические свойства имени прилагательного:

1) обозначает признак предмета: *хат язган кеше* 'человек, написавший письмо', *иртэгэ килэсэк вэкил* 'представитель, приезжающий завтра', *был йортта йэштэусе кеше* 'человек, живущий в этом доме';

2) употребляясь вместо определяемого существительного, причастия очень часто выполняют его функции, т. е. употребляются в функции подлежащего, дополнения, а также в составе сложного сказуемого. При этом причастия принимают аффиксы надежда, числа, принадлежности и лица: *Донъя кургандэр был хэлде тиз ақланылар* (Ф. Исәнғолов) 'Новоиздавшие жизнь'

скоро поняли это положение?; *Әммә Дәүли карт үзе һөйләгәннә үзе ишанмай* (М. Кәрим) 'Однако старик Давли не верит тому, что сам рассказал';

3) основная синтаксическая функция причастия, как и прилагательного, выступать определением: *Арыган кешеләрҙең кайһылары ятып, кайһылары ултырып ял итә* (Ә. Бикчәнтәев) 'Уставшие люди отдыхают либо сидя, либо лежа'; *Заһит рәхәтләнен тоҙ ялаган ҡыр кәзәләренән күзен алмай* (Я. Хамматов) 'Заһит не может оторвать глаз от диких коз, которые с удовольствием лижут соль'.

В причастии глагольные признаки преобладают и в грамматическом, и в семантическом планах; причастия обозначают динамические признаки, а прилагательные выражают статические признаки; у причастий грамматических категорий глагола намного больше, чем категорий прилагательного.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Причастие прошедшего времени в современном башкирском языке представлено одной формой, которая образуется посредством афф. *-ған* и его алломорфов *-ған, -қан!-кән*: *алған йокләмә* 'взятое обязательство'; *килгән кунак* 'приехавший гость', *кайтқан кеше* 'вернувшийся человек', *коткән хәбәр* 'ожидаемое известие'.

Отрицательная форма образуется при помощи афф. *-ма!-мә*: *әйтелмәгән һүз* 'непроизнесенное слово', *эшкә бармаған кеше* 'человек, не поехавший на работу'.

Причастие на *-ған* выражает признак предмета по его действию и состоянию в прошлом; очень часто употребляется в функции определения. В этой функции оно занимает препозитивное положение и связывается с определяемым словом по способу примыкания, не согласуется с определяемым словом ни в числе, ни в падеже: *Башыузарҙа, калкыу урындарҙа ирегән ҡарҙан пар күтәрелә* (А. Карнай) 'На полях, на возвышенных местах поднимается пар от растаявших снегов'; *Әйткән һүз — атқан уҡ* (погов.) 'Сказанное слово — выпущенная стрела'.

Причастное определение на *-ған* бывает простым и распространенным. Простое (синтетическое) определение состоит из одной словоформы. Распространенное причастное определение может состоять из двух, трех и более компонентов: *Сәғидуллин алдында торған кешеләргә текләп ҡараны* (А. Карнай) 'Сагидуллин внимательно посмотрел на людей, стоящих перед ним'; *Яр буйында уйнап йөрөгән балалар уның артынан китәләр* (Б. Дәүләтшина) 'Дети, игравшие на берегу, пошли за ним'; *Оҙакламай аҡ ҡар менән ҡапланған ялан күренде* (С. Ағиш) 'Вскоре показалось поле, покрытое снегом'.

Причастия на *-ған*, употребляясь без определяемого ими существительного, приобретают значение предметности и выступают в роли существительного. Эти причастия называют предмет или лицо по их признаку и выполняют синтаксическую функцию подлежащего и дополнения. Они принимают аффиксы падежей, числа и принадлежности: *Уның әйткәнненән кайтмай торған ғәзәте бар* (фолькл.) 'У него привычка держать свое слово'; *Йә, кәзерле кунак, ишеткәндәреңде һөйләй ултыр* (Ж. Киекбаев) 'Ну, дорогой гость, рассказывай о том, что видел, что слышал'; *Йөрөй белмәгән юл бозор, һөйләй белмәгән һүз бозор* (погов.) 'Не умеющий ходить испортит дорогу, не умеющий говорить испортит слово'.

Причастия на *-ған* употребляются в функции сказуемого различных придаточных предложений в составе сложноподчиненного предложения. При этом они часто принимают падежные аффиксы и нередко употребляются с различными послелогоми.

Причастие прошедшего времени может быть сказуемым придаточных предложений других видов: *Байҙа хезмәт итеү ауыр булғанға күрә, ялсылар тизерәк китеү яғын ҡарайҙар* (М. Фафури) 'Ввиду того, что работа у бая чрезвычайно трудная, батраки стараются скорее уйти от него' (придаточное причины); *Без һабан бәткәнде көтөп тора алмабыҙ илде* (Ж. Киекбаев) 'Мы не сможем ждать, когда закончится пахота' (придаточное дополнитель-

пое); *Ауылдан алыс түгел урман ситендә еткәндә, Фатима күсергә тағы ла бер нисә күз әйтте* (А. Таһиров) 'Когда доехали до опушки леса возле деревни, Фатима сказала кучеру еще несколько слов' (придаточное времени); *Бөгөн күрше Якуп ауылында базар булганға күрә, ауыл урамдары ғәзәттәгенән шаулырак ине* (З. Бишшева) 'Улицы деревни были более шумными, так как в соседней деревне сегодня собрался базар' (придаточное причины); *Күз алдына катыны килеп баҗкан һайын, Буракасовтың кулы иштиярһыз трубкаһына үрелә* (О. Вәли) 'Когда Буракасов вспоминал жену, то его рука невольно тянулась к (телефонной) трубке'; *Аш бешкәнгә тиклем, корһак асыл китер* (Н. Дәүләтшина) 'Пока суп будет готов, мы проголодаемся' (придаточные времени).

Как видно из приведенных примеров, причастие на *-ған* принимает все надежные аффиксы. При этом некоторые надежные формы употребляются с послелогоами.

Значение придаточного времени выражается также причастием на *-ған* в местном падеже и словами *сақта, вақытта, мәлдә, арала: ул кайткан сақта, ул кайткан мәлдә, ул кайткан арала* 'когда он возвращался'.

Время действия, выраженного причастием на *-ған*, определяется по времени действия сказуемого главного предложения. Если сказуемое главного предложения выражено формами прошедшего времени, то причастие на *-ған*, как правило, обозначает действие предшествующее основному: *Хисмәтулланы күрөп һойләшкәндән бирле Гөлъямал тыныслығын югалтты* (Я. Хамматов) 'После разговора с Хисматуллой Гульямал потеряла свой покой'.

Форма на *-ған* в местном падеже выражает действие, которое происходит или произошло одновременно с действием главного сказуемого: *Һигезенсе март байрамы етеп килгәндә булды был хәл* (Б. Бикбай) 'Это случилось, когда приближался праздник 8-го марта'.

Причастия на *-ған* в редких случаях могут переходить в разряд прилагательных, утрачивая при этом грамматические свойства глагола и выражая постоянные признаки предмета или лица: *әсгән һөт* 'кислое молоко', *кайнаған һыу* 'кипяченая вода', *бешмәгән алма* 'неспелое яблоко', *бешкән ит* 'вареное мясо', *һөрһөгән ит* 'тухлое мясо', *тыуған ер* 'родная земля'. Причастие на *-ған*, как правило, не субстантивируется.

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В современном башкирском языке две формы причастия настоящего времени.

Первая форма по своей структуре является простой и образуется при помощи афф. *-ыусы* с его алломорфами *-еусе, -усы/усе, -оусе/-оусы*, например: *языусы* 'пишущий', *һикереусе* 'прыгающий', *уҡыусы* 'читающий', *эшләусе* 'работающий', *көтөусе* 'ожидаящий', *ярҙам итеусе* 'помогающий', *алыусы* 'получающий'.

Эта форма весьма широко употребляется в функции подлежащего, в результате чего многие причастия субстантивировались, пополнив лексику: *уҡытыусы* 'учитель', *һатыусы* 'продавец', *языусы* 'писатель', *уҡыусы* 'ученик', *көтөусе* 'пастух', *сәсеусе* 'сеятель' и т. п.

Основной синтаксической функцией причастия настоящего времени на *-ыусы* является выполнение роли определения: *орлоҡ ағыулаусы машина* 'машина, протравляющая зерно', *организмде азыкландырыусы матдәләр* 'вещества, питающие организм', *ғазапланыусы кеше* 'человек, испытывающий мучения', *улы һаҡында кайғыртыусы әсә* 'мать, заботящаяся о сыне', *юлдан яҙырыусы кеше* 'человек, сбивающий с пути', *тура юлга юнәлтөусе иптәш* 'товарищ, направляющий на верный путь'.

Причастия настоящего времени на *-ыусы* широко употребляются в речи без определяемого существительного, в субстантивном значении. Они принимают в этом случае аффиксы падежа, числа и принадлежности и выполняют функции подлежащего и других членов предложения: *Барлыҡ ауыл кешене, Һарты-йәше һуғышжа китеүселәрҙе озатырға килде* (Ж. Кәекбаев) 'Все

жители деревни, и стар и млад, пришли провожать уезжавших на войну'; *Хэйзэр инеүселэргэ дивандан урын күрһэтте* (О. Бикчэнтөев) 'Хайдар показал пришедшим место на диване'. Однако эти субстантивированные причастия являются грамматическими омонимами собственных причастий. Наряду с субстантивированными причастиями *һатыусы* 'продавец', *көтөүсе* 'пастух' употребляются и причастия настоящего времени: *һатыусы кеше* 'продающий человек' и *көтөүсе кешелэр* 'ожидающие люди'. Ср. *Базарза сэй һатыусы саузэгэрзэр бөгөн куп булды* (Г. Дәүләтшин) 'Сегодня на базаре было много купцов, продающих чай'; *Вокзал поезд көтөүсе халык менән шығырым тулғайны* (А. Таһиров) 'Вокзал был полон людьми, ожидающими поезд'.

Вторая форма причастия настоящего времени является аналитической и образуется посредством сочетания деепричастия на *-а/-э, -й* и вспомогательного глагола *тор-* в форме причастия на *-ған*: *шал бэйләй торған энлэр* 'спицы, которыми вяжут шаль', *тиз бөтэ торған ауырыу* 'болезнь, которая проходит скоро', *Мәскәүгә оса торған самолет* 'самолет, летающий в Москву'.

Различие между первой и второй формами причастия настоящего времени заключается в следующем: 1) причастие на *-ыусы* очень часто субстантивируется и переходит в разряд существительных: *икмәк беишереүсе* 'пекарь', *башлап йыраусы* 'запевала', *бала караусы* 'няня', *балык үрсетеүсе* 'рыбовод'. Причастие на *-а/-э, -й торған* употребляется вместо существительного весьма редко и, как правило, не переходит в разряд существительных; 2) причастие на *-ыусы* обычно является определением к существительным одушевленным, тогда как причастие на *-а/-э, -й торған* может быть определяемым к существительным со значением одушевленности и неодушевленности: *мәсьәлә аңлатыусы укытыусы* 'учитель, объясняющий задачу', *балык ыслаусы* 'мастер (мастер-коптильщик рыбы)'; *беззең еңеүзе белдерә торған факт* 'факт, говорящий о нашей победе', *эйткәнде белә торған кеше* 'человек, знающий цену совета'.

ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Причастие будущего времени имеет три формы. Первая форма образуется при помощи афф. *-ыр* и его алломорфов *-ер, -ор/-өр, -р*. Отрицательная форма этого причастия образуется посредством присоединения к основе глагола показателя *-ма(с)/-мә(с)*. Примеры: *алыр әйбер* 'пенец, которую необходимо купить', *килер көн* 'грядущий день', *йәшәр йорт* 'дом, в котором будут жить', *һөйләр һүз* 'слово, которое будет сказано', *өйөр бесән* 'сено, которое нужно сложить', *торор кешеләр* 'люди, которые должны вставать', *һүнмәс дәрт* 'неугасимое желание', *һүнмәс дан* 'немеркнущая слава', *туймәс әзәм* 'ненасытный человек', *еңелмәс крепость* 'непреодолимая крепость', *кажишамәс көс* 'непоколебимая сила', *айырылмаҗ дуслык* 'неразрывная дружба'.

Причастие будущего времени на *-(ы)р* обозначает признак предмета, который является постоянным его свойством, или который, возможно, станет им в будущем: *килер кунак* 'гость, который, возможно, придет', *кажишамәс дуслык* 'нерушимая дружба'.

Наиболее типичной синтаксической функцией причастия на *-ыр* является выполнение роли определения: *Килер көн килер бәхет ул* (Ә. Вахитов) 'Грядущий день — это грядущее счастье'; *Күзгә күренмәс кеше инде ул беззең Фәһим* (Ф. Исәнголов) 'Незаметный он человек — наш Фагим'; *Булыр колон бэйзә уймар* (погов.) 'Жеребенок, который будет хорошим конем, и на привязи будет игривым'; *Үлсәүзәргә һыймәс тәрәнлектәр күптер беззең һәр бер диңгеззә* (Р. Нимәт) 'У нас много неизмеримых глубин в каждом море'?

Некоторые причастия на *-(ы)р* окончательно перешли в категорию существительных: *урынбаҗар* 'заместитель', *юлбаҗар* 'разбойник', *һөтимәрзәр* 'млекопитающие', *үләнашарзәр* 'травоядные', *илгизәр* 'путешественник', *тик тормаҗ* 'непоседа', *килер* 'доход' и т. д.

Причастия на *-(ы)р* активно употребляются в речи вместо существительного, принимая аффиксы падежа и принадлежности: *Килереңде алдан белгән булһам, үзеңде ҡунаҡ итер инем әле* (Р. Солтангәрәев) 'Если бы знал о твоём приезде, угостил бы я тебя'; *Алтымыш йәшәрзән һорама, алты йәшәрзән һора* (посл.) 'Не спрашивай у того, кто жил шестьдесят лет, спроси того, кто жил шесть лет'; *Была эшкә уның ҡулы бармағын яҡты беләһең* (О. Вәли) 'Ты знаешь, что его рука не сделает такого' и др.

Царные сочетания, состоящие из комбинации положительной и отрицательной основы будущего времени одного и того же причастия на *-(ы)р*, перешли в разряд наречий: *теләр-теләмәс* 'неохотно', *уяһыр-уяһмаҫ* 'спросонья', *һизелер-һизеләмәс* 'еле заметно', *ашар-ашамаҫ* 'впроголодь', *үсер-үсәмәс ултыра* 'еле растёт', *курәнер-курәнемәс* 'еле заметно'.

Немногочисленные причастия на *-(ы)р*, обозначая постоянный признак предмета, приближаются к именам прилагательным: *осар ҡош* 'летающая птица', *килер көн* 'грядущий день', *яһар тау* 'горящая гора' и т. д.

При помощи афф. *-зай*, *-лык* и их фонетических разновидностей причастие на *-(ы)р* приобретает значение прилагательного: *әйтәп бирә алмаҫлык шатлык* 'радость, которую невозможно выразить', *беләмәҫлек эз* 'незаметный след', *ҡулдан килерзәй эш* 'работа, которую можно выполнить', *уғыр-зай (кеше)* 'человек, который сможет учиться'. Примеры: *Юкка ҡағыз бысратма, ҡулыңдан килерзәй эшкә тотон* (Ш. Насыров) 'Зря не марай бумагу, возьми за дело, которое ты можешь выполнить'; *Солтан Вахитович алмаштырмаҫлык белгес иҫәпләнә* (С. Кулибай) 'Султан Вахитович является таким специалистом, которого невозможно заменить'.

Эти причастия-прилагательные могут выполнять и функцию сказуемого: *Йыл һайын яңы йорттар һалына, уларҙы һанап бөтөрлөк түгел* (Р. Низамов) 'Ежегодно строится много домов, их трудно сосчитать'.

И в функции определения, и в роли сказуемого данные причастия-прилагательные выражают модальное значение возможности и невозможности совершить какое-либо действие.

Вторая форма причастия образуется при помощи афф. *-асаҫ/-әсәк* после согласных основ и *-ясаҫ/-йәсәк* после гласных основ: *ҡалаға барасаҫ автобус* 'автобус, который пойдет в город'; *безгә киләсәк ҡунаҡ* 'гость, который приедет к нам'; *Мәскәүгә уҡыясаҫ студент* 'студент, который будет учиться в Москве'; *Өфөгә йөрөйәсәк поезд* 'поезд, который пойдет в Уфу'.

Причастие на *-асаҫ* выражает такой признак субъекта и предмета, который обязательно будет характеризовать их в будущем.

Основной синтаксической функцией причастия на *-асаҫ* является выполнение роли определения при именных частях речи: *Оло шахтер башланасаҫ забой урынын күрһәтте лә, үзе эшләгән участка ашыҡты* (Я. Хамматов) 'Старый шахтер показал то место, где начнется забой, и, торопясь, пошел на свой участок'; *Алдыбыҙға әле көрәшәсәк йылдар бар* (С. Кулибай) 'Впереди у нас еще есть годы борьбы'. Данная форма в современном башкирском языке весьма редко переходит в разряд существительных: *киләсәк* 'будущее', *бирәсәк* 'задолженность', *аласаҫ* 'долг', *күрәсәк* 'испытание', *көтәсәк* 'долг'. Примеры: *Байың аласағы күп, ярлының бирәсәге күп* (погов.) 'У богатого много должников, у бедного — долгов'; *Уға киләсәккә юл күрһәтәүсе большевик Михаил булды* (Я. Хамматов) 'Дорогу в будущее ему показал большевик Михаил'.

В предложении причастие на *-асаҫ* часто выступает в функции имени существительного, принимая аффиксы падежей и принадлежности: *Ул буровойға барасағы хакында хәбәр итмәгән икән* (Р. Солтангәрәев) 'Оказывается, он не сообщил о своей поездке на буровую'; *Бына мин, пландарымдың тормошҡа ашасағына шатланып, умарталыҡҡа китеп барам* (Ш. Мусин) 'Вот я, радуясь осуществлению своих планов, иду на пасечник' и т. п.

Третья форма причастия будущего времени образуется посредством афф. *-аһы/-әһе* (после согласных основ), *-йһы/-йһе*, *-йһо/-йһө* (после гласных основ): *бараһы ауыл* 'деревня, куда должны ехать', *һөйләшәһе һүз* 'разговор, который должен состояться', *уғыһы ҡитап* 'книга, которую нужно читать',

эшлэйһе эш 'работа, которую нужно выполнить', *йөрөйһө ер* 'место, куда должны ходить'. Грамматическим содержанием данной формы является необходимость совершения действия, которое выражено определяемым членом предложения.

Причастие на *-аһы* с должноствовательным значением входит в состав различных модальных аналитических конструкций, которые выполняют в предложении функцию сказуемого: *Ағайымдың әле бит укып сығаһы бар* (Ш. Биккол) 'Брату еще необходимо выучиться'; *Әллә Йәнозакты сақырып һорашаһымы икән?* (Г. Дәүләтшин) 'Может быть, нам нужно пригласить Янузака и расспросить его?'; *Малдар үзе ҡайта, эзләп йөрөйһө юк* (Ш. Насыров) 'Возвращаются животные сами, нет надобности искать'; *Нишләт улай ҡаһыл ҡитәһе булған?* (Ф. Исәнғолов) 'Почему же он решил так неожиданно уехать?'; *Был хакта үҙемдең курише А. И. Гавриловтан һорайһы иттем* (З. Уракин) 'Счел необходимым спросить об этом своего соседа А. И. Гаврилова' и др.

ИНФИНИТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Инфинитив является неличной формой глагола. В отличие от имени действия он функционирует исключительно как глагол, обозначает процессуальное действие.

Формы инфинитива, сочетаясь со спрягаемым глаголом, выражают цель действия и состояния. В зависимости от характера значения сочетающегося с инфинитивом слова эти формы могут выражать и модальные значения: необходимость, долженствование, желание, намерение, побуждение, приказание, возможность и т. д.

Инфинитив не изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям, не принимает аффиксов принадлежности. Инфинитив употребляется преимущественно в роли обстоятельства цели, в глагольном словосочетании нередко выступает в качестве главного члена инфинитивно-модального односоставного предложения.

Основной формой инфинитива в современном башкирском языке является глагол с афф. *-рға* с фонетическими вариантами *-ргә*, *-ырга/-ергә*, *-орға/-оргә*; в говорах зафиксирован вариант *-арға/-эргә*, а в письменных памятниках *-урға/-үргә*. В этимологическом плане инфинитив на *-рға* возводится к сочетанию формы причастия будущего времени на *-р* и аффикса дательного-направительного падежа *-ға*. В живой разговорной речи в определенных синтаксических конструкциях выступает и усеченная форма инфинитива на *-(ы)р*: *ҡайтыр кәрәк* 'надо возвращаться', *барыр булһа* 'если решит пойти'.

Инфинитив на *-рға* образуется как от корневых, так и от производных глаголов. Данной форме глагола присущи категории переходности и непереходности, залога и вида. Она может употребляться в положительном и отрицательном аспектах. Отрицательная форма образуется афф. *-маҫҡа!* *-мәҫкә*: *бармаҫҡа* 'не ходить', *карамаҫҡа* 'не смотреть' и т. д.

Как показатель самостоятельной категории афф. *-рға* характеризуется однозначностью и употребляется только в качестве целевого инфинитива: не имеет категории лица, числа, времени и наклонения, в отличие от имени действия лишен категории склонения и принадлежности. Афф. *-рға*, таким образом, неизменно, замыкает словоформу — после него уже не может быть других аффиксов словоизменения, кроме модальных частиц *-мыр* с вариантами и *-мы*: *эшләргәлер* 'наверное, надо работать', *уқырғалыр* 'наверное, надо читать', *барырғамы?* 'надо пойти, да?' и т. п.

Различается зависимое и независимое употребление инфинитива, первое является более распространенным.

Независимый инфинитив употребляется главным образом в значении императива, используя свои синтаксические потенции на общих основаниях, ср. *эшкә сығырға* 'выйти (выходить) на работу', *Ленинсә йәшәргә, эшләргә һәм уқырға!* 'Жить, работать и учиться по-ленински!' В первом примере ин-

инфинитив выступает стержневым словом в словосочетании, во втором — центральным членом предложения.

Лексико-семантические признаки и синтаксические функции инфинитива наиболее полно проявляются в словосочетаниях с зависимым инфинитивом, в качестве главных членов которых выступают существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, глаголы и модальные слова. Компоненты данных словосочетаний связываются способом примыкания, инфинитив находится в препозиции по отношению к подчиняющимся словам.

Именным словосочетаниям с инфинитивом на *-рға* присущи в основном целевые, реже объектные, предикативные и определительные отношения: *эсергә һыу юк* 'нет воды, чтобы попить', *тартырға тәмәкә бар* 'есть табак, чтобы покурить', *кайтырға ваҡыт* 'пора возвращаться'; *Миндә атта йөрөргә, сабырға осталыҡ бар* (Д. Юлтый) 'У меня есть споровка ездить, скакать на коне'; *Үзегеҙең ҡал дошманығыҙ булған баярҙар менән ҡәһләшергә ваҡыт* (Б. Дәүләтшина) 'Пора вам сводить счеты со своими кровными врагами — боярами!'

В сочетании с прилагательным инфинитив на *-рға* выражает целевые и объектные отношения: *бейергә оҫта* 'мастер плясать', *Айлы төн аҙаимәскә яҡшы* (посл.) 'Лунная ночь хороша, чтобы не заблудиться'; *Һатыу итергә, донъя ҡоторгә бик булдыжлы ине егет* (Ф. Хәйри) 'Он был очень способным парнем, чтобы заниматься торговлей, вести хозяйство' и т. п.

Сочетания инфинитива с наречиями выражают пространственно-объектные отношения: *барырға ҡыйын* 'идти трудно', *әйтергә оят* 'сказать стыдно', *китергә иртә* 'уходить рано', *барырға алыҫ* 'идти (ехать) далеко', *язырға аз* 'писать мало' и т. д.

В современном башкирском языке широко представлены сочетания инфинитива на *-рға* с модальными словами и служебным глаголом *ине*: *кейергә бар* 'есть во что одеваться' ('одеваться есть'), *эшләргә кәрәк* 'работать надо', *килергә тейеш* 'прийти должен', *йыйылырға ни* 'зачем же собираться', *инергә мөмкин* 'можно войти', *китергә ярай* 'можно уйти', *барырға икән* 'оказывается, надо идти', *уҡырға ине* 'надо бы учиться'. Они выражают необходимость, долженствование, возможность, невозможность, запрет, желание, сомнение и др.

Самую многочисленную группу составляют глагольные словосочетания с зависимым инфинитивом, который может быть и объектным, и субъектным.

При объектном инфинитиве глаголы обозначают действия различных лиц: *Мин уға килергә ҡуштым* 'Я велел ему прийти'. При субъектном же инфинитиве и подчиняющий глагол и зависимый глагол в форме инфинитива обозначают действие одного и того же лица: *Уҡырға барыу — Тимерҙең иң оло хыялы ине* (Б. Бикбай) 'Пойти учиться было самой заветной мечтой Темира'; *Ялҡау уйларға ла иренә* (посл.) 'Лодырь ленится даже думать'.

Синтаксические функции инфинитива на *-рға* весьма обширны. Он может выполнять роль как второстепенных, так и главных членов предложения в зависимости от сочетаемости с различными семантическими и грамматическими разрядами слов, в зависимости от цели и задач коммуникации.

В роли обстоятельств обычно употребляется инфинитив, сочетающийся с глаголами движения, желания, намерения, а также физического состояния. Чаще всего эти глаголы выступают в функции обстоятельства цели: *уҡырға китеү* 'поехать учиться', *күрергә теләү* 'желать увидеть' и т. п.

В роли дополнения употребляются все объектные инфинитивы: *Турә булырға килештерә* 'Ему идет быть начальником'; *Безҙе батыр көрәшергә Ленин бабай өйрәтте* (фолькл.) 'Храбро сражаться нас научил Ленин'.

Сравнительно небольшая группа инфинитивных глаголов, сочетааясь с существительными при помощи причастных форм глаголов *тигән*, *тиеүсе*, *торған* и модального слова *тейеш* (*тейешле*), может выступать иногда в функции определения: *Суд, Әхмәдизән айыу тиреһенең хакын Ваһапҡа тәләтергә тигән хөкөм сығарҙы* (Ж. Кнекбаев) 'Суд вынес решение о том, чтобы обязать Ахмадия уплатить Вагапу стоимость медвежьей шкуры'; *Быныһы*

дәүләткә тапшырылырға тейешле иген 'Это хлеб, подлежащий сдаче государству'.

В функции подлежащего инфинитив на *-рға* употребляется в составе наречных словосочетаний, в сочетании с вспомогательными глаголами в страдательном залоге и с модальными словами *бар* 'есть', *юк* 'нет': *кайтырға куржыныс* 'боязно возвращаться', *сыгырға рохәт ителмәне* 'выходить не разрешено', *ашарға бар, эсергә юк* 'еда есть, а пить нечего' (букв. 'кушать есть, пить нет').

В качестве главного компонента аналитической конструкции в двусоставном предложении инфинитив выступает в сочетании с ее десемантизованным компонентом *тотон-*, указывая при этом на начало действия: *Сонағат ат тугарырға тотондо* (Ж. Кисебаев) 'Сунагат начал распрягать лошадь'. Данная конструкция может быть заменена сложной формой на *-а башла* (*тугара башланы*).

В сочетании с модальными словами типа *тейеш* 'должен' инфинитив может быть рассмотрен как ведущий компонент сложного сказуемого, хотя он здесь в принципе выполняет функцию объекта: *Был роман «Азғы ташкындар» тип аталырға тейеш ине* (С. Агиш) 'Этот роман должен был называться «Весеннее половодье»'.

Независимый инфинитив, как правило, выполняет функцию сказуемого в односоставных безличных побудительных предложениях: *Пленум һәм сессия жарарзарыл киң пропагандаларға!* (СБ) 'Широко пропагандировать решения пленума и сессии!'

К собственно инфинитивным формам в башкирском языке относятся также глаголы с афф. *-(ы)уға, -маға, -макка*³², функционирующие только со значением цели действия. Они менее употребительны по сравнению с формой на *-(ы)рға* и обычно встречаются в разговорном языке, причем в его просторечной или диалектальной форме. Иногда при характеристике персонажей они используются в художественных произведениях в изобразительных целях.

Формы же на *-мак, -(ы)у* являются полифункциональными. Помимо инфинитивного значения они имеют значения и других неличных глаголов — имени действия, отглагольного имени, деепричастия.

В башкирском языке глагольная форма на *-(ы)у* выступает в значении инфинитива только в сочетании с модальными словами *кәрәк* 'надо, необходимо', *тейеш* 'должно', *мәжкән* 'можно', *ярай* 'можно', функционируя при этом параллельно с формой на *-рға*: *тизерәк китеү кәрәк // тизерәк китергә кәрәк* 'надо быстрее уйти, уехать' и др.

Все формы инфинитива объединяются общим целевым значением, но каждому из них присущи специфические оттенки значения или эмоционально-стилистическое своеобразие. Форма на *-мак* отличается большей номинативностью. Обозначаемое ей действие носит более статичный характер, а инфинитивы на *-макка, -маға*, как и форма на *-рға*, выражают действие в его динамике: *Янһары, уны курмак булып, артына боролоп караһа, җарт инде куз күреме ер китеп өлгөргән була* (фолькл.) 'Янсары, намереваясь увидеть его, вернулся было назад, но старик уже успел уйти довольно далеко'.

В определенных синтаксических конструкциях в стилистических целях инфинитив на *-рға* может заменяться формой имени действия на *-(ы)у* и формой деепричастия на *-а*: *йыйылышка һуңларға ярамай // йыйылышка һуңлау ярамай* 'пелызя опаздывать на собрание', *кайтып етергә кәрәк // кайтып етеү кәрәк* 'надо вернуться домой', *озатырға сыжты // озата сыжты* 'вышел провожать', *курергә килде // күрә килде* 'приехал увидеть'. Однако эта замена обычно представляет более низкий стиль или регионализм.

Употребляемость форм инфинитива в различные периоды истории языка была неодинаковой. В более ранних письменных источниках (XVI—XVII вв.),

³² В отдельных говорах восточного диалекта употребляется еще инфинитивный афф. *-ғалы*, зафиксированный и в древнетюркских памятниках. См.: Пасилов В. М. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, с. 51 и сл.

в литературных произведениях, написанных на тюрки, в фольклоре активнее функционировала форма на *-маж*, тогда как в современном башкирском литературном языке доминирует инфинитив на *-рға*. Остальные формы дифференцировались в стилистическом плане. Для живой разговорной речи характерно употребление инфинитива на *-маж*, *-макка*, *-маға*, *-уга*, *-а*, в сфере же научной, общественно-политической и официально-деловой речи используется, как наиболее нейтральная, форма на *-рға*. Эти формы могут употребляться и параллельно в зависимости от жанра и стиля речи.

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ

Имена действия сочетают в себе отдельные категориальные свойства как имени, так и глагола, однако употребляются они преимущественно в функции существительного³².

Имя действия в башкирском языке образуется с помощью афф. *-(ы)у/-(е)у*, *-у/-ү* с фонетическими вариантами: алломорфы *-у*, *-ү* присоединяются к глагольным основам, оканчивающимся на гласные: *тануу* 'узнать', *уйлау* 'думать', *йәшәү* 'жить', *тоҙәү* 'строить' и т. д.; к основам с согласным на исходе присоединяются в зависимости от их огласовки алломорфы с инициальным гласным, варьирующимся по закону гармонии гласных: *-(ы)у* следует за гласными *-а*, *-у*, *-ы*: *барыу* 'пойти', *кайтыу* 'возвращаться', *кырыу* 'истребить', *тыуу* 'рождаться', *һуғыу* 'ударить'; *-еу* — после гласных *э*, *ү*, *е*: *бәрәү* 'кидать', *күрәү* 'видеть', *әтеү* 'толкать'; *-оу* — после гласного *о*: *бороу* 'крутить', *короу* 'сооружать'; *-өү* — после гласного *ө*: *төйөү* 'толочь', *һөйөү* 'любить'.

Именам действия присущи такие свойства существительного, как категория принадлежности и падежа. Они принимают даже показатель мн. числа *-лар/-ләр*: *Бер туктауһыз тентеүзәр, кулга алыузар дауам итә* (С. Кудаш) 'Беспреданно продолжают обыски, аресты'; *Майзандарзың төнгө балкыузары — Мин бит гашиж уларға* (Р. Бикбаев) 'Ночные сверкания площадей — Я ведь влюблен, влюблен в них'.

Имена действия могут выступать в позиции первого и второго компонентов изафетной конструкции: *айырылышыу көнө* 'день расставания', *йәшәү бәхетә* 'счастье житья', *ғүмерзәң үтеүе* 'течение жизни', *кешенең атлауы* 'шагание человека'. По данной схеме образуется значительное число устойчивых словосочетаний.

В отличие от именных частей речи имена действия не образуют сказуемости.

Имена действия сочетаются с отдельными послелогоми, которые при этом выражают грамматические значения, характерные не для них, а для иных форм и конструкций, по отношению к которым сочетание имени действия с послелогом является синонимом.

«Имя действия + послелог *менән* 'с'» выражает:

1) ограничительное предшествование другому действию; *Өскө каттагы коридорға инеү менән, мине Наилә жаршы алды* (С. Агип) 'Как только я вошел в коридор верхнего этажа, меня встретила Наиля'; *Яз булып, үлән каплау менән [туғайзы], минең һәр кисем бында үтә* (Д. Юлтый) 'Как только настает весна и луга покрываются травой, каждый мой вечер проходит здесь'; данная конструкция синонимична форме деепричастия на *-ғас/-гәс* с частицей *та/тә*;

³² Примечание от вет. ред. Имя действия представляет собой отглагольное существительное со всеми присущими ему характеристиками. Как собственно глагол оно выступает лишь при условии, если, сочетаясь с модальными словами *кәрәк*, *бар* и т. п., приобретает значение инфинитива. Как словообразовательная форма существительного имя действия носит глобальный характер. Имя действия нередко служит производящей основой для образования новых слов: *бер туктауһыз* 'безостановочно', *барыу менән* 'с приходом' и т. д.

2) одновременность двух действий: *Остолар моңдар һауаға, йырлашып кыздар менән, Мин тороп калдым койоп, эрнеп, Күңел һызлау менән* (Ш. Бабич) 'Смокли песни, мелодии. Я остался с горькою болью в душе'; *Улем тыллығына кереп барған ауылда малайзарға кызыкһыныу менән караусы кеше юк* (Б. Бикбай) 'В деревне, погружающейся в гробовую тишину, не было человека, который бы с любопытством глядел на мальчиков'; конструкция может заменяться дсепричастной формой на -(ы)п: *Ер оҫтонән аҫты артык мең мәртәбә, Байзар табанын ялау менән тужланһам!* (Т. Йәнәби) 'Тысячу раз лучше быть под землей, чем лизать блюда у богатей'; *Дан сығарыр ирҙәр йән йәлләмәс, Йәнде йәлләу менән дан булмаҫ* (фольк.) 'Мужи, способные прославиться, душу не станут беречь; душу беречь — не будет славы';

4) сомнение в необходимости причинной связи совершаемого действия с другим действием; при этом данные сочетания синонимичны с причастными конструкциями на -ған/-гән: *Буранбай ға һөргөн китеү менән* (можно сказать: *киткәндән, киткәндән генә, киткәнгә генә*), *Баҫылыр микән илдең ирҙәре?* (фольк.) 'Тем только, что Буранбай будет сослан, утихомятся ли мужи края?'; *Атаж, кәйнәм, мейес сығару менән өйзә фирештә касалыр шул. . . — тине килең* (Т. Йәнәби) 'Что ты, свекровь, от того, что печь будет сложена, разве убегут из дома ангелы, — сказала сноха'.

«Имя действия + послелог *өсөн* 'за'» выражает цель действия, что по значению соответствует инфинитиву на -рға: *Каһарман-батырға һуңғы хушлашыу һүзен әйтеү өсөн ил халкы йыйылған* (фольк.) 'Чтобы сказать Кагарман-батыру последнее слово прощания, собрался весь народ'; *Республиканың ауыл эшсәндәре малсылык продукттары етештереү өсөн бәтә намәне эшләргә тейеш* (СБ) 'Сельские работники республики должны сделать все для производства продуктов животноводства'.

«Имя действия + послелог *сәбәпле* 'по причине'» является синонимичной формам причастия на -ған/-гән в дательном падеже и с послелогом *өсөн* 'за': *Фронт якынлау сәбәпле, приют эвакуацияға әзерләнгә* (Д. Юлтый) 'Ввиду того, что приближается фронт, приют готовится к эвакуации'; *Иҫелмәне ваҡытында килтермәү сәбәпле ташсылар йыш кына буш тора* (СБ) 'Ввиду того, что вовремя не подвозится раствор, каменщики часто простаивают'.

«Имя действия + послелог *буйынса* 'по'» выражает действие, совершаемое в соответствии с чем-либо: *Акмурза, кызың әйтеүе буйынса, дейеү кайта торған юлдағы таш күпер аҫтына инеп ултырған* (фольк.) 'Акмурза по совету девушки спрятался под мостом, через который должен был возвращаться див'; *Айбулаттың тәу һөйләшеүе буйынса ашау байзан булырға тейеш ине* (Г. Дәүләтшина) 'По первоначальному уговору бай должен был кормить Айбулата'.

Имена действия сочетаются также с послелогам *тураһында, хакында* 'о, об', которые по значению совпадают с послелого-именными конструкциями.

Форма имени действия в сочетании с личными глаголами образует глагольные фразеологизмы, выражающие различные модальные значения — сомнение, опасение и др.: *барыуын-барабыз ға* 'идти-то идем', *китәбез-китеүен* 'уходить уходим'; *эшләүен-эшләйбез инде* 'раз работать так работаем'; *Донъя күргән, өй хакын якшы белгән ағай-әне риза булмай жарай-карауын. . .* (СБ) 'Видавшая виды родня, хорошо знающая цену дома, хотя и пробует не соглашаться, да. . .'.

Имена действия на -(ы)у/-(е)ү в башкирском языке имеют такие категории глагола, как залог, переходность / непереходность, отрицание, выраженное афф. -ма/-мә: *алмау* 'не брать', *тотмау* 'не держать', *килмәү* 'не приходить', *күрмәү* 'не видеть' и др. Аспект возможности и невозможности выражается при помощи модальных слов *мөмкин* 'можно', *мөмкин түгел* 'невозможно', долженствование — словом *тейеш* 'должно': *Ата-әсәһез йәшәүҙәре мөмкин, мөмкин түгел йәшәү Ватанһыз!* (Н. Нәжми) 'Без родителей жить еще можно, но жить без Родины невозможно'.

Аффиксы имени действия -(ы)у/-(е)ү могут присоединяться к глагольным

основам в различных формах залога, кратности, полноты и неполноты действия: *йыуу* 'мыть' — *йыуылыу* 'смываться' — *йыуыныу* 'мыться' — *йыуышыу* 'помочь мыть' — *йыузырыу* 'заставить мыть'; *йыуғылау* 'мыть время от времени', *йыуыҫқырау* 'помыть', *йыуыштырыу* 'мыть кое-как, не до конца'.

Имена действия в отличие от личных форм глаголов нейтральны по отношению к лицу, склонению и времени.

Имена действия на *-(ы)у/-(е)у* могут выступать в функции всех членов предложения. Определенную роль они играют и в словообразовании, переходя в разряды прилагательных и существительных, являясь основой для образования новых слов с помощью других аффиксов.

В качестве имени действия в башкирском языке в определенных конструкциях выступает и глагол с афф. *-мак/-мәк*. Чаще всего он встречается в разговорном языке, в пословицах, поговорках, а также в произведениях дореволюционных писателей: *Рәт белмәй йөрөгәндән мен кәт артык, йәнең сығып яр астына кереп ятмак* (М. Фафури) 'Чем жить глупцом на свете, тысячу раз лучше, испустив дух, лежать под кручей'; *Ураҡ урмак — уйнамак, бесән сапмак — йән сыкмак* (посл.) 'Жать хлеб — играть, косить сено — выдыхаться'; *Ир бирмак — йән бирмак* (посл.) 'Мужа отдать — душу отдать'; *Алмак күрке — бирмак* (посл.) 'Долг платежом красен' и т. д.

Изменение имени действия на *-мак/-мәк* по падежам, лицам, залогам наблюдается только в дореволюционных башкирских текстах, в современном башкирском языке это фактически уже застывшая форма.

Сочетаемость имени действия на *-мак/-мәк* с послелогом ограничена. В современном башкирском языке зафиксировано лишь послеложное сочетание *һынамак өсөн* 'в целях испытания, чтобы испытать'.

СЛУЖЕБНЫЕ И ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ПОСЛЕЛОГИ

Послелог — служебные слова, выражающие пространственные, целевые, причинные, противительные, инструментальные, сопроводительные, сравнительно-уподобительные, ограничительные и другие отношения.

Послелог следует после сочетающихся с ним самостоятельных слов — имен существительных, местоимений, субстантивированных частей речи. Связь между послелогом и самостоятельными словами выражается способом управления и примыкания, при этом послелог выступает как управляющее, а знаменательное слово в роли управляемого: *һинең өсөн* 'из-за тебя', *кискә тиклем* 'до вечера', *йылғаға табан* 'к реке' и т. д.

По своей функции послелог очень близки падежным аффиксам. Сочетаясь с именами в определенной падежной форме, послелог уточняют ее значение, служат выражению тончайших оттенков семантико-грамматических отношений.

В разговорном языке наблюдается переход послелогов в падежные аффиксы, ср. *атайман* (< *атай менән*) 'с отцом', *балман* (< *бал менән*) 'с медом', *инэйберлә* (< *инэй менән*) 'с матерью'.

Послелог, как правило, не принимают грамматических показателей: *Старшинаның өр-яңы җара костюменең түш кеңденән җ а з а н к е ү е к туңәрәк корһағына хәтле йыуан көмөш сәгәт сылбыры һалынған* (З. Бишева) 'У старшины от нагрудного кармана нового черного костюма до круглого и большого, как котел, живота свисала толстая серебряная цепочка от часов'.

Однако некоторые послелогои, выражающие сравнительные и пространственные отношения, часто принимают аффиксы числа, падежа, сравнения, принадлежности: *һинең кеүегерәк* 'с тебя', *безең кеүектәргә* 'таким, как мы', *унда табаньрак* 'в ту сторону', *һезгә табанға атланы* 'направился к вам'; *һиңә тиклемһе ҡалмаған* 'никого не осталось, даже твоего возраста'; *Уның шикелләһе һауалы кеше яҡын-тирләә юк* 'Нет в окрестности такого гордого, как он'; *Йылдар буйы минең шикелләһе элгән* 'Годами искал такую, как я'.

Башкирский язык обладает развитой системой послелогов, в которой представлены общетюркские послелогои: *менән, белән* 'с' (тур. *ile*, туркм. *белән, биле*, тат. *белән, кум. булан, узб. билан, каз. мен*), *өсөн* 'для, ради, за', 'из-за' (тур. *için / çin*, туркм. *үчин, өчен*, кум. *үчүн, гаг. ичин, каз. үшін*), *күрә* 'благодаря, из-за' (тур. *göze*, туркм. *горә, узб. кура, аз., каз. коре, кеүек* 'подобно, как' (тур. *gili*, гаг. *гиби, тат. кебек, к.-бал. кибики, туркм. киби, кими, кум. йимик*), *кәзәр* 'до, по' (тур. *kadar*, аз. *гәдәр, туркм. гадар*), и также послелогои, характерные лишь для кыпчакской группы тюркских языков: *таба, табан* 'к, по направлению' (каз. *таман, тат. таба*), *арқыры* 'через', 'благодаря' (каз. *арқылы, тат. аркылы*), *сәбәпле* 'за' (каз. *себептi, тат. сәбәпле*).

В башкирском языке функционируют и узколокальные послелогои, имеющие параллели в современных огузских языках, например: послелог *сары* 'до' (тур. *sağı*, аз. *сары, туркм. сары*) — *Һаткыға сары машина өстөндә барған* 'До Сатки он ехал на открытой машине'; послелог *тараф* 'по, до, по направлению' (тур. *taraf*, аз. *тәрәф, туркм. тарап*) — *Һезең тарафка икәүләп киткәндәр иһе* 'Они направились в вашу сторону вдвоем'.

По своей структуре послелогои делятся на две группы:

1) собственно послелогои типа *менән, өсөн, тиклем, һымак, шикелле, саклым, кәзәре, кәзәр, таба, бирле, һайын, шайы, иһе, тары, торо* и т. д.;

2) послелогои, образованные от различных частей речи: а) послелогои — изолированные формы имен *башка, бүтән, сәбәпле, хакында* и т. д., б) послелогои — изолированные формы наречий *арқыры, тура* и т. д., в) послелогои — изолированные формы глагола *карай, ҡала, күрә, алып* и т. д., г) послелогои, образованные путем конверсии *һуң, аһа, әүәл, борон* и т. д. Послелогои этой группы по отношению к формам исходных слов, употребляющихся в самостоятельном значении, являются омонимами.

В башкирском языке отдельные послелогои могут сочетаться с именем существительным при наличии количественного определения: *Бер көн өсөн мине яндырзың, бер ай өсөн мине ҡалдырзың* 'Ради одного дня ты заставил меня переживать, ради одного месяца ты меня оставил'.

Один и тот же послелог может сочетаться со словами различными способами связи — управлением и примыканием, передавая при этом идентичные отношения: ср. *курмәс өсөн* 'чтобы не видеть', *эһ өсөн* 'для работы'.

Некоторые послелогои употребляются лишь при причастиях (*ҡайтмәс борон* 'до возвращения', *килмәс борон* 'до приезда', *курмәс борон* 'до встречи', *барған килеш* 'после того, как пошел', *күргән килеш* 'после того, как увидел') или при местоимениях: *Һинән тыһ кем барһын* 'Кто пойдет, кроме тебя'.

Сочетания послелогов с различными падежными формами имени неодинаковы. Ряд послелогов управляет лишь одним падежом, многие — двумя падежами, некоторые — тремя. Это зависит от категориальной принадлежности управляемого слова. Так, послелогои *менән* и *өсөн* управляют основным падежом имени и родительным падежом местоимений: *атайым өсөн* 'ради отца', *һинең өсөн* 'ради тебя'.

В зависимости от падежной формы управляемых слов послелогои делятся на: 1) послелогои, управляющие основным падежом, 2) послелогои, управляющие дательным падежом, 3) послелогои, управляющие исходным падежом.

Менэн 'с, совместно с' в сочетании с именами и местоимениями имеет значение совместности, взаимности и соучастия (1), цели (2) и орудийности (3):

1) *Григорий Иванович менэн булган был беседа тон уртаһы ауғансы ултырып жына түгел, шәмде һундереп, йокларға яңынан тезелешеп ятқас та бик озақжа һузылды* (Г. Дәүләтшина) 'Беседа с Григорием Ивановичем продолжалась не только до полуночи, но и после того, как потушили свет и снова легли спать'. Послелог *менэн* в этом значении управляет и родительным падежом, если управляемым словом выступают личные и указательные местоимения, а также имена с аффиксами принадлежности: *Һинең менэн минең өсөн ошо ерҙән дә хозур ер юк* 'У нас с тобой нет благодатнее места, чем здесь'; *Йырың менэн йорәгемде яндырғың* 'Встревожил ты душу мою своей песней'; *Азатың менэн кил* 'Приходи со своим Азатом';

2) *Зур ниәт менэн барған инем дә* 'Пошел было с большой надеждой'; *Атыр уйлап-уйлап, күз йәше менэн йорәген бер аз баҫқас, Бибеш һиндәйҙер өмөтһөз ярһыулыҡ менэн өй йыйыштырырға керешеп китте* (З. Бишева) 'Бибеш задумавшись и успокаивая себя слезами, с каким-то необъяснимым возбуждением начала убирать дом';

3) *Балта менэн сапкылап, бысаж менэн тураклап, изеп кенә һалаһың* 'Нарубишь топором, нарежешь ножом, сложишь измельчив'; *Һырлы уҡтар менэн атқан кеүек, Була күңелемдең қошона* (М. Гафури) 'Как-будто душу мою пронзают тупой стрелой'; *Бар хәленә кизәһеп балта менэн сапты* 'Размахнувшись со всей силой, ударил топором'.

Менэн управляет отглагольными именами на $-(ы)у/-(е)ү$. В сочетании с ними он образует специальную аналитическую форму глагола, выражающую ограничительное предшествование со значением «как только»: *Барыу менэн хәбәр ит* 'Сообщи, как только доедешь'; *Куреү менэн үпкәмде тапшыр* 'Как только увидишь, передай мои обиды'.

Послелог *менэн* полифункционален. В частности, он может выполнять функцию соединительного союза: *Хаммат менэн Сәлимә үзәренең һуңлаңкырап буһа ла табылған бәхеттәрен бер кем менән дә уртаклашырға теләмәһеләр* (З. Бишева) 'Хаммат с Салимой не хотели ни с кем делиться своим запоздалым счастьем'; *Йәмилә менән Әхмәттең тәүге улдары бына шулай тыуҙы* 'Так у Джамили с Ахметом родился первый сын'.

О с ө н 'за, из-за, благодаря, для, ради, чтобы' вместе с сочетающимися именами существительными, глагольными именами, прилагательными, местоимениями выражает:

1) цель: *Бына ошо үземдең антыма хыянат итмәз өсөн мин Александр Матросов тураһында китап яздым* (Ә. Бикчентаев) 'Чтобы не нарушить свою клятву, я написал книгу про Александра Матросова'; послелог *өсөн* в значении цели управляет и родительным падежом, если управляемыми словами выступают личные, указательные местоимения и некоторые глагольные формы — причастия, отглагольные имена: *Һинең өсөн* 'ради тебя', *шуның өсөн* 'поэтому'; ср. употребление в том же значении сочетания *өсөн тип*: *Һинең өсөн тип һакланым* 'Я хранил это для тебя';

2) назначение: *Уға мәнәре өсөн бер ат, бер һыйыр, кәзә-һарык зйәртеп биреп, хужалықтың тәүге һигез ташын һалып ебәрзе* (З. Бишева) 'За калым дал ему лошадь, корову, овец и коз и помог наладить хозяйство'; *Мин һезгә бөгөн башымдан үткән хәлдәрҙең иң ауырын, һезгә өсөн иң һибрәтле булғанын, былтыр ғына булып үткән бер хәлдә һойләйем әле* (Г. Дәүләтшина) 'Из перенесенных мною трудностей расскажу сегодня о самом поучительном для вас событии, которое случилось еще в прошлом году'; *Бирмәз өсөн ул төрлө сәбәп таба* 'Находит разные причины, чтобы не отдать';

3) условие: *Менеп елер өсөн ат кәрәк, атыр өсөн уҡ кәрәк, дәртләндереп тартыр өсөн курай кәрәк тә, һөйөр өсөн матур кыз кәрәк* (фолькл.) 'Для того, чтобы лететь, как птица, нужен конь, стрелять — стрела, играть — курай, а для того, чтобы любить — красивая девушка';

4) причину: *Хамматка был йылда ике семья өсөн эшлэргә тура килде* (З. Бишева) 'Хаммату в этом году пришлось работать за две семьи';

5) время, определенный срок: *Бер көп өсөн мине калдырзың, бер ай өсөн мине яндырзың* (фольк.) 'На один день оставил меня, на месяц всего лишил меня'; *Ике көн өсөн кәйефең бозолмаһын* 'Из-за двух дней не переживай'.

Кеүек, шикелле, һымак, саклы, ише, тиклем 'как, подобно' выражают сравнение, сопоставление, а также тождественность по качеству. В обиходно-разговорной речи послелог *кеүек* имеет варианты *күбек, күк*, послелог *тиклем* — варианты *тикле, тиктем, тиксе, тәксе*.

Примеры: *Кар өстө ак көм кеүек кыштырзай, атларга камасаулай* (Б. Дәүләтшина) 'Снег скрепит, как белый песок, затрудняет путь'; *Кара сәүкә кеүек халыктың таралыуы, уларзың асыулары басылып, үз йорттарына кайтыулары* (М. Гафури) 'Как черные галки расходились люди и, как-то успокоившись, шли по домам'; *Ишектән барып инәм дә Майгөл әбейең тәгәрәгән йомғак кеүек, ишекле-түрле йөрөүен күзәтеп, катып тик торам* (К. Мәргән) 'Только войду в дверь, сразу начинаю наблюдать, как суетится бабушка Майгуль, напоминающая катящийся колобок'; *Өфө ише калала тороу — бәхет инде* 'Счастье жить в таком городе, как Уфа'; *Үзен укытыусы һымак тота* 'Держится как учитель'.

Послелог *тиклем, саклы, шайы* управляют также родительным падежом местоимений (1) и дательным падежом собственных имен и названий времени (2): 1) *Һинең, шайы саяны күргәнем юк ине* 'Такого злого, как ты, я еще не видел'; *Уның шайы мин дә беләм* 'Знаю столько, сколько он'; *Һинең тиклем кызы бар* 'У него дочь с тебя'; 2) *Өфөгә тиклем кырк сакрымдан артык юл калманы* 'До Уфы не больше сорока километров'; *Сәйгә тиклем бер уратып инәйем әле, тип каруанһарай ишек алдына сығырға булды* (А. Таһиров) 'Он вышел во двор каравансарая, чтобы обойти до чая еще раз'; *Мәстүрәгә шайы килгән, күңелле һүз, мәрәкәләшеү таңға тиклем һузылды* 'Пришли вплоть до Мастуры, и веселье, интересные беседы продолжались до утра'; *Таңға тиклем азатлык алган адъютанты ла офицерзәр «йыйылышына» китте* (И. Насыри) 'Получив отпуск до утра, его адъютант ушел на офицерское «собрание»'.

Кәзәр, кәзәре 'подобно, как' также выражают сравнение, сопоставление: *Һинең кәзәре эшләгән кеше булмагандыр могайын «Искра» колхозында* 'Не было, наверно, человека, который бы в колхозе «Искра» работал как ты'; *Кала кәзәре булган да куйган ул Таштығол* 'Ташлыгул стал как город'; *Уның кәзәре тарихте белгән кеше юк* 'Нет подобного ему знатока истории'.

В данном значении эти послелогии выступают в сочетании с причастными формами (как послелог *кеүек*): *Ул белгән, күргән кәзәр һин дә мин дә белмәй-без* 'Мы не знаем столько, сколько он видел и знал'; *Тәғзимә ишеткән кәзәреһен һөйләне лә* 'Тәғзима рассказала все, что только слышала'.

Послелогии *кәзәр, кәзәре*, управляя дательным падежом, подобно послелогу *тиклем*, выражают предел в пространстве и времени: *Макарға кәзәр машинала, теге яғын йәйәү киттек* 'До Макарово ехали на машине, дальше шли пешком'; *Сәгәт 10-ға кәзәр көтөп ултырзык* 'Ждали до десяти часов'.

Аркыры, аша 'через, благодаря, по' обозначают опосредствованное действие. Они синонимичны и в контексте взаимозаменяемы: *Ул Монасиңкә, хоро күззәрен зурырак асып, күзлек аркыры караны* (А. Таһиров) 'Он посмотрел на Мунасипа через очки, широко раскрыв свои карие глаза'; *Һинең аркыры күп хәлдәр миңә асык була* 'Благодаря тебе, мне многое становится ясным'; *Кышкы кейемен почта аша һалған* 'Зимнюю одежду он прислал по почте'.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ДАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖОМ

Таба, табан 'по, к, по направлению' выражают пространственные и временные отношения: *Ул сәй эсеп бөтөү менән, тағы ла мейес алдына табан, бая ингәс ултырған урынына ултырзы ла тағы ла уйға батты* (М. Га-

фури) 'После чая она опять села на прежнее место у печки и задумалась': *Кискэ таба котөү кайтты, зык кубып балалар мал курсырга сыкты* 'К вечеру вернулось стадо, на улицу с шумом высыпала детвора, чтобы загнать скот'; *Бына ошо кайгынан ике-өс көн буйына ауылға барып эсеп йөрөнө лә, иртәгәһен китергә тигән көндө таңға табан утарға кайтып йығылды* (К. Мәргән) 'После того горя он два-три дня ходил по деревне выпивши и перед тем, как уехать, лишь к утру вернулся в хутор и свалился'; *Кискэ табан кунактар кайтырға йыйындылар* (З. Бишева) 'К вечеру гости стали собираться домой'.

Хәтләм, хәтлә, сажлым, сажлы 'до, вплоть до' выражают главным образом предел во времени и пространстве: *Бынан ары улар өйзәренә хәтлә һүзһеҙ барзылар* (З. Бишева) 'Дальше они ехали молча до самого дома'; *Исеменә хәтлә үзәнә башка бит уның* (З. Бишева) 'Все у него своеобразно, вплоть до имени'; *Азна-ун көн буйы өзлөкһеҙ һибәләп торған йонсотҡос ямғырҙан ер генә түгел өйзәр, кәртә-кураға хәтлә шешенеп бөткән* (З. Бишева) 'От нудного беспрестанного дождя, который шел 8—10 дней, не только земля, но и дома, все постройки распухнут';

Жарай 'к, в сторону, в направлении' выражает в отличие от синонимичного послелого *табан* неопределенность, неконкретность предпринимаемого действия: *Ҡабайға жарай сығып китте* 'Поехал в сторону Сабаево'; *Таңға жарай ос һыбайлының бөтә ауыл буйына сабышканын күрмәгән кеше аз булғандыр* 'На рассвете, наверное, все видели в деревне трех всадников'; *Ҡабанға жарай кунак булышыуҙар туктап тора торғайны* 'Приближалось время пахоты — ходить в гости друг к другу перестали'; *Без шулай бик уңайһыҙ хәлдә торғанда, безҙең ултырған ергә жарай Хәмиҙә әбей килә ине* (М. Гафури) 'Когда нам было трудно, к нам приходила бабушка Хамида'; *Улар атка менеп ҡалаға жарай юнәлделәр* (И. Насыри) 'Вскочив на коней, они направились в сторону города'.

Күрә 'по, согласно, судя' обозначает сравнение, сопоставление: *Үзәнә күрә эшләгән эше, теһләгән ашы насар түгел, тағы ни кәрәк* 'По его возможностям работа и еда вполне удовлетворительны, что еще нужно'; *Өйөнә күрә япмаһы* (посл.) 'По дому и крыша'; *Санаһына күрә аты, хужаһына күрә эте* (посл.) 'Сбруя по ковью, собака по хозяину'.

В сочетании с указательным местоимением *шуға* послелог *күрә* образует уступительно-причинный союз: *Шуға күрә асыу мәсьәләһендә лә артыҡ баш ватырға тура килмәне* (И. Насыри) 'И поэтому по поводу всяческих негодований, особо не пришлось ломать голову'.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ИСХОДНЫМ ПАДЕЖОМ

Һуң 'с, после, затем' выражает:

1) исходный момент, пункт: *Лазареттән һуң уны тағы фронтка озаттылар* (З. Бишева) 'После лазарета его опять отправили на фронт'; *Ямғырҙан һуң һауа сафланып, үләндәр йәшәреп китте* 'После дождя воздух стал чище, позеленела трава';

2) следование: *Уның был һүзенән һуң Закир ағай уңайһыҙланып, кызарып китте* (М. Гафури) 'После его слов дядя Закир покраснел, застеснялся'; *Мәжегә төшкән баһыркай, ике көндән һуң ғына табып алдылар* (М. Гафури) 'Через два дня, после того, как она упала в колодезь, ее нашли';

Послелог *һуң* может сочетаться с постпозитивной усилительной частицей в вопросительных и восклицательных предложениях: *Алдығыҙмы һуң?* 'Взяли что-ли?'; *Безҙең Ҡакмарға башка һуу этәме һуң?* 'Сравнима ли Сакмара с другой рекой?'.
Бирлә 'с' обозначает исходный момент времени: *Кисәнән бирлә үземде егет кеүек тоям* (З. Бишева) 'Со вчерашнего дня чувствую себя парнем'; *Шунан бирлә урманда ятабыҙ* (И. Насыри) 'С тех пор мы находимся в лесу'.

Башка 'кроме' выражает:

1) ограничение, конкретизацию: *Минән башка бер кемгә лә күренмәй* (М. Гафури) 'Кроме меня он никому не показывается'; *Өйҙә минән башка*

бер кеше лә калмағас, кулшәлен алып рәтләне лә, икегә бокләп кире ябынды (М. Гафури) 'Когда в доме никого не осталось кроме меня, она поправила платок и накрылась';

2) выделение, акцентирование: *Һуғыштан башка хәбәрҙәр артык жолакка салынманы* 'Не воспринимались никакие события, кроме войны'.

Бүтән, ғәйре 'кроме, без' в отличие от синонимичных послелогов *башка, кала, тыш* управляют лишь исходным падежом местоимений: *Һинән бүтән барыусы юк* 'Кроме тебя идти некому'; *Унан ғәйре Әсләм кала* 'После него остается Аслям'; *Куй инде, унан бүтән кыздар бөтмәгәндәр әле?* (П. Дәүләтшина) 'Неужели кроме нее нет других девушек?'.

Алып 'с, от' выражает исходный момент: *Кыштан алып ауырый* 'Болеет с зимы'; *Олонан алып балаға тиклем* 'От мала до велика'.

Тарафынан в книжном стиле литературного языка выполняет функцию русского творительного падежа в пассивных конструкциях с глаголом в страдательном залоге, если субъект действия выражен одушевленным предметом: *Ғариза укытыусы тарафынан язылған* 'Заявление написано учителем'. Когда же субъект представлен неодушевленным предметом, вместо тарафынан употребляется послелог *менән*: *Почта самолет менән килтерелә* 'Почта доставляется самолетом'. Послелог *тарафынан* осложнен аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа.

Применительно ко 2-му лицу аффикс принадлежности не употребляется: *Һинәң тарафтан ошо һүҙҙе ишеттем* 'От тебя услышал я такие слова'.

В просторечии употребляется послелог *т е р ә н* 'с, от': *Апрелдән терәп ямғыр башланы* 'С апреля месяца начались дожди'.

ЧАСТИЦЫ

Служебные слова, придающие отдельным словам, словоформам, словосочетаниям и предложениям дополнительные смысловые оттенки, называются частицами.

По синтаксической функции частицы близки к союзам, но отождествлять их с союзами нельзя именно потому, что союз, в отличие от частицы, — принципиально отдельное слово¹. Союз, выполняя связывающую роль между словами, членами словосочетаний или предложений, выражает синтаксические отношения, а частица придает лишь различные оттенки значений словам и словоформам (вопрос, желание, утверждение, ограничение, сомнение, неопределенность, эмоциональность и т. п.).

По своему происхождению частицы — это слова полуграмматического, полулексического типа, имеющие значение, близкое к наречиям, с одной стороны, к союзам и послелогам — с другой.

Некоторые частицы, в особенности вопросительные, входящие в состав слова, очень близки к аффиксам, но отличаются от аффиксов тем, что не являются грамматическим показателем слова, а обуславливают семантико-синтаксическую среду, что характерно прежде всего для союзов.

В современном башкирском языке по значению различаются следующие частицы.

1. Вопросительные частицы:

-мы/-ме, -мо/-ме с оттенками конкретности, уверенности: *Намә, әллә бында куйылармы үзәңде? Әллә укыуыңды ташланыңмы?* (К. Мөргән) 'Почему тебя сюда поставили? Бросил учебу?'; *Анайыңды курзеңме, һөйләштеңме?* 'Ты увидел сестру? Поговорил?';

мы/-ме икән, -мо/-мә икән с оттенками неуверенности, неопределенности, сомнения: *Исән кайттымы икән?* 'Здоровым ли он вернулся?'; *Ә һуң ул оймахтағы хур кыздары ла һаман торалармы икән, улар киәмәткә тиклем картайып бөтмәстәрме икән?* (М. Гафури) 'Живут ли эти там, в раю, райские девушки, они не постареют ли?';

¹ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 129.

-мы/-ме ни, -мо/-мо ни с оттенком удивления, досады: *Өмэлэ бай балалары мыскыл итеш колдөлөрме ни?* (Г. Гүмөр) 'Неужели там в меджлисе сыновья богачей издевались?'; *Шулай уж еңгэ безге баланан да тубэн курәһеңме ни?* (И. Насыри) 'Сноха, неужели вы нас хуже детей считаете?';

сложными по составу вопросительными частицами *-мы/-ме икэн ни, -мо/-мо икэн ни* выражается риторический вопрос: *Минең бер хыялым да барып сәжмәсмы икэн ни?* 'Неужели не сбудется ни одна моя мечта?'; *Туйзан касалар тиме икэн ни?* (М. Гафури) 'Разве со свадьбы убегают?'

2. Ограничительные частицы *-ғына/-генә, -кына/-кенә*: *Кызыл сыбар күбәләк сәскәләр араһында назлы ғына кыланьп осоп йөрөй* (Ф. Әсәнов) 'Пестрая бабочка, как бы резвясь, перелетает с цветка на цветок'; *Үз-ара ғына һөйләшеп мәсьәләне хәл итәйек* 'Решим это, лишь поговорив друг с другом'.

3. Усилительная частица ограничения *ук/үк*; ею передается значение мгновенности с некоторым оттенком предупреждения: *Шулар араһынан ук атаһының өстәлгә куйған ашын да ашамай, кейемле көйө ятыуы үсенә төштө* (И. Насыри) 'Сразу после этого ему вспомнился отец: он лежал одетым, отказавшись от еды'; *Иртәгә үк безгә килеп ет* 'Завтра же приходи к нам'; *Егеттең был инициативаһын шунда ук әлеп алдылар һәм янына ук килеп кул сабып рух бирә башланьлар* (К. Мөргән) 'Тут же поддержали инициативу парня, воодушевляли аплодисментами'.

4. Частица *-дыр/-дер, -зыр/-зер, -лыр/-лер, -тор/-төр*, частица неуверенного предположения, передает оттенок сомнения, неуверенности в отношении события, действия, явления, предмета: *Кайтайым инде, әбей, өйзәлә көтә торғандарзыр* (К. Мөргән) 'Пойду я, бабушка, наверное, уж заждались меня дома'; *Ғәйеп үзегеззәлер, мин кушканса эшләмәгәнһегеззәр әле, могайын* (фольк.) 'Виноваты, наверное, вы сами, — не сделали так, как я предлагал'; *Куренгәндәр, ул бит ер астынан йөрәмәй* 'Наверное, появлялся, он же не ходит под землей'.

5. Частица *-һана!/-һәнә*, выражающая просьбу, увещевание, выступает при глаголах в форме повелительного наклонения: *Килһәнә, күрһәнә, безге генә гәйепләп йөрәмә* 'Да приходи же, приходи, посмотри же, не обвиняй нас зря'; *Атлаһана, алла коло, — тип ашыктырзы* (фольк.) 'Да шагай же, раб божий, — торопил он'.

6. Частица просьбы *-сы/-се, -со/-сө*; при форме повелительного наклонения глагола она содержит также оттенок сожаления, а иногда усиливает значение повеления: *Әй китсе-китсе, ошондай көндө өйзә тормасы* (З. Бишпева) 'Да ты что, в такую погоду уж не сиди дома'; *Куйсы, харап иткәндәр үзен* 'Не говори уж, погубили его'.

7. Частицы подтверждения с оттенками удивления, иногда досады *да-баһа / җабаһа / лабаһа / табаһа / даһа / ҙаһа / таһа*: *Асы елдә баһып тормаһаң да ярай җабаһа* (Ә. Бикчәнтәев) 'На холодном ветру можно же было и не стоять'; *Белмәй ҙә торабыҙ, безгә кунак бар икән дәбаһа!* (Б. Бикбай) 'У нас, оказывается, гость, а мы и не знали!'

8. Частица неопределенности *әле* следует главным образом после глагола: *Кил әле, кил әле, күрәйем әле* 'Иди-ка, иди-ка, посмотрю-ка я'; *Барма әле, һөйләшмә әле* 'Не ходи-ка, не разговаривай'.

9. Различные экспрессивно-эмоциональные оттенки — подтверждение, уверенность, колебание, сомнение — выражаются усилительной частицей *-та!/-тә, -да!/-дә, -за!/-зә, -ла!/-лә*. Эти оттенки в известной степени обуславливаются значением и формой предшествующего частице слова: *Үзегез осоп дә һәйбәт, балалар өсөн дә . . . Минең дә куңелем тыныс булыр* (К. Мөргән) 'И для вас хорошо, и для детей, и моей душе спокойно'; *Тыныс жына ла ята, кислород та һулап жарай Фәрит, әммә хәле рәтләnmәй* (Ф. Әсәнов) 'Спокойно лежит Фарит, пробует дышать кислородом, но у него состояние не улучшается'; данная частица в сочетании с формой условного наклонения выражает уступительное значение: *Белһәм дә әйтмәнем* 'Хотя знал, да не говорил'; объединяя однородные сказуемые в форме повелительного наклоне-

ния, частица *-та/-тә* . . усиливает, конкретизирует просьбу или повеление: *Бар за тор!* 'Иди да живи!'; *Кур за һөйләш!* 'Встреться да поговори!'. Эта частица омонимична с соединительным союзом.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова как по своему лексическому составу и семантическому содержанию, так и по способу функционирования в предложении представляют собой своеобразный класс слов, не имеющий прямого отношения ни к одной из других частей речи.

Модальные слова выражают отношение говорящего лица к той связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и действительностью.

В современном башкирском языке модальные слова по своему семантическому содержанию подразделяются на следующие разряды: модальные слова, выражающие утверждение и отрицание; модальные слова со значением долженствования и необходимости; модальные слова со значением возможности; гипотетические модальные слова; модальные слова, выражающие побуждение.

Модальные слова по своей синтаксической функции делятся на две группы: 1) вводно-модальные слова, выполняющие функцию вводных слов в предложении; 2) модальные слова, употребляющиеся в функции различных членов предложения.

Модальные слова первой группы характеризуются следующими признаками: а) употребляются только в качестве вводных членов предложения; б) не обладают формами словоизменения и словообразования; в) образуют грамматические омонимы различных частей речи, ср. *дөрөс* 'правильно' — наречие и *дөрөс* 'правда, точно, истинно, верно' — модальное слово; *билдәле* 'известный' — имя прилагательное и *билдәле* 'разумеется, известно' — модальное слово, *күрәһең* 'ты видишь' — личная форма глагола и *күрәһең* 'видимо, по-видимому' — модальное слово и т. д.

К модально-вводным словам относятся: *албиттә* 'конечно, безусловно, несомненно', *ахыры* 'кажется, по-видимому', *буғай* 'кажется', *бәлки* 'может быть, возможно', *күрәһең* 'очевидно, видимо', *белмәйем* 'едва ли, ой-ли', *белмәһең* 'может быть' и т. д.

К модальным словам, употребляющимся в функции различных членов предложения, относятся: *бар* 'есть, имеется'; *юк* 'нет, не имеется', *мөмкин* 'можно', *кәрәк* 'должно, нужно', *тейеш* 'необходимо', *туғел* 'нет, не'; *буһа кәрәк / буһыға кәрәк* 'возможно', *буһыға тейеш* 'может быть' и т. д.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

СО ЗНАЧЕНИЕМ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ

К ним относятся: *әйе* 'да', *бар* 'есть, имеется', *юк* 'нет, не имеется', *албиттә* 'конечно', *ысынлап, ысынлап та, ысындан, ысындан да* 'действительно, на самом деле', *дөрөс* 'подлинно', *билдәле* 'конечно', *туғел* 'нет, не', *һис шикһез* 'несомненно', *һис һүҙһез* 'безусловно', *асылда* 'на самом деле', *яҡшы* 'ладно, хорошо', *ярар, ярай* 'ладно, хорошо' и т. д.

Этот разряд модальных слов выражает твердую уверенность говорящего в реальности и достоверности или нереальности и недостоверности событий и действий, о которых идет речь в предложении.

Модальное слово *әйе* употребляется для выражения утверждения, а также согласия и подтверждения. Как правило, оно находится в начале предложения: *Әйе, геүләп торған замандар үтте* (Җ. Дәүләтшина) 'Да, прошли те шумные времена'.

Очень часто *әйе* употребляется в сочетании с модальными частицами *бит* 'ведь', *лабаһа* 'конечно': *Әйе бит, Йезөкәй, атаһы курмәгән бит* (Г. Дәүләтшина) 'Правда ведь, Юзукай, отец еще не видел ее'; *Әйе, лабаһа, кар*

гына тотта алмаш безге (Г. Дәүләтшина) 'Конечно же, только снег нас не удержит'.

Модальное слово *юк* обозначает общее отрицание, а также несогласие с чем-либо. Оно преимущественно употребляется в диалогической речи при ответе на поставленный вопрос. При соответствующей интонации оно выражает категорическое возражение. Функциональной особенностью *юк* является его употребление как назывного предложения, например: *Урын табыламы һуң? — тин һораны ул. — Юк* (С. Агиш) 'Работу ты себе нашел? — спросил он. — Нет'.

Юк очень часто ставится в начале предложения. При этом глагольное сказуемое всегда принимает аффикс отрицания: *Юк, мин Әмирхановты был төсә булыр тин һис уйыма килтермәгәйнем* (С. Агиш) 'Нет, не представлял я Амирханова таким человеком'. Для усиления несогласия и возражения применяется прием повтора: *Юк, юк. Хөрмәт агай, уттай эш вакытында һиндәй эсеу булһын* (Ә. Гәрәев) 'Нет, нет, дядя Хурмат, разве можно пить в такую горячую пору'.

Однако самой типичной синтаксической функцией слова *юк* является выполнение роли самостоятельного сказуемого: *Курәһең бит, һакалы ла юк, майык та сәкмаған* (С. Агиш) 'Видишь же, и бороды нет, и усов нет'; *Һинең менән бергәләп башкараһы эштәр юк* (Я. Хамматов) 'У нас с вами нет общих дел'.

Модальное слово *бар* 'есть', как и *юк*, выделяется среди других модальных слов своей исключительно полисемантической и полифункциональностью. В функции самостоятельного сказуемого оно сообщает о наличии, присутствии каких-либо предметов и явлений действительности: *Бына агайыңдан хат бар, укып ишеттер* (Г. Дәүләтшина) 'Есть письмо от брата, прочти его'; *Һәр эштең үзенең шигриәте, үзенең матурлығы бар* (Р. Сафин) 'В каждом деле есть своя поэзия, своя красота'.

Бар также активно употребляется в составе сложного сказуемого и, смыкаясь с ним на лексико-грамматическом уровне, выражает различные модальные значения. В сочетании с причастием на *-ған* оно обозначает уверенное подтверждение совершения тех действий, которые выражены причастием: *Хәлимәнең был турала күп ишеткәне бар* (Г. Дәүләтшина) 'Халима, конечно, слышала об этом много раз'.

Сочетание *бар* с причастиями на *-аһы/-әһе* имеет значение долженствования и необходимости: *Йоз меңләгән кешене минераль ашламаларҙы белеп файзаланырға өйрәтәһе бар* (СБ) 'Необходимо научить сотни тысяч людей правильно использовать минеральные удобрения'.

Модальное слово *бар* в диалогической речи функционирует как назывное слово-предложение: *Бың арала ауылға кайтҡаның бармы?* — *Бар* 'В эти дни ты бывал в деревне? — Да.'

Модальное слово *түгел* употребляется для отрицания всего содержания предложения. Поэтому оно в основном встречается либо в составе глагольного, либо именного сказуемого, чаще же всего употребляется в составе глагольного сказуемого, выраженного причастием и инфинитивом: *Безгә олатайҙарҙан калған малды бүләшәһе түгел* (Я. Хамматов) 'Нам не делить богатства, которое осталось от дедов'; *Разведкаға безгә бөгөн китергә түгел* (Ә. Гәрәев) 'Нам сегодня не идти в разведку'.

Түгел часто употребляется также для оформления именного сказуемого с отрицательным значением: *Тимәк, ул әле лә исәптән төшкән кеше түгел* (Р. Солтангәрәев) 'Следовательно, он и сейчас не сошел со счета'; *Юк, Фәйруш, йорәк берзә урынында түгел* (К. Даян) 'Нет, Файруш, сердце мое никак не на месте'.

Отрицательная форма будущего категорического времени наряду с аффиксом *-ма/-мә* образуется также при помощи отрицания *түгел*, ср. *мин китмәй-эсәкмен* — *мин китәсәк түгелмен*. Примеры: *Без берәүгә лә баш әйәсәк түгел-без* (Я. Хамматов) 'Ни перед кем мы не склоним головы'; *Әгәр тауға күтәрелә алмаһа ла, ул кире киләсәк түгел* (Д. Исламов) 'Если даже он не сможет подняться на гору, он сюда не вернется'.

Түгел образует отрицательную форму модальных слов *кәрәк*, *тейеш*, *мөмкин*: *кәрәк түгел* 'не надо', *тейеш түгел* 'не обязан', *мөмкин түгел* 'невозможно'. Примеры: *Минең төндә өйгә булмағанды һинән башка бер кем белергә тейеш түгел* (З. Бишшева) 'О том, что я ночью не был дома, никто не должен знать кроме тебя'; *Батшаны колатмай тороп, безгә тулы бәхеткә ирешеү мөмкин түгел* (Г. Дәүләтшина) 'Не свергнув царя, нам не добиться своего счастья'; *Ғүмер бергә йәшәп тә кешене үтәнән-үтә аңлап бөтөү мөмкин түгел* (Ш. Насыров) 'Невозможно понять человека до конца, даже прожив с ним целую жизнь'.

При сочетании *түгел* с другим модальным словом отрицательного значения, в частности с *юк* 'нет', образуется форма двойного отрицания *юк түгел* означающая 'имеется, не без': *Мәғариф өлкәһендә лә уңыштарыбыз юк түгел* (СБ) 'Имеются успехи и в области народного просвещения'; *Безгә лә йөрәкле батырҙар юк түгел* (фольк.) 'И у нас тоже есть смелые батыры'.

Түгел в качестве самостоятельного сказуемого, как правило, не употребляется. Однако в диалогической речи встречается употребление модального слова в функции слова-предложения: — *Шулмы идеал бөгөн безең өсөн? — Юк, түгел* (Г. Сәләм) — 'Это ли идеал для нас сегодня?' — Нет, не идеал'; — *Анау килгән Ҡәрим түгелме? — Түгел* (Ф. Исәнғолов) 'Не Ҡарим ли тот, который идет сюда. — Нет, не он'.

Түгел употребляется с причастными формами на *-ырҙай/-ерҙэй*, *-ырлык/-ерлек*, *-малы/-мәле*, *-маслык/-мәслек*, *-кыһыҙ/-көһөҙ*, когда они выступают в функции сказуемого: *барырҙай түгел*, *барырлык түгел*, *бармалы түгел*, *бармаслык түгел*, *барғыһыҙ түгел*. Например: *Ҡаланың зурлығына һокланып та, ғәжәпләнәт тә бөтөрлөк түгел* (З. Бишшева) 'Невозможно не любоваться красотой и масштабами города'; *Иңенә-буйына әллә ни саклы сакрым-дарға һузылып киткән урманды һис кенә лә үтәп сығырҙай түгел* (фольк.) 'Невозможно пройти лес, который протянулся вширь и вглубь на многие километры'; *Быя җапқанан һис үтмәле түгел* (фольк.) 'Невозможно пройти через эти ворота'.

В современном башкирском языке широко представлены вводно-модальные слова, выражающие подтверждение реальности или нереальности, истинности или ложности, достоверности и недостоверности событий. Модальное слово *әлбиттә* 'конечно, несомненно, непременно, безусловно, обязательно, разумеется' выражает уверенность говорящего в реальности событий, о которых идет речь в предложении. Модальное слово *әлбиттә* по своему значению и функционированию весьма близко к модальному слову *билдәле* 'известно, естественно'. Как правило, они употребляются в начале предложения, но возможно их употребление и в середине, и в конце предложения. Примеры: *Әлбиттә, җан куп жойоласак* (Я. Хамматов) 'Разумеется, крови много прольется'; *Һүз, әлбиттә, теге летчик тураһында бара* (Ә. Бикчәнтәев) 'Речь, конечно, идет об этом летчике'; *Көндәр аязыһа, экскурсияға китер инек, билдәле* (З. Бишшева) 'Если бы наступили погожие дни, разумеется, мы поехали бы на экскурсию'.

Модальное слово *дөрөҫ* 'истинно, подлинно, действительно' используется говорящим для подтверждения несомненности, правдивости, истинности и бесспорности сообщаемой мысли: *Дөрөҫ, Хисмәтулла бөгөн килде* (Я. Хамматов) 'Правда, Хисмәтулла приехал сегодня'; *Бынан бер ай элек, дөрөҫ, улар утырлап жына кеше ине* (А. Карнай) 'Верно, месяц тому назад их было всего около тридцати человек'.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ

Данный разряд модальных значений выражается словами *кәрәк* 'надо, нужно, необходимо' и *тейеш* 'должно, необходимо'.

Модальное слово *кәрәк* выражает необходимость совершения какого-либо действия в силу объективных условий, не зависящих от субъективного

желания говорящего: *Буранбайга иртээг үк полкка китергээ кэрэж* (Д. Юлтый) 'Буранбай завтра же необходимо уйти в полк'.

Кэрэж активно употребляется в качестве самостоятельного сказуемого: *Матурлыктан элек батырлык кэрэж* (погов.) 'Прежде всего пужна смелость, и лишь потом красота'; *Беззег, гэскэргээ намыслы, батыр кешелэр кэрэж* (Я. Хамматов) 'Нашей армии нужны честные и смелые люди'.

Отрицательная форма *кэрэж* образуется не только посредством сочетания с *түгел*, но и при помощи афф. -*ма/-мэ*: *хин кэрэж түгелһең* — *хин кэрэжмэйһең* 'ты не нужен'. Однако форма отрицания слова *кэрэж* в прошедшем времени образуется исключительно с помощью афф. -*ма/-мэ*: *хин кэрэжмэһең* 'ты не нужен был', *мин кэрэжмэн* 'я нужен был'; *Юк, кэрэжмэй миңэ бүтэн бахет* (А. Игебаев) 'Нет, не нужно мне другого счастья'; *Бына нимээгэ кэрэж буласак был аркан* (М. Керим) 'Вот для чего нужен будет этот аркан'; *Мал кэрэж буһа, яз берэр бэрэс табылыр эле* (Н. Дәүләтшина) 'Если нужен будет скот, то весной найдем ягненка'; *Кэрэжмэс миңэ алтын тарак, һыу һөлөгө буһым килмэй минең* (З. Бишсва) 'Не нужна мне золотая гребенка, не хочу я быть русалкой'; *Кэрэжһэ, алыр иһең эле хин ул мылтыкты, кэрэжмэйһер* (Д. Юлтый) 'Если б нужно было, ты купил бы это ружье, видимо — не нужно'.

В атрибутивной функции *кэрэж* употребляется в сочетании почти со всеми лексико-семантическими разрядами существительных: *кэрэж кеше* 'нужный человек', *кэрэж эш* 'нужная работа'. Наиболее активно оно функционирует со словообразующими афф. -*ле, һез*: *кэрэкле китан* 'нужная книга', *кэрэжһез мэһжэт* 'непужные хлопоты'.

Кэрэж очень часто субстантивируется, принимая аффиксы принадлежности и мн. числа, а также показатели всех падежей: *Хэзер кэрэгегез бөттө* (Б. Бикбай) 'Теперь вы нам не нужны'; *Әлеге кыскырып йөрөүзег кэрэге юк* (Н. Дәүләтшина) 'Пока не стоит об этом шуметь' и т. п.

Кэрэж может сочетаться с модальными частицами *инде, бит, -тер*, а также с послелогоми *шикелле, һымак, кеуек*: *кэрэж инде, кэрэж бит, кэрэжтер, кэрэж шикелле, кэрэж һымак, кэрэж кеуек, кэрэж иһан, кэрэж иһеш* и т. д.

Формы условного наклонения образуются при помощи афф. -*һа/-һэ*: *кэрэжһэ* 'если будет нужно'. Аналитическая форма условного наклонения образуется сочетанием *кэрэж* с вспомогательным глаголом *бул-*, который принимает аффикс условного наклонения: *кэрэж буһа* 'если будет нужно', *кэрэж буһан буһа* 'если было бы нужно' и т. д.

В синтаксической функции сказуемого модальное слово *кэрэж* выступает как спрягаемый глагол, принимая аффиксы всех временных форм и наклонений.

§ Изъявительное наклонение

Настоящее время

Ед. число		Мн. число	
1 л. <i>мин кэрэж (мэн)</i>	'я нужен'	<i>без кэрэжбез</i>	'мы нужны'
2 л. <i>хин кэрэж (һең)</i>	'ты нужен'	<i>һез кэрэжһегез</i>	'вы нужны'
3 л. <i>ул. кэрэж</i>	'он нужен'	<i>улар кэрэж</i>	'они нужны'

Прошедшее время

Прошедшее время образуется не только посредством афф. -*те*, но и при помощи вспомогательных глаголов *бул-, иһе-*.

Ед. число

1 л. <i>мин кэрэжтем, кэрэж булдым (иһем)</i>	'я был нужен'
2 л. <i>хин кэрэжтең, кэрэж булдың (иһең)</i>	'ты был нужен'
3 л. <i>ул кэрэкте, кэрэж булды (иһе)</i>	'он был нужен'

Мн. число

1 л. <i>без кэрэжтек, кэрэж булдык (иһек)</i>	'мы были нужны'
2 л. <i>һез кэрэжтегез, кэрэж булдығыз (иһегез)</i>	'вы были нужны'
3 л. <i>улар кэрэкте, кэрэж булдылар (иһелэр)</i>	'они были нужны'

Будущее время образуется при помощи афф. *-ер, -эсэж* и вспомогательного глагола *бул*.

Ед. число.

- 1 л. *мин кэрэггермен, кэрэгэсэжмен, кэрэж булырмын* 'я буду нужен'
- 2 л. *һин кэрэггерһең, кэрэгэсэжһең, кэрэж булырһың* 'ты будешь нужен'
- 3 л. *ул кэрэггер, кэрэгэсэж, кэрэж булыр* 'он будет нужен'

Мн. число

- 1 л. *без кэрэггербез, кэрэгэсэжбез, кэрэж булырбыз* 'мы будем нужны'
- 2 л. *һез кэрэггерһегез, кэрэгэсэжһегез, кэрэж булырһығыз* 'вы будете нужны'
- 3 л. *улар кэрэггер, кэрэгэсэж, кэрэж булыр* 'они будут нужны'

Модальное слово *тейеш* 'необходимо, обязан, должен' в отличие от *кэрэж*, не употребляется в функции самостоятельного сказуемого, а всегда входит в состав аналитических конструкций: *уқырға тейеш* 'должен учиться', *уқырға тейеш ине* 'он должен был учиться' и т. д.

Аналитические конструкции, состоящие из инфинитива и модального слова *тейеш*, выражают твердую убежденность говорящего в необходимости совершения какого-либо действия: *Без бер-беребезгә терэж булырға тейешбез* (Я. Хамматов) 'Мы должны быть опорой друг другу'.

Аналитическая конструкция с *тейеш* имеет все формы лица, числа, времени и наклонений. Формы времени и наклонений образуются при помощи вспомогательных глаголов *бул, ине*: *уқырға тейеш инем* 'я должен был учиться', *уқырға тейеш булһа* 'если он должен учиться', *уқырға тейеш булыр ине* 'он должен был бы учиться', *уқырға тейеш булһа ине* 'если он должен был учиться' и т. д.

Таким образом, *кэрэж* и *тейеш* по своим структурно-семантическим и синтаксическим свойствам занимают среди других модальных слов особое место, выполняя функции как глагольных, так и именных форм.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ

К этому разряду относятся модальные слова *мөмкин* 'можно', *ярай* 'можно'.

Отрицательная форма слова *мөмкин* образуется при помощи *түгел* (*мөмкин түгел* 'невозможно'), а слова *ярай* — посредством глагольного отрицания *-ма* (*ярамай* 'нельзя').

Мөмкин выражает возможность совершения действия при наличии определенных условий. В качестве самостоятельного сказуемого *мөмкин* не употребляется. Оно функционирует только в качестве компонента составного сказуемого, представляющего аналитическую конструкцию, образующуюся из инфинитива на *-ырга/-(е)ргә* и модального слова *мөмкин*: *барырга мөмкин* 'можно идти': *Эште дөроҫ ойошторганда ғына, продукция сығарылышы байтаж арттырырга мөмкин* (СБ) 'Только при правильной организации труда можно намного увеличить выпуск продукции'; *Заводтың музейендә эшселәрҙең данлы революцион традициялары менән танышырға мөмкин* («Ағизел») 'В заводском музее можно познакомиться со славными революционными традициями рабочих'.

Модальная конструкция *-(ы)рға/-(е)ргә — мөмкин түгел* выражает невозможность совершения действия: *Был турала һүзгә булырға мөмкин түгел* (З. Бишева) 'Об этом не может быть и речи'.

Очень часто употребляется конструкция, составленная из формы имени действия на *-уу* и модального слова *мөмкин*: *барыу мөмкин* 'можно пойти': *Ташлы ер өстөндә лә иген сәсеу мөмкин* (Ғ. Дәүләтшин) 'Хлеб можно сеять и на каменистой земле'.

Аналитическая конструкция, состоящая из инфинитива на *-рға* и модального слова *ярай*, выражает реальную возможность совершения опре-

деленного действия: *Эш бөткәс, уйнарга ярай* (Ф. Тукай) 'Закончив дело, можно поиграть'; *Был эште иртәнән һуң да башларга ярай* («Ленинсе») 'Эту работу можно начать и послезавтра'.

Отрицательная форма этой конструкции выражает значение невозможности совершения действий и запрещения: *Миңә бында оҙаҡ калырга ярамай* (Я. Хамматов) 'Мне здесь долго оставаться нельзя'; *Уйлаган эште ярты юлда калдырырга ярамай* (З. Бишпева) 'Задуманное дело нельзя оставить на середине'.

ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

К гипотетическим модальным словам (со значением предположения, сомнения и неуверенности) относятся: *ахыры* // *ахырыһы* 'кажется, по-видимому'; *буғай* 'видимо, кажется', *бәлки* // *бәлкем* 'наверное', *ихтимал* 'возможно, вероятно', *күрәһең* 'очевидно, видимо', *буһа кәрәк* 'по-видимому, должно быть, может быть', *булырға тейеш* 'должно быть, по всей вероятности', *белмәйем* 'может быть, едва-ли, ой-ли', *белмәһең* // *белмәһең тағы* 'возможно, может быть, кто знает'.

Гипотетические модальные слова обозначают различную степень вероятности, возможности совершения действий. По своей семантике они подразделяются на два типа: 1) слова с оттенком большей вероятности и определенности: *күрәһең* 'очевидно', *булырға тейеш* 'должно быть', *ихтимал* 'вероятно, возможно', *булырға мөмкин* 'должно быть, может быть', 2) слова с оттенком меньшей вероятности и определенности: *бәлки* 'может быть', *буғай* 'кажется', *булырға кәрәк* 'кажется, по-видимому', *белмәйем* 'едва ли, может быть, ой-ли'. Примеры: *Күрәһең, олатайым был китап менән дә яҡшы таныш булғандыр инде* (Б. Бикбай) 'Очевидно, мой дед хорошо знал и эту книгу'; *Дйзә, барайыҡ, ул, моғайын, безгә берәй кәңәш бирер* (З. Бишпева) '— Давай, пойдём, может быть, он нам какой-нибудь совет даст'; *Бәлки ул элекке хатаһын аңлағандыр* (Я. Хамматов) 'Может быть, он понял свою прежнюю ошибку'.

Модальные слова *буғай*, *булырға тейеш*, *булырға кәрәк*, *булырға мөмкин*, *буһа кәрәк*, как правило, по отношению к сказуемому занимают постпозитивное положение: *Әйтәһем килгән һүҙҙәр ошоноң менән бөттө, буғай* (Б. Бикбай) 'Слова, которые я хотел высказать, видимо, на этом закончились'; *Хәмтийән бөтөнләй тынысланды булырға тейеш* (М. Кәрим) 'Хамитьян, кажется, совсем успокоился'; *Хәтәрәм алдаһа, көн киләп килә ине буһа кәрәк* (Г. Хәйри) 'Если память мне не изменяет, дело было, кажется, к вечеру'; *Был эш бик насар барып бөтөргә мөмкин* (Д. Исламов) 'Это дело, возможно, закончится очень плохо'.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОБУЖДЕНИЕ

Слова *зинһар* 'пожалуйста', *рәхим итегез* 'добро пожаловать, извольте, пожалуйста', *беләһегезме* 'знаете ли', *ғәфу итегез* 'извините', *күрәһегезме* 'видите ли, как видите', *аңлайһығыҙмы* 'понимаете ли', *жуй*, *жуйығыҙ* 'оставьте, оставь' употребляются в речи, чтобы будить слушателя к совершению определенных действий, обратив его внимание на какое-либо событие, состояние. Они также выражают призыв, просьбу, желание говорящего.

Синтаксической особенностью побудительных модальных слов является то, что они употребляются, как правило, в тех предложениях, где сказуемым является глагол повелительного наклонения, например: *Зинһар, үтенәм, үзегеҙгә калдырығыҙ! Бүтән барыр урыным юҡ миңең!* (Я. Хамматов) 'Пожалуйста, оставьте меня у себя! Больше некуда мне пойти!'; *Жуйығыҙ, кеше күзенә күрһәтмәгез!* (фолькл.) 'Оставьте, не показывайте людям'.

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия — это особый разряд слов, выражающих различные чувства непосредственно в момент их проявления и эмоциональное отношение человека к высказываемому. В отличие от других частей речи они не обладают номинативностью, а лишь выражают душевное состояние, чувственную оценку происходящего; выступают самостоятельно, связываясь с предложением в целом по смыслу и интонационно; не обладают формами словоизменения и не имеют собственных аффиксов словообразования. Эти основные признаки и отличают междометия от внешне сходных с ними категорий слов, иногда ошибочно относимых к разряду междометий. Так, к междометиям иногда причисляют звательные слова, употребляемые для подзыва и отгона животных, императивы, выражающие волеизъявление человека.

Звательные слова и императивы отличаются от междометий своим значением: они обладают назывной функцией, т. е. не обозначают непосредственно проявляемые чувства, хотя, как и междометия, ограничены парадигматически, имеют некоторые грамматические формы, например форму числа и лица (*мә 'на' — мәгез 'наге', сеу — сеугез! 'цыц!'*), наклонения (*жуй — жуйһаңсы 'оставь'*), являются членами предложения, входя в синтаксические отношения с членами предложения, а не с предложением в целом, как это происходит с междометиями, например: *выжт бынан! 'вон отсюда!', мә тот! 'на, держи!'* и др.

Семантика звательных слов и императивов довольно прозрачна, она может проявляться и без контекста, тогда как междометия обязательно поясняются контекстом, ситуативно (например, в диалоге) или интонационно. Безусловно, императивы тоже могут сопровождаться эмоцией, но это уже их вторичная, сопутствующая функция, первичной же является побуждение к действию. Следовательно, звательные слова необходимо рассматривать отдельно от междометий, а в словарях сопровождать соответствующими лексико-грамматическими пометами. Императивы же следует рассматривать как парадигматически и синтагматически ограниченную группу глагольных форм.

Междометия в современном башкирском литературном языке представляют собой довольно распространенный пласт лексики, хотя и считаются количественно ограниченной группой слов. Первичных междометий без учета фонетических вариантов и полнозначных слов-аффектов, также способных выражать в определенном контексте и с соответствующей интонацией чувства и состояние человека, насчитывается около семи десятков.

Своеобразна морфонологическая структура междометий. По фонетическому строению междометия подразделяются на первичные и производные.

Первичные (или непродеривные) междометия имеют следующую звуковую структуру:

- 1) Состоят из одного гласного или трех одинаковых гласных, произносимых с паузой: *а, э, э-э-э, и, и-и-и, о, о-о-о, у, у-у-у;*
- 2) гласный + согласный: *ай, аһ, эй, их, уф, эх* и др.;
- 3) гласный + согласный + согласный: *эйй, уфф.* .;
- 4) гласный + согласный + гласный: *аһа, элә, эһә, иһи, ура* и др.;
- 5) согласный + гласный: *фу, һы, һе, һи, йә* и др.;
- 6) согласный + гласный + согласный: *бәй, вәй, һәй;*
- 7) согласный + согласный + гласный: *тфу;*
- 8) согласный + гласный + согласный + согласный: *тайт, һайт;*
- 9) гласный + согласный + дифтонг: *абау, эләу* и др.

Структурные типы междометий образуются и путем повторов: *ай-ай, аһ-аһ, вәс-вәс, һай-һай*, иногда с добавлением согласного перед повторяющейся гласной во второй части (парные междометия): *ай-бай, ай-һай, ах-вах* и др.

Своеобразием фонетической структуры междометий башкирского языка является и то, что в составе исконных междометий выступает редко употребляемый согласный «айл» — $\zeta(?)$, который в словах иных категорий встре-

чается лишь в арабских заимствованиях: *э'ем* (междометие произносимое при внезапной боли, например, уколе, ожоге), *э'-э'-э* (радость от догадки), *хай'-хай'-хай* (удивление, восхваление).

Для междометий совершенно не характерны узкие гласные *ө, ү*, согласные *г, ґ, д, з, к, м, н, п*; очень ограниченно употребляются сонорные *р, л*, чаще же всего выступают согласные *б, в, й, һ, х, ф*.

Производные междометия по структуре бывают простыми, сложными и составными. Они либо полностью теряют свою однозначность, переходя в разряд междометий, либо выполняют функции междометий, представляя собой омонимичные пары однозначных единиц.

Производность некоторых простых междометий может быть доказана лишь этимологическими изысканиями, например: *атак, вэйкэй, эстэк*.

Сложные междометия образуются сочетаниями междометий со словами других категорий (чаще всего с частицами и местоимениями): *бынагайыи* 'вот те на', *эттэгэнэне* 'ой да' и др.

Составными являются сочетания междометий с однозначными словами и фразеологические единицы, выражающие чувства, состояние, эмоциональное отношение к окружающему: *абау алла!* 'о боже', *ай эттэгэнэне* (огорчение, сожаление), *абау за инде* (умиление), *эйе лэ* (одобрение, подбадривание); *китсе эле* 'иди-ка, да ну тебя', *бына һин уны* 'ип ты', *кара һин уны* 'смотри-ка ты', *шул ғына этмэгэйне* 'этого только не хватало' и т. п.

По характеру функционирования междометия делятся на две группы.

1. Междометия, произносимые человеком непроизвольно, и выражающие его чувство, состояние без отношения к окружающему. Они издаются при внезапном ощущении боли, неожиданном страхе и т. п., от других разрядов междометий отличаются особой интонацией, постоянным употреблением в начале предложения, в них обычно протяжно произносится конечный звук: *э, эм, ойй, элэ, уффт* и т. п. «*Э, эм, калай эсе*», *тизэр за беишкэн аяктарын һууыж балсыкка тыгалар* (Г. Дәүләтшина) '«Ой-ой, какой горячий», говорят они и обожженные ноги суют в холодную глину»'.

Этих междометий намного меньше, чем междометий второй группы. Они не имеют коммуникативной направленности, но все равно обладают вполне определенной семантикой, общепонятны носителям языка, информируют о физическом или душевном состоянии субъекта, поэтому представляют собой явление языка, а не речи.

2. Междометия, выражающие эмоциональное отношение субъекта к высказываемому. В отличие от первой группы этот разряд предполагает обязательную коммуникативность, выступает в составе предложения или реплики и составляет основную часть междометий по количеству, в сочетании с интонацией и мимикой выражает самые разнообразные эмоции человека.

Своеобразно функционирование междометий в составе предложения. Они не являются членами предложений, поэтому связываются с предложением в целом семантически и интонационно, или выступают в роли самостоятельного высказывания.

Наиболее распространенным является препозитивное по отношению к предложению или фразе употребление междометий. При этом они могут функционировать в различных типах предложений, но преимущественно при восклицательных, вопросительных и реже при повествовательных.

Сама речь может быть и монологической, и диалогической. Контекст, как правило, поясняет и конкретизирует значение междометий. Примеры: [Шатмурат:] *Э-һэ. . . Ырышкул агайзар кайтып килэ!* (Б. Бикбай) '[Шатмурат:] 'Ага. . . Возвращается дядя Ырышкул со своими!'; *Исхак күрешеп, һаулашып боткәнде лә кәтмәй: — Эй, Айбулат, һин генә өйҙә булманьы. . . — тип һүҙгә кереште* (Г. Дәүләтшина) 'Исхак, не дожидаясь, когда закончат здороваться, стал говорить: — Эх, Айбулат, тебя не было дома. . .'; *Их, шәп була бит безең Ырымбур ағының карбуздары* (С. Агиш) 'Эх, хороши же наши оренбургские арбузы'.

Очень часто междометия употребляются в предложениях с обращениями или в предложениях, неполных по структуре²: *хай, Зөлхизә, Зөлхизә. . Бер ни зә аңламайһың, бер ни зә күрмәйһең, балажай* (З. Бишева) 'Эх, Зүльхиза, Зүльхиза. . Ничего ты не понимаешь, и ничего ты не видишь, дитя'; *Тәүкәй мулланың ауызы йырылды: — Һай, Ғәйни туган, олмаһың түрөндә булғыры* (Т. Йөнәби) 'У Тавкеся-муллы рот раскрылся: — О, Гайни, будь же ты в раю'; «*Ә-ә-ә! Әләктеңме?*» — *тип урман аңғыратып кыскырып ебәрзе һыбайлыларҙың береһе* (Ш. Насыров) 'А-а-а! Попался! — крикнул на весь лес один из всадников'; *Уф, һыу кәрәк. . Тағы һыу килтерзеләр* (М. Гафури) 'Ой, вода нужна. . Снова принесли воду'.

Для проявления значения междометий достаточно даже одного слова, употребляемого в роли назывного или вокативного предложения: *Уф-фф, әсе. .* (В. Нафиков) 'Ух-й, жарко. .'; *Ваай, үткән ғүмер!* 'Да-а, сколько прожито!'

Реже встречается постпозитивное употребление междометий. При повествовательных предложениях место междометий не определено так строго (1), как в неполных восклицательных предложениях (2) при наличии обращений и других речевых конструкций. Примеры: 1) *. . Короттай башың менән наҙлана белһең, һай-һай* (Г. Дәүләтшина) 'Умеешь же ты нежиться, хоть и совсем еще маленькая, эхе-эхе'; *Яулығанды ла иккенән ябынырҙар. Кунажка бараһыңмы эллә ул хәтле, аһ-аһ. .* (Ж. Киекбаев) 'И платок надо бы старый накинуть. В гости что-ли идешь, ну и ну. .'; 2) *Вәт әй, ә!* 'Вот да!' (возглас удивления, недоумения); *Кайт, а!* 'Вернись, да!' (возглас возмущения); *Алты йыл, аһ! Һәр йылым — зиндан, дөзах* (Ш. Бабич) 'Шесть лет. ах! Каждый год — темница'.

Своеобразно функционирование междометий в поэтических произведениях устного народного творчества, их употребление в народных песнях и кубаирах, где они одновременно выполняют функцию выражения эмоции (одобрение, воодушевление исполнителя, радость, восторг) и создают ритмичность стихотворной строки. В фольклорных произведениях употребляется лишь незначительная часть междометий, например: *ай, ау, әй, һай, әй*. В отличие от других разрядов эти междометия встречаются не только в начале и конце предложения (1), но и в середине (2): 1) *һай, әйелмәй, бөгөлмәй, матур баҫа түгелме?* (фольк.) 'Ой, да, не сгибается, не наклоняется, пляшет-то как здорово'; *Әй-й, йәмле Дим буйы, бик һағындым был юлы* (фольк.) 'Ой-да, красивы долины Демы, так соскучился по вас я на этот раз'; 2) *Батыр за күрке дан булыр, дан булыр ау, дан булыр* 'Украшением батыра будет слава, будет слава, ай, да будет слава' (кубаир).

Возгласы одобрения при исполнении песни или мелодии могут функционировать и как самостоятельное предложение. Таковы междометия *вай, вәй, вә-һәй, вәшкәй* и некоторые слова и словосочетания, выступающие в значении междометий типа *әйе лә* 'ой-да', *ана шулай* 'вот так', *шулай тиген* 'так скажи' и т. п.

Значения междометий, входящих в стабильный состав лексики башкирского литературного языка, следующие.

А — в зависимости от интонации и долготы выражает удивление, упрек, физическую боль, употребляется сравнительно редко: *Бар, а!* *Нишләп ултыраһың?* (В. Назаров) 'Иди же! Чего сидишь-то?'; *Ир тағы ла нығыраҡ ыңғыраһа: а-аа!* (В. Назаров) 'Мужчина стонет еще сильнее: о-оо!'

Абау — выражает испуг, отвращение: *Абау, һаҫыҡ, — тине бер ҡатын. .* (Ж. Киекбаев) 'Фу, какая вонь, — сказала одна женщина. .'

Ай — выражает внезапный испуг, укор, сожаление: *Ай, харап жына булды, кем балаһы һыуга төшөп китте икән?* (М. Тажи) 'Ой, пропал,

² Как риторическое обращение в поэтической речи употребляется заимствованное из русского языка междометие *о*. Оно интонационно и пунктуационно не отделяется от слова-обращения: *О рус ере! Кайза атлаһыҡ та, һин йөрөрһөң безҙең күңелдә.* (Р. Нағмет) 'О русская земля! Где бы мы ни шагали, ты будешь с нами в наших сердцах'; *О һин, әсә! Ҡасан нүргәнең бар һис жорбанһыҙ булған көрәште* (Н. Нәжми) 'О мать! Когда ты видела борьбу без жертв'.

чей же это ребенок упал в воду?»; *Ай, шаян кыз, билемде ауырттыраһын бит* (Г. Дәүләтшина) 'Ай-да, шаловливая девушка, причиняешь мне боль в пояснице'.

Особую функцию выполняет данное междометие в поэтических произведениях народного творчества (песнях, кубаирах и др.), дополняет рифму, усиливая эмоциональное воздействие: *Ай тыуған ер, тыуған ер, олатайҙар торған ер* 'О, родная земля, земля родная, земля, где жили деды наши' (кубаир); *Табак та ғына табак ай аҡ җағыз, Буранбайҙың язған хаттары* 'Лист да лист белой бумаги, Это письма Буранбая' (народная песня).

Ай-ай — выражает огорчение, сожаление, упрек: *Ай-ай! Бик зур хурлыҡка төштөк бит* (Г. Әмири) 'Ай-ай! Опозорились же мы'; *Ай-ай-ай, элкетеп җапқанға. ! — тип мин үземде шелтәләп тә алам* (Ш. Насыров) 'Ай-ай-ай, попал же ты в капкан! — говорю я, сам себя ругая'.

Междометие *ай*, употребляясь с производными междометиями и другими словами, образует различные словосочетания с междометным значением: *ай алла* 'о боже', *ай эттә* (недовольство, упрек) и др.

Ай-бай — выражает сильное удивление: — *Ай-бай, зур икән, ә! — тине кемдер, йырткыстың зурлығына хайран җалын* (Ж. Киекбаев) 'Ого, какой большой, а! — сказал кто-то, поражаясь величине зверя'.

Ай-һай — в зависимости от интонации может выражать сомнение или удивление: *Ай-һай, яраланған йәнлектен җуркыуы мөмкинме?* (Ә. Чаныш) 'Ой-ли, вряд ли раненый зверь струсит?'.

Атак (атак-атак) — выражает удивление от неожиданности: *Атак, балаҗайым, ни эшләп улай тоғоң җасып, ҡобараң осоп киткән, ни булды?* (Г. Дәүләтшина) 'Ой, дитя мое, на тебе лица нет, что с тобой?'; *Атак-атак! Был бисәләргә нишләп сходжа йыялар тағы?* (Б. Ишемғол) 'Ой-ой! С чего это баб снова на сход собирают?'.

Ах — в зависимости от интонации выражает сожаление, угрозу, радость, восторг: *Ах, мин әйтәм, берәй такта йәки ағас булһа, — тием* (Д. Юлтый) 'Ах, я говорю, была бы доска или бревнышко'; *Ах, сволочь, — тине Фәхри, жулындагы күсәген ергә атып бәрәп* (Б. Бикбай) 'Ах, сволочь, — сказал Фахри, обтросив кол, что держал в руке'; *Ах, яратам да инде газета сығаруҙы* (М. Тажи) 'Ох, и люблю же выпускать газету'.

Аһ — выражает душевное угнетение, мучительное состояние и восхищение: *Аһ, нишләнем мин!?* 'Ах, что я наделал!'; *Аһ, һинек тауышың җанун, ысын сизырлы мөҗсизә. .* (Ш. Бабич) 'Ах, твой голос, истинно колдовское чудо. . .?'

Аһ-аһ — выражает удивление, возмущение: *Аһ-аһ, мин нишләп җартайым ти?* (Б. Бикбай) 'Ой, с чего это, — почему это я старею?'; *Кунакка бараһыңмы эллә ул хәтле, аһ-аһ. .* (Ж. Киекбаев) 'В гости что ли идешь, ой, да что же это. . .?'

Аһа — выражает удивление: *Аһа, ниңә шак җаттың?* (Д. Бүләков) 'Да что ты стоишь, как столб?'.

Бынағайыш — выражает удивление от неожиданности: — *Бынағайыш, — тип аптырай Ғәйзулла бабай, — бынау төндә ниндәй эше иреккән җуркмай — өрөкмәй шулай йырлап йөрөр икән* (Н. Мусин) 'Вот тебе на, — удивляется Гайзулла-бабай, кто же в такую ночь, не боясь, ходит с песней'.

Бәй — употребляется при удивлении, одобрении чьих-либо слов: *Бәй, югарынан уға ҡул болғаусы кыҙың ниңә ҡобараһы оскан* (Д. Бүләков) 'Ба, почему это девушка, помахивающая ему сверху, побледнела'; *Бәй, шулай итмәй ни, теге ни, булған булған инде, кисерешергә кәрәк* (Б. Бикбай) 'Ах да, так и надо, что было, то было, надо простить друг друга'.

Бәрәкәт, бәрәмәс, бәрәс — выражают удивление: *Бәрәкәт, индермәйҙәр зәһә* (С. Агитп) 'Баа, да не пускают же'; — *Бәрәмәс, бына ниңә кәрәк булһа! — тине Илбай җарт* (Х. Гиләжев) 'Вот тебе и на! — сказал старик Ильбай'.

Ваай — выражает удивление, сожаление: *Ваай, үткән ғүмер!* 'Ваай, сколько прожито!'; при удвоенном употреблении выступает как возглас одобрения исполнителю песни, произносится с особой интонацией — долгой и нисходящей во второй части: *вай-ваай!*

В том же значении употребляются междометия *вэй, вэ-һэй, вэс-вэс, вэйкэй*, соответствующие приблизительно русскому 'ой-да, ох-да': Урал койонэ йырланы Юлдыбикэ эбей. *Вэ-э-эй!* . . . Эллэ кемдең инәһе, — тип кумәк бисәләр жушылып куйзылар (Т. Хәйбуллин) 'Старуха Юлдыбикя спела на мотив песни «Урал». Ой-да! . . . Это же наша бабушка, — одобрительно отозвались женщины?'

И-һи-һи — выражает иронический смех: *И-һи-һи*, . . . Буләкте мин һинән элегерәк бирзем инде (Б. Бикбай) 'Э-хе-хе, . . . Подарок-то я раньше тебя вручил'.

И(и-и) — выражает теплое отношение, ласковое обращение: *И, сабий, атаһын күмәндә яңы ғына аяғына баҫа башлағайны шул* (Р. Низамов) 'О, дитя, невинное, когда отца хоронили, ведь только-только на ноги встал'; *И-и-и, балакайымды ғына!* 'О-о, дитятко мое!'

Их — одно из многозначных междометий, выражает в зависимости от тона сильную радость, восторг: *Их, рәхәт тә инде!* 'Эх, хорошо-то как!'; сильное желание: *И-их, миңең кулымдан килһә ине. Үз йөрәгемә баш була алмайым әле* (И. Абдуллин) 'Э-эх, было бы в моих силах. Не могу ведь своему сердцу приказать'; сильную тоску: *Их, ул көндәр! Ғағының һөйләргә генә калды* 'Эх, те дни прошедшие! С тоской лишь осталось вспоминать'; огорчение, печаль: — *Их, мырза, мырза, ниңә былтыр бәтмәне һуң был һуғыш?* (Р. Ғабдрахманов) — 'Эх, браток, браток; почему же в прошлом году не кончилась эта война?'

У(у-у) — в зависимости от интонации выражает угрозу, гнев: *У-у . . . Быуып кына үлтерергә лә бүрегә ташларга ине көсөктә* (З. Бишшева) 'У-у . . . Задушить бы да выбросить на съедение волкам этого щенка'; недовольство: *-У-у-у! Бик оҙаҡ бит* (С. Агиш) 'О-о! Очень долго же'; удивление: *У, бында барыһы ла бар бит: бүре лә, төлкө лә, куян да.* . . (Ғ. Дәүләтшина) 'О, здесь все ведь есть: и волк, и лиса, и заяц. . .'

Уй — выражает боль, легкий испуг от внезапности: *Уй, Ишмырза ағай, һинме?* (Н. Мусин) 'Ой, дядя Ишмурза, это ты?'

Ура (ур-ра) — в зависимости от ситуации выражает радость, восторг или боевой клич: — *Ура! Әсәйем өйҙә була!* (СБ) 'Ура, Мама будет дома!'; — *Ура! Яңылар килгән!* (Б. Бикбай) 'Ура! Новые прибыли!'

Уф (уф-ф) — выражает тяжелое душевное состояние при печали, горе: *Унда бер кеше лә калмағандыр, уф, уф* (Д. Юлтый) 'Там, наверное, ни одного человека не осталось, уф, уф'; нетерпение, усталость: *Уф-ф-ф! Доклад көскә бәттә* (С. Агиш) 'Уф-ф-ф! Еле-еле закончился доклад'; физическую боль: *Уф, башым зыңҡый, аяҡ табандарым боз кеүек һалҡын* (М. Гажи) 'Уф, болит голова, подошвы ног холодны как лед'.

Ух (у-ух) — выражает угрозу: *Килеп карағыҙ, йә һез, йә мин . . . У-уух!* (И. Ғиззәтүллин) 'Попробуйте подойти, или вы, или я. . . У-уух!'; удивление с досадой: *Ух, көп һыуыҡ. Аяҡ ошой башланы* (Ғ. Дәүләтшина) 'Ух, и день холодный. Ноги начали мерзнуть'.

һай — многозначное междометие, в зависимости от тона и долготы гласного может выражать восторженное сожаление: *Һай, ғүмер үтте китте, кайҙа китте ул заман* (Ш. Бабич) 'Хай, жизнь прошла, пролетела, где они, те времена'; *Һай, рәхәт ине Ғайсаға был минуттар!* (Н. Мусин) 'О, как приятны были эти минуты Гайсе'; одобрение, восхваление: *Һай, кейәүен эйтәһең әле һин, уны үстергән атаһын эйт, һай, һай, һай!* (К. Мәргән) 'Говоришь о зяте, а ты возьми отца, вырастившего его, вот это да!'; *Һай, айбарлы баһадирҙәр, ни генә кисермәгән.* . . (А. Иҫбаев) 'О, герои мужественные, что они только не пережили. . .'; порицание: *Куреш, һай, алайот* (З. Бишшева) 'Поздоровайся, эх, дурень'.

Сдвоенное употребление междометия *һай-һай* усиливает выражаемое им чувство: *Һай-һай, Колой ағай, байып киткәнһең икән.* . . (С. Мифтахов) 'Ой-ой, Кулуй-агай, разбогател, оказывается'; *Һай-һай, харап булған икән. Орошһа ла, һужһа ла үз ағаны бит* (Ғ. Дәүләтшина) 'Подумаешь, случилось будто что-то. Если даже поругал или побил, свой же брат'.

Тфу — выражает отвращение, гнев: *Тфу, хэшэрэт йэн!* (М. Тажи) 'Тфу, подлая душа!'; *Тфу, юнһеззэр!* — *Якуп асыу менэн төкорзо* (Б. Бикбай) 'Тфу, негодные! — Якуп рассерженно плюнул'.

Хайт — возглас гоньбы и выражения радости, ликования: *Хайт! Ана бара, тот!* 'Вон, вон, держи его!'; *Хайт-хайт! Кара һин уны (тейенде), ниндэй остор, башы ла эйләнмэй . .* (М. Тажи) 'Смотри-ка на нее (белку), как она стремительна, и голова не кружится . .'

Хе — выражает возмущение, недовольство: — *Хе! Әхмәдиең байталын Сәмигулла урлап һуйган, имен!* (Ж. Киекбаев) '— Хе! Неожеребившуюся кобылу Ахмадея якобы зарезал Смигулла'.

Хей — выражает пренебрежительное отношение: *Хей, тыңламағыз уны, план тикшергәндә төрлө һүз булырға мөмкин* (СБ) 'Хе, не слушайте его, при обсуждении плана могут быть всякие высказывания'.

Хи — выражает порицание, пренебрежительное отношение: *Хи-и, козағый, эйтерһең, улар һине рәһиетләр* (И. Абдуллин) 'Ха, будто они тебя обижают, сваха!'; *Хи-и, тошкә хәтле Әфәнән кайтырға була эле* (К. Мәргән) 'Хе-е, до обеда еще можно из Уфы вернуться'; — *Хи, алып кайткан тархан бабайығыз ошомо?* (фольк.) 'Ха-ха, этот что-ли дед тархан, которого вы привезли?'.

Эй — при обращении выражает упрек: *Эй, Сапура, Сапура! Нисә йыл бергә ғүмер итәбез, ә шуны тәжи төшөнә алманың* (Ә. Чанышев) 'Эх, Сапура, Сапура! Сколько лет вместе живем, так и не могла понять этого'; сожаление, жалость: — *Эй, бахыр ғына, — тине Гөлйөзәм аптырап. — Ни булды икән, нишләп кенә юлдан яззы икән?* (Ғ. Дәүләтшина) 'Эх, бедная, — сказала Гульюзум, недоумевая. — Что же случилось, почему же сбилась с пути'; непослушание, отказ: *Эй, куй эле. «Сиңерткәнән куржкан иген икмәс» ти-гәндәр* (Т. Хәйбуллин) 'Эй, оставь. Говорят, «кто кузнечиков боится, тот хлеб не сеет»'.

Ә-ә-ә — одно из самых многозначных междометий, в зависимости от интонации чаще всего выражает угрозу: *Ә-ә, һин шулай һөйләшһеңме ни эле эсәң менән?! (З. Бишшева) 'А-а, это ты так разговариваешь с матерью?'; растерянность, замешательство: Ә-ә-ә, был егет минең хезмәтсем инде, — тил, бик жаушан җына яуап бирзе Шахми (Т. Йәнәби) 'А-а-а, этот парень мой работник уже, — ответил Шахми, сильно растерявшись'; злорадство: Ә-ә-ә! Колхоз малын списать итеүе еңел, түләүе ауырмы ни! (Н. Гәлимов) 'Списывать колхозное добро легко, платить трудно, да!'; удовлетворение чем-л.: Ә-ә-ә, кәмите ошомо ни уның? — тил һорайым (Ғ. Дәүләтшин) 'А-а-а, это и есть его комедия? — сираниваю я'.*

Междометие *ә* при повторном произнесении с придыхательным звуком (айном) выражает злорадство: «*Ә-ә-ә! Әләктеңме!*» — *тил урман яңгыратыл кыскырып ебәрзе һыбайлыларзың береһе* (Ш. Насыров) '«Ә-ә-ә! Попадется!» — крикнул на весь лес один из всадников'.

Эй — выражает досаду: *Эй, нишләп шуны һезгә һөйләп торам эле* (М. Тажи) 'Эх, зачем это я вам рассказываю'; *Эй, эсәй, безрең ни, һаман да шул бер ызғыш инде. .* (Ғ. Дәүләтшина) 'Эх, мама, у нас, та же самая ссора, недовольство'; *Эй шуны!* 'Да ну его'; *Эй, Юлтый агай, илла һүзеңдә тормайһың да инде. .* (Н. Хафизов) 'Да ну, Юлтый-агай, да ты никак свое слово не держишь. .'

Әл-лә-лә — выражает восторг: — *Ауылдары койоп куйган кеүек, ти. . Әл-лә-лә-лә! Вәт эй! Шулай тиме* (СБ) 'Деревня их, говорят, так красива. . Вот это да!'. *Әләй, әлә, әлә* выражают физическую боль'.

Әстәк, әстәгин — выражают чувство удивления от неожиданности: *Әстәгин! . Безгә был турала эйтеүсе булманысы?! (Д. Бүләков) 'Удивительно, никто нам об этом не говорил же?!'*

Әһә — в зависимости от речевой ситуации выражает злорадство: *Бара торғас, төлкөгә бүре осрай. — Әһә, төлкө, хәзер итеңде алып калам бит, — ти* (фольк.) 'Навстречу лисе попадается волк: — А-а, лиса, я ведь сейчас отниму твое мясо'; радость, удовлетворенность: *Мәфтүхәнең атаһы тәзрә янына килде лә: — Әһә, кар яуган. .* (С. Агиш) 'Отец Мафтүхи подошел к окну

и сказал: — Ого, снег выпал. .'; *Фронтка ниндэй булак азерләп бирергә һуң эле? Әһә, уйлап таптым* (К. Кийнобулатова) 'Какой же подарок подготовить для фронта? Ага, придумал'; *Әһә, ул былай ғына ябай күренә икән!* (С. Кудаш) 'Эге, он, оказывается, только простачком прикидывается!'

Ә ем — выражает внезапную боль: *Ә емм! Әллә энә яткан инде, бармакты сәңестем* 'Ой! Иголка что-ли лежала, палец уколол!'

Как видно из приведенных материалов, междометия выражают самые различные оттенки чувств. Наибольшее их число означает удивление, затем следуют междометия, выражающие радость, восторг, физическую боль, сожаление, упрек и т. д.

Междометия не представляют собой совершенно изолированную от других частей речи группу слов. С одной стороны, полнозначные и служебные слова, утратив свою семантическую нагрузку, могут употребляться в функции междометий, как, например, *алла* 'бог, боже', *бәләш* 'пирог', *куйсәле* 'неужели', *кит* 'иди ты', *китсәле* 'иди-ка ты', *әйтмә лә генә инде* 'не говори уж' и т. д., выражая различные оттенки чувств.

Отдельные междометия, в свою очередь, выступают в функции усилительных частиц: *Илла тынгыһыз кеше булдың да һуң, жорзаш!* (Б. Бикбай) 'Ох уж, беспокойным же человеком оказался ты, приятель!'; *Ысынлап карт дәрәс әйтә бит әй* (Д. Юлтый) 'А в самом деле правильно ведь старик говорит'; *Әй баралар быллар, әй баралар . .* 'Идут они вот, и идут'.

Междометия могут субстантивироваться; правда, число таких междометий невелико: *Курай моңо ир азаматының аһы булып сыжжан шул* (А. Вахитов) 'Мелодии курая изливались как горе, как печаль мужская'; *ура кыскыр* — 'кричать ура', *ура тауышы* 'возглас ура' и т. п. Междометие *аһ* выступают в качестве компонента парного существительного *аһ-зар* 'горе, печаль'.

Некоторые из междометий функционируют в составе сложных глаголов в качестве его первого компонента. Примеры: *ах ит* — 'ахать', *ах-ух ит*, *ах та ух кил* — 'ахать да охать', *ах та вах кил* — 'ахать да охать', *һау за уау кил* — 'орать да лаять'. Ряд глаголов образуется от междометных корней: *ахылда* — 'ахать', *ухылда* — 'ухать', *уфылда* — 'вздохать', *уфтан* — 'вздохать' и т. п.

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Подражательные слова обозначают подражание различным звучаниям, выражают представления о световых явлениях, создают образ или впечатление о действии или состоянии. Они составляют довольно значительный пласт башкирской лексики. Эти слова в преобладающем большинстве случаев обладают стабильным звуковым строением, зафиксированным общепонятным значением, регулярным употреблением в этом значении, коммуникативной и номинативной функциями³. Значительная их часть, обладающая названными свойствами, входит в состав устойчивой необходимой лексики башкирского языка. Многие из них используются в качестве производящей основы для создания новых слов, особенно глаголов.

Подражательные слова широко употребляются как в устной речи, так и в художественной литературе, вызывая конкретный, яркий, картинный образ отражаемых ими звучаний, движений, явлений и тем самым подчеркивая их выразительность, живость и динамичность. В художественной литературе они применяются для изображения различных явлений природы, особенно звуковых или зрительных впечатлений.

Чаще всего подражательные слова относятся к разговорному стилю литературного языка, являясь обиходными словами. Они, как правило, коло-

³ Юлдашев А. А. Принципы выделения и размещения в словарях тюркских языков звуко-подражательных и образоподражательных слов. — Тюркская лексикология и лексикография. М., 1974, с. 153 и сл.

ритно используются в речи, особенно диалогической, оживляя ее своей образностью, экспрессивностью.

Как выразительные средства языка подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое место. Их эмоционально-экспрессивное своеобразие вытекает из самой их природы. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначаемое звучание, движение и т. п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звукосочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, несмотря на преимущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, как, например, *ж, з*, или непривычных позиций (*й, г, р, ж, з, л, п* — в анлауте, *ж, з* — в инлауте, сочетание согласных в ауслауте), эти подражания не доходят до уровня полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи. Ср. баш. *тарç*, як. *тас*, но русск. *трах* — о коротком звуке выстрела.

Особенностью семантики подражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но зато им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Основным типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения считается преимущественно функция обстоятельства образа действия. В то же время подражательные слова могут выступать в роли и других членов предложения.

Производные основы, образованные от подражательных комплексов посредством словообразовательных аффиксов и служебных глаголов, по лексико-грамматическим признакам принципиально отличаются от собственно подражательных слов и в связи с этим отнесены в раздел словообразования иных частей речи.

По своему назначению и функционированию, а также по семантическому различию подражательные слова делятся на звукоподражательные и образоподражательные.

Звукоподражательные слова являются подражаниями звуковым явлениям в природе. Они обозначают понятия о звучании. При передаче результатов слуховых впечатлений звукоподражательные слова включают элемент имитации в пределах артикуляционных возможностей человека, в силу чего значение их достаточно конкретно. Они часто употребляются самостоятельно.

Образоподражательные слова выражают образы, представления о световых явлениях, впечатления от движения и состояния. Строго говоря, в них отсутствует элемент подражания и потому такие слова было бы точнее именовать образными. Семантически образоподражательные слова передают целый комплекс представлений, поэтому значение их довольно абстрактно. Они очень редко употребляются самостоятельно, часто сопровождаясь словами, уточняющими их значение.

В то же время обе названные группы слов имеют некоторые общие черты в структуре (сочетаемость определенных согласных в конце, своеобразное чередование гласных, употребление в парно-повторном виде, наличие в составе двусложных основ сходных структурных элементов, неизменяемость в грамматическом отношении и синтаксических функциях, вхождение в глагольные словосочетания, функционирование предпочтительно в позиции обстоятельства образа действия). С этой точки зрения их целесообразно рассматривать вместе, имея ввиду, однако, характерные отличительные признаки для каждой разновидности.

В состав звукоподражательных слов входят такие фонемы (начальные *й, г, г, ж, з, л, п, ф, х, һ*, конечные *ж, э*), которые не встречаются в образоподражательных словах, поэтому фонетическое строение последних однороднее и число структурных типов меньше. В звукоподражательных словах наблюдается удлинение гласных и некоторых фрикативных согласных. Характерный для многих образоподражательных слов начальный *й* отсутствует в звукоподражательных словах. Некоторые структурные элементы свойственны только образоподражательным словам (например, окончание *-ан*). Звукоподражательные слова могут выступать в значении любого члена предложения, образоподражательные слова чаще всего выполняют функции определений.

СТРУКТУРА ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

По характеру структуры эти слова делятся на две группы.

К первой относятся слова, созданные с учетом установившейся традиции в осмыслении соответствующих типов звуко сочетания, обладающие устойчивым фонемным строением, не допускающим замены одной фонемы другой. Они имеют общепонятное для всех членов языкового коллектива значение, регулярно употребляются в этом значении. Такие слова распространены во всех разновидностях национального языка, а также в других тюркских языках. Они входят в основной фонд необходимой нормативной лексики.

Вторую группу составляют слова с неустойчивым фонемным строением, создаваемые по структурным образцам первой группы подражательных слов. Поскольку они создаются непосредственно в речи для данного высказывания, они не обладают одним из основных признаков слова — воссоздаваемостью, характерной для первой группы слов, как и для любого полноценного самостоятельного слова.

С точки зрения фонеморфологического и собственно морфологического строения подражательные слова делятся на корневые и производные.

КОРНЕВЫЕ СЛОВА

Корневые подражательные слова функционируют в виде одиночных, чаще всего однослоговых комплексов. Они могут быть и двусложными, при этом второй слог оканчивается на *-ыр, -ырт, -тырт, -ан*, иногда на *-ал, -ау, -ак*, напоминая аффикс.

В монографических исследованиях по тюркским языкам морфемы такого типа рассматриваются как структурные элементы, образующие производные подражательные слова. К структурным элементам причисляются и конечные согласные в односложных словах, состоящих из четырех фонем. Однако в современном башкирском языке не все конечные согласные в односложных словах из четырех фонем поддаются членению. Так, если наряду с формами типа *йыжт, гөрҫ, ғыжт, даңк, деңк, зыйт, зыңк, жарк, ларҫ, ласт, пыр, сырк, тырт* употребляются самостоятельно и *йыж, гөр, ғыж, даң, дең, зый, зың, кар, лар, пыр, сыр, тыр*, где из состава первых формально можно выделить конечные элементы *к, ж, ҫ, т, х*, то в словах типа *балж, барк, бұлт, быск, гәлт, дарҫ, дорҫ, кәлт, керт, күрк, кырт, ләук, сылт, шалт* конечные *к, ж, ҫ, т* не выделяются.

Слова же с конечными *п, с, ш* совсем не разделяются на составные элементы. Существуют, например, слова *гәлп, гәмп, дөмп, кыриш, терҫ, һөрп* со своими значениями, но их нет в форме *гәл, гәм, дөм, кыр, тер, һөр*. Так же обстоит дело и в отношении двусложных слов. Например, имеются слова *даңғыр, дөбөр, дығыр, дөмбөр, зыңғыр, селтер*, где формально можно выделить элементы соответственно *-к, -ыр (даң-к-ыр), -өр (дөп-өр), -ыр (дың-ыр), -өр (дөм-өр), -к-ыр (зың-к-ыр), -ер (селт-ер)*, но есть слова типа *даһыр, деһер, кетер, мытыр, сытыр, шатыр*, которые без элемента *-ыр* самостоятельно не употребляются. Поэтому как односложные слова из четырех фонем, так и двусложные в современном башкирском языке рассматриваются как корневые.

Наиболее типичным фонемным строением корневых слов являются структурные типы СГС, СГСС, СГСГС, СГССГС, СГСГСС, СГССГСС, ГС, СГ, ГСС (С и Г обозначают соответственно согласные и гласные фонемы). Кроме слов типа СГ, насчитывающих небольшое количество, остальные представляют собой закрытые слоги. Образоподражательные входят только в состав типов СГСС, ГСС, СГ, ГСГС и СГССГС. По употребительности, продуктивности и значению они имеют следующее соотношение.

Т и п СГС. Сюда относится больше 140 слов, что составляет почти половину общего количества выявленных подражательных слов, причем все они являются звукоподражательными. Круг явлений, охватываемых данными словами, обширен. Они выражают понятия о звуках, издающихся как голосовыми органами человека, животных и птиц, так и неодушевленными предметами: *сар* — подражание крику, *сый* — визгу, *сен/син* — писку цыпленка, *гыр/хыр* — хрипу, храпу, *без(з)* — жужжанию летающих насекомых, *йыж, жыу* — свистящему звуку промчавшегося предмета, *дөп/дөк* — глухому удару, стуку, *дөр/-гөр* — звуку горения огня, *геү(ү)* — шуму ветра, *шар(р)* — шуму водопада и т. д.

Т и п СГСС. Слова этого типа составляют около 130 единиц, из них около 15 являются образоподражательными. Слов, изображающих звуки, издаваемые голосовыми органами живых существ, в данном типе незначительно. Эти слова в основном употребляются для выражения звуков, исходящих от различных предметов, и образных представлений о световых явлениях и о движении: *быж* — мигание лампы, *булк* — звук при вылипании жидкости из бутылки и т. п., *бырс* — фырканье кошки, *бырх* — взрыв смеха, *гөлт* — мгновенная вспышка огня, *сылт* — звяканье мелких металлических предметов, *жарп* — образное представление 'наострить уши', *терт* — о дрожи, вздрагивании и т. п.

Т и п СГСГС. К этому типу относится около 40 слов, из них только *мыйау* (орф. *мыяу*) и *мырау* являются подражанием мяуканью и мурлыканью кошки. Остальные выражают звуки, относимые к предметам и явлениям природы: *быыр(р)* — звук, возникающий при погружении предмета во что-либо жидкое, *бызыр(р)* — звук, возникающий при выходе воздуха из жидкости; *дөбөр(р)* — грохот, громыканье; *дыгыр(р)* — звук, возникающий при передвижении тяжелого предмета; *кетер(р)* — хруст, *мытыр(р)* — хруст суставов, сухих зерен и т. п., *шыбыр(р)* — шум дождя, обильно льющейся воды, *шыгыр(р)* — скрип двери, ворот, снега под ногами, полозьев саней и т. д.

Т и п СГССГС. Насчитывается около 30 лексических единиц этого типа. Все они являются подражанием звукам предметов и явлений природы: *гөлдөр(р)* — звук отдаленного грома, громыканье телеги, *гөмбөр(р)* — шум, возникающий при взбалтывании глубокой воды; *зыңгыр(р)* — журчание ручья, звяканье мелкой монеты, *шалтыр(р)* — грохот, громыканье телеги по кочковатой дороге и т. п.; *шалтыр(р)* — стук дождевых капель, шуршанье сухой листвы и т. д.

Т и п ы СГСГСС, СГССГСС охватывают слова, выражающие звуки предметов: *дөбөрт* — резко прерванный глухой удар, топот; *мытырт* — хруст оборвавшегося, переломившегося предмета; *сылтырт* — звук от удара тонкого металлического предмета об пол, *шыгырт* — резкий шум шороха.

Слова типов ГС, СГ и ГСС единичны в самостоятельном употреблении. Они передают звуки, издаваемые некоторыми животными, и шум в природе: *арс* — внезапный лай; *бо(ө)* — приглушенный рев быка, *мо(ө)* — бляканье овец или козы, *өф(ф)* — дуновение ветра; *ыж(ж)* — свист ветра; *ыр(р)* — ворчание собаки.

Поскольку подражательные слова возникают как мотивированные знаки, фонемы и фонемосочетания в составе их играют смысловозначительную роль.

Так, гласные фонемы используются для характеристики явлений по тону. Широкие (*а, э*) и полуширокие (*о, ө*) применяются обычно для изображения более сильных звуков или действий, узкие гласные (*е, и, у, ү, ы*) — для вы-

ражения сравнительно слабого звука или действия: *балк* — образное представление о моментальном появлении сильного света, *голт* — о вспышке огня, *голт* — подражание звуку при глотании жидкости; *без-з* — жужжание насекомых, *йым-йым* — представление о мерцании, *сэр-р* — подражание визгу. Противопоставление же по принципу «переднерядный мягкий — заднерядный твердый» применяется соответственно в словах, выражающих слабые, нежные и более сильные, губные звуки и действия: *тэс-тэс* — шлепанье, например ладонью по поверхности воды, *сип-сип* — писк пыленка, *кетер(р)* — хруст, *каж(ж)* — звук сильного капли, *былк* — образное представление о мигании, *доңк* — о резком ударе.

Согласными фонемами передаются различия в характере звучания или действия. Начальные согласные определяют характер начала звучания или действия. Так, взрывные согласные употребляются для передачи резко, внезапно возникающих звуковых или двигательных явлений: *балк* — внезапное появление сильного света; *деп* — резкий глухой удар; *кәп* — звук, возникающий при ударе по мягкому и тонкому предмету; *пырх* — взрыв смеха. Наиболее часто встречающимся начальным передаются свистящие и шипящие звуки: *саж(ж)* — шипение, возникающее при опускании раскаленного железа в воду, звук течения; *сай(й)* — пронзительный визг.

Особенно важную роль играют конечные согласные. Взрывные согласные употребляются в словах, обозначающих звуки или действия, возникающие неожиданно, резкие, отрывистые, моментальные и внезапно исчезающие, а краткий, моментально обрывающий характер конечных взрывных *к, ж, п, т* хорошо виден из того, что они, замыкая комплексы в сочетании с предыдущими фрикативными *ж, з, й, с, ш* и сонорными *л, м, ң, р*, придают этим звукам дополнительный оттенок резкого обрывания: *быжк* — криканье утки; *былт* — о моментальном потухании, например лампы; *дыңк* — резко прерванный стук; *зыйк* — резко прерванный звук свиста (например, пули, когда она ударяется, встретив преграду); *йалп* (орф. *ялп*) — представление о мгновенном и неожиданном действии; *сылтырт* — утихание звука, например при падении на твердый предмет тонкого металлического предмета, *уыжт* — шум движения очень быстро промчавшегося предмета. Длительные или резонирующие звуки передаются с помощью конечных сонорных *ң, р*: *зың(ң)* — длительный звон; *зыр(р)* — звук при продолжительном однообразном вращении и т. д.

Набор фонем и их размещение в подражательных словах также специфичны. Например, почти все гласные в них размещаются в середине слога и слова, в то время как в междометиях и других лексических группах гласные применяются и в начальной, и в конечной позициях.

В качестве начальных употребляются следующие согласные (в порядке понижения частоты употребления): *с, ш, к, д, т, б, л, м, к, й, г, з, һ, ғ, х, ж, у, п, җ, ф*. Если сравнить с начальными согласными в неподражательных словах, где могли быть *б, д, й, к, ж, м, с, т, һ, ш*⁴, то бросается в глаза: 1) наличие *у, г, ғ, ж, з, л, п, ф, х* — фонем, не встречающихся в начальной позиции междометий и образоподражательных слов; 2) частое употребление в начальной позиции звукоподражательных слов согласных *с, к, ж, т, ш*.

В качестве конечных по степени частоты располагаются: *р, к, т, п, ң, к, ж, у, й, ш, з, с, җ, х, ф, һ, Ү*. Здесь наблюдается следующая аномалия в распределении корневых согласных: 1) наличие *ж, з, һ, ф, х*, одни из которых встречаются лишь в заимствованиях, редко — в междометиях, отдельных диалектальных словах; 2) отсутствие *з, л, м, н*, довольно частых в других словах; 3) крайняя редкость употребления *к, с, җ, ш*, сравнительно с остальными словами.

Особенностью структуры звукоподражательных слов следует считать удлинение в них гласных и согласных фонем. В башкирском языке это явление орфографией не отмечается, за исключением случаев в художественной литературе для выражения экспрессивности.

⁴ Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 29.

Важной особенностью ауслота довольно многочисленной группы звуко-подражательных слов, а также образоподражательных, изображающих световые явления, следует считать стечение согласных, наблюдающееся в словах типов СГСС, СГСГСС, СГССТСС, ГСС.

ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА

Образование подражательных слов способом редупликации широко распространено в тюркских языках.

По способу редупликации и употреблению выделяются: 1) слова, образованные путем полной редупликации, т. е. без фонстического видоизменения, 2) слова, образованные путем изменения состава фонем.

Слова с полной редупликацией употребляются для передачи многократных, но ритмично, равномерно повторяющихся звуковых или образных явлений: *Каты йоко аралаш тук-тук иткэн тауыи Сурағолдоң қолағына салынды* (Г. Хэйбуллин) 'Сквозь сон Сурагул услышал «тук-тук»'; *Қоли нурзарында ялтыр таш қисқәктәреме, йә башка бер нәмәме йылт-йылт итеп китә* (Г. Гүмәр) 'То ли куски камня, то ли что-то другое поблескивает в лучах солнца'. Здесь для выражения многократного, повторяющегося, длительного, но ритмичного, равномерного звукового явления и движения употреблены повторы *тук-тук*, и *йылт-йылт*.

Однако среди слов с данной структурой встречаются также повторы, компоненты которых отдельно не употребляются в речи. Наличие подобных слов объясняется тем, что подражательные моменты звука или действия по своей природе являются многократными, повторяющимися. Так, если в тех же *тук-тук*, *йылт-йылт* компоненты могут употребляться и самостоятельно, то отдельно *кет* и *дөрт* ничего не передают, только сочетания *кет-кет* и *дөрт-дөрт* приобретают определенное значение. Подобные слова, употребляясь только в повторной комбинации, образуют стабильные в структурном отношении сочетания, составляя тем самым неразложимые единицы языка, имеющиеся в нем в большом количестве. Сюда относятся звуки, производимые огнестрельным оружием, работой машин, отражающие смех, разговор, голоса птиц и т. п. Примеры: *Һызылып та таңдар атқан сакта һандугаскай һайрай за сүт-сүт итеп* (фольк.) 'Когда занимается заря, соловушка заливается трелью'; *Усақ янына йыйылып, коро сыбықтың сытыр-сытыр яныуына карап тора баиланык* (К. Кинйәбулатова) 'Собравшись у очага, мы стали наблюдать, как с треском горит сухой хворост'.

Среди редуплицированных слов, образованных путем изменения фонем, выделяются следующие структурные типы.

Повторы с заменой гласного редупликата. При этом в односложных комплексах гласный первого компонента, всегда являющийся широким нелабиализованным, во втором компоненте замещается лабиализованными узкими $a > o$, $ə > \emptyset$, редко — y : *кәк-күк* — кукование, *лап-лоп* — звук при неуклюжей ходьбе, *сәп-сәп* — плеск воды, чмоканье. В двусложных словах замены гласных первых слогов аналогичны, но гласный y второго слога первого компонента заменяется во втором гласным o : *дағыр-доғор* — подражание грохотанию. В словах данного типа вторая часть, не имея реального значения и не употребляясь самостоятельно, как бы является «отзвуком», «словом-эхом» первой основы и рифмуется с ней. Эти слова используются для передачи неравномерных, неоднородных звуковых или световых явлений, а также сложных движений: *Бизрәгә. . . картуфтарзы даңғыр-доңғор ташлайым* (К. Кинйәбулатова) 'И как понало с шумом кидаю картошку в ведро'; *Әй төшә Иблис, төшә зыр-зыр килеп, койрого ялт-йолт итә йәшен кеүек, күлдары лап-лоп итә ыласым кеүек* (Ш. Бабич) 'Эй, спускается Демон, спускается, хвост его крутится и сверкает, как молния, он хлопает руками как ястреб крыльями'.

Повторы с изменением согласных фонем в составе замыкающего компонента представлены следующими разновидностями: *гәп-тәп* — глухой удар или падение; *каж-ғож* — глубокий кашель; *кый-сый* — шум, гам, гвалт;

жылдый-былдый — движение растопыренных ног и рук; *ных-кых* — шипение, например гуся, когда он хочет ущипнуть кого-либо; *сий-мый* — писк, визг; *сыр-сыу* — разгоголосый шум, гам; *тырт-мырт* — кривлянье, капризное поведение; *шырт-мырт* — хруст; *шыш-быш* — шушуканье.

Среди звукоподражательных слов выделяются две основные семантические группы: а) слова, передающие естественные голоса живых существ, и б) слова, передающие звуки неодушевленных предметов. Каждая группа слов, в свою очередь, делится по лексическому значению на несколько подгрупп:

1) Слова — подражания звукам, издаваемым речевым аппаратом человека: *быш-быш* — шепот; *кет-кет* — негромкий смех; *лар-лор* — крик, визг.

2) Слова — подражания голосам животных: *мекер-мекер* — тихое бляение овцы или козы; *бак-бак* — кваканье; *сыр-сыр* — щебет птиц; *һау-һау* — лай собак и т. д.

3) Слова, передающие произвольные звуки, издаваемые живыми существами: *фыж-фыж* — хриплое дыхание; *сап-соп* — чавканье, чмоканье, *фарж* — звук отрыжки и т. п.

4) Слова, передающие звуки движения: *без(з)* — жужжание летающих насекомых; *леп-леп* — порхание бабочки; *жый* — свист быстро проносящегося предмета; *тек-тек* — звук быстрых шагов по полу или асфальту; *тыпыр-тыпыр* — топот множества ног.

5) Слова, передающие звуки, возникающие при столкновении, соприкосновении предметов. Круг явлений, охватываемых словами данной группы, очень разнообразен: удар, стук, падение, хлопанье, шлепание, царапанье, трение и т. д.: *дац(ң)* — гулкий звон металлического предмета; *сак-сок* — цоканье подков; *сылт* — звяканье мелких металлических предметов; *жап-жоп* — звук при ударе по полуму предмету, *жаптыр-жоптор* — шуршание, например сухой шкуры, шубы; *шыгыр-шыгыр* — скрежет, скрип и т. д.

6) Слова, передающие звуки сухого разрыва: *сытыр-сытыр* — потрескивание, *мырт* — хруст; *сурт* — треск при обламывании; *ғуриш-ғуриш* — хруст сена при жевании.

7) Слова — подражания механическим звукам: *бызк-бызк* — пиликанье на гармонии; *келт-келт* — тиканье часов; *тыр-тыр* — пыхтение, тарыхтение мотора машин или стрельба из пулемета.

8) Слова, передающие звуки природных и сходных явлений: *геу(у)* — шуму ветра, *гөлдөр(р)* — звук отдаленного грома; *сатыр-сотор* — громовые раскаты; *шар(р)* — шум водопада, сильного течения; *шыптыр* — шелест листьев, шорох травы.

Образоподражательные слова делятся в свою очередь на следующие три группы:

1) Слова, обозначающие световые представления: *балк* — моментальное появление сильного света; *гөлл* — огненная вспышка; *ем-ем* — блеск предмета; *йылк-йылк* — переливающийся блеск, например шелковой ткани, *йылт* — сверканье, блеск.

2) Слова, выражающие представления о движении, действии: *борк* — завихрение чего-либо легкого (например, пыли); *зымбыр* — дрожь в теле, *елбер-елбер* — легкое колыхание (например, флажка на ветру); *йыбыр-йыбыр* — ходить мелкими и быстрыми шагами; *йылп* — мгновенное исчезновение чего-либо; *кэлп-кэлп* — ловкая походка; *лүрк-лүрк* — бег трусцой; *кыбыр-кыбыр* — медленное движение; *кыжмыр* — о движении множества насекомых (например, муравьев); *мыйкыл-мыйкыл* — зигзагообразное движение; *сырт* — хлопанье глазами; *һеңк-һеңк* — тряска (например, телеги при движении по кочкам); *кэлтән-кэлтән* — походка вперевалку.

3) Слова, выражающие представление о внешнем виде и состоянии предмета: *бэлк* — поникши (о голове); *карп* — об оттопыренных ушах; *мырк* — о мясистом, жирном теле; *мөлт* — о жидкости в капельной форме; *өрп-өрп* — о пушистом снеге; *тырт-мырт* — о кривлянии, капризном поведении.

Морфологически подражательные слова относятся к числу неизменяемых слов. Однако в синтаксическом плане они не изолированы и могут вступать в сочетания, являясь членами предложения. При этом для них характерна лишь подчинительная и подчиняющая связь с другими частями речи.

Чаще всего подражательные слова выступают в сочетании с глаголами *ит-* 'сделать', *кил-* 'приходить', которые при этом теряют свое лексическое значение и, следовательно, синтаксическую самостоятельность и превращаются в словообразовательный элемент подражательных глаголов: ср. *мырт ит-* 'хрустнуть (о суставе, тонком льде под ногами и т. п.)', *гөрс ит-* 'грохнуть', *келт-келт кил-* 'тикать (о часах)', *ялт-йолт кил-* 'сверкать, блестеть', *гөлт ит-* 'вспыхнуть (об огне)', где с полным основанием можно говорить о сложном звукоподражательном глаголе, поскольку между его компонентами нет никаких синтаксических отношений, а есть лишь деривационные отношения.

Из глаголов с самостоятельным значением подражательные слова чаще всего сочетаются с глаголами движения и реже — с глаголами речи. Однако в силу специфики своего значения каждое отдельное подражательное слово имеет в целом весьма ограниченную сферу лексической сочетаемости. Так, слово *дөп-дөп* может сочетаться с глаголами *как-* 'забить, ударить' и *һук-* 'ударить, бить': *дөп-дөп как-* 'забивать с глухим ударом' (например, сваи). *дөп-дөп һук-* 'глухо ударить, стучать' (например, в дверь); слово *лурк-лурк* выражающее образное представление о беге трусдой, сочетается с глаголами *бар-* 'ехать, идти' и *юрт-* 'бежать рысью'. Слово *һөрп-һөрп* сочетается только с глаголом *эс-*: *һөрп-һөрп эс-* 'пить прихлебывая'. Как видно, каждое подражательное слово может сочетаться только с теми глаголами, которые семантически соотносительны с данными явлениями.

Поскольку подражательные слова чаще всего входят в глагольные сочетания, то ведущей их функцией является обстоятельственная, причем функция обстоятельства образа действия: *Дөбор генә дөбөр юртайык, туңарәккәй һуаҡ һелкенһен* (фольк.) 'Поскачем-ка с топотом, пусть кругленькая роца зашевелится'; *Ул ишекте шарт ябып сығып китте* (Г. Дөүләтшина) 'Он вышел, сильно хлопнув дверью'.

В этой функции необычайно широко выступают сложные подражательные глаголы, образованные от множества звукоподражательных корней с помощью десемантизированных глаголов: *ит-* и *кит-*, которые в данном случае принимают форму деепричастия на *-еп*: *Улар ишек асып ябыуга ул да шәм йылт итеп һунеп һуйзы* (Г. Дөүләтшина) 'Дверь распахнулась, и фитиль, мигнув, погас'; *Атын юрттырған сакта Миһран ике кулы менән тезгенә йәбейә лә һалп-һалп итеп килә* (Ш. Шөһәр) 'Когда Мигран пускает лошадь рысью, то он держится обеими руками за поводья и постоянно приподнимается и опускается'; *Түшәмдәге кәкере сөй һурылып сықты ла изәнә гөрс итеп йығылып төштөм* (фольк.) 'Гвоздь выскочил из потолка, и я с грохотом упал на пол'; *Курайсы. . . курайның башына дөңк-дөңк итеп өрөп алды ла дәртләндергес көйзө уйнап ебәрзе* (С. Агип) 'Кураист несколько раз подул и заиграл зажигательную мелодию'.

Звукоподражательные слова могут выступать в позиции сказуемого, когда возникает необходимость ярко, живо, экспрессивно представить то действие, которое вызвало обозначенное ими явление. Поэтому употребление в данной функции ограничено особыми условиями: сказуемое, выраженное одним только звукоподражательным словом, должно быть уточнено, конкретизировано предыдущим или последующим глагольным словом: *Таң һызыла. Ә йығалар һаман да шылтыр-шылтыр* (М. Кәрим) 'Занимается заря. А реки все еще журчат'; *Бер ваҡыт секретарҙең телефоны шылтырр . . . Фәзилә уға иғтибар итмәне* (Ш. Вәхитов) 'Через некоторое время у секретаря зазвенел телефон. Фәзилә не обратила на это внимания'.

Примеры, в которых сказуемое выражено одним только звукоподражательным словом, в башкирском и вообще в тюркских языках немногочисленны:

Дэхи барзыр пулеметы, һилкэн борсақтай ата. Тауыштары та-та-та (фольк.) 'У них еще есть пулеметы, которые стрекочут та-та-та'. В этих случаях звукоподражательные и образоподражательные слова почти всегда сопровождаются вспомогательными глаголами, образуя аналитические формы.

В качестве подлежащего и дополнения образоподражательные слова не выступают, исключая звукоподражательные слова типа *шау-шыу, сыр-сыу*, которые давно перешли в разряд существительных. Роль подлежащего могут выполнять звукоподражательные слова только в случае субстантивации. При этом, как и всякое подлежащее, они могут иметь при себе зависимые слова: *Әлеге һойкомһөз кап-коп тағы кабатланды* (Ф. Исәнғолов) 'То неприятное хлопанье опять повторилось'; *Бынау лау-лау бит килә лә кысыла* (С. Агиш) 'Этот горлан опять сюда суется'.

Выступая в качестве объекта, звукоподражательные слова могут выполнять функции как прямого, так и косвенного дополнения, имея при этом зависимые слова: *Ат-һыйырылы булып, оя короп, каптырымды яңы ташланым* (Д. Юлтый) 'Обзавевшись семьей и хозяйством, я недавно бросил свою (букв.: шуршащую) шубу'; *Яңғыз һыуыры саңкылдап Тирһененә саң биргән* (фольк.) 'Его одинокий сурок, звонко крича, подавал знак своим сородичам'; *Салғы сыңыл йотоп болон тынды Туктау менән безрең салғылар* (С. Кудаш) 'Как только мы перестали косить, луг притих, поглотив звон стали'.

Подражательные слова могут вступать в сочетание с существительными в качестве их определения, обозначая признак существительного. При этом определяемому предмету приписывается в качестве признака тот звук или действие, которое им производится: *Кетер-кетер күмәсте сәйнәп бирер кеше юк* (Ш. Биккол) 'Нет человека, который бы разжевал хрустящие хлебцы'; *Татлыбай . . . ақ күлдәге өстөнән йылт кара камзулын кейзе* (Ш. Шәһәр) 'Татлыбай одел поверх белой рубашки черный лоснистый камзол'; [*Зилә:*] — *Институтка барып еткәнсе шағыр-шоғор трамвайзарза аяктарым боз булып ката ине* (Н. Асанбасв) '[Зилә:] — Каждый раз, пока ездила в институт на скрипучих трамваях, ноги мои леденели'.

Иногда в качестве определяемого может выступать и слово *тауыш* 'звук, шум', являющееся прямым дополнением при глаголе *сығар-* (*тауыш сығар* 'издать звук') и *ишет-* 'услышать': *Кәңәшмәлә сығып һөйләгән һәр кеше графиндән һыу койоп, голт-голт тауыш сығарып әсә лә, һүзен бөтөрөп, махорка төрә* (А. Таһиров) 'Каждый выступающий на совещании, заканчивая речь, наливает из графина воду и ишет, издавая булькающий звук, а затем завертывает махорку'; *Дөбөр-шатыр тауышты ишетеп, Котлобайзың ярзамсылары килеп инде* (Б. Дөүләтшина) 'Услышав громкий шум, вошли помощники Кутлубая'.

Структурная, семантическая и синтаксическая характеристика подражательных слов показывает резкое отличие их от междометий и наречий, к которым они стоят ближе всего. Вместе с тем анализ природы подражательных слов служит подтверждением того, что каждой категории слов присущи свои закономерности в возникновении, становлении и развитии, что и позволяет квалифицировать подражательные слова как особую часть речи.

ЗВАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Звательными называются слова, употребляемые для подзыва, отгона и гона домашних животных. По звуковому строю, по отсутствию словоизменительных и словообразовательных формантов они очень сходны с междометиями, поэтому авторы ряда грамматик рассматривают их в составе междометий. Представляется, что это лишь внешнее сходство, так как по значению, синтаксической функции и способу включения в речь звательные слова отличаются от междометий, хотя приравнивать их к другим категориям слов тоже нет основания.

Звательные слова не выражают, как междометия, чувства человека (некоторые из них могут лишь сопровождаться эмоциональным отноше-

нием к высказываемому), а являются как бы сигналами к действию (словесными обозначениями этих сигналов) и в этом близки глаголам в повелительной форме.

По значению и структуре различаются три вида звательных слов:

1) Слова, употребляемые для подзыва животных: обычно они состоят из двух или трех повторяющихся компонентов: *безэ-безэ* (к телятцу), *бес-бес* (к кошке), *бэр-бэр* (к овце), *гэлэ-гэлэ*, *дегэ-дегэ* (к гусям), *кэс-кэс* (к щенкам), *кэз-кэз* (к козам), *маһ-маһ* (к собакам), *сип-сип* (к цыплятам), *тиби-тиби* (к курам), *үт-үт-үт* (к уткам), *һәү-һәү*, *һәүкәш-һәүкәш* (к коровам) и др.

2) Слова, употребляемые для отгона животных, звучащие как короткая команда: *берсэ* 'брысь (к кошке)', *дэррэ* (к овце); *кешша* (к птицам), *пиол*, *себэ* (к собаке), *һәш* (к корове).

3) Слова, употребляемые для остановки и движения животных в работе: *наа* — погон лошади, *трр* — команда остановки, *һоп-һоп*, *эйзэ* — погон быков, *сө* — погон верблюдов, *һөсс*, *һөзөй* — подстрекание собаки к нападению.

В отличие от междометий все звательные слова однозначны, выражают свое значение вполне самостоятельно, даже без контекста, в речи могут употребляться как предложение, чаще при обращении к животным в прямой речи: — *Актырнак, маһ-маһ*. . . 'Актырнак, сюда, сюда.'

Некоторые звательные слова (обычно обозначающие подзыв), принимая словообразовательные аффиксы, переходят в другие категории слов, преимущественно в существительные и глаголы. Примеры: *безәүкәй* 'теленочек' (в детской речи), *маһмай* 'собака' (в детской речи), *һәүкәш* 'корова' (в детской речи), *тиней* 'курица' (в детской речи); *һөскөрт* — 'подстрекать собаку к нападению' и др.

Звательные слова грамматически не изменяемы и этим признаком сходны со служебными словами и междометиями. Но по употреблению, способу связи с контекстом и значению резко отличаются от них. Поэтому их следует рассматривать как особую, количественно ограниченную, группу слов.

СОЮЗЫ

Служебные слова, выполняющие связывающую роль между членами словосочетания, предложения и целыми предложениями, называются союзами. Союзы лишены собственно лексического значения, самостоятельного употребления и не принимают грамматических показателей.

Союзы — средства связи, выражающие различные смысловые отношения, — не являются равноценными не только по выражению синтаксической связи, но и по значению, стилистическим характеристикам и синтаксическим потенциям. Некоторые союзы — *эгэр*, *һәм* 'и', *тағы*, *йәнә* 'еще', *шуға күрә* 'поэтому' и др. — носят факультативный характер, т. е. наличие или отсутствие союза не может влиять ни на смысловую сторону, ни на структуру предложения. Они могут быть заменены синтаксической интонацией и другими средствами выражения синтаксических отношений. Однако ряд союзов является необходимым для обеспечения семантической и структурной целостности предложений — *фәкәт*, *эммә* 'но, лишь', 'однако', *тик* 'но', *иллә мэгәр* 'но, однако', *шулай за* 'но', *йәкиһә* 'или' и т. д.

По морфологическому составу союзы делятся на простые (*йә*, *йәнә*, *ләкин*, *сөнки*, *тағы*, *фәкәт*, *һәм*, *ә* и др.) и сложные (*эгэр ки*, *эгэр за*, *эгэр за мэгәр*, *иллә мэгәр*, *шуға күрә лә*).

Синтаксическая роль союзов, особенно на уровне предложения, где они обуславливают структурно-смысловую специфику предложения, являясь его конституирующим элементом, весьма обширна.

По типу связи между словами, которую осуществляют союзы, они делятся на сочинительные и подчинительные.

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Сочинительные союзы по функциональному признаку разделяются на соединительные, противительные, разделительно-перечислительные и разделительно-определятельные.

Сочинительные союзы выражают связь между двумя или несколькими синтаксически равноправными членами предложения или между равноправными частями предложения.

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

С помощью соединительных союзов осуществляется смысловая связь между однородными членами, однородными компонентами сложносочиненных предложений. Они выражают отношения одновременности, одноклассности, однозначности, последовательности и при этом обеспечивают тесную логическую связь между соединяющимися частями.

Союз *һәм* 'и' употребляется между частями сложносочиненных предложений, сопровождаемыми перечислительной интонацией, а также перед замыкающим компонентом однородных членов предложения: *Ата-әсәһенең һәм Вахиттең кайғыларын уртаклашып, Вахит ағалы менән иҗәнләшеп калыр осон килгән Мәрйәм дә әйтергә уйлап килгән һүзәрән әйтә алманы...* (М. Гафури) 'Марьям, пришедшая поделиться горем с родителями и Вахитом, не смогла вымолвить те слова, которые она думала сказать'.

Союз *һәм* может повторяться между компонентами предложения: *Шундай тынлык, эгәр ауыл эттәре һирәк-һаяк теләр-теләмәс кенә өрөп, үз-ара хәбәрләшеп куймаһалар һәм Ғажмар буйындағы таллыкта карлыккан тартай эленән-эле кыскырмаһа, был тынлык тағы ла тәрәнәрәк булып, һәм был тирәлә һиндай зә буһа йән әйәһенең йәшәүенә ышанғы килмәс ине* (Д. Исламов) 'Такая тишина, что если бы не доносившиеся изредка ленивый лай собак и хриплые крики дергача с Сакмары, то трудно было бы представить, что здесь кто-то живет'.

Союз *һәм* употребляется в сочетании с союзом *тағы* 'также, еще', как бы представляя акцентуальную часть предложения с выражением перечисления, последовательности: *Кәңәшмәлә «Таулы» һәм тағы бер нисә промартель председателенең отчетын тыңланьлар* (Н. Мусин) 'На совещании были заслушаны отчеты председателя «Таулы» и еще нескольких промартелей'.

Союз *һәм* может стоять и в начале предложения, выражая логическое продолжение и последовательность предыдущих событий, действий: *Һәм мин үземдәге журкаклык, йомшаклык, шикләнеү сифаттарын бөтөрмәһәм, алғы көндә шактай кыйын буласагын һиззем* (К. Мәргән) 'И я почувствовал, что, если не пересилю в себе трусость, слабость, мнительность, то в будущем мне будет очень трудно'.

В народно-разговорном языке *һәм* часто выступает со значением подтверждения высказанного: *һәм килер, һәм китер, һәм әш итер* 'и придет, и уйдет, и сделает свое дело'.

Союз *да* / *дә*, *за* / *зә*, *ла* / *лә*, *та* / *тә* 'и' по своему значению близок к союзу *һәм*, употребляющемуся между однородными подлежащими, сказуемыми, дополнениями, а также однородными компонентами сложносочиненных предложений. В отличие от факультативного союза *һәм* союз *да* употребляется в большинстве случаев между глагольными членами предложения, противопоставляя одно действие другому во времени (последовательность, предшествование, следование и т. д.): *Ерекмәйзәр, киләләр зә китәләр* (Ф. Әсанов) 'Не приживаются, приезжают и уезжают'; *Кеше гүмере — йәшнән үткән йәшен, ялт итеп бер балкый за һунә* 'Жизнь человека — сверкнувшая молния, вспыхнет раз и потухнет'.

В остальных случаях своего употребления союз *да* относится к числу факультативных. В предложении он может быть заменен интонацией — соединительной паузой, а между однородными именными членами предложения — союзом *һәм*: *Язғы тауыштар араһында моңло йырзәр за, каркыл*

дауҙар за бар (Ғ. Омири) или: *Язғы тауыштар араһында моңло йырҙар һәм каркымдауҙар за бар* 'Среди весеннего шума слышится и мелодичное цение и карканье птиц'.

Тағы, тағы ла 'также, опять, еще, и' — функционально активные союзы. Употребляясь между компонентами сложносочиненных предложений, они не только выражают повторность явлений, процессов, но и придают усилительное значение следующему за ними члену предложения.

Йәнә 'также, еще, опять' является стилистическим синонимом союза *тағы*, выражая обычно повторность действий. Союз *йәнә* преимущественно употребляется в письменном языке и постепенно приобретает книжный характер: . . . *май уртаһында көн йәнә бозолдо* (Я. Хамматов) 'В середине мая опять испортилась погода . . .'; *Ахыр ямышка йәнә баш эйеп, башыман бүркен алып шул «шафҡатле» кейәүенә кайтып инә* (З. Бишшева) 'Опять покоровшись судьбе, сняв шапку с головы, он возвращается к этому «благородному» зятю'.

Шуга күрә 'поэтому', выражая пояснительную связь, главным образом употребляется для соединения предложений. Предложения, которые связывает данный союз, на письме могут разделяться точкой. В этом случае союз находится перед последующим, или результативным, предложением: *Район үзәге һужай кола яланға, етмәһә жалкыуыраҡ ергә урынлашкан. Шуга күрә лә унда буран күз аскыһыз була* (И. Мусин) 'Районный центр Сукаево расположен в голой степи да еще на возвышенности. Поэтому всегда здесь сильный буран'; *Ә ер мәңгелек. Шуга күрә уның бизәген уңдырмау өсөн айырыуса һаҡ кыланырға кәрәк* (И. Мусин) 'А земля вечна, поэтому с ней надо обращаться особенно осторожно, чтобы не потускнела ее красота'.

ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Из противительных союзов, выражающих понятия противоположности, противопоставления, наиболее употребительны в башкирском языке следующие.

Ләкин 'но, однако' выражает логически сильную противительную связь между частями сложносочиненных предложений и однородными членами предложения: *Ғәжәп эш, ташты тейзерзем, ләкин үзем шатланманым* (К. Мәргән) 'Удивительно, попал камнем в цель, но сам не обрадовался'; *Разилә лә яңғызлыҡты тап шулай кисерә, ләкин ул үз тойғоһон былай асыҡ итеп әйтеп бирә алмаҫ ине* (И. Мусин) 'И Разилия одиночество переносит так же, но она не смогла бы открыто выразить свои чувства'.

Союз *ләкин* от предшествующей части предложения отделяется в большинстве случаев запятой, однако при выражении логическо-экспрессивного противопоставления с разделительной паузой отделяется и точкой: *Бер нисә кешеләң үксәһенә баҫты. Ләкин һизмәне* 'Наступал на пятки нескольким человекам. Но не чувствовал'; *Көн һыуыҡ ине. Ләкин ул һыуыҡты ла тойманы* (И. Насыри) 'День был морозным. Но от холода даже не чувствовал'.

Юғиһә, юкһә 'иначе, а то' являются обязательными союзами для выражения сопоставительно-пояснительного отношения между предложениями. Последующая часть предложения, которая начинается союзами *юғиһә, юкһә* несет больше пояснительной информации с семантикой конкретизации, уточнения: *Бына быһыһы өсөн рәхмәт, — тине ул кыуанып бөтә алмайынса, юғиһә мине лә зарыҡтыраһың, үзең дә газан сизгәһең* (Д. Исламов) 'Вот за это спасибо, — сказал он, радуясь, — а то и меня заставляешь томиться и сама переживаешь'; *Шулай за ярарға кәрәк, юғиһә кем белә, ултырған урыныңды һаҡлай за алмаҫһың* (Я. Хамматов) 'Нужно все-таки приноровиться, иначе, как знать, не сумеешь и удержаться на своем месте'.

Фәкәт 'но, лишь, только, однако лишь' выражает главным образом противительно-сопоставительное отношение с конкретно-ограничительной семантикой. Союз *фәкәт* в отличие от союзов *әммә, юғиһә* активно употребляется как в литературном языке (1), так и в устной речи (2): 1) *Уның атай, миңең әсәй үлгән, кайғылар бер, фәкәт төҫ башжа* (Х. Түнаҡбай) 'У него

отей, у меня мать умерли, печаль наша общая, но лица разные'; Ул вахит Нина йоклай, фэжэт Иванов кына уяу була (Д. Юлтый) 'В это время Нина обычно спит, только Иванов бодрствует'; (2) Бөтә кешегә күңелһез, фэжэт һин генә көлһең 'Всемирно грустно, лишь только ты смеешься'.

Ә м м ә 'а, но, однако' выражает противительное значение без оттенка ограничительности. Союз *эммә* наиболее характерен для письменной речи: *Төш якыллап бара, эммә колхозсылар эшкә сыгарга ашыкмайзар эле* (Б. Бикбай) 'Приближается полдень, а колхозники еще не торопятся выходить на работу'; *Күпме урманда йөрөнәм, эммә осон йөрөй торған тейенде элегжә күргәнәм юк ине* (Я. Хамматов) 'Сколько ходил по лесу, но до сих пор не приходилось видеть летающую белку'.

Союз *эммә* характеризуется значением конкретизации противопоставляемых предметов, явлений, действий.

В народно-разговорном языке, особенно в речи старшего поколения союз *эммә* и союз *ләкин* нередко употребляются в плеонастическом сочетании *эммә ләкин* 'но, однако' со значением эмоционально-экспрессивного противопоставления: *Күргәнәм бар кешеләрзе, эммә ләкин һинәң кеүеге орағаны юк ине* 'Пришлось повидать людей, но такие, как ты, не встречались'.

С о ю з ә 'а' выражает сопоставительно-противительное отношение с оттенком экспрессивности: *Бытайған ирендәре, һалынып төшкән каштары, ә күззәре — һүнгән күмер кеүек* 'Пухлые губы, обвисшие брови, а глаза — словно потухшие угли'; *Без өйләнешеп бөттөк, ә ул һаман һайлана* (К. Мәргән) 'Мы все уже переженились, а он все еще выбирает'.

Предложения, связанные союзом *ә*, могут быть разобщены. В данном случае они отделяются точкой: *Безең башкорт араһында күптәнән килгән йола. Ә иске сепрәк-сапрак менән булышма* (Г. Әмири) 'Это у нас, башкир, древний обычай. А старьем-хламом всяким не занимайся'.

Т и к 'но', выражая противительное отношение, одновременно обладает значением ограничительности: *Һыу бөтә бысрақты йыуа, тик хылатты ғына йыуа алмай* 'Вода смывает всякую грязь, не смывает только предательство'; *Әйзә, тинем, пуля миңә тейһен, тик теймәһен генә Ватанға* (Г. Сәләм) 'Пусть, говорю, пуля сразит меня, только бы Родину не задела она'.

Предложения, соединяемые союзом *тик*, могут быть разъединены: *Көндәр шулай бер-бер артлы үтә тора. Тик һаман атайым ғына кайтмай* (Н. Мусин) 'Так проходит день за днем. Но отец все не возвращается'.

Б а р ы 'только' по своему значению и функции близок к союзам *тик*, *фэжэт*, выражающим противительно-сопоставительные отношения. Отличается от них ограничительно-выделительным значением: *Кайтыуына кәйнәһе бөтә күмәсен ашип бөтөргән, ти, бары берзе генә калдырган, ти* (фольк.) 'К ее приходу свекровь съела все лепешки, оставила только одну'.

И л л а, и л л ә м ә г ә р 'но, однако' преимущественно употребляются в народно-разговорном языке, помимо значения противопоставления, они обладают семантикой сожаления по поводу описываемых явлений, действий: *Билалдың йөзөнә тура караны, иллә мәгәр аттарзы йыуындырып, кызыл-армеецтәргә һыуға төшөргә бирһәң, шәп булыр ине* (А. Таһиров) 'Смотрел прямо в лицо Билала: было бы хорошо разрешить красноармейцам искупаться и помыть лошадей'; *Халык йһан тулы, иллә мәгәр каршы сығып һөрән һалырзай кеше табылманы* 'Народу было много, однако не нашлось смельчака выступить против'.

Ш у л а й з а 'но, а, тем не менее, все-таки, однако' выполняет роль соединения-противопоставления компонентов сложносочиненных предложений: *Әммә һиңә дейеу алышырға тура киләсәк, шулай за һин уның менән көрәшәһе булма* (фольк.) 'Все-таки тебе придется состязаться с драконом, но ты не вздумай бороться с ним'; *Вахит «ярлы халык», «аңлау кәлдәри бикле» тигән һүззәрзең мәғәнәләрен аңламаны, шулай за уға теге егет бик якин булып күренде* (М. Гафури) 'Хотя Вахит не понимал смысла слов «беднота», «закрты дороги к пониманию», тем не менее тот царень показался ему близким'.

Данный союз часто употребляется в сочетании с противительными союзами *э* (*э шулай за*), *тик* (*тик шулай за*), *лэкин* (*лэкин шулай за*) в значении 'но, однако', выражая противительные отношения с оттенком сожаления: *Укылаган һүзәрзең ботәненә тошонә, лэкин шулай за һүзәрзең бөтә мәгәнә тәрәнлеген аңлап этә алмай* (Н. Дәүләтшина) 'Он понимает все прочитанное, но не может вникнуть в значение каждого слова'; *Күн кәрәшергә тура килде, иптәштәр, э шулай за быйылға барып сикманы* (К. Мәргән) 'Пришлось много бороться, товарищи, однако пынче опять не получилось'; *Ни генә әйтһәң дә, барын да күтәрәм, тик шулай за сак жына минең һүземде тыңласы* (Г. Гүмәр) 'Все что скажешь, вынесу, только выслушай, пожалуйста, хоть немного, мои слова'.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНО-ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Разделительно-перечислительные союзы *йә*, *йәки*, *йәкиһә* 'или, ни ни', *бер-берсә* 'то', *әллә* 'то' употребляются в единичном, повторном или парном виде. Выражают чередование явлений, действий, указывают на осуществление одного из перечисленных явлений, действий.

Союз *йә* 'или' повторяется перед однородными членами или частями (компонентами) сложносочиненных предложений и обозначает более конкретную разделительность, чем союзы *йәки*, *йәкиһә*: *Безең арала ла йыш жына йә берәй әзәби китап тураһында, йә халык-ара хәл, йә мөхәббәт тураһында бәхәстәр китә торғаймы* (Ф. Әсәнов) 'Между нами тоже часто возникали споры или о каком-нибудь художественном произведении, или о международном положении, или о любви'; *Йә Фәнилдә, йә миндә, йә иҙәндә, йә ерҙә* (БК) 'Или у Фаниля, или у меня, или на полу, или на земле'.

Йәки 'или' выражает ограничительное значение. Посредством союза *йәки* часто выражается связь между взаимоисключающими явлениями: *Икенсе отряд Казаккол тирәһендә, өсөнсөһә Тирләһә йәки Уразаһә ауылында булырға тейеш* (Я. Хамматов) 'Второй отряд около Казаккулово, а третий должен быть около деревни Тирляново или Уразаево'; *Ниндәйҙәр оло караһәй йәки имән ышығында үзенең кызыллы-һарылы сыбар кейемдә купшыланһып ултырыусы йәки саған миңә һәр сак туйына әзерләнеүсә кызһә хәтерләтә* (Д. Исламов) 'Растущий в тени под высокой сосной или дубом разноцветный молодой клен всегда напоминает мне принаряженную к свадьбе невесту'.

Бер-берсә 'то' выражает последовательность, очередность, повторяемость предметов, явлений и действий и одновременно посит определенную экспрессивность: *Зыя, оялыуынан ни эшләргә лә белмәй, кызарһып-бүртенеп берсә әһенә, берсә Сәғизәгә карап баһкан ерендә шак катып калды* (М. Тажи) 'Зия со стыда не знал как поступить, весь покраснев, смотрел то на мать, то на Сагиду'; *Сабит берсә шул имән менән карамаһа, берсә Ағизел менән тауға карап ала ла һөйләүен дауам итә* (И. Гиззәтуллин) 'Сабит, поглядывает то на дуб и вяз, то на Агидель и гору, и продолжает свой рассказ'.

Йәкиһә 'или', состоящий из союза *йә* и форманта *һә* с модальным значением условности, соединяет как однородные члены предложения, так и компоненты сложносочиненных предложений, выражая сомнение говорящего по отношению к повествуемым предметам, действиям, явлениям: *Мәрйәм донъя күргән, йәкиһә тәрбиә итеүсәһә булған бер кыз булһа иһә* (М. Ғафури) 'Была бы Марьям девушкой, выдавшей вида или же имевшей воспитательницу'; *Салих йәкиһә Муртаза барып күрһәләр икән баһырһә* 'Салих или Муртаза сходили бы, проведали беднягу'.

Бер 'то, либо' соединяет однородные члены предложения с разделительным значением, а также компоненты сложносочиненных предложений, повторяясь перед каждым из них. Он обозначает последовательность, регулярную повторяемость явлений и действий. Кроме того, он обладает значением конкретной разделительности: *Бер миңә, бер һүрәткә карап шымып калды* 'Глядя то на меня, то на портрет, он молчал'; *Бер килеп, бер китеп йөрөнә* 'То приходил, то уходил'; *Врач күзлеген кейзе лә бер Висәгә, бер*

Айбулатка караны (Н. Дәүләтшина) 'Врач, надев очки, смотрел то на Васю, то на Айбулата'.

Повторяющийся союз *әллә* 'то, то ли; либо' выражает сомнение, неуверенность в реальности одного из перечисленных предметов, фактов, действий, явлений, из которых обычно одно исключает другое: *Әллә иҗереп, әллә кисереп бер һүз әйтә алманы* 'То ли опьянев, то ли от переживания, не мог сказать ни слова'; *Әллә бар ғүмер, әллә юк ғүмер* (Н. Дәүләтшина) 'То ли есть жизнь, то ли нет ее'; *Әллә йәшиллек, әллә иҗәрлек менән үткән ғүмерҙе без һиҙмәnek* (Фольк.) 'То ли по молодости, то ли по дурости не сумели мы заметить прожитые годы'.

Повторяющийся союз *әле* 'то' обозначает регулярное чередование, последовательность явлений: *Ул да әле бер якка, әле икенсе якка әйләнен ята, мине лә йөкө алманы* (С. Агиш) 'Он то на один, то на другой бок переворачивался, и я не мог заснуть'; *Ғөнәрсенек бөтә өйө тулып, йондоз кеүек йымылдашып ултырған ғажәп зифа, ысын яһау көршәктәрҙең әле беренен, әле икенсеген алып, баи сайжап, тел сатылдашып торған* (З. Бишева) 'Он был восхищен, глядя то на одни, то на другие, удивительно красивые, переливающиеся как звезды предметы, которыми был переполнен весь дом мастера'.

Союз *әле* является стилистическим синонимом союза *йә*, но отличается от него нечеткостью выражения разделительного характера отношений между словами и отдельными предложениями.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Разделительно-определятельные отношения выражаются посредством союзов *хатта*, *бәлки* 'то, но, ибо, либо', *йәғни* 'то есть'. Эти союзы в большинстве случаев употребляются в одиночном виде и связывают члены словосочетаний и предложений.

Хатта 'то, но' выражает разделительно-определятельное отношение со значением ограничительности. Союз *хатта* как бы акцентирует, направляет внимание на последующем слове: *Уйлап эш иткәндә айырым колхозды ғына түгел, хатта районды ике йыл эсендә республикабыздың иң алдыңғы хужалыктарының береһе итергә бөтә мөмкинлек бар* (Я. Хамматов) 'Если регулярно работать, то имеются все возможности, чтобы за два года превратить в одно из самых передовых хозяйств республики не только отдельный колхоз, но и район'; *Азағырак был яктарҙа алтын приисылары асылған, хатта был да Урал арты тәбиғәтен үзгәртә алмаған* (Ф. Әмири) 'Позже в этих местах были открыты золотые прииски, но даже это не могло изменить природу Зауралья'.

Бәлки 'то, ибо, либо, вероятно, возможно, быть может' в одиночном употреблении, кроме обозначения разделительно-определятельного отношения, обладает значением предположения и оттенком противопоставления предметов, явлений, действий (1); при повторении же выражает разделительно-перечислительное значение (2): 1) *Тормош юлымда укытыусы Сулпан апай осрамаған була, бәлки мин дә ауылда калған булыр инем* (Ф. Әсәнов) 'Не встретиться в моей жизни учительница Сулпан-апа, я, пожалуй, остался бы в деревне'; 2) *Уның бәхетһезлегендә бәлки мин, бәлки һин ғәйепле тип әйтеүе кыйын* 'Ведь не скажешь, что в ее несчастье виноваты либо я, либо ты'.

Йәғни 'то есть, или' придает определятельное и пояснительно-изъяснительное значения членам словосочетаний и предложений: *Был манифестең үзе тотошлай мосолман телендә, йәғни төркисә күсерелеп баһтырылған* (Н. Дәүләтшина) 'Весь этот манифест напечатан на языке мусульман, т. е. переведен на «тюрки»'; *Һин мине үзегә ярҙамсы итеп алаһың, йәғни һин ғәҙәттәгесә көршәктәр эшләйһең. Ә мин уларҙы кейемгә әйләндерәм* (З. Бишева) 'Ты берешь меня в помощники, т. е. ты как обычно делаешь горшки, а я их превращаю в одежду'.

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Подчинительные союзы выражают подчинительную связь между главными и придаточными частями сложноподчиненных предложений. Они передают причинные, условные, сравнительные, изъяснительные, уступительные, целевые и другие обстоятельственные или обстоятельственно-характеризующие отношения.

Әгәр, әгәрҙә, әгәрҙә мәгәр 'если' передают условные отношения, условную связь с экспрессивно-модальными оттенками, а также обусловленность одного действия другим в рамках определенного периода: *Әгәрҙә уның урынына үзбеҙҙең кешене куйһалар, биш артык булған булыр ине* (Я. Хамматов) 'Если бы на его место поставили своего человека, было бы гораздо лучше'; *Әгәр теге яҡ ярҙа дошман булһа, һиндәй қарар қабул итерһең* (Ә. Бикчәнтәев) 'Если на том берегу окажется враг, то какое примешь решение?'

Союз *әгәр* является факультативным. Его наличие лишь усиливает значение условного наклонения на *-һа*, при котором он употребляется, не являясь обязательным элементом самой структуры предложения.

Сөнки 'потому что, вследствие чего, ибо' выражает причинное отношение, причинную связь между компонентами сложноподчиненных предложений (1) и между двумя самостоятельными предложениями (2): 1) *Нурийҙа, Муртыйҙа һикереп торғолар, сөнки ишектең қағышы былай ғына килгән кешенең қағышы кеүек түгел.* (А. Таһиров) 'Нури и Мурти вскочили, потому что стук в дверь был тревожным и непохожим на обычный'; 2) *Уларҙы алдағы ут та, кайнап ятқан дәръяларҙа туктата алмай. Сөнки улар инде сиркәнес алып өлгөргәндәр* (И. Насыри) 'Не останавливают их ни огонь, ни бушующие моря. Ибо они уже получили закалку'.

Гүйә, гүйәки 'подобно, как, как будто' выражают сравнительное отношение, сравнительную связь между частями одного предложения или между двумя предложениями и употребляются преимущественно в письменной речи. Как и *сөнки*, союз *гүйә* является обязательным союзом, организующим определенный структурно-семантический тип сложноподчиненного предложения: *Ике тәҙрәһе менән Урал йылғаһына қараған тәпәш йорт тып-тып. Гүйәки уларҙа илашып, хужаһының қайғыһын уртақлашалар һымаҡ* (М. Хәйзәров) 'Низенький дом с выходящими к реке Урал двумя окнами казался притихшим, будто сочувствовал горю хозяина'; *Әйтерһең, бөгөн уның кулдары урынына қапаттар үскән, гүйә ул баһу юлынан түгел, бөркөт менән ярышып һауала осоп бара* (Ф. Әсәнов) 'Кажется, сегодня вместо рук у него выросли крылья, как будто он не полевой дороге идет, а летит вместе с беркутом в небе'.

Гәрсә 'хотя, ибо' в современном башкирском языке употребляется редко, он характерен для стихотворного жанра письменной речи, передает в некоторой степени условное отношение, условную связь со смысловой модификацией противопоставления: *Имәндәрәм гәмһез тимәгез һез, улар тоя, барын аңлайҙар, гәрсә имәндәр бит уй-хистәрен қапыл ғына әйтен бармайҙар* (А. Игебаев) 'Не скажите, что дубы беспечны, и они чувствуют, и понимают все, хотя они не могут это выразить'.

Шуға, шуға күрә, шуға ла, тимәк, шундың өсөн, шунлыҡтан, шундың һөҙөмтәһендә, шуларға, шулай булғас 'поэтому' обозначают изъяснительно-следственные отношения в сложноподчиненных предложениях. Большинство из них по структуре сложные.

Компонент, присоединяемый с помощью этих сложных союзов, передает значение следствия действий, явлений, заключенных в главном предложении: *Хәҙер кәмһенә һыу керә уның, шуға күрә байлығын күз күргәндәрәнә тарата башланы* (Б. Бикбай) 'Сейчас ему стало туго, поэтому и стал раздавать близким свое богатство'; *Шуға күрә йәшлектең кәҙереп бик ныҡ белгез.* (Ғ. Дәүләтшина) 'Поэтому знайте цену молодости. .'; *Сәғизә Тәһзилә әбейҙең тел төбөнөң қайҙа барғанын һизҙе лә, шунлыҡтан ул был хакта һүҙҙе озонға*

Һузмасжа һәм тэрэнгэ ебэрмэскэ тырыша (М. Тажи) 'Сагида чувствует, куда клонит бабушка Танзиля, поэтому решила не продолжать разговор об этом'; *Шул сэгэт һыуга батырыр, шул аркала һыузан сыга алмам кеүек тойола* (Д. Юлтый) 'Мне кажется в этот момент, что меня утопят и я не смогу выплыть из воды'.

Т и м э к 'значит' выражает изъяснительную связь в виде умозаключения: *Әйе, ул вакиға киске сэгэт биштэрзә булды, тимәк уға ун ете-ун һигез сэгәттәр үткән* (С. Агиш) 'Да, это событие произошло где-то в пять часов вечера, значит прошло семнадцать-восемнадцать часов'; *Ул өйзә һиндәй хәл булғанлығын шунда ук аңлап алды; тимәк хужа кулы юк икән* (Б. Бикбай) 'Он сразу понял, что произошло дома; значит, нет руки хозяина'.

В функции союза активно употребляется слово *тип* 'сказав'. С его помощью соединяются предложения, заключающие прямую или косвенную речь. Кроме того, *тип* в сочетании с инфинитивом широко используется для выражения целевых отношений: «*Әй, нәмә сул бүреләре кеүек шаулайһығыз, аҗрынырак*», — *тип, һалдаттарзың шау-шыуҙарын көсәйтәләр ине* (А. Таһиров) 'Его слова «Әй, что там шумите, как шакалы, потише», еще больше усилили шум солдат'; *Коммунист буларак, безең өсөн башкалар эшләһен тип, шымып йөрөргә хажыбыз юк* (Я. Хамматов) 'Будучи коммунистами, мы не имеем права говорить, что пусть за нас работают другие'.

В качестве соединительного союза отдельные служебные слова, в частности послеслог *менән* 'с', употребляются со значением обобщения, собирательности: *Шул көндән башлап Сәриә менән Спартак араһындағы мөнәсәбәт тағы ла үзгәрзе* (Я. Хамматов) 'С этого дня отношения между Сарией и Спартаким изменились'.

СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Синтаксис современного литературного башкирского языка представляет необычайно обширный и сложный объект лингвистического исследования, который в существующих источниках отражен в первичном описании более или менее полно лишь на уровне предложения, выступающего в качестве основной единицы речи. Словосочетание же стало предметом исследования лишь в последние годы. Естественно, что оно по сравнению с предложением разработано меньше.

Результаты проведенных исследований предложения и словосочетания в башкирском языке, как и в других тюркских языках, в плане охвата своего объекта довольно значительны. Однако они еще далеко неполно освещают этот объект с точки зрения теоретической. К тому же не все аспекты синтаксиса предложения и словосочетания изучены должным образом. В частности, все еще ожидает своего тщательного исследования функциональное и стилистическое соотношение семантически близких предложений одного и того же статуса и возможность адекватного выражения коммуникативного содержания данного предложения в зависимости от стилистических условий и речевой ситуации структурно разнородными конструкциями, столь широко и регулярно взаимодействующими в живом языке.

Кроме обширной области синтаксической синонимии, наглядно свидетельствующей о развитости и высокой жизнеспособности синтаксиса современного литературного башкирского языка, все еще остается неохарактеризованным возрастающее из года в год структурное обогащение синтаксиса и его стилистическая и функциональная дифференциация, особенно в сфере массовой коммуникации, где синтаксис сложного предложения, в особенности предложения с союзной связью, и по степени употребительности и по количественному составу структур во многом разительно отличается от состава и соотношения синтаксических конструкций обиходно разговорной формы литературного языка, в свою очередь как раз в этом отношении распадающейся на социальные и, в известной мере, региональные разновидности (ср. устную речь, с одной стороны, городского и сельского населения, с другой высококультурной башкирской интеллигенции — писателей, журналистов, ученых, преподавателей и остальных социальных слоев башкирского населения). В связи с этим со всей остротой встает проблема изучения синтаксиса разговорного языка во всех его разновидностях — на уровне литературного языка, просторечия и диалектов. Незавершенность этой проблемы не позволяет приступить к изучению исторического синтаксиса в сравнении с другими тюркскими языками, которое могло бы быть начато с исследования дошедших до нас немногих письменных памятников башкирского языка и богатейшего фольклора, собранного с возможной полнотой и частично уже опубликованного.

Синтаксис письменного литературного языка, впитавший в себя многие черты дореволюционного периода своего развития, не характерные для устного башкирского языка, еще при его обновлении на подлинно народной

основе в 20—30-х годах значительно отличался от синтаксиса обиходно-разговорной речи во всех ее разновидностях. В последующее время это усугубилось непрерывным структурным обогащением литературного письменного языка за счет ресурсов родственных тюркских языков и за счет множества синтаксических калек с русского языка. Последними изобилуют все бурно развивающиеся младописьменные литературные тюркские языки, ими обогатились стилистические возможности синтаксиса литературного языка, вызвали функциональную дифференциацию многих синтаксических конструкций, выявив тем самым удивительную мобильность синтаксических категорий. Их изучение в непосредственной связи со стилистической и функциональной дифференциацией синтаксических конструкций, равно как самой синтаксической стилистики, тоже относится пока что к числу нерешенных проблем.

Грамматическая квалификация ранее отмеченных и описанных структурно-семантических типов простого и сложного предложения и основных типов наиболее распространенных словосочетаний по необходимости произведена в предлагаемой грамматике на уровне большинства синтаксических описаний по современным тюркским языкам, хотя первоначально она и ставила своей целью усиление ее углубление. Это расхождение между замыслом и его осуществлением, помимо всего прочего, вызвано естественным влиянием укоренившихся традиционных принципов описания синтаксиса, которые во многом не согласуются с неоспоримыми достижениями в разработке проблематики синтаксиса не только тюркских языков. В нарушение традиционных принципов описания тюркского синтаксиса в порядке первого опыта, требующего, естественно, критического осмысления и углубления, авторы настоящей грамматики в соответствии с ее проспектом решились лишь на следующие нововведения в этой области¹.

1. Члены предложения рассмотрены применительно не только к простому предложению, но и к сложному, поскольку в обоих случаях они выделяются на одинаковых началах.

2. Соответственно расширено описание типов сказуемого за счет связанного сказуемого, характерного для придаточных предложений и так называемых обстоятельственных оборотов, организуемых главным образом деепричастиями. Остальные члены предложения имеют одну и ту же структуру и в простом, и в сложном предложении.

3. Выделение связанного сказуемого, в большинстве случаев обнаруживающего полный изоморфизм в составе придаточного предложения и в зависимых конструкциях, осложняющих простое предложение, поставило перед необходимостью квалифицировать именно деепричастные и т. п. обороты как зависимые конструкции, наделенные предикативностью, одинаково характерной и для придаточного предложения. Соответственно простое предложение, содержащее такую зависимую конструкцию, квалифицируется как усложненное предложение. Это согласуется с давно наметившимся выделением усложненного сложного предложения на материале ряда тюркских языков.

4. Усложненные сложные предложения даны по рубрикам на семантико-синтаксической основе, позволяющей однозначно отнести их либо к партаксису, либо к гипотаксису, исключая лишь немногие конструкции, которые действительно трудно определить с этой точки зрения (см. раздел «Смешанные сложные предложения»).

5. Поставлен вопрос о статусе простого предложения, содержащего вставное простое или сложное предложение, обладающее предикативностью. Но вопрос этот в данной грамматике еще не решен, из-за неполноты материала (в частности, еще не изучена возможность усложнения вставным предложением сложного предложения).

¹ Проспект «Грамматики современного башкирского литературного языка». Сост. А. А. Юлдашев. Уфа, 1974.

6. В синтаксисе отведено достойное место парцелляции.

7. Во многом по-новому ставится и решается вопрос о сложных словосочетаниях.

8. Более, чем это принято делать в академических грамматиках, расширено рассмотрение связи слов в предложении. Это позволило более четко охарактеризовать основные типы словосочетаний.

Первоначально ставилась и проблема последовательной классификации сложных предложений на единой семантико-синтаксической основе², производимой до сих пор почему-то лишь применительно к сложно-подчиненным предложениям. Однако пришлось ограничиться традиционной рубрикацией сложносочиненных предложений по типам связи. Это, естественно, привело к ненужным повторениям (одни и те же типы выделены среди и бессоюзных и союзных сложносочиненных предложений), не говоря уже о том, что рассмотрение бессоюзных предложений в отрыве от предложений с союз-

ной связью не позволяет раскрыть системные отношения между теми и другими, основанными на семантико-синтаксическом их взаимодействии, в частности, на их взаимодействии по структуре типов предложений, представляющих соединительные, противительные, пояснительные, сопоставительные и т. п. отношения.

Наиболее отрицательным в традиционном делении сложносочиненных предложений только на союзные и бессоюзные, исходя из практики описания таких предложений на материале русского и других индоевропейских языков, является не только невозможность в его пределах надлежащим образом показать сложносочиненные предложения в живой их системе, но и искажение типологической особенности тюркских языков, а именно — неправомерное отнесение к числу бессоюзных действительно асиндетических конструкций широко распространенных в тюркских языках типов сложносочиненных предложений, первая часть которых связана со второй при помощи словоформы сказуемого — формы деепричастия на *-n*, выполняющей, по существу, роль соединительного союза, который одновременно выражает последовательность двух действий, описываемых в разных частях этой конструкции, и другие синтаксические отношения. Конституирующая роль такой словоформы сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения как особого средства формального выражения синтаксических отношений ныне признана всеми. И такие предложения уже не причисляются к бессоюзным. Применительно к сложносочиненным предложениям это положение до сих пор не реализовано. Это вызвано, очевидно тем, что само сложносочиненное предложение рассматриваемого рода до сих пор не получило всеобщего признания среди синтаксистов-тюркологов. Между тем, оно представлено в каждом из тюркских языков рядом широкоупотребительных типов, характеризующихся закрытой структурой (состоит из двух частей, распространение третьей исключено):

1) соединительные предложения: а) предложения следования, обозначающие благодаря форме сказуемого и контексту хронологическую последовательность двух действий: *Өзерлек бөтөл, китер көн килеп етте* (М. Гафури) 'Подготовка закончилась, настал день отъезда'; *Кыш үтөп, яз етте* (М. Гафури) 'Прошла зима, наступила весна'; *Мустафин үзенең полкын кыуып эткәндә, Степан да һауығып эйләнен кайтып, улар Днепр ярларында торалар ине инде* (Д. Исламов) 'Когда Мустафин догнал свой полк, Степан выздоровел, тоже вернулся, и они уже стояли на берегах Днепра'; б) предложения одновременности: *Күктә күгәрсендәр уйнап, буз тургайлар һайраһын* (М. Марат) 'Пусть на небе играют голуби и поют сизые воробьи';

2) предложения, первая часть которых поясняет вторую как побудительная причина свое следствие: *Ағалы-энеле егеттәр һүзгә килешеп, кеселә өйҙән сығып китте* (К. Мәргәп) 'Старший и младший братья-джигиты поссорились, и младший покинул дом'; *Ел сығып, болоттар таралды* (А. Таһиров) 'Поднялся ветер, и тучи рассеялись';

² Проспект «Грамматики. .», с. 84.

3) усилительные предложения, вторая часть которых по сравнению с первой содержит экспрессивно-подчеркнутую информацию: *Көн болотлап, ел дә көсәйгәндәи көсәйә* (F. Хәйри) 'Погода стала пасмурной, и ветер усиливается все больше и больше'.

Правомерность отнесения конструкций приведенного рода к сложносочиненным предложениям подтверждается возможностью свободной замены деепричастного сказуемого спрягаемой формой глагола в сопровождении с союзом или без него, т. е. любым другим способом формального выражения тех же самых синтаксических отношений: ср. *Кыш үттеп (үтте / үтте һәм / үтте лә), яз этте* 'Прошла зима, и наступила весна'. Такая трансформация и модификация формального выражения одной и той же синтаксической связи убедительно говорит также и о том, что сложносочиненные предложения целесообразно классифицировать не по типам связи, которые нередко представляют, как в данном случае, лишь стилистическую вариативность структуры предложения, а на семантико-синтаксической основе, объединяя все три вида предложений одного семантического профиля в единую рубрику, как это давно разумно практикуется применительно к сложноподчиненным предложениям. Соответственно все союзные и бессоюзные сложносочиненные предложения, в том числе и с деепричастным сказуемым, можно разместить по таким же выработанным рубрикам, как соединительные, противительные, сопоставительные, пояснительные и т. п. предложения, внутри которых в свою очередь должны быть особо выделены союзные и бессоюзные предложения, включая сложносочиненные предложения с деепричастным сказуемым, играющим роль соединительного союза.

В выделении и трактовке сложноподчиненных предложений, вернее — спорной их части, авторы грамматики придерживаются известной концепции Н. К. Дмитриева³, в принципе отражающей господствующее воззрение на природу сложноподчиненных конструкций в русском языкознании⁴, которое ныне справедливо сведено к наличию в их составляющих частях ясно выраженной предикативности⁵, свободной или связанной, действительно предопределяющей статус сложного предложения вообще.

Концепция Н. К. Дмитриева, которую мы пытались развить применительно к придаточным предложениям с деепричастным сказуемым, имеющим свое отдельно выраженное подлежащее⁶, нуждается, на наш взгляд, в одном уточнении. Причастный оборот с отдельно выраженным подлежащим и сказуемым, квалифицируемый Н. К. Дмитриевым и его многочисленными сторонниками как придаточное определительное, примыкает непосредственно к определяемому слову даже без выделения паузой (пауза может быть только после определяемого слова, которое вместе с причастным оборотом имеет объединенную синтаксическую интонацию). Он не имеет отношения к сказуемому данного предложения, в котором представлен. В силу этого причастный оборот лишен собственно предикативности, составляющий необходимый признак всякого предложения или его части. Действие, выражаемое причастием представлено здесь в характеризующем значении, т. е. как определение. Оно не охарактеризовано по категории времени и склонения.

Так что выделение придаточного определительного, представляющего на деле развернутое определение при подлежащем или дополнении, представляется в данном случае крайне проблематичным. В остальном воззрение Н. К. Дмитриева на природу придаточных предложений со сказуемым в неспрягаемой форме глагола лишь подтвердилось при дополнительном углубленном их исследовании: достаточно сказать, что при «неличных» формах

³ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 244—259.

⁴ Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. — Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 424 и др.

⁵ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 652—655.

⁶ Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 207—239.

личность производителя или носителя действия может быть представлена в самой словоформе: ср. *йоко* (-м, -ң, -һо, -ғоз, -һоз, -лары) *килеп* (килгәс,) *өйгә кайтып китте* (-м, -ң, -ек, -егез, -ләр) 'поскольку (мне, тебе, ему, нам, вам, им) захотелось спать, (я, ты, он, мы, вы, они) пошел домой'.

Действие, представленное неличной формой глагола, однозначно охарактеризовано по категории лица (благодаря соотнесенности действия с его производителем-подлежащим), времени и наклонения (благодаря его соотнесенности в этом плане с действием, выраженным так называемым основным глагольным сказуемым), что и составляет сущность предикативности: *Вахит өйгә илеу менән, өй эсендә каушау жатыш шатык тыузы* (М. Гафури) 'Как только вошел Вахит, дома воцарилась радость вместе с растерянностью'; *Иренә һаләк булуы тураһында хәбәр килгәс, Рауфәнен эсәһе бик иланы* (Ә. Вали) 'Получив извещение о гибели своего мужа, мать Рауфы горько плакала', где действие, выраженное неличной формой глагола, однозначно относится к тому же времени и наклонению, что и действие, представленное главным сказуемым, а его соотнесенность с подлежащим столь же ясно характеризует (его) по категории лица.

Один из интересных и неожиданных результатов исследования **придаточных** предложений рассматриваемого рода представляет возможность

их бытования в односоставном варианте: ср. *Ғилажизе һалкын һуғып, уның тамағы шешеп йөрөнө* (А. Таһиров) 'Гилажи простудился, и у него разболелось горло', где *һалкын һуғып* обозначает безличное действие; *Таң аткас эшкә киттек* 'Мы отправились на работу, когда рассвело'; *Коском килгәс, ул дарыу бирзе* 'Поскольку меня тошнило, он дал лекарство'; *Эсем бошоп мин кайтып киттем* 'Я захандрил и отправился домой'; *Ужығың килмәгәс, мәктәпкә барып йөрәмә* 'Раз не хочешь учиться, не ходи в школу'; *Уның ике сәғәткә һуңдаганына асыуыбыз килгәс, тоттәк та кайтып киттек* 'Поскольку мы были возмущены его опозданием на два часа, мы взяли да и разошлись по домам'; *Без тапшырган буләккә күңеле тулгас, Мәзинә илап ебәрзе* 'Тронутая подарком, который мы вручили ей, Мадина заплакала'; *Күргән төштәремдән жотом осоп, уянып киттем* 'Я проснулся, испугавшись сновидений'. При этом обращает на себя внимание охарактеризованность обозначаемого дееспричастием действия по категории лица в пределах самого сложного глагола.

Другим существенным результатом проведенных исследований в соответствии с концепцией Н. К. Дмитриева является тот примечательный факт, ускользающий из поля зрения синтаксистов, что связанная предикация, характерная для рассматриваемого типа придаточных предложений и неспособная реализоваться в виде отдельного предложения, широко представлена и среди неоспоримых союзных сложносочиненных разделительных предложений открытой или закрытой структуры: ср. *Йә елләп ямғыр һибәләй, йә караңғы тымык төн була, йә ай нуры төшә Изелгә* (М. Корим) 'То моросит дождь, то бывает душная темная ночь, то лучи луны освещают Белую'; *Йә үзем барам, йә булмаһа үзе миңә килһен* 'Либо я пойду, либо пусть приходит сам ко мне'; *Әле быһыһы аптырата, әле тегенеһе теңкәгә тейә* (фольк.) 'То озадачивает это, то донимает другое'; *Берсә Турыжай алға сыға, берсә Ерәнсәй ботәһен дә ұзып китә* (фольк.) 'То вырывается вперед (на скачках. — А. Ю.) Гнедой (кличка лошади), то всех опережает Рыжий (кличка лошади)'; *Әллә күзем әйбер айырмай башланы, әллә дарыузары бер торло инде* (Ш. Биккол) 'То ли глаза сами по себе не стали различать предметы, то ли не подходит лекарство'. Самостоятельное простое предложение для его превращения в компонент сложносочиненного предложения намеренно лишается признака самостоятельности путем вставки в него союза, а в последнем случае — путем замены спрягаемой формы глагола неспрягаемой его формой. И в том, и в другом случае часть сложного предложения не может быть реализована в качестве самостоятельного высказывания, т. е. сложное предложение являет собой сложение двух предикаций для получения еди-

ного высказывания, именно единой коммуникативной единицы, в принципе сходной с простым предложением.

Как свидетельствуют приведенные примеры, компонент сложного предложения вовсе не обязательно должен строиться полностью по структурной схеме простого предложения. Правда, компоненты сложного предложения даже при большой зависимости одного из них от другого в принципе выделяются именно на высшем уровне синтаксического членения — на уровне предикации — и выделяются так или иначе именно как предикативные единицы, как аналоги предложения. Но это не означает, что они по структуре обязательно должны соответствовать простому предложению и подобно ему иметь смысловую законченность. Такому строгому требованию из всех сложных предложений удовлетворяют лишь бессоюзные сложносочиненные предложения с чисто соединительной связью, не осложненные выражением временной последовательности действий. Ни один другой тип сложного предложения не обладает способностью распадаться на отдельные два простых предложения в зависимости исключительно от стилистических запросов без ущерба для передаваемого им коммуникативного содержания и для своей структуры, обеспечивающий сообразно с ее типовым значением именно такое содержание.

В синтаксических описаниях по давно заведенной традиции порядок слов рассматривается лишь применительно к простому повествовательному предложению и всякий иной порядок расположения компонентов предложения, характерный для остальных типов предложений нередко квалифицируется как инверсия. Между тем применительно к вопросительным, восклицательным и побудительным простым предложениям, сложноподчиненным предложениям, составные части которых связаны с помощью словоформы сказуемого, соединительным сложносочиненным предложениям, передающим временную последовательность двух действий, пояснительным сложносочинительным предложениям, сложным предложениям, выражающим причинно-следственные отношения, условным периодам порядок расположения их компонентов составляет один из их структурных признаков, подлежащий обязательному учету и описанию. К сожалению, это элементарное требование далеко не полностью соблюдено и в предлагаемой грамматике.

Традиционно охарактеризованы в ней также и типы предложений по их коммуникативному назначению. Между тем, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения встречаются и среди сложных предложений, подлежащих рассмотрению с названной точки зрения на одинаковых основаниях с простыми предложениями. Другое дело, что их здесь гораздо меньше, чем среди простых предложений, где они по сравнению с повествовательными предложениями занимают тоже небольшое место.

Удельный вес описанных в синтаксисе типов предложений охарактеризован лишь в разделе сложных конструкций.

Читатель не найдет необходимых сведений и о синтаксической интонации, играющей существенную роль в формальном выражении синтаксических отношений, особенно в вопросительных, побудительных и восклицательных предложениях и в синтаксическом членении сложных предложений. При всей смысловой целостности всякое предложение как коммуникативная единица расчленяется на составляющие смысловые части различной степени актуальности и завершенности. В этом наряду с другими средствами семантико-синтаксического членения предложения едва ли не самую важную роль играет синтаксическая интонация и ее градация, которые требуют, однако, обширного углубленного самостоятельного исследования современными инструментальными методами.

К сожалению, в предлагаемой грамматике отсутствуют сведения об актуальном членении предложения, об открытости или закрытости структуры данного типа сложного и простого предложения, а также по некоторым другим вопросам синтаксиса, назревшим давно и тем не менее еще не исследованным на материале башкирского языка. Сильны еще традиционные узы, которые должны быть преодолены в ближайшем будущем.

Изложение синтаксиса ориентировано главным образом на устоявшиеся нормы письменного литературного башкирского языка с возможным учетом, там, где это необходимо, специфики синтаксиса устной литературной речи.

Словосочетание и предложение, составляющие предмет синтаксиса, пользуются одними и теми же средствами формального выражения синтаксических отношений между своими компонентами: 1) словоформами знаменательных слов, 2) местоположением своих составляющих частей, 3) служебными словами собственно синтаксического назначения (союзами, союзными и относительными словами, послелогами и частицами), 4) синтаксической интонацией, 5) возможными комбинациями перечисленных средств.

Слово, вернее — словоформа на уровне синтаксиса, предстает как предельно составляющая предложения и словосочетания, т. е. здесь дальнейшему членению она не подлежит. Следовательно, нельзя считать правомерным выделение так называемого составного члена предложения, или словосочетания, исходя из того, что он представляет собой сложную (аналитическую) словоформу — семантически неделимое сочетание «однословной» словоформы со служебным словом, тем более — из структуры лексической основы — ядра, состоящей из двух производящих основ типа *ун биш* 'пятнадцать', *ант ит-* 'дать клятву'.

Фиксированные синтаксические отношения, лежащие в основе сложных слов, устойчивых словосочетаний терминологического и фразеологического характера, идиоматики и сыгравшие определенную роль при их зарождении, не составляют предмета синтаксиса современного языка. Поэтому в дальнейшем изложении внимание направлено лишь на свободные, или живые (мобильные) синтаксические отношения в рамках словосочетания и предложения.

Рассмотрению наиболее распространенных типов словосочетаний предпослан первый очерк связи слов в башкирском языке — на основе подчинительной связи слов, стоящей в центре внимания очерка, возникают словосочетания, предопределяющие лексическую наполняемость всякого предложения как коммуникативной единицы, неизменно обладающей предикативностью и модальностью.

СВЯЗИ СЛОВ

В составе словосочетания и предложения слова находятся в смысловой и грамматической связи, причем способы связи могут быть различными. В синтаксисе изучается так называемая свободная сочетаемость слов, хотя вообще в языке абсолютно свободной сочетаемости не может быть. Между синтаксическими единицами существует два основных типа отношений, представляющие собой неравнозначные структуры: сочинительная связь и подчинительная связь.

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

При сочинительной связи две и более синтаксических единицы находятся в равных отношениях друг к другу. Способом сочинения связываются все разряды знаменательных слов, однотипные члены предложения, словосочетания, а также простые предложения в сложносочиненном предложении.

Сочинительной связью выражаются следующие отношения.

1. Перечислительные, представленные открытым рядом функционально тождественных (равноправных) синтаксических единиц с соответствующей интонацией перечисления: *Борон-борон заманда төлко, буре, бүзнә үз-ара душлашып алгандар* (фольк.) 'Давным-давно подружились лиса, волк, перепелка'; *Бергә атлай йырзар, ал байрактар, язгы гөлдәр, кыззар, балалар* (Г. Сәләм) 'Рядом шагают песни, алые знамена, весенние цветы, девушки,

дети'; *Боландың мөгөзө, җалимдең һүзе, филдең теше, останың эше киммәт* (посл.) 'У оленя рога, у ученого слово, у слона зуб, у мастера дело дорого'.

Ряд однородных членов может завершаться путем оформления последнего слова грамматическими формами числа или падежа, выражающими обобщение, при этом дальнейшее продолжение перечисления становится невозможным: *Хәлил Фәттахов, Мизхәт Ибраһимов, Гәлдәр Мостафиналар ойштороп йөрөй бындай эштәрзе* 'Такие дела организуют Халил Фаттахов, Мидхат Ибрагимов и Гульдар Мустафины'.

Употребление сочинительного союза *һәм* 'и' перед последним членом перечисления и синтаксического фразеологизма *һәм башкалар* 'и другие' в качестве завершающего члена перечислительного ряда особенно характерно для публицистики: *Базарза Мәжит Гафури, Сәйфи Жудаи, Мостай Кәрим, Зәйнәп Бишшева, Әнүәр Бикчәнтәев һәм башка язучылардың китаптарын табырға мөмкин* (СБ) 'На базаре можно найти книги Мажита Гафури, Сайфи Кудаша, Мустая Карима, Зайнап Бишшевой, Анвара Бикчентаева и других писателей'.

Сочинительный союз *һәм* 'и', а также послелог *менән* 'с' в значении союза чаще употребляются при двух однородных членах: *Мин ауылда биш көн яттым, биш айлыҡ дәрт һәм көс алып кайттым* (М. Хәй) 'Я в деревне пробыл пять дней, а силы и бодрости набрался как за пять месяцев'; *Мансур менән Фәхруш бик йй ғына шул яр яҡка карап атлайҙар* (К. Даян) 'Мансур с Фахрушем медленно шагают по направлению к тому берегу'.

При выделении каждого однородного члена особой интонацией употребляются союзы *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә*: *Бүзәнә осмай за жасмай за, тоттормай за* (фолькл.) 'Перепел и не летит, и не убегает, и не дает себя поймать'; *Инде тәҙрә янына барып етерлек кенә дәрт тә, дарман да бар кеүек* (М. Кәрим) 'Кажется, есть и стремление и силы подойти к окну'; *Мин шатланам да, борсолам да* (Г. Гүмәр) 'Я и радуюсь, и беспокоюсь'.

2. Разделительные отношения, представленные союзами, союзными словами и соответствующей интонацией: *йә һин, йә мин* 'или ты, или я'; *йә үлем, йә йәшәү* 'либо смерть, либо жизнь'; *йә йәшәйбез, йә айырылышабыз* 'либо живем, либо разводимся'; *бер алға, бер артқа* 'то вперед, то назад'; *бер барайыҡ, бер бармайыҡ, нисек аңларға?* 'То пойдем, то не пойдем, как понять?'; *Сыуакай әбей ни эшләргә белмәй, берсә ишеккә, берсә урындыкка табан югерзе* (З. Бишшева) 'Старуха Сауакай, не зная что делать, бегала то к двери, то к парам'. Такие же отношения выражаются повторяющимися при каждом однородном члене союзами: *ме. ., әле. . 'ни. ., ни. .'* и др.

3. Пояснительные отношения, выражаемые с помощью пояснительных союзов, позицией слов, входящих в эти отношения, и интонацией: *Кайһы сакта никахка инеүселәрҙең берененең — ир йә катылдың — башка кеше менән никахта булыуын белмәй тороп, ғайлә короу гәлдәре лә булғылай* (СБ) 'Бывают случаи, когда создают семью, не зная о том, что один из супругов — муж или жена — состоит в браке с другим человеком'.

Для выражения пояснительной связи чаще всего употребляются союзы *йәғни* 'то есть', *йәғни мәсәлән* 'то есть, к примеру', более характерные для письменной речи: *Ул, йәғни Соләй байдың баш бисәһе, был йорттоң икенсе баләһәһе ине* (С. Кулибай) 'Она, то есть старшая жена Сулейбая, была вторым полицейским этого дома'.

4. Модальные отношения, возникающие при употреблении обращения или вводного слова: *Сеу, Тимер, кеше күрер. . .* 'Тиме Тимир, люди увидят. . .'; *Юк йәнем, Нурия, ышан* (К. Мәргән) 'Нет, душа моя, Нурия, поверь'; *Идрисов, һис шикһез, насарлыҡ эшләгән* (А. Карнай) 'Идрисов, безусловно, поступил плохо'.

Перечисленные отношения и формальные показатели сочинительной связи могут комбинироваться в пределах одной синтаксической конструкции.

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Подчинительная связь является основным типом синтаксических отношений, определяющим формальную структуру словосочетаний. Она характеризуется неравенством соотносящихся единиц, большей или меньшей степенью определенности местоположения членов синтаксического ряда и выраженностью многих из этих отношений специальными грамматическими показателями. Естественно наличие при такой связи подчиняющего (главного) и подчиненного или подчиненных (зависимых) членов. Зависимая связь подчиняющего и подчиненного элементов сохраняется в любом контексте, хотя при более сложной организации речи этот же подчиняющий член может оказаться в роли зависимого по отношению к другим членам данного ряда.

В лингвистической литературе существуют разные принципы классификации подчинительных отношений. Почти во всех грамматиках стало традиционным выделение по характеру и средствам связи трех основных разновидностей подчинительного отношения — управления, согласования и примыкания. Дальнейшее дробление типов связи основывается уже на морфологическом принципе, исходным моментом для которого является принадлежность главного и зависимого слова к определенной части речи.

Различные виды подчинительной связи могут комбинироваться и в рамках одного сложного словосочетания: *ит һатыу буйынса биш йыллыҡ план* 'пятилетний план по продаже мяса' (управление и примыкание); *һинең атайыңдың төлкө туны* 'лисья шуба твоего отца' (согласование и примыкание) и т. п.

В синтаксисе тюркских языков наиболее широко используются управление и примыкание. Согласование на материале тюркских языков имеет свою специфику. Оно значительно отличается от согласования слов в русском языке.

У П Р А В Л Е Н И Е

Управление — вид подчинительной связи, при котором грамматически подчиненные слова (как правило, существительные или субстантивированные части речи) ставятся в той или иной форме косвенных падежей в зависимости от синтаксических потенций управляющего слова (глагола, имени и др.), заложенных в его лексическом значении или вытекающих из его грамматических характеристик. По категориальной принадлежности управляющего слова и формальному выражению связи выделяются различные виды управления: глагольное, именное, послеложное, наречное и др.

ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В словосочетаниях наиболее разнообразными формами управления обладают глаголы. Падежные формы зависимых слов определяются прежде всего семантикой глагола и его залоговыми значениями.

Форму винительного падежа именных частей речи требуют глаголы сильного управления, при этом управляемые слова обозначают прямой объект: *эште оңот-* 'забыть дело', *туғандарзы оңот-* 'забыть родственников', *уткәнде ислә-* 'помнить прошлое', *жарарзы хупла-* 'одобрить решение', *ғәйепте кисер-* 'простить вину', *ватанды һаҡла-* 'защищать родину'.

Обязательна постановка зависимого слова в форме винительного падежа при каузативных глаголах: *мәсьәләне конкретләштер-* 'конкретизировать вопрос', *халықты тынысландыр* 'успокоить народ', *эште йәнләндер-* 'оживить работу', *йорышто тизләт-* 'ускорить ход', *уҡыусыны өйрәт-* 'научить ученика'; *Балыҡ тәрәнде, мулла биргәнде ярата* (посл.) 'Рыба любит глубину, мулла — что дают'.

В других же случаях оформленность или неформленность зависимого слова аффиксами винительного падежа обуславливается не только семантикой управляющего глагола, но и его охарактеризованностью по категории определенности / неопределенности. Такое управление можно назвать вариативным. Им обладают глаголы целенаправленного действия: *Хәмитте*

сажыр - 'пригласить Хамита', но *кунат сажыр* - 'пригласить гостя', *атыңды эзлэ* - 'искать свою лошадь', но *ат эзлэ* - 'искать лошадь', *йожно ал* - 'отнять соп', *косто ал* - 'отнять силы'; Алексей Григорьевич Илеи районьнда булган бер халде якшы хәтерләй (СБ) 'Алексей Григорьевич хорошо помнит один случай, происшедший в Илишевском районе'.

Глаголы зрительного и слухового восприятия, речи и мышления также управляют винительным падежом: *тирә-якты күзәт* - 'наблюдать окружающее', *дәресте аңла* - 'понять урок', *таныштарзы күр* - 'видеть знакомых'.

Одной из широко распространенных форм связи глаголов с существительными и субстантивированными частями речи в башкирском языке является управление дательным падежом, обозначающим косвенный объект. Данная форма управления обуславливается прежде всего характером лексического значения глагола. Дательным падежом управляют глаголы движения, воздействия, указывающие на направленность действия к адресату или объекту, цель и назначение действия: *еләккә бар* - 'пойти за ягодами', *утыңга бар* - 'поехать за дровами', *алыска кит* - 'уйти далеко', *жосакка ал* - 'взять в объятия', *эшкә ал* - 'принять на работу', *партияга ал* - 'принять в партию', *һунарға йөрө* - 'ходить на охоту', *кунакка йөрө* - 'ходить в гости', *теләккә иреш* - 'достичь желания', *бесәнгә аптыра* - 'испытывать недостаток в сене', *күкрәккә казал* - 'вонзиться в грудь', *урамга сыж* - 'выйти на улицу', *тунга уран* - 'завернуться в шубу' и т. д.

Дательным падежом управляют глаголы, обозначающие изменение состояния: *якшыга сыж* - 'оказаться хорошим', *икегә айырыл* - 'разводиться', *буйга үс* - 'пойти в рост', *сәскәгә тумал* - 'затянуться в цветок', *емгә туйын* - 'наливаться (о колосе)' и т. п.

Управляющий глагол в некоторых случаях, особенно в синтаксических фразеологизмах, требует от зависимого слова определенной словообразовательной формы: *аңламағанга һалыш* - 'притвориться непонимающим', *йоклагангаһ алыш* - 'притвориться сиящим', *күңелһезлеккә бирел* - 'предаться унынию', *аптырашка жал* - 'быть в удивлении' и др.

Управление дательным падежом осуществляется также формой взаимного залога со значением соучастия в осуществлении данного действия: *агайга эшләш* - 'помогать работать брату', *бабайга күтәреш* - 'помогать старику', *атка һөйрәш* - 'помогать лошади тянуть', *әсәйгә бешереш* - 'помогать матери варить' и т. п.

Глаголы управляют и местным падежом. Это прежде всего глаголы, обозначающие действия, совершающиеся в определенных пространственных или временных пределах, а также выражающие состояние: *урманда йәшә* - 'жить в лесу', *урманда йөрө* - 'ходить в лесу', *һауала ос* - 'летать в воздухе', *өйҙә йокла* - 'спать дома', *тондә уян* - 'просыпаться ночью', *эштә бул* - 'быть на работе', *малайлыкта йәшә* - 'жить в работниках' *партизанлыкта йөрө* - 'партизанить, быть в партизанах'; *һы уза балыж йозалер, һыу һалкылын һизалер* (фольк.) 'Рыба в воде плавает, студеность воды чувствует'; *Хәйзәр әле ошо редакция бүлмәһенең д и в а н ы н д а йоклап йөрөй* (Ф. Исәнғолов) 'Хайдар сейчас ночует и а д и в а н е в этой редакционной комнате'.

Управление исходным падежом зависимых слов обуславливается характером лексического значения управляющего глагола. При этом выражаются объектные и обстоятельственные отношения. Исходным падежом управляют:

1) глаголы движения, предполагающие уточнение исходного пункта действия: *таузан төш* - 'спуститься с горы', *ерзән күтәрел* - 'подняться с земли', *урмандан сыж* - 'выходить из леса', *мәктәптән кайт* - 'возвращаться из школы', *тәҙрәнән кара* - 'смотреть из окна' и т. п.;

2) глаголы чувственного восприятия и познания, предполагающие наличие источника объекта: *буренән курк* - 'бояться волка', *кешенән биз* - 'устать от людей', *ауырыузан йөзә* - 'измучиться от болезни', *саф йөрәктән һөй* - 'любить от чистого сердца', *китаптан укы* - 'вычитать из книги', *кешенән бел* - 'узнать от людей' и др.; *А т а н а н курган ук юнган, и н ә н ә н курган тун теккән* (посл.) 'О т ц у подражающий стрелу наточит, м а т е р и подражающий шубу сошьет';

3) глаголы создания, предполагающие материал изделия: *аҫтаҫтан яһа* 'делать из дерева', *таштан Һал* 'строить из камня', *йөндән бәйлә* 'вязать из шерсти', *талдан үр* 'слетать из прутьев', *юкәнән иш* 'сплести из лыка', *баҡырҙан сүкә* 'чеканить из меди', *камырҙан бешер* 'испечь из теста';

4) глаголы движения, требующие указания места приложения действия: *арҡанан һой* 'гладить по спине', *билдән Һосакла* 'обнять за талию', *муйындан ал* 'хватать за шею', *аяҡтан эләктер* 'хватать за ноги', *еңдән тот* 'держат за рукав' и т. п.

Исходным падежом зависимого слова управляют также глаголы различной семантики, не составляющие определенной группы: *кешенән кур* 'подозреть кого-либо', *эсенән яфалан* 'мучиться от жары', *ғәзәттән арын* 'освободиться от привычки', *олонан башла* 'начать с большого, крупного', *эстән уйла* 'думать про себя', *карттан көл* 'насмеяться над стариком', *күлдәктән Һал* 'оставаться в рубашке' и т. п.

Управление исходным падежом зависит также от формы понудительного залога управляющего глагола: *оҫтанан эшләт* 'сделать, выполнить у мастера', *уҡыусынан яҙыр* 'заставить написать ученика'.

Описанные выше формы управления являются одиночными, когда глагол управляет лишь одной формой косвенного падежа зависимого слова. Двойным управлением обладает ограниченный круг глаголов.

Форм винительного и дательного падежей требуют переходные глаголы, обозначающие действия человека, имеющие отношения к другому лицу: *кешегә яҡшылыҡ телә* 'желать человеку добро', *Һатты кыҙға тапшыр* 'вручить письмо девушке', *йырҙы атайға бағышла* 'посвятить песню отцу', *буләкте эсәйгә тәғәйенлә* 'выделить подарок матери'; [Әптелмән бабай] *миңә үз башынан үткән хәл-ваҡиғаларҙы һойләне* (С. Кулибай) '[Абдулман бабай] рассказал мне то, что он сам пережил'.

В зависимости от характера своего лексического значения управляющий глагол может обуславливать постановку управляемых слов в форме винительного и исходного падежей: *Һарыкты буренән Һоткар* 'спасти овцу от волка', *имәндән шына яһа* 'сделать клин из дуба', *игенде уттан һаҡла* 'беречь хлеб от огня'; *Барығыз, оҫон етегеҙҙе үл кешенән безгең балыбыҙҙы ниңә ашамауын һорағыз, — тигән инә Һорт* (Фольк.) 'Летите, догоните того человека и спросите у него, почему он не стал есть наш мед, — сказала пчелка-матка'.

Управление глаголов характеризуется и вариативностью. Так, отдельные глаголы управляют синонимичными формами дательного и исходного падежей: *тауышһа уян* — *тауыштан уян* 'проснуться от шума', *аҫтан интек* — *аҫтан интек* 'мучиться от голода', *эсегә сыҙама* — *эсенән сыҙама* 'не выносить жары', *Һууыкһа шартла* — *Һууыктан шартла* 'лопаться от мороза', *елгә шаула* — *елдән шаула* 'шуметь от ветра' и т. п.

Полисемантические глаголы в разных значениях могут управлять различными падежными формами зависимых слов. Так, например, полисемичный глагол *Һал* 'остаться' обуславливает употребление форм исходного, дательного и местного падежей: *атанан Һал* 'лишиться отца', *өлөштән Һал* 'лишиться доли', *оятһа Һал* 'опозориться', *көлкөгә Һал* 'остаться в смешном положении', *өйҙә Һал* 'остаться дома', *Һар аҫтында Һал* 'остаться под снегом' и др.

УПРАВЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Существительные, выступающие в роли главного компонента словосочетания, управляют различными формами косвенных падежей зависимого слова. По разнообразию и степени употребительности данного типа связи существительные уступают глаголам. Тем не менее, управление существительных в башкирском и в других тюркских языках широко распространено.

Управление дательным падежом осуществляется:

1) когда управляемое слово обозначает адресат, т. е. название лица, кому предназначен конкретный предмет, действие предмета: *эсәйгә Һат* 'письмо

к матери', *жызыма бұлэк* 'подарок для дочери', *башжа бэлэ* 'беда на голову', *директорға телеграмма* 'телеграмма директору', *халыкка мөрәжәғәт* 'обращение к народу', *дуска сәләм* 'привет другу', *йырма моң* 'мелодия песни', *куршегә ярзам* 'помощь соседу' и т. п.;

2) когда управляемое слово имеет целевое значение, указывает назначение объекта по отношению к управляющему имени: *ағзалыкка кандидат* 'кандидат в члены', *һуғымға мал* 'скот на убой', *малға бесән* 'сено для скота', *тауыкка ем* 'корм для кур', *тәшләккә аш* 'еда на обед', *атка бесән* 'сено для лошади', *сәсеүгә орлоҡ* 'семена для посева', *улға кәләш* 'невеста для сына' и т. п.;

3) зависимое слово имеет пояснительное, конкретизирующее значение по отношению к управляющему слову: *аксаға мохтажлык* 'недостаток в деньгах', *аитка тоғролоҡ* 'верность клятве', *дуска ышаныс* 'доверие другу', *һиңә өмөт* 'надежда на тебя', *киләсәккә ынтылыш* 'стремление в будущее', *йөрәккә операция* 'операция на сердце' и т. п.

Управляемое слово оформлено исходным падежом, когда управляющее слово предполагает указание на исходный пункт, момент, источник, материал или лицо, от которого должен исходить другой предмет: *туғандарҙан сәләм* 'привет от родных', *минән бұлэк* 'подарок от меня', *һалдаттан хат* 'письмо от солдата', *малсылыктан килем* 'доход от животноводства', *ирҙән бәхетте бар* 'счастлива, имея мужа'.

Управление местным падежом: *ерҙә тыныслыҡ* 'мир на земле', *безҙә дуслыҡ* 'дружба у нас', *һауала йондоҙ*, *һыуҙа кондоҙ* 'на небе звезда, в воде бобер'; *Селтәрле лә батмуста сын-сынаҡ Әсмәбикәй* (фольк.) 'На узорчатом подносе чашки настоящие, Асмабика'; *Һинән башжа һиңә йәм юҡ, ят һыуҙарҙа бындай тәм юҡ* (Ф. Рамазанов) 'Без тебя нет мне радости, чужие воды не сладки'.

Существительные управляют формой родительного падежа местоимений: *миңең уй* 'моя дума', *һинең тормош* 'твоя жизнь', *уның эш насар түгел* 'его дела неплохи', *безең ер* 'наша земля', *һезең хәл* 'ваше положение', *уларҙың язмыш* 'их судьба'. Ср. также конструкции с послелогами: *миңең кеүек уҡытыусы* 'учитель как я', *һинең һымаҡ йырсы* 'певец как ты'; *Фәрит һымаҡ йырсы* 'певец как Фарит', *уның һаҡында мәкәлә* 'статья о нем', *китап һаҡында мәкәлә* 'статья о книге', *һезең тиклем ағай* 'дядя ростом с вас'. Форму родительного падежа при этих послелогах не принимает только личное местоимение 3-го лица мн. числа: *улар кеүек ир* 'мужчина как они'.

В аналогичных конструкциях с послелогами управляемое имя существительное с аффиксом принадлежности имеет форму основного падежа: *атайым кеүек уҡытыусы* 'учитель как мой отец', *Фәрит һымаҡ йырсы* 'певец как Фарит'.

Одной из наиболее распространенных именных конструкций, построенных по способу управления, являются сочетания двух имен, одно из которых имеет форму родительного или основного падежа (управляемое), другое — аффикс принадлежности 3-го лица (иногда — безаффиксальную форму). Эти именные конструкции в тюркских языках получили название второго или третьего изафета. Относительно способа связи в этих конструкциях имеются различные точки зрения¹.

В башкирском языке границы между II и III типами изафета, довольно подвижны, что затрудняет определение способа связи слов в конкретных случаях.

В оформлении данных конструкций большую роль играют семантические и речевые факторы, которые и определяют, в сущности, способ и форму связи компонентов словосочетаний. Поэтому прежде всего следует выделить

¹ А. Н. Баскаков усматривает в подобной связи согласование (Баскаков А. Н. Слово-сочетание в современном турецком языке. М., 1974). Е. Н. Убрятова, отмечая двусторонний характер отношения между определенным и определяемым, считает основным отношением определяемого к определению и выделяет данный вид как особый способ связи слов. (Убрятова Е. Н. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950).

те случаи, когда обязательно употребление определяющего слова в форме основного падежа, определяемого — с аффиксом принадлежности 3-го лица, а затем — другие случаи, показав соотношение разных типов связи.

II тип изафета, имеющий внешне единую структуру «существительное в основном падеже + существительное с аффиксом принадлежности», функционирует по-разному.

Основной падеж управляемого слова заменяет родительный падеж при следующих условиях:

1) если определение указывает назначение определяемого: *азык магазине* 'продуктовый магазин', *быраулау станогы* 'буровой станок', *икмәк бысагы* 'нож для резания хлеба', *йоко булмәһе* 'спальня', *класс булмәһе* 'классная комната', *кан тамыры* 'кровеносный сосуд', *сәс бәкәһе* 'бритва', *утын агасы* 'полено', *электр бағананы* 'электрический столб' и т. п.;

2) если определяющее слово указывает время, а определяемое его близительность или предел: *ай самаһы* 'около месяца', *азна тирәһе* 'с неделю', *йыл әйләнәһе* 'круглый год', *апрель айы* 'месяц апрель', *кәбисә йылы* 'високосный год', *аждаһа йылы* 'год дракона', *әзәбиәт азналағы* 'неделя литературы' и т. д.;

3) если определяемое слово выражает обобщенное родовое понятие, а определяющее — видовое: *ашау яғы яҡшы* 'кушанье неплохое', *болот әсәрә юк* 'нет ни облачка', *йоко кайғыһы китте* 'забота о сне пропала, сон пропал', *ир заты* 'из рода мужского', *һуз ынғайы* 'к слову' и т. п.;

4) если определяющее слово — производное существительное на -лык: *ағзалык взносы* 'членский взнос', *директорлык вазифаһы* 'директорская должность', *уҡытыусылык эше* 'учительская работа';

5) в названиях и наименованиях, когда определяющее слово является собственным именем или условным обозначением, а определяемый член представляет приложение: *Ашказар йылғаһы* 'река Ашкадар', *Кумертау калаһы* 'город Кумертау', *Салауат районы* 'Салаватский район', *«Берлек» колхозы* 'колхоз «Берлек»', *«Пионер» журналы* 'журнал «Пионер»', *«Жан» романы* 'роман «Кровь»' и т. п.

В указанных случаях постановка определяющего члена в форме родительного падежа вообще невозможна, ибо он в лексико-синтаксическом отношении больше тяготеет к адъективации, нежели к субстантивации.

Наряду со II типом изафета в современном башкирском языке функционируют словосочетания, где обязательна структура III изафета, т. е. с определяющим членом в форме родительного падежа и определяемым, имеющим аффикс принадлежности 3-го лица. Данная конструкция соотносится с категорией определенности / неопределенности, поэтому наличие аффикса родительного падежа в зависимом компоненте определяется не только семантическими факторами, но и контекстуально². Определяемое слово управляет формой определяющего, в то же время синтаксические отношения дополняются согласованием в лице.

Стержневой компонент обязательно требует форму родительного падежа зависимого слова в следующих случаях:

1) когда определяющее слово является именем собственным, а определяемое — названием произведения: *Ғ. Дәүләтшинаның «Ырғызы»* '«Иргиз» Х. Давлетшиной', *З. Исмағилевтең «Салауат» операһы* 'опера З. Исмагилова «Салават»' и т. п.;

2) когда между компонентами словосочетания устанавливаются выделительные отношения, при этом определяемое указывает часть, а определяющее — дробное множество: *ата-әсәләрҙең күбеһе* 'многие из родителей', *уҡытыусыларҙың береһе* 'один из учителей', *балаларҙың кайһылары* 'кто-то из детей', *һауынсыларҙың күпселеге* 'большинство доярок', *дустарҙың яңыһы* 'новый из друзей', *шағирҙәрҙең танылғаны* 'признанный из поэтов' и т. п.;

² В современном башкирском языке функционируют два словосочетания, где и определяющее и определяемое слово имеют аффиксы принадлежности; правда, в определяющем слове этот аффикс может и не быть: *көн(ө) буйы* 'весь день', *төн(ө) буйы* 'всю ночь'.

3) когда между определяемым словом и определяющим имеется еще и другое определение: *студенттарҙең кышкы каникулы* 'зимние каникулы студентов', *языусының яңы әсәре* 'новое произведение писателя', *илдең танылған кешеһе* 'человек, известный в стране', *кешенең рухи көсө* 'духовная сила человека'; *Ишембай ойок-ойокбаһ фабрикаһы — каланың алдыңғы предприятиеһе* (СБ) 'Ишембайская чулочно-носочная фабрика — передовое предприятие города';

4) когда определяющим компонентом является личное или указательное местоимение: *миңең эшем* 'мое дело', *һинең кызың* 'твоя дочь', *безҙең дуҫлығыбыҙ* 'наша дружба', *ошоноң озонлоғо* 'длина этого', *бының яртыһы* 'половина этого' и т. п.

Взаимозаменяемость II и III типа изафета определяется контекстуальными условиями. Она невозможна, когда имя обладателя имеет форму принадлежности — в этом случае определяющее слово употребляется только в родительном падеже: *атайымдың мылтығы* 'ружье моего отца'. Ср. также словосочетания, в которых синтаксически недопустима взаимозаменяемость и там, где определяющее существительное четко охарактеризовано с помощью контекста по категории определенности / неопределенности, в частности при наличии у него своего определения; ср. *ағас ботағы* 'сук дерева' — *теге ағастың ботағы* 'сук того дерева', *мәктәп директоры* 'директор школы' — *егерменсе мәктәптең директоры* 'директор двадцатой школы' и т. п.

В то же время в известных пределах допустима вариативность форм как определяющего, так и определяемого члена при отсутствии контекстуальных определителей у обоих компонентов: *Шәмси малайы* — *Шәмсиҙең малайы* 'мальчик Шамсия', *Рәшит эше был* — *Рәшиттең эше был* 'Это дело Рашита' — в первых двух случаях способ связи между компонентами является управлением, а в других вариантах управление переплетается с согласованием в лице. При варьировании формы второго компонента (определяемого слова с аффиксом принадлежности 3-го лица или без него) управление сопровождается примыканием. Если управляющее слово выступает без аффикса принадлежности, то постановка управляемого слова в форме родительного падежа обязательная, иначе вся конструкция потеряла бы отношения принадлежности и приобрела бы принципиально другой тип связи. Примеры: *Ғәзиздең хәле яҡшы* — *Ғәзиздең хәл яҡшы* 'положение Газица хорошее', *миңең тормошом* — *миңең тормош* 'моя жизнь', *атайың ғүмере* — *атайың ғүмер* 'жизнь отца', *Ғаяндың күңеле тыныс* 'душа у Гаияна спокойна', *безҙең өйөбөҙ* 'наш дом'.

Конструкция управляющего слова без аффикса принадлежности характерна преимущественно для разговорной речи, иногда она проникает и в письменную-литературную речь.

В языке очень часто функционируют комбинированные словосочетания, которые конструируются различными типами связи слов или же имеют в своем составе комбинацию нескольких однотипных связей: *КПСС-тың Киров райкомы бюроһы* 'бюро Кировского райкома КПСС', *Өфө калаһының партия активе йыйылышы* 'собрание партийного актива города Уфы', *филология факультете студенте* 'студент филологического факультета', *трактор бригадаһы бригадире* 'бригадир тракторной бригады'; . . . *Каршылағына Шаһизулланың атаһы Кәшифулла ағайың . . . һалам тубәле тәпәш өйө ултыра* (М. Кәрим) 'Прямо напротив крытый соломой низенький дом отца Шагидуллы Кашфуллы-ага'.

Изафетные конструкции в башкирском языке очень часто лексикализируются, в той или иной степени теряя живые синтаксические отношения между компонентами, и превращаются в цельные неразложимые лексические или фразеологические единицы.

УПРАВЛЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательные могут подчинять имена существительные, управляя формами дательного, исходного и других падежей. Данная группа словосочетаний по сравнению с глагольными и именными, построенными способом

управления, занимает более скромное место. Свойством управлять обладают качественные прилагательные, обозначающие внешние признаки лиц, предметов, явлений.

Наиболее распространенными являются словосочетания, построенные на управлении дательным падежом: *акылга эғиф* 'умственно неполноценный', *балтага оҫта* 'мастер по плотничеству', *буйға бәләкәй* 'ростом мал', *йәшкә оло* 'велик по возрасту', *күзгә насар* 'плохой зрением', *колакка каты* 'туг на ухо', *миңә кәҙерле* 'дорогое мне', *уҡыуға тырыш* 'старательный в учебе', *эшкә ипле* 'аккуратный в работе', *һеҙгә таныш* 'знакомый вам', *һүзгә шәп* 'мастер на слово'; *Өлкән ағай миңең атайға оҡшап, кәүзгә бик таза ине* (М. Кәрим) 'Мой старший брат, как и отец, ростом был очень высок'; *Шакир бәләкәстән үк эшкә сос малай* 'Шакир с малых лет проворный в работе мальчик'; *Бала эсгә бурыслы* (СБ) 'Ребенок обязан матери'.

Сравнительно менее употребительны словосочетания, где прилагательное управляет формой исходного падежа субстантивированных слов. Такие словосочетания выражают: 1) сравнение: *имәндән каты* 'тверже дуба', *йәшәүҙән кәҙерле ни бар донъяла?* 'что лучше жизни на свете?' *уттан эсе* 'жарче огня', *минән көслө* 'сильнее меня'; *Бөгөнгә йомортка иртәгәге тауыҡтан киммәтерәк* (посл.) 'Дорого яичко к христову дню' (букв. 'Сегодняшнее яйцо дороже завтрашней курицы'); 2) исходный момент или источник: *ирҙән бәхетле* 'счастливая мужем', *тормоштан кәнәғәт* 'довольный жизнью'; *Терпенең аяҡтары тыумыштан кәкере* (фолькл.) 'Ноги у ежа кривые с рождения'; *Быйыл көзгән һалҡындар башланды* 'В этом году с осени начались холода'.

Параллельной исходному падежу управляемого слова при прилагательном в сравнительных конструкциях может быть форма дательного падежа с послелогом *карағанда* 'по сравнению': *ағайынан көслө* — *ағайына карағанда көслө* 'сильнее брата', *минән ақыллы* — *миңә карағанда ақыллы* 'умнее меня', *айған яҡты* — *айға карағанда яҡты* 'светлее луны' и т. п.

УПРАВЛЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В современном башкирском языке сравнительно реже встречаются словосочетания, где роль управляющего слова выполняют числительные, в частности количественные, порядковые и собирательные.

Числительные управляют исходным падежом имен в словосочетаниях, выражающих выделение предмета, лица и т. п. Из общего ряда количества: *биштән бер* 'одна пятая', *ситтән өсөнсө* 'третий с края', *уңдан икенсе* 'второй справа', *йөзгән берәү* 'один из ста', *полктан өсәү* 'трое из полка'.

Количественные и собирательные числительные управляют также дательным падежом названий меры (количества и времени): *айға бер* 'раз в месяц', *йылға ике* 'два раза в год', *ғүмергә бер* 'раз в жизни', *меңгә берәү* 'один на тысячу', *йөзгә икәү* 'двое из ста', *көнөнә биш* 'пять раз в день', *алла ниңгә бер* 'изредка'. В таких словосочетаниях вместо дательного падежа в некоторых случаях может быть иногда местный падеж: *азнаға бер* — *азнала бер* 'раз в неделю', *көнгә бер* — *көндә бер* 'раз в день', *айына бер* — *айға бер* 'раз в месяц' и т. д.

Порядковые и собирательные, а иногда и количественные числительные управляют местным падежом: *районда беренсе* 'первый в районе', *калала берәү* 'единственный в городе', *ярышта икенсе* 'второй в соревновании'; *Һинең кеүек зифа, зирәк ауылда түгел, илдә бер* (фолькл.) 'Стройная, смышленная как ты, не в деревне, а в стране одна'.

УПРАВЛЕНИЕ НАРЕЧИЙ

Наречия управляют падежными формами существительных и субстантивированных слов, выполняя либо предикативную функцию, либо обстоятельственную.

Формой дательного падежа существительных, местоимений и субстантивированных частей речи управляют наречия, выражая меру или состояние: *йәнгә рәхәт* 'приятно душе', *күңәлгә ауыр* 'тяжело на душе', *хәзергә яхшы* 'пока хорошо', *миңә һәйбәт* 'мне хорошо', *һиңә күп* 'тебе много', *безгә оҙак* 'нам долго', *тыңлауға йәтеш* 'удобно для слушания', *йөрөгә яхын* 'для ходьбы близко', *эшкә шәп* 'спорный в работе', *тәүкарашһа ябай күренәү* 'казаться простым на первый взгляд' и т. п.

Наречия с временным и пространственным значением управляют формой исходного падежа именных частей речи: *ауылдан алыс* 'далеко от деревни', *безгән азак* 'позже нас', *кешенән оят* 'стыдно от людей', *өйзән бейек* 'выше дома', *тауыштан тизерәк* 'быстрее звука'; *Сәғидуллин, Идрисов менән булган вакифатан һуң, үзәрәнен өйөнә кайтты* (А. Карнай) 'Сағидуллин после случая с Идрисовым вернулся к себе домой'; *Малай атаһы менән эсәһенән дә былайыраҡ кыуанған* (фольк.) 'Мальчик обрадовался больше матери и отца'.

УПРАВЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ

Способностью управлять падежными формами субстантивированных частей речи обладают модальные слова в предикативном употреблении, в частности: *ярай* 'можно', *тейеш* 'положено', *кәрәк* 'нужно', *мөмкин* 'возможно', *бар* 'есть', *юк* 'нет', которые требуют формы дательного падежа управляемого слова: *безгә ярай* 'нам можно', *атаһыма кәрәк* 'отцу нужно', *ужытыусыға мөмкин* 'учителю можно', *һезгә тейеш* 'вам положено'; *Исәпкә бар, һанға юк* (посл.) 'Для счета есть, для числа на самом деле нет' и т. п.

Некоторые модальные слова управляют также и местным падежом: *миндә бар* 'у меня есть', *ерзә юк* 'на земле нет', *мәктәптә мөмкин* 'в школе можно', *кунакта ярамай* 'в гостях нельзя'; *Мунсала бар, өйзә юк, урманда бар, кырҙа юк* (загадка) 'В бабе есть, дома нет, в лесу есть, в поле нет'.

Таким образом, управление в башкирском языке характерно для ряда частей речи, особенно для глагола и имен. Оно занимает одно из центральных мест в синтаксической организации словосочетаний. Наиболее широко распространено управление дательным, исходным и местным падежами.

СОГЛАСОВАНИЕ

Согласование — это вид подчинительной связи, при котором оба компонента словосочетания имеют одинаковые морфологические показатели, в частности аффиксы лица и числа: *ужыусылар килһендәр* 'пусть ученики приходят', *ботәбез ҙә барайыҡ* 'давайте пойдем все', *үзегеҙ килегеҙ* 'приходите сами'. Такое согласование бывает только между подлежащим и сказуемым.

Кроме того, с известными основаниями согласование можно усмотреть в определительном словосочетании, первый компонент которого выражен местоимением в родительном падеже, а второй именем в соответствующей форме принадлежности: *миңең уҡыусым* 'мой ученик', *һинең улың* 'твой сын', *уның ғүмере* 'его жизнь', *безнең эшебез* 'наше дело', *һезнең кешеһеҙ* 'ваш человек', *уларҙың ҡараһы* 'их точка зрения' и т. п. Однако здесь согласования как такового нет, тем более что определяемое слово может быть употреблено без аффикса принадлежности, который при наличии определения-местоимения становится факультативным элементом: *безнең алдыбыҙға — безнең алда* 'впереди нас', *һезнең таһығыҙға — һезнең хакта* 'о вас', *миңең эргәмдә — миңең эргәлә* 'возле меня' и т. п.

ПРИМЫКАНИЕ

Примыкание — вид подчинительной связи, при котором зависимость одного слова от другого основывается на семантических отношениях, выражается исключительно их местоположением и синтаксической интонацией. Перемена места компонента словосочетания невозможна, — иначе будет меняться характер семантико-синтаксических отношений. Определение на-

ходится перед определяемым за исключением особых фразеологических случаев типа *атай мэртүм* 'отец покойный'.

Примыкание как вид синтаксической связи занимает в синтаксисе башкирского и других тюркских языков очень значительное место.

ИМЕННОЕ ПРИМЫКАНИЕ

Словосочетания, образованные при помощи именного примыкания, выражают атрибутивные, обстоятельственные и другие отношения и делятся на следующие подгруппы.

1. Два имени существительных, одно из которых является определением:

1) определяющее слово обозначает материал: *ағас калак* 'деревянная ложка', *алтын йөзөк* 'золотое кольцо', *таш күпер* 'каменный мост';

2) определяющее слово называет пол, возраст: *ир бала* 'мальчик' (букв. 'мужчина дитя'), *үгез бызау* 'теленок' (букв. 'бык теленок'), *бала этэс* 'молодой петух' (букв. 'ребенок петух');

3) определяющее слово характеризует определяемое через сравнение: *куй күз* 'баранья глаза', *уймак ауыз* 'маленький рот' (букв. 'наперсток рот'), *бүкән баш* 'большоголовый' (букв. 'чурбан голова');

4) определяющее слово обозначает профессию, должность, звание и т. п., а определяемое — личное имя: *врач Ғумаров*, *генерал Шайморатов*, *профессор Киекбаев*, *укытыусы Сәлим* 'учитель Салим'.

2. Существительные в форме основного падежа с соответствующими послелогами, а иногда и с модальным словом *тәйеиш*, примыкающие к:

1) существительным: *бажа тәйеиш кеше* 'человек, приходящий свояком', *сәкә кеүек кыз* 'девушка как цветок', *фән буйынса урынбасар* 'заместитель по науке';

2) прилагательным: *таш кеүек каты* 'твердый, как камень', *такта һымак такыр* 'ровный, как доска', *бүре һымак усал* 'злой, как волк';

3) глаголам: *ат кеүек сабыу* 'бегать как лошадь', *кош һымак осоу* 'летать как птица', *юл менән атлау* 'шагать по дороге', *кәләм менән языу* 'писать карандашом', *кеше тураһында кайғыртыу* 'заботиться о человеке', *ил өсөн һуғышыу* 'воевать за страну', *кәмә менән йөрөү* 'кататься на лодке' и т. п.

3. Существительные в форме дательного падежа с послелогом, примыкающие к глаголам: *йөзгә тиклем йәшәү* 'жить до ста лет', *дилгә каршы көрәшеү* 'бороться против религии', *станцияға тиклем озатыу* 'проводить до станции', *урманға табан атлау* 'шагать к лесу', *күлгә карай барыу* 'идти по направлению к озеру', *һуғышка бәйлә вақиға* 'событие, связанное с войной'.

4. Существительные в форме исходного падежа, примыкающие к глаголам с помощью некоторых послелогов: *көзгән бирле ауырыу* 'с осени болеет', *таңдан бирле гәүләй* 'с зари гудит' и др.

5. Имена действия на -(ы)у/-(ә)ү, примыкающие к глаголам посредством послелогов: *барыу менән языу* 'написать сразу после приезда', *күреү өсөн тырышыу* 'стараться, чтобы увидеть', *каршылау өсөн әзерләнеү* 'готовиться к встрече', *сакырыу тураһында уйлау* 'думать о приглашении', *һөйләшеү буйынса килеү* 'прийти по договоренности'.

6. Прилагательное с определяемым существительным, при этом определение может состоять из одного слова или быть развернутым: *бейек йорт* 'высокий дом', *экономик бәйләнеш* 'экономическая связь', *урман ситендәге имән* 'дуб на опушке леса', *тау башындагы таш* 'находящийся на вершине горы камень', *көлтә койрок толкө* 'лиса с пушистым хвостом', *бүре күҙ Сәфәр* 'Сафар с волчьими глазами'.

7. Прилагательное, определяющее прилагательное: *кара ала* 'темно-пестрый', *ал кызыл* 'алый', *акһыл йәшел* 'светло-зеленый' и т. п.

8. Числительное, определяющее существительное: *беренсе класс* 'первый класс', *ике дуҫ* 'два друга', *өс көн* 'три дня'; перед существительным может стоять прилагательное: *дүрт ала жаз* 'четыре пестрых гуся'; числи-

тельное может примыкать и к глаголам: *ике килеу* 'приходить дважды', *бер эйтеу* 'сказать один раз'.

9. Местоимения в форме родительного падежа с некоторыми послелогоми, примыкающие и определяющие существительные (*минең кеуек ир* 'мужчина, как я', *һинең кеуек кеше* 'человек, как ты') и прилагательные (*уның һымак тырыш* 'старательный, как он', *һинең һымак аҡыллы* 'умный, как ты', *бының һымак кыйыу* 'смелый, как этот').

Местоимения с послелогоми могут примыкать к глаголам: *безең өсөн жайғырма* 'не горюй за нас', *минең кеуек тырыш* 'старайся как я', *һезрең тахта һөйләштем* 'говорил о вас'.

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРИМЫКАНИЕ

Глаголы определенных лексико-грамматических разрядов выступают в роли определителей и примыкают к различным группам слов. При этом возникают обстоятельственные и пояснительно-конкретизирующие отношения.

Глагол в форме инфинитива на *-рга*³ примыкает: 1) к существительным: *жайтырга вакыт* 'пора возвращаться', *китергә приказ* 'приказ уехать', *кейергә итек* 'сапоги, чтобы обувать'; 2) к наречиям: *йокларга иртә* 'спать (еще) рано', *жайтырга һуң* 'возвращаться (уже) поздно', *барырга озақ* 'идти далеко'; 3) к спрягаемым глаголам: *йөрөргә ярат-* 'любить ходить', *эшләргә телә-* 'хотеть работать', *барырга йыйын-* 'собираться поехать', *киптерергә эл-* 'повесить сушиться'; 4) к модальным словам: *күрергә тейеш* 'должен видеть', *ашарга бар* 'есть (что) покушать'.

Причастия различных форм связываются с определяемыми существительными также способом примыкания, выражая атрибутивные отношения: *бараһы ер* 'место, куда необходимо пойти', *күрәһе кеше* 'человек, которого надо видеть', *килер кеше* 'человек, который должен прийти', *оскан кош* 'летающая птица', *тыуган ауыл* 'родная деревня', *ишеткән хәбәр* 'услышанная весть', *барасаң кеше* 'человек, который должен пойти', *һөйләгәң телмәр* 'речь, которая должна быть произнесена' и т. п.

Крайне редко встречаются в словосочетаниях в роли примыкающего определения архаичные причастия на *-мыш/-меш*: *ишетмеш хәбәр* 'услышанная от кого-то весть'.

Деспричастия примыкают к глаголам⁴, при этом возникают обстоятельственные отношения: *кысқырып һөйләу* 'громко говорить', *касып котолоу* 'спастись бегством', *кабалаңмай атлау* 'шагать не торопясь', *аңламайынса һөйләу* 'говорить, не понимая', *югерә-югерә арыу* 'устать от долгого бега', *күрмәй үтеу* 'пройти не видя', *һуңламай килеу* 'прийти не олаздывая' и т. п.

НАРЕЧНОЕ ПРИМЫКАНИЕ

Наречия соединяются с другими словами также способом примыкания. При сочетании их с глаголами возникают обстоятельственные и обстоятельно-характеризующие отношения: *аяғурә баһу* 'встать на ноги', *баһка килмәу* 'больше не приходить', *айырым йәшәу* 'жить отдельно', *озақ һөйләшеу* 'долго разговаривать', *күп беләу* 'много знать'; *Бергә йәшәу күңелле*; *бергә йәшәп, шат үткәрәйек сәскә кеуек гүмерзе* (фолькл.) 'Жить вместе весело; живя вместе, радостно проведем нашу цветущую жизнь'.

Примыкая к прилагательным и другим наречиям, наречия выражают уточнительно-характеризующие отношения: *артык күп* 'очень много,'

³ В разговорной речи в роли примыкающего слова выступают также инфинитивные глаголы на *-маң/-мәң*, *-маға/-мәға*: *күрмәгә матур* 'красивый на вид', *жараматка һайбат* 'хороший на вид' и т. п.

⁴ Примыкающие деспричастия с подчиняющимися словами по форме сходны со сложными глаголами, где живые синтаксические связи уже потеряны. Они рассматриваются в разделе «Словообразование», например, *алып барыу* 'отнести', *килә ятыу* 'идти', *тошонеп алыу* 'повясть' и т. п.

бер аз киммэт 'дороговато', *бөтөнләй буи* 'совсем пусто', *ғажәт һайбәт* 'удивительно хорошо', *иртәгә иртәнсәк* 'завтра утром', *мәңге бергә* 'вечно вместе', *тик русса* 'только по-русски', *ифрат куңелле* 'очень веселый', *тиз йөрөшлө* 'скорый', 'быстроходный', *хайран тыңлаулы* 'очень послушный', *һамап да йәш* 'все еще молод' и т. п.

При прамыкании наречий к существительным возникают пояснительно-конкретизирующие отношения, *байтаж кеше* 'изрядное число людей', *озаҡ ваҡыт* 'длительное время', *күп йыл* 'много лет' и т. п.

В современном башкирском языке довольно часто употребляются сложные определения, связанные двойным примыканием: *арыш аралаш бойзай* 'шеница, смешанная с рожью', *кар катыш ямғыр* 'дождь со снегом'.

Различные способы связи слов могут быть даже в пределах одного словосочетания, не говоря уже о предложении. Например: *һүҙенә тоғро ир* 'мужчина, верный своему слову' (управление и примыкание), *яҙға табан яуған кар* 'снег, выпавший к весне' (управление и примыкание).

Примыкание, как способ связи слов, широко используется и для выражения некоторых морфологических категорий и для образования сложных лексических единиц: *ғәлмән алғанда* 'вообще', *һис һүҙһеҙ* 'безусловно', *муһыйл кара* 'черный, как черемуха', *сейә кызыл* 'вишнево-красный', *алтын һары* 'золотисто-желтое'; *киләсәк заман* (лингв.) 'будущее время', *ике туган күстә* 'двоюродный брат (младший)'.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание — это неопределяемая (в отличие от слова), самостоятельная синтаксическая единица, лишенная коммуникативной значимости, предикативности и модальности, т. е. основных признаков предложения, и тем отличающаяся от него. В качестве коммуникативной единицы словосочетание может быть реализовано только в зависимости от речевой ситуации. Вне предложения некоторые разряды словосочетаний могут выполнять и номинативную функцию, характерную для отдельного слова.

Словосочетание состоит из двух и более знаменательных слов, соединенных на основе подчинительной связи (управления, согласования, примыкания); в нем обязательно наличие грамматически главенствующего и зависимого членов, между которыми устанавливаются различного рода отношения.

В языке существуют потенциальные модели сочетаемости слов, определяемые лексико-семантическими и грамматическими факторами, которые выступают в конкретной речевой ситуации в виде комбинации различных слов и словосочетаний. В предложении словосочетания реализуются как сочетание двух и более членов предложения, нередко — в качестве одного неделимого его члена.

Словосочетания классифицируются с различных точек зрения. По степени семантической спаянности компонентов словосочетания подразделяются на свободные и несвободные. Последние представляют принципиально иной уровень семантического развития и являются предметом описания в разделе лексикологии и фразеологии.

Словосочетание, как собственно синтаксическая единица, является в принципе только свободным, хотя в его рамках слово может быть реализовано и в несвойственном ему новом или обновленном, но потенциально возможном значении. При этом синтаксические связи между компонентами сохраняются. В составе словосочетания слово реализуется только в одном из своих значений (если оно многозначно).

Значительные затруднения вызывает отнесение некоторых типов словосочетаний к свободным или несвободным, в особенности словосочетаний терминологического порядка, имеющих характер цельной номинации. Наибо-

лее надежным критерием при их разграничении следует считать связанность значений компонентов словосочетания с исходным значением, если даже словосочетание в целом приобрело несколько видоизмененное значение и стало номинативной единицей. Например, в словосочетаниях *ат караусы* 'конюх', *мал караусы* 'скотник' и т. п. оба компонента сохраняют связь с исходным значением: *ат* 'конь', *мал* 'скот', *караусы* 'тот, кто присматривает, ухаживает'. Хотя в сочетании они обозначают единое понятие, их компоненты в том же значении используются и отдельно.

Сложные числительные строятся на постпозитивном примыкании определения¹. Такая структура словосочетаний наблюдается в синтаксисе других тюркских языков лишь в отдельных случаях, т. е. в конструкциях типа «имя собственное + определение-приложение, обозначающее родство, старинный титул»: *Ғәли ағай* 'Гали агай', *Сәлим мулла* 'Салим мулла'.

Имеются не менее веские основания для отнесения сложных числительных к разряду сложных слов: во-первых, их компоненты в отрыве друг от друга лишены раздельного осмысления; во-вторых, их сочетание дает относительно автономное новое нечленное номинативное лексическое значение, обычно выражаемое отдельным словом, например: *ике тиштә* 'два десятка' — *егерме* 'двадцать', *ос тиштә* 'три десятка' — *утыз* 'тридцать' и т. п.; в-третьих, компоненты не допускают ни разъединения (что возможно в словосочетаниях), ни перестановки их местами без нарушения данного сочетания и его смысла; в-четвертых, сочетание функционирует на правах предельной составляющей словосочетания или предложения².

Процесс образования сложных слов в языке находится в постоянной динамике, поэтому вполне закономерно существование промежуточных образований, которые по ряду качеств можно было бы отнести и к словосочетаниям, и к сложным словам. В особенности это касается словосочетаний типа *баш кала* 'столица', *бала сак* 'детство', *биш йыллыҡ* 'пятилетка, пятилетний' и некоторых других — их компоненты пишутся то слитно, то раздельно.

По составу и соотношению компонентов словосочетания принято делить на простые и сложные, хотя под этими терминами понимаются весьма различные конструкции, что свидетельствует об отсутствии единства в определении границ словосочетания³.

Простым следует считать словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов. Соответственно сложным можно назвать такое словосочетание, которое включает в себя три и более членов. Однако понятие сложных словосочетаний требует некоторых уточнений. В этот круг иногда вовлекаются словосочетания, распадающиеся на простые, но не представляющие собой единое целое. Среди сложных словосочетаний различаются четыре вида⁴.

1. Словосочетания, построенные по дихотомическому принципу с последовательным подчинением и отличающиеся от простого словосочетания главным образом тем, что здесь подчиненное слово, непосредственно соподчиненное с грамматически главенствующим словом, имеет при себе зависимый член: *матур сәскә* 'красивый цветок' — *биш матур сәскә* 'очень красивый цветок', *шатлыҡлы хәбәр* 'радостная весть' — *кисәге шатлыҡлы хәбәр*

¹ Проспект «Грамматики современного башкирского литературного языка». Сост. А. А. Юлдашев. Уфа, 1974, с. 74.

² Там же, с. 74.

³ Многие тюркологи, как и исследователи синтаксиса русского языка, в состав словосочетаний включают сочетания только двух знаменательных слов. См., например: *Закеев М. З.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1951, с. 108—110; Современный татарский литературный язык (Синтаксис). М., 1972, с. 82—84; *Ғабек тили грамматикаһы*, т. 2. Ташкент, 1976, с. 29; *Прокопович Н. Н.* Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974, с. 70—71 и др.; А. Н. Баскаков, наоборот, включает в круг словосочетаний и конструкции с знаменательным словом и послелогом — см.: *Баскаков А. Н.* Указ. соч., с. 28—29. — Несколько иную точку зрения высказала Е. И. Убрятова. — см.: *Убрятова Е. И.* Указ. соч., с. 76—79.

⁴ Проспект «Грамматики. . .», с. 75.

‘вчерашняя радостная весть’, *ботә калага билдәле кеше* ‘известный всему городу человек’.

2. Словосочетания с замкнутой группой подчиненных слов, ни одно из которых не может самостоятельно соотноситься с главным словом в отрыве друг от друга, хотя само словосочетание и строится по дихотомическому принципу с последовательным подчинением: *ике тапкыр герой* ‘дважды герой’, *калай түбәле йорт* ‘дом с жестяной крышей’, *өс көнлөк юл* ‘трехдневная дорога’, *үзе йөрөшлө комбайн* ‘самоходный комбайн’, *бер нисә йыл йәшә* ‘жить несколько лет’, *йөрәк йылыһыл һууһыуға кәһәз* ‘бессильный охладить был сердца’, *халык менән тулы зал* ‘зал, полный народа’ и т. п.

3. Словосочетания с двумя или более соподчиненными зависимыми членами, каждый из которых порознь и непосредственно подчинен одному и тому же грамматически главенствующему члену: *Бабайҙан улы тураһында һораһа* ‘Она расспрашивает старика о своем сыне’; *Батырҙы ҡырҙан эҙләмәһез* ‘Не ищите батыра на стороне’; *ҡамырға май ҡушыу* ‘добавить масло в тесто’.

4. Словосочетания, в которых один из перечисленных принципов их построения сочетается с другим⁵: *Киләһе йәкшәмбелә урманға сығабыҙ* ‘В следующее воскресенье выходим в лес’; *Безҙең дивизияға ярайһы уҡ ауыр бурыс йөкмәтелде* (СБ) ‘На нашу дивизию была возложена довольно трудная задача’; *Ауылдың бер мәрхәмәтле кешене эбей менән бабайға бер тауыж менән этәс бүләк иткән* (фольк.) ‘Один сострадательный человек из деревни подарил старухе и старику курицу и петуха’.

По грамматически главенствующему члену словосочетания делятся на две большие группы — именные и глагольные. Дальнейшее дробление словосочетаний проводится по лексико-грамматическим признакам главного и зависимого (или зависимых) слова, а также по грамматической структуре зависимых компонентов.

ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

По характеру отношений между компонентами именные словосочетания подразделяются на атрибутивные с качественным или количественным определением, притяжательные и объектные словосочетания.

В атрибутивных словосочетаниях с качественным или количественным определением связь между компонентами осуществляется путем их соположения. В зависимости от характера определяющего члена простые именные словосочетания имеют следующие структурные разновидности⁶.

1. «Существительное в значении прилагательного + существительное». Оба компонента выступают в форме основного падежа. Такая структура является наиболее распространенной и в зависимости от лексического значения обоих компонентов, их местоположения членится еще на несколько подгрупп.

1) $C_{н1}$ в значении прилагательного + $C_{н1}$. Определяющий член может иметь самую различную семантику (обозначать материал, профессию, пол, возраст, форму, время, пространственное положение определяемого предмета): *көмөш тәңкә* ‘серебряная монета’, *күрше йорт* ‘соседний дом’, *байрам көн* ‘праздничный день’, *тәңкә ҡар* ‘снег хлопьями’, *ҡыз бала* ‘девочка’, *хужа ҡатын* ‘женщина хозяйка’, *тракторсы ҡыз* ‘трактористка’ и т. д.

Этот тип словосочетаний не допускает перестановки определяемого и определяющего, так как при перестановке меняется характер отношения между ними и интонация, словосочетание превращается в предложение. Вместе с тем в башкирском языке встречаются пережиточные конструкции, в ко-

⁵ Там же, с. 75, 76.

⁶ В моделях приняты следующие сокращения: существительное — С, имя нарицательное — и, имя собственное — сб, прилагательное — П, местоимение — М, числительное — Ч, глагол — Г, причастие — Пр, депричастие — Дпр, основной падеж — 1, родительный — 2, дательный — 3, винительный — 4, исходный — 5, местный — 6, аффикс принадлежности 3-го лица — л, послелог — посл.

торых наблюдается постпозитивное употребление определяющего слова, выражающего особо почтительное отношение: *атай мэрхүм* 'покойный отец', *олатай багыр* 'бедный дедушка' и т. п.

2) $C_{n1} + C_{с01}$. Определяющий член обозначает должность, звание, прозвище, формулу обращения, определяемый член — личное имя или фамилию: *иптэш Махмутов* 'товарищ Махмутов', *инженер Галиев* 'инженер Галиев', *композитор Заһир Исмағилев* 'композитор Загир Исмагилов' и др.

Такая структура возникла скорее всего под влиянием русского языка. Наиболее характерной была постановка определяющего члена после личного имени: *Азат ағай* 'дядя Азат', *Банат апай* 'тетя Банат', *Ғәлимә ханым* 'Галима ханум', *Хисам жоза* 'сват Хисам', *Хэйзәр старшина* 'старшина Хайдар', *Таймас һунарсы* 'охотник Таймас' и т. п.

2. «Прилагательное + существительное». Определяющий член может быть производным и непроизводным, перестановка компонентов не допускается. Определение характеризует различные свойства предметов, внешний вид, положение в пространстве и т. д.: *аж кағыз* 'белая бумага', *йомшак кар* 'мягкий снег', *үткер жылыс* 'острая сабля', *һимез ит* 'жирное мясо', *диалектик бэйләнеш* 'диалектическая связь', *бикле ишек* 'запертая дверь', *иртәгәһе көн* 'завтрашний день', *кәзәрле кунак* 'дорогой гость', *якындағы урман* 'ближайший лес', *қояшың көн* 'пасмурный день' и т. п.

В качестве определяющего члена выступает и производное прилагательное с аффиксом уподобления: *арысландай ир* 'мужчина, как лев', *гәрәбаләй иген* 'отборное зерно', *диңгеззәй күл* 'озеро, как море', *йылдай көн* 'день долгий, как год'.

3. «Причастие + существительное». В качестве определения могут выступать все формы причастий: *үткән көн* 'прошедший день', *килер кеше* 'человек, обязанный прийти', *буласак механизатор* 'будущий механизатор', *хәрәкәтләнүсә механизм* 'движущийся механизм' и др.

Практически все субстантивированные части речи могут быть применены определениями и образовать двухчленные словосочетания, связываясь с определяемым словом способом примыкания в форме основного падежа.

В качестве определяющего члена непритяжательных словосочетаний выступают существительные в форме косвенных падежей, при этом способом связи является управление.

Средством связи двух существительных в форме основного падежа выступают послелог *буйынса* 'по', *өсөн* 'за', *тураһында* 'о, об', *кәзәрле, саклы, тиклем* 'как, равно' (C_1 посл. + C_1): *көрәш буйынса ярыш* 'соревнование по борьбе', *сәнғәт буйынса белгес* 'специалист по искусству', *югерү буйынса беренселек* 'первенство по бегу', *өлгөрөш өсөн көрәш* 'борьба за успеваемость', *ер өсөн дау* 'спор за землю', *дуҫ тураһында һүз* 'слово о друге', *ил тураһында йыр* 'песня о стране', *кеше хакында хәстәрлек* 'забота о человеке', *йозрок хәтле таш* 'камень с кулак', *ашьяулыҡ тиклем ер* 'земля величиной со скатерть' и т. п.

В конструкциях с двумя существительными послелог *тиклем* 'как, равно, с'; *тоҫлә, кеүек* 'подобно, как' могут быть заменены аффиксом уподобления *-дай/-тай, -зай, -лай*: *алтын тоҫлә бал* — *алтындай бал* 'мед, как золото', *шар һымак күз* — *шарзай күз* 'глаза круглые, как шар', *башмак хәтле эт* — *башмактай эт* 'собака с годовалого теленка'.

Определяющее слово в форме дательного падежа связывается с определяемым посредством послелога *бәйлә* (C_3 посл. + C_1): *аксаға бәйлә эш* 'дело, связанное с деньгами'. Данная конструкция может быть заменена синонимичной группой словосочетания с послелогом *менән* и причастием на *-ған*: *балаға бәйлә хәл* — *бала менән бәйләнгән хәл* 'положение, связанное с ребенком'.

Словосочетания с определяемыми в форме дательного падежа ($C_3 + C_1$) более употребительны в газетных заголовках, названиях, часто встречаются в пословицах: *белемгә ынтылыш* 'стремление к знаниям', *ололарға ихтираам* 'уважение к старшим', *хезмәткә дан* 'слава труду', *влаккә хокук* 'право на власть', *колхозға ярҙам* 'помощь колхозу', *дәүләткә иген* 'хлеб госу-

дарству', *санаторийгә путевка* 'путевка в санаторий', *Халыкка куберәк картоф һәм йәшелсә!* (СБ) 'Больше картофеля и овощей населению!'

В качестве подчиненного члена могут выступать субстантивированные именные части речи: *һиңә бахет* 'счастья тебе', *һезгә тыныслыҡ* 'покоя вам', *якшыға якшылык* 'доброму доброе' и т. п.

Конструкция $C_5 + C_1$ встречается реже по сравнению с предыдущей, но является достаточно типичной для синтаксиса современного башкирского языка: *игенселектән килем* 'доход от зерновых культур', *картофтан бәләш* 'пирог из картофеля', *тубыктан кар* 'снег по колено', *дустарҙан сәләм* 'привет от друзей', *әсәрҙән өзөк* 'отрывок из произведения'.

Определяющее слово здесь характеризует определяемое как обозначающее исходный пункт, материал, меру и т. д.

Притяжательные именные словосочетания подразделяются на два вида:

1. «Существительное в форме основного падежа + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица» ($C_1 + C_3$). Это весьма распространенный тип словосочетаний, где первый компонент может вступать со вторым в самые различные семантические отношения: *бойҙай бөртөгө* 'зерно пшеницы', *карағай урманы* 'сосновый лес', *яҙ кояшы* 'весеннее солнце'.

2. «Существительное в форме родительного падежа + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица» ($C_2 + C_3$). В данную группу условно объединяются все словосочетания, определяющая часть которых выражается именными частями речи, а определение является только существительным: *аштың тоҙо* 'соль для супа', *кулдың көсө* 'сила руки', *кемдең улы* 'чей сын'.

Определяемое обозначает субъект действия (производное существительное), определяющее — объект действия: *аш бешереүсө* 'повар', *кейем бәсеүсө* 'закройщик', *хат яҙыусы* 'пишущий письмо'.

Объектные именные словосочетания (или словосочетания с глагольным определением) наиболее активно представлены сочетанием с инфинитивной формой глагола на *-(ы)рға*: *бәйләнергә сәбәп* 'причина придраться', *йәшәргә шарт* 'условия жить'; *Бөгөн безгә ғәжәри кейем менән сығырға приказ булғайны* (Д. Юлтый) 'Сегодня нам был приказ выходить в военной форме'.

Инфинитив на *-(ы)рға* со своим определяемым может сочетаться при помощи служебных слов *тигән, тейеш*: *бөтөрөгә тигән бойорок* 'приказ закончить', *көтөргә тигән һүз* 'слово ждать', *килергә тейеш кеше* 'человек, который должен прийти', *тапшырылырға тейеш иген* 'хлеб, который нужно сдать' и т. п.

СЛОЖНЫЕ ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Комбинации слов в языке очень многообразны, но обычно описываются их наиболее типичные сочетания. В современном башкирском языке функционируют словосочетания, весьма различные как по количеству, так и по форме.

1. $(C_1 + II) + C_1$. В качестве первого компонента подобных трехчленных словосочетаний могут выступать имена собственные и нарицательные, прилагательные, числительные, а второй член, с которым объединяется первый в качестве единого определения третьего члена, всегда является производным прилагательным (чаще на *-лы*, обозначающим наличие, обладание качеством, *-дағы/-дәге* и др.): *Азамат исемле егет* 'парень по имени Азамат', *Салауат исемендәге кинотеатр* 'кинотеатр имени Салавата', *Нина етәк-селегендәге отряд* 'отряд под руководством Нины', *һөйәк һаплы бәкә* 'пожик с костяной рукояткой', *ебәк күлдәкле кыз* 'девушка в шелковом платье', *алсаҡ йөзлә катын* 'женщина с приветливым лицом', *биш катлы йорт* 'пятиэтажное здание', *тулы хожуклы хужа* 'полноправный хозяин'; *Үзәренән утыз сакрымдарзағы ауылда укыған еренән кунакка кайтжайны* (Ғ. Дәүләтшина) 'Он приехал в гости из деревни, (где они учатся) находящейся от них в тридцати километрах'; *Алты көбәкле миномёттар* (И. Физатуллин) 'Шестиствольные минометы'.

Данная конструкция может осложняться постановкой к определяемому слову дополнительного параллельного определения, выраженного числительным, прилагательным, местоимением, и соотнесенного непосредственно с ним наряду с первым определением, составляющим по существу самостоятельное определительное словосочетание: *арткы рэттэге бер катын* 'одна женщина из заднего ряда'; *Галиэ исемле таныш кыз* 'знакомая девушка по имени Галия'.

В словосочетаниях такой же структуры, но с корневым прилагательным, обозначающим цвет, распространение определительной части не допускается. В данном случае достигается концентрированное выражение цветового признака предмета: *кан кызыл сәскә* 'красно-красный цветок', *ут йәшел келәм* 'травяно-зеленый ковер' и т. п.

2. $(C_2 + П) + C_1$. Первый компонент выражается существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица, а второй, объединяющийся с первым в единое определение, — прилагательным, обозначающим качественный признак. Фактически этот тип словосочетаний является синонимичным с предыдущим и в ряде случаев выступает структурным вариантом определенных групп словосочетаний типа $(П + П) + C_1$: *буый озон егет* 'парень с высоким ростом', *сәсе кара кыз* 'черноволосая девушка' — *кара сәсле кыз* 'девушка с черными волосами'.

3. $(Ч_1 + C_1) + C_1$. Определительная группа, состоящая тоже из двух слов, обозначает меру определяемого предмета, поддающегося подсчету, измерению и т. п.: *бер бау һуған* 'одна связка лука', *биш сынаяк сәй* 'пять чашек чая', *ике килограмм шәкәр* 'два килограмма сахара', *өс косак бесән* 'три охапки сена', *өс сәғәтлек юл* 'трехчасовая дорога', *бер бешерем ит* 'мясо на одну варку' и т. п. Первый компонент в некоторых случаях может быть выражен и прилагательным: *һуңғы йотом сәй* 'последний глоток чая', *тәүге кабым икмәк* 'первый кусочек хлеба' и др.

Допускается осложнение определительной группы новыми определениями: *ике килограмм шәкмаклы шәкәр* 'два килограмма комкового сахара', *йөз баш дебетле кәзә* 'сто голов коз, дающих пух'.

4. $(П + C_2) + C_1$. Второй компонент стабилен по форме, первый, выступающий с ним в единстве как одно определение, может быть выражен прилагательным, числительным и местоимением: *бәтә күңелдән һөйөү* 'любовь от чистого сердца', *ысын йөрәктән сәләм* 'чистосердечный привет', *ихлас күңелдән котлау* 'сердечное поздравление' и т. п. По структуре данный тип напоминает эллипсоидную форму словосочетаний с причастием, которое легко может быть восстановлено, например: *саф йөрәктән әйтелгән һүз* 'слово, сказанное от чистого сердца'.

5. $(C_2 + Пр) + C_1$. Довольно распространенный тип словосочетаний, первый компонент которых, состоящий из двух слов, обозначает 1) материал: *кайыштан үрелгән сыбырткы* 'сплетенный из ремня кнут', *таштан һалыңган койма* 'сложенный из камня забор', 2) исходную точку, направление: *ерзән күтәрелгән дым* 'поднимающийся из земли пар', *көнсыгыштан искән ел* 'дующий с востока ветер', 3) составную часть: *йәштәрзән тозалгән команда* 'команда, состоящая из молодежи', *сәскәләр менән бизәлгән сәхнә* 'сцена, разукрашенная цветами'.

Определительная часть, составленная из двух слов, в свою очередь, может осложниться введением новых определителей: *шыыйк талдан үрелгән кәрзин* 'корзина, сплетенная из гибких прутьев'.

6. $(C_2 + П) + C_1$. Первым компонентом определительной группы данного типа словосочетания может быть существительное и любая субстантивированная часть речи (прилагательное, местоимение, числительное, имя действия): *балаларға хас фәзәт* 'привычка, присущая детям', *кешегә билдәле вақиға* 'событие, известное людям', *көнгә асык як* 'сторона, открытая солнцу', *күңелгә ятышлы эш* 'дело по душе', *өскә яқын һан* 'число, близкое к трем', *революцияға тиклемге осор* 'дореволюционный период', *һиңә таныш кеше* 'знакомый тебе человек' и др. Субстантивированная часть словосочетания может расширяться за счет новых определений: *күп кешегә билдәле яңылыҡ*

'новость, известная многим людям', *лектэн безгә якын дуҫ* 'друг, близкий нам давно'.

Данная модель словосочетания может быть заменена синонимичной ей конструкцией существительного в основном падеже с послелогом *менән* 'с': *балалар өсөн хас ғәзәт* 'привычка, присущая детям', *кешеләр өсөн билдәле яңылык* 'новость, известная людям'; *Цейтлер безгә кунактар өсөн тағәйенләнгән урындарга ултырта* (М. Кәрим) 'Цейтлер сажает нас на предназначенные для гостей места'.

7. (П + П) + С₁. Определительная группа состоит из двух прилагательных, первое из которых характеризует второе, но в целом оба определения неотделимы в составе словосочетания: *йомшак күңелле карт* 'мягкосердечный старик', *кыҫка буйлы кеше* 'человек не высокого роста'; *Озон урамлы, сиртмәле койоло бер ауылға ингәндә, ағай дүртенсе тапкыр шул күзгә җабатланы* (С. Агиш) 'Когда въезжали в деревню с длинной улицей и колодезем с журавлем, дядя в четвертый раз повторил то же слово'.

Первое определение в данной модели может выражаться относительным прилагательным с послелогам *кеүек*, *һымак*, *шикелле*: *таузағы һымак таш* 'большой камень, как на горе', *кисгәге кеүек көслә йәшен* 'сильная, как вчерашняя, гроза' и т. д.

8. (С₄ + П) + С₁. Данная модификация менее употребительна по сравнению с предыдущими. Первый член определительной группы является прямым объектом в форме винительного или основного падежей, а второй — производное прилагательное от имени действия: *йәштәрҙе тәрбиәләүгәге етешһезлектәр* 'недостатки в воспитании молодежи', *йорт һалыузағы яңылыктар* 'нововведения в строительстве домов', *игән сәсәүгәге кыйынлыктар* 'трудности в севе' и т. п.

9. (Ч + Пр) + С₁. Первый член определительной группы является количественным числительным, второй — причастием на -р: *йөз йәшәр әбей* 'столетняя старуха', *алты йәшәр бала* 'шестилетний ребенок'. Причастие может быть заменено производным именем на -лык: *алтмыш йәшәр ир* — *алтмыш йәшлек ир* 'шестидесятилетний мужчина' и т. п.

Во всех указанных разновидностях словосочетаний порядок следования членов строго определен, перемена их местоположения не допускается — иначе меняется характер отношения между ними и синтаксическая природа всей конструкции.

Своеобразную по структуре группу составляют сложные притяжательные словосочетания. Комбинация способов синтаксических связей образует различные структурные типы словосочетаний.

1. (С₁ + С₂) + С₁: *кешелек донъяһы тарихе* 'история человечества', *район совете депутаты* 'депутат районного совета', *жала комитете секретаре* 'секретарь городского комитета', *тел кафедраһы мөдире* 'заведующий кафедрой языка'.

2. С₂ + (П + С₁). В составе определительной группы второй член может быть выражен прилагательным и числительным: *кешенең шахси тормошо* 'личная жизнь человека', *кыштың бер көнө* 'один день зимы', *язың һуңғы айы* 'последний месяц весны', *студенттарҙең кышкы каникулы* 'зимние каникулы студентов', *ярыштың икенсе торо* 'другой вид соревнования'. Данная модель может осложняться введением определений к первому компоненту: *совет халкының ижади эше* 'творческое дело советского народа', *унынсы биш йылыҡтың икенсе йылы* 'второй год десятой пятилетки'; *Коммунистик төҙөлөш шарттарында марксистик-ленинсе партияның етәксә роле торған һайын косәйә бара* (СБ) 'В условиях коммунистического строительства все более усиливается руководящая роль марксистско-ленинской партии'.

В наименованиях учреждений, должностей и т. п. число членов словосочетаний доходит до пяти — шести и более: *хезмәтсәндәр депутаттарының район совете башкарма комитетенең культура бүлеге* 'отдел культуры исполнительного комитета районного совета депутатов трудящихся'. В то же время общая структура словосочетания сохраняется, поэтому оно может

быть расщеплено на несколько самостоятельных частей: *хезмэтсэндэр депутаттарының район совете* 'районный совет депутатов трудящихся', *район совете башкарма комитете* 'исполнительный комитет районного совета', *башкарма комитеттең культура бүлеге* 'отдел культуры исполнительного комитета'.

К этому же структурному разряду можно отнести словосочетания, представляющие синтаксический фразеологизм типа *йэйзең йэй буйы* 'все лето', *көндөң көн буйы* 'весь день', имеющий актуализированное выделительное значение.

3. $(C_1 + C_2) + C_{сб}$ — одна из малоупотребительных, но живых моделей словосочетаний. Определяемое является собственным именем или фамилией, а определяющая часть обозначает его занятие, профессию и т. п.: *колхоз председателе Ғалимов* 'председатель колхоза Галимов', *завод эшсеһе Хайҙаров* 'рабочий завода Хайдаров', *Хезмэт геройы Батырова* 'герой труда Батырова', *университет студенте Айҙар* 'студент университета Айдар' и т. п.

4. $(П + C_1) + C_2$. В качестве первого члена определительной группы употребляются производные прилагательные или существительные в роли определения, остальная часть представляет собой обыкновенную притяжательную конструкцию: *уттай эш ваҡыты* 'самый разгар рабочего времени', *райондағы милиция бүлеге* 'районное отделение милиции', *өлкә партия ойошмаһы* 'областная партийная организация'.

С Л О В О С О Ч Е Т А Н И Я С У П Р А В Л Я Ю Щ И М И П Р И Л А Г А Т Е Л Ь Н Ы М И

В роли определяющей части в названном типе словосочетаний функционируют существительные в различных падежных формах, прилагательные, местоимения, неличные формы глаголов. Словосочетания с прилагательными занимают весьма значительное место в синтаксисе башкирского языка.

1. $C_3 + П$: *ата-әсәгә итәгәтле* 'уважительный к родителям', *балаға каты* 'строгий к ребенку', *ололарға иғтибарлы* 'внимательный к старшим', *күңелгә ятышлы* 'приятное душе', *уҡыуға кызык* 'интересное для чтения', *һуыҡҡа сыҙамлы* 'стойкий к холоду'; *Кәүҙәгә зур ғына был катын телгә лә бай ғына ине* (С. Агиш) 'Эта довольно крупная женщина была и речиста'; *Ажылға һай — көскә бай, ажылға бай — көскә һай* (посл.) 'Умом недалеко — силой велик, умом богат — силой слабоват'.

2. $C_3 + П$. Определяющий член указывает причину, исходный момент в отношении определяемого или объект сравнения: *баштан аңлайышлы* 'понятное с начала', *кылығынан билдәле* 'известное по действию', *таштан катыраҡ* 'тверже камня', *уттан эсе* 'жарче огня', *тауҙан бейек* 'выше горы', *башынан серек* 'гнилой с головы', *эшенән кәнәгәт* 'довольный работой'.

3. $П + П$. В качестве определяемых членов выступают относительные прилагательные, а определение — качественное прилагательное: *тәбәнәк буйлы* 'невысокий ростом', *озон аяклы* 'длинноногий', *жара сәсле* 'черново-лосый' и т. д.

4. $C_6 + П$. Определяющее слово показывает местонахождение, сферу распространения: *районда билдәле* 'известный по району', *ауылда атаклы* 'знаменитый в деревне'; *Эт ояһында көслө* (посл.) 'Собака в своей конуре сильна'.

5. $M_3 + П$. В роли определяющего члена употребляются личные местоимения в дательном падеже: *безгә кәҙерле* 'дорогое нам', *миңә аҫын* 'близкий мне', *һиңә таныш* 'знакомый тебе', *кемгәлер билдәле* 'известный кому-то'; в родительном падеже с послелогом *өсөн* 'для': *безгең өсөн кәҙерле* 'дорогое для нас', *миңең өсөн еңел* 'легкое для меня' и т. п. Эти конструкции синонимичны.

6. $Н + П$: *балаларса беркатлы* 'по-детски наивный', *артык мактансыҡ* 'излишне хвастливый'. Определение может быть выражено двумя наречиями: *аҫынса дорос иҫәп* 'приблизительно правильный счет'.

Прилагательные образуют также словосочетания по структурной схеме III изафета, принимая аффикс принадлежности 3-го лица: *сәскәннең кызылы* 'красный цветок'.

С помощью соответствующих послелогов определяемое прилагательное с определяющим существительным образует сравнительную конструкцию: *мамык кеүек йомшаҡ* 'мягкий, как хлопок', *кар кеүек аҡ* 'белый, как снег', *айыу кеүек килбәтһеҙ* 'неуклюжий, как медведь', *таш һымаҡ ауыр* 'тяжелый, как камень'. В качестве первого компонента выступают и местоимения *үзе кеүек аҡыллы* 'умный, как он сам', *һинең кеүек кыз* 'девушка, как ты' и др.

Прилагательное в качестве первого, зависимого члена словосочетания может иметь инфинитив на -(ы)рға — реже на -маға или имя действия на -(ы)у: *һөйләргә ошта* 'говорить мастер', *карамакжа күркәм* 'на вид милый', *көрәшергә оҫолло* 'бороться ловкий', *ужыуға тырыш* 'учиться старательный'.

Сложные словосочетания, образованные управляющими прилагательными, не получили широкого распространения. Можно указать лишь несколько зафиксированных моделей: *эше буйынса иң алдығы* 'самый передовой по работе', *осталығы менән сикһеҙ данлыҡлы* 'безгранично прославленный мастерством' и т. п.

НАРЕЧНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Наречия в роли главного слова образуют словосочетания с существительными, прилагательными, местоимениями и неличными формами глагола. Они управляют формами дательного, исходного и местного падежа имени существительного и субстантивированных слов.

1. С₃ + Н. В качестве первого компонента выступают существительные и все субстантивированные части речи: *миңә һуң* 'мне поздно', *шуға риза* 'в этом согласен', *һиңә күп* 'тебе много', *ажсаға моттаж* 'нужда в деньгах'.

Некоторые наречия имеют вариативное управление формами дательного падежа или основного падежа с послелогом *өсөн* 'за, для': *атайға барыбер* 'отцу все равно', *атай өсөн барыбер* 'для отца все равно', *миңә яҡын* 'близкое мне', *минәң өсөн яҡын* 'близкое для меня' и т. п.

2. С₅ + Н: *йоконан алда* 'перед сном', *эштән һуң* 'после работы', *уйҙан етеҙ* 'быстрее мысли', *катындан башка* 'отдельно от жены', *халыктан айырым* 'отдельно от народа'.

3. С₆ + Н: *ойҙә рәхәт* 'дома приятно', *ситтә жыйын* 'на стороне трудно', *жунакта күңелле* 'в гостях весело', *бейектә һалжын* 'на высоте холодно' и т. п.

4. П + Н. Словосочетаний с такой структурой немного: *ғилми йәһәттән* 'с научной точки зрения', *даими рәүештә* 'постоянно', *шыйыж хәлдә* 'в жидком состоянии', *эсе көйө* 'пока горячо' и т. п.

5. Н + Н. В роли зависимого члена выступают коренные и производные наречия, которые могут выполнять функцию а) усиления: *артык күп* 'излишне много', *бөтөнләй буш* 'совсем бесплатно', *һәләж арзан* 'очень дешево', *ерле юктан* 'из-за пустяка', *төптө бушка* 'совершенно попусту'; б) уточнения, конкретизации: *бөгөн кис* 'сегодня вечером', *кисә төндә* 'вчера ночью', *һаман йәш* 'все еще молодой'.

6. Г + Н. В роли зависимого члена выступают причастие и инфинитив, а управляют ими обычно наречия с временным значением: *килерҙән алда* 'до прихода', *кайткандан һуң* 'после возвращения', *башларға иртә* 'начинать рано', *сығырға һуң* 'выходить поздно' и т. п.

Некоторые наречные словосочетания носят нетипичный, индивидуальный характер — они скорее всего представляют синтаксические фразеологизмы публицистического жанра: *ғәмүмән әйткәндә* 'говоря в общем', *дөйөм алғанда* 'вообще', *йәмғәт башланғысында* 'на общественных началах' и т. п.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В РОЛИ ГЛАВНОГО ЧЛЕНА

По численности и разнообразию моделей таких словосочетаний сравнительно немного. Количественные, порядковые и собирательные числительные в роли главного члена образуют сочетания с существительными в различных падежных формах, а при помощи некоторых послелогов — с наречиями, глаголами и числительными.

Наиболее характерна конструкция «субстантивированное слово в форме дательного, исходного и местного падежа + числительное»: *безгэ икэу* 'нам два', *колхозга өс* 'колхозу три', *көнөнэ бер* 'раз в день', *бишкэ бер* 'один на пять', *көтөүзән берэу* 'один из стада', *ситтән икенсе* 'второй с края', *укуйуза беренсе* 'первый в учебе', *икэүгэ каршы берэу* 'один против двоих', *өсэу өсөн берэу* 'один за троих', *иртэнсак бер* 'раз утром', *югерешкэндэ өсөксө* 'третий в беге' и т. п.

Сложные словосочетания с числительными образуются очень редко. Их структура не зависит от управляющего числительного, новыми словами обычно осложняются члены определительной части в зависимости только от ее синтаксических потенций.

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Наиболее распространенными, бесспорно, являются словосочетания с глаголами в роли главенствующего слова. С ними сочетаются управляемые и примыкающие имена в различных падежных формах, наречия, числительные, звукоподражательные слова, междометия, деепричастия, имена действия. В контексте глагольный компонент может выступать в личной и неличной форме. По составу глагольные словосочетания также делятся на простые, сложные и комбинированные. При этом между компонентами устанавливаются объектные и обстоятельственные отношения.

ПРОСТЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С УПРАВЛЯЕМЫМИ ИМЕНАМИ

Порядок следования компонентов в таких словосочетаниях строго не регламентируется, в речи возможно и такое их расположение, когда управляющий глагол находится впереди управляемых слов.

1. $C_3 + G$. Глагольный компонент указывает направленность движения, переход действия на объект, выраженный существительным или субстантивированными частями речи в дательном падеже: *йыһанга ос* 'полететь в космос', *арзанга эшлэ* 'работать за дешевую плату', *йоклаганга һалыш* 'притвориться спящим', *кешегэ аптыра* 'удивляться людям', *кормга буял* 'измазаться сажей', *юлга сыж* 'отправиться в путь', *озакка һузыл* 'затягиваться', *эзергэ кил* 'приходить на готовое', *телэгэнгэ иреш* 'достигать желаемого', *Карама белэжкэ, кара йөрэжкэ* (посл.) 'Не суди по рукам, суди по сердцу'.

Структурным вариантом данной конструкции являются словосочетания с послелогом *табан*, *карай* 'в направлении' (C_3 посл. + G): *урманга табан атлау* 'идти в направлении к лесу', *кискэ табан килеу* 'прийти к вечеру', *ергэ карай осоу* 'лететь в направлении к земле' и т. д.

2. $C_{1,4} + G$. В зависимости от характера управления глагола — сильного или слабого, — именной компонент может быть в форме винительного или основного падежа (подробнее об этом см. в разделе о глагольном управлении): *зыял килтер* 'принести вред', *дарыу эс* 'пить лекарство', *утыл кырк* 'рубить дрова', *дорөсөн бел* 'узнать правду', *кунакты озат* 'проводить гостя', *дусты котла* 'поздравить друга'.

Существительные и субстантивированные слова в форме основного падежа с послелогом *менэн* 'с', *тураһылда* 'о', 'об', *өсөн* 'за' выступают в определительной части глагольных словосочетаний C_1 посл. + G : *атай менэн бар* 'пойти вместе с отцом', *буш менэн булыш* 'заниматься пустяками',

кырк менэн бар- 'приближаться к сорока годам', бала өсөн хафалан- 'беспокоиться о ребенке', ир тураһында кайғырт- 'заботиться о муже', эш өсөн ян- 'печется о деле' и т. п.

3. С₅ + Г: ауырыузан арын- 'избавиться от болезни', булмәнән сыж- 'выходить из комнаты', таңдан тор- 'вставать на заре', Йығылған көршитән туймас (посл.) 'Сраженный жаждет борьбы'; Айыузан куржкан — бүрегә тарыған, дошмандан куржкан — үлемгә тарыған (посл.) 'Кто медведя боится, тот волку попадет, кто врага боится, тот смерть находит'; Южканан алғанда, эт итәктән ала (посл.) 'Когда враг за шиворот хватает, собака хватает за подол'; Ғәли ағай уландарынан зарлана (СБ) 'Гали-ага жалуется на сыновей'.

4. С₆ + Г. Глагольные словосочетания с именами в местном падеже обозначают место, время и способ действия: камауза кал- 'попасть в окружение', саңғыла йөрө- 'кататься на лыжах', хезмәттә сынык- 'закаляться в труде'; Кош һауала, ат тауза, егет дауза һыкала (посл.) 'Птица познается в небе, конь — в горах, джигит — в споре'; Илдә булла — иренгә тейә (посл.) 'Если в стране есть, то и нам достанется' (букв. 'и в рот попадет'); Без һаман да болоттар төйкәләгән бейеклектә әйләнәбез (М. Кәрим) 'Мы все еще кружимся на высоте, где кочуют облака'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРИМЫКАЮЩИМИ ЧЛЕНАМИ

1. Н + Г. Примыкающие наречия показывают образ действия, время, причину и т. п.: асык хәтерлә- 'ясно помнить', көн-төн шилә- 'работать день и ночь', канык тор- 'встать внезапно', кетмәгәндә кысқыр- 'неожиданно крикнуть', озак йәшә- 'долго жить'; Башмак таһа — б а ш к а а ш а р, егет таһа — б е р г э а ш а р (посл.) 'То, что добывает (достает) молодая корова, ест сама, то, что достает джигит — делится с другими'; Ни хәл, һау йотланыңмы, кустым? (Ғ. Дәүләтшина) 'Здравствуй, браток, хорошо ли снад?'; Бер караганда, артык уйлана торған нәмһе ләюк (Ғ. Дәүләтшина). 'С одной стороны, о с о б о и д у м а т ь - т о нечего'.

2. П + Г. Прилагательное, выполняя функцию обстоятельства, примыкает к глаголу и образует один из структурных типов словосочетаний. Не могут сочетаться с глаголами качественные прилагательные, обозначающие цвет. Чаще всего употребляются относительные прилагательные: яғымлы һөйләш- 'разговаривать приветливо', моңло йыра- 'петь мелодично', бәхетле йәшә- 'жить счастливо', балыктай йөз- 'плавать как рыба', коштай ос- 'летать как птица', моңһоу кара- 'смотреть печально'.

3. Ч + Г. Примыкают к глаголам количественные и некоторые другие разряды числительных при их субстантивации. Такие словосочетания выражают обстоятельственные отношения. Порядок следования компонентов здесь более строгий, т. е. числительное ставится только впереди глагола: бер әйт- 'сказать один раз', ике йөрө- 'ходить дважды', өсәү йәшә- 'жить втроем', дүртенсе бул- 'быть четвертым', Батыр бер үлә, куржак мең үлә (посл.) 'Храбрый умирает один раз, трусливый умирает тысячу раз'; Салауат менән икәү калғас, Әминә бер туктауһыз һөйләне (С. Злобин) 'Когда остались вдвоем с Салаватом, Амина говорила, не переставая'; Сөнәгәт езнәһендә ике йыл торҙо. Ул ун дүрте менән бара ише инде (Ж. Киекбаев) 'Сунагат два года жил у зятя. Ему шел четырнадцатый год'.

4. М + Г. Из местоимений с глаголами сочетаются только вопросительные местоимения: купме тора? 'сколько стоит?'; нисек йәшәй? 'как живет?'; каян башлана? 'когда начинается?'; кем килә? 'кто придет?' и т. д.

5. Своеобразную группу составляют сочетания глаголов с звукоподражательными словами; обозначающими способ действия. К ним относятся только конструкции, образованные от полнозначных глаголов и звукоподражаний, ибо в результате сочетания последних со вспомогательными глаголами, как правило, образуются сложные глаголы или устойчивые образ-

ные выражения. В определительной части могут выступать некоторые одиночные звукоподражания типа: *шып тукта*- 'внезапно остановиться', *ялт борол*- 'вмиг повернуться', *зыр эйлен*- 'сильно крутиться', *шарт өзөл*- 'оборваться с треском' и т. п.

Чаще всего с глаголами сочетаются парно-повторные звукоподражательные слова, сохраняющие в словосочетании свою семантику и грамматическую функцию в предложении: *кырт-кырт көйшэ* 'жевать с хрустом', *ларс-ларс ер*- 'громко и отрывисто лаять', *шоп-шоп һук*- 'ударять с хлопанием'; *Низай. . . бер-береһенэ куз кысышып шырык - шырык килгэн атлыларға тантана менэн караны* (Ф. Исәнғолов) 'Низай. . . с торжествующим видом смотрел на подмаргивающих друг другу, по смеивающих себя конников'.

Глаголы могут сочетаться с отдельными глагольными формами также способом примыкания. В роли определительной части употребляются.

1. Инфинитив на *-(ы)рға + Г*: *бейергэ сык*- 'выйти плясать', *кайттырға тырыш*- 'стараться вернуться', *каршыларға кил*- 'прийти встречать', *укырға ярат*- 'любить читать'; *Бер төлкө килтерергэ элп куйған жуан тиреһен урлай* (фолькл.) 'Одна лиса украдала вывешанную сушиться шкуру зайца'.

2. Дпр. + Г. Наиболее распространенными являются словосочетания с деепричастиями на *-и*: *йырашып йөрө*- 'ходить с песней' (букв. 'поя'), *озатып кил*- 'пойти проводить', *илап кал*- 'оставаться в слезах' (букв. 'плача'); *Дуҫ илатып өйрәтер, дошман көлдөрөп көйрәтер* (посл.) (букв. 'Друг научит (заставив плакать), враг, рассмешишь, в горе вгонит'); *Нагим ишек алдында байтаж уйланьп торзо* (Н. Дәүләтшина) 'Нагим долго стоял на дворе, задумавшись'.

Дпр. на *-ас/-гәс, -кас/-кәс + Г*: *уялғас та тор*- 'вставать сразу, как только проснулся', *кайтқас та сык*- 'выходить тут же, как только вернулся', *килгәс тә хәбәр ит*- 'сообщить сразу, по приезду' и т. п.

Дпр. на *-а/-ә, -й + Г*: *картаймай йәшә*- 'жить не старея', *курмай түзмә*- 'не вытерпеть, не увидев'; *һуңламай кил*- 'прийти не опаздывая'; *Хәниф үзенең яратқан йырын ашыкмай ғына, кыскырмай ғына йырай* (И. Абдуллин) 'Ханиф, не торопясь, негромко поет свою любимую песню'.

3. Пр. на *-рзай + бул*- 'быть'; *барырзай бул*- 'быть готовым пойти', *касырзай бул*- 'быть готовым лопнуть'. Данная конструкция может быть заменена аналитической формой на *-рык хәлдә бул*- 'быть в состоянии': *барырлык хәлдә бул*- 'быть в состоянии пойти', *торорлок хәлдә бул*- 'быть в состоянии вставать'.

Парно-повторное причастие на *-р* с противопоставлением положительной и отрицательной форм + Г: *ишетелер-ишетелмәс һөйлә*- 'говорить негромко', *кайттыр-кайтмас йөрөү*- 'ходить не зная, то ли возвращаться, то ли нет', *теләр-теләмәс тоноу*- 'приниматься нехотя, без желания', *әсәр-әсмәс ултырыу*- 'сидеть, неохотно вышивая' и др.

Пр. на *-гандай и + бул*- 'быть' или *тойол*- 'казаться': *күргәндәй бул*- 'будто бы видеть', *ишеткәндәй бул*- 'будто бы слышать', *туктангандай тойол*- 'казаться, будто бы остановился', *ярылгандай бул*- 'будто бы расколосось' и т. п. Форма причастия на *-гандай* может быть заменена причастием на *-ган* с послелогом *кеүек* 'подобно, будто', *күргән кеүек бул*- 'будто бы видеть', *үткән кеүек тойол*- 'казаться, будто бы прошел'.

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Глаголы обладают наиболее разнообразными формами сочетаемости с другими словами, в них могут совмещаться разные типы синтаксической связи. Состав определительной части зависит от семантики и грамматической формы глагольного члена.

Словосочетания с глаголами, обладающими двойным управлением:

1) винительным и дательным падежами существительных ($C_4 + C_3 + Г$): *дустарзы кунакка сажыр*- 'пригласить друзей в гости', *кешене көлкөгә калдыр*- 'поставить человека в смешное положение', *беззе балага төшөрзө*- 'нас

в беду ввел', *туғыззы өскә бул* - 'делить девять на три', *агрегаттарзы баһуға алып сыж* - 'вывести агрегаты в поле', *баһты аһотка һал* - 'прикинуться дурачком';

2) дательным и винительным падежами ($C_3 + C_1 + \Gamma$): *атка һуу эсереу* 'пойть коня водой', *тауыкка ем биреу* 'дать корм курам', *кунактарға буләк өләш* - 'раздавать подарок гостям', *эшкә көс һал* - 'отдавать силы работе'; *Туйза катнашыусылар кейәу менән кыззы ихлас котлайзар, йәш гаиләгә бәхетле тормош теләйзәр* (СБ) 'Присутствующие на свадьбе сердечно поздравляют жениха и невесту, желают счастливой жизни молодой семье'; *Ишмурза, бына Шәмсинур жозағы йзы Армакка медпунктка ғына и теп килсе* (М. Кәрим) 'Ишмурза, от вези-ка пожалуйста, сваху Шамсинур в Армак в медпункт'; *Кемлегенде белген килһә, кызға яусы ебәр* (посл.) 'Если хочешь узнать, кто ты есть, пошли свата к девушке';

3) исходным и винительным падежами ($C_5 + C_4 + \Gamma$): *һалкындан аяктарзы һакла* - 'беречь ноги от холода', *аслыктан коштарзы коткар* - 'спасти птиц от голода', *дурттән икене ал* - 'отнять два от четырех'; *Дустан дошманды айыра бел* (посл.) 'Умей отличить врага от друга'; *Дошмандан илең һакла, ярамһактан серең һакла* (посл.) 'Береги Родину от врага, а тайну от угодливого';

4) винительным и исходным падежами ($C_4 + C_5 + \Gamma$): *якшыны насарзан айыр* - 'отличать хорошее от плохого', *баланы имеүзән биззәр* - 'отучить ребенка от груди';

5) местным и дательным падежами ($C_6 + C_3 + \Gamma$): *эштә уңышка өләш* - 'достичь успеха в работе', *тормошти рәхәткә сыж* - 'в жизни добиться приятного', *ярышта еңеүгә иреш* - 'добиться победы в соревновании', *көрәштә беренсегә сыж* - 'в борьбе выйти на первое место' и т. п.

Связь между компонентами глагольных словосочетаний может осуществляться и с помощью вспомогательных глаголов, которые являются необходимым структурным элементом словосочетания в целом: *балтасы булып эшлә* - 'работать плотником', *инженер булып эшлә* - 'работать инженером', *укытыусы итеп ебәр* - 'послать учителем', *языусы тил таны* - 'привзнять Писателем', *композитор булып таныл* - 'получить признание как композитор' и т. п.

Глагольные словосочетания, управляемый компонент которых имеет свое определение:

1) существительное или любая субстантивированная часть речи в основном падеже с определением, выраженным прилагательным или числительным: *алты ай эшлә* - 'работать шесть месяцев', *биш азым атла* - 'шагать пять шагов', *озон юл үт* - 'пройти долгий путь', *кыска күлдәк кей* - 'одеть короткое платье';

2) существительное в дательном, исходном и местном падежах с количественным определением: *бер кискә кил* - 'прийти на один вечер', *биш һумға һат* - 'продать на пять рублей', *зәңгәр төскә буя* - 'покрасить в голубой цвет', *өс йылға алып* - 'призваться в армию на три года', *куп айға һузыл* - 'протянуться на много месяцев', *өс көндә бәтәр* - 'закончить в три дня', *якын арада кайт* - 'возвращаться в ближайшее время'.

Определительная часть может сочетаться с глаголом и с помощью послелогов: *калын тауыш менән кыжыр* - 'кричать низким голосом', *моңло йыр менән озат* - 'проводить задумчивой песней', *таныш кеше аша ебәр* - 'отправить через знакомого человека', *үткер бысақ менән кырк* - 'резать острым ножом', *белгән кешең тураһында һөйлә* - 'рассказывать о человеке, которого знаешь' и т. п.

Распространенными типами сложных глагольных словосочетаний являются структурные модели, где на первое место ставится управляемое существительное, а на второе наречие.

1. $C_3 + H + \Gamma$: *бесәнгә иртә төш* - 'убирать сено рано', *дәрәскә вақытында кил* - 'прийти на урок во время', *эшкә дәррәу тотон* - 'дружно приниматься за работу', *кунакка һуң кил* - 'прийти в гости поздно', *клубка бергә ин*

‘войти в клуб вместе’; *Игенселәр юбилей йылы уңышы осөн социалистик ярышка берзэм жушылды* (СБ) ‘Хлеборобы дружно включились в социалистическое соревнование за урожай юбилейного года’.

2. $C_4 + H + G$: *йырзы излас башкар*- ‘охотно исполнять песню’, *йомошто тиз үтэ*- ‘быстро выполнить поручение’, *олоно оло кур*- ‘почитать старших’, *газета-журналды күп алдыр*- ‘много выписывать газет и журналов’, *тондо йокоһоз үткэр*- ‘проводить ночь без сна’; *Ажылы, төплө кыз. Ундай ахмак һүззе бер жасан да эйтмэй эсэж* (И. Абдуллин) ‘Умная, основательная девушка. Такую глупость никогда не скажет’; *1918 йылда кулактар Фибат һәм Абдрахман Кәлимуллин дәрзе йырткыстарса язалап үлтәрэләр* (СБ) ‘В 1918 году кулаки зверски убили Гибата и Абдрахмана Калимуллиных’.

3. $C_5 + H + G$: *каланан кайтышлай тукталыу* ‘остановиться по пути из города’, *зитән тура кайтыу* ‘возвращаться прямо с работы’; *шау-иыу-зан нык арыу* ‘сильно устать от шума’, *урындан тиз генә кузгалыу* ‘быстро тронуться с места’, *тугандан артык күреу* ‘относиться к кому-либо лучше, чем к родному’ и т. п.

4. $C_6 + H + G$: *баһыуза озаж эшләу* ‘долго работать на поле’, *урында тик тороу* ‘стоять на месте’, *ярышта алда барыу* ‘в соревновании идти впереди’; *Эшелон бер станицяла йәнә туктаны* (Ф. Исәнғолов) ‘Эшелон опять остановился на какой-то станции’.

Глагольное словосочетание может быть представлено наречием, имеющим свое зависимое слово (наречие). В данном случае каждый из наречных компонентов может самостоятельно составить словосочетание с глаголом, а вместе они уточняют и конкретизируют значение глагола: *йәштәрсә етез баҫ*- ‘шагать по-молодому бодро’, *ирекһеззән каньл тор*- ‘тут же невольно встать’, *жарттарса йй ғына хәрәжәтлән*- ‘двигаться по-стариковски медленно’, *торған һайын нығыраж ышан*- ‘все крепче верить’; *Мотыйж үзенең урыҫса шәп белгәнән дә күрһәткән* (Ф. Исәнғолов) ‘Мотыйк показал, что он хорошо знает по-русски’; *Мария Ивановна тағы өс көн торзо. Озаж асыктан-асык һөйләштек* (Д. Исламов) ‘Мария Ивановна жила еще три дня. Долго и откровенно говорили’.

Глаголы сочетаются и с изафетными конструкциями, особенно с II и III изафетом, сопровождаемым послелогом: *кеше язмышы өсөн кайғыр*- ‘горевать за судьбу человека’, *баланың укыуы менән кызыкһын*- ‘интересоваться учебной работой ребенка’, *әсәнең һаулығы тураһында уйла*- ‘думать о здоровье матери’ и т. п.

Своеобразную группу составляют словосочетания той же структуры с глаголами передвижения, где определительная часть обозначает место, путь движения: *урман юлы менән бар*- ‘пойти по лесной дороге’, *уя эсе менән мен*- ‘подниматься по ложбине’, *Әрэмә араһы менән киткән юлдың тәғәрмәс эзәрәнә һәм урталағы ат һукмағына һарғайын қойолған япрак тулған* (Ж. Кисебаев) ‘Следы колес на дороге, проходящей по уреме, и утоптанная лошадьми тропинка по середине заполнены опавшими желтыми листьями’.

Определительная часть может быть заменена синонимичными конструкциями изафета, замыкающий компонент которого стоит в исходном падеже или сопровождается послелогом: *тау һырты менән сап*- — *тау һыртынан сап*- — *тау һырты буйлап сап*- ‘скакать по хребту горы’, *үзәк әсенән үрлә*- — *үзәк эсе буйлап үрлә*- ‘подниматься по лощине’; *Без, урман һукмағы менән өскә күтәрелеп, өйгә кайттык* (Н. Нәжми) ‘Поднявшись вверх по лесной тропинке, мы вернулись домой’.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛЬНЫМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ

В определительной части словосочетаний выступает инфинитив на *-(ы)рга* в сочетании с различными частями речи.

1. $C_1 + Г + Г$: *йыр тыңларга бар-* 'пойти слушать песню', *балык тоторга әзерлән-* 'готовиться ловить рыбу'; *Ғариф староста турә булырға бик килештерә* (Ж. Киекбаев) 'Староста Гариф очень любит быть начальником'.

2. $C_3 + Г + Г$: *кешегә һөйләргә бирмә-* 'не давать другим говорить', *ағайға кәңәшләшергә бар-* 'пойти к брату посоветоваться', *урамға сығарырға әзерлә-* 'подготовить, чтобы вывести на улицу'.

3. $C_4 + Г + Г$: *туғандарҙы табырға ярҙам ит-* 'помочь разыскивать родных', *эште тамамларға ынтыл-* 'стремиться завершить работу'; *Берәүҙәр безҙең аҡтарҙағы үтә кыска йәйҙе озонайтырға теләгәндәй, көз етә башлагас, көньяктарға, Ҡара диңгез буйҙарына китә* (Ә. Чаныш) 'Некоторые, пытаясь продлить очень короткое лето в наших краях, к осени уезжают на юг, на берега Черного моря'; *Ҡошто осорға өйрәтмәйҙәр* (поговорка) 'Птицу не учат летать'.

4. $C_6 + Г + Г$: *көрәштә еңергә өйрәт-* 'научить побеждать в борьбе', *Мин көзгә урманда йөрөгә яратам* (Д. Исламов) 'Я люблю ходить в осеннем лесу'.

5. $Н + Г + Г$: *быйыл укырға ил-* 'поступить учиться в этом году', *нисек йәшәргә өйрәт-* 'учить как жить'.

6. $Г + C_1 + Г$: *көрәшергә хәл ет-* 'хватить сил бороться', *курергә теләк тьу-* 'ощутить желание видеть', *теймәскә вәғәзә бир-* 'дать обещание не трогать', *һугырға батырсылыҡ ит-* 'осмеливаться ударить', *кайтырға көн тулған* 'настал день возвращения'; *Кемдең һин сибәрҙе рәййетергә жыйылығы етте?* (Ғ. Имаев) 'У кого хватило смелости обидеть тебя — красавицу?'

КОМБИНИРОВАННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Возможности комбинирования многочисленных словосочетаний с управляющими глаголами весьма обширны. По составу комбинированные словосочетания могут состоять из четырех и более членов, совмещая в своей структуре различные способы синтаксической связи.

1. Словосочетания с определениями у управляемого именного члена, который употребляется в различных падежных формах: *артта ҡалған илдәргә ярҙам итеү* 'оказание помощи отстающим странам', *быйылғы социалистик ярышҡа йомғаҡ яһа-* 'подводить итоги социалистическому соревнованию нынешнего года', *халыҡ -ара коммунистик хәрәкәтте үстереү* 'развитие международного коммунистического движения'.

2. Словосочетания с управляемыми именами и несколькими примыкающими членами при глаголе: *ауылға быйыл оҙаҡка барабыҙ* 'в этом году надолго поедем в деревню'; *өйгә нисек яңынан инергә?* 'Как снова войти в дом?'; *ушынды тиз генә күп итеп ҡырҡ-* 'Быстренько нарубить много дров'; *Мостафин Дүсмәтовты тәрән ҡызыкһыныу менән күҙәтеп ултырҙы* (Н. Асанбаев) 'Мустафин с глубоким интересом наблюдал за Дүсмәтовым'.

3. Два управляемых имени со своими определениями при глаголе: *алдыңғы бригадаларҙан эшкә өйрән-* 'научиться работе у передовых бригад', *халыктар араһында дуҫлыҡ һәм туғанлыҡ мөнәсәбәттәре урынлаштыр-* 'установить отношения дружбы и братства между народами', *хезмәтсәндәрҙе капитал үзеүгә ҡаршы көрәшкә рузландыр-* 'воодушевлять трудящихся на борьбу против гнета капитала'; *Петрушканын аһалған дарыуҙарҙы балаларға әсерергә мөмкин* 'Лекарство, приготовленное из петрушки, можно давать пить детям'; *Ул Ғимадиевте Саранскиҙә торған сактан уҡ белә ине* (Ф. Иҫәнғолов) 'Он знал Гимадиева еще с тех пор, когда они жили в Саранске'; *Бына шул урынға ун бишләп һунарсыны берәм-берәм ҡуялар* (фолькл.) 'Вот там и расставляют пятнадцать охотников'.

4. Сочетание управляемых и примыкаемых именных членов при глаголе. *Ул дарт өстэй безга көрөштэ* (Я. Колмой) 'Это воодушевляет нас в борьбе'; *Укытыу сифатын бөтэ саралар менэн күтэрегеэ* (СБ) 'Всячески повышайте качество обучения!'; *Куңгы йөз һум аксаны биреп, эсэ улын тағы калага ебарэ* (фольк.) 'Отдав последние сто рублей, мать снова отправляет сына в город'.

5. В зависимой части словосочетания инфинитив и управляемые имена с определениями: *дәүләткә иген һатыузы арттырыу өсөн көрөш* 'бороться за увеличение продажи зерна государству'; *Шул ерзә йылан малайға эсәһе менән хушлашырға куша* (фольк.) 'На том месте змея велела мальчику распрощаться с матерью'; *Һин дә бит тыуған ерзәреңә китмәскә кайттың* (Н. Нәжми) 'Ты ведь тоже вернулся в родные края, чтобы больше не уезжать'.

6. Сочетание сложных глаголов, дееспричастных форм и существительных, наречий в определительной части: *жасып котолоу яғын кара* 'норовить как бы сбежать', *үтөп китергә күптән ашкын* 'давно стремиться перегнать', *тороп калмәскә якшы булыр* 'будет уроком не оставаться', *Митя лә минең ағайым һымак, йылы буразна буйлап ялан тәпәй атларға ярата* (Ш. Янбаев) 'Митя тоже, как и мой брат, любит шагать босиком по теплой борозде'.

Как видно из описанных комбинированных словосочетаний, в них может быть не один стержневой член, а два и более, но и в этом случае глагольный член остается централизующим компонентом данной конструкции. При этом получается не механическое слияние двух самостоятельных словосочетаний, а качественно новое сложное словосочетание.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение — это минимальная коммуникативная единица, принципиально отличающаяся от слова и словосочетания своей коммуникативной значимостью, модальностью и предикативностью.

Формируясь по определенным законам языка, оно выражает относительно законченную мысль, отношение говорящего к реальной действительности. В отличие от словосочетания, предложение может состоять из одного слова, но при этом обладающего предикативностью. Средствами выражения предикативности являются интонация сообщения, аффиксы сказуемости, формы наклонений, времени и порядок слов. Если конструкция «имя прилагательное + имя существительное» представляет словосочетание, то «имя существительное + имя прилагательное» является уже предложением со всеми необходимыми признаками.

Предложение тесно связано с суждением, между ними существует определенное диалектическое единство: предложение можно рассматривать как форму, суждение — как ее содержание. Подлежащее, сказуемое, определение, приложение, дополнение и обстоятельство представляют члены предложения, а субъект, предикат и связка — компоненты суждения; сочетание определения с определяемым, в целом соответствует субъекту, сказуемое, дополнение и обстоятельство — предикату суждения.

По существующей лингвистической традиции различаются простое и сложное предложение. Каждое из них представляет качественно другую самостоятельную синтаксическую конструкцию. Иными словами, механическое соединение двух или более простых предложений не образует сложного предложения. Между компонентами сложной синтаксической конструкции существует семантическая и грамматическая связь, причем, постпозитивные компоненты обычно зависят от препозитивного предложения.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Полнозначные слова, входящие в состав предложения в качестве его непосредственно составляющих элементов, называются членами предложения. Различаются главные и второстепенные члены предложения.

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Подлежащее и, в особенности, сказуемое играют решающую роль в организации предложения, составляя его предикативное ядро. Однако это не значит, что они являются необходимыми элементами всякого предложения, носителями его основной смысловой нагрузки. В зависимости от характера контекста и коммуникативного задания второстепенные члены тоже могут выражать основную идею высказывания, иначе говоря, выступать в качестве «ремы» или «нового». Между тем это — исключение. Общая закономерность такова: подлежащее и сказуемое являются носителями основной информации предложения.

С грамматической точки зрения между подлежащим и сказуемым существует подчинительная связь — согласование. Одна из особенностей башкирского языка заключается в том, что между главными членами согласование в числе последовательно не проводится (*улар килде* 'они пришли', *көндөр һалкынайзы* 'дни похолодали', *йәштәр үсә, ҡарттар сүгә* 'молодые растут, старые старятся').

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

По своей структуре подлежащее бывает простым и составным. Если оно выражено одним полнозначным словом (с частицей или без нее), то оно называется простым; а если представлено двумя или более знаменательными словами, то оно именуется составным: *Хәзер эшсегә көслө беләк кенә түгел, ҡатмарлы техниканы эшкә егә алырлыҡ белем дә ҡәрәк* («Ағизел») 'В настоящее время рабочему нужны не только сильные руки, но и знания, позволяющие обуздать сложную технику'.

Подлежащее может быть выражено следующими частями речи:

1) именем существительным (в форме принадлежности и без нее): *Яһал-малылыҡ — шағир кешегә улем менән бер ул* (Н. Нәжми) 'Искусственность — смерть для поэта';

2) личным или субстантивированным указательным местоимением: *Һез барыбер тыумыштан тәбиғәт балаларыһығыз* (Ф. Исәнғолов) 'Вы все равно от роду дитя природы'; *Улар үзгәре ҡайһы берәүҙәрҙең арт һабағын укыта* (Ө. Бикчәнтәев) 'Они и сами проучат кое-кого'; *Был — Семен Канатов* (К. Кинйәбулатова) 'Это — Семен Канатов'; *Былар хәзер өсәүләп ғүмер итә башлағандар* (Ж. Кейекбаев) 'Они (букв.: эти) теперь стали жить втроем';

3) количественным числительным-существительным: *Йөз егермегә бүленә* 'Сто делится на двадцать';

4) субстантивированным прилагательным, порядковым числительным, причастием и т. п. *Ҡарты ла, йәше лә хәйерле юл теләп ҡалыу ғына түгел, ҡулдарынан килгәнсе һәр торлаҡ ярҙам күрһәтмәләр* (М. Әүәзов) 'И стар и млад не только желали счастливого пути, но и старались оказать посильную услугу и помощь'; *Беренсеге ярарлыҡ, ҡалғаны бик насар* 'первые из них вполне спосны, остальные очень плохи'; *Иртәгә тигән — иренгән, бөгөндән ҡалған — бөлгән* (посл.) 'Тот, кто понадеялся на завтра — поленился, кто не стал делать сегодня — дело погубил'; *Һыу ташканын күрмәгән — һауың көсөн белмәгән* (погов.) 'Не видевший половодья — не знает силу воды';

5) именем действия: *уҡыу ҡыйын* 'учиться трудно';

6) субстантивным словосочетанием, замыкающий компонент которого как подлежащее-субъект не может быть выделен без своих зависимых слов: *Ленин партияһы ағзаһы булыу — зур хөрмәткә эйә булыу һәм юғары яуаплылыҡ йөрөтөү тигән һүҙ ул* (СБ) 'Великая честь и высокая ответствен-

ность — быть членом партии Ленина'; *Кочозгэ хэйэр кутареу — кочозлоккэ билдэ генэ* (Н. Нэжми) 'Поднять кинжал на слабого — значит расписаться в собственной слабости'; *Үстөрөлгэн уңышты һуңгы бөртөгөнэ тиклем һахлау — зур, дәүләт әһәмиәтендәге эш* (СБ) 'Сборечь до единого зерна выращенный урожай — дело большой государственной важности'; *Хәзер ауыл кешеһен баһыуза тракторһар гөрләүе генэ түгел, унда самолеттар эшләүе лә аптырата алмай* (Ф. Иҫәнғолов) 'Сейчас сельского жителя не удивляет не только гудение трактора на поле, но и то, что поле обрабатывают самолеты'.

В заключение нужно отметить, что употребление подлежащего, соотнесенного со спрягаемым глагольным сказуемым, в простом предложении, в главной части сложноподчиненного предложения и в сложносочиненных предложениях носит в целом факультативный характер, поскольку субъект в этом случае однозначно отмечен в самом сказуемом: *Икәү бергә шулай йәнәш атлап үтһәк ине гүмер юлдарын, Мөңгәндә лә иң-иң бейек тауға, Кулда тойһаҡ кулдарзы* (М. Кәрим) 'Пойти бы нам вдвоём вместе по дорогам жизни, Было бы чувство локтя, Когда поднимаемся на высокую гору'; *Өй артында тал ултырттым, Төбөнә һиптем усаҡ колдәре* (фольк.) 'За домом посадила я цветы, золой посыпала почву'; *Һына бакса ултырттыҡ, киләһе йыл килгәндә үзәңде алма, карағаттар менән һыйларбыҙ* (А. Таһиров) 'Вот разбили сад, угостим тебя яблоками и смородиной, когда приедешь к нам в будущем году'.

В повелительном и желательном наклонениях применительно к 1-му и 2-му лицу подлежащее вообще употребляется крайне редко: *Күршебеҙгә кунак килгән, инде нихәл итәйек? Тужмаҡ койорок кара бәрәс һуыйп кунак итәйек* (фольк.) 'К соседям пришли гости, что теперь будем делать? Зарежем-ка черного барашка с круглым хвостом и угостим их'; *Бөйөк Октябрь байрағына, революцияның ал байрағына һәр ваҡытта ла тоғро булайыҡ!* (СБ) 'Будем же всегда верны знамени Великого Октября, алтому-знамени революции!'; *Пионер эшендә бер төрлөлөктән котолоғоз, балаларҙы мауыҡтырығыҙ, кызыклы эштергә ылыҡтырығыҙ, балаларға үзаллылык һәм үзешмәкәрлек хисе тыузырығыҙ һәм үстерегеҙ* (СБ) 'Изживайте однообразие в пионерской работе, увлекайте детей живыми, интересными делами, будите и развивайте самостоятельность и самодеятельность ребят'.

С точки зрения чисто формальной в данном случае можно говорить даже о преимущественно односоставном характере предложения. Однако семантико-синтаксически все эти предложения являются двусоставными. Тем более что наличие подлежащего в определенных типах предложения при таком глагольном сказуемом почти обязательно (когда одно из однородных сказуемых выражено неспрягаемой формой глагола). Подлежащее при глагольном сказуемом, однозначно содержащем указание на субъект, опускается в соответствии с принципами экономии средств формального выражения чаще всего по стилистическим соображениям, вошедшим в обиход уже как традиции. Это подтверждается его более или менее регулярным употреблением при сказуемом, выраженным спрягаемым глаголом в форме 3-го лица, где субъект, в отличие от 1-го и 2-го лица обоих чисел выражен лишь имплицитно: ср. *Безең окопка икенсе бер полк һалдаттары килеп тулдылар* (Д. Юлтый) 'В наших окопах разместились солдаты других полков'; *Новиковка бына майҙан асылды. Ул бөтә һалдаттарҙы үзенең ауызына каратып алды* (Д. Юлтый) 'Новикову предоставлена аудитория. Он увлек всех солдат, они смотрели ему в рот'.

В целом и при спрягаемом глаголе в форме 1-го и 2-го лица, представляющем сказуемое, подлежащее опускается не так уж часто. А если и опускается, то нередко это вызвано условиями контекста. Контекстуальный эллипсис подлежащего наблюдается действительно широко.

По своей структуре сказуемое бывает простым и составным, в том числе и состоящим из словосочетания. Оно может быть выражено:

1) спрягаемым глаголом: *Йәйзең һәр иртәһен коштар моңо ғына түгел, дәртле борго тауыштары ла жаршылай* («Пионер») 'Каждое летнее утро встречается не только пением птиц, но и бодрящими звуками горна'; *Без сит дәүләттән килгән кешеләр түгел бит, үз илебезең мәнфәғәте осөн йөрөй-бөз* (Ш. Янбаев) 'Мы же не иностранцы, прибывшие из чужой страны, а стараемся на благо собственной отчизны';

2) именем действия: *Донъяла иң ауыр эш — һөйгән жызыңа беренсе хатты языу* (М. Кәримов) 'Самое тяжелое дело в жизни — написать первое письмо любимой девушке'; *Безең эш — ат һатып алыу, уларҙы һаҡлап йөрөтөп, теуал көйөнсә ғәскәргә илтөп тапшырыу* (Ф. Иҫәнғолов) 'Наше дело — купить лошадей, и в сохранности доставить войскам';

3) причастием — именем деятеля на -ыусы/-еусе: *Партия — йөрәктәрҙә ижади дәрт уятыусы, Еңеу байрағын гел юғары тотоусы; Партия — ул, юлаш һымаҡ, нур һибәүсе, Яқтыһы менән тормошҡа йәм биреүсе* (Н. Изелбай) 'Партия — сила, пробуждающая творческий дух, всегда высоко держащая знамя победы; Партия — проливающая свет, как солнце, животворящая мир своим светом';

4) существительным в основном падеже: *Әсә теле менән туган кой — балакәй кешегә ерзең күп төрлө бизәген һәм моңон тәу тапҡыр асырға ярҙам итеүсе алтын асҡыстар* (М. Кәрим) 'Материнская речь и родная мелодия — это те золотые ключи, которые помогают маленькому человеку впервые открывать многокрасочность, многозвучность земли';

5) существительным в основном падеже с послелогоми *һымаҡ, тураһында* или с модальным словом *түгел* 'не' (местовмещением — в родительном падеже): *Юк, ул ағыл ҡаты алтын түгел. Ул ағын һыу, иҫкән ел һымаҡ; Дөр-ләгән ут, үскән ағас һымаҡ, Ямғырлы күк, йомарт ер һымаҡ* (М. Кәрим) 'Нет, тот пласт мудрости — не золото, он — как водное течение, как веющий ветер, как бурлящий огонь, как растущее дерево, как дождливое небо и щедрая земля'; *Баязит Бикбайҙың да шиғырҙары һинең турала, минең турала, заман тураһында* (Н. Нәжми) 'Стихи Баязита Бикбая о тебе, обо мне, о современности';

6) изафетом с замыкающим именем: а) в основном падеже: *Әсә йыры! — безең күңелдәрҙә шытқан шиғриәт сығанағы* (Р. Ғамзатов) 'Песня матери — пробившийся в нашей душе источник поэзии'. *Көз — ауылда хезмәт йылына йомғаҡ яһау осоро, киләһе уңышҡа һигеҙ һалынған сәк* (СБ) 'Осень — пора итогов трудового года на селе, время, когда закладываются основы будущего урожая'; б) в местном падеже: *Оло юл ғына түгел, хатта кескәй һүк-мактарға хәтлөм күҙәтеү астында* (Ә. Хәкимов) 'Не только большая дорога, но и маленькая тропинка — под наблюдением'; *Маяктарҙың яқтыһы — безең юлдарҙа* (Н. Изелбай) 'Светлые маяки на нашем пути'; *Донъя именлеге — безең Ватаныбыҙҙың кеүәтендә. Халыктар ышанысы — социализмдең яңынан—яңы еңеүҙәрендә. Ил кеүәте, ер абруйы, тормош именлеге — кешеләр ҡулында* (М. Кәрим) 'Сохранение мира — в мощи нашей страны. Надежда народов — во всех новых победах социализма. Сила страны, авторитет земли, сохранность жизни — в руках людей'; *Баһыуҙың йомартлығы — башактың көсөндә* (поговорка) 'Щедрость нивы — в силе колоса';

7) существительным в местном падеже: *Ленинизм байрағы — баяҡ ҡулдарҙа* (Н. Изелбай) 'Знамя ленинизма — в крепких руках';

8) именем прилагательным и паречием: *Вокзалдың шәкәтһеҙ зур, бейек бинаһы буш һәм һалҡын* (Ф. Иҫәнғолов) 'Безмерно большое здание вокзала — пусто и холодно'; *Ер шарының кайһы ҡитғаһында, һиндәй илендә йәшәмәһен, һиндәй телдә һөйләшмәһен — балаһын юғалтқан әсә кайғыһы бер үк дәрәжәлә тәрән һәм ауыр, төпһөз һәм сикһеҙ* (Ғ. Әмири) 'В каком бы глухом углу земного шара ни жила мать, на каком бы языке ни говорила, горе ее

потерявшей свое дитя, в одинаковой мере глубоко и тяжело, бездонно и безграницно'; *Айбулат Яппаров үтэ түземле һәм сабыр, һалкын канлы шул ук важытта сос һәм отжор* (Ә. Чаныш) 'Айбулат Яппаров излишне терпелив, выдержан, хладнокровен, но в то же время, шустр и проворен'; *Кешә менән ботә тереклектең тормошо таза һыу муллыгына бәйләнгән икәне һәр кемгә мәғлум* (СБ) 'Каждому известно, что жизнь людей и всего живого на земле связана с обилием чистой воды'; *Сынтимер бала һымак саф күңелле, ышаныусан, тәьсирләнеүсэн* (Ш. Япбаев) 'Сынтимер доверчив, впечатлителен и наивен, как ребенок';

9) именем числительным: *Ике икең — дүрт* 'Дважды два — четыре';

10) местоимением: *Минең яраткан дуһым — һин* 'Мой любимый друг — ты'; *Сынтимерең тормошондагы иң изге, иң кәзерле, онотолмаһ минуттар — ошолор?!* (Ш. Япбаев) 'Наверное, это самые незабываемые минуты жизни Сынтимира';

11) притяжательной формой на *-ныкы/-неке* имен существительных и местоимений: *Китап — минеке* 'Книга моя'; *Дәфтәр — Фәриттеке* 'Тетрадь Фарита';

12) притяжательным словосочетанием, замыкающий член которого выражен формой на *-ныкы/-неке*, как предикат неотделимый от своего определения: *Шиммәләр — улар безең быуындыкы ғына түгел, ә киләсәк быуын кешеләренеке лә* (СБ) 'Родники — они принадлежат не только нашему поколению, но и людям будущих поколений'; *Кызарып беикән емештәр, гөрләп уңған иген — халыктың үзенеке* (Й. Гәрәй) 'Румяно вызревшие плоды, поспевшие хлеба — собственность народа';

13) модальными словами: *Йәшлеге үтмәгән кеше юк та был донъяла, тик үтеү менән үтеүең айырмаһы бар* (М. Кәрим) 'Нет на этом свете человека, чьи бы годы не текли, но между тем, как они текут, есть разница'; *Дуһык осөн фекерҙәр уртаклығы, мәнфәәттәр, идеалдар уртаклығы кәрәк* (Ә. Мирзахитов) 'Для дружбы нужна общность мыслей, взглядов, интересов и идеалов';

14) спрягаемой архаичной предикативной конструкцией на *-ған-бар/юк*, выражающей прошедшее время индикатива как обобщенно-типическое действие в прошлом: *Без легендар совет разведчиге Советтәр Союзы Геройы Николай Иванович Кузнецовтың хайран калырлык каһарманлыктары тураһында китаптарҙан укығаныбыз, киноларҙа карағаныбыз бар* («Ленинсе») 'Пам приходилось видеть в кино, читать в книгах о поразительном мужестве легендарного советского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова';

15) сочетанием глаголов в спрягаемой и неспрягаемой формах, модальных слов и частиц. Сказуемое здесь выражает внутреннюю и внешнюю динамику действия, процесса, явления и события: *Был донъяла яуызык та барлығын, уға жаршы йән аямай көрәшергә кәрәклеген иҫкәртә, канына һеңдерә килергә кәрәк булған* (Н. Мусин) 'О том, что в этом мире есть зло и жестокость и против них надо всеми силами бороться, мне надо было постоянно напоминать ему'; *Батыр Янтилин йәш егетте косаҡлап алырҙай булды* (И. Физзәтуллин) 'Батыр Янтилин готов был обнять молодого парня'; *Был юлы Оксана Белокурая оҙаҡ көттөрмәү генә түгел, Микола артынан ук килеп етте* (Ә. Бикчәнтәев) 'На этот раз Оксана Белокурая не только не заставила себя ждать, но сама тут же пришла вслед за Миколой'; *Уныңса, күп булғас, дәфтәрҙе генә түгел, икмәкте лә, шәкәрҙе лә, кейем-һалымды ла эрәм-шәрәм итергә мөмкин булып сыға инде* (Р. Ғабдрахманов) 'По нему получится: если что имеется в изобилии, то можно не только тетради, но и хлеб, сахар, одежду и прочее добро портить и расходовать сколько душе угодно'; *Зиннурҙың ялыныуы командирҙе бер аз йомшарта төштө буһа кәрәк* (К. Мәргән) 'Кажется, просьбы Зиннура несколько смягчили командира'; *Дошман һеҙең кылған бар изге эшегеҙҙе юкка сығарып йөрөй түгелме һуң?* (Ф. Иҫәнғолов) 'Не кажется ли вам, что враг сводит на нет все ваши праведные дела?'; *Операция яһап бөткәнсе, арҡамдан кара тирем аға,*

аягымда басып тора алмаслык халга киләм (Ш. Янбаев) 'Пока не окончится операция, по спине течет черный пот, а состояние такое, что едва стою на ногах'; Юлбай алдына алганды тиз генә куя торғандарзан тугел ине (Н. Мусин) 'Юлбай был не из тех, кто быстренько выставляет то, что раньше прихватил'; Бөтә айберзәр лаһаҫ астында бесән менән күмеп, йәшереп куйылған булып сықты (БК) 'Оказалось, что все вещи были припрятаны под логовом и завалены сеном'; Донъя капыл киңәйеп, яқтырып киткәндәй итте (Р. Габдрахманов) 'Мир вдруг как бы посветлел и стал просторней';

16) именем прилагательным или наречием и служебным глаголом-связкой, представленной в одной из спрягаемых форм: Ирек Ирбәк улы Азаматовтың тауышы менән һүззәре һойләгән һайыл ышаныслыраҡ һәм нығыраҡ була бара ине (БК) 'Голос Ирека Ирбяковича Азаматова по мере того, как он говорил, становился увереннее и тверже'; Булмаһа яңғызы ғыла ултырыу Уралға күнелһез ҙә, уңайһыз ҙа була башлань (М. Тажи) 'Сидеть дома одному становилось Уралу все тоскливее и неудобнее'; Хезмәт торған һайыл кызыклыраҡ, мауыктыргысыраҡ һәм ырамлыраҡ була бара (БК) 'Труд становится все более интересным, увлекательным и производительным'.

СВЯЗАННОЕ СКАЗУЕМОЕ

Еще в первых грамматиках тюркских языков при описании сложноподчиненных предложений, деэпричастных оборотов и сходных с ними бино-предикативных конструкций наряду со свободным сказуемым было отмечено подчиненное ему зависимое сказуемое, которое может иметь свое отдельно выраженное подлежащее или соотноситься на одинаковых правах с подчиняющим его сказуемым с одним и тем же подлежащим. Продолжая эту традицию, исследователи синтаксиса тюркских языков постепенно выявили и описали с той или иной полнотой наиболее распространенные структурные типы зависимого сказуемого, которое стало преимущественно называться второстепенным (исходя из его синтаксического положения и степени информативности) по сравнению со свободным сказуемым, способным, в отличие от него, организовать законченное самостоятельное предложение, как простое, так и сложное.

Второстепенный характер такого сказуемого в синтаксических конструкциях, особенно в сложноподчиненном предложении с бессоюзной связью весьма проблематичен, ибо здесь оно, и именно оно предопределяет как структурную схему всего предложения и ее конкретное лексическое наполнение, так и его семантику. Такова, пожалуй, в известной мере и актуальность этого сказуемого, информативность, которая отнюдь не всегда согласуется с собственно синтаксической ролью свободной и зависимой конструкции, хотя в целом зависимое сказуемое обычно и используется как грамматически организованное средство актуализации подчиняющего его сказуемого в ущерб своей информативности. Актуализирующая роль подчиненного сказуемого может быть в зависимости от коммуникативного назначения предложения нейтрализована обычными средствами актуализации, прежде всего с помощью синтаксической интонации и лексических средств. Более того, по информативности зависимое сказуемое может быть выдвинуто даже на первый план, ослабляя значимость содержания свободного сказуемого.

Поэтому рассматриваемое сказуемое лучше именовать зависимым или связанным (это согласуется с принятыми терминами — «свободная и связанная морфема, фонема»), а не второстепенным.

Связанное сказуемое, как бы оно ни назвалось, давно получило среди синтаксистов всеобщее признание, исключая лишь отдельные его структурные разновидности, не обладающие достаточно ясно выраженной предикативностью, в частности причастное сказуемое, непосредственно примыкающее к определяемому члену предложения даже без выделения паузой (она следует за определяемым словом).

Тем более поразителен тот факт, что ни в одном синтаксическом описании, посвященном типам и разновидностям сказуемого в тюркских языках, статус

связанного сказуемого до сих пор даже не упомянут. И это несмотря на обилие его структурных типов и разновидностей, большинство которых никем не отрицается, да и не может быть никак оспорено.

Поражает и другое — ныне, когда на уровне докторской диссертации изучаются даже так называемые третьестепенные члены предложения и появились десятки специальных монографий о главных и второстепенных членах предложения, до сих пор нет даже обобщающего обзорного очерка типов связанных сказуемых под единым углом зрения.

Между тем типы связанных сказуемых в каждом из тюркских языков многочисленны, главное — они играют огромную роль в синтаксисе сложного и простого предложения не столько как средство формального выражения особого вида бинопредикативности, т. е. связанной предикации, сколько как средство связи одной части предложения с другой. Достаточно напомнить, что все так называемые синтетические придаточные предложения, причастные, деепричастные, обстоятельственные отглагольно-именные обороты с послелогоми или без них зиждутся, собственно, на связанной предикации — зависимом сказуемом.

Связанное сказуемое в таких необычайно распространенных в тюркских языках конструкциях выполняет не только централизующую роль в их пределах, но и влияет на статус предложения в целом, где оно представлено, в частности в сложноподчиненных предложениях. Именно оно при отсутствии союза представляет собой их конституирующий структурный элемент, без которого немислим данный структурно-семантический тип сложноподчиненного предложения. Да и в составе простого предложения связанное сказуемое неизбежно усложняет его структуру, а то и меняет его статус, превращая его в так называемое слитное предложение, занимающее промежуточное положение между собственно простым и сложным предложением¹. Как это давно замечено, на структуре предложения и его семантике сказывается не только характер зависимого сказуемого, но и однородного², которое обростает, как и свободное сказуемое, второстепенными членами предложения в соответствии с синтаксическими потенциями каждого глагола.

Переходя к рассмотрению зависимых сказуемых, необходимо прежде всего отметить, что они во многих случаях в составе определенных структурно-семантических типов сложноподчиненного предложения по своей природе ничем не отличаются от обычного свободного сказуемого и к тому же выделяются в предложении на общих с ним основаниях, отличаясь от него только тем, что занимают синтаксически подчиненное положение, характерное большей частью для собственно связанного глагольного сказуемого, которое имеет особую, соответствующую своему синтаксическому положению, структуру: ср. *Кем тәуәккәл, шул ота* (М. Кәрим) 'Побеждает тот, кто смел' (в придаточном подлежащем предложении сказуемое выражено обычной спрягаемой формой глагола); *Минең һиңә әйтәһе һүҙ шул: ултырайыҡ әле, зинһар, ултырайыҡ* (А. Таһиров) 'Я скажу тебе только одно: давай посидим, пожалуйста, посидим' (в придаточном сказуемом пред-

¹ Зависимые конструкции со связанным сказуемым едва ли не впервые воедино собраны и описаны Х. М. Есеновым, который весьма противоречиво оценивает их роль в структуре предложения и в его коммуникативном содержании: с одной стороны, он отгазывает им в наличии предикативности и главным образом на этом основании приписывает их коммуникативную значимость, постоянно подчеркивая, что с их устранением не меняется ни структура, ни основное коммуникативное содержание предложения, с другой — совершенно справедливо утверждает, что так называемые синтаксические обороты, под которыми имеется в виду как раз приведенный нами случай, «усложняют как структуру, так и семантику простого предложения» (Есенов Х. М. Синтаксис предложений с зависимыми конструкциями в казахском языке. Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Алма-Ата, 1975, с. 10, ср. там же, с. 7 и др.). Из этого двойного подхода к зависимым конструкциям в работе в целом, судя по автореферату, преобладает первый: В силу этого роль связанного сказуемого как структурного необходимого элемента всего предложения остается, к сожалению, не раскрытой.

² Н. К. Дмитриев справедливо квалифицирует предложение с однородными глагольными сказуемыми как слитное предложение (Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 401).

ложении сказуемое выражено побудительно-желательной спрягаемой формой глагола); *Кайныһы яжиы, шуньһыи ал* 'Возьми из них то, что лучше' (в придаточном определительном зависимом сказуемом представлено императивом); *Кем дэ кем был эмерзе үтэмэй, шуга түләү һалыһыр* (Ж. Клекбаев) 'Кто не выполнит этого приказа, тот будет оштрафован' (придаточное дополнительное иного типа в качестве своего зависимого сказуемого имеет спрягаемую форму прошедшего времени индикатива); *Ер өстөндә касан алтын бөтөр, шунда сығар хаҡлыҡ* (М. Гафури) 'Когда на земле иссякнет золото, тогда восторжествует справедливость' (зависимое сказуемое придаточного времени индикатива); *Кайза карама, шунда һауаға төтөнлө тупраҡ вулкандары күтәрелә* (К. Даян) 'Куда ни глянь, там изрыгаются в небо вулканы земли с чадом' (зависимое сказуемого придаточного места выражено спрягаемой формой настоящего времени индикатива)³.

Во всех этих и многочисленных сходных придаточных предложениях так называемого аналитического типа зависимое сказуемое по своей структуре и функции в принципе ничем не отличается от обычного сказуемого. К тому же оно здесь не играет конституирующей роли в структуре предложения, которую, как и семантику предложения, предопределяют относительные союзные слова или союзы. Стало быть, здесь речь может идти лишь о двух функциях обычных структурных типов сказуемого (о возможности их использования в зависимой и независимой синтаксической позициях в рамках сложноподчиненного предложения). Возможность использования обычного сказуемого в позиции зависимого члена сложного предложения может и должна быть охарактеризована при рассмотрении обычных структурных типов тюркского сказуемого в одном ряду с описанием типов и разновидностей подлежащего и второстепенных членов, одинаково характерных не только для простого, но и для всякого сложного предложения, что до сих пор в исследованиях по тюркским языкам упускалось из виду при рассмотрении синтаксического членения предложения, а именно — в описаниях членов предложения, по традиции приводимых только в разделе синтаксиса простого предложения.

Связанное сказуемое, неизменно подчиненное свободному сказуемому и структурно отличающееся от него по категориальной принадлежности, разделяется на глагольное и отглагольно-именное.

Глагольное связанное сказуемое в свою очередь подразделяется на спрягаемые и неспрягаемые типы.

Спрягаемые подчиненные глагольные сказуемые представлены лишь условными и уступительными формами, которые одинаково широко употребляются во всех разновидностях национального башкирского языка как со своим отдельно выраженным подлежащим (в этом случае они организуют придаточную часть условного периода или уступительного сложноподчиненного предложения), так и соотносясь с тем же подлежащим, что и подчиняющее их свободное сказуемое (в данном же случае образуемую ими конструкцию чаще всего принято именовать оборотом в составе простого предложения, что в предлагаемой грамматике названо усложненным простым предложением).

Связанные подчиненные глагольные сказуемые в условном наклонении представлены разветвленной системой форм, из которых основным и наиболее широкоупотребительным структурным типом является форма на *-һа/-һә*: *Әгәр оһотһаң, йәки оһотмайынса ла кермәйенсә калһаң, төшкө аһтан мәхрүм итермен* (С. Агит) 'Если забудешь или не зайдешь, несмотря на то, что не забыл, то лишу обеда'; *Ә кәсе көп-коро, жулға алдыһиһәң, таралырға тора* (А. Таһиров) 'А дерн сухой-пресухой, если возьмешь в руки, то и гляди рассыпется'; *Фәкир арттымы, бай байыға* (С. Агит) 'Если число бедняков возрастает, то богач богатеет'; *Мин алдағы ял алдыман, оспрай калһа, өйрәк,*

³ Примеры взяты из монографии: *Сәйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961.

йә булмаһа күркә алып кайтырмын әле (С. Агиш) 'В следующий выходной привезу утку или индейку, если встретится'; *Шуны куйғанда һәйбәт булыр ине* (К. Мәргән) 'Если назначить его, было бы хорошо'; *Атайым иҫән булһа, кыуаныр ине* (С. Агиш) 'Если бы был жив отец, о как бы он обрадовался'; *Куркаһың икән, оҙатып куйырбыҙ* (А. Таһиров) 'Если боишься, проводим до дома'; *Хәзер каланы ташлап китеп, аҡтар иңә торған булһалар, уҙған йылдағы кеүек кенә калмаҫтар* (А. Таһиров) 'Если мы оставим город и в него ворвутся белые, они поведут себя еще хуже, чем в прошлом году'; *Моратжа ваҡытында әйткән булһаң, бәлки, ул безҙе тыңлар ине* (К. Мәргән) 'Если бы Мурата предупредили вовремя, возможно, он послушался бы нас'; *Ундай хәл була калһа, һинең вахтаны таратырҙар ине* (К. Мәргән) 'Если бы случилось такое, твою вахту распустили бы'.

Форма условного наклонения на *-һа/-һә* и ее эквиваленты в зависимости от контекста могут быть подчиненным связанным сказуемым в составе придаточного времени: *Әйләпеп караһалар . . Рифкәт тора* (Н. Котдосов) 'Когда они обернулись . . перед ними предстал Рифкат', и придаточного причины: *Бындай какшалмаҫ берҙәмлек йәшәй икән, безҙең корәш мотлак еңеүгә өлгәшә* (Г. Әмири) 'Раз существует такое нерушимое единство, наша борьба непременно увенчается успехом'.

Та же форма в зависимости от контекста может выступать и в составе противительно-сопоставительных сложносочиненных предложений: *Һин кылыңа сүкеш тоткан эшсе булһаң, Мин кылыма ураң тоткан игенсемен, Ал таң менән һин заводжа эшкә китһәң, Куна ятып мин баһуза һабан һөрәм* (С. Кудаш) 'Если ты рабочий с молотом в руках, Я землешапең с серпом в руках, Если ты с зарей отправляешься на работу на завод, Я пащу поле, ночью там'.

В приведенных и сходных примерах связанное подчиненное сказуемое имеет свое отдельно выраженное подлежащее и организует часть сложно-подчиненного или реже — сложносочиненного предложения. Но оно, сохраняя все свои синтаксические свойства, широко употребляется также, соотносясь с тем же подлежащим, что и подчиняющее его сказуемое: *Ужыу языу таныһаң, Пионерға лзыһаң, Алға китерһең һаман, Тырышып белем алһаң* (Т. Йәнәби) 'Если умеешь читать-писать, Записался в пионеры, Прилежно будешь учиться, то всегда будешь впереди'. В этом примере обнаруживаем полный изоморфизм с предыдущим (исключая лишь соподчиненность, или соотношенность с подлежащим, общим для обоих сказуемых), конструкцию, организуемую сказуемым в форме условного наклонения, принято квалифицировать то как обстоятельственный оборот, то как обстоятельство условия. С этим трудно согласиться. Ибо здесь предикативность, составляющая основной необходимый элемент всякого предложения, налицо и неоспорима.

Группа сказуемого сообразно с коммуникативными запросами и синтаксическими потенциями самого глагола может быть распространена точно на таких же началах, что и в составе общепризнанного придаточного предложения. Здесь наличие или отсутствие членов предложения, относящихся к самому подчиненному сказуемому вовсе необязательно по структурной схеме, как это имеет место в структурной схеме всякого предложения — и придаточного, и главного, и простого. Раздельное выражение подлежащего при каждом из двух сказуемых сложного предложения не составляет столь важный фактор, чтобы игнорировать ярко выраженную предикативность, без которой действительно немислимо ни придаточное, ни главное, ни простое предложение. Ведь именно предикативность предопределяет статус предложения или составной части сложного предложения.

Форма условного наклонения на *-һа/-һә* в сочетании с усилительной частицей *ла/лә* представляет самостоятельный структурный тип спрягаемого связанного подчиненного сказуемого, организующего либо уступительное придаточное: *Кем кейһә лә кейһен перчаткамды* (С. Кудаш) 'Пусть кто хочет оденет мою перчатку'; либо уступительную конструкцию, входящую в состав простого или сложносочиненного предложения: *Кәжерә булһа*

ла юл булһын, һужыр булһа ла кыз булһын (посл.) 'Пусть будет хоть кривая, но дорога, хоть слепая, но девушка'; *Ни генәкылһа ла, ни генә һөйләһә лә, хатта тик кенә торһа ла, Хәмит Ғәлимәғә ғәжәп һойкомлә булып күренә* (З. Бишпева) 'Что бы ни делал, чтобы ни говорил, и если даже абсолютно ничем не занимался, Хамит всегда представлялся Галиме обаятельным'; *Һинән ул да тыумаҫ, кыз за тыумаҫ, тыуһа ла тормаҫ* (погов.) 'От тебя не родится ни сын, ни дочь, а если и родится, то не будет жить'.

Неспрягаемые подчиненные глагольные сказуемые представлены многочисленными широкораспространенными структурными типами.

Среди них по своей ярко выраженной предикативной природе и синтаксическому положению многие отличаются от спрягаемых форм лишь по формальному выражению категории лица. Таковы, в частности, деепричастные сказуемые, в которых глагол обязательно соотносится с подлежащим, образуя вместе с ним предикативное ядро конструкции, представляющее категорию лица, и неизменно входит в сферу того же грамматического времени и наклонения, что и свободное глагольное сказуемое, подчиняющее их.

Основные активно употребительные деепричастные подчиненные сказуемые представлены следующими структурными типами.

1. Многозначной и полифункциональной универсальной формой на *-п* в усложненных простых предложениях (1), изоморфных частях сложных предложений (2) и в придаточных предложениях (3): 1) *Аттар, куркышып, төрләһө төрлә якка тайпылдылар* (Р. Ханнанов) 'Лошади, испугавшись, бросились в разные стороны' (причинное значение); *Куныр ер эҙләт, кыр каззаны каңғылдап үтте* (Х. Ғиләжев) 'Разыскивая ночлег, с шумом пролетели дикие гуси' (целеевое значение); *Ишекте етез асып, Әкрәм инде* (А. Таһиров) 'Быстро открыв дверь, вошел Акрам' (значение способа действия); *Кайзандыр ел сығып, япрактар шаулары* (И. Насыри) 'Откуда-то появился ветер и листва зашумела' (причинно-следственное значение); 2) *Хатты бер нисә тапкыр укып сыжкәс, Новиков, йәшел үләнгә салкан төшөп ятып, күккә карап, бик озак уйланды* (Д. Юлтый) 'Несколько раз перечитав письмо, Новиков лег на спину на траву, и долго думал глядя в небо (значение способа действия)'; 3) *Иртән кояш сығып, көн бер ни тиклем йылынгас та, улар юк булалар* (Ғ. Хәйри) 'Утром, как только солнце восходило и день становился теплым, они тотчас же исчезли' (ограничительно-временное значение); *Карзәр иреп, йылгалар аға башлары* (Ф. Әсәнов) 'Снег растаял, и реки высвободились ото льда' (причинно-следственное значение); *Ғилажизе һалкын һугып, уның тамағы шешеп йөрөнө* (А. Таһиров) 'Гилажи простудился, и у него разболелось горло' (причинное значение).

2. Отрицательной формой на *-май/-мәй, -майынса/-мәйенсә* в значении способа действия (в этом значении в положительном аспекте ей эквивалентна форма на *-п*) в усложненном простом предложении (1), изоморфной части сложного предложения (2) и придаточном предложении (3): 1) *Ул, миңең яуабымды көтмәй, ишеккә табан атлары* (Ә. Вәли) 'Он, не дожидаясь моего ответа, направился к двери'; *Хәмит уны тын да алмайынса, керпек тә какмайынса тыңлары* (Р. Ғабдрахманов) 'Хамит слушал его, зажав дыхание и не шелохнувшись'; 2) *Без ондәшмәй ашай биреҫ, ул узалдына мығырзаны* (Ә. Вәли) 'Поскольку мы молча продолжали есть, он бормотал что-то сам себе'; 3) *Бер болғанмай һыу за тонмай, айырылмай, булмай, булмай* (фольк.) 'И вода не отстаивается, пока хоть раз не помутнеет; разлука неизбежна'; *Ғил бармай, эш сыжмай* (Н. Мусин) 'Пока ты не пойдешь, ничего не получишь'; *Яз етмәй, көн йылынмай* 'Пока не наступит весна, дни не станут теплыми'.

3. Формой деепричастия на *-арак/-әрәк*, образуемой обычно от глаголов движения в значении обстоятельства времени с оттенком значения обстоятельства меры: *Ауылға барып етәрәк, Юмран юртыуынан туктаны* (А. Таһиров) 'Дойдя почти до деревни, Юмран (кличка лошади) перестал двигаться иноходью'.

4. Рудиментарной формой деепричастия на *-а/-ә, -й*, выражающей цель: *Мөнирә Нәзифәне машинаға тиклем озата барзы* (Ғ. Локманов) 'Мунира ходила провожать Назифу до машины' (деепричастие представляет объект

действия, обозначаемый обычно целевым инфинитивом). Ср. *Рахман Банузы озата сыжманы*, — (Ө. Вәли) — *Рахман Банузы озатырға сыжманы* 'Рахман не вышел провожать Бану'. Эта форма подчиненного сказуемого, как и предыдущая, бытует лишь в усложненных простых предложениях и изоморфных частях сложного предложения, т. е. не имеет своего отдельно выраженного подлежащего.

5. Редулицированной формой деепричастия на *-а/-ә, -й*, выражающей способ совершения незаконченного длительного или повторяющегося действия в усложненном простом предложении: *Ул жулдарын һелтәй-һелтәй килешһез итеп югерә* (С. Агиш) 'Размахивая руками, он бежит неуклюже' и в изоморфной части сложного предложения: *Егет нимәлер әйтергә өлгөрмәне, Мәстүрә югерә-атлай төн караңгылыгында эрегәйне инде* (Д. Исламов) 'Не успел парень и слово вымолвить, как Мәстүрә уже растворилась в ночной темноте'; *Шулай һөйләнә-һөйләнә, икешәрме-өсәрме рюмка бушаткас, ул диванда яткан иске генә аккордеонға урелде* (Д. Исламов) 'Когда, разговаривая, таким образом, выпили не то две, не то три рюмки, он потянулся к старенькому аккордеону, лежащему на диване'.

6. Формой деепричастия на *-ғас/-гәс, -кас/-кәс*, выражающей в простом усложненном предложении (1) и в придаточном предложении (2) ограничительные временные отношения (а), реже, причем в зависимости от контекста — причинно-следственные отношения (б): 1) *Һалдатжа алынғас, һәр вақыт бергә булдык* (Д. Юлтый) 'Став солдатами, мы все время были вместе' (а); *Һинсә өсөн булғас, тырышып жарармын* (Ф. Әсәнов) 'Раз это для тебя, постараюсь сделать' (б); 2) *Команда бирелгәс, карабиндар менән генә сафка тезелдек* (С. Кулибай) 'Когда была подана команда, мы встали в строй с одними карабинами' (а); *Һин риза булғас, бригадиргә бер һүз әйтмәс* (Ф. Әсәнов) 'Раз ты согласен, то и бригадир ничего не скажет'. Отрицательный аспект данной формы неизменно выражает причинно-следственные отношения: *Заһира өндәшмәгәс, ҡаты итеп толомонан тарттым* (З. Бишшева) 'Поскольку Заһира молчала, я сильно дернул ее за косы'. Ограничительно-временную обусловленность двух действий выражает вариант данной формы на *-ғас та/-гәс тә, -кас та/-кәс тә*, подчеркивая отсутствие стыка между двумя действиями: 1) *Ул, техникумға барып бер ай самаһы укығас та, бик нык ауырыны* (Ө. Вәли) 'Проучившись в техникуме около одного месяца, она очень тяжело заболела'; 2) *Был уй башыма килгәс тә, һеззе эзләп сығып югерзем* (Ф. Әсәнов) 'Как только эта мысль пришла мне в голову, я тотчас же выбежал искать вас'.

8. Формой деепричастия на *-ғансы/-гәнсе, -қансы/-кәнсе*, выражающей действие, с наступлением которого прерывается и устранивается другое действие, представленное в усложненном простом предложении (1) или в сложно-подчиненном предложении (2) с придаточным времени (а), либо сравнения (б): 1) *Вахит туйғансы ашаны* (Р. Хапсанов) 'Вахит ел до тех пор, пока не наелся'; 2) *Ул алмалар үскәнсе һин торорһоң мы икән, бабай* (Ө. Вәли) 'Доживешь ли ты, дед, до того времени, когда вырастут эти яблоны?' (а); *Акшы азык калғансы, яман корһаҡ ярылһын* (Б. Бикбай) 'Пусть лучше лопнет недоброе брюхо, чем пропадет добрая пища' (б).

9. Формой деепричастия на *-ғанса/-гәнсә, -қанса/-кәнсә*, выражающей способ действия с оттенком сравнения в усложненном простом предложении: *Үзебезгә тор, теләгәнсә аша, теләгәнсә йөрө* (С. Агиш) 'Живи у нас, ешь, сколько хочешь, ходи, куда хочешь'; и в придаточном предложении: *Миңә, һин уйлаганса, ҡысҡырып ҡаты бойорһоң бирергә лә мөмкин* (Ф. Иҫәнғолов) 'Мне, как ты полагаешь, можно давать даже с криком строгие приказы'.

10. Формой деепричастия на *-ышлай/-ышләй, -ошлай/-ошләй*, образуемой от глаголов движения для выражения попутного действия в усложненном простом предложении: *Сәхибә, кире ҡайтып килешләй, Мәхмүтте осратты* (Ғ. Хәйри) 'Сахиба, возвращаясь домой, встретила Махмута'.

11. Формой деепричастия на *-а/-ә, -й торғас*, характеризующей действие как длительный процесс, в результате которого происходит последующее действие как его следствие, представленное в усложненном простом пред-

ложении: *Шулай үз алдына үзе эсенэн зһэр сәсеп ултыра торғас, бер көндөүл башынан түзмәй ауырып китте* (З. Биешева) 'Предаваясь, таким образом, беспричинной злобе, он в конце концов однажды заболел от головной боли'.

12. Формой деепричастия на *-а/-ә, -й тороп* или ее отрицательным вариантом на *-май/-мәй тороп*, выражающими уступительное (а) или ограничительно-временное значение как условие для совершения в составе усложненного другого действия (б) простого предложения (1) или сложноподчиненного предложения (2): 1) *Тимәк, һин дә куржып, ошоларзы белә тороп, әйтмәйһеңме?* (З. Биешева) 'Стало быть, и ты, испугавшись, молчишь, не смотря на то, что знаешь все это' (а); 2) *Фашисте унан табан ялтыраттырмай тороп, туктау булмаясаң* (Д. Исламов) 'Пока не заставим фашистов убраться оттуда, не остановимся' (б).

13. Формой деепричастия на *-п та/-тә*, выражающей уступительное значение в придаточном предложении: *Йәй итеп тә, көндәр һаман йылынмай* (Ә. Вәли) 'Хотя и наступило лето, дни все еще не потеплели' и усложненном простом предложении; *Ауылға барып та ял итеп булмань* (Ш. Янбаев) 'Хотя я и ездил в деревню, чтобы отдохнуть, но этого не получилось'.

14. Лексикализованной формой деепричастия *әйтмешләй* 'по мнению, по рассказу кого-то', по высказыванию, широко употребляемой во вводных предложениях: *Җарттар әйтмешләй, тинһәм тимер өзәрзәй сағым миһең* (З. Хисмәтуллин) 'Как это говорят старики, я во цвете своих сил'.

15. Широко распространенными парными лексикализованными формами деепричастий на *-п* и на *-а/-ә, -й*, выражающими способ действия в усложненном простом предложении: *Тиз генә түкмәй-сәсмәй һәйлә* (Д. Исламов) 'Рассказывай быстренько, не утаивая ничего'; *Ғыу, карағускыя төскә иһеп, әйләһеп-тулғаньп аға* (Р. Ханнанов) 'Река, принимая бурый цвет, течет образуя водовороты'.

По своей грамматической природе к деепричастному подчиненному сказуемому близко стоят производные от причастия на *-ған/-гән, -кан/-кән*, формы на *-ғанда/-гәндә, -канда/-кәндә*, на *-ғанлыктан/-гәнлектән, -канлыктан/-кәнлектән* и на *-ғандай/-гәндәй, -кандай/-кәндәй*, осознанные ныне как собственно глагольные формы для выражения трех разных обстоятельственно-глагольных значений наряду с собственно деепричастными формами того же назначения. Как и последние, они одновременно служат и средством синтаксической связи разных частей предложения и организующим необходимым структурным элементом зависимых конструкций.

Первая из них выражает информативно второстепенное действие, на фоне которого одновременно совершается другое действие, представленное подчиняющим сказуемым в усложненном простом предложении (1), изоморфной части сложного предложения (2) и в придаточном предложении (3): 1) *Тауҙар араһынан килгәндә мин җая башында баһып торған бер җоралай күрҙем* (фольк.) 'Когда я шел между отрогами гор, я увидел козулю, стоящую на скале'; 2) *Килеп еткәндә, ат арығас, туктап ял иттек* 'Когда уже доезжали, мы остановились и отдохнули, поскольку лошадь устала'; 3) *Көн кискә ауышканда, алты взодтың һалдаттары, җызылармеецтәре сәй җайнаткандар* (А. Таһиров) 'Когда солнце клонилось к заходу, красноармейцы шести взводов кипятили чай'.

Форма на *-ғанлыктан* в усложненном простом предложении выражает причину: *Әхмуш, бәләкәйзән үзенең һәр бер ғәйебенә һылтау табып үскәнлектән, шуның өстөнә бик кире булғанлыктан, һылтау менән үзен ақларға тырыша, кирелек менән үс алырға тырыша* (Д. Юлтый) 'Ахмуш пытается оправдаться, изворачиваясь, и отомстить упрямством, поскольку он с малых лет привык свою вину оправдывать неблагоприятными предлогами и поскольку к тому же он непомерно упрям'. Эта форма широко употребляется также в зависимых конструкциях, входящих в состав частей сложного предложения самого различного рода: *Мәхмүт ағай, балаларына, бигерәк тә балаларының балаларына һәр вақыт аҡыл өйрәтәүзе үзенең изге бурысы итеп һанағанлыктан, былай тине: «Һин бит рационализатор балаһы»* (С. Ағиш) 'Дядя Махмүт, считающий своим священным долгом всегда по-

учать своих детей, особенно внуков, сказал так: «Ты же сын рационализатора»'.

Причинно-следственные отношения выражает также широко употребительная форма на *-ғанға/-гәңгә, -қанға/-кәңгә*, которая, однако, в отличие от предыдущей формы на *-ғанлыктан*, в достаточно ощутимой мере сохраняет именной характер, своего происхождения, особенно в глаголе-связке при именном сказуемом, ср. *Новиков, үзенең фекере менән Төминканың фекере яқын булғанға, шатлана* (Д. Юлтый) 'Новиков радуется тому, что его мнение близко к мнению Томенко'.

Форма на *-ғандай* служит для выражения сравнительных отношений между данным реальным и предполагаемым действиями в простом усложненном предложении: *Гөлбәзәр, Риманы бер нисә йыл күрмәгәндәй, унан күзен ала алмайынса торҙо* (Б. Хәсән) 'Римма не могла оторвать свои глаза от Гульбажар, как будто не видела ее несколько лет', или сложноподчиненном предложении: *Ерҙә тормош мәңгә бөтмәгәндәй, һиңә мөхәббәтем һис бөтмәй* (А. Игебаев) 'Подобно тому, как на земле жизнь вечна, моя любовь к тебе не пресыкается'⁴.

В целом именной характер обнаруживают связанные сказуемые, представляющие лексикализованные конструкции на *-ғандан/-гәндән алып, башлап* и сочетание этой формы причастия с послелогом *бирле*, а также сочетание причастия на *-ғанға/-қанға, -гәңгә/-кәңгә тиклем, саҡлы* и сочетание имени действия на *-(ы)у/-(е)у* с послелогом *айһанлы, арҡаһында*: *Туй кисәһе башланғаннан алып бөткәнгә тиклем, гармун уйнауҙан туктаманы* (М. Тажи) 'Гармонь не перестала звучать от начала свадебного вечера до его окончания' (ср. *шул ваҡыттан алып, башлап* 'начиная с того времени'); *Бөгөн Илдар тураһында хәбәр алынғаннан бирле, бәхәсләшергә теләм күтәрелмәй* (Ғ. Әхмәтшин) 'С тех пор, как сегодня поступило известие об Ильдаре, я не решаюсь вступить в спор' (ср. *шунан бирле* 'с тех пор'); *Бер нисә көн буйы туктауһыз ямғыр яууу арҡаһында, комбайн ашыҡ ура алманы* (З. Бишева) 'Поскольку в течение нескольких дней непрерывно шел дождь, комбайн не смог жать' (ср. *йәшлек арҡаһында* 'из-за молодости').

Особый структурный тип связанного сказуемого представляет сочетание отдельных форм причастия и имени действия на *-(ы)у/-(е)у* с послелогом, которое с полным основанием может быть квалифицировано как аналитическая глагольная форма, если в ее составе послелог и предшествующий аффикс причастия или имени действия, лишаясь отдельного осмысления, образуют в своей совокупности нечто вроде составного семантически монолитного аффиксоподобного формата, выражающего в принципе те же грамматические значения, что и рассмотренные только что аффиксальные формы. Отдельные из таких монолитных сочетаний осознаны ныне как регулярные выразители определенных грамматических значений глагола, поэтому они тесно взаимодействуют не только с формами на *-ғанлыктан, -ғандай, -ғанда*, но и с деепричастиями нередко на правах их синтаксических синонимов: ср. *Институтты тамамлау менән, Әнүзә эшкә ауылға китте* (З. Хисмәтуллин) 'Сразу по окончании института, Ануза поехала на работу в деревню', где *тамамлау менән* вполне можно заменить формой деепричастия *тамамлагас та*.

В качестве синтаксического синонима формы на *-ғанлыктан*, выражающей, как и отдельные формы деепричастия, причинно-следственные отношения, выступает аналитическая конструкция на *-ғанға/-гәңгә, -қанға/-кәңгә күрә*: *Күсерҙең аттарҙы биҙ шәп ҡуғыуына арба биҙ ныҡ һелкәнгәңгә күрә, без ҡаланы бер ҙә юлһән күрә алмайыҡ* (А. Таһиров) 'Поскольку телега сильно тряслась от того, что кучер со всех сил погонял лошадей, мы толком не смогли посмотреть город'. К этим двум конкурирующим формам по своему значению близко стоит сочетание причастия на *-ған/-гән, -қан/-кән* с послелогом *өсөн* 'для': *Туйыңдыра мине ерем, хезмәтем булған өсөн* (М. Тажи) 'Меня кормит земля моя, за труд свой'.

⁴ Примеры здесь и далее взяты из работ: *Сәйтбатталов Ф. Ф. Указ. соч.; Он же. Башкорт теленең ябай һөйләм синтаксисе. Өфө, 1972.*

С формой на *-ганда/-гэндэ, -канда/-кэндэ*, взаимодействующей с деепричастиями, выражающими одновременность совершения двух действий, конкурирует конструкция на *-ган/-гэн, -кан/-кэн сакта (мэлдэ)*, где замыкающий ее компонент сохраняет свое значение и где соответственно и причастие воспринимается в исконном своем качестве: *Иртэнге кояш кутэрелгэндэ (или: кутэрелгэн сакта. — А. Ю.) без инде . . . юдан алга бара инек (М. Гафури) 'К восходу солнца мы уже . . . или по дороге вперед'*.

С формой деепричастия на *-гас/-гэс, -кас/-кэс* в ограничительно-временном ее значении конкурирует послеложное сочетание на *-гандан/-гэндэн, -кандан/-кэндэн һуң*, отличаясь от нее своим именным характером: *Ашан, эсеп алгандан һуң улар йырлашып, бейешеп зык куптылар (Б. Дәүләтшина) 'После того, как они поели, попили и отдохнули немного, они оживленно пели, плясали и веселились'*.

В отличие от предыдущих двух конструкций с послелогоми *сакта (мэлдэ)* и *һуң*, как глагольные образования осознаны сочетания причастия на *-ган/-гэн, -кан/-кэн* с послелогоми *килеш, хэлдэ* и *көйөнсэ*. Эти сочетания служат для выражения образа действия, взаимодействуя с формами деепричастия, употребляемыми в данном значении: *Ул, тээрэ яңағына таянган килеш, мулланы эрләне (Ф. Хәйри) 'Он ругал муллу, прислонясь к косяку оконной рамы'*, где *таянган килеш* можно заменить деепричастием *таянып*; *Әмирханов, йөзрәре күзгәргән хэлдә, магазин уртаһында баһып тора (С. Агиш) 'Амирханов с синяками на лице стоит посреди магазина'*; *Сәлимйән, кулдары өскә табан һузылган көйөнсэ, дөрт итеп уянып китте (Ф. Локманов) 'Салимьян, руки которого были протянуты кверху, встрепенувшись проснулся'*.

Связанное глагольное сказуемое на *-ган/-гэн, -кан/-кэн һайын* выражает повторяемость действия во времени: *Без тынысландырган һайын, ул тынышһызылана (Д. Юлтый) 'Он становится все более беспокойным по мере того, как мы пытаемся успокоить его'*; *Барган һайын уны осратам 'Каждый раз, когда еду, встречаю его'*.

Самостоятельный структурный тип связанного глагольного сказуемого представляет сочетание послелога *өсөн* и послеложно-союзного слова *тип* со спрягаемыми формами глагола. Сочетание *өсөн* и *тип* с императивом выражает целевые отношения: *Урожай дошман кулына жалмаһын өсөн, крәстиәндәрҙең яңы баш хоҗорға аҗынлашкан ашлыктарын сабырға приказ булды (Д. Юлтый) 'Поступил приказ, косить готовые выкоситься хлеба крестьян, чтобы урожай не достался врагу'*; *Һиңә килдем эйтермен тип зур һүз (М. Кәрим) 'Я к тебе пришел, чтобы сказать великое слово. Тип в сочетании с другими формами глагола имеет также и причинное значение: Арғымактар ажрын барыр тип, озон юда арып калыр тип, поезд менән киткән егеттәр (С. Кулибай) 'Парни выехали поездом, поскольку, по их мнению, рысаки скачут медленно и могут устать в таком далеком пути'*.

Для выражения сравнительных отношений широко употребляется сочетание причастия на *-ган/-гэн, -кан/-кэн* с послелогоми *һымак, кеуек, шикелле*: *Сахиба күкрәген кулы менән жысты, ул йөрәгенә Мәхмүтте урылаштырып иркәләгән, һөйгән, онотолоп жысқан шикелле тоя үзән (Ф. Хәйри) 'Сахиба сжала свою грудь руками, она почувствовала, будто поместила Махмута в сердце, будто ласкала и сжимала его в забытьи'*; *Аж кайындар япрак көткән кеуек, молотилка көттө арышты (Р. Циғмәти) 'Как белые березы ожидают листву, молотилка ждала рожь'*, *Уң яқта ла, алда ла, алыста бер тужырауһыз, күк күкрәгән һымак, туп тауышы ишетелер тора (А. Таһиров) 'И справа и спереди непрерывно слышится отдаленный гул пушек, будто гремит гром'*.

Для обозначения меры и степени действия употребляется связанное сказуемое, выраженное причастием на *-ган/-гэн, -кан/-кэн* в сочетании с послелогом *тиклем*: *Студент футболды мин математиканы белгән тиклем дә белмәй (И. Хафизов) 'Студент не знает футбола даже настолько, насколько я знаю математику'*.

Как уже отмечено, многие структурные разновидности связанного сказуемого с послелогоми, несмотря на свое именное происхождение, ныне носят в целом глагольный характер, особенно сочетания на *-(ы)ул/-(е)у менэн, -гал/-гә курә*. Конструкции же на *-ған сакта, -ғандан һуң* воспринимаются как промежуточные образования, одинаково близкие и к глаголу, и к имени: ср. *Тәзрәнең пәрзаләрен ике якка айырып куйғандан һуң, йомшак кына елдәр, өй эсенә шаярып кереп, гөл япрактарын һелкетте* (Г. Хәйри) 'После того, как занавески окон были раздвинуты, легкий ветерок, шаловливо ворвавшись в дом, шелохнул листья цветка'; *Бер көндө шулай, атай калаға киткән сакта, кибеттә бер үзем генә һатыу итә инем* (Г. Хәйри) 'Однажды, когда отец уехал в город, в лавке я торговал один'.

Промежуточный характер носит и связанное сказуемое на *-ууға/-еүгә*, выражающее временные отношения: *Приказ укылып ботәүгә, клуб алдындағы йәштәр, бер тауыштан ура кыскырып, кул сабып ебәрзеләр* (С. Агиш) 'Когда приказ был прочитан, молодежь, находившаяся около клуба, в один голос закричала «ура», зааплодировала', а также причинные отношения: *Дуғаньң кыңғырауы шалтырауға, Ғариф һискәнен китте һәм тәзрәнән җараны* (Ж. Киекбаев) 'Гариф встрепепулся от звона колокольчиков на дуге и взглянул в окно'. Но в целом это сказуемое стоит ближе к имени, чем к собственно глаголу. Таково и связанное сказуемое на *-уузан/-еүзән*, выражающее причинно-следственные отношения: *Әскелек менән шөгәлләнеүсе кешеләр араһында йорәк параличенән, мейегә жан китеүзән җапыл үлеүселәр йыш осрай* (А. Дәүләтов) 'Среди пьющих часто встречаются смертные случаи от паралича сердца и кровоизлияния в мозг', где это наглядно подтверждает одинаковая оформленность аффиксом исходного падежа и существительного *параличенән*, и имени *жан китеүзән*.

Из собственно именных связанных сказуемых обращают на себя внимание лексикализованные формы местного и исходного падежей: *Һез юк т а, дежурный начальник килеп инә яззы* (Д. Юлтый) 'Когда вас не было, чуть не зашел дежурный начальник'; *Хәуеф барза, бергә ташландылар беренселәр булып дошманға* (Х. Кәрим) 'Когда была опасность, вместе бросались на врага первыми'; *Урын юк лык т а п аяүрә баһып торған ауырыулар кыззың тәҗдимәнән аптырап җалдылар* (И. Насыри) 'Больные, находившиеся в стоячем положении из-за нехватки мест, изумились предложением девушки'. В остальном зависимое именное сказуемое по структуре не отличается от свободного именного сказуемого.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К второстепенным членам предложения относятся определение, приложение, дополнение, обстоятельство (обстоятельство времени, обстоятельство места, обстоятельство причины, обстоятельство образа действия, обстоятельство сравнения, обстоятельство меры и степени, обстоятельство условия, обстоятельство уступительное).

Широко распространено мнение, что определение и приложение поясняют подлежащее, а дополнение и обстоятельство — сказуемое предложения. Однако в зависимости от характера контекста и коммуникативного назначения предложения определение может относиться к сказуемому, а обстоятельство и дополнение — к подлежащему: *Шаян кеше — якшы кеше, яман кеше — шакшы кеше* (погов.) 'Всесильный человек — хороший человек, злой человек — плохой человек'; *Иртәнсәк һалкын һыу менән йыуыныу тәңгә рәхәтлек бирә* 'Умывание по утрам холодной водой доставляет удовольствие'.

Таким образом, определение может пояснить как подлежащее, так и сказуемое, выраженное существительным. Дополнение и обстоятельство в основном поясняют и раскрывают содержание глагола-сказуемого. В отношении подлежащего и второстепенных членов предложения они выполняют эту функцию лишь в том случае, если они выражены отглагольным именем, в частности именем действия.

При выделении и характеристике второстепенных членов предложения за основу принят структурно-семантический принцип.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Определение обозначает внешний признак, внутренний характер, количество и принадлежность предмета. Оно может быть выражено следующим.

1. Именем прилагательным: *һары еләне, һары йөзлө ябык кешенең башын һалкын ташка куйып моңлануына, туктауһыз күзенән йәш ағызыуына Шәрәфи ағай аптырап озақ вақыттар карап торҙо* (И. Насыри) 'Дядя Шарафи долго с изумлением смотрел на то, как худой человек в желтом пыльнике, с желтым лицом долго изливал тоску, припав к холодному камню и непрерывно источая слезы'.

2. Причастием: *Уралдың көньяк тармактарының каяларында ирек һөйөр, бейеклеккә ынтылыр бер халык йәшәгән* (Г. Әмири) 'Среди скал южных хребтов Урала жил народ, любящий свободу, устремленный ввысь'. Причастие может иметь свое определение: *Тыуғандан бирле кешегә катышып өйрәнмәгән, донъяның эсене менән сөсөнөн татымаған, кыз вақыттарында ук тәрбиә күрмәгән, тар ғына бер бүлмәлә күмер һөргән һәм укыу-фәлән менән сыуалмаған был катындарҙан артык файзалы нәмә өмөт итерлек түгел ине* (М. Гафури) 'От этих женщин, которые с рождения не привыкли общаться с людьми, не познали горести жизни, в девичестве не получили никакого воспитания, всю жизнь провели в четырех стенах и не обременяли себя учебой, нельзя было ожидать ничего путного'.

3. Именем существительным в значении прилагательного с послелогоми *кеүек, һымак, шикелле* (1) или без них (2): 1) *Һинең кәңфит кеүек кызҙарың, перәник һымак егеттәрең менән спектакль уйнауы безгә ауыр эш* (А. Таһиров) 'Нам трудно ставить спектакль с твоими конфетными девушками и пряничными парнями'; *Тыуған ил, Лидия Николаевна Расцветаева, Зәбиҙә Дәүләтшина, Зәйтунә Кадикова шикелле гүзәл кыздар үстәргән ер өсөн ғәзәл һуғыш бара!* (Г. Әмири) 'Идет справедливая война за родную землю, за землю, которая вырастила таких прекрасных дочерей, как Лидия Николаевна Расцветаева, Забида Давлетшина, Зайтуна Кадикова'; 2) *таш күпер* 'каменный мост', *алтын балдак* 'золотое кольцо'.

4. Именем числительным: *Мин үземдең кырк беренсе түгел, бәлки йөз гә әллә нисәнсе шәкерт икәнемде белеп шатландым* (М. Гафури) 'Я обрадовался, узнав, что я не сорок первый, какой-то там сотый ученик медресе'.

5. Местоимением: *Салауат Юлаевтың алға ынтылышы үткер жарашы безең халықтың ауыр һәм героик тарихи үткәндәре тураһында һәр вақыт һөйләп торор төслө* (Р. Шәкүров) 'Устремленность вперед, пронзительный взор Салавата Юлаева кажется всегда будут нам напоминать о тяжелой и героической истории нашего народа'.

6. Именем действия с послелогом *кеүек*: *Был экспедицияла Шаймурат бабай аш бешереү, йомошжа йөрөү, азык ташыу, аттарҙы карау, транспортка ытәкселек итеү кеүек күп кенә эштәрҙе башкара* (Ә. Бикчәнтәев) 'В этой экспедиции Шаймурат бабай выполняет массу обязанностей, таких как: готовит пищу, выполняет мелкие поручения, руководит транспортом, приносит продукты, ухаживает за лошадьми'.

7. Адъективированным существительным в местном падеже с определительным афф. *-ғы/-ге*, обозначающим местонахождение: *Ауыл советендәге һәм партия ойошмаһындағы иптәштәр менән һис көтөлмәгән, ләкин бик кызыклы эңгәмәләр куйырып китте* (С. Агиш) 'С товарищами из сельского совета и партийной организации завязались совершенно неожиданные, но очень интересные разговоры'.

8. Именем существительным в основном падеже с послелогом *тиклем*: *Күк йөзөндә бейғәлэй тиклем дә болот эсәре юк* (А. Таһиров) 'В небе нет ни намека на облачко, хотя бы величиной с рукавицу'.

Приложение — своеобразная разновидность определения, не только поясняющего предмет, но и дающего ему новое дополнительное наименование. Если определение может выражаться различными частями речи, то в роли приложения выступают только имя существительное и субстантивированные слова. В отличие от определения, приложение употребляется после определяемого слова.

Приложение может быть выражено следующим.

1. Собственными именами: *Бер аззан директор нам укью булеге медире менэн бая ингэн хоро пальтолы кеше — халык комиссары Шәһит Хозайбирзин килеп керзе* (С. Агиш) 'Через некоторое время вместе с директором и завучем вошел тот самый человек в сером пальто — народный комиссар Шаһит Худайбердин'.

Если приложение и определяемое слово выражаются именем существительным, то между ними ставится тире.

Иногда приложение образуется путем простого повторения определяемого слова, но перед ним употребляются поясняющие определения. В подобных случаях приложение со своими определениями выделяется запятыми, при этом основная смысловая нагрузка предложения падает на поясняющие слова приложения: *Ана Рауза, минең һөйөклөм Рауза, мин күңелен тәрән кайгыға һалған Рауза, буи аллея буйлап, башын түбән эйгән хәлдә, аһ ғына атлай* (Ф. Исәнғолов) 'Вон Рауза, моя любимая Рауза, ввергшая мою душу в глубокую скорбь Рауза, идет по пустой аллее медленно, низко наклонив свою голову'.

2. Изафетной конструкцией: *Стәрлетамакта сода, цемент заводтары эргәһендә тағы ла бер завод — синтетик каучук заводы үсеп сықты* («Пионер») 'В Стерлитамаке рядом с содовым и цементным заводами вырос еще один завод — завод синтетического каучука'.

Если перед приложением употребляются слова *бигерәк тә, йәғни, мәсәләи, шул исәптән*, то приложение отграничивается от определяемого слова запятыми: *Һуңғы йылдарҙа бай запасы Көнъяк Урал хоро күмер бассейне, шул исәптән Башкортостан күмер промышленносе, барлыҡка килде* (СБ) 'В последние годы открыт угольный бассейн Южного Урала с богатыми запасами, в том числе угольная промышленность Башкирии'.

3. Определительным местоимением: *Һуңғы көндәрҙә Тимербай үзе лә бик нык үзгәрзе* (С. Агиш) 'За последнее время Тимербай и сам очень сильно изменился'.

В подобных случаях приложение от определяемого слова знаками препинания не отделяется.

Характерно, что в зависимости от контекста определяемое слово приложения может выступать в качестве сказуемого предложения: *Севастополь — герой ҡала, данлы хәрби һәм революцион традициялар ҡалаһы, үзен үлемһез подвигтәр менән данлаған ҡала* (СБ) 'Севастополь — город-герой, город славных военных и революционных традиций, прославивший себя своими бессмертными подвигами'.

Приложение имеет следующие семантико-функциональные особенности:

а) обозначает профессию, звание, должность, квалификацию, специальность: *рабочий токарь, инженер Бикметов, генерал Кусимов, космонавт Комаров, тракторист Вилданов, секретарь Умутбаев, председатель Султанов, студент-отличник*;

б) выражает возрастные особенности и родственные отношения: *Ибраһим ҡарт* 'старик Ибрагим', *Зөлхизә әбей* 'старуха Зулхиза', *Ғәлиә эхирәт* 'подруга Галия', *Зәлифә килең* 'сноха Залифа', *Ришат бажа* 'свойка Ришат', *Рәсимә һылыу* 'сестра Расима';

в) лексикализуясь, приложение обозначает предназначение предмета: *вагон-ресторан, вагон-баня, вагон-библиотека*;

г) обозначает географическое понятие, служит условным названием предметов: *Мәскәу калаһы* 'город Москва', *Дим йылғаһы* 'река Дема', *Урал тауы* 'гора Урал', «Коммунист» журналы 'журнал «Коммунист», «Таң» колхозы 'колхоз «Заря».

ДОПОЛНЕНИЕ

Различаются прямое и косвенное дополнения. Прямое дополнение характеризуется своей соотнесенностью только с глаголом, причем лишь с переходным, с которым оно имеет сильную связь. По сравнению с ним косвенное дополнение может быть относительно самостоятельным или зависимым компонентом глагольного или реже — именного словосочетания, ведущий компонент которого выражен отглагольным существительным.

По структуре дополнение бывает простым и сложным.

Прямое дополнение

В качестве прямого дополнения преимущественно выступают существительные в основном или винительном падеже. Падежное оформление прямого дополнения зависит от его охарактеризованности по категории определенности/неопределенности: *Студент х а т я з а* 'Студент пишет п и с ь м о (какое-то)' — неопределенное прямое дополнение, но: *Студент х а т т ы я з а* 'Студент пишет (д а н н о е) п и с ь м о' — определенное прямое дополнение.

В форме основного падежа, имеющего значение винительного, прямое дополнение может быть представлено существительным или другими субстантивированными частями речи: *Кәбир иртән иртүк китергә эзәрләнде: аяғына кирза и тек, өстөнә кышкы п а л ь т о һәм башына ж о л а к - с ы н б ү р е к кейзе* (Яр. Вәлиев) 'Кабир приготовился уходить с раннего утра: надел на ноги кирзовые с а п о г и, натянул на себя зимнее п а л ь т о, а на голову — ш а п к у - у ш а н к у'.

В форме винительного падежа прямое дополнение может быть выражено существительным или другими субстантивированными частями речи: *В. И. Ленин үзәндә пролетар революционерҙең иң күренекле һыҙаттарын: ғайәт зур а к ы л д ы, бөтә нәмәне лә еңеп сыға алыусы иштыяр косон, коллокка һәм изеүгә ҡарата изге күрә а л м а у с ы л ы ж т ы, революцион д а р т т е, эзмә-эзлекле и н т е р н а ц и о н а л и з м д е, массаларҙың ижади кәстәрәнә икһез-сикһез ы ш а н ғ а н л ы ж т ы, бик зур ойштороусалыҡ генийен т у п л а ғ а й ы н ы* (СБ) 'В. И. Ленин воплотил в себе самые выдающиеся черты пролетарского революционера: могучий ум, все преодолевающую в о л ю, священную н е н а в и с т ь к рабству и угнетению, революционную с т р а с т ь, последовательный и н т е р н а ц и о н а л и з м, безграничную в е р у в творческие силы масс, громадный организаторский г е н и й'; *Балалар Салауат һ э й к э л е н д э, Дуслыҡ монументен д э, Ленин б а ж с а һ ы н да, Ағизел аша һалып яткан яңы күп е р з е л э, яңы ғына төзөлөп бөткән С п о р т һ а р а й ы н да күрөп өлгөрзөләр* (Р. Габрахманов) 'Дети успели осмотреть и п а м я т н и к Салавату Юлаеву, и м о н у м е н т Дружбы, и с а д имени Ленина, и новый м о с т через Агидель, и только что построенный Д в о р е ц с п о р т а'; *Манчары бығаса күззәрҙең төрлөләрән: ҡ а р а л а р ы н да, з ә ң г ә р з ә р е н д э, һ о р о л а р ы н да, ш а т т а р ы н да һәм ж а й ғы л ы л а р ы н да, а п - а с ы ж т а р ы н да, шулай ук иркәләп ҡараһалар за, ышаныс у я т - м а ғ а н д а р ы н да күп күрзе* («Пионер») 'Манчары до этого много видел разных глаз: ч е р н ы х, г о л у б ы х и к а р и х, радостных и п е ч а л ь н ы х, я с н ы х, а также т а к и х, что излучают ласку, но н е в н у ш а ю т, однако, доверия'.

Прямое дополнение обязательно ставится в форме винительного падежа, если оно охарактеризовано как совершенно определенный объект следующим образом:

1) если оно выражено собственными именами, которые по своей семантике всегда конкретны: *Шигыры осон Пушкин һаләк булды, Лермонтоеты шуға аттылар; Писареете һыуға батырзылар, Некрасоеты азы кактылар* (Б. Биқбай) 'Пушкин погиб из-за стихов, и за это же Лермонтова расстреляли; Писарева утопили, Некрасова мало обижали?';

2) если дополнение представлено существительным, осложненным аффиксом принадлежности: *Һәр сәт кеше һағынын йәшәһен: Туган ерен, туган әсәһен, Тилмерен һағынһын балаһын, Тилерен һағынһын кәләһен!* (С. Тудаш) 'Пусть всегда человек скучает по родной земле, по родной матери, по детям и по невесте!'; *Дошманыңды һөйөндөрмә, дуһыңды көйөндөрмә* (посл.) 'Не дай врагу радоваться, другу огорчаться';

3) если дополнение выражено нарицательным именем, употребленным после указательных местоимений и именных определений в форме *на-дағы!-дәге*: *Һин теге кешене күрмәһеңме? 'Ты не видел того человека?'; Колхоздарзағы һәм совхоздарзағы, заводтарзағы һәм фабрикаларзағы, укһу йорттарындағы һәм ғилми-тикшеренеу институттарындағы коммунистарға берләштергән тәүге партия ойошмалары — партиябызың һигезе ул* (СБ) 'Первичные партийные организации, объединяющие коммунистов колхозов и совхозов, заводов и фабрик, учебных заведений и научно-исследовательских институтов — основа нашей партии'.

Косвенное дополнение

Простое косвенное дополнение может быть выражено следующим:

1. Именем существительным, местоимением, именем действия и субстантивированным прилагательным в дательном падеже: *Тауҙары — алтын-көмөшкә, һыуҙары — балыҡҡа, кырҙары — игенгә, урмандағы һылыу ағастарға бай ул ерҙең* (Р. Ниғмәти) 'Горы тех мест богаты золотом и серебром, воды — рыбой, просторы — хлебом, леса — прекрасными деревьями'; *Кемгә кем окшамай за, кемгә кемдең күзе төшмәй* (Д. Исламов) 'Кто кому только не понравится, и чей глаз на кого только не падет; *Йыр күңелгә — кыуаныс, күңелгә — йыуаныс* (посл.) 'Песня для веселого — радость, для печального — утешение'.

2. Именем существительным, субстантивированным прилагательным, именем действия в исходном падеже: *Ул һокланып йыйзы япрак: караманан, сағандан, юкәнән, имәнән, йыланан, миләш менән баландан* (Ғ. Дәүләтов) 'Он восхищенно собирал листья: с вяза, клена, липы, дуба, рябины и калины'; *Көсләнән курҡма, үсләнән курҡ* (погов.) 'Не бойся сильного, бойся мстительного'; *Мәликә кеүек үк, Катюша ла үҙен алмаштырыуыға һәр бер һыйрын күрһәтеүҙән, уның холҡон, ғәҙәтен, аһәтиһен, купме һет биреүен һөйләүҙән башлан* (Д. Исламов) 'Катюша, как и Малика, начала с того, что показывала своей сменщице каждую корову, подробно рассказывала о ее привычках, аппетите, сколько дает молока'.

3. Именем существительным, именем действия в местном падеже: *Айбулат был хәбәрҙе алғанһа ла һәр совет самолетын хәрәжәткә килтергән бензиндә, һәр совет танкыһындағы кәрәсіндә үз атаһының хеҙмәте барлығын тоя иһе* (Ғ. Ибраһимов) 'Еще до того, как Айбулат получил это известие, он чувствовал, что в бензине, приводящем в действие каждый советский самолет, в керосине, движущем вперед советский танк, есть труд его отца'. *Ижтимағи туклану хеҙмәтсәндәрҙең материал көнжурешен яқиһыртыуҙа, совет кешеләренең тормошон социалистик башланғыстарға үзгәртеп йөрөүҙә, бизерәк тәкатын-кыҙарҙы аз етештерүсәнле йорт эшенән бушатыуҙа, зур роль уйнай* (СБ) 'Общественное питание играет большую роль в улучшении материального благосостояния трудящихся, в социалистической перестройке жизни советских людей, в особенности в освобождении женщин от домашних дел'.

4. Инфинитивом: *Өйрәттеләр миһе китаптарым Кеше һәм тормош то танырға, Бысҡымаҫжа, дөрләп яһырға, Йырымды һәм һине табырға* (Х. Ғиләжев)

‘Учат меня мои книги, Людей и жизнь понимать, Не тлеть, а бурно пламенеть, Песню свою и тебя найти’.

Составное косвенное дополнение, выраженное именем в основном падеже в сочетании с послелогом, имеет следующие разновидности.

1. Дополнение — имя существительное в основном падеже, местоимение в родительном падеже с послелогом *менэн* ‘с’. Примеры: *Улың менэн мактанма, улыңдыц эие менэн мактан* (посл.) ‘Не хвались сыном, хвались делами сына’; *Һезең менэн кыраузы гыма түгел, һалкын жышты ла еңеп буласак* (Р. Фабдрахманов) ‘С вами можно победить не только легкий мороз, но и холодную зиму’.

2. Дополнение — имя существительное в основном падеже с послелогам *тураһында, хақында* ‘о’: *Был донъяла кеше ос нәмә хақында тырышлык күрһәтергә тейеш: үзенең йәшәү шарттары хақында, кешеләр менән мәнәсбәте хақында һәм үзенән һуң яҡшы истәлек калдырыу хақында* (Ә. Харисов) ‘В этой жизни человек должен заботиться о трех вещах: об условиях своей жизни, об отношениях с людьми, о том, чтобы оставить о себе добрую память’. *Улар бәтһе тураһында: һауа торошо, Россиялағы хәлдәр, апаһы Анна, уның ире Марк, кустыһы Дмитрий, Париждә тороп калған Надюша хақында ла һойләштеләр* (Б.К) ‘Они говорили обо всем: о погоде, положении в России, о сестре Анне, ее муже Марке, младшем брате Дмитрии, и даже о Надюше, оставшейся в Париже’; *Ер, урман, йылға, күлдәр һәм саф һауа, үсемлектәр һәм хайуандар донъяһы тураһында жайғыртыу — быллар бәтһе ләбезең изге коммунистик эш* («Пионер») ‘Забота о земле, лесах, реках, озерах, чистом воздухе, растениях и животном мире — все это — наше священное, коммунистическое дело’.

3. Дополнение — имя существительное в основном падеже, местоимение в родительном падеже с послелогом *тарафынан/тарафтан*: *Һәр совет кешеһе съезд тарафынан асылған яңы бейеклектәрҙе, алдыбызгағы яңы киңлектәрҙе бәтә йөрәге менән тоя* (М. Кәрим) ‘Каждый советский человек всем сердцем чувствует новые высоты, новые просторы, которые открывает ему съезд’; *Һезең тарафтан да, миңең тарафтан да бер хаталык эшләнгән икән — тыныс кына бәтәрәйек* (З. Бишпева) ‘Если и с вашей и с моей стороны допущена ошибка, то давайте спокойно будем исправлять ее’.

4. Дополнение — имя существительное в основном падеже с послелогам *артынан* ‘сверх’, *буйынса* ‘по’, *урнына* ‘вместо’. Примеры: *Икмәк корһак артынан йөрәмәй* (посл.) ‘Хлеб за брюхом не ходит’; *Бикмәттең тәждиме буйынса клуб эргәһенә йәшен тарткыс куйылды* (С. Агиш) ‘По предложению Бикмета у клуба был установлен громоотвод’; *Мин һине, кустым, Акназар урнына үземә ярзамсы итеп алам* (Б. Бикбай) ‘Я тебя, брат, принимаю своим помощником вместо Акназара’.

5. Дополнение — название лица в основном падеже со служебным глаголом *булып* или *итеп* в сочетании с именем, выражающим должность, назначение лица: *Ауыл хужалығы мәктәбенә мәдир булып яңы кеше килде* (А. Таһиров) ‘Заведующим в сельскохозяйственную школу пришел новый человек’; *Коммунизм өсөн көрәштә партия безге үзенең һалдаттары итеп сыныктырзы* (М. Кәрим) ‘В борьбе за коммунизм партия закаляла нас как своих солдат’.

6. Дополнение — имя существительное в дательном падеже с послелогом *күрә* ‘по’: *Кунагына күрә кәзере, үлегенә күрә кәбере* (посл.) ‘Как по гостю почет, так по покойнику могила’.

7. Дополнение — имя существительное в исходном падеже с послелогом *башка* ‘кроме’: *Мин композитор, музыканан башка бер нәмәгә ышанмайым* (Б. Бикбай) ‘Я — композитор, кроме музыки ничему не верю’.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

В современном башкирском языке выделяются обстоятельства времени, места, причины, цели, образа действия, сравнения и уступительные. Они разнообразны по составу их структурных элементов, по их лексико-грам-

матической выраженности. По строению в каждом типе обстоятельства различаются простые и составные, также сложные обстоятельства.

Обстоятельство времени

Обстоятельства времени обозначают время совершения действия, выраженного глаголом. Они могут употребляться прекозитивно, посткозитивно (в поэзии) и в середине синтаксической конструкции.

Простое обстоятельство времени преимущественно выражается:

1) наречием времени: *Йәйен дә, кышын да, язын да, козон дә тәбиғәттең сихри гүзәллегенә күмәлгән баксала үзбөзгә урмандағылай хис иттек* (БК) 'И летом, и зимой, и весной, и осенью в саду, погруженном в дивную красоту природы, мы чувствовали себя как в лесу'; *Кисә, бөгөн туккан кәстәрәбез һезгә өсөн, йәштәр, аңлағыз!* (Б. Вәлит) 'Силы, которые мы тратили вчера, тратим сегодня, для вас, молодежь, поймите!';

2) именем в дательном падеже со значением наречия: *төшкә әйләнеп кайт* 'возвращайся к обеду';

3) именем в исходном падеже: *Санаңды йәйзән, арбаңды кыштан әзерлә* (посл.) 'Готовь сани летом, а телегу — зимой';

4) существительным, числительным, причастием в местном падеже: *Мең туғыз йөз кырк биштә Туғызынсы май көнө, Гитлер корал һалды — һуғыштың бөткән көнө* (фольк.) 'В тысяча девятьсот сорок пятом, девятого мая, гитлеровцы сложили оружие — настал день окончания войны'; *Без килгәндә һыу аша сыкманык бит!* (Д. Юлтый) 'Когда сюда мы пришли, мы ведь через реку не переправлялись!';

5) деепричастием: *Ашты һеңгәс макта, юлдашты белгәс макта* (посл.) 'Пищу хвали после усвоения, а спутника — после знакомства'.

Составное обстоятельство времени, выраженное основным падежом имени с послелогом, бывает двух видов:

1) с послелогоми *менән, һайын*: *Кенәздәр бөгөн таң менән бергә калктылар һәм жояш менән бергә юлга сыктылар* (И. Насыри) 'Князья сегодня поднялись вместе с рассветом и с заходом солнца вышли в дорогу'; *Яңы йыл һайын, байрам һайын, тыуған көндәре һайын бер-береһен котлап телеграмма һуғалар* (С. Агиш) 'В каждый новый год, каждый праздник и день рождения, поздравляя друг друга, шлют телеграммы';

2) с послелогоми *алдынан, элек*: *Учалы рудниге партияның егерме беренсе съезы алдынан ғына эшкәртелә башлань, үзенең тәүге тонна рудаларын бирзе* (М. Хәйзәров) 'Учалинский рудник стал разрабатываться перед самым XXI съездом партии, дал первые тонны своей руды'; *Бәлкәм, Пушкин бик куп йылдар элек Ошо тауға баһып торғандыр* (Р. Нигмәти) 'Может быть, много лет тому назад Пушкин стоял на этой горе'.

Составное обстоятельство времени, выраженное косвенными падежами со служебным словом, представлено следующими разновидностями:

1) названием времени в дательном падеже с послелогоми *каршы, тиклем, саклы, табан*: *Ял көпөнә каршы Юнусович тағы һыу буйына йыйына башлань* (Б. Бикбай) 'Перед выходным днем Юнусович опять стал собираться на берег реки'; *Киске сәгәт һигеззән иртәнге һигезгә тиклем урамда йөрөү тыйыла* (Ф. Иҗәнголов) 'С восьми часов вечера до восьми часов утра движение по улицам запрещается';

2) названием времени в исходном падеже с послелогоми *бирле, һуң, алып, башлап*: *Сабилов иртәнән бирле бер мәсьәләне сисә алмай бутала* (С. Агиш) 'Сабилов с утра никак не может решить одну задачу'; *1922 йылдың 18 июленән башлап яңы Баш ЦИК бөтә «Оло Башкортостан» менән идара итә башлань* (ӘБ) 'С 18 июля 1922 года новый Баш ЦИК начал управлять всей большой Башкирией';

3) развернутым словосочетанием, представляющим чаще всего синтаксический фразеологизм типа: *Бөйөк Ватан һуғышының беренсе көндәренән алып дошманды тар-мар иткәнгә саклы Хәбиб Ғаниев фронтта булды*

(С. Кудаш) 'С первых дней Великой Отечественной войны до разгрома врага Хабиб Ганиев был на фронте'.

Если обстоятельство времени употребляется препозитивно или перед глаголом-сказуемым, то оно, как правило, актуализируется.

Обстоятельство места

Обстоятельство места обозначает место действия, обозначенного глаголом.

Простое обстоятельство места выражается следующими словоформами:

1) существительным в дательном падеже: *Райком секретаре ашка ла, сайгә ла, туйга ла барырга тейеш* (Ә. Вәли) 'Секретарь райкома должен ходить в гости на обед и чай, и на свадьбу';

2) существительным в исходном падеже: *Мәскәүҙән һәм Киевтан, Волганан һәм Уралдан, Алыҫ Себерҙән һәм Прут ярҙарынан, Көньяктан һәм Төньяктан килгән делегаттар съезға рапорт бирзеләр* (М. Кәрим) 'Делегаты, приехавшие из Москвы и Киева, с Волги и Урала, из Далекой Сибири и с берегов Прута, с Юга и Севера, рапортовали съезду';

3) существительным, особенно наименованием места и т. п., в местном падеже: *Үзбөз Өфөлә, ә улыбыз Мәскәүҙә тора* 'Сами мы живем в Уфе, а сын — в Москве'; *Оло йөрәк тузалыр иртәрәк Туйза түгел, яуза, ярышта, Ғәзәллек һәм хаклыҡ осән барған Мәңгелек, зур, ауыр алышта* (З. Бишпева) 'Большое сердце, наверное, встает раньше не в пирах, а в борьбе, в вечной схватке за справедливость'.

Составное обстоятельство места выражается изафетной конструкцией с замыкающим компонентом в дательном, местном и исходном падежах: *Халык өйгә инеп, урындыкка, изәнгә, мейес эргәләренә тезелде, солаң тулды, кешеләр ишек алдына эркелде* (Н. Дәүләтшина) 'Люди ворвались в дом, разместились на нарах, на полу, в о з л е п е ч к и, чулан был забит до отказа, люди устремились к порогу дома'; *Башкорт гвардия кавалерия дивизияһы Беренсе Белоруссия фронты составында О д е р й ы л г а һ ы б у й ы н д а Берлингә һожум итергә әзерләнгә* (К. Даян) 'Башкирская гвардейская кавалерийская дивизия в составе Первого Белорусского фронта н а О д е р е готовится к наступлению на Берлин'; *Урман полосалары — безең қолаялан якта игенсенең уң кулы ул* (Н. Мусин) 'В наших с т е п я х лесные полосы — правая рука хлебороба'; *Ал шурзарын түгәр гектарзарға Тау аръярынан таң тьузы* (Р. Ниғмәти) 'Алые лучи залили гектары, и з - з а г о р поднялась заря'.

Сложное обстоятельство места с послелогом имеет организующий компонент, выраженный именем существительным в направительном падеже с послелогом *тиклем*: *16-сы башкорт кавалерия дивизияһы Волганан алып Эльбага тиклем героик юл үтте* (ӘБ) 'Шестнадцатая башкирская кавалерийская дивизия прошла героический путь от Волги до Эльбы'.

Обстоятельство причины

Обстоятельство причины обозначает причину совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство причины выражается следующими словоформами:

1) существительным или причастием в дательном падеже: *Шулай төндәрҙең береһендә урамда кысқырышкан тауышҡа уянып киттем* (С. Агип) 'Так вот в одну из ночей я проснулся от крика, раздавшегося на улице'; *Ат арымай тау менгәнгә, арымай юртып килгәнгә, арий жарай белмәгәнгә* (посл.) 'Лошадь не устает от подъема на гору, не устает, когда бежит рысью, а устает от неумелого ухода';

2) существительным, именем действия, субстантивированным причастием в исходном падеже: *Моңлануыҙан, зарлануыҙан бығау асыламы ни?* (З. Бишпева) 'Разве отомкнуться оковы от стонów и причитаний?'; *Кайһы ваҡыт шығыр ижад иткән буламы, Әскә тулған хәсрәткә түзмәгәндән; Бара торғас ағыа китер тип, һаман да өмөтөмдө өзмәгәндән* (М. Ғафури) 'Иногда сочи-

няя стихи, не в силах сдержать переполняющие меня чувства, не теряя надежды на то, что жизнь пойдет вперед’;

3) деепричастием на -п: *Мин бөгөн төндә ғәрип жунағымды уйлап, рәтле йоклай алманым* (М. Гафури) ‘Всю ночь я думал о своем увечном госте, и не выспался’;

4) деепричастием на -ғас/-ғәс: *Ужығас та, эшлэгәс тә Ғәлбәзәргә клубта һирәк булырға тура килә* (Д. Исламов) ‘Из-за того, что приходилось и работать и учиться, Гульбазар редко бывала в клубе’.

Составное обстоятельство причины может быть выражено:

1) причастием прошедшего времени с послелогом *өсөн* ‘из-за’: *Малай сакта Холодковский тигән баярҙың атын өркөткән өсөн безге лә ябып куй-ғайнылар* (С. Агиш) ‘Из-за того, что будучи мальчишками мы напугали коней боярина Холодковского, нас тоже посадили под замок’; *Кыйыу улдар тыу-зырғаны өсөн Күккә осоролған ауылдар* (Р. Нигмәти) ‘В небо прахом взмечены аулы за то, что породили отважных сынов’;

2) именем действия с послелогом *сәбәпле* ‘по причине’: *Ғаилләә баш бала булыу сәбәпле, Әсмәгә бик кескәйҙән эшләп үсәргә, ата-әсәһенә ярҙамла-шырға тура килә* (З. Бишева) ‘По причине того, что Асма была старшей среди детей, ей с малых лет приходилось много работать, помогать своим родителям’;

3) существительным, именем действия с послелогоми *айһанлы, арһанлы, һөҙөмтәһендә*: *Яңы биш йыллыкта төзөлөш эштәренең байтаҡ артыуы айһанлы, төзөүселәргә булған талап тағы ла күтәрелә* (СБ) ‘В связи со значительным ростом строительства в новой пятилетке требования, предъявляемые к строителям, значительно повысились’; *Кызыу эш арһанлында Тимербай үз аһында кем тороуына ла иғтибар бирмәгән* (С. Агиш) ‘Из-за напряженной работы Тимербай не придавал значения тому, кто стоял возле него’; *Артык күп эскән ваҡытта паралич һөҙөмтәһендә кеше үлә* (СБ) ‘При частых выпивках человек умирает в результате паралича’;

4) причастием прошедшего времени с послелогом *һайын*: *Илдарға арыу-ыраҡ йөзгән һайын дәрт инә барҙы, йөзөндә шатлыҡ балһыны* (Ф. Рәхимғолова) ‘Чем лучше плавал Ильдар, тем большая уверенность вселялась в его душу, на лице светилась радость’;

5) причастием прошедшего времени в направительном падеже с послелогом *күрә*: *Ярлылыкка тамам өйрәнгәнә күрә, быллар иртәнге көндөң һисек буласағы һәм һисек үтәсәге тураһында кайғыртмайҙар ине* (М. Гафури) ‘Из-за того, что они полностью привыкли к бедноте и нищете, эти люди несколько не думали и не заботились о том, как пройдет завтрашний день и каким он будет’.

Обстоятельство причины является очень подвижным второстепенным членом предложения: оно может употребляться препозитивно перед подлежащим и перед сказуемым. Его местоположение всецело зависит от характера контекста и коммуникативного назначения синтаксической конструкции.

Обстоятельство цели

Обстоятельство цели обозначает цель совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство цели в башкирском языке не получило развития. Оно выражается лишь различными формами инфинитива: *Сәскәле болондарға югерешеп уйнарға, шаярға, яңы сапқан йәшел бесән өстөндә йокларға, кистәрен, эштән кайткандың һуңында, Ымык буйҙарын яңғыратып йырларға килделәр* (И. Насыри) ‘Приехали, чтобы резвиться, бегая по цветочным полям, баловаться, спать на свежескошенной траве, а по вечерам, вернувшись с работы, петь во весь голос, оглашая берега Ымыка’; *Йәйге ал таң балһып атҡанда, Тын тугайҙан томан жалһканда, Ҡиттем ил сиктәрен һаҡларға, Ерҙә тыныслықты яҡларға* (К. Даян) ‘Когда занималась летняя заря, Когда с долины поднимался туман, Ушел я охранять границы страны, Оберегать мир на земле’; *Ҡол булмаҫҡа уға, бил бөкмәҫкә безгең*

халыктар жорал алды ла (С. Кулибай) 'Наши люди взялись за оружие, чтобы не стать его рабами, не стать на колени'.

Составное обстоятельство цели, получившее довольно широкое распространение в художественных произведениях, выражается преимущественно следующими конструкциями:

1) инфинитивом с послелогом *тип*: *Закирхановтар ғаиләһе, кунактарҙы озатырға тип, ишек алдына сықты* (С. Агиш) 'Семья Закирханова вышла во двор проводить гостей'; *Янғын-фәлән сыға калғанда, һундерергә тип йәшик менән ком, бизрә, балта, лом куйғандар* (Ш. Янбаев) 'На случай возникновения пожара для тушения поставлены ящик с песком, ледро, топор, лом';

2) глаголами изъявительного или желательного (в 1-м лице) наклонений с послелогом *тип*: *Әште яҡшылыҡ, татыулыҡ менән бәтәргәйек тип килдек* (П. Дәүләтшина) 'Мы пришли, чтобы уладить дело миром и согласием'; *Канкан һалдым кара ташка Күк бурене алам тип, Яусылаттым жозасаны Бисәлеккә алам тип* (фолькл.) 'Поставил канкан на черный камень, чтобы поймать серого волка, сватал я сваху, чтобы взять ее в жены';

3) именем действия или причастием будущего времени с послелогом *өсөн*: *Кеше донъяны йәмһезләү өсөн түгел, матурлау өсөн йәшәй* (З. Биишева) 'Человек живет для того, чтобы украшать, а не осквернять землю'; *Гөлбану еңгә кунакка сәй эҙерләү өсөн самауырың жаға башланы* (И. Насыри) 'Матушка Гульбану стала вытряхивать самовар, чтобы приготовить чай гостям';

4) именем действия или причастием на *-(ы)р/-(е)р* с послелогом *өсөн тип*: *Батыев үзе алдан танышыу өсөн тип килеп еткән* (Д. Исламов) 'Батыев сам пришел первым, чтобы познакомиться'; *Жнейкаға еккәндә бурылдан котолор өсөн тип Әпнасир малайы һаламы сығып торған мөйәтле камыт кейҙергән* (С. Агиш) 'Когда подъехали к жнейке, сынок Аппасира, для того чтобы избавиться от чалой лошади, надел на нее хомут с соломой';

5) именем действия в сочетании со сложными послелогом *ниәте менән, теләге менән, мақсаты менән*: *Ярһыған арыслан кеүек атылып барып, сейфкә һалған күк папкалағы жағызарҙы алыу ниәте менән Нигмәтулла кулдарын йәйзе* (Я. Хамматов) 'Метнувшись, как разъяренный лев, Нигмәтулла протянул руки, чтобы взять из сейфа синюю папку'; *Нина менән Тимер, кәңәш менән сыжжас, саф һауала булыу теләге менән оло урамың өсөнә тиклем атлап киттеләр* (Б. Бикбай) 'После собрания, желая подышать свежим воздухом, Тимер и Нина шли до самого конца большой улицы'; *Фимай өйгә инеү менән, хужаның килене бер аз жаушап калды, диңкәтен икенсегә бороу мақсаты менән өстәл өстәндә яткан пакеткә күрһәтте* (И. Насыри) 'Когда Гимай вошел в дом, невестка хозяйка дома замерла в растерянности, и чтобы отвлечь его внимание, показала на пакет, лежавший на столе'; послеложное сочетание *мақсаты менән* преимущественно употребляется в периодической печати и составляет особенность публицистического стиля;

6) сочетанием инфинитива и деепричастия: *Рәшит, Әминәне тыныслан-дырырға теләп, һизер әйтте* (Ә. Мирзахитов) 'Желая успокоить Амину, Рашият что-то сказал ей';

7) именем действия с послелогом *мақсатында* (синоним *өсөн*). В современном башкирском литературном языке данный структурный тип обстоятельства цели чаще всего встречается в общественно-политической и публицистической литературе: *Халықты хезмәтләндереүгә яҡшыртыу мақсатында калаларҙа ла, ауыл ерҙәрендә лә автобустар паркы байтаҡ тулыландырыласаң* (СБ) 'В целях улучшения обслуживания населения автобусный парк будет существенно пополнен как в городах, так и в сельской местности'.

В некоторых случаях обстоятельство цели выражается сочетанием нескольких слов, которое напоминает идиоматическую единицу или фразеологизм: *Арыслан, без донъяға кенә-төнә эшләү өсөн генә түгел, ә шул хезмәтебезгә рәхәтән күрер өсөн дә киләбез* (И. Абдуллин) 'Мы, Арслан, рождены не только для того, чтобы работать дни и ночи, но и для того, чтобы блаженствовать, пользуясь плодами своего труда'.

В зависимости от характера контекста и коммуникативного задания обстоятельство цели может выступать и в качестве основного, организующего компонента деепричастных оборотов.

Обстоятельство образа действия

Обстоятельство образа действия обозначает прием, способ, метод совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство образа действия выражается следующими словоформами:

1) наречием и прилагательным, употребленным в значении наречия: *Ул рус кыздары менән бергә кайнай, улар менән бергә укый* (Б. Ишемғолов) 'Она ходит вместе с русскими девушками, вместе учится'; *Мөхәббәттең теле матур, татлы, ялғанһыҙ булырға тейеш* (М. Кәрим) 'Язык любви должен быть красивым, сладким, честным'; *Зурьрак йорттарҙың фасадтары вьетнамса һәм русса яҙылған лозунглар менән бизәлгән* (М. Кәрим) 'Фасады больших домов украшены лозунгами, написанными на вьетнамском и русском языках';

2) деепричастием: *Калаклар йыйғанды табаклар түкмә* (посл.) 'То, что собрано ложкой, не выливай чашкой'; *Тарихи еңеү көнөн кыуаныс менән урам шаулатып, гармун уйнап, ылашып, йырлашып, бейешеп, үбешеп жаршы алдылар* (СБ) 'Исторический День Победы встретили радостными криками, играми на гармонии, пели песни, танцевали, целовались и заливались слезами'; *Үзебезгә тор, теләгәнсә аша, теләгәнсә йөрө* (С. Агиш) 'Живи у нас, ешь сколько хочешь, гуляй сколько влезет';

3) существительным в исходном падеже: *Уның һуңғы һүзе эстән, йөрәктән әйтелде* (Д. Юлтый) 'Его последние слова были сказаны от чистого сердца'; *Сафта барған балалар Көр тауыштан, Бер тауыштан Йырҙы элп алалар* (Ш. Биккол) 'Дети, что идут в строю, звонким голосом, на лету подхватывают песню';

4) редуцированной формой деепричастия на *-а/-ә*, *-й* и на *-п*: *Шәриф үз өйөндәге кеүек ашыкмай ғына һөйләшә-һөйләшә ултырҙы* (Ф. Ибраһимов) 'Шариф сидел, как в своем доме, неторопливо разговаривая'; *Иптәштәрем дә, эстәрем тотоп, бөгөлөп-бөгөлөп көлөләр* (С. Агиш) 'Мои друзья хохочут, схватившись за животы и раскачиваясь всем телом';

5) звукоподражанием или сложным глаголом, образованным от него: *Хәйруллин менән улар шыбыр-шыбыр һөйләшәләр* (С. Агиш) 'Они говорят с Хайруллиным, перешептываясь'; *Ағыла унда зың-зың килеп, Дөң-дөң килеп тимер ташкын* (М. Кәрим) '«Зың-зың», «дон-дон» течет там железный поток';

6) причастием в форме местного падежа: *Карағайлыға быйыл кыш бөтөнләй көтмәгәндә килде* (Н. Мусия) 'Зима в этом году наступила в Карагайлы совершенно неожиданно'.

Составное обстоятельство образа действия может быть выражено:

1) существительным или именем действия с послелогом *менән*: *Ул һиндәйҙер бер батыр тауыш менән. . . йырлай* (Б. Ишемғолов) 'Он поет каким-то мужественным голосом . . .' *Улар Саяфка куркыу катыш кызганыу менән жарай башланьлар* (С. Агиш) 'Они начали смотреть на Саяфа со страхом, смешанным с жалостью';

2) существительным или причастием с послелогом *көйөнсә*, *килеи*, *киәфәттә*, *рәүештә*, *рухында*, *хәлдә*. Характерно, что послелог *көйөнсә*, *рухында* преимущественно употребляются после существительного, а *килеи*, *киәфәттә*, *рәүештә*, *хәлдә* — после причастия: *Сәлим өйгә изелгән, борсолған киәфәттә кайтып инде* (С. Агиш) 'Салим вернулся домой с измученным видом, с огорченным выражением лица'; *Эштәр беренсә көндәрҙән үк былтырғыға карағанда күп ойшошкан рәүештә, берҙәм башланды* (Б. Бикбай) 'С самого первого дня дела начались намного организованнее, более слаженно, чем в прошлом году'; *Партия үзенең сьезына тығыз тупланған дәрт-дарман һәм ижади көстәр менән тулы, халыҡ менән ныҡ бәйләнгән*

хэлдэ килэ (СБ) 'Партия идет к своему съезду в монолитном единстве, исполненная мощи и творческих возможностей, в тесном слиянии с народом';

3) существительным, прилагательным, числительным, наречием в сочетании с деепричастием *булып*: *Ленин кояш булып ер балкытты, Дауыл булып донъя сайканы; Халыктарзы Октябергә күтәрен, Ватшалыкты емерен ташиланы* (Б. Бикбай) 'Ленин солнцем землю озарил, бурей всю планету обновил, привел народы к Октябрю и разрушил трон царей'; *Совет халкы донъяла беренсе булып социализм төзөнө, ул беренсе булып тағы ла алға — коммунизмгә атлай* (Х. Филәжев) 'Советский народ первым в мире построил социализм, теперь он первым идет вперед — к коммунизму';

4) именным сочетанием с послелогоми *кеуек, тиклем*: *Аяғыма, кулыма таш бәйләп һыуга һалған кеуек юғалды ла куйы* (И. Насыри) 'Он исчез с глаз долой, словно его бросили в воду, привязав камень к рукам и ногам'; *Энәһенән ебенә тиклем сыланған балыксылар бер-бер артлы ярға якынлаша* (М. Кәрим) 'Промокшие до ниточки рыбаки один за другим приблизились к берегу';

5) устойчивым фразеологическим сочетанием: *Монтаж, бизәкләү эштәрен һисек етте шулай, минән киткәнсе, эйәһенә еткәнсе тил кенә үтәү күренештәре бар* (СБ) 'Еще случается так, что монтажные работы и оформление ведутся как попало'.

Обстоятельство сравнения

Обстоятельство сравнения обозначает сопоставление, сравнение действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство сравнения выражается следующими словоформами:

1) существительным в сравнительной форме на *-дай/-дәй, -зай/-зәй, -лай/-ләй, -тай/-тәй*: *Батыр булдың Салауаттай, Муса кеуек түземле, утжа ингән Матросовтай аямаһың үзеңде* (Н. Изелбай) 'Отважен был подобно Салавату, Мусе подобно терпелив был, не щадил себя, подобно Матросову, который бросился на пулеметный огонь';

2) деепричастием на *-ғансы/-ғансе*: *Куян булып жаскансы, ыласын булып улеу артыгырак* (посл.) 'Чем бежать зайцем, лучше умереть соколом'; *Мең йыл тыһын-топсоһоп йәшәгәнсе, бер көн яһын-ярһын, урһын-кайнап йәшәү артык!* (З. Бишева) 'Чем тысячу лет жить в затхлом болоте, лучше один день прожить кипучей, огнем полыхающей жизнью';

Составное обстоятельство сравнения выражается следующими конструкциями:

1) существительным в основном падеже с послелогоми *кеуек, һымак, шикелле, төслө*: *Зәфәр ситлектән ыскынған кош кеуек канатланып китте* (Н. Асанбаев) 'Зуфар весь вострепнулся, как птица, вырвавшаяся из клетки'; *Тимер юдан үткән сакта «Сулпан» амбарлары кыр кәззәры һымак тезелеп ултыралар* (И. Насыри) 'У переезда через железную дорогу амбары «Сулпана» выстроились, как дикие гуси'; *Әсәйемдең сәстәре һаман шул карға канаттары шикелле жап-кара кейо калды* (З. Бишева) 'Волосы моей матери так и остались черными, как воронье крыло'; *Батырлыкта күтәрелгән һәйкәл төслө, күкшеллектә ғоруранып тора Урал; матурлыкта тиңдәше юк баһса төслө күкрәп ята тыуган илебез Башкортостан* (С. Кудаш) 'Как памятник, воздвигнутый за подвиг, возвышается в голубизне Урал; нет равного ему по красе; как сад, благоухает моя Башкирия';

2) изафетным сочетанием двух существительных с послелогом *сағыштырғанда*: *Хәзерге ракета установкаһы менән сағыштырғанда данлыҡлы «катуша» уйынсыҡ һымак кына булып калды* (СБ) 'По сравнению с современной ракетой, прославленная «катуша» стала как игрушка';

3) существительным или именем действия в направительном падеже с послелогом *карағанда*: *Кайһы берзә китаптың тыуу тарихе уның йөкмәткәһенә карағанда ла кызыклырак була* (Ә. Бикчәнтәев) 'Иногда история создания книги бывает интереснее, чем ее содержание'; *Ас башакка*

жарап моңайыуға караганда тук башакка жарап йырлау мең мәртәбә артығырак бит! («Ағизел») 'Чем печалиться, глядя на пустой колос, сто крат прекраснее петь, глядя на полные колосья!'

Обстоятельство меры и степени

Данное обстоятельство обозначает объем, размер, меру и степень совершенства действия, выраженного глаголом.

Обстоятельство меры и степени преимущественно выражается следующими словоформами:

1) числительным: *Ике уйла, бер һойлә* (посл.) 'Два раза подумай, один раз скажи'; *Батыр бер үлә, журкак кырк үлә* (посл.) 'Храбрый один раз умирает, трус — сорок раз';

2) числительным и нумеративами *рәт, кат*: *Гәрәй югереп барып, тәзрә аша Тимер Янһаровка ике рәт атты* (Б. Бикбай) 'Подбежав к окну, Гәрәй дважды выстрелил в Тимера Янсарова'; *Сәлмән намыс һатмағанга, Ярлы халык шатланды; Намыслы ир икәнлеге Тағы бер кат ақланды* (К. Даян) 'Тому, что Сальман не продался, радовался бедный люд; он еще раз подтвердил, что он настоящий джигит';

3) числительным на *-лата/-ләтә*: *Һәләк булғандар урынына икеләтә артырылған көс менән яңылары ташланды* (Ф. Исәнғолов) 'На смену павшим с удвоенной энергией бросились новые люди';

4) числительным с нумеративами *тапкыр, тапкырга, кабат, мәртәбә*: *Айбикә қалаға беренсе тапкыр сақырылған колхозсы қатын-қыздар кәңәшмәһенә делегатка булып килде* (Н. Дәүләтшина) 'Айбикә приехала в город делегаткой на совещание колхозниц, созванное впервые'; *Дурт тистә йыл әсендә Башкортостан бер нисә йылға алға китте, бер нисә йөз тапкырга байықты* (М. Кәрим) 'За четыре десятка лет Башкирия ушла вперед на несколько веков, стала богаче в несколько сотен раз'; *Алты кабат ат туйһын, ете кабат ир туйһын* (посл.) 'Пусть шестикратно будет сыт конь, пусть семикратно будет сыт джигит'; *Өс көн әсендә дошман ун ике мәртәбә контракаға ташланды* (Ш. Биккол) 'В течение трех дней враг двенадцать раз предпринимал контратаку';

иногда обстоятельства меры и степени типа *ике тапкыр* 'дважды', *өс тапкыр* 'трижды' употребляются перед именем существительным и выступают в качестве определения: *Ике тапкыр Советтәр Союзы Геройы* 'Дважды Герой Советского Союза', *Өс тапкыр Социалистик Хезмәт Геройы* 'Трижды Герой Социалистического Труда';

5) наречием: *Кунак аз ултырып, күп һынар* (посл.) 'Гость просидит мало, но поймет много'; *Фронттарза коммун Камай менән Бергә көрәшеп йөрөнөм бер килке* (Г. Амантай) 'На фронте какое-то время я воевал вместе с коммунистом Камаем'; *Ғамирзең былай тыныс кына жаршы алыуы Фахризе бер талай һуындыра тоштә* (Б. Бикбай) 'То, что Гамир встретил его довольно спокойно, несколько охладило пыл Фахрия';

6) сочетанием числительного, полнозначного существительного и служебного имени *буйы, буйына*: *Урман, тау араларында ун көн буйы йөрөнө Мусакай* (Б. Бикбай) 'Десять дней подряд бродил Мусакай среди гор и лесов'; *Мин өс йыл буйына йыйылған бәтә серзәрәмде һойләрмен һиңә, Ақназарым!* (Б. Хәсан) 'Я расскажу тебе свои тайны, что накопились за три года, Ақназар мой!';

7) формой деепричастия на *-ғансы/-гәнсе*: *Әшләһәң тирләгәнсе, ашарһың туйғансы* (посл.) 'Будешь трудиться до пота, будешь есть досыта'; *Бер уңайлы моменттә Андреев теге, унтер-офицерзе тотқан да биттәрен канға туззыргансы тукмаған* (Д. Юлтый) 'Выбрав удобный момент, Андреев поймал того самого унтер-офицера и избил его до крови';

8) относительными словами *ни тиклем — шул тиклем, ни сақлы — шул сақлы*, которые употребляются в сложноподчиненных синтаксических конструкциях: *Станция кассаһы, ни тиклем билет һораусы буһа, шул тиклем һатты* (А. Таһиров) 'В станционной кассе продавалось столько билетов, сколько просили'; *Малайзар ни сақлы буһа, сыйырсық оялары*

ал шул саклы булып (Н. Асанбаев) 'Сколько мальчишек, столько и скворешей';

9) идиоматической единицей или фразеологическим сочетанием слов: *Дйтэгур, бер кинанеп ункам йозгансе сэй эсеп кайттым эле* (Б. Дәүләтшина) 'Напился чаю в досталь пока легкие не заплыли'; *Минең шул таузарзың иң бейегенә менеп, тирә-яғымды танһығым канғансы карап торғом килеп китә* (Н. Мусин) 'Иногда у меня появляется желание забраться на самую высокую вершину тех гор и смотреть вокруг вдоволь'; *Был көрәш кондәр, айзар буйынса ғына түгел, йылдар буйынса дауам итте* (И. Насыри) 'Эта борьба длилась не дни или месяцы, а годы'.

Таким образом, в отличие от определения обстоятельство меры и степени относится к глаголу и раскрывает его содержание.

Обстоятельство уступительное

Оно выражается именем существительным или именем действия в дательном падеже с послелогом *карамастан*: *Һуғыш осоронда урын, укытыусылар етешмәүе менән бәйләнгәнзур кыйынлыктарға карамастан, кала мәктәптәре нормаль эшләне* («Ағизел») 'Несмотря на большие трудности, испытываемые из-за недостатка в учителях и помещении, городские школы в годы войны работали нормально'; *Бәтә катмарлануызарға һәм хатта айырым уңышһызлыктарға карамастан, донъяның киң райондарында ижтимағи үзгәрештәрҙең күп төрлө процессе бара* (СБ) 'Несмотря на все сложности и даже отдельные поражения, идет многообразный процесс общественных изменений в обширных районах мира'; *Талха, бер нисә тапкыр йығылып көлкөгә калыуға карамастан, йәнә көрәшергә сықты* (Ж. Көйекбаев) 'Несмотря на то, что Талха несколько раз оказывался побежденным и осмеянным, он снова вышел бороться'.

ОБОСОБЛЕННЫЕ

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обособление второстепенных членов предложения является одним из сложных вопросов синтаксиса тюркских языков. В тюркологической литературе часто смешиваются обособленные второстепенные члены, обстоятельный деепричастный оборот и придаточное предложение. В азербайджанском языкознании, к примеру, существует тенденция расширения границ обособленных второстепенных членов за счет придаточных предложений. По мнению отдельных азербайджанских лингвистов⁵, синтаксические конструкции, сказуемые которых выражаются деепричастием или причастием, не являются придаточными предложениями, а представляют разновидность обособленных второстепенных членов, так как они не выражают относительно законченной мысли и лишены предикативности. Некоторые башкирские и татарские лингвисты, например К. З. Ахмеров и М. З. Закиев, в состав обособленных второстепенных членов предложения тоже включают деепричастные обороты, которые имеют свое сказуемое⁶.

Между тем обособленные второстепенные члены имеют и свои особенности: они состоят минимум из одного полнозначного слова, причем последний, основной, организующий компонент развернутого, распространенного обособленного второстепенного члена никогда не выражается деепричастием или причастием, следовательно, и не может выступать в качестве сказуемого при любых условиях, иными словами этот организующий компонент лишен категории предикативности.

По своей структуре обособленный второстепенный член бывает нераспространенным и распространенным.

⁵ См.: *Ширалиев М. Ш.* Проблема сложноподчиненного предложения. — Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 81.

⁶ *Әхмәр К.* Бапкорт телендә ябай һойләм синтаксисе. Офе, 1958, с. 169; *Закиев М. З.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 156 и др.

В современном башкирском литературном языке определение и дополнение обособляется сравнительно реже, чем приложение и обстоятельство. Это объясняется тем, что определение преимущественно относится к существительному, а дополнение поясняет глагол, причем ни определение, ни дополнение почти не выступают в качестве общего второстепенного члена в начале предложения, как это бывает обычно с обстоятельствами времени и места.

В башкирском языке преимущественно обособляются следующие второстепенные члены.

1. Обособленное определение: *Атайым, меҫкен, айбер урлап тотолган кеше кеүек курғып, ык-мык итте* (М. Гафури) 'Мой отец, бедный, бормотал как человек, пойманный с поличным'.

В зависимости от контекста обособленному определению в качестве уточняющих слов могут предшествовать слова *бигерәк тә* или *шул иҫәптән*: *Гөлйөзөм ололарзың, бигерәк тә байбисәләр, әйтеүенә килә һалып ултырыузың зур әҙәһезлек икәнен яҡшы белә* (Б. Дәүләтшина) 'Гульюзум хорошо знает, что неприлично садиться по приглашению старших, особенно жен богачей'.

В таких синтаксических конструкциях обособленное определение, как правило, должно иметь форму принадлежности.

Если оно употребляется в основном падеже, то мы имеем дело с обособленным приложением.

2. Обособленное определение: *Шулай итеп, мин, урман, тау-таш араһында ғүмер иткән башкорт малайы, бөгөн Мәскәүгә Бәтә Рәсәй партия съезына барырга юлга сығам* (Ш. Хозайбирзин) 'Таким образом, я, сын башкира, проживающего среди лесов, каменных гор, сегодня выезжаю в Москву на Всероссийский партийный съезд'.

В данном примере обособленное приложение поясняет личное местоимение *мин* 'я', поэтому приложение выделяется с помощью запятой. Если обособленное приложение относится к именам существительным, то между поясняемым словом и приложением ставится тире: *Салауаттың тоғро дустары — Кинйә батыр менән Кәһһәфәр, Кыйғыр боркот булып, яу кыйратып, Мәлғун дошмандарҙан көл яһар* (фолькл.) 'Верные друзья Салавата — Кинзя-батыр и Кәһһәфәр, как беркуты, разгромили врагов'.

3. Обособленное дополнение. Характерно, что по своим функциям многие обособленные дополнения напоминают приложение, но отвечают на вопросы дательного и винительного падежей: *Мин кызымды бына тигән кешегә, Физзәт әфәндегә, бирҙем* (Х. Ибраһимов) 'Я выдал свою дочь за настоящего человека — господина Физзата'; *Уларға, производство техниктарына, үзәренә, беләмдәре менән ижади һаләтлектәрен күрһәтеү өсөн киң мөмкинлектәр бирелгән* (СБ) 'Им, технологам производства, представлены широкие возможности для проявления своих знаний и творческих способностей'; *Бәғзе урындарҙа агрономдарға, бигерәк тә йәш агрономдарға, насар мөнәсәбәт итеү гәҙәткә ингән* (СБ) 'Кое-где сложилось неправильное отношение к агрономам, особенно молодым'; *Электрэнергетиканы, бигерәк тә атом электр энергетикаһын, машиналар эшләүҙе, химия, нефть химияһы һәм газ промышленноһен тизләтелгән темп менән үстерергә* (СБ) 'Ускоренными темпами развивать электроэнергетику, особенно атомную, машиностроение, химическую, нефтехимическую и газовую промышленность'.

Иногда обособляется и сложное дополнение: *Үткән кварталда ла байтаҡ мөһим күрһәткестәр, шул иҫәптән торлаҡ йорттар һалыу буйынса артта калыуға юл куйылды* (СБ) 'Допущено отставание по ряду важных показателей и в минувшем квартале, в том числе по сооружению жилья'.

Обособленные дополнения преимущественно встречаются в переводной с русского языка общественно-политической и публицистической литературе.

4. Обособленное обстоятельство времени: *Иҫәдәме, Гөлбадуан еңгә, без теге сакта, бынан утыз йыл элек, партизандар менән киткәндә, озатып калғайнығыҙ* (М. Кәрим) 'Помните, сноха Гульбадуан, тогда, тридцать лет тому назад, когда мы уходили с партизанами, вы нас провожали'; *Бөгөн мәктәпкә килгән балалар киләсәктә — безең быуаттың тукһанынсы йыл-*

дарында һәм егерме беренсе быуат баһтарында илдең экономикаһын һәм культураның үстерәсәктәр (СБ) 'Тот, кто в эти годы поступит в школу, будет развивать экономику и культуру страны в будущем в девяностых годах нашего столетия и в начале двадцать первого века'.

5. Обособленное обстоятельство места: *Әхмәт төнгә тиклем шунда, һыу буйында, камышлыктар, таллыктар араһында, ятты* (И. Көсөпкөл) 'До наступления ночи Ахмет лежал там, у реки, в камышах и ивняке'.

6. Обособленное обстоятельство цели: *Һина менән Тимер, кәңәшмәнән сыжжас, саф һауала булыу теләге менән, оло урамдың осона тиклем атлап киттеләр* (Б. Бикбай) 'После совещания Нина и Тимер, чтобы побыть на свежем воздухе, прошли до конца большой улицы'.

7. Обособленное обстоятельство образа действия: *Халык, ни эшләргә, кайза барырга белмәй, жорога ташланган балык кеүек, тыпырсынды* (З. Бишшева) 'Народ, не зная, что делать и куда идти, бился как рыба, выброшенная на берег'; *Егеттәр, йәйәләрҙән ысҡындырылган уктарҙай, алға атылдылар* (Р. Низамов) 'Джигиты как стрела стремились вперед'.

8. Обособленное обстоятельство меры и степени: *Советтәр Союзының халкы 1959 йылдың 15 гинуарынан 1970 йылдың 15 гинуарына тиклем 32 миллион 900 мең кешегә, йәғни 15,8 проценткә, арткан* (СБ) 'Население Советского Союза с 15 января 1959 года по 15 января 1970 года увеличилось на 32,9 миллиона человек, или на 15,8 процента'; *Һуңғы биш йыл эсендә милли доходтың дөйөм күләме бик зур сумма — бер триллион 166 миллиард тәшкил итте* (СБ) 'Общий объем национального дохода за последние пять лет составил огромную сумму — один триллион 166 миллиардов рублей'.

9. Обособленное обстоятельство уступительное: *Мин дә, юлдан талып, өшөп кайтыуыма ла карамастан, тамсы ла күз йомманым* (Й. Солтанов) 'Несмотря на то, что я вернулся, обессилев с дороги и окоченев от холода, я ни на минуту не заснул'; *Кәһәрле һуғыштың кот оскос ауырлыктарына карамастан, Хәкимә апай арымай-талмай комбайнда эшләй* (БТГ) 'Несмотря на невероятные трудности жестокой войны, тетя Хакима неутомимо трудится на комбайне'.

Если функцию уступительного обстоятельства выполняют глагол условного наклонения с частицами *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә*, то такой второстепенный член является необособленным обстоятельством или выступает в качестве основного, организующего компонента деепричастного оборота.

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В зависимости от контекста и коммуникативного назначения в предложении могут быть однотипные параллельные главные и второстепенные члены. Сочинительная, соединительная, присоединительная связь между компонентами, своеобразная интонация, одинаковое групповое морфологическое оформление — вот характерные особенности однородных членов предложения. Они на одинаковых началах непосредственно соотносятся с одним и тем же членом предложения.

Наиболее характерными чертами морфологического оформления однородных членов предложения являются:

1) раздельное оформление каждого компонента относительно которого допустима определенная вариативность, в частности вариативность оформления однородных подлежащих, прямых дополнений и глагольных сказуемых;

2) групповое оформление: общие аффиксы тождественных словоформ имен могут быть представлены только при замыкающем компоненте, по такому же принципу оформляется именное сказуемое со служебным словом; аффиксальный элемент тождественных глагольных сложных форм остается при каждом компоненте, а спрягаемая часть этих форм ставится при замыкающем компоненте: *Капитализм эшселәр менән хезмәтсән крәстиәндәр араһындағы бик күп таланттарҙы быуа, баҫа, кыйрата килде* (В. И. Ленин) 'Капитализм душит, угнетает и губит многие таланты среди рабочих

и крестьян'; Мансур бер кайза ла сыкмас, бер кайзала бармас, бер кем менэн дэ һойләшмәс булды (К. Мәргән) 'Мансур перестал выходить, никуда не ходил, ни с кем не общался';

3) замена тождественных глагольных словоформ формой деепричастия на -п⁷: *Гыбайлылар аттарынан төшөп, тезгендәрен ботакка элөп, табандары менэн таштарзы шаузырлатып тубән иш-ишә, бейек һыртжа үрмәләнеләр* (И. Солтанов) 'Сойдя с лошади и прицепив поводья к веткам, всадники стали подниматься вверх, спшибая ступнями камни'.

ОДНОРОДНЫЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ

Наличие двух или более подлежащих в предложении усиливает смысловую нагрузку этого главного члена, в результате чего подлежащее актуализируется, приобретая особую интонацию. Однородные подлежащие обычно соединены сочинительной связью.

Если в предложении два подлежащих, то между ними может употребляться союз *менэн*, который в известной мере усиливает, акцентирует наличие однородности этого главного члена. Кроме того, данный союз может употребляться и между многочисленными однородными подлежащими: *Аж кейемле кара африканец менэн кылган сәсле немец кызы, үзбәк менэн монгол ярыша-ярыша буласак бакса осөн ер казый* (Р. Бякбаев) 'Африканец в белой одежде и немка с волосами, как степной ковыль, узбек и монгол, соревнуясь между собой, копали землю для будущего сада'.

Если в конструкции три и более подлежащих, то перед последним обычно употребляется союз *һәм*: *Бәтә иген, котәү-котәү мал, мылтык, кылыс, пулемет һәм пушкарлар кызылдар кулына тоштө* (И. Кәсәпкол) 'Весь хлеб, скотина, ружья, сабли, пулеметы и пушки достались красным'.

Аффикс мн. числа при перечислении в одинаковой мере относится и к предпозитивным подлежащим.

Для актуализации однородных подлежащих после каждого из них употребляется соединительный сочинительный союз *да/дә, та/тә, за/зә, ла/лә*: *Таузарзағы йәшен йәшнәүе лә, сабий бала көлөүе лә, далалағы боронго бер аңғыз уба ла, республикам өстөндә елберзәгән күк һызыклы кызыл байрак та — минең Ватаным, Башкортостаным* (М. Кәрим) 'И молния над горами, и смех младенца, и древний курган в степи, и красное знамя, развевающееся над республикой, — все это моя Отчизна, моя Башкирия'.

Данный стилистический прием применяется главным образом для логического акцента на каждом подлежащем.

В отдельных случаях перед постпозитивным подлежащим в целях его выделения употребляется следственно-усилительный союз *хатта*: *Бындағы һәммә нәмә: сәскәлар, ағастар, хатта ситән буйындағы кесерткәндәр зә яһил тойола* (СБ) 'Здесь все — цветы, деревья, даже крапива у плетня — кажется близким и родным'.

Одна из особенностей башкирского синтаксиса состоит в том, что глагольное сказуемое при однородных подлежащих употребляется в ед. числе: *Кешелек донъяны үсешенең магистраль юлын донъя социализм системаһы, халык-ара эшселәр синьфы, бәтә революцион көстәр билдәләй* (СБ) 'Магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы'.

ОДНОРОДНЫЕ СКАЗУЕМЫЕ

Довольно часто два или более действия, выраженные сказуемым, относятся к одному субъекту. Между однородными сказуемыми устанавливается сочинительная связь: *Нафисә әһе менән бергә өй йыйыштырзы, аштар әзерләште, һауыт-һабаны рәтләште* (И. Кәсәпкол) 'Нафиса вместе с матерью убрала комнату, приготовила обед, расставила посуду'.

⁷ Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и спрягаемых форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 192.

Если в одном простом предложении только два сказуемых, если они выражают последовательно совершающиеся действия, то между двумя однородными сказуемыми употребляется соединительный союз *да/дә* со своими фонетическими вариантами. Иногда этот союз заменяется словом *һәм*, хотя оно не употребляется ни в разговорной речи, ни в башкирском устном народном творчестве⁸: *Тукта, иртә менән ул байзың үзенә инәйем дә ул ике йыл буйына йөрөгән хакымды һорайым* (Г. Хойбуллин) 'Погоди, зайду-ка я утром к этому баю и попрошу свою заработную плату за двенадцать лет'; *Микрометеорҙар һәм космос саңы өлөшсәләре Айзың өстөндәге матдәне ваклайҙар һәм бер урындан икенсе урынға күсерәләр* (СБ) 'Микрометеоры и осколки космической пыли крошат вещества на поверхности Луны и переносят их с одного места на другое'. (более предпочтительным здесь представляется вариант: *Микрометеорҙар менән космос саңы өлөшсәләре и ваклайҙар за. күсерәләр*).

Если два сказуемых выражаются прилагательным или наречием, то между ними употребляется соединительный союз *һәм*: *Лениндең исеме бәтә халыҡтарға һәҙерле һәм яҡын* (СБ) 'Имя Ленина дорого и близко всем народам'.

Если в предложении глагол в одном и том же лексическом значении употреблен в формах прошедшего и настоящего времени, то между его словоформами ставится тот же сочинительный союз *һәм*: *Совет кешеһе илебезең иң зур һыу артерияларын гигант плотиналар тезмәһе төҙөү юлы менән үзенә буйһондорҙо һәм буйһондора, грандиоз һуғарыу һәм суднолар йөрөшлө каналдар төҙөнө һәм тоҙой, төньяктағы йылғаларҙың һыуын көньяктағы һыуһыз райондарға ағызырға әҙерләнә* (СБ) 'Советский человек путем строительства плотин на крупнейших водных артериях страны подчинял и подчиняет реки, строил и строит грандиозные водные и судоходные каналы, готовится направить северные реки в безводные пространства юга'.

Нередко конкретные по значению постпозитивные сказуемые раскрывают содержание более абстрактного препозитивного сказуемого, при этом первое сказуемое как бы выступает в качестве своеобразного обобщающего слова: *Тимербай пулеметтынан китмәне: һүтте, тағатты, жорҙо, тоҫҡаны, атты* (З. Биешева) 'Тимербай не отходил от пулемета: разбирал его и собирал снова, настраивал, заряжал, целился, стрелял'; *Без өсәу телефонға өйрәнәбез: катушкалар һүтәбез, сымдар һузабыҙ, аппараттар урынлаштырабыҙ, һөйләшәбез, телефонограммалар тапшырабыҙ һәм кабул итәбез* (Д. Юлтый) 'Мы втроем изучаем телефон: разматываем катушку, тянем проволоку, устанавливаем аппараты, разговариваем, передаем телефонограммы и принимаем их сами'; *Малайҙар жулдан килгәнсе ярҙам итәләр: вағыраҡ төргәктәрҙе тапшырҙар, әсирҙәрҙе һаҡлайҙар, шишмәгә барып, һыу алып киләләр* (Ө. Бикчәнтәев) 'Мальчишки оказывают посильную помощь: таскают кульки, что поменьше, охраняют пленных, приносят воду из родника'.

В целях актуализации между однородными сказуемыми употребляется в перечислительной интонации соединительный союз *да/дә* (с вариантами): *Алһыуға еңел дә, кызык та булып китте* (Ф. Ибраһимов) 'Алеу стало и легко, и интересно'; *Кешеләр бит эшләй генә түгел, хәсрәтләнә лә, шатлана ла, ярата ла белә* (Р. Сафин) 'Ведь люди умеют не только трудиться, но и заботиться о завтрашнем дне, и радоваться, и любить'.

В языке общественно-политической литературы и художественных произведений между замыкающим и предпоследним сказуемым употребляются пояснительные слова *йәғни*, *йәғни-мәҫәлән*, актуализирующие предыдущее сказуемое: *Промышленность етештәреүенең дөйөм күләме 1970 йылда 373 миллиард һум тәшкил итте, йәғни биш йыллыкта бер ярым тапҡырға үсте* (СБ) 'Общий объем промышленного производства составил в 1970 году 373 миллиарда рублей, то есть возрос за пятилетие в полтора раза'; *Безҙең атайҙар бергә шәриктәш булғандар, йәғни укығанда дуҫлашып йөрө-*

⁸ *Примечание отв. ред.* Эти союзы различаются не только по сфере своего применения, но и по значению; см.: Юлдашев А. А. Указ. соч., с. 199.

гәндәр (М. Кәримов) 'Наши отцы были одноклассниками, то есть дружили, когда учились вместе'; Гин, Андрей, шәп кешенең, начальник тә булганһың, йәғни-мәғлән колхозда бригадир булып йөрөгәнһең (Ә. Бикчәнтәев) 'Ты, Андрей, хороший человек, был начальником, то есть работал бригадиром в колхозе'.

В зависимости от контекста в простом предложении между однородными сказуемыми может употребляться союз *хатта*, который актуализирует замыкающее сказуемое: *Ул төндө Камилияны бик ныж эзләпеләр, хатта һәр подразделениегә кешеләр ебәрзәләр* (БП) 'В ту ночь Камилию искали повсюду, даже послали людей в каждое подразделение'.

Наконец, в целях актуализации замыкающего сказуемого широко применяется замена глагольного сказуемого в индикативе деепричастием на *-и*: *Алты кеше алтмыш кешелек эш башкарып, фашистәрзәң дүрт танкыһын яндырып, һигез офицерзә үлтереп, бик күп ул нөктәләрән емереп, киммәтле документтар элктәреп, үзбөззәң һөжүм итеүсә частәрзәң кушылдылар* (Ә. Ихсан) 'Шесть человек, выполнив работу шестидесяти человек, подбив четыре фашистских танка, уничтожив восемь офицеров, захватив важные документы, присоединились к наступающим своим частям'.

ОДНОРОДНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Однородные определения характеризуют предмет с внешней стороны или с внутренней: *Уртаса буйлы, зифа һынлы, тулы түңәрәк йөзлә, карлуғас капатындай жыйғас кашлы, южи нуры астында йылкылдаган томбой-оҗло күлдәй яғымлы күзлә йәни жатын* (Г. Гүмәр) 'Молодая женщина среднего роста, с красивой фигурой, полным круглым лицом, с бровями как крылья ласточки, с привлекательными глазами'.

Иногда препозитивное определение может быть более абстрактным по сравнению с постпозитивными, оно занимает позицию обобщающего слова: *Әллә күпме милләттәрзәң: рустарзың, башкорттарзың, татарзарзың, сыуаштарзың, калмыктарзың, марицәрзәң, удмурттарзың, мордваларзың ынтылыштарын һәм теләктәрән берләштерә алған бит Емельян Пугачев* (Ә. Бикчәнтәев) 'Ведь Емельян Пугачев сумел объединить интересы и чаяния многих народов: русских, башкир, татар, чувашей, калмыков, марийцев, удмуртов, мордвинов'.

В некоторых случаях определения отвечают на один и тот же вопрос и характеризуют один и тот же предмет, но в различных аспектах, и поэтому не могут быть однородными: *Без аңы төслә музыкаль художестволы фильм жараныж* 'Мы смотрели новый цветной музыкальный художественный фильм'. Здесь первое определение соотносится с определяемым словом лишь через посредство второго.

ОДНОРОДНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

В зависимости от контекста и коммуникативного назначения однородными могут быть как простые, так и сложные дополнения. Для усиления актуализации между парными простыми дополнениями употребляется союз *менән*: *Йәштәр менән карттарға ла, байзар менән ярлыларға ла, һарык көтөүсәһе менән бейә һауыусыға ла ышыкланыр урын кәрәк* (С. Айтматов) 'И молодым и старым, и богатым и бедным, и пастухам и табунщикам нужен кров'.

Препозиция и наличие соединительного союза *ла* еще более усиливает смысловую однородность параллельных дополнений.

В отдельных случаях однородные прямые дополнения выражаются именами существительными в нулевой форме, имеющей значение винительного падежа. Только замыкающее дополнение принимает аффикс винительного падежа, который является общим для всех предыдущих однородных прямых дополнений. Причем препозитивное дополнение носит абстрактный характер, представляя собой как бы обобщающее слово: *Ичора менән Кама араһында гидротехник система: ер дамбалар, бетон плотиналар бер-береһе менән*

тоташкан кулдар, тоташтыргыс каналдар, насос һәм гидроэлектростанцияларын тозоу күз уңыңда тотола («Ленинсе») 'Намечается строительство гидротехнической системы между Печорой и Камой: земляных дамб, бетонных плотин, озер, соединенных вместе насосных и гидроэлектростанций'.

Кроме того, дополнения могут быть однородными и сложными. Они преимущественно употребляются в середине синтаксической конструкции: *Ленин уйзаны тормош булып, бахет булып безен алдыбызга килде* (М. Кәрим) 'Ленинские мысли предстали перед нами как жизнь, как счастье'.

Наконец, в некоторых простых предложениях перед замыкающим однородным дополнением употребляется следственно-пояснительный союз *хатта*, актуализирующий его: *Шәле проектлар менән кәрәк тиклем мал азбарлары, ремонт мастерскойлары, гараж, культура йорто, хатта ике катлы мәктәп тәһалдырып куйы Дәхмәтғали* («Ағизел») 'Ахметғали построил по лучшим проектам необходимое количество сараев для скота, ремонтных мастерских, гараж, дом культуры, даже двухэтажную школу'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Иногда для актуализации однородных обстоятельств времени после каждого из них употребляется соединительный союз *да/дә* (с вариантами): *Еллеккә йөрөгәндә лә, балыкка барганда ла һин алда була торғайның* (И. Физзетуллин) 'И когда выбирались за ягодами, и когда ходили на рыбалку, ты всегда был впереди всех'.

В тех случаях, когда в синтаксической конструкции три и более обстоятельства времени, то перед замыкающим их обстоятельством употребляется соединительный союз *һәм*: *1662—1664 йылдарға, 1681—1683, 1705—1711, 1735—1740 һәм 1755 йылдарға башкорттардың восстаниеләре булған* («Ағизел») 'В 1662—1664 годы, 1681—1683, 1705—1711, 1735—1740 и 1755 годы произошли восстания башкир'.

В целях усиления смысловой градации многих однородных обстоятельств времени между парными второстепенными членами употребляется союз *һәм*: *Кызыл байрак безе хезмәттә һәм һуғышта, зур шатлык көндәрендә һәм ауыр һынаулар сәғәттәрендә рухландырғы* (СБ) 'Красное знамя вдохновляло нас в труде и в бою, в дни больших радостей и в часы тяжелых испытаний'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА

Как в языке общественно-политической литературы, так и художественных произведений однородные обстоятельства места встречаются относительно редко.

В синтаксической конструкции однородные обстоятельства места обычно стоят рядом и преимущественно употребляются между главными членами предложения: *Тимеркәй ураманда, кәбән араларында, азбар арттарында йоклап йөрөй ине* (Д. Юлтый) 'Тимеркай почевал на улице, в стогах сена, за хлебом'.

В отдельных случаях для градационного акцентирования однородных обстоятельств места между парными второстепенными членами употребляется соединительный союз *һәм*: *Завод цехтарында һәм ғилми лабораторияларға, колхоздарға һәм ғәскәри учениеләргә — совет кешеһе эшләгән бәтә ергә үсә барған хезмәт һәм политик күтәренкелек сағыла* (СБ) 'В цехах заводов и научных лабораториях, в колхозах и на войсковых учениях, всюду, где трудятся советские люди, проявляется нарастающий трудовой и политический подъем'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИЧИНЫ

В зависимости от коммуникативной необходимости и обстоятельства причины могут быть однородными, но это явление в целом встречается очень редко. Тщательное изучение фактов башкирского языка свидетельствует о том, что данные обстоятельства преимущественно неоднородны. Только

в редких случаях наблюдается их парное употребление. Однородные обстоятельства причины обычно стоят между подлежащим и сказуемым, причем для актуализации однородных членов между ними ставится соединительный союз *һәм*: *Мәүлиәнәң куз алмалары ғажәпләнәү һәм куркыузан зурайып китте* (С. Агиш) 'От удивления и страха у Мавлии расширились глаза'.

Передко однородными членами предложения могут быть и сложные обстоятельства причины. Их местоположение зависит от коммуникативного задания, а отчасти обусловлено стилистически: *Яугилде Сәсәниәнде тапкыр һүҙле, сәсән телле булғаны өсөн, яу батырҙарын, ил матурҙарын данлап ошта йырҙар, һамактар, қобайырҙар сығарғаны өсөн бик яҡын күрәп яратқан, уның менән серрәһи булған* (Ф. Иҫәнғолов) 'Яугильде любил Сәсәниәна за то, что тот был прямым и речистым, как сказитель сочинял кубавры, воспевающие батыров и лучших сынов страны, любил и делился с ним сокровенными мыслями'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЦЕЛИ

В башкирском литературном языке довольно широкое распространение получило сложное обстоятельство цели. Оно обычно бывает неоднородным. Простое распространенное предложение с двумя однородными обстоятельствами цели — редкое явление в литературном языке. Ср., например: *Шахта хужалары эшселәрҙе революцион хәрәкәттән ситтә тотуу, күзҙәрән томалау өсөн һәр төрлө сараларҙы куллана* (Ф. Иҫәнғолов) 'Хозяева шахт предпринимают всяческие меры, чтобы держать рабочих в стороне от революционного движения, чтобы обмануть их (букв. замазать им глаза)'; *Айсыйақты һауыҡтырыу өсөн, уның күзҙәрәндә шатлык нурҙарын балкытыу өсөн ауыл табиғәте ғенә түгел, тиңдәштәрәнең дуслыҡ йылыһы ла кәрәклеген аңланы Гөлһаз апай* (Ш. Янбаев) 'Тетя Гульһаз поняла, что для выздоровления Айсуйака, для того чтобы в его глазах засияли лучи радости, нужна не только деревенская природа, но и тепло друзей-ровесников'; *Һин бында егеттәр башын әйләндерергә түгел, иҫән иҫергә, яңы сорт бойҙай үҫтерергә килдең* (И. Абдуллин) 'Ты пришла сюда не для того, чтобы кружить головы джигитам, а для того, чтобы выращивать новые сорта пшеницы'.

Иногда между однородными обстоятельствами цели ставится соединительный союз *һәм*: *Һынауҙар ваҡытында какшамаҫ өсөн һәм киләсәк көрәштәрҙе сынығып җаршы алыр өсөн без, һис шикһез, ант бирергә тейешбез* (Ә. Бикчәнтәев) 'Мы должны дать железную клятву в том, что не дрогнем в будущих испытаниях и с закаленным духом встретим предстоящие схватки и сражения'.

В редких случаях и простые обстоятельства цели могут выступать в качестве однородных второстепенных членов предложения: *Георгий Константинович, безгә балыҡ тоторға безең менән елж йыйырға килегеҙ* («Ленинсе») 'Георгий Константинович, приходите ловить с нами рыбу, собирать вместе с нами ягоды'.

Любопытны случаи, когда в одном простом распространенном предложении препозитивное обстоятельство цели не относится к сказуемому, а поясняет постпозитивное обстоятельство данной разновидности. Следовательно, они не могут быть однородными: *Мәктәпте бизәр өсөн бәтә класс менән без тайғаға шырыш ботактары алып кайтырға киттек* («Пионер») 'Для того, чтобы украсить школу, мы всем классом отправились в тайгу за сосновыми ветками'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Простые распространенные предложения с однородными обстоятельствами образа действия в башкирском литературном языке встречаются довольно редко: *Күзҙарға һуғанлап, борослап, тоҙлап, майлап, баллап яуаптар язырға тотондом* (Ғ. Дәүләтшин) 'Я принялся писать ответы девушкам, не жалея «лука», «перца», «соли», «масла», «меда»; *Бәләкәй кузғалыбыраҡ, кеше төслөрәк, аяқты қапылыраҡ алып атлап булмайма* (Т. Хәйбуллин) 'Нельзя ли шагать поживее, как люди, проворнее передвигая ногами'.

Наблюдения над языком художественной литературы показывают, что в нем преобладающее место занимают синтаксические конструкции с одним обстоятельством образа действия.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕРЫ И СТЕПЕНИ

Однородные обстоятельства меры и степени встречаются в рамках как односоставного, так и двусоставного предложений: *Ошо урында Хэйерниса бөтә булмаһе кутарерзэй итеп, тазраларҙе сылыратҡансы, сәғәт герзәрен һелкеткәнсе рәхәтләһеп көлдө* (С. Агиш) 'В этом месте Хаерниса от души расхохоталась, так что задребезжали стекла и заколебались гири настенных часов'; *Һуғышып көн буйы, төн буйы, Җан жойоп ай буйы, йыл буйы, Илебез эсенән Дошманды жыузык* (Х. Карим) 'Воюя дни и ночи напролет, проливая кровь месяцы и годы, мы прогнали врагов за пределы нашей страны'.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ

Однородные главные и второстепенные члены предложения связываются между собой с помощью союза и бессоюзного сочинения. Наиболее употребительными союзами являются:

1) соединительные: *да/дә, за/зә, ла/лә, та/тә, шулай ук, һәм, тағы, йәнә*: *Минометчиктәр Карачуриң дә, Мусин дә, Әюпов та, Закиров та, Сәғитов та, Әхмәтов та, Сәйетжолов та, Ажъялов та — бөтәһе лә халыҡ теле менән әйтелгән, халыҡ жулы менән азылған хат-наказды йотлоғоп тыңланьлар* (Ө. Ихсан) 'Минометчики: и Карачуриң, и Мусин, и Аюпов, и Закиров, и Сагитов, и Ахметов, и Саиткулов, и Ажъялов с глубоким вниманием слушали письмо-наказ, написанное простым и проникновенным народным языком'; *Тышта февраль, бында шулалар Тағы олой, тағы болғана* (Х. Гиләжев) 'На улице февраль, а тут тыи вновь воют, вновь колеблются повсю';

2) противительные: *ә, ләкин, тик, шулай за, әммә*. Примеры: *Егерме биш сакрымдар самаһы тирә-якты карап сыктыж, ләкин бер ерҙә лә актарзы осратманьж* (Б. Хәсән) 'Осмотрели все вокруг на двадцать километров, но нигде не встретили белых'; *Артелгә инергә бик һулпән риза булдылар, шулай за риза булдылар; акрын кузғалдылар, шулай за кузғалдылар* (Ф. Иҫәнғолов) 'Вступить в артель согласились с большой неохотой, но все-таки согласились; тронулись очень медленно, но все же тронулись'; *Кеше тыштан көлөргә, әммә шул ук кешенең йөрәге иларға мөмкин* (Ғ. Хәйри) 'Человек может внешне смеяться, но в то же время у него сердце может исходить слезами';

3) разделительные: *берсә, йә, йәки, әле, әллә*. Примеры: *Әгәр үзәңдә шул тулжындарға жаршы тоторзай көс тапмайһың икән, тапсыж һымаж, берсә ярға кағылып, берсә утжын эсенә тартылып буталаһың* (Б. Бикбай) 'Если не найдешь в себе силу противостоять тем волнам, будешь подобно щепке, то биться о берег, то ввергаться в водоворот'; *Верәү за тыумыштан ук якшы йәки яман, ажылы йәки ахмаж булып тыумай бит инде ул* (З. Бишпева) 'Никто не рождается хорошим или плохим, умным или дураком'; *Йөнтәс каштары астынан йомшак, ләкин әллә арыған, әллә кайғылы күззәр карай* (Х. Мохтар) 'Из-под лохматых бровей смотрели мягкие, но то ли усталые, то ли страдальческие глаза';

4) следственный союз *хатта*: *Бында Тимербай за, Байгилде лә, хатта сатан Хәлим ағай за катнашты* (З. Бишпева) 'Здесь присутствовали и Тимербай, и Байгильде, и даже хромои дядя Халим'.

ОБОБЩАЮЩИЕ СЛОВА ПРИ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ

В некоторых простых распространенных предложениях с однородными членами употребляются обобщающие слова, которые могут стоять как перед однородными членами, так и после них. В качестве обобщающего слова может выступать любой член предложения.

Широко распространенные обобщающие слова *түбэндәгеләр, түбэндәге нәмәләр, ошолар, ошо нәмәләр, бәтә нәмә, бер кем дә, бер нәмә лә* стоят перед однородными членами: *Сергейгә хәзер бәтә нәмә: далала һуңғы сәкәләр зә, искән ел, аккан һыу, ишетелгән моң һәм юлш байыуы ла Тоняне хәтерләтә, уга барыл тоташа* (А. Абдуллин) 'Для Сергея сейчас все: и последние цветы в степи, и ветерок, и журчащая вода, звучащая мелодия песни и закаты солнца — все напоминает Тоню, все уводит к ней'; *Хезмәттә тыуған бәтә нәмәләр: заводтар һәм электр станциялары, баһыуарзағы мул урожай һәм кеүәтле космос караптары, яңы торлак райондары һәм мәктәптәр — совет халкының арыу-талыуы белмәс ижади фекере һәм эшмәкәрлегенең емеше ул* (СБ) 'Все, что рождается в трудовых буднях: заводы и электростанции, добрый урожай на полях и могучие космические корабли, новые жилые районы и школы — это плоды неустанной творческой мысли и созидательной деятельности советского народа'.

Обобщающие слова *барыһы, барыһы ла, бәтәһе, бәтәһе лә, һәммәһе, һәммәһе лә, быллар, ошолар, кыскаһы, һәр бер нәмәһе, һәр ерзә, быллар барыһы ла* — обычно употребляются после однородных членов, отделяясь от них посредством тире: *Кустәнәскә тигән сәй, шәкәрзәрәм, бауырһак, күмәстәрәм — барыһы ла әзер* (Ғ. Дәүләтшин) 'Чай, сахар, печенье и ватрушки — все уже готово для гостей'; *Бында моң да, матурлык та, эшкә дәрт тә — бәтәһе лә бергә йөрөй* (М. Гафури) 'Здесь и мелодия, и красота, и страсть к работе — все слито воедино'; *Колхозсылар, малсылар, укытыусылар, укыусылар, хатта мәктәп йәшенә етмәгән бала-сағалар, әбейзәр һәм бабайзәр барыһы ла дауыл зәһифләгән үсәмлектәрзә котжарыу ниәте менән баһыуа ағылдылар* (Я. Хамматов) 'Колхозники, скотоводы, животноводы, учителя, ученики и даже те, кто не достиг школьного возраста, старики — буквально все поспешили на спасение растений, покалеченных бурей'; *Өстәлдәрзә туштак-туштак һап-һары бал, кып-кызыл еләк, һап-һара һарағат, муйыл — быллар бәтәһе лә июль айының йомарт бүләктәре* (Ғ. Шәрипов) 'На столах полные чашки желтой медовки, красные ягоды, черная смородина, черемуха — все это щедрые дары июля'.

СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ В НЕЗАВИСИМОЙ ПОЗИЦИИ (ТРЕТЬЕСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

В башкирском языке, как и в других языках, имеются синтаксические единицы, выражающие вокативность и модальность. В лингвистической литературе их принято называть обращением, вводным словом и вводным словосочетанием. Хотя они грамматически не связываются с другими членами предложения, но по смыслу находятся в тесном контакте со всем предложением или с его компонентами.

ОБРАЩЕНИЕ

Обращением называется слово в форме основного падежа, обозначающее лицо, предмет, явление, событие, процесс, понятие, к которому обращена речь говорящего. В зависимости от контекста, общей ситуации и обстановки речи обращение произносится с разной интонацией, на письме оно выделяется запятыми, реже — восклицательным знаком. Обращение может употребляться препозитивно, постпозитивно и в середине предложения. Обращение выражается существительными (собственными и нарицательными), причем чаще всего названиями лиц. Иногда обращение может повторяться и иметь предшествующее ему определение.

В зависимости от контекста в одной синтаксической конструкции могут быть несколько обращений: *Күгәрсен, ак күгәрсен, күгәрсен, ул гиз әйзә, бәтә илде үтергә, тыныслык һөйүселәргә беззән сәләм илтергә!* (фольк.) 'Голубь, белый голубь, голубь, облети все страны, чтобы передать наш привет сторонникам мира'; *Яңы биш йыллыкта, данлы Урал, даның артыр*

һинен тагы ла (Т. Даян) 'В новой шитилетке, славный Урал, приумножится твоя слава'.

В некоторых случаях одно слово или сочетание слов произносится с особой интонацией, обозначаемой на письме восклицательным знаком и выражает не только обращение, но и восклицание, восхищение, побуждение, гордость, сожаление, благодарность и т. п. Подобные синтаксические единицы называются вокативными предложениями, например: *О, рус ере! Кайза атлаһаң та, һин йөрөйһоң безең куңелдә* (Р. Нигмәти) 'О, русская земля! Куда бы мы ни шли, ты всегда у нас в душе'.

ВВОДНОЕ СЛОВО И ВВОДНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ

В качестве вводных слов обычно выступают модальные слова, не выполняющие синтаксическую функцию. Таковы *ғәҙәттә* 'обычно', *зиһар* 'пожалуйста', *исмаһам* 'хотя бы', *ихтимал* 'возможно', *киреленсә* 'наоборот', *моғайын* 'пожалуй', *мәҗәлән* 'например', *тимәк* 'стало быть, следовательно', *элбиттә* 'конечно', *ысынлап та* 'действительно', 'в самом деле', *үкенескә каршы* 'к сожалению' и др.

Прилагательные и местоименные наречия типа *билдәле* 'известно, разумеется', *миненсә* 'по-моему' нередко тоже выполняют роли вводных слов в предложениях: *Ысынлап та, шундай ауыр, яуаплы минуттарҙа ниңә дискуссиялар менән маташырға инде* (Д. Юлтый) 'Действительно, в такую тяжелую, ответственную минуту зачем заниматься дискуссией!' *Үкенескә каршы, кайһы бер агрономдар ижади активлек күрһәтмәйҙәр* (СБ) 'К сожалению, иные агрономы не проявляют творческой активности'; *Билдәле, эште өстән-мөстән генә башкарыуҙың оперативлек менән һис ниңдәй урталлыгы юк* (СБ) 'Разумеется, оперативность ничего общего не имеет с небрежной исполнителестью'; *Миненсә, колхоздар менән совхоздарҙы картофу һәм соғолдорҙо механизация ярҙамында үстереү осөн машиналар комплексе менән тәҗмин итергә ваҡыт килеп етте инде* (СБ) 'По-моему, настала пора обеспечить колхозы и совхозы комплексом машин для механизированного возделывания картофеля и свеклы'.

Характерно, что вводное слово обычно состоит из одного полнозначного слова.

Вводные словосочетания образуются путем присоединения двух или нескольких полнозначных и неполнозначных слов, в том числе послелогов: *Боецтарҙың эйтеүенә карағанда, Украина яландарында журай үсмәй, имеш* (С. Ағиш) 'По словам бойцов, на полях Украины якобы не растет растение, из которого делают курай'.

Семантически вводное словосочетание выражает радость, сожаление, предложение, уверенность, неуверенность, источник, связь и порядок мыслей и т. п.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Повествовательное предложение служит для констатации фактов и для описания, изображения предметов, людей, процессов, явлений и событий реальной действительности. В основе его лежит суждение, т. е. утверждение или отрицание чего-нибудь. В повествовательных предложениях предикативность выражается при помощи спрягаемых глаголов, в том числе служебных глаголов-связок, модальных слов *бар* и *юк* и т. п. В качестве сказуемого могут выступать не только глаголы и модальные слова, но и другие части речи. Повествовательные предложения характеризуются одним порядком следования слов: определение, подлежащее, обстоятельство, дополнение и сказуемое. Правда, в поэтических произведениях устного народного творчества и художественной литературы довольно часто имеет место инверсия.

По своей структуре повествовательное предложение может быть простым или сложным.

Одна из важнейших особенностей повествовательного предложения заключается в том, что оно по направленности своего содержания всегда соответствует тому или иному коммуникативному заданию.

В повествовательном предложении устанавливается особое соотношение между компонентами, когда один из них обозначает исходное (тему) в сообщении мысли, а другой содержит наиболее существенное (рему): *Беззең колхоздағы драма туңарыға байтактан бирле эиләп килә* (С. Агип) 'Драмкружок нашего колхоза работает давно'. В этом предложении *беззең колхоздағы драма туңарыға* — тема (данное), а *байтактан бирле эиләп килә* — рема (новое).

В поэтических произведениях, где довольно широко применяется инверсия, меняется соотношение между подлежащим и сказуемым, и соответственно — между темой и ремой: *Кара кәстәргә Каршы торған ул, Бирзе был юлда Миллион корбан ул* (М. Гафур) 'Он противостоял черным силам. Принес на сей раз миллионы жертв'. Здесь *кара кәстәргә каршы торған* — рема (новое), а *ул* — тема (данное); *бирзе был юлда миллион корбан* — рема (новое), а *ул* — тема (данное).

Характерно, что при наличии однородных подлежащих, употребленных постпозитивно, сказуемое становится темой, ср. *Ылау менән бергә килә безең Уртақ шапалык, еңеу, тырышылык; зур ынтылыш, кораш, кайнар һөйеу, Оло дуслык, изге тынышык* (Г. Вәлиуллин) 'Вместе с обозом идет наше совместное счастье, победа, старание, большое стремление, борьба, горячая любовь, великая дружба, справедливый мир'. Здесь однородные подлежащие, неся основную смысловую информативную нагрузку, являются ремой, т. е. актуализируются.

В акцентировании, актуализации главных членов предложения немаловажную роль играют усилительные частицы типа *ғына түгел*; *генә түгел* союзы *бәлки*, *хатта* и т. п. произносимые с особой интонацией. Где эти служебные слова там и рема (новое): *Без генә түгел, бәлки киләсәк быуын кешеләре лә Туған илебезең һоклангыс тәбиғәте бирә торған бәтә байлыктарыңы файзалана алырға тейештәр* (БҒ) 'Не только мы, но и люди будущих поколений должны пользоваться сокровищами, которые дарит природа нашей родной Отчизны'.

В данном предложении подлежащее *без генә түгел, бәлки киләсәк быуын кешеләре лә* является ремой. Ср. также: *Салауат Юлаевтың бөйөклөгө — уның батырлык һәм жыйыулыгында ғына түгел, ә тәрән ақиллы булуында ла* (Г. Әмири) 'Величие Салавата Юлаева не только в его смелости, но и в его мудрости'; *Ватан — ерзәр уртаклығы ғына түгел, ул ырыу һәм милләттәрең уй-хыял, эш һәм язмыш берлегенән тора* (М. Кәрим) 'Родина — это не только общность территории, но и единство мыслей, дел и судеб племен и наций'. Как в первом, так и во втором предложении составные сказуемые представляют рему (новое).

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение, содержащее вопрос, называется вопросительным.

Вопросительные предложения делятся на собственно-вопросительные и на вопросительно-риторические. Отличительная черта и характерная особенность собственно-вопросительных предложений заключается в том, что они требуют ответа собеседника, тогда как вопросительно-риторические предложения не требуют прямого обязательного ответа.

Если первая разновидность вопросительных предложений занимает большое место в народно-разговорной речи, то вопросительно-риторические часто встречаются в поэтических произведениях, в публицистических статьях и докладах, речах на общественно-политические темы.

В вопросительно-риторических предложениях говорящий обычно ставит вопросы и сам же отвечает на них. Но в зависимости от контекста и коммуникативного задания ответа говорящего может вообще не быть.

Основные средства выражения вопроса в башкирском языке: вопросительная интонация, вопросительное местоимение и вопросительная частица.

В вопросительном предложении — будь оно собственно вопросительное или вопросительно-риторическое — логическое ударение падает на вопросительное местоимение, а если вопрос выражается при помощи вопросительных частиц *-мо/-мә, -мы/-ме*, то ударение, как правило, падает на предпоследний слог в замыкающем слове: *Разия тукталып калды, һүҙҙе тағы ла кайҙан башларға, нисек осларға?* (Н. Кәрип) 'Разия запнулась: с чего опять начинать разговор, и как его закончить?'; *Кирэй-Мәргән өйҙәме, Кир-туры аты бәйҙәме, Алмас жылысы кындамы, Булат балтаһы билдәме?* (З. Бишшева) 'Дома ли Кирей Мерген, привязан ли гнедой его конь, в чехле ли алмазный его меч, у пояса ли булатный топор?'

Если рядом с названной вопросительной частицей стоит частица *һуң*, то вопросительное предложение превращается в предложение восклицательное: *Һинең кеүек куркыу белмәс революционерҙәрҙе оңоталармы һуң!* (БП) 'Разве забывают таких бесстрашных революционеров, как ты?'

В зависимости от контекста и коммуникативного задания предложение может содержать в себе эмоционально выраженный вопрос. В таких случаях в конце синтаксической конструкции ставятся вопросительный и восклицательный знаки: *Һәләк булған балалар өсөн эсә күҙҙәренән түгелгән күз йәштәрен үлсәп буламы?! (Г. Әмири) 'Разве можно измерить слезы матерей, пролитые по погибшим детям?!'*

Вопросительные предложения преимущественно имеют форму одноставного инфинитивно-модального и безличного предложений: *Халыҡты ғәйептән котҡарыу өсөн ни эшләргә?* (Я. Хамматов) 'Что предпринять для того, чтобы спасти народ от обвинения?'; *Нисек итеп һизҙермәй генә кулды төшөрөргә лә автоматты элктәрен алырға?* (Ә. Бикчәнтәев) 'Как незаметно опустить руку и подцепить автомат?'

Иногда определенно-личное предложение по интонации бывает вопросительным: *Был мәшәктәле зур донъяның ел-дауылдарын да, һикәлтәле юлдарын да бер-берегезгә ярзамлашып, кулға-кул тоношош үтергә эзәрһегезме?* (И. Асапбаев) 'Готовы ли вы пройти рука об руку сквозь бури этого беспоконного мира, через все ухабы его дорог?'

В отдельных случаях вопросительное предложение выражается в форме двусоставного распространённого предложения. В такой синтаксической конструкции сказуемое выступает в качестве носителя вопроса и является ремой: *Алһузың күз алдындағы матур тауҙар, Күпәжәй буйына йәйелгән йәмле тугай, күкрәп үскән агастар, сылтырап аҫкан һуҙар кем өсөн һуң?* (Г. Ибраһимов) 'Для кого же эти красивые горы, представшие взору Алсыу, чудные долины вдоль Кунакая, вольно растущие деревья, со звонким журчанием бегущие речки?'

В некоторых двусоставных предложениях частица *бит* в сочетании с вопросительной интонацией выражает идею вопроса: *Бай кеше бай, ярлы кеше ярлы булып йәшәр өсөн тьумаған бит донъяға?* (Я. Хамматов) 'Ведь не родился богатый человек для того, чтобы жить богато, а бедный — чтобы жить бедно?'. Здесь сказуемое *тьумаған бит* актуализируется.

В башкирском языке и сложносочиненные и сложноподчиненные синтаксические конструкции по цели высказывания или по интонации могут быть вопросительными.

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение, содержащее в себе побуждение, желание, призыв к действию, называется побудительным.

В башкирском литературном языке побудительное предложение делится на следующие структурно-семантические типы:

1) побудительно-желательное предложение с глагольным сказуемым в форме 1-го лица желательного и повелительного наклонения: *Калыр инем бында һеззек менән Йәйләү генә түгел, кышларга!* (Р. Бикбаев) 'Остался бы я здесь с вами не только на летовку, но и зимовать!'; *Үзбеһезек, бөгөнгө, иртәнге, килер йылдарҙағы яҡшы эштәрәбег менән Әсәләргә һәр ваҡыт жыуандырып тораыҡ!* (Ш. Биккол) 'Давайте же будем все время радовать матерей своими сегодняшними добрыми делами';

2) побудительное предложение, организуемое формой 2-го лица повелительного наклонения: *Кулыңда мылтыҡ. Алдыңда дошман. Ат та йыҡ! Ат та йыҡ!* (З. Бишсева) 'В руках у тебя винтовка, впереди — враг, стреляй наповал! Стреляй наповал!'; *Балам, йөрәк жоло булмағыз, ақыл жоло булығыз* (М. Кәрим) 'Дитя мое, не будьте рабом чувств, а будьте рабом разума'; *Түрҙән урын алығыз, һары балды һаллығыз. Арысландай батырҙарҙың Арҡанынан кағығыз* (фольк.) 'Пройдите на почетное место, налейте желтую брагу, батыров, подобных львам, дружески хлопайте по спине';

3) побудительное предложение, организуемое с помощью формы 3-го лица повелительного наклонения: *Белгәндәрегеҙ өйрәтергә, белмәгәндәрегеҙ өйрәнергә атлығып торһон* («Ағизел») 'Пусть знающие рвутся объяснить, а незнающие рвутся учиться'; *Биш йылыҡтың йөрәк тибеше Бөгөнгө йыр аша һәр кемгә Ток шикелле инеп һеңешһен* (Ғ. Сәләм) 'Пусть пульс пятилетки через сегодняшнюю песню войдет в каждого, как электрический ток';

4) побудительное предложение с глагольным сказуемым в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения с частицей *-сы/-се*: *Һайрамасы, һары һандугасым, Өзөлөп-өзөлөп талда, яҡында; Булдырмәсе миңек уйҙарымды, Мин уйлайым жаушыу хажында* (фольк.) 'Не пой же, желтый соловей па иве, не перебивай же мои мысли, я думаю о свидании'; данный вид побудительного предложения обычно выражает просьбу;

5) односоставное побудительное предложение, сказуемое которого выражается инфинитивом, имеет характер приказа и используется соответственно: *Комдив приказын тайпылышыҙ утәргә һәм Корбановты кулга алырға!* (Я. Хамматов) 'Неукоснительно выполнить приказ комдива и арестовать Курбанова!';

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Восклицательное предложение выражает эмоциональное отношение говорящего к своему высказыванию: восторг, восхищение, возмущение, гнев, гордость, жалость, желание, нежность, ненависть, призыв, презрение, поощрение, страх, удивление, ужас и другие чувства. К основным средствам их выражения относятся: восклицательная интонация, глаголы повелительного наклонения, эмоционально-экспрессивные слова, вопросительные местоимения, частицы и междометия.

В башкирском языке различаются следующие структурно-семантические типы восклицательного предложения:

1) восклицательное предложение, сказуемое которого выражается глаголом в форме 3-го лица ед. числа повелительного наклонения. Оно преимущественно употребляется в патриотических призывах и лозунгах: *Йәшәһен Советтәр Союзы Коммунистәр партияһы!* 'Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!' (это — двусоставное нераспространенное предложение);

2) назывное (односоставное) восклицательное предложение: *Социалистик илдәр катын-кыздарына тугандарса сәләм!* (СБ) 'Братский привет женщинам социалистических стран!'; *Каһарман совет халкына — ижадсы халыҡка, төҙөүсе халыҡка дан!* (СБ) 'Слава героическому советскому народу — народу-творцу, народу-созидателю!'; *Беззек менән бергә байрамбыҙҙа шатланыусы бәтә кешеләргә рәхмәт!* (М. Кәрим) 'Спасибо всем, кто вместе с нами радуется на нашем празднике!';

3) восклицательное назывное предложение, осложненное междометием:

Их, Асылыкул естонда балык каптырып ултырыузары! (Ф. Исаңғолов) 'Ах эти сидевшие на Асылыкуле с закинутыми удочками!';

4) восклицательное предложение с вопросительным местоимением *күпме*: *Без был данлы йылда күпме яңы дуствар таптык! Күпме халыктар менән иҫке дуслығыбыззы нығыттык!* (Ә. Вәли) 'Сколько новых друзей нашли мы в этом новом году! Со сколькими народами укрепили старую дружбу!';

5) восклицательное предложение, где в составе сказуемого употребляются частицы *бит*, *һуң*, *инде*: *АКШ конгрессмендәре араһында бер генә эшсенең дә, бер генә фермерҙең дә булмауы факт бит!* (СБ) 'Ведь факт, что среди конгрессменов США нет ни одного рабочего, ни одного фермера!'; *Күпшыла һуң инде Иван Ивановичтең бөрмәле туны!* (Н. Гоголь) 'Славная бекеша у Ивана Ивановича!';

6) сказуемое восклицательного предложения выражается модальным словом *бар*: *Минең халҡым кеүек кемдең тағы иң зур һәйкәл өсөн хакы бар!* (Ғ. Сөләм) 'Кто еще, как не мой народ, заслужил самый большой памятник!';

7) в качестве сказуемого восклицательного предложения выступает инфинитив в сочетании со словом *була*, имеющий модальное значение: *һезҙең кеүек Урал бөркәттәре менән фашистарҙең ояһын туззырырға, Гитлерҙең аҙау тешен һындырырға була* (БП) 'С такими уральскими беркутами, как вы, можно разгромить гнездо фашизма, сломать коренные зубы Гитлера!' — здесь *була* является синонимом модального слова *мөмкин*.

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Своеобразие грамматического строя любого языка ярко отражается порядком слов в предложении. Нормальным порядком слов обычно считается порядок слов в простом распространенном предложении спокойно-повествовательного характера. Обычный порядок слов характерен для прозы.

Размещение членов предложения в синтаксической конструкции зависит от цели высказывания и коммуникативного назначения — актуального членения. Как в башкирском, так и в других тюркских языках, определение употребляется препозитивно, затем располагаются подлежащее, обстоятельство, дополнение, а сказуемое занимает место в конце предложения. Определение всегда предшествует своему определяемому.

При наличии в синтаксической конструкции прямого и косвенного дополнений прямое дополнение обычно ставится непосредственно перед сказуемым. Если обстоятельства времени и места поясняют не только сказуемое, но и другие члены предложения, то они преимущественно употребляются в начале синтаксической конструкции, характеризую общий фон происходящих явлений и событий реальной действительности: *Бик боронго замандарзан алып безҙең кондәргә тиклем кешелек донъяһының бәтә тарихе аша ҡәбилә, раса һәм милләттәр араһындағы конфликттарҙең өҙлөкһөҙ тезмәһе һуҙыла* (СБ) 'От седой древности и до наших дней через всю историю человечества тянется непрерывная цепь племенных, расовых и национальных конфликтов.'

В башкирском литературном языке логически наиболее акцентированный член предложения — будь он подлежащее или второстепенный член — употребляется непосредственно перед сказуемым, ср.: *Азамат кисә Мәскәүгә китте* 'Азамат вчера в Москву уехал' — *Азамат Мәскәүгә кисә китте* 'Азамат в Москву вчера уехал' — *Кисә Мәскәүгә Азамат китте* 'Вчера в Москву Азамат уехал'.

В зависимости от контекста и коммуникативной цели высказывания сказуемое может выступать в качестве логически акцентированного члена предложения. В этом случае оно употребляется в начале синтаксической конструкции или предпоследним компонентом, т. е. перед подлежащим. Такая инверсия сказуемого довольно часто встречается в поэтических произведениях, пословицах, поговорках, политических призывах и лозунгах. Если логическое ударение падает на сказуемое, выраженное глаголом пове-

лительного склонения, то даже дополнение следует за ним: *Бир кулыңды!* 'Дай руку'; *Ужы китапты!* 'Читай книгу!'

В зависимости от коммуникативного задания акцентуруемый второстепенный член предложения употребляется в начале предложения.

Из простых дополнений обычно актуализируются прямое дополнение в винительном падеже и косвенное дополнение в дательном падеже: *Килеуселерге тирмәндә Киселевтың катыны каршы алды* («Ағизел») 'Прибывших встретила на мельнице жена Киселева'; *Балага һәр сәк көни балкып торһон* (СБ) 'Пусть для ребенка всегда светит солнце'.

Могут актуализироваться сложные дополнения и обстоятельства: *Крылов өсөн был йыл тағы ла шатлыкларык, тағы ла тантаналырак булды* (СБ) 'Для Крылова этот год был еще более радостным, еще более торжественным'; *Ярты төн уртаһында ғына Колсобай Ғәйзулланың эргәһенә — йылы мейес бауына менде* (Я. Хамматов) 'Только в полночь Күлсубай забрался на теплую печь к Гәйзулле'; *Салауат иленән без Уралды, бында йәшәгән халыктарҙы тағы ла нығырак яратыу тойһоһо менән китәбез* (СБ) 'Страну Салавата мы покидаем с любовью к народам Урала'; *Алты көн, алты төн буйына совет һалдаттары доһманды үткәрмәй торалар* («Пионер») 'В течение шести дней и шести ночей советские солдаты не пропускают врага'.

Иногда несколько второстепенных членов, которые замыкает прямое дополнение, в предложении выносятся в начало предложения и актуализируются: *Ғәҙәттән тыш катмарлы шарттарҙа тәбиғәттең тиҫкәрлектәрен өҫөү, ә күп көнә зоналарҙа һәйбәт урожай үҫтереп алыу өсөн ни тиклем оҫталыҡ һәм хәстәрлек кәрәк булыуын совет кешеләре яҡшы беләләр* (СБ) 'Советские люди знают, сколько мастерства и забот пришлось приложить земледельцам, чтобы в исключительно сложных условиях смягчить влияние стихии, а во многих зонах наперекор ей вырастить хороший урожай'.

Как известно, обособленные определения, приложения и дополнения обычно употребляются после определяемого, поясняемого слова, поэтому, естественно, они не могут стоять в начале предложения. Что касается обособленных обстоятельств, то они преимущественно относятся к главному сказуемому и занимают в синтаксической конструкции любое место. Одно из условий обособления состоит в том, что относящиеся к сказуемому обстоятельства не должны стоять рядом с поясняемым словом — глаголом.

Для того, чтобы актуализировать обособленные второстепенные члены, их следует вынести в начало предложения, т. е. перед подлежащим и сказуемым. Особенно это касается обособленных обстоятельств сравнения. Примеры: *Көз көнө безгән китеүсә кыр казлары шикелле, арба артынан арбалар тезелелте* (Г. Хәйри) 'Словно улетающие от нас осенью дикие гуси, телеги следовали одни за другой'; *Яңы ғына осрашып, ғашик булған йәш егет менән кыз һымак, Карим менән Назирә бер-береһенә һокланып оҙаҡ кына һүҙһез торһолар* (Я. Хамматов) 'Словно только что встретившиеся и полюбившие друг друга молодые люди, Карим и Назира долго стояли, молча и восторженно глядя друг на друга'; *Оҙаҡ айырылышып торһоп, яңы күрешкән кешеләрҙәй, улар бер-береһенә төбәлделәр* (Яр. Вәлиев) 'Они порывисто бросились друг к другу, как люди, давно разлученные и, наконец, встретившие, друг друга.'

Это — актуализация первой степени. Если обособленные второстепенные члены стоят после поясняемого слова, то образуется актуализация второй степени: *Таибә әбейгә — оло-оло кәүҙәле, аз һүҙле, тос йөзорокһо малайһар ғына үҫтереп өйрәнгән эсгә, был кыз балалар кайһы сакта йәнле курсактар һымак кына күрәнә* (З. Бишева) 'Старухе Таибә — матери, вырастившей рослых, немногословных, крупноруких сыновей, эти девчухи иногда представлялись живыми куколками'; *Новиков, Индрил, Байғужа, Иртуғанов һәм мин зур урмандың ситендә, яҙың хуш естәрәп бөркөп торған ерҙә, көши нурһарынан кинәһеп ятабыҙ* (Д. Юлтый) 'Новиков, Индрил, Байғужа, Иртуғанов и я лежим на опушке большого леса на залитой весенним дурнопахнущей земле, наслаждаясь солнечными лучами'.

Деспричастные обороты преимущественно употребляются между подлежащим и сказуемым. Такой оборот, стоящий рядом со сказуемым, не актуализируется, а напротив, сам актуализирует последующее сказуемое, которому подчинен: *Донъя тазарып, йыртых болоттар араһынан еп нурзарып һузған қояшка келеп қараған төслө ялтлап китте* (Ш. Янбаев) 'Мир очистился и весь засиял, точно засмотревшись на нити солнечных лучей, протянувшихся из-под рваных облаков'; *Фашистар кавалеристәрҙең каты отпорына қаршы тора алмайынса, үлгән һәм яраланған һалдаттарып ташлап сизенәләр* (Ә. Ихсан) 'Не устояв под яростным натиском кавалеристов, фашисты отступают, бросая убитых и раненых'.

Если между обстоятельством оборотом и подчиняющим его сказуемым стоит второстепенный член (члены), то такой оборот, обособляясь актуализируется: *Хаммат. Таибә әбей, Байрас осәләп, һәр бер кыштырзауға жолақ һала-һала, тып-тып ултырып төндө көттөләр* (З. Биншева) 'Прислушиваясь к каждому шороху, Хаммат, старуха Таибә и Байрас в полном молчании ждали наступления ночи'; *Шәмси, һул терһәген өстәлгә куйып, баш бармағын түбәнгә ирене астындағы әйәк сәкәтә терәгән килеш, Баһау тураһында уйланды* (Ғ. Хәйри) 'Облокотившись левой рукой о стол и приложив большой палец к ямочке подбородка, Шәмси задумался о судьбе Баһау'; *Қаршылағы Үркәс тауы сусак түбәләре менән күкрәк киреп ята* (Н. Мусин) 'Гора Үркәс острыми своими вершинами раскинулась во всю свою мощь'.

Это — актуализация второй степени. Если обстоятельный оборот употребляется препозитивно, то он обладает актуализацией первой степени: *Ярзарынан ташып сыжкан язгы һыу кеуек урғылышып, һалдаттар казарма ишектәренә ағылды* (Д. Юлтый) 'Бушуя, как весенняя вода, вышедшая из берегов, солдаты кинулись к дверям казармы'.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОСТАВУ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По существующей лингвистической традиции простые предложения делятся на односоставные и двусоставные. В основе данной классификации лежит грамматический принцип. Если простое предложение состоит из главных и второстепенных членов, то оно называется двусоставным; если же простое предложение состоит только из подлежащего или только из сказуемого (но при их недопустимости, а не при контекстуальном эллипсисе), то оно называется односоставным. Односоставным бывает также и назывное предложение, состоящее из одного лишь слова, которое нельзя квалифицировать как какой-бы то ни было член предложения. В зависимости от того, какая часть речи представлена, односоставное предложение, может быть именным, наречным или глагольным. По целевому назначению различаются собственно повествовательные предложения и номенклатурные предложения (заглавия и названия предприятий, учреждений, учебных заведений, колхозов, совхозов и т. п.).

По грамматической структуре односоставные предложения делятся на безличные, инфинитивно-модальные, обобщенно-личные, неопределенно-личные и назывные.

БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Безличное предложение выражает физиологическое или психическое состояние человека, желание действующего лица, возможность или невозможность совершения действия и описывает явления природы как самопроизвольные акты, совершающиеся без указания на их производителя.

В качестве сказуемого безличного предложения преимущественно выступают глаголы в форме 3-го лица ед. числа повелительного, возвратного

и страдательного залогов, дееспричастия на -н с вспомогательными глаголами (модификаторами) *була* или *булмай*, глаголы желательного наклонения и наречия.

Таким образом, сказуемое безличного предложения выражается:

1) глаголом в форме повелительного залога: *Аяк асты еүеш, аз ғына тайгаклата* (С. Агиш) 'Под ногами сыро, немножко скользко';

2) глаголами в форме возвратного и страдательного залогов: *Нык кына арылган. Иртенсәк тә йәйәү киленгән* (З. Бишева) 'Дает знать сильная усталость. Да и утром пришлось шагать пешком'; *Ил гизеп күпме йөрөлдө — мантылманы* (Я. Хамматов) 'Сколько пришлось ходить по земле — толку нет';

3) безличной сложной формой возможности на -н *бул-булма-*: *Өс кешенең бер-береһенә булган күз караштарынан бер төслө булган фекерҙәрен аңлап була ине* (С. Агиш) 'Во взглядах трех человек, брошенных друг на друга, можно было прочесть одни и те же мысли'; *Тай биреп йырлата алмағанды, ат биреп тә туктатып булмай* (посл.) 'Кого не заставишь петь, давая стригунка, но не остановишь, дав лошадь';

4) наречием, сопровождаемым служебным глаголом-связкой или без него: *Урман эсендә һалкынса, рәхәт булып китте* (А. Карнай) 'В лесу прохладно стало, хорошо'; *Тимергә җанып уңайһың булып китте* (Б. Бикбай) 'Тимиру сразу стало несудбно'. Структура большинства безличных предложений башкирского и русского языков совпадает. Вместе с тем некоторые безличные предложения русского языка переводятся на башкирский язык двусоставным распространённым предложением, ср. *Грозой зажгло дерево — Ағасты йәшен һужты*.

ИНФИНИТИВНО-МОДАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Инфинитивно-модальное предложение выражает необходимость или ненужность, допустимость или недопустимость совершения действия. Данная разновидность односоставных предложений довольно часто употребляется в различных приказах и постановлениях, что определяет их стилистическую особенность. Сказуемое инфинитивно-модального предложения выражается:

1) инфинитивом, выступающим в значении безапелляционного императива: *Бер генә бөртөк орлокто ла ер өстөндә калдырмаҗка, эрәм-шәрәм итмәскә!* (Б. Ишемғолов) 'Не оставлять в поле ни одного зернышка, соблюдать бережливость'; *Коммунизм төзөүҙә өлгәшкән зур уңыштары өсөн Башҡорт Автономиялы Совет Социалистик Республикаһын Октябрь революцияһы ордене менән наградларға* (СБ) 'За большие успехи в строительстве коммунизма наградить Башкирскую Автономную Советскую Социалистическую Республику орденом Октябрьской революции';

2) инфинитивом в сочетании с модальными словами *ярай* 'можно', *ярамай* 'нельзя', *мөмкин* 'можно', *кәрәк* 'нужно' и т. п.: *Был шахтала үз өйөңдә ултырып эшләгән кеүек эшләргә ярай* (М. Гафури) 'В этой шахте можно работать так, как у себя дома'; *Һәр кемде бер үлсәү менән үлсәргә ярамай* (посл.) 'Всех людей нельзя мерить одной меркой'; *Бөтә күҙһез кешеләрҙе күҙле итеп ularға яқты донъяны күрһәтергә кәрәк* (И. Абдуллин) 'Надо всех незрячих сделать зрячими и показать им весь наш светлый мир'; *Безең комсомолды кадрҙар тәрбиәләүсе һөжланғыс кадрҙар тимерлеге тип хаклы рәүештә атарга мөмкин* (СБ) 'Наш комсомол можно с полным правом назвать кузницей чудесных кадров'; *Асылда күрөп, эхлак һәм тәбиғәт-тәрҙе һынашмаған ике кешегә берләшергә мөмкин түгелдер* (М. Гафури) 'Наверное, двум по сути ни разу не встретившимся друг с другом и не знающим друг друга, невозможно найти общее';

3) инфинитивом в сочетании со спрягаемым сложным глаголом *тура кил* 'приходиться': *Шул бер ай эсендә Мәрийәмгә лә күп кенә эштәр эшләргә тура килде* (М. Гафури) 'За этот месяц и Марьям пришлось много поработать';

4) инфинитивом в сочетании со вспомогательным глаголом — выражается благое желание: *Йәштәрҙе зарыҡтырмаҗка, туйҙы бик һәйбәт итеп*

уткәрен ебәрергә ине (З. Бишпева) 'Не надо бы докучать молодым, как следует пужно отпраздновать их свадьбу'.

Инфинитивно-модальные предложения могут выступать и в качестве одного из компонентов — частей сложной синтаксической конструкции.

ОБОБЩЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Этот тип предложения выражает действие, адресованное всем лицам, хотя формально и соотносено со 2-м лицом. Обобщенно-личное предложение представляет обобщенное умозаключение в виде иносказания в пословицах или поговорках. В качестве сказуемого обобщенно-личного предложения обычно выступают:

1) глаголы 2-го лица ед. числа условного и изъявительного наклонений: *Асыны татымаһаң, тәмлене белә алмаһың* (посл.) 'Если не попробуешь горького, то не узнаешь сладкого';

2) глаголы повелительного наклонения: *Атаңдың ғына улы булма, халкыңдың да улы бул* (посл.) 'Будь сыном не только отца, но и своего народа'.

Отдельные обобщенно-личные предложения встречаются и в художественной литературе, особенно в поэтических произведениях, где речь идет об обобщенном лирическом герое. *Бер-береңә җарап дәртләпәнәң, Бер-береңдән узышып ураһың, Көлтәләргә бәйләп торған сакта, Нурлы йөзөн җарап тораһың* (М. Гафури) 'Глядя друг на друга, вдохновляешься, И жнешь серпом, соревнуйся, Когда вижет она снопы, Не отрываешь взгляда от ее лучезарного лица'.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Неопределенно-личное предложение с намеренно устраненным подлежащим служит для обозначения действия, осуществление которого обобщенно приписывается неопределенным лицам, хотя формально функцию сказуемого неопределенно-личного предложения и выполняет 3-е лицо мн. числа изъявительного и условного наклонений: *Шакир ағайҙы бер ауыздан председател ыттеләр* (Д. Юлтый) 'Дядю Шакира единогласно избрали председателем'; *Наградаларҙы йәшкә җарап бирмәйҙәр, оҙак йәшәгән өсөн генә хөрмәт күрһәтмәйҙәр* (М. Кәрим) 'Наградками отмечаются не просто, по возрасту, почестями окружаются не просто за долголетнюю жизнь'; *Колхоз башлығын ашыгына җарап һыйналар* (посл.) 'О руководителе колхоза судят по хлебу, выращенному артелью'.

НАЗЫВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Если рассмотренные выше односоставные простые предложения состоят из группы сказуемого, то назывные предложения могут состоять из одного конституирующего слова, которое неправомерно рассматривать как какой-то определенный член предложения, хотя оно, замыкая предложение, и может иметь свои зависимые определения. В назывных, или номинативных, предложениях обычно предмет, явление, картина, события только называются, в лучшем случае перечисляются, как обстановка, в которой протекает описываемое далее событие и под. Они часто встречаются как в драматических, так и в прозаических произведениях. Примеры: *Колхоз идараһы алды. Ағастар. Ағастар төбөндә арты эскәмйә* (М. Кәрим) 'Двор правления колхоза. Деревья. Под деревьями скамья со спинкой'; *1934 йыл, 17 август. Мәскәү. Союздар йортоһоң Колонналы залы* (Л. Дәүләтшина) '17 августа 1934 года. Москва. Колонный зал Дома Союзов'.

Кроме того, назывные предложения встречаются в политических лозунгах, призывах, представленных в виде восклицательного именного предложения с замыкающим их компонентом вроде *дан* 'слава', *сәләм* 'привет': *Коммунизм төзөүсө бөйөк совет халкына дан!* (СБ) 'Слава великому советскому народу — строителю коммунизма!'; *Социалистик илдәр халыктарына туғандарса сәләм!* (СБ) 'Братский привет народам социалистических стран!'.

ДВУСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Если простое предложение состоит из главных и второстепенных членов, то оно называется двусоставным предложением. Двусоставные простые предложения делятся на нераспространенные и распространенные, полные и неполные. Если нераспространенное предложение состоит только из главных членов, то в составе распространенного предложения, кроме подлежащего и сказуемого представлены второстепенные члены, в том числе обособленные второстепенные члены и обстоятельственные обороты. По своей структуре двусоставные предложения бывают полными (если в них представлены оба главных члена) и неполными (когда по условиям контекста из стилистических соображений опущено подлежащее или сказуемое, что именуется их контекстуальным эллипсисом). Использование неполных предложений вызвано и тесно связано с контекстом. Чаще всего они встречаются в диалогах. Неполные предложения получили широкое распространение в художественной литературе, особенно в драматических произведениях, где преобладает диалог; ср. у С. Кудаша:

Айдаров: Так. Атагыз кем? 'Так. Как зовут отца?'

Гафури: Нургани 'Нургани'.

Айдаров: Нисэнсе йылда тыуыгыз? 'В каком году родились?'

Гафури: 1880 йылда 'В 1880 году'.

Айдаров: Кем булып эшләйһегеҙ? 'Кем работаете?'

Гафури: Типографияла корректор 'Корректором в типографии'.

Айдаров: Пиндэй партияла тораһығыҙ? 'В какой партии состоите?'

Гафури: Бер фиркәлә лә тормайым 'Ни в какой партии не состою'.

В данном отрывке ответы М. Гафури выражены в форме простых неполных предложений: в первом опущено подлежащее, во втором — подлежащее и сказуемое, в третьем отсутствуют главные члены предложения, в последнем ответе опущено подлежащее.

Сказуемое может опускаться во второй части бессоюзной сложносочиненной синтаксической конструкции. Отсутствие сказуемого встречается особенно часто в поэтической речи, где это объясняется требованиями стиля, размера стиха, рифмы, ритма и т. п. Например: *Йәштәр клубты төзәтәләр, Ильяс — үз йортон; Йәштәр кумәк йырзы һуза, Ильяс — үз йырып* (Х. Керим) 'Молодежь ремонтирует клуб, Ильяс — свой дом; Молодежь поет коллективную песню, Ильяс — свою песню'.

По категориальной принадлежности своего сказуемого, являющегося их конституирующим элементом, двусоставное предложение делится на следующие разновидности:

1) двусоставные предложения, сказуемое которых выражено глаголом: *Безең заманда ла теләгән кешегә батырлыктар күрһәтерлек эштәр тулып ята* («Ағизел») 'И в наше время для тех, кто хочет проявить героизм, есть много дел';

2) двусоставные предложения с именным сказуемым: *Тәбиғәт — бөтә халыҡ байлығы, кеше сәләмәтлегенең төп сығанағы* (СБ) 'Природа — богатство всего народа, основной источник здоровья человека';

3) двусоставные предложения с наречным сказуемым: *Азмы Мәскәүҙә бергәләп күңел асырлыҡ якиш егеттәр, күңелсәк ҡыҙҙар* («Ағизел») 'Мало ли в Москве хороших ребят для веселья, душевных девчат для любви?';

4) двусоставные предложения, сказуемое которых выражено модальным словом: *Бишбармакты донъяла Хәлима әсғәндән дә тамлерәк итеп әзерләгән кеше юк* (Ш. Биккол) 'Нет на свете человека, который бы умел готовить бишбармак лучше тети Халимы'.

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ

В современной художественной прозе и устной речи широко практикуется вынесение за пределы предложения отдельного его второстепенного члена, который интонационно (а в письменной речи и формально), отчасти

информативно приобретает характер самостоятельного высказывания, свойственного предложению.

В современном башкирском литературном языке наблюдается вынесение членов предложения за его пределы с целью их актуализации:

1) вынесение сказуемого: *Ат бейек түгел, эммә ғажәп озон торокло. Киң кукракле, йыуан муйыны* (А. Абдуллин) 'Лошадь невысокая, но удивительно длинная. С широкой грудью, толстой шеей';

2) вынесение определения: *Бер егет булырга тейеш кызлар араһында. Көслө намыслы* (А. Абдуллин) 'Среди девчат должен быть один парень. Абсолютно честный';

3) вынесение дополнения: *Аэродромда был мәлдә бер генә экипаж бар. Йәштәрҙән («Агизел»)* 'В это время на аэродроме находится только один экипаж. Молодежный';

4) вынесение обстоятельства времени и места: *Азык-тулекте катып ташый. Магазиндән, эштән һуң, элбиттә (БТ)* 'Продукты носит жена. Из магазина. После работы, конечно';

5) вынесение деепричастного оборота, образующего условный период: *Йөрөйһөң инде шунда, башыңа төшкәс. Ни бирһәләр, шуға риза булып* (Ғ. Ғүмәр) 'Вот и мечешься, как угорелый, раз выпало на долю. Что даю, тому и рад';

6) вынесение ряда второстепенных обособленных членов предложения, соотносенных с одним и тем же глагольным сказуемым. *Шулай өйрәткән әсәйем һыйырҙарын. Һәр көн бына шулай. Йылдың телһә һиндәй мизгелендә. Кышкы ыжғыр буранда ла, көзөн карлы-бозло яуым-тошөм торғанда ла. Язғы ташкында ла* (Яр. Вәлиев) 'Так обучила мать своих коров. И так каждый день. В любую пору года. И в зимний свирепый буран, и в осеннюю мокроть. И в весеннюю распутицу';

7) вынесение придаточного предложения причины: *Толкосура үзенең йыйылышыҡа йөрөгәне Сажизәнең йәшермәй ине хәҙер. Сөнжи яратмаған — алдашыу* (Н. Мусин) 'Теперь Тулькусура не скрывал от Сажиды, что он посещает собрания. Ибо чего он не любил — так это обманывать';

8) вынесение двух придаточных предложений времени: *Йәшлек арыу-талыуҙы беләмә ни? Бизерәк тә кулында гармун уйнап, йөрөгөндә йыр ырғылып торғанда* (З. Бишшева) 'Разве молодость знает, что такое усталость? Особенно, когда в руках у тебя — гармонь, а песня — твой спутник в дороге'; *Бына шулай иллә һигезенсе йылдың азында Килдебәк ун биш йәшендә балалығы, укырға тигән хыялы менән хушлашты, мархум атаһы кеүек мал көтөргә китте. Кояш сығып, кояш байғансы* (А. Абдуллин) 'Вот так весной пятьдесят восьмого года Килдебек в свои пятнадцать лет простился со своей мечтой об учебе, с детством, и, как и его покойный отец, пошел пасти коров. С восхода солнца и до его захода'.

ВСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В современной художественной прозе не без влияния переводной общественно-политической, публицистической и художественной литературы повествовательное предложение может быть осложнено так называемым вставным предложением, наделенным предикативностью и остальными необходимыми признаками собственно предложения. Представляющие дополнительные сведения, пояснения и комментарии к содержанию повествовательного предложения или его части, вставное предложение в устной речи встречается крайне редко и обычно представляет собой устное воспроизведение письменно оформленного текста.

Вставное предложение четко отграничивается от самого усложняемого предложения средствами синтаксической интонации, на письме отражаемой

⁹ См. также: Юлдашев А. А. Деепричастие на -н в башкирском языке. — Тюркологические исследования. М., 1976, с. 267.

знаками препинания (скобками, тире). В силу такой обособленности вставное предложение принято рассматривать в отрыве от самого усложняемого предложения, которое может быть не только простым, но и сложным. С этим трудно согласиться. Ибо, во-первых, при всей своей синтаксической и смысловой обособленности вставное предложение по своему положению мало чем отличается от приложения, обособленного определения и т. п. (когда оно поясняет лишь один из членов данного предложения), и даже от части пояснительного сложносочиненного (когда оно поясняет, уточняет содержание всего предложения). Во-вторых, вставное предложение имеет в рамках усложняемого предложения свое формальное выражение (синтаксическая интонация, отражаемая знаками препинания). Все это дает веские основания для постановки вопроса о статусе предложения, осложненного вставным предложением. Во всяком случае, существующая традиция его рассмотрения представляется весьма условной и предварительной, особенно когда само вставное предложение структурно организовано по модели сложного предложения.

Вставные предложения по своей структуре делятся на простые и сложные.

Простые вставные предложения в рамках усложняемого ими предложения занимают чаще всего интерпозицию или реже — постпозицию, выделяясь скобками или тире: *Кызыл гвардеецтәр — ул вақытта дружинниктәр тип аталалар ине — Совет йорто янындагы канауга тезелеп яттылар* (А. Карнай) 'Красногвардейцы — в то время их называли дружинниками — залегли в один ряд в канаву около Дома Советов'; *Игендәрҙең йылына уртаса уңышы (озак вақыт буйына ул сама менән бер үк кимәлдә калып килде) хәҙер байтакка артты* (СБ) 'Среднегодовая урожайность зерновых (она в течение длительного времени находилась примерно на одном и том же уровне) ныне значительно повысилась'.

Сложные вставные предложения, как и простые, следуют непосредственно за членом предложения, содержание которого они поясняют, раскрывают, уточняют. В башкирском языке отмечено в целом десять структурных типов вставных сложных предложений.

1. Вставные предложения, представляющие сложносочиненную синтаксическую конструкцию: *Әйе, уҡыу тураһында хәҙер миңә эштә лә, комсомол ойошмаһында ла, ойҙа эғәйем дә (эғәйемде мин бында күптән күсереп алып килдем, ул хәҙер йәш каланың төп кешеләренең береһе) иҫкәртеп кенә торалар* (З. Бишева) 'Да, теперь мне то и дело везде напоминает об учебе: и на работе, и в комсомольской организации, и дома мать (маму я перевез сюда давно, теперь она полноправный гражданин молодого города)'.

Кроме того, данный вид вставных предложений встречается в художественных произведениях А. Тагирова, И. Насыри, Х. Карима, А. Вали, И. Абдуллина и других писателей.

2. Вставные предложения, представляющие сложноподчиненную синтаксическую конструкцию с придаточным определительным: *Кузлекле, аҫ сәсле директор (ул Әхнәф дауаланған госпиталдең хирургына бик оҡшаған) Әхнәфте ҫех начальнигенә ебәрҙе* (И. Абдуллин) 'Седоволосый директор в очках (он очень похож на хирурга в госпитале, где лечился Ахнәф) послал Ахнәфа к начальнику цеха'.

Эта разновидность вставных предложений пока не получила широкого распространения в башкирском литературном языке.

3. Вставные предложения, имеющие структуру сложноподчиненной синтаксической конструкции с придаточным дополнительным: *Башҡортса моңло итеп озон кейҙәргә йырлап ебәрергә ярай (шуны ла аныҡлап китәйем: безҙең ауылда элек кыҫка кейҙәргә булһа ла татарса йырлай торғайнылар* (С. Агш) 'Можно по-башкирски запеть мелодичные, протяжные песни (хочу пояснить: в нашей деревне раньше мы нели короткие напевы, на татарский лад)'. В художественных произведениях этот вид вставных предложений встречается очень редко.

4. Вставные предложения, выраженные в форме сложноподчиненной синтаксической конструкции с придаточным времени: *Безҙең класс етәкселе*

теге Карима апай (без башлангыс мәктәпте боткәнсе, ул, ситтән торып укып институтты тамамлап алганлыктан, һаман безең класс етәксеһе булып калды) һәр бер балаға характеристика биреп сығырға ярата (З. Бишшева) 'Та самая тетя Карима — наша классная руководительница (которая оставалась ею до тех пор, пока мы не окончили начальные классы, поскольку она закончила в это время заочно институт) любила давать каждому особую характеристику'.

5. Вставные предложения, являющиеся сложноподчиненной синтаксической конструкцией с придаточным причины: *Әле баһыр шиһель элә кайза кәһнен ята кеүек мөйөштә (жара пальто тәнгә хужа булғас, эшләп булмай инде бер эш тә)* (Б. Ишемғолов) 'Теперь ненужная шпатель с каким-то стыдливым видом валяется где-то в углу (а коль черное пальто тебе хозяин — ничего не сделаешь)'.

В зависимости от коммуникативного задания и контекста придаточное предложение причины без главного компонента само может выступать в качестве вставного предложения: *Шунан уллар Юлия Ивановнаның (ул «Жызыл крест» җәкиле булганлыктан) начальствоға мәрәжәгәт итеүен һоранылар* (Б. Дәүләтшина) 'Потом они попросили Юлию Ивановну (так как она была представительницей «Красного креста»), чтобы она обратилась к начальству'.

6. Вставные предложения, выраженные сложноподчиненной синтаксической конструкцией с придаточным следствия. Они преимущественно встречаются в художественных произведениях, переведенных на башкирский с русского: *Райкомол секретаре элә ни тиклем документтар, справкалар, отноишеләрҙе кешәһенә йомарлап тыға-тыға (Окунев портфель йортоғуҙе принципаль рәүештә яратмай, шуға күрә портфеле карауат аҫтында ята ине), һабуллашып, булмәнән бер әйләнәп, сығып китте* (Н. Островский) 'Рассовав по карманам кучу документов, справок, отношений (Окунев принципиально игнорировал портфель, и он валялся под кроватью), секретарь райкомола сделал прощальный круг по комнате и вышел'.

7. Вставные предложения, имеющие структуру сложноподчиненной синтаксической конструкции с придаточным условия. Следует отметить, что данная разновидность вставных предложений характерна для исконно башкирских поэтических произведений: *Һөйәм уны шундай булғаны өсөн, төрлө булған өсөн көндәре (әгәр ерҙә гел яҙ ғына булһа, ни яҙлығы уның, ни йәме)* (Н. Нәжми) 'Люблю ее за то, что она такая, что так разнообразны ее дни (если бы на земле все время была весна, в чем ее суть и в чем краса?)'.

8. Вставные предложения, имеющие сложноподчиненную конструкцию с уступительным предложением: *Иҙән һепереү, мылтыктарҙы тазартыу (уларҙан атылмаһа ла, һәр кон мылтык тазарттыралар)* (А. Таһиров) 'Подметание пола, чистка винтовок (хотя и не стреляют, каждый день заставляют чистить винтовки)'.

9. Вставные предложения, выраженные сложной синтаксической конструкцией с несколькими придаточными. Они преимущественно употребляются в общественно-политической литературе, переведенной с русского языка: *Рус ысынбарлығын социал-демократтарҙың нисек аңлауҙарын туптура һәм намыҫлы рәүештә әйтеп бирергә (мәсьәләһең бигерәк тә экономик яғына баһым яһалһа һәм уллар үҙҙәре алып барған бөтә «полемикаларҙа» куллангандай ғомуми, бер ни тиклем эзопса һөйләүҙәр кулланылһа, быны цензуранан хәүефһез рәүештә әйтеп бирергә тулығынса мөмкин булған булыр ине) һәм был аңлауҙың асылына каршы төшөргә, был аңлауҙан килеп сытқан практик һөҙөмтәләрҙең дөрөслөгөнә каршы төшөргә улларға бер ниһәй ҙә ыттылыш юк* (В. И. Ленин) 'Нет и попытки прямо и добросовестно изложить их понимание русской действительности (в отношении цензурном это вполне возможно бы было, если бы напирать особенно на экономическую сторону, если бы держаться таких же общих, отчасти эзоповских, выражений, в которых и велась вся их «полемика») и выражать против него по существу, возражать против правильности практических выводов из него'. Как видно из примера, вставное предложение поясняет не только препози-

тивные слова данной синтаксической конструкции, но и раскрывает содержание предыдущих предложений.

10. Вставные предложения, в форме смешанной синтаксической конструкции: *Украина яландарында журай үсмэй, имеш (мин уны, элбиттә, артык төпсәмәнем, был яңылыш була торган булһа, мине гафу итегез)* (С. Агиш) 'Мол, в степях Украины не растет курай (я, правда, не очень-то допытывался, и если вдруг ошибаюсь, прошу меня извинить)'

Следует отметить, что вставные предложения не характерны для башкирского устного народного творчества и не получили широкого распространения и в языке художественных произведений, они преимущественно встречаются в общественно-политической и публицистической литературе, художественных произведениях, переведенных с русского языка на башкирский.

УСЛОЖНЕННОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В речевой практике структурно-семантические типы простых предложений могут быть представлены распространенной второстепенными членами и нераспространенной разновидностями в соответствии с коммуникативными задачами и синтаксическими потенциями своих главных членов. Распространение предложения не затрагивает его принципиального строения и семантического содержания.

Структурная схема данного типа простого предложения не меняется также и при контекстуальном эллипсисе подлежащего или сказуемого. Эллиптическое предложение является лишь одной из разновидностей его реализации.

На структуре и типологии простого предложения, как и сложного, не сказывается также и наличие или отсутствие в его составе обособленных второстепенных членов предложения, обращения или вводных слов. Статус предложения и его структура не меняется также от того, что оно включает в себя два или более однородных подлежащих при одном и том же сказуемом, с которым они все на общих основаниях непосредственно связаны параллельной связью.

Но этого нельзя сказать, когда при одном и том же подлежащем представлено два или более однородных сказуемых, тем более — неоднородных сказуемых (зависимое сказуемое, синтаксически подчиненное свободному сказуемому, обычно замыкающему данное предложение). Ибо основным определяющим необходимым структурным элементом всякого предложения, как это ныне признано, является предикативность, которая в тюркских языках в глагольных предложениях сводится по существу к сказуемому, в составе которого однозначно назван и субъект, т. е. все предикативное ядро предложения. С увеличением числа сказуемого, каждое из которых может обраться второстепенными членами, меняется, таким образом, и состав предикации, а, стало быть, и структура двусоставного предложения, как это замечено давно¹⁰; тем более что однородные сказуемые не всегда образуют стройную цепь простого перечисления, а нередко находятся между собой в противительных-сопоставительных, пояснительных и т. п. сочинительных отношениях, усложняющих саму структуру предложения. От этого статус простого предложения не меняется: независимо от числа и соотношения однородных сказуемых они все относятся к общему для них одному и тому же подлежащему, составляя вместе с ним единое предикативное ядро, характерное именно для всего предложения, а не для его части, как это имеет место в частях сложного предложения, каждая из которых обладает этим свойством, характеризующим, следовательно, отнюдь не предложение, а только его часть. Но это вовсе не означает, что с изменением состава ска-

¹⁰ Недаром Н. К. Дмитриев в соответствии с давно установившейся традицией в отечественном языкознании предложения с однородными сказуемыми рассматривал как особую разновидность простого предложения, называя ее слитным предложением (Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 401).

зуемых при одном и том же подлежащем не меняется типология предложения и что выделение слитного предложения как особой структурной разновидности двусоставного предложения лишено основания.

Особое и значительное место среди предложений с однородными сказуемыми занимает деепричастное сказуемое на *-н*, отмеченное еще П. М. Мелиоранским, Н. К. Дмитриевым¹¹ и др. Такие предложения противопоставлены монопредикативному двусоставному предложению не только по коммуникативному содержанию, но и по структуре: если подлежащее в монопредикативном предложении не обязательно и потому не входит в структурную схему, то с появлением в нем деепричастного сказуемого на *-н* слабая связь между его подлежащим и свободным сказуемым перерастает в сильную, предусмотренную самой структурной схемой предложения — тем самым его предикативный центр становится полнокровным. К тому же создается новый соподчиненный предикативный компонент во главе с формой деепричастия с потенциальной возможностью его распространения на общих основаниях в соответствии с синтаксическими потенциями самого глагола, имеющего специальный показатель бинопредикативности. Осложняется и структура и коммуникативное содержание предложения таким образом, что оно приобретает изоморфизм с соответствующим структурным типом соединительного сложносочиненного предложения, отличается от него, собственно, только по составу подлежащего: в приведенном нами случае одно подлежащее для соподчиненных однородных сказуемых, а здесь каждое сказуемое имеет свое раздельно выраженное подлежащее: ср., с одной стороны, *Ул кесѳенен газета алып, Иштуганга кайдо* (З. Бишева) 'Он вынул газету из своего кармана и протянул ее Иштугану', с другой — *Кыш уткен, яз этте* (М. Гафури) 'Прошла зима, наступило лето'. Здесь в обоих случаях выражена последовательность действий во времени, находившихся в соединительных отношениях. Ср. еще: с одной стороны, *Ташлыяр хандугастары егерме тапкыр йылы яктарга киткен, егерме кабат тыуган, үскэн яктарына эйленен кайтылар* (Ф. Эсанов) 'Ташлыярские соловьи двадцать раз отправлялись в теплые края, двадцать раз возвращались на свою родину', с другой — *Йөрүзэн буйзарына егерме кабат яз килген, егерме кабат боззар китте* (Ф. Эсанов) 'На долины Юрюзани двадцать раз приходила весна, двадцать раз трогался на реке лед'. Здесь составные части такого же соединительного предложения, как в первом случае, централизуют общее для двух однородных сказуемых подлежащее *Ташлыяр хандугастары*, а во втором — общее для обеих частей сложносочиненного предложения обстоятельство места *Йөрүзэн буйзарына*.

Значительно более наглядно и неоспоримо меняется структура предложения и его коммуникативное содержание при его осложнении зависимым связанным сказуемым (см. с. 393—406). Причем в этом случае соотношение соподчиненных зависимого и свободного сказуемого, подчиняющего его, обнаруживает полный изоморфизм с соотношением сказуемого придаточной и главной частей сложноподчиненного предложения. Да и по общей структуре предложение с зависимой синтаксической развернутой конструкцией во главе с деепричастным и т. п. связанным сказуемым (1) отличается от соответствующего изоморфного сложноподчиненного предложения (2) только наличием объединяющего их сказуемые общим для них подлежащим. Ср., к примеру, следующие случаи.

1. Зависимое сказуемое выражает ограничительно-временную обусловленность двух действий: 1) в усложненном простом предложении: *Фатире алдына эткэс, Исмагилов туктап калды* (Ф. Исэнголов) 'Когда Исмагилов дошел до своей квартиры, он остановился', 2) в сложноподчиненном предложении: *Концерт бөткэс, улар ишек алдына сыжты* (Ф. Исэнголов) 'Когда закончился концерт, они вышли на улицу';

2. Зависимое сказуемое выражает причинно-следственные отношения: 1) в усложненном простом предложении: *Нарат бер ни зэ аңламагас, гәжәпләнен Голшатка караны* (Ф. Эсанов) 'Поскольку Нарат ничего не понял,

¹¹ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб., 1897, ч. 2, с. 36; Дмитриев Н. К. Указ. соч., с 401 и сл.

он с удивлением уставился на Гульшат'; 2) в сложноподчиненном предложении: *Ҳин бармағас, мин дэбарманым* (Я. Хамматов) 'Поскольку не ходил ты, не пошел и я'.

Во всех этих и сходных случаях сказуемые зависимой конструкции в усложненном простом предложении и в придаточной части сложноподчиненного предложения и по структуре, и по своему обстоятельству значению (причины, способа действия, следствия и т. д.) и по синтаксическому положению в его отношении к подчиняющему сказуемому ничем в принципе не отличаются. Оба выделяются на общих основаниях. Выделяются именно как сказуемое с тем или иным обстоятельным значением, а не наоборот — как обстоятельство с полупредикативным назначением.

Сущность всякого связанного сказуемого зависимой конструкции, осложняющей простое предложение, заключается в выражении синтаксического соотношения между двумя глагольными сказуемыми точно на таких же началах, что и между сказуемыми придаточного и главного предложения в составе гипотаксиса, из которых первое как бы оно ни было осложнено обстоятельным значением остается сказуемым как в рамках придаточного, так и в пределах всего предложения в целом, сказуемым (а не обстоятельством), хотя и зависимым и информативно второстепенным, но не устранимым без ущерба структуры данного типа сложноподчиненного предложения. И пока связанное сказуемое выражает это соотношение, оно является полноценным глаголом, несущим с собой то или иное обстоятельное значение, а не обстоятельством, сохраняющим глагольное значение, как это принято считать. Это доказывается и действительной неоспоримой связью подчиненного сказуемого с подлежащим, которую оно неизменно обнаруживает наравне с подчиняющим сказуемым.

Член предложения, связанный с подлежащим, если он даже выражает обстоятельные отношения и подчинен другому сказуемому, не может быть квалифицирован как обстоятельство. Соответственно синтаксическую конструкцию, которую он организует и связывает с простым двусоставным предложением, нельзя считать обстоятельным оборотом, обходя молчанием ее ясно выраженную предикативность. Нельзя хотя бы потому, что зависимая конструкция рассматриваемого рода изоморфна с соответствующим придаточным предложением. Она являет собой его аналог. Признавая придаточное предложение как таковое нельзя отказать его аналогу, обнаруживающему с ним полный изоморфизм, в его предикативном характере. Ибо для признания придаточного предложения как такового решающую роль играет в конечном итоге именно предикативность, которой вне всякого сомнения обладает и его аналог — зависимая конструкция со связанным сказуемым, осложняющая простое двусоставное предложение.

Организирующим элементом зависимой конструкции рассматриваемого рода является не только деепричастие и причастие, но и многие производные формы, выступающие в качестве ее сказуемого. С точки зрения чисто синтаксической при этом первый случай в принципе не отличается от второго. Поэтому нет нужды в особом выделении так называемых деепричастных или причастных оборотов.

Основой организующей компонент-связанное сказуемое зависимых конструкций, выражается следующими словоформами (служащими формальным выражением их подчинительной связи с основным сказуемым усложняемого предложения):

1) деепричастием на -и: *Будка эсендэ, үзен тэхеттэ ултырган батша һымак хис итеп, Алламорат ултыра* (Ғ. Дәүләтшин) 'Алламурат сидит в будке, чувствуя себя как царь на троне';

2) причастием прошедшего времени в форме местного падежа: *Берзән-бер көндө иптәштәре менән һунарға йөрөгәндә, Түземголға урманда куньырга тура килгән* (фольк.) 'Однажды во время охоты Тизимгулу с товарищами пришлось переночевать в лесу';

3) причастием прошедшего времени с афф. -дай/-дэй: *Элеватор башындагы зур электрик лампы, йондозгарға табан ынтылгандай үрзәрәк яна*

(С. Агиш) 'Большая электрическая лампочка, находящаяся над элеватором, горит выше других, как бы стремясь к звездам';

4) причастием прошедшего времени с послелогом *көйөнсө* или *халда*: *Харис, бер кулына ботинкаһын, бер кулына күлдәген тоткан көйөнсө, катып калды* (А. Таһиров) 'Харис замер, держа в одной руке ботинки, в другой рубашку'; *Взводный командир беззе, карауатына жырын яткан халда, каршылары* (А. Таһиров) 'Взводный командир встретил вас, полулежа на кровати';

5) причастием прошедшего времени с послелогом *күрә*: *Без, искенең эсендә бик озак йәшәгәннә күрә, башта һәр бер эшкә хайран калабыз* (М. Гафури) 'Так как мы долго жили по старинке, мы вначале всему удивляемся';

6) именем действия в форме исходного падежа с послелогом *һуң*: *Ғалим, Зөһрәнең заводжа йөрөй башлауынан һуң, Сәйфулланың тырышыраҡ эшләүен белә* (Н. Мусин) 'Галим знает, что Сайфулла стал работать старательнее после того, как Зухра начала ходить на завод';

7) причастием прошедшего времени с послелогом *һайын*: *Днепрға якынлашкан һайын, карт һалдат йәшәрә барҙы* (Ғ. Әмири) 'По мере приближения к Днепру старый солдат молодеет';

8) причастием *-(ы)р/-(е)р* с послелогом *өсөн* или инфинитивом с послелогом *тип*: *Дәүләтбай, Дүсмәттең кайҙа икәнен белер өсөн, разведкаға ике кеше ебәргәйне* (Б. Хәсән) 'Давлетбай послал двоих на разведку, чтобы узнать, где находится Дүсмөт'; *Карптарҙың кайғыһын уртаклашырға тип, күп кеше килде* (С. Агиш) 'Много народу пришло, чтобы разделить горе стариков';

9) деепричастием на *-ғас*: *Арбалағылар, юлда торған ике кешене күргәс, аттарын туктаттылар* (Б. Бикбай) 'Увидев двоих на дороге, ехавшие на телеге остановили лошадей';

10) деепричастием на *-ғансы/-гәнсе*: *Кеше ажылы менән бай булғансы, үз ажылы менән ярлы бул* (посл.) 'Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным собственным'; *Тимер Яһсаров, хатты укып бөткәнсе, бер кемгә башын күтәреп җараманы* (Б. Бикбай) 'Пока не дочитал письмо до конца, Тимер Янсаров не поднял головы';

11) деепричастием на *-майынса*: *Сөнәғәт, Ғәмәр ауылына һуғылмайынса, туп-тура Ташбаткаға юл тотто* (Ж. Көйөкбаев) 'Не захав в деревню Гумероно, Сунагат напрямком направился в Ташбулатово';

12) причастием на *-ған/-гән* с послелогом *һымак, кеүек, шикелле, төслә*: *Куйы йәм-йәшел үлән араһындағы торло сәскәләр, үзәрәнен ақтык көн йәшәгәннен белеп хушлашырға теләгән һымак, яланды тулжынландырып, ел ыңғайына баштарын сайжай* (Я. Хамматов) 'Словно зная, что живут последние дни свои и желая проститься, цветы самых различных тонов и оттенков качали головками в такт порывам ветра';

13) причастием на *-ған/-гән* с аффт. *-лыктан/-лектән*: *һуғыштан былай за тамам туйған һалдаттар, илдә лә тыныслык таба алмағанлыктан, сиктән тыш асыуландылар* (Х. Мохтар) 'Солдаты, уставшие от войны, не найдя покоя на родной стороне, были крайне разгневаны';

14) редуцированной формой деепричастия на *-а*: *Даланың үтә сағыу дәү жолшы, юсылар өстөндә алтын нурзарын һибә-һибә, ком диңгезе эсенә һеңеп юк булды* (З. Биишева) 'Ослепляющее степное солнце, разливая свои лучи на путников, исчезло, провалившись в море песка';

15) причастием на *-ған/-гән* с послелогом *өсөн*: *1941 йылдың ноябрәндә гестапосылар, Гитлер армияһына җорос иретергә теләмәгән өсөн, Макар Магайҙы аттылар* (Х. Сафин) 'В ноябре 1941 года гестаповцы расстреляли Макара Мазаю, за то, что он не захотел плавить сталь для армии Гитлера';

16) именем действия с послелогом *менән*: *Өйгә кайтып, карауатка йығылыу менән музыка, йыр тауышы эле һаман да һинең қолағыңда яңғырайҙар* (Б. Ишемғолов) 'Вернувшись домой, ляжешь на кровать, а музыка, звучащие песни все еще будут звенеть в твоих ушах';

17) именем действия с аффиксом направительного падежа: *Төшкө ашты ашап бөтөүгә, миңә сигирға рәхсәт иттеләр* (Н. Җәрип) 'Когда обед был съеден, мне позволили выйти';

18) причастием на *-ған/-ған* в местном падеже, выражающем действие как условие для совершения другого действия: *Биш телде үзләштергәндә, без ер шарындағы халыктардың утыз проценте менән һөйләшә, донъялағы баһып сығарылған бәтә китап, газета һәм журналдардың һикән процентен укый аласакбыз* (СБ) 'Если освоить пять языков, можно разговаривать с тридцатью процентами людей на земном шаре, читать восемьдесят процентов всех издаваемых книг, газет и журналов'.

В тюркологической литературе иногда смешиваются однородные сказуемые и разновидность обстоятельственного оборота, организующий компонент которого выражается деепричастием настоящего времени.

Если деепричастия обозначают последовательно совершающиеся действия одного субъекта и не поясняют сказуемое, то в предложении представлены однородные сказуемые. Например: *Григорий Волгин 1905 йыл революцияһында актив катнашканлығы өсөн самодержавиенең каты язалы төрмәләрен үтәп, Нарын крайында биш йыллык һөргөн срогып тамамлап, Самарга, үзенең туган заводына, кайтып урышлашты* (Г. Дәүләтшина) 'За активное участие в революции 1905 года Григорий Волгин прошел сквозь жестокое горнило тюрем, отбыл пятилетнюю ссылку в Нарынском крае и, вернувшись в Самару, устроился на своем родном заводе'.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение является одной из проблемных синтаксических категорий, поэтому в лингвистической литературе нет единства взглядов в понимании и истолковании природы сложной синтаксической конструкции.

Характерно, что одни тюркологи в своих исследованиях чрезмерно расширили границы сложных предложений за счет причастных и деепричастных оборотов, а также обособленных второстепенных членов предложения, а другие, наоборот, сузили рамки сложных синтаксических конструкций, относя все придаточные предложения со сказуемым в неличной форме к развернутым членам простого распространенного предложения¹².

В лингвистической литературе все еще иногда высказывается мнение, по которому сложное предложение — будь оно сложносочиненное или сложноподчиненное — всегда выражает сложную мысль. Однако факты языка говорят о том, что сложная мысль может быть выражена и простым предложением, в частности таким, где имеются развернутые обособленные второстепенные члены и деепричастные обороты. Поэтому сложную мысль нельзя считать особенностью только сложных синтаксических конструкций.

Части (компоненты) сложного предложения качественно отличаются от простых предложений как по смыслу, так и по грамматической структуре. Некоторые лингвисты при определении сложных синтаксических конструкций не уделяют достаточного внимания формам выражения частей сложного предложения, например тому факту, что компоненты сложносочиненного предложения, а также главная часть сложноподчиненной синтаксической конструкции могут представлять структурную систему не только двусоставного, но и односоставного предложений¹³.

Далеко не всегда учитывается, кроме того, синтаксическая интонация, которая играет значительную роль в различении предложения и непредикативного словосочетания. В частности необходимость отличать интонацию компонентов сложных синтаксических конструкций от интонации обычных простых односоставных и двусоставных предложений. Характерная особенность некоторых компонентов сложноподчиненных синтаксических конструкций заключается именно в том, что они не имеют законченной интонации, поэтому многие тюркологи относят их к развернутым членам или причастным и деепричастным оборотам, т. е. к простым предложениям¹⁴. Иными

¹² См.: Ширалиев М. Ш. Указ. соч., с. 81 и др.

¹³ См. с. 450 данной работы.

¹⁴ См., к примеру: Әхмәр К. Указ. соч., с. 169 и сл.; Закиев М. З. Указ. соч., с. 153—158.

словами, они не учитывают специфики частей сложных синтаксических конструкций тюркских языков.

Таким образом, сложное предложение является своеобразной единицей человеческого мышления и речи, оно выражает комплекс мыслей, его компоненты передаются в форме односоставных и двусоставных предложений, сложное целое состоит из двух или нескольких предложений, компоненты соединяются между собой или интонацией, или специальными аффиксальными словоформами, послелогами, или союзами, имеют строго определенный порядок слов и т. п.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По существующей традиции сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные, хотя это, как известно, во многом является весьма условным.

В то же время такое деление в известной мере облегчает изучение и усвоение сложных синтаксических конструкций при изучении языка в средних школах и в высших учебных заведениях.

Сложносочиненное предложение (паратакис) отличается от сложноподчиненной синтаксической конструкции тем, что оно состоит из двух или нескольких относительно независимых самостоятельных предложений (компонентов, частей), в них не употребляются относительные слова, компоненты занимают разные места и в зависимости от цели высказывания, коммуникативного задания могут (правда не все) свободно передвигаться в составе сложносочиненной синтаксической конструкции, вследствие чего некоторые сложносочиненные предложения легко распадаются на обыкновенные простые предложения. Однако части сложносочиненного предложения нельзя считать абсолютно независимыми. Это особенно касается тех компонентов, которые выражают временные, причинные и следственные отношения в составе сложного целого.

Характерно, что в сложносочиненных синтаксических конструкциях часто первый компонент является более независимым, чем вторая часть. По типу связи сложносочиненные предложения обычно принято делить на союзные и бессоюзные.

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Судя по дошедшим до нашего времени тюркским письменным памятником VIII в. бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции образовались гораздо раньше, чем сложносочиненные с союзами.

Бессоюзные сложносочиненные предложения занимают большое место в башкирском устном народном творчестве. Особенно широкое распространение получили эти конструкции после Великого Октября по мере формирования и развития башкирского письменного литературного языка на подлинно народной основе.

Кроме того, нельзя не отметить и того, что в процессе усовершенствования грамматической структуры бессоюзных сложносочиненных предложений башкирского языка благотворное влияние на них оказали и оказывают литературные тюркские языки с продолжительной письменностью и русский язык.

По структурно-семантическому принципу бессоюзные сложносочиненные предложения делятся на следующие виды.

1. Бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие временную последовательность фактов, действий, явлений и событий. Роль сказуемых таких конструкций выполняют глаголы личной и неличной форм. Компоненты занимают постоянное место в составе сложносочиненного предложения: *Утте кыш, килде матур яз, бозло жарзар ирендер, матур коштар тагы мо киткэн (М. Гафури) 'Прошла зима, пришла радостная весна, растаяли обледелые снега, опять прилетели красивые*

птицы, улестившие осенью'; *Бына кояш кыззыра башлар, көндәр йылынып, йәшел хәтфә кеүек үләндәр йәшәреп сығыр, ер өстә матур сәскәләр менән каплашыр, улан һин дә безгә менән бергә киң яланда югерә башларһың* (С. Мифтахов) 'Вот начнет пригревать солнце, теплее станут дни, зазеленеют травы, земля покроется красивыми цветами, потом и ты начнешь бегать с нами на просторе'; *Жандарм башы калкытып та өлгөрмәне, Салих йәшен кеүек тәзрәгә атылды, бер ынтылышта тәзрә тобәнә ыргып менде лә, карангылыкта сумып, күзгән юғалды* (Х. Мөхтар) 'Не успел жандарм приподнять и голову, Салих молнией метнулся к окну, в один миг вскочил на подоконник и скрылся в темноте'.

Характерно, что компоненты данного вида синтаксических конструкций строятся преимущественно по типу двусоставного предложения, хотя в качестве сказуемого выступает глагол в личной форме, при которой подлежащего чаще всего не бывает. В подобных бессоюзных сложносочиненных синтаксических конструкциях подлежащее представляет обычно тему, поэтому оно здесь не опускается.

2. Бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие одновременность действий, явлений и событий. Функцию сказуемых в большинстве случаев в них выполняют глаголы настоящего времени изъявительного наклонения. Бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции этого типа широко используются в художественной литературе как средство описания одновременно происходящих действий, явлений и событий реального мира: *Кис менән кайһыһы ашай, эсә, кайһылары балаларын йоклата, кайһылары бисәһе менән талаша, кайһылары йылынып ултыралар за күргәндәрен, белгәндәрен һөйләшәләр* (А. Таһиров) 'Вечером одни едят, пьют, другие укладывают детей спать, некоторые ругаются с женами, некоторые собираются и разговаривают о том, что видали и слышали'; *Береһе тутыккан двигателгә кушып кәли яусыларға йөрөй, икенсәһе көпә-көндөз бынау заманда кыз урларға маташа* (М. Кәрим) 'Один ходит сватать невесту впридачу к заржавелому двигателю, другой среди белого дня пытается умыкнуть девушку'.

Наличие в первом примере общего для всех частей обстоятельства времени *кис менән* 'вечером' в значительной мере усиливает зависимость компонентов друг от друга. Иногда в бессоюзных сложносочиненных предложениях речь идет только об одном субъекте, лексически отдельно выраженном одним и тем же местоимением в обеих их частях: *Сәлимә, мин һинә шаяртырға уйлағайным да хәзер ысынып әйтәм: мин һиңә ысынлап өйләнәм* (Ш. Насыров) 'Салима, я хотел пошутить с тобой да теперь правду говорю: я в самом деле женюсь на тебе'. Характерно, что во второй части этого сложного предложения действие относится к сфере будущего времени, хотя оно и представлено формой настоящего времени индикатива, в которой стоит и сказуемое-глагол первой части предложения.

3. Бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции, выражающие действия, явления и события, которые вообще происходили в прошлом. Особенность данных бессоюзных сложносочиненных предложений состоит в том, что здесь часто переплетаются одновременность и последовательность действий, явлений и событий; в их составе обстоятельства употребляются крайне редко, сказуемые выражаются глаголами прошедшего времени изъявительного наклонения: *Был һугыштар ауыр булды, бик күп жандар түгелде, йәп-йәш кенә мөскен йәндәр кара ергә күмелде* (фольк.) 'Эти войны были тяжелыми, очень много пролилось крови, были погублены и похоронены молодые души'; *Казан туттырып ит һалынды, биш-алты йәйем һалма йәйелде, туттырма, йыуаса, ләүәш, күмәс — береһе лә калмай бешерелде* (З. Бишева) 'Мяса было положено полный котел, раскатано пять—шесть кусков теста, приготовлено много всяких кушаний'.

4. Бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие действия, явления и события, которые вообще произойдут в будущем. В качестве их сказуемых выступают преимущественно глаголы будущего времени изъявительного наклонения. Здесь обстоятельства времени обычно не употребля-

ются: *Кояш балкыр, ер эйләнеп торор, яззар булмыр, агыр йылгалар, ерзә Ленин исеме һаман йәшәр, кешеләр уны мәңге зурларзәр* (Б. Бикбай) 'Солнце засияет, земля будет кружиться, весна будет, реки будут течь, имя Ленина на земле будет жить вечно, люди вечно будут почитать его'; *Иң матур йырзәр йырланасак, иң гүзәл һылы һүрәттәр төшөрләсәк, иң моңло койзәр уйналасак* (М. Кәрим) 'Будут спеты самые хорошие песни, созданы самые прекрасные картины, прозвучат самые мелодичные мотивы'.

5. Бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции, выражающие действия, явления и события безотносительные к определенному времени. В данном случае роль сказуемых в компонентах сложного предложения выполняют не только глаголы личной и неличной формы, но и другие части речи: *Кулде камыш матурлай, ирзе памыс матурлай* (посл.) 'Камыш красит озеро, честь красит мужчине'; *Баш уйлар, кәләм языр* (погов.) 'Голова думает, карандаш пишет'; *Донъя ла киң, мал өсөн дә урын күп, үләне бар, сәхрәне бар, һыуы бар, йылгаһы бар* (К. Мәргән) 'Мир широк, много места для скота, трава есть, степь есть, вода есть, река есть'; *Донъябыз имен, балаларыбыз исән, тормошобоз түңәрәк* (Г. Вәлиев) 'Мир спокоен, наши дети здоровы, жизнь наша хороша'; *Юлың якты, көнөң көләс, теләгең саф, бөйөк илдең кәзерле бер балаһы һин* (З. Бишшева) 'Твоя дорога светла, твой день ясный, твое желание благородное, ты — любимое дитя великой страны'; *Әсе һүз — дарыу, татлы һүз — агыу* (погов.) 'Горькое слово — лекарство, сладкое слово — ид'; *Якшы атка камсы кәрәкмәй, уңган кызга яусы кәрәкмәй* (погов.) 'Доброму коню плетка не нужна, трудолюбивой девушке сватьев не нужно'.

Как видно, приведенные выше бессоюзные сложносочиненные предложения больше характерны для пословиц и поговорок.

6. Особый структурно-семантический тип представляют бессоюзные сложносочиненные предложения со значением противопоставления. Данный тип обычно состоит только из двух компонентов, которые выражаются как односоставными, так и двусоставными предложениями. Между частями, как правило, ставится тире: *Мине икенсе бригадага ебәртергә тырышып караны — булманы* (А. Карнай) 'Он старался направить меня в другую бригаду — ничего не вышло'; *Тартып каранылар — асылманы* (С. Ханов) 'Подергали — не открылась'; *Совет кешеләре байрам алдынан иске коймаларзы буяу менән шөгәлләнмәйзәр — улар иң тәүзә өй эсендә тәртип булдырырга, шулай ук коймаларзы ла яңыртырга тырышалар* (М. Кәрим) 'Советские люди не занимаются перед праздниками перекрашиванием старых заборов — они стараются прежде всего навести порядок дома, и обновляют эти заборы'; *Тәзрә шакыр ине — кул күтәрелмәй, китеп барыр ине — аяк тартмай* (Х. Гиләжев) 'Постучал бы в окно — рука не поднимается, ушел бы — нога не слушается'.

7. Весьма своеобразны бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции, вторая часть которых раскрывает содержание первой. Этот вид сложносочиненных предложений нередко состоит из трех частей — предложений. После первой части обычно ставится двоеточие: *Башкорт халкының яраткан ике әйбере бар: уның береһе — кымыз, икенсеһе — сәй* (Г. Тажи) 'У башкирского народа есть две любимые вещи: одна из них — кумыс, другая — чай'; *Уның донъяһы теүәл: байлыҡ якшы, тамак тук, өс бөтөн, ауырлыҡ күрмәй* (Ғ. Дәүләтшина) 'У него все в порядке: состояние хорошее, сыт, обут, трудностей не видит'; *Фронтта эштәр хана: һалдаттар арығандар, корал насар, батша һарайының һигезе һажшай, ул емереләсәк* (С. Мифтахов) 'Плохи дела на фронте: солдаты усталые, оружие плохое, основание царского дворца расшатывается, он развалится'.

8. Бессоюзные сложносочиненные предложения, вторая часть которых обобщает содержание препозитивных компонентов, семантически близки к сложноподчиненным предложениям с придаточным следствия. Однако в данном случае употребляются следственные союзы *шунның аркаһында* 'вследствие чего', *шуға күрә* 'поэтому' и соотносительные слова *шундай* 'такой' и *шул тиклем* 'до такой степени', которые обычно имеют место в глав-

ной части сложноподчиненной синтаксической конструкции: *Алтын да бар Уралда, комош тэ бар Уралда — Урал — бай тау ул* (К. Даян) 'На Урале есть и золото, на Урале есть и серебро: Урал — богатая гора'; *Илдэ һүмәс кояш тьузы, кешелэр бәхеткә туйзы, йөрәжкә шатлыктар тулды — партияның ажылы ине был* (Р. Ниғмәти) 'Над страной возшло неугасимое солнце, люди полны счастья, радость нахлынула в сердца — это и есть разум партии'; *Береһе күлдәк тегә кейәуенә, береһе ямай сарык җартына, береһе юрган һыра, береһе сигә — эш өстөндә быллар барыһы ла* (Г. Йәнәби) 'Одна шьет сорочку для жениха, другая старику ичиги чинит, третья стегает одеяло, четвертая вышивает — все они за работой'.

9. В башкирском языке довольно часто встречаются бессоюзные сложносочиненные предложения, в которых сказуемые их частей выражаются деепричастием на -н: *Йыйылышы булып, инструктор комсомолдарзың колхоз хәрәжәтендәге бурыстарын һөйләне* (Н. Тәрип) 'Состоялось собрание, инструктор говорил о задачах комсомольцев в колхозном движении'; *Бер зә утмәс кеүек тойолған озон көн үттеп, төн етеп, караңғы төшөп тә китте* (З. Бишева) 'Прошел день, казавшийся таким долгим, пришла ночь, наступила темнота'; *Картина бөтөп, залдағы зур лампалар гәлт итеп нур һипте* (С. Кулибай) 'Картина закончилась, в зале загорелись большие лампы, ярко засияли лучи'.

Некоторые тюркологи склонны относить их к таким сложным синтаксическим конструкциям, которые имеют особенности паратаксиса и гипотаксиса. Рассмотренный вид бессоюзного сложносочиненного предложения является древнейшей формой паратаксиса, где роль соединительного союза выполняет словоформы сказуемого-глагола. Он представляет стилистическую разновидность бессоюзной сложносочиненной синтаксической конструкции, оба сказуемых которых выражены формами спрягаемого глагола¹⁵, выполняющими роль соединительного союза.

10. Иногда в составе сложносочиненного предложения употребляется общий для всех компонентов второстепенный член: *Кышкы айзарза Кара диңгез айырыуса борсоу була, косла штормдар йыш җабатлана* (Г. Әмири) 'В зимние месяцы черное море бывает особенно беспокойным, часто повторяются сильные штормы'; *Өстәлдә самауыр боҗорап ултыра, матур бизәкле сынаяктар тезелгән* (Ф. Иҗәнҗолов) 'На столе самовар пышет парами, расставлены чашки с красивыми узорами'; *Өс көн, өс төн буйы яр буйлап күктә җара болоттар йөзгән, күк күкрәгән, диңгез җоторонған* («Ленинсе») 'Три дня и три ночи по небу плыли черные тучи, гремел гром, бушевало море'.

11. В зависимости от контекста компоненты бессоюзных сложносочиненных синтаксических конструкций могут состоять только из односоставных предложений. Иными словами, здесь подлежащие отсутствуют: *Бында оҙаҡ һөйләшеп ултырырға ярамай, эште кыска тоторға кәрәк* (Г. Дәүләтшин) 'Здесь нельзя долго засиживаться за разговором, быстро надо выполнить дело'; *Малайзар менән дуҗтарса айырылыштык, юкка курьҗанмын икән* (Б. Бикбай) 'С мальчиками расстались дружески, напрасно, оказывается, я боялся'; *Ялынып-ялынып күпме тунһаһын тапанык — һүзәбеззе җолакка ла элмәй* (Н. Изелбай) 'Сколько ни обивали его порог, сколько ни просили — не принял во внимание наши слова'.

12. В качестве компонента сложных синтаксических конструкций очень редко выступают назывные предложения: *Ана матур мәктәп, ана укыу өйө, улан колхоз — улар барыһы ла Шәрәй тырышлығы арҗаһында барлыкка килделәр* (Г. Йәнәби) 'Вон красивая школа, вон изба-читальня, затем колхоз — все они созданы благодаря усилиям Шәрәй'; *Аякта итек, өстә салбар, телогрейка, күлдә бейәләй* (З. Бишева) 'На нем брюки, телогрейка, на ногах сапоги, на руках рукавицы'; *Гәлмәзинәнең аяғында бейек күтәрмәле һырылған итек, өстөндә әберкәле озон күлдәк, еңһез кәзәкей, беләктә*

¹⁵ Об этом, как и об основных типах сложносочиненных предложений, сказуемое первой части которых выражено деепричастием на -н, см.: Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и спрягаемых форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 240—250.

рендә алтын беләзектәр, бармағында алмас кашлы алтын йөзөк (Я. Хамматов) 'На ногах у Гульмадины узорчатые сапожки на высокой платформе, на плечах — длинное платье с оборками, жилет без рукавов, на запястьях — золотые браслеты, на пальце — золотой перстень с алмазом'.

Как видно из первого примера, употребление слова *ана* 'воп' в данной синтаксической конструкции играет решающую роль в превращении простого предложения с однородными членами в бессоюзное сложносочиненное предложение.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С СОЮЗОМ

Сложносочиненные предложения с союзами формировались в основном, довольно поздно, главным образом после возникновения башкирского письменного литературного языка. Правда, в сказках, эпосах и легендах встречаются сложносочиненные синтаксические конструкции с союзами *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә, ә, ләкин*, но они составляют исключение.

В семантическом плане сложносочиненные предложения с союзами почти не отличаются от бессоюзных конструкций: преимущественно выражают одни и те же отношения.

Компоненты сложносочиненного предложения с союзами представлены в виде односоставных и двусоставных предложений, причем в качестве сказуемых частей сложного целого выступают не только глаголы, причастия, деепричастия, но и другие части речи.

Исходя из структурно-семантического принципа, сложносочиненные предложения с союзами делятся на следующие виды.

1. Сложносочиненные синтаксические конструкции с соединительными союзами *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә, һәм* 'и', *шулай уҡ* 'также', *йәнә* 'еще', *тағы* 'еще', *етмәһә* 'к тому же', *шуның өстөнә* 'к тому же', *шуның менән бергә* 'вместе с тем', *шул уҡ ваҡытта* 'в то же время', в которых выражаются одновременность и последовательность действий, явлений и событий: *Ул мине йоконан бик иртә уятты ла, мин ат эзләргә киттем* (Ә. Чаныш) 'Он разбудил меня очень рано, и я пошел искать лошадь'; *Иртәнән һуңға районға барырһың, һәм юлға сығырһығыз* (С. Агин) 'Послезавтра поедешь в район, и отправитесь в путь'; *Кулдар жалтырай, шуның менән бергә дөп-дөп һуңкан йөрәк тауыштары минең колағка шешелә* (Д. Юлтый) 'Руки дрожат, к тому же громкий стук сердца доносится до моих ушей'; *Гилманға Зөбәржәттең ниңә бында көтөп тороуы хәҙер һис тә сер түгел ине инде, шул уҡ ваҡытта уның бындай һөйләшеүгә эҙерәге дә юк ине* (Н. Мусин) 'Для Гильмана теперь нисколько не было секретом, зачем Зубаржат ждала здесь, в то же время у него не было готовности к такому разговору'.

2. Сложносочиненные предложения с противительными союзами *бәлки* 'возможно, но и', *ә* 'а', *ләкин* 'но, однако', *әммә* 'однако', *тик* 'только, однако', *шулай ҙа* 'все-таки', *юғиһә* 'иначе', в которых выражаются сопоставительные отношения, противопоставления и несоответствия. Так как в этих сложных конструкциях имеет место сопоставление двух действий, явлений и событий, сложносочиненные предложения с данными союзами преимущественно состоят только из двух компонентов, представляя, таким образом, закрытую структуру: *Урта быуаттарҙа Болғар арҡылы сит ил сәйәхәтселәре генә үтәп йөрөгән, бәлки башкорт кәбиләләренән дә айырым кешеләрҙе, айырым төркөмдәрҙе яҙмыш йылы кына шул уҡ оҙон юл менән Ғәрәбстанға алып барған* (Ә. Харисов) 'В средние века через Булгарию проходили не только иностранные путешественники, судьба приводила по тем длинным дорогам в Аравию и отдельных людей и отдельные группы из башкирских племен'; *Ваҡиғалар Владимир Ильичте безең Өфөгә килтерҙе, ә тарих уны безең каланың мәңгелек кешеһе, үлемһеҙ гражданине итте* (М. Кәрим) 'Обстоятельства привели Владимира Ильича в нашу Уфу, а история сделала его бессмертным гражданином нашего города'; *Алыс түгел соҡорҙа шылтырап һуу агып ята, ләкин унда ебәрмәйҙәр* (А. Таһиров) 'Недалеко в овраге течет река, но туда не пускают'; *Төш яғынлап бара, әммә тау яғынан эшкә килеүселәр күренмәй әле* (Б. Бикбай) 'Приближается

полдень, но со стороны горы не видно идущих на работу'; *Ул Йосопто тугул бер йыл котто, тик иңәлер Йосоп кайтманы* (Р. Нигмәти) 'Она ждала Юсупа ровно год, но Юсуп почему-то не вернулся'; *Сынтимер агай миңәлә институтка инергә кәңәш итә, тик мин тәүгә Гөлгөнәне укытам әле* (Ш. Янбаев) 'Сынтимер агай советует и мне поступить в институт, только я вначале выучу Гульгену'; *Аттарзы арба тирәһендә генә ашатырға кәрәк, юғиһә айыу һәжүм итер* (М. Гафури) 'Надо кормить лошадей у телеги, иначе медведь может напасть'.

3. Сложносочиненные синтаксические конструкции с повторяющимися союзами *берсә* 'ни,' *йә* 'либо', *йәки* 'или', *әле* 'то', *әллә* 'то ли', в которых выражаются разделительные отношения с оттенками предположения, перечисления, чередования: *Ни капитан, һөрәмө китеп, иренен кымтыған, ни Федотов менән Суминов телдән калғандар* (Ә. Хәкимов) 'И капитан, помрачнев, поджал губы, и Федотов с Суминовым молчат'; *Тау араһынан барғанда юғиһә рәтлә күренмәй: йә уны әре ағастар каплай, йә бейек тауҙар был ерҙән йәшереп торалар* (М. Гафури) 'Когда идешь между горами, солнце плохо видно: то заслоняют высокие деревья, то — высокие горы'; *Минәң арттан Пина карап торған кеүек, йәки ул минән кәлгән йәки илаған төҫлө* (Д. Юлтый) 'Пина будто бы следит за мной: то покажется, что она насмехается надо мной, то плачет'; *Юл буйлап әле дошман офицерҙәре арттарына бороллоп ата-ата югерә, әле уларзы бастырып кызыл атлылар саба* (Ф. Исағолов) 'То по дороге бегут белше офицеры, оборачиваясь и стреляя, то проносятся красные всадники, преследуя белыков'.

Данная разновидность сложносочиненных предложений не получила широкого распространения в башкирском литературном языке. Союзы, представленные в них, обычно употребляются между однородными членами простого предложения.

4. Сложносочиненные предложения с союзом *йәғни* 'то-есть', во второй части которых поясняется содержание первой: *Бөтә һыу кыуышлыкка китеп тик тора, кире кайтмай, йәғни циркуляция булмай* (Р. Солтангәрәев) 'Вся вода уходит в отверстие, обратно не идет, т. е. нет циркуляции'; *Йәйге хәрәкәттәр бик көслө булды, йәғни йәйге һуғыштар кышкыға карағанда кызыуыраҡ алып барылды* («Ағизел») 'Летние продвижения были очень сильны, то есть летние бои велись энергичнее, чем зимние'.

5. Сложносочиненные синтаксические конструкции со следственным союзом *хатта* 'даже' и союзными словами *ғәүмән* 'вообще', *тимәк* 'значит', *шулай итеп* 'итак', во второй части которых обобщается содержание первого компонента: *Көслө елдәр, штормдар булды, хатта баржалар Кама менән Волга ярҙарына ыргытылды* (Ә. Бикчәнтәев) 'Дули жестокие ветры, штормы, даже баржи выкидывало на берег Камы и Волги'; *Һалдаттың үзенә, ғаиләһенә бүләктәр бирзеләр, ғәүмән, һалдат хажында кайнар хәстәрлек жүрелде* (Ә. Чаныш) 'Дали подарки самому солдату, его семье, вообще о солдате была проявлена большая забота'; *Наратлы ауылын аҡтар алыу тураһында хәбәр килде, тимәк, бөгөн йәки иртәгә улар был ауылда ла булырға мөмкин* (С. Ханов) 'Пришла весть о взятии белыми деревни Наратлы, значит, сегодня или завтра они могут оказаться и в этой деревне'; *Башкалар, көслөрәк, аҡыллыраҡ кулдар яңы парктар, яңы аллеялар, яңы ағастар ултыртыр, тимәк, калабыз йәшәр һәм йәшеллек шатлығы менән һулыш алыр* (М. Кәрим) 'Другие, болсе сильные, болсе мудрые руки посадят новые парки, новые аллеи, новые деревья, значит, город будет жить и дышать радостью свежести'.

Как видно из примеров, функцию союза выполняют вводные модальные слова *ғәүмән* 'вообще', *тимәк* 'значит', *шулай итеп* 'итак, таким образом'. В зависимости от коммуникативного задания и контекста в сложносочиненных синтаксических конструкциях в качестве союзного слова могут выступать и другие модальные слова, в частности *иҫтимал* 'возможно', *әйтерһең дә* 'будто'; *Безҙең байтаҡ кына тауарыбыҙ Ленинград портында ята, иҫтимал, һезҙең заказ да шунда әләккәндер* (И. Насыри) 'Значительное количество наших товаров лежит в Ленинградском порту, возможно, и ваш заказ

попал туда'; *Улар көлгән сакта бер-береһенә бигерәк тә оҡшайҙар, әйтерһең дә, көлөргә үзҙәрен бер кеше ойрәткән* (С. Ағиш) 'Когда они смеются, то особенно ходят друг на друга, словно один человек научил их смеяться'. Однако из этого не следует, что все вводные модальные слова выступают в качестве союзного слова в составе сложносочиненной синтаксической конструкции. Так, например, модальные слова *ахыры* 'кажется' и *буғай* 'будто' не могут выполнять роли союзных слов, хотя они также употребляются между компонентами сложного целого, ибо эти вводные слова не входят в состав второй части сложносочиненного предложения, а относятся к первому компоненту, в результате чего они не могут выполнять функции союзного слова: *Тик ултырыу туйыҙыргандыр, ахыры, карағош, канаттарың ике яҡка йәйеп, бейек тауҙы эргәләп, уралып-уралып оса башилань* (Б. Ишемғолов) 'Сидеть без дела, видимо, надоело, и стервятник, расправив крылья начал летать, кружась над склонами высокой горы'; *Исемә — Сибай, буғай, фамилияһын белмәйем* (И. Насырп) 'Имя его — кажется Сибай, фамилии не знаю'. Оба примера являются бессоюзными сочиненными предложениями.

Таким образом, бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции и сложносочиненные предложения с союзами в башкирском языке выражают различные отношения, состоят из двух или нескольких компонентов, представленных в виде односоставных и двусоставных предложений, наличие двух подлежащих и двух сказуемых в каждом сложносочиненном предложении вовсе не обязательно ¹⁶.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В тюркологии сложноподчиненное предложение является недостаточно разработанной категорией. До сих пор нет единого понимания природы придаточного предложения, нет четкого разграничения зависимых предложений, развернутых (обособленных) членов предложения, причастных и деепричастных оборотов. В понимании и истолковании грамматической природы сложноподчиненных синтаксических конструкций, особенно придаточных предложений, существуют три направления.

Некоторые тюркологи, например, М. А. Казембек, В. А. Гордлевский, А. К. Боровков, Н. Т. Саурапбаев и др. считают, что развернутые конструкции с зависимым и подчиняющим сказуемым даже при одном и том же подлежащем являются придаточными предложениями, хотя в их составе отсутствует отдельно выраженный главный член — подлежащее.

По мнению Н. А. Баскакова, И. А. Батмапова, Н. А. Дыренковой, М. Ш. Ширалиева, С. А. Джафарова, С. А. Аманжолова, А. З. Абдулаева, К. К. Сартбаева и др. основным, определяющим критерием придаточного предложения в тюркских языках является не только отдельно выраженный субъект (подлежащее), но и предикат (сказуемое), выраженный только личной глагольной формой. Соответственно, по их мнению, придаточные предложения, сказуемые которых выражаются причастиями или деепричастиями, относятся к развернутым (обособленным) членам предложения.

И. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, М. А. Аскарлова, А. П. Поцелуевский, Е. И. Убрятова, М. З. Закиев, К. З. Ахмеров и мн. др. к вопросу о синтаксических функциях причастий и деепричастий подходят дифференцированно: если глаголы личной (масдарной) формы или причастия и деепричастия в синтаксической конструкции выступают в качестве сказуемых, то мы имеем дело с придаточными предложениями, если же они выполняют функцию вто-

¹⁶ Состав структурно-семантических типов сложносочиненных предложений далеко не исчерпывается представленным здесь материалом. Ср., например, работы: *Сәйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961; *Әлмәр Н.* Башкорт телендә тәзмә кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1960; *Юлдашев А. А.* Соотношение деепричастных и спригаемых форм глагола в тюркских языках, с. 240—250.

ростенных членов предложения и перед ними отсутствует отдельно выраженное подлежащее, то это — простое предложение с развернутыми членами или причастным или деепричастным оборотами. Мы, как и большинство наших синтаксистов, разделяем точку зрения этой группы тюркологов¹⁷.

Основной причиной споров и разногласий среди тюркологов в понимании грамматической природы сложноподчиненного предложения является то, что некоторые лингвисты не учитывают своеобразия и особенности сложноподчиненных синтаксических конструкций. То же самое можно сказать и о синтаксической интонации. Между тем она не может быть одним из основных критериев придаточных предложений. С точки зрения актуального синтаксиса сложноподчиненная синтаксическая конструкция — цельная коммуникативная единица, организованная централизующей интонацией, если даже она и однозначно ограничивает одну ее составляющую часть от другой.

Кроме того, отдельные тюркологи отмечают способность придаточных предложений к выделяемости из состава сложноподчиненного предложения в качестве автономного простого предложения. Эта способность придаточных предложений к выделяемости свойственна только тем синтаксическим конструкциям, сказуемые которых выражаются глаголами личной формы, и то не все, ср., например, неоспоримые общепризнанные сложносочиненные предложения с повторяющимся разделительным союзом *йә* 'либо', где ни одна их часть не может быть выделена как самостоятельное предложение в отрыве от другой.

Что касается других придаточных предложений, то они совсем лишены в качестве отдельного предложения выделяемости. В этом одна из отличительных черт придаточного предложения от компонентов сложносочиненной синтаксической конструкции, кроме отдельных ее типов.

Характеризуя придаточные предложения, отдельные языковеды уделяют внимание наличию подлежащего в составе зависимой части сложноподчиненной конструкции. При этом они не придают особого значения сказуемому придаточного предложения. Так, например, Л. Залая отмечает, что подлежащее присуще всем придаточным предложениям. Однако не подлежащее, а сказуемое является постоянным главным членом в придаточном предложении. Подлежащее обычно употребляется в обязательном порядке в том случае, когда сказуемое зависимой части выражается глаголом неличной формы — причастием и деепричастием. Иными словами, придаточные предложения, сказуемые которых выражаются глаголами личной формы, преимущественно функционируют без отдельно выраженного подлежащего; а если в качестве сказуемых придаточных предложений выступают причастия и деепричастия, то зависимое предложение, напротив, обязательно предполагает свое отдельно выраженное подлежащее.

Характерно, что из односоставных назывное предложение может выполнять функцию только главного компонента сложноподчиненной синтаксической конструкции, причем наличие предикативности в нем весьма проблематично.

Придаточные предложения характеризуются рядом специфических признаков.

1. Придаточное предложение имеет относительную логическую самостоятельность, в значительно большей мере свойственную главному предложению.

¹⁷ Вместе с тем следует сказать, что иногда конструкции, главные члены которых представлены отдельно выраженными подлежащим и сказуемым, не являются придаточными предложениями, так как по смыслу они представляют собой синтаксические фразеологизмы. Таковы, например, фразеологизмы: *балтаһы һыуға төшкән кеүек* 'быть не в духе' (букв. 'словно уронил топор в реку'); *һыуһылы жанғансы* 'сможна утолить жажду'; *танһығы жанғансы* 'отвести душу' (о еде) и др.

Таким образом, наличие отдельно выраженного подлежащего в придаточных предложениях и синтаксических фразеологизмах несколько не способствует образованию придаточных предложений.

2. Любое придаточное предложение, будь оно определительное, дополнительное или обстоятельственное — в отличие от непредикативных словосочетаний, обособленных второстепенных членов предложения и причастных, деепричастных оборотов, характеризуется модальностью — выражает отношение говорящего к реальной действительности.

3. Придаточное предложение обязательно имеет сказуемое, которое может быть выражено не только спрягаемым глаголом, причастием, деепричастием, отглагольным именем, но и другими частями речи.

4. Придаточное предложение иногда имеет союз или союзное слово, в том числе относительные слова. Однако наличие последних в сложноподчиненных синтаксических конструкциях башкирского языка далеко не всегда имеет решающее значение, ибо функцию союзов несут с собой формы причастий, деепричастий и наклонений глагола. Отсюда преобладание в башкирском языке и других тюркских языках синтетического типа придаточных предложений (т. е. связанных с главным предложением при помощи специальных аффиксальных словоформ). Большинство союзов заимствовано из арабского и персидского языков.

5. Придаточное предложение **зависит от главного предложения и поясняет содержание** последнего в целом или раскрывает значение подлежащего, сказуемого и второстепенных членов главной части, выраженных различными частями речи вообще, в особенности относительными и указательными местоимениями.

6. Между придаточным и главным предложениями ставится запятая, двоеточие или тире. Вместе с тем в башкирском языке имеются и такие придаточные предложения, которые не отделяются от главного компонента никакими знаками препинания. Таковы, например, некоторые определительные, дополнительные придаточные предложения и отдельные разновидности придаточного предложения места. Причем для этих синтаксических конструкций не характерна особая интонация.

Исходя из структурно-семантического принципа, придаточные предложения в башкирском языке принято делить на следующие виды: 1) придаточное подлежащее, 2) придаточное сказуемое, 3) придаточное определительное, 4) придаточное дополнительное, 5) придаточное времени, 6) придаточное места, 7) придаточное причины, 8) придаточное следствия, 9) придаточное цели, 10) придаточное образа действия, 11) придаточное меры и степени, 12) придаточное сравнительное, 13) придаточное условия, 14) придаточное уступительное.

По характеру связи между частями сложноподчиненного предложения различаются синтетические (показатель связи — словоформа), аналитические (с союзной связью) и аналитико-синтетические (связь выражена словоформой в сочетании с союзом). Они специфичны для каждого вида придаточного предложения.

ПРИДАТОЧНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Придаточное подлежащее, представляя грамматически оформленное зависимое предложение, поясняет и раскрывает содержание подлежащего главной части. Последнее обычно выражается указательными местоимениями *шул* 'тот', *шуныһы* 'тот из них', при отсутствии которых придаточное как бы выполняет функцию подлежащего главной части сложноподчиненной синтаксической конструкции. В языке художественных произведений встречаются как препозитивные, так и постпозитивные придаточные подлежащие предложения, сказуемые которых выражаются глаголами изъявительного и условного наклонений: *Кем дә кем уза, шул зур байрамга безең өҙкөл булып барыр* (А. Карнай) 'Кто опередит всех, тот пойдет на праздник нашим представителем'; *Күрселек кем яғында булһа, шул еңсәк* (Х. Мохтар) 'На чьей стороне будет большинство, тот и победит'¹⁸; *Ғысқаһы, шул аң-*

¹⁸ *Примечание отв. ред.* Конституирующим элементом сходных предложений служит употребление соотносительных союзных слов *кем — шул, кем дә кем — шул*, из коих второе одновременно служит и подлежащим главного предложения.

лашылды: *Тазкира туристар йәмғиәтендә тора икән* (С. Агиш) 'Короче говоря, выяснилось, что оказывается Тазкира состоит членом туристического общества'.

Если в главном предложении отсутствует подлежащее, выраженное указательным местоимением, то главная часть имеет форму односоставного предложения; придаточное подлежащее предложение в этом случае не имеет союзной связи, и природу сложноподчиненного предложения как такового предопределяет смысловая соотношенность его частей, на письме отраженное двоеточием: *Безең әле бик күбебезгә мәғлүм: башкорт, татар эшсәндәре граждандар һуғышында бик нык катнаштылар* (М. Гафури) 'Большинству из нас известно: башкирские и татарские трудящиеся активно участвовали в гражданской войне'; *Капыл Мансурзың исенә төштө: Аксәсәк СынTIMERZE ИСКӘ ЛӘ алманы, уның хакында бер генә ауыз һүзгә әйтмәне* (Ш. Янбаев) 'Аксәсәк даже не вспомнила Сынtimiра, не обмолвилась о нем ни одним словом'; *Күренеп тора: егеттәр жығға һиндәйгә булһа һүз кушырға, шунның менән эңгәмә башлап китергә уйлайҙар* (С. Агиш) 'По всему было видно: парни хотят сказать девушке хоть какое-то слово и тем завязать с ней разговор'¹⁹.

Иногда придаточное подлежащее присоединяется к главной части при помощи союза *ки*. Этот союз, заимствованный из персидского языка, получил широкое распространение не столько в поэзии, сколько в прозаических произведениях, ср.: *Һәр кемгә мәғлүм ки, ул җазаһы ауыл халыктарының баһтарына килә торған җазаларзың иң зур, иң куржыныстарынан хисапланаһар* (М. Гафури) 'Каждому известно: для сельского населения пожар является одним из больших и страшных стихийных бедствий'. Здесь, в отличие от других союзов, *ки* употребляется в составе главной части сложноподчиненной синтаксической конструкции.

В качестве подлежащего придаточного предложения может выступать вопросительное местоимение *ни* 'что', обозначающее неодушевленный предмет: *Оло йортка ни кәрәк — кесенә лә шул кәрәк* (посл.) 'Что надо большому дому, то надо и маленькому дому'.

ПРИДАТОЧНОЕ СКАЗУЕМОСТНОЕ

Это предложение поясняет и раскрывает содержание сказуемого главной части, выраженное указательными местоимениями *шул, шундай, шулай, шунда*. Различаются постпозитивные и препозитивные придаточные сказуемостные предложения. Функцию сказуемого придаточного предложения выполняют глаголы изъявительного наклонения, инфинитив или же другие части речи: *Минең һүзем шул: мин коммунанан сыға алмайым* (А. Таһиров) 'Мое слово таково: я не могу уйти из коммуны'; *Хәзер көндәр шундай: һәр сәғәте, һәр минуты җиммәт сиһыфка!* (Т. Йөнәби) 'Теперь такие дни: каждый час, каждая минута дороги классу!'; *Председатель һиндәй — колхоз да шундай* (посл.) 'Каков председатель — таков и колхоз'; *Миләүшә сәскәһе шулай: үзе төскә матур тугел, әммә ябай күркәмлеге менән кешеләр күңелендә мәләйемлек һәм мохәббәт уята* (Ә. Чаныш) 'Цветок фиалки такой: неброский, по своим простым и нецитязательным видом будит в людях чувства любви и очарования'; *Иң куржынысы шунда: тылда Советтәргә җаршы кәстәр баш калкытты* (Ф. Исәнғолов) 'Самое опасное в том, что враги Советов подняли голову'.

ПРИДАТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ

Оно поясняет и раскрывает содержание членов главной части, выраженных именем существительным или субстантивированной частью речи. В отличие от причастных оборотов, определительное придаточное предложение

¹⁹ Эти и сходные предложения квалифицируются так не только Г. Г. Саятбатталовым. Однако на деле они представляют сложноподчиненные предложения с придаточным пояснительным, близко стоящие к соответствующим типам сложносочиненных предложений.

имеет отдельно выраженное подлежащее и сказуемое, иными словами, оно преимущественно выражается в форме двусоставного предложения. Что касается особой интонации, то наличие ее является необязательным.

Определительные придаточные предложения бывают препозитивными и постпозитивными, из которых первые являются более древними и более распространенными. Препозитивные делятся на синтетические и аналитические типы, которые в зависимости от контекста и коммуникативного задания могут употребляться и в середине главного предложения. Сказуемое препозитивного определительного придаточного предложения обычно выражается причастием или глаголом изъявительного наклонения: *Кин эшлэй-эсэж колхоздың бағыузары бик матур ерзэ, Агизел тугайында, урынлашкан* (БТ) 'Колхозные поля, где ты будешь работать, находятся по берегам Белой'; *Хәзер бәтә кеше укый, яза белергә тейеш тигән приказ бар* (Д. Юлтый) 'Есть приказ, по которому теперь все должны уметь читать и писать'.

Постпозитивные определительные придаточные предложения, сформировались сравнительно позже препозитивных и являются результатом развития башкирского литературного языка. Их особенность заключается в том, что они выражают основную мысль, содержащуюся в сложноподчиненной синтаксической конструкции, и раскрывают содержание относительных слов *ошондай, шундай*, которые преимущественно выполняют роль определения главного предложения: *Бында Сәғидуллин шундай картинаға тап булды: Совет йортонда күп кенә халыҡ йыйылған* (А. Карнай) 'Здесь Сагидуллин увидел такую картину: в доме Совета собралось много народу'; *Йыш кына Карпатта шундай хәлдәр зә булғылай: жапыл күтәрелгән ел томанды бик тиз таратып ебәрэ* (Ө. Чаныш) 'На Карпатах часто так случается: внезапно поднявшийся ветер быстро разносит туман'.

Функцию сказуемого придаточного определительного предложения выполняет также глагол условного наклонения, при этом перед существительным-подлежащим употребляются относительные слова *ни саклы* 'сколько, поскольку', которым в главном предложении соответствует *шул саклы* 'столько, постольку': *Кояш эсендә ни саклы йылылык булһа, ата-эсә күңелендә лә шул саклы иззелек* (БТ) 'Сколько тепла в солнце, столько же добра у матери и отца'.

Иногда в придаточном предложении употребляется слово *нисә* 'сколько', а в главном — относительное слово *шуньңса* соответственно 'столько' в роли определения: *Нисәкурарсы менән йырсы булһа, бер-береһенә окшамаған шуньңса көй барлыкка килә* (Й. Солтанов) 'Сколько существует непохожих друг на друга кураистов и певцов, столько различных песен рождается на свет'.

ПРИДАТОЧНОЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ

Дополнительное придаточное предложение поясняет сказуемое главного предложения или раскрывает содержание дополнения, выраженного относительными словами *шуға, шуны, шунан, шуньң менән*. В башкирском литературном языке довольно широко распространены как синтетические, так и аналитические дополнительные предложения. В отличие от дополнения данное придаточное предложение имеет отдельно выраженное подлежащее и сказуемое. Это обстоятельство является основным, определяющим критерием при определении дополнительных придаточных предложений.

Отличительная черта дополнительных придаточных предложений синтетического типа заключается в том, что их сказуемые выражаются причастиями, отглагольными именами с аффиксами дательного, винительного и исходного падежей. Эти придаточные конструкции обычно лишены самостоятельной интонации так же, как и некоторые определительные придаточные предложения, поэтому они от главной части не отделяются никакими знаками препинания: *Петров Айбулат килеүгә ысын күңеленән шатланды* (Ғ. Дәүләтшина) 'Петров от души радовался тому, что пришел Айбулат'; *Мин дә шул малайзар эшлэгәнде эшлэй алмаҫ инемме ни?* (С. Агиш) 'Неужели и я не смог бы делать то, что делают те мальчишки'; *Золдйға туташ мин уйла-*

ғандан да һылыуыраҡ булып сыҡты (Т. Йәһәби) 'Зулейха оказалась красивее, чем я думал'.

Характерная особенность дополнительных придаточных предложений аналитического типа состоит в том, что они присоединяются к главной части при помощи послелого *тип* или поясняют относительные слова *шуға* 'тому', *шуны* 'то', *шунан* 'оттого, потому', *шуның менән* 'этим': *Мин, был эш атайым менән эсәйемдең кайғыһыл тағы ла арттыра торғандыр, тип уйлайым* (М. Гафури) 'Я думал, что это дело еще больше увеличило горе моего отца и матери'; *Сания йәнә шуға шатланып бәтә алмай: егәрле, берҙәм бригадаға, тәжрибәле бригадирға тура килделәр улар* (БТ) 'Сания не может нарадоваться тому, что они попали в трудолюбивую бригаду, к опытному бригадиру'; *Һүҙ уңайында шуны әйтергә кәрәк: Әбсәләмовтар — ғәжәп кунаксыл кешеләр* (А. Карнай) 'Кстати, надо сказать, что Абсалимовы — удивительно гостеприимные люди'; *Ауыл халкының киң күңеллеге шунан да күренә: олоһо ла, кесеһе лә урамда осраған таныш булмаған кешеһе лә сәләм биреп узалар* («Ағиз») 'Приветливость деревенских жителей видна еще и вот почему: и стар, и млад при встрече на улице уважительно здороваются даже с незнакомым человеком'; *Пимә мине бала сакта, йәшлектә тетрәтте, мин шулар тураһында һөйләйем* (М. Кәрим) 'Я рассказываю о том, что меня потрясло в детстве и юности'.

Иногда встречаются такие дополнительные придаточные предложения, которые присоединяются к главному компоненту путем особой интонации: *Күрәм: көңү кеүек, ер өстөнә даны ҡалҡа һамап илемдең* (Ғ. Сәләм) 'Визу: слава моей страны, как солнце над землей поднимается'; *Императорға әйт: Юлай улы Салауат был ебәккә тап төшөрмәс!* (М. Кәрим) 'Скажи императору: сын Юлай Салават не оставит пятнышка на этом нежном шелке!'

ПРИДАТОЧНОЕ ВРЕМЕНИ

Придаточное предложение времени указывает, когда происходит действие, явление, событие, названное в главном предложении, иными словами, выражает временные отношения между действиями, явлениями, событиями окружающей нас реальной действительности. Структурно различаются придаточные предложения времени синтетические, аналитические и аналитико-синтетические. В качестве сказуемых придаточных предложений преимущественно выступают причастия, деепричастия, глаголы изъявительного наклонения с различными послелогам.

Синтетические придаточные времени: *Ғалдаттар зантыенән ҡайткансы, шул рәүешле тентеүҙәр дауам итте* (М. Гафури) 'Обыски таким образом продолжались до тех пор, пока солдаты не вернулись с занятия'; *Ғәбделхәкимов килеүгә, Алпаров менән Ҡәбир уны идарала көтөп ултыралар ине* (Яр. Вәлиев) 'К приходу Габдельхакимова Алпаров и Кабир уже дожидались его в управлении'; *Поезд станцияға килеп тукталғас та, пассажирҙар барыһы бер ыңғай вагон ишегенә юнәлделәр* (Я. Хамматов) 'Едва поезд остановился на станции, как все пассажиры двинулись к двери вагона'; *Паром туктар-туктамастан, Коля ярға һикерҙе һәм арлы-бирле иткәнсе килеп тә етте* (Р. Низамов) 'Не успел паром пристать к берегу, как Коля прыгнул туда и пока суть да дело, успел уже добраться'; *Без килгәндә, культура һарайында йәй көндәре генә була торған тынлыҡ хөкөм һөрә ине* (Ө. Таһирова) 'Когда мы приехали, в доме культуры царили тишина и покой, какие бывают только в летнюю пору'.

Характерно, что для различения продолжительности и предела действия во времени в башкирском языке служит соответствующая постановка ударения, падающего на сказуемое придаточного предложения: *Ул, мин хат язып бөткәнсе, ҡитап укып ултырҙы* 'Пока я писал письмо, он читал книгу (Он читал книгу до тех пор, пока я не написал письмо)'. Если ударение падает на последний слог в слове-сказуемом придаточного, то предложение выражает продолжительность действия, а если же оно падает на первый слог: то предложение выражает предел действия во времени.

Аналитические придаточные времени: *Молотилка тауышы туктау менән, кешеләрҙең һөйләшеүҙәре, кәләшкәндәре асыҡ булып ишетелде* (С. Агйш) 'Как только прекратился шум молотилки, стали хорошо слышны разговор и смех'; *Халыҡ йыйылған сакта, бер аз һөйләшеп алайыҡ* (Я. Хамматов) 'Давайте поговорим, пока собрался народ'; *Һалдаттар ауылға ингән мәлдә, Әптерәхим менән киткән Гөльямал үзе лә яңылыҡтарҙы белмәне* (Я. Хамматов) 'Когда солдаты вступали в аул, Гульямал, которая ушла вместе с Абдрахимом, и сама не знала никаких новостей'; *Хәл катмарланып китмәҫ элек, Дон Хуан тоқсайын сисеп күрһәтһен* (Ә. Бикчәнтәев) 'Пока дела не осложнились, пусть Дон Хуан развяжет свой мешок и покажет, что там внутри'; *Магазин ябылмаҫ борон, сәскә алып олгорорғә кәрәк* (Й. Солтанов) 'Надо успеть купить цветы, пока не закрылся магазин'; *Һин кайткандан бирле Уйылдан былай ға утқа баҫкан бесәй кеүек йөрөй* (Н. Мусин) 'С тех пор, как ты вернулся, Вильдан и так ходит, как кот, наступивший на огонь'; *Зәйнәтдин менән Ильбай күптән түгел генә, һуғыш сығыр алдынан ғына, Осло тау яғында аттар көттө, төндәрән усаҡ яқты* (Р. Низамов) 'Зайнетдин вместе с Ильбаем совсем недавно, перед самым началом войны, пасли лошадей на отрогах Ослоутау, жгли по ночам костры'; *Операторҙар берәр көрәк кар алып, ситкә ыргыткан арала, буран шул ут ергә тултырып та өлгөрә* («Ағизел») 'Пока операторы отбросят одну лопатку снега, буран успеваает снова завалить снегом то место'; *Дошман артиллерияһы ут асқан һайын мин боецтарҙы арткараҡ күсереп торҙом* (Ә. Бикчәнтәев) 'Каждый раз, когда враг начинал артиллерийский обстрел, я отводил бойцов немного назад'.

Аналитико-синтетические придаточные предложения времени: *Язғы баҫыу эитәре башланғанға саклы, ваҡыт аз кала* (СБ) 'До начала весенних полевых работ остается немного времени'; *Бозло кар луғандан алда сәселгән бойҙай, карабойҙай үсте* (Я. Хамматов) 'Выросли пшеница и гречиха, посеянные перед тем, как прошел снег с градом'; *Староста сығып киткәндән азак та, Хажисолтан тыныслана алманы, урамы сықты* (Я. Хамматов) 'Даже после того, как староста ушел, Хажисултан не мог успокоиться, вышел на улицу'; *Гузәл һылыу кайткандан бирле, колхозыбыҙға ер эшкәртеу культураһы бермә-бер күтәрелде* (И. Гиззәтуллин) 'С тех пор, как вернулась Гузель, в нашем колхозе культура обработки земли резко повысилась'; *Нефть промышленносе барлыкка килгәндән һуң, Башҡортостанда 140 нефть һәм газ яткылығы асылды* («Ағизел») 'После того, как зародилась нефтяная промышленность, стало ясно, что в Башкирии имеются 140 залежей нефти и газа'.

ПРИДАТОЧНОЕ МЕСТА

Придаточное предложение места указывает, где происходит, куда или откуда направляется действие, выраженное сказуемым главной части сложноподчиненного предложения.

Придаточные предложения места не являются распространенными зависимыми конструкциями. Они преимущественно имеют только аналитический тип и не получили широкого распространения в башкирском языке. Видимо, в языке пространственные отношения больше и ярче выражаются в обстоятельствах места простого предложения, чем в придаточных предложениях сложноподчиненной конструкции.

Характерная особенность придаточных предложений места состоит в том, что функцию сказуемого обычно выполняют глаголы условного или изъявительного наклонения, а сами придаточные поясняют указательные местоимения *шунда, шунан*. В составе придаточных предложений места параллельно употребляются слова *кайза, кайзан*: *Партия кайза куша, мин шунда йәнем-тәнем менән эшләргә әзермен* (С. Мифтахов) 'Я готов работать всей душой там, куда посылает партия'; *Диләкәне кайһы ергә кыркырылж ағас бар, шунан ғына бирәбез* (Н. Мусин) 'Делянки будем выделять только там, где есть деревья'.

Иногда в сложноподчиненных синтаксических конструкциях употребляются слова *ерзэ* 'там', *урында* 'на месте', *якжа* 'в сторону', которые выполняют две функции: по отношению к главной части они являются своеобразным обстоятельством места, а по отношению к придаточному предложению — компонентом сказуемого, вследствие чего придаточная часть лишается самостоятельной интонации: *Ярһуу арысландар жанга батып алышкан ерзэ косек талаштырыу урынлымы?* (М. Көрим) 'Уместно ли устраивать драку шенков там, где сражались львы?'; *Яңылыштар йыш булыусан була етәк-селек йомшаҡ урында* (Т. Йөнәби) 'Ошибки бывают там, где руководство слабо'; *Минең менән ултырган кеше — агроном да — мин бара торған якжа осасаҡ икән* (С. Агиш) 'Оказывается, мой полутчик-агроном летел в одну сторону со мной'; *Алыста, Хисмәтулла киткән якта, мылтыктан атқан тауыш ишетелде* (Я. Хамматов) 'Вдалеке, там, куда ушел Хисматулла, раздался выстрел винтовки'.

Сказуемое придаточного предложения места может быть выражено деепричастием. В данном случае при определении вида придаточного предложения главную роль играет семантика сказуемых как главной, так и зависимой частей сложноподчиненного предложения. Здесь и в сходных случаях локальные отношения переплетаются с временными: *Мин уның артынан, ул халыҡ араһына барып еткәнсе, эйәреп барҙым* (М. Фафури) 'Я шел за ним до тех пор, пока он не догнал народ'; *Рәүфтең тыуған ауылына биш-алты сәғрым ҡалғас, юлды бүлеп торған тәрән Алашай йырынына һуу тулған булып сықты* (Р. Габдрахманов) 'Когда до родной деревни Рауфа оставалось пять-шесть километров, выяснилось, что овраг Алашай, перерезающий дорогу, до краев заполнен водой'.

ПРИДАТОЧНОЕ ПРИЧИНЫ

Придаточное предложение причины указывает на причину того действия, явления и события, о которых говорится в главном предложении. Этот вид придаточных относится к разряду тех зависимых предложений, которые поясняют и раскрывают не содержание одного члена главного предложения, а содержание последнего в целом. Причинные отношения в основном выражаются причастием, оформленным аффиксами направительного и исходного падежей, а также его сочетанием с различными послелогам.

Среди придаточных предложений причины различаются: синтетические, аналитические и аналитико-синтетические.

Функцию сказуемого придаточного предложения причины синтетического типа выполняют причастия, отглагольные имена и другие части речи в форме дательного и исходного падежей: *Новиков үзенең фекере менән Томинканың фекере яҡын булғанға шатлана* (Д. Юлтый) 'Новиков радуется тому, что его мнение близко мнению Томинко'; *Плотниктәр етешмәгәнлектән, мин дә ул вақытта балта оштаһы булып эшләнем* (А. Карнай) 'Так как не хватало плотников, я тоже работал плотником'; *Йылғыр йәш һыбайлылар өстәлгәс, эскадрон йәнә теремкәнен китте* (Ф. Исәнғолов) 'Эскадрон оживился, потому что прибыли молодые кавалеристы'.

Сказуемое придаточного предложения причины аналитического типа выражается отглагольным именем в сочетании с послелогам *сәбәпле*, *айканлы*, *аржаһында*, *менән*, *һайын*. Иногда в качестве подчиненного союза выступает *сөнки* (перс.); *Котлау телеграммалары күп булыу сәбәпле, иртәгә яңы йыл тизгән көндө телеграф бик көсәргәнен эшләне* (Х. Мохтар) 'Накануне нового года телеграф работал очень напряженно, так как много было поздравительных телеграмм'; *Алыс Консығышҡа икенсе бәтә донъя һуғышында япон милитаристарен еңүгә утыз йыл тулыу айканлы килдек* (Ә. Бикчәнтәев) 'На Дальний Восток мы приехали в связи с тридцатилетием победы над японскими милитаристами'; *Бер нисә көн буйы түкәтәүһыз яғыр яуу аржаһында, комбайн ашлыҡ ура алманы* (З. Бишшева) 'В течение нескольких дней шел дождь, поэтому комбайн не мог косить хлеб'; *Ауыл-*

дың экономикаһы менән культураһы үскән һайын, совет крәстиәндәренең халкыбыздың дөйөм эшләп илдәргән өлөшө зурырак була бара (СБ) 'По мере роста экономики и культуры села все более весомым становится вклад советского крестьянства в общее дело нашего народа'; Төн буйы йоклайзар коштар, сонки төн — йоклар сәгәт (Ш. Бабич) 'Всю ночь птицы спят, потому что ночь — время сна'.

Иногда в качестве сказуемого придаточного предложения причины аналитического типа выступают причастие прошедшего времени с послелогом *өсөн*. Данная синтаксическая конструкция встречается как в прозаических художественных произведениях, так и в поэтических: *Һез кызлар булған өсөн дә, һис җартаймайынса йәшәге лә, йәшәге килә!* (Н. Мусин) 'Хочется жить и жить, не зная старости, потому что есть вы, девушки!'; *Костер яғабыз кисен, балкытын урман эсен, күмәкләшен йырлайбыз, гүмер шат булған өсөн* (Т. Арслан) 'По вечерам мы разжигаем костер, озаряя лесную чащу, затем поем все вместе хором, потому что прекрасна жизнь'.

Роль сказуемого придаточного предложения причины аналитико-синтетического типа выполняют причастие на *-ған* в форме дательного падежа с послелогом *күрә*: *Бараһы ер байтак жына булғанға күрә, без Әбделмән ағайларға ла иттеп китергә булдык* (БК) 'Так как идти еще предстояло довольно далеко, мы решили отдохнуть у дяди Абдельмана'; *Салим ағайның аң күгәрсендәре безгә җала өстөндә осоп йөрөгәнгә күрә, миңә бик күңелле* (Н. Асабаев) 'Мне очень весело потому, что белые голуби дяди Салима летают над нашим городом'.

ПРИДАТОЧНОЕ СЛЕДСТВИЯ

Придаточное предложение следствия как бы подытоживает предшествующую мысль, выраженную в главной части сложноподчиненного предложения. Некоторые лингвисты рассматривают его как разновидность придаточного предложения причины²⁰. Однако придаточное предложение следствия и придаточное предложение причины выражают совершенно противоположные отношения.

Характерная особенность придаточного предложения следствия состоит в том, что оно, как правило, употребляется после главного предложения и представлено только аналитическим типом. Придаточное присоединяется к главной части при помощи союзов *шуға ла, шуға күрә, шуныктан, шуның өсөн, шул арҗала, шул сәбәпле, шулай булғас, шуның арҗаһында, шуның һөҙөмтәһендә, хатта, ки*.

Иногда для усиления следственных отношений в главном предложении употребляются соотносительные слова *шундай, шул тиклем*: *Бында эш каймай, шуға күрә күңелле* (М. Гафури) 'Здесь кипит работа, поэтому весело'; *Тирә-якта семтеп алырлыҡ та үсемлек юк ине, шуныктан аттар менән ылауларҙы ышыклау, аттарҙы ашатыу бизерәк жыйынға тура килде* (Т. Кусимов) 'Вокруг не было никакой растительности, поэтому укрыть лошадей и обоз, накормить лошадей было очень трудно'; *Ауыр эштә эшләгән кеше күп энергия түгә, шуның өсөн ашарға ла күберәк кәрәк була* (БК) 'Человек, работающий на тяжелой работе, тратит большое количество энергии, поэтому и есть ему надо много'; *Язғы һыулар ағыулы химикаттарҙы тупраҡ менән бергә йылға һәм күлдәргә ағызып тошорә, шул арҗала балыктар кырыла* (СБ) 'Вешние воды уносят вместе с илом ядовитые химикаты в реки и озера, и по этой причине гибнут рыбы'; *Сызар хәлебез калмань, шул сәбәпле без иҫкелекте тобо-тамыры менән короттоҡ та кызыл Петроградтағы тугандарыбызға ярҙамға килдек* (Ф. Иҫәнғолов) 'Не было возможности дальше терпеть, поэтому мы искоренили все ненавистное прошлое и пришли на помощь товарищам из Красного Петрограда'; *Ер шарындағы кешеләр һаны артҡандан арта бара, шулай булғас без күберәк икмәк, ит, мамыҡ, агас үстөрөп алырға ойрәнергә тейешбез* (БП)

²⁰ См.: Сәитбатталов Ф. Ф. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе.

‘Число жителей на земном шаре постоянно растет, поэтому мы должны научиться больше производить хлеба, мяса, хлопка, леса’; *Күн халыктарға баһузарғы һаламдан тазартыу юнләп ойошторолмаған, шуның арһаһында туңға һөрөү һузыла* (СБ) ‘Во многих хозяйствах по-настоящему не организована уборка соломы с полей, вследствие чего затягивается вспашка под зябь’; *Биш йыл эсендә Башкортостандың промышленносен үстереүгә өс миллиард һумға яһын капитал һалынды, шуның һөзөмтәһендә предприятцеләрҙең төп фондтары байтаһка артты* (СБ) ‘В течение пяти лет для развития промышленности Башкирии было вложено три миллиарда рублей капитала, в результате чего основные фонды предприятий значительно выросли’; *Самолет шул тиклем ғәйрәтле көс менән килеп төртөлгән, хатта Ларик Павловтың түшендәге Геройлығы Йондоҙо йәмшәйгәһине* (М. Гәрәев) ‘Самолет ударился с такой силой, что золотая звезда Героя на груди Ларика Павлова смялась’; *Әминбәк скрипкаһын шул тиклем моңло итеп уйнап ебарә ки, дейәү дәртләһеп һауыға башлай* (фольк.) ‘Аминбек до того мелодично заиграл на скрипке, что Див оживился и начал выздоравливать’; *Был урман шундай куйы, уның эсе һәр ваҡыт әңер мәле кеүек булып тора* (Ғ. Ғүмәр) ‘Этот лес такой дремучий, что в нем всегда бывают сумерки’; *Ямғыр шул тиклем шәп яуҙы, һыуланмаған еребез калманы* (Ж. Киекбаев) ‘Дождь шел так сильно, что на нас не осталось сухого места’.

ПРИДАТОЧНОЕ ЦЕЛИ

Придаточное цели указывает цель действия, о котором говорится в главной части сложноподчиненного предложения. Средством подчинительной связи обычно являются не союзы, а послелог *өсөн* и *тип*, выполняющие функцию союзов цели. В качестве сказуемого придаточного цели выступают глаголы повелительного, изъявительного и условного наклонений: *Илебез харал булмаһын тип, көнө-төнө эшләйбез* (фольк.) ‘Мы трудились днем и ночью для того, чтобы наша страна не погибла’; *Улдар үстерегәһинем, уландарым кәрт көһөмдә терәк булар тип* (З. Бишева) ‘Вырастила сыновей, мол, будут они опорой на старости лет’; *Кәрим кыңғырау тауышы ишетелмәһме тип, тукталып қолак һала-һала, тау буйлап китте* (Н. Мурзин) ‘Карим пошел вдоль подножья горы, вслушиваясь, не раздастся ли звон колокольчика?’; *Көтөлмәгән хәл килеп тыуһа тип, мин яңы позиция эләрәгә киттем* (Д. Мурзин) ‘Во избежание неожиданных случайностей я пошел искать новую позицию’; *Вагондарған сыккан командирҙәр араһында тағы берәй күз күргән кеше булмаһмы тип, Хәйҙәр уларҙың йөзәрәһә йотлогон карай* (Ф. Иҫәнғолов) ‘Хайдар пристально вглядывался в лица выходящих из вагона командиров: не окажется ли среди них еще знакомых’; *Язғарыбыз яһты булһын өсөн, без теләйбез ерҙә тыһсылык* (Ж. Даян) ‘Мы хотим мира на земле для того, чтобы наша весна была прекрасной’; *Партия менән хөкүмәт, илдең тыһыс хезмәте һәм иһенлеге ыһаныслы һаһланһын өсөн, бөтәһен дә эшләй* (СБ) ‘Партия и правительство делают все для того, чтобы мирный труд и безопасность страны были надежно защищены’; *Ярыш һөзөмтәле булһын өсөн, даими рәүештә үз-ара тикшереүҙәр үткәрергә, йомһаһтар яһарға, һөзөмтәләрҙе халыһка еткерә барырга кәрәк* (СБ) ‘Чтобы соревнование было действительным, надо регулярно устраивать взаимопроверки, подводить итоги, обеспечить гласность и сравнимость результатов’.

В зависимости от смыслового содержания функцию сказуемого придаточного цели может выполнять сочетание модального слова *юк* и частицы *микән*, сопровождаемое послелогом *тип*: *Һыбайлылар араһында атайым юк микән тип, Рәкип аяғүрә баһты, әммә берәһен дә таный алманы* (Р. Низамов) ‘Желая увидеть, нет ли среди верховых отца, Ракип стал на цыпочки, но никого не узнал’.

Инфинитивно-модальное предложение со сказуемым на *-(ы)рға* в сопровождении послелога *тип* регулярно выступает как придаточное предложение цели и преимущественно употребляется препозитивно: *Тәбиғәт-*

тең был хатаһыи төзәтергә, Кәмәтау астындагы һазлыҡты килтерергә, туғайлыҡтың ҡыуаҡлыҡтарын бөтөрөп, культуралы көтөүлек яһарға тип, мелиораторҙар килде (И. Физәтуллин) 'Прибыли мелиораторы, чтобы высушить болото под горой Кәмәтау, выкорчевать кустарник вдоль речной долины и создать там культурное пастбище'.

В некоторых случаях придаточное предложение цели поясняет и раскрывает содержание не сказуемого главной части, а определения, выраженного причастием прошедшего времени: *Ғашиҡтар аунар өсөн әзерләнгән йомшаҡ түшәк төслө, яр остөндәге аҡланды билбыуарҙан үлән күтәрелгән* (Ш. Янбаев) 'Словно постель, приготовленная для влюбленных, над берегом по самый пояс выросла трава'.

Придаточное предложение цели с послелогом *тип* является более древней формой, чем его синонимо-стилистический вариант с послелогом *өсөн*. Слобжноподчиненные синтаксические конструкции с послелогом *тип* характерны для пародно-разговорной речи и фольклора. Сложные предложения с послелогом *өсөн* обычно употребляются в художественной, научной, политической и публицистической литературе.

ПРИДАТОЧНЫЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Придаточное предложение образа действия обозначает, как происходит действие, выраженное в главной части сложноподчиненной конструкции. Оно является одним из наиболее распространенных видов придаточных предложений и имеет синтетический и аналитический типы. Характерно, что данная разновидность зависимых предложений преимущественно выражается в форме двусоставного предложения, так как функцию сказуемого зависимого компонента выполняют причастия и деепричастия, предполагающие наличие подлежащего.

Из причастий в качестве сказуемого придаточного предложения чаще всего выступает форма на *-ғанса/-кәнсә*, затем форма *-ған/-гән* с послелогам *кеүек*, *һымаҡ*, *шикелле*, *төслө*: *Без Ғәи ҡушқанса, бөйөк Ғалим Миңуринсә эшләребез* (Ғ. Әмири) 'Мы будем работать по-миңурински, так, как велит наука'; *Партия халыҡтан айырылмаҫ булғанға күрә, уның көстәренә ышанғанға, Ленин өйрәткәнсә эш иткәнсә күрә еңде һәм еңә* (СБ) 'Партия побеждала и побеждает потому, что она неотделима от народа, верит в его силы, действует так, как учит Ленин'; *Мәмдүзә бөгөн баракка ҡайтып еткәнсә үзен кемдер ғел генә артыта табап тартып барған кеүек һизге* (Р. Ғабдрахманов) 'Пока сегодня Мамдуда добиралась до барака, ей все время казалось, что ее кто-то все время тянет назад'; *Уң яқта, ҡайҙалыр яғында ғына, мылтыҡ тауышы шартлаған һымаҡ ишетелде* (Я. Хамматов) 'Направо, где-то совсем близко, будто прозвучал ружейный выстрел'; *Һәр нәмәнең бер рәте булған шикелле, ҡар көрәүең дә рәте бар* (М. Ғафури) 'Как в каждом деле, есть свой порядок и в том, как сгребать снег лопатой'.

В качестве сказуемого придаточного предложения образа действия выступают также причастия на *-ған/-гән* с послелогам *киләш*, *көйөнсә*, *хәлдә*: *Хикмәттең үгәй әсәһе Сәрби ире менән улын күп илауҙан күзҙәре шешенеп бөткән килеш Ғарий алды* (Х. Ғиләжев) 'Мачеха Хикмета Сарби встретила пасынка и мужа с красными, распухшими от слез глазами'; *«Ғызыл партизан», счетында юнле аҡсаһы бумаған көйөнсә, һиндәй ярҙам күрһәтә алыр?* (Н. Мусин) 'Какую помощь может оказать «Красный партизан», когда на счету его нет никаких денег?»; *Башҡорт артиллерия полкы, алдында пехота булмаған хәлдә, дошмандың биш атакаһын ҡире ҡақты* (Ә. Чаныш) 'Не имея впереди пехоты, башкирский артиллерийский полк отбил пять атак врага'.

В некоторых случаях функцию сказуемого придаточного предложения образа действия выполняет деепричастие на *-п*: *Ғәйникамал әбей йөкөнәп күкрәге ныҡ һылап уянды* (Ш. Янбаев) 'Старуха Ғәйникамал проснулась от сильной боли в груди'.

Иногда придаточное предложение образа действия поясняет и раскрывает содержание соотносительных слов *былай тип, шулай*, которые являются обстоятельством образа действия в составе главного предложения. В придаточной части могут употребляться вопросительные местоимения *купме, нисек*. В качестве сказуемого зависимого компонента выступают причастие и глаголы условного или изъявительного наклонений: *Бөгөн һугыш ветерандарына морәжәгәт итеп, былай тип эйткә килә: һез ил алдындагы, партия алдындагы, тарих алдындагы үз бурысығызны намыс менән үтә-негез* (СБ) 'Обращаясь ныне к ветеранам войны, хочется сказать: Вы с честью выполнили долг перед страной, перед партией, перед историей'; *Һәр ваҡыт шулай була: самолет бәтә шикләнеүҙәрәмде бәторә, кыйыу-һыҙлығымды юйып ташлай* (М. Гәрәев) 'Всегда бывает так: самолет рассеивает все мои сомнения, устраняет малейшую робость и растерянность'; *Ленин бабай нисек кучиҗан булһа, мин дә шулай тырышып эшләргән!* (С. Кудаш) 'И я буду работать так старательно, как учил великий Ленин'; *Хәзергә купме һәм нисек булдыра алабыҙ, шулай йәшәргә һәм эшләргә кәрәк* (А. Карнай) 'Пока надо жить и работать так, как только сможем'.

ПРИДАТОЧНОЕ МЕРЫ И СТЕПЕНИ

В башкирском языке это придаточное имеет только аналитический тип. В лингвистической литературе данный вид придаточных рассматривается как разновидность придаточного предложения образа действия.

Характерная особенность придаточного предложения меры и степени состоит в том, что оно поясняет значение соотносительного слова *шул тиклем*, параллельно которому в зависимой части употребляется *ни тиклем*: *Станция кассаһы, ни тиклем билет һораусы булһа, шул тиклем һатты* (А. Таһиров) 'Касса станции продала билетов столько, сколько их понадобилось пассажирам'; *Марксизм-ленинизмдең бөйөк идеялары массалар аңына ни саҡлы тәрәнерәк үтеп инһә, революцияның аңы еңеүҙәре шул саҡлы тизерәк килер* (СБ) 'Новые победы революции придут тем скорее, чем глубже войдут в сознание масс великие идеи марксизма-ленинизма'; *Продукцияның сифаты ни хәтле яҡшыраҡ булһа, бәтә ижтимағи хезмәт шул хәтле эффектләрәк һәм етеһтереүсәнләрәк була* (СБ) 'Чем выше качество продукции, тем эффективнее и производительнее весь общественный труд'.

В подобных сложноподчиненных синтаксических конструкциях функцию сказуемого придаточного предложения выполняет глагол условного наклонения.

Иногда соотносительные слова *ни тиклем — шул тиклем* не употребляются, вследствие чего придаточное предложение меры и степени лишается характерной для него интонации: *Сәләмәтлегем менән санаторий шарттары мөмкинлек биргән саҡлы эшләнем* (С. Кудаш) 'Я работал столько, сколько дали мне возможность здоровье и санаторный отдых'. Нередко в роли сказуемого придаточного предложения выступает деепричастие будущего времени, которое по своей семантике обозначает меру и степень: *Арығансы, йөрәктәр тарһылдан кысылғансы югерә илек* (З. Бишпева) 'Мы бежали так, что сердце зашло'; *Озам юлдан киләүселәр маңлайҙарынан борсаҡ тир сыжқансы ашанылар* (Ж. Кнекбаев) 'Вернувшиеся после долгого пути ели до тех пор, пока на лбу не заблестели крупные бусинки пота'; *Әмир ятқан ерепән, быуындары шартлагансы кинәп кирелде* (Х. Гиләжев) 'Амир, лежа, так развел руками, что хрустнули сухожилия'.

ПРИДАТОЧНОЕ СРАВНЕНИЯ

Придаточное предложение сравнения поясняет то, о чем говорится в главной части сложноподчиненной синтаксической конструкции. Здесь содержание главного компонента рассматривается с точки зрения образ-

ного, художественного сравнения или обыкновенного сопоставления его с тем, о чем говорится в придаточном предложении. Придаточные сравнения представлены синтетическим, аналитическим и аналитико-синтетическим типами.

Функцию сказуемого придаточного предложения сравнения синтетического типа выполняют причастия с афф. -дай/-дэй или глаголы условного наклонения, при этом последние не выражают условных отношений: *Бар донъяны сәскә каплағандай, таптанаға сумған кешелек!* (Ш. Бабич) 'Человечество окунулось в праздник, словно весь мир покрылся цветами'; *Төн артынан яқты көп килгәндэй, жыйынлыктап һуң да шатлык бар* (Т. Йәнәби) 'После трудностей бывает радость, так как после ночи наступает день'; *Кешеләр йөрәге яр булһа, поэзия — тулкынлы диңгез ул* (М. Керим) 'Если душа людей берег, то поэзия — волнующееся море'.

В качестве сказуемого придаточного предложения сравнения аналитического типа выступают причастия с послелогоми *кеүек, һымак, шикелле, төслө*: *Сәсәкәләргә күмелеп яззар килде, шатлык килгән кеүек һәр кемгә* (Х. Кунакбай) 'Утопая в цветах, пришла весна, как к каждому человеку приходит радость'; *Кош һауала осор, балык һыуза йөзөр осөн яралған һымак, мин дә машина йөрөтөр осөн тыуганмындыр донъяға!* (Г. Әмири) 'Как птица рождена летать в воздухе, а рыба плавать в воде, так я, видимо, рожден для того, чтобы ездить в машине'; *Ағизел бозо яз көнө аккан шикелле, кайғы китте безең илдән кайтмәскә кире* (Г. Сәләм) 'Как талый лед весной плывет по Агидели, так беда ушла с нашей земли, чтоб не вернуться вновь'; *Тормошта йөрәкһез килеш йәшәп буламаған төслө, илен янып һөймәйсә йәшәй зә алмай кеше!* (А. Игебаев) 'Как нельзя на свете жить без сердца, так не может жить человек, не любя свою страну!'

Роль сказуемого придаточного сравнения аналитико-синтетического типа выполняют глаголы условного или изъявительного наклонения. Кроме того, в составе придаточной части употребляются союзы *әгәр, әгәр зә* или соотносительное слово *нисек*, которому в главном предложении соответствует наречие *шулай*: *Әгәр зә Октябргә тиклем тәбиғәт бәтә эзәм балаларын үзәнә буйһондорған булһа, хәзер тәбиғәт эзәм балаларының көнкүрештәре осөн бер корал булып әүерелде* (Ш. Хозайбирзин) 'Если до Октября природа подчиняла себе всех людей, то теперь она является средством улучшения их жизни'; *Ағизел остондә айзың нурзары нисек уйнаһа, асфальттә электр нуры уйнаһын ана шулай* (Р. Нигмәти) 'Пусть на асфальте электрические лучи играют так же, как на Белой играют лучи луны'.

Иногда в качестве сказуемого придаточного предложения сравнения аналитико-синтетического типа выступают причастия в форме дательного падежа с послелогом *жарағанда*: *Ақтта ақса һаны, Шәрәфи әйткәнгә жарағанда, осләтә артыж язылған* (Б. Бикбай) 'В акте сумма денег была обозначена втрое больше, чем говорил Шарафи'; *Яңы яулап алған позицияларҙы тотоп тороу, Ғабдулла уйлағанға жарағанда, ауырыраҡ булып сықты* (Г. Әхмәтшин) 'Удержать только что захваченные позиции оказалось даже труднее, чем думал Ғабдулла'.

В некоторых сложноподчиненных конструкциях функцию сказуемого придаточной части выполняет деспричастие в форме на -ғансы. Сложные предложения данного вида употребляются преимущественно в пословицах и поговорках: *Йоз һум ақсаң булғансы, йөз дузың булһын* 'Чем иметь сто рублей, лучше иметь сто друзей'; *Таузай теләгең булғансы, сәңсә бармактай эшең булһын* 'Чем иметь желание с гору, лучше иметь дело с мизинец'.

ПРИДАТОЧНОЕ УСЛОВИЯ

Придаточное предложение условия указывает на условие, при котором совершается или не совершается, будет совершаться или не будет совершаться действие, выраженное в главной части сложноподчиненной конст-

рукции. Характерной особенностью данного вида придаточных предложений является то, что сказуемое чаще всего выражается спрягаемой формой условного наклонения, выполняющей функцию подчинительного союза и одновременно предопределяющей семантико-синтаксическую природу всего предложения в целом.

Употребление союзов *эгәр*, *эгәр эә* носит факультативный характер, обусловленный главным образом стилистическими соображениями.

Со стороны семантики сложные синтаксические конструкции с условными придаточными могут быть разделены на реальный и ирреальный типы. Если придаточное условное реального типа выражает действие, имеющее реальную основу в действительности, то условное ирреального типа — изображает действие лишь как возможное, желательное, предполагаемое или как нереализованную возможность в прошлом.

По структуре придаточные условные делятся на синтетический и аналитико-синтетический типы.

Сказуемое синтетического типа выражается глаголом условного наклонения или причастием с аффиксом местного надежда: *Укыуы кыйыи булһа, йәшәуе рәхәт булыр* (погов.) 'Учиться трудно, зато жить будет хорошо'; *Юлда төшөрөп калдырһалар, тағы икенсе поезға эләгеп китер инек* (Ж. Кнекбаев) 'Если бы нас седали по пути, мы могли бы устроиться еще на один поезд'; *Граждандар һуғышында катнашырға тура килһә, кайһылай бәхетле булыр инем бит* (Я. Хамматов) 'Как бы я был счастлив, если бы мне пришлось участвовать в гражданской войне'; *Юденичте дөмөктөрөп, еңеү менән дә кайтһаҡ, Владимир Ильич алдында йөзөбөз тағы ла яқтыраҡ булыр* (Ф. Исәнғолов) 'Если возвратимся, разгромив Юденича, наша совесть перед Владимиром Ильичом будет еще чище'; *Рус халкынан ярҙам булмағанда, булмағ ине язма телебез* (К. Даян) 'Если бы не было помощи от русского народа, то не было бы нашего письменного, литературного языка'; *Теләк менән дәртелә йөрәк булғанда, бөтәһен дә эшләргә мөмкин* (Р. Ғабдрахманов) 'Когда есть желание и сердце кипучее, можно все сотворить'.

Иногда форма условного наклонения на *-дымы/-деме*, *-домо/-дөмө*, *-томо/-төмө* выполняет функцию сказуемого придаточного времени: *Безең яқта эз генә хәрәкәт тойолдомо — дошман котороноп ут аса* (Ә. Хәкимов) 'Стоит врагу почувствовать в нашей стороне какое-то движение, как сразу же начинается яростный обстрел'; *Сәк кына ашығыс эш килеп сыктымы — шунда ук активистәр йыйыла* (Я. Хамматов) 'Как только возникает какое-то срочное дело, как сразу же собираются активисты'.

В качестве сказуемого придаточного условного аналитико-синтетического типа преимущественно выступает глагол в основной форме условного наклонения на *-һа/-һә* в сочетании с факультативным союзом *эгәр*, а сказуемое главной части предложения чаще всего выражается в сослагательном наклонении: *Эгәр миңең ауылда ла телефон булһа, миң үземдең Маринкам менән һөйләшеп алыр инем* (Р. Нигмәтп) 'Если бы и в моей деревне был телефон, я разговаривал бы со своей Маринкой'. Придаточное условное предложение может быть структурно организовано с помощью факультативного союза *эгәр* и сказуемого в сложной форме условного наклонения. Сказуемое главного предложения обычно выражается глаголом в индикативе. *Эгәр миң Байымбәттең малдарын кайтарам икән, ике араһағы ыҙғышһа урын калмай* (И. Йомағолов) 'Если я верну скот Баимбета, распри между двумя сторонами будут преодолены'.

Придаточное условное синтетического типа довольно часто встречается в башкирском устном народном творчестве, а условное предложение аналитико-синтетического типа получило широкое распространение в художественной литературе.

Сложноподчиненное уступительное предложение, выражая осуществление действия вопреки тому, что изложено в его придаточной части, структурно организовано соотносительностью зависимого сказуемого, представляющего конституирующий элемент предложения, со сказуемым главной части предложения. Зависимое сказуемое может быть выражено рядом форм, из которых основными и самыми распространенными являются форма на *-һа ла/-һә лә*: *Батыр үзе үлһә лә, даны үлмәй* (погов.) 'Герой умирает, но его слава живет'; *Нисә тапкыр яуап алып караһалар за, Ғәлиәкбәр карт берзе һойләне* (Ф. Исәнғолов) 'Сколько бы ни допрашивали, старик Галиакбар стоял на одном'; *Донъя системаһы булыу ағынан империализм кәсһезләһә лә, ул етди һәм куркыныслы дошман булып кала* (СБ) 'И хотя империализм как мировая система и ослаб, он остается серьезным и опасным противником'.

В зависимости от контекста роль сказуемого придаточного уступительного может выполнять причастная форма на *-ған/-гән* с аффиксом местного падежа в сочетании с частицей *да/дә*: *Зур байрамда бер генә жүңелһез кеше булғанда ла, унда шатлык тулы булмаһаҫаҫ* (М. Кәрим) 'Когда на большом празднике будет присутствовать даже лишь один единственный грустный человек, то радость всех не может быть полной'.

Сложноподчиненное уступительное предложение с союзной связью предполагает наличие союза *гәрсә* 'хотя' и соотносительных слов *кем генә* 'кто бы ни', *нимә генә* 'что бы ни', *һасан ғына* 'когда бы ни', *нисек кенә* 'как бы ни', *ни тиклем генә* 'сколько бы ни', *һиндәй генә* 'какой бы ни', а в качестве зависимого сказуемого выступает глагол в форме 3-го лица повелительного наклонения или в форме на *-һа/-һә ла/лә*: *Гәрсә кулы эғиҫ булһа ла, бындай зур һуғыштарҙан йәне ҡайтыу уның өсөн бик зур бәхет күренә ине* (М. Ғафури) 'Хотя его рука искалечена, он считает большим счастьем для себя свое возвращение с тяжелых войн'; *Гәрсә ата-әсәм бер нәмгә лә зарланмаһа ла, уларға ғәжәп ауыр икәнлеген мин тоя инем* (М. Гәрәев) 'Хоть мои родители ни на что не жаловались, я чувствовал, как им безмерно тяжело'; *Дошман ҡайһы яҡтан ғына килеп сыҡмаһын, уны ике-өс сәкрәмдан уҡ күрәп була* (Б. Хәсән) 'Откуда бы ни появился враг — его можно увидеть с расстояния двух-трех километров'; *Ғунарҙа күпме генә йөрөмәһендәр — йәш батыр һис ваҡытта ла арыу-талыуҙы белмәгән* (Әкиәт) 'Сколько бы ни ходили они на охоту — молодой батыр никогда не знал усталости'; *Автоматлаштырыу кимәле ни тиклем генә юғары булмаһын — ҡараңға идара итеүҙә кеше барыбер мөһим роль уйнаһаҫаҫ* (СБ) 'Какова бы ни была степень автоматизации, руководящая роль в управлении кораблем остается за человеком'; *Тормош нисек кенә ауыр булмаһын — йәш йөрәк үзенең итә — мохәббәт яҡыны менән яна* (СБ) 'Как бы ни была жизнь тяжела, а молодое сердце брало свое — пылало огнем любви'.

В некоторых случаях сказуемое придаточного уступительного могут выполнять имена действия на *-(ы)у/-(е)у* в форме дательного падежа с послелогом *һарамаһтан* 'несмотря': *Стенаға беркетелгән сөгәт стрелкаһы төнгө уңға яҡынайыуға һарамаһтан, берәу зә ҡайтырға ашыҡмань* (Я. Хамматов) 'Несмотря на то, что стрелка настенных часов приблизилась к десяти часам ночи, никто не спешил домой'; *Ғунар яртыһы етеп килеүгә һарамаһтан, ҡөн йылы ине* (Д. Юлтый) 'Хоть и подступала середина января, дни стояли теплые'.

У С Л О Ж Н Е Н Н О Е С Л О Ж Н О Е П Р Е Д Л О Ж Е Н И Е

Все описанные выше сложные предложения имеют принципиальное бипарное строение — состоят из двух составляющих частей-компонентов, объединенных как цельная коммуникативная единица либо сочинительной, либо подчинительной синтаксической связью.

Кроме таких двучастных сложных предложений в современном башкирском литературном языке, в частности во многих жанрах художественной, публицистической, научно-технической и другой литературы и в ее устном воспроизведении через средства массовой коммуникации, широко вошли в обиход многочленные сложные предложения, составленные из трех или более компонентов, которые структурно организованы либо как компоненты обычных двучастных сложных предложений, либо как простое предложение, либо как одна из структурно-семантических разновидностей сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, а иногда и как сочетание простого предложения со сложным.

Помимо количественного состава своих частей, изоморфных в конечном итоге со строением соответствующих простых и сложных предложений, многочленные сложные предложения характеризуются также и усложненностью своей структурной схемы и соответственно весьма своеобразным синтаксическим членением, как это на обширном и доказательном фактическом материале отмечено за последние десятилетия применительно к ряду современных литературных тюркских языков, в частности к башкирскому, узбекскому, татарскому и др.²¹

Многочленные сложные предложения, отмеченные и охарактеризованные в существующей тюркологической литературе, по своей синтаксической структуре распадаются на два типа: 1) двучастные, обычные сложные, предложения открытой структуры, усложненные однородными компонентами — однородными придаточными или главными частями — без ущерба для принципиального строения данного структурно-семантического типа сложноподчиненного или сложносочиненного предложения; 2) усложненные сложные предложения, не укладывающиеся в какую бы то ни было структурную схему существующих сложносочиненных или сложноподчиненных предложений.

Первый тип многочленных сложных предложений, в речевой практике едва ли не доминирующий над вторым, к последнему отношения не имеет и не представляет особого предмета синтаксиса, а подлечит рассмотрению в соответствующих разделах синтаксиса сложного предложения. В синтаксических описаниях первый тип неправомерно оказался в одном ряду со вторым по той причине, что до сих пор принято обходить стороной вопрос об открытости или закрытости структуры данного типа сложного предложения, о потенциальной возможности или невозможности расширить его состав за счет однородных компонентов без нарушения его бинарного принципа строения и семантического профиля, ясный и должный ответ на который сам по себе делает избыточным его выделение.

Говоря ипаче, первый тип многочленных предложений представляет обычные сложные предложения, характеризующиеся открытостью своей структуры. Они состоят минимум из одного главного и двух придаточных предложений, причем между самими зависимыми компонентами может быть не только подчинительная, но и сочинительная связь. В башкирском языке различаются сложные синтаксические конструкции с однородными придаточными и с неоднородными придаточными предложениями. Как в обычных сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях, так и в их усложненных разновидностях самыми распространенными являются предложения с рядом однородных компонентов.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С НЕСКОЛЬКИМИ ОДНОРОДНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ЧАСТЯМИ ПРИ ОДНОЙ ГЛАВНОЙ

Данные синтаксические построения состоят минимум из одного главного и двух однородных, однотипных придаточных предложений. Их можно

²¹ Сәйтбатталов Ф. Ф. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Офа, 1961, с. 169—220; Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 412—425. Структура многочленного сложного предложения. — Современный татарский литературный язык. Синтаксис. М., 1971, с. 149—160 и сл.

продолжить и развить, так как они представляют собою незамкнутые ряды. Здесь актуальными членами обычно выступают однородные придаточные предложения, хотя последние являются зависимыми компонентами — частями сложной синтаксической конструкции.

1. Придаточные подлежащие: *Тик шуныны асыж хэтерендэ жалган: тонө буйы эсэһе иланы, икеһе лэ йокламай сыжтылар* (Б. Бикбай) 'В памяти ясно сохранилось только то, что всю ночь плакала мать и оба мы не спали'. Приведенная сложная синтаксическая конструкция состоит из одного главного и двух однородных придаточных предложений; все три компонента выражены в форме двусоставного предложения.

2. Придаточные сказуемые: *Минең теләк шул: Ақташ шишмәһенә киләсәктә лә юл өзөлмәһен, уның һужмағын үлән капламаһын* (Г. Аллаяров) 'Мое желание таково: пусть и в будущем не обрывается дорога к роднику Ақташ, пусть его тропинку не заглушит трава'; *Минең план шундай: һез безгә диләнкә бүләп бирәһегез, мин кешеләрәмдә ебәрәп, бурәһәнә әзерләтәм* (Н. Мусин) 'Мой план таков: если вы выделите нам делянку, то я пошлю людей для заготовки бревен'; *Проблема шунда: ике тапкыр түгелгән көс өсөн акса кайзан табырға, ул яуаплылыкты кем елкәһенә һалырға?* (М. Хәйзәров) 'Проблема в том, где найти средства на двойную трату сил, на кого возложить за это ответственность?'

3. Придаточные определительные: *Варшаваға немецтәр ингән, Варшаваны безгәң гәскәр ташлап сыжкан тигән хәбәр таралды* (Д. Юлтый) 'Распространился слух о том, что немцы вошли в Варшаву и наше войско покинуло город'.

4. Придаточные дополнительные: *Партия һәм совет власе әйтә: арлы, урта халле крәстиәндәрзе колхозга индереү менән эште бөтөрмәгез, уны нығытырға, колхоз тормошон көсәйтергә кәрәк* (А. Таһиров) 'Партии и советская власть предлагают: принимайте в колхоз только бедняков и середняков, надо укреплять и усиливать колхозную жизнь'. Здесь параллельные, формально однородные придаточные дополнения связаны между собой не столько соединительно-перечислительными, сколько противительными отношениями: они выражают последовательность двух действий, из коих в силу изложенного актуализировано второе, как заключительный аккорд первого действия.

5. Придаточные времени: *Иртәнсәк кояш калкканда, кис кояш байығанда, эре, ауыр бойзай башақтары калын камыл араһында ялтырап күренүсән булалар* (Ғ. Дәүләтшина) 'Утром при восходе солнца и вечером при заходе, высвечивают грузные колосья на стерне'.

6. Придаточные места: *Кайза ауырлыҡ, кайза эште рәтләргә, кайза өңеу ойошторорға кәрәк, шуңда коммунистарҙе ебәрәләр* (Ә. Ихсан) 'Там, где тяжело, где нужно наладить работу и организовать победу, туда посылают коммунистов'.

7. Придаточные причины: *Сыжмаған йән тәндә булғас, йән әйһе бәндә булғас, күзе һиңә карап торғас, ташларға көс етмәй икән* (М. Кәрим) 'Оказывается, не хватает сил бросить, поскольку душа еще трепещет, а любимая отвечает взаимностью'. Здесь придаточные причины связаны соединительной связью и в принципе однородны. *Арыш бик бейек үскәнлектән, етмәһә караңғы булғанлыктан, Әмир һелтәнгән салғы өстөнә сәк килеп менмәне* (Х. Гиләжев) 'Амир чуть не наскочил на косу, так как рожь была густая и к тому же начинало темнеть'. В этом примере соединительно-перечислительная связь между формально однородными придаточными осложнена подчинительно-мотивированными отношениями с помощью союзного слова *етмәһә*, которое используется к тому же в целях актуализации обоих придаточных как предпосылки, вызывающей следствие, представленное главным предложением.

8. Придаточное следствия: *Аксәскә шул тиклем һурылды, ирендәре япрактай йокарҙы, күҙҙәре нурһызланып топкә батты* (Б. Бикбай) 'Аксәскә ужасно исхудала, губы ее стали тонкими, как листочки, глаза впали и пот усквели'. Здесь однородные придаточные предложения связаны с глав-

ным не столько причинно-следственными отношениями, сколько пояснительно-уточнительными, характерными для сложносочиненных предложений. Однородные придаточные следствия представлены в предложении: *Был һоклануу шундай косо иле, хатта йэрэжэттең һулкылдан һызлауы оһотолдо, кургаһытай күз кабактары еңеләйеп киткәндәй тойолдо* (Ш. Янбаев) 'Восторг был так велик, что даже позабылась боль раны и как бы полегчали тяжелые, словно свинцовые веки'.

9. Придаточные цели: *Яузар үтөп, тизерәк тыуһын осөн безең ошо күзәл бөгәндәр, Россияға һалкын ғинуар көндө Ленин ашығып кайтты һөргөндән* (Р. Нигмәти) 'Чтобы скорее прошли войны и наступили наши сегодняшние замечательные дни, в холодный январский день Ленин спешил приехать из ссылки'. В этом предложении однородные придаточные цели связаны между собой соединительными отношениями, отражающими одновременную последовательность двух действий. В силу этого первое придаточное предложение со сказуемым в форме деспричастия на -н связано с главным не прямо, а лишь через посредство второго.

10. Придаточные образа действия: *Төндә, күк күкрәп, йәшен ялтырап, ямғыр яуып ебәргән* (Ж. Киекбаев) 'Ночью грянул гром, сверкнула молния и хлынул дождь'; *Балаларҙы ҡарарға, етемлек күрһәтмәй үстөрергә, уларҙы Нәфисә яраткан кеүек яратырға, Нәфисә тәрбиәләгән кеүек тәрбиәләргә ҡарәж иле* (З. Бишева) 'Надо бы смотреть за детьми, растить их так, чтобы они не чувствовали себя сиротами, любить их так, как любила Нафиса, воспитывать так, как она воспитывала их'.

11. Придаточные меры и степени: *Һағынам мин, сабырлығым бөткәнсе, йөрәктәрәм шартлай язып тиккәнсе* (К. Кинйәбулатова) 'Тоскою я так, что нет терпенья, а сердце мое разрывается'; *Ул, фонарь бағананын ҡосаҡлап, бик оҙаҡ, тауышы бөткәнгә тиклем, иңбаһтары һулкылдай алмаһлыҡ хәлгә еткәнгә тиклем иланы* (Х. Мохтар) 'Он плакал очень долго, обхватив фонарный столб, пока не пропал голос и плечи уже не могли содрогаться'.

12. Придаточные сравнения: *Ҡош һауала ғына оскан кеүек, балыҡ һыуҙа йәшәгән кеүек, үз халкына — эһселәргә барҙы баһадирҙәй йәшәргә егет* (М. Хәй) 'Как птица летает только в небе, рыба плавает только в воде, Джигит пошел к народу своему рабочим, чтобы жить как богатырь'; *Әкһлимәнең һағышы йөзө теге йылдарҙың йылы эле бәрелгәндәй, шул йылдарҙың дәрте һирпелгәндәй асылып уҡ китте* (Ш. Биккол) 'Задумчивое лицо Аклимы вдруг прояснилось, будто его коснулся теплый ветер тех лет, будто на него упала капля неиссякаемой бодрости той поры'. Здесь однородные придаточные связаны между собой соединительной, а с главным предложением параллельной связью.

13. Придаточные условия: *Әгәр ҙә ыҙыусыны донъяның ботә аяһыстары менән ҡыуаныстары тулҡыһландырһа, әгәр ул үз өстөндә ныҡлап эшләһә, ҡыҙыҡлы фекер йөрөтһә, үз-үзенә ситтән талапсан ҡараһа һала белһә, әгәр ҙә ул вазиһанына лайыҡлы рәғишә матур йәшәһә, уның геройы ла сағыу, үзенәлекле, ышандыргыс була* (М. Кәрим) 'Если писателя волнуют все невзгоды и радости мира, если он много работает над собой, интересно мыслит, если умеет требовательно посмотреть на себя со стороны, если согласно своему призванию живет он достойно и красиво, то и герой его будет ярок, самобытен, правдив'; *Урал менән Себер заводтары ҡоһо-төһө эшләмәгән буһа, ҡолхоз баһуҙарының эһсәндәре тыштан ҡараһанда һиҙелмәһлек булып тойолған батырлыҡтарың ҡөн һайын эшләмәгән буһалар. Сталинград еңеүе лә буһмаһ иле* (СБ) 'Если бы не работали дни и ночи заводы Урала и Сибири, если бы труженики колхозных полей не совершали ежедневно своего внешне незаметного подвига — не было бы сталинградской победы'.

14. Придаточные уступительные: *Кисерһә лә һанһыз дауылдарҙы Ағиҙелдә тәрән уңкындар, һәм тыһна ла һинең күз нурыңды үзенә ҡушып аҡкан тулҡындар, һаман һине һағына, Ильич, Ағиҙелкәй, ап-аҡ томандар* («Ағиҙел») 'Хотя волны Белой пережили бесчисленные бури, и хотя уже

успокоились твои волны, проплывшие под твоим пристальным взором все еще милая Белая, белые туманы скучают по Ильичу'; *Ленинде язмыш кайза ғына ташламаһын, ул кайза ғына булмаһын һәм нилә генә эшләмәһен — уны халыҡ менән меңдәрсә ептәр бәйләне* (СБ) 'Куда бы судьба пи забрасывала Ленина, где бы он ни был и что бы он ни делал — тысячи питей связывали его с народом'; *Ғылыу Днепр менән уйсан Ағизелде меңәр сакрымдар айырһа ла, улар араһындағы юлдарҙы дәһшәтле һуғыш йылдарында ут-ялҡындар кәртәләп торһа ла, Украина менән Башкортостан араһындағы дуҫлыҡ юлының һис һасан өзәлгәне юк* (Р. Бикбаев) 'Хоть красавца Днепра и задумчивую Белую разлучают тысячи километров, хоть дороги между ними преграждали огненные годы войны, узы дружбы между Украинной и Башкирней никогда не порывались'.

Описанным далеко не пестериваются модификации сложноподчиненных предложений с однородными придаточными при одном главном, число которых практически колеблется от двух до трех, хотя теоретически оно может быть увеличено.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ДВУМЯ ОДНОРОДНЫМИ ГЛАВНЫМИ ЧАСТЯМИ, ПОДЧИНЯЮЩИМИ ОДНУ И ТУ ЖЕ ПРИДАТОЧНУЮ ЧАСТЬ

Эти сравнительно редко встречающиеся конструкции имеют в своем составе одно из следующих придаточных предложений: определительное, времени, места, причины или условия. Главные их части, структурно организованные по модели двусоставного простого предложения, обязательно характеризуются синтаксической однородностью, свойственной частям сложносочиненного соединительного предложения. В противном случае, т. е. когда между двумя главными частями предложения возникают иные синтаксические отношения, оно лишается статуса собственно сложноподчиненного предложения. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с обычным двучастным сложноподчиненным предложением открытой структуры, предполагающей возможность расширения его состава за счет однородных главных частей. В силу этого последнего обстоятельства при одном и том же придаточном предложении могут быть представлены теоретически не только два, но и более главных однородных предложения. Однако практически в речевой действительности рассматриваемые конструкции бытуют чаще всего в трехчленном варианте, распадающемся только на придаточную и две главные части, находящихся между собой в строго соединительных отношениях, подчиняющих себе в отдельности общую для них придаточную часть.

Как это вытекает из изложенного, данные синтаксические конструкции не составляют особого предмета синтаксиса. Они подлежат рассмотрению при изложении каждого из структурно-семантических типов сложноподчиненных предложений открытой структуры. Само упоминание открытости структуры делает избыточным сколько-либо подробное их описание даже там.

Все это позволяет ограничиться приведением лишь некоторых выборочных примеров:

Придаточное времени, общее для двух однородных главных предложений: *Без укыган заманда, бойзый, һоло, тары, арыш культуралары ғына бар, уларҙың да сорттары кызыл башак менән жылыҡлы бойзайҙан узмай ине* (Н. Кәрип) 'Когда мы учились, были только такие культуры, как пшеница, овес, просо, рожь, да и они не превосходили красный колосистый и осыстый сорта пшеницы'; *Уйҙарым тәрәнәйгән, сафланған, ваҡлыктарҙан арынған һайын, күз йәш түгәүем һирәгәйзе, йезәм асыла, нурлана барҙы* (З. Бишшева) 'По мере того, как мои мысли становились глубже и очищались от мелочности и шелухи, слезы мои лились реже, лицо прояснилось и оживлялось'.

Придаточное времени, общее для ряда однородных главных предложений, находящихся в чисто соединительно-перечислительных отношениях: *Ревматизм кишкенләшкән вакытта, ауыруы кешенең хәле насарлана, температураһы күтәрелә, йөрәге йышыраҡ тибә, кан составы үзгәрә* (СБ) 'Когда ревматизм обостряется, состояние больного ухудшается, поднимается температура, сердце начинает биться учащенно, меняется состав крови'.

**СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
С ДВУМЯ ИЛИ БОЛЕЕ СОПОДЧИНЕННЫМИ НЕОДНОРОДНЫМИ
ПРИДАТОЧНЫМИ ЧАСТЯМИ, СВЯЗАННЫМИ
С ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ГЛАВНОЙ ЧАСТЬЮ**

Эти широко распространенные конструкции, сохраняя статус гипотаксиса, совмещают в себе два разных структурно-семантических типа сложноподчиненных предложений, хотя два принципиально различных придаточных и представлены здесь при одном и том же главном предложении. Конституирующим структурным их элементом являются сказуемые обоих придаточных на паритетных началах. Соответственно каждая конструкция в отдельности представляет цельное сложноподчиненное предложение с придаточными времени и причины, цели и времени и т. п. С точки зрения своей коммуникативной значимости в рамках всего предложения соподчиненные придаточные в принципе тоже равнозначны. Но в зависимости от цели высказывания одно из них может быть актуализировано в ущерб информативности другого с помощью обычных средств актуализации (местоположение, синтаксическая интонация и т. п.), что требует, однако, специального исследования. В актуализации одного из соподчиненных придаточных предложений в письменной речи наиболее заметную роль играет их местоположение по отношению друг к другу и к главному предложению. Соподчиненные неоднородные придаточные предложения чаще всего примыкают друг к другу, не имея между собой непосредственных реальных синтаксических отношений. Но отдельные типы придаточных, например, придаточные следствия, а иногда и причины замыкают предложение, а при этом первое придаточное стоит перед главным (см. ниже).

В современном башкирском языке встречаются самые различные сочетания соподчиненных придаточных при одном и том же главном предложении:

1) придаточные дополнительные и причины: *Йәйзәр утте инде, тиг бойогорға урым юж, сөнки тыуасаҡ көндәр менән хыялланып йәшәйһең* (Р. Низамов) 'Нечего печалиться о том, что прошло лето, ибо живешь-то ведь с мечтой о будущем';

2) придаточные времени и уступительное: *Мин лазареттан сығып, Басыровтарға юнәлгәндә, жыш булһа ла, көн салт аяз ине* (Д. Юлтый) 'Когда я выписался из лазарета и направился к Басыровым, погода стояла солнечная и ясная, несмотря на зиму'; *Иртәле-кисле һыуыж ботә ерзе туңдырһа ла, көндөз, жояш һауаға күтәрелгәс, көн йылына* (Я. Хамматов) 'Хоть по утрам и вечерам все замерзает днем, когда поднимается солнце, теплеет';

3) придаточные времени и причины: *Офицер кейемендәге кеше ишекте шарасып килеп ингәс, сыра яндырылмаганлыктан, Карам уны танымайынса аптырап калды* (Н. Мусин) 'Когда вошел человек в офицерской форме, широко распахнув дверь, Карам несколько растерялся, не узнав его, так как лампа еще не была зажжена';

4) придаточные времени и условия: *Төн каплагас киң океан өстөн, пароходтар юлдан азаһна, ошта капитандар барыр юлды яқты йондозарға жарап табалар* (Х. Кәрим) 'Когда просторы океанов покрываются крошечной ночной тьмой, искусные капитаны по звездам определяют курс, если пароходы собьются с пути';

5) придаточные цели и времени: *Әсәһенек баһыузан айырылған тәуге язы артык ауыр булмаһын өсөн, яҙғы сәсеу тамамланғансы, уның тракторын Талгат үзе йөрөтөргә булды* (Ф. Рәхимғолова) 'Чтобы первая весна, оторвавшая мать от пашни, не была для нее так тяжела, Талгат решил сам водить ее трактор до конца весеннего сева';

6) придаточные условия и причины: *Әгәр эә безең ата-бабаларыбыз сәсеу менән һуңлаһалар, ер бик тиз кибеу сәбәпле, иген ботонләй шытып та сыкмаған булыр ине* (СБ) 'Если бы наши прадеды запаздывали с севом, семена попросту не проклевывались бы, потому что почва слишком быстро высыхала';

7) придаточные причины и следствия: *Фронт якынлау сәбәпле, приют эвакуацияға әзерләнә, шул сәбәпле адрестәрен күрһәтмәйзәр һәм яуап язырға ла тейешле тапмайзәр* (Д. Юлтый) 'В связи с приближением фронта приют готовится к эвакуации, поэтому не называют адреса и не находят нужным писать письма'; *Урман җалын, ағастары бик бейек булғанлыктан, юлға қояш төшмәй, шуға күрә юл һурыкмаған* (Ж. Киекбаев) 'Из-за того, что лес был густой, а деревья в нем высокие, солнце не освещало дорогу, поэтому она и не высохла';

8) придаточные уступительное и причины: *Төнөн ямғыр булыуға җарамастан, уражда яқты һәм ташлы юл булыу сәбәпле, бысрактан җурмай йөрөргә мөмкин* (С. Агиш) 'Несмотря на то, что ночью прошел дождь, можно ходить, не боясь слякоти: потому что на улице светло и дорога выложена булыжником'; *Хәл сиктән тыш ауыр булыуға җарамастан, башкорттар был ауылды җалдырыу тураһында уйламайзәр, сөнки был ауылдың тактик яктан әһмиәте бик зур ине* (Ғ. Даян) 'Хотя положение крайне тяжелое, башкиры не думают оставлять эту деревню, потому что она имеет большое тактическое значение';

9) придаточные условия и следствия: *Өйгә килеп еткәндә, бикле ишек җаршы алһа, күңелле булмай бит, шуның өсөн Хәйрулла бабай ашыкмай атлай ине* (С. Агиш) 'Бывает неуютно, когда приходишь домой, а тебя встречает запертая дверь, и потому дед Хайрулла шагал, не торопясь';

10) придаточные времени и сравнения-следствия: *Бөгөн иртән күзен аша, көн шул тиклем йылы, шул тиклем аяз, әйтерһең дә, ямғыр бөтөнләй яумаған* (Р. Габдрахманов) 'Когда сегодня утром она открыла глаза, день был такой теплый, такой ясный, будто совсем не было дождя';

11) придаточные сравнения и условия: *Совет һалдаты командир алдында һисек баһа, укыусы ла шулай булһын, укытыусы һораһа* (Й. Гәрәй) 'Когда спрашивает учитель, ученик должен быть таким, как советский солдат перед командиром'; ср. *Киң баһыуза иңләп һабан һөрһәм, бесән саһам, барһам ураҗка, йәш үләнгә ысык тамған кеүек, маңлай тирем тамды тунраҗка* (М. Басыров) 'Когда пашу привольное поле, иль кошу сено на лугу, со лба капает пот, как роса на молодую траву';

12) придаточные условия и цели: *Ойҙоң изәне тактанан икән, ул ялтырап, матур булып торһон өсөн, изән йыуған һыуға бер ике җалак уксус һалығыз* («Ленинсе») 'Если пол Вашей квартиры дощатый и вы хотите, чтобы он блестел, при мытье его добавьте в воду две-три ложки уксуса';

13) придаточные условия и уступительное: *Был зур урмандың осоқырыйы юк кеүек тойолһа ла, көн буйы барһаң, осона сығыла* (Ғ. Хәйри) 'Как бы ни казался этот огромный лес бескрайним, если идешь напролет весь день, то выходишь на опушку'; *Бал ни тиклем татлы булмаһын, артык җуп ашаһаң, ул да телде эсеттерә башлай* («Ағизел») 'Как бы ни был сладок мед, если персеешь, даже он начинает саднить язык';

14) придаточные времени и меры: *Аяктары талғансы, Ғаскын тауы артынан қояш күренгәнсе, Ғазаяк буйында йөрөргә әхтәм менән Сания* (Ә. Хәкимов) 'Пока не устанут ноги, пока не взойдет солнце над Ғаскынтау, Сания и Ахтям будут бродить в долине Ғазаяка';

15) придаточные сравнительные и следствия: *Ғарсығалар җая һайлағандай, олатайзәр таузы һайлаған, шуға ла бит улар һигез ташын далаһарға барып һалмаған* (Ғ. Дәүләтов) 'Как орлы выбирали скалы, пра-

деды выбирали горы, вот почему камни фундамента не закладывали они на равнинах';

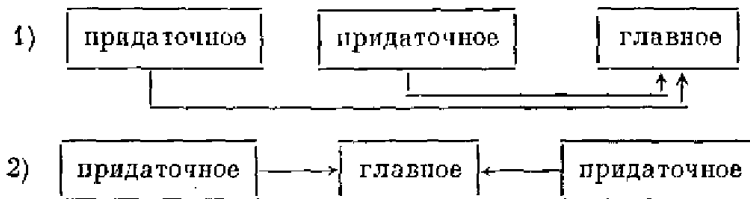
16) придаточные уступительное и дополнительное: *Мамык тураһында һүз барамы, асыламы нефть ятмаһы, тоғоламе ГЭС, ҡырҙар тибрәйме һәм балҡыймы Кремль. — без беләбез: безең Ватанда беренсе һүз кеһе хаҡында* (Х. Гиләжев) 'Идет ли речь о хлопке, о вновь открытом месторождении нефти, строится ли ГЭС, гудят ли просторы полей или сияет новогодняя елка в Кремле, — мы знаем: в нашей Отчизне первое слово о человеке';

17) придаточные времени и причины: *Быйыл аз һуңлап килеү сәбәпле, юлга, байрам үткәс, Һуҙғалырга булдылар* (Ш. Янбаев) 'В виду позднего в этом году наступления весны, в дорогу решили отправиться после праздника';

18) придаточные времени и условия: *Һин, Маһи, эһең бөткәс, йөкөң килһә, ятып йөклә* (А. Таһиров) 'Ты, Маги, по окончании своей работы, если захочешь, ложись спать';

19) придаточные дополнительное и причины: *Ул ғына етмәгән, көбәгендә гильза ярылып, берҙән-бер пулемет атыуҙан туктаны* (Ф. Иҫәнғолов) 'Мало того, в стволе разорвалась гильза, и единственный пулемет перестал стрелять'.

Перечень комбинаций двух неоднородных придаточных при одном главном, связанным с ними параллельно, можно было бы продолжить. Их структурная схема в принципе едина, хотя и представлена в приведенных иллюстрациях двумя вариантами:

Оба варианта представляют слияние двух структурно-семантических типов сложноподчиненного предложения в целях создания единого целого при сохранении их семантического профиля и синтаксической членности на придаточную и главную частей.

■ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С НЕОДНОРОДНЫМИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПОДЧИНЕННЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

Эта весьма распространенная разновидность усложненных сложноподчиненных предложений сходна с предыдущей, представляющей соподчинение придаточных, лишь по составу своих частей: и там, и здесь два (реже — три) неоднородных придаточных при одном и том же главном предложении. Но эта разновидность имеет принципиально иную структурную схему, во-первых, конструкция, хотя и составляется из двух или более придаточных и одного главного предложения, распадается на две части — главную и придаточную, предопределяющую структуру и семантический профиль всего данного сложноподчиненного предложения: во-вторых, придаточная часть и сама строится по модели определенного структурно-семантического типа обычного сложноподчиненного двучастного предложения: состоит из непосредственно примыкающих друг другу двух придаточных предложений, из которых первое подчиняется второму на общих основаниях, не имея прямого отношения к главному предложению, а второе вместе с ним входит в подчинительную связь с главным предложением. Таким образом, здесь усложняется не само сложноподчиненное предложение, а лишь его придаточная часть без ущерба для его структуры и семантического профиля по следующей схеме, принципиально отличаю-

щейся от структурных схем предыдущей разновидности усложненных сложноподчиненных предложений:

Придаточное → придаточное → главное

Осложняемое придаточное при этом обычно следует за осложняющим его придаточным, которое по сравнению с ним как с точки зрения общей структуры предложения, так и по его актуальному членению занимает второстепенное положение, тем более что его наличие или отсутствие вызвано отнюдь не структурой предложения, а его коммуникативным назначением. Однако такое местоположение может быть видоизменено в зависимости от того, по какой структурной схеме сложноподчиненных предложений производится усложнение «главного» придаточного.

Основные распространенные структурные типы рассматриваемой разновидности усложненных сложноподчиненных предложений представляют главным образом следующие комбинации неоднородных придаточных предложений:

1) придаточное сказуемое, усложненное придаточным времени: *Иһәк, картина шуңдай: бұл мәлгә башка тороусылар береһе лә юк* (А. Карнай) 'Когда мы зашли, предстала следующая картина: никого из живущих в этой комнате нет на месте';

2) придаточное времени, усложненное придаточным сравнения: *Тау битенә болот төшкән кеүек, газлы төтөн ерҙә ятканда, алға барҙыҡ йыртҡыстарҙы тетеп, һауабыҙҙы газдан һаҡларға* (Я. Кәлмөй) 'Когда стлался по земле загазованный дым, как облако, заслоняющее гору, мы шли вперед, сокруная хищников, чтобы уберечь наш воздух от газов';

3) придаточное образа действия, усложненное придаточным времени: *Сәғит киткәндә, өй һисек булһа, шул көйө бер нәмәне лә күсермәй тотам* (Р. Ниғмәти) 'Я поддерживаю, ничего не трогая, тот же порядок в доме, какой был, когда уезжал Сагит';

4) придаточное цели, усложненное придаточным сравнительным: *Кешеләрҙән төштәренә күк күкрәүе бомба шартлаган кеүек кәрмәһен өсөн, тағы ла уяуыраҡ торам һаҡта* («Ленинсе») 'Я еще зорче стою на посту, чтобы гром не снился людям подобно разрываю бомб';

5) придаточное следствия, усложненное придаточным уступительным: *Сәрмәһән буйындағы эрәмәлектә быһыл җара бөрләгән шул тиклем уңды, сентябрь етеүгә җарамасан, кешеләр күнәк тултырып йыйып җайталар* (Р. Ғабдрахманов) 'В уремах на берегу Сармасаһа в этом году так удалась ежевика, что люди приносят ее оттуда ведрами, несмотря на то, что наступил сентябрь';

6) придаточное условия, усложненное придаточным времени: *Сигнал булғансы, полк җаланан фронт һызығына сығып өлгөрһә, һез миһең үз җулыңдан полкығыҙ өсөн айрым маршрут күрһәтелгән карта алырһығыҙ* (Ф. Иҫәнғолов) 'Если до сигнала полк успеет выйти к линии фронта, вы возьмете лично из моих рук карту с помеченным для вашего полка маршрутом';

7) придаточное времени, усложненное другим придаточным времени, выражающим предшествование: *Малдар йорттарға таралышып, урамадағы саң баһыла төшкәс, өй алдарында бизрәләр шалтырай* (Ф. Әсәнов) 'Когда скот разбредется по домам и в лесу оседет пыль, во дворах раздается звон ведер'; *Һин китеп, ун биш-егерме минуттар самаһы торғас, мин һинең кабинетте йыйыштырырға тип индем* (С. Ағиш) 'Когда ты ушел и прошло минут пятнадцать—двадцать, я зашла в твой кабинет, чтобы произвести уборку'²²; или одновременность: *Ватан һуғышы башлан-*

²² Благодаря контексту иногда между двумя придаточными частями предложения возникает причинно-следственная связь: *Җарҙар ирәп, көндәр йылытҡас, Ташлыкула буйҙары нәфис сәскәләргә күмелә* (Ф. Әсәнов) 'Когда таят снега и дни стаповятся теплыми, долины Ташлыкула утопают в благоухающих цветах'; *Игендәр йыйылып алынып баһыуҙар яланғаһланғас, улар өйкөм-өйкөм утырауҙар һымаҡ әллә җайған күзгә ташлана* (Ф. Иҫәнғолов) 'Когда хлеба убраны и поле оголено, они (стога) издали бросаются в глаза, словно группы островков'.

гандан алып, хугыш бөткәпсе, безең юлдар тағы айырылып торзо (С. Кулибай) 'С пачала Отечественной войны до ее окончания наши дороги вновь на время разошлись' ²³.

Наряду с рассмотренными типами трехчленных усложненных сложно-подчиненных предложений, составляющие части которых связаны между собой последовательной подчинительной связью, можно отметить и четырехчастные, где одно придаточное предложение осложнено двумя разными придаточными, по отношению к которым оно являет собой аналог главного предложения. Ср.: 1) придаточное дополнительное, осложненное придаточными причины и уступительным без ущерба для общего строения и семантики всего данного сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным: *Көн үтә бөркөү булһа ла, күк йөзөндә җара болоттар күрепмәгәс, бына хәзәр ямгыр яуыр, тип уйлағайным* (Ә. Байрамов) 'Хотя день и был очень душным, я никак не предполагал, что дождь нагрянет так быстро, поскольку на небе не было видно темных туч'; 2) придаточное сравнительное, осложненное придаточными определительными и образа действия: *Миңлебай Нәжипович ул сакта миңең күз алдымда кеше буйы етмәслек моһабәт, һылыу җарағас булһа, мин үземде уның күлгәһендә ел-ямгыр теймәй үскән җайын итеп хис итә инем* (З. Бишшева) 'Если Миңлебай Наджинович в то время был в моих глазах недостижимо высокой для человека лиственницей, исполненной красоты и величия, то я чувствовал себя перед ним изнеженной березой, которой не коснулись ливень и буря'.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОДНА ИЛИ ОБЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КОТОРЫХ ВЫРАЖЕНЫ ОБЫЧНЫМ ДВУЧАСТНЫМ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ

Сюда относятся прежде всего конструкции, главная часть которых выражена простым предложением, а придаточная часть — целым сложноподчиненным предложением: *Был кварталдағы отчет бизерәк ауыр булды: тауар хактары төшөү айканлы, узған кварталдарға булмаған яңы мәшәкәттәр килеп тыуы* (С. Ағиш) 'В этом квартале отчет был особенно сложным: ввиду снижения цен на товары коявились новые хлопоты, которых не было в предыдущих кварталах'. Здесь придаточное сказуемое, семантико-синтаксически близко стоящее к поясняющей части соответствующих сложносочиненных предложений, само являет собой сложноподчиненное предложение причины. Еще пример несколько иного рода: *Атлы казактар килһә, зитенң нәмә менән бөтәсәген аңлап, берәүзәр төшөпкөлөккә бирелде, икенселәр қасырға булды, өсөнселәре ақтык тамсы қаны қалғансы көрәшергә әзерләнде* (Я. Хамматов) 'Понимая, что будет, если придут всадники-казаки [белые], одни были в страхе, другие решили бежать, третьи готовились биться до последней капли крови'. Здесь придаточное причины построено по структурной схеме условного периода, а главное предложение представляет однородные простые предложения.

Значительно реже встречаются конструкции, где и главная и придаточная части ее выражены сложноподчиненными предложениями: *Бына Иртуғановтың һүзәрән тыңлағас, миңең башыма шундай уй килде: әгәр*

²³ Придаточное с деепричастным сказуемым в форме на -п, предшествующее другому придаточному времени со сказуемым в форме деепричастия на -ғас/-гәс, -ғас/-хәс, в зависимости от контекста может быть и соподчиненным, хотя оно и соотносится с главным предложением через посредство последующего придаточного предложения: (ср. *Тик, кой бөтөп, халық алкышлай башлағас қына үсемә килдем* (Ф. Локманов) 'Я пришел в себя только после того, как перестала звучать мелодия и народ начал аплодировать', где сказуемое первого из соподчиненных придаточных времени представлено в форме деепричастия на -п в целях выражения последовательности совершения действий, хотя оно семантико-синтаксически равнозначно со сказуемым последующего придаточного предложения в форме на -ғас (представляет, по существу, его синтаксический синоним).

за һалдаттар үзәренең жулындагы коралды үз ихтыяждарын үтәүгә юнәлдерһәләр, ул сакта бит донья тетрәткес эш эшләп була (Д. Юлтый) 'И вот после того, как я выслушал Иртуганова, мне в голову пришла такая мысль: если солдаты используют оружие для достижения собственных целей, то тогда можно свершить потрясающие дела'. Здесь главная часть конструкции представляет сложноподчиненное предложение с придаточным времени, а придаточная определительная — условный период.

У С Л О Ж Н Е Н Н Ы Е С Л О Ж Н О С О Ч И Н Е Н Н Ы Е П Р Е Д Л О Ж Е Н И Я

Статус сложносочиненных предложений открытой структуры не меняется, когда по коммуникативным или стилистическим причинам расширяется их состав за счет однородных частей: ср. *Кис менән кайһыһы ашай, эсә, кайһылары балаларын йоклата, кайһылары бисәһе менән талаша, кайһылары йыйылып ултыралар за күргәндәрен, белгәндәрен һөйләшәләр* (А. Таһиров) 'Вечерами кто ест, шьет, кто укладывает своих детей спать, кто собравшись, усаживается и делится своими наблюдениями, знаниями', где трехчастное соединительное бессоюзное предложение построено по той же структурной схеме, что и соответствующие двучастные конструкции без усложнения их структуры и без ущерба для профиля именно соединительного сложносочиненного предложения²⁴. Раз структура предложения открытая, оно может быть на одинаковых началах представлено и в двучастном, в трехчастном вариантах, хотя и принято излагать структурную схему всякого такого рода сложного предложения применительно к двучастному варианту, поскольку в целом он в речевой практике доминирует над многочленными вариантами.

Усложненные сложносочиненные предложения занимают в речевой практике большое место и представлены рядом структурных типов.

Они возникают прежде всего в результате слияния двух разных структурно-семантических типов самих сложносочиненных предложений, в частности соединительного предложения с противительным: *Бабай бик куп йәш йәшәгән, карт ул үзе, ләкин һаман сәләмәт ул, матур йөзө* (Ф. Тукай) 'Дедушка прожил много лет, он уже стар, но все еще здоров и лицо его сияет'. Здесь первые две части конструкции, находящиеся между собой в соединительно-перечислительных отношениях, противопоставлены последующим двум ее частям, которые между собой связаны такой же синтаксической связью. Однако самый распространенный вид усложненных сложносочиненных предложений представляют соединительные конструкции открытой структуры, которые состоят:

1) из сложноподчиненного предложения, выступающего в качестве ее одной части, и одного или более простого предложения: *Сөнәгәт үз ихтыяры менән генә кайтып китә алмань, сөнки быяла заводы һаман эшләй ине әле, һәм кайтыу-кайтмау заводтың йәйгә тукталыуы менән бәйләнгәйне* (Ж. Кискбасов) 'Сунагат не смог вернуться домой по своей воле, ибо стеклянный завод все еще работал, и его возвращение домой зависело от того, остановится завод на лето или нет'; *Башкорттар йырткыс януар ултереүзе егетлек һәм дан эше итеп иҗәпләгәндәр; януар ни тиклем көслорәк һәм йырткысырак буһа, уны ултереүсегә шул тиклем дан килгән* (фольк.) 'Башкиры считали храбростью и удальством убивать хищных зверей; чем сильнее и ожесточеннее был зверь, тем большая хвала воздавалась его победителю';

2) из двух или более сложноподчиненных предложений, каждое из которых выступает в качестве одной лишь части соединительного предложения, находясь друг с другом в перечислительных отношениях:

²⁴ Ср.: Современный татарский литературный язык. Синтаксис, с. 249, где сходные конструкции отнесены к усложненным сложносочиненным предложениям.

а) из двух или нескольких однородных сложноподчиненных предложений: *Шоцкар килһә, тауыбыз бар, куныр кая һайлау өсөн; былбыл килһә, талыбыз бар, баһын жына һайрар өсөн; аккош килһә, күлебез бар, мәгрурланып йөзәр өсөн* (С. Кудаш) 'Если прилетит сокол, есть у нас гора, чтобы он избрал себе скалу; если прилетит соловей, есть у нас тальник, чтобы он уселся и пел на нем; если прилетит лебедь, есть у нас озеро, чтобы он плавал величаво'; *Көрәш барзы, тупрак янғанда ла; көрәш барзы хәлебез бөтһә лә, көрәш барзы кандар акканда ла; көрәш барзы үлем көткәндә* (Я. Колмой) 'Шла битва, когда земля горела; шла битва, когда не было сил; шла битва, когда кровь лилась; шла битва, когда угрожала смерть' — здесь повторяется структурная схема одного и того же типа сложноподчиненного предложения;

б) из двух или нескольких неоднородных сложноподчиненных предложений: *Зарланманы, эгәр килһә кытлык; уфтаманы кайғы килгәндә; башын горур тотто, иңен баһын ергә һуғылһа ла* (Х. Гиләжев) 'Не жаловалась, когда наступал голод; не работала, если случалась беда; голову свою держала гордо, хотя коромысло и пригибало ее плечи к земле'; *Кем үткәрә баштан ауыр кайғы, шул нык белә йәшәү кәзерен; тормош матурлана барған һайын, һалкыныраҡ тоя кәберзе* (Б. Бикбай) 'Кто тяжкие страдания переносит, тот цену жизни больше познает, чем краше становится жизнь, тем спокойнее воспринимает он холод могилы'; *Башкалар арығанда ла, летчик арымай; бүтәндәр бирешкәндә лә, летчик башын эймәй, бензине бөтһә, самолетын йөрәк ялкыны менән алып бара* (Ә. Бикчәнтәев) 'Когда устают другие, летчик не устает; когда не могут устоять другие, летчик не склоняет головы; если иссякает бензин, он ведет самолет пламенем своего сердца'.

Гораздо менее распространены противительно-сопоставительные усложненные сложносочиненные предложения, состоящие из двух частей, каждая из которых представляет соответствующее сложноподчиненное предложение: *Көз килдеме — япрактар һарғая, ә артистәр бер ни тиклем йәшәрә, сонки сезон башлана* (С. Агиш) 'Как только наступает осень, листва желтеет, а артисты несколько молодеют, потому что начинается сезон'²⁵.

Другую структурную разновидность усложненных противительно-сопоставительных предложений составляет использование в качестве одной из них части простого предложения, а в качестве другой — сложноподчиненного предложения типа *Дошман көслә, ләкин без көсләрәк, сөнки безең эшебез хак* (Х. Гиләжев) 'Враг силен, но мы сильнее его, поскольку наше дело правое'.

Еще реже встречаются пояснительно-следственные усложненные сложносочинительные предложения, первая часть которых выражена целым сложноподчиненным предложением: *Ғаиллә мәһим һорауҙар килеп сыжканда, ир кеше катын менән кәңәшкән, затта кайһы бер оло инәйзәр ирзәр менән тиң һөйләшә алған* (БТ) 'Когда в семье возникали те или иные серьезные проблемы, мужья советовались с жепами, даже некоторые почтенные женщины могли говорить наравне с мужчинами'.

В отдельных случаях сложноподчиненные предложения выступают в составе сложносочиненных пояснительных предложений в качестве одной из их составляющих частей: *Аслык башланғанды Сөләймән атаһына карап белә, атаһының йөзө уйсанлана, ул башка сактағы шикелле, Сөләймәнде лә, кустыларын да тубығына ултыртып иркәләмәй* (Ш. Япбаев) 'Наступление голода Сулейман узнает по лицу своего отца: оно становится задумчивым, отец не сажает, как обычно, на колени ни Сулеймана, ни его братишек, и не ласкает их'.

²⁵ Сопоставительные отношения между частями сложносочиненного предложения, выраженными в виде отдельных сложноподчиненных предложений, устанавливаются на семантико-синтаксической основе: ср. *Быға тиклем дә мин иҗен сәстем, тик бер серзе белмәй йәшәнем, хәзер иҗен күкрәп үҗен өсөн. Мальцев өйрәткәнсә сәсәмен* (Б. Вәлит) 'И до этого я сеял хлеб, но жил не зная одной тайны, теперь буду сеять так, как предлагает Мальцев, чтоб пышно разрастались хлеба'.

Действительно смешанных сложных предложений, примерно на одинаковых началах сочетающихся в себе гипотаксис с паратаксисом без доминирования одного из них над другим, в тюркских языках в целом немного²⁶. Тем не менее особое выделение и описание смешанных сложных предложений в академических грамматиках целесообразно, поскольку эти предложения как и многие двучастные обычные сложные предложения, не укладываются в рамках какой-бы то ни было структурной схемы сложноподчиненного или сложносочиненного предложений, а занимают между ними как бы промежуточное положение.

Характерной особенностью смешанных сложных предложений, отличающей их от усложненного сложноподчиненного или сложносочиненного предложений, является невозможность однозначно и убедительно отнести их ни к одному из названных типов, хотя они как и усложненный собственно гипотаксис, и паратаксис, в конечном итоге и представляют ту или иную комбинацию их определенных структурных схем.

Другим свойством смешанных сложных предложений служит их нетипичность, самобытность, не позволяющая производить сколько-либо стройную и обоснованную их рубрикацию. В основу их классификации можно положить разве только относительную их близость к паратаксису или гипотаксису по общей их семантико-синтаксической конфигурации, причем установить эту близость нужно в каждом данном случае отдельно, что не исключает субъективного решения вопроса. Так, предложение *Таң нурзари куккэ урлаггэндэ, Был ауылда тынлык югала, Машиналар геулэй, шат кешелэр, Йырзар йырлап, эшкэ жузгала* (К. Даян) 'Когда заря освещает небосвод, В деревне этой тишина исчезает, Гудят машины, Веселые люди, распевая песни, идут на работу' можно почти с одинаковыми основаниями отнести и к гипотаксису (придаточное времени *Таң нурзари куккэ урлаггэндэ* соотносится и подчиняется не только к непосредственно следующей за ним части предложения, но и последующим двум его частям на равных началах), и к паратаксису (поскольку последующие три «главных» предложения отнюдь не однородны семантико-синтаксически: последние два из них, находящиеся между собой в противительных-сопоставительных отношениях, соотносятся с первым как комментирующая часть сложносочиненного пояснительного предложения). По чисто внешнему строению этого предложения (соответственно господствующему воззрению на природу гипотаксиса) в нем можно усмотреть временное сложноподчиненное предложение с открытым рядом главной его части. Но если учесть реальное семантико-синтаксическое соотношение составляющих его частей, то предложение едва ли можно истолковать иначе, чем как смешанное сложное предложение, стоящее в целом ближе к усложненному паратаксису, чем к собственно гипотаксису.

Напротив, ближе к гипотаксису, чем к паратаксису стоит смешанное сложное предложение типа *Колсубай һыртка күтәрелгэндэ, кояш калкырга өлгөрмэгэйне эле, шунлыктан ул кабаламаны, Гакмар менән Яйык жушылган урында тукталып ял итергэ булды* (Я. Хамматов) 'Когда Колсубай поднялся на холм, солнце еще не взошло, поэтому он не торопился, остановился на том месте, где сливаются Сакмар и Яик, и решил отдохнуть', хотя первая часть его (*Колсубай һыртка күтәрелгэндэ, кояш калкырга өлгөрмэгэйне эле*) с вескими семантико-семантическими основаниями и может быть квалифицирована как вступительный компонент сложносочиненного предложения следствия-заключения, конституирующий компонент которого составляет вся его последующая часть вместе с союзом *шунлыктан* 'а поэтому', который одновременно используется и для соединения придаточного следствия.

²⁶ См., например: Современный татарский литературный язык. Синтаксис, с. 260.

ПЕРИОДЫ

Период является сложной и малоразработанной синтаксической конструкцией не только в грамматике тюркских языков, но и в общем языкознании. В лингвистической литературе встречается различное понимание и истолкование грамматической природы периода. Это своеобразная ритмико-мелодическая и синтаксическая конструкция освещена в научных трудах Аристотеля, И. Рижского, А. Востокова, И. Давыдова, Д. Овсяннико-Куликовского, И. Лыкова, П. Смирновского, Г. Алпарова, Ш. Рамазанова, П. Архангельского, А. Шапиро, Дж. Квекбаева и др.

В лингвистической литературе периоды трактуются в целом двояко: одни языковеды (Д. Овсяннико-Куликовский, И. Лыков, П. Смирновский, Г. Алпаров, Ш. Рамазанов и др.) относят период к разряду особо сложных синтаксических конструкций, другие (М. Ломоносов, А. Востоков, В. Виноградов, Д. Ушаков, Н. Дмитриев, П. Архангельский, А. Шапиро, Дж. Квекбаев и др.) считают, что период может быть выражен как в форме простого, так и сложного предложений.

Исходя из фактов башкирского устного народного творчества и художественной литературы, мы разделяем мнение второй группы лингвистов.

Характеризуя эту синтаксическую конструкцию Аристотель писал: «Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен. . . Понятна такая речь потому, что она легко запоминается, а это происходит от того, что периодическая речь имеет число, число же всегда легче запоминается. Потому-то все запоминают стихи лучше, чем прозу, так как у стихов есть число, которым они измеряются. Период должен заключать в себе и мысль законченную, а не разрубаться»¹.

Не только в античную эпоху, но и в наше время период в основном характерен для поэтической речи. Пожалуй, исключение составляет период в русском языке, где данная синтаксическая конструкция употребляется и в прозе. «С внутренней стороны, — писал П. Смирновский, — то есть со стороны содержания, со стороны логической, период должен иметь тему, и тема эта должна быть развита достаточной полнотой, округленностью и законченностью»².

Период может охватывать отрезок речи не меньше, но и не больше предложения, причем предложение-период не обязательно должен быть сложным, он может быть и простым.

Период имеет особый вид интонации. Отличительными свойствами его интонации служат повышение и понижение голоса, ускорение или замедление темпа и характер паузы. В периоде пауза, ограничивающая одну его часть от другой более продолжительна, чем в сложном предложении. Она следует обычно за теми словами, которые лишены логического, т. е. наиболее сильного ударения.

Период, как своеобразная синтаксическая конструкция, может состоять из одного простого распространенного предложения, в котором преобладают однородные главные или второстепенные члены, разделенные паузой и распадающиеся на отдельные синтагмы — ритмико-мелодические единицы. Некоторые периоды образуются путем присоединения однотипных бессоюзных предложений, которые выражают определительные, временные, пространственные, условные и уступительные отношения. Периоды представляются как сложносочиненными, так и сложноподчиненными предложениями.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение периода: периодом называется своеобразная ритмико-мелодическая и синтаксическая конструкция, состоящая из одного простого предложения с однород-

¹ Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936, с. 183.

² Смирновский Л. Теория словесности. М.; П., 1914, с. 39.

ными членами или из сложного предложения и раскрывающая одну целую тему.

В башкирском языке различается десять видов периодов.

1. Утверждающий и констатирующий период, состоящий из простого предложения, в котором преобладают однородные подлежащие. Естественно, что в составе таких периодов кроме главных членов имеются и второстепенные члены предложения:

*Фронтка хат язусы йәш кәләштар,
Совнаркомга килгән наркомдар,
Роль уйнаусы халыж артисткаһы,
Госпиталдә яткан батырҙар,
Иген тейәп барған ылаусылар,
Тәүге секретаре обкомдың,
һыузан кайтып килгән матур кыздар,
Бюро члендары райкомдың,
Партияға аңы инеүселәр,
Ерҙе тентей торған ғалимдәр,
Һәм Верховный Совет депутаты,
Балалар һәм карттар, эбейҙәр —
Бәтә Ватан алкыштар күкрәтә
Батырҙар һәм еңеу хакына (Р. Нигмәти).*

‘Молодые невесты, пишущие письма на фронт, наркомы, пришедшие в Совнарком, народная артистка, исполняющая роль, героини, находящиеся в больницах, возчики, везущие хлеб, первый секретарь обкома, красавицы, возвращающиеся с реки, члены бюро райкома, вступающие в партию, ученые, исследующие землю, и депутаты Верховного Совета, **ДЕТИ** и старики, старухи — **вся страна** рукоплещет в честь героев и победы’.

В таких периодах однородные подлежащие произносятся с особой интонацией, после них делается значительная пауза. Приведенный выше период характерен преимущественно для современной башкирской поэзии, особенно для произведений народного поэта Р. Нигмәти и др.

2. Предикативный период, состоящий из простой синтаксической конструкции, в которой преобладают однородные сказуемые:

*Яуға сыкмау — телһез кол
Булып калыу менән бер;
һынлы буй, тән үстөрөп,
Боһоп калыу менән бер;
һойһоп йөрөгән кызыңды
Яттар алыу менән бер,
Тыуып-үскән ереңдә
Илһез калыу менән бер (М. Хәй).*

‘Не пойти на битву — равносильно стать рабом немцам; это то же, что скрыться, имея рост и здоровье; это то же, что любимую отдать чужим; это то же, что остаться без Родины на родной земле’.

Также периоды *встречаются* в стихотворениях и поэмах башкирских поэтов М. Хая, Х. Карима и Ш. Биккулова.

3. Период, выражающий определительные отношения и состоящий из простого распространенного предложения, в котором преобладают однородные определения, поясняющие существительное, в значении субъекта суждения:

*Шир урманда маһайып,
Лап-лоп баһыр айыулы;
һылыу кызһай бизәнгән
Кара бауыр төлкөлә;
Кемүзарһан һайраған,
Сыр-һыу килгән кош-кортло;
Һарайһағы хан һымак,*

*Эре йәшәр бөркөтлә;
 Алдынан кош узгармас
 Күк карсыга, кыйгырлы;
 Карасай, ойрәк колошкән
 Камышлы күл, йылгалы;
 Йырсы менән ярышып,
 Моңон бөркөр курайлы;
 Тулы койрок, ялбыр ял,
 Өйөр һаҗлар айгырлы
 Бына шундай Уралым (из кубaira).*

‘Там медведь в густом лесу; там лиса чернобрюхая, как девица разукрашенная; там всякая живность, перепевая друг друга, шумит; там беркут, как хан во дворце живет; птицам не дающие пролететь синий ястреб и сокол; реки и озера, где в камышах утки веселятся; там курай звенит с певцом наперебой и жеребед с мохнатой гривой и тугим хвостом, охраняющий табун — вот такой мой Урал’.

В этом отрывке образно обрисована красота величественного Урала. Данный период характерен для башкирского народного творчества, особенно для поэтических кубаиров и эпоса, относящихся к XII—XIII вв. Такой период является довольно распространенным и ярко выраженным типом очень часто встречающимся и в современной башкирской поэзии.

4. Период, обозначающий объекты действия и состоящий из простой распространенной синтаксической конструкции, в которой преобладают однородные дополнения. В форме данного периода написаны некоторые байты, кубаиры и поэтические произведения Х. Карима и Х. Давлетшиной:

*Урал тауының йәмен,
 Изел һыуының тәмен;
 Шылтырап шишмә ағыуын,
 Кисен кояш байыуын;
 Халкыбыздың азатлығын,
 Гүзәл тормош короуын;
 Беззең йәшәү гәлдәргә тиң
 Сәскә атып тороуын, —
 Барыһын яклап егеттәр,
 Атакаға ташландың,
 Ошо ерҙә дошманды
 Сигендерә башландың (байт)*

‘За красоту Уральских гор, Вкус вод Идели, Поток звенящий ручья И закат вечерний; За свободу народа нашего, Прекрасную жизнь его и наше житье цветущее — За все это джигиты бросились в атаку, и врага на этой земле в бегство обратили’.

Здесь однотипные дополнения произносятся с особой интонацией, а после них идет значительная пауза.

5. Период образа действия, представляющий простое распространенное предложение с обстоятельственными (деепричастными) оборотами, замыкающий, организующий компонент которых выражается формой деепричастия на *-п/-әп*. Они часто употребляются в башкирском устном народном творчестве, а также в современной башкирской поэзии:

*Уралып яткан Уралда:
 Ажбуз аттай ат менеп,
 Ыласындай тиз елеп;
 Уж-һазағин юлга алып,
 Кәрәк эйберен юлга алып,
 Ил-йорт менән хушлашып;
 Булырзай менән дуслашып,
 Булмаҫтай менән үсләшеп,*

*Яуга каршы ю сабыр
Батыр-батыр ирзэр бар (из кубаира).*

‘На Урале величавом: как сокол летающие на конях крылатых; лук и стрелы взяв, и все пожитки захватив, попрощавшись с домом и с народом, подружившись со стоящими, а с нестоящими поссорившись, на битву с врагом идущие мужчины-батыры есть’.

Данный период является одной из древнейших синтаксических конструкций. Она получила довольно широкое распространение и в современном башкирском литературном языке. Об этом, в частности, убедительно говорят факты башкирской поэзии, например, поэтические произведения народных поэтов М. Гафури, М. Карима и др. В таких периодах обычно каждый обстоятельственный оборот представляет одну ритмико-мелодическую единицу-синтагму, которая отличается от любого предложения отсутствием главных членов — подлежащего и сказуемого.

6. Период, выражающий временные отношения и состоящий из однотипных придаточных предложений времени. Если приведенные выше периоды представляют простое распространенное предложение, то этот период передается в форме сложной синтаксической конструкции с несколькими придаточными:

*Вакигалар вақыттарзан киң сакта,
Һәр көнөбөз мәңгелеккә тиң сакта;
Илдә барған зур һуғыш осоронда,
Онтолғанда дошман һуғыш кырында;
Ябай ирзэр арыслан булған мәлдә,
Киң азымлы еңеү атлап килгәндә;
Батырзарзың дандары шаулағанда,
Һәм ғүмерзэр мәңгелек яулағанда;
Ю кырына һарғайып таң килгәндә,
Күк ситенә кызыл кояш ингәндә;
Күк асканда үзенең ай-алкаһын,
Һәм кояш көйзөргәндә ер аркаһын;
Тәүлектәрзең һәр төрлә мизгелендә,
Минуттарзың бәхетле, изгелендә,
Туған Башкортостан, һинең хатыңды
Юлығып алдык без эсәлек хақыңды (М. Корим).*

‘Когда враг громился на поле брани; простые мужчины львами становились, когда широкими шагами победа надвигалась; слава героев гремела, и люди вечность завоевывали; когда на поле битвы рассвет наступал, в край неба красное солнце выходило; когда небо раскрывало свой месяц-серьгу, и солнце спину земли обжигало; во всякий миг суток, в счастливые, святые из минут, родной Башкортостан, твое письмо — материнское слово, мы получили по пути’.

Такие периоды характерны для произведений поэтов Д. Юлтая, Б. Ишемгулова и Т. Йәнәби, которые в новых исторических условиях продолжают и творчески развивают лучшие традиции башкирского устного народного творчества.

7. Период цели, состоящий из однородных придаточных предложений. Он употреблен в современном башкирском литературном языке:

*Кайғы һорөмдәрен уйзан жыуып,
Тынлык кайтһын өсөн йорттарға,
Күлен һағынып кайткан аҗкош булып,
Шатлык килһен өсөн карттарға;
Йәш һылыузар, һөйгән егеттәрен
Каршы алып капжа төбөндә,
Муйынына һарылып, вәғәзәләшеп,
Хаклы булһын өсөн үбергә;
Көр тауыштар яңрап торһон өсөн*

*Мэжлестэрээ, табын янында,
Йэберлэнгэн ерзең нэр азымын
Буя, иптэш, фашист жанына!* (Х. Кэрим).

‘Чтобы соскучившимся по своему озеру лебедем покой возвратился в дома, чтобы радость пришла к старикам, отогнав их дум горестную копоть; чтобы молодые красавицы, встречая своих любимых у ворот, были вправе их целовать, обнимая, и клятвы верности давать; чтобы голоса полные счастья за застольем раздавались, каждую пядь притесненной земли обогри, товарищ, кровью фашиста!’

В данном отрывке придаточные предложения цели читаются с особой интонацией, после них делается значительная пауза, логическое ударение падает на подлежащее и сказуемое зависимого компонента. Период читается с глубоким чувством и вдохновением.

8. Период, выражающий условные отношения и являющийся сложной синтаксической конструкцией с несколькими придаточными предложениями открытой структуры.

Сказуемые этих придаточных предложений, как правило, выражаются глаголом условного наклонения, например:

*Күл ситендэ сәсәк атжан бер гол булһа;
Гөл өстөндә һайран торған былбыл булһа,
Астында Ғирфан менән Мәрийәм торһа,
Ҡосақлап берен-береһе үбен торһа;
Күл өсто шағиранә көлөп торһа,
Ҡотло булһын бәхеттәр тигән кеүек,
Аҗҗоштар қаңғылдашып йөзөп йөрөһә;
Ҡарлуғастар, елпеп-елпеп нурҙар һирпеп,
Ошалар баш өстөндә жанат елпеп,
Хозайым, оҗмаштарың, тороп торһон,
Торһалар мәңге шулай ғүмер итеп* (Ш. Бабич).

‘Был бы на краю озера распускающийся дерева цветок; и соловей, поющий на цветке, а под ним стояли бы Гирфан и Марьям, в обнимку и целуюсь; все озеро поэзией бы дышало, счастья желая, лебеди плавали бы там, ласточки, порхая над головой, летали, о боже, не нужно рая, лишь бы все это вечным было’.

Первая часть данного периода произносится в замедленном темпе, с повышением голоса, а вторая часть — главное предложение произносится ускоренно, но понижением голоса. Многократно повторяющиеся глаголы условного наклонения придают периоду особую музыкальность и мелодичность.

9. Паратаксический период, состоящий из однородных предложений, соединенных между собою способом сочинения.

Такой период употребляется для констатации фактов, явлений, событий реальной действительности и довольно часто носит пояснительно-изъяснительный характер. При чтении между компонентами сложносочиненной синтаксической конструкции делается длительная пауза. В зависимости от контекста в составе данного периода могут быть придаточные предложения (например, определительные), но не они обуславливают характер периода. Ср.: *Айыуҙар бал тултырылған батмандар тәгәртәләр, ти; бүреләр һуйылған һарыҡ түшкәләре күтәргәндәр, ти; боландар һот тултырылған бизрәләрҙе мөгөззәрәнә элгәндәр, ти; ялмандар менән йомрандар тоҡ-тоҡ иген күтәргәндәр, ти; тейендәр менән куяндар — кәрәин тулы електәр һәм сәтләүектәр, толкәләр тауыж менән жазар күтәрәп киләләр, ти* (из сказки) ‘Медведи катят бочки с медом; волки взвалили на себя бараньи тушки; олени повесили на свои рога наполненные молоком ведра; тушканчики и сусмики подняли мешками зерно; белки и зайцы — полные корзины ягод и орехов, лисы идут, прихватив кур и гусей’.

Данный вид периода до сих пор не получил своего распространения в современной художественной литературе.

1. Прямая речь в середине авторской речи: *Без барғас та бабай: — Йәгез, балалар, һыу алып килеп, сәй кайнатып ебарегез әле, һин, Ғабдрахман, бынау балыктарҙы эрсеп бешерә башла, — тип, япрак астында яткан балыктарҙы курһәтте* (М. Гафури) '«Ну-ка, дети, принесите воды, приготовьте чай, а ты, Габдрахман, очисти вот эту рыбу», — сказал дедушка и показал на лежавшую под листьями рыбу».

Как видно из примера, прямая речь заняла место дополнения и обстоятельства. Данная конструкция является характерной и широко распространенной формой в башкирском языке. Соответственно она довольно часто встречается в художественной прозе.

2. Прямая речь в постпозиции. Она преимущественно встречается в поэтических произведениях: *Тау бөркөтө һандугастың тауышына тайран жала.* «Ниндәй нәфис моңло тауыш! Был моңло ул кайҙан ала?» (К. Даян) 'Горный орел поражается голосу соловья: «Какой нежный и звонкий голос! Откуда берет он эту мелодию?»'

Постпозитивное употребление прямой речи типично для русского языка и через переводы входит в синтаксис башкирского языка.

3. Прямая речь в препозиции: *«Кыздар бөтәһе лә матур була, был ямак бисаләр кайҙан килеп сығалар икән һуң?» — тип аптыраған, ти, бер егет* (З. Бишева) 'Говорят — удивился один джигит, сказал: «Все девушки бывают такие чудесные, красивые, откуда же берутся некрасивые, злые жены?»'

В препозитивном употреблении прямой речи логическое ударение падает на нее.

4. Авторская речь в середине прямой речи: *«Без өсөбөз ошо өс юл менән өс якка китергә тейешбез, — тигән Кирэй Мәргән ағаларына, — кире әйләнеп кайтканда ла безҙең орашыу урыны ошо өс юл сатлығы булыр»* (фолькл.) '«Мы трое должны по этим трем дорогам разойтись на три стороны, — сказал Кирей Мәргән своим братьям, — а когда возвратимся назад, наша встреча должна снова произойти на развилке этих трех дорог».

Эта конструкция получила распространение в башкирском под влиянием русского языка.

Косвенная речь не имеет своего формального выражения — она передает чужую речь в обычном изложении лексико-семантическими средствами, структурно организованными по одной из схем сложного или простого предложения.

Прямая речь в совокупности со словами автора, четко отграниченными от нее интонационно (а на письме посредством знаков препинания и кавычками), нередко тоже строится по структурной схеме соответствующих сложных предложений.

Как в последнем вышеприведенном примере, так и в сходных с ним авторская речь обычно выступает в качестве главного предложения, а прямая речь по отношению к нему оказывается зависимым придаточным компонентом сложноподчиненной синтаксической конструкции. Например, если в составе авторской речи употребляется послелог *тип*, то прямая речь представляет придаточное дополнительное; если употребляется слово *тигән*, то прямая речь становится придаточным определительным предложением.

ПРИНЯТЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БК — Башкортостан кызы (Уфа).
 БП — Башкортостан пиопере (Уфа).
 ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955; Ч. 2. Морфология. М., 1956.
 ЙК — Йаш костөр (Уфа).
 МК — *Махмуд Кошгарий*. Туркий сўзлар девони (Девону луғоти тюрк). Тошкент, 1960, т. 1.
 Рсл. — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1852, т. 4.
 СБ — Совет Башкортостаны (Уфа).
 ЭСТЯ — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
 ЭБ — Эзэби Башкортостан (Уфа).

УКАЗАТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ*

-а/-э 82, 100, 135, 181, 222, 229, 240, 279, 320	-ай/-эй, -й 82, 178, 228, 233, 281	-аһы/-әһе, -йһы/-йһе, -йһо/-йһө 268, 317, 318
-а/-э бар 224	-аэ, -ыз/-ез 183	-аһы/-әһе бар (юк) 238, 269
-арай/-әгәй 185	-айым/-әйем 70	-(а)быз/-(-ә)бөз, -(ы)быз/-(-е)бөз, -(о)бор/-(-ө)бөр, -(й)быз/-(-й)бөз 83, 122, 129—132, 158, 266, 268, 279, 363
-арала/-әгәлә 80	-аж/-әк, -к 82, 177	-(ы)быз/-(-е)бөз, -(о)бор/-(-ө)бөр 122
-а/-э, -й 69, 95, 213, 237, 238, 265, 279, 308, 309, 403	-ака/-әкә 185	-(ы)бызса/-(-е)бөзсә 159
-а/-э, -й бар 219	-ала/-әлә 92	-бий/-бей 183
-а/-э, -й баһла- 214	-ал/-әл, -л 181, 228, 233	-быр 182
-а/-э, -й бир- 219	-аль 187	-гер/-гез 83
-а/-э, -й икән 292	-ам/-әм 279	-гай 182
-а/-э, -й ине 93, 275, 278, 289, 295	-ан/-ән, -н, 180, 228	-гары, -кәре 185, 200
-а/-э, -й күр- 284	-ар/-әр, -ыр/-ер, -ор/-өр, -р 82, 92, 156, 166, 180, 187, 233, 254, 266, 272, 277, 281, 316	-гаса/-гәсә 156
-а/-э, -й кал- 237, 290, 291, 292	-ар/-әр, -ыр/-ер, -ор/-өр, -р 82, 92, 156, 166, 180, 187, 233, 254, 266, 272, 277, 281, 316	-гускыл 197
-а/-э, -й тор- 93, 95, 219, 237, 238, 276, 277, 304, 402, 403	-(ш)ар/-(-ш)әр 164	-(ы)гыз/-(-е)гез, -(о)ғоз, -(о)ғөз 70, 83, 91, 122, 158, 275, 277, 278, 283, 288, 363
-а/-э, -й торған бул- 237, 277, 278, 285, 290, 291, 293	-араж/-әрәк 401	-гын/-ген 80, 180
-а/-э, -й төш- 219, 237	-арла/-әрлә 92	-гырау 185
-а/-э, -й һал- 222	-асаж/-әсәк, -йасаж/-йәсәк 82, 83, 282, 317	
	-асаж/әсәк, -йасаж/-йәсәк ине 295	
	-аҫ/-әҫ 180	
	-ат/-әт 82	
	-ау/-әу 161, 164, 181	

*Все алломорфы аффиксов помещаются вместе за аффиксом, условно поставленным на первое место.

-*да/-дэ, -за/-зэ, -та/-тэ, -ла/-лэ* 81, 83, 88, 133, 148, 149, 154
-*дагы/-дэге* 169, 174
-*дай/-дэй, -зай/-зэй, -тай/-тэй, -лай/-лэй* 69, 81, 175, 183, 189, 197, 201, 202, 317
-*дам/-дэм, -зэм* 180
-*дан/-дэн, -зан/-зэн, -тан/-тэн, -нан/-нэн* 81, 133, 144—147, 154
-*дар/-дэр, -зар/-зэр, -тар/-тэр, -лар/-лэр* 81, 90, 91, 96, 118—121, 156, 158, 180, 252—253, 266, 268, 275, 277, 279, 288, 321, 363
-*дарса/-дэрсэ* 166
-*дары/-дэре, -зары/-зэре, -тары/-тэре, -лары/-лэре* 122, 158, 363
-*даш/-дэш, -заш/-зэш, -таш/-тэш, -лаш/-лэш* 81, 178
-*ды/-де, -до/-дө, -зы/-зе, -зо/-зө, -ты/-те, -то/-тө, -лы/-ле, -ло/-лө, -ны/-не, -мы/-ме, -мо/-мө* 81, 85, 122, 127, 132, 138—139, 184, 266, 268, 272—274
-*ды/-де, -до/-дө, -зы/-зе, -зо/-зө, -ты/-те, -то/-тө, -лы/-ле, -ло/-лө, -ны/-не, -но/-нө, -мы/-ме, -мо/-мө* илэ 292
-*дыжлы/-декле* 92, 185
-*дыкы/-деке, -дожо/-дөкө, зыкы/-зеке, -зоко/-зөкө, тыкы/-теке, -токо/-төкө, -ныкы/-неке, -ноко/-нөкө* 81, 125, 130, 160
-*дымы/-деме* 237, 466
-*дың/-дең, -доң/-дөң, -зың/-зең, -зоң/-зөң, -тың/-тең, -тоң/-төң, -ның/-нең, -ноң/-нөң* 81, 85, 132, 139—140, 154, 266, 268, 273
-*дыр/-дөр, -дор/-дөр, -тыр/-тер, -тор/-төр* 81, 83, 133, 179, 182, 254, 255, 257, 318
-*закай, -тэкэй* 186
-*ель* 187
-*и* 169, 186
-*ик* 187
-*иль* 187
-*ин(а)* 101
-*ион* 187
-*ический* 187
-*ит-* 225, 226
-*й* 279
-*й кал-* 286
-*йһы/-йһе, -йһо/-йһө* 268
-*(а)йык/-йык* 70
-*йым/-йем* 70, 279
-*ка* 101
-*келтем, -көлтөм* 186
-*кен* 80
-*к/-к* 275, 277, 278, 288
-*ка/-кэ, -га/-гэ* 80, 83, 133, 141—144, 181
-*кай/-кэй* 80, 126, 181

-*кайны/-кэйне, -гайны/-гэйне* 94, 275, 278
-*каж/-кэк, -гакж/-гэк* 169, 177
-*калаж/-кэлэн, -галаж/-гэлэн* 185
-*кан/кэн, -ган/-гэн* 190, 272, 274—276, 314—315, 403
-*кан/-кэн, -ган/-гэн бар(юк)* 239
-*кан/-кэн, -ган/-гэн бул-* 276, 278, 290—291, 293, 295
-*кан/-кэн, -ган/-гэн булыр* ине 295
-*кан/-кэн, -ган/-гэн икэн* 292
-*кан/-кэн, ган/-гэн ине* 94
-*кан/-кэн, -ган/-гэн кеуек* 405, 445, 463
-*кан/-кэн, -ган/-гэн килеш* 405, 463
-*кан/-кэн, -ган/-гэн көйөнсө* 405, 463
-*кан/-кэн, -ган/-гэн өсөн* 445
-*кан/-кэн, -ган/-гэн сакта (мэлдө)* 405
-*кан/-кэн, -ган/-гэн тиклем* 405
-*кан/-кэн, -ган/-гэн төрлө* 445, 463
-*кан/-кэн, -ган/-гэн фалда* 405, 463
-*кан/-кэн, -ган/-гэн һайын* 405
-*кан/-кэн, -ган/-гэн һымак* 405, 445, 463
-*кан/-кэн, -ган/-гэн шикелле* 405, 445, 463
-*канга/-кэнгә, -ганга/-гэнгә* 404
-*канга/-кэнгә, -ганга/-гэнгә күрә* 404
-*канга/-кэнгә, -ганга/-гэнгә саклы* 404
-*канга/-кэнгә, -ганга/-гэнгә тиклем* 404
-*канда/-кэндә, -гандә/-гэндә* 403, 405
-*кандэй/-кэндэй, -гандай/-гэндәй* 403, 404
-*кандан/-кэндән, -гандан/-гэндән* алып 404
-*кандан/-кэндән, -гандан/-гэндән һүң* 405, 406
-*канлыкстан/-кэнлектән, -ганлыкстан/-гэнлектән* 403—404, 445
-*канса/-кэнсә, -ганса/-гэнсә* 70, 237, 312, 402, 463
-*кансы/-кэнсе, -гансы/-гэнсе* 70, 237, 312, 417, 418, 445
-*кас/-кэс, -гас/-гэс* 83, 92, 180, 237—238, 281, 302, 308, 310, 312, 402, 405, 414, 445
-*кас та/-кэс тэ, -гас та/-гэс тэ* 100, 306, 311, 402
-*кон* 80
-*кы/-ке, -кө/-кө, -гы/-ге, -го/-гө* 92, 157, 169, 174—175, 188, 190, 201, 407

-*кы(һе)/-ке(һе), -кө(һө)/-кө(һө), -гы(һы)/-ге(һе), -го(һо)/-гө(һө)* кил- 226, 270, 286
-*кыла/-келә, -гыла/-гелә* 213
-*кыл(т)/-кел(т), -көл(т), -гыл(т)/-гел(т), -гол(т)* 85, 179, 196
-*кыр/-көр, -жор/-көр, -кар/-кэр, -каз/-кэз, -жыз/-көз, -гыз/-гөз, -гөз/-гөз, -ыз/-өз, -өз/-өз* 179, 254
-*жыры/-кере, -гыры/-гере* 288
-*жыс/кес, жос/-көс, -гис/-гес, -гос/-гөс* 80, 88, 109, 176, 190
-*жыш* 181
-*л, -ыл/-ел, ол/-өл* 64, 180, 213, 245—248, 257, 264
-*ла/-лэ* 64, 88, 213, 225, 231—233, 235, 240, 253, 263—264
-*лы/-ле, -ло/-лө* 166, 171—173, 189, 190, 204
-*лаған/-лэгән* 166
-*лан/-лән* 92, 233—235, 263
-*лап/-ләп* 165—166, 202
-*лат/-ләт* 92
-*лата/-ләтә* 81, 197, 202
-*лау/-ләу* 197
-*лаш/-ләш* 92, 206, 235—236, 253—254
-*лашып/-ләшәп* 165
-*лык/-лек, -лож/-лөк* 81, 88, 101—105, 128, 175, 191, 266, 268, 273, 317
-*лылык/-лелек, -лолок/-лөлөк* 102, 172
-*лэк* 183
-*лэс* 181
-*м* 122, 266, 275—278, 288, 363
-*ма/-мә* 70, 80, 92, 109, 177, 236—239, 249, 266—267, 282, 308, 313
-*мага/-мәгә* ит- 271
-*маганды/-мэгәнде* 293
-*май/мэй* 238, 279, 308, 401
-*май/-май тор-* 309, 403
-*майасак/-мэйәсәк* 283
-*майынса/-мэйенсә* 238, 308, 401
-*мак/-мәк, -макка/-мәккә, -мига/-мәгә, -(ы)у, -уга, -(ы)уга, -а* 92, 117, 180, 320, 321
-*максы/-мәксә* 92, 94, 107—108, 237, 296
-*максы/-мәксә бул-* 237, 296—297
-*максы/-мәксә ине* 94, 237, 296—297
-*малы/-мәлө* 184
-*мам/-мәм* 282
-*маң/-мәң* 206, 316
-*маңка/-мәңкә* 318
-*маңлык/-мәңлек* 104, 176
-*маусы/-мәүсө* 107
-*мса/-мсә* 186
-*(ы)мтал/-мәтәл* 185
-*(ы)мһак/-мәһәк* 185
-*мы/-ме* 133, 318
-*мык/-мек* 181

-мын/-мен, -мон/-мон 129—
132, 268, 274
-мыр, -мөр 183
-мыш/-меш, -мош/-мош 83,
161, 180
-н, -ын/-ен, -он/-өн 63, 83,
88, 127, 133, 206, 213,
235, 245, 248, 262—264
-на/-нэ 81, 133, 228
-наж/-нэж 182
-нда/-ндэ 133
-(ы)нсы/-(е)нсе, -(ө)нсө 163
-ны/-не 85, 154
-ный 187
-нү 275—278, 288, 363
-нэ 154
-о/-е 254
-ов(а)/-ев(а) 101
-ович/-евич 101
-овна/-евна 101
-овой/-евой 187
-ор 187
-(ы)н/-(е)н 206, 215, 300,
302—308, 403, 414, 444,
450, 482
-нал 220, 224, 237
-н бар 218, 224, 237
-н бир- 223
-н бөт- 214, 237
-н бул- 301, 437
-н ебэр- 220, 237
-н ет- 221
-н йөр- 218
-н кил- 218, 237
-н килэ мт- 224
-н кит- 221, 224, 237
-н күрхэт- 223
-н кил- 237, 285
-н кара- 223, 237
-н куй- 224, 232, 237
-н маташ- 223
-н сыж- 221, 237
-н та/-п тэ 100, 304
-н ташла- 220, 237
-н тор- 214, 217, 237—238
-н улатыр- 216, 237
-н хал- 237
-ны 181
-н ят- 216, 237
-(ы)р/-(е)р, -ыр/-ер, -ар/
-эр, -ор/-өр 193, 228, 277,
281, 289, 295, 301, 316—
318
-(ы)р бул- 277, 278
-р ине 295
-ра/-рэ 182, 240
-раж/-рэж, -(ы)раж/-(е)рэж,
-(о)раж/-(о)рэж 90, 91,
196—198, 237, 309
-рга/-ргэ, -(ы)рга/-(е)ргэ,
-(а)рга/-(э)ргэ, (о)рга/
-(ө)ргэ, -(у)рга/-(ү)ргэ

92, 215, 266, 268, 271,
285, 304, 318—321
-(ы)рга/-(е)ргэ бул- 297
-(ы)рга/-(е)ргэ телэ- 298
-(га)ры/-(гэ)ре 174, 200
-с 183
-са/-сэ 69, 101, 153, 155,
159, 176, 197, 200—201,
208, 312
-сак/-сэж 177, 239, 266, 272
-сан/-сэн 174
-сар/-сэр 101
-ский 187
-сы/-се, -со/-сө 105—106,
108, 432
-сыж/-сэж, -сож/-сөж 83, 176
-сыл/-сел, -сол/-сол 176
-сылыж/-селек, -солож/-сөлөж
103, 118
-т, -тыр 213, 254—258,
260
-таж/-тэж 182
-тыж 181
-тын/-тен 182, 206
-(ы)у/-(е)у 178, 249, 261,
320—323, 467
-(ы)у/-(е)у айжанлы 404
-(ы)у/-(е)у кэрэж 320
-(ы)у/-(е)у күрэ 406
-(ы)у/-(е)у менэн 406
-(ы)у/-(е)у момкин 320
-(ы)у/-(е)у тейеш 320
-(ы)у/-(е)у ярай 320
-уыж 186
-ха/-хэ 83, 288—290, 292—
294, 399—400, 466
-хай/-хэ ине 290—291
-ха ла/-хэ лэ 100, 294, 400,
467
-хаж/-хэж 179
-хам/-хэм 90
-хат/-хэт 254
-хы/-хе, -хо/-хө 83, 122, 363
-хы/-хе бул- 285
-хы/-хе ине 287
-хы/-хе кил- 270
-(а)хыгыз/-(э)хегез, -(а)хо-
роз/-(э)хөгөз, -(й)хыгыз/
-(й)хегез 129—132, 266,
268
-хыз/-хез, -хоз/-хөз 88, 155,
173, 189, 204, 234
-хырызж/-хезлен, -хозлок/
-хөзлөк 102
-хылу/-хел, -хыу/-хегү 180,
197
-хын/-хен, -хон/-хөн 90—91,
229, 285, 304
-хын/-хен, -хон/-хөн ине
287
-хындар/-хендэр, -хондар/
-хөндэр 70, 285
-(а)хыц/-(э)хец, -(а)хоц/

-(э)хөц, -(й)хыц/-(й)хец
70, 129—132, 266, 268
-хыр/-хер 183
-(ым)хыра/-(ем)херэ 229
-хыу, -хоу 177
-ы/-е, -о/-ө, -хы/-хе, -хо/-хө
81—83, 122, 127, 158, 228,
233, 240, 245
-ыз/-ез, -оз/-өз, -аз 161,
182, 183
-ый 182
-ыж/-эж, -ож/-өж, -к/-к 82,
176, 228, 233, 287, 363
-ыл/-ел, -ол/-өл, -л 81, 181
-ылар/-елэр 268, 273
-ылдырызж/-елдерек, -олдо-
рож/-өлдөрөж 80, 92
-ылайым/-елйем 185, 197
-(й)ым/-(й)ем 101, 122, 158,
179, 266, 268, 273
-ымта/-емтэ, -омта/-өмтэ
64, 80, 82
-ымлаж, -мхэж 185
-ын/-ен, -он/-өн 175, 180,
301
-ында/-ендэ, -онда/-өндэ,
-хында/-хендэ 83, 128
-ынды/-енте, -ондо/-онтө
80, 92, 184—185
-ынжы/-енже 175, 185
-ың/-ең, -оң/-өң 122, 158
-ыңса/-еңсэ 159
-ын/-ен, -он/-өн 266
-ыр/-ер, -ор/-өр 178
-ыр/-ер бул- 278
-ыр/-ер ине 93
-ырзай/-ерзэй 294
-ырзар/-ерзэр 266
-ырга/-ергэ 309
-ырга/-ергэ ине 287
-ырызж/-ерлен 175
-ыры/-ере, -оро/-өрө 185
-ыс/-ес 179, 181
-ыт/-ет, -от/-өт, -т 254
-ыу/-еу, -оу/-өу 321
-ыузан/-еүзэн 406
-ыусы/-еүсе, -оусы/-өүсе,
-усы/-үсе 83, 107, 194,
315
-ыуынса/-еуенсэ 312
-ыш/-еш, -ош/-өш, -ш 70,
82, 108—109, 179, 202,
213, 249—254,
-шаж/-шэж 181
-шел, -шин 197
-штыр/-штер, -штыргыла/
-штергелэ 213, 237
-шы 181
-шыж/-шэж, -шож 182
-юр 187
-яль 187
-яр 187

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

К характеристике современного башкирского литературного языка	5
Об изучении башкирского языка	13

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	30
ВОКАЛИЗМ	31
Общая характеристика гласных	31
Гласные переднего ряда	36
Гласные заднего ряда	41
КОНСОНАНТИЗМ	44
Общая характеристика согласных	
Губные	48
Переднеязычные	52
Среднеязычные	57
Заднеязычные	58
Фарингальные	60
Изменение согласных в потоке речи	61
Ассимиляция	61
Прогрессивная ассимиляция (62), Регрессивная ассимиляция (62), Диссимиляция	63
Метатеза	63
СЛОГ И СЛогоВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА	64
УДАРЕНИЕ	68

БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ И ОРФОГРАФИЯ

Современный башкирский алфавит	72
Характер и основные принципы письма	73

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОМОРФОЛОГИИ

Фономорфологические процессы при агглютинации	79
Звуковые изменения при словосложении и аналитическом формообразовании	85
Звуковые изменения слова при редупликации	86

МОРФОЛОГИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	88
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	100
Словообразование существительных	101
Аффиксация	101
Высокопродуктивные аффиксы (101).	
Имена существительные, образованные путем сложения	110
Парные существительные (110), Детерминативные сложные существительные (112).	
Словообразование существительных путем редупликации	115
Субстантивация	116
Субстантивация прилагательных (116), Субстантивация причастий (116), Субстантивация других форм глагола (116).	
Грамматические категории имени существительного	117
Категория числа	117
Единственное число (117), Множественное число (118), Лексические и синтаксические способы выражения множественности (120).	
Категория принадлежности	122
Лексико-грамматически обусловленные значения форм принадлежности (124).	
Категория определенности/неопределенности	125
Категория сказуемости	129
Категория падежа	132
Основной падеж (133), Винительный падеж (133), Родительный падеж (139), Дательный падеж (141), Исходный падеж (144), Местный падеж (148), Значения и функции падежей (149).	
МЕСТОИМЕНИЕ	153
Личные местоимения	154
Указательные местоимения	155
Вопросительные местоимения	157
Определительные местоимения	158
Неопределенные местоимения	159
Отрицательные местоимения	160
Притяжательные местоимения	160
ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	160
Количественные числительные	161
Порядковые числительные	163
Разделительные числительные	164
Собирательные числительные	165
Приблизительные числительные	166
Дробные числительные	167
Числительные меры	167
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	168
Словообразование прилагательных	171
Аффиксация	171
Продуктивные аффиксы (171), Малопродуктивные аффиксы (179), Непродуктивные аффиксы (183), Сложные аффиксы (184), Заимствованные аффиксы (186), Деаффиксация заимствованных прилагательных (187).	

Сложные прилагательные	187
Парные прилагательные (188), Составные прилагательные (189), Прилагательные-сращения (192).	
Прилагательные-повторы	192
Адъективация	193
Адъективация глагольных форм (193), Адъективация местоимений (194), Адъективация наречий (194).	
Степени сравнения	194
Формы выражения усиления и ослабления признака	196
НАРЕЧИЕ	197
Лексический состав наречий	198
Разряды наречий	199
Корневые наречия	199
Словообразование наречий	200
Аффиксация	200
Редупликация	202
Словосложение	203
Адвербиализация	205
Сравнительная степень наречий	207
Синтаксические функции наречий	208
ГЛАГОЛ	209
Словообразование глагола	212
Словосложение	212
Внутриглагольное сложение (213), Образование сложных глаголов за счет других частей речи (225).	
Аффиксация	228
Грамматические категории глагола	236
Категория отрицания	236
Категория переходности/непереходности	239
Категория залога	242
Основной залог (244), Страдательный залог (244), Взаимный залог (249), Понудительный залог (254), Возвратный залог (262).	
Формы модальности	264
Конструкции, выражающие предположительную модальность (265), Конструкции со значением возможности (265), Конструкции со значе- нием долженствования и необходимости (267), Конструкции со значе- нием желания (269), Конструкции со значением намерения (271).	
Категория наклонения	271
Изъявительное наклонение	271
Категория времени (272).	
Повелительное наклонение	283
Желательное наклонение	286
Условное наклонение	288
Сослагательное наклонение	294
Наклонение намерения	296
Неспрягаемые формы глагола	298
Деепричастие	298
Деепричастие на -н (301), Деепричастие на -а/-э, -й (309), Деепричастие на -вас/-вас (310), Деепричастие на -ганы (312), Деепричастие на -ганса (312), Деепричастие на -ышлай (313).	
Причастие	313
Причастие прошедшего времени (314), Причастие настоящего вре- мени (315), Причастие будущего времени (316).	

Инфинитивные формы глагола	318
Имя действия	321
СЛУЖЕБНЫЕ И ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ	323
Послелogi	323
Послелogi, управляющие основным падежом	325
Послелogi, управляющие дательным падежом	326
Послелogi, управляющие исходным падежом	327
Частицы	328
Модальные слова	330
Модальные слова со значением утверждения и отрицания	330
Модальные слова со значением долженствования и необходимости	332
Модальные слова со значением возможности	334
Гипотетические модальные слова	335
Модальные слова, выражающие побуждение	335
Междометия	336
Подражательные слова	342
Структура подражательных слов	344
Корневые слова (344), Производные слова (347). Синтаксические функции подражательных слов	349
Звательные слова	350
Союзы	351
Сочинительные союзы	352
Соединительные союзы (352), Противительные союзы (353), Разделительно-перечислительные союзы (355), Разделительно-определятельные союзы (356). Подчинительные союзы	357

СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	359
СВЯЗИ СЛОВ	365
Сочинительная связь	365
Подчинительная связь	367
Управление	367
Глагольное управление (367), Управление существительных (369), Управление прилагательных (372), Управление числительных (373), Управление наречий (373), Управление модальных слов (374). Согласование	374
Примыкание	374
Именное примыкание (375), Глагольное примыкание (376), Наречное примыкание (376).	
СЛОВСОЧЕТАНИЕ	377
Именные словосочетания	379
Сложные именные словосочетания	381
Словосочетания с управляющими прилагательными	384
Наречные словосочетания	385
Словосочетания с числительными в роли главного члена	386
Глагольные словосочетания	386

Простые глагольные словосочетания с управляемыми именами	386
Глагольные словосочетания с примыкающими членами	387
Сложные глагольные словосочетания	388
Словосочетания с глагольными определениями	391
Комбинированные глагольные словосочетания	391
ПРЕДЛОЖЕНИЕ	392
Члены предложения.	393
Главные члены предложения	393
Подлежащее (393), Сказуемое (395), Связанное сказуемое (397).	
Второстепенные члены предложения	406
Определение (407), Приложение (408), Дополнение (409), обстоятельство (411).	
Обособленные второстепенные члены предложения	419
Однородные члены предложения	421
Однородные подлежащие (422), Однородные сказуемые (422), Однородные определения (424), Однородные дополнения (424), Однородные обстоятельства времени (425), Однородные обстоятельства места (425), Однородные обстоятельства причины (425), Однородные обстоятельства цели (426), Однородные обстоятельства образа действия (426), Однородные обстоятельства меры и степени (427).	
Связь между однородными членами	427
Обобщающие слова при однородных членах	427
Слова и словосочетания в независимой позиции (третьестепенные члены предложения)	428
Обращение (428), Вводное слово и вводное словосочетание (429).	
Типы предложения по цели высказывания	429
Известностное предложение	429
Вопросительное предложение	430
Побудительное предложение	431
Восклицательное предложение	432
Порядок слов в предложении	433
Типы предложения по составу главных членов	435
Односоставное предложение	435
Безличное предложение (435), Инфинитивно-модальное предложение (436), Обобщенно-личное предложение (437), Неопределенно-личное предложение (437), Назывное предложение (437).	
Двусоставное предложение	438
Парцелляция	438
Вставные предложения	439
Усложненное простое предложение	442
Сложное предложение	446
Сложносочиненное предложение	447
Бессоюзное сложносочиненное предложение (447), Сложносочиненное предложение с союзом (451).	
Сложноподчиненное предложение	453
Придаточное подлежащее (455), Придаточное сказуемое (456), Придаточное определительное (456), Придаточное дополнительное (457), Придаточное времени (458), Придаточное места (459), Придаточное причины (460), Придаточное следствия (461), Придаточное цели (462), Придаточное образа действия (463), Придаточное меры и степени (464), Придаточное сравнения (464), Придаточное условия (465), Придаточное уступительное (467).	

Усложненное сложное предложение	467
Сложноподчиненное предложение с несколькими однородными придаточными частями при одной главной (468), Сложноподчиненное предложение с двумя однородными главными частями, подчиняю- щими одну и ту же придаточную часть (471), Сложноподчиненное пред- ложение с двумя или более соподчиненными однородными прида- точными частями, связанными с одной и той же главной частью (472), Сложноподчиненное предложение с неоднородными последовательно подчиненными придаточными предложениями (474), Сложноподчи- ненное предложение, одна или обе составные части которых выра- жены обычным двучастным сложноподчиненным предложением (476).	
Усложненные сложносочиненные предложения	477
<i>Смешанные сложные предложения</i>	479
ПЕРИОДЫ	480
ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ	485
ПРИНЯТЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ	487
УКАЗАТЕЛЬ (сост. Э. Г. Уразбаева)	488

ГРАММАТИКА
СОВРЕМЕННОГО
БАШКИРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом истории, языка и литературы
Башкирского филиала
АН СССР

Редактор издательства
Р. М. Залесковская

Художник
А. Г. Кобрин

Художественный редактор
Т. И. Поленова

Технический редактор
Ф. М. Хемох

Корректоры *В. А. Березина,*
Г. Н. Лац, Л. Д. Собко

ИБ № 22034

Сдано в набор 29.08.80

Подписано к печати 20.08.81

Формат 70 × 108^{1/16}.

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 43,4. Усл. кр. отт. 43,4. Уч.-изд. л. 47,7

Тираж 1700 экз. Тип. зак. 1919

Цена 6 р. 60 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12
